ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА—ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1963

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ
26

часть
II

К. МАРКС

ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

(IV ТОМ «КАПИТАЛА»)

Часть вторая (главы VIII—XVIII)

[ГЛАВА ВОСЬМАЯ]
ГОСПОДИН РОДБЕРТУС. НОВАЯ ТЕОРИЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ (ОТСТУПЛЕНИЕ)[1]

[1) ИЗБЫТОК ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В ЗЕМЛЕДЕЛИИ. БОЛЕЕ МЕДЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ПО СРАВНЕНИЮ С ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ КАПИТАЛИЗМА]

[X—445] *Herr Rodbertus.* Dritter Brief an von Kirchmann von Rodbertus: Widerlegung der Ricardoschen Lehre von der Grundrente und Begrundung einer neuen Rententheorie. Berlin, 1851.

Предварительно надлежит сделать следующее замечание. Когда мы говорим, что необходимая заработная плата равна 10 часам, то проще всего разъяснить это так: если труд в течение 10 часов (т. е. сумма денег, равная 10 часам) дает в среднем возможность сельскохозяйственному поденному рабочему покупать все необходимые ему жизненные средства — продукты земледелия, промышленности и т. д., — то это и есть средняя заработная плата за неквалифицированный труд. Здесь, следовательно, речь идет о *стоимости* того ежедневного продукта рабочего, который должен достаться ему. Эта стоимость существует сперва в форме того *товара,* который он производит, т. е. в виде определенного *количества этого товара,* в обмен на которое он — после вычета потребляемой им самим части этого товара (если он потребляет этот товар) — может приобрести нужные ему жизненные средства. Таким образом, здесь для его необходимого «дохода» имеют значение промышленность, земледелие и т. д., а не только та *потребительная стоимость,* которую он сам производит. Но это содержится в самом понятии *товара.* Рабочий производит товар, а не просто продукт. Об этом, следовательно, нет нужды распространяться.

Г-н Родбертус в первую очередь исследует, как обстоит дело в стране, где владение землей и владение капиталом *не отделены* друг от друга, и приходит здесь к тому важному выводу, что рента (под которой он понимает всю *прибавочную стоимость*)

просто равна неоплаченному труду или тому количеству продуктов, в котором этот неоплаченный труд выражается.

Прежде всего следует заметить, что Родбертус имеет в виду только возрастание *относительной* прибавочной стоимости, т. е. возрастание прибавочной стоимости, поскольку оно обусловливается возрастающей производительностью труда, а не возрастание прибавочной стоимости, поскольку оно проистекает из удлинения самого рабочего дня. Всякая абсолютная прибавочная стоимость, разумеется, в известном смысле относительна. Труд должен быть достаточно производителен для того, чтобы рабочему не приходилось затрачивать все свое время на поддержание своей собственной жизни. Но тут-то и начинается различие. Впрочем, если первоначально труд мало производителен, то и потребности в высшей степени просты (как у раба), и сами господа живут не намного лучше, чем слуги. Относительная производительность труда, необходимая для того, чтобы мог появиться загребающий прибыль паразит, очень невелика. И если мы встречаем высокую норму прибыли там, где труд еще очень непроизводителен, где не применяются машины, разделение труда и т. д., то это объясняется только следующими обстоятельствами: либо, как это имеет место в Индии, потребности рабочего абсолютно малы и сам он придавлен настолько, что опускается еще ниже этого жалкого уровня потребностей, а с другой стороны, низкая производительность труда тождественна с малыми размерами основного капитала по отношению к той части капитала, которая затрачивается на заработную плату, или, что равносильно, с большими размерами затрачиваемой на труд части капитала по отношению к совокупному капиталу, — либо же рабочее время чрезвычайно удлинено. Последнее имеет место в таких странах (например, Австрия и др.), в которых уже существует капиталистический способ производства, но которым приходится конкурировать со странами, достигшими гораздо более высокой ступени развития. Заработная плата здесь может быть очень мала — отчасти потому, что потребности рабочего менее развиты, отчасти потому, что земледельческие продукты продаются по более дешевой цене, или, что для капиталиста означает то же самое, обладают меньшей денежной стоимостью. При низкой производительности труда незначительно и то количество продукта, которое уходит на заработную плату рабочего и производится в течение, скажем, 10 часов необходимого рабочего времени. Но если — вместо 12 часов — он работает 17, то это может компенсировать [для капиталиста] низкую производительность труда. Вообще но следует представлять себе дело так, будто вследствие того,

Первая страница второй части рукописи К. Маркса
«Теории прибавочной стоимости»
(страница 445 в X тетради рукописи 1861—1863 годов)

что в какой-либо данной стране относительная стоимость труда падает по мере роста производительности труда в этой стране, заработная плата в различных странах обратно пропорциональна производительности труда. Дело обстоит как раз наоборот. Чем производительнее страна сравнительно с другой на мировом рынке, тем выше в ней заработная плата по сравнению с другими странами. Не только номинальная, но и реальная заработная плата в Англии выше, чем на континенте. Рабочий ест больше мяса, удовлетворяет большее количество потребностей. Однако это имеет силу только по отношению к промышленному рабочему, а не по отношению к сельскохозяйственному. Но заработная плата в Англии выше не в такой степени, в какой производительность английских рабочих превышает производительность рабочих других стран.

Земельная рента вообще (т. е. современная форма земельной собственности) — самый факт ее существования, помимо различия земельной ренты, обусловленного различием в плодородии земельных участков, — была бы возможна уже потому, что средняя заработная плата сельскохозяйственных рабочих ниже средней заработной платы промышленных рабочих. Так как здесь капиталист, сперва по традиции (ведь арендатор старых времен становится капиталистом раньше, чем капиталисты становятся арендаторами), отдавал с самого начала часть своей выручки земельному собственнику, то он вознаграждает себя понижением заработной платы ниже ее уровня. С бегством рабочих из деревни заработная плата должна была повыситься, и она действительно повысилась. Но едва только такого рода давление начинает давать себя знать, как вводятся машины и т. д., и в деревне снова создается перенаселение (относительное) (ср. Англию). Прибавочная стоимость может быть повышена без удлинения рабочего времени и без увеличения производительной силы труда, а именно — путем понижения заработной платы ниже ее традиционного уровня. И это действительно происходит повсюду, где сельскохозяйственное производство ведется капиталистическим способом. Где этого нельзя достигнуть при помощи машин, там это достигается посредством превращения пахотных земель в пастбища для овец. Здесь, следовательно, была бы уже налицо *возможность* [446] земельной ренты, потому что *фактически* заработная плата сельскохозяйственных рабочих не равна средней заработной плате. Эта возможность существования земельной ренты совершенно не зависела бы от *цены* продукта, которая предполагается равной его стоимости.

Второго рода повышение земельной ренты — получение ее с большего количества продуктов, продаваемых по той же цене, — знает и Рикардо, но не принимает его в расчет, так как земельную ренту он исчисляет на квартер, а не на акр. Он не сказал бы, что земельная рента повысилась потому, что 20 квартеров по 2 шилл. составляют больше, чем 10 квартеров по 2 шилл. или 10 квартеров по 3 шилл. (*таким способом* земельная рента может повыситься и при понижении цены).

К тому же, как ни объяснять самоё земельную ренту, у нее остается *то значительное различие* по сравнению с промышленностью, что в промышленности избыточная прибавочная стоимость получается благодаря более дешевому производству продуктов, а в земледелии — благодаря более дорогому производству. Если средняя цена фунта пряжи составляет 2 шилл., а я могу производить ее по 1 шилл., то я, чтобы завоевать рынок, неизбежно буду продавать ее по $1^1/_2$ шилл. или, во всяком случае, несколько ниже 2 шилл. Это даже абсолютно необходимо. Ибо более дешевое производство предполагает производство в более широких масштабах. Таким образом, я вызываю переполнение рынка сравнительно с тем, что было до этого. Я должен продавать *больше,* чем прежде. Если 1 фунт пряжи обходится мне только в 1 шилл., то это обусловлено тем, что я произвожу, скажем, 10000 фунтов вместо прежних 8000. Дешевизна получается только в результате того, что основной капитал распределяется на 10000 фунтов. Если бы я продал только 8000 фунтов, то износ машин уже повысил бы цену каждого фунта на одну пятую, или на 20%. Поэтому, чтобы иметь возможность продать 10000 фунтов, я продаю свою пряжу по цене, меньшей двух шиллингов [скажем, по $1^1/_2$ шилл.]. При этом я все еще получаю сверхприбыль в $^1/_2$ шилл., т. е. в 50% на стоимость моего продукта, равную одному шиллингу, куда уже включена обычная прибыль. Во всяком случае я этим понижаю рыночную цену, и результатом является то, что потребитель вообще получает продукт по более дешевой цене. В земледелии же я продаю в аналогичном случае по 2 шилл., так как, если бы моей плодородной земли было достаточно, то в обработку не поступила бы менее плодородная земля. Если бы количество плодородной земли или плодородие худшей земли настолько увеличилось, что я мог бы удовлетворить спрос, то всей этой истории пришел бы конец. Рикардо не только не отрицает этого положения, но с полной определенностью подчеркивает его.

Итак, даже если мы признаем, что различием в плодородии почвы объясняется не сама земельная рента, а только различие

земельных рент, то остается в силе тот закон, что, в то время как в промышленности сверхприбыль получается, как правило, от удешевления продукта, в земледелии относительная величина ренты возникает не только в результате относительного вздорожания (поднятия цены продукта плодородной земли выше его стоимости), но и в результате того, что дешевый продукт продается по издержкам производства более дорогого продукта. Но это, как я уже показал (Прудон)[2], — только закон конкуренции, проистекающий не из «земли», а из самого «капиталистического производства».

Далее, Рикардо был бы прав и в другом еще пункте, только он, по обыкновению политико-экономов, превращает историческое явление в вечный закон. Это историческое явление состоит в относительно более быстром развитии промышленности (собственно буржуазной отрасли производства) в противоположность земледелию. Последнее стало производительнее, но не в такой степени, как промышленность. Там, где производительность промышленности увеличилась в 10 раз, производительность земледелия увеличилась, быть может, в 2 раза. Земледелие, следовательно, сделалось *относительно* менее производительным, хотя абсолютно оно стало более производительным. Это только доказывает в высшей степени причудливое развитие буржуазного производства и присущие ему противоречия. Но из-за этого не перестает быть правильным то положение, что земледелие становится относительно менее производительным, т. е. что по отношению к продукту промышленности стоимость земледельческого продукта, а вместе с тем и земельная рента, повышается. Что земледельческий труд по мере развития капиталистического производства становился относительно менее производительным, чем промышленный труд, означает только то, что производительность земледелия развивалась не с такой быстротой и не в такой степени.

Предположим, что отношение отрасли производства *A* к отрасли *B* равняется 1:1. А ведь первоначально земледелие было производительнее, так как здесь в производстве участвует созданная самой природой машина, а не просто силы природы; при помощи этой машины отдельный работник работает здесь с самого же начала. Поэтому в древности и в средние века земледельческие продукты были относительно гораздо дешевле, чем промышленные, что явствует уже из того (см. *Уэйда*)[3], в какой пропорции те и другие входят в среднюю заработную плату.

Пусть отношение 1:1 вместе с тем показывает производительность обеих отраслей производства. Если теперь отрасль *A* = 10, т. е. в десять раз увеличила свою производительность,

тогда как отрасль *B* = 3, т. е. только утроила ее, то обе отрасли производства, относившиеся раньше как 1 к 1, будут относиться как 10 к 3, или как 1 к $^{3}/_{10}$. Относительно производительность отрасли *B* уменьшилась на $^{7}/_{10}$, хотя абсолютно она возросла втрое. Для самой высокой ренты это — по отношению к промышленности — равносильно тому, как если бы самая высокая рента повысилась оттого, что самая плохая почва стала на $^{7}/_{10}$ менее плодородной.

Отсюда, правда, никоим образом не следует, как думает Рикардо, что норма прибыли понизилась потому, что заработная плата повысилась в результате относительного вздорожания земледельческих продуктов [447] — ведь средняя заработная плата определяется не относительной, а абсолютной стоимостью продуктов, входящих в нее. Но отсюда действительно следует, что норма прибыли (собственно говоря, норма прибавочной стоимости) повысилась не в такой степени, в какой повысилась производительная сила обрабатывающей промышленности, и что причиной этому является относительно меньшая производительность земледелия (а не почвы). И это не подлежит никакому сомнению. Уменьшение необходимого рабочего времени является незначительным в сравнении с прогрессом промышленности. Это проявляется в том, что такие страны, как Россия и др., в состоянии побить Англию на рынке земледельческих продуктов. Меньшая стоимость денег в более богатых странах (т. е. относительная незначительность издержек производства денег для более богатых стран) не играет здесь никакой роли. Ибо вопрос заключается как раз в том, почему в конкуренции более богатых стран с более бедными это обстоятельство не оказывает влияния на их промышленные продукты, а влияет только на их земледельческие продукты. (Впрочем, это не доказывает, что бедные страны производят дешевле, что их земледельческий труд производительнее. Даже в Соединенных Штатах, как недавно доказано было статистическими исследованиями, увеличилось, правда, общее количество пшеницы, продаваемой по данной цене, но это произошло не потому, что с каждого акра получается больше, а потому, что обрабатывается большее количество акров. Нельзя говорить, что почва более производительна в тех странах, где имеются крупные массивы земли и где большие участки ее, слегка обработанные, дают при затрате одного и того же труда абсолютно большее количество продуктов, чем гораздо меньшие участки земли в более развитых странах.)

Переход к обработке *менее производительной* почвы не является бесспорным доказательством того, что земледелие стало

менее производительным. Наоборот, это может свидетельствовать о том, что земледелие стало более производительным. Неплодородная почва обрабатывается не только потому, что цены сельскохозяйственных продуктов поднялись до того уровня, при котором возмещается вложенный в землю капитал, но также и потому, что средства производства достигли такого развития, что непроизводительная почва сделалась «производительной» и что она способна уже оплачивать не только обычную прибыль, но также и земельную ренту. Та почва, которая оказывается плодородной для данной ступени развития производительных сил, является неплодородной для более низкой ступени.

В земледелии абсолютное удлинение рабочего времени — а значит и увеличение абсолютной прибавочной стоимости — возможно только в незначительной степени. В земледелии нельзя работать при газовом освещении и т. п. Конечно, летом и весной можно рано начинать работу. Но это уравновешивается более короткими днями в зимнее время, когда вообще может выполняться лишь относительно небольшое количество работы. Следовательно, в этом отношении *абсолютная прибавочная стоимость больше в промышленности,* если только нормальный рабочий день не регулируется в порядке законодательного принуждения. Длительность периода, в течение которого сельскохозяйственный продукт пребывает в процессе производства без приложения к нему нового труда, является второй причиной того, что в земледелии создается меньшая масса *прибавочной стоимости.* Но, с другой стороны, за исключением некоторых отраслей сельского хозяйства, как скотоводство, пастбищное овцеводство и т. д., где население абсолютно вытесняется, отношение массы занятых людей к вложенному постоянному капиталу — даже в наиболее прогрессивном крупном сельском хозяйстве — все еще гораздо выше, чем в промышленности, по крайней мере, чем в господствующих отраслях промышленности. Таким образом, с этой стороны норма прибыли в сельском хозяйстве может быть выше, чем в промышленности, даже если, вследствие указанных причин, масса прибавочной стоимости здесь относительно меньше, чем она была бы в промышленности при применении *такого же* количества людей, причем это последнее обстоятельство отчасти опять-таки парализуется падением заработной платы сельскохозяйственных рабочих ниже ее среднего уровня. А если бы в земледелии были налицо какие-нибудь причины (вышесказанное намечено нами лишь в самых общих чертах) для повышения нормы прибыли (не временного, а такого, которое имеет место в среднем сравнительно с промышленностью), то уже самый факт существования

земельных собственников привел бы к тому, что эта добавочная прибыль, вместо того чтобы войти в процесс выравнивания общей нормы прибыли, консолидировалась бы и доставалась бы земельному собственнику.

[2) НОРМА ПРИБЫЛИ В ЕЕ СООТНОШЕНИИ С НОРМОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ. СТОИМОСТЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО СЫРЬЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА В ЗЕМЛЕДЕЛИИ]

В общей постановке вопрос, на который надо дать ответ при рассмотрении теории Родбертуса, сводится к следующему. Общая форма авансированного капитала такова:

Постоянный капитал	Переменный капитал
Машины. Сырой материал	Рабочая сила

Два элемента постоянного капитала в их наиболее общей форме, это — средства труда и предмет труда. Последний не обязательно должен быть товаром, продуктом труда. Он, следовательно, может и не существовать как *элемент капитала,* хотя всегда существует как *элемент процесса труда.* Земля является предметом труда[4] для земледельца, залежи угля — для углепромышленника, вода — для рыбака, и даже лес — для охотника. Но наиболее полная форма капитала имеет место тогда, когда все указанные три элемента процесса труда выступают и как три элемента капитала, т. е. когда все они — товары, потребительные стоимости, имеющие меновую стоимость и представляющие собой продукт труда. В этом случае все эти три элемента входят также и в процесс образования стоимости, хотя машины входят в него не в том размере, в каком они входят в процесс труда, а только в той мере, в какой они потребляются процессом труда.

Итак, вопрос, о котором идет речь, заключается в следующем: может ли отсутствие одного из этих элементов увеличивать *норму прибыли* (не норму прибавочной стоимости) в той отрасли производства, в которой этот элемент отсутствует? Ответ на этот вопрос дает в общем виде сама формула:

Норма прибыли равна отношению прибавочной стоимости ко всей сумме авансированного капитала.

Все исследование ведется при предположении, что *норма прибавочной стоимости,* т. е. распределение стоимости продукта между капиталистом и наемным рабочим, остается неизменной.

[448] Норма прибавочной стоимости = $^m/_v$; норма прибыли = $\frac{m}{c+v}$. Так как m' — норма прибавочной стоимости — дано,

то дано и *v*, а $^m/_v$ предполагается как постоянная величина. Следовательно, величина $\frac{m}{c+v}$ может изменяться только в том случае, если изменяется $c + v$, а так как *v* дано, то $\frac{m}{c+v}$ может возрастать или уменьшаться только при уменьшении или возрастании *c*. И притом $\frac{m}{c+v}$ будет возрастать или уменьшаться не в отношении *c* к *v*, а в отношении с к сумме $c + v$. Если бы *c* было равно 0, то $\frac{m}{c+v}$ было бы равно $^m/_v$. Другими словами, норма прибыли в данном случае была бы равна норме прибавочной стоимости,и этот случай выражает тот предел,выше которого норма прибыли подняться не может, так как никакой способ *исчисления* не может изменить величины *v* и *m*. Если $v = 100$, а $m = 50$, то $^m/_v = {}^{50}/_{100} = {}^1/_2 = 50\%$. Если бы к этому был добавлен еще постоянный капитал в 100, то норма прибыли составила бы $\frac{50}{100+100} = {}^{50}/_{200} = {}^1/_4 = 25\%$. Норма прибыли уменьшилась бы наполовину. Если бы к 100 было добавлено 150, то норма прибыли составила бы $\frac{50}{150+100} = {}^{50}/_{250} = {}^1/_5 = 20\%$. В первом случае весь капитал равен *v,* равен переменному капиталу, поэтому и норма прибыли равна норме прибавочной стоимости. Во втором случае весь капитал равняется $2 \times v$, а потому норма прибыли составляет уже только половину нормы прибавочной стоимости. В третьем случае весь капитал = $2^1/_2 \times 100 = 2^1/_2 \times v = {}^5/_2 \times v$. Здесь *v* составляет лишь $^2/_5$, всего капитала. Прибавочная стоимость составляет $^1/_2$ от *v,* $^1/_2$ от 100, а потому — лишь $^1/_2$ от $^2/_5$ всего капитала, т. е. лишь $^2/_{10}$ всего капитала. ($^{250}/_{10} = 25$, а $^2/_{10}$ от 250 = 50.) А $^2/_{10}$ представляют собой 20% [т. е. норму прибыли, в $2^1/_2$ раза меньшую, чем норма прибавочной стоимости].

Таков, следовательно, твердо установленный исходный пункт. Если *v* и $^m/_v$ остаются без изменения, то совершенно безразлично, из каких частей слагается величина *c.* При определенной величине *c* — например, 100 — совершенно безразлично, распадается ли *c* на 50 сырого материала и 50 в виде машин, либо на 10 сырого материала и 90 в виде машин, либо же на 0 сырого материала и 100 в виде машин или наоборот, — потому что именно отношение $\frac{m}{c+v}$ определяет норму прибыли; как относятся, в качестве стоимостных частей, ко всему *c* те элементы

производства, из которых c состоит, — это здесь безразлично. Например, в производстве угля можно сырой материал (за вычетом того угля, который, в свою очередь, сам служит вспомогательным материалом) принять равным 0 и предположить, что весь постоянный капитал состоит из машин (включая постройки, рабочие инструменты). С другой стороны, можно принять, что у портного машины равны 0 (а именно там, где крупные портные еще не применяют швейных машин и, с другой стороны, — как это в настоящее время отчасти практикуется в Лондоне, — экономят даже на помещении, заставляя своих рабочих работать на дому; это — такое *новшество,* при котором второе *разделение труда* выступает снова *в форме* первого[5]), — так что весь постоянный капитал сводится у такого портного к сырому материалу. Если углепромышленник затрачивает 1000 на машины и 1000 на наемный труд, а портной — 1000 на сырой материал и 1000 на наемный труд, то при равной норме прибавочной стоимости будет равна в обоих случаях и норма прибыли. Если мы предположим, что прибавочная стоимость составляет 20%, то норма прибыли будет составлять в обоих случаях 10%, а именно — $^{200}/_{2000} = ^{2}/_{20} = ^{1}/_{10}$ = 10%. Следовательно, если соотношение между составными частями *c* — сырым материалом и машинами — оказывает влияние на норму прибыли, то это возможно только в двух случаях: 1) если в результате того, что это соотношение изменилось, видоизменяется абсолютная величина *c;* 2) если благодаря этому соотношению составных частей c видоизменяется величина *v.* Здесь должны были бы произойти органические изменения в самом производстве; дело тут не сводится к простой тавтологии, что если определенная часть *c* составляет теперь меньшую долю всей суммы, то другая часть *c* должна составлять большую долю.

В действительном бюджете английского фермера *заработная плата* = 1690 ф. ст., *удобрения* = 686 ф. ст., *семена* = 150 ф. ст., *корм для коров* = 100 ф. ст. Таким образом, на «сырой материал» приходится 936 ф. ст., больше половины того, что затрачивается на заработную плату. (См. *Newman, F. W.* Lectures on Political Economy. London, 1851, стр. 166.)

«Во *Фландрии» (бельгийской) «удобрения* и сено ввозятся в эти местности из Голландии» (для льноводства и т. д.; взамен этого вывозятся лен, *льняное семя* и пр.)... «Отбросы в голландских городах сделались предметом торговли и регулярно продаются по высоким ценам в Бельгию.. • Милях в двадцати от Антверпена вверх по Шельде можно видеть резервуары для удобрений, привозимых из Голландии. Торговля удобрениями ведется капиталистической компанией на голландских судах» и т. д. *(Банфилд)*[6].

Таким образом, даже такое удобрение, как обыкновенный навоз, стало предметом торговли, а тем более костяная мука, гуано, поташ и т. п. Здесь перед нами не только формальное изменение в производстве, состоящее в том, что элемент производства *оценивается* в деньгах. Из соображений *производительности* в почву привносятся новые вещества, а ее старые вещества продаются. Это также и не просто формальное различие между капиталистическим и предшествовавшим ему способом производства. Даже торговля семенами приобрела большее значение лишь в той мере, в какой начали понимать важность смены семян. Относительно земледелия в собственном смысле было бы поэтому смешно говорить, что в него не входит «сырой материал», и притом сырой материал как товар, все равно, воспроизводит ли его само земледелие или же он покупается, получается как товар извне. Столь же смехотворным было бы утверждение, что у машиностроителя [449] та машина, которую он сам применяет, не входит в его капитал как элемент стоимости.

Немецкий крестьянин, который из года в год сам производит элементы своего производства (семена, удобрения и т. д.) и сам вместе со своей семьей съедает часть своего хлеба, расходует (для самого производства) деньги лишь на приобретение немногих сельскохозяйственных орудий и на заработную плату. Предположим, что стоимость всех его затрат равна 100 [причем 50 из них уплачиваются деньгами]. Половину продукта он потребляет in natura* ([сюда входят и] издержки производства [в натуральной форме]). Другую половину он продает и выручает, скажем, 100. Его валовой [денежный] доход в таком случае равен 100. И если [свой чистый доход в деньгах] он исчисляет на капитал в 50, то это составляет 100% [прибыли]. Если теперь треть от [полученных в качестве прибыли] 50 уходит на ренту и треть на уплату налогов (вместе — $33^{1}/_{3}$), то у него остается $16^{2}/_{3}$, что составляет $33^{1}/_{3}$% на 50. На деле же он получил только $16^{2}/_{3}$% [на затраченные 100]. Крестьянин просто неправильно произвел расчет и сам себя надул. У капиталистического фермера подобного рода ошибок в расчете не бывает.

По договору испольной аренды (например, в провинция Берри), — как говорит *Матьё де Домбаль,* «Annales agricoles» etc., выпуск 4-й, Париж, 1828, —

«земельный собственник дает землю, постройки и обычно, полностью или частью, скот и сельскохозяйственные орудия, необходимые для производства; арендатор, со своей стороны, дает свой труд и больше ничего или почти ничего; продукты же земли делятся пополам» (стр. 301). «Арендаторы-испольщики, как правило, являются людьми, погрязшими

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

в нищете» (стр. 302). «Если испольщик, авансируя 1000 фр., добивается возрастания валового продукта на 1500 фр.» (так что 500 фр. составляют валовую прибыль), «то он должен делить этот валовой продукт пополам с земельным собственником и, следовательно, получает только 750 фр., т. е. теряет 250 фр. из своего авансированного капитала» (стр. 304). «При прежней системе земледелия расходы, или издержки производства, делались почти исключительно натурой, из самих продуктов, которые шли на корм для скота, на потребление земледельца и его семьи; расходов в деньгах почти не производилось. Только это обстоятельство могло дать повод думать, что земельный собственник и арендатор имеют возможность делить между собой всю ту часть урожая, которая не была потреблена во время производства; однако такой способ действий возможен лишь в сельском хозяйстве данного типа, т. е. лишь при *жалком состоянии земледелия;* когда же хотят ввести в земледелие какое-либо улучшение, то сразу замечают, что это может быть достигнуто только путем известных предварительных затрат, которые в своей совокупности должны быть удержаны из валового продукта, чтобы можно было их употребить на производство следующего года. Поэтому всякий дележ валового продукта между земельным собственником и арендатором становится непреодолимым препятствием для какого бы то ни было улучшения» (стр. 307).

[3) СТОИМОСТЬ И СРЕДНЯЯ ЦЕНА[7] В ЗЕМЛЕДЕЛИИ. АБСОЛЮТНАЯ РЕНТА]

[а) ВЫРАВНИВАНИЕ НОРМЫ ПРИБЫЛИ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ]

Г-н Родбертус, по-видимому, вообще представляет себе происходящее путем конкуренции регулирование нормальной прибыли, или средней прибыли, или общей нормы прибыли, таким образом, будто конкуренция сводит товары к их *действительным стоимостям,* т. е. так регулирует отношения между ценами товаров, что в деньгах или в каком-либо ином мериле стоимости получают свое выражение соотносительные количества рабочего времени, овеществленные в различных товарах. Это происходит, конечно, не тем путем, что цена того или иного товара когда-нибудь, в какой-либо данный момент, равняется его стоимости или должна ей равняться. [Дело, по Родбертусу, происходит следующим образом.] Цена, например, товара А поднимается выше его стоимости и притом так, что некоторое время цена прочно держится на этом высоком уровне или даже продолжает повышаться. Вместе с этим прибыль капиталиста *А* поднимается выше средней прибыли, так как А присваивает не только свое собственное «неоплаченное» рабочее время, но также и часть неоплаченного рабочего времени, «произведенного» другими капиталистами. Этому необходимо соответствует понижение прибыли — при неизменяющейся денежной цене остальных товаров — в той или другой сфере производства. Если данный товар, в качестве всеобщего жизненного средства,

входит в потребление рабочих, то это вызовет понижение нормы прибыли во всех других отраслях; если он входит составной частью в постоянный капитал, то этим будет вызвано понижение нормы прибыли в тех отраслях производства, где данный товар составляет элемент постоянного капитала.

Наконец, возможен еще один, последний случай, состоящий в том, что этот товар не входит составным элементом в какой-нибудь постоянный капитал и не является *необходимым* жизненным средством для рабочих (ибо те товары, которые рабочий может по своему усмотрению покупать или не покупать, он потребляет в качестве потребителя вообще, а не в качестве рабочего), а представляет собой предмет потребления, предмет индивидуального потребления вообще. Если этот товар, в качестве предмета потребления, входит в потребление самих промышленных капиталистов, то повышение его цены никак не затронуло бы сумму прибавочной стоимости или норму прибавочной стоимости. Но если бы капиталист захотел сохранить свой прежний уровень потребления, то та часть прибыли (прибавочной стоимости), которую он затрачивает на индивидуальное потребление, увеличилась бы по отношению к той части, которую он затрачивает на промышленное воспроизводство. Последняя, стало быть, уменьшилась бы. Следовательно, в результате повышения цен в А, или повышения прибыли в А над ее средней нормой, через определенный промежуток времени (который также определяется воспроизводством) понизилась бы масса прибыли в *В*, *С* и т. д. Если бы предмет *А* входил исключительно в потребление непромышленных капиталистов, то, по сравнению с прежним, они стали бы теперь потреблять больше в товаре *А*, чем в товарах *В, С* и т. д. Спрос на товары *В, С* и т. д. уменьшился бы; их цена упала бы, и в этом случае повышение цены *А*, или повышение прибыли *А* над средней нормой, обусловило бы в *В, С* и т. д. падение прибыли ниже средней нормы (в отличие от предыдущих случаев, где денежные цены *В, С* и *т. д.* [450] оставались без изменения) тем путем, что повышение цены *А* вызвало понижение денежных цен *В, С* и т. д. Капиталы, занятые в *В, С* и т. д., где норма прибыли упала ниже обычного уровня, стали бы уходить из своей сферы производства и переходить в сферу производства *А*; это в особенности относится к части капитала, постоянно вновь появляющегося на рынке: этот капитал, естественно, с особенной силой устремлялся бы в более прибыльную сферу *А*. Вследствие этого цена предмета *А* спустя некоторое время упала бы ниже его стоимости и в течение большего или меньшего промежутка времени продолжала бы падать, пока снова не вступило

бы в силу противоположное движение. В сферах *В, С* и т. д. имело бы место обратное явление — отчасти вследствие того, что предложение товаров *В, С* и т. д. из-за отлива капитала уменьшилось, т. е. отчасти вследствие органических изменений, происходящих в самих этих сферах, отчасти же вследствие тех изменений, которые произошли в *А* и теперь воздействуют на *В, С* и т. д. в противоположном направлении.

Заметим мимоходом: возможно, что при только что обрисованном движении денежные цены товаров *В*, *С* и т. д. (стоимость денег предполагается при этом постоянной) никогда уже не достигнут снова своего прежнего уровня, хотя они и поднимаются выше стоимости товаров *В, С* и т. д. и, следовательно, поднимается выше общей нормы прибыли также и норма прибыли в *В, С* и т. д. Улучшения, изобретения, большая экономия в средствах производства и т. п. применяются не в те времена, когда цены поднимаются выше своего среднего уровня, а в те именно, когда цены падают ниже этого уровня и когда, стало быть, и прибыль падает ниже своей обычной нормы. Таким образом, в течение того периода, когда цены товаров *В, С* и т. д. падают, может падать их *действительная стоимость,* другими словами, может уменьшаться минимум требующегося для производства этих товаров рабочего времени. В этом случае товар может вернуться к своей прежней денежной цене только тогда, когда избыток цены товара над его стоимостью равняется разности между ценой, выражавшей его прежнюю, более высокую стоимость, и ценой, выражающей его новую стоимость. В данном случае *цена* товара изменила бы его стоимость — путем воздействия на предложение, на издержки производства.

Результат же вышеописанного движения таков: если взять среднюю величину повышений и понижений цен товаров по отношению к их стоимости, или, иначе говоря, если взять периоды, в течение которых происходит выравнивание повышений и понижений — периоды, которые постоянно повторяются, — то *средняя цена* равна *стоимости,* а значит и средняя прибыль определенной сферы производства равна общей норме прибыли; ибо, хотя в этой сфере вместе с повышением или падением цен — или же вместе с увеличением или уменьшением издержек производства при неизменяющейся цене — прибыль повышалась или падала по отношению к своей прежней норме, все же товар продавался, в среднем для данного периода, по своей *стоимости; следовательно,* полученная прибыль равна общей норме прибыли. Таково представление А. Смита, а еще более — *Рикардо,* так как последний более определенно придерживается подлинного понятия стоимости. От них воспринял это представление

также и г-н Родбертус. Но тем не менее это — неверное представление.

Что получается в результате конкуренции капиталов? *Средняя цена* товаров в течение какого-либо из периодов выравнивания такова, что эти цены в каждой сфере дают товаропроизводителям одну и ту же норму прибыли, например 10%. Что это, далее, означает? То, что цена каждого товара на одну десятую превышает те издержки производства, которых он стоил капиталисту, которые капиталист затрачивает, чтобы производить этот товар. Если это выразить в общей форме, это означает только то, что капиталы равной величины приносят равные прибыли, что цена каждого товара на одну десятую превышает цену того капитала, который в нем авансирован, потреблен, или представлен. Но совершенно ошибочно утверждать, будто капиталы в различных сферах производят соответственно их величине одинаковую прибавочную стоимость {здесь мы совершенно отвлекаемся от того обстоятельства, заставляет ли один капиталист работать дольше, чем другой; мы предполагаем здесь для всех сфер одинаковый *абсолютный* рабочий день; различие абсолютных рабочих дней отчасти уравнено в рабочих днях различной продолжительности посредством интенсивности труда и т. д., отчасти эти различия выражаются лишь в произвольных сверхприбылях, исключениях и т. п.). Это — ошибочное утверждение, даже если исходить из предположения, что абсолютный рабочий день во всех сферах одинаков, т. е. даже если норма прибавочной стоимости предполагается данной.

При *равной* величине капиталов — и при указанном только что предположении — масса прибавочной стоимости, производимая этими капиталами, различна, *во-первых,* в зависимости от соотношения их органических составных частей, т. е. переменного и постоянного капитала; *во-вторых,* в зависимости от времени их обращения, поскольку это время определяется соотношением между основным и оборотным капиталом и различными периодами воспроизводства различных видов основного капитала; *в-третьих,* в зависимости от продолжительности периода производства в собственном смысле слова, в отличие от продолжительности самого рабочего времени[8], что опять-таки обусловливает существенное различие в соотношении периодов производства и обращения. (Первое из указанных соотношений, а именно соотношение между постоянным и переменным капиталом, само может проистекать из весьма различных причин. Например, оно может быть только формальным — в том случае, когда обрабатываемый в одной сфере

производства сырой материал является более дорогим, чем обрабатываемый в другой сфере производства, — или же это соотношение может проистекать из различной производительности труда и т. д.)

Итак, если бы товары продавались по их стоимостям, или если бы *средние цены* товаров были равны их стоимостям, то норма прибыли должна была бы быть совершенно различной в различных сферах производства; в одном случае она составляла бы 50%, в другом — 40, 30, 20, 10% и т. д. Если взять, например, совокупную массу товаров сферы *А* в течение года, то ее стоимость была бы равна авансированному в ней капиталу плюс содержащийся в ней неоплаченный труд. То же самое — в сферах *В* и *С*. Но так как содержащаяся в *А, В, С* масса неоплаченного труда различна, — например, в *А* больше, чем в *В,* а в *В* больше, чем в *С,* — то товары А давали бы своим производителям, положим, 3*М* (*М* — это прибавочная стоимость), товары *В* — 2*М,* товары *С* — *М.* И так как норма прибыли определяется отношением прибавочной стоимости к авансированному капиталу, а последний, согласно предположению, одинаков в сферах *А*, *В, С* и т. д., то, [451] — если обозначить авансированный капитал через Я, — различные нормы прибыли составят в этих сферах $^{3M}/_{K}$, $^{2M}/_{K}$, $^{M}/_{K}$. Конкуренция капиталов может, стало быть, выравнить нормы прибыли только тем путем, что она в приведенном, например, случае установит для сфер *А*, *В, С* нормы прибыли, равные $^{2M}/_{K}$, $^{2M}/_{K}$, $^{2M}/_{K}$. Тогда *А* продавал бы свой товар на 1*М* дешевле его стоимости, а *С* — на 1*М* дороже. Средняя цена в сфере *А* была бы ниже, а в сфере *С* — выше стоимости товаров *А*, *С.*

Как показывает случай *В, может,* конечно, иметь место и совпадение средней цены и стоимости товара. Это происходит тогда, когда произведенная в самой сфере *В* прибавочная стоимость равна средней прибыли, когда, следовательно, в этой сфере различные части капитала стоят друг к другу в таком отношении, в каком они находятся, когда совокупная сумма капиталов, весь капитал класса капиталистов, берется как единая *величина,* на которую и исчисляется совокупная прибавочная стоимость, независимо от того, в какой сфере совокупного капитала она была произведена. В этом совокупном капитале выравниваются периоды оборота и т. д.; весь этот капитал исчисляется, например, как оборачивающийся в течение одного года и т. д. Тогда в самом деле оказалось бы, что любая доля этого *совокупного капитала* участвует в совокупной прибавоч-

ной стоимости пропорционально своей величине, получает соответственную часть прибавочной стоимости. И так как каждый единичный капитал приходилось бы рассматривать как пайщика в этом совокупном капитале, то отсюда следовало бы, что, *во-первых, норма прибыли* у этого единичного капитала такая же, как у всякого другого капитала, что равные по величине капиталы приносят равные прибыли, и, *во-вторых,* что масса прибыли — как это само собой вытекает отсюда — зависит от величины капитала, от того количества паев в этом совокупном капитале, которым владеет капиталист. Конкуренция капиталов стремится обращаться с каждым капиталом как с частью совокупного капитала и соответственно этому регулировать его участие в прибавочной стоимости, а значит, регулировать и прибыль. В большей или меньшей степени это удается сделать конкуренции путем производимых ею выравниваний. (Здесь не подлежат исследованию те причины, в силу которых в отдельных сферах конкуренция наталкивается на особые препятствия.) Это означает, попросту говоря, не что иное, как то, что капиталисты стремятся (а это стремление и есть конкуренция) распределять между собою все то количество неоплаченного труда, которое выжимается ими из рабочего класса, — или продукты этого количества труда, — не соответственно тому, сколько прибавочного труда непосредственно производит каждый *особый* капитал, а соответственно, *во-первых,* тому, какую часть совокупного капитала составляет этот особый капитал, и, *во-вторых,* соответственно тому общему количеству прибавочного труда, которое производит весь капитал, взятый в целом. Капиталисты, как собратья-враги, делят между собой добычу — присвоенный чужой труд, так что каждый из них присваивает себе в среднем такую же долю неоплаченного труда, какую присваивает и всякий другой капиталист[9].

Это выравнивание осуществляется конкуренцией путем регулирования средних цен. Но сами эти средние цены оказываются выше или ниже стоимости товара — настолько именно, что данный товар приносит не более высокую норму прибыли, чем любой другой товар. Ошибочным, следовательно, является утверждение, будто конкуренция капиталов устанавливает общую норму прибыли посредством сведения цен товаров к их стоимостям. Напротив, конкуренция устанавливает общую норму прибыли как раз тем путем, что *превращает стоимости товаров в средние цены, в которых часть прибавочной стоимости одного товара перенесена на другой товар,* и т. д. *Стоимость* товара равна количеству *содержащегося* в нем труда, оплаченного и неоплаченного. *Средняя цена* товара равна количеству

содержащегося в нем оплаченного труда (овеществленного или живого) плюс некоторая средняя доля неоплаченного труда, не зависящая от того, содержалась ли она в самом этом товаре в таком же размере или нет, иными словами — содержалось ли в стоимости данного товара неоплаченного труда больше или меньше.

[б) ФОРМУЛИРОВКА ПРОБЛЕМЫ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ]

Возможно — я оставляю это для дальнейшего исследования, не относящегося к предмету этой книги[10], — что известные сферы производства работают при таких обстоятельствах, которые препятствуют тому, чтобы их стоимости были сведены к средним ценам в *вышеуказанном* смысле, т. е. при обстоятельствах, не позволяющих конкуренции одержать эту победу. Если бы так дело обстояло, например, с земледельческой рентой или с рентой с рудников (существуют такие ренты, которые следует объяснять исключительно только монополией, как, например, рента за пользование водой в Ломбардии, в некоторых частях Азии; также и рента с домов в той мере, в какой она есть рента земельной собственности), то в результате получалось бы, что, в то время как цена продукта всех промышленных капиталов повышена или понижена до уровня средней цены, цена продукта земледелия оставалась бы равной его стоимости, которая превышала бы среднюю цену. Существуют ли здесь такие препятствия, в силу которых из *произведенной* в этой сфере производства *прибавочной стоимости* присваивалось бы, в качестве собственности самой этой сферы, больше, чем должно было бы иметь место по законам конкуренции, больше того, что должно было бы соответствовать доле капитала, вложенного в эту отрасль производства?

Представим себе такие промышленные капиталы, которые не временно, а по самой природе *своих* сфер производства производят на 10 или 20 или 30% больше прибавочной стоимости, [452] чем промышленные капиталы такой же величины в других сферах производства. Если бы такие капиталы, говорю я, были в состоянии, наперекор конкуренции, удержать за собой эту избыточную прибавочную стоимость и сделать невозможным, чтобы она вошла в общий расчет (в распределение), определяющий общую норму прибыли, то в таком случае в сферах производства, где действуют эти капиталы, мы имели бы двух различных получателей дохода: одного, который получал бы общую норму прибыли, и другого, который получал бы избыток, присущий исключительно данной сфере. Этому при-

вилегированному загребателю дохода каждый капиталист, — чтобы иметь возможность вложить свой капитал в данную сферу, — должен был бы уплачивать, отдавать этот избыток, а для себя самого он, как и всякий другой капиталист, с которым он имеет совершенно одинаковые шансы, удерживал бы общую норму прибыли. Если бы таково было положение вещей в земледелии, то распадение здесь *прибавочной стоимости* на *прибыль* и *ренту* отнюдь не являлось бы доказательством того, что труд здесь сам по себе «производительнее» (в смысле производства прибавочной стоимости), чем в обрабатывающей промышленности; не было бы, следовательно, никакого основания приписывать земле какую-либо чудодейственную силу, что, впрочем, уже само по себе смешно, так как *стоимость равна труду и прибавочная стоимость, следовательно, никак не может быть равна земле.* (Правда, относительная прибавочная стоимость может зависеть от естественного плодородия почвы, однако это никоим образом не могло бы иметь своим следствием *более высокую цену* продуктов земли. Скорее наоборот.) Не было бы необходимости прибегать и к теории Рикардо, которая, будучи сама по себе неприятным образом связана с мальтусовской дрянью, приводит к гнусным выводам и, в частности, если и не противоречит теоретически моему учению об относительной прибавочной стоимости, то практически все же отнимает у него немалую долю его значения.

У Рикардо вся соль вопроса состоит в следующем:

Земельная рента (например, в земледелии), там, где — как предполагает Рикардо — обработка земли ведется капиталистически, где налицо имеется *арендатор,* не может быть чем-либо иным, как только избытком над общей прибылью. Совершенно безразлично, является ли то, что получает земельный собственник, действительно этой рентой в буржуазно-экономическом смысле. Это может быть и простым вычетом из заработной платы (сравни Ирландию) или же это отчасти представляет собой вычет из прибыли арендатора, падающей в этом случае ниже среднего уровня прибыли. Все эти возможные случаи здесь абсолютно безразличны. Особую характерную форму прибавочной стоимости в буржуазной системе *рента* образует лишь постольку, поскольку она есть избыток над прибылью (общею).

Но как это возможно? Пшеница как товар продается, Подобно всякому другому товару, по своей *стоимости,* т. е. этот товар обменивается на другие товары в соответствии с содержащимся в нем рабочим временем. {Это — первая неверная предпосылка, искусственно усугубляющая трудность проблемы.

Товары обмениваются по своим стоимостям только в виде исключения. Их *средние цены,* определяются иначе. Vide supra[*].} Арендатор, возделывающий пшеницу, получает такую же прибыль, как и все другие капиталисты. Это доказывает, что он, как и все другие, присваивает себе неоплаченное рабочее время своих рабочих. Откуда же в таком случае возникает еще и рента? Она не выражает ничего другого, кроме рабочего времени. Почему же в земледелии прибавочный труд должен распадаться на прибыль и ренту, тогда как в промышленности он равен лишь прибыли? И как это вообще возможно, если прибыль в земледелии равна прибыли во всякой другой сфере производства? {Неверные представления Рикардо о прибыли и непосредственное смешение ее с прибавочной стоимостью оказываются и здесь вредными. Они затрудняют ему рассмотрение вопроса.}

Рикардо разрешает *затруднение* тем, что предполагает его *в принципе* не существующим. {И это, действительно, *единственный способ* принципиально разрешить затруднение. Но сделать это можно двояким образом. Либо доказывают, что противоречащие данному принципу явления суть лишь нечто *кажущееся,* лишь видимость, проистекающая из развития самой вещи. Либо же, как это делает Рикардо, затруднение *отбрасывается в одном пункте,* принимаемом затем за исходный пункт, из которого можно объяснить существование вызывающего затруднение явления в другом пункте.}

Рикардо предполагает такой случай, когда капитал арендатора, подобно капиталу всякого другого капиталиста, приносит только прибыль {идет ли речь о не платящей ренты доле капитала отдельной фермы или же о той части земли фермера, которая не платит ренты; следовательно, здесь речь идет вообще о таком вложенном в земледелие капитале, который не платит ренты}. Это предположение является даже исходным пунктом для Рикардо, и оно может быть выражено также и следующим образом:

Первоначально капитал арендатора приносит только прибыль {однако эта *лжеисторическая* форма является здесь чем-то несущественным, и она представляет собой нечто общее для всех буржуазных экономистов при конструировании и других таких же «законов»}, земельной же ренты этот капитал не платит. Капитал арендатора не отличается от всякого другого капитала, занятого в производстве. Рента появляется только потому, что возрастает спрос на хлеб, в результате чего, в отличие от других отраслей производства, приходится прибегать

[*] — Смотри выше. *Ред.*

к «менее» плодородной почве. От вздорожания жизненных средств арендатор (предположенный первоначальный арендатор) страдает так же, как и всякий другой капиталистический предприниматель, поскольку также и арендатор вынужден больше платить своим рабочим. Но он выигрывает благодаря тому, что цена его товара поднялась выше стоимости этого последнего. Он выигрывает от этого, во-первых, постольку, поскольку другие товары, входящие в постоянный капитал арендатора, падают в относительной стоимости по сравнению с его товаром, и арендатор, стало быть, покупает их по более дешевой цене; во-вторых, постольку, поскольку он обладает своей прибавочной стоимостью в более дорогом товаре. Таким образом, прибыль этого арендатора поднимается выше средней нормы прибыли, которая, однако, упала. Тогда другой капиталист переходит к худшему участку II, который, при этой меньшей норме прибыли, может доставлять продукт по цене продукта участка I или даже, может быть, несколько дешевле. Как бы то ни было, теперь у нас на участке II снова установилось [453] нормальное отношение, при котором прибавочная стоимость сводится только к прибыли, но зато мы объяснили ренту для участка I, и именно тем, что существует двоякая цена производства [Produktionspreis], причем цена производства для II есть вместе с тем рыночная цена для I. Дело обстоит совершенно так же, как и с тем фабричным товаром, который производится при более благоприятных условиях и дает временную сверхприбыль. Хотя цена пшеницы, заключающая в себе, кроме прибыли, еще и ренту, тоже состоит только из овеществленного труда, хотя она и равна стоимости этой пшеницы, но равна она не той стоимости, которая содержится в ней самой, а стоимости той пшеницы, которая выращена на участке II. Ибо существование двух рыночных цен невозможно. {В то время как Рикардо вводит арендатора II в связи с падением нормы прибыли, Стирлинг заставляет его выступить на сцену вследствие того, что заработная плата *упала,* а не повысилась из-за хлебных цен. Эта понизившаяся заработная плата позволяет арендатору II возделывать почву № 2 с прежней нормой прибыли, хотя эта почва и менее плодородна[11].} Раз существование земельной ренты таким путем объяснено, остальное выводится уже без труда. *Различие земельных рент,* соответствующее различию в плодородии и т. д., остается, естественно, в силе. Но различие плодородия само по себе не служит доказательством того, что необходимо переходить ко все худшей почве.

Такова, следовательно, теория Рикардо. Так как повысившаяся цена пшеницы, дающая арендатору I добавочную

прибыль, доставляет арендатору II даже не прежнюю норму прибыли, а менее высокую, то ясно, что продукт № II содержит больше стоимости, чем продукт № I, или что он — продукт большего рабочего времени, что в нем содержится большее количество труда; стало быть, для производства того же продукта, например одного квартера пшеницы, требуется большая затрата рабочего времени. Возрастание ренты будет соответствовать этому возрастанию неплодородия земли, или увеличению тех количеств труда, которые необходимо затратить для того, чтобы произвести, например, один квартер пшеницы. Рикардо, разумеется, не стал бы говорить о «возрастании» ренты, если бы увеличилось только число квартеров, с которых уплачивается рента, — для Рикардо рента возрастает в том случае, если возрастает цена того же самого, *одного* квартера, поднимаясь, например, с 30 до 60 шиллингов. Рикардо, правда, забывает подчас о том, что *абсолютная величина ренты, может возрастать при понижении нормы ренты, подобно тому как абсолютная масса прибыли может возрастать при понижении нормы прибыли.*

Другие (например, *Кэри*) пытаются обойти затруднение, отрицая его существование прямо противоположным образом. Земельная рента — это, мол, просто процент на тот капитал, который раньше был вложен в землю[12]. Стало быть, земельная рента тоже представляет собой лишь одну из форм прибыли. Здесь, следовательно, отрицается *существование земельной ренты,* и тем самым от нее, действительно, *ничего не остается в результате такого ее объяснения.*

Другие, например *Бьюкенен,* рассматривают ренту просто как следствие монополии. Смотри также *Гопкинса*[13]. Здесь рента целиком сводится к *надбавке* над *стоимостью.*

У г-на *Опдайка* земельная собственность, или земельная рента, становится *«легализованным отражением стоимости капитала»*[14]. Это характерно для янки[*].

У Рикардо исследование вопроса затрудняется двумя ошибочными предположениями. {Рикардо, правда, не является тем, кто открыл теорию ренты. Уэст и Мальтус опубликовали свои работы по теории ренты до него. Но источник — это *Андерсон.* Что, однако, отличает Рикардо (хотя и у Уэста не совсем отсутствует понимание действительной связи), так это — взаимосвязь между его теорией земельной ренты и его теорией стоимости. Мальтус, как показывает его позднейшая полемика

[*] [486] {Подобно тому как Опдайк называет земельную собственность *«легализованным отражением стоимости капитала»,* так *капитал* является *«легализованным отражением чужого труда».*} [486]

с Рикардо по вопросу о земельной ренте, даже не понял заимствованной им у Андерсона теории.} Если исходить из правильного принципа, что стоимость товаров определяется необходимым для их производства рабочим временем (и что стоимость вообще есть не что иное, как овеществленное общественное рабочее время), то напрашивается тот вывод, что *средняя цена* товаров определяется необходимым для их производства рабочим временем. Этот вывод был бы верен, если бы было доказано, что *средняя цена* равна *стоимости.* Но я доказываю как раз обратное: именно *потому,* что стоимость товаров определяется *рабочим временем,* средняя цена товаров (исключая тот *единственный* случай, когда, так сказать, индивидуальная *норма прибыли* в какой-нибудь отдельной сфере производства, т. е. прибыль, определяемая прибавочной стоимостью, произведенной в самой этой сфере производства, равна средней норме прибыли совокупного капитала) *никогда не может* быть равна их стоимости, хотя это определение средней цены является лишь производным от стоимости, определяемой рабочим временем.

Из этого вытекает, прежде всего, тот вывод, что выше или ниже своей собственной стоимости могут продаваться также и такие товары, средняя цена которых (если отвлечься от стоимости постоянного капитала) распадается лишь на заработную плату и прибыль, причем и заработная плата и прибыль стоят на своем нормальном уровне, являются средней заработной платой и средней прибылью. И, следовательно, подобно тому как то обстоятельство, что прибавочная стоимость какого-либо товара выражается лишь в рубрике нормальной прибыли, отнюдь не доказывает, что этот товар продан по своей стоимости, — подобно этому то обстоятельство, что товар приносит, кроме прибыли, еще и [454] земельную ренту, вовсе не доказывает, что этот товар продан *выше* своей имманентной стоимости. Раз установлено, что *средняя норма прибыли,* или *общая норма прибыли на капитал,* реализуемая данным товаром, может стоять *ниже* его собственной нормы прибыли, определяемой действительно содержащейся в этом товаре прибавочной стоимостью, то отсюда вытекает следующее: если товары какой-нибудь *особой сферы производства* дают, кроме этой средней нормы прибыли, еще дополнительное количество прибавочной стоимости, которое носит особое название, скажем, *земельной ренты,* — то это не делает необходимым, чтобы прибыль плюс земельная рента, сумма прибыли и земельной ренты была больше *прибавочной стоимости,* содержащейся в самом этом товаре. Так как [достающаяся капиталисту] прибыль может быть меньше прибавочной стоимости, имманентной данному товару,

т. е. меньше того количества неоплаченного труда, которое содержится в данном товаре, то прибыль плюс земельная рента вовсе не обязательно должны быть больше имманентной прибавочной стоимости товара.

Правда, оставалось бы еще объяснить, почему такого рода явление имеет место в некоторой *особой* сфере производства в отличие от других сфер производства. Но разрешение проблемы было бы уже весьма облегчено. Товар, приносящий ренту, отличался бы этим от всех остальных товаров. У одной части этих остальных товаров их средняя цена стоит *выше* их имманентной стоимости, но лишь настолько, насколько это необходимо для того, чтобы их норма прибыли *поднялась* до общей нормы прибыли; у другой части остальных товаров их средняя цена стоит *ниже* их имманентной стоимости, но лишь настолько, насколько это необходимо, чтобы *понизить* их норму прибыли до общей нормы прибыли; наконец, у третьей части этих остальных товаров их средняя цена равна их имманентной стоимости, но только *потому,* что эти товары дают общую норму прибыли, когда они продаются по своей *имманентной* стоимости. Товар, приносящий земельную ренту, отличается от всех этих трех случаев. При всех обстоятельствах цена, по которой он продается, такова, что он приносит *прибыль большую, чем средняя,* определяемая общей нормой прибыли на капитал.

И вот возникает вопрос: какой из этих трех случаев — или же сколько из них — может тут иметь место? *Реализуется* ли в цене приносящего ренту товара *вся содержащаяся в нем прибавочная стоимость?* Раз дело обстоит так, то этим исключается случай 3, где речь идет о таких товарах, вся прибавочная стоимость которых потому реализуется в их средней цене, что только при этом условии они дают обычную прибыль. Следовательно, этот случай сюда не относится. Не относится сюда, при *этом* предположении, и случай 1, где прибавочная стоимость, реализованная в цене товара, *выше* его имманентной прибавочной стоимости. Ибо у нас как раз предположено, что в цене товара, приносящего ренту, «реализуется содержащаяся в нем прибавочная стоимость». Таким образом, случай этот аналогичен случаю 2, где фигурируют товары, у которых их имманентная прибавочная стоимость превышает прибавочную стоимость, реализованную в их средней цене. Как и у этих последних товаров, та имманентная товарам особой сферы производства прибавочная стоимость, которая выступает в форме прибыли и понижается до уровня общей нормы прибыли, образует здесь прибыль на затраченный капитал. Однако, в отличие от *товара № 2,* в цене рассматриваемых нами исклю-

чительных товаров реализован также и *избыток имманентной им прибавочной стоимости над* этой прибылью, но достается этот избыток не владельцу капитала, а другому собственнику, а именно — собственнику земли, природного фактора, рудника и т. д.

Или, быть может, цена этих товаров взвинчивается настолько, что она дает больше, чем *среднюю норму прибыли?* Это происходит, например, при монопольных (в собственном смысле слова) ценах. *Такое допущение* — относительно любой сферы производства, где капитал и труд могут применяться свободно, а производство, поскольку дело касается массы применяемого капитала, подчинено общим законам, — не только представляло бы собой petitio principii*, но и *прямо противоречило бы* основам науки и капиталистического производства, теоретическим выражением которого и является эта наука. Ибо такое допущение уже предполагало бы как раз то, что требуется объяснить, а именно, что в некоторой особой сфере производства цена товара *неизбежно должна* давать больше, чем общую норму прибыли, больше, чем среднюю прибыль, и что для этого товар *неизбежно должен продаваться выше* его стоимости. Предполагалось бы, следовательно, что земледельческие продукты *не подчиняются* действию общих законов товарной стоимости и капиталистического производства. И все это предполагалось бы потому, что особое существование ренты рядом с прибылью prima facie** создает такую видимость. Стало быть, указанное допущение нелепо.

Поэтому не остается ничего другого как предположить, что в этой особой сфере производства существуют особые условия, такие влияния, в силу которых цены товаров реализуют [всю] имманентную им прибавочную стоимость, — в отличие от фигурирующих в случае 2-м товаров, которые в своей цене реализуют лишь столько из содержащейся в них прибавочной стоимости, сколько им оставляет общая норма прибыли. В рассматриваемой же особой сфере производства средние цены товаров не падают ниже их прибавочной стоимости — настолько именно ниже, чтобы они давали лишь общую норму прибыли, или чтобы их средняя прибыль была не больше, чем во всех других сферах приложения капитала.

Этим проблема уже весьма упростилась. Дело идет уже не о том, чтобы объяснить, как это происходит, что цена

* — логическая ошибка, состоящая в доказывании какого-нибудь тезиса при помощи такого аргумента, который сам имеет силу только при допущении истинности доказываемого тезиса. *Ред.*

** — на первый взгляд. *Ред.*

определенного товара дает, кроме прибыли, еще и ренту, — стало быть, *по видимости* нарушает общий закон стоимости и путем поднятия цены данного товара выше его *имманентной прибавочной стоимости* приносит на капитал данной величины *больше, чем приходится соответственно общей норме прибыли.* Напротив, дело идет об объяснении того, как это происходит, что в процессе выравнивания цен товаров и приведения их к средним ценам этот товар не должен отдавать другим товарам из своей *имманентной прибавочной стоимости* столько, чтобы у него оставалась лишь *средняя прибыль;* каким образом получается, что этот товар реализует также еще и ту часть своей собственной прибавочной стоимости, которая образует избыток *над* средней прибылью. Речь идет, следовательно, о том, как это возможно, что арендатор, вкладывающий капитал в эту сферу производства, продает свой товар по таким ценам, что товар этот приносит ему обычную прибыль и вместе с тем дает ему возможность уплачивать третьему лицу, земельному собственнику, реализованный избыток прибавочной стоимости товаров *над* этой прибылью.

[455] Сформулированная таким образом проблема сама собой приводит к своему собственному разрешению.

[в) ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА ЗЕМЛЮ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ АБСОЛЮТНОЙ РЕНТЫ. РАСПАДЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В ЗЕМЛЕДЕЛИИ НА ПРИБЫЛЬ И РЕНТУ]

Дело обстоит совсем просто: *частная собственность* определенных лиц на землю, рудники, воды и т. д. дает этим лицам возможность подхватывать, захватывать, перехватывать содержащийся в товарах этой особой сферы производства, этой особой сферы приложения капитала, *избыток прибавочной стоимости над прибылью* (средней прибылью, прибылью, определяемою общей нормой прибыли) и препятствовать тому, чтобы этот избыток вошел в тот общий процесс, посредством которого образуется общая норма прибыли. Часть этой прибавочной стоимости захватывается даже во всяком промышленном предприятии, так как за используемый земельный участок (отведенный под фабричное здание и т. д., под работный дом и т. д.) везде уплачивается рента, — ведь даже там, где располагать землей можно совершенно свободно, фабрики строятся только в местностях, уже более или менее густонаселенных и богатых путями сообщения.

Если бы товары, получаемые с самой плохой почвы, принадлежали к 3-й категории товаров, средняя цена которых равна их стоимости, т. е. к категории тех товаров, которые реализуют в своей цене всю свою имманентную прибавочную стоимость, так как только при этом условии они приносят обычную прибыль, — то эта земля не платила бы ренты, и собственность на землю была бы здесь лишь номинальной. Если бы здесь уплачивалась *аренда,* то это доказывало бы только то, что мелкие капиталисты, как это отчасти имеет место в Англии (см. *Ньюмена)*[15], довольствуются такой прибылью, которая *ниже* средней. То же самое имеет место всегда в том случае, когда норма ренты больше разности между *имманентной* прибавочной стоимостью товара и *средней прибылью.* Имеется даже такая земля, обработка которой возмещает самое большее заработную плату, ибо хотя работник в течение всего своего рабочего дня работает здесь на самого себя, его рабочее время превышает общественно *необходимое* рабочее время. Его труд так мало производителен — по отношению к господствующей производительности в *этой* отрасли труда, — что, хотя человек работает на себя двенадцать часов, он едва производит такое количество продукта, какое при более благоприятных условиях производства рабочий производит за восемь часов. Это — то же самое отношение, которое имело место у ручного ткача. конкурировавшего с механическим ткацким станком. Продукт этого ручного ткача содержал, конечно, двенадцать рабочих часов, но он был равен только восьми — или и того меньше — общественно *необходимым* рабочим часам и потому обладал стоимостью всего лишь восьми необходимых рабочих часов. Если в подобном случае бедняк-арендатор платит аренду, то она есть просто вычет из его *необходимой* заработной платы и не представляет никакой прибавочной стоимости, а тем более — никакого избытка над средней прибылью.

Предположим, что в какой-либо стране, например в Соединенных Штатах, число конкурирующих фермеров еще настолько незначительно и присвоение земли в собственность имеет еще настолько формальный характер, что каждый находит свободный участок для того, чтобы вложить свой капитал в обработку земли без разрешения со стороны тех собственников или арендаторов, которые уже до него обрабатывали землю. При таких обстоятельствах в течение более или менее продолжительного времени возможно, — исключение составляют то земли, которые, находясь в густонаселенных местностях, занимают монопольное положение, — что прибавочная стоимость, производимая арендатором сверх средней прибыли, не реализуется в цене

его продукта, что арендатор оказывается вынужденным делить полученную им прибавочную стоимость с собратьями-капиталистами, как это происходит с прибавочной стоимостью всех тех товаров, которые давали бы добавочную прибыль, т. е. прибыль, превышающую общую норму прибыли, если бы в их цене реализовалась вся содержащаяся в них прибавочная стоимость. В таком случае общая норма прибыли повысилась бы, потому что пшеница и т. д. продавалась бы, подобно другим — промышленным — товарам, *ниже* своей стоимости. Такая продажа *ниже* стоимости не составляла бы исключения, а, напротив, помешала бы пшенице составлять исключение из других товаров той же категории.

Предположим, во-вторых, что в какой-либо стране вся земля — одного только качества, но такого именно, что если бы вся содержащаяся в товаре прибавочная стоимость реализовалась в его цене, товар приносил бы капиталу обычную прибыль. В этом случае не уплачивалось бы никакой земельной ренты. Это отпадение земельной ренты ни малейшим образом не повлияло бы на общую норму прибыли, не повысило бы ее и не понизило бы, точно так же как не влияет на норму прибыли то обстоятельство, что к той же категории принадлежат и другие — несельскохозяйственные — продукты. Ведь эти товары потому и принадлежат к данной категории, что их *имманентная прибавочная стоимость* равняется *средней прибыли;* они, следовательно, не могут изменить высоту этой прибыли, а, напротив, находятся в соответствии с нею и совсем не оказывают влияния на нее, хотя она и влияет на них.

Предположим, в-третьих, что во всей стране земля — одного только рода, причем она так неплодородна и капитал, вложенный в нее, так мало производителен, что его продукт принадлежит к той категории товаров, у которой прибавочная стоимость — ниже средней прибыли. Прибавочная стоимость (так как заработная плата, вследствие малой производительности земледелия, повсеместно повысилась бы) могла бы в данном случае стоять на более высоком уровне, конечно, только там, где возможно было бы удлинение абсолютного рабочего времени; далее, там, где сырой материал, например железо и т. д., не являлся бы продуктом земледелия или же представлял бы собой — как, например, хлопок, шелк и т. д. — предмет импорта и продукт более плодородной почвы. В этом случае цена [земледельческого] товара, чтобы приносить обычную прибыль, должна была бы включать более высокую прибавочную стоимость, чем та, которая имманентна товару. В результате этого общая норма прибыли упала бы, хотя ренты и не существовало бы.

Или же предположим, что в *случае 2* земля очень непроизводительна. Тогда то обстоятельство, что прибавочная стоимость этого земледельческого продукта равна средней прибыли, показывало бы, что средняя прибыль здесь вообще низка, так как в земледелии из двенадцати рабочих часов одиннадцать, быть может, нужны для того только, чтобы произвести заработную плату, прибавочная же стоимость составляет всего лишь один час или еще меньше.

[456] Эти различные случаи иллюстрируют следующее:

В первом случае *отпадение или отсутствие земельной ренты* связано и сосуществует с *повышенной нормой прибыли* по сравнению с другими странами, где земельная рента уже развилась.

Во втором случае отпадение или отсутствие земельной ренты совершенно не влияет на норму прибыли.

В третьем случае оно — по сравнению с другими странами, где земельная рента существует, — связано с *низкой, относительно более низкой* общей нормой прибыли и служит показателем этого ее низкого уровня.

Таким образом, из этого следует, что само по себе развитие особой земельной ренты не имеет абсолютно ничего общего с *производительностью земледельческого труда,* так как отсутствие или отпадение ренты может быть связано и с повышающейся, и с остающейся неизменной, и с понижающейся нормой прибыли.

Вопрос здесь не в том, почему в земледелии и т. д. захватывается *избыток прибавочной стоимости над средней прибылью;* наоборот, следует скорее задать такой вопрос: в силу каких причин здесь должно было бы иметь место противоположное явление?

Прибавочная стоимость есть не что иное, как неоплаченный труд; средняя прибыль, или нормальная прибыль, есть не что иное, как то количество неоплаченного труда, которое, согласно предположению, реализуется каждым капиталом данной величины. Когда говорят, что средняя прибыль составляет 10 процентов, то это означает только то, что на капитал в 100 единиц приходится 10 единиц неоплаченного труда, или что овеществленный труд, равный 100, распоряжается *неоплаченным* трудом в размере $^1/_{10}$ своей собственной величины. *Избыток прибавочной стоимости над средней прибылью* означает, следовательно, что в товаре (в его цене или в той части его цены, которая состоит из прибавочной стоимости) содержится большее количество неоплаченного труда, чем то, которое образует среднюю прибыль и которое, стало быть, в средней цене товаров *составляет избыток цены товара над издержками его производства.*

Издержки производства выражают в каждом отдельном товаре авансированный капитал, а избыток над этими издержками производства выражает тот *неоплаченный труд,* которым распоряжается авансированный капитал; стало быть, отношение этого избытка цены к издержкам производства выражает ту *норму,* соответственно которой капитал данной величины, применяемый в процессе производства товаров, распоряжается неоплаченным трудом, независимо от того, равен ли этой *норме* или же не равен ей содержащийся в товаре данной *особой* сферы производства неоплаченный труд.

Что же заставляет отдельного капиталиста продавать, например, свой товар по средней цене? (Эта средняя цена *навязывается* капиталисту как нечто уже сложившееся, это отнюдь не является его свободным действием: капиталист предпочел бы продавать свой товар *выше* его стоимости.) Итак, что заставляет капиталиста продавать по такой цене, которая приносит ему только среднюю прибыль и при которой он реализует меньше неоплаченного труда, чем фактически содержится в его собственном товаре? — К этому его принуждает давление других капиталов, осуществляемое посредством конкуренции. Ведь любой капитал такой же величины мог бы тоже устремиться в отрасль производства А, где отношение неоплаченного труда к авансированному капиталу, например к 100 ф. ст., больше, чем в сферах производства *В, С* и т. д., продукты которых своей потребительной стоимостью совершенно так же удовлетворяют какую-либо общественную потребность, как и товар сферы производства *А.*

Стало быть, раз существуют такие сферы производства, где известные природные условия производства, как, например, пахотная земля, залежи угля, железные рудники, водопад и т. д., — условия, без которых не может совершаться процесс производства, без которых не может быть произведен товар данной сферы, — находятся не в руках собственников или владельцев овеществленного труда, капиталистов, а в других руках, то эта вторая группа *собственников условий производства* заявляет капиталисту:

Если я предоставлю тебе в пользование эти условия производства, то ты будешь выручать свою среднюю прибыль, присваивать себе нормальное количество неоплаченного труда. Но твое производство дает избыток прибавочной стоимости, неоплаченного труда, над нормой прибыли. Этот избыток ты не должен бросать в общую кассу, как вы, капиталисты, это обычно делаете. Этот избыток присваиваю себе я, он принадлежит мне. Такого рода сделка может тебя вполне устроить, ибо в этой сфере

производства твой капитал приносит тебе столько же, сколько и во всякой другой сфере, да к тому же это очень солидная отрасль производства. Сверх 10% неоплаченного труда, составляющих среднюю прибыль, твой капитал дает тебе здесь еще 20% *избыточного* неоплаченного труда. Их ты уплатишь мне, а для того чтобы ты был в состоянии это сделать, ты к цене товара присчитаешь эти 20% неоплаченного труда, но не внесешь их в общий счет с другими капиталистами. Подобно тому как принадлежащая тебе собственность на одно из условий труда — на капитал, овеществленный труд — делает для тебя возможным присваивать определенное количество неоплаченного труда рабочих, так и принадлежащая мне собственность на другое условие производства — на землю и т. д. — дает мне возможность перехватывать у тебя и у всего класса капиталистов ту часть неоплаченного труда, которая составляет избыток над твоей средней прибылью. Ваш закон требует, чтобы при нормальных условиях равный капитал присваивал себе равное количество неоплаченного труда, и вы, капиталисты, можете [457] друг друга принуждать к этому посредством конкуренции. Прекрасно! Этот закон я как раз и применяю к тебе. Из неоплаченного труда твоих рабочих присваивай себе не больше, чем ты, применяя тот же капитал, мог бы присвоить во всякой другой сфере производства. Но закон этот не имеет ни малейшего отношения к избытку неоплаченного труда, «произведенному» тобой сверх его нормального количества. Кто мне может помешать присвоить себе этот «избыток»? С какой стати должен был бы я, как это принято у вас, бросать его в общий котел капитала для распределения среди класса капиталистов, чтобы каждый из них получил определенную долю этого избытка, соразмерно тому паю, которым он владеет в совокупном капитале? Я не капиталист. То условие производства, пользование которым я тебе предоставляю, есть дар природы, а не овеществленный труд. Можете ли вы фабриковать землю, или воду, или рудники, или угольные залежи? Нет, не можете. Следовательно, по отношению ко мне не существует того средства принуждения, которое может быть применено по отношению к тебе, чтобы заставить тебя выплюнуть часть захваченного лично тобой прибавочного труда. А потому, подавай-ка ее сюда! Единственное, что могут сделать твои собратья-капиталисты, это — вступить в конкуренцию не со мной, а с тобой. Если ты станешь уплачивать мне добавочную прибыль в размере меньшем, чем разность между присвоенным тобой *прибавочным рабочим временем* и той долей прибавочного труда, которая приходится тебе согласно закону капитала, — то на сцене

появятся твои собратья-капиталисты и своей конкуренцией принудят тебя честно выплачивать мне *полную сумму* того, что я в состоянии выжать из тебя.

Теперь надо было бы исследовать: 1) переход от феодальной земельной собственности к другой, коммерческой земельной ренте, регулируемой капиталистическим производством; или, с другой стороны, переход этой феодальной земельной собственности в свободную крестьянскую земельную собственность; 2) как возникает земельная рента в таких странах, как Соединенные Штаты, где земля первоначально не являлась частной собственностью и где, по крайней мере формально, с самого начала господствует буржуазный способ производства; 3) азиатские формы земельной собственности, которые продолжают еще существовать. Все это сюда не относится.

Итак, согласно развиваемой нами теории, частная собственность на объекты природы, каковы земля, вода, рудники и т. д., собственность на эти условия производства, на то или иное данное природой условие производства — не является тем источником, откуда проистекает стоимость, ибо стоимость равна лишь овеществленному рабочему времени; не является эта собственность также и тем источником, откуда проистекает избыточная прибавочная стоимость, т. е. избыток неоплаченного труда над тем неоплаченным трудом, который содержится в прибыли. Но эта собственность есть источник дохода. Она есть титул, средство, дающее собственнику этого условия производства возможность присваивать себе в той сфере производства, куда предмет его собственности входит как условие производства, ту часть выжатого капиталистом неоплаченного труда, которая в противном случае была бы брошена, как избыток над обычной прибылью, в общую кассу капитала. Эта собственность служит средством к тому, чтобы поставить преграду вышеуказанному процессу, происходящему в остальных сферах капиталистического производства, и удержать произведенную в этой особой сфере производства прибавочную стоимость в пределах этой *же* сферы, так что прибавочная стоимость делится теперь между капиталистом и земельным собственником. Этим путем земельная собственность становится ассигновкой на неоплаченный труд, на даровой труд, такой же ассигновкой, какой является и капитал. И подобно тому как в капитале овеществленный труд рабочего выступает как господствующая над рабочим сила, точно также в земельной собственности то обстоятельство, что она дает своему собственнику возможность отнимать у капиталиста часть неоплаченного труда, принимает такой вид, будто земельная собственность есть источник стоимости.

Это объясняет современную земельную ренту, ее существование. Различную величину земельной ренты *при одинаковом вложении капитала* можно объяснить только неодинаковым плодородием земельных участков. Различная величина ренты *при одинаковом плодородии* может быть объяснена только *различной величиной вложенных капиталов.* В первом случае земельная рента возрастает потому, что повышается ее норма по отношению к затраченному капиталу (а также и по отношению к земельной площади). Во втором случае она возрастает потому, что при одинаковой норме — или даже при норме, содержащей в себе различия (если вторая доза вкладываемого в землю капитала менее производительна) — возрастает масса ренты.

Согласно этой теории, нет необходимости ни в том, чтобы самая плохая почва не давала совсем земельной ренты, ни в том, чтобы она давала ренту. Далее, отнюдь не необходимо, чтобы производительность земледелия уменьшалась, хотя разница в производительности, если она не устранена искусственно (что возможно), гораздо больше в земледелии, чем в пределах одной и той же сферы промышленного производства. Когда мы говорим о большей или меньшей производительности, речь идет о продукте *одного и того же рода.* Как относятся друг к другу различные продукты, — это другой вопрос.

Земельная рента, исчисляемая на самоё землю, есть общая сумма ренты, ее масса. Она может повышаться и без возрастания нормы ренты. При неизменяющейся стоимости денег относительная стоимость земледельческих продуктов может возрастать не потому, что земледелие становится менее производительным, а потому, что хотя оно и становится производительнее, но не в той же мере, как промышленность. Напротив, повышение денежных цен земледельческих продуктов, при неизменной стоимости денег, возможно только в том случае, если сама их стоимость повышается, т. е. если земледелие становится менее производительным (мы не говорим здесь о временном давлении спроса на предложение, как это бывает и с другими товарами).

В хлопчатобумажной промышленности, по мере того как развивалась сама промышленность, сырой материал все время падал в цене; то же самое происходило в железоделательной промышленности и т. д., в угольной и т. д. Возрастание ренты здесь было возможно не потому, что повышалась ее норма, а только потому, что применялось больше капитала.

Рикардо полагает, что такие силы природы, как воздух, свет, электричество, пар, вода, являются даровыми, а земля — вследствие ее ограниченности — не является даровой.

Следовательно, уже только поэтому земледелие, по мнению Рикардо, менее производительно, чем другие отрасли производства. Если бы земля была таким *we* общим, не превращенным в собственность, достоянием и если бы ее можно было иметь в любом количестве так же, как и другие элементы и силы природы, то производство, по Рикардо, было бы гораздо производительнее.

[458] Прежде всего необходимо отметить, что если бы земля, как элемент природы, находилась в свободном распоряжении всех и каждого, то отсутствовал бы один из главных элементе» *для образования капитала.* Одно из самых существенных условий производства и — если не считать самого человека и его труд — единственно первичное условие производства не могло бы подвергаться отчуждению и присвоению и, следовательно, не могло бы противостоять рабочему как чужая собственность и в результате этого превращать его в наемного рабочего. Производительность труда в рикардовском смысле, т. е. в капиталистическом смысле, «производство» чужого неоплаченного труда было бы, следовательно, невозможно. Тем самым пришел бы конец капиталистическому производству вообще.

Что касается тех сил природы, на которые указывает Рикардо, то их, конечно, можно отчасти иметь даром, и капиталисту они ничего не стоят. Уголь стоит ему, но пар не стоит ему ничего, если капиталист имеет воду даром. Возьмем, однако, например пар. Свойства пара существовали всегда. Но производственное использование пара есть новое научное открытие, которое капиталист себе присвоил. В результате этого открытия возросла производительность труда, а тем самым и относительная прибавочная стоимость. Это значит: количество неоплаченного труда, присваиваемое капиталистом в течение одного рабочего дня, возросло благодаря пару. Таким образом, различие между производительной силой пара и производительной силой земли заключается только в том, что первая приносит неоплаченный труд капиталисту, а вторая — земельному собственнику, отнимая неоплаченный труд рабочего не [непосредственно] у этого последнего, а у капиталиста. Отсюда мечтания капиталиста об «отмене собственности» на этот элемент природы.

В рикардовском подходе к вопросу верно лишь следующее:

При капиталистическом способе производства капиталист — не только необходимый, но и господствующий агент производства. Напротив, земельный собственник при этом способе производства совершенно излишен. Все, что требуется для капиталистического способа производства, это — то, чтобы земля *не* была общей собственностью, чтобы она противостояла

рабочему классу как *не принадлежащее* ему условие производства, и эта цель достигается полностью тогда, когда земля становится государственной собственностью и земельную ренту получает, стало быть, государство. Земельный собственник, исполнявший в древнем и в средневековом мире столь существенные функции в производстве, является в промышленном мире бесполезным наростом. Поэтому радикальный буржуа (имея, кроме того, в виду отмену всех других налогов) теоретически приходит к отрицанию частной земельной собственности, которую ему хотелось бы превратить в форме государственной собственности в общую собственность класса буржуазии, капитала. Однако на практике у него не хватает храбрости, так как нападение на одну форму собственности — на одну форму частной собственности на условия труда — было бы очень опасно и для другой формы. Кроме того, буржуа сам себя территориализировал*.

[4) НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛОЖЕНИЯ РОДБЕРТУСА ОБ ОТСУТСТВИИ В ЗЕМЛЕДЕЛИИ СТОИМОСТИ СЫРОГО МАТЕРИАЛА]

Теперь обратимся к г-ну Родбертусу.

По мнению Родбертуса, в земледелии совсем не входит в счет сырой материал, потому что немецкий крестьянин, как уверяет Родбертус, не считает затратой для самого себя семена, корм и т. д., не принимает в расчет этих издержек производства, т. е. считает *неправильно.* Выходит, что в Англии, где фермер уже больше 150 лет производит расчет правильно, *никакой* земельной ренты *не* должно было бы существовать. Стало быть, Родбертусу следовало бы сделать отсюда не тот вывод, что арендатор уплачивает ренту потому, что его норма прибыли выше, чем в промышленности, а совсем другой вывод: арендатор выплачивает-де ренту потому, что, в результате неправильного расчета, он довольствуется *более низкой* нормой прибыли. Доктору Кенэ, который сам был сыном арендатора и хорошо был знаком с французскими арендными отношениями, Родбертус не пришелся бы по душе. Ведь Кенэ под рубрикой «авансов», среди «ежегодных авансов», определяет в один миллиард стоимость того «сырого материала», который арендатор применяет в своем хозяйстве, хотя и воспроизводит его in natura.

Если в одной части промышленности почти совершенно отсутствует основной капитал, или машинное оборудование, то

* — обзавелся землей. *Ред.*

в другой части, во всей транспортной промышленности — той промышленности, которая производит перемещение (при помощи повозок, железных дорог, кораблей и т. д.), — совсем не применяется сырой материал, а применяются только орудия производства. Приносят ли эти отрасли промышленности, кроме прибыли, еще и земельную ренту? Чем отличается эта отрасль промышленности, скажем, от горной промышленности? В обоих случаях имеются налицо лишь машинное оборудование и вспомогательные материалы, как, например, уголь для пароходов и локомотивов, а также и для рудников, корм для лошадей и т. д. Почему норма прибыли должна для одного рода производства исчисляться иначе, чем для другого? Предположим, что те затраты, которые крестьянин делает для своего производства in natura, составляют $^1/_5$ всего авансированного им капитала; к этому надо добавить $^4/_5$, составляющих затраты на покупаемые им машины и на заработную плату; пусть весь этот расход равняется [по стоимости] 150 квартерам. Если, далее, крестьянин получает 10% прибыли, то это составляет 15 квартеров. Валовой продукт, следовательно, был бы равен 165 квартерам. Если бы крестьянин вычел из затраченного им капитала $^1/_5$ т. е. 30 квартеров, и считал бы 15 квартеров только на 120, то прибыль его составила бы $12^1/_2$%.

Мы могли бы это выразить еще и так. Стоимость продукта крестьянина, или его продукт, равняется 165 квартерам (330 ф. ст.). Крестьянин оценивает свои затраты в 120 квартеров (240 ф. ст.). 10% с них составляют 12 квартеров (24 ф. ст.). Но его валовой продукт равен 165 квартерам, из которых, таким образом, [на возмещение денежных затрат и на 10% прибыли с них] уходит всего 132 квартера; остается 33 квартера. Но из этих 33 квартеров 30 квартеров расходуются in natura. Остается, значит, в виде сверхприбыли 3 квартера (= 6 ф. ст.). Совокупная прибыль этого крестьянина равна 15 квартерам (30 ф. ст.) вместо 12 квартеров (24 ф. ст.). Следовательно, он в состоянии платить ренту в 3 квартера, или в 6 ф. ст., и *воображать* при этом, что получил, как и всякий другой капиталист, 10% прибыли. Но эти 10% существуют только в воображении. На самом деле он авансировал не 120 квартеров, а 150, и 10% с них составляют 15 квартеров, или 30 ф. ст. На самом деле он недополучил 3 квартера, т. е. $^1/_4$ от полученных им 12 квартеров, [459] иными словами, он недополучил $^1/_5$ от всей той прибыли, которую должен был бы получить, — и это потому, что он $^1/_5$ своих затрат не принял в расчет в качестве затрат. Получается, что стоило бы крестьянину научиться вести счет капиталистически, как он сразу же перестал бы платить земельную ренту, которая

равнялась бы только разности между *его* нормой прибыли и обычной ее нормой.

Иначе говоря, заключающийся в 165 квартерах продукт неоплаченного труда равен 15 квартерам, или 30 ф. ст., или 30 рабочим неделям. Если эти 30 рабочих недель, или 15 квартеров, или 30 ф. ст., относить к совокупной затрате, равной 150 квартерам, то они составили бы только 10%; если относить их только к 120 квартерам, то они составят более высокую норму прибыли. Ибо 12 квартеров на 120 квартеров дают 10%, а 15 квартеров составят на 120 квартеров не 10%, а $12^1/_2$%. Это означало бы: хотя крестьянин и сделал указанные натуральные затраты, но так как он их не учел на капиталистический лад, то сбереженный им прибавочный труд он отнес не ко всей сумме своих затрат; при таком положении вещей этот прибавочный труд представлял бы более высокую норму прибыли по сравнению с другими отраслями производства и мог бы приносить ренту, которая покоилась бы, следовательно, только на ошибке в расчете. Если бы крестьянин знал, что, для того чтобы оценивать в деньгах производимые им затраты и рассматривать их поэтому как товар, ему совсем нет необходимости превращать их предварительно в *действительные деньги,* т. е. *продавать* их, то всей этой истории пришел бы конец.

Без этой ошибки в расчете (которую могут делать в своей массе немецкие крестьяне, но которой не сделает ни один капиталистический арендатор) была бы невозможна родбертусовская рента. Она возможна только там, *где* сырой материал входит в издержки производства, но невозможна там, где он в эти издержки *не входит.* Она возможна только там, где сырой материал входит в производство, однако *не* учитывается производителем. Но она невозможна там, *где* сырой материал не входит в производство, — хотя г-н Родбертус и хочет вывести ренту *не* из *ошибки в расчете,* а из *отсутствия,* одной действительной статьи в авансируемых затратах.

Возьмем горную промышленность или рыболовство. Здесь сырой материал входит в производство только в качестве вспомогательного материала, а это мы можем оставить в стороне, ибо применение машин всегда (за весьма немногими исключениями) предполагает также и потребление вспомогательных материалов, являющихся для машины своего рода жизненными средствами. Предположим, что общая норма прибыли составляет 10%. 100 ф. ст. затрачены на машины и заработную плату. Почему прибыль на 100 должна превышать 10 в том случае, если эти 100 затрачены, скажем, не на сырой материал, машины и заработную плату [а только на машины и заработную плату]?

Или же в том случае, если эти 100 затрачены только на сырой материал и заработную плату? Если здесь имеет место какое-нибудь различие, то оно могло бы проистекать лишь из того, что в *различных случаях* соотношение стоимостей постоянного капитала и переменного капитала вообще *складывалось бы различным образом.* Это различное соотношение давало бы различную прибавочную стоимость даже в том случае, если *норма* прибавочной стоимости предположена как постоянная. А отношение различной прибавочной стоимости к *равным по величине* капиталам должно было бы, разумеется, давать неодинаковые прибыли. Но, с другой стороны, общая норма прибыли означает ведь не что иное, как выравнивание этих различий, абстрагирование от органических составных частей капитала и такое распределение прибавочной стоимости, при котором равные по величине капиталы приносят равные прибыли.

То обстоятельство, что масса прибавочной стоимости зависит от *величины затраченного капитала,* относится — согласно общим законам прибавочной стоимости — отнюдь не к капиталам в *различных* сферах производства, а к *различным капиталам* в *одной и той же* сфере производства, где предполагается одинаковое соотношение *органических* составных частей капитала. Если я, например, говорю: масса прибыли соответствует, положим, в *прядильной промышленности* величине затраченных капиталов (что тоже не совсем верно, если к этому не добавить: предполагая производительность *постоянной),* — то я, в сущности, только говорю, что при данной норме эксплуатации прядильщиков сумма эксплуатации зависит от числа эксплуатируемых прядильщиков. Если же я, напротив, говорю, что масса прибыли в различных отраслях производства соответствует величине затраченных капиталов, то это значит, что норма прибыли для каждого капитала данной величины одна и та же, т. е. что масса прибыли может изменяться только вместе с изменением величины этого капитала, а это, другими словами, опять-таки означает, что норма прибыли не зависит от органического соотношения составных частей капитала в какой-нибудь отдельной сфере производства, что она вообще не зависит от величины прибавочной стоимости, создаваемой в этих отдельных сферах производства.

Горное дело следовало бы с самого начала отнести к промышленности, а не к земледелию. На каком основании? На том именно основании, что ни один продукт рудника in natura — в том виде, в каком он выходит из рудника, — не входит снова, как элемент производства, в постоянный капитал, применяемый на руднике (то же самое имеет место в рыболовстве, в охотни-

чьем промысле, где затраты в еще гораздо большей степени сводятся только к средствам труда и к заработной плате или к самому труду). [460] Другими словами, это проистекает из того, что здесь каждый элемент производства — даже если его сырой материал получается из рудника — предварительно, прежде чем снова войти в качестве элемента в горное производство, не только видоизменяет свою форму, но и превращается в товар, т. е. должен быть *куплен.* Единственное исключение составляет уголь. Но в качестве средства производства уголь появляется только на той стадии развития, когда горнопромышленник уже представляет собой образованного капиталиста, ведущего итальянскую бухгалтерию, согласно которой не только он записывает в долг самому себе свои затраты, не только он является дебитором по отношению к своей собственной кассе, но и его собственная касса становится дебитором по отношению к самой себе. Таким образом, как раз здесь, где сырой материал действительно не входит в затраты, должно с самого начала преобладать капиталистическое счетоводство, а значит невозможно и то заблуждение, в какое может впасть крестьянин.

Возьмем даже обрабатывающую промышленность, и именно ту часть ее, где все элементы процесса труда фигурируют также и в качестве элементов процесса образования стоимости, где, стало быть, все элементы производства входят в производство нового товара вместе с тем и как затраты, как такие потребительные стоимости, которые обладают стоимостью, т. е. как *товары.* Здесь имеется существенная разница между промышленником, производящим первый полуфабрикат, и вторым и всеми дальнейшими промышленниками (соответственно последовательности фаз производства), у которых сырой материал не только входит в производство как товар, но и представляет собой уже товар второй степени, т. е. такой товар, который получил уже форму, отличную от натуральной формы первого товара, сырого продукта, и прошел уже вторую фазу процесса производства. Например, прядильщик. Сырым материалом служит ему хлопок, но это — сырой продукт уже в качестве товара. Для ткача же сырым материалом является пряжа — продукт прядильщика; сырым материалом для печатника или красильщика является ткань, продукт ткача, и все эти продукты, каждый из которых в какой-нибудь дальнейшей фазе процесса вновь выступает в качестве сырого материала, представляют собой вместе с тем товары[16]. [460]

[461] Мы здесь, очевидно, вновь натолкнулись на тот вопрос, который нас занимал уже дважды: один раз при рассмотрении взглядов Джона Стюарта Милля[17], затем — при общем

рассмотрении соотношения между постоянным капиталом и доходом*. То, что этот вопрос возникает все вновь и вновь, показывает, что здесь еще есть какая-то заковыка. Этот вопрос относится, собственно говоря, к главе III — о прибыли[18]. Однако лучше рассмотреть его здесь.

Итак, возьмем пример:

4 000 фунтов хлопка = 100 ф. ст.;
4 000 фунтов пряжи = 200 ф. ст.;
4 000 ярдов ситца = 400 ф. ст.

Согласно этому предположению, 1 фунт хлопка = 6 пенсам, 1 фунт пряжи = 1 шилл., 1 ярд ситца = 2 шилл.

Предположим, что норма прибыли равна 10%. Тогда:

A) в 100 ф. ст. — затрата = $90^{10}/_{11}$, прибыль = $9^{1}/_{11}$.
B) в 200 ф. ст. — затрата = $181^{9}/_{11}$, прибыль = $18^{2}/_{11}$.
C) в 400 ф. ст. — затрата = $363^{7}/_{11}$, прибыль = $36^{4}/_{11}$.

A — это *хлопок,* продукт крестьянина (I), *B* — *пряжа,* продукт прядильщика (II), *C* — *ткань,* продукт ткача (III).

При этом предположении совершенно безразлично, включают ли сами $90^{10}/_{11}$ ф. ст. продукта *A* прибыль или же нет. Они не включают прибыли, если они являются таким постоянным капиталом, который сам себя возмещает. Точно так же для *B* безразлично, содержат ли [представляющие стоимость продукта *A*] 100 ф. ст. прибыль или же не содержат ее, и таким же образом обстоит дело с *C* в отношении продукта *B*.

Положение вещей у возделывателя хлопка (I), у прядильщика (II) и у ткача (III) представляется в следующем виде:

I)	*Затрата* — $90^{10}/_{11}$,	*прибыль* — $9^{1}/_{11}$.	*Сумма — 100.*
II)	*Затрата* — (100 (I) + $81^{9}/_{11}$),	*прибыль* — $18^{2}/_{11}$.	*Сумма — 200.*
III)	*Затрата* — (200 (II) + $163^{7}/_{11}$),	*прибыль* — $36^{4}/_{11}$.	*Сумма — 400.*

Вся сумма равна 700.
Прибыль равна $9^{1}/_{11} + 18^{2}/_{11} + 36^{4}/_{11} = 63^{7}/_{11}$.

Авансированный во всех трех отраслях капитал равен $90^{10}/_{11} + 181^{9}/_{11} + 363^{7}/_{11} = 636^{4}/_{11}$.

Избыток 700 над $636^{4}/_{11}$ равен $63^{7}/_{11}$. Но $63^{7}/_{11} : 636^{4}/_{11} = 10 : 100$.

Продолжая анализ этой дребедени, мы получим следующее:

I)	Затрата — $90^{10}/_{11}$,	прибыль — $9^{1}/_{11}$.	*Сумма — 100.*
II)	Затрата — (100 (I) + $81^{9}/_{11}$),	прибыль — ($10+8^{2}/_{11}$).	*Сумма — 200.*
III)	Затрата — (200 (II) + $163^{7}/_{11}$),	прибыль — ($20+16^{4}/_{11}$).	*Сумма — 400.*

Возделыватель хлопка (I) никому не должен уплачивать прибыль, потому что предполагается, что его постоянный капитал, равный $90^{10}/_{11}$, не включает прибыли, а выражает только постоянный капитал. В затрату прядильщика (II) входит весь

* См. настоящий том, часть I, стр. 120—121 и 208. *Ред.*

продукт возделывателя хлопка (I) в качестве постоянного капитала. Часть [продукта II, выражающая] постоянный капитал, равный 100, возмещает возделывателю хлопка $9^1/_{11}$ прибыли. В затрату ткача (III) входит весь продукт прядильщика (II), равный 200; [постоянный капитал ткача] возмещает, следовательно, прибыль в $18^2/_{11}$. Это, однако, не препятствует тому, что прибыль возделывателя хлопка ничуть не больше прибыли прядильщика и ткача, так как в такой же самой пропорции меньше тот капитал, который должен быть возмещен возделывателем хлопка, а прибыль соответствует величине капитала, совершенно независимо от того, из каких частей слагается этот капитал.

Предположим теперь, что ткач (III) производит всё сам. Тогда дело *по видимости* меняется. [Но в действительности норма прибыли при этом не изменяется.] Затраты ткача принимают теперь следующий вид: $90^{10}/_{11}$ вложены в производство хлопка; $181^9/_{11}$ — в производство пряжи и $363^7/_{11}$ — в производство ткани. Он покупает все три отрасли производства, он должен, следовательно, в каждую из этих отраслей вложить определенный постоянный капитал. Сложим эти капиталы в одну сумму: $90^{10}/_{11} + 181^9/_{11} + 363^7/_{11} = 636^4/_{11}$. Исчисленные на эту сумму 10% дают ровно $63^7/_{11}$, как и выше, — только теперь все это целиком кладет в карман одно лицо, тогда как прежде эти $63^7/_{11}$ распределялись между I, II и III.

[462] Откуда же возникает обманчивая видимость [будто при этом изменяется норма прибыли]?

Но предварительно еще одно замечание.

Если мы из 400, из которых $36^4/_{11}$ составляют прибыль ткача, вычтем эту прибыль, то останется $363^7/_{11}$, что составляет его затрату. Из этой затраты 200 заплачено за пряжу. Из этих 200 приходится на прибыль прядильщика $18^2/_{11}$. Если мы вычтем эти $18^2/_{11}$ из затраты в $363^7/_{11}$, то останется $345^5/_{11}$. Но в 200, возмещенных прядильщику, заключается, сверх того, еще $9^1/_{11}$— прибыль возделывателя хлопка. Если мы ее вычтем из $345^5/_{11}$, то останется $336^4/_{11}$. Если же мы эти $336^4/_{11}$ вычтем из 400, т. е. из совокупной стоимости ткани, то окажется, что в ней заключена прибыль, равная $63^7/_{11}$.

Но прибыль в $63^7/_{11}$ на $336^4/_{11}$ равна $18^{34}/_{37}$.

Раньше эти $63^7/_{11}$ исчислялись на $636^4/_{11}$, и это составляло прибыль в 10%. Избыток совокупной стоимости в 700 над $636^4/_{11}$ составлял как раз $63^7/_{11}$.

Итак, согласно нашему новому расчету, на 100 того же капитала приходилось бы $18^{34}/_{37}$%), тогда как по предыдущему расчету — только 10%.

Как это согласуется одно с другим?

Предположим, что I, II и III — один и тот же человек, который, однако, свои три капитала применяет не одновременно (один капитал — в хлопководстве, другой — в прядении, третий — в ткацком деле), а следующим образом: лишь после того как он закончил возделывание хлопка, он начинает прясть, и лишь закончив прядение, он принимается за ткачество.

Тогда расчет получился бы такой:

$90^{10}/_{11}$ ф. ст. затрачивает этот капиталист на возделывание хлопка и получает 4000 фунтов хлопка. Чтобы выпрясть все это количество, он должен сделать дальнейшую затрату на машины, вспомогательные материалы и заработную плату — всего $81^{9}/_{11}$ ф. ст. При помощи этого он производит 4000 фунтов пряжи. Наконец, он превращает их в 4000 ярдов ткани, что обходится ему в новую затрату в $163^{7}/_{11}$ ф. ст. Если теперь сложить все его затраты, то его авансированный капитал составит $90^{10}/_{11}$ ф. ст. + $81^{9}/_{11}$ ф. ст. + $163^{7}/_{11}$ ф. ст., т. е. $336^{4}/_{11}$ ф. ст. 10% от этой суммы составят $33^{7}/_{11}$, так как $336^{4}/_{11}:33^{7}/_{11}$ = 100:10. Но $336^{4}/_{11}$ ф. ст. + $33^{7}/_{11}$ ф. ст. = 370 ф. ст. Стало быть, он продал бы 4000 ярдов ткани за 370 ф. ст. вместо 400 ф. ст., на 30 ф. ст. дешевле, т. е. на $7^{1}/_{2}$% дешевле прежнего. Следовательно, если бы стоимость ткани была действительно равна 400 ф. ст., то он мог бы продавать свой товар, получая обычную прибыль в 10%,и платить еще ренту в 30 ф. ст., ибо его норма прибыли равнялась бы отношению не $33^{7}/_{11}$, а $63^{7}/_{11}$ затратам в $336^{4}/_{11}$, — т. е. она составляла бы $18^{34}/_{37}$%, как мы это видели выше.

И это, по-видимому, и есть на деле тот прием, при помощи которого г-н Родбертус исчисляет земельную ренту.

В чем же состоит ошибка? Прежде всего видно, что прядение и ткачество, если бы они были соединены друг с другом, должны были бы [согласно Родбертусу] давать земельную ренту точно так же, как и в том случае, когда прядение соединено с земледелием или же когда земледелие ведется отдельно.

Здесь, очевидно, двоякого рода история.

Во-первых, мы исчисляли $63^{7}/_{11}$ ф. ст. только на капитал в $336^{4}/_{11}$ ф. ст., тогда как мы должны их исчислять на три капитала совокупной стоимостью в $636^{4}/_{11}$ ф. ст.

Во-вторых, в последнем капитале (III) мы брали затрату в $336^{4}/_{11}$ ф. ст. вместо $363^{7}/_{11}$ ф. ст.

Эти два пункта надо разобрать отдельно.

Во-первых, если капиталист, объединяющий в одном лице возделывателя хлопка, прядильщика и ткача, превратит в пряжу весь продукт своего урожая хлопка, то он не употребит

абсолютно никакой части этого урожая на возмещение своего земледельческого капитала. Он не применяет [одновременно] одну часть своего капитала на [463] возделывание хлопка — на издержки по возделыванию хлопка, на семена, заработную плату, машины — и другую часть на прядение, а сначала он вкладывает часть своего капитала в возделывание хлопка, потом эту часть с добавлением второй — в прядение, а затем обе первые части, уже содержащиеся в пряже, с добавлением еще третьей части он вкладывает в ткачество. Когда, наконец, ткань готова, в размере 4000 ярдов, то как может он возместить их элементы? Пока он ткал, он не занимался прядением и не имел также и материала, необходимого для этого, а пока он прял, он не возделывал хлопка. Его элементы производства, стало быть, *не могут быть им возмещены.* Облегчим себе задачу и скажем: да, наш паренек продает эти 4000 ярдов и затем на часть вырученных за них 400 ф. ст. «покупает» пряжу и элементы хлопка. Но к чему это сводится? К тому только, что мы на деле принимаем наличие трех капиталов, которые одновременно заняты, вложены в дело, авансированы на производство. Чтобы можно было купить пряжу, она должна быть налицо, а чтобы иметь возможность купить хлопок, последний также должен быть в наличии, а для того чтобы и хлопок и пряжа имелись на рынке и могли бы, стало быть, заменить сотканную пряжу и выпряденный хлопок, производящие их капиталы должны быть вложены в дело одновременно с вложенным в ткачество капиталом и должны превращаться в хлопок и пряжу в то самое время, когда пряжа превращается в ткань.

Следовательно, объединяет ли III все три отрасли производства или же они разделены между тремя производителями, — три капитала должны быть налицо одновременно. Капиталист не может с тем же капиталом, с которым он вел ткацкое дело, вести также и прядение и возделывание хлопка, если он хочет производить в *том же* масштабе. Каждый из этих капиталов занят в производстве, и то обстоятельство, что они взаимно друг друга возмещают, не имеет никакого отношения к интересующему нас вопросу. Капиталы, возмещающие друг друга, представляют собой постоянный капитал, и каждый из них должен быть вложен в ту или иную из трех отраслей и должен находиться в действии одновременно с другими. Если в 400 ф. ст. заключается прибыль в $63^7/_{11}$ ф. ст., то это лишь потому, что III, кроме своей собственной прибыли в $36^4/_{11}$ ф. ст., получает еще — в нашем расчете — и ту прибыль, которую он должен платить производителям II и I и которая, согласно предположению, реализуется в его товаре. Однако эту прибыль они

получили не с его $363^7/_{11}$ ф. ст., а дело обстоит так: земледелец получил ее особо со своих $90^{10}/_{11}$ ф. ст., а прядильщик — со своих $181^9/_{11}$. Если III забирает себе всю прибыль, то он получил ее опять-таки не с $363^7/_{11}$ ф. ст., которые вложены им в ткачество, а с этого капитала плюс два других капитала, которые вложены им в прядение и возделывание хлопка.

Во-вторых, если мы у III исчисляем затрату в $336^4/_{11}$ ф. ст., а не в $363^7/_{11}$ ф. ст., то получается это вот почему:

Сделанную им затрату на возделывание хлопка мы исчисляем только в $90^{10}/_{11}$ ф. ст., а не в 100. Но ведь ему нужен весь продукт хлопководства, а последний составляет 100 ф. ст., а не $90^{10}/_{11}$. Прибыль в $9^1/_{11}$ уже содержится в этом продукте. Иначе III применил бы такой капитал в $90^{10}/_{11}$ ф. ст., который не давал бы ему *никакой прибыли.* Возделывание хлопка не принесло бы ему прибыли, а возместило бы лишь затрату в $90^{10}/_{11}$ ф. ст. Точно так же и прядение не принесло бы ему прибыли, и весь продукт прядения возместил бы лишь затраты.

В этом случае его затраты действительно сводятся к $90^{10}/_{11} + 81^9/_{11} + 163^7/_{11} = 336^4/_{11}$. Это, таким образом, составляло бы его авансированный капитал. 10% с этого капитала выразились бы в $33^7/_{11}$ ф. ст. Стоимость продукта равнялась бы тогда 370 ф. ст. Стоимость эта не была бы ни на грош выше, потому что, согласно предположению, обе первые части — I и II — никакой прибыли не принесли. Поэтому III поступил бы гораздо лучше, если бы он не пустился в отрасли I и II и оставался при старом методе производства. Ибо вместо $63^7/_{11}$ ф. ст., которые I, II и III могли проесть прежде, III имеет теперь сам только $33^7/_{11}$ ф. ст., тогда как прежде, когда его собратья проедали свою прибыль вместе с ним, он имел $36^4/_{11}$ ф. ст. прибыли. Он был бы действительно никудышным дельцом. Он сэкономил бы затрату $9^1/_{11}$ ф. ст. в отрасли II только потому, что в отрасли I он не получил бы прибыли, и он сэкономил бы затрату $18^2/_{11}$ ф. ст. в отрасли III только потому, что не получил бы прибыли в отрасли II. Вырученные им $90^{10}/_{11}$ ф. ст. в возделывании хлопка и $81^9/_{11} + 90^{10}/_{11}$ в прядении возместили бы только сами себя. И только третий, вложенный в ткачество, капитал в $90^{10}/_{11} + 81^9/_{11} + 163^7/_{11}$ принес бы прибыль в 10%. Это значило бы, следовательно, что 100 ф. ст. дают 10% прибыли в ткацком деле, но ни гроша не дают в прядении и возделывании хлопка. Правда, это было бы очень приятно для III в том случае, если I или II — отличные от него лица, но отнюдь не тогда, когда он объединяет все три отрасли в своей драгоценной особе, рассчитывая *присвоить себе самому эту экономию на столь милой его сердцу прибыли.* Экономия в затратах на

оплату прибыли (т. е. на оплату той составной части [464] постоянного капитала одной из этих трех отраслей, которая для других является прибылью) произошла бы, стало быть, вследствие того, что на деле в продуктах отраслей I и II не содержалось бы никакой прибыли и в этих отраслях не было бы выполнено никакого прибавочного труда; эти отрасли рассматривали бы себя лишь как наемных рабочих, возмещая себе только *свои издержки производства,* т. е. свои затраты на постоянный капитал и заработную плату. Но в этих случаях — если бы только I и II не захотели работать, скажем, на III, в результате чего, однако, прибыль входила бы в счет *этого последнего* — было бы, следовательно, выполнено вообще меньше труда, и для III дело обстояло бы совершенно одинаково, затрачивался ли тот труд, который он должен оплатить, только на заработную плату или же на заработную плату и прибыль. Это было бы для него одно и то же, поскольку он покупает и оплачивает продукт, *товар.*

Возмещается ли постоянный капитал целиком или частично in natura, т. е. возмещается ли он производителями того товара, для которого он служит постоянным капиталом, — совершенно безразлично. Прежде всего, всякий постоянный капитал должен быть в конечном счете возмещен in natura: машина возмещается машиной, сырье — сырьем, вспомогательные материалы — вспомогательными материалами. В земледелии постоянный капитал может входить в производство также и в качестве *товара,* т. е. может быть прямо опосредствован куплей и продажей. Он должен, конечно, — поскольку в воспроизводство входят органические вещества — быть возмещен продуктами этой же сферы производства. Но вовсе не обязательно, чтобы его возместили те же самые отдельные производители внутри этой сферы производства. Чем большего развития достигло земледелие, тем в большей степени все его элементы входят в него в качестве товаров не только формально, но и реально, т. е. эти элементы приходят извне, будучи продуктами других производителей (семена, удобрения, скот, продукты животноводства и т. д.). В промышленности непрерывное перемещение, например, железа на машиностроительный завод, а машин — в железный рудник имеет столь же постоянный характер, как и перемещение пшеницы из амбара в землю и из земли — в амбар фермера. В земледелии продукты возмещают себя непосредственно. Железо не может возместить машины. Но железо в количестве, имеющем такую же стоимость, как и машина, возмещает [в обмене между железоделателем и машиностроителем] одному — машину, а другому — железо, поскольку машина

[проданная машиностроителем железоделателю] сама возмещается — по стоимости — железом.

Совершенно нельзя понять, какая разница получится для нормы прибыли, если земледелец те $90^{10}/_{11}$ ф. ст., которые он затрачивает на продукт в 100 ф. ст., станет исчислять, скажем, так, что 20 ф. ст. он будет относить за счет семян и т. д., 20 — за счет машин и т. д., а $50^{10}/_{11}$ — за счет заработной платы. Ведь 10% прибыли он требует со всей этой суммы в целом. Те 20 ф. ст. продукта, которые он приравнивает к семенам, не содержат прибыли. Тем не менее они точно так же составляют 20 ф. ст., как и те 20 ф. ст. в виде машин, в которых заключена прибыль, скажем, в 10%. Правда, это может быть чем-то только формальным. Эти 20 ф. ст. в виде машин могут на деле точно так же не представлять ни гроша прибыли, как и 20 ф. ст. в виде семян. Это, например, имеет место в том случае, если указанные 20 ф. ст. являются лишь возмещением составных частей постоянного капитала машиностроителя — тех составных частей, которые машиностроитель извлекает, скажем, из сферы земледелия.

Подобно тому как неверно, что вся совокупность машин входит в земледелие как его постоянный капитал, точно так же ошибочно и то, что весь сырой материал в его совокупности входит в обрабатывающую промышленность. Весьма значительная часть его остается в земледелии, являясь лишь воспроизводством постоянного капитала. Другая часть входит в доход непосредственно как жизненное средство и отчасти — как, например, фрукты, рыба, скот и т. д. — не проходит через «промышленный процесс». Следовательно, было бы неправильно заставлять промышленность расплачиваться за весь «сфабрикованный» земледелием сырой материал. Конечно, в тех отраслях обрабатывающей промышленности, в которые, в виде затрат, входит, наряду с заработной платой и машинами, сырой материал, — в этих отраслях авансированный капитал должен быть больше, чем в *тех* отраслях земледелия, которые доставляют этот сырой материал, указанным образом входящий в производство. Можно было бы также предположить, что если бы в этих отраслях обрабатывающей промышленности имела место *собственная* норма прибыли (отличная от общей), то она была бы здесь меньше, чем в земледелии, и именно вследствие того, что здесь применяется меньше труда. Стало быть, больший постоянный капитал и меньший переменный капитал при одинаковой норме прибавочной стоимости обязательно дают меньшую норму прибыли. Но это относится также и к определенным отраслям обрабатывающей промышленности в их отношении к другим ее отраслям, а также к определенным отраслям

земледелия (в экономическом смысле) в их отношении к другим его отраслям. Меньше всего это как раз имело бы место в земледелии в собственном смысле, потому что оно, хотя и доставляет промышленности сырой материал, но все же внутри своей собственной сферы охватывает, как различные части своих затрат, сырой материал, машины и заработную плату; промышленность же ни в коем случае не оплачивает земледелию *сырой материал,* ту часть постоянного капитала, которую земледелие возмещает из собственного производства, а не путем обмена на продукты промышленности.

[5) ЛОЖНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТЕОРИИ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ РОДБЕРТУСА]

[465] Дадим теперь краткое резюме хода мыслей г-на Родбертуса.

Сначала он изображает то положение вещей, — как он его себе представляет, — когда земельный собственник (самостоятельно хозяйничающий) вместе с тем является и капиталистом и рабовладельцем. Затем наступает разделение. Отнятая у рабочих часть «продукта труда» — «единая натуральная рента» — делится теперь на «земельную ренту и прибыль с капитала» (стр. 81—82) [Русский перевод: *К. Родбертус.* Экономические сочинения. Ленинград, 1936, стр. 285]. (Г-н *Гопкинс* — см. тетрадь[19] — объясняет это еще гораздо проще и грубее.) Затем г-н Родбертус делит «сырой продукт» и «промышленный продукт» (стр. 89) [Русский перевод, стр. 291] между земельным собственником и капиталистом — petitio principii. [В действительности же] один капиталист производит сырые продукты, а другой — промышленные продукты. Напротив, земельный собственник не производит *ничего,* он даже и не «владелец сырых продуктов». Это представление [будто земельный собственник есть «владелец сырых продуктов»] характерно для немецкого «владельца поместья», каким и является г-н Родбертус. В Англии капиталистическое производство началось одновременно в промышленности и в земледелии.

Способ, каким образуется «ставка прибыли на капитал» (норма прибыли), г-н Родбертус выводит просто из того, что теперь в виде денег имеется «масштаб» прибыли для «выражения отношения прибыли к капиталу», чем и «дается надлежащее мерило для уравнивания прибылей на капитал» (стр. 94) [Русский перевод, стр. 295]. Родбертус не имеет никакого представления о том, что это *равенство прибыли противоречит* в каждой отрасли производства равенству между «рентой» и неоплаченным

трудом, что стоимости товаров и их средние цены должны поэтому расходиться. Эта норма прибыли становится регулирующей также и для земледелия, так как *«доход с имущества* может исчисляться только на капитал», а в промышленности «применяется значительно большая часть национального капитала» (стр. 95) [Русский перевод, стр. 295]. Ни слова о том, что с развитием капиталистического производства само земледелие претерпевает переворот — не только формально, но и материально — и что земельный собственник низводится до роли простого получателя денег, перестает исполнять какие-либо функции в производстве. По мнению Родбертуса,

«в промышленности фигурирует в составе капитала — *как материал — еще и стоимость совокупного продукта сельского хозяйства,* чего не может быть в производстве сырья» (стр. 95) [Русский перевод, стр. 2951.

Что касается совокупного продукта, то это *неверно.* Вслед за тем Родбертус задает себе вопрос, остается ли, после вычета промышленной прибыли, прибыли на капитал, еще «часть ренты, приходящаяся на сырой продукт», и «если остается, то по каким причинам» (стр. 96) [Русский перевод, стр. 297].

Ведь Родбертус предполагает,

«что сырой продукт, как и продукт промышленности, обменивается соответственно затраченному труду, что стоимость сырого продукта равна только затраченному на него труду» (стр. 96) [Русский перевод, стр. 297].

Правда, как замечает Родбертус, это предполагает также и Рикардо. Но это неверно, по крайней мере prima facie; ибо товары обмениваются не по их стоимостям, а по отличающимся от этих стоимостей средним ценам, причем это вытекает из определения стоимости товаров «рабочим временем», из этого закона, противоречащего по видимости данному явлению. Если сырой продукт приносит, сверх средней прибыли, еще и отличную от нее земельную ренту, то это возможно только при том условии, что сырой продукт продается *не* по средней цене; почему дело обстоит именно так — это-то как раз и следовало бы объяснить. Но посмотрим, как рассуждает Родбертус.

«Я *предположил,* что рента» *(прибавочная стоимость,* неоплаченное рабочее время) *«делится пропорционально стоимости сырого продукта и промышленного продукта* и что эта стоимость определяется *затраченным трудом»* (рабочим временем) (стр. 96—97) [Русский перевод, стр. 297].

Подвергнем испытанию прежде всего это первое *предположение.* Оно выражает в иных словах лишь то, что содержащиеся в товарах *прибавочные стоимости* относятся как *стоимости* этих товаров, или, иначе говоря, что *содержащиеся* в товарах

количества *неоплаченного* труда относятся как количества *содержащегося* в них *труда* вообще. Если количества труда, содержащиеся в товарах *A* и *B,* относятся как 3 к 1, то и содержащиеся в них количества неоплаченного труда — или прибавочные стоимости — тоже относятся как 3 к 1. Ничего не может быть ошибочнее этого. Допустим, что при данном необходимом рабочем времени, равном, положим, 10 часам, один товар *(A)* является продуктом 30 рабочих, а другой *(B)* — продуктом 10 рабочих. Если 30 рабочих работают лишь по 12 часов в день, то произведенная ими прибавочная стоимость равна 60 часам, или 5 дням (5 × 12); если 10 рабочих работают по 16 часов в день, то произведенная ими прибавочная стоимость также равна 60 часам. При этом стоимость товара *A* будет равна 30 × 12, т. е. 360 рабочим часам, или 30 рабочим дням {12 часов = рабочему дню}, а стоимость товара *B* будет равна 160 рабочим часам, или $13^1/_3$ рабочего дня. *Стоимости* товаров *A* и *B* относятся как 360 к 160, или как 9 к 4. Содержащиеся же в этих товарах прибавочные стоимости относятся как 60 к 60, или как 1 к 1. Прибавочные стоимости были бы в таком случае равны, хотя стоимости относились бы как 9 к 4.

[466] Следовательно, прибавочные стоимости товаров не относятся друг к другу как стоимости этих товаров прежде всего тогда, когда различны абсолютные прибавочные стоимости, т. е. неодинаково удлинение рабочего времени за пределы необходимого труда, — стало быть, когда различны *нормы прибавочной стоимости.*

Во-вторых, если предположить, что нормы прибавочной стоимости одни и те же, то прибавочные стоимости — оставляя в стороне другие обстоятельства, связанные с обращением и с процессом воспроизводства, — зависят не от относительных количеств труда, содержащихся в двух товарах, а от отношения затраченной на заработную плату части капитала к той части, которая затрачена на постоянный капитал — на сырье и машины; а это отношение может быть совершенно различным у товаров одинаковой стоимости, будут ли эти товары «земледельческими продуктами» или «продуктами промышленности», что вообще не имеет никакого отношения к делу, по крайней мере prima facie.

Поэтому в корне ошибочно первое предположение г-на Родбертуса, будто из определения стоимости товаров рабочим временем вытекает, что *содержащиеся* в различных товарах количества неоплаченного труда — или их прибавочные стоимости — прямо пропорциональны стоимостям. Неверно, следовательно, и то, что

«рента делится пропорционально *стоимости* сырого продукта и промышленного продукта», если «эта стоимость определяется *затраченным трудом»* (стр. 96—97) [Русский перевод, стр. 297].

«Этим, разумеется, сказано также, что величина этих частей ренты определяется не *величиной того капитала, на который исчисляется прибыль,* я *непосредственно затраченным трудом,* будь то труд сельскохозяйственный или промышленный, плюс тот труд, который должен быть присчитан вследствие износа орудий и машин» (стр. 97) [Русский перевод, стр. 2971.

Это опять-таки неверно. Величина прибавочной стоимости (а это и имеется в виду в словах *«части ренты»,* так как рента понимается Родбертусом как нечто всеобщее, в отличие от прибыли и земельной ренты) зависит только от непосредственно затраченного труда, а не от износа основного капитала, а также и не от стоимости сырья, вообще не от какой бы то ни было части постоянного капитала.

Конечно, этот износ определяет то отношение, в каком должен быть воспроизведен основной капитал (его производство зависит вместе с тем от новообразования капитала, от его накопления). Но прибавочный труд, выполняемый при производстве основного капитала, так же не имеет отношения к той сфере производства, в которую этот основной капитал входит в качестве основного капитала, как не имеет к ней отношения, например, тот прибавочный труд, который входит в производство сырого материала. Напротив, для всех этих отраслей производства — для земледелия, машиностроения и обрабатывающей промышленности — одинаково имеет силу то положение, что у всех них прибавочная стоимость определяется только массой применяемого труда, если дана норма прибавочной стоимости, и только нормой прибавочной стоимости, если дана масса применяемого труда. Г-н Родбертус пытается «протолкнуть» износ, чтобы вытолкнуть «сырой материал».

Напротив, — полагает г-н Родбертус, — «та часть капитала, которая заключается в стоимости материала», никогда не может иметь влияния на величину частей ренты, потому что, «например, в тот труд, который затрачен на особый продукт, каким является пряжа или ткань, не может входить затрата труда, приходящаяся на долю шерсти как сырого продукта» (стр. 97) [Русский перевод, стр. 298].

Рабочее время, требующееся для прядения или тканья, совершенно в такой же степени зависит, или, вернее, совершенно в такой же степени не зависит, от рабочего времени, необходимого для производства машины, т. е. от ее *стоимости,* как и от рабочего времени, какого стоит сырой материал. Как машина, так и сырой материал входят в процесс труда, но ни машина, ни сырье не входят и процесс увеличения стоимости.

«Напротив, стоимость сырого продукта, или стоимость материала, все же фигурирует как *затрата капитала* в составе той суммы капитала, на которую владелец исчисляет, в качестве прибыли, часть ренты, приходящуюся на промышленный продукт. В *сельскохозяйственном же капитале эта часть капитала отсутствует.* Сельское хозяйство *не нуждается в продукте предшествующего ему производства в качестве материала — ведь только с сельского хозяйства и начинается вообще производство;* такой частью имущества, которая аналогична материалу, в сельском хозяйстве могла бы быть сама земля, но предполагается, что она не стоит никаких издержек» (стр. 97—98) [Русский перевод, стр. 298].

Это — представление немецкого крестьянина. В сельском хозяйстве (за исключением рудников, рыболовства, охотничьего промысла, но *отнюдь не скотоводства)* семена, корм, скот, минеральные удобрения и т. д. составляют тот материал, [467] из которого производится продукт, и этот материал есть продукт *труда.* В соответствии с развитием предпринимательского земледелия развиваются и эти *«затраты».* Всякое производство — с того момента, когда речь идет уже не о простом захвате и присвоении, — есть воспроизводство и поэтому нуждается «в продукте предшествующего ему производства в качестве материала». Все, что в производстве является результатом, есть вместе с тем и предпосылка. И чем выше уровень развития крупного земледелия, тем больше покупает оно продуктов «предшествующего ему производства» и тем больше продает своих собственных продуктов. В форме товаров эти затраты — они превращены в товар при помощи счетных денег — входят в земледелие с того самого времени, когда фермер становится вообще зависимым от продажи своего продукта и начинают фиксироваться цены различных сельскохозяйственных продуктов (например, сена), так как и в земледелии возникает разделение сфер производства. Даже у крестьянина должно было бы все перепутаться в голове, если бы квартер пшеницы, который он продает, он считал *доходом,* а квартер пшеницы, отдаваемый им земле, не считал бы при этом *«затратой».* Впрочем, пусть г-н Родбертус попытается вообще «начать» где-нибудь «производство», например, льна или шелка без «продуктов предшествующего производства». Это — чистейшая нелепость.

Такой же нелепостью являются и все дальнейшие выводы Родбертуса:

«Таким образом, для сельского хозяйства и промышленности являются общими те две части капитала, которые влияют на определение *величины* частей ренты; не является, однако, общей для них та часть капитала, которая такого влияния не оказывает, но на которую вместе с другими частями исчисляется, в качестве прибыли, часть ренты, определяемая указанными выше частями капитала; эта третья часть капитала имеется

только в промышленном капитале. Мы предположили, что стоимость сырого продукта, как и продукта промышленного, определяется затраченным трудом и что рента делится пропорционально этой стоимости между владельцами сырого и промышленного продуктов. Так вот, *если,* поэтому, *получающиеся в производстве сырого и промышленного продуктов части ренты и пропорциональны, тем количествам труда, которых стоил соответствующий продукт, то всё же примененные в сельском хозяйстве и промышленности капиталы, на которые распределяются, в качестве прибыли, эти части ренты* (притом в промышленности — самостоятельно, а в сельском хозяйстве — по ставке прибыли, установившейся *в промышленности),* не стоят в том же отношении друг к другу, в каком находятся указанные количества труда и определяемые ими части ренты. Напротив, *при равной величине частей ренты, приходящихся. на сырой и промышленный продукты,* промышленный капитал будет больше сельскохозяйственного капитала на всю величину содержащейся в нем стоимости материала. А так как эта стоимость материала *увеличивает промышленный капитал, на который исчисляется, в качестве прибыли, приходящаяся на него часть ренты, но не увеличивает самой прибыли,* что ведет еще к *понижению ставки прибыли,* регулирующей также и прибыль в *сельском хозяйстве,* — то из той части ренты, которая приходится на сельское хозяйство, необходимо должен получаться остаток, не поглощаемый *исчислением прибыли по этой ставке»* (стр. 98—99) [Русский перевод, стр. 298—299].

Первая ложная предпосылка: если промышленный продукт и продукт земледельческий обмениваются по их *стоимостям* (т. е. в соответствии с требующимся для их производства рабочим временем), то они приносят своим владельцам равновеликие *прибавочные стоимости,* или равновеликие количества неоплаченного труда. Прибавочные стоимости *не* относятся друг к другу как стоимости соответствующих товаров.

Вторая ложная предпосылка: так как Родбертус уже предполагает *норму прибыли* (которую он окрестил «ставкой прибыли на капитал»), то неверна его предпосылка, будто товары *обмениваются соответственно их стоимостям.* Одна предпосылка исключает другую. *Стоимости* товаров должны уже *видоизмениться, превратиться в средние цены* или же находиться в непрерывном процессе такого видоизменения, чтобы могла установиться *норма прибыли* (общая). В этой общей норме выравниваются те *особые нормы прибыли,* которые в каждой сфере производства определяются отношением *прибавочной стоимости к авансированному капиталу.* Почему же, в таком случае, этого не бывает в земледелии? В этом-то и заключается вопрос. Но у Родбертуса даже постановка вопроса неправильна, так как он, *во-первых,* предполагает, что общая *норма прибыли* уже имеется налицо, а *во-вторых,* предполагает, что *особые* нормы прибыли (а следовательно, и различия между ними) *не* выравнены, т. е. что товары обмениваются по их *стоимостям.*

Третья ложная предпосылка: стоимость сырого материала не входит в земледелие. В действительности же затраты в виде семян и т. д. являются здесь составными частями постоянного капитала и учитываются фермером *как таковые.* В той мере, в какой земледелие становится просто одной из отраслей предпринимательства и капиталистическое производство водворяется в деревне, [468] в той мере, в какой земледелие производит на рынок, производит *товары,* предметы для продажи, а не для собственного потребления, — в такой же самой мере земледелие учитывает свои затраты и каждую их статью рассматривает как товар, независимо от того, покупает ли оно данный предмет у себя самого (т. е. в своем *производстве)* или у третьего лица. В той же самой мере, в какой товарами становятся *продукты,* становятся, естественно, товарами также и *элементы производства,* так как эти элементы представляют собой совершенно такие же продукты. Стало быть, так как пшеница, сено, скот, всякого рода семена и т. д. *продаются* как товары, причем существенное значение имеет именно продажа этих продуктов, а не использование их для непосредственного потребления, — то и в производство они тоже входят как *товары;* и фермер был бы круглым дураком, если бы не умел пользоваться деньгами как счетными деньгами. Однако первоначально это — всего лишь формальная сторона исчисления. Но в такой же мере *развиваются* и те условия, при которых тот или иной фермер покупает *затрачиваемые им в производстве продукты* — семена, чужой скот, удобрения, минеральные вещества и т. д., в то время как свой *доход* он продает; так что для отдельного фермера эти затраты входят в производство как затраты [не только по сути дела, но] и по форме, ибо они — *купленные товары.* (Теперь они уже всегда являются для фермера товарами, составными частями его капитала, и фермер считает их *проданными* самому себе как производителю, когда отдает их обратно производству in naturali*.) И это положение вещей все больше вступает в силу по мере того, как земледелие развивается и конечный продукт все больше и больше производится на фабричный лад, соответственно капиталистическому способу производства.

Итак, неверно, будто здесь в промышленность входит такая часть капитала, которая *не* входит в земледелие.

Если, стало быть, согласно *(ложной) предпосылке Родбертуса,* «части ренты» (т. е. доли участия в прибавочной стоимости), приносимые земледельческим продуктом и промышленным

* — в натуральном виде. *Ред.*

продуктом, пропорциональны *стоимостям* этих продуктов; если, другими словами, промышленный продукт и продукт земледельческий, имеющие *равновеликие стоимости,* приносят своим владельцам равновеликую *прибавочную стоимость,* т. е. содержат *равные количества неоплаченного труда,* — то [даже при этой предпосылке] отнюдь не возникает какой-либо диспропорции из-за того, что в промышленность входит *такая* составная часть капитала (затрачиваемая на сырой материал), которая будто бы не входит в земледелие, так что, например, одинаковая прибавочная стоимость исчисляется-де в промышленности на капитал, *увеличенный* на эту составную часть, и потому дает уменьшенную норму прибыли. Ведь такая же *составная часть* капитала входит также и в земледелие. Следовательно, оставалось бы только решить вопрос: входит ли она *в той же самой пропорции?* Но тогда мы имели бы дело с *чисто количественными различиями,* тогда как г-н Родбертус пытается найти здесь *«качественное»* различие. Такие же *количественные различия* имеют место в различных *промышленных* сферах производства. Они выравниваются в общей норме прибыли. Почему же, в таком случае, не выравниваются различия между промышленностью и земледелием (если такие различия существуют)? Так как г-н Родбертус допускает участие земледелия в получении *общей нормы прибыли,* то почему же он не допускает участия земледелия в образовании этой общей нормы прибыли? Но тогда всей его теории пришел бы, разумеется, конец.

Четвертая ложная предпосылка: неверной и произвольной предпосылкой является то, что Родбертус *износ машин* и т. д., — эту одну из частей *постоянного капитала,* — включает в *переменный капитал,* т. е. в ту часть капитала, которая создает прибавочную стоимость и, в частности, определяет норму прибавочной стоимости, а сырой материал он сюда *не* включает. Эта *ошибка в исчислении* делается для того, чтобы можно было получить желаемый с самого начала результат исчисления.

Пятая ложная предпосылка: г-н Родбертус, коль скоро он хочет провести различие между земледелием и промышленностью, должен был бы знать, что тот *элемент капитала,* который состоит из машин, орудий, т. е. из основного капитала, целиком принадлежит *промышленности.* Этот элемент капитала, поскольку он в качестве элемента входит в тот или иной капитал, всегда входит только в *постоянный капитал* и не может увеличить *прибавочную стоимость* ни на грош. С другой стороны, он, как *продукт промышленности,* представляет собой результат определенной сферы производства. Его цена, или та часть стоимости, которую он составляет во всем капитале общества,

выражает, следовательно, вместе с тем *определенное количество прибавочной стоимости* (совершенно так же, как это имеет силу для сырого материала). Этот элемент входит, правда, в земледельческий продукт, но получается он из промышленности. Если г-н Родбертус в своих расчетах рассматривает сырой материал как такой элемент капитала, который приходит в промышленность извне, то машины, орудия, сосуды, строения и т. д. он должен рассматривать как такой элемент капитала, который извне приходит в земледелие. И он должен был бы сказать: в промышленность входят только заработная плата и сырой материал (ибо основной капитал, поскольку он не состоит из сырого материала, есть продукт промышленности, ее собственный продукт); в земледелие же входят только заработная плата [469] и машины и т. д., т. е. основной капитал, ибо *сырой материал,* поскольку он не содержится в орудиях и т. д., есть продукт земледелия. В таком случае пришлось бы исследовать, какой получился бы расчет в промышленности после того, как в ней отпала одна «статья» издержек производства.

В-шестых. Совершенно верно, что в горную промышленность, рыболовство, охотничий промысел, лесное хозяйство (в той мере, в какой леса растут сами собой) и т. д. — одним словом, в *добывающую промышленность* (в добывание сырых продуктов, при котором не происходит *воспроизводства* in naturali) — *сырой материал не входит,* если не считать *вспомогательных материалов.* К земледелию это *не* относится.

Но не менее верно, что *то же самое* происходит в весьма крупной части *промышленности,* в *транспортной промышленности.* Здесь производятся *затраты* только на машины, вспомогательные материалы и заработную плату.

Наконец, не подлежит сомнению, что в других *отраслях промышленности,* говоря относительно, входят в производство только сырой материал и заработная плата, но не входят машины, основной капитал и т. д., — как это, например, имеет место в портняжном деле и т. д.

Во всех этих случаях величина *прибыли,* т. е. *отношение прибавочной стоимости* к *авансированному капиталу,* зависела бы не от того, состоит ли авансированный капитал — за вычетом *переменной, или затраченной на заработную плату, части капитала* — из машин или сырого материала или из обоих элементов вместе, а зависела бы от того, как велика эта часть капитала сравнительно с той его частью, которая затрачивается на заработную плату. В результате этого в различных сферах производства должны были бы существовать (независимо от модификаций, вызываемых обращением) различные нормы

прибыли, выравнивание которых как раз и образует общую норму прибыли.

О чем г-н Родбертус смутно догадывается, так это об отличии прибавочной стоимости от ее специальных форм, в особенности от прибыли. Но он бьет мимо цели, потому что у него речь идет с самого начала только об истолковании *одного определенного* явления (земельной ренты), а не о раскрытии всеобщего закона.

Во всех отраслях производства имеет место *воспроизводство;* однако это связанное с производством воспроизводство совпадает с естественным воспроизводством только в земледелии, но не в *добывающей промышленности.* Поэтому в последней продукт в своей натуральной форме не становится снова элементом своего собственного воспроизводства {исключая те случаи, когда он фигурирует в виде вспомогательных материалов}.

Земледелие, скотоводство и т. д. отличает от других отраслей производства, *во-первых, не то,* что продукт становится здесь средством производства, ибо так дело обстоит и со всеми промышленными продуктами, не обладающими окончательной формой индивидуальных жизненных средств, а также и с обладающими этой формой, поскольку они становятся средствами производства самого *производителя,* который воспроизводит себя и сохраняет свою рабочую силу тем, что он их потребляет.

Во-вторых, продукты сельского хозяйства отличает и *не то,* что они входят в производство как *товары,* т. е. как составные части капитала; они входят в производство в том же виде, в каком выходят из него: они выходят из него как товары и входят в него снова как товары, — товар есть как предпосылка, так и результат капиталистического производства.

Таким образом, остается *только третье* отличие: они входят как средства своего собственного производства в тот процесс производства, продуктами которого они являются. Это имеет место также и у машин. Машина производит машину. Уголь помогает поднимать уголь из шахты, уголь перевозит уголь, и т. д. В земледелии это выступает как процесс природы, который направляется человеком, хотя этот процесс «немножечко» создает и самого человека. В других отраслях производства это выступает прямо как действие производства.

Но если г-н Родбертус на этом основании полагает, что *земледельческие продукты* не могут входить в воспроизводство как *«товары»* — ввиду той своеобразной формы, в какой они (технологически) входят в него в качестве «потребительных стоимостей», — то он находится на совершенно ложном пути и опирается, очевидно, на воспоминания о том вре-

мени, когда земледелие еще не было капиталистическим предприятием, когда только *излишек* продуктов земледелия над тем, что потреблялось самим производителем, становился *товаром* и когда эти продукты, поскольку они входили в производство, не являлись для земледелия *товарами.* Это — коренное непонимание того влияния, которое капиталистический способ производства оказывает на весь процесс производства. Для капиталистического производства всякий продукт, который имеет стоимость — который, стало быть, an sich* есть *товар,* — также и учитывается как товар.

[6) НЕПОНИМАНИЕ РОДБЕРТУСОМ СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СРЕДНЕЙ ЦЕНОЙ И СТОИМОСТЬЮ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ И В ЗЕМЛЕДЕЛИИ. ЗАКОН СРЕДНИХ ЦЕН]

Предположим, что, например, в горной промышленности постоянный капитал, состоящий только из машин, равен 500 ф. ст., а капитал, затрачиваемый на заработную плату, тоже равен 500 ф. ст.; тогда, если прибавочная стоимость составляет 40%, т. е. 200 ф. ст., прибыль составляла бы 20%.

Итак, в этом случае мы имеем:

Постоянный капитал (машины)	Переменный капитал	Прибавочная стоимость
500	500	200

Если бы в отраслях обрабатывающей промышленности (или также в отраслях земледелия), куда входит сырой материал, был затрачен такой же переменный капитал; если бы, далее, применение последнего (т. е. использование этого определенного числа рабочих) требовало машин и т. д. на 500 ф. ст., то здесь действительно прибавилась бы, в качестве третьего элемента, стоимость материала, скажем, тоже в 500 ф. ст. В этом случае мы имеем:

	Постоянный капитал	Переменный напитал	Прибавочная стоимость
Машины	500	500	200
Сырой материал	500		
Итого	1 000		

Эти 200 ф. ст. прибавочной стоимости пришлось бы теперь исчислить на 1500 ф. ст., и это составило бы только $13\frac{1}{3}$%. Приведенный пример остается в силе, если в первом случае берется транспортная промышленность. Если же, напротив, во втором случае соотношение было бы таким, что машины

* — «в себе», в возможности, потенциально. *Ред.*

стоят 100, а сырой материал — 400, то норма прибыли осталась бы той же.

[470] Г-н Родбертус воображает, следовательно, что, в то время как в земледелии затрачивается 100 на заработную плату плюс 100 на машины, в промышленности затрачивается 100 на машины, 100 на заработную плату и *x* на сырой материал. Схема имела бы такой вид:

I. Земледелие

Постоянный капитал (машины)	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Норма прибыли
100	100	50	$^{50}/_{200} = {}^{1}/_{4}$

II. Промышленность

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Норма прибыли
Сырой материал.......…… *x*	100	50	$\frac{50}{200+x}$
Машины...................... 100			
Итого ….*x* + 100			

Норма прибыли, следовательно, во всяком случае меньше, чем $^{1}/_{4}$. Отсюда-де и возникает земельная рента в I.

Во-первых, это различие между земледелием и обрабатывающей промышленностью является *воображаемым,* не существующим; стало быть, оно не имеет *никакого значения* для той формы земельной ренты, которая определяет все другие ее формы.

Во-вторых, г-н Родбертус мог бы найти такое же различие между нормами прибыли в любых двух отдельных отраслях промышленности; это различие зависит от *соотношения между величиной постоянного капитала и величиной переменного капитала,* — от соотношения, которое, в свою очередь, опять-таки может определяться, но может и не определяться, вхождением сырого материала. В тех отраслях промышленности, куда входят и сырой материал и машины, стоимость сырого материала — стало быть, та относительная величина, которую он составляет во всем капитале, — естественно, имеет, как я показал раньше, очень важное значение[20]. К земельной ренте это не имеет ни малейшего отношения.

«Только в том случае, если стоимость сырого продукта падает *ниже* затраченного труда, возможно, что и в сельском хозяйстве вся *часть ренты, приходящаяся на сырой продукт, поглощается прибылью, исчисляемой на капитал;* ибо тогда эта часть ренты может настолько уменьшиться, что между ней и сельскохозяйственным капиталом, хотя в нем и отсутствует стоимость материала, все же создается такое же процентное отношение, какое существует между частью ренты, приходящейся на промышленный продукт, и промышленным капиталом, хотя в этом

последнем и содержится стоимость материала; только в этом случае, следовательно, оказывается возможным, чтобы и в сельском хозяйстве не оставалось никакой ренты, кроме прибыли на капитал. Но поскольку существующий обмен, как правило, по крайней мере тяготеет к тому закону, согласно которому стоимость равняется затраченному труду, постольку и земельная рента, как правило, оказывается налицо; если же никакой земельной ренты не получается, а получается только прибыль на капитал, то это — не первоначальное состояние, как полагает Рикардо, а только ненормальность» (стр. 100) [Русский перевод, стр. 301—303].

Стало быть, если оставаться при вышеприведенном примере, то картина будет следующая (для большей наглядности мы лишь предположим, что сырой материал равен 100 ф. ст.):

I. Земледелие

Постоянный капитал (машины)	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Стоимость продукта	Цена продукта	Прибыль
100	100	50	250	$233\frac{1}{3}$	$16\frac{2}{3}$

II. Промышленность

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Стоимость продукта	Цена продукта	Прибыль
Сырой материал ….100 Машины................ 100	100	50	350	350	$16\frac{2}{3}$%

Здесь норма прибыли в земледелии и промышленности уравнялась бы, ничего не оставляя для земельной ренты, потому, что земледельческий продукт продается на $16\frac{2}{3}$ ф. ст. *ниже* своей *стоимости.* Даже если бы пример этот был настолько же верен, насколько он ошибочен *для земледелия,* то и в таком случае то обстоятельство, что стоимость сырого продукта падает *«ниже* затраченного труда», лишь соответствовало бы целиком и полностью закону *средних цен.* В действительности же следует объяснить, *почему* «в *виде исключения»* это отчасти *не* имеет места в земледелии и почему здесь вся прибавочная стоимость (или, по крайней мере, более крупная ее доля, чем в других отраслях производства; *избыток* над средней нормой прибыли) *остается* в цене продукта этой особой отрасли производства, а не идет в общий расчет при образовании общей нормы прибыли. Здесь видно, что Родбертус не знает, что такое норма прибыли (общая) и что такое средняя цена.

Чтобы выяснить этот *закон средних цен,* — что гораздо важнее, чем разбор взглядов Родбертуса, — возьмем пять примеров. Норму прибавочной стоимости мы принимаем везде одинаковой.

Нет никакой необходимости сравнивать товары, имеющие *равновеликую* стоимость; товары следует сравнивать лишь по

их стоимости. Ради упрощения здесь сравниваются товары, произведенные равновеликими капиталами.

[471]

	Постоянный капитал		Переменный капитал (заработная плата)	Прибавочная стоимость	Норма прибавочной стоимости	Прибыль	Норма прибыли	Стоимость продукта
	машины	сырой материал						
I	100	700	200	100	50%	100	10%	1 100
II	500	100	400	200	50%	200	20%	1 200
III	50	350	600	300	50%	300	30%	1 300
IV	700	отсутствует	300	150	50%	150	15%	1 150
V	отсутствуют	500	500	250	50%	250	25%	1 250

Здесь мы имеем в категориях I, II, III, IV и V (это — пять различных сфер производства) товары, *стоимости* которых составляют соответственно 1100, 1200, 1300, 1150 и 1250 ф. ст. Таковы были бы те денежные цены, по которым эти товары обменивались бы в том случае, если бы они обменивались по своим *стоимостям.* Во всех этих сферах производства авансированный капитал имеет *одинаковую* величину — 1000 ф. ст. Если бы эти товары обменивались по их стоимостям, то норма прибыли была бы для I лишь 10%, для II вдвое выше — 20%, для III — 30%, для IV — 15%, для V — 25%. Если сложить эти отдельные нормы прибыли, то их сумма будет равна 10% + 20% + 30% + 15% + 25%, стало быть, будет равна 100%.

Если рассматривать весь авансированный капитал во всех пяти сферах производства, то одна часть его (I) даст 10%, другая часть (II) — 20% и т. д. Прибыль, которую весь капитал дает в среднем, равна той средней величине, которую дают эти пять частей. А это составляет:

$$\frac{100\,(\text{совокупная сумма норм прибыли})}{5\,(\text{число различных норм прибыли})},$$

т. е. 20%. И, действительно, мы находим, что 5000 ф. ст. капитала, авансированного в пяти сферах, дают прибыль, равную 100 + 200 + 300 + 150 +250 = 1000, т. е. дают 1000 на 5000, что составляет $^{1}/_{5}$, или 20%. Точно так же, если мы сосчитаем *стоимость совокупного продукта,* то она составит 6000 ф. ст.; избыток же над 5000 ф. ст. авансированного капитала равен 1000 ф. ст., или 20% по отношению к *авансированному капиталу;* по отношению же ко *всему продукту* это составит $^{1}/_{6}$, или $16^{2}/_{3}$%. (Это опять-таки еще другой расчет.)

Так вот, для того чтобы каждый из авансированных капиталов (I, II, III и т. д.), или, что то же самое, равновеликие капиталы, либо же капиталы, рассматриваемые лишь в отношении их величины, т. е. только под углом зрения той пропорции, в какой они представляют собой части авансированного совокупного капитала, — чтобы каждый из этих капиталов действительно получал свою долю из прибавочной стоимости, приходящейся на совокупный капитал, — для этого на каждый из них может выпасть только 20% прибыли, но именно столько и должно с необходимостью [472] выпадать на его долю. А для того чтобы это было возможно, продукты различных сфер должны продаваться то выше своей стоимости, то в большей или меньшей степени ниже своей стоимости. Другими словами, совокупная прибавочная стоимость должна быть распределена между ними не пропорционально тому, сколько производится прибавочной стоимости в каждой отдельной сфере производства, а пропорционально величине авансированных капиталов. Все сферы производства должны продавать свой продукт за 1200 ф. ст., чтобы таким образом избыток стоимости продукта над авансированным капиталом был равен $^1/_5$ последнего, т. е. 20%.

В результате этого распределения у нас получается следующее [см. таблицу на стр. 66].

Здесь мы видим, что лишь в одном случае (II) средняя цена равна стоимости товара, так как *прибавочная стоимость* случайно равна здесь *нормальной средней прибыли в 200.* Во всех других случаях от одного товара отнимается и к другому добавляется то больше, то меньше прибавочной стоимости, и т. д.

Если г-н Родбертус должен был что-либо показать, так именно то, почему в *сельском хозяйстве* этого *не* происходит, почему там товар должен продаваться по своей *стоимости,* а не по *средней цене.*

Действие конкуренции состоит в выравнивании прибылей, т. е. в сведении *стоимостей* товаров к *средним ценам.* Подобно тому как отдельный капиталист, по словам г-на Мальтуса, ожидает получения прибыли в равной мере от каждой части *своего* капитала[21], — а это, другими словами, означает только то, что каждую часть капитала (независимо от ее *органической* функции) капиталист рассматривает как самостоятельный источник прибыли, что таким источником ему *представляется* каждая часть капитала, — точно так же каждый капиталист, по отношению к классу капиталистов, рассматривает свой *капитал* как источник такой же по величине прибыли, какую приносит

	Стоимость продукта	Прибавочная стоимость	Средняя цена	Соотношение между средней ценой и стоимостью	Соотношение между прибылью и прибавочной стоимостью в процентах	Исчисленная прибыль
I	1 100	100	1 200	Избыток средней цены над стоимостью 100	Избыток прибыли над прибавочной стоимостью 100%	200
II	1 200	200	1 200	0 Стоимость = цене	0	200
III	1 300	300	1 200	Падение средней цены ниже стоимости 100	Падение прибыли ниже прибавочной стоимости $33^{1}/_{3}$%	200
IV	1 150	150	1 200	Избыток цены над стоимостью 50	Избыток прибыли над прибавочной стоимостью $33^{1}/_{3}$%	200
V	1 250	250	1 200	Избыток стоимости над ценой 50	Избыток прибавочной стоимости над прибылью 25% Падение прибыли ниже прибавочной стоимости 20%	200

всякий другой капитал *равной величины;* т. е. каждый капитал в отдельной сфере производства рассматривается лишь как *часть совокупного капитала, авансированного на совокупное производство;* каждый капитал притязает на свою долю в совокупной прибавочной стоимости — в совокупной массе неоплаченного труда или продуктов неоплаченного труда — пропорционально своей величине, своей акции, пропорционально той доле, которую он составляет в совокупном капитале. Эта *видимость* укрепляет у капиталиста, которому вообще все в кон-

куренции *представляется* в превратном виде, — и не только у него, но и у некоторых из его преданнейших фарисеев и книжников — то представление, будто капитал есть *не зависящий* от труда источник дохода, поскольку действительно прибыль на капитал в каждой отдельной сфере производства отнюдь не определяется тем лишь количеством неоплаченного труда, которое данный капитал сам *«производит»;* эта прибыль попадает в общий котел массы прибыли, откуда отдельные капиталисты получают свои доли пропорционально своим долям участия в совокупном капитале.

Итак, у Родбертуса — нелепость. Мимоходом надо еще заметить, что в некоторых отраслях сельского хозяйства — как, например, в самостоятельном скотоводстве — переменный капитал, т. е. капитал, затрачиваемый на заработную плату, чрезвычайно незначителен по сравнению с постоянной частью капитала.

[Родбертус говорит:]

«Арендная плата по своей природе всегда есть *земельная рента»* (цит. соч., стр. 113).

Неверно. Аренда всегда уплачивается земельному собственнику; вот и всё. Но если, как это очень часто бывает на практике, она представляет собой, частью или целиком, вычет из нормальной прибыли или из нормальной заработной платы {действительная прибавочная стоимость, т. е. прибыль плюс рента, никогда не является *вычетом из* заработной платы, она есть та часть продукта труда рабочего, которая остается *после вычета* заработной платы *из* этого продукта}, — то, с экономической точки зрения, она не есть земельная рента, и это тотчас же доказывается практикой, как только [473] условия конкуренции восстанавливают нормальную заработную плату и нормальную прибыль.

Итак, в *средних ценах,* к которым конкуренция постоянно стремится свести *стоимости* товаров, имеет место, за исключением случая II в вышеприведенной таблице, постоянное *добавление к стоимости,* по отношению к продукту одной сферы производства, и постоянный *вычет из стоимости,* по отношению к продукту другой, и только этим путем и получается *общая норма прибыли.* У товаров той отдельной сферы производства, где отношение переменного капитала к совокупной сумме авансированного капитала {норма прибавочного труда предположена данной, одинаковой} соответствует среднему отношению общественного капитала, стоимость равна средней цене — здесь, стало быть, не имеет моста ни *добавление*

к стоимости, ни *вычет из стоимости.* Если же вследствие особых условий, которые не подлежат здесь разбору, в рамках определенных сфер производства стоимость товаров, — несмотря на то, что она *превышает* среднюю цену, — не претерпевает *вычета* (в среднем, а не в виде временного явления), то это удерживание *всей прибавочной стоимости* в той или иной особой сфере производства, — имеющее место несмотря на то, что оно повышает [реализованную] *стоимость* товара над *средней ценой* и поэтому дает большую, нежели средняя, норму прибыли, — следует рассматривать как привилегию таких сфер производства. Как *особенность,* как *исключение* здесь приходится рассматривать и объяснять не то, что *средняя цена* товаров опускается *ниже* их стоимости — это есть общее явление и необходимая предпосылка выравнивания, — а то, почему данные товары, в отличие от других товаров, продаются как раз *по* их стоимости, превышающей среднюю цену.

Средняя цена товара равна его *издержкам производства* (авансированному в нем капиталу, будь то в форме заработной платы, сырого материала, машин или чего-нибудь иного) плюс средняя прибыль. Стало быть, если [дана средняя норма прибыли] (в вышеприведенном примере средняя прибыль составляет 20%, т. е. $^1/_3$), то средняя цена каждого товара равна $К$ (авансированному капиталу) плюс $^П/_К$ (средняя норма прибыли). Если $К + {}^П/_К$ равно *стоимости* этого товара, т. е. если произведенная в этой сфере производства прибавочная стоимость $М$ равна $П,$ то стоимость товара равна его средней цене. Если $К + {}^П/_К$ меньше, чем *стоимость* товара, если, стало быть, произведенная в этой сфере прибавочная стоимость $М$ больше ***П,*** то [реализованная] стоимость товара *опускается* до его средней цены, и часть его прибавочной стоимости добавляется к стоимости других товаров. Наконец, если $К + {}^П/_К$ больше, чем *стоимость* товара, т. е. если $М$ меньше $П,$ то [реализованная] *стоимость* товара поднимается до его средней цены, и к [имманентной] стоимости данного товара добавляется прибавочная стоимость, произведенная в других сферах производства. Наконец, если существуют такие товары, которые продаются по их стоимости, хотя их стоимость больше, чем $К + {}^П/_К$, или такие товары, [реализованная] стоимость которых опускается по крайней мере не в такой степени, чтобы они могли быть

сведены к их нормальной средней цене $К + {}^{П}/_{К}$, то здесь должны действовать особые условия, обеспечивающие этим товарам исключительное положение. В этом случае реализованная в таких сферах производства прибыль стоит *выше* общей нормы прибыли. Если капиталист получает здесь общую норму прибыли, то *земельный собственник* может получить добавочную прибыль в форме земельной ренты.

[7) ОШИБКИ РОДБЕРТУСА В ВОПРОСЕ О ФАКТОРАХ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ НОРМУ ПРИБЫЛИ И НОРМУ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ]

То, что я называю нормой прибыли, нормой процента и нормой земельной ренты, Родбертус называет *«высотой прибыли на капитал и высотой ссудного процента»* (стр. 113) [и «высотой земельной ренты»].

«Высота прибыли на капитал и высота ссудного процента определяется их отношением к капиталу... У всех цивилизованных народов сумма капитала в 100 принята за единицу измерения, которая и служит масштабом для исчисления высоты. Чем больше, следовательно, относительное число, выражающее ту величину прибыли или ссудного процента, которая приходится на капитал в 100, другими словами, чем «больше процентов» приносит капитал, тем *выше* стоят прибыль и ссудный процент») (стр. 113—114) [Русский перевод, стр. 305].

«Высота *земельной ренты и арендной платы* определяется их отношением к данному земельному участку» (стр. 114) [Русский перевод, стр. 305].

Это никуда не годится. Норму земельной ренты следует, прежде всего, исчислять на капитал, исчислять, стало быть, как *избыток цены товара* над *издержками его производства* и над той частью *цены,* которая образует *прибыль.* Г-н Родбертус ведет счет на акры и моргены, при котором внутренняя связь пропадает, он берет [474] *внешнюю видимость* вещи, потому что она объясняет ему некоторые явления. Рента, которую дает акр, — это сумма ренты, абсолютная масса ренты. *Она может повышаться, когда норма ренты остается неизменной или даже падает.*

«Высота стоимости земли определяется капитализацией земельной ренты, получаемой с данного земельного участка. Чем больше сумма капитала, какую дает капитализация земельной ренты с участка определенной площади, тем *выше* стоимость земли» (стр. 114) [Русский перевод, стр.306].

Слово «высота» здесь представляет собой нелепость. В самом деле, какое отношение выражает это слово — отношение к чему?

Что капитализация из 10% дает большую сумму, чем капитализация из 20%, — это ясно, но единицей измерения служит при этом 100. Все выражение *«высота стоимости земли»* — такая же общая фраза, как *высокий* или *низкий уровень* товарных цен вообще.

Г-н Родбертус хочет исследовать:

«Что же определяет высоту прибыли на капитал и высоту земельной ренты?» (стр. 115) [Русский перевод, стр. 306].

[а) ПЕРВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОДБЕРТУСА]

Сперва он исследует: что определяет *«высоту ренты вообще»,* т. е. что определяет *норму прибавочной стоимости?*

«I) При данной стоимости продукта, или при продукте данного количества тру да 1 или, что опять-таки то же самое, при данном национальном продукте, высота ренты вообще находится в обратном отношении к высоте заработной платы и в прямом отношении к высоте производительности труда вообще. Чем ниже заработная плата, тем выше рента; чем выше производительность труда вообще, тем ниже заработная плата и тем выше рента» (стр. 115—116) [Русский перевод, стр. 306—307].

«Высота» ренты, — норма прибавочной стоимости, — зависит, говорит Родбертус, от *«величины* этой остающейся для ренты части», — т. е. части, остающейся после вычета заработной платы из совокупного продукта, причем здесь «может быть оставлена в стороне *та* часть стоимости продукта, которая служит для *возмещения* капитала» (стр. 117) [Русский перевод, стр. 307].

Это верно (я имею в виду то, что при указанном рассмотрении прибавочной стоимости постоянная часть капитала «оставляется в стороне»).

Несколько странным является тот взгляд Родбертуса, что

«если заработная плата падает, т. е. если она отныне составляет менее значительную долю всей стоимости продукта, то и *совокупный* капитал, на который должна исчисляться в виде прибыли *другая часть ренты»* {т. е. промышленная прибыль}, «становится меньше. Однако *высоту* прибыли и земельной ренты устанавливает одно только соотношение между стоимостью, превращающейся в прибыль на капитал или в земельную ренту, и тем капиталом или, соответственно, той площадью земли, на которые указанная стоимость *исчисляется* в качестве прибыли или земельной ренты. Поэтому, если заработная плата оставляет для ренты большую стоимость, то даже на *уменьшившийся капитал* и остающуюся неизменной площадь земли должна исчисляться большая стоимость в качестве прибыли на капитал и земельной ренты; проистекающая отсюда относительная величина их обеих становится больше и, следовательно, обе, вместе взятые, — или рента вообще — становятся выше... Предполагается, что стоимость продукта вообще остается неизменной... *От того только, что становится меньше заработная плата, затрачиваемая на труд, еще не становится меньшим труд, затрачиваемый на продукт»* (стр. 117—118) [Русский перевод, стр. 308].

Последнее верно. Но неверно, что, когда уменьшается переменный капитал, т. е. капитал, затрачиваемый на заработную плату, то обязательно должен уменьшиться и *постоянный капитал;* другими словами, неверно, что *норма прибыли* {оставляя здесь в стороне совершенно неуместное указание на соотношение между прибавочной стоимостью и площадью земли и т. д.} должна повышаться потому, что повышается *норма прибавочной стоимости.* Заработная плата падает, например, вследствие того, что труд становится более производительным, и это повышение производительности во всех случаях выражается в том, что в одно и то же время одним и тем же рабочим перерабатывается больше сырого материала, — стало быть, возрастает эта часть постоянного капитала; то же самое относится и к машинам и их стоимости. Таким образом, норма прибыли может понижаться и при уменьшении заработной платы. *Норма прибыли* зависит от *величины прибавочной стоимости,* которая определяется не только нормой прибавочной стоимости, но также и числом занятых рабочих.

Родбертус правильно определяет необходимую заработную плату как равную

«сумме необходимого содержания рабочего, составляющей для определенной страны и определенного периода времени *приблизительно одинаковое, определенное реальное количество продукта»* (стр. 118) [Русский перевод, стр. 308—309].

[475] Однако те положения об обратном отношении прибыли и заработной платы и об определении этого отношения производительностью труда, которые выдвинул Рикардо, г-н Родбертус излагает в высшей степени *запутанно, сбивчиво,* крайне беспомощно. Проистекает эта сбивчивость отчасти из того, что он, вместо того чтобы взять за меру рабочее время, ни к селу ни к городу берет *количества продукта* и проводит нелепые разграничения между *«высотой стоимости продукта»* и *«величиной стоимости продукта».*

Наш молодец понимает под *«высотой стоимости продукта»* не что иное, как отношение продукта к рабочему времени. Если за *одно и то же* рабочее время производится большое количество продуктов, то *стоимость продукта,* т. е. стоимость каждой отдельной части этого количества, низка; в противном случае дело обстоит наоборот. Если бы один рабочий день давал сперва 100 фунтов пряжи, а потом 200 фунтов, то во втором случае Стоимость пряжи была бы вдвое меньше, чем в первом. В первом случае стоимость фунта пряжи была бы равна $^1/_{100}$ рабочего дня; во втором случае — $^1/_{200}$ рабочего дня. Так как рабочий

получает одно и то же количество продукта, независимо от того, *высока или низка стоимость* последнего, т. е. содержит ли продукт больше или меньше труда, то заработная плата и прибыль находятся в обратном отношении друг к другу, и заработная плата, в зависимости от производительности труда, составляет более значительную или менее значительную часть совокупного продукта. Родбертус выражает это в следующих запутанных положениях:

«... Если заработная плата, как необходимое содержание рабочего, представляет собой определенное реальное количество продукта, то она должна составлять при высокой стоимости продукта большую стоимость, а при низкой стоимости его — небольшую стоимость; поэтому заработная плата, так как предполагается, что в распределение поступает одинаковая стоимость продукта, должна поглощать при высокой стоимости продукта значительную часть ее, а при низкой стоимости продукта — небольшую часть и в результате этого оставлять, таким образом, для ренты значительную или,, соответственно, незначительную долю стоимости продукта. Но если имеет силу то правило, что стоимость продукта равна количеству труда, затраченного на него, то, опять-таки, *высоту стоимости продукта* определяет *исключительно производительность труда,* или отношение массы продукта к количеству труда, затраченному на его производство... Если одно и то же количество труда производит больше продукта, другими словами, если производительность повышается, то в том же самом количестве продукта содержится меньше труда; и, наоборот, если одно и то же количество труда производит меньше продукта, другими словами, если производительность понижается, то в том же самом количестве продукта содержится больше труда. Но *количество труда* определяет *стоимость продукта,* а *относительная стоимость определенного количества продукта* определяет *высоту стоимости продукта*... Следовательно, рента вообще должна быть... *тем выше, чем выше производительность труда вообще»* (стр. 119—120) [Русский перевод, стр. 309—310].

Однако это верно только в том случае, если продукт, производимый рабочим, принадлежит к категории тех продуктов, которые входят, как жизненные средства, в потребление рабочего — по традиции или в силу необходимости. Если производимый рабочим продукт не принадлежит к этой категории продуктов, то производительность труда рабочего совершенно безразлична для относительной высоты заработной платы и прибыли, равно как и для *величины прибавочной стоимости* вообще. На долю рабочего в виде заработной платы приходится [тогда] *одна и та же часть стоимости* всего продукта, все равно, будет ли велико или мало то число продуктов или то количество продукта, в котором выражается эта часть стоимости. В *распределении стоимости* продукта не произойдет в этом случае никаких изменений, какие бы изменения ни произошли в производительности труда.

[б) ВТОРОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОДБЕРТУСА]

«II) Если при данной стоимости продукта дана высота ренты вообще, то высота земельной ренты и, соответственно, высота прибыли на капитал находятся в обратном отношении как друг к другу, так и к соответственной производительности труда в производстве сырья и в производстве промышленных изделий. Чем выше или ниже земельная рента, тем ниже или выше прибыль на капитал, и наоборот; чем выше или ниже производительность труда в производстве сырья или промышленных изделий, тем ниже или выше земельная рента или прибыль на капитал, и, следовательно, — если поменять местами прибыль на капитал и земельную ренту — тем выше или ниже прибыль на капитал или земельная рента» (стр. 116) [Русский перевод, стр. 307].

Сперва мы имели (в пункте I) рикардовское положение о том, что заработная плата и прибыль находятся в *обратном* отношении друг к другу.

Теперь мы имеем второе рикардовское положение — иначе сплетенное, или, вернее, спутанное Родбертусом, — что прибыль и рента находятся друг к другу в обратном отношении.

Совершенно ясно, что, если *данная прибавочная стоимость* делится между капиталистом и земельным собственником, то доля одного тем больше, чем меньше доля другого, и vice versa*. Но г-н Родбертус вносит сюда еще и кое-что от себя, и это кое-что следует разобрать подробнее.

Прежде всего, г-н Родбертус рассматривает, как некое новое открытие, то положение, что *прибавочная стоимость вообще* {«та *стоимость* продукта труда, которая подлежит разделу в качестве ренты вообще»}, т. е. совокупная выжатая капиталистами *прибавочная стоимость,* «состоит из стоимости сырого продукта плюс стоимость промышленного продукта» (стр. 120) [Русский перевод, стр. 310].

Сперва г-н Родбертус повторяет нам снова свое «открытие» относительно отсутствия «стоимости материала» в [476] земледелии. На сей раз это дается в виде следующего словесного потока:

«Та часть ренты, которая приходится на промышленный продукт и которая определяет ставку прибыли на капитал, исчисляется в качестве прибыли не только на капитал, действительно затраченный на изготовление этого продукта, но также и на всю стоимость сырого продукта, тоже фигурирующую, в виде *стоимости материала,* в предпринимательском фонде фабриканта; но такая стоимость материала *отсутствует* для той части ренты, которая приходится на сырой продукт и *из которой вычитается прибыль на затраченный в производстве сырья капитал, исчисленная соответственно данной в промышленности ставке прибыли»* (конечно!

* — наоборот. *Ред.*

соответственно *данной* ставке прибыли), «а остаток образует земельную ренту» (стр. 121) [Русский перевод, стр. 311].

Мы повторяем: нет, не отсутствует!

Допустим, — чего г-н Родбертус *не доказал* и при своем ходе мысли доказать не может, — что *существует земельная рента,* что, следовательно, определенная часть прибавочной стоимости сырого продукта достается земельному собственнику.

Далее, допустим, что

«при данной стоимости продукта высота ренты вообще» *(норма прибавочной стоимости)* «тоже дана» (стр. 121) [Русский перевод, стр. 310].

Это означает, что, например, в товаре стоимостью в 100 ф. ст. определенная часть, скажем половина, т. е. 50 ф. ст., составляет неоплаченный труд; эта половина образует, следовательно, тот фонд, из которого оплачиваются все подразделения прибавочной стоимости — рента, прибыль и т. д. В таком случае совершенно очевидно, что при дележе этих 50 ф. ст. один из участников дележа получает тем больше, чем меньше получает другой, и vice versa, или что прибыль и земельная рента находятся в обратном отношении друг к другу. Спрашивается теперь, что же определяет разделение прибавочной стоимости на эти две части?

Во всяком случае остается верным, что доход предпринимателя (будь он сельский хозяин или фабрикант) равен той прибавочной стоимости, которую предприниматель извлек из продажи произведенного продукта (выжав эту прибавочную стоимость из рабочих в своей сфере производства), и что земельная рента (там, где она не получается прямо из *промышленного продукта,* как в случае с *водопадом,* продаваемым промышленнику; последнее относится также и к ренте с *жилых домов* и т. д., ибо дома не являются ведь *сырым продуктом),* — что земельная рента проистекает только из добавочной прибыли (из той части прибавочной стоимости, которая не входит в общую норму прибыли), содержащейся в сырых продуктах и уплачиваемой арендатором земельному собственнику.

Совершенно верно, что, если стоимость сырого продукта повышается [или понижается], то в отраслях промышленности, применяющих сырой материал, норма прибыли будет падать или повышаться в обратном отношении к стоимости сырого продукта. Если стоимость хлопка удваивается, то при данной заработной плате и данной норме прибавочной стоимости норма прибыли понизится, как это показано мною раньше на одном конкретном примере[22]. Но то же самое имеет место

и в земледелии. Если урожай плох, а производство должно продолжаться в прежних размерах (мы здесь принимаем, что товары продаются по их *стоимости),* то более значительная часть совокупного продукта или его стоимости должна была бы быть возвращена земле, и после вычета заработной платы — при условии, что последняя остается неизменной, — менее значительная часть продукта составила бы прибавочную стоимость арендатора; следовательно, и меньшее количество стоимости останется для распределения между ним и земельным собственником. Хотя единица продукта и имела бы более высокую стоимость, чем прежде, все же не только остающееся количество продукта, но и остающаяся *доля стоимости* была бы меньше. Нечто иное происходит тогда, когда вследствие [возросшего] спроса продукт продается *выше* его стоимости и притом настолько выше, что меньшее количество продукта имеет теперь более высокую *цену,* чем прежде имело большее количество его. Однако это *противоречит* принятому нами предположению, что продукты продаются по их стоимости.

Допустим противоположный случай. Сбор хлопка удвоился, и та часть его, которая непосредственно возвращается земле, — например, в виде удобрения и семян, — стоит меньше, чем прежде. В этом случае та часть стоимости, которая, после вычета заработной платы, остается у возделывателя хлопка, — больше, чем она была прежде. Норма прибыли повысилась бы в хлопководстве так же, как она повысилась бы в хлопчатобумажной промышленности. Конечно, совершенно верно, что та содержащаяся в одном аршине ситца часть стоимости, которая приходится на сырой продукт, была бы теперь меньше, чем прежде, а та часть, которая приходится на стоимость обработки этого сырья, была бы больше, чем прежде. Предположим, что аршин ситца стоит 2 шилл., если стоимость содержащегося в нем хлопка равна 1 шилл. Если теперь цена хлопка падает с 1 шилл. до 6 пенсов (а это, при предположении, что *стоимость* хлопка равна его цене, возможно только потому, что хлопководство стало производительнее), то стоимость аршина ситца равняется 18 пенсам. Она упала на $^1/_4$, т. е. на 25%. Но там, где возделыватель хлопка продавал прежде 100 фунтов по 1 шилл., он теперь должен продавать 200 фунтов по 6 пенсов. Прежде стоимость всего хлопка была равна 100 шилл.; теперь она тоже равна 100 шилл. Хотя хлопок составлял прежде более значительную часть стоимости продукта, производитель хлопка за свой хлопок, приносивший ему 100 шилл. при цене 1 шилл. за фунт, получал прежде только 50 арш. ситца; теперь он (даже если бы одновременно с этим в хлопководстве

понизилась норма прибавочной стоимости) получает за свои 100 шилл., продавая фунт хлопка по 6 пенсов, $66^2/_3$ арш.

Если предположить, что товары продаются по их *стоимостям,* то неверно, что доход производителей, участвующих в производстве продукта, находится в *необходимой* зависимости от того, какие составные части стоимости [477] образуют их продукты в *совокупной стоимости* продукта.

Предположим, что стоимость совокупного продукта в одной отрасли составляет 300 ф. ст., в другой — 900 ф. ст., в третьей — 1800 ф. ст.; при этом берутся всякого рода промышленные товары, включая и машины.

Если бы было верно, что пропорция, в которой стоимость всего продукта делится между стоимостью сырого продукта и стоимостью промышленного продукта, определяет ту пропорцию, в которой прибавочная стоимость — рента, как говорит Родбертус, — делится на прибыль и земельную ренту, то это должно было бы быть верно также и для тех продуктов различных сфер производства, в которых сырой материал и промышленный продукт участвуют в различных пропорциях.

Если из стоимости в 900 ф. ст. на промышленный продукт приходится 300 ф. ст. и на сырой продукт — 600 ф. ст.; если 1 ф. ст. = 1 рабочему дню; если, далее, дана *норма прибавочной стоимости,* например 2 часа на 10 при 12-часовом нормальном рабочем дне, — то в 300 ф. ст. [промышленного продукта] содержится 300 рабочих дней, а в 600 ф. ст. [сырого продукта] — вдвое больше (2 × 300). Сумма прибавочной стоимости в первом продукте равна 600 часам, во втором — 1200 часам. Это означает только то — и ничего больше, — что при данной норме прибавочной стоимости *величина* последней зависит от числа рабочих, т. е. от числа одновременно занятых рабочих. Так как, далее, *предположено* (но не доказано), что из прибавочной стоимости, входящей в стоимость земледельческих продуктов, одна часть достается земельному собственнику в качестве земельной ренты, то из этого должно было бы следовать, далее, что, действительно, *величина земельной ренты* возрастает в такой же пропорции, в какой возрастает стоимость земледельческого продукта сравнительно с «промышленным продуктом».

В вышеприведенном примере земледельческий продукт относится к промышленному продукту как 2:1, как 600:300. Предположим теперь, что это отношение равно 300:600. Так как земельная рента зависит от прибавочной стоимости, содержащейся в земледельческом продукте, то ясно, что если прибавочная стоимость в первом случае равна 1200 часам, а во

втором случае — только 600 часам, то земельная рента, раз она составляет *определенную* часть этой прибавочной стоимости, в первом случае должна быть больше, чем во втором. Другими словами: чем *большую часть стоимости* земледельческий продукт составляет в стоимости всего продукта, тем больше приходящаяся на земледельческий продукт доля *прибавочной стоимости всего продукта,* так как в каждой части стоимости продукта содержится определенная доля прибавочной стоимости, и чем больше та *доля прибавочной стоимости всего продукта,* которая приходится на земледельческий продукт, тем больше земельная рента, так как в *земельной ренте* представлена определенная пропорциональная часть *прибавочной стоимости* земледельческого продукта.

Предположим, что земельная рента равна $^{1}/_{10}$ прибавочной стоимости, произведенной в земледелии; тогда земельная рента равна 120 часам, если стоимость земледельческого продукта составляет 600 ф. ст. (из совокупной стоимости в 900 ф. ст.), и только 60 часам, если она составляет 300 ф. ст. Таким образом, *величина* земельной ренты, действительно, изменялась бы вместе с величиной стоимости земледельческого продукта, а стало быть, также и вместе с относительной величиной стоимости земледельческого продукта *по сравнению с* продуктом промышленности. Но *«высота»* земельной ренты и прибыли, — т. е. их норма, — не имела бы к этому *абсолютно никакого отношения.* В первом случае стоимость продукта равна 900 ф. ст., из которых 300 ф. ст. — продукт промышленности и 600 ф. ст. — земледельческий продукт. Из этой суммы 600 часов прибавочной стоимости приходятся на продукт промышленности и 1200 часов — на земледельческий продукт. Всего 1800 часов. Из них на земельную ренту падает 120 часов, на прибыль — 1680 часов. Во втором случае стоимость продукта равна 900 ф. ст.; из них 600 ф. ст. — продукт промышленности и 300 ф. ст. — земледельческий продукт. Следовательно, на промышленность приходится прибавочная стоимость в 1200 часов, а на земледелие — в 600 часов. Всего 1800 часов. Из этой суммы на земельную ренту приходится 60 часов; на прибыль же падает — 1200 часов в промышленности и 540 часов в земледелии, всего — 1740 часов. Во втором случае продукт промышленности (по стоимости) вдвое больше земледельческого продукта, в первом случае — наоборот. Во втором случае земельная рента равна 60 часам; в первом — 120 часам: она просто возросла в той же пропорции, в какой возросла стоимость земледельческого продукта. Во сколько раз возросла эта последняя величина, во столько же раз возросла и величина

земельной ренты. По отношению к совокупной прибавочной стоимости (равной 1800 часам) земельная рента в первом случае составляет $^1/_{15}$ а во втором $^1/_{30}$.

Если здесь вместе с величиной приходящейся на земледельческий продукт *части стоимости* повышается и *величина земельной ренты,* а *вместе с этой ее величиной* также и ее *пропорциональная доля в совокупной прибавочной стоимости;* если, стало быть, доля прибавочной стоимости, достающаяся земельной ренте, повышается также и по сравнению с той ее долей, которая достается прибыли, — то это имеет место только *потому,* что Родбертус предполагает, будто земельная рента свою долю из *прибавочной стоимости земледельческого продукта* получает в виде *определенной пропорции.* Так оно, конечно, и должно получиться, раз этот факт *дан* или *предположен.* Но само по себе это отнюдь не вытекает из того вздора, который Родбертус снова преподносит нам относительно «стоимости материала» и который я привел выше, на странице 476, *в самом ее начале**.

Что же касается *высоты* земельной ренты, то она и не возрастает *по отношению* к [прибавочной стоимости, содержащейся в том] продукте, откуда земельная рента получает свою долю, ибо это отношение составляет по-прежнему $^1/_{10}$. *Величина* земельной ренты возрастает потому, что *возрастает* этот *продукт,* а так как при отсутствии роста «высоты» земельной ренты ее величина все же возрастает, то — в сравнении с количеством [совокупной] прибыли или с той долей, которую эта прибыль составляет в [478] стоимости всего совокупного продукта, — возрастает и «высота» ренты. Так как *предположено,* что *ренту* теперь приносит более значительная часть стоимости совокупного продукта, что более значительная часть *прибавочной стоимости* стала способной к превращению в ренту, то естественно, что та часть прибавочной стоимости, которая превращена в ренту, увеличилась. Все это не имеет абсолютно никакого отношения к «стоимости материала». А утверждение Родбертуса, что

> *«бо́льшая* рента» оказывается вместе с тем и *«более высокой»,* «так как площадь земли, — или число моргенов, на какое исчисляется эта увеличившаяся земельная рента, — осталась без изменения и, следовательно, на каждый морген приходится большая сумма стоимости» (стр. 122) [Русский перевод, стр. 312], —

такое утверждение нелепо. Это значит — измерять «высоту» ренты с помощью такого «масштаба», при котором трудность самого вопроса обходится.

* См. настоящий том, часть II, стр. 73—74. *Ред.*

Нам следовало бы несколько видоизменить приведенный выше пример — ведь мы еще не знаем, что такое рента. Если бы для земледельческого продукта мы оставили такую же *норму прибыли,* как и для продукта промышленного, прибавим только $^{1}/_{10}$ для земельной ренты, то дело приняло бы иной вид, и яснее стало бы, что собственно требуется [для разрешения проблемы], так как предпосылкой служит наличие *одной и той же* нормы прибыли.

	Промышленный продукт	Земледельческий продукт	[Прибавочная стоимость и ее распределение]
I	600 ф. ст. [7 200 часов]	300 ф. ст. [3 600 часов]	1 200 часов прибавочной стоимости достаются промышленности, 600 часов — земледелию, 60 часов приходятся на земельную ренту. Всего — 1 860 часов, из них 1 800 составляют прибыль.
II	300 ф. ст. [3 600 часов]	600 ф. ст. [7 200 часов]	600 часов прибавочной стоимости достаются промышленности, 1 200 часов — земледелию, 120 часов приходятся на земельную ренту. Всего — 1 920 часов, из них 1 800 составляют прибыль.

Земельная рента в случае II вдвое больше, чем в I, так как та часть стоимости [совокупного] продукта, к которой она присосалась, как вошь, — а именно, земледельческий продукт, — здесь больше по сравнению с промышленным продуктом. Масса прибыли в обоих случаях остается одной и той же — 1800 часов. [Земельная же рента составляет] в первом случае $^{1}/_{31}$, во втором — $^{1}/_{16}$ совокупной прибавочной стоимости.

Если Родбертус во что бы то ни стало хочет «стоимость материала» поставить в счет исключительно только промышленности, то ему прежде всего надлежало бы взвалить исключительно на земледелие ту часть постоянного капитала, которая состоит из машин и т. д. Эта часть капитала входит в земледелие как доставленный ему промышленностью продукт, как «промышленный продукт», который служит средством производства для выращивания «сырого продукта».

Что касается промышленности, то та часть стоимости машин, которая состоит из «сырого материала», уже *дебитована* промышленности под рубрикой «сырье», или «стоимость материала», ибо здесь идет речь о расчете между двумя фирмами, Эта часть, следовательно, не может быть записана дважды. Другая *часть стоимости машин,* применяемых в промышленности,

состоит из присоединенного «промышленного труда» — прошлого и настоящего, а этот последний распадается на заработную плату и прибыль (оплаченный труд и неоплаченный труд). Таким образом, авансированная здесь часть капитала (кроме той его части, которая содержится в сыром материале машин) состоит [как это может показаться] *только* из заработной платы и, следовательно, увеличивает не только сумму авансированного капитала, но и массу прибавочной стоимости, которая долита исчисляться на этот авансированный капитал, — стало быть, увеличивает прибыль.

(Неправильность, допускаемая при подобного рода расчете, состоит всегда [в непонимании того], что, хотя, например, износ машин или инструментов, содержащийся в самой машине, в ее стоимости, и может быть в конечном счете сведен к *труду,* — будь то труд, содержащийся в сыром материале, или труд, превративший сырой материал в машину и т. д., — все же этот *прошлый труд* никогда больше не входит ни в прибыль, ни в заработную плату, а функционирует, — поскольку необходимое для воспроизводства рабочее время не изменилось, — уже только как произведенное условие производства; какова бы ни была потребительная стоимость этого условия производства в процессе труда, оно в процессе образования стоимости фигурирует лишь как стоимость постоянного капитала. Это очень важно и уже выяснено мною при исследовании вопроса об обмене постоянного капитала и дохода*. Но, кроме того, это следует еще подробнее развить в отделе о накоплении капитала.)

Что же касается, напротив, земледелия, т. е. простого производства сырья, или так называемой первичной отрасли производства, то *при взаимном расчете между фирмой «первичная отрасль производства» и фирмой «обрабатывающая промышленность»* та входящая в земледелие часть стоимости капитала, которая представляет машины, орудия и т. д. и является частью постоянного капитала, никоим образом не может рассматриваться иначе, как в качестве такой статьи, которая входит в земледельческий капитал, но не увеличивает производимой последним *прибавочной стоимости.* Если земледельческий труд, вследствие применения машин и т. д., становится производительнее, то возрастание его производительности будет тем меньше, чем выше цена этих машин и т. д. Потребительная стоимость машин, а не их *стоимость,* — вот что увеличивает производительность земледельческого труда, как и

* См. настоящий том, часть I, стр. 234—241. *Ред.*

всякого другого труда. Кроме того, можно было бы точно так же сказать, что производительность промышленного труда обусловлена прежде всего наличием сырья и его свойствами. Но здесь опять-таки потребительная стоимость сырья, а не его стоимость, является условием производства для промышленности. Стоимость представляет собой скорее отрицательную сторону. Следовательно, [479] mutatis mutandis*, к [применяемым в земледелии] машинам и т. д. относится буквально то же самое, что г-н Родбертус говорит о «стоимости материала» по отношению к промышленному капиталу:

«Например, в тот *труд,* который *затрачен* на особый продукт, каким является пшеница или хлопок, не может входить затрата труда, приходящаяся на долю плуга или джина** как машин» (а также затраты труда, приходящиеся на водосточную канаву или на конюшню). «Напротив, стоимость машины, или машинная стоимость, все же фигурирует в составе той суммы капитала, на которую владелец исчисляет, в качестве прибыли, часть ренты, приходящуюся на сырой продукт» (ср. у Родбертуса стр. 97) [Русский перевод, стр. 298][23].

Другими словами: та часть стоимости пшеницы и хлопка, которая представляет стоимость изношенного плуга или джина, не есть результат труда по вспашке земли или по отделению волокон хлопка от его семян, а есть результат того труда, которым были произведены плуг или джин. Эта составная часть стоимости входит в земледельческий продукт, хотя она и не произведена в земледелии. Земледелие для нее — только промежуточная стадия, ибо посредством этой части стоимости земледелие лишь возмещает изношенные плуги и джины новыми, которые оно покупает у машиностроителя.

Эти применяемые в земледелии машины, орудия, постройки и другие промышленные продукты состоят из двух частей: 1) из сырья для этих промышленных продуктов [и 2) из труда, приложенного к сырью].

Хотя это сырье составляет продукт земледелия, однако оно является той частью земледельческого продукта, которая никогда не входит ни в заработную плату, ни в прибыль. Даже если бы в земледелии никаких капиталистов не существовало, все же земледелец, как и прежде, не мог бы записать на свой счет эту часть своего продукта в качестве заработной платы. В самом деле, он должен был бы *даром* отдать ее фабриканту машин, чтобы тот изготовил для него из нее машину, и, кроме того, должен был бы оплатить присоединенный к этому сырью

* — с соответствующими изменениями. *Ред.*
** — машина для очистки хлопка. *Ред.*

труд (= заработной плате + прибыль). В действительности так оно и происходит. Машиностроитель покупает сырье, но это сырье приходится обратно выкупать сельскому хозяину при покупке им машины. Следовательно, это то *же* самое, как если бы сельский хозяин ничего не продал машиностроителю, а только одолжил бы ему сырье, чтобы тот придал сырью форму машины. Таким образом, та часть стоимости применяемых *в земледелии* машин, которая сводится к сырью, — хотя она и представляет собой продукт земледельческого труда и является частью созданной этим трудом стоимости, — принадлежит все же производству, а не производителю, и потому фигурирует у последнего в числе его издержек, как и семена. Другая же часть, представляющая вложенный в машины промышленный труд, есть «промышленный продукт», который в качестве средства производства входит в земледелие совершенно так же, как сырье в качестве средства производства входит в обрабатывающую промышленность.

Итак, если верно, что фирма «производство сырья» доставляет фирме «обрабатывающая промышленность» «стоимость материала», которая входит как отдельная статья в сумму капитала фабриканта, то не менее верно и то, что фирма «обрабатывающая промышленность» доставляет фирме «производство сырья» стоимость машин, которая целиком *(включая часть, состоящую из сырья)* входит в сумму капитала фермера, хотя эта «составная часть стоимости» и не приносит фермеру прибавочной стоимости. Именно по этой причине в high agriculture*, как это называют англичане, норма прибыли *оказывается* менее высокой, чем в примитивном земледелии, хотя в нервом норма прибавочной стоимости выше.

Одновременно с этим г-н Родбертус мог бы почерпнуть здесь разительное доказательство того, как безразлично для существа *затраты капитала* то обстоятельство, возмещается ли часть стоимости продукта, вкладываемая в постоянный капитал, in natura и только учитывается как товар — как денежная стоимость, — или же она действительно была отчуждена и прошла через процесс купли и продажи. Если бы, например, производитель сырья отдал даром машиностроителю содержащиеся в покупаемой у него машине железо, медь, дерево и т. д., так что машиностроитель поставил бы ему в счет при продаже машины только присоединенный труд и износ своей собственной машины, то покупаемая машина обошлась бы сельскому хозяину как раз в такую же сумму, в какую она

* — усовершенствованном земледелии, интенсивном земледелии. *Ред.*

обходится ему теперь, и та же *составная часть стоимости,* фигурировала бы в его производстве как постоянный капитал, как затрата, — подобно тому как совершенно безразлично, продает ли крестьянин свой урожай целиком и на ту часть его стоимости, которая представляет семена (сырой материал), покупает семена на стороне, — скажем, для того чтобы произвести столь полезную смену сорта семян и таким путем избежать вырождения растений в результате постоянного размножения одного и того же сорта, — или же он непосредственно удерживает из своего продукта ту долю, в которой представлена эта составная часть стоимости, и возвращает ее земле.

Но г-н Родбертус, чтобы сконструировать свой расчет, неверно характеризует состоящую из машин часть постоянного капитала.

Второй пункт, подлежащий рассмотрению при разборе второго положения г-на Родбертуса, состоит в следующем:

У г-на Родбертуса речь идет о тех промышленных и земледельческих продуктах, из которых состоит *доход,* а это означает нечто совсем иное, чем те промышленные и земледельческие продукты, из которых состоит *совокупный годовой продукт.* Даже если бы по отношению к совокупному годовому продукту и было правильно сказать, что, после того как из него вычтена вся та часть земледельческого капитала, которая состоит из машин и т. д., [480] а также та часть земледельческого продукта, которая непосредственно возвращается земледельческому производству, — что после вычета обеих этих частей распределение *прибавочной стоимости* между фермером и промышленником (а стало быть, также и распределение достающейся фермеру прибавочной стоимости между самим фермером и земельным собственником) должно определяться *величиной* тех долей, которые имеют в совокупной стоимости продуктов промышленность и земледелие; даже если бы все это и было правильно, то еще большой вопрос, верно ли это тогда, когда речь идет о продуктах, составляющих *общественный фонд дохода.* Доход (здесь исключается та его часть, которая, в свою очередь, превращается в *новый* капитал) состоит из продуктов, входящих в индивидуальное потребление, и тут-то возникает вопрос, сколько из этого общего котла извлекают промышленники, фермеры и земельные собственники. Определяется ли каждая из этих частей той долей, которую промышленность и производство сырья имеют в *стоимости* продуктов, составляющих доход? Другими словами, определяется ли она теми долями, на которые делится между земледельческим трудом

и промышленным трудом стоимость всего продукта, составляющего доход?

Та масса продуктов, из которой состоит доход, исключает, как я показал раньше*, все те продукты, которые входят в производство в качестве орудий труда (машин), вспомогательных материалов, полуфабрикатов и сырья для этих последних и которые составляют часть годового продукта труда. Она исключает не только *постоянный капитал,* применяемый в производстве сырья, но также и постоянный капитал машиностроителей и весь тот постоянный капитал фермеров и [промышленных] капиталистов, который, хотя он и входит в процесс труда, *не входит* в процесс образования стоимости. Затем она исключает не только постоянный капитал, по также и те не входящие в индивидуальное потребление продукты, которые представляют *доход* их производителей и которые, для возмещения использованного постоянного капитала, входят в капитал производителей продуктов, потребляемых как доход.

Масса продуктов, потребляемая как доход и образующая на деле ту часть богатства, которая составляет доход как по своей *потребительной стоимости,* так и по *меновой стоимости,* — эта масса продуктов, как я показал раньше**, может рассматриваться как состоящая только из *вновь присоединенного* (в течение года) *труда,* почему она и сводится *только* к доходу, т. е. к заработной плате и прибыли (последняя, в свою очередь, распадается на [остающуюся у капиталиста] *прибыль, ренту, налоги* и т. д.), причем ни одна частица этой массы не содержит ни стоимости входящего в производство сырья, ни стоимости входящего в производство износа машин или вообще средств труда. Стало быть, если мы (оставляя совершенно без внимания производные формы дохода, ибо они показывают только, что владелец дохода уступает свою долю в упомянутой массе продуктов другому, будь то за услуги и т. д. или в уплату долга и т. д.) рассмотрим этот доход и предположим, что заработная плата составляет $^1/_3$ дохода, прибыль — $^1/_3$ и земельная рента — $^1/_3$, а продукт по своей стоимости равен 90 ф. ст., то каждый из представителей этих видов дохода сможет из общей массы извлекать продуктов на 30 ф. ст.

Так как масса продуктов, образующая доход, состоит только из *вновь присоединенного* (присоединенного в течение года) труда, то кажется, что дело обстоит весьма просто: если земледельческий труд входит в эту массу продуктов в размере $^2/_3$,

* См. настоящий том, часть I, стр. 234—241. *Ред.*
** См. там же, стр. 224—234. *Ред.*

а промышленный труд — в размере $^1/_3$, то промышленники и сельские хозяева делят между собой данную стоимость соответственно этому отношению. Одна треть стоимости указанной массы продуктов пришлась бы на долю промышленников, две трети — на долю сельских хозяев, и пропорциональная величина прибавочной стоимости, реализованной в промышленности и сельском хозяйстве (предполагая и там и тут одну и ту же норму прибавочной стоимости), соответствовала бы тем долям, которые промышленность и сельское хозяйство имеют в стоимости совокупного продукта; земельная же рента возрастала бы в соответствии с тем, как возрастает масса прибыли фермера, к которой рента присосалась, как вошь. И все же такая трактовка вопроса неверна. Дело в том, что одна из частей стоимости, состоящей из [продуктов] земледельческого труда, образует *доход* тех фабрикантов, которые производят основной капитал, возмещающий изношенную в земледелии часть этого капитала. Таким образом, соотношение между земледельческим и промышленным трудом, как *составными частями стоимости продуктов, образующих доход,* отнюдь не показывает той *пропорции,* в которой стоимость образующей доход массы продуктов или сама эта масса продуктов распределяется между промышленниками и фермерами, а также не показывает и того *соотношения,* в котором промышленность и сельское хозяйство принимают участие в совокупном производстве.

Родбертус говорит далее:

«Но опять-таки только производительность труда в производстве сырья и в промышленности определяет соответственную высоту стоимости сырого продукта и промышленного продукта, или те доли, которые они составляют в общей стоимости всего продукта. Стоимость сырого продукта будет тем выше, чем ниже производительность труда в производстве сырья, и наоборот. Точно так же стоимость промышленного продукта будет тем выше, чем ниже производительность промышленного труда, и наоборот. Поэтому, если нам дана высота ренты вообще, то, так как высокая стоимость сырого продукта обусловливает высокую земельную ренту и низкую прибыль на капитал, а высокая стоимость промышленного продукта обусловливает высокую прибыль на капитал и низкую земельную ренту, — высота земельной ренты и высота прибыли на капитал должны находиться в обратном отношении не только друг к другу, но и к производительности соответствующего труда, т. е. труда и производстве сырья и труда в промышленности» (стр. 123) [Русский перевод, стр. 312—313].

Если сравнивать производительность двух *различных* сфер производства, то это может быть сделано только в относительном смысле. Это значит: берется, и качестве исходного, какой-нибудь любой пункт, где, например, стоимости пеньки

и холста — следовательно, соотносительные количества содержащегося в них рабочего времени — относятся как 1 к 3. Если это отношение изменяется, то будет правильным сказать, что изменилась производительность этих различных видов труда. Но неправильно будет утверждать, что производство золота «менее производительно», чем производство железа, на том основании, что требующееся для производства унции золота [481] рабочее время равно 3, а время, требующееся для производства тонны железа, тоже равно 3.

Стоимостное отношение двух товаров показывает, что один из них производится с большей затратой рабочего времени, чем другой; нельзя, однако, на этом основании утверждать, что одна отрасль производства «производительнее» другой. Это было бы верно только при том условии, если бы рабочее время затрачивалось в обоих случаях на производство *одних и тех же* потребительных стоимостей.

Стало быть, если стоимость сырого продукта относятся *к* стоимости промышленного продукта как 3 к 1, то отсюда вовсе не следует, что промышленность в три раза производительнее земледелия. Только в том случае, если бы отношение это изменилось, например стало 4:1 или 3:2 или 2:1 и т. д., можно было бы сказать, что относительная производительность в этих двух отраслях изменилась. Следовательно, это утверждение возможно только в случае повышения или понижения производительности.

[в) ТРЕТЬЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОДБЕРТУСА}

«III) *Высота прибыли на капитал* определяется исключительно *высотой стоимости продукта* вообще и высотой стоимости сырого продукта и промышленного продукта в частности, или степенью производительности труда вообще и труда в производстве сырья и в промышленности в частности; *высота* земельной ренты зависит, кроме того, также и от *величины стоимости продукта,* т. е. от *количества труда, или производительной силы,* применяемого в производстве при *данной степени производительности»* (стр. 116—117) [Русский перевод, стр. 307].

Другими словами: *норма прибыли* зависит исключительно от *нормы прибавочной стоимости,* а последняя определяется исключительно *производительностью труда;* напротив, *норма земельной ренты* зависит также и от *массы* применяемого труда (от количества рабочих) при данной производительности труда.

В этом утверждении содержится почти столько же ошибок, сколько и слов.

Во-первых, норма прибыли отнюдь не определяется одной лишь *нормой прибавочной стоимости,* — об этом мы сейчас

скажем. Но прежде всего неверно то, будто *норма прибавочной стоимости* зависит только от производительности труда. При *данной производительности* труда норма прибавочной стоимости изменяется в зависимости от *продолжительности прибавочного рабочего времени.* Следовательно, норма прибавочной стоимости зависит не только от производительности труда, но также и от *количества* примененного труда, так как количество *неоплаченного* труда может возрастать (при неизменной производительности) без того, чтобы при этом возрастало количество *оплаченного* труда, т. е. без того, чтобы возрастала затрачиваемая на заработную плату часть капитала. Прибавочная стоимость — как абсолютная, так и относительная (а Родбертус, следуя за Рикардо, знает только последнюю) — невозможна, если труд не настолько, по крайней мере, производителен, чтобы от рабочего дня после вычета того времени, которое необходимо для собственного воспроизводства рабочего, оставалось еще прибавочное рабочее время. Но раз наличие прибавочного рабочего времени предположено, то — *при данном минимуме производительности* — норма прибавочной стоимости изменяется вместе с изменением продолжительности прибавочного рабочего времени.

Следовательно, *во-первых, неверно,* будто норма прибыли, или *«высота* прибыли на капитал», — так как это-де имеет силу для нормы прибавочной стоимости, — определяется лишь производительностью эксплуатируемого капиталом труда. *Во-вторых,* предположим, как *данную уже, норму прибавочной стоимости,* изменяющуюся при данной производительности труда в зависимости от изменения *продолжительности* рабочего дня, а при данном нормальном рабочем дне — в зависимости от *производительности труда.* Тогда сама *прибавочная стоимость* будет различна в зависимости от *числа* рабочих, из каждого рабочего дня которых выжимается определенное количество прибавочной стоимости, иными словами — в зависимости от *величины* переменного капитала, затрачиваемого на заработную плату. Но *норма прибыли* зависит от *отношения этой прибавочной стоимости* к переменному капиталу плюс постоянный капитал. *Величина прибавочной стоимости,* при данной *норме прибавочной стоимости,* зависит, конечно, от величины переменного капитала, по *высота прибыли,* т. е. *норма прибыли,* зависит от отношения этой прибавочной стоимости к совокупному авансированному капиталу. Здесь, следовательно, норма прибыли будет, конечно, определяться ценой сырья (если таковое применяется в данной отрасли промышленности) и стоимостью машин известной эффективности.

Поэтому в корне ошибочно то, что утверждает Родбертус:

«В той же самой пропорции, в какой увеличивается, вследствие *увеличения стоимости продукта,* сумма прибыли на капитал, увеличивается, стало быть, и та совокупная стоимость капитала, на которую должна исчисляться прибыль, и прежняя пропорция между прибылью и капиталом совершенно не изменяется вследствие этого увеличения прибыли на капитал» (стр. 125) [Русский перевод, стр. 314].

Это утверждение верно только в том случае, если оно означает *тавтологию:* при *данной норме прибыли* {а норма прибыли весьма отличается от нормы прибавочной стоимости и от самой прибавочной стоимости} *величина применяемого капитала безразлична* именно потому, что норма прибыли предположена *постоянной.* Вообще же норма прибыли может возрастать невзирая на то, что *производительность* труда остается *постоянной,* или может *падать* невзирая на то, что производительность труда возрастает, и притом возрастает в каждой сфере.

А затем снова появляется аляповатый фокус с земельной рентой (стр. 125—126) [Русский перевод, стр. 314—315], простое увеличение которой повышает-де ее норму, так как она в каждой стране исчисляется на «неизменное число моргенов» (стр. 126) [Русский перевод, стр. 315]. Если возрастает масса прибыли (при данной норме прибыли), то возрастает и *масса* капитала, с которого она получается; если же возрастает земельная рента, то изменяется-де только один фактор — сама рента, тогда как ее масштаб, «число моргенов», остается фиксированным, неизменным.

[482] «Земельная рента может поэтому повышаться вследствие причины, повсюду возникающей в ходе экономического развития общества, — вследствие увеличения применяемого в производстве труда, другими словами, вследствие *возрастания населения,* без одновременного *повышения* стоимости сырого продукта, так как уже то обстоятельство, что земельная рента получается с *большего количества* сырого продукта, должно иметь такой результат» (стр. 127) [Русский перевод, стр. 315—3161.

На стр. 128 Родбертус делает странное открытие, что даже если бы земельная рента и совсем исчезла вследствие падения цены сырого продукта *ниже* его нормальной стоимости, то невозможно было бы,

«чтобы прибыль на капитал когда-либо могла составлять 100 процентов» (при том именно условии, что товар продается по его стоимости); «как бы прибыль ни была высока, она всегда должна быть значительно меньше» (стр. 128) [Русский перевод, стр. 316].

А почему?

«Потому что она» (прибыль на капитал) «получается исключительно в результате деления стоимости продукта. Поэтому она может составлять всегда только *дробную часть* этой единицы» (стр. 127—128) [Русский перевод, стр.316].

Это, г-н Родбертус, целиком зависит от способа *Вашего* исчисления.

Предположим, что авансированный постоянный капитал равен 100, авансированная заработная плата равна 50, а избыток продукта труда над этими 50 составляет 150. Мы имели бы тогда такой расчет:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Стоимость	Издержки производства	Прибыль
100	50	150	300	150	150, т. е. 100%

Для того чтобы этот случай был возможен, требуется только одно — предположить, что рабочий работает $^{3}/_{4}$ рабочего дня на своего хозяина, т. е. что для собственного воспроизводства рабочего достаточно одной четверти рабочего времени. Конечно, если г-н Родбертус берет стоимость продукта, равную 300, как единое целое, если он не выделяет содержащийся в ней избыток над издержками производства, а говорит: этот *продукт* подлежит распределению между капиталистом и рабочим, — то доля капиталиста, действительно, может составить только часть этого продукта, даже если бы она равнялась $^{999}/_{1000}$ всего продукта. Но этот расчет ошибочен или, по меньшей мере, почти во всех отношениях бесплоден. Когда кто-либо затрачивает 150 и выручает 300, то он обычно не говорит, что получает 50% прибыли, если только он не считает 150 на 300 (вместо того чтобы считать их на 150).

Предположим, что в приведенном выше примере рабочий работал 12 часов: 3 часа — на себя, 9 часов — на капиталиста. Предположим затем, что он работает 15 часов: следовательно, 3 часа он работает на себя и 12 — на капиталиста. В соответствии с прежним соотношением в производстве [между средствами производства и количеством живого труда] к постоянному капиталу должна была бы прибавиться дополнительная затрата в 25 (в действительности меньше, так как затраты на машины возросли бы не в том же отношении, в каком увеличивается количество труда). Итак:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Стоимость	Издержки производства	Прибыль
125	50	200	375	175	200, т. е. $114^{2}/_{7}$%

Затем Родбертус вновь преподносит нам свои рассуждения относительно возрастания *«земельной ренты до бесконечности»,* потому что он, во-первых, принимает простое возрастание величины земельной ренты за ее повышение, т. е. о повышении он говорит и в том случае, когда та же самая норма земельной

ренты уплачивается с большей массы продуктов. Далее, потому, что ренту он исчисляет на «морген» в качестве масштаба, — две вещи, не имеющие ничего общего между собой.

* * *

Следующие пункты можно отметить совсем кратко, так как они не имеют никакого отношения к моей задаче.

«Стоимость земли» есть *«капитализированная земельная рента».* Для этого ее денежного выражения определяющее значение имеет поэтому высота господствующей процентной ставки. При капитализации из 4%, земельная рента должна быть умножена на 25, ибо 4% = $^1/_{25}$ от 100; при капитализации из 5% — на 20, ибо 5% = $^1/_{20}$ от 100. В стоимости земли это составило бы разницу в 20% (стр. 131). Даже вследствие понижения стоимости денег *земельная рента,* а поэтому и *стоимость земли,* номинально повысилась бы, ибо здесь нет-де того, что имеет место по отношению к капиталу. Когда ссудный процент или прибыль выражается в большем количестве денег, то одновременно с этим одинаково повышается в своем денежном выражении и капитал. Напротив, выраженная в большем количестве денег земельная рента должна-де распределяться «на неизменное количество моргенов земельного участка» (стр. 132).

Свою премудрость относительно экономического развития Европы г-н Родбертус резюмирует следующим образом:

1) «... У европейских наций производительность труда вообще — труда в производстве сырья и в промышленности — возросла... Вследствие этого та доля национального продукта, которая идет на заработную плату, уменьшилась, а доля, остающаяся в качестве ренты, увеличилась... Следовательно, *рента вообще повысилась»* (стр. 138—139) [Русский перевод, стр. 322—323].

2) «... Производительность в промышленности увеличилась в *большей степени,* чем в производстве сырья... Вследствие этого в настоящее время при равной величине стоимости национального продукта доля ренты, приходящаяся на сырой продукт, больше той, которая приходится на промышленный продукт; следовательно, несмотря на повышение ренты вообще, *повысилась* все же только *земельная рента, а прибыль на капитал, напротив, упала»* (стр. 139) [Русский перевод, стр. 323].

Таким образом, здесь г-н Родбертус совершенно так же, как и Рикардо, объясняет повышение земельной ренты и падение нормы прибыли одно из другого; падение одной равносильно повышению другой, а повышение земельной ренты объясняется *относительной непроизводительностью* [4831 *земледелия.* Рикардо где-то даже определенно говорит, что дело идет не об

абсолютной, а об «относительной» непроизводительности*, Но даже если бы он и сказал противоположное, то это не вытекало бы из выдвигаемого им принципа, так как действительный автор отстаиваемого Рикардо воззрения, *Андерсон,* определенно говорит об абсолютной способности любой почвы к улучшению.

Если «прибавочная стоимость» вообще (прибыль и рента) повысилась, то норма всей ренты по отношению к постоянному капиталу не только может упасть, но она обязательно упадет, потому что повысилась производительность труда. Несмотря на то, что увеличилось число занятых рабочих и возросла степень их эксплуатации, затраченный вообще на заработную плату капитал — хотя он абсолютно и возрос — все же *относительно* упал; ибо все возрастающую часть совокупного капитала составляет приводимый в движение этими рабочими [постоянный] капитал, который, в качестве авансированного продукта прошлого труда, входит в производство как его *предпосылка.* Поэтому норма прибыли и земельной ренты, вместе взятых, упала, несмотря на то, что повысилась не только их сумма (их абсолютная величина), но и норма эксплуатации труда. Этого г-н Родбертус не в состоянии увидеть, так как для него постоянный капитал есть изобретение промышленности, о котором земледелие ничего не знает.

Что же касается *относительной* величины прибыли и земельной ренты, то из того, что земледелие относительно менее производительно, чем обрабатывающая промышленность, отнюдь не следует, что поэтому *норма прибыли* должна абсолютно упасть. Если ее отношение к земельной ренте равнялось раньше 2:3, а теперь оно равно только 1:3, то раньше она составляла $^2/_3$ земельной ренты, а теперь — только $^1/_3$; другими словами, если раньше прибыль составляла $^2/_5$ совокупной прибавочной стоимости ($^8/_{20}$), а теперь — только $^1/_4$ ($^5/_{20}$), то она упала, следовательно, на $^3/_{20}$, т. е. с 40% до 25%.

Предположим, что стоимость фунта хлопка была равна 2 шилл. Она падает до 1 шилл. 100 рабочих, раньше превращавших за один день в пряжу 100 фунтов хлопка, теперь превращают в пряжу 300 фунтов хлопка. Затрата капитала на 300 фунтов хлопка раньше составляла 600 шилл.; теперь она составляет лишь 300 шилл. Предположим, далее, что стоимость машин в обоих случаях равна $^1/_{10}$ [суммы, затраченной на хлопок в первом случае], т. е. 60 шилл. Наконец, заработная плата для превращения в пряжу 300 фунтов хлопка прежде

* См. настоящий том, часть II, стр. 369—370. *Ред.*

затрачивалась на 300 рабочих и составляла 300 шилл., а теперь затрачивается лишь на 100 рабочих и составляет 100 шилл. Так как производительность труда рабочих «увеличилась» и мы должны предположить, что они оплачиваются здесь продуктом своего собственного труда, то допустим, что раньше прибавочная стоимость составляла 20% заработной платы, а теперь 40%.

Итак, 300 фунтов пряжи стоят:

I) в первом случае —

сырье 600, машины 60, заработная плата 300, прибавочная стоимость 60, итого — 1020 шилл.;

II) во втором случав —

сырье 300, машины 60, заработная плата 100, прибавочная стоимость 40, итого — 500 шилл.

Издержки производства в первом случае 960 шилл., прибыль 60 шилл., норма прибыли $6^{1}/_{4}$%.

Издержки производства во втором случае 460 шилл., прибыль 40 шилл., норма прибыли $8^{16}/_{23}$%.

Если рента составляла, положим, $^{1}/_{3}$ от каждого фунта хлопка, то в первом случае она равнялась 200 шилл., или 10 ф. ст., а во втором — 100 шилл., или 5 ф. ст. Рента здесь упала, так как сырой продукт подешевел на 50%. Но весь продукт подешевел больше чем на 50%. Вновь присоединенный промышленный труд относился к стоимости сырья в первом случае — как 360:600, или 6:10, или $1:1^{2}/_{3}$; во втором случае — как 140:300, или $1:2^{1}/_{7}$. Производительность промышленного труда возросла в большей степени, чем производительность земледельческого труда; тем не менее, в первом случае норма прибыли ниже, а рента выше, чем во втором случае. В обоих случаях рента составляет $^{1}/_{3}$ сырья.

Предположим, что масса сырья в случае II удвоилась и что в пряжу превратились 600 фунтов хлопка; тогда соотношение было бы таким:

II) 600 фунтов хлопка (сырье) — 600 шилл., 120 шилл. — машины, 200 шилл. — заработная плата, 80 шилл. — прибавочная стоимость; итого 920 шилл. — издержки производства. Прибыль — 80 шилл., норма прибыли — $8^{16}/_{23}$%.

Норма прибыли возросла бы сравнительно с I. Величина ренты была бы точно такой же, как в I. 600 фунтов пряжи стоили бы только 1000, тогда как раньше они стоили 2040 шилл.

[484] Из относительной дороговизны земледельческого продукта отнюдь не следует, что он приносит ренту. Но коль скоро сделано допущение, что рента прирастает, как процент, к каждой части стоимости земледельческого продукта, — как это

допускает Родбертус, ибо его мнимое доказательство есть вздор, — то из такого допущения, конечно, следует, что рента повышается вместе с возрастанием дороговизны земледельческого продукта.

«... Вследствие роста народонаселения чрезвычайно увеличилась также и сумма стоимости национального продукта... Поэтому теперь в нации получается *больше* заработной платы, *больше* прибыли, *больше* земельной ренты... Это *увеличение* суммы земельной ренты повлекло за собой еще и повышение уровня земельной ренты, тогда как по отношению к заработной плате и прибыли *увеличение* общей суммы каждой из них не могло оказать такого действия» (стр. 139) [Русский перевод, стр. 3231.

[8) ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ СМЫСЛ ЗАКОНА, ИЗВРАЩЕННОГО РОДБЕРТУСОМ]

Отбросим теперь у г-на Родбертуса все его нелепости (не говоря уже о тех недостатках в его воззрениях, о которых я подробно говорил выше, например, будто норма прибавочной стоимости *(«высота ренты»)* может повышаться только *при увеличении производительности труда,* что, стало быть, означает *непонимание абсолютной прибавочной стоимости,* и т. д.).

А именно, отбросим:

[первую] нелепость, будто в земледелии в собственном смысле слова (в капиталистическом земледелии) в число затрат совсем не входит *«стоимость материала»;*

вторую нелепость, состоящую в том, что вторую часть постоянного капитала, входящую в земледелие и в промышленность *(машины* и т. д.), Родбертус не рассматривает как такую «составную часть стоимости», которая — совершенно так же, как «стоимость материала», — не есть результат труда той сферы производства, куда она входит в виде машин, и на которую, стало быть, тоже должна исчисляться полученная в каждой сфере производства прибыль, хотя *стоимость* машин точно так же ни гроша не прибавляет к этой прибыли, как и «стоимость» материала, — несмотря на то, что и машины и сырой материал являются средствами производства и как таковые входят в процесс труда;

третью нелепость, заключающуюся в том, что Родбертус не ставит земледелию в счет — как затрату — *всю* «составную часть стоимости», образуемую входящими в земледелие «машинами» и т. д., и что он ту долю этой «составной части стоимости», которая не сводится к сырому материалу, не рассматривает как такой дебет земледелия по отношению к промышленности, в оплату которого земледелие должно *даром* доставлять промышленности часть сырого материала, не входящую,

следовательно, в затраты промышленности, рассматриваемой как единое целое;

четвертую нелепость, будто во все отрасли промышленности входит, кроме машин и необходимых для них вспомогательных материалов, также еще и «стоимость материала», тогда как это совершенно не имеет места ни в транспортной промышленности, ни в добывающей промышленности;

пятую нелепость, заключающуюся в непонимании того обстоятельства, что во многих отраслях обрабатывающей промышленности (и тем в большей степени, чем с большим правом о них можно сказать, что они доставляют готовые изделия для потребления), хотя в них и входит, кроме переменного капитала, также и «сырой материал», но зато другая составная часть постоянного капитала почти совсем отпадает или же является минимальной, несравненно меньшей, чем в крупной промышленности и земледелии;

шестую нелепость, состоящую в том, что он смешивает средние цены товаров с их стоимостями.

Если отбросить все эти нелепости, позволяющие Родбертусу выводить *свое* объяснение земельной ренты из *неверного расчета,* который делает фермер и сам г-н Родбертус, — так что земельная рента должна была бы исчезать по мере того, как фермер начинает *действительно учитывать* производимые им *затраты,* — то, в качестве скрытого под этими нелепостями зерна, остается лишь следующее утверждение:

Когда сырые продукты продаются по их *стоимостям,* то их стоимость стоит выше *средних цен* других товаров, или выше их *собственной средней цены,* т. е. она превышает издержки производства плюс средняя прибыль, и, следовательно, дает *добавочную прибыль,* которая и образует *земельную ренту.* Это означает, далее, что переменный капитал (при предположении одинаковой *нормы* прибавочной стоимости) больше — по сравнению с постоянным капиталом — в производстве сырых продуктов, нежели — в среднем — в тех сферах производства, которые относятся к промышленности (что не мешает тому, что в некоторых отраслях промышленности переменный капитал выше, чем в земледелии). Или, в еще более общей форме: земледелие принадлежит к тому же разряду, к которому принадлежат те промышленные сферы производства, где отношение переменного капитала к постоянному выше, чем в сферах промышленности, взятых в среднем. Поэтому прибавочная стоимость в земледелии, исчисляемая на затрачиваемые здесь издержки производства, должна стоять выше, чем — в среднем — в сферах промышленности. Это, в свою очередь, означает, что *особая*

норма прибыли в земледелии превышает *среднюю,* или *общую, норму прибыли.* А это опять-таки означает, что особая норма прибыли в каждой сфере производства — если норма прибавочной стоимости одинакова, а сама прибавочная стоимость дана — зависит от отношения переменного капитала к постоянному капиталу в отдельных сферах.

Таким образом, мы имели бы здесь лишь применение к особой отрасли производства того закона, который мною развит в его *общей* форме*.

[485] Затем —

1) следовало бы доказать, что земледелие принадлежит к числу тех особых сфер производства, где *стоимости товаров* превышают их *средние цены* и где, стало быть, прибыль, если эти сферы сами присваивают ее, а не отдают для выравнивания общей нормы прибыли, превышает *среднюю прибыль,* так что после вычета этой последней у них остается еще и *добавочная прибыль.* Это положение, по-видимому, правильно, в среднем, для земледелия, так как в нем относительно еще преобладает ручной труд, а буржуазному способу производства свойственно развивать промышленность быстрее, чем земледелие. Это, впрочем, различие *историческое,* которое может исчезнуть. В этом коренится также причина того явления, что стоимость средств производства, доставляемых промышленностью земледелию, в общем понижается, тогда как стоимость сырого материала, доставляемого земледелием промышленности, в общем повышается; вследствие этого постоянный капитал в значительной части обрабатывающей промышленности относительно больше по стоимости, чем в земледелии. К добывающей промышленности это в большинстве случаев не относится.

2) Нельзя, как это делает Родбертус, утверждать: если земледельческий продукт — согласно всеобщему закону — продается в среднем по его *стоимости,* то он должен давать добавочную прибыль, alias** земельную ренту, — как если бы подобная продажа товара по его *стоимости,* но *выше* его средней цены составляла всеобщий закон капиталистического производства. *Напротив,* надо показать, почему в производстве сырья — *в виде исключения* и *в отличие* от того *разряда промышленных продуктов, стоимость которых точно так же* стоит *выше их средней цены,* — стоимости *не* понижаются до средних цен и вследствие этого дают добавочную прибыль, alias земельную ренту. Это объясняется просто существованием *собственности на землю.* Выравнивание происходит только

* См. настоящий том, часть II, стр. 63-60. *Ред.*
** — иначе говоря. *Ред.*

тем путем, что капитал действует против капитала, так как только воздействующие друг на друга капиталы имеют силу осуществлять имманентные законы капитала. Постольку правы те, кто выводит земельную ренту из *монополии;* совершенно так же как *монополия* капитала одна только дает капиталисту возможность выжимать из рабочего прибавочный труд, так и монополия собственности на землю дает возможность земельному собственнику выжимать у капиталиста ту часть прибавочного труда, которая могла бы образовать постоянную *добавочную прибыль.* Те, кто выводит земельную ренту из монополии, ошибаются в том отношении, что полагают, будто монополия дает земельному собственнику возможность взвинчивать *цену товара выше его стоимости.* Напротив, действие монополии состоит здесь в том, чтобы удерживать *стоимость товара на таком уровне, который выше его средней цены,* — в том, чтобы делать возможной продажу товара не *выше* его стоимости, а именно *по* его стоимости.

Если взгляды Родбертуса подвергнуть такого рода изменениям, то перед нами будет правильное понимание дела. Тогда получит свое объяснение *существование земельной ренты,* в то время как Рикардо объясняет только *существование различных земельных рент* и фактически лишает *земельную собственность* всякого *экономического* значения. Далее, при таком понимании дела устраняется — у самого Рикардо, впрочем, только произвольная и для его хода мыслей ненужная — надстройка в виде утверждения, будто земледельческое производство становится все менее производительным, и в противоположность этому утверждению признаётся возрастание производительности в земледелии. Дело лишь в том, что на буржуазной основе земледелие является *относительно менее производительным* — другими словами, медленнее развивает производительные силы труда, — чем промышленность. Рикардо прав, когда он выводит «избыточную прибавочную стоимость» в земледелии не из большего плодородия, а из большего неплодородия.

[9) ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА И АБСОЛЮТНАЯ РЕНТА В ИХ СООТНОШЕНИИ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ. К ВОПРОСУ О МЕТОДЕ ИССЛЕДОВАНИЯ У СМИТА И РИКАРДО]

Что касается *различия земельных рент,* то при одинаковом вложении капитала на равновеликих участках земли оно объясняется *различием в естественном плодородии,* в особенности, прежде всего, для тех продуктов, из которых получается хлеб,

этот главный предмет питания; при равных же земельных участках одинакового плодородия различие рент объясняется *неодинаковым вложением капитала.* Первое, *естественное* различие обусловливает различие не только в величине земельной ренты, но и в ее высоте, или норме, сравнительно с затраченным капиталом; второе, *промышленное различие* обусловливает только *увеличение* земельной ренты пропорционально величине затраченного капитала. Различие в результате *может* получиться также и при последовательных вложениях капитала на одном и том же участке земли. Существование *различных добавочных прибылей,* или *различных земельных рент,* на земельных участках различного плодородия не есть еще то, что отличает земледелие от промышленности. Что отличает земледелие от промышленности, так это — *фиксированность* этих добавочных прибылей, которые здесь покоятся на базисе, данном природой (этот базис, правда, *может* быть более или менее выравнен), тогда как в промышленности — при одинаковой средней прибыли — они имеют всегда лишь *мимолетный характер* и всегда возникают *только* потому, что совершается переход к более производительным машинам и к более эффективным комбинациям труда. В промышленности добавочную прибыль, получаемую путем *понижения* средних цен, всегда приносит приходящий последним, *наиболее производительный* капитал. В земледелии же причиной добавочной прибыли *может являться* — и *очень часто необходимо является* — не абсолютное увеличение плодородия лучших участков, а относительное увеличение их плодородия, обусловленное тем, что в обработку вводится *менее плодородная* земля. В промышленности более высокая *относительная* производительность, добавочная прибыль (которая быстро исчезает) *всегда* должна быть результатом абсолютного увеличения производительности вновь вложенного капитала по сравнению с прежним. В промышленности никакой капитал (мы не говорим здесь о кратковременном увеличении спроса) не может давать такую *добавочную прибыль,* которая была бы *обусловлена* тем, что в данную отрасль промышленности *вновь* вступают менее производительные капиталы.

[486] Но и в земледелии (как это допускает и Рикардо) более плодородная почва — почва, которая либо плодороднее от природы, либо, благодаря новейшим успехам техники, становится плодороднее, чем старая почва при прежней технике, — *может* вступить в обработку на более поздней стадии, *может* даже явиться причиной того, что (как это имеет место в горной промышленности и в производстве колониальных продуктов) часть старой почвы будет *изъята из обработки*

или что на старой почве будет введен другой *вид* земледельческого производства, доставляющий *другой* продукт.

То обстоятельство, что *различия* земельных рент (добавочных прибылей) более или менее *фиксируются,* отличает земледелие от промышленности. Однако отнюдь не почва, а *конкуренция, капиталистическое производство* является причиной того, что средние условия производства определяют *рыночную цену* и таким образом поднимают ту цену продукта, которая стоит ниже этого среднего уровня, выше *цены* данного продукта и даже выше его *стоимости;* это, стало быть, не закон природы, а общественный закон.

Согласно этой теории, нет необходимости ни в том, чтобы с самой худшей земли уплачивалась *земельная рента,* ни в том, чтобы с такой земли *никакой* ренты не уплачивалось. Равным образом возможно и то, что там, где *не* получается *никакой земельной ренты,* а получается только обычная прибыль, или *даже* там, где *отсутствует и эта последняя,* — все же уплачивается *аренда,* т. е. земельный собственник получает *земельную ренту,* хотя *с экономической точки зрения никакой земельной ренты здесь нет.*

Возьмем *первый* случай: *земельная рента (добавочная прибыль) уплачивается только с лучшей (более плодородной) почвы.* Здесь земельная рента «как таковая» не существует. В подобных случаях *добавочная прибыль* по большей части и не выступает как фиксированная в виде земельной ренты, подобно тому как не фиксируется добавочная прибыль в промышленности (это имеет место, например, на *Западе Соединенных Штатов* Северной Америки)[24]. [486]

[486] Так бывает там, где, с одной стороны, относительно большая масса имеющихся в распоряжении земель *еще не обращена в частную собственность* и где, с другой стороны, естественное плодородие достаточно велико для того, чтобы, несмотря на *незначительное развитие* капиталистического производства, — следовательно, несмотря на большие размеры переменного капитала по отношению к постоянному, — стоимости земледельческих продуктов были равны их *средним ценам* (а иногда были бы и *ниже* их). Если бы они были выше этих последних, то конкуренция понизила бы их до этого уровня. Напротив, нелепо говорить, как это делает, например, Родбертус, что [земельной рентой является] тот, скажем, доллар, та незначительная, почти номинальная цена, которую государство взимает с каждого акра[*]. С таким же правом можно

[*] См. настоящий том, часть II, стр. 167. *Ред.*

было бы ссылаться на то, что государство взимает «промысловый налог» с каждой отрасли промышленности [и делать отсюда вывод, что промышленность приносит «промысловую ренту»]. В *рассматриваемом здесь случае* действует закон Рикардо [о том, что земельная рента уплачивается только с лучших земель]. Земельная рента существует здесь только для относительно более плодородных земель, да и то большей частью еще не фиксированная, а находящаяся в текучем состоянии, подобно сверхприбыли в промышленности. Почва, *не* платящая земельной ренты, *не* платит ее не вследствие своего неплодородия, а напротив, *вследствие своего плодородия.* Лучшие виды почвы платят ренту потому, что, будучи *относительно более* плодородными, они отличаются таким плодородием, которое *выше* среднего.

Но в тех странах, где *существует собственность на землю,* такой же случай, — а именно, что почва, поступившая в обработку последней, *не платит земельной ренты,* — был бы возможен в силу *противоположной* причины [т. е. вследствие относительного неплодородия этой почвы]. Это имело бы место, если бы *стоимость,* например, зерна стояла на таком низком уровне (а этот низкий уровень не имел бы никакого отношения к тому, что уплачивается *земельная рента)*, что для почвы, поступившей в обработку последней, эта стоимость была бы всего лишь равна *средней цене.* Это было бы следствием относительно малого плодородия этой почвы, в результате чего здесь, при затрате такого же количества труда, как и на почве, приносящей ренту, *число,* скажем, *квартеров* (приходящееся на затраченный капитал) было бы настолько мало, что при реализации средней стоимости хлебных продуктов получалась бы только *средняя цена,* например, пшеницы.

[487] Предположим, например, что последняя почва, приносящая *ренту* (а почва, приносящая *наименьшую* ренту, представляет *чистую* ренту, другие — уже дифференцированную ренту), производит, при затрате капитала в 100 ф. ст., продукт, равный 120 ф. ст. или 360 квартерам пшеницы, по $^1/_3$ ф. ст. за квартер. В таком случае 3 квартера пшеницы стоят 1 ф. ст. Пусть 1 ф. ст. будет равен недельному труду, 100 ф. ст. = 100 рабочим неделям, а 120 ф. ст. = 120 рабочим неделям. Следовательно, 1 квартер пшеницы равен $^1/_3$ недельного труда, или 2 рабочим дням. Пусть из этих 2 дней, или из 24 часов (если нормальный рабочий день равен 12 часам), одна пятая часть, или $4^4/_5$ часа, составляет неоплаченный труд, равный прибавочной стоимости, содержащейся в одном квартере. 1 квартер — $^1/_3$ ф. ст. = $6^2/_3$ шилл. = $6^6/_9$ шилл.

Если средняя прибыль равна 10%, то *средняя цена* 360 квартеров будет равна 110 ф. ст., а средняя цена одного квартера = $6^1/_9$ шилл. Таким образом, если бы квартер пшеницы продавался по его стоимости, то стоимость всего продукта была бы на 10 ф. ст. выше средней цены. А так как средняя прибыль составляет 10%, то земельная рента была бы равна половине прибавочной стоимости, т. е. 10 ф. ст., или $^5/_9$ шилл. на квартер. Более высокие разряды почвы, приносящие, при затрате тех же 120 недель труда (из которых, однако, только 100 представляют собой оплаченный труд, безразлично, овеществленный или живой), большее количество квартеров, давали бы, при цене $6^6/_9$ шилл. за квартер, более высокую ренту. А наихудшая из обрабатываемых земель давала бы ренту в 10 ф. ст. на 100 ф. ст. капитала, или $^5/_9$ шилл. на квартер пшеницы.

Предположим, что в обработку вводится новая почва, которая при затрате 120 недель труда дает только 330 квартеров. Если стоимость 3 квартеров [раньше была] равна 1 ф. ст., то стоимость 330 квартеров равнялась 110 ф. ст. Теперь же один квартер был бы равен 2 дням и $2^2/_{11}$ часа, тогда как раньше он равнялся только 2 дням. Стоимость квартера раньше составляла $6^6/_9$ шилл., или 6 шилл. 8 пенсов, а теперь (так как фунт стерлингов равен 6 дням) стоимость квартера составляет 7 шилл. 3 пенса $1^1/_{11}$ фартинга. Теперь квартер должен был бы продаваться на 7 пенсов $1^1/_{11}$ фартинга дороже, чтобы быть проданным по его *стоимости,* при реализации которой он тоже приносил бы ренту в $^5/_9$ шилл. *Стоимость* пшеницы, произведенной на лучшей почве, оказывается здесь *ниже стоимости* пшеницы, произведенной на самой худшей почве; если эта наихудшая почва продает свой продукт по цене квартера ближайшей лучшей, или приносящей ренту, почвы, то она продает его *ниже* его стоимости, но по его *средней цене,* т. е. по такой цене, при которой наихудшая почва дает обычную прибыль в 10%. Следовательно, почва эта может обрабатываться и приносить капиталисту обычную среднюю прибыль.

В двух случаях наихудшая почва приносила бы здесь, кроме прибыли, еще и ренту.

Во-первых, в том случае, если бы *стоимость* квартера пшеницы превышала $6^6/_9$ шилл. (*цена* квартера могла бы превышать $6^6/_9$ шилл., — т. е. его стоимость, — вследствие повышения спроса, но этого случая мы не исследуем; $6^6/_9$ шилл., цена квартера, дававшая ренту в 10 ф. ст. для наихудшей из обрабатывавшихся ранее земель, была равна *стоимости* пшеницы, выращенной на *этой* почве, приносящей недифференцированную земельную ренту), т. е. в том случае, если бы наихудшая из

обрабатывавшихся ранее земель и все другие почвы — для того чтобы приносить *такую же* ренту — были относительно менее плодородны, так что стоимость их продуктов в большей степени *превышала бы* их среднюю цену и среднюю цену других товаров. Таким образом, то обстоятельство, что *новая* наихудшая почва *не* дает земельной ренты, является следствием не ее неплодородия, а *относительного плодородия других земельных участков.* Приносящая ренту наихудшая из обрабатываемых земель представляет по отношению к новому разряду почвы, в который вкладывается новый капитал, *ренту вообще, недифференцированную* ренту. И рента, получаемая с наихудшей приносящей ренту почвы, не выше данного ее уровня именно по причине *плодородия* этой приносящей ренту почвы.

Предположим, что, кроме последней приносящей ренту почвы, существует еще три разряда. Разряд II (стоящий выше разряда I, последней приносящей ренту почвы) приносит на $^1/_5$ больше ренты, так как эта почва на $^1/_5$ плодороднее разряда I, разряд III опять-таки — на $^1/_5$ больше, чем разряд II, ибо он на $^1/_5$ плодороднее последнего; то же самое и разряд IV, потому что он на $^1/_5$ плодороднее разряда III. Так как рента в разряде I равняется 10 ф. ст., то в разряде II она равна 10 + пятая часть = 12 ф. ст., в разряде III — 12 + пятая часть = $14^2/_5$ ф. ст., а в разряде IV — $14^2/_5$ + пятая часть = $17^7/_{25}$ ф. ст.[25].

Если бы плодородие разряда IV было меньшим, то рента разрядов III—I включительно была бы [488] больше, и рента разряда IV была бы тоже абсолютно больше (но осталось ли бы отношение между ними тем же?). Это можно понимать двояким образом. *Если бы разряд I был более плодороден, то рента в разрядах II, III, IV была бы соответственно меньшей.* С другой стороны, разряд I относится к II, разряд II — к III и разряд III — к IV так, как вновь вводимый, не дающий ренты, разряд почвы относится к разряду I. Новый разряд почвы не приносит ренты потому, что *стоимость* пшеницы разряда I не превышает среднюю цену продукта новой почвы. Она превышала бы эту среднюю цену в том случае, если бы разряд I был менее плодороден. Тогда новая почва тоже давала бы ренту. Но то же самое имеет место и по отношению к I. Если бы разряд II был более плодороден, то почва I не давала бы ренты или давала бы меньшую ренту; так же обстоит дело и с разрядом II по отношению к III и с разрядом III по отношению к IV. Таким образом, в конце концов здесь имеет место обратная последовательность: абсолютное плодородие разряда IV определяет ренту разряда III; если бы разряд IV был еще более

плодороден, то разряды III, II и I давали бы меньшую ренту или совсем не давали бы ренты. Таким образом, рента, которую дает разряд I, недифференцированная рента, определяется плодородием разряда IV, подобно тому как то обстоятельство, что новая почва совсем не дает ренты, определяется плодородием разряда I. Здесь, следовательно, действует *закон Шторха,* заключающийся в том, что рента *самой плодородной* почвы определяет ренту последней почвы, вообще дающий ренту[26], а значит, определяет также и разность между почвой, приносящей недифференцированную ренту, и почвой, совсем не приносящей ренты.

Стало быть, то явление, что здесь пятый разряд, вновь введенная в обработку почва I', *не дает* (в отличие от I) *ренты,* обусловливается не ее *собственным неплодородием,* а ее *относительным* неплодородием по сравнению с разрядом I, т. е. относительным плодородием разряда I по сравнению с I'.

[Во-вторых.] Стоимость продукта разрядов почвы, дающих ренту — I, II, III, IV, — составляющая $6^6/_9$ шилл., или 6 шилл. 8 пенсов, за квартер (в целях большей правдоподобности можно вместо квартера поставить *бушель*), равна *средней цене* разряда I' и стоит *ниже* собственной стоимости этого разряда. Но здесь возможно существование множества промежуточных ступеней. Если бы разряд почвы I' на затрату капитала в 100 ф. ст. приносил то или иное количество бушелей, находящееся в границах между его действительным урожаем в 330 бушелей и урожаем разряда I, равным 360 бушелям, — например, 333, 340, 350, *вплоть до* (360 — x) бушелей, — то стоимость бушеля, равная 6 шилл. 8 пенсам, была бы выше средней цены (за бушель) в разряде I', и эта почва, введенная в обработку последней, давала бы ренту. Что она вообще приносит *среднюю прибыль,* это обусловливается относительным неплодородием разряда I, а значит, и всех разрядов I—IV. Что она *не* приносит ренты, это обусловливается относительным плодородием разряда I и ее собственным относительным неплодородием. Последняя поступившая в обработку почва *V* могла бы давать ренту, если бы стоимость бушеля *превышала* 6 шилл. 8 пенсов, т. е. если бы почвы I, II, III, IV были менее плодородны, так как в этом случае стоимость пшеницы стояла бы выше. Но последняя поступившая в обработку почва могла бы давать ренту также и в том случае, если бы стоимость бушеля была равна 6 шилл. 8 пенсам, т. е. если бы плодородие почв I, II, III, IV оставалось *прежним, данным,* но почва I' сама была бы плодороднее, давала бы больше 330 бушелей и, *следовательно,* стоимость в 6 шилл. 8 пенсов за бушель была бы выше *средней*

цены бушеля на этой почве, другими словами, если бы его средняя цена была теперь *ниже* 6 шилл. 8 пенсов, т. е. *ниже* стоимости пшеницы, возделываемой на почвах I, II, III, IV. Если стоимость превышает среднюю цену, то имеет место добавочная прибыль сверх средней прибыли, а следовательно, и возможность *ренты.*

Итак, мы видим:

При сравнении *различных* сфер производства, — например, промышленности и земледелия, — тот факт, что стоимость превышает среднюю цену, свидетельствует о большем *неплодородии* той сферы производства, которая дает добавочную прибыль, избыток стоимости над средней ценой. Напротив, в пределах *одной и той же* сферы этот факт свидетельствует о *большей производительности* данного капитала по сравнению с другими капиталами той же сферы производства. В вышеприведенном примере разряд I дает земельную ренту, вообще говоря, потому, что в земледелии отношение переменного капитала к постоянному больше, чем в промышленности, — т. е. в земледелии приходится присоединять больше нового труда к овеществленному, — и потому, что, вследствие существования собственности на землю, этот избыток стоимости *над* средней ценой не выравнивается конкуренцией капиталов. Но [в частности] почва разряда I дает вообще земельную ренту еще и потому, что стоимость бушеля в 6 шилл. 8 пенсов не оказывается *ниже* средней цены продукта этой почвы, т. е. потому, что эта почва не настолько уж неплодородна, чтобы стоимость ее собственного продукта была выше 6 шилл. 8 пенсов за бушель, *цену* же продукта определяет *не стоимость собственного продукта этой почвы,* а стоимость пшеницы, возделываемой на почвах II, III, IV, или, точнее, на почве II. Будет ли теперь эта *рыночная цена* лишь равна *средней цене собственного продукта* этой почвы или она будет превышать эту среднюю цену, другими словами, будет ли *стоимость* продукта почвы I *превышать его среднюю цену,* — это зависит от собственной производительности этой почвы.

Поэтому-то и ошибочен взгляд Родбертуса, будто всякий капитал, приносящий в земледелии среднюю прибыль, *обязательно* приносит земельную ренту. Этот ложный вывод вытекает у Родбертуса из [489] ложной основы его теории. Родбертус рассуждает так: капитал приносит в земледелии, скажем, 10 ф. ст., но так как в земледелие, в отличие от промышленности, *не* входит *сырой материал,* то 10 ф. ст. исчисляются здесь на меньшую сумму, — получается, следовательно, больше 10 процентов. Но соль вопроса в следующем: дело не в том, что здесь

будто бы не входит в производство сырой материал (последний, напротив, входит в земледелие в собственном смысле; но даже если бы он и *не* входил в земледелие, то это обстоятельство не имело бы ни малейшего значения, коль скоро в земледелии было бы относительно больше *машин* и т. д.); не этим обусловлено то, что стоимость земледельческих продуктов превышает *среднюю цену* (их собственную и среднюю цену других товаров). Причиной этого является более высокое отношение переменного капитала к постоянному, чем то, которое существует не в тех или других *особых сферах производства* в промышленности, а *в среднем* во всей промышленности. Это *общее* различие определяет своей величиной размер и существование земельной ренты на почве I — абсолютной, недифференцированной, а потому и *наименьшей* земельной ренты. А цена пшеницы на почве Г, — вновь введенной в обработку почве, которая совсем не дает земельной ренты, — определяется *не стоимостью* собственного продукта этой почвы, а стоимостью продукта почвы I, следовательно — средней *рыночной ценой* пшеницы, доставляемой разрядами I, II, III, IV.

Привилегия земледелия (обусловленная собственностью на землю), выражающаяся в том, что земледелие продает свой продукт не по *средней цене,* а по *стоимости* продукта, когда эта стоимость *превышает* среднюю цену, — эта привилегия отнюдь не распространяется на возделанные на различных землях продукты в их отношении друг к другу, на различные по стоимости продукты, произведенные внутри *одной и той же* сферы производства. По отношению к промышленным продуктам их притязание состоит лишь в том, чтобы продаваться по своим стоимостям. По отношению к другим продуктам той же сферы они определяются рыночной ценой; и от плодородия почвы разряда I зависит то, будет ли стоимость — она здесь равна средней рыночной цене — достаточно высокой или низкой, т. е. является ли это плодородие почвы I достаточно высоким или низким для того, чтобы разряд I', если его продукт продается по *этой* стоимости, имел незначительную долю, большую долю или же совсем не имел никакой доли в общей разности между стоимостью и средней ценой пшеницы. Но так как г-н Родбертус вообще не проводит различия между стоимостями и средними ценами, так как он считает, будто всеобщим законом для всех товаров является то, что они продаются по *их* стоимостям, — Родбертус не понимает, что это есть привилегия земледельческих продуктов, — то он. естественно, должен думать, что и продукт самой худшей почвы тоже должен продаваться по *его* индивидуальной стоимости. Однако

данный продукт лишается этой привилегии в конкуренции с продуктами *того же* рода.

По может оказаться, что средняя цена продукта I' превышает стоимость продукта I — 6 шилл. 8 пенсов за бушель. Можно принять (хотя это и не совсем верно), что для того, чтобы почва I' вообще поступила в обработку, должен повыситься спрос. Вследствие этого цена пшеницы почвы I обязательно поднялась бы *выше* ее *стоимости,* т. е. выше 6 шилл. 8 пенсов, и притом повышение это было бы устойчивым. В таком случае почва *V* вводится в обработку. Если она может при цене продукта в 6 шилл. 8 пенсов давать среднюю прибыль — хотя стоимость ее продукта *превышает* эту цену — и удовлетворять спрос, то цена пшеницы будет сведена к 6 шилл. 8 пенсам, так как спрос теперь снова соответствует предложению; таким образом, разряд I опять вынужден продавать свой продукт по О шилл. 8 пенсов, равно как и разряды II, III, IV, а следовательно также и I'. Но если бы *средняя цена* продукта разряда I' составляла 7 шилл. 8 пенсов, так что этот разряд только при такой цене (которая стояла бы значительно ниже его индивидуальной стоимости) давал бы обычную прибыль, то, при невозможности удовлетворить спрос иным образом, стоимость бушеля установилась бы на уровне 7 шилл. 8 пенсов, а соответствующая спросу цена бушеля в разряде I поднялась бы выше его [индивидуальной] стоимости. Цена бушеля в разрядах II, III, IV уже превышает *их* индивидуальную стоимость. Она повысилась бы еще больше. Но если бы предвиделся ввоз хлеба, который ни при каких условиях не допустил бы такой фиксации цены бушеля на уровне 7 шилл. 8 пенсов, то все же почва разряда I' могла бы быть введена в обработку, если бы нашлись мелкие фермеры, которые удовольствовались бы прибылью меньшей, чем средняя. Это постоянно имеет место в земледелии, как и в промышленности. И в этом случае, — так же как и в том, когда почва I' дает среднюю прибыль, — могла бы уплачиваться земельная рента, но последняя была бы просто вычетом из прибыли фермера. Если бы и этого нельзя было сделать, то земельный собственник мог бы сдать землю в аренду беднякам, которые — как и ручной ткач — заботятся главным образом о том, как бы выручить свою заработную плату, а остающийся избыток, большой или малый, уплачивают земельному собственнику в форме ренты. Этот избыток может даже, как у ручного ткача, быть просто вычетом не только из продукта труда, но и из *платы за труд.* Во всех этих случаях могла бы уплачиваться земельная рента. В одном случае она была бы вычетом из прибыли капиталиста. В другом — земельный

собственник присваивал бы себе прибавочный труд рабочего, обычно присваиваемый капиталистом. А в последнем случае земельный собственник жил бы за счет сокращения заработной платы рабочего, как это часто делают также и капиталисты. Но *капиталистическое производство* в крупном масштабе возможно лишь там, где последняя введенная в обработку земля дает, по меньшей мере, среднюю прибыль, т. е. лишь там, где стоимость продукта разряда I обеспечивает разряду I', по меньшей мере, среднюю цену.

Мы видим здесь, как различение *стоимости* и *средней цены* поразительно разрешает вопрос и показывает, что правы и Рикардо и его противники[27].

[XI—490] Если бы разряд I — почва, дающая абсолютную земельную ренту, — представлял собой единственный сорт обрабатываемой почвы, то он продавал бы бушель пшеницы по его *стоимости,* т. е. по 6 шилл. 8 пенсов, или по $6^6/_9$ шилл., и не понижал бы его цену до средней цены, выражающейся в $6^1/_9$ шилл., или в 6 шилл. $1^1/_3$ пенса. Если бы спрос возрос, если бы вся почва страны была одного и того же сорта и если бы площадь обрабатываемой почвы увеличилась в десять раз, то, при предположении, что разряд I дает ренту в 10 ф. ст. на 100 ф. ст., рента возросла бы до 100 ф. ст., хотя и существовал бы только *один-единственный разряд почвы.* Однако по своей норме, или высоте, рента не возросла бы ни по отношению к *авансированному капиталу,* ни по отношению к площади *обрабатываемой земли.* Было бы обработано в десять раз больше акров и авансировано в десять раз больше капитала. Мы имели бы здесь, следовательно, простое увеличение *общей суммы ренты,* массы ренты, а не ее высоты. Норма прибыли не понизилась бы, ибо стоимость и цена земледельческих продуктов остались бы те же. В десять раз больший капитал может, естественно, давать в десять раз большую ренту, чем капитал в десять раз меньший. С другой стороны, если бы на одной и той же земельной площади было применено в десять раз больше капитала с тем же результатом, то норма ренты, по сравнению с затраченным капиталом, осталась бы *той же самой;* она поднялась бы по отношению к площади земли, но тоже не внесла бы никаких изменений в норму прибыли.

Но предположим теперь, что обрабатываемая почва I стала более плодородной не потому, что изменилось качество почвы, а потому, что было затрачено больше постоянного и меньше переменного капитала, больше капитала в виде машин, лошадей, минеральных удобрений и т. д., и меньше — и виде заработной платы; тогда стоимость пшеницы приблизилась бы к ее средней

цене и к средней цене продуктов промышленности, ибо уменьшилась бы доля переменного капитала в сравнении с постоянным. В этом случае рента упала бы, а норма прибыли осталась бы неизменной. Если бы здесь произошло такое изменение в способе производства, что отношение переменного капитала к постоянному уравнялось бы со средним отношением их в промышленности, то избыток стоимости пшеницы над ее средней ценой отпал бы, а вместе с этим отпала бы и рента, добавочная прибыль. Разряд I уже не платил бы ренты, и собственность на землю стала бы номинальной (если бы изменение в способе производства не сопровождалось добавочным вложением капитала в землю, так что земельный собственник по окончании срока аренды получал бы проценты с капитала, которого он не авансировал, что и является одним из главных средств обогащения земельных собственников и из-за чего в Ирландии и происходит борьба вокруг арендного права). Если бы кроме почвы I существовали еще почвы II, III, IV, на которые тоже распространился бы этот новый способ производства, то они все же давали бы земельные ренты вследствие своего большего естественного плодородия сравнительно с I и в меру этого большего плодородия. Разряд I в этом случае перестал бы давать земельную ренту, а ренты с разрядов II, III, IV соответственно упали бы, так как общее соотношение производительности в земледелии уравнялось бы с тем соотношением, которое имеет место в промышленности. Рента с разрядов II, III, IV соответствовала бы закону Рикардо; она была бы равна лишь добавочной прибыли с более плодородной почвы в сравнении с менее плодородной и *существовала бы* только в качестве такой добавочной прибыли — так же как подобные добавочные прибыли существуют и в промышленности, с той лишь разницей, что в промышленности они не имеют такого базиса для фиксирования, который был бы дан природой.

Закон Рикардо точно так же господствовал бы и в том случае, если бы *совсем не существовало собственности на землю.* С отменой собственности на землю и при сохранении капиталистического производства эта добавочная прибыль, проистекающая из разницы в плодородии, не исчезла бы. Если бы государство присвоило себе собственность на землю, а капиталистическое производство продолжало бы существовать, то рента с разрядов II, III, IV уплачивалась бы государству, но сама рента сохранилась бы. Если бы собственность на землю превратилась в *народную собственность,* то перестал бы существовать вообще базис капиталистического производства, та основа, на

которой покоится превращение условий труда в обособленную от рабочего и противостоящую ему силу.

Позднее, при рассмотрении земельной ренты, надо будет разобрать вопрос о том, каким образом земельная рента может возрастать по *стоимости* и *массе* при более интенсивной культуре, хотя норма земельной ренты по отношению к авансированному капиталу при этом понижается. Это, очевидно, возможно только потому, что увеличивается *масса авансированного капитала.* Если земельная рента составляет $^1/_5$, а затем становится равной $^1/_{10}$, то $20 \times {}^1/_5 = 4$, а $50 \times {}^1/_{10} = 5$. К этому все дело и сводится. Но если бы при более интенсивной культуре в земледелии установилось то соотношение между элементами производства, которое является средним соотношением в промышленности, — вместо того чтобы только *приближаться* к этому соотношению, — то рента с наименее плодородной почвы совсем отпала бы, а для почвы более плодородной она свелась бы всего лишь к дифференциации почв. *Абсолютная* рента отпала бы.

Допустим теперь, что вследствие повышения спроса совершился переход от разряда I к разряду II. Разряд I платит абсолютную ренту, II платил бы дифференцированную ренту, но *цена* пшеницы {стоимость для I, избыточная стоимость для II} осталась бы той же самой. Точно так же не изменилась бы и норма прибыли. Так дело шло бы вплоть до разряда IV. Следовательно, если бы мы сложили весь затраченный в разрядах I, II, III, IV капитал, то поднялась бы и *высота* ренты, ее норма. Но средняя норма прибыли в разрядах II, III, IV осталась бы равной норме прибыли в разряде I, которая равна норме прибыли в промышленности, общей норме прибыли. Итак, при [491] переходе к более плодородной почве рента по своей массе и норме может возрастать, хотя норма прибыли и цена пшеницы остаются неизменными. Увеличение высоты и массы ренты здесь было бы вызвано возрастанием производительности капитала в разрядах II, III, IV, а не уменьшением его производительности в разряде I. Однако возросшая производительность не вызвала бы, как это обязательно происходит в промышленности, повышения прибыли и понижения как цены товара, так и заработной платы.

Но если бы переход совершался в противоположном направлении — от IV разряда к III, II и I, — то цена бушеля поднялась бы до уровня 6 шилл. 8 пенсов, при котором пшеница в разряде I дает еще ренту в 10 ф. ст. на 100 ф. ст. [затраченного капитала]. А именно, рента с пшеницы в разряде IV

равна $17^7/_{25}$ ф. ст. на 100 ф. ст. [затраченного капитала], из которых, однако, $7^7/_{25}$ ф. ст. составляют избыток [рыночной] цены [всего продукта, полученного в разряде IV] над стоимостью [всего] продукта разряда I. Разряд I давал бы на капитал в 100 ф. ст. (при ренте в 10 ф. ст. и при стоимости бушеля в *6 шилл. 8 пенсов)* 360 бушелей пшеницы, II разряд — 432 бушеля, III разряд — $518^2/_5$, бушеля и IV разряд — $622^2/_{25}$ бушеля. Но цена бушеля в 6 шилл. 8 пенсов давала бы разряду IV $7^7/_{25}$ ф. ст. добавочной ренты на 100 ф. ст. IV разряд продает 3 бушеля за 1 ф. ст., или $622^2/_{25}$ бушеля за $207^9/_{25}$ ф. ст. Но [индивидуальная] стоимость его продукта составляет только 120 ф. ст., как и в разряде I; то, что превышает эту цифру, составляет избыток его [рыночной] цены над его [индивидуальной] стоимостью[28]. IV продавал бы бушель по его стоимости, если бы продавал его по 3 шилл. $10^8/_{27}$ пенса, и при этой цене он получал бы ренту в 10 ф. ст. на 100 ф. ст. [затраченного капитала]. Если же теперь совершается переход от IV к III, от III к II и от II к I, то цена бушеля (а вместе с тем и рента) повышается, пока она в конце концов не достигнет уровня 6 шилл. 8 пенсов в разряде I, где эта цена дает теперь такую же земельную ренту, какая раньше получалась в разряде IV. С повышением цены [земледельческого продукта] норма прибыли упала бы, отчасти потому, что повысилась бы стоимость жизненных средств и сырья. Переход от IV к III мог бы происходить следующим образом. Вследствие увеличения спроса цена в разряде IV поднимается выше его стоимости, и, стало быть, этот разряд дает не только ренту, но и добавочную ренту. Вследствие этого вводится в обработку разряд III, который, продавая свои продукты по этой цене, не должен давать никакой ренты при обычной средней прибыли. Если вследствие повышения цены продукта разряда IV понизилась не норма прибыли, а заработная плата, то разряд III будет давать [прежнюю] среднюю прибыль. Но вследствие добавочного предложения со стороны разряда III заработная плата должна снова подняться до нормального уровня; тогда в разряде III падает норма прибыли — и т. д.

Следовательно, в случае этого нисходящего движения норма прибыли падает при наличии *допущенных предпосылок,* а именно, — что разряд III не может давать ренты при цене разряда IV и что он может обрабатываться, давая прежнюю норму прибыли, только потому, что заработная плата временно упала ниже своего уровня.

При этих предпосылках мы снова имеем дело с рикардовским законом. Но даже если принять концепцию Рикардо, закон

этот не выражает чего-то необходимого. Он всего лишь *возможен* при определенных сочетаниях условий. В действительности же движения перекрещиваются.

* * *

Сказанным теория ренты по сути дела исчерпана.

Г-н Родбертус, вследствие своей концепции «стоимости материала», мыслит земельную ренту как заложенную в вечной природе вещей, по крайней мере — в вечной природе капиталистического производства. В нашем понимании земельная рента является следствием *исторического различия* в соотношении между органическими составными частями капитала, — различия, которое может быть отчасти сглажено и может даже совсем исчезнуть с развитием земледелия. Правда, то различие, которое проистекает только из разницы в естественном плодородии почвы, остается, даже если бы отпала *абсолютная* рента. Но — совершенно отвлекаясь от возможного выравнивания природных различий — эта *дифференциальная рента* связана с регулированием рыночной цены и, стало быть, отпадает вместе с ценой и капиталистическим производством. Оставалось бы в силе лишь то обстоятельство, что *общественный труд обрабатывает почву различного плодородия,* причем, несмотря на различие в количестве применяемого труда, этот труд может становиться более производительным на всех почвах. Но большая масса труда, которой стоит продукт худшей почвы, отнюдь не будет порождать того следствия, которое имеет место при буржуазном строе, а именно, что также и продукт лучшей почвы должен оплачиваться большим количеством труда. Напротив, труд, сбереженный на почве IV, был бы использован для улучшения почвы III, труд, сбереженный на почве III, — для улучшения почвы II, а труд, сбереженный на почве II, — для улучшения почвы I; стало быть, весь капитал, пожираемый теперь земельными собственниками, послужил бы тогда для того, чтобы уравнять труд на различных почвах и уменьшить общее количество труда, затрачиваемого в земледелии.

* * *

[492] {Если А. Смит, как мы видели выше[*], вначале высказывает правильный взгляд на стоимость и на соотношение между прибылью, заработной платой и т. д. как составными частями стоимости, а затем вступает на противоположный путь и,

[*] См. настоящий том, часть I, стр. 42—59 и 68—73. *Ред.*

предполагая как нечто данное цены заработной платы, прибыли и земельной ренты, пытается определить их как самостоятельные величины и получить из их сложения *цену товара,* то этот переход на противоположную точку зрения означает вот что: сперва Смит берет вещи в их *внутренней связи,* а затем — *в той превратной форме, в которой они проявляются в конкуренции.* Оба эти способа рассмотрения у него наивным образом перекрещиваются, причем он не замечает противоречия между ними. Рикардо, наоборот, сознательно *абстрагируется* от формы конкуренции, от видимости, создаваемой конкуренцией, чтобы рассмотреть *законы как таковые.* Его следует упрекнуть, с одной стороны, в том, что он проводит абстракцию недостаточно далеко, недостаточно полно, так что, когда он, например, рассматривает *стоимость* товара, он уже с самого начала поддается определяющему влиянию также и всякого рода конкретных отношений; с другой стороны — в том, что он форму проявления понимает как *непосредственное, прямое* подтверждение или выражение всеобщих законов; он никак не раскрывает *развития* этой формы. В отношении первого из этих моментов его абстракция является весьма неполной, в отношении второго она — абстракция формальная, ложная сама по себе.}

[10) НОРМА РЕНТЫ И НОРМА ПРИБЫЛИ. СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬЮ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬЮ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА РАЗЛИЧНЫХ СТУПЕНЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ]

Теперь вернемся коротко к тому, что осталось еще разобрать у Родбертуса.

«Проистекающее из *увеличения* стоимости национального продукта *увеличение* заработной платы, прибыли на капитал и земельной ренты не может *повысить* в нации ни заработной платы, ни прибыли на капитал, ибо большая заработная плата теперь распределяется между большим количеством рабочих, а возросшая прибыль падает на увеличившийся в такой же пропорции капитал; земельная же рента во всяком случае должна *повыситься,* ибо она всегда приходится на *не изменяющиеся по величине* земельные участки. Таким образом, развиваемая мною теория способна удовлетворительно объяснить значительное *увеличение стоимости земли,* — эта стоимость есть не что иное, как капитализированная по обычной процентной ставке земельная рента, — не прибегая при этом к допущению возрастающей непроизводительности сельскохозяйственного труда, которое прямо противоречит идее о способности человеческого общества к совершенствованию, равно как и всем сельскохозяйственным и статистическим фактам» (стр. 160—161) [Русский перевод, стр. 340—3411.

Прежде всего надо заметить, что Рикардо [против которого направлено это рассуждение Родбертуса] *нигде* и не старается

объяснить *«значительное увеличение стоимости земли».* Это не составляет для него *никакой проблемы.* Далее, Рикардо (см. в последующем, при разборе взглядов Рикардо) сам определенно говорит о том, что при неизменяющейся стоимости хлеба или [вообще] земледельческого продукта, при данной норме земельной ренты, рента может *увеличиваться**. Но это увеличение опять-таки не составляет проблемы для Рикардо. Для него проблемой является не увеличение общей суммы ренты при остающейся неизменной норме ренты, а повышение *нормы ренты,* т. е. ренты, взятой в ее отношении к авансированному земледельческому капиталу; а потому также и не повышение стоимости *всей массы* земледельческого продукта, а повышение стоимости того же самого количества земледельческого продукта, например квартера пшеницы, — повышение, вместе с которым возрастает избыток стоимости продукта над его средней ценой, а вследствие этого и избыток ренты над нормой прибыли. Г-н Родбертус отбрасывает здесь рикардовскую проблему (не говоря уже о ложной родбертусовской концепции «стоимости материала»).

Конечно, может повышаться и *норма ренты* по отношению к авансированному капиталу, т. е. относительная стоимость земледельческого продукта по сравнению с промышленным продуктом, хотя земледелие и становится все *более производительным.* И притом это может происходить по двум причинам.

Во-первых, возьмем *вышеприведенный пример,* где имеет место переход от почвы разряда I к разрядам II, III, IV, т. е. ко все более плодородной почве (причем, однако, количество продукта, поставляемого более плодородной почвой, недостаточно велико для того, чтобы была прекращена обработка разряда I, или для того, чтобы уменьшить разность между стоимостью и средней ценой до такой величины, при которой разряды IV, III, II приносили бы пропорционально более низкие ренты, а разряд I совсем не приносил бы ренты). Если разряд I приносит 10 ф. ст. ренты, разряд II — 20 ф. ст., разряд III — 30 ф. ст., разряд IV — 40 ф. ст. и если во все четыре разряда вложено по 100 ф. ст., то рента у I составляет $^{1}/_{10}$, или 10% на авансированный капитал, у II — $^{2}/_{10}$, или 20%, у III — $^{3}/_{10}$, или 30%, и у IV— $^{4}/_{10}$, или 40%. Всего 100 ф. ст. на 400 ф. ст. авансированного капитала, что дает среднюю норму ренты в $^{100}/_{4}$ т. е. в 25%. Если взять весь вложенный в земледелие капитал, то рента составляет теперь 25%. Если

* См. настоящий том, часть II, стр. 346—347. *Ред.*

бы продолжалась обработка только почвы I (самой неплодородной почвы), то рента составляла бы 40 ф. ст. на 400 ф. ст., т. е. по-прежнему 10%, и не возросла бы до 25%. Но в первом случае (если на затрату 100 ф. ст. в разряде I приходится 330 бушелей) было бы произведено только *1320* бушелей по цене 6 шилл. 8 пенсов за бушель; во втором случае [когда обрабатывается почва всех четырех разрядов] производится 1500 бушелей по той же цене. В обоих случаях авансирован один и тот же капитал[29].

Однако увеличение *высоты* ренты здесь только кажущееся[30]. В самом деле, если мы вычислим затрату капитала по отношению к продукту, то окажется, что в разряде I нужно затратить 100 ф. ст., чтобы произвести 330 бушелей, и 400 ф. ст., чтобы произвести *1320* бушелей. А теперь нужно затратить лишь 100 + 90 + 80 + 70, т. е. всего 340 ф. ст.[31], чтобы произвести 1 320 бушелей. 90 ф. ст. производят в разряде II столько же, сколько 100 в I; 80 в III — столько же, сколько 90 во II; 70 в IV — столько же, сколько 80 в III. Норма земельной ренты в разрядах II, III, IV повысилась в сравнении с разрядом I.

Если рассматривать все общество в целом, то теперь для производства *того же самого* продукта применен капитал в 340 ф. ст. вместо 400 ф. ст., т. е. только 85% [прежнего] капитала.

[493] 1320 бушелей были бы только иначе распределены, чем в первом случае. Арендатор должен теперь на 90 ф. ст. [авансированного капитала] отдавать столько же [ренты], сколько прежде на 100 ф. ст., на 80 ф. ст. — столько же, сколько прежде на 90 ф. ст., и на 70 ф. ст. — столько же, сколько прежде на 80 ф. ст. Но затраты капитала в 90, 80, 70 ф. ст. дают ему как раз столько же продукта, сколько прежде давала затрата в 100 ф. ст. Он отдает больше не потому, что должен затрачивать больший капитал, чтобы получить тот же продукт, а потому, что он затрачивает меньше капитала; не потому, что его капитал стал менее производительным, а потому, что этот капитал стал более производительным, арендатор же продает свой продукт по-прежнему по цене продукта разряда I, как если бы для производства того же количества продукта ему был нужен тот же капитал, что и прежде.

[*Во-вторых.*] Кроме этого повышения *нормы ренты,* — совпадающего с неодинаковым повышением сверхприбыли в отдельных отраслях промышленности, хотя в промышленности это повышение не фиксируется, — возможен только еще второй случай, когда *норма ренты* может повыситься несмотря на то, что стоимость продукта земледелия остается той же, т. е. что

труд не становится здесь менее производительным. Этот случай имеет место либо тогда, когда производительность в земледелии остается *той же самой,* как и прежде, но повышается производительность в промышленности, причем это повышение выражается в понижении нормы прибыли; т. е. тогда, когда в промышленности отношение переменного капитала к постоянному уменьшилось. Либо же это бывает тогда, когда производительность повышается также и в земледелии, но не в таком отношении, как в промышленности, а в меньшем. Если производительность в земледелии повышается как 1:2, а в промышленности как 1:4, то это *относительно* то же самое, как если бы в земледелии производительность осталась прежней, а в промышленности удвоилась бы. В этом случае уменьшение переменного капитала по отношению к постоянному происходило бы в промышленности в два раза быстрее, чем в земледелии.

В обоих этих случаях упала бы норма прибыли в промышленности, а вследствие ее *падения* повысилась бы *норма* земельной ренты. В других случаях норма прибыли падает не абсолютно (она скорее остается *постоянной),* но она падает по отношению к земельной ренте, не потому, что она падает *сама по себе,* а потому, что повышается земельная рента, норма земельной ренты по отношению к авансированному капиталу.

Рикардо этих случаев не различает. За исключением приведенных случаев (т. е. когда норма прибыли (хотя она и постоянна) относительно падает из-за дифференциальных рент, приходящихся на долю капитала, применяемого на более плодородных почвах, — или когда вследствие увеличения производительности промышленности изменяется общее соотношение между постоянным и переменным капиталом и *поэтому* увеличивается избыток стоимости земледельческого продукта над его средней ценой) норма земельной ренты может повышаться только при том условии, что норма прибыли падает без увеличения производительности промышленности. А это возможно только в том случае, если в результате увеличившейся непроизводительности земледелия повышается заработная плата или увеличивается стоимость сырого материала. В этом случае падение нормы прибыли и увеличение высоты земельной ренты представляют собой результат одной и той же причины — уменьшения производительности земледелия, применяемого в земледелии капитала. Таково представление Рикардо. При *неизменяющейся* стоимости денег это должно тогда проявиться в повышении *цен* сырых продуктов. Если повышение цен *относительно,* как это было рассмотрено выше, то никакое изменение цены денег не может абсолютно повысить денежные

цены земледельческих продуктов по сравнению с продуктами промышленности. При понижении стоимости денег на 50% один квартер пшеницы, стоивший 3 ф. ст., будет стоить 6 ф. ст., но и один фунт пряжи, стоивший 1 шилл., будет стоить 2 шилл. Таким образом, изменением стоимости денег никогда нельзя объяснить *абсолютное* повышение денежных цен земледельческих продуктов по сравнению с продуктами промышленности.

В общем следует признать, что при примитивном, докапиталистическом способе производства земледелие *производительнее,* чем промышленность, так как природа здесь участвует в работе человека как машина и организм, в то время как в промышленности силы природы еще почти целиком замещаются человеческой силой (как, например, в ремесленной промышленности и т. д.). В бурный период капиталистического производства развитие производительности в промышленности, по сравнению с земледелием, происходит очень быстро, хотя развитие промышленности и *предполагает,* что в земледелии *произошло* уже значительное изменение в соотношении между переменным и постоянным капиталом, т. е. предполагает, что масса людей согнана с земли. В дальнейшем производительность возрастает и в промышленности и в земледелии, хотя и неодинаковым темпом. Но на известной ступени развития промышленности эта диспропорция должна начать убывать, т. е. производительность земледелия должна увеличиваться относительно быстрее, чем производительность промышленности. Сюда относятся: 1) Замена фермера-лежебоки промышленником, сельскохозяйственным капиталистом, превращение земледельцев в чисто наемных рабочих, ведение земледелия в крупном масштабе, т. е. с помощью концентрированных капиталов. 2) В особенности же следующее: собственно научную основу крупной промышленности составляет механика, которая в XVIII веке до известной степени достигла своего завершения; лишь в XIX веке, в особенности в более поздние его десятилетия*, развиваются те науки, которые *непосредственно* являются для земледелия специфическими основами в большей степени, чем для промышленности, [494] — химия, геология и физиология.

Нелепо говорить о большей или меньшей производительности двух *различных* отраслей производства на основании простого сравнения стоимости их товаров. Если фунт хлопка стоил в 1800 году 2 шилл., а фунт пряжи — 4 шилл. и если стоимость хлопка в 1830 году равна 2 шилл. или, скажем, 18 пенсам, а стоимость пряжи равна 3 пшлл. или же 1 шилл. 8 пенсам,

* — т. е. в 40-е и 50-е годы. *Ред.*

то можно было бы сравнивать то отношение, в каком производительность возросла в этих двух отраслях. Но это возможно только потому, что уровень 1800 года принимается за исходный пункт. На основании же того, что фунт хлопка стоит 2 шилл., а фунт пряжи — 3 шилл., т. е. на основании того, что труд, производящий хлопок, в два раза больше [вновь присоединенного] труда прядильщика, было бы нелепо делать вывод, будто один вид труда вдвое производительнее, чем другой, — подобно тому как нелепым было бы следующее утверждение: так как изготовление холста обходится дешевле, чем картина, написанная на этом холсте художником, то труд художника менее производителен, чем труд по изготовлению холста.

Верно здесь лишь следующее (если при этом понятие «*производительный* труд» брать также и в его капиталистическом смысле, т. е. в смысле труда, производящего прибавочную стоимость, и учитывать вместе с тем относительные массы продукта):

Если в среднем, для того чтобы дать в хлопчатобумажной промышленности занятие 100 рабочим, которые обходятся в 100 ф. ст., нужно, в соответствии с условиями производства, затратить 500 ф. ст. на сырье, машины и т. д. {при данной стоимости последних} и если, с другой стороны, для того чтобы дать в производстве пшеницы занятие 100 рабочим, которые тоже обходятся в 100 ф. ст., нужно затратить 150 ф. ст. на сырье и машины, — то в первом случае переменный капитал составлял бы $^1/_6$ совокупного капитала, равного 600 ф, ст., и $^1/_5$ постоянного капитала; во втором случае переменный капитал составлял бы $^2/_5$ совокупного капитала, равного 250 ф. ст., и $^2/_3$ постоянного капитала. Таким образом, каждые 100 ф. ст., вложенные в хлопчатобумажную промышленность, могут заключать в себе только $16^2/_3$ ф. ст. переменного капитала и обязательно заключают в себе $83^1/_3$ ф. ст. постоянного капитала; во втором же случае — 40 ф. ст. переменного капитала и 60 ф. ст. постоянного. В первом случае переменный капитал составляет $^1/_6$ совокупного капитала, т. е. $16^2/_3$%, во втором — 40%. В каком жалком состоянии находятся нынешние работы по истории цен, это ясно. Да они и не могут не быть жалкими, пока теория не покажет им, что именно надо исследовать. При данной норме прибавочной стоимости, равной, например, 20%, прибавочная стоимость составляла бы в первом случае $3^1/_3$ ф. ст. (стало быть, прибыль равнялась бы $3^1/_3$%); во втором же случае — 8 ф. ст. (стало быть, прибыль равнялась бы 8%). Труд в хлопчатобумажной промышленности был бы не так производителен, как в производстве зерна, но именно потому,

что он был бы более производителен (т. е. этот труд был бы не так производителен в смысле производства прибавочной стоимости, потому что он был бы более производителен в смысле производства продукта). Ясно — заметим мимоходом — что, например, в хлопчатобумажной промышленности соотношение 1:$^{1}/_{6}$ [между совокупным капиталом и переменным капиталом] возможно только в том случае, если постоянный капитал (это зависит от машин и т. д.) затрачен, скажем, в размере 10000 ф. ст., а заработная плата — в размере 2000 ф. ст., так что совокупный капитал составляет 12000. Если бы затрачено было только 6000, причем заработная плата составляла бы 1000, то машины были бы менее производительны и т. д. На 100 ф. ст. совсем нельзя было бы вести дело. С другой стороны, возможно, что при затрате в 23000 ф. ст. происходит такое увеличение эффективности машин, достигается такая экономия в других отношениях и т. д., что, быть может, не все 19166$^{2}/_{3}$ ф. ст. придутся целиком на постоянный капитал, а большее количество сырья и та же самая масса труда потребуют *меньше* машин и т. д. (по стоимости), причем на них будет сбережено 1000 ф. ст. Тогда, следовательно, снова возрастает отношение переменного капитала к постоянному, но только потому, что капитал увеличился абсолютно. Это один из факторов, препятствующих падению нормы прибыли. Два капитала по 12000 ф. ст. произведут то же самое количество товара, какое производит один капитал в 23000 ф. ст., но при этом, во-первых, товары были бы дороже, так как на них было затрачено на 1000 ф. ст. больше, а во-вторых, норма прибыли была бы меньше, так как в капитале в 23000 ф. ст. переменный капитал составляет большую долю, чем $^{1}/_{6}$ совокупного капитала, и, следовательно, большую, чем та, какую он составляет в сумме двух капиталов по 12000 ф. ст. каждый. [494]

[494] (С одной стороны, с прогрессом промышленности машины становятся эффективнее и дешевле, и, стало быть, эта часть постоянного капитала земледелия уменьшается — в том случае, если машины применяются здесь лишь в *таком же количестве,* как и прежде; однако количество машин растет быстрее, чем их удешевление, ибо этот элемент еще слабо развит в земледелии. С другой стороны, с увеличением производительности земледелия падает цена сырья — примером может служить хлопок, — так что сырье как составная часть процесса образования стоимости увеличивается не в такой же пропорции, в какой оно увеличивается как составная часть процесса труда.)[32]

* * *

[494] Уже *Петти* говорил, что лендлорды в его время боялись улучшений в земледелии, так как в результате этих улучшений падают цены земледельческих продуктов и земельная рента (по ее высоте); что по той же причине они боялись и *увеличения площади земель* и обработки ранее не использованной земли, что равносильно увеличению площади земли. (В Голландии такое увеличение земельной площади следует понимать в еще более прямом смысле слова.) Петти говорит:

«Лендлорды ворчат и жалуются на осушение болот, расчистку лесов, огораживание общинных земель для превращения их в пашню, на разведение эспарцета и клевера — как на то, что ведет к понижению цены съестных припасов» («Political Arithmetick, London, 1699, стр. 230) [Русский перевод: *Петти, Вильям.* Экономические и статистические работы. Москва, 1940, стр. 186]. «Рента со всей Англии, с Уэльса и равнинной части Шотландии составляет примерно 9 млн. ф. ст. в год» (там же, стр. 231) [Русский перевод, стр. 1871.

Петти борется против этих взглядов лендлордов, а Давенант развивает [495] дальше ту мысль, что *высота ренты* может уменьшаться, тогда как масса ренты, или общая сумма ренты, может при этом увеличиваться. Давенант говорит:

«Ренты могут падать в некоторых местностях и в некоторых графствах, и все же в целом земля нации» (он имеет в виду стоимость земли) «может все время улучшаться; например, если расчищаются парки и леса и огораживаются общинные земли, если осушаются болота и многие земельные участки улучшаются посредством обработки и удобрения, то это, конечно, должно уменьшать стоимость той земли, которая уже раньше была в полной мере улучшена и не поддается уже дальнейшему улучшению; но хотя в результате этого рентный доход отдельных частных лиц понижается, тем не менее одновременно с этим повышается благодаря таким улучшениям общая рента королевства» *(D'Avenant.* Discourses on the Publick Revenues etc., Part II. London, 1698, стр. 26—27). «В промежуток времени между 1666 и 1688 годами частные ренты упали, но повышение общей суммы ренты в королевстве было в течение этого времени сравнительно большим, чем в предыдущие годы, потому что в этот промежуток времени улучшения почвы были более значительными и имели более всеобщий характер, чем когда-либо прежде» (там же, стр. 28).

Здесь мы видим также и то, что англичанин под высотой ренты понимает всегда отношение ренты к капиталу, а отнюдь не отношение ренты к *совокупной земельной площади* королевства (или вообще к акру, как это имеет место у г-на Родбертуса).

[ГЛАВА ДЕВЯТАЯ]
ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ ТАК НАЗЫВАЕМОГО РИКАРДОВСКОГО ЗАКОНА ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ. [ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О РОДБЕРТУСЕ] (ОТСТУПЛЕНИЕ)

[1) ОТКРЫТИЕ ЗАКОНА ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ РЕНТЫ АНДЕРСОНОМ. ИЗВРАЩЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ АНДЕРСОНА В ИНТЕРЕСАХ ЗЕМЕЛЬНЫХ СОБСТВЕННИКОВ У ЕГО ПЛАГИАТОРА — МАЛЬТУСА]

Андерсон был практиком-арендатором. Его первое сочинение, в котором *мимоходом* рассматривается природа ренты, появилось в 1777 г.[33], в ту пору, когда сэр Джемс Стюарт для значительной части публики был еще самым авторитетным экономистом, но всеобщее внимание было вместе с тем направлено на «Wealth of Nations», вышедшее за год до этого[34]. Напротив, сочинение шотландского арендатора, написанное по поводу одного непосредственно практического вопроса, дебатировавшегося в то время, — сочинение, в котором автор говорил о ренте не ex professo*, а выяснял ее природу только между прочим, — не могло возбудить внимания. Андерсон рассматривает в этом сочинении ренту лишь в связи с другими вопросами, а не ex professo. Так же мимоходом касается он этой своей теории в одном или двух из своих очерков, изданных им самим в виде трехтомного собрания очерков под заглавием «Essays relating to Agriculture and Rural Affairs», 3 vols., Edinburgh, 1775—1796. То же относится и к издававшимся в 1799—1802 гг. «Recreations in Agriculture, Natural-History, Arts» etc., London. (Посмотреть в Британском музее[35].) Всё это — сочинения, которые непосредственно были предназначены для арендаторов и специалистов по сельскому хозяйству. Если бы Андерсон имел представление о важности сделанного им открытия и преподнес его публике отдельно, как «Inquiry into the Nature of Rent»**, или если бы он хотя бы в минимальной степени обладал талантом промышлять собственными идеями столь же успешно, как

* — специально. *Ред.*
** — «Исследование о природе земельной ренты». *Ред.*

его земляк Мак-Куллох промышлял чужими, — то дело обстояло бы иначе.

Репродукции его теории появились в 1815 г. сразу же в виде отдельных *теоретических* исследований о природе ренты, как это показывают уже заглавия соответствующих сочинений Уэста и Мальтуса:

Мальтус — «Inquiry into the Nature and Progress of Rent».

Уэст — «Essay on the Application of Capital to Land».

Мальтус воспользовался, далее, андерсоновской теорией ренты для того, чтобы впервые дать своему закону народонаселения одновременно и политико-экономическое и реальное (естественноисторическое) обоснование, тогда как заимствованная им у предшествовавших писателей нелепость насчет геометрической и арифметической прогрессии была чисто химерической гипотезой. Г-н Мальтус сразу же «уцепился» за предоставившуюся ему возможность. А *Рикардо* сделал это учение о ренте, как он сам говорит в предисловии[36], одним из важнейших звеньев в общей системе политической экономии и придал ему, — не говоря уже о практической стороне дела, — совершенно новую теоретическую важность.

Рикардо бесспорно не знал Андерсона, так как в предисловии к своей политической экономии он называет в качестве родоначальников теории ренты Уэста и Мальтуса. *Уэст,* судя по оригинальной манере, в которой он излагает закон, тоже. вероятно, не знал Андерсона, — подобно тому как Тук не знал Стюарта. Иначе обстоит дело с г-ном Мальтусом. Детальное сравнение его сочинения с работами Андерсона показывает, что Мальтус знает Андерсона и пользуется им. Мальтус вообще был профессиональным *плагиатором.* [496] Достаточно лишь сравнить *первое издание* его сочинения о народонаселении[37] с цитированным мною раньше сочинением его преподобия Таунсснда[38], чтобы убедиться, что Мальтус не перерабатывает сочинение Таунсенда как человек свободной творческой мысли, а списывает и пересказывает как рабский плагиатор, хотя *нигде не называет его, утаивая* его существование.

Характерен тот способ, каким Мальтус использовал взгляды Андерсона. Андерсон защищал вывозные премии, поощряющие вывоз хлеба, и ввозные пошлины, сокращающие ввоз хлеба, — исходя отнюдь не из интересов лендлордов, а из предположения, будто такого рода законодательство *«понижает* среднюю цену хлеба» и обеспечивает равномерное развитие производительных сил земледелия. Мальтус воспринял этот практический вывод Андерсона потому, что Мальтус — как истый член англиканской государственной церкви — был профессиональным

сикофантом* земельной аристократии, чьи ренты, синекуры, расточительность, бессердечие и т. д. он *экономически* оправдывал. Мальтус защищает интересы промышленной буржуазии только в той мере, в какой они тождественны с интересами земельной собственности, аристократии, т. е. защищает их *против* массы народа, *против* пролетариата; но там, где интересы земельной аристократии и промышленной буржуазии расходятся и враждебно противостоят друг другу, Мальтус становится на сторону аристократии против буржуазии. Отсюда его защита «*непроизводительных* работников», перепотребления и т. д.

Напротив, Андерсон объяснял различие между землей, платящей ренту, и землей, не платящей ренты, или между землями, платящими неодинаковые ренты, *относительным* неплодородием той почвы, которая *не* приносит ренты или же приносит *меньшую* ренту, сравнительно с почвой, приносящей ренту, или почвой, приносящей большую ренту. Но он определенно говорил, что эта степень относительного плодородия *различных* сортов почвы, а следовательно и относительное неплодородие худших сортов почвы по сравнению с лучшими, абсолютно ничего общего не имеет с *абсолютной* производительностью земледелия. *Наоборот,* он подчеркивал, что не только абсолютное плодородие *всех* сортов почвы может постоянно увеличиваться и с ростом населения должно увеличиваться, но он шел дальше и утверждал, что *неравенство* в *плодородии,* различных сортов почвы может все более и более *выравниваться.* Он говорил, что нынешняя степень развития земледелия в Англии не дает ни малейшего представления о *возможном* его развитии. Он говорил в связи с этим, что в одной стране цена хлеба может быть высока, а рента — низка, а в другой стране цена хлеба может быть низка, а рента — высока; и это вытекало из его основного положения, ибо в обеих странах высота рент и само их существование определяются *различием* между плодородной и неплодородной почвой, но ни в одной из этих стран ренты не определяются абсолютным плодородием; в каждой из этих стран они определяются лишь различием в степени плодородия существующих сортов почвы, но ни в одной из них они не определяются средним плодородием этих сортов почвы. Отсюда он делал вывод, что абсолютная производительность земледелия не имеет абсолютно ничего общего с рентой. Поэтому он объявил себя впоследствии, как мы увидим ниже**, решительным врагом мальтусовской теории народонаселения

* — подхалимом, прислужником. *Ред.*

** См. настоящий том, часть II, стр. 154—155. *Ред.*

и не подозревал, что его собственной теории ренты суждено будет послужить обоснованием для этого чудовищного измышления. Андерсон объяснял повышение хлебных цен в Англии в период от 1750 до 1801 г. в сравнении с периодом от 1700 до 1750 г. отнюдь не тем, что в обработку вводились всё менее плодородные сорта почвы, а влиянием законодательства на земледелие в течение этих двух периодов.

Что же делает Мальтус?

Вместо своей (тоже украденной) химеры насчет геометрической и арифметической прогрессии, которую он сохранил как «фразу», он для подтверждения своей теории народонаселения использовал теорию Андерсона. Он сохранил практические выводы теории Андерсона, поскольку они соответствовали интересам лендлордов, — один уже этот факт доказывает, что Мальтус столь же мало, как и сам Андерсон, понимал связь этой теории с системой политической экономии буржуазного общества; — он повернул эту теорию против пролетариата, не входя в рассмотрение контраргументов ее автора. На долю Рикардо выпало сделать тот теоретический и практический шаг вперед, который вытекал из этой теории: теоретически—для определения *стоимости* товара и т. д. и для уяснения природы земельной собственности; практически — против необходимости частной собственности на землю *на основе буржуазного производства* и, более непосредственно, против всех тех мероприятий государства, вроде хлебных законов, которые содействовали росту этой земельной собственности. Единственный практический вывод, сделанный Мальтусом, состоял в защите покровительственных пошлин, которых требовали в 1815 г. лендлорды, — сикофантская услуга аристократам, — и в новом *оправдании* нищеты производителей богатства, в новой апологии эксплуататоров труда. С этой стороны — сикофантская услуга капиталистам-предпринимателям.

Для Мальтуса характерна *глубокая низость* мысли, — низость, какую может себе позволить только поп, [497] который в людской нищете видит наказание за грехопадение и вообще не может обойтись без «земной юдоли скорби», но вместе с тем, имея в виду получаемые им церковные доходы и используя догму о предопределении, находит весьма для себя выгодным «услаждать» господствующим классам пребывание в этой юдоли скорби. Эта низость мысли проявляется и в его занятиях наукой. *Во-первых,* в бесстыдно и как ремесло практикуемом им *плагиаторстве. Во-вторых,* в тех *полных оглядок,* а не *безоглядно смелых,* выводах, которые он делает из научных предпосылок.

[2) ТРЕБОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ КАК ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП РИКАРДО В ОЦЕНКЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ. АПОЛОГЕТИКА НАИБОЛЕЕ РЕАКЦИОННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ГОСПОДСТВУЮЩИХ КЛАССОВ У МАЛЬТУСА. ФАКТИЧЕСКОЕ ОПРОВЕРЖЕНИЕ МАЛЬТУСОВСКОЙ ТЕОРИИ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ ДАРВИНОМ]

Рикардо рассматривает капиталистический способ производства как самый выгодный для производства вообще, как самый выгодный для создания богатства, и Рикардо вполне нрав для своей эпохи. Он хочет *производства для производства,* и он *прав.* Возражать на это, как делали сентиментальные противники Рикардо, указанием на то, что производство как таковое не является же самоцелью, значит забывать, что производство ради производства есть не что иное, как развитие производительных сил человечества, т. е. *развитие богатства человеческой природы как самоцель.* Если противопоставить этой цели благо отдельных индивидов, как делал Сисмонди, то это значит утверждать, что развитие всего человеческого рода должно быть *задержано* ради обеспечения блага отдельных индивидов, что, следовательно, нельзя вести, к примеру скажем, никакой войны, ибо война во всяком случае ведет к гибели отдельных лиц. (Сисмонди прав лишь против таких экономистов, которые *затушевывают* этот антагонизм, отрицают его.) При таком подходе к вопросу остается непонятым то, что это развитие способностей рода *«человек»,* хотя оно вначале совершается за счет большинства человеческих индивидов и даже целых человеческих классов, в конце концов разрушит этот антагонизм и совпадет с развитием каждого отдельного индивида; что, стало быть, более высокое развитие индивидуальности покупается только ценой такого исторического процесса, в ходе которого индивиды приносятся в жертву. Мы не говорим уже о бесплодности подобных назидательных рассуждений, ибо в мире людей, как и в мире животных и растений, интересы рода всегда пробивают себе путь за счет интересов индивидов, и это происходит потому, что интерес рода совпадает с *интересом особых индивидов,* в чем и состоит сила этих последних, их преимущество.

Прямолинейность Рикардо была, следовательно, не только *научно честной,* но и *научно обязательной* для его позиции. Но поэтому для Рикардо и совершенно безразлично, поражает ли насмерть дальнейшее развитие производительных сил земельную собственность или рабочих. Когда этот прогресс обесценивает капитал промышленной буржуазии, то Рикардо это тоже

приветствует. Если развитие производительной силы труда обесценивает наполовину *наличный* основной капитал, то что из этого? — говорит Рикардо, — зато ведь производительность человеческого труда удвоилась. Здесь, таким образом, —*научная честность.* Если точка зрения Рикардо и соответствует в целом интересам *промышленной буржуазии,* то это лишь *потому,* что ее интересы совпадают — и лишь *в той мере, в какой* они совпадают, — с интересами производства, или с интересами развития производительности человеческого труда. Там, где буржуазия вступает в противоречие с этим развитием, Рикардо столь же *беспощадно* выступает против буржуазии, как в других случаях — против пролетариата и аристократии.

Но *Мальтус!* Этот негодяй извлекает из добытых уже наукой (и всякий раз им *украденных)* предпосылок только такие выводы, которые *«приятны»* (полезны) аристократии против буржуазии и им обеим — *против* пролетариата. Он поэтому хочет не *производства ради производства,* а лишь производства в той мере, в какой оно поддерживает или укрепляет *существующий строй* и служит выгоде господствующих классов.

Уже его первое сочинение[39], один из самых примечательных литературных примеров успеха плагиата за счет оригинальных работ, преследовало *практическую* цель — «экономически» доказать, в интересах *существующего* английского правительства и *землевладельческой аристократии,* утопичность преобразовательных стремлений французской революции и *ее сторонников в Англии.* Словом, это был панегирический памфлет в защиту существующего строя против исторического развития; к тому же это было и оправданием войны против революционной Франции.

Его сочинения 1815 г. о покровительственных пошлинах и земельной ренте[40] отчасти должны были подтвердить прежнюю апологию нищеты производителей, но в первую очередь — защитить реакционную земельную собственность против «просвещенного», «либерального» и «прогрессивного» капитала, в особенности же оправдать тот *шаг назад* английского законодательства, который проектировался тогда в интересах аристократии против промышленной буржуазии[41]. Наконец, [498] его «Principles of Political Economy», направленные *против* Рикардо, имели в сущности целью свести абсолютные требования «промышленного капитала» и тех законов, по которым развивается его производительность, к таким «пределам», которые были бы «выгодны» и «желательны» с точки зрения существующих интересов землевладельческой аристократии, «государственной церкви» (к которой принадлежал Мальтус), получа-

телей правительственных пенсий и пожирателей налогов. Но человека, стремящегося *приспособить* науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой пауки (как бы последняя ни ошибалась), а *извне,* к такой точке зрения, которая продиктована *чуждыми* науке, *внешними* для нее интересами, — такого человека я называю *«низким».*

Со стороны Рикардо нет ничего низкого в том, что он приравнивает пролетариев к машинам, вьючному скоту или товару, так как «производству» (с его точки зрения) способствует то, что они лишь машины или вьючный скот, или так как они в буржуазном производстве действительно только товары. Это — стоицизм, это объективно, это научно. Поскольку это возможно без *греха* против его науки, Рикардо всегда филантроп, каким он и был в *практической жизни.*

Совершенно иначе обстоит дело у попа Мальтуса. Он [тоже] ради производства низводит рабочих до положения вьючного скота, обрекает их даже на голодную смерть и безбрачие. [Однако] там, где те же самые требования производства сокращают лендлорду его «ренту», где они угрожают «десятине» государственной церкви или интересам «пожирателей налогов», или также в тех случаях, когда та часть промышленной буржуазии, интересы которой тормозят прогресс производства, приносится в жертву той части буржуазии, которая является представительницей этого прогресса, — словом там, где какой-либо интерес аристократии противостоит интересам буржуазии, или там, где какой-либо интерес консервативных и застойных слоев буржуазии противостоит интересам прогрессивной буржуазии, — во всех этих случаях «поп» Мальтус не жертвует особым интересом во имя производства, а изо всех сил *старается* требования производства принести в жертву особым интересам господствующих классов или классовых групп в существующем обществе. И ради этой цели он *фальсифицирует* свои выводы в области пауки. В этом его низость *в отношении науки,* его грех против науки, не говоря уже о его бесстыдном плагиаторстве, практикуемом им в качестве ремесла. Выводы Мальтуса по научным вопросам сфабрикованы *«с оглядкой»* на господствующие классы вообще и на реакционные элементы этих господствующих классов в особенности; а это значит: Мальтус *фальсифицирует* пауку в угоду интересам этих классов. Наоборот, его выводы *безоглядно-решительны, беспощадны,* поскольку дело касается угнетенных классов. Он не только *беспощаден,* но и *выставляет напоказ* свою беспощадность, цинически кичится ею и *доводит* свои выводы, поскольку они направлены против «отверженных», *до крайности,* даже

превышая ту меру, которая с его точки зрения еще могла бы быть как-то научно оправдана*.

Ненависть английского рабочего класса к Мальтусу — *попу-шарлатану»,* как его *грубо* называет Коббет (Коббет, правда, крупнейший *политический* писатель Англии нынешнего века; однако ему недоставало лейпцигского профессорского образования[42], и он был открытым врагом «ученого языка»), — эта ненависть к Мальтусу, следовательно, вполне оправдана; народ верным инстинктом почувствовал, что против него выступает здесь не *человек науки,* а купленный его врагами адвокат господствующих классов, их бесстыдный сикофант.

Человек, впервые открывший какую-нибудь идею, может, добросовестно заблуждаясь, доводить ее до крайности; плагиатор же, доводящий ее до крайности, всегда делает из этого «выгодное дельце».

Сочинение. Мальтуса о народонаселении — первое издание — не содержит ни одного *нового* научного *слова;* это сочинение следует рассматривать лишь как назойливую капуцинскую проповедь, как написанный в стиле Абрагама а Санта Клара[43] вариант рассуждений Таунсенда, Стюарта, Уоллеса, Эрбера и т. д. И так как оно в действительности рассчитано на то, чтобы производить впечатление только своей *популярной* формой, то и *народная*** ненависть обращается против него с полным правом.

Единственная заслуга Мальтуса, по сравнению с жалкими проповедниками гармонии интересов, подвизающимися в буржуазной политической экономии, состоит именно в усиленном подчеркивании дисгармоний, которых он, правда, *отнюдь не открыл,* но которые он во всяком случае с поповски-самодовольным цинизмом фиксирует, размалевывает и выставляет напоказ.

* * *

[499] *Чарлз Дарвин* говорит во введении к своей книге «On the Origin of Species by means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life» (5th thousand), London, 1860 [стр. 4—5]:

«В следующем отделе будет рассмотрена *борьба за существование* между органическими существами всего мира, которая неизбежно проистекает из их способности к размножению в высокой геометрической прогрес-

* [499] Рикардо (см. выше), когда его теория приводит его, например, к тому выводу, что рост заработной платы выше ее минимума не повышает *стоимости* товаров, прямо высказывает это. Мальтус же отстаивает низкий уровень заработной платы с той целью, чтобы на этом наживался буржуа. [499]

** Игра слов: «popular» означает «популярный», а также «народный». *Ред.*

сии. Это — учение *Мальтуса,* примененное ко всему царству животных и растений».

Дарвин в своем превосходном сочинении не видел, что он *опрокинул* теорию Мальтуса, открыв «геометрическую» прогрессию в царстве животных и растений. Теория Мальтуса основывается как раз на том, что он геометрическую прогрессию Уоллеса относительно размножения людей противопоставил химерической *«арифметической»* прогрессии животных и растений. В произведении Дарвина, например там, где речь идет о вымирании видов, имеется и детальное (не говоря уже об основном принципе Дарвина) естественноисторическое опровержение мальтусовской теории. А поскольку теория Мальтуса опирается на теорию ренты Андерсона, она была опровергнута *самим Андерсоном*[44]. [499]

[3) ИСКАЖЕНИЕ ИСТОРИИ ВЗГЛЯДОВ НА ЗЕМЕЛЬНУЮ РЕНТУ РОШЕРОМ. ПРИМЕРЫ НАУЧНОГО БЕСПРИСТРАСТИЯ РИКАРДО. РЕНТА ПРИ ВЛОЖЕНИИ КАПИТАЛА В ЗЕМЛЮ И РЕНТА ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДРУГИХ ЭЛЕМЕНТОВ ПРИРОДЫ. ДВОЯКОЕ ДЕЙСТВИЕ КОНКУРЕНЦИИ]

[499] Первое сочинение Андерсона, в котором он мимоходом развивает теорию ренты, имело *практический* характер полемического сочинения, трактующего не о ренте, а о протекционизме. Оно появилось в 1777 г., и уже его заглавие указывает на то, что оно, во-первых, преследует практическую цель и, во-вторых, имеет в виду непосредственно подготовлявшийся тогда законодательный акт по вопросу, в котором интересы промышленников и земельных собственников противоположны: «An Inquiry into the Nature of the Corn Laws; with a view to the new Corn-Bill proposed for Scotland», Edinburgh, 1777.

Закон 1773 г. (в Англии; об этом надо посмотреть в каталоге *Мак-Куллоха*[45]) в 1777 г. должен был быть (как будто) введен в Шотландии (посмотреть в Британском музее).

«Закон 1773 г.», — говорит Андерсон, — «был вызван *открыто выраженным* намерением понизить для наших промышленников цену хлеба, чтобы поощрением ввоза из-за границы обеспечить нашему собственному народу более дешевое пропитание» («A Calm Investigation of the Circumstances that have led to the Present Scarcity of Grain in Britain», London, 1801, стр. 50).

Сочинение Андерсона было, таким образом, полемическим произведением в защиту интересов сельских хозяев, включая

лендлордов (протекционизм), против интересов промышленников. Андерсон опубликовал свою работу в качестве такого сочинения, которое «открыто» отстаивает интересы определенной партии. Теория ренты затрагивается здесь лишь между прочим. Да и в его более поздних сочинениях, которые постоянно, в большей или меньшей степени, касаются указанной *борьбы интересов,* теория ренты вновь упоминается, один или два раза, только мимоходом, нигде не претендуя на научный интерес или хотя бы на то, чтобы быть *самостоятельным* предметом изложения. После этого можно судить о правильности следующего замечания *Вильгельма Фукидида Рошера*[46], который, очевидно, *не* знает сочинений Андерсона:

«Удивительно, что учение, которое в 1777 г. осталось *почти* незамеченным, в 1815 и в последующих годах стало вдруг с величайшим интересом защищаться одними и оспариваться другими, ибо это учение касалось столь обострившегося за это время антагонизма между денежными людьми и земельными собственниками» («Die Grundlagen der Nationalokonomie», 3-te Auflage, 1858, стр. 297—298).

В этой фразе столько же искажений, сколько слов. *Во-первых,* Андерсон выдвинул свой взгляд не в качестве *«учения»,* как это сделали Уэст, Мальтус и Рикардо. *Во-вторых,* этот взгляд остался не *«почти»,* а *«совершенно»* незамеченным. *В-третьих,* он был мимоходом высказан впервые в сочинении, которое *специально* вращалось *только* вокруг значительно развившейся к 1777 г. противоположности интересов промышленников и лендлордов, «касалось» только этой практической борьбы интересов, но совсем «не касалось» общей [500] теории политической экономии. *В-четвертых,* в 1815 г. теория эта проповедовалась одним из тех, кто ее воспроизвел, Мальтусом, совершенно так же в интересах хлебных законов, как это делал Андерсон. *Одно и то же* учение было обращено его автором и Мальтусом *в защиту* земельной собственности, а Давидом Рикардо — *противнее.* Таким образом, самое большее можно было бы сказать, что одни из приверженцев этой теории *защищали* интересы земельной собственности, тогда как другие *боролись против этих же* интересов, но нельзя сказать, что в 1815 г. против этой теории боролись защитники земельной собственности (ибо Мальтус защищал эту теорию *до Рикардо)* или что ее *защищали* противники земельной собственности (ибо Давиду Рикардо не приходилось «защищать» эту теорию против Мальтуса, потому что он сам рассматривал Мальтуса как одного из ее авторов и как своего собственного предшественника; ему приходилось «оспаривать» только лишь мальтусовские практические выводы из этой теории). *В-пятых,* тот антагонизм между

«денежными людьми» и *«земельными собственниками»,* которого «касается» Вильгельм Фукидид Рошер, до сих пор не имел *абсолютно никакого отношения* ни к теории ренты Андерсона, ни к ее воспроизведению, ни к ее защите, ни к борьбе против нее. Вильгельм Фукидид мог бы узнать из книги Джона Стюарта Милля («Essays on some Unsettled Questions of Political Economy», London, 1844, стр. 109—110), что 1) под выражением «денежный класс» англичанин понимает лиц, ссужающих деньги; что 2) эти ссужающие деньги лица либо вообще живут на проценты, либо же являются *заимодавцами по профессии,* каковы банкиры, биржевые маклеры и т. д. Все эти люди, в качестве «денежного класса», по замечанию того же Милля, противостоят *«производящему классу»* (под которым Милль понимает «промышленных капиталистов», оставляя в стороне рабочих) или, по меньшей мере, отличаются от него. Следовательно, Вильгельм Фукидид должен был бы видеть, что интересы «производящего класса», т. е. промышленников, промышленных капиталистов, и интересы денежного класса — это две весьма различные вещи и что классы эти — различные классы. И далее, Вильгельм Фукидид должен был бы видеть, что борьба между промышленными капиталистами и лендлордами отнюдь не была, следовательно, борьбой между *«денежными людьми»* и *«земельными собственниками».* Если бы Вильгельм Фукидид знал историю хлебных законов 1815 г. и борьбу, которая велась вокруг них, то он знал бы уже из работ Коббета, что помещики (земельные собственники) и заимодавцы (денежные люди) шли вместе против промышленных капиталистов. Но Коббет «груб». Наконец, из истории периода с 1815 по 1847 г. Вильгельм Фукидид должен был бы знать, что денежные люди в своем большинстве и отчасти даже торговцы (например, в Ливерпуле) в борьбе вокруг хлебных законов находились среди *союзников* земельных собственников против промышленных капиталистов. [500]

[502] (Г-на Рошера могло бы удивить, самое большее, то обстоятельство, что *одно и то же* «учение» в 1777 г. служило *в защиту* «земельных собственников», а в 1815 г. явилось оружием *против* них и только *тогда* впервые обратило на себя внимание[47].) [502]

[500] Если бы я хотел столь же подробно осветить все подобные грубые искажения истории, имеющие место у Вильгельма Фукидида в его историко-литературных справках, то мне пришлось бы написать труд, столь же объемистый, как его «Grundlagen», и такой труд, поистине, «не стоил бы той бумаги, на которой он был бы написан». Но какое вредное воздействие ученое невежество какого-нибудь Вильгельма Фукидида может

оказать, в свою очередь, на исследователей в других областях науки, видно на примере г-на *А. Бастиана,* который в своем сочинении «Der Mensch in der Geschichte», 1860, том I, стр. 374, примечание, приводит указанный выше отрывок из Вильгельма Фукидида, чтобы подтвердить одно «психологическое» положение. О Бастиане, между прочим, нельзя сказать: «materiam superabat opus»*. Скорее «opus»** не справляется здесь со своим собственным сырым материалом. Кроме того, что касается тех немногих наук, которые я «знаю», то я обнаружил, что г-н *Бастиан,* знающий «все» науки, очень часто полагается на авторитеты вроде Вильгельма Фукидида, что для «универсального ученого» вообще неизбежно.

[501] Я надеюсь, что меня не упрекнут в «безжалостности» по отношению к Вильгельму Фукидиду. С какой «безжалостностью» этот школьный педант обращается с самой наукой! О «полном отсутствии истины» у него я могу говорить, во всяком случае, с таким же правом, с каким он осмеливается в самодовольно снисходительном тоне говорить о «полуистинах» Рикардо[48]. Притом Вильгельм Фукидид отнюдь не «добросовестен» в своих указаниях литературы предмета. Кто не «респектабелен», тот для него не существует и исторически; так, например, Родбертус не существует для него как теоретик земельной ренты, потому что он «коммунист». Кроме того, Вильгельм Фукидид не точен и по отношению к «респектабельным писателям». Например, для Мак-Куллоха Бейли существует и даже расценивается им как человек, сделавший эпоху. Для Вильгельма Фукидида Бейли не существует. Для того чтобы в Германии развивать и популяризировать *науку* [502] политической экономии, такие люди, как Родбертус, должны были бы основать журнал, страницы которого были бы открыты для всех исследователей (но не для школьных педантов и вульгаризаторов) и который ставил бы себе главной целью изобличать невежество профессиональных ученых — как в области самой науки, так и в области ее истории. [502]

* * *

[501] Андерсон был далек от какого бы то ни было исследования вопроса о том, как относится его теория ренты к системе политической экономии, и это тем меньше может вызвать удивление, что его первая книга появилась через год после «Wealth of Nations» А. Смита, т. е. в такое время, когда «система политической экономии» вообще еще только складывалась, ибо

* — «материал превзошло мастерство» (Овидий, «Метаморфозы»). *Ред.*

** — «мастерство» автора. *Ред.*

система Стюарта появилась тоже всего лишь за несколько лет перед тем. Но что касается того мате риала, которым Андерсон *располагал в пределах рассматриваемого им специального предмета, то материал этот был безусловно обширнее, чем у Рикардо.* Подобно тому как Рикардо в своей теории денег, которая воспроизвела теорию Юма, имел перед своим взором главным образом лишь события за период с 1797 по 1809 г., так в учении о ренте, воспроизводившем теорию Андерсона, у него перед глазами были только экономические явления повышения хлебных цен с 1800 по 1815 год.

* * *

Для характеристики Рикардо весьма показательны следующие его высказывания:

«Я буду очень сожалеть, если *соображения о выгодах какого-либо отдельного класса* приведут к задержке роста богатства и населения страны» *(Ricardo.* An Essay on the Influence of a Low Price of Corn on the Profits of Stock etc. 2nd edition. London, 1815, стр. 49) [Русский перевод: *Рикардо, Давид.* Сочинения, том III. Москва, 1955, стр. 40].

При свободном ввозе хлеба *«земля изымается из обработки»* (там же, стр. 46) [Русский перевод, том III, стр. 39]. Следовательно, земельная собственность приносится в жертву развитию производства.

Но при том же свободном ввозе хлеба имело бы место следующее:

«Нельзя отрицать, что *некоторое количество капитала было бы потеряно.* Но *что представляет собой обладание капиталом или сохранение его* — цель или средство? Без сомнения, средство. В чем мы нуждаемся, так это в *изобилии товаров»* (в богатстве вообще), «и если бы можно было доказать, что, *пожертвовав частью нашего капитала, мы могли бы увеличить годовое производство»* (die jahrliche Produktion) «тех предметов, которые служат для нашего наслаждения и нашего счастья, то нам не следовало бы роптать по поводу *потери части нашего капитала»* («On Protection to Agriculture». 4th edition. London, 1822, стр. 60) [Русский перевод, том III, стр. 74].

«Нашим капиталом» Рикардо называет капитал, который принадлежит не *нам* или *ему,* а который вложен в землю *капиталистами.* Но кто это *мы?* — Это нация, как некоторое среднее. Увеличение *«нашего»* богатства есть увеличение *общественного* богатства, являющегося целью именно как общественное богатство, независимо от тех, кто имеет долю в этом богатстве!

«Человеку, имеющему капитал в 20000 ф. ст., приносящий ему ежегодно 2000 ф. ст. прибыли, совершенно безразлично, доставляет ли его капитал занятие для 100 или для 1000 человек, продается ли произведенный товар за 10000 или за 20000 ф. ст., если только во всех этих

случаях получаемая им прибыль не падает ниже 2000 ф. ст. Не таков ли также и реальный интерес целой нации? Если только ее чистый реальный доход, ее рента и прибыль, не изменяется, то не имеет никакого значения, состоит ли эта нация из 10 или из 12 миллионов жителей» («Principles of Political Economy», 3rd edition, стр. 416) (Русский перевод: *Рикардо, Давид.* Сочинения, том I. Москва, 1955, стр. 285].

Здесь «пролетариат» приносится в жертву богатству. В той мере, в какой пролетариат безразличен для существования богатства, богатство безразлично для его существования. Масса сама по себе — человеческая масса — здесь «ничего не стоит».

Эти три примера [502] иллюстрируют научное беспристрастие Рикардо.

* * *

{*Земля (природа)* и т. д. — это тот элемент, *в который* вкладывается применяемый в земледелии капитал. Поэтому земельная рента равна здесь избытку *стоимости* продукта труда, создаваемого в этом элементе, *над* средней ценой этого продукта. Если же какой-нибудь находящийся в частной собственности отдельного индивида элемент природы (или вещество) входит *в* какое-нибудь другое производство, (физическую) основу которого он не составляет, то земельная рента — если она возникает только благодаря тому, что данный элемент просто входит в производство, — не может состоять в избытке *стоимости* этого продукта над средней ценой, а состоит только в избытке *общей* средней цены этого продукта над его *собственной средней ценой.* Например, водопад может заменить фабриканту паровую машину и дать ему возможность сэкономить уголь. Располагая этим водопадом, фабрикант будет все время продавать, скажем, пряжу дороже ее (индивидуальной] *средней цены* и получать добавочную прибыль. Эта добавочная прибыль достается земельному собственнику в виде ренты, если водопад находится в его владении, и г-н Гопкинс в своей книге, трактующей о «ренте», замечает, что в Ланкашире водопады дают не только ренту, но даже, в зависимости от размеров их естественной силы падения, и *дифференциальную ренту*[49]. Здесь рента есть не что иное, как избыток *рыночной средней цены* продукта над его *индивидуальной средней ценой.*}
[502]

* * *

[502] {В *конкуренции* надо различать двоякое движение выравнивания. Капиталы *внутри* одной и той же сферы производства выравнивают цены товаров, произведенных *внутри* этой сферы, в одну и ту же *рыночную цену,* как бы ни относились

[индивидуальные] стоимости этих товаров к этой рыночной цене. *Средняя рыночная цена* должна была бы *равняться* [рыночной] *стоимости* товара, если бы не происходило выравнивания между *различными* сферами производства. Между этими различными сферами конкуренция выравнивает [рыночные] стоимости в *средние цены,* поскольку воздействие капиталов друг на друга не тормозится, не нарушается третьей силой — земельной собственностью и т. д.}

[4) ОШИБКА РОДБЕРТУСА ПО ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ МЕЖДУ СТОИМОСТЬЮ И ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТЬЮ В СЛУЧАЕ ВЗДОРОЖАНИЯ ПРОДУКТА]

Совершенно ошибочен взгляд Родбертуса, что если один товар *дороже* другого (если, следовательно, в первом овеществлено больше рабочего времени, чем во втором), то он должен поэтому содержать в себе также и больше *неоплаченного рабочего времени, прибавочного рабочего времени* — при равной *норме прибавочной стоимости, или при одинаковой эксплуатации рабочих в различных сферах.*

Если *один и тот же* труд на неплодородной почве (или в неурожайный год) дает 1 квартер пшеницы, а на плодородной почве (или в урожайный год) — 3 квартера; если один и тот же труд на очень богатой золотом земле дает 1 унцию золота, а на менее богатой золотом или уже истощенной земле — только $^1/_3$ унции; если одинаковое рабочее время требуется как для производства 1 фунта шерсти, так и для превращения 3 фунтов шерсти в пряжу, — то, прежде всего, стоимости 1 квартера пшеницы и 3 квартеров, 1 унции золота и $^1/_3$ унции, 1 фунта шерсти и 3 фунтов шерстяной пряжи (за вычетом стоимости содержащейся в них шерсти) равны по величине. Они содержат в себе одинаковое количество рабочего времени — следовательно, согласно предположению [о равенстве нормы прибавочной стоимости], *одинаковое количество* также и прибавочного рабочего времени. Конечно, количество прибавочного труда, содержащееся в одном квартере [пшеницы, выращенной на неплодородной почве], больше [чем в одном квартере пшеницы, выращенной на плодородной почве], но зато в первом случае мы и имеем только 1 квартер пшеницы, тогда как во втором случае имеется 3 квартера, или же в первом случае мы имеем 1 фунт шерсти, тогда как во втором случае — 3 фунта пряжи (минус стоимость материала). Следовательно, *массы* [прибавочной стоимости] в обоих случаях равны. Но равны также и *пропорциональные величины прибавочной стоимости,* если

сравнивать единицу одного товара с единицей другого товара. В 1 квартере [пшеницы, выращенной на плохой почве] или в 1 фунте шерсти содержится, по предположению, столько же труда, сколько в 3 квартерах [пшеницы, выращенной на хорошей почве] или в 3 фунтах пряжи. Поэтому капитал, затраченный на заработную плату, в обоих случаях находится в одинаковом отношении к прибавочной стоимости. В 1 фунте шерсти содержится в три раза больше рабочего времени, чем в 1 фунте пряжи. Если прибавочная стоимость втрое больше, то и приходится она на втрое больший капитал, затраченный на заработную плату. Таким образом, отношение остается *тем же самым.*

Родбертус же применяет здесь совершенно неверный расчет, он совершенно ошибочно сравнивает затраченный на *заработную плату* капитал с [503] большим или меньшим *количеством* товаров, в котором овеществляется выполненный за эту заработную плату труд. Но это совершенно неверный расчет, если, как Родбертус *предполагает, заработная плата* (или *норма прибавочной стоимости) дана.* Одно и то же *количество труда,* например 12 часов, может выразиться в я; или в 3*x* товара. В одном случае 1*x* товара содержало бы в себе столько же труда и прибавочного труда, сколько их содержит в себе 3*x* в другом случае; но *ни в одном* из этих случаев не было бы затрачено больше одного рабочего дня, и ни в одном из них норма прибавочной стоимости не была бы больше, например, $^1/_5$. В первом случае $^1/_5$ от одного *x* относилась бы к *x* так, как во втором случае $^1/_5$ от 3*x* относится к 3*x*, и если мы каждый из трех *x* назовем x', x'' x''', то в каждом x', x'', x''' содержалось бы $^4/_5$ оплаченного и $^1/_5$ неоплаченного труда. С другой стороны, совершенно верно, что если в условиях меньшей производительности должно быть произведено *столько же товара,* сколько его производится при *большей производительности,* то в товаре будет содержаться больше труда, а стало быть, и больше прибавочного труда. Но тогда и затрачивается соответственно больший капитал. Для того чтобы произвести 3*x*, надо затратить (на заработную плату) втрое больше капитала, чем для производства 1*x*.

Не подлежит, конечно, сомнению, что промышленность не может переработать больше сырья, чем его поставляет земледелие, — следовательно, не может, например, переработать в пряжу больше фунтов шерсти, чем их произведено. Поэтому, если производительность прядения шерсти утраивается, то приходится — при предположении, что условия производства шерсти остаются *неизменными,* — затрачивать на

труд в производстве шерсти в три раза больше времени, чем прежде, применять для производства шерсти в три раза больше капитала, тогда как для переработки в пряжу этого утроенного количества шерсти потребуется лишь *прежнее* рабочее время прядильщика. Но *норма* [прибавочной стоимости] останется та же. Одно и то же количество труда прядильщика создавало бы такую же стоимость, как и прежде, и содержало бы в себе такую же прибавочную стоимость. Труд, производящий шерсть, заключал бы в себе втрое большую прибавочную стоимость, но соответственно этому *утроился бы* и весь содержащийся в шерсти труд или авансированный на заработную плату капитал. Таким образом, втрое большая прибавочная стоимость исчислялась бы на втрое больший капитал. Нельзя, следовательно, *на этом основании* сказать, что в прядильном производстве норма прибавочной стоимости стоит ниже, чем в производстве шерсти. Можно было бы только сказать, что затрачиваемый на заработную плату капитал в три раза больше в последней отрасли, чем в первой (ибо здесь предполагается, что изменения в прядении и в производстве шерсти не проистекают из какого-либо изменения в их постоянном капитале).

Здесь необходимо различать следующее. Один и тот же труд плюс постоянный капитал дают меньше *продукта* в неурожайный год, чем в урожайный, на неплодородной почве, чем на плодородной, в менее богатом металлом руднике, чем в более богатом. Следовательно, первый *продукт* дороже, т. е. в *том же* количестве продуктов здесь содержится *больше* труда и больше *прибавочного труда;* зато во втором случае больше *количество* этих продуктов. Далее: *отношение* между оплаченным и неоплаченным трудом в каждой единице продукта обеих категорий этим нисколько не затрагивается, ибо если единица продукта содержит в себе меньше неоплаченного труда, то, согласно предположению, она в такой же пропорции содержит в себе меньше и оплаченного труда. Ведь здесь предполагается, что соотношение между органическими составными частями капитала — между переменным и постоянным капиталом — не подверглось никаким изменениям. Предположено, что *одна и та же сумма переменного и постоянного капитала* дает при различных условиях *различные, большие или меньшие, количества продукта.*

Г-н Родбертус, по-видимому, постоянно смешивает эти вещи и из простого вздорожания продукта делает вывод — как будто это само собой разумеется — о *большей прибавочной стоимости.* Что касается *нормы* прибавочной стоимости, то такой вывод неверен уже согласно сделанному предположению, а что

касается ее суммы, то это верно только при том условии, если в одном случае авансировано больше капитала, чем в другом, т. е. если более дорогого продукта производится столько же, сколько раньше производилось более дешевого, или если увеличение количества более дешевого продукта (как в вышеприведенном примере с прядением) предполагает соответствующее увеличение количества более дорогого продукта.

[5) ОТРИЦАНИЕ АБСОЛЮТНОЙ РЕНТЫ У РИКАРДО КАК СЛЕДСТВИЕ ЕГО ОШИБОК В ТЕОРИИ СТОИМОСТИ]

[504] Что рента, а следовательно и стоимость земли, может увеличиваться, хотя *норма ренты* остается той же самой или даже уменьшается, что увеличивается, стало быть, и производительность земледелия, — об этом Рикардо иногда забывает, однако он это знает. Во всяком случае это знает Андерсон и знали уже Петти и Давенант. Вопрос не в этом.

Рикардо оставляет в стороне *вопрос об абсолютной ренте,* которую он *во имя теории отрицает,* так как исходит из *ошибочной* предпосылки, будто, *если* стоимость товаров определяется рабочим временем, *средние цены, товаров должны быть равны их стоимостям* (поэтому он делает также и тот противоречащий практике вывод, что конкуренция более плодородных сортов почвы должна вытеснять из обработки менее плодородные земли даже в том случае, когда последние приносили раньше ренту). Если бы *стоимости* товаров и их *средние цены* были тождественны, то абсолютная земельная рента, — т. е. рента с наихудшей из обрабатываемых земель или же с той земли, которая обрабатывалась *первоначально,* — была бы в обоих этих случаях невозможна. Что такое *средняя цена* товара? Затраченный на его производство совокупный капитал (постоянный капитал плюс переменный) плюс то рабочее время, которое содержится в средней прибыли, составляющей, скажем, 10%. Следовательно, если бы капитал, функционирующий в каком-нибудь элементе, производил — только потому, что это *особый* элемент природы, например земля, — *более высокую стоимость,* чем *средняя цена,* то стоимость этого товара *превышала бы* его стоимость, и эта *избыточная стоимость* противоречила бы понятию стоимости, согласно которому стоимость равняется определенному количеству рабочего времени. Получилось бы, что элемент природы, — нечто специфически отличное от общественного рабочего времени, — *создавал бы* стоимость. Но этого быть но может. Следовательно, капитал, вложенный в землю просто как землю, не может давать *никакой*

ренты. Наихудшая почва есть *просто* почва*. Если *лучшая* почва приносит ренту, то это доказывает только то, что в земледелии разность между *общественно необходимым* трудом и трудом *индивидуально необходимым* фиксируется, так как она имеет здесь данный природой базис, в то время как в промышленности она постоянно исчезает.

Получается, что *абсолютная земельная рента* не имеет права на существование и что существовать может только *дифференциальная земельная рента.* Ибо допустить существование абсолютной ренты значило бы допустить, что *одно и то же количество труда* (овеществленного труда, вложенного в постоянный капитал, и труда, купленного на заработную плату) создаст *различные стоимости* в зависимости от того, в какой элемент этот труд вкладывается, или от того, какой материал он обрабатывает. Но допустить, что это *различие стоимости* имеет место, хотя в каждой из сфер производства в продукте материализуется *одно и то же* рабочее время, — значит допустить, что *не рабочее время определяет стоимость,* а нечто специфически отличное от него. Это различие *величин стоимости,* уничтожило бы понятие стоимости, опрокинуло бы положение о том, что ее субстанцию составляет общественное рабочее время, что, стало быть, различие в стоимости может быть только количественным и что это количественное различие может быть равно лишь различию в количестве затраченного общественного рабочего времени.

Таким образом, с этой точки зрения, для того чтобы сохранить категорию *стоимости* — не только определение величины стоимости различной величиной рабочего времени, но и определение субстанции стоимости общественным трудом, — требуется *отрицание абсолютной земельной ренты. А* отрицание абсолютной земельной ренты может быть выражено двояким образом.

Во-первых. Не может-де приносить ренту *наихудшая* почва. В отношении лучших сортов почвы рента объясняется тем, что рыночная цена одинакова как для продуктов, производимых на более плодородных почвах, так и для продуктов, производимых на менее плодородных почвах. А наихудшая почва *есть просто почва.* Она в пределах своего разряда не является дифференцированной. Она отличается от промышленного приложения капитала лишь как *особая* сфера приложения капитала. Если бы она приносила ренту, то последняя проистекала бы из того, что *одно и то же количество труда,* прилагаемое

* Игра слов: «der schlechteste Boden» — «наихудшая почва», «Boden schlechthin» — «просто почва», «почва вообще». *Ред.*

в *различных сферах производства,* выражалось бы в *различных стоимостях,* так что не количество труда само по себе определяло бы стоимость, и продукты, в которых содержатся одинаковые количества труда, не были бы равны друг другу [по стоимости].

[505] Или же *[во-вторых]* не может-де приносить земельную ренту *та земля, которая обрабатывалась первоначально.* Ибо что такое первоначально обрабатывавшаяся земля? «Первоначально» обрабатывавшаяся почва не является ни лучшей, ни худшей почвой. Это — просто почва, недифференцированная почва. Первоначально вложение капитала в земледелие может отличаться от вложения его в промышленность только в отношении тех *сфер,* в которые вложены эти капиталы. Но так как равные количества труда выражаются в *равных стоимостях,* то не существует абсолютно никакого основания для того, чтобы вложенный в землю капитал давал, кроме прибыли, еще и ренту, если только *то же* количество труда, вложенное в эту *сферу,* не производит *большую* стоимость, так что избыток этой стоимости над стоимостью, производимой в промышленности, составляет добавочную прибыль, равную ренте. Но это значило бы утверждать, что земля, как таковая, создает стоимость, т. е. значило бы уничтожить само понятие стоимости.

Следовательно, *первоначально* обрабатывавшаяся земля не может давать *первоначально* никакой ренты; иначе вся теория стоимости оказалась бы опрокинутой. С этим, далее, легко сочетается *(хотя отнюдь не обязательно,* как это видно у Андерсона) представление о том, что люди *первоначально* выбирают себе для возделывания, естественно, не наихудшую, а наилучшую землю, — что, следовательно, земля, первоначально не приносившая ренты, впоследствии начинает приносить ее, так как люди вынуждены переходить ко все худшим сортам почвы, и что таким образом при этом нисхождении в преисподнюю, при переходе ко все худшим почвам, с развитием цивилизации и с ростом населения, рента должна возникать на *первоначально обрабатывавшейся самой плодородной почве* и затем, ступень за ступенью, на следующих по качеству почвах, тогда как *наихудшая почва,* которая всегда представляет просто почву — *особую* сферу приложения капитала, — *никогда* никакой ренты не приносит. Все эти положения логически более или менее связаны друг с другом.

Если, наоборот, известно, что средние цены и стоимости не тождественны, что средняя цена товара может быть равна его стоимости, но может быть также больше или меньше ее, то вопрос отпадает, отпадает сама проблема, а вместе с тем

отпадают и те *гипотезы,* которые выдвигаются для ее разрешения. Остается лишь следующий вопрос: почему в земледелии *стоимость товара* (или, во всяком случае, его *цена*) *превышает* — не его *стоимость,* а — его *среднюю цену?* Но этот вопрос уже совершенно не затрагивает основу теории, определение стоимости как таковое.

Рикардо, конечно, знает, что *«относительные* стоимости» товаров модифицируются в зависимости от различного соотношения между входящими в их производство основным капиталом и капиталом, затрачиваемым на заработную плату. {Эти два капитала, однако, не составляют противоположности; противоположны друг другу основной капитал и оборотный капитал; а последний охватывает не только заработную плату, но и сырье и вспомогательные материалы. Например, в горной промышленности и рыболовстве могло бы существовать такое же соотношение между капиталом, затрачиваемым на заработную плату, и основным капиталом, какое существует в портняжном деле между тем капиталом, который затрачивается на заработную плату, и тем, который затрачивается на сырой материал.} Но Рикардо вместе с тем знает, что эти относительные стоимости выравниваются конкуренцией. Более того: указанные модификации он вводит только для того, чтобы при этих различных вложениях капитала получалась *одна и та же средняя прибыль.* Это значит: те *относительные* стоимости, о которых он говорит, представляют собой не что иное, как *средние цены.* У него даже не возникает мысли о том, что *стоимость* и *средняя цена* различны. Он берет как исходный пункт только их *тождество.* Но так как при различном соотношении органических составных частей капитала такое тождество *не существует,* то он предполагает его как необъясненный, вызванный конкуренцией факт. Поэтому у него и не возникает вопроса: почему стоимости земледельческих продуктов не выравниваются в средние [506] цены? Напротив, он предполагает, что *они выравниваются,* и с этой именно точки зрения ставит проблему.

Абсолютно нельзя понять, почему молодцы вроде Вильгельма Фукидида[*] ратуют за теорию земельной ренты Рикардо. С *их* точки зрения «полуистины» Рикардо, как снисходительно выражается Фукидид, утрачивают *всю* свою ценность.

Для Рикардо проблема существует только потому, что стоимость определена рабочим временем. У этих молодцов дело обстоит иначе. По Рошеру природа, *как таковая,* имеет стоимость. См. об этом в дальнейшем[50]. Это значит: Рошер абсолютно

[*] — Рошера. *Ред.*

не знает, что такое стоимость. Что же может помешать ему допустить, что *стоимость земли* с самого же начала входит в издержки производства и образует ренту, — сделать стоимость земли, т. е. ренту, предпосылкой для объяснения ренты?

Фраза об «издержках производства» у этих молодцов ровно ничего не означает. Мы видим это у Сэя. Стоимость товара он определяет издержками производства — капиталом, землей, трудом. А эти издержки он определяет спросом и предложением. Это значит: здесь вообще нет никакого определения стоимости. Так как земля оказывает «производительные услуги», то почему бы цене этих «услуг» не определяться спросом и предложением — так же, как Сэй определяет цену услуг, оказываемых трудом или капиталом? А так как «услуги земли» находятся во владении определенной группы продавцов, то почему бы их товару не иметь рыночной цены и, стало быть, почему бы земельной ренте не существовать в качестве элемента цены?

Мы видим, что у Вильгельма Фукидида не было ни малейшего основания столь усердно «ратовать» за теорию Рикардо.

[6) ПОЛОЖЕНИЕ РИКАРДО О ПОСТОЯННОМ ПОВЫШЕНИИ ЦЕН НА ХЛЕБ. ТАБЛИЦА СРЕДНЕГОДОВЫХ ЦЕН НА ХЛЕБ С 1641 ГОДА ПО 1859 ГОД]

Если оставить в стороне абсолютную земельную ренту, то у Рикардо остается следующий вопрос:

Население и вместе с ним спрос на земледельческие продукты возрастают, в результате чего эти продукты повышаются в цене, как это происходит в подобных случаях в промышленности. Но в промышленности такое повышение цен прекращается, как только спрос оказал свое действие и вызвал увеличенное предложение товаров. Продукт теперь понижается до прежней своей стоимости или даже падает ниже ее. Но в земледелии этот *добавочный продукт* выбрасывается на рынок не по прежней цене и не по более низкой цене. *Он стóит больше,* и этим вызывается здесь постоянное повышение рыночных цен, а вместе с тем и повышение ренты. Как объяснить это, если не тем обстоятельством, что приходится прибегать ко все менее плодородным сортам почвы, что требуется все большая затрата труда для производства того же продукта, что производительность земледелия падает во все возрастающей степени? Почему — оставляя в стороне влияние обесценения денег — в Англии с 1797 по 1815 г. вместе с быстрым ростом населения повышались цены на земледельческие продукты? Ничего не доказывает тот факт, что они затем снова упали. Ничего не доказывает и то обстоя-

тельство, что был отрезан подвоз с заграничных рынков. Как раз наоборот. Это лишь создало *надлежащие* условия для того, чтобы закон земельной ренты мог обнаружиться *в своем чистом виде.* Ибо как раз отрезанность от заграницы вынуждала прибегать внутри страны к обработке *все менее плодородной почвы.* Нельзя объяснять это *абсолютным увеличением* ренты, ибо возросла не только общая сумма ренты, но и норма ренты. Поднялась цена квартера пшеницы и т. д. Нельзя также объяснять это и *обесценением денег,* ибо такое обесценение могло бы лишь объяснить, почему — при высокой степени развития производительности в промышленности — промышленные продукты упали в цене и, значит, относительно поднялись в цене земледельческие продукты. Обесценение денег не могло бы объяснить, почему цены земледельческих продуктов все время абсолютно повышались *помимо* этого *относительного повышения.*

Столь же мало можно считать это *следствием* падения нормы прибыли. Падение нормы прибыли *никогда* не могло бы объяснить изменение в *ценах,* а только *изменение* в распределении стоимости или *цены* между лендлордом, промышленником и рабочим.

Что касается *обесценения денег,* то предположим, что прежний 1 ф. ст. теперь равен 2 ф. ст. Квартер пшеницы, стоивший раньше 2 ф. ст., теперь стоит 4 ф. ст. Допустим, что промышленный продукт подешевел в 10 раз, что раньше его стоимость выражалась в 20 шилл., а теперь — в 2 шилл. Но теперь эти 2 шилл. равны 4 шилл. Обесценение денег — точно так же как и неурожаи — могло бы, конечно, оказать здесь свое влияние.

[507] Но, оставляя все это в стороне, можно принять, что при *тогдашнем состоянии земледелия* (в отношении пшеницы) была введена в обработку *неплодородная* земля. Впоследствии эта же земля стала плодородной, так как дифференциальные ренты — по своей норме — понизились, как показывает лучший барометр — цены пшеницы.

Из самых высоких цен 1800 и 1801 гг. и 1811 и 1812 гг. первые приходятся на неурожайные годы, вторые — на годы максимального обесценения денег. Точно так же 1817 и 1818 гг. были годами обесценения денег. Но если исключить эти годы, то, надо думать (посмотреть после), останется средняя за тот или другой период цена.

При сравнении цен пшеницы и т. д. в различные периоды необходимо вместе с тем сопоставлять *произведенные массы* продукта с ценой за один квартер, ибо именно этим путем обнаруживается то влияние, которое оказывает на цены добавочное количество произведенного хлеба.

Среднегодовые цены на пшеницу

I

	Среднегодовая цена	Высшая цена	Низшая цена
1641—1649…………	60 ш. $5^{2}/_{3}$ п.	75 ш. 6 п. (1645)	42 ш. 8 п. (1646)
1650—1659…………	45 ш. $8^{9}/_{10}$ п.	68 ш. 1 п. (1650)	23 ш. 1 п. (1651)
1660—1669…………	44 ш. 9 п.	65 ш. 9 п. (1662)	32 ш. 0 п. (1666 и 1667)
1670—1679…………	44 ш. $8^{9}/_{10}$ п.	61 ш. 0 п. (1674)	33 ш. 0 п. (1676)
1680—1689…………	35 ш. $7^{8}/_{10}$ п.	41 ш. 5 п. (1681)	22 ш. 4 п. (1687)
1690—1699…………	50 ш. $^{4}/_{10}$ п.	63 ш. 1п. (1695)	30 ш. 2 п. (1691)

Таким образом, за 50 лет с *1650 по 1699* г. среднегодовая цена составляет *44 шилл.* $2^{1}/_{5}$ *пенса.*

В течение периода (9 лет) с 1641 по 1649 г. высшая среднегодовая цена — 75 шилл. 6 пенсов — приходится на год революции — 1645 г., затем 71 шилл. 1 пенс — на 1649 г., 65 шилл. 5 пенсов — на 1647 г., а низшая цена — 42 шилл. 8 пенсов — на 1646 год.

II

	Среднегодовая цена	Высшая цена (за каждый десятилетний период)	Низшая цена
1700—1709………..	35 ш. $^{1}/_{10}$ п.	69 ш. 9 п. (1709)	25 ш. 4 п. (1707)
1710—1719………..	43 ш. $6^{7}/_{10}$ п.	69 ш. 4 п. (1710)	31 ш. 1 п. (1719)
1720—1729…..……	37 ш. $3^{7}/_{10}$ п.	48 ш. 5 п. (1728)	30 ш. 10 п. (1723)
1730—1739………..	31 ш. $5^{5}/_{10}$ п.	58 ш. 2 п. (1735)	23 ш. 8 п. (1732)
1740—1749………..	31 ш. $7^{9}/_{10}$ п.	45 ш. 1 п. (1740)	22 ш. 1 п. (1743 и 1744)

Среднегодовая цена за 50 лет с 1700 по 1749 г. — 25 шилл. $9^{29}/_{50}$ *пенса.*

[508] III

	Среднегодовая цена	Высшая цена (за каждый десятилетний период)	Низшая цена
1750—1759………..	36 ш. $4^{5}/_{10}$ п.	53 ш. 4 п. (1757)	28 ш.10 п. (1750)
1760—1769………..	40 ш. $4^{9}/_{10}$ п.	53 ш. 9 п. (1768)	26 ш. 9 п. (1761)
1770—1779………....	45 ш. $3^{2}/_{10}$ п.	52 ш. 8 п. (1774)	33 ш. 8 п. (1779)
1780—1789………..	46 ш. $9^{2}/_{10}$ п.	52 ш. 8 п. (1783)	35 ш. 8 п. (1780)
1790—1799………....	57 ш. $6^{5}/_{10}$ п.	78 ш. 7 п. (1796)	43 ш. 0 п. (1792)

Среднегодовая цена за 50 лет с 1750 по 1799 г, — 45 шилл. $3^{13}/_{50}$ *пенса.*

IV

	Среднегодовая цена	Высшая цена	Низшая цена
		(за каждый десятилетний период)	
1800—1809…….....	84 ш. $8^5/_{10}$ п.	119 ш. 6 п. (1801)	58 ш. 10 п. (1803)
		113 ш. 10 п. (1800)	
1810 —1819………	91 ш. $4^8/_{10}$ п.	126 ш. 6 п. (1812)	65 ш. 7 п. (1815)
		109 ш. 9 п. (1813)	74 ш. 4 п. (1814)
		106 ш. 5 п. (1810)	74 ш. 6 п. (1819)
1820—1829……….	58 ш. $9^7/_{10}$ п.	68 ш. 6 п. (1825)	44 ш. 7 п. (1822)
1830—1839….........	56 ш. $8^5/_{10}$ п.	66 ш, 4 п. (1831)	39 ш. 4 п. (1835)
1840-1849………….	55 ш. $11^4/_{10}$ п.	69 ш. 5 п. (1847)	44 ш. 6 п. (1849)
1850 —1859 ……...	53 ш. $4^7/_{10}$ п.	74 ш. 9 п. (1855)	40 ш. 4 п. (1850)

Среднегодовая цена за 50 лет с 1800 по 1849 г. — 69 шилл. $6^9/_{50}$ пенса.

Среднегодовая цена за 60 лет с 1800 по 1859 г.— 66 шилл. $9^{14}/_{15}$ пенса.

Итак, мы имеем следующие среднегодовые цены:

Период	шилл.	пенсы
1641—1649...…………………….	60	$5^2/_3$
1650—1699……………………..	44	$2^1/_5$
1700—1749……………………..	35	$9^{29}/_{50}$
1750—1799……………………..	45	$3^{13}/_{50}$
1800—1849……………………..	69	$6^9/_{50}$
1850—1859…………..…………	53	$4^7/_{10}$

* * *

Даже *Уэст* говорит:

«При улучшенном состоянии земледелия можно на земле второстепенного или третьестепенного качества вести производство со столь же небольшими издержками, как на земле самого лучшего качества при старой системе» *(Sir Edw. West.* Price of Corn and Wages of Labour. London. 1826, стр. 98).

[7) ДОГАДКА ГОПКИНСА О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ АБСОЛЮТНОЙ И ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ РЕНТОЙ; ОБЪЯСНЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ НА ЗЕМЛЮ]

Гопкинс правильно улавливает различие между абсолютной и дифференциальной рентой:

«Принцип конкуренции делает невозможным существование в одной и той же стране двух норм прибыли; но этим определяются *относительные земельные ренты,* однако же не *общая средняя рента» (Th. Hopkins.* On Rent of Land, and its Influence on Subsistence and Population. London, 1828, стр. 30).

[508a] *Гопкинс* проводит следующее различие между производительным и непроизводительным трудом, или, как он выражается, между трудом первичным и вторичным:

«Если бы *все* работники использовались в таких же целях, в каких используются гранильщики алмазов и оперные певцы, то в скором времени исчезло бы необходимое для их существования *богатство,* потому что *ни одна часть произведенного богатства не становилась бы капиталом.* Если бы значительная часть рабочих была занята подобного рода трудом, то заработная плата стояла бы на низком уровне, ибо лишь сравнительно небольшая часть произведенного была бы использована в качестве капитала; но если бы подобного рода трудом были заняты лишь немногие работники и, стало быть, почти все были бы пахарями, сапожниками, ткачами и т. д., то капитала было бы произведено много, и заработная плата *могла бы* быть соответственно высокой» (там же, стр. 84—85). «В один ряд с гранильщиком алмазов и певцом надо поставить всех тех, кто работает на лендлордов или на рантье и кто получает часть их дохода в виде заработной платы, т. е. всех тех, чьи работы *сводятся* всего лишь к производству таких вещей, которые доставляют удовольствие лендлордам и рантье; в обмен на свой труд эти работники и получают часть ренты лендлорда или часть дохода рантье. Все они — производительные работники, но весь их труд направлен на то, чтобы превращать богатство, существующее в форме земельной ренты и дохода с денежного капитала, в какую-нибудь другую форму, которая больше будет удовлетворять лендлорда и рантье; эти работники являются поэтому *вторичными* производителями. Все другие работники — *первичные* производители» (там же, стр. 85).

Алмаз и пение — оба они рассматриваются здесь как овеществленный труд — могут быть, как и все товары, превращены в *деньги,* а *в качестве денег* — в капитал. Но при этом превращении денег в капитал нужно различать две вещи. Все товары могут быть превращены в деньги, а в качестве денег — в капитал потому, что в принимаемой ими *денежной* форме погашены их потребительная стоимость и особая натуральная форма этой последней. Они — овеществленный труд в той общественной форме, в которой этот самый труд может быть обменен на любой реальный труд, может, следовательно, быть превращен в любую форму реального труда. Напротив, могут ли товары, продукты труда, снова в качестве именно этих продуктов войти в производительный капитал как его элементы, — это зависит от того, позволяет ли данным товарам природа их потребительных стоимостей снова войти в процесс производства — в качестве ли объективных условий труда (орудие производства и материал) или же в качестве субъективных условий труда (жизненные средства для рабочих), — стало быть, в качестве элементов постоянного капитала или переменного капитала.

«В Ирландии, по умеренному подсчету, согласно переписи 1821 г., весь чистый продукт, достающийся лендлордам, государству и получателям десятины, составляет $20^3/_4$ млн. ф. ст., а вся заработная плата — лишь 14114000 ф. ст.» *(Гопкинс,* там же, стр. 94).

Страница рукописи К. Маркса «Теории прибавочной стоимости»
с таблицами среднегодовых цен на пшеницу за годы 1641—1749

«Земледельцы в Италии платят в общем половину, и даже более чем половину, продукта в качестве ренты земельному собственнику, и это — при невысокой культуре земледелия и при крайней незначительности их основного капитала. Большая часть населения состоит из вторичных производителей и земельных собственников, а первичные производители, как правило, представляют собой бедный и униженный класс» (стр. 101—102).

«То же самое имело место во Франции при Людовике XIV [и при его преемниках Людовике XV и Людовике XVI]. Согласно [Артуру] Юнгу, ренты, десятины и налоги выражались в сумме 140905304 ф. ст. При этом земледелие находилось в жалком состоянии. Население Франции составляло тогда 26363074 человека. Если бы трудовое население насчитывало даже шесть миллионов семей, — что явно преувеличено, — то и тогда каждая трудовая семья ежегодно, прямо или косвенно, должна была бы доставлять в среднем около 23 ф. ст. чистого богатства земельным собственникам, церкви и правительству. По данным Юнга, — если принять в расчет еще всякие другие соображения, — на трудовую семью приходится ежегодно 42 ф. ст. 10 шилл. продукта, причем 23 ф. ст. из этой суммы она отдает другим лицам, а 19 ф. ст. 10 шилл. остаются у нее самой для поддержания ее собственного существования» (там же, стр. 102—104).

Зависимость народонаселения от капитала:

«Ошибку г-на Мальтуса и его последователей надо искать в предположении, что уменьшение рабочего населения *не* повлечет за собой *соответствующего уменьшения капитала»* (там же, стр. 118). «Г-н Мальтус забывает, что спрос [на рабочих] лимитируется количеством *тех средств, которые служат заработной платой,* и что эти средства не возникают сами собой, а всегда *предварительно создаются трудом»* (там же, стр. 122).

Это — правильный взгляд на *накопление капитала.* Но [Гопкинс не видит, что] создаваемые трудом средства могут увеличиться, — а значит, может увеличиться количество прибавочного продукта или прибавочного труда, — без того, чтобы масса применяемого труда увеличилась в равной мере.

«Странной представляется эта сильная склонность изображать *чистое* богатство как нечто *благотворное* для рабочего класса, ибо оно дает-де *работу.* Между тем, совершенно очевидно, [509] что оно может давать работу не потому, что оно *чистое,* а потому, что оно — *богатство,* т. и. нечто такое, *что было создано трудом.* А, с другой стороны, в то же самое время добавочное количество рабочего населения изображается как *вредное* для рабочего класса, хотя эти рабочие производят в три раза больше того, что они потребляют» (там же, стр. 126).

«Если бы путем применения лучших машин вся первичная продукция могла быть увеличена с 200 до 250 или 300, тогда как на долю *чистого* богатства и прибыли по-прежнему приходилось бы только 140, то ясно, что в качестве фонда заработной платы для первичных производителей осталось бы 110 или 160, вместо 60» (там же, стр. 128).

«Положение рабочих *ухудшается* либо вследствие того, что их производительной силе наносится урон, либо вследствие того, что у них отбирают то, что они произвели» (стр. 129).

«Нет, говорит г-н Мальтус, отнюдь не *тяжестью вашего бремени* объясняется ваша нищета, а проистекает она исключительно из того обстоятельства, что имеется *слишком много лиц, несущих* это бремя» (там же, стр. 134).

«Первоначальные материалы [земля, вода, минералы] не включены в тот общий принцип, что меновую стоимость всех товаров определяют *издержки производства;* однако притязание *собственников* этих материалов на продукт [получаемый в результате пользования этими первоначальными материалами] приводит к тому, что в стоимость входит *земельная рента» (Th. Hopkins.* Economical Enquiries relative to the Laws which Regulate Rent, Profit, Wages, and the Value of Money. London, 1822, стр. 11).

«Земельная рента, или налог за пользование [землей], естественно проистекает из *собственности* [на землю], или из установления *права частной собственности»* (там же, стр. 13).

«Ренту может приносить все то, что обладает следующими свойствами: во-первых, редкостью в той или иной степени; во-вторых, способностью содействовать труду в великом деле производства» (там же, стр. 14). «Не следует, конечно, предполагать тот случай, когда земля имеется в таком изобилии *сравнительно с тем трудом и тем капиталом, которые могли бы быть приложены к ней»* {изобилие или редкость земли, разумеется, *относительны,* они определяются по отношению к тому количеству труда и капитала, которым можно располагать}, «что было бы невозможно вводить налог в виде земельной ренты — из-за того, что земля не была бы редкостью» (стр. 21).

«В некоторых странах земельный собственник может выжимать 50%, а в других не может выжать и 10%. В плодородных местностях Востока человек может жить на $^{1}/_{3}$ продукта своего труда, приложенного к земле; напротив, в некоторых районах Швейцарии и Норвегии взимание 10% могло бы обезлюдить страну... Мы не видим никаких других *естественных* границ для ренты, которую можно было бы выжать, кроме ограниченных возможностей плательщиков» (стр. 31) и «кроме *конкуренции худшей почвы с лучшей,* — там, где имеется земля худшего качества» (стр. 33—-34).

«В Англии много пустующей земли, естественное плодородие которой такое же, каким обладала значительная часть *обрабатываемой теперь земли, прежде чем она была введена в обработку;* и тем не менее *издержки, необходимые для превращения такой пустующей земли в обработанную,* настолько велики, *что она не сможет оплачивать обычные проценты на деньги, затраченные на улучшение земли,* а на уплату *ренты за естественное плодородие почвы* уже вообще *ничего не останется.* И это — несмотря на все преимущества немедленного применения такого труда, который пользуется помощью искусно применяемого капитала и обеспечивается дешевыми промышленными товарами, и несмотря на наличие вдобавок хороших дорог, проходящих поблизости, и т. д. Современных земельных собственников можно рассматривать как *владельцев всего накопленного труда, который в течение столетий затрачивался для того, чтобы довести землю до современного состояния ее производительности»* (там же, стр. 35).

Последнее обстоятельство имеет очень важное значение для земельной ренты — особенно тогда, когда население внезапно получаст значительный прирост, как это имело место в 1780— 1815 гг. вследствие развития промышленности, и когда в результате этого *внезапно* вводится в обработку большое количество ранее не возделывавшихся земель. Вновь обрабатываемая земля может быть столь же плодородной, как старая, и даже более плодородной, чем была эта последняя *до тех пор, пока* в ней не накопилась *культура столетий.* Но что требуется от новой

земли — для того чтобы она продавала свой продукт по цене *не более дорогой,* — так это то, чтобы ее плодородие равнялось сумме, *во-первых,* естественного плодородия обработанной [510] почвы и, *во-вторых,* ее *искусственного,* созданного культурой, но теперь *ставшего естественным, плодородия.* Таким образом, вновь обрабатываемая почва должна быть гораздо плодороднее, чем была старая почва *до* ее обработки.

Но могут сказать:

Плодородие обработанной почвы зависит в первую очередь от ее естественного плодородия. Стало быть, от естественных свойств вновь обрабатываемой почвы зависит, обладает ли она, или нет, этим плодородием, проистекающим из природы и обусловленным природными факторами. В обоих случаях плодородие это ничего не стоит. Другая же часть плодородия обработанной земли есть искусственный продукт, обязанный своим существованием культуре, вложению капитала. Но эта часть производительности стоила издержек производства; последние оплачиваются в виде процента на вложенный в землю основной капитал. Эта часть земельной ренты есть просто процент на присоединенный к земле основной капитал. Она поэтому входит в издержки производства продукта давно уже введенной в обработку земли. Следовательно, надо только вложить такой же капитал во вновь обрабатываемую землю, и она тоже приобретет эту вторую часть плодородия; подобно тому как это имеет место в отношении давно уже введенной в обработку земли, проценты на капитал, затраченный на создание этого плодородия, войдут в цену продукта. Почему же в таком случае новая земля, — не будучи гораздо более плодородной, — не могла бы быть введена в обработку без повышения цены продукта? Если естественное плодородие одинаково, то разница обусловливается лишь вложением капитала, и процент на этот капитал в обоих случаях в равной мере входит в издержки производства.

Это рассуждение, однако, ошибочно. Часть *издержек* по расчистке под пашню не подвергавшейся обработке земли и т. д. в дальнейшем не оплачивается по той причине, что созданное таким путем плодородие, как это заметил уже *Рикардо,* частично срослось с *природными качествами* земли (например, издержки по выкорчевыванию пней, по мелиорации, осушению, планировке, химическому изменению состава почвы в результате многократно повторенных химических процессов и т. д.). Таким образом, — для того чтобы быть в состоянии продавать свой продукт по той же цене, что и последняя из уже введенных в обработку почв, — вновь обрабатываемая почва должна быть достаточно плодородна, чтобы эта *цена*

покрывала для нее ту часть издержек по расчистке под пашню не подвергавшейся обработке земли, которая входит в издержки производства у вновь обрабатываемой почвы, но которая перестала уже входить в *издержки* у ранее освоенной почвы и срослась здесь с естественным плодородием почвы.

«Выгодно расположенный *водопад* дает нам пример такой ренты, которая уплачивается за обращенный в частную собственность дар природы, обладающий таким исключительным свойством, какое только можно себе представить. Это хорошо понимают в промышленных районах, где значительные ренты выплачиваются за небольшие водопады — особенно, если высота падения воды велика. Сила, получаемая от таких водопадов, равна силе, даваемой большими паровыми машинами; поэтому пользоваться этими водопадами, даже при условии уплаты большой ренты, столь же выгодно, как и затрачивать большие суммы на сооружение и эксплуатацию паровых машин. Среди водопадов одни — больше, другие — меньше. Близость к местонахождению промышленных предприятий также является преимуществом, доставляющим более высокую ренту. В графствах Йорк и Ланкастер между рентой, уплачиваемой за самый маленький водопад, и рентой, уплачиваемой за самый большой водопад, существует, по-видимому, гораздо большая разница, чем та, какая существует между рентой за 50 акров наименее плодородной земли и рентой за 50 акров наиболее плодородной земли, используемой как обычная пашня» *(Гопкинс,* там же, стр. 37—38).

[8) ИЗДЕРЖКИ ПО РАСЧИСТКЕ ПОД ПАШНЮ НЕ ПОДВЕРГАВШЕЙСЯ ОБРАБОТКЕ ЗЕМЛИ. ПЕРИОДЫ ПОВЫШЕНИЯ ЦЕН НА ХЛЕБ И ПЕРИОДЫ ИХ ПОНИЖЕНИЯ (1641—1869 гг.)]

Если мы сравним приведенные выше среднегодовые цены на хлеб* и исключим то, что обусловлено, во-первых, обесценением денег (1809—1813 гг.) и, во-вторых, особенно неурожайными годами — как, например, годы 1800 и 1801, — мы увидим, какое важное значение имеет то обстоятельство, *сколько новой земли* было введено в обработку в данный момент или в течение данного периода. Повышение цены на обработанных землях указывает здесь на *рост населения* и, вследствие этого, на избыток цены хлеба [над стоимостью]; с другой стороны, это же самое увеличение спроса вызывает введение в обработку новой земли. Если масса обрабатываемой земли *относительно* очень увеличилась, то повышающаяся цена, *более высокая цена* но сравнению с предшествующим периодом, доказывает только то, что значительная часть *издержек по расчистке под пашню не подвергавшейся обработке земли* входит в цену добавочного количества произведенных предметов питания. Если бы цена хлеба не поднялась, то увеличение производства не имело бы места. Резуль-

* См. настоящий том, часть II, стр. 142—143. *Ред.*

тат *этого увеличения,* падение цены, может проявиться лишь впоследствии, так как в цену предметов питания, произведенных недавно вложенными капиталами, входит такой элемент издержек производства или цены, который в прежних вложениях капитала в землю и на прежних частях обрабатываемой почвы давно уже погашен. Разность была бы даже еще большей, если бы издержки по введению в обработку новой почвы, вследствие повышения производительности труда, не упали бы в значительной степени по сравнению с тем, какими они были в прежние времена.

[511] Преобразование новой земли, будет ли она более плодородной, чем старая, одинаково плодородной или менее плодородной, приведение ее в такое состояние (а это состояние определяется общей, господствующей на возделываемой уже земле, нормой освоения для земледельческой культуры), которое *делает ее пригодной* для приложения капитала и труда при *тех же условиях,* при каких капитал и труд прилагаются в среднем на уже находящейся под обработкой земле, — это освоение должно быть оплачено издержками по превращению не подвергавшейся обработке земли в возделанную землю. Эта разность в издержках производства должна быть покрыта вновь введенной в обработку землей. Если указанная разность не входит в цену продукта вновь введенной в обработку земли, то возможны лишь два случая осуществления этого результата. *Либо* продукт вновь введенной в обработку земли не продается *по его действительной стоимости.* Его цена стоит ниже его стоимости, что действительно происходит с большей частью земли, не приносящей ренты, так как цена ее продукта определяется не *его собственной стоимостью,* а стоимостью того продукта, который произведен на более плодородной почве. *Либо* вновь введенная в обработку земля должна быть *настолько плодородной,* что ее продукт при продаже его по его собственной, имманентной ему стоимости, в соответствии с овеществленным в нем количеством труда, продавался бы по более низкой цене, чем продукт уже ранее обрабатывавшейся земли.

Если бы разность между *рыночной ценой,* регулируемой стоимостью продукта давно уже обрабатывавшейся почвы, и *внутренней стоимостью* продукта вновь введенной в обработку почвы *была равна, например,* 5% и если бы, с другой стороны, размер *процента,* входящего в издержки производства этого продукта и исчисляемого на капитал, затраченный для поднятия новой почвы на ту же ступень производительной способности, какая является обычной для старой почвы, тоже равнялся 5%, — то вновь возделанная земля давала бы продукт, который

мог бы при прежней рыночной цене оплачивать обычные заработные платы, прибыли и земельные ренты. Если бы на затраченный капитал приходилось уплачивать только 4%, тогда как плодородие новой земли превосходило бы плодородие старой больше чем на 4%, то рыночная цена, — после вычета из нее того, что по четырехпроцентной ставке причитается капиталу, затраченному для приведения новой земли в «пригодное для обработки» состояние, — давала бы избыток, или же продукт мог бы продаваться ниже *рыночной цены, регулируемой стоимостью* продукта наименее плодородной почвы. Вследствие этого вместе с рыночной ценой продукта понизились бы и все ренты.

Абсолютная рента есть избыток *стоимости* над *средней ценой* сырого продукта. *Дифференциальная рента* есть избыток *рыночной цены* продукта, произведенного на более плодородной почве, над *стоимостью* собственного продукта этой более плодородной почвы.

Поэтому, если в известный промежуток времени относительно значительная часть добавочных предметов питания, которых требует увеличивающееся население, производится на почве, впервые введенной в обработку, и одновременно с этим повышается или же остается неизменной *цена сырого продукта,* то это еще не доказывает, что плодородие почвы в стране уменьшилось. Это доказывает только, что плодородие увеличилось не в такой степени, чтобы покрыть новый элемент издержек производства, заключающийся в процентах на капитал, затраченный на то, чтобы поднять невозделанную землю до уровня обычных условий производства, при которых на данной стадии развития обрабатываются старые земли.

Таким образом, даже *неизменная или повышающаяся цена,* — если относительное количество вновь обрабатываемой почвы различно в различные периоды, — не доказывает, что новая почва неплодородна или что она дает *меньше продукта,* а доказывает лишь то, что в стоимость ее продуктов входит такой элемент издержек, который уже погашен на ранее освоенных почвах, и что этот новый элемент издержек остается в силе. хотя при новых условиях производства издержки по расчистке под пашню не подвергавшейся обработке земли значительно понизились сравнительно с теми издержками, которые были необходимы для того, чтобы привести старую почву из *первоначального, естественного* состояния плодородия в ее теперешнее состояние. Надо было бы, следовательно, [512] установить *относительную долю* огораживаний [общинной земли и ее расчистки под пашню] в различные периоды[51].

Вообще же приведенная выше таблица (стр. 507—508) показывает нам следующее:

Если рассматривать *десятилетние периоды,* то оказывается, что *период 1641—1649 гг.* стоит *выше,* чем какой-либо другой десятилетний период до 1860 г., за исключением десятилетних периодов 1800—1809 и 1810—1819 годов.

Если рассматривать *пятидесятилетние периоды,* то оказывается, что период *1650—1699 гг.* стоит выше, чем период *1700—1749* гг., а период *1750—1799 гг.* стоит выше периода 1700—1749 гг. и ниже периода 1800—1849 гг. (или 1800—1859 гг.).

Падение цен происходит регулярно в период 1810—1859 гг., тогда как в период 1750—1799 гг., хотя средняя цена этого пятидесятилетия ниже, имеет место движение по восходящей линии; оно является столь же регулярно повышающимся, как движение за 1810—1859 гг. — понижающимся.

Действительно, по сравнению с периодом 1641—1649 гг. происходит в общем непрекращающееся понижение средних за десятилетие цен, пока это понижение в два последних десятилетия первой половины XVIII века не достигает своего *предельного пункта (самого низкого пункта).*

С середины XVIII века происходит повышение, начинающееся с такой цены (36 шилл. $4^{5}/_{10}$ пенса в 1750—1759 гг.), которая ниже средней цены за вторую половину XVII века и приблизительно соответствует, с некоторым превышением, средней цене периода 1700—1749 гг. — 35 шилл. $9^{29}/_{50}$ пенса (цене *первой* половины XVIII века). Это движение по восходящей линии продолжается неуклонно и в течение двух десятилетних периодов 1800—1809 и 1810—1819 годов. В последний из этих периодов оно достигает своего наивысшего пункта. С этого времени снова происходит регулярное движение по нисходящей линии. Если мы возьмем среднюю за период повышения 1750— 1819 гг., то его средняя цена (несколько больше 57 шилл. за квартер) [приблизительно] равна исходному пункту периода понижения, который начинается с 1820 г. (а именно, несколько больше 58 шилл. для десятилетнего периода 1820—1829 гг.), — совершенно так же, как исходный пункт для второй половины XVIII века [приблизительно] равен средней цене его первой половины.

Какое сильное влияние на среднюю цифру могут оказывать отдельные обстоятельства — неурожаи, обесценение денег и т. д., — показывает любой арифметический пример. Так, например, 30 + 20 + 5 + 5 + 5 = 65, среднее = 13, хотя здесь все три последних числа — всего лишь пятерки. Напротив, 12 + 11 + 10 + 9 + 8 [= 50], среднее = 10, хотя, если

в первом ряду вычеркнуть составляющие исключение числа 30 и 20, среднее любых трех годов во втором ряду было бы выше.

Если вычесть дифференциальные издержки на оплату капитала, последовательно применявшегося для расчистки под пашню новых земель и входящего в течение известного периода, как особая статья, в издержки производства, то цены 1820— 1859 гг., быть может, окажутся ниже, чем все прежние. И это отчасти, надо думать, как-то носилось перед глазами тех болванов, которые объясняют ренту процентом на вложенный в землю основной капитал.

[9) АНДЕРСОН ПРОТИВ МАЛЬТУСА. ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕНТА В ПОНИМАНИИ АНДЕРСОНА. ПОЛОЖЕНИЕ АНДЕРСОНА О ПОВЫШАЮЩЕЙСЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИИ НА ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНУЮ РЕНТУ]

Андерсон говорит в «A Calm Investigation of the Circumstances that have led to the Present Scarcity of Grain in Britain» (London, 1801):

«С 1700 по 1750 г. мы имеем постоянное понижение цен за квартер пшеницы с 2 ф. ст. 18 шилл. 1 пенса до 1 ф. ст. 12 шилл. 6 пенсов; с 1750 по 1800 г. — постоянное повышение цен с 1 ф. ст. 12 шилл. 6 пенсов до 5 ф. ст. 10 шилл. за квартер» (стр. 11).

Следовательно, Андерсон, в отличие от Уэста, Мальтуса, Рикардо, имел перед своими глазами не одностороннее явление повышающейся шкалы цен на хлеб (за 1750—1813 гг.), а, напротив, двоякое явление: целое столетие, первая половина которого демонстрирует постоянно понижающуюся, а вторая — постоянно повышающуюся шкалу хлебных цен. При этом Андерсон в категорической форме замечает:

«Население одинаково возрастало как в первой, так и во второй половине XVIII столетия» (там же, стр. 12).

Андерсон — решительный враг теории народонаселения[52], и он со всей определенностью подчеркивает возрастающую и всегдашнюю способность земли к улучшению:

«Землю можно *все более улучшать* при помощи химических воздействий и обработки») (там же, стр. 38)[53].

[513] «При рациональной системе хозяйства производительность почвы может повышаться из года в год в течение неограниченного периода времени, пока, наконец, она не достигнет такой высоты, о которой мы сейчас едва можем составить себе представление» (стр. 35—36).

«С уверенностью можно сказать, что нынешнее народонаселение так незначительно по сравнению с тем, какое мог бы прокормить этот остров, что очень еще далеко до того, чтобы оно могло вызвать хотя бы сколько-нибудь серьезные опасения» (стр. 37).

«Везде, где увеличивается народонаселение, вместе с ним непременно увеличивается и производство страны, *если только люди не позволяют каким-нибудь моральным влияниям расстраивать экономику природы»* (стр. 41).

«Теория народонаселения» представляет собой «опаснейший предрассудок» (стр. 54). Андерсон стремится доказать при помощи исторических примеров, что «производительность земледелия» повышается с возрастанием народонаселения и понижается с его уменьшением (стр. 55, 56, 60, 61 и следующие).

При правильном понимании *ренты* прежде всего должна была, естественно, возникнуть та мысль, что рента проистекает не из почвы, а из *продукта земледелия,* т. е. из труда, из *цены продукта, труда,* например пшеницы, — из *стоимости* земледельческого продукта, из вложенного в землю труда, а не из самой земли, — и это правильно подчеркивает Андерсон:

«Не рента, получаемая с земли, определяет цену ее продукта, а цена этого продукта определяет земельную ренту, хотя цена этого продукта часто бывает выше всего в тех странах, где земельная рента стоит на самом низком уровне».

{Стало быть, рента не имеет никакого отношения к *абсолютной* производительности земледелия.}

«Это кажется парадоксом, требующим объяснения.

В каждой стране существуют различные сорта почвы, которые по степени своего плодородия значительно отличаются друг от друга. Мы их разделим на различные разряды, которые обозначим буквами *A, B, C, D, K, F* и т. д. Разряд *A* охватывает почвы с наибольшим плодородием, а все последующие буквы обозначают различные разряды почвы, каждый из которых тем ниже по своему плодородию, чем дальше он отстоит от первого разряда. А так как *издержки по обработке наименее плодородной почвы столь же велики, как и издержки по обработке наиболее плодородной почвы, или даже превышают их,* то отсюда с необходимостью следует, что *если одно и то же количество хлеба, все равно, с какого поля оно ни получается, может продаваться по одной и той же цене,* — то прибыль от возделывания самой плодородной почвы должна быть гораздо выше, чем прибыль от возделывания других почв»

{речь идет об избытке цены [продукта] над издержками, или над ценой авансированного капитала},

«и так как эта прибыль продолжает уменьшаться по мере уменьшения плодородия, то в конце концов должно *получиться* так, что в некоторых низших разрядах почвы *издержки по возделыванию земли сравняются со стоимостью всего продукта»* (стр. 45—48).

Последняя почва не платит никакой ренты (цитата приведена по книге *Мак-Куллоха* «The Literature of Political Economy», London, 1845, — Мак-Куллох здесь цитирует из «An Inquiry

into the Nature of the Corn Laws» или из «Recreations in Agriculture, Natural-History, Arts» etc., London, 1799—1802. Проверить это в Британском музее[54]).

То, что Андерсон называет здесь *«стоимостью* всего продукта», есть в его представлении, очевидно, не что иное, как *рыночная цена,* по которой продается продукт, произрастает ли он на лучшей почве или на худшей. Эта «цена» (стоимость) дает для более плодородных сортов почвы больший или меньший избыток над издержками. Последний продукт не дает такого избытка. Для этого продукта *средняя цена,* т. е. цена, определяемая издержками производства плюс средняя прибыль, совпадает с рыночной ценой продукта, — следовательно, здесь не существует никакой добавочной прибыли, которая, по мнению Андерсона, одна лишь и может образовать ренту. У Андерсона рента равна избытку *рыночной цены* продукта над его *средней ценой.* (Теория стоимости еще совершенно не беспокоит Андерсона.) Таким образом, если вследствие особого неплодородия почвы *средняя цена* продукта этой почвы совпадает с *рыночной ценой* продукта, то этот избыток отпадает, т. е. не оказывается фонда для образования ренты. Андерсон не говорит, что последняя введенная в обработку почва *не может приносить никакой ренты.* Он говорит только, что в том случае, когда затраты (издержки производства плюс средняя прибыль) настолько велики, что разность между рыночной ценой продукта и его средней ценой отпадает, то отпадает также и рента и что это неизбежно происходит, если все ниже спускаться по шкале. Андерсон прямо заявляет, что предпосылкой для такого образования ренты является определенная *одинаковая рыночная цена* для равных количеств продуктов, произведенных при неодинаково благоприятных условиях производства. Добавочная прибыль, или избыток прибыли, на лучших сортах почвы сравнительно с худшими, говорит он, необходимо имеет место, *«если одно и то же количество хлеба, все равно,* с *какого* поля оно ни получается, может продаваться *по одной и той же цене»,* — если, следовательно, предполагается общая рыночная цена.

[514] Андерсон отнюдь не считает, — как это могло бы показаться по приведенному выше отрывку, — что различные *степени плодородия* являются просто продуктом природы. Напротив, по его мнению,

«бесконечное разнообразие почв» происходит отчасти от того, что «эти почвы из своего первоначального состояния были приведены в совершенно другое посредством различных способов обработки, которым они подвергались, посредством удобрений» и т. д. («An Inquiry into the Causes that have hitherto retarded the Advancement of Agriculture in Europe», Edinburgh, 1779, стр. 5).

С одной стороны, развитие производительности общественного труда делает более легкой расчистку под пашню новых земель; однако, с другой стороны, возделывание земли увеличивает различия между почвами, ибо вполне возможно, что возделанная почва *A* и невозделанная почва *B* первоначально обладали одинаковым плодородием, если мы из плодородия почвы *A* вычтем ту долю плодородия, которая для этой почвы теперь является, правда, естественной, но раньше была придана ей *искусственно.* Таким образом, само возделывание почвы увеличивает различие в естественном плодородии между возделанной и невозделанной землей.

Андерсон определенно заявляет, что та почва, для продукта которой средняя цена и рыночная цена совпадают, *не* может платить *никакой* ренты:

«Возьмем два поля, продуктивность которых приблизительно соответствует вышеприведенному примеру, а именно: с одного поля получается 12 бушелей, что покрывает издержки, а с другого — 20 бушелей; если они не требуют никаких *немедленных затрат на мелиорацию,* то за второе поле арендатор может уплачивать земельной ренты даже больше чем, например, 6 бушелей, тогда как за первое поле никакой ренты он платить не может. Если 12 бушелей хватает как раз лишь на то, чтобы покрыть издержки обработки, то за *обработанную* землю, дающую только 12 бушелей, никакой ренты уплачиваться не может» («Essays relating to Agriculture and Rural Affairs», Edinburgh and London, 1775—1796, том III, стр. 107—109).

Непосредственно вслед за этим он продолжает:

«Однако нельзя ожидать, что арендатор в том случае, когда большее количество продукта получилось *непосредственно благодаря* произведенной им затрате капитала и благодаря его усилиям, *сможет* уплачивать в качестве ренты приблизительно такую же *долю* продукта. Но если *в течение определенного времени плодородие земли постоянно оставалось на том же высоком уровне,* то арендатор будет готов платить ренту в указанном выше размере, хотя бы *первоначально* почва *была обязана повышением своего плодородия* его собственным усилиям» (там же, стр. 109—110).

Итак, пусть продукт наилучшей обработанной земли будет равен, например, 20 бушелям с акра; из них 12 бушелей, согласно предположению, оплачивают издержки (авансированный капитал плюс средняя прибыль). В таком случае 8 бушелей *могут* быть уплачены в качестве ренты. Предположим, что бушель стоит 5 шилл. Тогда 8 бушелей, или 1 квартер, стоят 40 шилл., или 2 ф. ст., а 20 бушелей ($2^1/_2$ квартера) — 5 ф. ст. Из этих 5 ф. ст. отходят, в качестве издержек, 12 бушелей, или 60 шилл., т. е. 3 ф. ст. Тогда на уплату ренты остаются 2 ф. ст., или 8 бушелей. Из 3 ф. ст., составляющих издержки, — при норме прибыли, равной 10%,— приходятся на затраты $54^6/_{11}$ шилл., а на прибыль — $5^5/_{11}$ шилл. ($54^6/_{11} : 5^5/_{11} = 100:10$).

Предположим теперь, что арендатор должен произвести на необработанной земле, — плодородие которой равно *первоначальному* плодородию земли, приносящей 20 бушелей, — всякого рода улучшения, чтобы привести ее в такое состояние, которое соответствует среднему уровню земледельческой культуры. Пусть это стоит арендатору, кроме затраты в $54^{6}/_{11}$ шилл., — или, если мы в издержки включим также и прибыль, кроме 60 шилл., — еще дополнительной затраты в $36^{4}/_{11}$ шилл.; 10% на них составят $3^{7}/_{11}$ шилл., и только через 10 лет, если арендатор будет все время продавать 20 бушелей по 5 шилл. за бушель, он сможет начать платить ренту, — лишь после того как будет воспроизведен его капитал. С этого момента искусственно созданное плодородие почвы учитывалось бы как первоначальное, и его выгоды доставались бы лендлорду.

Хотя вновь обрабатываемая почва является столь же плодородной, какой первоначально была наилучшая из уже освоенных почв, все же для продукта вновь обрабатываемой почвы рыночная цена и средняя цена теперь совпадают, потому что в последнюю входит статья издержек, уже погашенная для наилучшей почвы, у которой искусственно созданное и естественное плодородие до известной степени совпадают. А у вновь обрабатываемой почвы та часть плодородия, которая создана искусственно, путем вложения капитала, еще совершенно отлична от естественного плодородия почвы. Вновь обрабатываемая почва, хотя бы она обладала таким же первоначальным плодородием, как и лучшая из уже освоенных почв, *не* могла бы, следовательно, платить *никакой ренты.* Однако спустя десять лет она могла бы не только вообще платить ренту, но даже платить столько же ренты, как и ранее *обработанный* наилучший разряд почвы.

Таким образом, Андерсон охватывает здесь своим взглядом оба явления:

1) что дифференциальная рента, получаемая лендлордом, является отчасти результатом того плодородия, которое арендатор искусственно придал почве;

2) что это искусственно созданное плодородие по истечении определенного промежутка времени начинает выступать как первоначальная производительность самой почвы, так как преобразовалась сама почва, а тот процесс, при помощи которого было осуществлено это преобразование, исчез, стал незаметным.

[515] Если я сегодня устраиваю бумагопрядильню и затрачиваю на это 100000 ф. ст., то у меня будет более производительная прядильня, чем та, которая была устроена моим предшественником десять лет тому назад. Я не оплачиваю разность между производительностью, которая в настоящее время су-

ществует в машиностроении, в строительном деле вообще и т. д., и той производительностью, которая существовала десять лет тому назад. Напротив, эта разность позволяет мне заплатить *меньшую сумму* за фабрику с той же производительностью или лишь *ту же самую сумму* за фабрику с большей производительностью. Иначе обстоит дело в земледелии. Различие между первоначальными степенями плодородия почв увеличивается на ту часть так называемого естественного плодородия почвы, которая на самом деле когда-то была *создана* людьми, а теперь органически слилась с самой землей и уже не может быть отличена от ее первоначального плодородия. Для того чтобы поднять необработанную почву одинакового естественного плодородия до этого *повышенного* уровня плодородия, необходимы, вследствие развития производительной силы общественного труда, уже не те издержки, какие были необходимы для поднятия первоначального плодородия обработанной почвы на высоту ее нынешнего плодородия, кажущегося теперь первоначальным; но все же для достижения этого одинакового уровня необходимы также и теперь большие или меньшие издержки. Поэтому средняя цена нового продукта оказывается выше средней цены старого продукта, а разность между рыночной ценой и средней ценой уменьшается и может даже совсем исчезнуть. Но допустим, что в приведенном случае вновь обрабатываемая почва так плодородна, что после добавочной затраты в 40 шилл. (включая прибыль) она дает не 20, а 28 бушелей. В этом случае арендатор мог бы уплачивать ренту в размере 8 бушелей, или 2 ф, ст. Но почему? Потому, что вновь обрабатываемая почва дает на 8 бушелей больше, чем старая, так что она, несмотря на более высокую среднюю цену, дает, при одинаковой рыночной цене, такой же избыток выручки, как и старая почва. Плодородие вновь обрабатываемой почвы, если бы оно не стоило никаких дополнительных затрат, было бы вдвое больше, чем плодородие старой почвы[55]. Принимая во внимание наличие дополнительных затрат, можно сказать, что плодородие новой почвы точно такое же, как плодородие старой.

[10) НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ РОДБЕРТУСОВСКОЙ КРИТИКИ ТЕОРИИ РЕНТЫ РИКАРДО. НЕПОНИМАНИЕ РОДБЕРТУСОМ ОСОБЕННОСТЕЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ]

Теперь окончательно и в последний раз вернемся к Родбертусу.

«Она» (теория ренты Родбертуса) «объясняет... все явления заработной платы, ренты и т. д. из *разделения продукта труда,* которое неизбежно

наступает, если даны два предварительных условия: достаточная производительность труда и собственность на землю и на капитал. Она доказывает, что только достаточная производительность труда обусловливает *экономическую возможность такого разделения,* так как благодаря этой производительности стоимость продукта приобретает столь большое реальное содержание, что на него могут жить еще и другие лица, которые сами не работают; она также доказывает, что только собственность на землю и на капитал обусловливает *правовую действительность такого разделения,* вынуждая рабочих *делишь свой продукт* с неработающими владельцами земли и капитала в таком соотношении, что как раз они, рабочие, получают из этого продукта лишь столько, чтобы быть в состоянии прожить» *(Родбертус,* цит. соч., стр. 156—157) [Русский перевод стр. 337—338].

А. Смит дает двойственную трактовку вопроса. [Первая трактовка:] *Разделение продукта труда,* причем этот продукт рассматривается как данный и речь идет по сути дела о *доле в потребительной стоимости.* Такого же взгляда придерживается и г-н Родбертус. Встречается этот взгляд также у Рикардо, и это тем более надо поставить ему в упрек, что он не ограничивается общей фразой об *определении стоимости рабочим временем,* а берет это определение всерьез. Указанный взгляд применим более или менее, mutatis mutandis*, ко всем тем способам производства, при которых работники и те, кто владеет объективными условиями труда, составляют различные классы.

Напротив, во второй своей трактовке Смит подмечает то, что характерно для капиталистического способа производства. Поэтому только она и является теоретически плодотворной формулой. А именно, здесь Смит рассматривает прибыль и ренту как проистекающие-из *прибавочного труда,* присоединяемого рабочим к предмету труда сверх той части труда, которою рабочий лишь воспроизводит свою собственную заработную плату. Там, где производство покоится исключительно на меновой стоимости, эта точка зрения является единственно правильной. В ней заложена основа для понимания процесса развития, тогда как при первой трактовке *рабочее время* предполагается неизменным.

У Рикардо односторонность проистекает также из следующего: он вообще хочет доказать, что различные экономические категории или отношения *не противоречат теории стоимости,* вместо того чтобы, наоборот, проследить их *развитие,* со всеми их кажущимися противоречиями, из этой основы, или раскрыть развитие самой этой основы.

[516] «Как Вам** известно, *все экономисты* уже со времени А. Смита признают, что *стоимость продукта распадается на заработную плату,*

---

* — с соответствующими изменениями. *Ред.*
** — фон Кирхману. *Ред.*

земельную ренту и прибыль на капитал; следовательно, идея о том, что доходы различных классов и, в особенности, части ренты основаны *на разделении продукта,* не нова» (что и говорить, не нова!). «Но тотчас же все экономисты сбиваются с правильного пути. Все, — не исключая даже и школы Рикардо, — делают *прежде всего* ту ошибку, что не рассматривают *весь* продукт, *законченное* благо, *весь национальный, продукт,* как одно целое, в котором имеют свои доли рабочие, землевладельцы и капиталисты: они рассматривают *разделение сырого продукта* как *особое разделение,* при котором свои доли получают *три участника,* а разделение промышленного продукта — опять-таки как особое разделение, при котором свои доли получают *только два* участника. Таким образом, эти системы рассматривают уже сам по себе сырой продукт и сам по себе промышленный продукт, каждый из них в отдельности — как некое особое благо, составляющее доход» (стр. 162) [Русский перевод, стр. 342].

Прежде всего, А. Смит, действительно, сбил «*с правильного пути» всех* позднейших экономистов, включая Рикардо, а также и г-на Родбертуса, тем, что он разлагает *«всю* стоимость продукта на заработную плату, земельную ренту и прибыль на капитал» и таким образом забывает о постоянном капитале, который тоже составляет часть стоимости. Отсутствие этого различения [между совокупным продуктом труда и продуктом вновь присоединенного труда] делало всякую научную трактовку вопроса прямо-таки невозможной, как это доказывается в моем анализе этой проблемы*. Физиократы в этом отношении были ближе к истине. «Авансы первоначальные и ежегодные» выделены ими как та часть стоимости годового продукта или как та часть самого годового продукта, которая ни для нации, ни для отдельного лица не распадается снова на заработную плату, прибыль или ренту. По представлению физиократов, сельские хозяева возмещают бесплодному классу в виде сырья его авансы (превращение этого сырья в машины выпадает на долю самих «бесплодных»), тогда как, с другой стороны, сельские хозяева возмещают сами себе из своего продукта часть своих авансов (семена, племенной и рабочий скот, удобрения и т. д.), другую же часть (машины и т. д.) они возмещают, получая ее от «бесплодных» в обмен на сырье.

Во-вторых, г-н Родбертус ошибается, когда он отождествляет *разделение стоимости* и *разделение продукта. «Благо, составляющее дохода,* не имеет никакого прямого отношения к этому *разделению стоимости* продукта. Экономисты так же хорошо, как и Родбертус, знают, что те части стоимости, которые достаются, например, производителям пряжи и которые выражаются в определенных количествах золота, *реализуются* и продуктах всякого рода — земледельческих или промышленных.

---

* См. настоящий том, часть I, стр. 73—132. *Ред.*

Это *предполагается заранее,* ибо производят эти производители *товары,* а не продукты для своего непосредственного потребления. Так как подвергающаяся разделу стоимость, т. е. та составная часть стоимости, которая вообще сводится к доходу, создается внутри каждой отдельной сферы производства независимо от других сфер, — хотя каждая сфера производства, вследствие разделения труда, и предполагает другие сферы, — то Родбертус делает шаг назад и вносит путаницу, когда он, вместо того чтобы рассматривать это созидание стоимости в чистом виде, с самого начала запутывает дело вопросом: какую долю в имеющемся совокупном продукте нации обеспечивают своим владельцам эти составные части стоимости? У Родбертуса разделение *стоимости продукта* тотчас же превращается в *разделение потребительных стоимостей.* Так как он эту путаницу подсовывает другим экономистам, то становится необходимым предлагаемый им корректив, требующий рассмотрения промышленных и сырых продуктов en bloc*, т. е. требующий такого способа рассмотрения, который не имеет отношения к созиданию стоимости и, стало быть, неправилен, если при этом ставится задача объяснить, как стоимость создается.

В *стоимости* промышленного продукта, поскольку она сводится к доходу и поскольку промышленник не платит земельной ренты — будь то за землю под постройками, будь то за водопады и т. д., — имеют долю только *капиталист и наемный рабочий.* В *стоимости земледельческого продукта* имеют долю по большей части трое. Это признаёт и г-н Родбертус. То объяснение, которое он дает этому явлению, ничего не изменяет в самом факте. Но если другие экономисты, в особенности Рикардо, исходят из *разделения на две части* — между капиталистом и наемным рабочим — и вводят получателя земельной ренты лишь позднее, как особого рода нарост, то это вполне соответствует существу капиталистического производства. Овеществленный труд и живой труд — это те два [517] фактора, на противопоставлении которых покоится капиталистическое производство. Капиталист и наемный рабочий являются единственными носителями функций производства и теми его агентами, взаимоотношение и противоположность между которыми проистекают из сущности капиталистического способа производства.

Обстоятельства, при которых капиталист, в свою очередь, вынужден разделить часть присвоенного им прибавочного

* — вместе, скопом. *Ред.*

труда или прибавочной стоимости с третьими, не работающими лицами, появляются только во второй инстанции. Точно так же фактом производства является то, что — после вычета той части стоимости продукта, которая уплачивается как заработная плата, и той части стоимости, которая равна постоянному капиталу, — *вся прибавочная стоимость* переходит *прямо из рук рабочего в руки капиталиста.* По отношению к рабочему капиталист — *непосредственный* владелец всей прибавочной стоимости, как бы он ни делился затем ею с капиталистом, ссужающим деньги, с земельным собственником и т. д. Производство, как замечает Джемс Милль[56], могло бы поэтому продолжаться бесперебойно, если бы исчез получатель земельной ренты и его место заняло бы государство. Он — частный земельный собственник — отнюдь не является необходимым агентом производства для капиталистического способа производства, хотя для последнего необходимо, чтобы земля составляла чью-либо собственность — но только не рабочего; стало быть, например, собственность государства. Из самой сущности *капиталистического способа производства* — в отличие от феодального, античного и т. д. — проистекает то, что те классы, которые непосредственно участвуют в производстве, а следовательно являются и непосредственными участниками в дележе произведенной стоимости (стало быть, и продукта, в котором эта стоимость реализуется), — что эти классы сводятся к *капиталистам и наемным рабочим* и что здесь *исключается земельный собственник,* появляющийся лишь post festum[*], вследствие тех отношений собственности на силы природы, которые *не выросли* из капиталистического способа производства, а *унаследованы* им. Это сведение [непосредственных участников производства к двум классам] ни в какой мере не является у Рикардо и др. ошибкой, а наоборот, оно представляет собой адекватное теоретическое выражение капиталистического способа производства, выражает его differentia specifica[**]. Г-н Родбертус еще слишком «помещик» старопрусского покроя, чтобы понять это. Все это становится попятным и само бросается в глаза только тогда, когда капиталист овладевает земледелием и всюду. как это большей частью имеет место в Англии, превращается в руководителя земледелия — совершенно так же, как и промышленности, — *отстранив земельного собственника* от всякого непосредственного участия в процессе производства. Таким образом, то, что г-н Родбертус считает здесь «отклонением от

[*] — после праздника, т. е. после того, как событие уже произошло; с запозданием. *Ред.*
[**] — специфическое отличие. *Ред.*

правильного пути», есть лишь непонятый им правильный путь; все дело в том, что Родбертус находится еще в плену воззрений, проистекающих из докапиталистического способа производства.

«Он» (Рикардо) «тоже не делит *готовый* продукт между участниками дележа, а подобно остальным экономистам рассматривает каждый из обоих продуктов — и сельскохозяйственный и промышленный — как некий особый, подлежащий разделению продукт» (пит. соч., стр. 167) [Русский перевод, стр. 346].

Рикардо рассматривает здесь не продукт, г-н Родбертус, а *стоимость* продукта, и это совершенно правильно. Ваш «готовый» продукт и его разделение не имеют абсолютно ничего общего с этим разделением стоимости.

«Собственность на капитал является для него» (для Рикардо) «чем-то данным, и *притом еще раньше,* чем земельная собственность... Таким образом, он начинает не с оснований, а с *факта* разделения продукта, и вся его теория ограничивается рассмотрением тех причин, которые определяют и видоизменяют *отношение разделения* продукта... Разделение продукта только на *заработную плату* и *прибыль на капитал* он рассматривает как *первоначальное* и как первоначально единственное» (стр. 167) [Русский перевод, стр. 346].

Этого Вы, г-н Родбертус, опять-таки не понимаете. С точки зрения капиталистического производства *собственность на капитал* действительно фигурирует как «первоначальная», ибо она есть тот род собственности, на котором покоится капиталистическое производство и который *в этой системе производства* выступает как агент производства и носитель его функций, что не имеет места в отношении земельной собственности. Последняя *оказывается* здесь чем-то производным, ибо современная земельная собственность, будучи на деле *феодальной,* была видоизменена тем воздействием, которое оказал на нее капитал; следовательно, в той форме, какая присуща ей как современной земельной собственности, она является *производной,* представляет собой результат капиталистического способа производства. То обстоятельство, что этот факт, как он есть и как он проявляется в современном обществе, рассматривается у Рикардо также и как нечто *исторически* первоначальное (между тем как Вы, г-н Родбертус, вместо того чтобы исследовать современную форму, не можете выйти из-под власти помещичьих воспоминаний), составляет одно из проявлений того заблуждения, в которое впадают буржуазные экономисты при рассмотрении всех экономических законов буржуазного общества, представляющихся им как «законы природы», а потому также и как историческое prius*.

* — первичное, предшествующее. *Ред.*

[518] Но что там, где речь идет не о *стоимости* продукта, а о *самом продукте,* Рикардо имеет в виду разделение *всего* «готового» продукта, — это г-н Родбертус мог бы увидеть уже из первой фразы его предисловия:

«Продукт земли, — все, что получается с ее поверхности путем соединенного приложения труда, машин и капитала, — делится между тремя классами общества, а именно, между собственником земли, владельцем того фонда, или капитала, который необходим для ее обработки, и рабочими, трудом которых она обрабатывается» («Principles of Political Economy», предисловие, 3-е издание, Лондон, 1821) [Русский перевод, том I, стр. 30].

Непосредственно за этим Рикардо продолжает:

«Но на разных стадиях развития общества весьма различны доли *всего продукта* земли, достающиеся каждому из этих классов под именем ренты, прибыли и заработной платы» (там же).

Здесь речь идет о распределении *«всего продукта»,* а не промышленного продукта или сырого продукта. Но эти доли «всего продукта», если этот последний предполагается данным, определяются исключительно теми долями, которые внутри каждой сферы производства каждый из участников дележа имеет в *«стоимости»* своего собственного продукта. Эта «стоимость» способна к превращению в определенную, соответственную долю *«всего продукта»* и может быть выражена в ней. Рикардо ошибается здесь, следуя за А. Смитом, только в том, что забывает, что на ренту, прибыль и заработную плату распадается не «весь продукт», так как часть его «достается» одному или нескольким из этих трех классов в виде капитала.

«Быть может, Вы захотели бы утверждать, что, подобно тому как *первоначально* закон равенства прибыли на капитал должен был понижать цены сырых продуктов до тех пор, пока земельная рента не исчезла, а затем, вследствие повышения цен, эта земельная рента должна была снова возникнуть из различия в урожайности между более плодородной и менее плодородной почвой, — точно так же и *в настоящее время* выгоды получения земельной ренты сверх обычной прибыли на капитал должны были бы побуждать капиталистов затрачивать капитал на расчистку под пашню новых земель и на улучшение старых до тех пор, пока вызванное этим переполнение рынка не понизит снова цены в такой степени, что при наименее выгодных вложениях капитала земельная рента исчезнет. *Иными словами, это было бы равносильно утверждению, что закон равенства прибылей на капитал упраздняет для сырого продукта другой закон, согласно которому стоимость продуктов определяется затраченным трудом,* тогда как именно *Рикардо* в первой главе своего труда пользуется первым законом в качестве доказательства для второго» *(Родбертус,* цит. соч., стр. 174) [Русский перевод, стр. 351—352].

Конечно, г-н Родбертус, закон *«равенства прибылей на капитала* не упраздняет того закона, что *«стоимость»* продуктов

определяется «затраченным трудом»; но он действительно упраздняет ту предпосылку Рикардо, что *средняя цена* продуктов равна их *«стоимости»*. Однако дело опять-таки не в том, что стоимость «сырого продукта» понижается до средней цены. Как раз *наоборот:* «сырой продукт» — вследствие существования собственности на землю — отличается той привилегией, что его стоимость *не* понижается до средней цены. Если бы его *стоимость* на самом деле поннзилась, — а это было бы возможно несмотря на наличие в ней того, что Вы называете «стоимостью материала», — до одного уровня со средней ценой товаров, то земельная рента исчезла бы. Те сорта почвы, которые теперь, быть может, не дают никакой земельной ренты, оказываются в таком положении потому, что *рыночная цена* сырых продуктов равна собственной *средней цене* продуктов этих сортов почвы, так что они — вследствие конкуренции более плодородных сортов почвы — *утрачивают* привилегию продавать свой продукт по *его* «стоимости».

«Возможно ли, что еще *до того,* как люди вообще перешли к земледелию, уже существовали капиталисты, получающие прибыль и вкладывающие свои капиталы в соответствии с законом равенства прибыли?» (Какая глупость!) «... Я допускаю, что если в настоящее время из цивилизованных стран [519] предпринимается экспедиция в новую, девственную страну, причем более богатые участники экспедиции снабжены запасами и орудиями уже старой культуры — капиталом, а более бедные присоединяются к более богатым в надежде получать на службе у них высокую заработную плату, — то в этом случае капиталисты будут рассматривать избыток, остающийся у них после вычета платы рабочим, как свою прибыль, ибо они привезли с собой из метрополии издавна существующие вещи и понятия» (стр. 174—175) [Русский перевод, стр. 352].

Вот именно, г-н Родбертус! Вся концепция Рикардо имеет смысл лишь при предпосылке, что капиталистический способ производства является господствующим. В какой форме выражает Рикардо эту *предпосылку,* совершает ли он при этом и области истории hysteron proteron*, — это для существа дела безразлично. Допустить эту *предпосылку* — необходимо; стало быть, нельзя, как это делаете Вы, вводить здесь крестьянское хозяйство, которое не знает капиталистической бухгалтерии и потому не причисляет семена и т. д. к авансированному капиталу! В «бессмыслице» повинен не Рикардо, а Родбертус, приписывающий Рикардо тот взгляд, что капиталисты и рабочие существуют *«до* возделывания почвы» (стр. 176) [Русский перевод, стр. 353].

* — ошибку, состоящую в принятии последующего и позднейшего (hysteron) за первичное и предшествующее (proteron); извращение действительной последовательности. *Ред.*

«Только тогда, когда... в обществе возник капитал, когда стала известна и начала уплачиваться прибыль на капитал, началось, согласно воззрению Рикардо, возделывание почвы» (стр. 178) [Русский перевод, стр. 354].

Какой вздор! Только тогда, когда капиталист в качестве арендатора вклинился между земледельцем и земельным собственником — происходит ли это так, что прежний ленник мошенническим путем превращается в капиталистического арендатора, или же так, что промышленник вкладывает свой капитал не в промышленность, а в земледелие, — только тогда начинается, конечно, не вообще «возделывание почвы», а «капиталистическое» возделывание ее, которое по форме и по содержанию весьма отличается от прежних форм земледелия.

«В каждой стране большая часть земли стала частной собственностью узко задолго до того, как она была возделана, — во всяком случае, задолго до того, как в промышленности сложилась ставка прибыли на капитал» (стр. 179) [Русский перевод, стр. 3551.

Для того чтобы понять в этом вопросе концепцию Рикардо, Родбертусу надо было бы быть англичанином, а не померанским помещиком, и знать историю огораживания общинных земель я пустошей. Г-н Родбертус приводит пример Америки. Государство продает здесь землю

«отдельными участками поселенцам, правда, по незначительной пенс, которая, однако, должна *во всяком случае* уже представлять земельную ренту» (стр. 179—180) [Русский перевод, стр. 356].

Отнюдь нет. Эта цена так же не образует земельную ренту, как, скажем, всеобщий промысловый налог не мог бы образовать *промысловую ренту* или вообще какой-либо налог — какую бы то ни было «ренту».

«Приведенная в пункте *b* причина повышения ренты» {вследствие роста населения, или увеличения *применяемого количества труда*} «составляет, утверждаю я, преимущество земельной ренты перед прибылью на капитал. Эта причина *никогда* не может повысить прибыль на капитал. Правда, вследствие увеличения стоимости всего национального продукта при *одинаковой производительности,* но при возросшей [по численности] производительной силе (при возросшем населении) нация получает *больше*-прибыли на капитал, но эта *увеличившаяся* прибыль на капитал всегда приходится на *увеличившийся* в такой же *пропорции* капитал; следовательно, ставка прибыли остается на прежнем уровне» (стр. 184—185) [Русский перевод, стр. 359—3601.

Это неверно. Количество неоплаченного, прибавочного труда повышается, если, например, вместо 2 часов, прибавочное рабочее время составляет 3, 4, 5 часов. С увеличением массы этого *неоплаченного,* прибавочного труда масса авансированного капитала не возрастает [в той же пропорции], во-первых, потому,

что этот новый избыток прибавочного труда *не* оплачивается, т. о. не вызывает никаких затрат капитала; во-вторых, потому, что затраты на основной капитал возрастают не в той пропорции, в какой здесь возрастает его использование. Не увеличивается количество веретен и т. д. Конечно, веретена быстрее изнашиваются, однако не пропорционально тому, как *увеличивается* их использование. Следовательно, при одинаковой производительности прибыль здесь возрастает, так как возросла не только прибавочная стоимость, но и *норма прибавочной стоимости.* В земледелии это невозможно из-за природных условий. С другой стороны, *производительность* быстро изменяется с увеличением вложенного капитала. Хотя затрачиваемый капитал абсолютно и велик, но вследствие экономии в условиях производства он не является относительно столь большим, — не говоря уже о разделении труда и о машинах. Таким образом, *норма прибыли* могла бы повыситься, даже если бы прибавочная стоимость (не только *ее норма)* осталась той же.

[520] Совершенно неверным и померански-помещичьим является следующее утверждение Родбертуса:

«Возможно, что в течение этих тридцати лет» (с 1800 до 1830 г.) «благодаря парцеллированию или *даже распашке новых земель* возникло *много* новых владений и увеличившаяся земельная рента стала, таким образом делиться между *большим, числом* владельцев, но *в 1830 г. она распределялась не на. большее число моргенов, чем в 1800 г.;* эти новые, вновь выделенные или же вновь введенные в обработку земельные участки всей своей площадью *входили прежде в ранее существовавшие земельные участки,* и, таким образом, меньшая земельная рента 1800 г. так же *распределялась* между ними и так же оказывала свое влияние на высоту английской земельной ренты вообще, как большая рента — в 1830 году» (стр. 186).

Милейший померанин! Зачем самоуверенно то и дело переносить в Англию Ваши прусские отношения? Англичанин совсем не считает, что если, как это было фактически (это надо проверить), с 1800 по 1830 г. было «огорожено» от 3 до 4 миллионов акров[57], то рента распределялась на эти 4 миллиона акров также и до 1830 г., также и в 1800 году. Эти 4 миллиона акров были, напротив, необработанной или общинной землей, не приносившей никакой ренты и никому не принадлежавшей.

Если Родбертус, как и Кэри (но на другой манер), пытается доказать Рикардо, что «самая плодородная» почва большей частью, по физическим и иным причинам, обрабатывалась но в первую очередь, то это не имеет никакого отношения к Рикардо. «Самая плодородная» почва — это каждый раз почва «наиболее плодородная» при данных условиях производства.

Весьма значительная часть возражений, выдвигаемых Родбертусом против Рикардо, проистекает из того, что Родбертус

наивным образом отождествляет «померанские» и «английские» производственные отношения. Рикардо предполагает капиталистическое производство, при котором — там, где оно существует в развитом виде, как в Англии, — капиталистический арендатор отделяется от земельного собственника. Родбертус же берет такие отношения, которые сами по себе чужды капиталистическому способу производства и для которых этот последний является только надстройкой. Так, например, то, что г-н Родбертус говорит о положении хозяйственных центров в хозяйственных комплексах, вполне подходит для Померании, но не для Англии, где капиталистический способ производства, все больше и больше входивший в силу с последней трети XVI века, ассимилировал себе все имевшиеся условия и в различные периоды снес до основания, одну за другой, созданные историей предпосылки — деревни, постройки и людей, — чтобы обеспечить «наиболее производительное» приложение капитала.

Неверно также и то, что Родбертус говорит о «приложении капитала»:

«Рикардо ограничивает земельную ренту той суммой, которая уплачивается землевладельцу за пользование *первоначальными, природными и неразрушимыми силами почвы.* Тем самым он вычитает из земельной ренты все то, что на введенных уже в обработку земельных участках должно было бы быть отнесено за счет капитала. Однако ясно, что из дохода, получаемого с участка земли, Рикардо не вправе относить на долю капитала больше того, что *полностью* составляет *обычный в стране процент.* Ибо в противном случае он должен был бы допустить в экономическом развитии страны две различные ставки прибыли — сельскохозяйственную, которая приносила бы большую прибыль, чем прибыль, господствующая в промышленности, и другую, имеющую место в промышленности, — допущение, которое, однако, опрокинуло бы всю его систему, основанную как раз на равенстве ставки прибыли» (стр. 215—216) [Русский перевод, стр. 371—372].

Это — опять-таки представление померанского помещика, который берет в ссуду капитал, чтобы сделать свою земельную собственность более доходной, а потому хочет, по теоретическим и практическим соображениям, платить заимодавцу лишь «обычный в стране процент». Однако в Англии дело обстоит иначе. Там капитал, идущий на улучшение почвы, затрачивается арендатором, капиталистическим фермером. От этого капитала, совершенно так же как и от капитала, вкладываемого им непосредственно в производство, арендатор требует не обычного в стране процента, а *обычной в стране прибыли.* Он не ссужает помещику капитал, который тот должен был бы оплачивать «обычным в стране» процентом. Он, может быть, сам берет в ссуду капитал или же применяет свой собственный добавочный капитал с тем, чтобы последний приносил ему по «обычной

в стране» норме прибыль, получаемую промышленным капиталистом и превышающую, по меньшей мере вдвое, обычный в стране процент.

К тому же Рикардо знает то, что знал уже Андерсон. Более того: Рикардо определенно заявляет, что [521] созданная таким образом благодаря капиталу производительная сила почвы позднее сливается с ее «природной» производительной силой и поэтому повышает ренту. Родбертус ничего не знает об этом, а потому болтает вздор.

Я уже дал вполне правильное определение современной земельной собственности;

«Рента, в рикардовском смысле, есть земельная собственность в буржуазном состоянии, т. е. феодальная собственность, подчинившаяся условиям буржуазного производства» («Misère de la Philosophie», Paris, 1847, стр. 156)[58].

Уже там я сделал правильное замечание:

«Предположив буржуазное производство как необходимое условие существования ренты, Рикардо тем не менее применяет свое понятие о ренте к земельной собственности всех времен и народов. Это — общее заблуждение всех экономистов, которые выдают отношения буржуазного производства за вечные категории» (там же, стр. 160)[59].

Я равным образом сделал правильное замечание, что «земли-капиталы» могут увеличиваться, как и все другие капиталы:

«Количество земли-капитала может *увеличиваться* точно так же, как и количество всех других орудий производства. Мы ничего не прибавляем к ее материи, употребляя выражение г-на Прудона, но *увеличиваем количество земель, служащих орудием производства.* Одним только новым вложением капиталов в участки земли, уже превращенные в средства производства, люди увеличивают землю-капитал без всякого увеличения земли-материи, т. е. пространства земли» (там же, стр. 165)[60].

Все еще остается правильным то различие между промышленностью и земледелием, которое я тогда подчеркнул:

«Прежде всего, здесь нельзя, как в промышленном производство, *увеличивать по желанию количество орудий производства одинаковой степени производительности,* т. е. количество земель одинаковой степени плодородия. Затем постепенный рост народонаселения приводит здесь к эксплуатации земель более низкого качества или к новым капиталовложениям в прежние участки, соответственно менее производительным, чем первоначальные капиталовложения» (там же, стр. 157)[61].

Родбертус говорит:

«Но я должен обратить внимание еще на другое обстоятельство, которое, правда, гораздо более постепенно, но зато и гораздо более часто делает из плохих сельскохозяйственных машин лучшие[62]. Это — *непрерывное возделывание* земельного участка, которое, если только оно ведется по рациональной системе, уже само по себе улучшает землю даже и без

малейшего чрезвычайного вложения капитала» (стр. 222) [Русский перевод, стр. 376].

Это говорил уже Андерсон. Возделывание улучшает землю.

[Далее Родбертус говорит:]

«Вы должны были бы доказать, что занятое в земледелии трудящееся население с течением времени возросло в большей пропорции, чем производство предметов питания, или хотя бы чем остальная часть населения страны. Только из этого можно было бы сделать неопровержимый вывод, что с увеличением сельскохозяйственного производства в нем приходилось затрачивать и все больше труда. Но как раз в этом отношении Вам противоречит статистика» (стр. 274) [Русский перевод, стр. 416—417]. «Да, Вы даже можете убедиться в повсеместном господстве того правила, что чем плотнее население страны, тем в меньшей пропорции занимаются люди земледелием... Такое же явление наблюдается при увеличении населения в одной и той же стране; та часть населения, которая *не* занимается земледелием, почти везде будет увеличиваться в большей пропорции» (стр. 275) [Русский перевод, стр. 417].

Но это происходит отчасти потому, что больше пахотной земли превращается в пастбища для скота, для овец, отчасти потому, что при большем масштабе производства — при крупном земледелии — труд становится более производительным. *А также и потому* — и этого обстоятельства г-н Родбертус совсем не замечает, — что значительная часть *неземледельческого населения* выполняет труд по обслуживанию земледелия, доставляя земледелию постоянный капитал (а этот последний возрастает вместе с прогрессом земледельческой культуры) — как, например, минеральные удобрения, заграничные семена, всякого рода машины.

По словам г-на Родбертуса,

«в настоящее время» (в Померании) «сельский хозяин не рассматривает производимый в его собственном хозяйстве корм для рабочего скота как капитал» (стр. 78) [Русский перевод, стр. 282].

[522] «Капитал сам по себе, или в народнохозяйственном смысле, есть продукт, используемый для дальнейшего производства... Но по отношению к той особой «прибыли», которую он должен приносить, — другими словами, в том смысле, в каком понимают капитал *нынешние предприниматели,* — он, для того чтобы быть капиталом, непременно должен выступать в виде *«затраты»*» (стр. 77) [Русский перевод, стр. 281].

Однако это понятие «затраты» не требует, как полагает Родбертус, чтобы продукт, в качестве товара, покупался у других. Если та или иная часть продукта, вместо того чтобы быть *проданной* как товар, снова входит в производство, то входит она в него как *товар.* Она сперва оценивается как «деньги», и это сознаётся тем отчетливее, что все эти «затраты», в том числе и те, которые имеют место в земледелии, одновременно с тем фигурируют в качестве «товаров» на рынке —

скот, корм, удобрения, зерно, идущее на семена, вообще всякого рода семена. Но в «Померании», по-видимому, всего этого не зачисляют в рубрику «затрат».

«*Стоимость* особых результатов этих различных видов труда» (в промышленности и в производстве сырья) «составляет еще но самый доход, достающийся их владельцу, а только мерило для вычисления этого дохода. Сам этот доход, получаемый теми или иными лицами, есть часть общественного дохода, который создается только лишь совместным трудом — сельскохозяйственным и промышленным — и *части* которого, следовательно, тоже создаются только этим совместным трудом» (стр. 36) [Русский перевод, стр. 249].

Что мне от этого? Реализация этой *стоимости* может быть лишь ее реализацией в потребительной стоимости. Но речь идет совсем не об этом. Кроме того, в понятии *необходимой заработной платы* уже заключено то, сколько стоимости представлено в тех жизненных средствах — в сельскохозяйственных и промышленных продуктах, — которые необходимы для содержания рабочего.

С этим покончено.

[ГЛАВА ДЕСЯТАЯ]
ТЕОРИЯ ЦЕНЫ ИЗДЕРЖЕК[63] У РИКАРДО И АДАМА СМИТА (ОПРОВЕРЖЕНИЕ)

[А. ТЕОРИЯ ЦЕНЫ ИЗДЕРЖЕК У РИКАРДО]

[1) КРУШЕНИЕ ТЕОРИИ ФИЗИОКРАТОВ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ НА ЗЕМЕЛЬНУЮ РЕНТУ]

Положением Андерсона (которое отчасти встречается также и у А. Смита) — о том, что «не рента, получаемая с земли. определяет *цену* ее продукта, а *цена* этого продукта определяет земельную ренту»[*], — было совершенно опрокинуто учение физиократов. Источником ренты была признана таким образом *цена* земледельческого продукта, а не сам этот продукт и не земля. Тем самым был опровергнут тот взгляд, что рента есть результат исключительной производительности земледелия, которая, в свою очередь, является будто бы результатом особого плодородия, присущего почве. Ведь если бы *то же количество труда* прилагалось в особо производительной области и потому исключительно производителен был бы и самый труд. то это могло бы выразиться лишь в том, что он был бы представлен в сравнительно *большой* массе *продуктов* и потому цена единицы продукта была бы относительно низкой, но это никак не могло бы выразиться в противоположном результате, т. с. в том, что *цена* продукта этого труда была бы *выше,* чем цена других продуктов, в которых овеществлено то же количество труда, и что вследствие этого его *цена,* в отличие от других товаров, приносила бы, кроме прибыли и заработной платы, *еще и ренту.* (При рассмотрении ренты А. *Смит* отчасти снова возвращается к физиократическому взгляду, после того как он ранее опроверг или, по меньшей мере, отверг его своей первоначальной трактовкой ренты как части прибавочного труда.)

Это отрицание физиократического взгляда Бьюкенен резюмирует в следующих словах:

[*] См. настоящий том, часть II, стр. 155. *Ред.*

«Тот взгляд, будто земледелие дает продукт и проистекающую из него ренту потому, что в процессе обработки земли природа участвует совместно с человеческим трудом, — этот взгляд является просто-напросто фантазией. Земельная рента проистекает не из продукта, а из цены, по которой продается продукт; и эту цену земледельческий продукт получает не потому, что природа помогает производить его, а потому, что это — та цена, которая приводит потребление в соответствие с предложением»[64].

Когда был отвергнут этот взгляд физиократов, — который, однако, был вполне правомерен в своем более глубоком смысле, так как физиократы рассматривали ренту как единственную форму прибавочной стоимости, а капиталистов и рабочих, вместо взятых, только как наемных работников земельного собственника, — оставались возможными лишь следующие взгляды:

[523] [Во-первых:] Взгляд, что *рента* происходит из *монопольной цены* земледельческих продуктов, а монопольная цена — из того, что земельные собственники обладают *монополией* на землю*. Согласно этому взгляду, *цена* земледельческого продукта всегда *превышает* его *стоимость.* Здесь имеет место *надбавка к цене,* и закон стоимости товаров нарушается *монополией* земельной собственности.

Рента происходит из *монопольной цены* земледельческих продуктов потому, что их предложение, согласно этому взгляду, всегда стоит *ниже* уровня спроса, или спрос всегда стоит *выше* уровня предложения. Но почему же предложение не поднимается до *уровня* спроса? Почему *добавочное* предложение не выравнивает это соотношение и не уничтожает тем самым, согласно этой теории, *всякую* ренту? Для объяснения этого Мальтус прибегает, с одной стороны, к той фикции, будто земледельческие продукты непосредственно создают для себя потребителей (об этом — позже, при разборе его полемики с Рикардо), а с другой стороны — к теории Андерсона, [из которой Мальтус делает тот вывод, что] так как *добавочное предложение* стоит большего количества труда, то земледелие становится менее производительным. Таким образом, этот взгляд — в той мере, в какой он не основывается на простой фикции, — совпадает с теорией Рикардо. Здесь тоже *цена превышает* стоимость, имеет место надбавка.

[Во-вторых:] *Теория Рикардо: не существует абсолютной земельной ренты,* есть только *дифференциальная рента.* Здесь тоже *цена* земледельческих продуктов, приносящих ренту, *превышает* их индивидуальную стоимость, и если рента вообще существует, то существует она благодаря *избытку цены земледель-*

* См. настоящий том, часть II, стр. 26. *Ред.*

ческих продуктов над их стоимостью. Но здесь этот избыток цены *над* стоимостью не противоречит общей теории стоимости (хотя самый факт и остается в силе), так как внутри каждой сферы производства *стоимость* относящихся к ней товаров определяется не индивидуальной стоимостью товара, а той *его стоимостью,* которую он имеет при *общих* условиях производства данной сферы. Также и здесь цена продуктов, приносящих ренту, есть *монопольная цена,* но это та *же* монополия, которая встречается во всех сферах производства и которая лишь в данной сфере фиксируется и поэтому принимает отличную от сверхприбыли форму ренты. Также и здесь этот избыток *спроса над предложением,* или, что то же самое, добавочный спрос, не может быть удовлетворен добавочным предложением по *ценам,* существовавшим при первоначальном предложении, до того как цены возросли вследствие превышения спроса над предложением. Также и здесь *рента* (дифференциальная рента) *возникает* вследствие *избытка цены над стоимостью,* вследствие того, что цены продуктов, получаемых с лучшей земли, поднимаются *выше* их стоимости, чем и вызывается добавочное предложение .

[В-третьих:] *Рента — это лишь процент на вложенный в землю капитал*[*]. Этот взгляд имеет со взглядом Рикардо то общее, что он отрицает *абсолютную земельную ренту. Дифференциальную ренту* он вынужден признавать в тех случаях, когда земельные участки, в которые вложены одинаковые капиталы, приносят ренты различной величины. На деле он сводится поэтому к взгляду Рикардо, что земля известного рода не приносит *ренты* и что там, где получается рента в *собственном* смысле слова, это — дифференциальная рента. Но этот взгляд абсолютно не в состоянии объяснить ренту, получаемую с такой земли, в которую *не* вложено *никакого* капитала, ренту с водопадов, рудников и т. д. На деле этот взгляд был не чем иным, как попыткой *с капиталистической позиции* спасти ренту — под названием *процента* — от нападок Рикардо.

Наконец [в-четвертых]: Рикардо полагает, что на земле, не приносящей ренты, цена продукта равна его стоимости, так как она равна *средней цене,* т. е. авансированному капиталу плюс средняя прибыль. Следовательно, Рикардо ошибочно полагает, что стоимость товара равна средней цене товара. Если эта ошибочная предпосылка отпадает, то оказывается возможной абсолютная рента, так как *стоимость* земледельческих

[*] См. настоящий том, часть II, стр. 26, 149—150 и 154. *Ред.*

продуктов, как и стоимость большой группы всех других товаров, *превышает* их среднюю цену, но вследствие существования земельной собственности не выравнивается в среднюю цену, как это имеет место у указанных других товаров. Таким образом, это последнее воззрение признаёт вместе с теорией монополии, что земельная собственность, как таковая, имеет к ренте непосредственное отношение; вместе с Рикардо оно признаёт дифференциальную ренту; наконец, оно считает, что наличие абсолютной ренты отнюдь не нарушает закона стоимости.

[2) ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТОИМОСТИ РАБОЧИМ ВРЕМЕНЕМ, КАК ОСНОВНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТЕОРИИ РИКАРДО. РИКАРДОВСКИЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ, КАК НЕОБХОДИМАЯ СТУПЕНЬ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ, И ЕГО НЕДОСТАТКИ. НЕПРАВИЛЬНАЯ АРХИТЕКТОНИКА КНИГИ РИКАРДО]

Рикардо исходит из положения о том, что относительные стоимости (или меновые стоимости) товаров определяются *«количеством труда».* (В дальнейшем мы проследим различные значения, в которых Рикардо употребляет слово «стоимость». На этом основана та критика, которой Бейли подвергает теорию Рикардо, и в этом, вместе с тем, заключаются *недостатки* рикардовской трактовки стоимости.) Характер «труда», определяющего стоимость, не подвергается у Рикардо дальнейшему исследованию. Если два товара являются эквивалентами, или эквивалентами в *определенной пропорции,* или, что то же самое, если они *неодинаковы по своей величине,* смотря по тому [524] *количеству «труда»,* которое в них содержится, то ясно, вместе с тем, что по своей *субстанции* — поскольку они меновые стоимости — они одинаковы. Их субстанция есть труд. Поэтому они суть «стоимости». Их величина различна в зависимости от того, содержат ли они больше или меньше этой субстанции. Форма же — особое определение труда, как создающего меновую стоимость, или выражающегося в меновых стоимостях, — *характер* этого труда, у *Рикардо не исследуется.* Рикардо поэтому не понимает связи *этого труда с деньгами,* т. е. не понимает того, что этот труд непременно должен получить свое выражение в виде *денег.* Поэтому он совершенно не понимает, что с определением меновой стоимости товара рабочим временем связано то, что товары в своем развитии неизбежно должны дойти до образования денег. Отсюда его ошибочная теория денег. У него с самого начала речь идет только о *величине стои-*

мости, т. е. о том, что величины товарных стоимостей относятся друг к другу как количества труда, необходимые для производства этих товаров. Из этого исходит Рикардо. Он определенно указывает на А. Смита как на свой исходный пункт (глава 1-я, отдел I)[65].

Метод Рикардо состоит в следующем: Рикардо исходит из определения величины стоимости товара рабочим временем и затем *исследует, противоречат* ли прочие экономические отношения (прочие экономические категории) этому определению стоимости, или в какой мере они модифицируют его. С первого же взгляда очевидна как историческая правомерность такого метода, его научная необходимость в истории политической экономии, так и, вместе с тем, его научная недостаточность, — недостаточность, которая не только проявляется в способе изложения (со стороны формы), но и ведет к ошибочным выводам, так как этот метод перепрыгивает через необходимые посредствующие звенья и пытается *непосредственным* образом доказать совпадение экономических категорий друг с другом.

Исторически этот способ исследования был правомерен и необходим. У А. Смита политическая экономия развилась в некоторую целостность, охватываемая ею область получила до известной степени законченные очертания, так что Сэй мог изложить ее плоско-систематически в школьном учебнике. В период между Смитом и Рикардо появляются лишь исследования по отдельным вопросам — о производительном и непроизводительном труде, о деньгах, о теории народонаселения, о земельной собственности и о налогах. Сам Смит с большой наивностью движется в постоянном противоречии. С одной стороны, он прослеживает внутреннюю связь экономических категорий, или скрытую структуру буржуазной экономической системы. С другой стороны, он ставит рядом с этим связь, как она дана видимым образом в явлениях конкуренции и как она, стало быть, представляется чуждому науке наблюдателю, а равно и человеку, который практически захвачен процессом буржуазного производства и практически заинтересован в нем. Оба эти способа понимания, из которых один проникает во внутреннюю связь буржуазной системы, так сказать в со физиологию, а другой только описывает, каталогизирует, рассказывает и подводит под схематизирующие определения понятий то, что внешне проявляется в жизненном процессе, в том виде, в каком оно проявляется и выступает наружу, — оба эти способа понимания у Смита не только преспокойно уживаются один подле другого, но и переплетаются друг с другом и постоянно друг другу противоречат. У Смита это имеет свое

оправдание (за исключением отдельных специальных исследований — о деньгах), так как его задача была в действительности двоякой. С одной стороны, это была попытка проникнуть во внутреннюю физиологию буржуазного общества; с другой же стороны, Смит стремился: отчасти — впервые описать проявляющиеся внешним образом жизненные формы этого общества, изобразить его внешне проявляющуюся связь, а отчасти — найти еще для этих явлений номенклатуру и соответствующие рассудочные понятия, т. е. отчасти — впервые воспроизвести их в языке и в процессе мышления. Одна работа интересует его в такой же степени, как и другая, и так как обе они протекают независимо друг от друга, то здесь получается совершенно противоречивый способ представления: один взгляд более или менее правильно выражает внутреннюю связь, другой же, — выступающий как столь же правомерный и без всякого внутреннего взаимоотношения с первым способом понимания, без всякой внутренней связи с ним, — выражает *внешне проявляющуюся* связь.

Преемники Смита, в той мере, в какой их взгляды не являются реакцией против него с позиций более старых, уже преодоленных способов понимания, могут беспрепятственно продвигаться вперед в своих специальных исследованиях и рассуждениях и всякий раз рассматривать А. Смита как свою основу, независимо от того, примыкают ли они к эзотерической или к экзотерической части его произведения или же, как это имеет место почти всегда, смешивают ту и другую. Но вот, наконец, среди них появляется Рикардо и кричит науке: «Стой!». Основа, исходный пункт для физиологии буржуазной системы — для понимания ее внутренней органической связи и ее жизненного процесса — есть определение *стоимости рабочим временем.* Из этого Рикардо исходит и заставляет затем науку оставить прежнюю рутину и дать себе отчет в том, насколько остальные категории, развиваемые и выдвигаемые ею, — отношения производства и обмена, — соответствуют или противоречат этой основе, этому исходному пункту; вообще, насколько наука, отражающая, воспроизводящая внешнюю форму проявления процесса, а, стало быть, также и сами эти проявления — соответствуют той основе, на которой покоится внутренняя связь, действительная физиология буржуазного общества, и которая образует исходный пункт науки; дать себе отчет в том, как вообще обстоит дело с этим противоречием между видимым движением системы и ее действительным движением. В этом именно и состоит великое [525] историческое значение Рикардо для науки, и вот почему пошлый Сэй, у ко-

торого он выбил из-под ног почву, излил свое раздражение в фразе:

«Под предлогом расширения ее» (науки) «пределов, ее столкнули в пустоту»[66].

С этой научной заслугой тесно связано то, что Рикардо вскрывает и формулирует экономическую противоположность классов — так, как ее показывает внутренняя связь, — и что в результате этого в политической экономии ухватывается и вскрывается самый корень исторической борьбы и исторического процесса развития. Поэтому *Кэри* — посмотреть позднее соответствующее место — доносит на Рикардо, как на отца коммунизма:

«Система г-на Рикардо — это система раздора... Вся она имеет тенденцию порождать *вражду между классами* и нациями... Его книга — настоящее руководство для демагога, стремящегося к власти посредством аграрных реформ, войны и грабежа» *(H. Carey.* The Past, the Present, and the Future. Philadelphia, 1848, стр. 74—75).

Если, таким образом, с одной стороны, налицо научная правомерность и великая историческая ценность рикардовского способа исследования, то, с другой стороны, ясна и его научная недостаточность, как это будет в деталях показано в дальнейшем.

Отсюда и чрезвычайно странная и по необходимости превратная архитектоника его произведения. Все произведение состоит (в третьем издании) из 32 глав. Из них 14 глав трактуют о *налогах,* стало быть, содержат лишь *применение* теоретических принципов[67]. Глава 20-я — «Стоимость и богатство, их отличительные свойства» — есть не что иное, как исследование различия между потребительной стоимостью и меновой стоимостью; она, стало быть, является дополнением к главе 1-й — «О *стоимости».* Глава 24-я — «Учение А. Смита о земельной ренте», а также глава 28-я — «О сравнительной стоимости золота, хлеба и труда» и т. д. и глава 32-я — «Взгляды г-на Мальтуса на ренту» — представляют собой лишь дополнение к рикардовской теории земельной ренты и отчасти защиту этой теории, т. е. всего лишь приложение к главам 2 и 3-й, трактующим о ренте. Глава 30-я — «О влиянии спроса и предложения на цены» — является только приложением к главе 4-й— «О естественной и рыночной цене». Второе приложение к этой же главе составляет глава 19-я — «О внезапных переменах в ходе торговли». Глава 31-я — «*О машинах»* — есть просто приложение к главам 5 и 6-й: «О заработной плато» и «О прибыли». Глава 7-я — «О внешней торговле» — и глава 25-я —

«О колониальной торговле» — представляют собой, как и главы о налогах, всего лишь применение принципов, выдвинутых в предшествующих главах. Глава 21-я — «Влияние накопления на прибыль и процент» — является приложением *к* главам о земельной ренте, прибыли и заработной плате. Глава 26-я — «О валовом и чистом доходе» — является приложением к главам о заработной плате, прибыли и ренте. Наконец, глава 27-я — *«О денежном обращении и банках»* — стоит в книге совершенно изолированно и представляет собой всего лишь дальнейшее развитие, а отчасти модификацию тех взглядов Рикардо, которые были высказаны в его более ранних сочинениях о деньгах.

Таким образом, теория Рикардо содержится исключительно в первых шести главах его книги. Говоря о неправильной архитектонике последней, я имею в виду именно эту часть. Другая часть (за исключением раздела о деньгах) состоит из практических применений, разъяснений и дополнений, которые по самому характеру своего содержания разбросаны беспорядочным образом и отнюдь не претендуют на какую-либо архитектонику. Что же касается неправильной архитектоники теоретической части (первых шести глав), то она не случайна, а обусловлена самим способом исследования Рикардо и той определенной задачей, которую он поставил перед собой в своем исследовании. Эта архитектоника выражает научную недостаточность самого этого способа исследования.

Первая глава трактует «*о стоимости*». Она распадается в свою очередь на семь отделов. В отделе первом исследуется собственно следующее: *противоречит* ли *заработная плата* определению стоимостей товаров содержащимся в них рабочим временем? В отделе третьем доказывается, что вхождение в стоимость товара того, что я называю постоянным капиталом, *не* противоречит определению стоимости и что повышение или падение заработной платы равным образом не влияет на стоимости товаров. В четвертом отделе исследуется, в какой мере применение машин и другого основного и длительно существующего капитала, — поскольку в различных сферах производства он в разных пропорциях входит в совокупный капитал, — изменяет определение меновых стоимостей рабочим временем. В пятом отделе исследуется, в какой мере повышение или падение заработной платы видоизменяет определение стоимостей рабочим временем, если в различных сферах производства применяются капиталы неодинаковой долговечности и с различным временем оборота. Итак, мы видим, что в этой первой главе предполагается существование не только *товаров,* — а ведь

никаких дальнейших предпосылок не должно быть при рассмотрении стоимости как таковой, — но предполагаются как нечто данное еще и заработная плата, капитал, прибыль, даже, как мы увидим, общая норма прибыли, различные формы капитала в том виде, в каком они проистекают из процесса обращения, а также и различие между «естественной и рыночной ценой», которое в двух следующих главах («О ренте» и «О ренте с рудников») играет даже решающую роль.

Эта глава 2-я *(«О ренте»),* [526] — глава 3-я («О ренте с рудников») является всего лишь дополнением к ней, — в полном соответствии с ходом исследования у Рикардо, открывается опять-таки вопросом: *противоречат* ли земельная собственность и земельная рента определению стоимостей товаров рабочим временем?

«Остается, однако, еще рассмотреть», — так начинает Рикардо главу 2-ю *(«О ренте»),* — «вызывает ли обращение земли в собственность и возникновение вследствие этого ренты какое-либо изменение в относительной стоимости товаров, независимо от необходимого для их производства количества труда» («Principles of Political Economy», 3rd edition, London, 1821, стр. 53) [Русский перевод, том I, стр. 65].

Чтобы выполнить это исследование, Рикардо не только вводит en passant* соотношение между «рыночной ценой» и «действительной ценой» (денежным выражением стоимости), но и предполагает, как нечто данное, все капиталистическое производство и всю свою концепцию соотношения между заработной платой и прибылью. Поэтому и получилось, что то, о чем говорится в главе 4-й («О естественной и рыночной цене»), в главе 5-й («О заработной плате») и в главе 6-й («О прибыли»), не только уже предположено, но и подробно развито в первых двух главах («О стоимости» и «О ренте»), а также в главе 3-й, представляющей собой приложение к главе 2-й. В следующих трех главах, поскольку они вообще дают что-нибудь *теоретически* новое, лишь там и сям восполняются пробелы, вводятся дополнительно более точные определения, которые большей частью должны были бы по праву найти себе место уже в 1 и 2-й главах.

Таким образом, все произведение Рикардо содержится в его первых двух главах. В них развитые буржуазные производственные отношения, а стало быть также и развитые категории политической экономии, поставлены на очную ставку с их принципом, с определением стоимости, и подвергнуты допросу на предмет выяснения того, в какой мере они непосредственно соответствуют этому принципу, или для выяснения того, как обстоит дело с теми кажущимися отклонениями, которые они

* — мимоходом. *Ред.*

вносят в стоимостное отношение товаров. Эти дне главы книги Рикардо содержат всю его критику предшествующей политической экономии, решительный разрыв с присущим А. Смиту и пронизывающим все его произведение противоречием между эзотерическим и экзотерическим способом рассмотрения и благодаря этой критике дают вместе с тем некоторые совершенно новые и поразительные результаты. Отсюда то высокое теоретическое наслаждение, которое доставляют эти две первые главы. так как они кратко и сжато дают критику старых представлений, растекавшихся вширь и заводивших в тупики, и изображают всю буржуазную экономическую систему как подчиненную одному основному закону, выделяя и концентрируя самое существенное в разрозненных и многообразных явлениях. Но то теоретическое удовлетворение, которое доставляют эти две первые главы благодаря их оригинальности, единству основного воззрения, простоте, концентрированности, глубине, новизне и многообъемлющей сжатости изложения, неизбежно исчезает при дальнейшем чтении книги. Местами и здесь нас пленяет оригинальность отдельных рассуждений. Но в целом изложение вызывает утомление и скуку. Дальнейший ход изложения уже не является дальнейшим развитием мысли. Там, где изложение не заключается в монотонном формальном применении одних и тех же принципов к разнородному, по внешним признакам притянутому материалу или в полемическом отстаивании этих принципов, оно только содержит либо повторения, либо дополнения; в лучшем случае в последних частях книги там и сям делается тот или иной поразительный вывод.

В нашей критике Рикардо мы должны различать то, чего сам он не различал. [Во-первых,] его *теорию прибавочной стоимости,* — эта теория, конечно, имеется у Рикардо, хотя он и не фиксирует *прибавочную стоимость* в ее отличии от ее особых форм: прибыли, ренты, процента. Во-вторых, его *теорию прибыли.* Мы начнем с анализа рикардовской трактовки прибыли, хотя место ему не в этом отделе, а в историческом приложении к *отделу III*[68].

[3) ПУТАНИЦА У РИКАРДО В ВОПРОСЕ ОБ АБСОЛЮТНОЙ И ОТНОСИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ. НЕПОНИМАНИЕ ИМ ФОРМЫ СТОИМОСТИ]

Предварительно еще несколько замечаний о том, как Рикардо беспорядочно смешивает друг с другом [различные] определения «стоимости». На этом основывается полемика Бейли против Рикардо. Но это важно и для нас.

Сначала Рикардо называет стоимость *«меновой стоимостью»* и вместе с А. Смитом определяет ее как *«способность покупать другие блага»* («Principles», стр. 1) [Русский перевод, том I, стр. 33]. Это — меновая стоимость в том виде, в каком она прежде всего *выступает в явлении.* Но затем он переходит к действительному определению стоимости:

«Относительная стоимость товаров, существующая в настоящем или же прошедшая, определяется тем сравнительным количеством товаров, которое производится трудом» (там же, стр. 9) [Русский перевод, том I, стр. 38].

«Относительной стоимостью» здесь называется но что иное, как меновая стоимость, определяемая рабочим временем. Но *относительная стоимость* может иметь также и другой смысл, а именно — поскольку меновую стоимость одного товара я выражаю в потребительной стоимости другого, например меновую стоимость сахара — в потребительной стоимости кофе.

«Относительная стоимость двух товаров изменяется, и мы хотим знать, в каком из них произошло *изменение»* (там же, стр. 9) [Русский перевод, том I, стр. 38].

Какое изменение? Эту «относительную стоимость» Рикардо в дальнейшем называет также *«сравнительной стоимостью»* (там же, стр. 448 и сл.) [Русский перевод, том I, стр. 306 и сл.]. Мы хотим знать, в каком товаре произошло «изменение», т. е. мы хотим определить изменение той «стоимости», которая выше именовалась относительной стоимостью. Например, 1 фунт сахара = 2 фунтам кофе. Позже 1 фунт сахара = 4 фунтам кофе. «Изменение», которое мы хотим узнать, заключается в следующем: изменяется ли *«необходимое рабочее время»* для сахара или же для кофе, стоит ли теперь сахар вдвое большего количества рабочего времени, чем прежде, или же кофе стоит вдвое меньшего его количества, чем прежде, и какое из этих «изменений» в рабочем времени, соответственно необходимом для производства этих товаров, вызвало это изменение в их *меновом соотношении.* Таким образом, эта «относительная, или сравнительная, стоимость» сахара или кофе, — то соотношение, в котором они обмениваются, — отличается от относительной стоимости в первом смысле. Относительная стоимость сахара в ее первом смысле определяется той массой сахара, которая [527] может быть произведена в течение определенного рабочего времени. Во втором случае относительная стоимость сахара [и кофе] выражает то соотношение, в котором они обмениваются друг на друга, а изменения в этом соотношении могут проистекать из того, что «относительная стоимость» в первом

смысле изменилась для кофе или для сахара. То соотношение, в котором они обмениваются друг на друга, может остаться *тем же самым,* хотя их «относительные стоимости» в первом смысле изменились. 1 фунт сахара по-прежнему может равняться 2 фунтам кофе, хотя рабочее время, необходимое для производства сахара и кофе, увеличилось вдвое или уменьшилось наполовину. *Изменения* в их *сравнительной стоимости,* т. е. в том случае, когда меновая стоимость сахара выражается в кофе и наоборот, обнаружатся только тогда, если их *относительные стоимости* в первом смысле, т. е. стоимости, определяемые количеством труда, *изменились не в одинаковой мере* — следовательно, если произошло изменение в их *соотношении.* Абсолютные изменения, если они не меняют первоначального соотношения, т. е. если они одинаковы по своей величине и происходят в одном и том же направлении, не вызовут никакого изменения в сравнительных стоимостях этих товаров, а также и в их *денежных ценах,* так как стоимость денег, если она изменяется, изменяется в одинаковой мере для них обоих. Поэтому, выражаю ли я стоимость каждого из двух товаров в потребительной стоимости другого из них или в их денежной цене, представляя обе стоимости в потребительной стоимости третьего товара, — эти *относительные,* или *сравнительные,* стоимости, или цены, остаются теми же, и их изменения следует отличать от изменений их *относительных стоимостей* в первом смысле, т. е. поскольку они выражают исключительно лишь изменение количества рабочего времени, необходимого для их *собственного* производства, т. е. *овеществленного в них самих.* Эта последняя *относительная стоимость* выступает, стало быть, как *«абсолютная стоимостью»* в сравнении с относительными стоимостями во втором смысле, в смысле реального выражения меновой стоимости одного товара в потребительной стоимости другого или в деньгах. Поэтому-то у Рикардо для обозначения «относительной стоимости» в первом смысле и встречается выражение *«абсолютная стоимость».*

Если в вышеприведенном примере 1 фунт сахара по-прежнему стоит такого же количества рабочего времени, как и раньше, то его «относительная стоимость» в первом смысле не изменилась. Если же кофе стоит вдвое меньшего количества труда, то стоимость сахара, выраженная в кофе, изменилась, так как изменилась «относительная стоимость» кофе в первом ее смысле. Таким образом, относительные стоимости сахара и кофе выступают как отличающиеся от их «абсолютных стоимостей», и это различие обнаруживается потому, что и сравнительная стоимость, например, сахара не изменилась по сравне-

нию с теми товарами, абсолютные стоимости которых остались *без изменения.*

«Исследование, к которому я хочу привлечь внимание читателя, касается влияния *изменений относительной,* а не *абсолютной стоимости товаров»* (там же, стр. 15) [Русский перевод, том I, стр. 41].

Эту «абсолютную» стоимость Рикардо в других случаях называет также «действительной стоимостью» или просто *«стоимостью»* (например, на стр. 16) [Русский перевод, том I, стр. 42].

Смотри полемику Бейли против Рикардо в книге: «A Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value; chiefly in reference to the Writings of Mr. Ricardo and his Followers. By the Author of Essays on the Formation and Publication of Opinions», London, 1825 (см. также того же автора: «A Letter to a Political Economist; occasioned by an article in the Westminster Review» etc., London, 1826). Вся полемика Бейли вращается частью вокруг этих различных моментов в определении понятия стоимости, которые у Рикардо не развиты, а только фактически наличествуют и смешиваются друг с другом и в которых Бейли находит лишь «противоречия». Во-вторых, она направлена против «абсолютной стоимости», или «действительной стоимости», в отличие от *сравнительной стоимости* (или относительной стоимости во втором смысле).

«Вместо того чтобы рассматривать стоимость как отношение между двумя вещами», — говорит Бейли в первом из названных произведений, — «они» (Рикардо и его последователи) «смотрят на нее как на положительный результат, произведенный определенным количеством труда» (назв. соч., стр. 30). Они рассматривают «стоимость как нечто внутреннее и абсолютное» (там же, стр. 8).

Последний упрек вызван недостатками в трактовке проблемы у Рикардо, так как он совсем не исследует стоимость со стороны формы, — той определенной формы, которую принимает труд как субстанция стоимости, — а исследует только величины стоимости, т. е. те или иные количества этого абстрактно-всеобщего и, в этой форме, общественного труда, которые обусловливают различие в *величинах стоимости* товаров. В противном случае Бейли увидел бы, что относительность понятия стоимости отнюдь не уничтожается тем, что все товары, поскольку они меновые стоимости, суть не что иное, как *относительные* выражения общественного труда, общественного рабочего времени, и ему стало бы ясно, что их относительность состоит отнюдь не только в том соотношении, в котором товары обмениваются друг на друга, но и в отношении всех меновых

стоимостей к этому общественному труду как к своей субстанции.

Наоборот, как мы увидим дальше, Рикардо следует упрекнуть скорее в том, что он очень часто забывает эту «действительную стоимость», или «абсолютную стоимость», и имеет в виду только «относительную стоимость», или «сравнительную стоимость».

[528] Итак:

[4)] ТРАКТОВКА ПРИБЫЛИ, НОРМЫ ПРИБЫЛИ, СРЕДНИХ ЦЕН И Т. Д. У РИКАРДО

[a) СМЕШЕНИЕ У РИКАРДО ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА С ОСНОВНЫМ И ПЕРЕМЕННОГО КАПИТАЛА С ОБОРОТНЫМ. НЕПРАВИЛЬНАЯ ПОСТАНОВКА ВОПРОСА ОБ ИЗМЕНЕНИИ «ОТНОСИТЕЛЬНЫХ СТОИМОСТЕЙ» И ЕГО ФАКТОРАХ]

В III отделе 1-й главы Рикардо развивает следующую мысль: если мы говорим, что стоимость товара определяется рабочим временем, то это распространяется как на тот труд, который был затрачен в последнем процессе труда непосредственно на производство данного товара, так и на то рабочее время, которое было затрачено на сырой материал и средства труда, необходимые для производства этого товара; это распространяется, следовательно, не только на рабочее время, содержащееся во вновь присоединенном, оплаченном заработной платой, купленном труде, но также и на рабочее время, содержащееся в той части товара, которую я называю постоянным капиталом. Недостатки рикардовской трактовки этого вопроса обнаруживаются уже в заголовке этого отдела III главы 1-й. Он гласит:

«На стоимость товара влияет не только труд, непосредственно затраченный на производство товара, но также и труд, затраченный на орудия, инструменты и здания, способствующие этому труду» (стр. 16) [Русский перевод, том I, стр. 42].

Здесь пропущен сырой материал, а между тем труд, затраченный на сырой материал, точно так же отличается от «труда, непосредственно затраченного на производство товара», как и труд, затраченный на средства труда — «орудия, инструменты и здания». Но у Рикардо в голове уже следующий отдел. В III отделе он предполагает, что примененные средства труда входят в производство различных товаров *одинаковыми составными частями стоимости.* В следующем же отделе рассматривается различие, проистекающее из того, что основной капитал входит в производство в *различных пропорциях.* Поэтому Ри-

кардо и не приходит к понятию *постоянного капитала,* одна часть которого состоит из основного капитала, а другая — сырье и вспомогательные материалы — из оборотного капитала, точно так же как *оборотный* капитал не только включает в себя переменный капитал, но охватывает и сырье и пр., а также все те жизненные средства, которые входят в *потребление вообще*[69] (а не только в потребление рабочих).

Та пропорция, в которой постоянный капитал входит в товар, влияет не на *стоимости* товаров, не на относительные количества труда, содержащиеся в товарах, а непосредственно влияет на различные количества *прибавочной стоимости* или *прибавочного труда,* заключающиеся в товарах, содержащих одинаковое количество рабочего времени. Эта различная пропорция приводит поэтому к отличающимся от стоимостей *средним ценам.*

Относительно отделов IV и V главы 1-й следует прежде всего заметить, что вместо того чтобы заняться в высшей степени важным и влияющим на *непосредственное производство прибавочной стоимости* различием в пропорции, в какой постоянный и переменный капитал образуют составные части одинаковой массы капитала в различных сферах производства, Рикардо занимается исключительно только теми различиями в форме капитала и в пропорциональных долях, приходящихся на ту или иную форму в составе капиталов одинаковой величины, — *теми различиями формы,* которые проистекают *из процесса обращения капитала:* основной и оборотный капитал, капитал в большей или меньшей мере основной (т. е. основной капитал различной долговечности) и неодинаковая быстрота обращения или оборотов капитала. И при этом Рикардо ведет. свое исследование таким способом: он предполагает как нечто данное *общую норму прибыли,* или *среднюю прибыль одинаковой величины* для различных равновеликих вложений капитала или для различных сфер производства, в которых применяются равновеликие капиталы, или, что то же самое, он предполагает заранее, что прибыль пропорциональна *величине* применяемых в различных сферах производства капиталов. Вместо того чтобы *заранее предполагать* эту *общую норму прибыли,* Рикардо, наоборот, должен был бы исследовать, в какой мере вообще ее *существование* соответствует определению стоимостей рабочим временем, и тогда он нашел бы, что, вместо того чтобы соответствовать этому определению, она prima facie[*] ему *противоречит,* что, следовательно, ее существование надлежит еще вывести [entwickeln] при помощи целого ряда посредствующих

[*] — на первый взгляд. *Ред.*

звеньев, — выведение, весьма отличное от простого подведения под закон стоимости. Рикардо тогда получил бы вообще совсем иное представление о природе прибыли и не отождествил бы последнюю непосредственно с прибавочной стоимостью.

Сделав заранее *это предположение,* Рикардо задает себе затем вопрос: как повлияет на *«относительные стоимости»* повышение или падение заработной платы, если основной и оборотный капиталы входят в производство в различных пропорциях? Или, вернее сказать, *он воображает,* что рассматривает вопрос именно так. На деле же он рассматривает его совершенно иначе. Он рассматривает вопрос следующим образом: он спрашивает себя, как будет действовать повышение или падение заработной платы на *прибыль,* получаемую *соответственно* с таких капиталов, время оборота которых различно и в которых различные формы капитала содержатся в различных пропорциях. И тут он, естественно, находит, что в зависимости от того, входит ли много или мало основного капитала и т. д., повышение или падение заработной платы должно весьма различно влиять на капиталы, смотря по тому, состоит ли большая или меньшая часть последних из переменного капитала, т. е. из капитала, непосредственно затрачиваемого на заработную плату. Следовательно, для того чтобы снова выравнить прибыли в различных [529] сферах производства, иными словами, чтобы восстановить *общую норму прибыли,* цены товаров — в отличие от их *стоимостей* — должны регулироваться по-разному. *Значит,* — заключает он далее, — при повышении или падении заработной платы указанные различия влияют на «относительные стоимости». Он должен был бы сказать наоборот: хотя эти различия нисколько не касаются стоимостей самих по себе, они, благодаря своему неодинаковому влиянию на прибыли в различных сферах, создают отличающиеся от самих стоимостей средние цены, или, как мы будем говорить, *цены издержек,* которые определяются не прямо стоимостями товаров, а авансированным на эти товары капиталом плюс средняя прибыль. Следовательно, Рикардо должен был бы сказать: эти средние *цены издержек* отличны от *стоимостей* товаров. Вместо этого он заключает, что они *тождественны,* и с этой *ошибочной* предпосылкой переходит к рассмотрению земельной ренты.

Точно так же Рикардо заблуждается, полагая, что только исследуемые им три случая впервые приводят его к таким «изменениям» в «относительных стоимостях», которые происходят независимо от содержащегося в товарах рабочего времени, следовательно, на деле к различию между ценами издержек

и стоимостями товаров. Это *различие* он уже *допустил,* предположив *общую норму прибыли,* т. е. предположив, что, несмотря на различные соотношения между органическими составными частями капиталов, последние приносят прибыль, пропорциональную их *величине,* тогда как приносимая ими прибавочная стоимость полностью определяется количеством неоплаченного рабочего времени, которое они поглощают и которое, при данной заработной плате, всецело зависит от размеров затраченной на заработную плату части капитала, а не от абсолютной величины капитала.

На деле мы имеем у Рикардо следующее: предположив *отличающиеся* от стоимостей товаров цены издержек, — а с допущением *общей нормы прибыли* это различие уже предположено, — Рикардо исследует, как эти цены издержек (которые теперь для разнообразия называются «относительными стоимостями») сами в свою очередь взаимно, в отношении друг к другу, модифицируются в результате повышения или падения заработной платы и при различных соотношениях между органическими составными частями капитала. При более глубоком проникновении в дело Рикардо нашел бы, что одно уже существование *общей нормы прибыли,* — при различиях в органических составных частях капитала, которые сперва, в непосредственном процессе производства, выступают как различие между переменным и постоянным капиталом, а затем еще больше увеличиваются благодаря различиям, проистекающим из процесса обращения, — обусловливает отличающиеся от *стоимостей цены издержек,* даже если предположить, что *заработная плата остается неизменной.* Другими словами, Рикардо нашел бы, что одно уже существование *общей нормы прибыли* обусловливает различие, *совершенно не зависящее* от повышения или падения заработной платы, и новое определение формы. Рикардо увидел бы также, что понимание этого различия имеет для теории в целом несравненно более важное и решающее значение, чем его анализ тех изменений в *ценах издержек* товаров, которые вызываются повышением или падением заработной платы. Вывод, которым он удовлетворяется, — а удовлетворенность этим выводом соответствует всему характеру его исследования, — состоит в следующем: если оговорить и учесть те *изменения в ценах издержек* (или, как он выражается, в «относительных стоимостях») товаров, которые, при различном органическом строении капиталов, вложенных в различные сферы, вытекают из изменений заработной платы, из ее повышения или падения, — то закон остается верным: здесь нет *противоречия* закону определения «относительных стоимостей» товаров

рабочим временем, ибо все другие более чем мимолетные изменения в ценах издержек товаров могут быть объяснены лишь изменением в количестве рабочего времени, соответственно необходимом для производства этих товаров.

Напротив, как большую заслугу следует рассматривать то, что различия между основным и оборотным капиталом Рикардо сопоставляет с различиями во времени оборота капитала и все эти различия выводит из различного времени *обращения* — следовательно, на деле из *времени обращения капитала,* или *времени воспроизводства капитала.*

Мы рассмотрим сперва самые эти различия в той мере, в какой Рикардо изображает их прежде всего в отделе IV (главы 1-й), а затем уже тот способ, каким они в его изображении действуют, вызывая изменения в «относительных стоимостях».

1) «В любом состоянии общества орудия, инструменты, здания и машины, употребляемые в различных отраслях, могут иметь *различную степень долговечности* и требовать *для своего производства различных количеств труда»* (цит. соч., стр. 25) [Русский перевод, том I, стр. 49].

Что касается «различных количеств труда, требуемых для их производства», то это может означать, — и, по-видимому, только это имеет в виду здесь Рикардо, — что менее долговечные орудия требуют отчасти для своего ремонта, отчасти для своего воспроизводства *большего количества* труда (повторяющегося непосредственного труда), или же это может также означать, что машины и т. д. *одинаковой степени долговечности* могут быть более или менее дороги, могут быть продуктом большего или меньшего количества труда. Эта последняя точка зрения, важная для понимания соотношения между переменным и постоянным капиталом, не имеет никакого отношения к рассматриваемому у Рикардо вопросу, а потому нигде и не принимается им как самостоятельная точка зрения.

[530] 2) «Точно так же капитал, предназначенный для содержания труда» (переменный капитал), «и капитал, вложенный в орудия, машины и здания» (основной капитал), «могут *комбинироваться* в *различных* соотношениях между собой». Мы имеем, таким образом, «различие в *степени долговечности основного капитала* и разнообразие соотношений, в каких *могут комбинироваться оба вида капитала»* (стр. 25) [Русский перевод, том I, стр. 49].

Сразу видно, почему Рикардо не интересует та часть постоянного капитала, которая существует в качестве сырого материала. Последний сам принадлежит к оборотному капиталу. Если заработная плата повышается, то это не вызывает *увеличения расходов* для той части капитала, которая состоит из машин и не требует *замещения,* а продолжает существовать,

но это вызывает увеличение расходов для той части, которая состоит из *сырого материала,* так как последний должен постоянно пополняться, а значит, и постоянно воспроизводиться.

«Пища и одежда, потребляемые рабочим, здание, в котором он работает, орудия, содействующие его труду, — все это имеет *преходящий характер.* Но существует большая разница в том времени, в продолжение которого все эти различные капиталы будут служить... В зависимости от того, быстро ли уничтожается капитал и *часто* ли он требует *воспроизведения* или же потребляется медленно, он причисляется или к оборотному или к основному капиталу» (стр. 26) [Русский перевод, том I, стр. 49].

Таким образом, здесь различие между основным и оборотным капиталом сводится к различию во *времени воспроизводства* (совпадающем с временем обращения).

3) «Следует также отметить, что оборотный капитал может оборачиваться, или возвращаться к своему хозяину, в весьма неодинаковые промежутки времени. Пшеница, купленная фермером для посева*, представляет собой основной капитал по сравнению с пшеницей, купленной булочником для изготовления хлеба. Один оставляет ее в земле и не может получить обратно раньше чем через год; другой может перемолоть ее в муку и продать в виде хлеба своим покупателям, в результате чего спустя неделю его капитал высвободится для возобновления того же самого дела или для того, чтобы начать какое-нибудь новое дело» (стр. 26—27) [Русский перевод, том I, стр. 50].

Отчего происходит *это* различие во времени обращения различных оборотных капиталов? Оттого, что один и тот же капитал в одном случае дольше задерживается в *сфере производства в собственном смысле,* хотя *процесс труда* не продолжается в течение всего этого времени. Так обстоит дело с вином, которое оставляется в погребе, чтобы оно достигло зрелости, с известными химическими процессами при дублении кож, при окрашивании и т. д.

«Так, две отрасли хозяйства могут применять *капитал одинаковой величины;* но капитал этот может самым различным образом подразделяться на основной и оборотный капитал» (стр. 27) [Русский перевод, том I, стр. 50].

4) «Далее, два фабриканта могут применять основной и оборотный капитал одной и той же величины; но *долговечность их основных капиталов»* (следовательно, и время их воспроизводства) «может быть весьма различной. Один может иметь паровые машины стоимостью в 10000 ф. ст., другой — корабли такой же стоимости» (стр. 27—28) [Русский перевод, том I, стр. 50].

«Различные степени долговечности... капиталов, или, что то же самое, ... различия во *времени, которое должно пройти,* прежде чем на рынок

* Здесь г-н Родбертус может убедиться, что семена в Англии «покупаются».

сможет поступить партия тех или иных товаров» (стр. 30) [Русский перевод, том I, стр. 51].

5) «Едва ли нужно говорить о том, что товары, *на производство которых затрачено одинаковое количество труда,* будут отличаться друг от друга по меновой стоимости, если они не могут *поступить на рынок в одинаковый промежуток времени»* (стр. 34) [Русский перевод, том I, стр. 54].

Итак, мы имеем: 1) различие в соотношении между основным и оборотным капиталом; 2) различие в обращении *оборотного* капитала вследствие перерыва в процессе труда, в то время как процесс производства продолжается; 3) различие в *долговечности* основного капитала; 4) различие в отношении того, сколько времени вообще (без учета перерывов в рабочем времени, независимо от различия между временем производства и рабочим временем[70]) товар подвергается процессу труда, прежде чем он может вступить в процесс обращения в собственном смысле. Последний случай Рикардо изображает так:

«Предположим, что я занимаю в продолжение года для производства какого-нибудь товара 20 рабочих с затратой на них 1000 ф. ст. и по истечении года снова занимаю 20 рабочих в продолжение следующего года, вновь затрачивая на них 1000 ф. ст., для окончательной отделки или более совершенной обработки того же товара — и в конце второго года доставляю товар на рынок. Если *прибыль составляет 10%,* мой товар должен быть продан за 2310 ф. ст., потому что в течение первого года я применял 1000 ф. ст. капитала, а в течение следующего года — 2100 ф. ст. капитала. Другой человек применяет точно такое же количество труда, но он применяет его целиком в течение первого года; он занимает 40 рабочих, затрачивая на них 2000 ф. ст., и в конце первого года продает свой товар с 10%-й прибылью, т. е. за 2200 ф. ст. Таким образом, здесь мы имеем два товара, *на которые затрачено совершенно одинаковое количество труда* и из которых один продается за 2 310, а другой — за 2200 ф. ст.» (стр. 34) [Русский перевод, том I, стр. 54].

[531] Но как же это различие — в степени ли долговечности основного капитала или во времени обращения оборотного капитала или в тех соотношениях, в которых комбинируются между собой оба эти вида капитала, или, наконец, во времени, какое требуется [для поступления на рынок] различным товарам, на которые затрачено одинаковое количество труда, — как же это различие вызывает изменение в *относительных стоимостях* этих товаров? Рикардо сначала говорит, что это происходит вследствие того, что

«это различие... и *разнообразие соотношений»* и т. д. *«вводят другую причину* изменения относительных стоимостей товаров помимо большего или меньшего количества труда, необходимого для их производства: *эта причина есть повышение или падение стоимости труда»* (стр. 25—26) [Русский перевод, том I, стр. 49].

А как это доказывается?

«Повышение заработной платы по необходимости должно оказывать неодинаковое воздействие на *товары,* производимые при столь различных условиях» (стр. 27) [Русский перевод, том I, стр. 50],

а именно, там, где — при применении капиталов *одинаковых размеров* в *различных* отраслях хозяйства — один капитал состоит главным образом из основного капитала и только в незначительной части из капитала, «затрачиваемого на содержание труда», в то время как у другого капитала дело обстоит как раз наоборот. Прежде всего, нелепо говорить о воздействии на «товары». Рикардо имеет в виду их *стоимости.* Но в какой мере стоимости подвергаются воздействию со стороны этих обстоятельств? Ни в какой! Что подвергается воздействию, так это в обоих случаях — прибыль. Например, человек, затрачивающий в виде переменного капитала только $^1/_5$ своего капитала, при одинаковой заработной плате и одинаковой норме прибавочного труда, может произвести на 100, — если норма прибавочной стоимости равна 20%, — только 4 единицы прибавочной стоимости; другой же, затративший в виде переменного капитала $^4/_5$ своего капитала, произведет 16 единиц прибавочной стоимости. Ибо в первом случае капитал, затраченный на заработную плату, равен $^{100}/_5$, т. е. 20, а $^1/_5$ (или 20%) от двадцати будет 4. Во втором же случае капитал, затраченный на заработную плату, равен $^4/_5 \times 100$, т. е. 80. А $^1/_5$ (или 20%) от восьмидесяти будет 16. В первом случае прибыль была бы равна 4, а во втором 16. Средняя прибыль для обоих капиталов была бы $\frac{16+4}{2}$, или $^{20}/_2$, т. е. 10%. Это, собственно, и есть тот случай, о котором говорит Рикардо. Таким образом, если бы оба предпринимателя продавали по ценам издержек, — а это и *предполагает* Рикардо, — то каждый из них продавал бы свой товар за 110. Предположим теперь, что заработная плата повышается, например, на 20% своей прежней суммы. Раньше один рабочий обходился предпринимателю в 1 ф. ст., а теперь он обходится в 1 ф. ст. 4 шилл., или 24 шилл. Первый из этих двух предпринимателей по-прежнему должен затрачивать в виде постоянного капитала 80 ф. ст. (так как Рикардо здесь отвлекается от материала труда, то и мы можем сделать то же), а на оплату 20 рабочих, которых он применяет, он затратит сверх 20 ф. ст. еще 80 шилл., т. е. на 4 ф. ст. больше. Таким образом,

его капитал должен теперь равняться 104 ф. ст. И на его долю из 110 ф. ст. достанется только 6 ф. ст. прибыли, так как рабочие произвели для него вместо большей прибавочной стоимости меньшую прибавочную стоимость. 6 ф. ст. на 104 составляют $5^{10}/_{13}$%. Напротив, другой предприниматель, который применяет 80 рабочих, должен был бы платить на 320 шилл., т. е. на 16 ф. ст., больше. Ему пришлось бы, следовательно, затратить 116 ф. ст. И если бы он был вынужден продавать свой товар за 110, то он имел бы, вместо прибыли, убыток в 6 ф. ст. Но этот случай имеет место только потому, что средняя прибыль уже модифицировала отношение между затратой данного предпринимателя на труд и произведенной в его собственном предприятии прибавочной стоимостью.

Таким образом, вместо исследования важного вопроса о том, какие должны произойти изменения, чтобы один предприниматель, затрачивающий на заработную плату 80 ф. ст. из 100, не получал прибыли в четыре раза большей, чем другой, затрачивающий на заработную плату только 20 ф. ст. из 100, Рикардо исследует побочный вопрос о том, как это происходит, что после того как была выравнена эта значительная разница, — стало быть, при данной норме прибыли, — всякое изменение этой нормы прибыли, например вследствие повышения заработной платы, гораздо больше затрагивает того предпринимателя, который при капитале в 100 ф. ст. применяет много рабочих, чем другого, который при капитале в 100 ф. ст. применяет мало рабочих, и что поэтому — при одинаковой норме прибыли — цены товаров, или *цены издержек,* у одного должны повышаться, а у другого — падать, чтобы норма прибыли и дальше оставалась одинаковой.

Первая иллюстрация, которую дает Рикардо, не имеет абсолютно никакого отношения к *«повышению стоимости труда»,* хотя он предварительно и возвестил нам, что именно от этой причины должно происходить все изменение в «относительных стоимостях». Иллюстрация эта такова:

«Предположим, что два лица применяют в течение года по сто рабочих для сооружения двух машин, а третье лицо применяет такое же количество рабочих для производства хлеба; в конце года каждая из машин будет иметь такую же стоимость, как и хлеб, потому что каждый из всех этих трех товаров будет произведен одним и тем же количеством труда. Предположим теперь, что один из владельцев машин употребит свою машину в следующем году на производство сукна с помощью ста рабочих, а другой использует свою машину для изготовления ситца, тоже с помощью ста рабочих, тогда как фермер продолжает по-прежнему применять 100 рабочих для производства хлеба. Во втором году все они будут применять одинаковое количество труда»

{т. е. они затратят одинаковый капитал на заработную плату, но отнюдь не будут применять *одинакового количества труда*},

«но продукты фабриканта сукна вместе с его машиной [532] и продукты фабриканта ситца, также вместе с его машиной, будут результатом годового труда двухсот рабочих, или, вернее, труда ста рабочих в течение двух лет, тогда как хлеб будет результатом труда ста рабочих в течение одного года; следовательно, если хлеб имеет стоимость в 500 ф. ст., то машина и сукно фабриканта сукна должны стоить вместе 1000 ф. ст.; *и точно так же* машина и ситец фабриканта ситца *должны иметь стоимость, вдвое превышающую стоимость хлеба.* Но *они будут превышать стоимость хлеба более чем вдвое,* ибо *прибыль на капитал фабриканта сукна и фабриканта ситца за первый год была присоединена к их капиталам,* тогда как фермер свою прибыль израсходовал на свои личные нужды и удовольствия. Таким образом, вследствие *различной степени долговечности их капиталов,* или, что то же самое, вследствие *различия во времени, которое должно пройти,* прежде чем на рынок сможет поступить партия тех или иных товаров, стоимости этих товаров будут не вполне точно *пропорциональны затраченным на них количествам труда.* В данном случае отношение стоимостей будет не 2:1, а несколько больше, *чтобы получилась компенсация за более продолжительное время, которое должно пройти, прежде чем более дорогой из товаров сможет поступить на рынок.* Предположим, что за труд каждого рабочего уплачивается 50 ф. ст. в год, или что употреблен капитал в 5000 ф. ст., а *прибыль составляет 10%,* тогда стоимость каждой из машин, а также и стоимость хлеба, составит в конце первого года 5500 ф. ст. В течение второго года как фабриканты, так и фермер опять затратят каждый по 5000 ф. ст. на содержание труда и поэтому они снова продадут свои продукты за 5500 ф. ст. Но для того, чтобы *остаться в равных условиях с фермером,* оба фабриканта, применяющие машины, должны получить не только 5500 ф. ст. за одинаковый с фермером капитал в 5000 ф. ст., затраченный ими на труд, но еще добавочную *сумму в 550 ф. ст. как прибыль на те 5500 ф. ст., которые они вложили в машины,* и, *следовательно»* (потому именно, что *одинаковая кодовая норма прибыли в 10% предполагается* как необходимость и закон), «их продукты должны *быть проданы за 6050 ф. ст.*».

{Таким образом, в результате средней прибыли — той *общей нормы прибыли,* которую Рикардо *заранее предполагает,* — возникаю» *отличающиеся* от стоимостей товаров *средние цены,* или *цены издержек.*}

«Здесь, следовательно, мы имеем перед собой капиталистов, применяющих в течение года совершенно одинаковое количество труда для производства своих товаров, и тем не менее производимые ими товары различаются по своей стоимости вследствие того, что неодинаковы количества применяемого каждым из них основного капитала, или накопленного труда».

{Не вследствие этого, а вследствие того, что все эти негодяи одержимы навязчивой идеей*, что каждый из них должен

* Игра слов: «fixed capital» — «основной капитал», «fixed idea» — «навязчивая идея»). *Ред.*

получить одинаковую добычу в результате той «поддержки, которую они оказали труду», или что их товары, какова бы ни была их *стоимость,* должны продаваться по *средним ценам,* которые каждому из них доставляют одинаковую норму прибыли.}

«Сукно и ситец имеют одинаковую стоимость, так как они — продукты одинаковых количеств труда и одинаковых количеств основного капитала; но хлеб не имеет *одинаковой стоимости»* {надо было сказать: цены издержек} «с этими товарами, *потому что, поскольку дело касается основного капитала, хлеб производится при иных условиях»* (стр. 29—31) [Русский перевод, том I, стр. 51—52].

Этот в высшей степени неуклюжий и столь запутанный пример Рикардо дает для иллюстрации в высшей степени простои вещи — вместо того чтобы сказать просто: так как равновеликие капиталы, каково бы ни было соотношение между их органическими частями или каково бы ни было время их обращения, приносят *равновеликие прибыли,* что невозможно, если товары продаются по *их стоимостям* и т. д., то существуют отличающиеся от этих стоимостей *цены издержек* товаров. И притом это уже содержится в понятии *общей нормы прибыли.*

Разберем этот сложный пример и сведем его к его отнюдь не «сложным» истинным размерам. Начнем при этом с конца и сразу же, для более ясного понимания вопроса, отметим, что, согласно «предположениям» Рикардо, фермеру и хлопчатобумажному молодчику сырой материал ничего не стоит; что фермер, далее, не затрачивает никакого капитала на орудия труда; что, наконец, ни одна часть основного капитала, вложенного хлопчатобумажным псом, не входит в его продукт в качестве возмещения износа. Хотя все эти предположения нелепы, однако сами по себе они нисколько не мешают иллюстрации.

При всех этих предположениях пример, приводимый Рикардо, если начать с конца, таков: фермер затрачивает 5000 ф. ст. на заработную плату; хлопчатобумажная каналья затрачивает 5000 на заработную плату и 5500 — на машины. Следовательно, первый затрачивает 5000 ф. ст., а второй — 10500, т. е. [533] вдвое больше первого. Если тот и другой должны получать 10% прибыли, то фермер должен продать свой товар за 5500, а хлопчатобумажный молодчик — за 6050 ф. ст. (так как предполагается, что из 5500, вложенных в машины, ни одна доля не образует составной части стоимости продукта в качестве возмещения износа машин). Абсолютно нельзя понять, что Рикардо уяснил себе этим кроме того, что цены издержек товаров, поскольку они определяются стоимостью содержащихся в товарах авансов плюс один и тот же

годовой процент прибыли, *отличаются* от стоимостей товаров и что это различие проистекает из факта продажи товаров по таким ценам, которые приносят одну и ту же *норму прибыли* на авансированный капитал; что это различие между *ценами издержек* и *стоимостями,* короче говоря, тождественно с *общей нормой прибыли.* Даже различие между основным и оборотным капиталом, которое Рикардо здесь вводит, является в этом примере чистой уверткой. Ведь если бы, например, те добавочные 5500 ф. ст., которые применяет фабрикант ситца, заключались в сыром материале, тогда как фермеру не нужны были бы семена и пр., то получился бы совершенно такой же результат.

Пример этот точно так же не показывает, вопреки утверждению Рикардо, что

«производимые ими» (фабрикантом ситца и фермером) «товары различаются по своей стоимости *вследствие того, что неодинаковы количества* применяемого каждым из них *основного капитала,* или накопленного труда» (стр. 31) [Русский перевод, том I, стр. 52].

Ибо, согласно предположению Рикардо, у хлопчатобумажного фабриканта основной капитал равен 5500 ф. ст., у фермера же он равен нулю; один применяет основной капитал, а другой не применяет. Следовательно, они отнюдь не применяют его «в неодинаковых количествах», совершенно так же, как нельзя сказать о двух людях, из которых один потребляет мясо, а другой не потребляет его, что оба они потребляют мясо «в неодинаковых количествах». Напротив, верным (хотя здесь это совершенно неправильно введено контрабандой при помощи словечка «или») является то, что фабрикант ситца и фермер «в неодинаковых количествах» применяют «накопленный труд», т. с. овеществленный труд, а именно — один на 10500 ф. ст., а другой только на 5000. Но применение ими «неодинаковых количеств накопленного труда» ничего иного не означает, как только то, что они вкладывают в свои предприятия «неодинаковые количества капитала», что масса прибыли находится в зависимости от этого различия в величине примененных ими капиталов, так как предполагается *одна и та же норма прибыли,* и что, наконец, это различие в массе прибыли, пропорциональной величине капиталов, получает свое выражение, свое проявление в соответствующих ценах издержек товаров.

Откуда же проистекает неуклюжесть приводимой Рикардо иллюстрации?

«Здесь, следовательно, мы имеем перед собой капиталистов, применяющих *в течение года* совершенно *одинаковое количество труда* для производства своих товаров, и тем не менее производимые ими товары различаются по своей стоимости» (стр. 30—31) [Русский перевод, том I, стр. 52].

Это значит, что они применяют не вообще одинаковое количество труда — непосредственного труда и накопленного труда, вместе взятых, — а применяют одинаковое количество переменного, затрачиваемого на заработную плату, капитала, одинаковое количество живого труда. И так как деньги обмениваются на накопленный труд, т. е. на товары, существующие в форме машин и т. д., только в соответствии с законом обмена товаров; так как *прибавочная стоимость* возникает только из того, что часть применяемого живого труда присваивается без оплаты, — то ясно (ибо, согласно предположению, ни одна часть машин не входит в товар в качестве износа), что оба капиталиста могут получать одну и ту же прибыль только в том случае, когда прибыль и прибавочная стоимость тождественны. Хлопчатобумажный фабрикант должен был бы продавать свой товар, как и фермер, за 5500 ф. ст., хотя он затрачивает в два с лишним раза больший капитал. И даже если бы машины целиком входили в стоимость товара, фабрикант ситца мог бы продавать свой товар только за 11000 ф. ст., т. е. он не получал бы и 5% прибыли, тогда как фермер получает 10%. Но при таких *неравных* прибылях фермер и фабрикант продавали бы свои товары по их *стоимостям,* если предположить, что 10%, получаемые фермером, представляют действительный, содержащийся в его товаре неоплаченный труд. Значит, если они продают свои товары с одинаковой прибылью, то необходимо одно из двух: или фабрикант произвольно набавляет 5% на свои товары, и тогда товары фабриканта и фермера, вместе взятые, продаются *выше* их стоимости; или действительная прибавочная стоимость, которую извлекает фермер, составляет приблизительно 15%, и оба они получают на свои товары среднюю прибыль в 10%. В этом последнем случае, хотя цена издержек соответствующего товара каждый раз стоит выше или ниже его стоимости, *сумма* товаров *продается по их стоимости,* а само выравнивание прибылей определяется суммой содержащейся в товарах прибавочной стоимости. Здесь, в вышеприведенной фразе Рикардо, если ее надлежащим образом видоизменить, содержится та правильная мысль, что различие в соотношении между переменным и постоянным капиталом неизбежно приводит к тому, что при одинаковой величине затраченного капитала должны производиться товары, имеющие различную стоимость и приносящие поэтому различную прибыль; что выравнивание этих прибылей должно вследствие этого порождать *отличающиеся* от стоимостей товаров *цены издержек.* «Здесь, следовательно, мы имеем перед собой капиталистов, применяющих в течение года совершенно одинаковое количество» (непо-

средственного, живого) «труда для производства своих товаров, и тем не менее производимые ими товары различаются по своей стоимости» (т. е. имеют цены издержек, отличающиеся от их стоимостей) «вследствие того, что неодинаковы количества применяемого каждым из них... накопленного труда». Однако эта догадка остается у Рикардо невысказанной. Она только объясняет сбивчивость и явную ошибочность приводимой им иллюстрации, которая до сих пор не имела никакого отношения к «неодинаковым количествам применяемого капиталистами *основного капитала».*

Продолжим теперь наш анализ дальше. Фабрикант сооружает в первом году машину, наняв для этого 100 рабочих; фермер в это же время производит хлеб, наняв также 100 рабочих; во втором году фабрикант пускает в дело машину и производит с ее помощью ситец, для чего он снова применяет 100 рабочих. Фермер, напротив, снова применяет 100 рабочих для возделывания хлеба. Предположим, говорит Рикардо, что стоимость хлеба ежегодно составляет 500 ф. ст. Предположим, что неоплаченный труд составляет 25% оплаченного, т. е. что на 400 единиц оплаченного труда приходится 100 единиц неоплаченного. Тогда машина имела бы в конце первого года стоимость тоже в 500 ф. ст., из которых 400 ф. ст. равны оплаченному труду, а 100 ф. ст. представляют неоплаченный труд. Примем, [534] что к концу второго года вся машина полностью изношена и вошла в стоимость ситца. На деле Рикардо это и предполагает, так как в конце второго года он сравнивает со «стоимостью хлеба» не одну только стоимость ситца, а «стоимость ситца и машины».

Прекрасно! Стоимость ситца должна в таком случае равняться в конце второго года 1000 ф. ст., а именно 500 ф. ст. составят стоимость машины и 500 — стоимость, вновь присоединенную трудом. Напротив, стоимость хлеба равняется 500 ф. ст., а именно 400 ф. ст. заработной платы и 100 ф. ст. неоплаченного труда. До сих пор в этом случае нет еще ничего такого, что *противоречило бы закону стоимости.* Хлопчатобумажный фабрикант получает 25% прибыли совершенно так же, как ц фабрикант хлеба; но товар первого равен 1000 ф. ст., а товар второго равен 500 ф. ст., так как в товаре первого содержится труд 200 рабочих, а в товаре второго ежегодно содержится труд только 100 рабочих. Далее: те 100 ф. ст. прибыли (прибавочной стоимости), которые фабрикант ситца получил в первом году в результате сооружения машины, всосавшей в себя без оплаты $^{1}/_{5}$ рабочего времени строивших ее рабочих, — эти 100 ф. ст. реализуются для него лишь во втором году, ибо он

только теперь реализует в стоимости ситца также и стоимость машины. Но тут-то и возникает загвоздка. Фабрикант ситца продает свой товар за сумму денег, превышающую 1000 ф. ст., т. е. по более высокой стоимости, чем содержится в его товаре, между тем как фермер продает хлеб за 500 ф. ст., т. е., согласно предположению, по стоимости хлеба. Таким образом, если бы обмен должен был происходить только между этими двумя лицами, т. е. если бы фабрикант выменивал хлеб у фермера, а фермер — ситец у фабриканта, то получилось бы то же самое, как если бы фермер продавал свой товар *ниже* его стоимости, выручая меньше 25% прибыли, а фабрикант продавал ситец *выше* его стоимости. Отбросим здесь двух капиталистов (фабриканта сукна и фабриканта ситца), которых Рикардо вводит в свой пример без всякой надобности, и видоизменим этот пример так, что речь будет идти только об одном фабриканте ситца. Для рассматриваемой нами иллюстрации этот двойной счет пока что совершенно бесполезен. Итак:

«Но они» (хлопчатобумажные товары) *«будут превышать стоимость хлеба более чем вдвое,* ибо *прибыль на капитал... фабриканта ситца за первый год* была присоединена к его капиталу, тогда как фермер свою прибыль израсходовал на свои личные нужды и удовольствия».

(Эта последняя, в буржуазном духе прикрашивающая фраза здесь теоретически совершенно лишена смысла. Моральные соображения не имеют никакого отношения к рассматриваемому вопросу.)

«Таким образом, вследствие различной степени долговечности их капиталов, или, что то же самое, *вследствие различия во времени, которое должно пройти, прежде чем на рынок сможет поступить партия тех или иных товаров,* стоимости этих товаров будут не вполне точно пропорциональны затраченным на них количествам труда. В данном случае отношение стоимостей будет не 2:1, а несколько больше, чтобы *получилась компенсация, за более продолжительное время, которое должно пройти, прежде чем более дорогой из товаров сможет поступить на рынок»* (стр. 30) [Русский перевод, том I, стр. 51].

Если бы фабрикант продавал товар по его стоимости, он продавал бы его за 1000 ф. ст., вдвое дороже хлеба, так как в его товаре содержится вдвое больше труда: 500 ф. ст. накопленного труда в виде машин (из этих 500 ф. ст. он 100 не оплатил) и 500 ф. ст. в виде труда по производству ситца, из которых фабрикант опять-таки 100 не оплатил. Но он считает следующим образом. В первый год я затратил 400 ф. ст. и благодаря этому создал путем эксплуатации рабочих машину, которая стоит 500 ф. ст. Следовательно, я получил прибыль в 25%. Во второй год я затрачиваю 900 ф. ст., а именно 500 в виде упомянутой машины и 400 снова в виде труда. Чтобы получить снова 25%

прибыли, я должен продать ситец за 1125 ф. ст., т. е. на 125 ф. ст. *выше* его стоимости. Ибо эти 125 ф. ст. не представляют никакого содержащегося в ситце труда, ни накопленного в первом году, ни вновь присоединенного во втором. Общая сумма труда, заключающегося в ситце, составляет лишь 1000 ф. ст. Предположим, с другой стороны, что оба они обмениваются друг с другом своими товарами, или что половина капиталистов находится в положении хлопчатобумажного фабриканта, а другая половина — в положении фермера. Откуда первая половина капиталистов получит те 125 ф. ст., которые должны быть ей уплачены? Из какого фонда? Очевидно, она получит их только от второй половины капиталистов. Но тогда ясно, что эта вторая половина капиталистов не получает 25% прибыли. Таким образом, первая половина капиталистов надувала бы вторую под предлогом *общей нормы прибыли,* тогда как в действительности норма прибыли составляла бы для фабриканта 25%, а для фермера — меньше 25%. Следовательно, дело должно обстоять иначе.

Чтобы сделать иллюстрацию более правильной и более наглядной, предположим, что фермер затрачивает во втором году 900 ф. ст. Тогда, при норме прибыли в 25%, он получит в *первом году* 100 ф. ст. прибыли на затраченные им 400 ф. ст., во *втором году* — 225, а всего 325 ф. ст. Напротив, фабрикант получает в первом году 25% на 400 ф. ст., а во втором году — только 100 ф. ст. на 900 ф. ст. (так как вложенные в машины 500 ф. ст. не приносят прибавочной стоимости, а приносят ее только 400 ф. ст., затраченные на заработную плату), что составляет только $11^1/_9$%. Или пусть фермер опять затратит 400 ф. ст.; тогда он как в первом, так и во втором году получит 25%; всего за оба года вместе — 200 ф. ст. на затраченные 800 ф. ст., т. е. также 25%. Напротив, фабрикант получает в первом году 25%, во втором — $11^1/_9$%, в два года — 200 ф. ст. на затраченные 1300 ф. ст., т. е. $15^5/_{13}$%. Таким образом, при выравнивании прибылей фабрикант выручил бы $20^5/_{26}$% и столько же выручил бы и фермер[71]. Это была бы средняя прибыль. Это дало бы [во втором году] для товара фермера цену издержек меньше 500 ф. ст., а для товара фабриканта — больше 1000 ф. ст.

[535] Во всяком случае фабрикант затрачивает здесь в первом году 400 ф. ст., во втором — 900 ф. ст., между тем как фермер затрачивает каждый раз только 400 ф. ст. Если бы фабрикант вместо производства хлопчатобумажных товаров строил дом (т. е. если бы он был строителем), то к концу первого года 500 ф. ст. заключались бы в недостроенном доме, и ему надо

было бы затратить еще 400 ф. ст. на труд, чтобы достроить дом. Фермер, капитал которого обернулся за год, может из 100 ф. ст. прибыли снова капитализировать некоторую часть, например 50 ф. ст., вновь затратить ее на труд, чего фабрикант в предположенном случае сделать не может. И для того чтобы норма прибыли в обоих случаях была *одна и та же,* товар одного должен быть продан *выше* его стоимости, а товар другого — *ниже* его стоимости. Так как конкуренция стремится выравнить стоимости в цены издержек, то это и происходит на самом деле.

Но Рикардо ошибается, когда он говорит, что изменение в относительных стоимостях имеет здесь место «вследствие различной степени долговечности капиталов», или «вследствие различия во времени, которое должно пройти, прежде чем на рынок сможет поступить партия тех или иных товаров». Напротив, именно заранее предположенная *общая норма прибыли* создает, несмотря на то различие стоимостей, которое обусловлено процессом обращения, одинаковые *цены издержек, отличающиеся* от этих стоимостей, определяемых лишь рабочим временем.

Иллюстрация Рикардо распадается на два примера. В последнем из них не играет никакой роли *долговечность* капитала, или характер его как основного капитала. Речь идет только о капиталах разной величины, у которых, однако, на заработную плату затрачивается одинаковая сумма капитала, одинаковый переменный капитал, а прибыли должны быть одинаковы, хотя прибавочные стоимости и стоимости у них по необходимости — разные.

В первый пример *долговечность* капитала опять-таки не входит. Речь идет о *более продолжительном процессе труда* — о более продолжительном пребывании товара в сфере производства до того, как он может вступить в обращение, до того, как он *изготовлен.* Здесь у Рикардо фабрикант тоже применяет во втором году больший капитал, чем фермер, хотя в течение обоих лет он затрачивает одинаковый с фермером переменный капитал. Но фермер вследствие более кратковременного пребывания его товара в процессе труда, вследствие более быстрого превращения товара в деньги, может применить во втором году больший переменный капитал. Кроме того, та часть прибыли, которая потребляется в виде дохода, у фермера может пойти в потребление в конце первого года, а у фабриканта — только в конце второго года. Фабрикант должен, стало быть, расходовать на свое содержание добавочный капитал, *авансировать* его себе. Впрочем, это всецело зависит здесь от того, в какой мере обращающиеся в течение года капиталы вновь капитали-

зируют свои прибыли, стало быть от действительной величины созданных прибылей, чтобы возможно было компенсировать второй случай, *выравнить* прибыли. Там, где ничего нет, нечего и выравнивать. Здесь капиталы опять-таки производят стоимости, а значит прибавочные стоимости, значит и прибыли, не пропорционально своей величине. Чтобы имела место эта пропорциональность, должны существовать *цены издержек,* отличающиеся от стоимостей.

Рикардо приводит еще третью иллюстрацию, но она *точно* совпадает с первым примером первой иллюстрации и не содержит ни одного нового слова.

«Предположим, что я занимаю в продолжение года для производства какого-нибудь товара 20 рабочих с затратой на них 1000 ф. ст. и но истечении года снова занимаю 20 рабочих в продолжение следующего года, вновь затрачивая на них 1000 ф. ст., для окончательной отделки или более совершенной обработки того же товара — и в конце второго года доставляю товар на рынок. Если прибыль составляет 10%, мой товар должен быть продан за 2310 ф. ст., *потому что* в течение первого года я применял 1000 ф. ст. капитала, а в течение следующего года — 2100 ф. ст. капитала. Другой человек применяет точно такое же количество труда, но он применяет его целиком в течение первого года; он занимает 40 рабочих, затрачивая на них 2000 ф. ст., и в конце первого года продает свой товар с 10%-й *прибылью,* т. е. за 2200 ф. ст. Таким образом, здесь мы имеем два товара, на которые затрачено совершенно одинаковое количество труда и из которых один продается за 2310, а другой — за 2200 ф. ст. Этот случай *по видимости* отличается от предыдущего, но *по сути дела* одинаков с ним» (стр. 34—35) [Русский перевод, том I, стр. 54].

Он одинаков с предыдущим не только «по сути дела», но и «по видимости», с той только разницей, что в предыдущем случае товар именуется «машиной», а здесь — просто «товаром». В первом примере фабрикант затрачивал в первом году 400 ф. ст. и во втором году — 900 ф. ст., а на этот раз в первом году затрачивается 1000 и во втором году — 2100 ф. ст. Фермер в прежнем примере затрачивал в первом году 400 ф. ст. и во втором — тоже 400 ф. ст. На этот раз второй предприниматель затрачивает в первом году 2000 ф. ст., а во втором — совсем ничего. В этом вся разница. Но «fabula docet»* относится в обоих случаях к тому обстоятельству, что один из предпринимателей во втором году затрачивает весь продукт первого года (включая прибавочную стоимость) плюс добавочная сумма.

Неуклюжесть этих примеров показывает, что Рикардо борется с такой трудностью, которая ему самому не ясна и которую он ни в какой мере не преодолевает. Неуклюжесть состоит в следующем. Первый пример первой иллюстрации должен

* — буквально: «басня учит»; в переносном смысле: делаемый из чего-нибудь (нравоучительный) вывод, «мораль басни». *Ред.*

ввести *долговечность* капитала; но ничего подобного не получается; Рикардо сделал это для себя *невозможным,* потому что он не вводит в стоимость товара, в качестве износа, ни малейшей части основного капитала, т. е. опускает как раз тот момент, в котором проявляется *своеобразный способ обращения основного капитала.* Рикардо показывает только то, что вследствие большей продолжительности процесса труда применяется *больший* капитал, чем там, где процесс труда менее продолжителен. Третий пример должен иллюстрировать нечто отличное от этого, но в действительности иллюстрирует то же самое. *Второй* же *пример* первой [536] иллюстрации должен был показать, какие различия возникают вследствие различных пропорций основного капитала. Вместо этого он показывает лишь ту разницу, какая получается при затрате двух капиталов *неравной* величины, когда на заработную плату тем не менее в обоих случаях затрачивается одинаковая сумма капитала. И притом здесь фигурирует фабрикант, действующий без хлопка и пряжи, и фермер, действующий без семян и орудий! Полная несостоятельность, даже нелепость этой иллюстрации необходимо вытекает из ее внутренней неясности.

[б) СМЕШЕНИЕ У РИКАРДО ЦЕНЫ ИЗДЕРЖЕК СО СТОИМОСТЬЮ И ПРОИСТЕКАЮЩИЕ ОТСЮДА ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЕГО ТЕОРИИ СТОИМОСТИ. НЕПОНИМАНИЕ ИМ ПРОЦЕССА ВЫРАВНИВАНИЯ НОРМЫ ПРИБЫЛИ И ПРЕВРАЩЕНИЯ СТОИМОСТЕЙ В ЦЕНЫ ИЗДЕРЖЕК]

Под конец Рикардо так формулирует мораль всех разобранных выше иллюстраций:

«Различие в стоимости в обоих случаях происходит оттого, что *прибыли* накопляются как капитал, и оно является лишь *справедливой компенсацией»* (как будто дело идет здесь о справедливости) *«за то время, в течение которого прибыль не могла быть использована»* (стр. 35) [Русский перевод, том I, стр. 54].

Это означает не что иное, как то, что *в определенный период обращения, например в один год,* капитал должен принести 10% независимо от того, каково его специфическое время обращения, и совершенно независимо от *различия прибавочных стоимостей,* которые *равновеликие капиталы* должны производить в различных отраслях производства соответственно соотношению их органических составных частей, даже если оставить в стороне процесс обращения.

Из своих иллюстраций Рикардо должен был бы сделать следующий вывод:

[Во-первых,] равновеликие капиталы производят товары неравных *стоимостей* и приносят поэтому *неравные прибавочные стоимости* или *прибыли,* так как стоимость определяется рабочим временем, а масса рабочего времени, реализуемая капиталом, зависит не от его абсолютной величины, а от величины переменного капитала, — капитала, затрачиваемого на заработную плату. *Во-вторых,* даже если предположить, что равновеликие капиталы производят *равные стоимости* (хотя в большинстве случаев с неодинаковостью в сфере обращения сочетается также и неодинаковость в сфере производства), то все же в зависимости от их *процесса обращения* различен тот *промежуток времени,* в течение которого они могут *присвоить* и *превратить в деньги одинаковые количества неоплаченного труда.* Это создает, стало быть, второе различие в стоимостях, прибавочных стоимостях и прибылях, которые *равновеликие* капиталы должны приносить в различных отраслях производства за определенный *промежуток времени.*

Поэтому, если *прибыли* должны быть равны в своем процентном отношении к капиталу — например за год, — в результате чего равновеликие капиталы должны приносить равные прибыли в равные промежутки времени, то *цены* товаров неизбежно отличаются от их *стоимостей.* Эти *цены издержек* всех товаров, вместе взятых, будут в своей сумме *равны их стоимости.* Точно так же совокупная прибыль будет равна совокупной прибавочной стоимости, которую эти капиталы, вместе взятые, приносят в течение, например, года. *Средняя прибыль,* а следовательно также и цены издержек были бы чем-то только воображаемым и лишенным опоры, если бы мы не взяли определения стоимости в качестве основы. Выравнивание прибавочных стоимостей в различных отраслях производства ничего не изменяет в абсолютной величине этой совокупной прибавочной стоимости, оно изменяет только *распределение* ее по различным отраслям производства. Но *определение* самой этой *прибавочной стоимости* проистекает только из определения стоимости рабочим временем. Без этого определения средняя прибыль представляет собой среднее *из ничего,* чистую фантазию. И она тогда могла бы составлять одинаково как 1000%, так и 10%.

Все иллюстрации Рикардо служат ему только для того, чтобы ввести контрабандным путем *предпосылку общей нормы прибыли.* И это имеет место в главе 1-й («О стоимости»), тогда как к рассмотрению заработной платы Рикардо приступает якобы лишь в главе 5-й, а к рассмотрению прибыли — лишь в главе 6-й. Каким образом из одного только определения *«стоимости»* товаров проистекает содержащаяся в них

прибавочная стоимость, прибыль, а затем даже и *общая норма прибыли,* — это остается для Рикардо скрытым во мраке. Единственное, что он действительно показывает в вышеприведенных иллюстрациях, это то, что *цены* товаров, поскольку они определяются общей нормой прибыли, совершенно отличны от *стоимостей* товаров. И к этому различию он приходит потому, что заранее предполагает *норму прибыли* как закон. Мы видим, что если Рикардо упрекают в слишком большой абстрактности, то справедливым был бы противоположный упрек, а именно — в недостаточной силе абстракции, в неспособности при рассмотрении стоимостей товаров забыть прибыли — факт, встающий перед ним из сферы конкуренции.

Так как Рикардо, вместо того чтобы из самого определения стоимости развить отличие цен издержек от стоимостей, допускает, что не зависящие от рабочего времени влияния определяют самые «стоимости» (здесь ему было бы уместно придерживаться понятия «абсолютной», или «действительной стоимости», или просто «стоимости») и иногда нарушают их закон, то за это ухватились его противники — такие, как Мальтус, — чтобы напасть на всю его [537] теорию стоимости. При этом Мальтус справедливо замечает, что различия между органическими составными частями капитала и различия во времени оборота капиталов в различных отраслях развиваются вместе с прогрессом производства, так что надо было бы прийти к точке зрения А. Смита, согласно которой определение стоимости рабочим временем во все возрастающей мере не подходит уже больше для «цивилизованных» времен. (См. также *Торренса.*) *С* другой стороны, ученики Рикардо прибегали к самым жалким схоластическим измышлениям, чтобы сделать эти явления адекватными основному принципу (см. *[Джемса] Милля* и жалкого болтуна *Мак-Куллоха*)[72].

Не останавливаясь на том *выводе, который вытекает из его собственных иллюстраций,* — а именно, что *совершенно независимо* от повышения или падения заработной платы, при предположении неизменной заработной платы, цены издержек товаров должны отличаться от их стоимостей, если цены издержек определяются одним и тем же процентом прибыли, — Рикардо в этом отделе переходит к рассмотрению влияния, оказываемого повышением или падением заработной платы на *цены издержек,* в которые уже выравнены стоимости.

Суть дела сама по себе чрезвычайно проста.

Фермер затрачивает 5000 ф. ст. при прибыли в 10%; денежная цена его товара — 5500 ф. ст. Если прибыль понижается на 1%, с 10% до 9%, в результате того, что повысилась зара-

ботная плата и ее повышение вызвало понижение прибыли, то фермер продает свой товар по-прежнему за 5500 ф. ст. (ибо предположено, что он весь свой капитал затратил на заработную плату). Но из этих 5500 ф. ст. его прибыль составляла бы уже не 500, а только $454^{14}/_{109}$. Капитал фабриканта состоит из 5500 ф. ст. на машины и 5000 ф. ст. на труд. Эти последние 5000 ф. ст. получают свое выражение по-прежнему в 5500 ф. ст., но он теперь затрачивает не 5000 ф. ст., а $5045^{95}/_{109}$ и получает с этой суммы только $454^{14}/_{109}$ ф. ст. прибыли, как и фермер. На основной же капитал в 5500 ф. ст. он не может уже начислять 10%, или 550 ф. ст., а только 9%, или 495 ф. ст. Следовательно, он продаст свой товар за 5995 ф. ст. вместо 6050 ф. ст.; таким образом, в результате повышения заработной платы денежная цена товара фермера осталась та же, а денежная цена товара фабриканта упала; следовательно, стоимость товара фермера в сравнении со стоимостью товара фабриканта повысилась. Вся штука в том, что если бы фабрикант продавал свой товар по той же стоимости, как и прежде, он получил бы прибыль выше средней, так как повышение заработной платы непосредственно затрагивает только ту часть капитала, которая затрачивается на заработную плату. В этой иллюстрации уже заранее *предполагаются* цены издержек, регулируемые 10%-й средней прибылью и *отличающиеся от стоимостей товаров.* Вопрос сводится у Рикардо к тому, как повышение или падение прибыли действует на цены издержек в зависимости от различного соотношения между основным и оборотным капиталом во всем затрачиваемом капитале. К коренному вопросу, к *превращению стоимостей в цены издержек,* эта иллюстрация (у Рикардо стр. 31—32) [Русский перевод, том I, стр. 52—53] не имеет никакого отношения. Она недурна, так как Рикардо здесь показывает вообще, что повышение заработной платы, которое при одинаковом строении капиталов вызвало бы только понижение прибыли без воздействия — вопреки вульгарному взгляду — на стоимости товаров, при неодинаковом строении их вызывает лишь *падение* цен некоторых товаров, а не повышение *цен всех товаров,* как полагает вульгарное воззрение. В рикардовском примере падение товарных цен имеет место вследствие падения нормы прибыли, или, что [для Рикардо] то же самое, повышения заработной платы. Значительная часть *цены издержек* товара в случае с фабрикантом определяется той средней прибылью, которую он начисляет на основной капитал. Стало быть, если эта норма прибыли падает или повышается вследствие повышения или падения заработной платы, то *цена этих* товаров соответственно упадет (соответственно

той части цены, которая возникает из прибыли, начисленной на основной капитал) или повысится. То же самое имеет силу для тех «оборотных капиталов, которые *притекают обратно* через *более продолжительные* периоды, и наоборот» *(Мак-Куллох)* [«The Principles of Political Economy», Edinburgh, 1825, стр. 300]. Если бы капиталисты, применяющие меньше переменного капитала, продолжали начислять на цену товара свой основной капитал по прежней норме прибыли, то их норма прибыли повысилась бы, и притом настолько, насколько они применяют основного капитала больше, чем те капиталисты, капитал которых в большей мере состоит из переменного капитала. Конкуренция уравняла бы это.

«Рикардо», — говорит болтун Мак, — «был первым, кто исследовал влияние колебаний заработной платы на стоимость товаров, когда занятые в их производстве капиталы обладают неодинаковой долговечностью». «Рикардо не только показал, что повышение заработной платы не может повысить цены *всех* товаров, но он установил также, что во многих случаях *повышение заработной платы* необходимо ведет к *падению цен,* а *падение заработной платы* — к *повышению цен» (MacCulloch.* The Principles of Political Economy. Edinburgh, 1825, стр. 298—299).

Рикардо доказывает свое положение тем, что, во-первых, предполагает *цены издержек, регулируемые общей нормой прибыли.*

Во-вторых, указанием на то, что *«повышение стоимости труда невозможно без падения прибыли»* (стр. 31) [Русский перевод, том I, стр. 52].

Таким образом, уже в главе 1-й *(«О стоимости»)* предполагаются такие законы, которые в главах 5 и 6-й («О заработной плате» и «О прибыли») должны быть выведены из главы *«О стоимости».* Заметим мимоходом, что [538] Рикардо делает совершенно ошибочный вывод, что, так как «повышение стоимости труда невозможно без падения прибыли», то невозможно и повышение прибыли без падения стоимости труда. Первый закон относится к прибавочной стоимости. Однако так как прибыль есть отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, то прибыль может повышаться при той же стоимости труда, если стоимость постоянного капитала падает. Рикардо вообще смешивает прибавочную стоимость и прибыль. Отсюда его неправильные законы относительно прибыли и нормы прибыли.

Общая мораль последней иллюстрации такова:

«Степень изменения относительной стоимости товаров, вызываемого повышением или падением стоимости труда» (или, что то же самое, падением или повышением нормы прибыли), «будет зависеть от того, какую

долю всего затраченного капитала составляет основной капитал. Упадет относительная стоимость всех тех товаров, которые производятся очень дорогими машинами или в очень дорогостоящих зданиях или которые требуют значительного времени, прежде чем они могут поступить на рынок, тогда как относительная стоимость всех тех товаров, которые производятся главным образом трудом или которые быстро поступают на рынок, повысится» (стр. 32) [Русский перевод, том I, стр. 52—53].

Рикардо опять возвращается к тому, что собственно только и занимает его в этом исследовании. Он говорит, что эти изменения в ценах издержек товаров, вызываемые повышением или падением заработной платы, незначительны по сравнению с теми изменениями, которые в этих же ценах издержек проистекают из изменений в стоимостях товаров {Рикардо далек от того, чтобы выразить эту истину в таких адекватных терминах}, т. е. из изменений в количестве труда, употребляемого для их производства. Поэтому можно, дескать, в общем и целом «абстрагироваться» от этого, и тогда закон стоимости остается также и практически верным. (Рикардо должен был бы добавить, что сами цены издержек остаются необъяснимыми без стоимостей, определяемых рабочим временем.) Таков действительный ход его исследования. И в самом деле, ясно, что, несмотря на превращение стоимостей товаров в *цены издержек,* раз уж мы предположили цены издержек {а эти цены издержек следует отличать от *рыночных цен;* они представляют собой средние рыночные цены товаров в различных отраслях. Сама *рыночная цена* уже постольку заключает в себе нечто среднее, поскольку цены *товаров одной и той же сферы производства* определяются ценами тех товаров, которые произведены *при средних условиях производства этой* сферы. Отнюдь не при *самых худших условиях,* как Рикардо допускает при рассмотрении ренты. Ибо средний спрос зависит от определенной цены, даже в отношении хлеба. Стало быть, известное количество товаров, поступающее на рынок, продается не *выше* этой цены. Иначе упал бы спрос. Поэтому те, кто производит товары не *при* средних условиях, а в условиях *ниже* средних, часто бывают вынуждены продавать свой товар не только ниже его стоимости, ко и ниже его *цены издержек},* — что, несмотря на превращение стоимостей товаров в *цены издержек,* всякое такое *изменение* этих цен издержек, которое не является результатом какого-нибудь постоянного падения или повышения, постоянного изменения нормы прибыли, могущего установиться только в течение многих лет, может быть обусловлено единственно и исключительно *изменением стоимостей* этих товаров, изменением количества необходимого для их производства рабочего времени.

«Читатель должен, однако, заметить, что эта причина изменений товаров» (т. е. изменений цен издержек, или, как *полагает* Рикардо, относительных стоимостей товаров) «действует сравнительно слабо... Иначе обстоит дело с другой важной причиной изменения стоимости товаров, а именно — с увеличением или уменьшением количества труда, необходимого для их производства... Сколько-нибудь значительное изменение в постоянной норме прибыли является результатом причин, осуществляющих свое действие только в течение ряда лет, между тем как изменения в количестве труда, необходимого для производства товаров, совершаются повседневно. Каждое улучшение в машинах, в инструментах, в зданиях, в добывании или выращивании сырья сберегает труд и позволяет нам с большей легкостью изготовлять товар, при производстве которого применяются эти улучшения, вследствие чего изменяется его *стоимость.* Таким образом, хотя при исследовании причин изменении в стоимости товаров было бы неправильно совершенно упускать из виду действие повышения или падения стоимости труда, но столь же неправильно было бы приписывать ему большое значение» (стр. 32—33) [Русский перевод, том I, стр. 53].

Поэтому он, Рикардо, будет отвлекаться от изменений в стоимости труда.

Весь этот отдел IV главы 1-й *(«О стоимости»)* до такой степени запутан, что, хотя Рикардо во вступительном абзаце заявляет о своем желании *рассмотреть* влияние, *тех изменений, которые повышение или падение заработной платы* вызывает в стоимости товаров вследствие различного строения капитала, он на деле иллюстрирует это лишь мимоходом и, напротив, главную часть отдела IV фактически заполняет иллюстрациями, показывающими, что *совершенно независимо* от *повышения, или падения* заработной платы — при предположенной им самим *постоянной* заработной плате — *допущение* [539] *общей нормы прибыли* должно привести к ценам издержек, отличающимся от стоимостей товаров, и притом опять-таки даже независимо от различий в соотношении между основным и оборотным капиталом. Об этом он снова забывает в конце отдела.

Исследованию в отделе IV он предпосылает следующие Слова:

«Это различие в степени *долговечности* основного капитала и это *разнообразие соотношений,* в каких могут комбинироваться оба вида капитала, вводят *другую причину* изменения относительных стоимостей товаров помимо большего или меньшего количества труда, необходимого для их производства: *эта причина есть повышение или падение стоимости труда»* (стр. 25—26) [Русский перевод, том I, стр. 49].

В действительности же он своими иллюстрациями показывает прежде всего то, что только лишь *общая норма прибыли* позволяет различной комбинации видов капитала (а именно — переменного и постоянного, и т. д.) оказывать такое влияние, которое делает цены товаров отличными от их стоимостей;

стало быть, что именно общая норма прибыли, а не стоимость труда, которая здесь предполагается постоянной, есть *причина* утих изменений. Затем, лишь во вторую очередь, он предполагает данными цены издержек, уже отличающиеся — вследствие общей нормы прибыли — от стоимостей, и исследует, как влияют на них изменения в стоимости труда. Первого, главного вопроса он не исследует, совершенно забывает его и заканчивает этот отдел тем же, с чего он его начал:

«В этом отделе было показано, что при отсутствии каких-либо изменений в количестве труда одно *повышение стоимости труда* вызовет падение меновой стоимости тех товаров, в производстве которых применяется *основной капитал,* и чем бо́льшую долю составляет основной капитал, тем значительнее будет это падение» (стр. 35) [Русский перевод, том I, стр. 54].

А в следующем отделе V (главы 1-й) он продолжает ту же линию, т. е. он исследует только, какие изменения могут претерпевать *цены издержек* товаров вследствие *изменения стоимости труда, или заработной платы,* не в том случае, когда соотношение между основным и оборотным капиталом различно у двух равновеликих капиталов в двух различных отраслях производства, а в том случае, когда имеется налицо *«неодинаковая долговечность* основного капитала» или же *«неодинаковая быстрота обратного притока* капиталов к их *собственникам».* Правильная догадка, содержавшаяся еще в отделе IV, о *различии между ценами издержек и стоимостями* вследствие общей нормы прибыли, здесь больше не проглядывает. Рассматривается лишь *вторичный вопрос об изменении самих цен издержек.* Поэтому отдел этот в сущности почти не представляет теоретического интереса, за исключением случайно затронутого здесь вопроса о тех различиях формы капиталов, которые вытекают из процесса обращения.

«Чем менее долговечен основной капитал, тем более он приближается по своему характеру к оборотному капиталу. Он будет потребляться и его *стоимость* будет, для сохранения капитала фабриканта, *воспроизводиться в более короткий срок»* (стр. 36) [Русский перевод, том I, стр. 55].

Таким образом, и меньшую долговечность капитала и вообще различие между основным и оборотным капиталом Рикардо сводит к различию во *времени воспроизводства.* Это, бесспорно, — крайне важное определение, но отнюдь не единственное. Основной капитал входит целиком в процесс труда и лишь постепенно и по частям — с процесс образования стоимости. В этом — другое основное различие в форме обращения основного и оборотного капитала. Далее: основной капитал *по необходимости* только своей *меновой стоимостью* входит в процесс обращения,

тогда как его *потребительная стоимость* потребляется в процессе труда и никуда оттуда не переходит. В этом еще одно важное различие *формы обращения.* Оба эти различия формы обращения касаются также и времени обращения, но они отнюдь не тождественны со степенями [долговечности капиталов] и различиями во времени обращения.

Менее долговечный капитал требует большего количества *постоянно затрачиваемого труда*

«для сохранения своей первоначальной эффективности, но употребленный на это труд можно рассматривать как действительно затраченный на изготовленный товар, на который должна поэтому переходить пропорциональная этому труду стоимость» (стр. 36—37) [Русский перевод, том I, стр. 55]. «Если бы износ машины был велик, если бы в течение года нужен был труд пятидесяти рабочих для поддержания ее в исправном виде, я потребовал бы за свои товары добавочной цены, равной той, которую получал бы за свои товары любой другой фабрикант, занимающий пятьдесят рабочих для производства других товаров и совсем не применяющий машин. Но повышение заработной платы отразилось бы неодинаково на товарах, производимых с помощью быстро изнашивающейся машины, и на товарах, производимых с помощью машины, изнашивающейся медленно. При производстве первых на производимый *товар непрерывно переносилось бы большое количество труда»*

{со своей общей нормой прибыли в качестве предпосылки Рикардо не замечает, что вместе с тем на товар непрерывно переносилось бы также и сравнительно большое количество прибавочного труда},

«а при производстве вторых — его переносилось бы очень немного»

{а потому, и очень немного прибавочного труда, т. е. гораздо меньше [прибавочной] стоимости, если товары обмениваются по своим стоимостям}.

«Поэтому всякое повышение заработной платы, или, что то же самое, [540] всякое падение прибылей, понизит относительную стоимость тех товаров, которые производятся с помощью капитала, отличающегося большой долговечностью, и соответственно повысит стоимость тех товаров, которые производятся с помощью капитала, более быстро изнашивающегося. Падение заработной платы имело бы прямо противоположное действие» (стр. 37—38) [Русский перевод, том I, стр. 55—56].

Иными словами: фабрикант, применяющий основной капитал меньшей долговечности, применяет соответственно меньше основного и соответственно больше затрачиваемого на заработную плату капитала, чем тот, кто применяет капитал большей долговечности. Случай этот совпадает, следовательно, с предыдущим, где речь шла о том, как действует изменение заработной платы на такие капиталы, из которых один применяет относительно, пропорционально больше основного капитала, чем другой. Здесь нет ничего нового.

Разбор того, что Рикардо говорит еще о *машинах* (стр. 38—40) [Русский перевод, том I, стр. 56—57], следует отложить до рассмотрения главы 31-й *(«О машинах»)*[*].

Замечательно, как Рикардо в заключительной части V отдела приближается к верному взгляду на вещи, — вплоть до того, что почти находит соответствующее *слово,* — чтобы тут же оставить правильный путь, и вслед за этим приближением к верному взгляду, которое мы сейчас проиллюстрируем его словами, снова возвращается к господствующей над ним идее о влиянии изменения стоимости труда на цены издержек — и заканчивает свое исследование выводами по этому *побочному вопросу.*

Соответствующее место гласит:

«Итак, мы видим, что на ранних ступенях общественного развития, когда еще не применяется много машин, или долговечного капитала, товары, произведенные *равными капиталами,* будут иметь приблизительно *равную стоимость* и будут подниматься или падать в отношении друг к другу только в зависимости от того, больше или меньше труда необходимо для их производства»

{последняя часть фразы плохо сформулирована; да и относится она не к стоимости, а к *товарам,* и потому лишена смысла, если только не иметь в виду их *цены;* в самом деле, сказать, что *стоимости* падают пропорционально рабочему времени, равносильно утверждению, что стоимости поднимаются или падают в той мере, в какой они поднимаются или падают};

«но после введения этих дорогих и долговечных орудий *товары, производимые с затратой равных капиталов, будут иметь весьма неравную стоимость,* и хотя они по-прежнему будут подниматься или падать в стоимости по отношению друг к другу в зависимости от того, больше или меньше труда требуется теперь для их производства, они вместе с тем будут подвергаться еще и другому, правда меньшему, изменению, вызываемому повышением или падением заработной платы и прибыли. Так как товары, продающиеся за 5000 ф. ст., могут быть продуктом капитала, равного по величине тому капиталу, с помощью которого произведены другие товары, продающиеся за 10000 ф. ст., то *прибыли от их производства будут одни и те же;* но эти *прибыли были бы неравны,* если бы *цены товаров* не изменялись вместе с повышением или падением *нормы прибыли»* (стр. 40—41) [Русский перевод, том I, стр. 57—58].

Фактически Рикардо говорит здесь следующее:

Равновеликие капиталы производят товары *равных стоимостей,* если соотношение между их органическими составными частями *одно и то же,* если они затратили одинаковые доли на заработную плату и на условия труда. Тогда в производимых

[*] См. настоящий том, часть II, стр. 611—613. *Ред.*

ими товарах воплощаются одинаковые количества труда, а значит и равные стоимости {если оставить в стороне то различие, которое может быть привнесено процессом обращения}. Напротив, *равные по величине* капиталы производят товары *весьма неравной стоимости,* если их органическое строение различно, в особенности — если та их часть, которая существует как основной капитал, находится в весьма различном отношении к части, затрачиваемой на заработную плату. Во-первых, только часть основного капитала входит в товар как составная часть стоимости, в результате чего, следовательно, *величины стоимости* должны быть весьма различны уже в зависимости от того, много или мало основного капитала было применено при производстве товара. Во-вторых, часть, затрачиваемая на заработную плату, — считая на 100, на равновеликую массу капитала, — [при большом основном капитале] будет гораздо меньше, стало быть гораздо меньше будет и весь [вновь присоединенный] труд, воплощенный в товаре, а значит и прибавочный труд {при данном рабочем дне одинаковой длины}, образующий прибавочную стоимость. Поэтому, если эти равновеликие капиталы, производящие товары с *неравными стоимостями, заключающими* в себе *неравные прибавочные стоимости,* а потому и *неравные прибыли,* — если такие капиталы должны, найду того что они равны по величине, приносить равные прибыли, то *цены товаров* (поскольку эти цены определяются общей нормой прибыли на данные издержки) неизбежно должны сильно отличаться от *стоимостей товаров.* Отсюда вытекает не тот вывод, что стоимости изменили свою природу, а тот, что *цены издержек* отличаются от *стоимостей.* Что Рикардо не пришел к этому выводу, это тем более поразительно, что он ведь видит, что даже при предположении цен издержек, — которые определяются общей нормой прибыли, — изменение нормы прибыли (или нормы заработной платы) неизбежно должно вызвать изменение в этих ценах издержек, чтобы норма прибыли [541] в различных отраслях производства оставалась одной и той же. Насколько же, следовательно, должно быть сильнее то изменение неравных стоимостей, которое вызывается установлением общей нормы прибыли, так как эта *общая норма прибыли* является ведь вообще не чем иным, как выравниванием различных количеств прибавочной стоимости, содержащихся в различных товарах, произведенных равновеликими капиталами.

После того как Рикардо, если не развил и не понял различия между издержками и стоимостью, между ценами издержек и стоимостями товаров, то во всяком случае сам фактически

констатировал это различие указанным образом, — после этого он заканчивает свои рассуждения следующей фразой:

«Г-н Мальтус, по-видимому, полагает, что составной частью моей теории является отождествление *издержек* и *стоимости* той или иной вещи. *Это верно,* если под издержками он подразумевает *«издержки производства», включая прибыль»* (стр. 46, примечание) [Русский перевод, том I, стр. 61] (следовательно — затраты плюс прибыль, определяемая общей нормой прибыли).

С этим ошибочным смешением цены издержек и стоимости, которое он сам же и опроверг, Рикардо переходит затем к рассмотрению ренты.

То, что Рикардо говорит в отделе VI главы 1-й относительно влияния изменений стоимости труда на цену издержек золота, а именно:

«Разве нельзя смотреть на золото как на товар, производимый при таком соотношении двух родов капитала, которое всего ближе к среднему соотношению, взятому для производства большинства товаров? Разве мы не можем рассматривать это соотношение как одинаково далекое от обеих крайностей, когда в одном случае употребляется мало основного капитала, а в другом применяется мало труда, и разве оно не занимает среднее место между ними?» (стр. 44) [Русский перевод, том I, стр. 60], —

эти слова Рикардо относятся скорее к тем товарам, у которых соотношение между различными органическими составными частями стоимости является средним, причем их время обращения и воспроизводства тоже среднее. Для этих товаров цена издержек и стоимость совпадают, так как у них средняя прибыль совпадает с их действительной прибавочной стоимостью, но это имеет место только у них.

Насколько неудовлетворительным является в отделах IV и V главы 1-й исследование влияния изменений стоимости труда на «относительные стоимости», — этого (теоретически) второстепенного вопроса, сравнительно с вопросом о превращении стоимостей в цены издержек, обусловленном средней нормой прибыли, — настолько же важным является вывод, которым делает из этого Рикардо, опрокидывая одну из главных, постоянно подхватываемых со времени А. Смита ошибок, будто повышение заработной платы, вместо того чтобы вести к падению прибыли, повышает цены товаров. Правда, это заложено уже в самом понятии *стоимостей* и нисколько не модифицируется превращением их в цены издержек, так как последнее вообще касается только *распределения произведенной совокупным капиталом прибавочной стоимости* между различными отраслями или между различными капиталами в различных сферах производства. Но все же имело важное значение, что

Рикардо подчеркнул этот вопрос и показал, что дело обстоит даже наоборот. Поэтому он справедливо говорит в отделе VI главы 1-й:

«Прежде чем расстаться с этой темой, будет уместно заметить, что Адам Смит и все последующие писатели, без единого, насколько мне известно, исключения, утверждали, что повышение цены труда обязательно повлекло бы за собой повышение цен всех товаров».

{Это соответствует второму смитовскому определению стоимости, согласно которому стоимость равняется тому количеству труда, которое может быть куплено на данный товар.}

«Надеюсь, мне удалось показать, что для такого мнения нет никаких оснований и что повысятся в цене только товары, производимые с меньшим количеством основного капитала по сравнению с *тем выполняющим роль посредника товаром, в котором выражена цена»* (здесь «относительная стоимость» приравнивается к выражению стоимости в деньгах), «и что все те товары, которые производятся с большим количеством основного капитала, обязательно упадут в цене, если повысится заработная плата. Наоборот, если заработная плата упадет, то упадут в цене лишь те товары, которые производятся с меньшим количеством основного капитала, чем тот выполняющий роль посредника товар, в котором выражена цена; все те товары, которые производятся с большим количеством основного капитала, обязательно повысятся в цене» (стр. 45) [Русский перевод, том I, стр. 60—61].

По отношению к *денежным* ценам это представляется *неверным.* Если золото по каким бы то ни было причинам повышается или падает в своей стоимости, то оно [повышается или] падает одинаково по отношению ко всем товарам, которые оцениваются в нем. Поэтому, несмотря на свою изменчивость, золото фигурирует как относительно неизменный посредник между товарами. А раз это так, то абсолютно нельзя понять, каким образом та или иная относительная комбинация основного и оборотного капитала, имеющая место в производстве золота, по сравнению с товарами, может вызвать какое-либо различие. Но здесь-то и проявляется *ошибочная предпосылка* Рикардо о том, что деньги, поскольку они служат средством обращения, обмениваются как товар на товары. Товары оценены в деньгах до того, как деньги приводят их в обращение. Предположим, что, вместо золота, посредником служит пшеница. Если бы, например, вследствие повышения заработной платы пшеница — как такой товар, в который переменный капитал, в его соотношении с постоянным, входит в размерах, превышающих средний уровень этого соотношения, — повысилась относительно в своей цене производства [Produktionspreis], то все товары оценивались бы в пшенице, имеющей более высокую «относительную стоимость». Те товары, в которые входит

больше основного капитала, выражались бы в меньшем количестве пшеницы, чем прежде, не потому, что их специфическая цена упала по отношению к пшенице, а потому, что цена вообще упала. Товар, содержащий ровно столько же [живого] труда, — в противоположность накопленному труду, — как и пшеница, обнаружил бы повышение своей цены тем, что он выражался бы в большем количестве пшеницы, [542] чем такой товар, цена которого по отношению к пшенице упала. Если те же причины, какие вызывают повышение цены пшеницы, повышают цену, например, готового платья, то хотя готовое платье не будет выражаться в большем количестве пшеницы, чем прежде, но те товары, цена которых упала по сравнению с пшеницей, например ситец, будут выражаться в меньшем количестве пшеницы. Ситец и готовое платье выражали бы разницу своих цен в пшенице как в своем посреднике.

Но Рикардо имеет в виду нечто иное. Он имеет в виду следующее: в результате повышения заработной платы пшеница повысилась бы в цене по отношению к ситцу, но не по отношению к готовому платью; следовательно, готовое платье обменивалось бы на пшеницу по ее старой цене, а ситец обменивался бы на пшеницу по ее повысившейся цене. В высшей степени нелепо само по себе предположение, что изменения в цене заработной платы в Англии поведут, например, к изменению цены издержек золота в Калифорнии, где заработная плата не повысилась. Выравнивание *стоимостей* рабочим временем, а тем более выравнивание *цен издержек* общей нормой прибыли не происходит между различными странами в такой непосредственной форме. Но возьмем даже пшеницу, отечественный продукт. Цена квартера пшеницы повысилась, положим, с 40 до 50 шилл., т. е. на 25%. Если цена готового платья тоже повысилась на 25%, то оно по-прежнему будет стоить 1 квартер пшеницы. Если цена ситца упала на 25%, то такое же самое количество ситца, которое раньше стоило 1 квартер пшеницы, будет стоить теперь только 6 бушелей пшеницы[73]. И это выражение в пшенице точно представляет соотношение цен ситца и готового платья, так как они измеряются *одной и той же* мерой, 1 квартером пшеницы.

К тому же, взгляд Рикардо еще более нелеп. *Цены* товара, служащего мерой стоимостей, а потому деньгами, вообще не существует; ибо в противном случае я должен был бы иметь, кроме товара, служащего деньгами, еще второй товар, служащий деньгами, — двойную меру стоимостей. Относительная стоимость денег выражена в бесчисленных ценах всех товаров; ибо в каждой из этих цен, в которых меновая стоимость товара

выражена в деньгах, меновая стоимость денег выражена в потребительной стоимости данного товара. Поэтому нельзя говорить о повышении или падении *цены [des* Preises] денег. Я могу сказать: цена денег в пшенице, или их цена в готовом платье, осталась той же самой; а их цена в ситце повысилась, что равносильно тому, что денежная цена ситца упала. Но я не могу сказать, что *цена* денег повысилась или упала. Однако Рикардо в самом деле думает, что цена денег, например в ситце, повысилась, или денежная цена ситца упала, потому именно, что повысилась, мол, относительная стоимость денег по отношению к ситцу, тогда как по отношению к готовому платью или к пшенице деньги сохранили ту же самую стоимость. Таким образом, эти две стоимости измеряются *неодинаковой* мерой.

Этот отдел VI *(«О неизменной мере стоимости»)* трактует о *«мере стоимостей»,* но в нем нет ничего значительного. Связь между стоимостью, ее имманентной мерой — рабочим временем, — и необходимостью *внешней* меры товарных стоимостей совершенно не понята, вопрос о ней даже не поставлен.

Уже самое начало VI отдела обнаруживает поверхностную трактовку проблемы:

«Если товары изменились в своей относительной стоимости, то *было бы желательно* иметь средство для установления того, какой из них упал и какой повысился в своей действительной стоимости, а этого можно было бы достигнуть только путем сравнения их, одного за другим, с какой-нибудь неизменной стандартной мерой, которая не была бы сама подвержена ни одному из тех колебаний, какие испытывают другие товары». Но «нет ни одного такого товара, который сам не был бы подвержен этим самым колебаниям.., т. е. нет ни одного такого товара, который не требовал бы для своего производства то больше, то меньше труда» (стр. 41—42) [Русский перевод, том I, стр. 58].

Но даже если бы такой товар и существовал, то влияния повышения или падения заработной платы и влияния различных комбинаций основного и оборотного капитала, различных степеней долговечности основного капитала, неодинаковых промежутков времени, какие должны пройти, прежде чем товар может поступить на рынок, и т. д., частично помешали бы ему

«быть совершенной мерой стоимости, с помощью которой мы могли бы точно установить изменения стоимости всех остальных вещей». Такой товар «был бы совершенной мерой стоимости для всех вещей, произведенных при точно таких же условиях, как и он сам, но он не мог бы быть такой мерой ни для каких других вещей» (стр. 43) [Русский перевод, том I, стр. 59].

Иначе говоря, при изменении цен первой из этих двух групп (остальных вещей» мы могли бы (если бы стоимость денег не повысилась и не упала) сказать, что изменение происходит от

повышения или падения «в их *стоимостях»,* т. е. в требующемся для их производства рабочем времени. Относительно же других вещей мы не могли бы знать, не происходят ли «изменения» их денежных цен от *других причин* и т. д. К этим весьма неудачным рассуждениям надо будет вернуться позже (при последующем пересмотре теории денег).

Глава 1-я, отдел VII. Кроме важного учения об *«относительных»* заработных платах, прибылях и рентах, к чему надо вернуться позже*, этот отдел содержит только положение о том, что при падении или повышении стоимости денег соответствующее повышение или падение заработной платы, прибыли и ренты ничего не изменяет в соотношении между ними, а изменяет лишь их денежное выражение. Если стоимость того же товара выражается в двойном количестве фунтов стерлингов, то удваивается также и та часть этой стоимости, которая превращается в прибыль, заработную плату или ренту. Но соотношение этих трех частей между собой и действительные стоимости, которые они представляют, остаются теми же самыми. Точно так же, если прибыль составляет вдвое большее количество фунтов стерлингов, то ведь и 100 ф. ст. выражаются теперь в 200 ф. ст.; стало быть, соотношение между прибылью и капиталом, норма прибыли, тоже остается без изменения. Изменения монетарного выражения отражаются одновременно на прибыли и капитале, равно как на прибыли, заработной плате и ренте. Это относится и к последней, поскольку она исчисляется не на акр, а на затраченный на обработку земли и т. д. капитал. Короче говоря, в этом случае изменение имеет место не в товарах и т. д.:

«Повышение заработной платы по этой причине, конечно, будет неизбежно сопровождаться повышением цен на товары; но в таких случаях можно установить, что стоимость труда и стоимости всех товаров не изменились по отношению друг к другу и что изменилась стоимость одних только денег» (стр. 47) [Русский перевод, том I, стр. 61—62].

[5)] СРЕДНИЕ ЦЕНЫ, ИЛИ ЦЕНЫ ИЗДЕРЖЕК, И РЫНОЧНЫЕ ЦЕНЫ

[а) ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ: ИНДИВИДУАЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ И РЫНОЧНАЯ СТОИМОСТЬ; РЫНОЧНАЯ СТОИМОСТЬ И РЫНОЧНАЯ ЦЕНА]

[543] Для того чтобы развить теорию дифференциальной ренты, Рикардо выдвигает в главе 2-й *(«О ренте»)* следующее положение:

* См. настоящий том, часть II, стр. 463—469. *Ред.*

«*Меновая стоимость всех товаров,* будь то промышленные изделия, продукты рудников или продукты сельского хозяйства, никогда не определяется наименьшим количеством труда, какое достаточно для их производства при наиболее благоприятных условиях, доступных лишь для тех, кто пользуется особенно выгодными обстоятельствами; наоборот, она определяется наибольшим количеством труда, какое по необходимости затрачивается на их производство теми, кто таких преимуществ не имеет, кто *продолжает* производство при самых неблагоприятных условиях; а под самыми неблагоприятными условиями следует понимать *наиболее неблагоприятные из тех, при которых необходимо продолжать* производство для того, чтобы было произведено *требуемое количество продукта»* (стр. 60—61) [Русский перевод, том I, стр. 69].

Последнее замечание не совсем правильно. «Требуемое количество продукта» не есть какая-то неизменная величина. Следовало бы сказать: определенное количество продукта, требуемое в пределах определенных цен. Если цена возрастает выше этих пределов, то вместе со спросом падает и «требуемое количество».

Вышеприведенное положение можно в общем виде выразить так: стоимость товара, — который есть продукт какой-нибудь особой сферы производства, — определяется трудом, требующимся для того, чтобы произвести *всю массу, общую сумму* товаров этой сферы производства, а не тем особым рабочим временем, которое требуется для каждого отдельного капиталиста или предпринимателя внутри этой сферы производства. Общие условия производства и общая производительность труда в этой особой сфере производства, например в хлопчатобумажной промышленности, это — средние условия производства и средняя производительность труда в этой сфере, в хлопчатобумажной промышленности. Стало быть, количество труда, определяющее стоимость, например, аршина ситца, это — не то количество труда, которое заключается в нем, которое затратил на него данный фабрикант, а среднее количество, которое затрачивают на производство аршина ситца все выступающие на рынке хлопчатобумажные фабриканты. Особые же условия, при которых производят отдельные капиталисты, например, в хлопчатобумажной промышленности, необходимым образом распадаются на три группы. Одни производят при *средних* условиях; это значит, что индивидуальные условия производства, при которых они производят, совпадают с *общими* условиями производства этой сферы. Среднее соотношение есть их *действительное* соотношение. Производительность их труда стоит на среднем уровне. *Индивидуальная* стоимость их товаров совпадает с *общей* стоимостью этих товаров. Если они, например, продают аршин ситца за 2 шилл., т. е. по его средней стоимости, то они продают его по той *стоимости,* которую

представляют in natura* произведенные ими аршины ситца. Вторая группа предпринимателей производит при условиях *лучших,* чем средние. *Индивидуальная,* стоимость их товаров стоит *ниже* общей стоимости товаров данного рода. И если они продают свои товары по этой общей стоимости, то они продают их *выше* их индивидуальной стоимости. Наконец, третья группа предпринимателей производит при таких условиях производства, которые *ниже* средних.

Как сказано, «требуемое количество продукта» данной особой сферы производства не есть какая-то неизменная величина. Если стоимость товаров выходит за определенные пределы средней стоимости, то «требуемое количество продукта» падает или это количество требуется только по данной цене — или, по крайней мере, в пределах определенных цен. Поэтому *возможно* также и то, что последняя группа предпринимателей вынуждена продавать свои товары *ниже* их индивидуальной стоимости, подобно тому как находящаяся в наилучших условиях группа предпринимателей всегда продаст свои товары *выше* их индивидуальной стоимости. Именно от численности или от пропорционального соотношения величин этих групп[74] будет зависеть, какая из них окончательно установит среднюю стоимость. Если средняя группа значительно преобладает по численности, то она и установит среднюю стоимость. Если эта группа численно мала, а группа, производящая *при условиях ниже средних,* численно велика и преобладает над остальными, то она и устанавливает общую стоимость продукта данной сферы, хотя этим еще отнюдь не сказано и даже является весьма невероятным, что решает дело как раз тот отдельный капиталист внутри этой группы, который, в свою очередь, поставлен здесь *в наименее благоприятные условия* (см. *Корбета)*[75].

Но оставим это в стороне. Общий результат таков: *общая* стоимость, которую имеют продукты данного рода, *одинакова* для всех них, как бы она ни относилась к индивидуальной стоимости каждого отдельного товара. Эта *общая* товарам данного рода стоимость есть их *рыночная стоимость,* та стоимость, с которой они выступают на рынке. Выраженная в деньгах, эта рыночная стоимость есть *рыночная цена,* подобно тому как вообще стоимость, выраженная в деньгах, есть цена. Действительная рыночная цена стоит то выше, то ниже этой рыночной стоимости и совпадает с ней лишь случайно. Но в течение известного периода колебания выравниваются, и поэтому можно сказать, что средняя действительных рыночных цен и есть та

* — в натуре, в своей натуральной форме. *Ред.*

рыночная цена, которая выражает *рыночную стоимость.* Совпадает ли в данный момент действительная рыночная цена по своей величине, *количественно,* с этой рыночной стоимостью или же нет, во всяком случае рыночная цена имеет то общее с рыночной стоимостью *качественное* определение, что все находящиеся на рынке товары одной и той же сферы производства (качество их, конечно, предполагается одинаковым) имеют *одну и ту же* цену, или являются фактически представителями *общей* стоимости товаров этой сферы.

[544] Поэтому приведенное выше положение Рикардо, выдвинутое им в связи с теорией ренты, было его учениками формулировано в том смысле, что на одном и том же рынке не могут существовать одновременно *две различные рыночные цены,* или что одновременно находящиеся на рынке продукты *одного и того же* рода имеют *одну и ту же цену,* или, — так как мы можем здесь отвлечься от случайности этой цены, — *одну и ту же рыночную стоимость.*

Итак, конкуренция — отчасти капиталистов между собой, отчасти покупателей товаров с капиталистами и между собой — приводит здесь к тому, что стоимость каждого отдельного товара в какой-нибудь особой сфере производства определяется *совокупной массой общественного рабочего времени,* которой требует *совокупная масса товаров этой особой сферы общественного производства,* а не *индивидуальными стоимостями отдельных товаров,* другими словами — не тем рабочим временем, которого стоил отдельный товар его *особым* производителям и продавцам.

Но отсюда само собой следует, что капиталисты, принадлежащие к первой группе, у которой условия производства более благоприятны, чем средние условия производства, при всех обстоятельствах получают некоторую сверхприбыль, т. е. что их прибыль *превышает* общую норму прибыли этой сферы. Следовательно, конкуренция устанавливает *рыночную стоимость,* или *рыночную цену,* не путем *выравнивания прибылей внутри* отдельной сферы производства. (Для данного исследования различие между рыночной стоимостью и рыночной ценой не имеет значения, так как различия в условиях производства и проистекающие отсюда различные нормы прибыли остаются в силе для отдельных капиталистов *одной и той же* сферы, каково бы ни было отношение рыночной цены к рыночной стоимости.) *Наоборот:* конкуренция выравнивает здесь *различные индивидуальные стоимости* в одинаковую, *равную, лишенную различий рыночную стоимость* тем именно путем, что она допускает *различия между индивидуальными прибылями,* при-

былями отдельных капиталистов, и их *отклонения* от *средней нормы прибыли* данной сферы. Она даже создает эти отклонения путем установления *одной и той же рыночной стоимости* для таких товаров, которые произведены при неодинаково благоприятных условиях производства — стало быть, при неодинаковой производительности труда — и которые, следовательно, представляют индивидуальные, *неравновеликие количества рабочего времени.* Товар, произведенный при более благоприятных условиях, *содержит* меньшее количество рабочего времени, чем товар, произведенный при менее благоприятных условиях, однако он продается по той же цене, имеет ту же стоимость, как если бы он содержал то самое рабочее время, которого он в действительности не содержит.

[б) СМЕШЕНИЕ У РИКАРДО ПРОЦЕССА ОБРАЗОВАНИЯ РЫНОЧНОЙ СТОИМОСТИ ВНУТРИ ОДНОЙ И ТОЙ ЖЕ СФЕРЫ ПРОИЗВОДСТВА И ПРОЦЕССА ОБРАЗОВАНИЯ ЦЕНЫ ИЗДЕРЖЕК В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ ПРОИЗВОДСТВА]

Для построения своей теории ренты Рикардо нуждается, между тем, в двух положениях, которые выражают не только *не одно и то же* действие конкуренции, но как раз *противоположные* ее действия. Первое положение гласит, что продукты одной и той же сферы продаются по *одной и той же рыночной стоимости,* что конкуренция, стало быть, принудительным образом вызывает *различные нормы прибыли,* т. е. отклонения от общей нормы прибыли. Второе положение гласит, что *норма прибыли* должна быть *одна и та же* для всякой затраты капитала, или что конкуренция создает *общую норму прибыли.* Первый закон имеет силу для различных самостоятельных капиталов, вложенных в *одну и ту же сферу производства.* Второй имеет силу для капиталов, поскольку они вложены в *различные сферы производства.* Своим первым действием конкуренция создает *рыночную* стоимость, т. е. *одну и ту же стоимость* для товаров одной и той же сферы производства, хотя эта *тождественная стоимость* должна порождать *различные прибыли;* стало быть, своим первым действием конкуренция создает *одну и ту же* стоимость *несмотря на наличие, или, лучше сказать, в силу наличия неодинаковых норм прибыли.* Своим вторым действием (которое, впрочем, и осуществляется иначе; это — конкуренция капиталистов в *различных* сферах, перебрасывающая капитал из одной сферы в другую, тогда как указанная выше конкуренция, поскольку она происходит

не среди покупателей, имеет место между капиталами *одной и той же* сферы) конкуренция создает *цену издержек,* т. е. *одну и ту же норму прибыли* в различных сферах производства, хотя эта *тождественная норма прибыли* противоречит неравенству стоимостей и, следовательно, может быть создана только посредством *цен, отличающихся* от стоимостей.

Так как самому Рикардо для его теории земельной ренты нужно и то и другое — *равная стоимость,* или *цена, при неравной норме прибыли* и равная *норма прибыли* при *неравных стоимостях,*— то в высшей степени странно, что он не нащупал этого двоякого определения и что даже в том разделе, где он ex professo* говорит о *рыночной цене,* в главе 4-й *(«О естественной и рыночной цене»),* он совсем не трактует о *рыночной цене,* или *рыночной стоимости,* хотя в вышеприведенном месте** он все же кладет последнюю в основу, чтобы объяснить *дифференциальную ренту* как добавочную прибыль, кристаллизующуюся в ренту. [545] Напротив, в 4-й главе он трактует лишь о сведении *цен* в *различных сферах производства* к *ценам издержек,* или *средним ценам,* т. е. о рыночных стоимостях различных сфер производства в их взаимоотношении, но не о процессе образования рыночной стоимости в каждой особой сфере, а ведь без этого процесса не существует вообще никаких рыночных стоимостей.

Рыночные стоимости каждой особой сферы производства, стало быть и *рыночные цены* каждой особой сферы (если рыночная цена соответствует *«естественной цене»,* т. е. просто выражает стоимость в деньгах), приносили бы весьма различные нормы прибыли, так как равновеликие капиталы в *различных* сферах производства (совершенно отвлекаясь от различий, проистекающих из их различных процессов обращения) применяют постоянный и переменный капитал в весьма неодинаковых пропорциях и потому приносят весьма неодинаковые прибавочные стоимости, а значит и прибыли. Поэтому такое выравнивание различных рыночных стоимостей, в результате которого в различных сферах устанавливается *одинаковая* норма прибыли и равновеликие капиталы приносят равную среднюю прибыль, становится возможным лишь тем путем, что *рыночные стоимости* превращаются в *цены издержек,* отличающиеся от действительных стоимостей***.

* — специально. *Ред.*

** См. настоящий том, часть II, стр. 220. *Ред.*

*** Возможно, что *норма прибавочной стоимости* не выравнивается в различных сферах производства (например, вследствие неодинаковой продолжительности рабочего времени). Выравнивание *нормы прибавочной стоимости* потому не *является необходимым,* что выравниваются сами прибавочные стоимости.

То, что осуществляется конкуренцией в *одной и той же* сфере производства, это — определение *стоимости товара, произведенного в этой сфере,* средним требующимся в ней рабочим временем; стало быть, установление *рыночной стоимости.* То, что осуществляется конкуренцией между *различными* сферами производства, это — *установление одной и той же общей нормы прибыли* в *различных* сферах путем выравнивания различных рыночных стоимостей в такие рыночные цены, которые представляют *цены издержек,* отличающиеся от действительных рыночных стоимостей. Таким образом, конкуренция в этом втором случае отнюдь не стремится подогнать цены товаров к их стоимостям, а, напротив, стремится свести их стоимости к отличающимся от них ценам издержек, снять различия между их стоимостями и ценами издержек.

Только это последнее движение Рикардо и рассматривает в 4-й главе; при этом он, как это ни странно, рассматривает его как сведение цен товаров — путем конкуренции — к их стоимостям, как сведение «рыночной цены» (цены, отличающейся от стоимости) к «естественной цене» (стоимости, выраженной в деньгах). Этот промах вызван, впрочем, сделанным уже в главе 1-й *(«О стоимости»)* ошибочным отождествлением цены издержек и стоимости*, что, в свою очередь, произошло оттого, что Рикардо в том месте, где ему надо было развить лишь «стоимость», т. е. где он имеет перед собой еще только *«товар»,* приплел *общую норму прибыли* и все предпосылки, проистекающие из более развитых капиталистических производственных отношений.

Поэтому и весь ход мысли, которому Рикардо следует в главе 4-й, крайне поверхностен. Он исходит из «случайных и временных изменений цены» (стр. 80) товаров вследствие изменяющихся соотношений спроса и предложения.

«С повышением или же с падением цен *прибыль* поднимается выше или же опускается ниже *общего ее уровня,* и капитал или поощряется к перемещению в ту *отдельную отрасль его приложения,* где наступило такое изменение, или предупреждается о необходимости уйти из этой отрасли» (стр. 80) [Русский перевод, том I, стр. 81].

Здесь уже предположено существование *«общего уровня прибыли»* между различными сферами производства, между «отдельными отраслями приложения капитала». А между тем сперва следовало рассмотреть, как устанавливается *общий уровень цен* в одной и той же отрасли приложения капитала и *общий уровень прибыли* между различными отраслями его

* См. настоящий том, часть II, стр. 215. *Ред.*

приложения. Рикардо увидел бы тогда, что последняя операция уже предполагает непрерывные странствования капитала, или определяемое конкуренцией *распределение всего общественного капитала между различными сферами его приложения.* Раз предположено, что в различных сферах рыночные стоимости, или средние рыночные цены, сведены к *ценам издержек,* приносящим одну и ту же среднюю норму прибыли {однако это имеет место лишь в таких сферах производства, где нет вмешательства земельной собственности; в тех сферах, где это вмешательство налицо, конкуренция внутри этих сфер может привести цены к стоимости и стоимость к рыночной стоимости, но не может снизить последнюю до цены издержек}, — раз это предположено, то более или менее постоянные отклонения рыночной цены — вверх или вниз — от цены издержек, происходящие в тех или иных особых сферах, будут вызывать повое перемещение и новое распределение общественного капитала. Первое перемещение происходит для установления отличающихся от *стоимостей цен издержек;* второе — для уравнивания *действительных рыночных цен* с ценами издержек, поскольку рыночные цены поднимаются выше или падают ниже цен издержек. Первое перемещение есть превращение стоимостей в цены издержек. Второе есть вращение действительных, [546] случайных рыночных цен в различных сферах вокруг цены издержек, которая выступает теперь как *«естественная цена»,* хотя она отличается от стоимости и представляет собой всего лишь результат общественного действия.

Именно это последнее, более поверхностное движение и рассматривает Рикардо, бессознательно смешивая его подчас с другим движением. Оба эти движения вызываются, конечно, «одним и тем же принципом», а именно тем принципом, что

> «каждый человек волен вкладывать свой капитал куда ему угодно... Он, естественно, будет искать для своего капитала наиболее выгодного помещения; он, само собой разумеется, не удовлетворится прибылью в 10%, если, вложив свой капитал в другое дело, он может получить прибыль в 15%. Это *неугомонное стремление всех капиталистов оставлять менее прибыльное дело ради более выгодного создает сильную тенденцию к выравниванию нормы прибылей у всех* или к фиксации их *в таких пропорциях,* которые, по мнению заинтересованных сторон, уравновешивают действительные или кажущиеся преимущества одних перед другими» (стр. 81) [Русский перевод, том I, стр. 81].

Тенденция эта приводит к тому, что совокупная масса общественного рабочего времени, соответственно общественной потребности, распределяется *между различными сферами производства.* Вместе с тем стоимости в различных сферах превращаются благодаря этому в цены издержек, а с другой стороны,

в отдельных сферах выравниваются отклонения действительных цен от цен издержек.

Все это ведет свое начало от А. Смита. Рикардо сам говорит:

«Ни один писатель не показал так удовлетворительно и дельно, как д-р Смит, тенденцию капитала покидать те отрасли приложения, в которых произведенные товары не покрывают *своими ценами всех издержек* по их производству и доставке на рынок, *включая и обычную прибыль»* (следовательно, не покрывают *цен издержек*) (стр. 342, примечание) [Русский перевод, том I, стр. 240].

Заслуга Рикардо, промах которого вообще проистекает из того, что он здесь *некритичен* по отношению к А. Смиту, состоит в том, что он точнее определяет эту миграцию капитала из одной сферы в другую, или, лучше сказать, самый способ этого перемещения. Но это он мог сделать только потому, что в его время кредитная система была более развита, чем во времена Смита. Рикардо говорит:

«Очень трудно, быть может, проследить *те пути,* какими *совершается* эта перемена; по всей вероятности, она совершается таким образом, что тот или иной фабрикант *не абсолютно меняет свое дело, а только уменьшает размеры капитала, вложенного им в свое предприятие.* Во всех богатых странах существует известное число людей, образующих так называемый *класс денежных людей*[*]; эти люди не занимаются *никакой промышленной или торговой деятельностью,* а живут на проценты со своих денег, которые они употребляют на учет векселей или на выдачу ссуд более *предприимчивой* части общества. Банкиры тоже применяют большой капитал для подобного рода операций. Применяемый таким способом капитал образует оборотный капитал больших размеров, которым в большей или меньшей степени пользуются все отрасли промышленности и торговли страны. Нет, пожалуй, такого фабриканта, как бы богат он ни был, который ограничивал бы свое дело теми размерами, какие допускают одни его собственные средства: он постоянно пользуется той или иной частью этого оборотного капитала, которая увеличивается или уменьшается в зависимости от интенсивности спроса на его товары. Когда увеличивается спрос на шелк и уменьшается спрос на сукно, фабрикант сукна не переходит со своим капиталом в шелковую промышленность, а увольняет часть своих рабочих и перестает делать займы у банкиров и у денежных людей; между тем как у фабриканта шелка происходит обратное: он теперь *занимает больше денег,* и *таким способом капитал перемещается из одной отрасли в другую без необходимости для фабриканта прекращать свое обычное дело.* Когда мы посмотрим на рынки большого города, мы увидим, как регулярно они снабжаются отечественными и иностранными товарами в требуемом количестве при всех условиях меняющегося спроса, зависящего от прихотей вкуса или от изменения в численности населения, и как редко происходит переполнение рынка от слишком изобильного предложения или возникает непомерная дороговизна от недостаточности предложения по сравнению со спросом, и мы должны будем

[*] Здесь Рошер опять-таки мог бы увидеть, что англичанин понимает под «классом денежных людей». «Класс денежных людей» прямо противопоставляется здесь «предприимчивой части общества»[76].

признать, что *принцип, регулирующий распределение капитала между всеми отраслями промышленности и торговли* в требуемых размерах, является более действенным, чем это обыкновенно полагают» (стр. 81—82) [Русский перевод, том I, стр. 81—82].

Таким образом, *кредит* и есть тот фактор, который предоставляет капитал всего класса капиталистов в распоряжение каждой сферы производства не в соответствии с суммой собственного капитала капиталистов этой сферы, а в соответствии с потребностями их производства, — тогда как в конкуренции отдельный капитал выступает самостоятельно по отношению к другому. Этот кредит является как результатом, так и условием капиталистического производства, и это дает нам прекрасный переход от *конкуренции капиталов* к *капиталу как кредиту.*

[в) ДВА РАЗЛИЧНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ «ЕСТЕСТВЕННОЙ ЦЕНЫ» У РИКАРДО. ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕН ИЗДЕРЖЕК В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИЗМЕНЕНИЙ В ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА]

В начале главы 4-й Рикардо говорит, что под *«естественной ценой»* он понимает *«стоимость»* товаров, т. е. *цену,* определяемую их относительным рабочим временем, а под *«рыночной ценой»* — случайные и временные отклонения от этой «естественной цены», отождествляемой со «стоимостью». [547] Но на всем дальнейшем протяжении главы — и притом даже в совершенно определенных выражениях — он под *«естественной ценой»* понимает нечто совсем другое, а именно *цену издержек,* отличающуюся от стоимости. Поэтому, вместо того чтобы показать, как конкуренция превращает стоимости в цены издержек и, следовательно, создает постоянные отклонения от стоимостей, он излагает по А. Смиту, как конкуренция сводит к ценам издержек существующие в различных, взаимодействующих друг с другом, отраслях производства рыночные цены.

Так, в начале главы 4-й говорится следующее:

«Если мы принимаем *труд* за *основу* стоимости товаров, а *сравнительное количество труда,* необходимое для их производства, за меру, определяющую соответственные количества товаров, которые должны быть даны в обмен друг на друга, то из этого еще не следует, что мы отрицаем *случайные и временные отклонения фактической,* или *рыночной, цены* товаров от этой их *первичной и естественной цены»* (стр. 80) [Русский перевод, том I, стр. 81].

Здесь, следовательно, *«естественная цена»* отождествляется со *стоимостью,* а рыночная цена выражает не что иное, как отклонение фактической цены от стоимости.

Напротив:

«Предположим, что все товары продаются по своей *естественной, цене* и, *следовательно,* что *нормы прибыли на капитал* во *всех отраслях* совершенно *одинаковы* или же разнятся между собой лишь настолько, насколько эта разница, по мнению заинтересованных сторон, уравновешивается какой-либо действительной или воображаемой выгодой, которой они обладают или от которой они отказываются» (стр. 83) [Русский перевод, том I, стр. 83].

Здесь, следовательно, *«естественная цена»* отождествляется с *ценой издержек,* т. е. с той ценой, при которой отношение прибыли к затратам, заключающимся в товаре, одно и то же несмотря на то, что равные *стоимости* товаров, произведенных капиталами в различных отраслях, содержат весьма *неравные* прибавочные стоимости, а значит и *неравные прибыли.* Для того чтобы приносить одну и ту же прибыль, цена, следовательно, должна отличаться от стоимости товара. С другой стороны, равновеликие капиталы производят *товары весьма неравной стоимости* в зависимости от того, большая или меньшая часть основного капитала входит в товар. Но об этом — при рассмотрении обращения капиталов.

Вот почему под выравнивающим действием конкуренции Рикардо понимает всего лишь колебание фактических цен, или фактических рыночных цен, вокруг *цены издержек,* или *«естественной цены»,* как отличающейся от *стоимости,* — сведение рыночных цен в различных отраслях к общим ценам издержек, т. е. именно к тем ценам, которые отличаются от действительных стоимостей в той или другой отрасли производства:

«Таким образом, стремление каждого капиталиста извлекать свои фонды из менее прибыльного дела и помещать их в более прибыльное дело не позволяет *рыночной цене* товаров надолго оставаться или много выше или много ниже их *естественной цены.* Как раз эта конкуренция так регулирует *меновые стоимости»* {а также и *различные действительные* стоимости} «товаров, что после выдачи заработной платы за труд, необходимый для их производства, и покрытия всех прочих издержек, требующихся для того, чтобы применяемый капитал восстановил свою первоначальную эффективность, *остаток стоимости, или избыток ее,* будет в *каждой отрасли* пропорционален *стоимости* затраченного *капитала»* (стр. 84) [Русский перевод, том I, стр. 83].

Это совершенно верно. Конкуренция регулирует цены в различных отраслях таким образом, что *остаток стоимости, или избыток ее,* т. е. прибыль, соответствует *стоимости затраченного капитала,* а не действительной стоимости товара, не действительному избытку стоимости, который содержится в товаре после вычета издержек. Для осуществления этого регулирования цена одного товара должна подняться выше, а цена

другого — опуститься ниже их соответственных действительных стоимостей. Конкуренция заставляет рыночные цены в различных отраслях производства вращаться не вокруг стоимости товаров, а вокруг их цены издержек, т. е. вокруг содержащихся в товарах издержек плюс общая норма прибыли. Рикардо продолжает:

«В 7-й главе «Богатства народов» превосходно исследовано все относящееся к этому вопросу») (стр. 84) [Русский перевод, том I, стр. 84].

Действительно. Некритическая вера в смитовскую традицию и сбивает здесь Рикардо с пути.

Рикардо заключает главу, как обычно, заявлением, что в дальнейшем исследовании он будет «оставлять совершенно без рассмотрения» (стр. 85) [Русский перевод, том I, стр. 84] случайные отклонения рыночных цен от цены издержек, но он упускает из виду, что совсем не принял во внимание *постоянных* отклонений рыночных цен, поскольку они соответствуют ценам издержек, от действительных стоимостей товаров и подменил стоимость ценой издержек.

Глава 30-я называется *«О влиянии спроса и предложения на цены».*

Здесь Рикардо защищает то положение, что действующая на протяжении более или менее длительного периода цена определяется *ценой издержек,* а не *спросом и предложением,* — стало быть, определяется *стоимостью* товаров лишь постольку, поскольку эта стоимость определяет цену издержек. Если предположить, что цены товаров так отрегулированы, что все они приносят 10% прибыли, то всякое устойчивое их изменение будет определяться изменением в стоимостях этих товаров, в требующемся для их производства рабочем времени. Подобно тому как эта стоимость продолжает определять общую норму прибыли, так и ее изменения продолжают определять изменения цен издержек, хотя этим, конечно, *не уничтожается разница между этими ценами издержек и стоимостями.* Уничтожается лишь то, что выходит за пределы этой разницы, ибо разница между стоимостью и фактической ценой не должна быть [548] больше, чем *вызванная общей нормой прибыли разница между ценами издержек и стоимостями.* Вместе с изменениями стоимостей товаров изменяются и их цены издержек. Образуется *«новая естественная цена»* (стр. 460) [Русский перевод, том I, стр. 314]. Если, например, рабочий может произвести 20 шляп в то же время, в какое он прежде производил 10 шляп, и если заработная плата составляла половину издержек производства шляпы, то для 20 шляп затраты, издержки производства,

поскольку они состоят из заработной платы, уменьшились наполовину. Ибо теперь для производства 20 шляп выплачивается такая же заработная плата, какая раньше выплачивалась для производства 10. В каждой шляпе, следовательно, теперь заключается лишь половина прежних расходов на заработную плату. Если бы фабрикант шляп продал свои шляпы по прежней цене, то он продал бы их выше цены издержек. Если прибыль равнялась раньше 10% (при предположении, что расход, необходимый для изготовления определенного количества шляп, первоначально составлял 50 на сырье и т. д. и 50 — на труд), то теперь она равнялась бы [$46^2/_3$%, так как издержки производства того же количества шляп] составляют теперь 50 на сырье и т. д. и 25 — на заработную плату. Итак, если товар продается по прежней цене, то прибыль составит теперь $^{35}/_{75}$, или $46^2/_3$%. Новая «естественная цена» понизится, стало быть, вследствие понижения стоимости настолько, что цена будет давать только 10% прибыли. Уменьшение стоимости, или рабочего времени, необходимого для производства товара, обнаруживается в том, что на *то же количество* товара затрачивается меньше рабочего времени, а значит и меньше *оплаченного рабочего времени,* меньше *заработной платы,* и что поэтому уменьшается также и та сумма заработной платы *(по абсолютной величине;* это *не предполагает* понижения *нормы заработной платы*), которая выплачивается пропорционально за производство *каждой единицы* товара.

Это имеет место в том случае, если изменение стоимости произошло в самом производстве шляп. Если бы оно произошло в производстве сырья или орудий труда, то в этих сферах это выразилось бы точно так же в виде сокращения расхода на заработную плату, необходимую для производства определенного количества продукта, а для фабриканта шляп это получило бы свое выражение в том, что его постоянный капитал стоил бы ему меньше.

Цены издержек, или *«естественные цены»* (которые решительно ничего общего не имеют с «естеством», с природой), могут двояким образом изменяться вследствие изменения — в данном случае уменьшения — *стоимостей* товаров: *во-первых,* когда уменьшается заработная плата, расходуемая на производство данного количества товаров, в результате уменьшения всей абсолютной массы труда, затрачиваемого на это количество товаров, — как оплаченного, так и неоплаченного;

во-вторых, когда вследствие увеличившейся или уменьшившейся производительности труда (как то, так и другое может

иметь место: первое, когда переменный капитал уменьшается по сравнению с постоянным; второе, когда заработная плата повышается вследствие вздорожания жизненных средств) изменяется отношение прибавочной стоимости к стоимости товара или к стоимости, созданной содержащимся в нем [вновь присоединенным] трудом; когда, следовательно, повышается или падает норма прибыли; когда изменяется то соотношение, в котором вся масса [вновь присоединенного] труда делится на оплаченный и неоплаченный труд.

Это последнее обстоятельство могло бы вызывать изменения в ценах производства, или ценах издержек, только в той мере, и какой на них влияют изменения в стоимости труда. В первом случае стоимость труда остается та же. В последнем же случае изменяются не *стоимости* товаров, а только распределение между [необходимым] трудом и прибавочным трудом. Однако в этом случае все же имело бы место изменение производительности [труда], а стало быть и стоимости *каждой единицы* товара. Один и тот же капитал будет в одном случае производить больше товаров, в другом — меньше, чем прежде. Масса товаров, в которой он представлен, имела бы *ту же самую стоимость,* но *единица товара* имела бы стоимость, отличную от прежней. Хотя стоимость заработной платы не определяет стоимости товаров, но стоимость товаров (входящих в потребление рабочих) определяет стоимость заработной платы.

Раз даны цены издержек товаров в различных отраслях, они повышаются или падают относительно друг друга с изменением стоимостей товаров. Если повышается производительность труда, т. е. уменьшается рабочее время, требующееся для производства *определенного товара,* и, стало быть, *падает* его *стоимость* — безразлично, происходит ли это изменение производительности в труде, затрачиваемом на последней стадии, или в труде, содержащемся в постоянном капитале, необходимом для производства данного товара, — то и цена издержек этого товара должна соответственно упасть. *Абсолютная масса затраченного на него труда* уменьшилась, а значит уменьшилась также и масса содержащегося в этом товаре оплаченного труда, масса израсходованной на него заработной платы, хотя бы даже норма заработной платы осталась прежней. Если бы товар продавался по своей старой цене издержек, то он приносил бы прибыль более высокую, чем общая норма прибыли, потому что прежде эта прибыль равнялась 10% на более высокие затраты. Следовательно, теперь на уменьшившиеся затраты прибыль составила бы больше 10%. Наоборот, когда производительность труда уменьшается, действительные стоимости това-

ров повышаются. Если норма прибыли дана, или, что то же самое, если даны цены издержек, то относительное повышение или падение этих цен зависит от повышения или падения, от изменения действительных стоимостей товаров. Вследствие этого изменения на место старых цен выступают новые цены издержек, или, как выражается Рикардо, следуя за Смитом, «новые естественные цены».

В только что цитированной 30-й главе Рикардо даже и по названию отождествляет «естественную цену», т. е. цену издержек, с «естественной стоимостью», т. е. со стоимостью, определяемой рабочим временем:

«Их цена» (цена монополизированных товаров) «не имеет никакой необходимой связи с их *естественной стоимостью;* но *цены* тех товаров, которые подчинены действию конкуренции.., в конечном счете будут зависеть... от... *издержек их производства»* (стр. 465) [Русский перевод, том I, стр. 317].

Здесь, следовательно, цены издержек, или «естественные цены», прямо [549] отождествляются с *«естественной стоимостью»,* т. е. со *«стоимостью».*

Этой путаницей объясняется то, почему после Рикардо многие позднейшие молодчики, подобно самому Сэю, могли принимать «издержки производства» за последний регулятор цен, не имея ни малейшего понятия об определении стоимости рабочим временем, более того, даже прямо отрицая это определение при одновременном отстаивании «издержек производства».

Весь этот промах Рикардо и вытекающая отсюда неправильная трактовка земельной ренты и т. д., а также неправильные законы относительно *нормы прибыли* и т. д. проистекают из того, что Рикардо не отличает *прибавочную стоимость* от *прибыли* и вообще, подобно остальным политико-экономам, грубо и без понимания обращается с *определениями формы.* Каким образом он оказался в плену у Смита, видно будет из дальнейшего. [549]

* * *

[XII—636] (К вышесказанному надо добавить еще следующее замечание:

Рикардо не знает никакого другого различия между *стоимостью* и *естественной ценой,* кроме того различия, что естественная цена представляет собой денежное выражение стоимости и, следовательно, может изменяться в результате изменения в стоимости драгоценных металлов при отсутствии изменений в стоимости самого товара. Но такого рода изменение

естественной цены касается только оценки, только выражения стоимости в деньгах. Так, например, Рикардо говорит:

«Она» (внешняя торговля) «может регулироваться только путем изменения *естественной цены,* а не *естественной стоимости,* по которой товары могут производиться в тех или других странах, а это изменение естественной цены вызывается изменением в распределении драгоценных металлов» (цит. соч., стр. 409) [Русский перевод, том I, стр. 281].) [XII—636]

[Б. ТЕОРИЯ ЦЕНЫ ИЗДЕРЖЕК У СМИТА]

[1) ОШИБОЧНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТЕОРИИ ЦЕНЫ ИЗДЕРЖЕК У СМИТА. НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ РИКАРДО, СОХРАНИВШЕГО СМИТОВСКОЕ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ СТОИМОСТИ И ЦЕНЫ ИЗДЕРЖЕК]

[XI—549] Относительно А. Смита следует прежде всего заметить, что и по его мнению

«всегда существуют некоторые товары.., цена которых распадается лишь на *две* части, на заработную плату и прибыль на капитал» (книга I, глава 6, том I [франц. издания 1802 года], стр. 103) [Русский перевод: *А. Смит.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.—Л., 1935, том I, стр. 48].

Различие между Смитом и Рикардо в *этом* вопросе можно, следовательно, оставить здесь совсем без внимания.

После того как Смит вначале развил тот взгляд, что меновая стоимость сводится к определенному количеству труда и что стоимость, содержащаяся в меновой стоимости, за вычетом сырья и т. д., распадается на ту часть труда, которая оплачивается рабочему, и ту его часть, которая ему не оплачивается, причем эта неоплачиваемая часть распадается на прибыль и ренту (а прибыль, в свою очередь, может распадаться на прибыль и процент), — после этого он вдруг делает крутой поворот и, вместо того чтобы разлагать меновую стоимость на заработную плату, прибыль и ренту, объявляет их, наоборот, теми факторами, которые образуют меновую стоимость, заставляет их, в качестве самостоятельных меновых стоимостей, образовывать меновую стоимость продукта, складывает меновую стоимость товара из определяемых самостоятельно и независимо от нее стоимостей заработной платы, прибыли и ренты. Вместо того чтобы стоимость была их источником, они становятся источником стоимости.

«Заработная плата, прибыль и *рента* представляют собой *три первичных источника* всякого дохода, точно так же как и *всякой меновой стоимости»* (там же, стр. 105) [Русский перевод, том I, стр. 49].

После того как Смит изобразил внутреннюю связь исследуемого им предмета, он вдруг снова подпадает под власть видимости явления, под власть *связи вещей, как она проявляется, в конкуренции,* а в конкуренции все представляется всегда в извращенном, поставленном на голову виде.

Именно исходя из этого превратного отправного пункта, Смит устанавливает различие между *«естественной ценой* товаров» и их *«рыночной ценой».* Рикардо перенимает это у Смита, но при этом забывает, что смитовская «естественная цена», в соответствии с предпосылками Смита, есть не что иное, как проистекающая из конкуренции *цена издержек* и что эта цена издержек у самого Смита лишь постольку тождественна со *«стоимостью»* товара, поскольку Смит забывает свой более глубокий взгляд и остается при ошибочном взгляде, почерпнутом из поверхностной *видимости,* будто меновая стоимость товаров образуется путем сложения самостоятельно определяемых стоимостей заработной платы, прибыли и ренты. Повсюду борясь против этого взгляда, Рикардо, однако, принимает основанное *на нем* смешение или отождествление *меновой стоимости* и *цены издержек,* или *«естественной цены»,* имеющее место у А. Смита. Это смешение у Смита может быть оправдано, так как все его исследование о *«естественной цене» исходит* из его второго, ошибочного взгляда на *стоимость.* У Рикардо же оно ничем не оправдано, так как он нигде не принимает этого ошибочного взгляда Смита, а напротив, ex professo опровергает его как непоследовательность. Смиту удалось, однако, снова поймать его на удочку при помощи *«естественной цены».*

После того как Смит *сложил* стоимость товара из независимо от нее и самостоятельно определяемых *стоимостей заработной платы, прибыли* и *ренты,* он затем задает себе вопрос, как же определяются эти элементарные стоимости. И Смит исходит здесь из явления, рассматривая его в том виде, какой оно имеет в конкуренции.

7-я глава I книги называется *«О естественной цене товаров и их рыночной цене».*

«В каждом обществе или в каждой местности *существует обычная,* или *средняя, норма* для заработной платы — прибыли — ренты». Эта «средняя норма может быть названа *естественной нормой* заработной платы, прибыли и ренты для того времени и места, когда и где эта норма в общем господствует». «Если *цена* какого-нибудь товара как раз такова, что ее хватает на оплату ренты, заработной платы и прибыли соответственно их *естественным* нормам, то товар этот продается по его *естественной цене (natural price)»* (стр. 110—111) [Русский перевод, том I, стр. 52].

Эта естественная цена есть тогда *цена издержек* товара, а цена издержек отождествляется со *стоимостью* товара, так как ведь предположено, что стоимость товара образуется из стоимостей заработной платы, прибыли и ренты.

«Товар [550] в таком случае *продается как раз за то, чего он стоит»* (товар тогда продается по своей *стоимости),* «или» (или!) «за то, во что *он* действительно *обходится* тому, кто доставляет его на рынок» (по его *стоимости или* по его *цене издержек* для того, кто доставляет этот товар на рынок), «ибо, хотя при обычном словоупотреблении, когда говорят об *издержках производства* товара, *в них не включается прибыль* того человека, который продает произведенный им товар, тем не менее этот человек, несомненно, терпел бы убыток в своем деле, если бы он продавал свой товар по *цене, не дающей ему обычной* в его местности *прибыли,* потому что *эту прибыль* он мог бы получить, *применив свой капитал каким-нибудь иным способом»* (стр. 111) [Русский перевод, том I, стр. 52].

Здесь перед нами вся история возникновения «естественной цены», и к тому же еще выраженная вполне соответствующим языком и построенная при помощи вполне соответствующей логики. Так как, по Смиту, стоимость товара образуется ценами заработной платы, прибыли и ренты, а истинная стоимость последних, в свою очередь, образуется точно таким же образом, то ясно, что в тех случаях, когда они стоят на своем *естественном уровне,* стоимость *товара* тождественна с его *ценой издержек,* а последняя — с *«естественной ценой»* товара. Уровень прибыли, т. е. норма прибыли, равно как и норма заработной платы, предполагается как нечто заранее *данное.* Для *образования* цены издержек они, действительно, даны. Они служат ей *предпосылками.* Поэтому они и отдельному капиталисту представляются данными. Его совершенно не интересует, как, где и почему они возникают. Смит становится здесь на точку зрения отдельного капиталиста, агента капиталистического производства, который устанавливает цену издержек своего товара. Столько-то идет на заработную плату и т. д., столько-то составляет общая норма прибыли. *Ergo*[*]... Так *представляется* этому капиталисту та операция, посредством которой устанавливается *цена издержек* товара, или, как это ему далее представляется, *стоимость* товара, ибо он знает также, что рыночная цена стоит то выше, то ниже этой цены издержек, которая поэтому представляется капиталисту идеальной ценой товара, его абсолютной ценой в отличие от колебаний его цены, короче — его *стоимостью,* — поскольку капиталист имеет вообще время

[*] — Следовательно (этим словом обычно начинается вывод, делаемый из тех или иных данных предпосылок). *Ред.*

размышлять о подобных вещах. И, переносясь в самую гущу конкуренции, Смит тотчас же начинает строить свои рассуждения вкривь и вкось, в соответствии со своеобразной логикой захваченного этой сферой капиталиста. Он выдвигает возражение: в обыденной жизни под *издержками* не подразумевают *прибыль,* которую получает продавец (и которая необходимым образом составляет избыток над его затратами); почему же ты включаешь прибыль в цену издержек? Вместе с глубокомысленным капиталистом, которому ставится этот вопрос, А. Смит отвечает так:

Прибыль вообще должна входить в цену издержек, так как я был бы обманут даже и в том случае, если бы в цену издержек входила прибыль *всего лишь* в 9% вместо 10%[77].

Эта наивность, с какою Смит, с одной стороны, смотрит на вещи глазами агента капиталистического производства и изображает их совершенно так, как они представляются этому последнему и им мыслятся, как они определяют его практическую деятельность и как они по видимости происходят на деле, в то время как Смит, с другой стороны, местами вскрывает более глубокую связь явлений, — эта наивность придает его книге немалую прелесть.

Здесь также видно, почему Смит — несмотря на большие внутренние сомнения по этому вопросу — разлагает стоимость товара только на ренту, прибыль, заработную плату и опускает постоянный капитал, хотя и признаёт его, конечно, у каждого «отдельного» капиталиста. Ведь в противном случае надо было бы сказать, что стоимость товара состоит из заработной платы, прибыли, ренты и такой части стоимости товара, которая не состоит из заработной платы, прибыли, ренты. Таким образом, было бы необходимо устанавливать стоимость независимо от заработной платы, прибыли и ренты.

Если, кроме возмещения затраты на среднюю заработную плату и т. д., цена товара доставляет еще среднюю прибыль и — в тех случаях, когда в число затрат входит и земельная рента — также и среднюю ренту, то товар продается по своей *«естественной цене»,* или по *цене издержек,* и притом цена издержек товара равна его *стоимости,* так как его стоимость и есть, по Смиту, не что иное, как сумма естественных стоимостей заработной платы, прибыли и ренты.

[551] В остальном, став уже на точку зрения конкуренции и *предположив* норму прибыли и т. д. как нечто *данное,* Смит правильно развивает *«естественную цену»,* или *цену издержек,* а именно — эту цену издержек в отличие от рыночной цены.

«Естественная цена, или полная *стоимость* ренты, прибыли и заработной платы, которые должны быть оплачены для того, чтобы он» (товар) «поступал на рынок».

Эта цена издержек товара отличается от его *«фактической цены»,* или *«рыночной цены»* (стр. 112) [Русский перевод, том I, стр. 53]. Последняя зависит от спроса и предложения.

Издержки производства товара, или его цена издержек, как раз и есть «полная стоимость ренты, заработной платы и прибыли, которые должны быть оплачены для того, чтобы этот товар поступал на рынок». Если спрос и предложение находятся в соответствии друг с другом, то «рыночная цена» равна «естественной цене».

«Если поступившее на рынок количество как раз достаточно для удовлетворения действительного спроса и не выходит за эти пределы, то *рыночная цена* будет, конечно, в точности соответствовать... *естественной цене»* (стр. 114) [Русский перевод, том I, стр. 54]. «Таким образом, *естественная* цена есть, так сказать, та центральная точка, к которой постоянно тяготеют цены всех товаров. Различные случайные обстоятельства могут иногда держать их некоторое время выше естественной цены, а иногда опускать их несколько ниже ее» (стр. 116) [Русский перевод, том I, стр. 55].

Отсюда Смит заключает затем, что в целом

«вся сумма производственной деятельности, употребляемой в течение года для того, чтобы тот или иной товар поступил на рынок», будет соответствовать потребностям общества, или «действительному спросу» (стр. 117) [Русский перевод, том I, стр. 55].

То, что Рикардо рассматривает как распределение совокупного капитала между различными отраслями производства, здесь еще выступает в более наивной форме «производственной деятельности», необходимой для того, чтобы произвести «тот или иной *определенный* товар». Выравнивание цен у продавцов *одного и того же* товара в рыночную цену и выравнивание рыночных цен *различных* товаров в цену издержек здесь еще хаотически перекрещиваются друг с другом.

Лишь совершенно мимоходом Смит затрагивает здесь вопрос о влиянии колебания действительных стоимостей товаров на «естественные цены», или цены издержек.

А именно, он говорит:

В земледелии «одно и то же количество труда будет производить в различные годы весьма различные количества товаров, тогда как в других отраслях производства оно всегда будет производить одно и то же или почти одно и то же количество. Одно и то же количество рабочих будет производить в земледелии в различные годы весьма различные количества хлеба, вина, растительного масла, хмеля и т. д. Но одно и то же число прядильщиков и ткачей будет производить каждый год одно и то же или почти одно и то же количество холста или сукна... В других отраслях

производства» (не в земледелии), «где *продукт одинаковых количеств труда всегда остается одинаковым* или почти одинаковым» (т. е. пока условия производства остаются *одними и теми же),* «он может более точно сообразоваться с действительным спросом» (стр. 117—118) [Русский перевод, том I, стр. 55].

Здесь Смит видит, что простое изменение производительности «одинаковых количеств труда» — следовательно, изменение действительных стоимостей товаров — изменяет цены издержек. Он опошляет это снова, сводя все дело к соотношению между предложением и спросом. Согласно его же собственным рассуждениям, эта его трактовка вопроса неправильна. Ибо если в земледелии «одинаковые количества труда» вследствие условий погоды и т. д. доставляют различные массы продуктов, то Смит сам показал, как благодаря машинам, разделению труда и т. д. «одинаковые количества труда» доставляют весьма различные массы продукта также и в промышленности и т. д. Таким образом, не в *этом* различие между земледелием и прочими отраслями производства. Различие это состоит в том, что в одном случае «производительная сила» применяется «в заранее определенной степени», а в другом она зависит от случайностей природы. Но остается как результат то, что *стоимость товаров,* или то количество труда, которое, в зависимости от производительности труда, приходится затрачивать на производство тех или иных данных товаров, изменяет их цены издержек.

В приводимом ниже положении А. Смита уже содержится также мысль о том, что перемещение капиталов из одной отрасли производства в другую устанавливает цену издержек в различных отраслях. Но у Смита это выражено не так ясно, как у Рикардо. Ибо если [552] цена товара падает *ниже* его *«естественной цены»,* то это происходит, согласно рассуждению Смита, потому, что один из элементов этой цены падает *ниже* естественного уровня, или естественной нормы. Поэтому [такое падение цены товара устраняется] не отливом *одних только капиталов,* или их перемещением, а тем, что либо труд, либо капитал, либо земля переходит из одной отрасли в другую. Здесь взгляд Смита более последователен, чем взгляд Рикардо, но ошибочен.

«Какая бы из частей этой цены» (естественной цены) «ни оплачивалась ниже своей *естественной* нормы, те люди, интересы которых затронуты этим, вскоре заметили бы понесенный ими ущерб и немедленно *извлекли бы из данной отрасли производства столько земли или труда или капитала,* что поступающее на рынок количество этого товара вскоре оказалось бы всего лишь достаточным для удовлетворения действительного спроса. Следовательно, *рыночная цена* этого товара вскоре повысится до уровня его *естественной цены;* по крайней мере это произойдет там, где господствует полная свобода» (стр. 125) [Русский перевод, том I, стр. 58].

Здесь между Смитом и Рикардо имеется существенное различие в том, как они понимают приведение к *«естественной цене».* Понимание Смита покоится на его ошибочном предположении, будто три указанных элемента самостоятельно определяют стоимость товара, тогда как понимание Рикардо основывается на правильном предположении, что одна лишь *средняя, норма прибыли* (при данной заработной плате) устанавливает цены издержек.

[2) ТЕОРИЯ СМИТА О «ЕСТЕСТВЕННОЙ НОРМЕ» ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ, ПРИБЫЛИ И РЕНТЫ]

«Естественная цена сама изменяется с изменением *естественной нормы* каждой из составляющих ее частей — заработной платы, прибыли и ренты» (стр. 127) [Русский перевод, том I, стр. 59].

И вот Смит пытается в главах 8, 9, 10 и 11-й книги I определить «естественную норму» этих «составляющих цену частей» — заработной платы, прибыли, ренты — и изменения этой нормы.

Глава 8-я называется *«О заработной плате».*

В начале главы о заработной плате Смит, покидая иллюзорную точку зрения конкуренции, анализирует прежде всего истинную природу прибавочной стоимости, рассматривая прибыль и ренту как всего лишь формы прибавочной стоимости.

При рассмотрении заработной платы у Смита есть прочный исходный пункт для определения ее «естественной нормы», а именно — стоимость самой рабочей силы: *необходимая заработная плата.*

«Человек всегда должен иметь возможность существовать своим трудом, и его заработная плата должна по меньшей мере быть достаточной для его существования. Она в большинстве случаев должна даже несколько превышать этот уровень, так как иначе рабочему было бы невозможно содержать семью, и раса этих рабочих вымерла бы в первом же поколении» (стр. 136) [Русский перевод, том I, стр. 63].

Но это положение, с другой стороны, теряет у Смита всякое значение, потому что он здесь ни разу не задает себе вопроса, чем же определяется стоимость необходимых жизненных средств, т. е. он не ставит вопроса о том, чем же вообще определяется стоимость *товара.* И так как Смит отошел от своего основного воззрения, то он вынужден здесь сказать: цена заработной платы определяется ценой жизненных средств, а цена жизненных средств определяется ценой заработной платы. Предположив заранее, что *стоимость* заработной платы фиксирована, он затем точно описывает ее колебания в том виде, в каком они

обнаруживаются в конкуренции, и те обстоятельства, которыми эти колебания вызываются. Это относится к экзотерической части [воззрений Смита] и нас здесь нисколько не касается.

{В особенности Смит описывает влияние [на заработную плату] «возрастания» *(накопления)* капитала, но не говорит нам, чем это последнее определяется. Ведь это «возрастание» может совершаться быстро только в двух случаях: или в том случае, если норма заработной платы относительно низка, а производительность труда велика (в этом случае повышение заработной платы всегда является лишь следствием ее низкого уровня в течение всего предшествовавшего времени), или в том случае, если норма накопления низка [т. е. низка норма прибыли], но производительность труда велика. В первом случае Смит должен был бы, со своей точки зрения, норму заработной платы выводить из нормы прибыли (т. е. из нормы заработной платы), а во втором случае — из массы прибыли. Это, однако, опять-таки сделало бы необходимым исследовать *стоимость* товара.}

Смит хочет вывести стоимость товара из стоимости труда как одного из составляющих ее элементов. А высоту заработной платы он выводит, с другой стороны, из того, что

«заработные платы... не следуют за колебаниями цен на съестные продукты» (стр. 149) и что «заработные платы в разных местностях различаются между собой больше, чем цены на съестные продукты» (стр. 150) [Русский перевод, том I, стр. 68].

Фактически вся эта глава не содержит ничего, относящегося к делу, кроме определения *минимума заработной платы,* alias* стоимости рабочей силы. Здесь Смит инстинктивно снова выдвигает свое более глубокое воззрение, а затем опять оставляет его, так что даже вышеупомянутое определение ни к чему у него не приводит. В самом деле, чем определяется *стоимость* необходимых жизненных средств, а значит и вообще стоимость товаров? Отчасти «естественной ценой труда». А чем определяется эта последняя? Стоимостью жизненных средств или товаров вообще. Жалкое вращение в кругу, из которого нет выхода. В остальном глава не содержит ни слова о самом предмете, о *«естественной цене* труда», [553] а содержит только исследования о повышении заработной платы выше уровня «естественной нормы», а именно — в соответствии с быстротой накопления капитала, с его прогрессирующим накоплением. Затем исследуются различные состояния общества, где это имеет место, а под конец Смит наносит прямой удар определению

* — иначе говоря. *Ред.*

стоимости товара заработной платой, а заработной платы — стоимостью необходимых жизненных средств, доказывая, что в Англии это, по-видимому, не имеет места. Сюда же — так как заработная плата определяется количеством средств, необходимым не только для жизни наличного населения, но и для его воспроизводства, — входит и кое-что похожее на мальтусовскую теорию народонаселения.

А именно, после того как А. Смит сделал попытку доказать, что заработная плата в XVIII столетии, особенно в Англии, *повысилась,* он ставит вопрос, следует ли это рассматривать «как выгоду или как невыгоду для общества» (стр. 159) [Русский перевод, том I, стр. 72]. В этой связи он затем снова возвращается мимоходом к своему более глубокому воззрению, согласно которому прибыль и рента — всего лишь доли, получаемые *из продукта* труда рабочего. Рабочие, говорит он,

«во-первых, составляют преобладающую часть общества. Ну а разве можно когда-либо рассматривать как невыгоду для целого то, что улучшает участь большей части этого целого? Общество, без сомнения, не может рассматриваться как счастливое и преуспевающее, если преобладающая часть членов общества остается бедной и несчастной. Кроме того, простая справедливость требует, чтобы те, кто кормит, одевает и обеспечивает жилищами *всю нацию,* имели *такую долю в продукте своего собственного труда,* которая по крайней мере была бы *достаточна* для того, чтобы у них самих имелась сносная пища, одежда и квартира» (стр. 159—160) [Русский перевод, том I, стр. 72].

В этой связи Смит и касается теории народонаселения:

«Хотя, вне всякого сомнения, бедность отпугивает от заключения брака, она все же не всегда делает его невозможным; она как будто даже способствует размножению... Бесплодие, столь частое явление у женщин высшего света, крайне редко встречается у женщин низшего положения... Но если бедность не препятствует рождению детей, она очень сильно затрудняет их воспитание. Нежное растение порождено на свет, но на такой холодной почве и в таком суровом климате, что оно скоро увядает и погибает... Всякий вид животных естественно размножается в соответствии с количеством имеющихся для него средств существования, и ни один вид не может размножиться за эти пределы. Но в цивилизованных обществах только у низших классов народа недостаток средств существования может ставить предел дальнейшему размножению рода человеческого... *Спрос на людей с необходимостью регулирует производство людей,* точно так же, как это имеет место со всяким другим товаром; этот спрос ускоряет производство людей, когда оно происходит слишком медленно, и задерживает его, когда оно идет слишком быстро...» (стр. 160—163) [Русский перевод, том I, стр. 72—73].

Связь минимума заработной платы с различными состояниями общества такова:

«Заработная плата, которую уплачивают поденщикам и прислуге всякого рода, должна быть достаточна для того, чтобы они могли, в общем

и целом, *размножаться* соответственно усиливающемуся или уменьшающемуся или же остающемуся неизменным спросу на них со стороны общества» (стр. 164) [Русский перевод, том I, стр. 74] (со стороны общества, т. е. капитала).

Смит показывает далее, что раб обходится «дороже» свободного рабочего, потому что последний *сам предусмотрительно следит за своим «износом»,* тогда как у первого забота о возмещении этого «износа» лежит на «недостаточно внимательном хозяине или нерадивом надсмотрщике» (стр. 163 и сл.) [Русский перевод, том I, стр. 74]. «Фонд» для возмещения «износа» расходуется свободным рабочим «экономно», тогда как у раба он расточается в результате беспорядочного управления:

«Фонд, предназначенный для возмещения и компенсирования того, так сказать, *износа* силы раба, который является следствием его долголетней службы, обычно находится в управлении недостаточно внимательного хозяина или нерадивого надсмотрщика. Напротив, фонд, который служит для той же цели у свободного рабочего, экономно управляется самим рабочим. В управлении первым фондом естественно сказывается беспорядочность, господствующая обычно в хозяйстве богатых людей; строгая воздержанность и расчетливая бережливость бедняка столь же естественно имеют место в управлении вторым фондом» (стр. 164) [Русский перевод, том I, стр. 74].

В определение минимума заработной платы, или «естественной цены труда», входит то, что эта цена ниже у свободного наемного рабочего, чем у раба. Эта мысль проскальзывает у Смита:

«Труд свободных людей обходится в конечном счете дешевле, чем труд рабов» (стр. 165). «Если щедрая оплата труда является следствием роста национального богатства, то она становится также и причиной роста населения. Сетовать на щедрость оплаты труда [554] — значит быть недовольным тем, что представляет собой одновременно и следствие и причину наибольшего общественного благосостояния» (стр. 165) [Русский перевод, том I, стр. 74].

Смит аргументирует далее в пользу высокой заработной платы:

Она «не только стимулирует рост населения», но и «повышает трудолюбие простого народа. Заработная плата является поощрением трудолюбия, а это последнее, как и всякое другое человеческое свойство, совершенствуется в соответствии с поощрением, оказываемым ему. Обильное питание увеличивает физическую силу рабочего, а ободряющая его надежда на улучшение своего положения... побуждает его напрягать до крайних пределов свои силы. Поэтому мы и видим, что везде, где заработная плата высока, рабочие бывают энергичнее, старательнее и проворнее, чем там, где заработная плата стоит на низком уровне» (стр. 166) [Русский перевод, том I, стр. 74—75].

Но высокая заработная плата побуждает рабочих также и к перенапряжению и преждевременному разрушению своей рабочей силы:

«Рабочие, получающие высокую поштучную плату, очень склонны работать сверх меры и разрушать свое здоровье и силу в течение немногих лет» (стр. 166—167). «Если бы хозяева всегда прислушивались к велениям разума и человечности, они часто имели бы основания скорее умерять, чем возбуждать усердие многих из своих рабочих» (стр. 168). Далее Смит возражает против утверждения, что «увеличение благосостояния могло бы сделать рабочих ленивыми» (стр. 169) [Русский перевод, том I, стр. 75—76].

Смит исследует затем, правда ли это, что в урожайные годы рабочие более ленивы, чем в неурожайные, а также выясняет, какое вообще существует соотношение между заработной платой и ценой товаров. Здесь он снова впадает в непоследовательность:

«*Денежная цена труда* с необходимостью определяется двумя обстоятельствами: спросом на труд и *ценами* на предметы необходимости и жизненного удобства... Денежная цена труда определяется суммой денег, требующейся для покупки определенного количества предметов» (необходимости и жизненного удобства) (стр. 175) [Русский перевод, том I, стр. 78].

Затем Смит исследует, почему — в связи со спросом на труд — заработная плата может повышаться в урожайные годы и падать в годы неурожайные (стр. 176 и следующие) [Русский перевод, том I, стр. 78—79].

В хорошие и плохие годы причины [повышения и понижения заработной платы] взаимно парализуют друг друга:

«Скудость в годы дороговизны, уменьшая спрос на труд, имеет тенденцию понижать цену труда, тогда как высокая цена предметов продовольствия имеет тенденцию повышать ее. Наоборот, в годы дешевизны изобилие, увеличивая спрос на труд, имеет тенденцию повышать цену труда, тогда как дешевизна предметов продовольствия ведет к ее понижению. При обычных колебаниях цен на предметы продовольствия эти две противоположные причины, по-видимому, уравновешивают друг друга; это, вероятно, отчасти и объясняет, почему заработная плата повсюду гораздо более устойчива и постоянна, чем цена предметов продовольствия» (стр. 177) [Русский перевод, том I, стр. 79].

В заключение, после всех этих зигзагов, Смит снова противопоставляет взгляду на заработную плату, как на источник стоимости товаров, свое первоначальное, более глубокое воззрение, что стоимость товаров определяется количеством труда и что если в хорошие годы или при возрастании капитала рабочий получает *больше* товаров, то он и производит гораздо большее их количество, или что единица товара содержит в таком случае меньшее количество труда. Стало быть, рабочий может получать большее количество товаров при меньшей

стоимости последних и таким образом, — это логический вывод, — прибыль может возрастать несмотря на повышение абсолютной заработной платы:

«Увеличение заработной платы с необходимостью повышает цену многих товаров *посредством увеличения той части их цены, которая сводится к заработной плате,* и постольку оно имеет тенденцию сократить потребление этих товаров внутри страны и за границей. Однако та же причина, которая ведет к повышению заработной платы, а именно возрастание капиталов, имеет тенденцию повышать производительную силу труда, так что меньшее количество труда может производить большее количество продукта»... Разделение труда, применение машин, изобретения и т. д. ... «Вследствие всех этих улучшений теперь оказывается возможным производить весьма многие товары с применением *гораздо меньшего труда, чем прежде, так что повышение цены этого труда более чем уравновешивается уменьшением его количества»* (стр. 177—178) [Русский перевод, том I, стр. 79].

Труд оплачивается лучше, но в каждой единице товара содержится меньше труда; следовательно, оплате подлежит меньшее количество труда. Так Смит оставляет свою ошибочную теорию, по которой заработная плата определяет стоимость товара как один из составляющих стоимость элементов, или, вернее, Смит здесь парализует эту ошибочную теорию, уравновешивает ее своей правильной теорией, согласно которой стоимость товара определяется количеством содержащегося в нем труда.

[555] Глава 9-я называется «О *прибыли на капитал».*

Здесь, следовательно, должна быть определена «естественная норма» второго элемента, определяющего и конституирующего «естественную цену», *или* стоимость, товаров. То, что Смит говорит о причине *падения нормы прибыли* (стр. 179, 189, 190, 193, 196, 197 и т. д.) [Русский перевод, том I, стр. 80, 84, 85, 87], подлежит рассмотрению в дальнейшем*.

Здесь Смит оказывается в большом затруднении. Он говорит, что уже определение «средней нормы» заработной платы сводится всего лишь к тому, что это — «обычный уровень заработной платы» (стр. 179), фактически данный уровень заработной платы.

«Но *даже и это едва ли возможно сделать в отношении прибыли на капитал»* (стр. 179). Помимо удачи или неудачи предпринимателя, «прибыль эта зависит от каждого изменения цены товаров» (стр. 180) [Русский перевод, том I, стр. 80].

Между тем, «естественную цену» этих товаров мы как раз и должны определить при помощи «естественной нормы прибыли» как одного из составляющих «стоимость» элементов.

* См. настоящий том, часть II, стр. 484 и 519—520. *Ред.*

Определить среднюю норму прибыли трудно уже в отдельной отрасли для отдельного капиталиста.

«Еще труднее должно быть определение средней прибыли во всех разнообразных отраслях хозяйства, существующих в обширном королевстве» (стр. 180) [Русский перевод, том I, стр. 801.

Но о «средней прибыли на капитал» можно составить себе некоторое представление «по высоте *денежного процента»:*

«Можно установить тот принцип, что там, где от вложения денег в какое-нибудь дело можно получать большую прибыль, обычно уплачивают много и за пользование деньгами, а там, где можно получать лишь небольшую прибыль, за пользование деньгами уплачивается обычно меньше» (стр. 180—181) [Русский перевод, том I, стр. 80—81].

Смит не говорит, что норма процента определяет норму прибыли. Он со всей определенностью говорит обратное. Но относительно нормы процента в различные эпохи и т. д. мы обладаем записями, каких не существует для нормы прибыли. Таким образом, нормы процента — это симптомы, по которым можно приблизительно судить о состоянии нормы прибыли. Задача, однако, заключалась не в сравнении данных различных норм прибыли, а в определении *«естественной нормы прибыли».* Смит спасается бегством в побочное исследование уровня процентной ставки в различные эпохи, что не имеет совершенно никакого касательства к той проблеме, которую он перед собой поставил. Он изображает в грубых чертах различные эпохи в Англии, сравнивает затем Англию с Шотландией, Францией, Голландией и находит, что, за исключением американских колоний,

«высокая заработная плата и высокая прибыль, естественно, суть такие вещи, которые редко встречаются вместе, разве только в своеобразных условиях какой-нибудь новой колонии» (стр. 187) [Русский перевод, том I, стр. 83].

Здесь А. Смит уже пытается, приблизительно в том же духе, как и Рикардо, но до некоторой степени удачнее, объяснить высокие прибыли:

«Новая колония всегда должна в течение некоторого времени обладать — по сравнению с большинством других стран — меньшим капиталом по отношению к размерам своей территории и меньшим населением по отношению к размерам своего капитала. Колонисты имеют больше земли, чем капиталов для ее обработки; поэтому имеющийся у них капитал употребляется *на возделывание только самых плодородных и удобнее всего расположенных земель,* а именно на морском побережье и по берегам судоходных рек. Притом такая земля часто покупается по цене, не достигающей даже стоимости продуктов, естественно произрастающих на этой земле». (Таким образом, на деле она *ничего* не стоит.) «Капитал, затраченный на покупку и улучшение таких земель, должен приносить очень

высокую прибыль и, следовательно, давать возможность уплачивать очень высокий процент за пользование им. Быстрое накопление этого капитала в столь прибыльном предприятии позволяет плантатору увеличивать число своих рабочих быстрее, чем он может найти их в новом поселении; и потому те, кого он может найти, получают щедрое вознаграждение. *По мере увеличения колонии прибыль на капитал понижается. Когда самые плодородные и удобнее всего расположенные земли уже заняты, возделывание менее благоприятных, как по плодородию, так и по местоположению, участков может приносить лишь меньшую прибыль, а.* за употребленный в дело капитал оказывается возможным платить меньший процент. Вот почему норма процента... в большей части наших колоний значительно упала в течение этого столетия» (стр. 187—189) [Русский перевод, том I, стр. 83—84].

Это, хотя и с иной мотивировкой, составляет одну из основ рикардовского объяснения падения прибыли. В целом, Смит объясняет здесь все конкуренцией капиталов, с ростом которых прибыль падает и с уменьшением которых она повышается, тогда как заработная плата при этом, наоборот, в первом случае повышается, а во втором падает.

[556] «Уменьшение капитала общества, или фонда, предназначенного для производственных целей, понижая заработную плату рабочих, повышает прибыль на капитал и, следовательно, норму процента. Так как заработная плата понижается, то владельцы капитала, остающегося у общества, могут поставлять на рынок свои товары с меньшими издержками, чем прежде, а так как снабжение рынка товарами теперь осуществляется меньшим количеством капиталов, то капиталисты могут продавать свои товары дороже» (стр. 191—192) [Русский перевод, том I, стр. 851.

Далее Смит говорит о возможно более высокой и возможно более низкой норме прибыли.

«Наивысшая норма прибыли» — это та, «которая из цены большей части товаров поглощает все, что должно было бы достаться на долю земельной ренты, и оставляет лишь столько, сколько нужно для оплаты труда, затраченного на изготовление товара и доставку его на рынок, по самой низкой норме заработной платы, какая только где-либо может уплачиваться, т. е. по такой ее норме, которая достаточна всего лишь для того, чтобы поддерживать существование рабочего» (стр. 197—198) [Русский перевод, том I, стр. 87—88].

«Наименьшая норма обычной прибыли должна всегда быть несколько больше того, что достаточно для покрытия случайных потерь, возможных при любом помещении капитала. Только этот избыток и составляет чистую прибыль» (стр. 196) [Русский перевод, том I, стр. 87].

Фактически Смит сам дает характеристику своему взгляду на *«естественную норму прибыли»:*

«В Великобритании удвоенный размер процента считается тем, что купцы называют *справедливой, умеренной, приемлемой прибылью;* выражения эти, по моему мнению, означают не что иное, как *обыденную и обычную прибыль»* (стр. 198) [Русский перевод, том I, стр. 88].

И действительно, хотя Смит не называет эту «обыденную и обычную прибыль» ни умеренной, ни справедливой, он все же дает ей название *«естественной нормы,* прибыли»; однако он ровным счетом ничего не говорит нам о том, что это такое, или чем эта норма прибыли определяется, а между тем посредством этой именно «естественной нормы прибыли» мы, по Смиту, и должны определять «естественную цену» товара.

«В быстро богатеющих странах высокая заработная плата может быть уравновешена в цене многих товаров низкой нормой прибыли, что и дает возможность этим странам продавать свои товары столь же дешево, как это делают их менее преуспевающие соседи, у которых заработная плата ниже» (стр. 199) [Русский перевод, том I, стр. 88].

Низкие прибыли и высокая заработная плата здесь друг другу не противопоставляются как находящиеся во взаимодействии друг с другом, а одна и та же причина — быстрый рост, или накопление, капитала — порождает и то и другое. И прибыль и заработная плата входят в цену, *конституируют* ее. Поэтому, если одна высока, в то время как другая низка, то цена остается без изменения, и т. д.

Смит понимает здесь прибыль исключительно как надбавку [к цене], ибо он говорит в конце главы:

«На деле высокие прибыли в гораздо большей мере, чем высокая заработная плата, ведут к повышению *цены* изделия» (стр. 199) [Русский перевод, том I, стр. 88]. Например, если бы заработная плата всех рабочих, занятых в производстве холста, повысилась на 2 пенса вдень, то это повысило бы цену «куска холста» не больше чем на 2 пенса, взятых столько раз, сколько рабочих было занято изготовлением его, и «помноженных на число дней, в течение которых рабочие были заняты этим делом. Та часть цены товара, которая сводится к заработной плате, увеличивалась бы в результате повышения заработной платы на каждой из различных стадий производства товара лишь в арифметической пропорции к этому повышению заработной платы. Но если бы прибыли всех различных предпринимателей, нанимающих этих рабочих, увеличились на 5%, то та часть цены товара, которая сводится к прибыли, в результате повышения нормы прибыли возрастала бы от одной стадии производства к другой в *геометрической пропорции* к этому повышению нормы прибыли... Повышение заработной платы повышает цену товара так, как простые проценты повышают сумму долга. Повышение прибыли действует как сложные проценты» (стр. 200— 201) [Русский перевод, том I, стр. 88—89].

В конце этой главы Смит говорит нам также, *откуда* он воспринял все свое воззрение, согласно которому цена товара — или его стоимость — образуется стоимостями заработной платы и прибыли; а именно — от «amis du commerce»*, от практических фанатиков конкуренции,

* — «друзей торговли» (выражение Фурье). *Ред.*

«Наши купцы и промышленники постоянно жалуются на вредное действие высоких заработных плат, удорожающих их товары и вследствие этого сокращающих сбыт этих товаров как внутри страны, так и за границей; они ничего не говорят о вредном действии высоких прибылей; они хранят молчание [557] относительно пагубного действия их собственных доходов. Они жалуются только на доходы других» (стр. 201) [Русский перевод, том I, стр. 89].

Глава 10-я называется *«О заработной плате и прибыли в различных отраслях приложения труда и капитала».* Она касается только деталей, — стало быть, представляет собой главу о конкуренции и в своем роде очень хороша. Она носит совершенно экзотерический характер.

{Производительный и непроизводительный труд:

«Лотерея юридической профессии весьма далека от того, чтобы быть совершенно справедливой, и это сословие, как и большинство других свободных и почетных профессий, в отношении денежного дохода получает, несомненно, недостаточное вознаграждение» (стр. 216—217) [Русский перевод, том I, стр. 96].

То же самое он говорит о *солдатах:*

«Их жалованье меньше заработной платы простого поденщика, а между тем во время действительной службы напряжение их сил гораздо значительнее» (стр. 223) [Русский перевод, том I, стр. 98].

О матросах военного флота:

«Хотя их занятие требует гораздо больше умения и сноровки, чем почти всякое другое ремесло, и хотя вся жизнь матроса представляет собой непрерывную цепь лишений и опасностей,.. их заработная плата не выше заработка простых рабочих в гавани, который регулирует норму заработной платы моряков» (стр. 224) [Русский перевод, том I, стр. 99].

Иронически:

«Было бы, без сомнения, непристойно сравнивать священника или капеллана с поденщиком. Тем не менее можно с полным правом признать, что жалованье священника или капеллана — той же природы, как и заработная плата поденщика» (стр. 271) [Русский перевод, том I, стр. 117].

Что касается *«литераторов»,* то Смит определенно считает, что они слишком низко оплачиваются вследствие слишком большого их числа, и напоминает, что до изобретения книгопечатания *«студент и нищий»* (стр. 276—277) [Русский перевод, том I, стр. 119] означали одно и то же, и Смит, по-видимому, распространяет это в известном смысле также и на литераторов.}

Глава эта полна тонких наблюдений и важных замечаний.

«В одном и том же обществе или в одной и той же местности средние и обычные нормы прибыли в различных отраслях приложения капитала гораздо ближе к одному и тому же уровню, чем денежные оплаты различных видов труда» (стр. 228) [Русский перевод, том I, стр. 100—101].

«Обширность рынка, допуская вложение более крупных капиталов, уменьшает *видимую* прибыль; но вместе с тем, требуя подвоза товаров с более далеких расстояний, она увеличивает себестоимость. Это уменьшение прибыли и увеличение себестоимости во многих случаях, по-видимому, приблизительно уравновешивают друг друга» (речь идет о цене таких товаров, как хлеб, мясо и т. д.) (стр. 232) [Русский перевод, том I, стр. 102].

«В небольших городах и деревнях вследствие *ограниченности рынка* торговлю не всегда возможно расширять в соответствии с возрастанием капитала. Поэтому, хотя в таких местах норма прибыли отдельного лица может быть очень высока, общая сумма, или масса, прибыли никогда не может быть очень значительна, а следовательно не может быть велико у него и ежегодное накопление. Наоборот, в больших городах предприятие можно расширять в соответствии с возрастанием капитала, а кредит бережливого и преуспевающего человека увеличивается еще быстрее, чем его капитал. Его предприятие расширяется в соответствии с ростом того и другого» (стр. 233) [Русский перевод, том I, стр. 102].

Относительно *неправильных статистических* выкладок об уровне заработной платы, например, в XVI, XVII и др. столетиях Смит очень верно замечает, что это были лишь заработные платы, например, коттеров*, которые в те дни, когда они не работали в своих коттеджах или же на своих хозяев (предоставлявших им «домик, небольшой огород, столько сенокоса, сколько необходимо для прокормления одной коровы и, быть может, еще акр или два плохой пахотной земли» и уплачивавших им очень низкую заработную плату, когда давали им работу),

«свое свободное время охотно отдавали каждому, кто хотел их нанять, и работали за меньшую заработную плату, чем другие рабочие» (стр. 241). «Между тем, многие писатели, собиравшие сведения о ценах на труд и на съестные припасы в прежние времена и находившие удовольствие в том, чтобы изображать изумительно низкими и те и другие цены, рассматривали, по-видимому, *этот, случайный приработок* как *полный заработок* этих рабочих» (стр. 242) [Русский перевод, том I, стр. 105—106].

Выше Смит делает верное общее замечание:

«Равенство в общей сумме выгод и невыгод различных видов применения труда и капитала может иметь место только в тех областях деятельности, которые составляют единственную или главную работу тех, кто занимается ими» (стр. 240) [Русский перевод, том I, стр. 105].

Впрочем, эта мысль уже неплохо развита Стюартом, особенно относительно заработной платы в сельском хозяйстве — с того момента, как только «люди начинают ценить время»[78].

[558] Относительно *накопления городского капитала в средние века* Смит очень правильно замечает в этой главе, что оно было

* — батраков, получавших от земельного собственника или фермера-арендатора, на которого они работали, небольшой деревенский домик (коттедж) и клочок земли возле него. *Ред.*

обусловлено главным образом эксплуатацией деревни (как купцами, так и ремесленниками). (Сюда присоединились . ростовщики, а также уже и haute finance*; одним словом, торговцы деньгами.)

«Каждый класс торгово-промышленного населения города» *(внутри городов с цеховым строем)* «в результате этих регламентации оказывался, конечно, вынужденным платить за товары, которые ему приходилось покупать в городе у торговцев и ремесленников других классов, несколько дороже, чем в том случае, если бы таких регламентации не существовало. Но зато он имел возможность продавать свои собственные товары настолько же дороже, и в силу этого он выигрывал столько же, сколько и терял. В сделках между отдельными классами внутри города ни один из них ничего не терял от этих регламентации. *Но в сделках с деревней псе они получали большую выгоду,* а ведь именно в сделках этого последнего рода и состоит та торговля, какою держатся и богатеют города. Всякий город получает все свое продовольствие и все сырье для своей промышленности из деревни. Платит он за них главным образом двумя способами: во-первых, тем, что возвращает деревне часть этого сырья в переработанном виде, — в этом случае цена сырья увеличивается на сумму *заработной платы рабочих и прибылей их хозяев, или непосредственных нанимателей;* во-вторых, тем, что город отправляет в деревню продукт — как в виде сырья, так и в переработанном виде, привезен ли этот продукт из других стран или же из отдаленных местностей той же страны, причем в этом случае первоначальная цена данных товаров увеличивается опять-таки на сумму *заработной платы перевозчиков или матросов и прибыли тех купцов, которые нанимают их.* Выручка, получаемая от первой отрасли торговли, составляет *всю выгоду, которую город извлекает из своей промышленности.* Выручка от второй отрасли составляет *всю выгоду, которую дает городу его внутренняя и внешняя торговля.* Заработные платы рабочих и прибыли тех, кто этих рабочих нанимает, составляют в совокупности всю выручку, получаемую в той и другой отрасли. Таким образом, все регламентации, имеющие целью *повысить эти заработные платы и эти прибыли выше их естественного уровня,* действуют в том направлении, чтобы *дать городу возможность при помощи меньшего количества своего труда покупать продукт большего количества труда, выполняемого деревней».*

{В последней фразе Смит, следовательно, возвращается к правильному определению стоимости. Она находится на стр. 259 [Русский перевод, том I, стр. 113]. Стоимость определяется *количеством труда.* Это следует привести в качестве примера при рассмотрении смитовской трактовки прибавочной стоимости. Если цены товаров, которыми обмениваются город и деревня, таковы, что они представляют равные количества труда, то они равны их стоимостям. Следовательно, прибыль и заработная плата, имеющие место у той и другой стороны, не могут определять эти стоимости, — наоборот, разделение этих стоимостей определяет прибыль и заработную плату. Поэтому Смит и находит, что город, который меньшее количество

* — финансовая аристократия, денежные тузы, банкиры. *Ред.*

труда обменивает на большее количество труда деревни, извлекает в своих отношениях с деревней избыточную прибыль и избыточную заработную плату. Этого не было бы в том случае, если бы город не продавал свои товары деревне *выше* их стоимости. В этом последнем случае «прибыль и заработная плата» не поднимались бы «выше *их естественного уровня».* Следовательно, если прибыль и заработная плата находятся на «их естественном уровне», то не они определяют стоимость товаров, а, наоборот, сами они определяются ею. Тогда прибыль и заработная плата могут возникнуть лишь из разделения *данной,* им предпосланной *стоимости* товара; но эта стоимость не может определяться ими, не может выводиться из — ей самой предпосланных — прибыли и заработной платы.}

«Эти регламентации ставят купцов и ремесленников города в преимущественное положение по отношению к земельным собственникам, фермерам и рабочим в деревне и разрушают то естественное равенство, которое при отсутствии таких регламентации существовало бы в торговле между городом и деревней. *Весь годовой продукт труда данного общества* ежегодно делится между этими двумя различными частями населения. В результате этих» (городских) «регламентации жители городов получают *болев значительную часть* продукта, чем получали бы при отсутствии регламентации, а на долю жителей деревень достается менее значительная часть. *Цена,* которую фактически уплачивает город за ежегодно ввозимые им продовольствие и сырье, это — та масса промышленных изделий и других товаров, которую город ежегодно вывозит. *Чем дороже продаются последние,* тем дешевле покупаются первые. Промысловая деятельность города становится в результате этого более выгодной, а промысловая деятельность деревни — менее выгодной» (стр. 258—260) [Русский перс-вод, том I, стр. 112—113].

Итак, согласно трактовке вопроса у самого Смита, если бы городские и деревенские товары продавались пропорционально *количеству труда,* которое они соответственно содержат, то они продавались бы по своим *стоимостям,* и, стало быть, прибыль и заработная плата, имеющие место у той и другой стороны, не могли бы определять *этих стоимостей,* а, наоборот, они определялись бы стоимостями товаров. Выравнивание прибылей, различных вследствие различного органического строения капиталов, нас здесь не касается; ибо оно не только не создает различия прибылей, но, наоборот, сводит прибыли к одинаковой норме.

[559] «Жители города, будучи *собраны в одном месте,* могут легко общаться и вступать в соглашения друг с другом. Поэтому даже самые незначительные промыслы, существовавшие в городах, почти везде были организованы в цехи...» (стр. 261) (Русский перевод, том I, стр. 113]. «Жители деревни, живущие разбросанно и на большом расстоянии друг от друга, не могут так легко объединяться в союзы. Они не только никогда не образовывали цехов, но даже и дух цеховщины никогда не господствовал среди них. Никогда не признавалось необходимым устанавливать

ученичество для допущения к занятию земледелием, этим основным промыслом деревни» (стр. 262) [Русский перевод, том I, стр. 114].

В этой связи Смит подходит к вопросу об отрицательных сторонах «разделения труда». Труд крестьянина имеет умственный характер в большей степени, чем труд рабочего мануфактуры, подчиненного разделению труда:

«Выполнение работ, которые с необходимостью меняются в зависимости от каждой перемены погоды и от множества других обстоятельств, требует гораздо больше сообразительности и предусмотрительности, чем выполнение одних и тех же или почти одних и тех же операций» (стр. 263) [Русский перевод, том I, стр. 114].

Разделение труда развивает *общественную* производительную силу труда, или производительную силу *общественного* труда, однако оно это делает за счет *общей производительной способности* рабочего. Поэтому повышение *общественной производительной силы* противостоит рабочему как повысившаяся производительная сила *не его* труда, а господствующей над ним власти — *капитала.* Если городской рабочий более развит, чем сельский, то это обусловлено лишь тем обстоятельством, что характер его труда заставляет его жить в *обществе,* тогда как труд земледельца заставляет его общаться непосредственно с *природой.*

«То преобладание, какого повсюду в Европе городская промысловая деятельность достигла над сельской, следует приписывать не одним только цехам и их регламентацинм. Оно основывается также на многочисленных других установлениях: *высокие пошлины,* налагаемые на все заграничные промышленные изделия и на все товары, ввозимые иностранными купцами, служат той же цели» (стр. 265) [Русский перевод, том I, стр. 115]. «Эти установления защищают их» (города) «от конкуренции иностранцев» (там же).

Это является делом уже не буржуазии отдельных городов, а такой буржуазии, которая законодательствует в национальном масштабе, как corps de nation* или хотя бы как третье сословие генеральных штатов или как нижняя палата. Специфические для городской буржуазии мероприятия, направленные против деревни, это — акцизы и сборы у застав, вообще — косвенные налоги, городские по своему происхождению (см. *Хюльмана*)[79], тогда как прямые налоги — сельского происхождения. Могло бы показаться, что, например, акциз представляет собой такой налог, которым город косвенно облагает самого себя. Деревенский житель вынужден, мол, авансировать этот налог, но заставляет возвратить его себе в цене продукта. Однако в средние века дело обстояло не так. Спрос на продукты труда деревенского жителя, — поскольку последний вообще

* — главная часть нации. *Ред.*

превращал их в товар и в деньги, — был в большинстве случаев насильственно ограничен пределами городской территории, так что деревня не имела возможности повышать цену своего продукта на всю сумму городского налога.

«В Великобритании промысловая деятельность города в прежние времена имела, по-видимому, в сравнении с промысловой деятельностью деревни еще большие преимущества, чем теперь. В настоящее время заработная плата сельских рабочих больше приближается доплате труда в промышленности, а прибыль на капитал, применяемый в сельском хозяйстве, больше приближается к прибыли на капитал, применяемый в торговле и промышленности, чем это было, по-видимому, в истекшем» (семнадцатом) «и в начале текущего» (восемнадцатого) «столетия. Эту перемену можно рассматривать как необходимое, хотя и весьма запоздалое последствие того чрезвычайного поощрения, которое получала промысловая деятельность городов. Накапливаемый в городах капитал становится с течением времени столь значительным, что уже оказывается невозможным применять его с прежней прибылью в свойственных городам промыслах. Эти последние, как и вообще все промыслы, имеют свои границы, и *возрастание капиталов, усиливая конкуренцию,* должно с необходимостью понизить прибыли. *Понижение прибыли в городах вызывает отлив капитала в деревню,* где он создает добавочный спрос на земледельческий труд и этим повышает оплату этого труда. *И тогда капитал растекается,* если можно так выразиться, *по всей поверхности страны* и, находя приложение в сельском хозяйстве, *частично возвращается деревне, за счет которой в значительной степени он был первоначально накоплен в городах»* (стр. 266—267) [Русский перевод, том I, стр. 115—116].

В *главе 11-й* Смит пытается определить *«естественную норму земельной ренты»,* — третьего элемента, конституирующего стоимость товара. Мы рассмотрим это после того, как снова возвратимся к Рикардо.

Из предшествующего ясно следующее: если А. Смит отождествляет *«естественную цену» товара,* или его *цену издержек,* со *стоимостью* товара, то это происходит после того, как он предварительно оставил свой правильный взгляд на *стоимость* и заменил его тем взглядом, который навязывается явлениями конкуренции и проистекает из них. В конкуренции не *стоимость,* а *цена издержек* выступает как регулятор *рыночных цен,* так сказать, как *имманентная цена* — как стоимость товаров. А сама эта цена издержек выступает в конкуренции, в свою очередь, как нечто данное, как определяемая данной средней нормой заработной платы, прибыли и ренты. Поэтому Смит и пытается установить эти последние самостоятельно, независимо от *стоимости* товара, рассматривая их, наоборот, как элементы «естественной цены». Рикардо, главным делом которого было опровержение этой смитовской [560] аберрации, перенимает тем не менее ее *необходимое,* но у него, если быть последовательным, *невозможное* следствие — *отождествление стоимостей и цен издержек.*

[ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ]

ТЕОРИЯ РЕНТЫ РИКАРДО

[1) ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ РЕНТЫ У АНДЕРСОНА И РИКАРДО]

Главное выяснено при рассмотрении теории Родбертуса, Здесь еще только некоторые дополнения.

Сначала отметим историческую обстановку. Рикардо имеет перед собой прежде всего тот период, живым свидетелем которого он до известной степени был сам, период 1770—1815 годов, когда цены на пшеницу непрерывно повышались; у Андерсона же перед глазами — XVIII столетие, в конце которого он писал. С начала этого столетия до середины его происходило падение цен на пшеницу, а с середины до конца — их повышение. Поэтому Андерсон нигде не связывает открытый им закон с уменьшающейся производительностью земледелия, или с нормальным вздорожанием продукта {по Андерсону, это вздорожание является чем-то неестественным}. Рикардо же определенно связывает их между собой. Андерсон полагал, что отмена хлебных законов (в то время это были экспортные премии) послужила причиной повышения цен во второй половине XVIII столетия. Рикардо знал, что введение хлебных законов (в 1815 году) имело своей целью помешать падению цен и, до известной степени, неизбежно должно было помешать этому падению. В связи с этим Рикардо и подчеркивал, что предоставленный самому себе закон земельной ренты неизбежно должен — *в пределах определенной территории* — вести к возделыванию менее плодородной земли, стало быть к вздорожанию земледельческих продуктов, к росту ренты за счет промышленности и массы населения. И Рикардо был здесь прав в Практическом и историческом отношениях. Андерсон, напротив, считал, что хлебные законы — он высказывается также и за ввозные

пошлины — с необходимостью должны содействовать равномерному развитию земледелия в пределах *определенной территории,* что земледелие для своего равномерного развития нуждается в гарантиях и что, следовательно, этот *поступательный ход развития сам по себе,* в силу открытого Андерсоном закона земельной ренты, с необходимостью должен вести к увеличению производительности земледелия, а в результате этого и к падению средних цен земледельческих продуктов.

Но оба исходят из воззрения, кажущегося очень странным на континенте, а именно, что: 1) не существует вовсе земельной собственности как помехи любому применению капитала к земле; 2) что земледельцы переходят от лучших земель к худшим (у Рикардо эта предпосылка имеет абсолютное значение, если не считать тех перерывов в этом ходе развития, которые проистекают от вмешательства науки и промышленности; у Андерсона эта предпосылка — относительна, ибо худшая почва снова превращается в лучшую); 3) что всегда есть в наличности капитал, есть достаточная масса капитала, чтобы быть примененной к земледелию.

Что касается 1 и 2-го пунктов, то жителям континента неизбежно должно казаться крайне странным, что в такой стране, в которой, по их представлению, феодальная земельная собственность сохранилась в наиболее косном виде, экономисты — и Андерсон и Рикардо — исходят из предположения о *несуществовании* собственности на землю. Это обстоятельство объясняется:

во-первых, из особенности английского «law of enclosures»*, не имеющего решительно ничего общего с континентальным разделом общих земель;

во-вторых, нигде на свете капиталистическое производство, начиная с эпохи Генриха VII, не расправлялось так беспощадно с *традиционными* земледельческими порядками, нигде оно не создавало для себя таких адекватных условий, нигде не подчиняло себе эти условия до такой степени. Англия в этом отношении — самая революционная страна в мире. Все исторически унаследованные распорядки, там, где они противоречили условиям капиталистического производства в земледелии или не соответствовали этим условиям, были беспощадно сметены: не только изменено расположение сельских поселений, но сметены сами эти поселения; не только сметены жилища и места поселения сельскохозяйственного населения, но и само это население; не только сметены исконные центры хозяйства,

* — «закона об огораживании общинных земель». *Ред.*

но и само это хозяйство. У немцев, например, экономические распорядки определяются традиционными отношениями различных земельных владений, расположением хозяйственных центров, известными местами скопления населения. У англичан исторические распорядки земледелия были постепенно *созданы* капиталом, начиная с конца XV века. Обычное в Соединенном Королевстве техническое выражение *«clearing of estates»*[*] не встречается ни в одной континентальной стране. А что означает это «clearing of estates»? Оно означает, что не считались совершенно ни с оседлым населением — его выгоняли, — ни с существующими деревнями — их сравнивали с землей, — ни с хозяйственными постройками — их отдавали на слом, — ни с данными видами сельского хозяйства — их меняли одним ударом, превращая, например, пахотные поля в выгон для скота; — одним словом, не принимали всех условий производства в том виде, как они существовали по традиции, а исторически *создавали* эти условия в такой форме, чтобы они отвечали в каждом данном случае требованиям самого выгодного применения капитала. Постольку, следовательно, действительно *не существует собственности на землю;* эта собственность предоставляет капиталу — фермеру — свободу хозяйничанья, так как ее интересует исключительно получение денежного дохода. Какой-нибудь померанский помещик[**], у которого в голове только и есть, что стародедовские [angestammte] земельные владения, центры хозяйства, сельскохозяйственная коллегия и т. п., может поэтому в ужасе всплескивать руками по поводу «неисторического» воззрения Рикардо на [561] развитие земледельческих распорядков. Но этим он показывает только, что он наивно смешивает померанские и английские условия. С другой стороны, отнюдь нельзя сказать, что Рикардо, исходящий в данном случае из английских условий, столь же ограничен, как и померанский помещик, мыслящий в пределах померанских отношений. Ибо английские условия — единственные условия, в которых адекватно развилась *современная собственность на землю,* т. е. собственность на землю, *видоизмененная* капиталистическим производством. Английская теория является в этом пункте классической для современного, т. е. капиталистического, способа производства. Померанская же теория, наоборот, обсуждает развитые условия с точки зрения исторически более низкой, еще не адекватной формы отношений.

Более того, большая часть континентальных критиков Рикардо исходит даже из таких отношений, при которых вообще

[*] — «очистка имений». *Ред.*
[**] Намек на Родбертуса. *Ред.*

капиталистический способ производства совсем еще не существует, ни в адекватной, ни в неадекватной форме. Это то же самое, как если бы какой-нибудь цеховой мастер захотел выдвинутые А. Смитом законы, предполагающие свободную конкуренцию, целиком и полностью применить к своему цеховому хозяйству.

Предпосылка перехода от лучшей земли к худшей — относительно, для каждой данной ступени развития производительной силы труда, как это мы находим у Андерсона, а не абсолютно, как у Рикардо, — могла возникнуть только в такой стране, как Англия, где в пределах сравнительно очень небольшой территории капитал так беспощадно хозяйничал и распоряжался, безжалостно стараясь на протяжении столетий полностью приспособить к себе все традиционные условия земледелия. Стало быть, предпосылка эта могла возникнуть лишь там, где капиталистическое производство в земледелии существует не со вчерашнего дня, как на континенте, и где оно уже не борется со старой традицией.

Вторым обстоятельством было у англичан воззрение, почерпнутое из их *колоний.* Мы видели*, что уже у Смита имеется налицо — с прямой ссылкой на колонии — основа всего воззрения Рикардо. В этих колониях — и в особенности в тех из них, где производились только продукты для торговли, как, например, табак, хлопок, сахар и т. п., а не обычные предметы питания, где колонисты с самого начала не пропитания искали, а основывали коммерческие предприятия, — решающее значение имело, естественно, *при данном местоположении* — плодородие, а при данном плодородии — *местоположение* земли. Колонисты поступали здесь не как германцы, которые осели в Германии для того, чтобы устроить там свое местожительство, а как люди, которые руководствовались мотивами *буржуазного производства* и хотели производить *товары,* исходя из точек зрения, с самого начала определявшихся не продуктом, а продажей продукта. То обстоятельство, что *Рикардо* и другие английские писатели перенесли из колоний этот взгляд, исходивший от людей, которые сами были уже продуктом капиталистического способа производства, на весь ход мировой истории, что они вообще рассматривали *капиталистический способ производства* как нечто предшествующее по отношению к земледелию, каковым он и был для *этих* колонистов, — это объясняется тем, что в указанных колониях они вообще нашли, лишь в более наглядном виде, *без борьбы с традиционными отношениями,* стало быть *в незатемненной форме,* то же самое господство капиталистического производства в земледелии, которое

* См. настоящий том, часть II, стр. 246—247. *Ред.*

в их собственной стране бросается в глаза на каждом шагу. Поэтому, если немецкий профессор или немецкий помещик, выросший в стране, отличающейся от всех других народов абсолютным отсутствием у нее колоний, находит такой взгляд «ошибочным», то это вполне понятно.

Наконец, предпосылка постоянного перелива капитала из одной отрасли производства в другую, эта *основная предпосылка Рикардо,* означает не что иное, как предпосылку господства развитого капиталистического производства. Там, где последнее еще не утвердилось, не существует и этой предпосылки. Померанскому помещику покажется, например, странным, что Рикардо и другие английские писатели не допускают даже мысли о том, что земледелие может испытывать *недостаток в капитале.* Англичанин может, конечно, жаловаться на недостаток земли по сравнению с капиталом, но он *никогда* но жалуется на недостаток капитала по сравнению с землей. Первым из этих обстоятельств *Уэйкфилд, Чалмерс* и другие пытаются объяснить падение нормы прибыли. Второе из указанных обстоятельств не упоминается ни у одного из писателей Англии, где (что Корбет отмечает как само собой разумеющийся факт) *капитал всегда имеется в избытке во всех отраслях.* Если же представить себе немецкие условия, те затруднения, которые испытывает здесь земельный собственник при займе денег — потому что земледелием занимается большей частью он сам, а не совершенно независимый от него класс капиталистов, — то становится понятным, почему, например, г-н Родбертус выражает удивление по поводу «рикардовской фикции, будто *запас* капитала сообразуется с *желанием* прилагать его» (цит. соч., стр. 211). Если англичанину чего и недостает, так это именно «поля деятельности», места для приложения наличного запаса капитала. Но «тоски по капиталу», который желательно было бы «приложить», в Англии не существует для того единственного класса, который должен прилагать капитал, — для класса капиталистов.

[562] Эта «тоска по капиталу» отдает Померанией.

Английские писатели выдвигали против Рикардо не то возражение, что капитал имеется не в любом количестве, необходимом для приложения в каждом особом случае, а то, что отлив капитала из земледелия наталкивается на специфические технические и тому подобные затруднения.

Указанный способ критически-континентального охаиванья Рикардо свидетельствует, следовательно, лишь о более низкой ступени развития условий производства, из которой исходят эти «мудрецы».

[2) СВЯЗЬ ТЕОРИИ РЕНТЫ РИКАРДО С ЕГО ТРАКТОВКОЙ ЦЕНЫ ИЗДЕРЖЕК]

Теперь — к существу вопроса.

Прежде всего, чтобы представить проблему в чистом виде, мы должны *дифференциальную ренту,* которая *одна только* и существует у Рикардо, совершенно оставить в стороне. Под *дифференциальной рентой я* понимаю *разницу в размерах* ренты — большую или меньшую ренту, возникающую из-за *различия в плодородии различных разрядов почвы.* (Если налицо одинаковое плодородие, то дифференциальная рента может возникнуть из различной величины вложенного капитала. Этот случай не существует для нашей проблемы, не затрагивает ее.) Эта дифференциальная рента соответствует просто тем *сверхприбылям,* которые извлекает при данной *рыночной цене,* или, правильнее, *рыночной стоимости,* в каждой отрасли промышленности — например, в хлопкопрядильной — *тот* капиталист, у которого условия производства *лучше,* чем средние условия производства этой определенной отрасли. Ибо *стоимость* товара определенной сферы производства определяется не тем *количеством труда,* которого стоит тот или иной единичный товар, а количеством труда, затраченным на *тот* товар, который производится при *средних* условиях данной сферы. Здесь различие между промышленностью и земледелием состоит лишь в том, что в промышленности сверхприбыли попадают в карман самого капиталиста, тогда как в земледелии они попадают в карман земельного собственника; далее, в том, что в промышленности они отличаются *текучестью,* не приобретают устойчивости, загребаются то одним, то другим капиталистом и постоянно вновь исчезают, тогда как в земледелии они *фиксируются* благодаря своей устойчивой (по крайней мере на более или менее продолжительное время) природной основе, заключающейся в *различиях почвы.*

Итак, мы должны отвлечься от этой дифференциальной ренты, но при этом мы должны отметить, что она одинаково возможна как при переходе от лучшей почвы к худшей, так и при переходе от худшей почвы к лучшей. В обоих случаях предполагается только, что вновь обрабатываемая земля необходима для удовлетворения добавочного спроса, но что ее хватает лишь на то, чтобы удовлетворить этот добавочный спрос. Если бы вновь обрабатываемая лучшая земля давала *больше,* чем необходимо для удовлетворения этого добавочного спроса, то часть плохой земли или, в зависимости от размеров добавочного спроса, вся плохая земля была бы изъята *из обработки,*

на этой земле прекратилось бы, по крайней мере, *возделывание того продукта,* который составляет базис земледельческой ренты, т. е. возделывание пшеницы в Англии, риса — в Индии. Таким образом, дифференциальная рента не предполагает *прогрессирующего ухудшения земледелия,* она может проистекать также и из *прогрессирующего улучшения* его. Даже там, где она предполагает переход к худшим разрядам почвы, такой *переход по нисходящей линии* может, во-первых, быть обусловлен улучшением производительных сил земледелия, потому что *только* более высокая производительная сила делает возможной обработку худшей почвы при *цене,* допускаемой спросом. Во-вторых, *худшая почва* может быть улучшена, и всё же различия при этом остаются, хотя они и сглаживаются в более значительной степени, так что в результате имеет место лишь *относительное, сравнительное* уменьшение производительности, тогда как *абсолютная производительность увеличивается.* У Андерсона, первого автора рикардовского закона, это составляет даже предпосылку.

Далее, здесь следует иметь в виду лишь *собственно земледельческую ренту,* т. е. ренту с той земли, которая доставляет главный растительный предмет питания. Уже Смит выяснил, что ренты с земли, доставляющей другие продукты (продукты скотоводства и т. п.), определяются *вышеуказанной рентой* и, стало быть, являются уже рентами *производными,* такими, которые определяются законом ренты, а не определяют его; следовательно, если они рассматриваются сами по себе, то они не дают материала для понимания закона ренты в его первоначальных чистых условиях. В них нет ничего первичного.

После всего сказанного вопрос сводится к следующему: существует ли *абсолютная рента,* т. е. такая рента, которая проистекает из того, что капитал вложен в земледелие, а не в промышленность, и которая совершенно не зависит от *дифференциальной ренты,* или *добавочных прибылей,* доставляемых капиталом, вложенным в лучшую землю?

Ясно, что Рикардо совершенно последовательно дает *отрицательный* ответ на этот вопрос, после того как он уже взял за исходный пункт *ошибочную* предпосылку, будто *стоимости* и *средние цены товаров тождественны.* Примем на минуту эту предпосылку. Тавтологией является утверждение, что если [563] постоянная цена земледельческих продуктов дает сверх средней прибыли *еще и ренту,* даст постоянный избыток над этой средней прибылью, то цена земледельческих продуктов *превышает* их *цену издержек,* ибо эта цена издержек равна затратам капитала плюс средняя прибыль, и ничему больше.

Если бы цены земледельческих продуктов *превышали* их цены издержек, если бы они с необходимостью давали добавочную прибыль, то они — при допущении вышеуказанной предпосылки — *превышали* бы их стоимость. Не оставалось бы ничего другого, как предположить, что земледельческие продукты постоянно продаются *выше* своей стоимости, а это, в свою очередь, предполагает, что все другие продукты продаются *ниже* своей стоимости, или что стоимость вообще есть нечто совершенно отличное от того, что мы с необходимостью понимаем под ней в теории. *Одно и то же количество труда* (непосредственного и накопленного) — с учетом всех выравниваний, которые имеют место между различными капиталами вследствие их различий, вытекающих из процесса обращения, — создавало бы в земледелии *более высокую* стоимость, чем в промышленности. Стоимость товара, стало быть, *не* определялась бы содержащимся в нем количеством труда. Этим была бы разрушена вся основа политической экономии. Следовательно, правильно заключает Рикардо, нет никаких абсолютных рент. Возможна только дифференциальная рента; другими словами, стоимость произведенного на самой худшей почве земледельческого продукта, как и стоимость всякого другого товара, равна *цене издержек* продукта. Капитал, вложенный в самую худшую почву, это — такой капитал, который отличается от вложенного в промышленность лишь *способом приложения,* отличается лишь как особый вид приложения капитала. Здесь, следовательно, проявляется общезначимость закона стоимости. *Дифференциальная рента* (а это, согласно Рикардо, единственная рента) — на лучшей земле — есть не что иное, как добавочная прибыль, приносимая, вследствие существования в *каждой* сфере производства *единой тождественной рыночной стоимости,* теми капиталами, которые работают при условиях лучших, чем средние. Эта добавочная прибыль фиксируется только в земледелии — благодаря *природной основе* последнего; кроме того, так как представителем этой природной основы является *земельный собственник,* указанная добавочная прибыль попадает в карман не капиталиста, а земельного собственника.

Все это рассуждение Рикардо падает вместе с его предпосылкой о том, что *цена издержек* равна *стоимости.* Отпадает тот *теоретический интерес,* который заставляет Рикардо отрицать существование абсолютной земельной ренты. Если стоимость товара отличается от его цены издержек, если все товары необходимым образом распадаются на три категории, так что цена издержек одних товаров равна их стоимости, стоимость других товаров стоит *ниже* их цены издержек, а стоимость

третьей группы товаров стоит *выше* их цены издержек, — тогда то обстоятельство, что *цена* земледельческих продуктов дает земельную ренту, доказывало бы лишь то, что земледельческий продукт принадлежит к тем товарам, стоимость которых *превышает* их цену издержек. Единственная проблема, которую оставалось бы еще разрешить, была бы следующая: почему, в отличие от других товаров, стоимость которых также *превышает* их цену издержек, стоимость земледельческих продуктов не сводится конкуренцией капиталов к *цене издержек,* стоящей ниже их стоимости? Ответ заключается уже в самом вопросе. Потому, что, согласно предположению, это имеет место лишь постольку, поскольку конкуренция капиталов может осуществить это выравнивание, а это, в свою очередь, может иметь место лишь постольку, поскольку все условия производства либо создаются самим капиталом, либо в одинаковой мере находятся в его распоряжении как элементарные силы природы. В отношении земли это не имеет места, так как существует *земельная собственность,* и капиталистическое производство начинает свое движение при *предпосылке* наличия *земельной собственности,* которая не возникла из капиталистического производства, а существовала уже *до* него. Таким образом, ответ на вопрос дается самим фактом существования земельной собственности. Все, что может сделать капитал, это подчинить земледелие условиям капиталистического производства. Но он не в состоянии отнять у *земельной собственности* возможность захватывать ту часть земледельческого продукта, которую капитал мог бы присваивать себе *лишь* при условии *отсутствия земельной собственности,* а не в силу своей собственной деятельности. При условии же существования земельной собственности капитал вынужден оставлять земельному собственнику избыток стоимости над ценой издержек. Но сама эта разница между стоимостью и ценой издержек проистекает лишь из различия в соотношении между *органическими* составными частями капитала. Все те товары, стоимость которых, соответственно этому органическому строению, *превышает* цену издержек, этим самым показывают, что они созданы *относительно* менее производительным трудом, чем те, стоимость которых равна цене издержек, и еще менее производительным, чем те, стоимость которых *ниже* цены издержек; ибо они требуют большего количества *непосредственного* труда в сравнении с содержащимся в постоянном капитале *прошлым трудом,* требуют большего количества труда, чтобы привести в движение определенный капитал. Это различие — *историческое;* оно, стало быть, может исчезнуть. Та самая аргументация, которая

показывает, что существование *абсолютной земельной ренты* возможно, показывает также, что ее действительность, ее существование есть всего лишь исторический факт, который свойствен *известной* ступени развития земледелия, а на более высокой ступени может исчезнуть.

Рикардо объясняет дифференциальную ренту *абсолютным уменьшением производительности* земледелия, что вовсе не является предпосылкой дифференциальной ренты и не выдвигалось в качестве такой предпосылки Андерсоном. Абсолютную же земельную ренту Рикардо отрицает потому, что он [564] предполагает одинаковым *органическое строение* капитала в промышленности и земледелии; тем самым он отрицает существующее только как исторический факт *более низкое развитие* производительной силы труда в земледелии сравнительно с промышленностью. Поэтому Рикардо впадает в двойную историческую ошибку. С одной стороны, он признаёт *абсолютно одинаковой* производительность труда в земледелии и в промышленности, стало быть отрицает имеющее лишь *исторический* характер различие между данными ступенями их развития, а с другой стороны — предполагает *абсолютное уменьшение производительности земледелия* и объявляет это законом его развития. Первое он делает для того, чтобы приравнять *цену издержек* на худшей земле к *стоимости;* второе — для того, чтобы объяснить существующие различия между *ценами,* по которым продаются продукты лучших земель, и *стоимостью* этих продуктов. Вся ошибка в целом проистекает из смешения *цены издержек* и *стоимости.*

Тем самым, стало быть, теория Рикардо устраняется. Об остальном сказано выше при рассмотрении теории Родбертуса.

[3) НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОСТЬ РИКАРДОВСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ РЕНТЫ]

Как я уже отметил*, Рикардо начинает главу о земельной ренте указанием, что надлежит исследовать, согласуются ли *«обращение* земли *в собственность* и возникновение вследствие этого ренты» (стр. 53) [Русский перевод, том I, стр. 65] с определением стоимости рабочим временем. И далее:

«Адам Смит... не может быть прав, предполагая, что *первоначальное правило, регулирующее меновую стоимость товаров,* — а именно, сравнительное количество труда, которым они произведены, — может *вообще измениться вследствие обращения земли* в *собственность и уплаты ренты»* (стр. 67) [Русский перевод, том I, стр. 73].

* См. настоящий том, часть II, стр. 181. *Ред.*

Эта прямая и осознанная связь, в которой у Рикардо теория ренты находится с определением *стоимости,* составляет теоретическую заслугу Рикардо. В остальном эта *глава 2-я («О ренте»),* пожалуй, хуже изложения Уэста. В ней много сомнительного, имеет место petitio principii* и пристрастный подход к проблеме.

В случае *собственно земледельческой ренты,* которую Рикардо справедливо рассматривает здесь как ренту χατ'ἐξοχὴν**, рента есть то, что уплачивается за разрешение вложить капитал *в тот элемент производства, которым является земля,* капиталистически производить в нем. Земля здесь — *элемент производства.* Иначе обстоит дело, например, в случае ренты за строения, водопады и т. п. Те силы природы, за пользование которыми здесь уплачивается рента, входят в производство как его *условие,* будь то в виде производительной силы или же в виде conditio sine qua non***, но они не являются *элементом* самой этой определенной сферы производства. Далее, в случае ренты за рудники, каменноугольные копи и т. д. земля фигурирует как резервуар потребительных стоимостей, которые должны быть извлечены из ее недр. Здесь платят за землю не потому, что она является, как это имеет место в земледелии, тем *элементом,* в котором должно осуществляться производство, и не потому, что она входит *в процесс* производства в качестве одного из условий производства, как в случае с водопадом или со строительным участком, а потому, что она, как резервуар, содержит в себе те *потребительные стоимости,* которыми надлежит овладеть посредством производственной деятельности.

Рикардовское определение:

> *«Рента* — это та доля продукта земли, которая уплачивается земельному собственнику за *пользование первоначальными и неразрушимыми силами почвы»* (стр. 53) [Русский перевод, том I, стр. 65],

— неудовлетворительно. Во-первых, почва не обладает «неразрушимыми силами». (Об этом сделать примечание в конце данного раздела.) Во-вторых, она не обладает также и «первоначальными» силами, поскольку почва не представляет собой вообще ничего «первоначального», а является продуктом естественноисторического процесса. Но оставим это. Под «первоначальными» силами почвы здесь следует понимать такие силы,

* — логическая ошибка, состоящая в доказывании какого-нибудь тезиса при помощи такого аргумента, который сам имеет силу только при допущении истинности доказываемого тезиса. *Ред.*

** — по преимуществу, в истинном значении слова. *Ред.*

*** — условия, без которого что-либо невозможно; непременного условия. *Ред.*

какими она обладает независимо от воздействия человеческой производственной деятельности, хотя, с другой стороны, придаваемые ей человеческой производственной деятельностью силы совершенно так же становятся первоначальными силами почвы, как и те, какие ей придали происходящие в природе процессы. В остальном остается верным то, что рента уплачивается за *«пользование»* предметами природы — совершенно независимо от того, идет ли речь о пользовании «первоначальными силами» почвы, или силой падения водопада, или строительным участком, или же подлежащими извлечению сокровищами, содержащимися в воде или в недрах земли.

В отличие от собственно *земледельческой ренты* А. Смит (указывает Рикардо) говорит о ренте, уплачиваемой за древесину из девственных лесов, о ренте с каменноугольных копей и с каменоломен. Способ, каким Рикардо это отбрасывает, несколько странен.

Рикардо начинает с того, что с земельной рентой не следует смешивать процент и прибыль на капитал (стр. 53), а именно на тот капитал,

«который был употреблен на улучшение качества почвы и на сооружение построек, необходимых для хранения продукта и предохранения его от порчи» (стр. 54) [Русский перевод, том I, стр. 65].

Отсюда Рикардо тотчас же переходит к приведенным выше случаям ренты, на которые указывает А. Смит. Относительно девственных лесов Рикардо говорит:

«Разве, однако, не ясно, что лицо, уплатившее то, что он» (Смит) «называет рентой, уплатило ее, имея в виду тот *ценный товар* на корню, который тогда находился на данном участке, и что это лицо, действительно, *возместило себе с прибылью свои деньги путем продажи древесины?»* (стр. 54) [Русский перевод, том I, стр. 66].

Точно так же обстоит дело с каменоломнями и каменноугольными копями:

«Вознаграждение, даваемое за [565] копи или каменоломни, уплачивается за стоимость угля или камня, которые могут быть извлечены из них, и не находится ни в какой связи с первоначальными и неразрушимыми силами почвы. Это различие имеет большое значение при исследовании ренты и прибыли. Ибо оказывается, что законы, регулирующие движение ренты, сильно отличаются от законов, регулирующих движение прибыли, и что эти законы редко действуют в одном и том же направлении» (стр. 54—55) [Русский перевод, том I, стр. 66].

Это весьма странная логика. Различие, говорит Рикардо, надо делать между *рентой,* уплачиваемой собственнику земли за *пользование «первоначальными и неразрушимыми силами почвы»,* и *процентом и прибылью,* уплачиваемыми ему за тот

капитал, который он затратил на *улучшение* почвы и т. д. *«Вознаграждение»,* уплачиваемое собственнику естественно растущих лесов за право «извлекать» из них древесину или владельцу каменоломен и каменноугольных копей за право «извлекать» из них камни и уголь, не является *рентой,* так как оно уплачивается не за «пользование первоначальными и неразрушимыми силами почвы». Прекрасно! Однако Рикардо ведет свое рассуждение так, как будто это «вознаграждение» тождественно с прибылью и процентом, уплачиваемыми за капитал, вложенный в улучшение земли! Но это совершенно неверно! Разве владелец «девственного леса» вложил в него «капитал», чтобы этот девственный лес давал древесину? Или разве владелец каменоломен и каменноугольных копей вложил в них «капитал», чтобы они могли содержать в себе «камни» и «уголь»? Так откуда же проистекает получаемое им «вознаграждение»? Оно ни в коем случае не является прибылью или процентом на капитал, как это хочет протащить Рикардо. Значит, это — *«рента»,* а не что-нибудь иное, хотя и не рента в том смысле, в каком Рикардо определил *ренту.* Но это только показывает, что его определение ренты исключает те формы, где «вознаграждение» уплачивается исключительно за *предметы природы,* в которых не воплощен никакой человеческий труд, и притом уплачивается *собственнику* этих предметов природы и только потому, что он — «собственник», *земельный собственник,* безразлично, представляет ли собой эта земля пашню, лес, пруд для рыбы, водопад, строительный участок и т. п. Но, говорит Рикардо, человек, *уплачивающий деньги* за право рубить деревья в девственном лесу, платит, «имея в виду тот *ценный товар на корню,* который тогда *находился на данном участке,* и этот человек, действительно, *возмещает себе с прибылью свои деньги* путем продажи древесины». Стой! Если Рикардо называет здесь *«ценным* товаром *на корню»* деревья, растущие в девственном лесу, то это означает всего лишь то, что они δυναμει[*] являются *потребительной стоимостью.* И эта потребительная стоимость выражена здесь в слове «ценный». Но это вовсе не *«товар».* Ибо для этого указанные деревья должны были бы вместе с тем быть и меновой стоимостью, т. е. овеществлением определенного количества затраченного на них труда. Товаром они становятся только благодаря тому, что их отделяют от девственного леса, рубят, выволакивают, перевозят, из стволов превращают в лесоматериалы. Или, быть может, они становятся товаром только благодаря тому, что их *продают?*

[*] — потенциально, в возможности. *Ред.*

Тогда и пахотная земля тоже становится товаром в силу одного только акта *продажи!*

Мы должны были бы, следовательно, сказать так: *рента* это — *цена, уплачиваемая собственнику сил природы или просто продуктов природы* за право пользования этими силами или за право присвоения (путем приложения труда) этих продуктов. Такова и в самом деле та форма, в которой первоначально *выступает* всякая рента. Но тогда как раз остается разрешить вопрос о том, как это возможно, что *цену* имеют вещи, не имеющие *стоимости,* и как это согласуется с общей теорией *стоимости.* Вопрос, *с какой целью* уплачивает человек «вознаграждение» за право вырубать лес с земли, на которой этот лес растет, не имеет никакого отношения к действительному вопросу. Вопрос стоит так: из какого *фонда* этот человек платит? Рикардо говорит: *«из выручки от продажи древесины».* Следовательно, из *цены* древесины. И притом цена ее была такова, что человек этот, как говорит Рикардо, «действительно, возместил себе *с прибылью* свои деньги». Итак, теперь мы знаем, в чем дело. Цена древесины должна по меньшей мере равняться сумме денег, представляющей количество труда, необходимое для того, чтобы срубить деревья, выволочь, перевезти их, доставить на рынок. Так вот, представляет ли собой прибыль, с которой человек «возмещает себе свои деньги», надбавку к этой *стоимости,* к меновой стоимости, только теперь приданной вырубленному лесу затраченным на него трудом? Если бы Рикардо сказал это, то он тем самым скатился бы к самому грубому представлению, стоящему ниже уровня его собственной теории. Нет. Прибыль, если предположить, что человек этот был капиталистом, представляет собой ту часть примененного им в производстве «древесины» труда, которую он *не оплатил,* и он, могли бы мы сказать, получил бы такую же прибыль, если бы привел в движение то же самое количество труда на хлопкопрядильной фабрике. (Если человек этот не капиталист, то прибыль равна тому количеству его труда, которое образует избыток над возмещением его заработной платы и которое составило бы прибыль капиталиста в том случае, если бы капиталист нанял этого человека, но которое теперь составляет собственную прибыль последнего, потому что он является своим собственным наемным рабочим и своим собственным капиталистом в *одном и том же* лице.) Но здесь употреблено *несуразное выражение,* что этот лесопромышленник, «действительно, *возмещает* себе с прибылью свои деньги». Это придает всему делу очень плоский характер и соответствует тому грубому представлению, которое может иметь об источнике своей прибыли

сам капиталист, сводящий лес. Сперва он платит владельцу девственного леса за потребительную стоимость деревьев, которые, однако, не обладают никакой «стоимостью» (меновой стоимостью) и, пока они «еще на корню», не имеют даже и потребительной стоимости. Он уплачивает лесовладельцу, положим, 5 ф. ст. за тонну. А затем он продает публике ту же древесину (не считая других его издержек) за 6 ф. ст. и таким образом, действительно, возмещает себе 5 ф. ст. с прибылью в 20%. «Он, действительно, возместил себе с прибылью свои деньги». Если бы владелец леса потребовал «вознаграждения» всего лишь в 2 ф. ст. (40 шилл.), то лесопромышленник продавал бы тонну древесины за 2 ф. ст. 8 шилл. вместо 6 ф. ст. [566] Так как лесопромышленник всегда набавляет один и тот же процент прибыли, то здесь, следовательно, цена древесины была бы выше или ниже в зависимости от того, высока или низка рента. Последняя входила бы в цену как конституирующий ее элемент и отнюдь не была бы результатом цены. Уплачивается ли «рента» («вознаграждение») владельцу земли за пользование «силами» земли или же за «пользование» «естественными продуктами» земли, это не вносит абсолютно никакого изменения в экономическое отношение, ничего не меняет в том, что производится уплата за «нечто, данное природой», за силы или продукты земли, на которые до этого не было затрачено никакого человеческого труда. И таким образом Рикардо на второй странице своей главы *«О ренте»* — с целью обойти возникшую трудность — опрокидывает всю свою теорию. А. Смит, по-видимому, был здесь гораздо проницательнее.

Точно так же обстоит дело с каменоломнями и каменноугольными копями.

«Вознаграждение, *даваемое* за копи или каменоломни, уплачивается за *стоимость* угля или камня, которые могут быть извлечены из них, и не находится ни в какой связи с *первоначальными* и неразрушимыми *силами* почвы» (стр. 54—55) [Русский перевод, том I. стр. 66].

Ни в какой! Но это вознаграждение находится в очень существенной связи с *«первоначальными* и поддающимися разрушению *продуктами* земли». Слово *«стоимость»* здесь так же несуразно, как выше слова *«возмещает с* прибылью».

Рикардо никогда не употребляет слово *стоимость* для обозначения полезности, или пригодности, или «потребительной стоимости». Не хочет ли он, следовательно, сказать, что «вознаграждение» уплачивается собственнику каменоломен и каменноугольных копей за *«стоимость»,* которой уголь и камень обладают до того, как они извлечены из каменоломен и копей, т. е. в своем первоначальном состоянии? В таком случае он

ниспровергает все свое учение о стоимости. Или же *стоимость,* как и следовало бы сказать, означает здесь *возможную* потребительную стоимость, а потому также и *ожидаемую меновую* стоимость угля и камня? Тогда это означает только то, что их собственнику *рента* уплачивается за разрешение использовать «первоначальные компоненты земли» для добычи угля и камней. И абсолютно нельзя понять, почему это не следует так же называть «рентой», как и в том случае, когда дается разрешение использовать «силы» земли для производства пшеницы. Ведь иначе мы снова придем к ниспровержению всей теории ренты, как это выяснено на примере с лесом. При правильной теории вопрос не представляет решительно никаких трудностей. Затраченные на «производство» {не на воспроизводство} леса, угля, камня труд (который, правда, не создает этих продуктов природы, но разрывает их первоначальную связь с землей и таким образом «производит» их как годные к употреблению лес, уголь, камень) и капитал принадлежат, очевидно, к тем сферам производства, где затрачиваемая на заработную плату часть капитала больше, чем затрачиваемая на постоянный капитал; непосредственный труд здесь больше, чем тот «прошлый» труд, результат которого служит средством производства. Следовательно, если товар продается здесь по своей стоимости, то эта стоимость превышает его *цену издержек,* т. е. износ орудий, заработную плату и среднюю прибыль. *Избыток может,* следовательно, быть уплачен в виде ренты собственнику леса, каменоломни или каменноугольной копи.

Но чем объясняются эти неуклюжие маневры Рикардо, неправильное употребление слова «стоимость» и т. д.? Почему он так цепляется за определение ренты как платы за пользование «первоначальными и неразрушимыми силами почвы»? Ответ, быть может, мы получим в дальнейшем. Во всяком случае, Рикардо хочет выделить собственно земледельческую ренту, подчеркнуть ее специфические черты и вместе с тем уже заложить основу для теории дифференциальной ренты посредством указания на то, что эти первоначальные силы могут оплачиваться лишь постольку, поскольку они достигают различных ступеней развития.

[ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ]
ТАБЛИЦЫ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ РЕНТЫ С ПОЯСНЕНИЯМИ

[1) ИЗМЕНЕНИЯ В МАССЕ И НОРМЕ РЕНТЫ]

К вышеизложенному надо добавить еще следующее:

Предположим, что были бы открыты более продуктивные или лучше расположенные каменноугольные копи и каменоломни, так что при том же количестве труда они давали бы больше продукта, чем старые, и притом *такое количество продукта,* что весь спрос был бы удовлетворен. Тогда цена угля, камня, древесины понизилась бы, потому что понизилась бы их стоимость, и вследствие этого пришлось бы закрыть старые каменноугольные копи и каменоломни. Они не давали бы ни прибыли, ни заработной платы, ни ренты. Тем не менее *новые* копи должны были бы давать ренту, как раньше старые, хотя и *меньшую* (по своей норме). Ведь всякое увеличение производительности труда уменьшает затрачиваемый на заработную плату капитал в его отношении к постоянному капиталу, здесь — к капиталу, вложенному в орудия производства. Верно ли это? Верно ли и в данном случае, когда изменение производительности труда происходит в результате изменения не самого *способа производства,* а естественной продуктивности каменноугольной копи или каменоломни или же их местоположения? Единственное, что мы можем здесь сказать, это то, что то *же самое* количество капитала в этом случае дает больше тонн угля или камня, что, следовательно, в каждой отдельной тонне содержится меньше труда, но во всех тоннах, вместе взятых, содержится столько же труда или даже больше, если новые копи или каменоломни, кроме прежнего спроса, который удовлетворяли старые копи или каменоломни, удовлетворяют еще и добавочный спрос, а именно такой добавочный спрос,

который превышает разницу в продуктивности старых и новых копей и каменоломен. Однако *органическое строение применяемого* капитала от этого не изменилось бы. Правда, в цене одной тонны, каждой отдельной тонны, содержалось бы меньше ренты, но только потому, что в каждой тонне содержалось бы вообще меньше труда, а значит и меньше заработной платы и меньше прибыли. *Отношение-нормы ренты к* прибыли этим, однако, не было бы затронуто. Итак, мы можем [567] сказать лишь следующее:

Если спрос остается тем же, если, следовательно, надлежит производить *такое же,* как прежде, количество угля и камня, — то для того, чтобы произвести *ту же* массу товаров, в новых, более продуктивных копях и каменоломнях применяется теперь *меньше капитала,* чем применялось прежде в старых. Вместе с этим падает совокупная стоимость всей массы товаров; следовательно, уменьшается и вся сумма ренты, прибыли, заработной платы и применяемого постоянного капитала. Но соотношения между рентой и прибылью не изменяются, точно так же как не изменяются и соотношения между прибылью и заработной платой или между прибылью и затраченным капиталом, так как не произошло никакого *органического* изменения в применяемом капитале. Изменилась только *величина,* но не *строение* применяемого капитала, следовательно и не способ производства.

Если нужно удовлетворить *добавочный спрос,* но такой добавочный спрос, который равняется разности в продуктивности новых и старых копей и каменоломен, — то по-прежнему применяется *капитал той же величины.* Стоимость каждой отдельной тонны падает. Но совокупное количество тонн имеет ту же стоимость, что и прежде. Если рассматривать каждую отдельную тонну, то вместе с содержащейся в ней стоимостью уменьшилась и величина тех частей стоимости, которые превращаются в прибыль и ренту. Но так как величина *капитала* и вместе с тем совокупная стоимость его продукта остались без изменения, а также не произошло и *органического* изменения в его строении, то *абсолютная масса ренты и прибыли* осталась той же.

Если *добавочный спрос* настолько велик, что, при прежнем капиталовложении, разница в продуктивности новых и старых копей и каменоломен не может покрыть этот спрос, то в новых копях необходимо применить добавочный капитал. В этом случае, — если с увеличением совокупного вложенного капитала не происходит изменения в разделении труда, применении машин, если, следовательно, не происходит *никакого* изменения

в *органическом* строении капитала, — возрастает *масса ренты и прибыли,* так как возросла стоимость совокупного продукта, стоимость совокупного количества тонн, хотя стоимость каждой отдельной тонны упала, а значит упала и та часть стоимости одной тонны, которая превращается в ренту и прибыль.

Во всех этих случаях не происходит *никакого изменения.* в норме ренты, так как не происходит *изменения* в *органическом строении* применяемого капитала (как бы ни *изменялась* его *величина).* Если бы, напротив, изменение произошло вследствие изменения в органическом строении капитала, вследствие уменьшения затраченного на заработную плату капитала по сравнению с капиталом, затраченным на машины и т. п., — так что, следовательно, изменился бы самый способ производства, — то *норма ренты* упала бы, так как уменьшилась бы разность между стоимостью товара и ценой издержек. В рассмотренных выше трех случаях эта разность не становится меньше. Ибо если падает стоимость, то точно так же падает и цена издержек единицы товара, так как на единицу товара затрачивается меньше труда, оплаченного и неоплаченного.

Итак, согласно изложенному, если увеличение производительности труда — или уменьшение стоимости определенного количества произведенных товаров — вызывается лишь изменением продуктивности природных элементов, различием в природном уровне плодородия почвы, богатства копей, каменоломен и т. п., то масса ренты может упасть вследствие того, что при изменившихся условиях применяется меньшее количество капитала; она может остаться неизменной при наличии добавочного спроса; она может возрасти, если добавочный спрос превышает разницу в продуктивности старых, эксплуатировавшихся раньше, и эксплуатируемых теперь природных факторов производства. Но норма ренты могла бы возрасти только с изменением в органическом строении применяемого капитала.

Таким образом, нет необходимости в том, чтобы *масса ренты* падала, когда прекращается обработка худшей земли, худшей каменоломни, худшей шахты и т. д. Больше того, *норма ренты* даже никогда не может упасть в тех случаях, когда прекращение обработки худших участков является всего лишь следствием *меньшей* природной продуктивности их.

Рикардо непозволительным образом смешивает правильное положение, что в этом случае *масса ренты* при определенном состоянии спроса может падать, — т. е. что она зависит от того, уменьшается ли, остается неизменной или возрастает

величина применяемого капитала, — с совершенно ошибочным положением, будто здесь должна падать *норма ренты,* что при данной предпосылке *невозможно,* так как предполагается, что не произошло *никакого изменения* в *органическом строении капитала,* т. е. не произошло такого изменения, которое затрагивало бы *соотношение между стоимостью и ценой издержек* — единственное соотношение, определяющее *норму* [абсолютной] *ренты.*

[2) РАЗЛИЧНЫЕ СОЧЕТАНИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ И АБСОЛЮТНОЙ РЕНТЫ. ТАБЛИЦЫ *A, B, C, D, E*]

А как в указанном выше случае обстоит дело с *дифференциальными рентами?*

Предположим, что эксплуатируются каменноугольные копи трех разрядов, I, II, III, причем разряд I приносит абсолютную ренту, II дает ренту вдвое большую, чем I, а III — ренту, вдвое большую, чем II, или в четыре раза большую, чем I. В таком случае разряд I дает абсолютную ренту *P,* разряд II дает ренту 2 *P* и разряд III — 4 *P.* Пусть теперь открывается новый разряд IV, более продуктивный, чем I, II и III, и настолько большой по размерам, что в него может быть вложен такой же капитал, какой вложен в I. В этом случае, *при неизменившемся спросе,* в IV разряд вкладывается тот самый капитал, который раньше вкладывался в I. В результате этого I был бы закрыт. Пришлось бы изъять и часть капитала, вложенного во II разряд. IV разряда было бы достаточно, чтобы заменить I и часть II, но оба высших разряда, III и IV, не могли бы удовлетворить весь спрос без оставления в эксплуатации части II разряда. Чтобы иллюстрировать все это на конкретном примере, предположим, что IV разряд в состоянии с таким капиталом, какой был вложен в I, дать всю добычу I разряда и половину добычи II. Следовательно, если бы во II разряд была вложена половина прежнего капитала, в III — прежний капитал, а в IV — новый капитал, то рынок был бы снабжен полностью.

[568] Каковы же были бы происшедшие в этом случае изменения или как отразились бы они на общей сумме ренты, на рентах разрядов I, II, III и IV?

Абсолютная рента, получаемая с IV разряда, была бы по своей массе и норме совершенно тождественна той, какая получалась раньше с I; действительно, *абсолютная рента* и прежде была бы по своей массе и норме одна и та же в I, II и III, если все время исходить из предположения, что в этих различных разрядах применены *капиталы одинаковых размеров.* Стои-

мость продукта IV в точности равнялась бы стоимости прежнего продукта I, потому что это был бы продукт капитала *одинаковой величины* и *одинакового органического строения.* Поэтому и разность между стоимостью и ценой издержек, а следовательно и норма ренты, должна остаться той же. Сверх того, масса ренты тоже должна остаться той же, так как — при *данной норме* ренты — были бы применены капиталы одинаковой величины. Но так как [рыночная] стоимость угля определяется не [индивидуальной] стоимостью угля, добываемого в IV, то последний принес бы добавочную ренту, или некоторый излишек над его *абсолютной рентой,* — ренту, получающуюся не из разности между стоимостью и ценой издержек, а из разности между *рыночной стоимостью* и *индивидуальной стоимостью* продукта разряда IV.

Когда мы говорим, что абсолютная рента, или разность между стоимостью и ценой издержек, *одна и та же* у I, II, III, IV при условии, что *величина* вложенного в них капитала, а значит и масса ренты при данной норме ренты, одна и та же, то это следует понимать таким образом: стоимость (индивидуальная) угля I выше стоимости угля II, а стоимость угля II выше стоимости угля III, так как в *одной* тонне угля I содержится больше труда, чем в одной тонне угля II, и в одной тонне II больше, чем в одной тонне III. Но так как *органическое строение* капитала во всех трех случаях одно и то же, то эта разница не отражается на *индивидуальной абсолютной ренте,* приносимой разрядами I, II, III. Ибо если стоимость тонны I больше, то больше и ее цена издержек; она больше лишь в соответствии с тем, насколько *больший капитал* одинакового органического строения применяется для производства *одной* тонны в I разряде, сравнительно со II, а во II — сравнительно с III. Следовательно, эта разница между их стоимостями в точности равна разнице между их *ценами издержек,* т. е. разнице между относительными капиталами, затраченными на производство одной тонны угля в I, II и III разрядах. Различие между величинами стоимости в трех разрядах не отражается, следовательно, на *разности между стоимостью и ценой издержек* в различных разрядах. Если стоимость больше, то *соответственно больше и цена издержек;* ибо стоимость увеличивается лишь в той пропорции, в какой увеличивается затрата *капитала* или труда; следовательно, остается то же соотношение между стоимостью и ценой издержек, а значит, и *абсолютная рента* остается без изменения.

Но посмотрим, далее, как обстоит дело с *дифференциальной рентой.*

Во-первых, во всем производстве угля — в разрядах II, III и IV — теперь применяется *меньше* капитала. Ибо капитал в IV по своей величине равен капиталу в I, а кроме того, изъята половина капитала, применявшегося во II; следовательно, масса ренты во II разряде, во всяком случае, уменьшается наполовину. Что же касается капиталовложений, то изменение произошло только во II разряде, потому что в IV вкладывается столько же капитала, сколько раньше вкладывалось в I. Мы предположили, далее, что в I, II и III были вложены равновеликие капиталы, например по 100 ф. ст. в каждый, а всего 300 ф. ст. Теперь, следовательно, во II, III и IV осталось всего лишь 250 ф. ст.; другими словами, одна шестая часть капитала была изъята из производства угля.

Но, далее, упала *рыночная стоимость* угля. Мы видели, что I разряд приносит *P*, II — 2 *P* и III — 4 *P*. Если принять, что стоимость продукта, произведенного при затрате 100 ф. ст. в I разряде, равняется 120 ф. ст., из которых 10 составляют ренту и 10 — прибыль, то рыночная стоимость II составит 130 ф. ст. (10 — прибыль и 20 — рента), а рыночная стоимость III составит 150 ф. ст. (10 — прибыль и 40 — рента). Если продукт I равнялся 60 тоннам (тонна = 2 ф. ст.), то продукт II равен 65 тоннам, продукт III — 75 тоннам, а совокупная продукция равна 60 + 65 + 75 = 200 тоннам. А так как теперь в IV разряде 100 ф. ст. производят столько же, сколько составляла вся продукция I разряда и половина продукции II, т. е. 60 + $32^1/_2$ = $92^1/_2$ тонны, то эти $92^1/_2$ тонны по прежней рыночной стоимости стоили бы 185 ф. ст. и, значит, давали бы ренту в 75 ф. ст., так как прибыль = 10 ф. ст.; и, следовательно, так как абсолютная рента = 10 ф. ст., то величина ренты в IV разряде равнялась бы $7^1/_2$ *P*.

Как и прежде, II, III, IV дают те же 200 тонн угля, потому что $32^1/_2$ + 75 + $92^1/_2$ = 200 тоннам. Но как обстоит теперь дело с рыночной стоимостью и дифференциальными рентами?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо посмотреть, какова величина *абсолютной индивидуальной ренты* в разряде II. Мы предполагаем, что абсолютная разность между *стоимостью и ценой издержек* в этой сфере производства равна 10 ф. ст., т. е. равна той ренте, которую приносила наихудшая шахта, хотя в этом предположении и нет необходимости, за исключением того случая, когда разряд I своей стоимостью абсолютно определял бы *рыночную стоимость*. [569] Если это действительно имело место, то рента в I разряде (при продаже угля I по его стоимости) представляла вообще избыток стоимости

в этой *сфере производства* над его [угля I] собственной ценой издержек и над общей ценой издержек товаров. Следовательно, II продает свои продукты по их стоимости, если он продает свои 65 тонн за 120 ф. ст., т. е. каждую тонну за $1^{11}/_{13}$ ф. ст. То обстоятельство, что он продавал тонну вместо этого по 2 ф. ст., обусловливалось лишь избытком рыночной стоимости, определяемой разрядом I, над его [угля II] индивидуальной стоимостью, избытком не его [угля II] *стоимости,* а его *рыночной стоимости над его ценой издержек.*

Далее, II продает теперь, согласно предположению, вместо 65 только $32^1/_2$ тонны, так как он вкладывает в шахту вместо капитала в 100 ф. ст. лишь капитал в 50 ф. ст.

Следовательно, II продает теперь $32^1/_2$ тонны за 60 ф. ст. По отношению к 50 ф. ст. [авансированного капитала] 10 ф. ст. составляют 20%. Из 60 ф. ст. 5 ф. ст. приходятся на прибыль и 5 ф. ст. на ренту.

Таким образом, мы имеем для II: стоимость одной тонны продукта — $1^{11}/_{13}$ ф. ст.; число тонн — $32^1/_2$; стоимость совокупного продукта — 60 ф. ст.; *рента* — 5 ф. ст. Рента с 20 ф. ст. упала до 5 ф. ст. Если бы все еще применялся капитал *прежних размеров,* рента упала бы только до 10 ф. ст. Следовательно, по своей норме рента упала лишь наполовину. Другими словами, она уменьшилась на всю ту разность, на какую *рыночная стоимость,* определявшаяся разрядом I, превышала собственную стоимость угля II, или на величину избытка над той разностью, которая вытекает из различия между собственной стоимостью угля II и его ценой издержек. Его дифференциальная рента равнялась 10 ф. ст.; теперь вся его рента равна 10 ф. ст., т. е. его абсолютной ренте. Таким образом, во II разряде с понижением рыночной стоимости до *стоимости* (угля II) дифференциальная рента исчезла, а следовательно, исчезла и вздутая, удвоенная благодаря этой дифференциальной ренте, норма ренты. Она упала с 20 до 10. И далее, рента снизилась с 10 до 5, так как при *данной норме ренты* наполовину уменьшился вложенный в шахты II разряда капитал.

Так как *рыночная стоимость* определяется теперь стоимостью угля II, равной $1^{11}/_{13}$ ф. ст. за тонну, то *рыночная стоимость* 75 тонн, которые производит разряд III, равняется теперь $138^6/_{13}$ ф. ст.; из них рента составляет $28^6/_{13}$ ф. ст. Раньше рента составляла 40 ф. ст.; следовательно, она уменьшилась на $11^7/_{13}$ ф. ст. Раньше она превышала абсолютную ренту на 30, а теперь всего лишь на $18^6/_{13}$ ф. ст. (ибо $18^6/_{13} + 10 = 28^6/_{13}$). Раньше она равнялась 4 P, а теперь она равна лишь 2 P + + $8^6/_{13}$ ф. ст. Так как величина вложенного в разряд III

капитала осталась неизменной, то это уменьшение ренты обусловлено исключительно падением *нормы дифференциальной ренты,* т. е. уменьшением избытка рыночной стоимости угля III над его индивидуальной стоимостью. Раньше вся сумма ренты в разряде III была равна избытку *более высокой рыночной стоимости* над ценой издержек; теперь же она равняется лишь избытку *более низкой* рыночной стоимости над ценой издержек[80]. Таким образом, разница эта приближается к абсолютной ренте разряда III. Разряд III при капитале в 100 ф. ст. производит 75 тонн угля, [индивидуальная] стоимость которых равна 120 ф. ст.; следовательно, 1 тонна стоит $1^3/_5$ ф. ст. Вместо этого III продавал при прежней рыночной цене одну тонну за 2 ф. ст., т. е. на $^2/_5$ ф. ст. дороже. На 75 тонн это составляло $^2/_5 \times 75$, т. е. 30 ф. ст., — и такова, действительно, была дифференциальная рента в общей сумме его ренты; ибо его рента равнялась 40 ф. ст. (10 — абсолютная рента и 30 — дифференциальная рента). Теперь III продает тонну по новой рыночной стоимости, лишь за $1^{11}/_{13}$ ф. ст. Насколько эта цена тонны угля III превышает ее, [индивидуальную] стоимость? $^3/_5 = {}^{39}/_{65}$ и $^{11}/_{13} = {}^{55}/_{65}$. Следовательно, III продает тонну угля на $^{16}/_{65}$ ф. ст. дороже ее [индивидуальной] стоимости[81]. На 75 тонн это составит $18^6/_{13}$ ф. ст., и это как раз и есть дифференциальная рента, которая, следовательно, всегда равна количеству тонн, умноженному на избыток рыночной стоимости тонны над [индивидуальной] стоимостью тонны. Теперь остается еще вычислить, как получается уменьшение ренты на $11^7/_{13}$ ф. ст. Избыток рыночной стоимости над стоимостью угля III уменьшился с $^2/_5$ ф. ст. на тонну (когда она продавалась по 2 ф. ст.) до $^{16}/_{65}$ ф. ст. на тонну (при продаже тонны угля по $1^{11}/_{13}$ ф. ст.), следовательно с $^{26}/_{65}$ до $^{16}/_{65}$, т. е. на $^{10}/_{65}$ ст. На 75 тонн это составит $^{750}/_{65} = {}^{150}/_{13} = 11^7/_{13}$, и такова в точности та сумма, на которую уменьшилась рента в разряде III.

[570] $92^1/_2$ тонны разряда IV стоят при цене $1^{11}/_{13}$ ф. ст. $170^{10}/_{13}$ ф. ст. Здесь рента составляет $60^{10}/_{13}$, а дифференциальная рента — $50^{10}/_{13}$ ф. ст. Если бы $92^1/_2$ тонны были проданы по своей стоимости, т. е. за 120 ф. ст., то 1 тонна стоила бы $1^{11}/_{37}$ ф. ст. Вместо этого она продается по $1^{11}/_{13}$. Но $^{11}/_{13} = {}^{407}/_{481}$ а $^{11}/_{37} = {}^{143}/_{481}$. Это дает $^{264}/_{481}$ ф. ст. избытка рыночной стоимости угля IV над его стоимостью. На $92^1/_2$ тонны это составит ровно $50^{10}/_{13}$ ф. ст., дифференциальную ренту разряда IV.

Сопоставим теперь оба рассмотренные случая в виде таблиц *А* и *В.*

A

Разряд	Капитал	Абсол. рента	Число тонн	Рыночная стоимость тонны	Индивидуальная стоимость тонны	Рыночная стоимость совокупного продукта	Диффер. рента
	ф. ст.	ф. ст.		ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.
I	100	10	60	2	2	120	0
II	100	10	65	2	$1^{11}/_{13}$	130	10
III	100	10	75	2	$1^{3}/_{5}$	150	30
Итого ….300		30	200			400	40

Общее количество тонн — 200. Вся абсолютная рента — 30 ф. ст. Вся *дифференциальная рента* — 40 ф. ст. Совокупная рента — 70 ф. ст.

B

Разряд	Капитал	Абсол. рента	Число тонн	Рыночная стоимость тонны	Индивидуальная стоимость тонны	Рыночная стоимость совокупного продукта	Диффер. рента
	ф. ст.	ф. ст.		ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.
II	50	5	$32^{1}/_{2}$	$1^{11}/_{13}$	$1^{11}/_{13}$	60	0
III	100	10	75	$1^{11}/_{13}$	$1^{3}/_{5}$	$138^{6}/_{13}$	$18^{6}/_{13}$
IV	100	10	$92^{1}/_{2}$	$1^{11}/_{13}$	$1^{11}/_{37}$	$170^{10}/_{13}$	$50^{10}/_{13}$
Итого….250		25	200			$369^{3}/_{13}$	$69^{3}/_{13}$

Весь капитал — 250 ф. ст. Абсолютная рента — 25 ф. ст. Дифференциальная рента — $69^{3}/_{13}$ ф. ст. *Совокупная рента* — $94^{3}/_{13}$ ф. ст. Совокупная стоимость 200 тонн понизилась с 400 до $369^{3}/_{13}$ ф. ст.

Эти две таблицы дают повод к весьма важным соображениям.

Прежде всего мы видим, что по своей сумме *абсолютная рента* увеличивается или уменьшается соответственно вложенному в земледелие[82] капиталу, соответственно совокупным массам капитала, вложенным в разряды I, II, III. *Норма этой абсолютной ренты* совершенно не зависит от величины вложенных капиталов, так как она совершенно не зависит от разницы в категориях почвы, а напротив, проистекает из разности между стоимостью и ценой издержек, причем сама эта разность определяется *органическим строением* земледельческого капитала, способом производства, а не почвой. Во II разряде *сумма*

абсолютной ренты уменьшается с 10 до 5 по той причине, что капитал уменьшился со 100 до 50, что половина [571] капитала была изъята.

Прежде чем высказывать дальнейшие соображения по поводу этих двух таблиц, приведем еще другие таблицы. Мы видели, что в *B* рыночная стоимость упала до $1^{11}/_{13}$ ф. ст. за тонну. Но при этой *стоимости* еще не будет необходимости в том, чтобы продукт I *A* совершенно исчез с рынка и чтобы разряд II *B* был вынужден применять лишь половину прежнего капитала. Так как в I разряде при совокупной стоимости товара в 120 ф. ст. рента равна 10 ф. ст., т. е. $^{1}/_{12}$ совокупной стоимости, то это относится и к стоимости отдельной тонны, которая равна 2 ф. ст. Но $^{2}/_{12}$ ф. ст. = $^{1}/_{6}$ ф. ст., или $3^{1}/_{3}$ шилл. (ибо $3^{1}/_{3}$ шилл. × 60 = 10 ф. ст.). *Цена издержек* тонны в I разряде составляет, следовательно, [2 ф. ст. — $3^{1}/_{2}$ шилл., т. е.] 1 ф. ст. $16^{2}/_{3}$ шилл. [Новая] рыночная стоимость составляет $1^{11}/_{13}$ ф. ст., или 1 ф. ст. $16^{12}/_{13}$ шилл. Но $16^{2}/_{3}$ шилл. равны 16 шилл. 8 пенсам, или $16^{26}/_{39}$ шилл. В сравнении с этим $16^{12}/_{13}$ (или $16^{39}/_{39}$) шилл. на $^{10}/_{39}$ шилл. больше. Это было бы рентой, получаемой при новой рыночной стоимости на одну тонну, а на 60 тонн это составило бы $15^{5}/_{13}$ шилл. Следовательно, рента не составила бы у меня и 1% на капитал в 100 ф. ст. Для того чтобы разряд I *A* совсем не давал ренты, рыночная стоимость должна была бы упасть до уровня *его* [этого разряда] цены издержек, т. е. до 1 ф. ст. $16^{2}/_{3}$ шилл., или $1^{5}/_{6}$ ф. ст. (или $1^{10}/_{12}$ ф. ст.). В этом случае рента в разряде I *A* исчезла бы. Но он мог бы по-прежнему эксплуатироваться, принося прибыль в 10%. Это прекратилось бы лишь при дальнейшем падении рыночной стоимости ниже $1^{5}/_{6}$ ф. ст.

Что же касается II *B,* то в таблице *B* предполагается, что половина капитала изымается из производства. Но так как рыночная стоимость, установившаяся в размере $1^{11}/_{13}$ ф. ст., дает еще ренту в 10%, то она дает эту ренту одинаково как на 100 ф. ст., так и на 50 ф. ст. Если, следовательно, предполагается, что половина капитала изъята, то это предполагается только потому, что при этих условиях разряд II *B* все еще приносит абсолютную ренту в 10%. В самом деле, если бы II *B* продолжал производить 65 тонн вместо $32^{1}/_{2}$, то рынок оказался бы перегруженным, и рыночная стоимость, при господстве на рынке угля IV, упала бы настолько, что стало бы необходимым уменьшить вложение капитала в разряд II *B*, чтобы он давал абсолютную ренту. Между тем ясно, что когда весь капитал в 100 ф. ст. дает ренту в 9%, то общая сумма ренты больше. чем в том случае, когда капитал в 50 ф, ст. дает ренту в 10%.

Следовательно, если бы по состоянию рынка для удовлетворения существующего спроса необходимо было применять во II разряде только 50 ф. ст. капитала, то рента должна была бы снизиться до 5 ф. ст. Но на самом деле она упала бы еще ниже, если предположить, что добавочные $32^1/_2$ тонны не могут найти постоянного сбыта и, следовательно, были бы вытеснены с рынка. Рыночная стоимость упала бы так низко, что в разряде II B не только исчезла бы рента, но была бы затронута и прибыль. Тогда последовало бы изъятие капитала, чтобы уменьшить предложение, — пока капитал не сократился бы до надлежащего размера, до 50 ф. ст., и тогда установилась бы рыночная стоимость в размере $1^{11}/_{13}$ ф. ст., при котором она опять давала бы абсолютную ренту в разряде II *B,* однако только для половины ранее вложенного в него капитала. Также и в этом случае решающую роль играли бы разряды IV и III, которые господствуют на рынке.

Однако, если при цене в $1^{11}/_{13}$ ф. ст. за тонну рынок поглощает только 200 тонн, то отсюда вовсе не следует, что он не может поглотить еще $32^1/_2$ тонны, когда рыночная стоимость падает, когда, стало быть, вследствие давления, которое оказывают на рынок $32^1/_2$ добавочных тонны, рыночная стоимость $232^1/_2$ тонн снижается. Цена издержек одной тонны в разряде II *B* составляет [110:65, т. е.] $1^9/_{13}$ ф. ст., или 1 ф. ст. $13^{11}/_{13}$ шилл., а рыночная стоимость — $1^{11}/_{13}$ ф. ст., или 1 ф. ст. $16^{12}/_{13}$ шилл. Если бы рыночная стоимость упала настолько, что разряд I A не давал бы уже никакой ренты, т. е. если бы она упала до уровня цены издержек в разряде I *A,* до 1 ф. ст. $16^2/_3$ шилл., или до $1^5/_6$ ф. ст., или $1^{10}/_{12}$ ф. ст., то для того, чтобы II *B* применял весь свой капитал, спрос должен был бы уже значительно возрасти, ибо в разряде I *A* можно было бы продолжать эксплуатацию шахт, так как он давал бы обычную прибыль. Рынок должен был бы поглотить уже не на $32^1/_2$ тонны больше, а на $92^1/_2$ тонны, вместо 200 — $292^1/_2$ тонны, следовательно [почти] наполовину больше. Это предполагает уже весьма значительное увеличение спроса. Значит, чтобы предположенное нами увеличение спроса было умеренным, рыночная стоимость должна упасть так низко, что I *A* был бы вытеснен с рынка. Другими словами, рыночная цена должна была бы упасть ниже цены издержек в разряде I *A*, т. е. ниже $1^{10}/_{12}$ ф. ст., скажем, до $1^9/_{12}$, или 1 ф. ст. 15 шилл. Она и после этого все еще значительно превышала бы цену издержек в разряде II *B*.

Итак, к таблицам *A* и *B* мы добавим еще три таблицы — *C, D* и *E.* Для таблицы *C* мы предположим, что спрос возрастает в такой мере, что все разряды таблиц *A* и *B* могут продолжать

производство, по по рыночной стоимости *B,* причем разряд I *A* еще дает ренту. Для таблицы *D* мы предположим, что спрос достаточно велик для того, чтобы разряд I *A,* не давая уже ренты, все еще приносил обычную прибыль. А для таблицы *E* мы примем, что цена понижается настолько, что разряд I *A* вытесняется с рынка, [572] но вместе с тем понижение цены приводит к поглощению рынком $32^1/_2$ добавочных тонн разряда II *B.*

Случай, представленный в таблицах *A* и *B,* возможен. Возможно, что I *A* при уменьшении ренты с 10 ф. ст. до неполных 16 шилл. прекращает данного рода эксплуатацию своей земли и сдает ее в аренду для иного использования, при котором она может давать более высокую земельную ренту. Но в этом случае II *B* был бы вынужден, в результате вышеописанного процесса, изъять половину своего капитала, если бы с установлением новой рыночной стоимости не произошло расширения рынка.

C

Разряд	Капитал	Абсол. рента	Число тонн	Рыночная стоимость тонны	Индивидуальная стоимость тонны	Рыночная стоимость совокупн. продукта	Рента	Диффер. рента
	ф. ст.	ф. ст.		ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.
I	100	$^{10}/_{13}$	60	$1^{11}/_{13}$	2	$110^{10}/_{13}$	$^{10}/_{13}$	$—9^3/_{13}$
II	100	10	65	$1^{11}/_{13}$	$1^{11}/_{13}$	120		0
III	100	10	75	$1^{11}/_{13}$	$1^3/_5$	$138^6/_{13}$		$+18^6/_{13}$
IV	100	10	$92^1/_2$	$1^{11}/_{13}$	$1^{11}/_{37}$	$170^{10}/_{13}$		$+50^{10}/_{13}$
Итого….400		$30^{10}/_{13}$	$292^1/_2$			540		$69^3/_{13}$

D

Разряд	Капитал	Абсол. рента	Рыночная стоимость тонны	Цена издержек	Число тонн	Рыночная стоимость совокупн. продукта	Диффер. рента
	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.		ф. ст.	ф. ст.
I	100	0	$1^5/_6$	$1^5/_6$	60	110	0 (—)
II	100	$9^1/_6$	$1^5/_6$		65	$119^1/_6$	(скрыта)
III	100	10	$1^5/_6$		75	$137^1/_2$	$+17^1/_2$
IV	100	10	$1^5/_6$		$92^1/_2$	$169^7/_{12}$	$+49^7/_{12}$
Итого…..400		$29^1/_6$			$292^1/_2$	$536^1/_4$	$67^1/_{12}$

E

Разряд	Капитал	Абсол. рента	Рыночная стоимость тонны	Цена издержек	Число тонн	Рыночная стоимость совокупн. продукта	Диффер. рента
	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.		ф. ст.	ф. ст.
II	100	$3\frac{3}{4}$	$1\frac{3}{4}$	$1\frac{9}{13}$	65	$113\frac{3}{4}$	— (отсутствует)
III	100	10	$1\frac{3}{4}$		75	$131\frac{1}{4}$	$+11\frac{1}{4}$
IV	100	10	$1\frac{3}{4}$		$92\frac{1}{2}$	$161\frac{7}{8}$	$+41\frac{7}{8}$
Итого……	300	$23\frac{3}{4}$			$232\frac{1}{2}$	$406\frac{7}{8}$	$53\frac{1}{8}$

[573] Сопоставим теперь таблицы A, B, C, D и E в виде одной сводной таблицы; но так, как это следовало сделать с самого начала: Капитал, Совокупная стоимость, Совокупный продукт, Рыночная стоимость тонны, Индивидуальная стоимость, Дифференциальная стоимость[83], Цена издержек, Абсолютная рента, Абсолютная рента в тоннах, Дифференциальная рента, Дифференциальная рента в тоннах, Совокупная рента. А затем итоги по всем разрядам в каждой таблице[84].

[См. вклейку между страницами 292—293.]

[575] *Пояснение к таблице*

Предполагается, что затрачен капитал в 100 (постоянный и переменный капитал) и что приводимый им в движение труд дает прибавочный труд (неоплаченный труд), равный $^{1}/_{5}$ всего авансированного капитала, или прибавочную стоимость, равную $^{100}/_{5}$. Если, следовательно, авансированный капитал равен 100 ф. ст., то *стоимость* совокупного продукта должна была бы равняться 120 ф. ст. Далее предполагается, что средняя прибыль равна 10%; в таком случае 110 ф. ст. составляют *цену издержек* совокупного продукта, в вышеприведенном примере — угля. 100 ф. ст. капитала превращаются при данной норме прибавочной стоимости или прибавочного труда в *стоимость* в 120 ф. ст., независимо от того, эксплуатируются ли богатые или бедные шахты; одним словом, *различная производительность* труда, является ли она следствием различных природных условий труда или различных общественных условий его или же различных технологических условий, не изменяет ничего в том положении, что стоимость товаров равна материализованному в них количеству труда.

Итак, когда говорят, что *стоимость продукта,* произведенного капиталом в 100 ф. ст., *равна 120 ф. ст.,* то это означает не что иное, как то, что в *продукте* содержится рабочее время. материализованное в 100 ф. ст. капитала, плюс не оплаченное, но присвоенное капиталистом рабочее время, составляющее $^1/_6$ всего затраченного рабочего времени. Совокупная стоимость продукта равна 120 ф. ст., независимо от того, производит ли капитал в 100 ф. ст. в одном разряде шахт 60 тонн, в другом разряде — 65, или 75, или $92^1/_2$. Но ясно, что стоимость единицы продукта, измеряется ли он тоннами, как в данном случае, или квартерами, аршинами и т. д., совершенно различна в зависимости от производительности труда. Если мы возьмем нашу таблицу (то же самое относится ко всякой другой товарной массе, являющейся результатом капиталистического производства), то стоимость одной тонны будет 2 ф. ст., когда совокупный продукт капитала составляет 60 тонн; следовательно, 60 тонн стоят 120 ф. ст.; другими словами, в них представлено рабочее время, равное тому, которое материализовано в 120 ф. ст. Если совокупный продукт составляет 65 тонн, то стоимость каждой отдельной тонны равна 1 ф. ст. $16^{12}/_{13}$ шилл., или $1^{11}/_{13}$ ф. ст.; если он составляет 75 тонн, то стоимость каждой отдельной тонны равна $1^3/_5$ ф. ст., или 1 ф. ст. 12 шилл.; наконец, если он составляет $92^1/_2$ тонны, то стоимость тонны равна $1^{11}/_{37}$ ф. ст., или 1 ф. ст. $5^{35}/_{37}$ шилл. Так как совокупная масса товаров или тонн, произведенных капиталом в 100 ф. ст., всегда имеет одну и ту же *стоимость,* равную 120 ф. ст., так как в ней всегда представлено одно и то же *совокупное количество труда,* содержащееся в *120 ф. ст.,* то именно поэтому *стоимость* каждой отдельной тонны различна в зависимости от того, выражается ли *одна и та же* стоимость в 60, 65, 75 или $92^1/_2$ тоннах, т. е. в зависимости от различия в производительности труда. Это различие в производительности труда как раз и обусловливает то, что *одно и то же количество труда* выражается то в меньшей, то в большей совокупной массе товаров и, следовательно, *каждая отдельная часть* этой совокупной массы содержит в себе то большее, то меньшее абсолютное количество затраченного труда, т. е. имеет, в соответствии с этим, то большую, то меньшую стоимость. Эта различная стоимость отдельных тонн, зависящая от того, вложен ли капитал в 100 ф. ст. в более богатые или в менее богатые шахты, т. е. зависящая от различной производительности труда, и есть то, что в таблице фигурирует как *индивидуальная стоимость* отдельной тонны.

Поэтому нет ничего более ошибочного, чем представление, что если стоимость единицы товара при повышающейся произ-

водительности труда падает, то *совокупная стоимость* продукта, произведенного определенным капиталом, — например, в 100 ф. ст., — повышается из-за того, что увеличилась масса товаров, в которых эта совокупная стоимость представлена. Ведь стоимость единицы товара падает только потому, что *совокупная стоимость* — совокупное количество затраченного труда — выражается в большей массе потребительных стоимостей, продуктов, а потому на единицу продукта падает меньшая пропорциональная доля совокупной стоимости (или затраченного труда), и притом лишь *в той мере,* в какой единица продукта поглощает меньшее количество труда, или в какой на нее приходится меньшая доля совокупной стоимости.

Первоначально мы рассматривали *отдельный товар* как результат и непосредственный продукт определенного количества труда. Теперь, когда товар выступает как *продукт капиталистического производства,* дело формально изменяется следующим образом:

В произведенной массе потребительных стоимостей представлено некоторое *количество рабочего времени,* равное количеству рабочего времени, содержащемуся в потребленном при ее производстве капитале (постоянном и переменном) плюс неоплаченное рабочее время, присвоенное капиталистом. Если содержащееся в капитале рабочее время, выраженное в деньгах, равно 100 ф. ст., если в этих 100 ф. ст. капитала содержатся 40 ф. ст. капитала, затраченного на заработную плату, и если прибавочное рабочее время составляет 50% переменного капитала, т. е. если норма прибавочной стоимости равна 50%, то стоимость совокупной массы товаров, произведенных капиталом в 100 ф. ст., будет равна 120 ф. ст. Чтобы товары могли обращаться, их меновая стоимость, как мы видели это в первой части настоящего сочинения[85], должна предварительно превратиться в *цену,* т. е. должна быть выражена в деньгах. Следовательно, [576] если совокупный продукт не есть какой-нибудь один неделимый предмет (например, дом), в котором представлен весь капитал, не есть какой-нибудь *единственный товар,* цена которого тогда будет, согласно предположению, равна 120 ф. ст., т. е. совокупной стоимости, выраженной в деньгах, то капиталист, прежде чем выбросить товары на рынок, должен сперва вычислить *цену* единицы товара. *Цена* означает здесь денежное выражение стоимости.

В зависимости от различной производительности труда совокупная стоимость в 120 ф. ст. будет распределяться между большим или меньшим количеством продуктов, и, следовательно, стоимость *единицы* продукта будет сообразно этому —

пропорционально — равняться меньшей или большей соответственной части 120 ф. ст. Расчет здесь очень простой. Если весь продукт составляет, например, 60 тонн угля, то 60 тонн равны 120 ф. ст., а 1 тонна равна $^{120}/60$, т. е. 2 ф. ст.; если продукт составляет 65 тонн, то стоимость одной тонны будет $^{120}/_{65}$, т. е. $1^{11}/_{13}$ ф. ст., или 1 ф. ст. $16^{12}/_{13}$ шилл. (1 ф. ст. 16 шилл. $11^{1}/_{13}$ пенса); если продукт составляет 75 тонн, то стоимость одной тонны будет $^{120}/_{75}$ ф. ст., т. е. 1 ф. ст. 12 шилл.; если продукт составляет $92^{1}/_{2}$ тонны, то стоимость одной тонны будет $1^{11}/_{37}$ ф. ст., или 1 ф. ст. $5^{35}/_{37}$ шилл. Таким образом, стоимость (цена) единицы товара равна *совокупной стоимости* продукта, деленной на совокупное количество продуктов, которое измеряется соответствующими им, как потребительным стоимостям, мерами: тоннами (как, например, в приведенном выше случае) или квартерами, аршинами и т. д.

Если, таким образом, цена единицы товара равна совокупной стоимости произведенной капиталом в 100 ф. ст. товарной массы, деленной на совокупное количество товаров, то совокупная стоимость равняется цене отдельного товара, помноженной на совокупное количество этих товаров, или цене определенного, принятого за единицу, количества товара, помноженной на всю товарную массу, измеренную этой единицей. Далее, совокупная стоимость состоит из стоимости капитала, авансированного в производстве, плюс прибавочная стоимость; из рабочего времени, содержащегося в авансированном капитале, плюс присвоенное капиталом прибавочное рабочее время, или неоплаченное рабочее время. Следовательно, каждая отдельная часть товарной массы содержит прибавочную стоимость в такой же пропорции, в какой эта часть содержит стоимость. В зависимости от того, распределяются ли 120 ф. ст. на 60, 65, 75 или $92^{1}/_{2}$ тонны, на них распределяются также и 20 ф. ст. прибавочной стоимости. Если число тонн равно 60 и, следовательно, стоимость одной тонны равна $^{120}/_{60}$, т. е. 2 ф. ст., или 40 шилл., то $^{1}/_{6}$ от этих 40 шилл., или от 2 ф. ст., т. е. $6^{2}/_{3}$ шилл., есть та доля прибавочной стоимости, которая приходится на одну тонну. Относительная доля прибавочной стоимости в одной тонне, стоящей 2 ф. ст., такова же, как и в 60 тоннах, стоящих 120 ф. ст. Отношение прибавочной стоимости к стоимости остается в цене единицы товара таким же, как и в совокупной стоимости всей товарной массы. В вышеприведенном случае в каждой отдельной тонне содержится из совокупной прибавочной стоимости $^{20}/_{60} = {}^{2}/_{6} = {}^{1}/_{3}$ ф. ст., или $^{1}/_{6}$ от 40 шилл., как указано выше. Поэтому прибавочная стоимость одной тонны, умноженная на 60, равна совокупной прибавочной стоимости, про-

изведенной капиталом. Если часть стоимости, приходящаяся на единицу продукта, пропорциональная часть совокупной стоимости, становится меньше вследствие того, что большим стало количество произведенных продуктов, т. е. вследствие увеличения производительности труда, то меньше будет также и та часть прибавочной стоимости, которая приходится на каждую единицу продукта, та соответственная часть совокупной прибавочной стоимости, которая содержится в единице продукта. Этим, однако, не затрагивается отношение прибавочной стоимости, заново созданной стоимости, к авансированной и лишь воспроизведенной стоимости. Правда, мы видели*, что хотя производительность труда не влияет на совокупную стоимость продукта, однако она может увеличивать прибавочную стоимость, если продукт входит в потребление рабочего, если, следовательно, уменьшается *нормальная заработная плата,* или, что то же самое, уменьшается *стоимость рабочей силы,* в результате понижения цены отдельных товаров, или, что то же самое, данного количества товаров. Поскольку большая производительность труда создает относительную прибавочную стоимость, она увеличивает не совокупную стоимость продукта, а ту часть этой совокупной стоимости, которая представляет прибавочную стоимость, т. е. неоплаченный труд. Таким образом, если при большей производительности труда на единицу продукта приходится меньшая доля стоимости — так как увеличилась совокупная масса товаров, в которых стоимость представлена, — если, следовательно, цена единицы продукта понижается, то все же, при вышеупомянутых условиях, увеличится та часть этой цены, в которой представлена *прибавочная стоимость,* т. е. возрастет отношение прибавочной стоимости к воспроизведенной стоимости {здесь, где еще нет речи о прибыли, следует собственно все еще говорить об отношении прежде всего к переменному капиталу}. Однако это имеет место только потому, что в *совокупной стоимости* продукта вследствие увеличения производительности труда возросла прибавочная стоимость. Та самая причина — возросшая производительность труда, — в силу которой одно и то же количество труда выражается в большей массе продуктов, а следовательно, понижается стоимость любой части этой массы или *цена* единицы товара, — эта самая причина уменьшает стоимость рабочей силы, а потому увеличивает прибавочный, или неоплаченный, труд, содержащийся в *стоимости совокупного продукта,* а стало быть, и в *цене* единицы товара. Поэтому, хотя *цена*

* См. настоящий том, чисть I, стр. 202—204. *Ред.*

единицы товара понижается, хотя *совокупное количество содержащегося в ней труда,* а потому и ее стоимость, уменьшается, все же та пропорциональная составная часть этой стоимости, которая состоит из прибавочной стоимости, увеличивается; другими словами, в меньшем совокупном [577] количестве труда, содержащемся в единице товара, заключено *большее количество неоплаченного труда,* чем раньше, когда труд был менее производителен и потому цена единицы товара была выше, а совокупное количество труда, содержащегося в единице товара, было больше. Хотя одна тонна в этом случае содержит меньше труда и потому оказывается дешевле, она заключает в себе больше прибавочного труда и потому дает больше прибавочной стоимости.

Так как в условиях конкуренции все выступает в ложном, превратном виде, то отдельный капиталист воображает: 1) что он имеет дело с понижением прибыли, получаемой им на единицу товара в результате уменьшения ее цены, но что он выручает большую прибыль *вследствие увеличения* массы товаров (здесь это смешивается еще вдобавок с увеличением массы прибыли, которое вследствие увеличения применяемого капитала получается даже при более низкой норме прибыли); 2) что он устанавливает цену единицы товара и посредством умножения определяет совокупную стоимость продукта, тогда как первоначальный процесс есть деление, а умножение имеет место лишь во вторую очередь и основывается на этом делении как на своей предпосылке. Вульгарный экономист ограничивается фактически лишь тем, что причудливые представления капиталистов, погрязших в конкуренции, он переводит на якобы более теоретический язык и своими конструкциями пытается обосновать правильность этих представлений.

Теперь вернемся к нашей таблице.

Совокупная стоимость созданного капиталом в 100 ф. ст. продукта, или созданной им товарной массы, равна 120 ф. ст.; товарная масса может быть велика или мала в зависимости от различной степени производительности труда. *Цена издержек* этого совокупного продукта, какова бы ни была его величина, равна 110 ф. ст., если, как мы предположили, средняя прибыль составляет 10%. Избыток *стоимости* совокупного продукта, какова бы ни была его величина, над ценой издержек равен 10 ф. ст., т. е. $^1/_{12}$ совокупной стоимости, или $^1/_{10}$ авансированного капитала. Этот избыток *стоимости* над *ценой издержек* совокупного продукта, эти 10 ф. ст. образуют *ренту.* Она, очевидно, совершенно не зависит от разницы в производительности труда, являющейся следствием различной степени природной

продуктивности угольных копей, плодородия почв, — одним словом, следствием продуктивности того элемента природы, к которому прилагается капитал в 100 ф. ст., — так как эти различные степени производительности примененного труда, обусловленные неодинаковой продуктивностью природного фактора, не препятствуют тому, чтобы совокупный продукт имел стоимость в 120 ф. ст., а цену издержек — в 110 ф. ст., следовательно имел избыток стоимости над ценой издержек, равный 10 ф. ст. Все, что может сделать *конкуренция капиталов,* это добиться того, чтобы *цена издержек* товаров, создаваемых капиталистом с капиталом в 100 ф. ст. в угольном производстве, в этой особой сфере производства, была равна 110 ф. ст. Но конкуренция не может принудить к тому, чтобы этот капиталист продавал свой продукт за 110 ф. ст., хотя последний стоит 120 ф. ст., — принуждение, осуществляемое в остальных отраслях производства. Ибо тут вмешивается земельный собственник и накладывает руку на 10 ф. ст. Эту ренту я называю поэтому *абсолютной рентой.* Поэтому она остается в таблице постоянно *одной и той же,* как бы ни изменялась продуктивность угольных копей, а вследствие этого и производительность труда. Но она выражается не в *одном и том же количестве тонн* при различной степени продуктивности копей, а вследствие этого и производительности труда. Ибо в зависимости от различной производительности труда содержащееся в 10 ф. ст. количество труда выражается в большем или в меньшем количестве потребительных стоимостей, в большем или в меньшем количестве тонн. Уплачивается ли эта *абсолютная рента,* при различных степенях продуктивности, всегда целиком или [иногда только] частично, обнаружится при дальнейшем анализе таблицы.

Но, далее, на рынке находится уголь, добытый в шахтах неодинаковой продуктивности, которые я обозначил цифрами I, II, III, IV, начиная с наименьшей степени продуктивности. Так, например: первый разряд, где продукт капитала в 100 ф. ст. составляет 60 тонн; второй разряд, где он составляет 65 тонн; и т. д. Таким образом, равновеликий капитал — 100 ф. ст., одинакового органического строения, в одной и той же сфере производства — обладает здесь неодинаковой производительностью, потому что степень производительности труда различна в зависимости от степени продуктивности шахты, почвы, короче — природного фактора. Но конкуренция устанавливает *единую рыночную стоимость* для этих продуктов, имеющих различную *индивидуальную стоимость.* Сама эта рыночная стоимость *никогда* не может быть *больше* индивидуальной стоимости продукта *наименее продуктивного* разряда. Если

бы она была выше, это доказывало бы лишь то, что *рыночная цена* превышает *рыночную стоимость.* Но рыночная *стоимость* должна выражать действительную *стоимость.* Что касается продуктов отдельных разрядов, то, конечно, возможно, что их [индивидуальная] *стоимость* стоит выше или ниже рыночной стоимости. Если она *выше* рыночной стоимости, то разность между рыночной стоимостью и их ценой издержек *меньше* разности между их индивидуальной стоимостью и их ценой издержек. Но так как абсолютная рента равна разности между их индивидуальной [578] стоимостью и их ценой издержек, то в этом случае рыночная стоимость производимых при таких условиях продуктов не может давать *абсолютную ренту полностью.* Если бы рыночная стоимость понизилась до *их* цены издержек, то она *совсем не давала бы ренты* с продуктов данного разряда. Производители этих продуктов не могли бы платить никакой ренты, так как [совокупная] рента есть лишь разность между [рыночной] стоимостью и ценой издержек, а для них, индивидуально, при данной рыночной стоимости эта разность отпала бы. В данном случае разность между их рыночной стоимостью и индивидуальной стоимостью будет *отрицательной,* т. е. рыночная стоимость будет разниться от их индивидуальной стоимости на *отрицательную величину.* Разность между рыночной стоимостью и индивидуальной стоимостью я вообще называю *дифференциальной стоимостью.* Для товаров, находящихся в указанных условиях, я поставил перед дифференциальной стоимостью знак минус.

Напротив, если *индивидуальная стоимость* продуктов какого-либо разряда угольных копей (разряда земли) стоит *ниже* рыночной стоимости, то это значит, что *рыночная стоимость* стоит *выше* их индивидуальной стоимости. Господствующая в сфере производства этих продуктов стоимость, или рыночная стоимость, дает, следовательно, некоторый *избыток над* их индивидуальной стоимостью. Если, например, рыночная стоимость тонны равна 2 ф. ст., то дифференциальная стоимость той тонны, индивидуальная стоимость которой равна 1 ф. ст. 12 шилл., составляет 8 шилл. А так как в том разряде, где индивидуальная стоимость тонны равна 1 ф. ст. 12 шилл., капитал в 100 ф. ст. производит 75 тонн, то совокупная дифференциальная стоимость для этих 75 тонн составит 8 шилл. × 75, т. е. 30 ф. ст. Этот избыток рыночной стоимости совокупного продукта данного разряда *над* его индивидуальной стоимостью, обусловленный относительно большим плодородием земли или относительно большей продуктивностью шахты, образует *диффе-*

ренциальную ренту, так как цена издержек остается для капитала той же, что и раньше. Эта дифференциальная рента бывает больше или меньше смотря по тому, больше или меньше избыток *рыночной стоимости* над *индивидуальной стоимостью,* избыток, который, в свою очередь, бывает больше или меньше в зависимости от *относительно большей или меньшей продуктивности* того разряда копей или земли, где произведен данный продукт, в сравнении с тем менее продуктивным разрядом, продукт которого оказывает решающее влияние на рыночную стоимость.

Наконец, необходимо еще заметить, что *индивидуальные цены издержек* продуктов различных разрядов различны. Например, для того разряда, в котором капитал в 100 ф. ст. дает 75 тонн, цена издержек единицы товара составила бы 1 ф. ст. 9$^{1}/_{3}$ шилл., так как совокупная стоимость равна 120 ф. ст., а совокупная *цена издержек* — 110 ф. ст., и если бы рыночная стоимость была равна индивидуальной стоимости тонны в этом разряде, т. е. 1 ф. ст. 12 шилл., то 75 тонн, проданные за 120 ф. ст., дали бы ренту в 10 ф. ст., тогда как 110 ф. ст. выражали бы их цену издержек.

Но *индивидуальная цена издержек* отдельной тонны, разумеется, различна в зависимости от количества тонн, в котором выражается капитал в 100 ф. ст., или в зависимости от *индивидуальной стоимости* единицы продукта в различных разрядах. Например, если капитал в 100 ф. ст. производит 60 тонн, то стоимость тонны равна 2 ф. ст., а ее цена издержек — 1 ф. ст. 16$^{2}/_{3}$ шилл.; 55 тонн равнялись бы 110 ф. ст., или цене издержек совокупного продукта. Если же капитал в 100 ф. ст. производит 75 тонн, то стоимость тонны равна 1 ф. ст. 12 шилл., ее цена издержек — 1 ф. ст. 9$^{1}/_{3}$ шилл., и из совокупного продукта 68$^{3}/_{4}$ тонны стоили бы 110 ф. ст., т. е. возмещали бы цену издержек. В той же пропорции, в какой различна *индивидуальная стоимость,* различна и индивидуальная *цена издержек,* т. е. *цена издержек каждой отдельной тонны* в различных разрядах.

Все пять таблиц показывают, что *абсолютная рента* всегда равна избытку [индивидуальной] стоимости товара над его собственной ценой издержек; а *дифференциальная рента* равна избытку рыночной стоимости товара над его индивидуальной стоимостью; совокупная же рента, когда сверх абсолютной ренты имеется еще и дифференциальная, равна избытку рыночной стоимости над индивидуальной стоимостью плюс избыток индивидуальной стоимости над ценой издержек, или избытку рыночной стоимости над индивидуальной ценой издержек.

Так как здесь речь идет лишь о том, чтобы развить общий закон ренты в качестве иллюстрации моей теории о стоимостях и ценах издержек, тогда как детальную трактовку земельной ренты я дал бы только там, [579] где я ex professo* занялся бы рассмотрением земельной собственности, — то я устранил все моменты, усложняющие дело: *влияние местоположения* шахт или различных земель; различную степень продуктивности применяемых на *одной и той же* шахте или на *одной и той же* земле доз капитала; соотношение между рентами, получаемыми в различных подразделениях одной и той же сферы производства, например в различных отраслях земледелия; соотношение между рентами, получаемыми в различных, но превратимых одна в другую сферах производства, как, например, когда земля изымается из земледелия с целью использования ее под постройку домов и т. д. Все это сюда не относится.

[3) АНАЛИЗ ТАБЛИЦ]

Теперь перейдем к рассмотрению таблиц. Они показывают, как общий закон объясняет большое разнообразие комбинаций, тогда как Рикардо, вследствие того что общий закон ренты ему неизвестен, лишь односторонне понимает также и сущность дифференциальной ренты и потому хочет при помощи насильственной абстракции свести большое многообразие явлений к одному-единственному случаю. Сами таблицы должны показать не все вообще возможные комбинации, а только важнейшие, особенно для нашей специальной цели.

[а)] К ТАБЛИЦЕ *А* [СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СТОИМОСТЬЮ В РАЗЛИЧНЫХ РАЗРЯДАХ И РЫНОЧНОЙ СТОИМОСТЬЮ]

В таблице *А* рыночная стоимость тонны угля определяется индивидуальной стоимостью тонны в разряде I, где шахты наименее продуктивны, где, следовательно, производительность труда самая низкая, а, стало быть, масса продуктов, доставляемых вложенным капиталом в 100 ф. ст., — наименьшая, и где поэтому цена единицы продукта (цена, определяемая его стоимостью) является наивысшей.

Предполагается, что рынок поглощает 200 тонн, не больше и не меньше.

Рыночная стоимость не может стоять *выше* стоимости тонны в разряде I, т. е. выше стоимости товара, производимого при

* — специально. *Ред.*

[574] *[Сводная таблица иллюстрирующая различные случаи сочетания дифференциальной и абсолютной ренты (при неизменной норме абсолютной ренты)]*

Разряд	Капитал ф. ст.	Число тонн	Рыночная стоимость совокупн. продукта ф. ст.	Рыночная стоимость тонны	Индивидуальная стоимость тонны	Дифференциальная стоимость тонны	Цена издержек на тонну	Абсолютная рента ф. ст.	Диффер. рента ф. ст	Абсол. рента в тоннах	Диффер. рента в тоннах	Общая сумма ренты ф. ст.	Общая сумма ренты в тоннах
A													
I	100	60	120	2 ф. ст. = 40 ш.	2 ф. ст. = 40 ш.	0	$1\frac{5}{6}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $16\frac{2}{3}$ ш.	10	0	5	0	10	5
II	100	65	130	2 ф. ст. = 40 ш.	$1\frac{11}{13}$ ф- ст. = 1 ф. ст. $16\frac{12}{13}$ ш.	$\frac{2}{13}$ ф. ст. = $3\frac{1}{13}$ ш.	$1\frac{9}{13}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $13\frac{11}{13}$ ш.	10	10	5	5	20	10
III	100	75	150	2 ф. ст. = 40 ш.	$1\frac{3}{5}$ ф. ст. = 1 ф. ст. 12 ш.	$\frac{2}{5}$ ф. ст. = 8 ш.	$1\frac{7}{15}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $9\frac{1}{3}$ ш.	10	30	5	15	40	20
Итого:	300	200	400					30	40	15	20	70	35
B													
II	50	$32\frac{1}{2}$	60	$1\frac{11}{13}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $16\frac{12}{13}$ ш.	$1\frac{11}{13}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $16\frac{12}{13}$ ш.	0	$1\frac{9}{13}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $13\frac{11}{13}$ ш.	5	0	$2\frac{17}{24}$	0	5	$2\frac{17}{24}$
III	100	75	$138\frac{6}{13}$	$1\frac{11}{13}$ ф. ст. = 1 Ф. ст. $16\frac{12}{13}$ ш.	$1\frac{3}{5}$ ф. ст. = 1 ф. ст. 12 ш.	$\frac{16}{65}$ ф. ст. = $4\frac{12}{13}$ ш.	$1\frac{7}{15}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $9\frac{1}{3}$ ш.	10	$18\frac{6}{13}$	$5\frac{5}{12}$	10	$28\frac{6}{13}$	$15\frac{5}{12}$
IV	100	$92\frac{1}{2}$	$170\frac{10}{13}$	$1\frac{11}{13}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $16\frac{12}{13}$ ш.	$1\frac{11}{37}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $5\frac{35}{37}$ ш.	$\frac{264}{481}$ ф. ст. = $10\frac{470}{481}$ ш.	$1\frac{7}{37}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $3\frac{29}{37}$ ш.	10	$50\frac{10}{13}$	$5\frac{5}{12}$	$27\frac{1}{2}$	$60\frac{10}{13}$	$32\frac{11}{12}$
Итого:	250	200	$369\frac{3}{13}$					25	$69\frac{3}{13}$	$13\frac{13}{24}$	$37\frac{1}{2}$	$94\frac{3}{13}$	$51\frac{1}{24}$
C													
I	100	60	$110\frac{10}{13}$	$1\frac{11}{13}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $16\frac{12}{13}$ ш.	2 ф. ст. = 40 ш.	— $\frac{2}{13}$ ф. ст. = — $3\frac{1}{13}$ ш.	$1\frac{5}{6}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $16\frac{2}{3}$ ш.	$\frac{10}{13}$ ф. ст. = $15\frac{5}{13}$ ш.	0	$\frac{5}{12}$	0	$\frac{10}{13}$ ф. ст. = $15\frac{5}{13}$ ш.	$\frac{5}{12}$
II	100	65	120	$1\frac{11}{13}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $16\frac{12}{13}$ ш.	$1\frac{11}{13}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $16\frac{12}{13}$ ш.	0	$1\frac{9}{13}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $13\frac{11}{13}$ ш.	10	0	$5\frac{5}{12}$	0	10	$5\frac{5}{12}$
III	100	75	$138\frac{6}{13}$	$1\frac{11}{13}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $16\frac{12}{13}$ ш.	$1\frac{3}{5}$, ф. ст. = 1 ф. ст. 12 ш.	+$\frac{16}{65}$ ф. ст. = + $4\frac{12}{13}$ ш.	$1\frac{7}{15}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $9\frac{1}{3}$ ш.	10	$18\frac{6}{13}$	$5\frac{5}{12}$	10	$28\frac{6}{13}$	$15\frac{5}{12}$
IV	100	$92\frac{1}{2}$	$170\frac{10}{13}$	$1\frac{11}{13}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $16\frac{12}{13}$ ш.	$1\frac{11}{37}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $5\frac{35}{37}$ ш.	+ $\frac{264}{481}$ ф. ст. = + $10\frac{470}{481}$ ш.	$1\frac{7}{37}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $3\frac{29}{37}$ ш.	10	$50\frac{10}{13}$	$5\frac{5}{12}$	$27\frac{1}{2}$	$60\frac{10}{13}$	$32\frac{11}{12}$
Итого:	400	$292\frac{1}{2}$	540					$30\frac{10}{13}$	$69\frac{3}{13}$	$16\frac{2}{3}$	$37\frac{1}{2}$	100	$54\frac{1}{6}$
D													
I	100	60	110	$1\frac{5}{6}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $16\frac{2}{3}$ ш.	2 ф. ст. = 40 ш.	—$\frac{1}{6}$ ф. ст. = —$3\frac{1}{3}$ ш.	$1\frac{5}{6}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $16\frac{2}{3}$ ш.	0	0	0	0	0	0
II	100	65	$119\frac{1}{6}$	$1\frac{5}{6}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $16\frac{2}{3}$ ш.	$1\frac{11}{13}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $16\frac{12}{13}$ ш.	— $\frac{1}{78}$ ф. ст. = — $\frac{10}{39}$ ш.	$1\frac{9}{13}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $13\frac{11}{13}$ ш.	$9\frac{1}{6}$	0	5	0	$9\frac{1}{6}$	5
III	100	75	$137\frac{1}{2}$	$1\frac{5}{6}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $16\frac{2}{3}$ ш.	$1\frac{3}{5}$ ф. ст. = 1 ф. ст. 12 ш.	+ $\frac{7}{30}$ ф. ст. = + $4\frac{2}{3}$ ш.	$1\frac{7}{15}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $9\frac{1}{3}$ ш.	10	$17\frac{1}{2}$	$5\frac{5}{11}$	$9\frac{6}{11}$	$27\frac{1}{2}$	15
IV	100	$92\frac{1}{2}$	$169\frac{7}{12}$	$1\frac{5}{6}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $16\frac{2}{3}$ ш.	$1\frac{11}{37}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $5\frac{35}{37}$ ш.	+ $\frac{119}{222}$ ф. ст. = + $10\frac{80}{111}$ ш.	$1\frac{7}{37}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $3\frac{29}{37}$ ш.	10	$49\frac{7}{12}$	$5\frac{5}{11}$	$27\frac{1}{22}$	$59\frac{7}{12}$	$32\frac{1}{2}$
Итого:	400	$292\frac{1}{2}$	$536\frac{1}{4}$					$29\frac{1}{6}$	$67\frac{1}{12}$	$15\frac{10}{11}$	$36\frac{13}{22}$	$96\frac{1}{4}$	$52\frac{1}{2}$
E													
II	100	65	$113\frac{3}{4}$	$1\frac{3}{4}$ ф. ст. = 1 ф. ст. 15 ш.	$1\frac{11}{13}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $16\frac{12}{13}$ ш.	— $1\frac{12}{13}$ ш.	$1\frac{9}{13}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $13\frac{11}{13}$ ш.	$3\frac{3}{4}$	0	$2\frac{1}{7}$	0	$3\frac{3}{4}$	$2\frac{1}{7}$
III	100	75	$131\frac{1}{4}$	$1\frac{3}{4}$ ф. ст. = 1 ф. ст. 15 ш.	$1\frac{3}{5}$ ф. ст. = 1 ф. ст. 12 ш.	+ 3 ш.	$1\frac{7}{15}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $9\frac{1}{3}$ ш.	10	$11\frac{1}{4}$	$5\frac{5}{7}$	$6\frac{3}{7}$	$21\frac{1}{4}$	$12\frac{1}{7}$
IV	100	$92\frac{1}{2}$	$161\frac{7}{8}$	$1\frac{3}{4}$ ф. ст. = 1 ф. ст. 15 ш.	$1\frac{11}{37}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $5\frac{35}{37}$ ш.	+ $9\frac{2}{37}$ ш.	$1\frac{7}{37}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $3\frac{29}{37}$ ш.	10	$41\frac{7}{8}$	$5\frac{5}{7}$	$23\frac{13}{14}$	$51\frac{7}{8}$	$29\frac{9}{14}$
Итого:	300	$232\frac{1}{2}$	$406\frac{7}{8}$					$23\frac{3}{4}$	$53\frac{1}{8}$	$13\frac{4}{7}$	$30\frac{5}{14}$	$76\frac{7}{8}$	$43\frac{13}{14}$

самых неблагоприятных условиях производства. То обстоятельство, что разряды II и III продают тонну выше ее *индивидуальной стоимости,* объясняется тем, что здесь условия производства благоприятнее, чем у других товаров, производимых в *этой же* сфере (отрасли) производства; следовательно, это не нарушает закона стоимости. Напротив, если бы рыночная стоимость превышала стоимость тонны в разряде I, то это было бы возможно только потому, что продукт разряда I, вне *всякой* зависимости от рыночной стоимости, продавался бы выше своей стоимости. Вообще различие между рыночной стоимостью и [индивидуальной] стоимостью имеет место не потому, что продукты продаются абсолютно *выше* своей стоимости, а только потому, что та стоимость, какую имеет продукт всей сферы производства, может отличаться от стоимости отдельного продукта, т. е. потому, что *рабочее время, необходимое* для производства совокупного продукта — в данном случае 200 тонн, — может отличаться от того рабочего времени, в течение которого производится часть этих тонн (в данном случае речь идет о тоннах, добываемых в разрядах II и III); одним словом, потому, что полученный *совокупный продукт* является продуктом труда различных степеней производительности. Поэтому различие между рыночной стоимостью продукта и его индивидуальной стоимостью может быть связано только с различием *степеней производительности,* при которых определенное количество труда создает различные доли совокупного продукта. Это различие никогда не может означать того, что стоимость определяется *независимо* от количества труда, применяемого вообще в данной сфере производства. Если бы рыночная стоимость тонны превышала 2 ф. ст., то это было бы возможно только потому, что разряд I, независимо от его соотношений с разрядами II и III, вообще продавал бы свой продукт *выше* его стоимости. В этом случае вследствие положения вещей на рынке, т. е. в силу соотношения спроса и предложения, *рыночная цена* превышала *бы рыночную стоимость.* Но та рыночная стоимость, о которой здесь идет речь и которой здесь, согласно предположению, равна рыночная цена, не может быть *выше самой себя.*

В рассматриваемом случае рыночная стоимость *равна* стоимости продукта разряда I, который к тому же доставляет $^{3}/_{10}$ всего находящегося на рынке продукта, так как разряды II и III дают лишь столько продукта, сколько необходимо, чтобы покрыть спрос полностью, т. е. чтобы удовлетворить добавочный спрос, сверх того спроса, который покрывается продуктом разряда I. Разряды II и III не имеют поэтому никаких оснований продавать свой продукт дешевле 2 ф. ст., так

как весь продукт может быть продан по 2 ф. ст. Они не могут продавать свой продукт и [580] *дороже 2* ф. ст., так как I продает тонну за 2 ф. ст.

Этот закон, в силу которого *рыночная стоимость* не может быть *выше* индивидуальной *стоимости* продукта, произведенного при *наихудших условиях производства,* но составляющего часть необходимого предложения, Рикардо перетолковывает в том смысле, что рыночная стоимость не может упасть *ниже* стоимости этого продукта, т. е. всегда должна определяться ею. В дальнейшем мы увидим, насколько это ошибочно.

Так как в разряде I рыночная стоимость тонны и индивидуальная стоимость тонны совпадают, то *рента,* даваемая им, представляет собой абсолютный избыток стоимости продукта над его ценой издержек, *абсолютную ренту,* равную 10 ф. ст. Разряд II дает дифференциальную ренту в 10 ф. ст., а разряд III — дифференциальную ренту в 30 ф. ст., так как определяемая разрядом I рыночная стоимость доставляет разряду II избыток в 10 ф. ст., а разряду III — избыток в 30 ф. ст. над *индивидуальной стоимостью* их продуктов, а потому и над абсолютной рентой в 10 ф. ст., в которой представлен избыток индивидуальной стоимости над ценой издержек. Поэтому разряд II приносит совокупную ренту в 20 ф. ст., а разряд III — совокупную ренту в 40 ф. ст.; ибо рыночная стоимость доставляет избыток в 20 ф. ст., соответственно в 40 ф. ст., над их ценой издержек.

Мы предполагаем, что происходит переход от I, наименее продуктивного разряда шахт, к более продуктивному разряду II и от последнего — к еще более продуктивному разряду III. Хотя разряды II и III продуктивнее, чем I, но они удовлетворяют лишь $^{7}/_{10}$ всего спроса и потому, как это только что было разъяснено, могут продавать свой продукт по 2 ф. ст., хотя стоимость его составляет соответственно лишь 1 ф. ст. $16^{12}/_{13}$ шилл. и 1 ф. ст. 12 шилл. Ясно, что когда доставляется определенное количество продукта, требуемое для удовлетворения спроса, и имеется налицо градация в производительности труда, удовлетворяющего различные доли этого спроса, то, происходит ли при этом переход в одном направлении или другом, в обоих случаях рыночная стоимость более продуктивных разрядов поднимается *выше их индивидуальной стоимости:* в одном случае потому, что они *застают* рыночную стоимость, *определяемую* малопродуктивным разрядом, а добавочное предложение с их стороны недостаточно велико для того, чтобы дать какой бы то ни было повод к изменению рыночной стоимости, определяемой разрядом I; в другом случае потому, что рыночная стоимость, которую первоначально определяли они, т. е. которая

определялась разрядом III или II, теперь определяется разрядом I, который доставляет добавочное предложение, требуемое рынком, и который может доставлять его лишь по более высокой стоимости, определяющей теперь рыночную стоимость.

[б)СВЯЗЬ ТЕОРИИ РЕНТЫ РИКАРДО С КОНЦЕПЦИЕЙ УБЫВАЮЩЕЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ. ИЗМЕНЕНИЯ НОРМЫ АБСОЛЮТНОЙ РЕНТЫ В ИХ СООТНОШЕНИИ С ИЗМЕНЕНИЯМИ НОРМЫ ПРИБЫЛИ]

Рикардо сказал бы, например, в представленном таблицей *А* случае: Исходным пунктом является разряд III; добавочное предложение доставляется сперва разрядом II; наконец, последнее добавочное предложение, требуемое рынком, доставляется разрядом I; и так как разряд I может доставлять добавочные 60 тонн только за 120 ф. ст., по 2 ф. ст. за тонну, а это предложение рынком требуется, то рыночная стоимость тонны, составлявшая первоначально 1 ф. ст. 12 шилл., а затем 1 ф. ст. $16^{12}/_{13}$ шилл., поднимается теперь до 2 ф. ст. Но столь же правильно и то, что в том случае, когда, наоборот, исходным пунктом берется разряд I, удовлетворявший спрос на 60 тонн по 2 ф. ст., а затем добавочное предложение доставляется разрядом II, продукт разряда II будет продаваться по рыночной стоимости в 2 ф. ст., хотя его индивидуальная стоимость составляет лишь 1 ф. ст. $16^{12}/_{13}$ шилл.; ибо требуемые рынком 125 тонн могут быть, как и прежде, доставлены только при том условии, что разряд I доставит свои 60 тонн, стоимость которых — 2 ф. ст. за тонну. То же самое получится и в том случае, если оказывается необходимым новое добавочное предложение в 75 тонн, а разряд III доставляет *только* 75 тонн, удовлетворяет только этот добавочный спрос, так что по-прежнему требуются еще 60 тонн разряда I по 2 ф. ст. Если бы разряд I удовлетворял весь спрос в 200 тонн, то они были бы проданы за 400 ф. ст. По этой цене они и продаются теперь, ибо разряды II и III продают свои продукты не по той цене, по какой они могли бы удовлетворить добавочный спрос в 140 тонн, [XII — 581] а по той цене, по какой его мог бы удовлетворить разряд I, доставляющий лишь $^{3}/_{10}$ продукта. Вся масса требуемого рынком продукта, равная 200 тоннам, продается здесь по 2 ф. ст. за тонну, потому что $^{3}/_{10}$ этого количества могут быть произведены лишь по 2 ф. ст. за тонну, независимо от того, в каком порядке происходило производство добавочных порций продукта, необходимых для удовлетворения спроса: начиная с III через II к I или же начиная с I через II к III.

Рикардо говорит: Если исходной точкой являются продукты разрядов III и II, то их рыночная стоимость должна подняться до стоимости (у Рикардо — до цены издержек) продукта разряда I, так как те $^{3}/_{10}$, которые доставляет разряд I, необходимы для удовлетворения спроса; другими словами, так как здесь речь идет обо всей *требующейся массе продукта,* а не об индивидуальной стоимости особых частей этой массы. Но столь же верно и то, что когда исходной точкой является разряд I, а разряды II и III доставляют *лишь* добавочное предложение, $^{3}/_{10}$, доставляемые разрядом I, остаются по-прежнему одинаково необходимыми; таким образом, если разряд I определяет рыночную стоимость при нисходящей линии, то он *в силу тех же причин* определяет ее и при восходящей линии. Следовательно, таблица *А* показывает нам ошибочность взгляда Рикардо, будто дифференциальная рента *обусловлена* переходом от более продуктивной шахты или почвы к менее продуктивным, т. е. будто она обусловлена уменьшением производительности труда. Дифференциальная рента совершенно так же совместима и с *обратным* движением, а значит и с возрастающей производительностью труда. Какое из этих двух движений имеет место в том или ином случае, — это не имеет никакого отношения ни к сущности дифференциальной ренты, ни к факту ее существования, а представляет собой *исторический* вопрос. В реальной действительности восходящая и нисходящая линии будут перекрещиваться, добавочный спрос будет удовлетворяться путем перехода то к более продуктивному, то к менее продуктивному разряду земли, угольных залежей и тому подобных природных факторов. При этом всегда предполагается, что предложение, осуществляемое в природных условиях нового, отличающегося от других разряда — будет ли он более продуктивным или менее продуктивным, — всего лишь равняется добавочному спросу, т. е. не вызывает никакого изменения в *соотношении между спросом и предложением* и, следовательно, приводит к *изменению в самой рыночной стоимости* не тогда, когда предложение может быть осуществлено с меньшими издержками, а лишь тогда, когда оно может быть осуществлено только с большими издержками.

Итак, *таблица А* с самого же начала вскрывает перед нами ложность этой основной предпосылки Рикардо, которая, как это видно на примере Андерсона, не была необходимой даже при неправильной концепции по вопросу об абсолютной ренте.

Если имеет место переход от III к II и от II к I, — т. е. по нисходящей линии, при обращении ко все менее и менее продуктивным природным условиям производства, — то вначале

III разряд, где вложен капитал в 100 ф. ст., продает свои товары по их стоимости, за *120* ф. ст. Это составляет 1 ф. ст. 12 шилл. за тонну, так как III разряд производит 75 тонн. Если возникает необходимость в удовлетворении добавочного спроса в 65 тонн, то II разряд, применяющий капитал в 100 ф. ст., тоже продает свой продукт по его стоимости, за *120* ф. ст. Это составляет 1 ф. ст. $16^{12}/_{13}$ шилл. за тонну. Если, наконец, необходимым оказывается добавочное предложение в 60 тонн, которое может быть доставлено только разрядом I, то этот последний тоже продает свой продукт по его стоимости, равной *120* ф. ст., что составляет 2 ф. ст. за тонну. При таком ходе вещей III разряд стал бы давать дифференциальную ренту в $18^{6}/_{13}$ ф. ст. с момента появления на рынке продуктов разряда II, тогда как раньше он давал только абсолютную ренту в 10 ф. ст. Разряд II стал бы давать дифференциальную ренту в 10 ф. ст., как только на сцене появился бы I, а дифференциальная рента разряда III повысилась бы до 30 ф. ст.

Если Рикардо, спускаясь от III разряда к I, у I уже не находит ренты, то это потому, что при рассмотрении III разряда он исходил из того, что никакой абсолютной ренты не существует.

Конечно, между восходящей и нисходящей линиями имеется определенное различие. Если происходит переход от I разряда к III, так что разряды II и III доставляют лишь добавочное предложение, то рыночная стоимость остается равной индивидуальной стоимости продукта I разряда, т. е. 2 ф. ст. И если средняя прибыль, как здесь предположено, составляет 10%, то можно принять, что в ее исчисление вошла цена угля (соответственно, цена пшеницы; можно везде заменить тонну угля квартером пшеницы и т. д.), ибо уголь входит как в потребление рабочего в качестве жизненного средства, так значительной долей и в постоянный капитал в качестве вспомогательного материала. Следовательно, можно точно так же принять, что норма прибавочной стоимости была бы выше, а вместе с тем и сама прибавочная стоимость больше, а значит и *норма прибыли* была бы выше 10%, если бы I разряд был производительнее, или если бы стоимость тонны угля была *ниже* 2 ф. ст. Но последнее как раз и имело место, когда исходной точкой был III разряд. [Рыночная] стоимость тонны угля, равная тогда лишь 1 ф. ст. 12 шилл., повысилась при [582] появлении на рынке продукта II разряда до 1 ф. ст. $16^{12}/_{13}$ шилл. и, наконец, до 2 ф. ст. — при появлении продукта I разряда. Можно, следовательно, принять, — предполагая все остальные обстоятельства: продолжительность прибавочного труда, прочие условия производства и т. д. постоянными и неизменными, — что, когда

разрабатывался лишь III разряд, норма прибыли была выше *(норма прибавочной стоимости* была выше, так как один из элементов заработной платы был дешевле; уже в результате более высокой нормы прибавочной стоимости была выше масса прибавочной стоимости, а значит и норма прибыли; но помимо этого, при видоизмененной таким образом прибавочной стоимости, норма прибыли была выше еще и потому, что один из элементов издержек на постоянный капитал был дешевле), что норма прибыли понизилась при появлении на рынке продукта II разряда и опустилась, наконец, до 10%, как до самого низкого уровня, при появлении продукта I разряда. Таким образом, в этом случае следовало бы предположить, что норма прибыли равнялась (без учета всего того, что было принято в качестве исходных данных), например, 12%, когда разрабатывался лишь III разряд, что она понизилась до 11%, когда на сцене появился II, и, наконец, до 10%, когда на рынке появился I. В этом случае абсолютная рента у III составляла бы 8 ф. ст., так как цена издержек была бы 112 ф. ст.; она составила бы 9 ф. ст. после появления на рынке продукта II разряда, так как цена издержек была бы теперь 111 ф. ст., и поднялась бы, наконец, до 10 ф. ст., так как цена издержек упала бы до 110 ф. ст. Здесь, следовательно, произошло бы изменение в самой норме *абсолютной ренты,* и притом в обратном отношении к изменению *нормы прибыли.* Норма ренты прогрессивно возрастала бы, *так как* норма прибыли прогрессивно падала бы. А последняя падала бы вследствие падения производительности труда в шахтах, в земледелии и т. п. и соответствующего этому все большего вздорожания жизненных средств и вспомогательных материалов.

[в)] РАССМОТРЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ИЗМЕНЕНИЯ СТОИМОСТИ ЖИЗНЕННЫХ СРЕДСТВ И СЫРЬЯ (СЛЕДОВАТЕЛЬНО, ТАКЖЕ И СТОИМОСТИ МАШИН) НА ОРГАНИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ КАПИТАЛА

В указанном выше случае *норма ренты* повысилась *потому, что норма прибыли* упала. Упала ли здесь норма прибыли потому, что произошло изменение в органическом строении капитала? Если среднее строение капитала было $80c + 20v$, то осталось ли это строение таким же? Предполагается, что нормальный рабочий день остается без изменения. В противном случае влияние вздорожания жизненных средств может оказаться парализованным. Здесь следует различать два момента. Во-первых, вздорожание жизненных средств, ведущее к умень-

шению прибавочного труда и прибавочной стоимости. Во-вторых, вздорожание постоянного капитала: так, может повыситься в стоимости вспомогательный материал, например уголь; если речь идет о пшенице, то может повыситься в стоимости другая составная часть постоянного капитала, семена, или же, вследствие вздорожания пшеницы, может возрасти цена издержек какого-нибудь другого сырого продукта (сырого материала). Если, наконец, вздорожавшим продуктом было железо, медь и т. д., то повысилась стоимость сырья, необходимого для некоторых отраслей промышленности, и того сырья, из которого изготовляется оборудование (включая сюда и разного рода сосуды) для всех отраслей производства.

С одной стороны предполагается, что не произошло изменения в органическом строении капитала; т. е. что не произошло такого изменения в способе производства, которое бы увеличило или уменьшило, по отношению к массе применяемого постоянного капитала, то количество живого труда, какое приходится применять. Как и прежде, требуется *то же самое число рабочих* (при неизменных границах нормального рабочего дня) для переработки той же самой массы сырья с помощью того же самого количества машин и т. д. или — там, где сырье отсутствует, — для приведения в движение того же самого количества машин, инструментов и т. д. Но эта первая точка зрения, которую надо иметь в виду, когда речь идет об органическом строении капитала, должна быть дополнена еще и другой, а именно — рассмотрением изменения *стоимости* элементов капитала, хотя последние, в качестве потребительных стоимостей, и применяются в таких же количествах, как и прежде. Здесь, в свою очередь, надлежит различать следующие случаи.

Во-первых: изменение стоимости затрагивает оба элемента — переменный и постоянный капитал — *в одинаковой мере.* Практически этого, по-видимому, *никогда* не бывает. Повышение стоимости таких земледельческих продуктов, как пшеница и т. д., удорожает заработную плату (необходимую) и сырье (например, семена). Вздорожание угля повышает необходимую заработную плату и стоимость вспомогательного материала большинства отраслей промышленности. Однако в первом случае повышение заработной платы происходит во всех отраслях производства, а вздорожание сырья — только в некоторых. Что касается угля, то в заработную плату он входит меньшей долей, чем в производство. Следовательно, в *совокупном капитале* изменение стоимости угля и пшеницы едва ли могло затронуть оба элемента капитала *в одинаковой мере.* Но допустим, что такой случай возможен.

Пусть стоимость продукта, произведенного капиталом 80*c* + 20*v*, равна 120. Для *совокупного капитала стоимость* продукта совпадает с *ценой издержек* продукта. Различие между стоимостью и ценой издержек как раз выравнено для совокупного капитала. Пусть повышение стоимости такого предмета, как уголь, который, согласно предположению, входит *пропорционально в одинаковой мере* в обе составные части капитала, вызывает для обоих элементов увеличение издержек на $^{1}/_{10}$. В таком случае на 80*c* можно купить лишь столько товаров, сколько раньше можно было купить [примерно] на 70*c*, а посредством 20*v* — оплатить лишь такое число рабочих, какое раньше можно было оплатить [примерно] посредством 18*v*. Или, чтобы продолжать производство в прежних масштабах, теперь приходится затратить [примерно] 90*c* и 22*v*. Стоимость продукта, как и раньше, составляет 120, но затрата теперь — 112 (90 — постоянный капитал и 22 — переменный). Следовательно, прибыль равна 8, и это на 112 составляет $^{1}/_{14}$, т. е. $7^{1}/_{7}$%. Стоимость же продукта, на производство которого затрачен капитал в 100, равна теперь, следовательно, $107^{1}/_{7}$.

В каком соотношении *c* и *v* входят теперь в этот новый капитал? Раньше *v* и *c* относились как 20:80, т. е. как 1:4, теперь — как 22:90, или как 11:45. $^{1}/_{4} = {}^{45}/_{180}$; $^{11}/_{45} = {}^{44}/_{180}$. Таким образом, переменный капитал, [583] по отношению к постоянному, уменьшился на $^{1}/_{180}$. Следовательно, чтобы принять, согласно предположению, что вздорожание угля и т. д. влияет *пропорционально в одинаковой мере* на обе части капитала, мы должны взять 88*c* + 22*v*. Ибо стоимость продукта равна 120; затрачено 88 + 22 = 110. Остается 10 в качестве прибыли. 22:88 = 20:80. *Отношение c* к *v* осталось *таким же,* как в прежнем капитале. Как и раньше, соотношение *v:c* = 1:4. Но 10 прибыли на 110 составляют $^{1}/_{11}$, т. е. $9^{1}/_{11}$%. Если, следовательно, производство должно продолжаться в прежних масштабах, то нужно вложить 110 капитала, как раньше нужно было вложить 100, а стоимость продукта, как и раньше, равна 120[86]. Для капитала же в 100 единиц получилось бы органическое строение 80*c* + 20*v* при стоимости продукта в $109^{1}/_{11}$.

[Во-вторых:] если бы в приведенном выше примере стоимость 80с осталась неизменной, а изменилась бы только стоимость у. так что мы вместо 20*v* имели бы 22*v*, то прежнее соотношение 20:80, или 10:40, превратилось бы теперь в 22:80, или 11:40. Так вот, если бы произошло такого рода изменение, то капитал составлял бы 80*c* + 22*v,* а стоимость продукта 120; следовательно, затрата 102, а прибыль 18, т. е. $17^{33}/_{51}$%. 22:18 = $21^{29}/_{51}$: $17^{33}/_{51}$. Если 22*v* составляют капитал, который необхо-

димо затратить на заработную плату, чтобы привести в движение постоянный капитал стоимостью в 80, то $21^{29}/_{51}$ необходимы для того, чтобы привести в движение постоянный капитал стоимостью в $78^{22}/_{51}$. При таком соотношении из капитала в 100 единиц только $78^{22}/_{51}$ могли бы прийтись на машины и сырье, а $21^{29}/_{51}$ должны были бы прийтись на заработную плату, тогда как раньше приходилось 80 на сырье и т. д. и только 20 на заработную плату. Стоимость продукта теперь равна $117^{33}/_{51}$, а строение капитала будет $78^{22}/_{51}c + 21^{29}/_{51}v$. Но $21^{29}/_{51} + 17^{33}/_{51} = 39^{11}/_{51}$. Весь присоединенный труд при прежнем строении капитала был равен 40; теперь он равен $39^{11}/_{51}$, или на $^{40}/_{51}$ меньше, чем прежде; это изменение произошло *потому,* что теперь, хотя стоимость постоянного капитала не изменилась, приходится применять меньше постоянного капитала и, стало быть, капиталом в 100 единиц может быть приведено в движение несколько меньше труда, чем прежде, хотя и дороже оплачиваемого.

Итак, если изменение в каком-нибудь элементе издержек — здесь вздорожание, повышение стоимости — вызывает изменение лишь заработной платы (необходимой), то происходит следующее: во-первых, понижается норма прибавочной стоимости; во-вторых, при данном капитале может быть применено меньше постоянного капитала, меньше сырья и машин. Абсолютная масса постоянной части капитала уменьшается по сравнению с переменным капиталом, что при *неизменных* прочих условиях всегда должно вызывать повышение нормы прибыли (если стоимость постоянного капитала остается неизменной). *Масса* постоянного капитала уменьшается, хотя его *стоимость* остается *неизменной.* Но *норма прибавочной стоимости* и сама *прибавочная стоимость* уменьшаются, так как при понижающейся норме прибавочной стоимости число занятых рабочих не возрастает. Норма прибавочной стоимости — прибавочного труда — падает в большей мере, чем норма отношения между постоянным и переменным капиталом. Теперь для того чтобы привести в движение *ту же самую массу постоянного капитала,* необходимо занимать *такое же число рабочих,* как и прежде, т. е. применять такое же абсолютное количество труда. Но из этого абсолютного количества труда больше приходится на необходимый и меньше на прибавочный труд. Следовательно, *то же количество труда* должно оплачиваться дороже. Поэтому *тот же самый* капитал — например, 100 — меньше затрачивает на постоянный капитал, так как ему приходится больше затрачивать на переменный капитал, чтобы привести в движение меньший постоянный капитал. Падение нормы

прибавочной стоимости не связано здесь с увеличением абсолютного количества труда, применяемого определенным капиталом, или с увеличением числа занимаемых им рабочих. Следовательно, сама прибавочная стоимость не может здесь возрастать при понижении нормы прибавочной стоимости.

Итак, если органическое строение капитала постольку остается неизменным, поскольку его составные части рассматриваются с их материальной стороны, как потребительные стоимости; если, следовательно, изменение в строении капитала обусловлено не изменением *способа производства* внутри той сферы производства, в которую вложен этот капитал, а только повышением *стоимости рабочей силы* и потому повышением необходимой заработной платы, что равнозначно уменьшению прибавочного труда, или понижению нормы прибавочной стоимости, которое в данном случае ни целиком, ни частично не может быть парализовано увеличением числа рабочих, применяемых капиталом данной величины, например в 100 единиц, — то падение нормы прибыли обусловлено просто-напросто падением самой прибавочной стоимости. Той же самой причиной обусловливается тогда изменение в органическом строении капитала. Это изменение — при неизменном способе производства и при неизменном соотношении между применяемыми массами непосредственного и накопленного труда — вызывается лишь тем, что *стоимость (пропорциональная стоимость) применяемых масс* непосредственного и накопленного труда изменилась. Тот же самый капитал применяет [584] меньше непосредственного труда, пропорционально меньшему количеству применяемого им постоянного капитала, но оплачивает он это меньшее количество труда дороже. Поэтому он может применять лишь меньшее количество постоянного капитала, так как то меньшее количество труда, которое приводит в движение это меньшее количество постоянного капитала, поглощает более крупную долю совокупного капитала. Чтобы привести в движение 78 единиц постоянного капитала, капиталист должен теперь затратить на переменный капитал, скажем, 22 единицы, тогда как раньше для приведения в движение 80*c* было достаточно затратить всего лишь 20*v*.

Таков, следовательно, тот случай, когда вздорожание продукта, производство которого зависит от земельной собственности, затрагивает только заработную плату. Противоположный результат имел бы место при удешевлении этого продукта.

Но возьмем предположенный выше [в рубрике *«во-первых»*] случай. Пусть вздорожание земледельческого продукта затрагивает постоянный и переменный капитал *пропорционально*

в одинаковой мере. Здесь, следовательно, согласно предположению, не происходит никакого изменения в *органическом строении капитала.* Во-первых, нет *изменения, в способе производства.* То же абсолютное количество непосредственного труда приводит в движение такое же, как прежде, количество *накопленного труда.* Соотношения между этими массами труда остаются прежними. Во-вторых, нет *изменения, в стоимостном соотношении* накопленного и непосредственного труда. Если стоимость одного из них повышается или падает, то *пропорционально* этому происходит соответствующее изменение стойкости другого, и, следовательно, соотношение между ними остается неизменным. Но раньше мы имели 80*c* + 20*v*. *Стоимость продукта = 120.* Теперь мы имеем 88*c* + 22*v*. Стоимость продукта = 120. Это дает 10 на 110, или $9^{1}/_{11}$% прибыли. Следовательно, на капитал 80*c* + 20*v* стоимость продукта составит $109^{1}/_{11}$.

Раньше мы имели:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Норма прибыли	Норма прибав. стоимости
80	20	20	20%	100%

Теперь мы имеем:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Норма прибыли	Норма прибав. стоимости
80	20	$9^{1}/_{11}$	$9^{1}/_{11}$%	$45^{5}/_{11}$%

80*c* представляют здесь меньшее количество сырья и т. д.; 20*v* — соответственно меньшее абсолютное количество труда. Сырье и т. д. стало дороже; поэтому количество сырья и т. д., купленного на 80, уменьшилось; следовательно, оно требует, так как *способ производства* остался *без изменения,* меньшего количества непосредственного труда. Но это меньшее количество непосредственного труда стоит столько же, сколько раньше стоило большее количество его, и вздорожало оно как раз в такой же мере, — а следовательно, в такой же мере и уменьшилось, — как и сырье и т. д. Стало быть, если бы прибавочная стоимость осталась без изменения, то норма прибыли понизилась бы в такой же мере, в какой вздорожало сырье и т. д., в какой изменилось отношение стоимости переменного капитала к стоимости постоянного. Но норма прибавочной стоимости не осталась прежней, а изменилась в соответствии с тем, как возросла стоимость переменного капитала.

Возьмем [другой] пример.

Стоимость фунта хлопка поднялась с 1 шилл. до 2 шилл. На 80 ф. ст. {предположим здесь, что машины и т. д. равны 0}

раньше можно было купить 1600 фунтов хлопка. Теперь же на 80 ф. ст. можно купить только 800 фунтов хлопка. Для переработки в пряжу 1600 фунтов хлопка раньше требовалось затратить на заработную плату 20 ф. ст., что соответствует, допустим, 20 рабочим. Для переработки 800 фунтов требуется только 10 рабочих, так как способ производства остался *без изменения.* 10 рабочих стоили бы раньше 10 ф. ст., теперь они стоят 20 ф. ст., совершенно так же как 800 фунтов хлопка, которые раньше стоили бы 40 ф. ст., теперь стоят 80. Предположим, что прибыль составляла раньше 20%. Таким образом, предположено следующее:

	Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибав. стоимость
I	80 ф. ст. = 1 600 фунтам хлопка	20 ф. ст. = 20 рабочим	20 ф. ст.
II	80 ф. ст. = 800 фунтам хлопка	20 ф. ст.= 10 рабочим	10 ф. ст.

	Норма прибавочной стоимости	Норма прибыли	Продукт	Цена фунта пряжи
I	100%	20%	1 600 фунтов пряжи	1 шилл. 6 пенсов
II	50%	10%	800 фунтов пряжи	2 шилл. 9 пейсов

И в самом деле, если прибавочная стоимость, которую создают 20 рабочих, равна 20 ф. ст., то прибавочная стоимость, создаваемая 10 рабочими, равна 10 ф. ст.; но для того чтобы произвести ее, надо уплатить, как и прежде, 20 ф. ст., тогда как при прежних условиях уплачивалось бы только 10. Стоимость продукта, [585] фунта пряжи, должна здесь во всяком случае повыситься, так как продукт содержит больше труда, накопленного труда (в хлопке, который входит в фунт пряжи) и непосредственного труда.

Если бы в стоимости повысился лишь хлопок, а заработная плата осталась без изменения, то для переработки в пряжу 800 фунтов хлопка требовалось бы по-прежнему лишь 10 рабочих. Но эти 10 рабочих и стоили бы лишь 10 ф. ст. Следовательно, норма прибавочной стоимости составляла бы по-прежнему 100%. Чтобы превратить в пряжу 800 фунтов хлопка, нужны 10 рабочих с затратой на них капитала в 10 ф. ст. Следовательно, совокупная затрата капитала равна 90 ф. ст. При этом

все время предполагалось бы, что на 80 фунтов хлопка приходится 1 рабочий. Поэтому на 800 фунтов — 10 рабочих и на 1600 фунтов — 20 рабочих. Сколько фунтов хлопка мог бы, следовательно, превратить теперь в пряжу весь капитал в 100 ф. ст.? На $88^8/_9$) ф. ст. можно было бы купить хлопок, а $11^1/_9$ ф. ст. можно было бы затратить на заработную плату. Соотношение было бы такое:

	Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибав. стоимость	Норма прибавочной стоимости	Норма прибыли	Продукт	Цена фунта пряжи
III	$88^8/_9$ ф. ст. = $888^8/_9$ фунта хлопка	$11^1/_9$ ф. ст. = $11^1/_9$ рабочим	$11^1/_9$ ф. ст.	100%	$11^1/_9$%	$888^8/_9$ фунта пряжи	2 шилл. 6 пенсов

В этом случае не происходит *изменения в стоимости переменного капитала,* и норма прибавочной стоимости остается, следовательно, без изменения.

В случае I переменный капитал относится к постоянному как 20:80, или как 1:4. В случае III он относится к постоянному капиталу как $11^1/_9:88^8/_9$, или как 1:8; следовательно, переменный капитал здесь относительно уменьшился вдвое, потому что *стоимость* постоянного капитала удвоилась. То же число рабочих перерабатывает в пряжу то же количество хлопка, но капитал в 100 ф. ст. теперь может занять лишь $11^1/_9$ рабочих, тогда как на остающиеся $88^8/_9$ ф. ст. можно купить только $888^8/_9$ фунта хлопка вместо 1600 фунтов, как в случае I. *Норма прибавочной стоимости* осталась той же. Однако вследствие изменения стоимости постоянного капитала нельзя уже при капитале в 100 ф. ст. занимать прежнее количество рабочих; соотношение между переменным и постоянным капиталом изменилось. В результате этого уменьшается масса прибавочной стоимости, а вместе с ней и прибыль, так как эта прибавочная стоимость по-прежнему исчисляется на ту же самую затрату капитала. В первом случае переменный капитал (равный 20 ф. ст.) составлял $^1/_4$ постоянного (20:80) и $^1/_5$ совокупного капитала. Теперь он ($11^1/_9$ ф. ст.) составляет всего лишь $^1/_8$ постоянного капитала ($11^1/_9:88^8/_9$) и $^1/_9$ от 100 ф. ст., от совокупного капитала. Но 100% на $^{100}/_5$ ф. ст., или на 20 ф. ст., составляют 20 ф. ст., а 100%

на $^{100}/_{9}$ ф. ст., или на $11^{1}/_{9}$ ф. ст., — только $11^{1}/_{9}$ ф. ст. При неизменной заработной плате, или неизменной стоимости переменного капитала, абсолютная величина переменного капитала здесь уменьшается, потому что повысилась *стоимость постоянного капитала.* Поэтому уменьшается процентная доля переменного капитала, а вместе с тем и сама прибавочная стоимость, ее абсолютная величина, а потому и норма прибыли.

Изменение [в данном случае — повышение] *стоимости постоянного капитала* при *неизменяющейся стоимости переменного капитала* и *неизменяющемся способе производства* (следовательно, при сохранении прежнего соотношения между применяемыми массами труда, сырья и машин) вызывает такое же изменение в строении капитала, как если бы *стоимость постоянного капитала* не изменилась, а была бы применена *большая масса* не изменившегося в стоимости [постоянного] капитала *(следовательно,* и *большая сумма* его *по стоимости),* сравнительно с капиталом, затраченным на труд. Необходимое следствие этого — падение прибыли. (Обратное происходит, когда стоимость постоянного капитала понижается.)

Напротив, *изменение* (в данном случае — повышение) *стоимости переменного капитала* увеличивает *переменный капитал* по отношению к *постоянному,* а следовательно увеличивает и процентную долю переменного капитала, или ту пропорциональную долю, которую он образует в совокупном капитале. Тем не менее *норма прибыли здесь* не повышается, а *падает.* Это происходит потому, что *способ производства* остался *тем же самым.* Применяется то же, что и раньше, количество живого труда для превращения в продукт той же самой массы сырья, машин и т. д. Здесь, как и в вышеприведенном случае, тем же капиталом, в 100 ф. ст., можно [586] привести в движение лишь меньшую массу непосредственного и накопленного труда, но это уменьшившееся количество непосредственного труда стоит больше. Необходимая заработная плата повысилась. Более крупная часть этого уменьшившегося количества непосредственного труда возмещает необходимый труд, и, следовательно, менее крупная его часть образует прибавочный труд. Норма прибавочной стоимости упала, и одновременно с этим уменьшилось число рабочих, или совокупное количество труда, находящееся под командой того же самого капитала. Переменный капитал увеличился по отношению к постоянному капиталу, а потому и к совокупному капиталу, хотя *масса труда,* применяемого пропорционально массе постоянного капитала, уменьшилась. Поэтому падает прибавочная стоимость, а вместо с ней и

норма прибыли. В предыдущем случае норма прибыли упала потому, что при *неизменной норме прибавочной стоимости* переменный капитал *уменьшился* по отношению к постоянному капиталу, а следовательно и по отношению к совокупному капиталу; другими словами, прибавочная стоимость упала потому, что при *неизменной норме прибавочной стоимости* сократилось число рабочих, уменьшился ее множитель. На этот раз норма прибыли падает потому, что переменный капитал *возрастает по* отношению к постоянному капиталу, а следовательно и по отношению к совокупному капиталу, но это возрастание переменного капитала сопровождается уменьшением количества применяемого труда (труда, применяемого *тем же самым* капиталом); другими словами, прибавочная стоимость падает здесь потому, что *понижение* ее *нормы* связано с уменьшением количества применяемого труда. *Оплаченный* труд увеличился по отношению к постоянному капиталу, но совокупное количество применяемого труда уменьшилось.

Следовательно, эти изменения в стоимости всегда действуют на самоё прибавочную стоимость, абсолютная масса которой в обоих случаях уменьшается, так как уменьшается один из двух ее факторов или же оба эти фактора уменьшаются одновременно; в одном случае она уменьшается потому, что при той же норме прибавочной стоимости уменьшается число рабочих; в другом случае она уменьшается потому, что уменьшаются и норма прибавочной стоимости и число рабочих, занятых на 100 единиц капитала.

Мы приходим, наконец, к тому случаю II, где изменение в стоимости земледельческого продукта действует *пропорционально в одинаковой мере* на обе части капитала и где, следовательно, это *изменение стоимости* не сопровождается изменением органического строения капитала.

Стоимость фунта пряжи повышается в этом случае (см. стр. 584)[*] с 1 шилл. 6 пенсов до 2 шилл. 9 пенсов, так как теперь он представляет собой продукт большего рабочего времени, чем прежде. Хотя теперь фунт пряжи содержит столько же непосредственного труда, как и прежде (при этом, однако, больше оплаченного и меньше неоплаченного труда), но накопленного труда в нем теперь больше, чем прежде. Изменение стоимости хлопка с 1 шилл. до 2 шилл. приводит к тому, что в стоимость фунта пряжи теперь вместо 1 шилл. входят 2 шилл.

Однако пример II на стр. 584 составлен неправильно.

[*] См. настоящий том, часть II, стр. 304. *Ред.*

Мы имели:

	Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибав. стоимость
I	80 ф. ст. = 1 600 фунтам хлопка	20 ф. ст. = 20 рабочим	20 ф. ст.

	Норма прибавочной стоимости	Норма прибыли	Продукт	Цена фунта пряжи
I	100%	20%	1 600 фунтов пряжи	1 шилл. 6 пенсов

Труд 20 рабочих выражается в 40 ф. ст. Половина этой суммы здесь — неоплаченный труд, поэтому прибавочная стоимость составляет 20 ф. ст. Согласно этому соотношению, 10 рабочих произведут 20 ф. ст., из которых 10 ф. ст. будут составлять заработную плату и 10 ф. ст. — прибавочную стоимость.

Если бы, следовательно, стоимость рабочей силы повысилась в той же пропорции, как и стоимость сырья, т. е. если бы она удвоилась, то она равнялась бы 20 ф. ст. для 10 рабочих, подобно тому как прежде она равнялась 20 ф. ст. для 20 рабочих. В этом случае никакого прибавочного труда не было бы. Ибо если стоимость, доставляемая 20 рабочими, равняется в денежном выражении 40 ф. ст., то стоимость, доставляемая 10 рабочими, равняется в денежном выражении 20 ф. ст. [т. е. стоимости всего переменного капитала в случае II]. Это невозможно. В таком случае исчез бы базис капиталистического производства.

Но так как, согласно предположению, изменение стоимости постоянного и переменного капитала должно быть *одинаковым* (пропорционально), то нам придется представить этот случай иначе. Так вот, если предположить, что стоимость хлопка повысилась на $^1/_3$ то на 80 ф. ст. можно теперь купить 1200 фунтов хлопка, тогда как раньше на эти деньги можно было купить 1600 фунтов. Раньше 1 ф. ст. был равен 20 фунтам хлопка, или 1 фунт хлопка был равен $^1/_{20}$ ф. ст., т. е. 1 шилл. Теперь 1 ф. ст. равен 15 фунтам хлопка, или 1 фунт хлопка равен $^1/_{15}$ ф. ст., т. е. $1^1/_3$ шилл., или 1 шилл. 4 пенсам. Раньше 1 рабочий обходился в 1 ф. ст., теперь он обходится в $1^1/_3$ ф. ст., т. е. в 1 ф. ст. $6^2/_3$ шилл., или в 1 ф. ст. 6 шилл. 8 пенсов. На 15 рабочих это составляет 20 ф. ст. (15 ф. ст. + $^{15}/_3$ ф. ст.). [587] Так как 20 рабочих производят стоимость в 40 ф. ст., то 15 рабочих производят стоимость в 30 ф. ст. Из этой стоимо-

сти 20 ф. ст. составляют теперь их заработную плату, а 10 ф. ст. составляют прибавочную стоимость, или неоплаченный труд. Мы имеем, следовательно:

	Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибав. стоимость
IV	80 ф. ст. = 1 200 фунтам хлопка	20 ф. ст. = 15 рабочим	10 ф. ст.

	Норма прибавочной стоимости	Норма прибыли	Продукт	Цена фунта пряжи
IV	50%	10%	1 200 фунтов пряжи	1 шилл. 10 пенсов

В этих 1 шилл. 10 пенсах на хлопок приходятся 1 шилл. 4 пенса, а на труд — 6 пенсов.

Продукт вздорожал потому, что хлопок стал дороже на $^1/_3$. Но продукт вздорожал не на $^1/_3$. Раньше, в случае I, он стоил 18 пенсов; следовательно, если бы он вздорожал на $^1/_3$, он теперь стоил бы 18 + 6, т. е. 24 пенса. Между тем он стоит только 22 пенса. Раньше в 1600 фунтах пряжи содержалось труда на 40 ф. ст., в 1 фунте пряжи, следовательно, — на $^1/_{40}$ ф. ст., т. е. на $^{20}/_{40}$, или $^1/_2$ шилл., т. е. на 6 пенсов. Теперь в 1200 фунтах пряжи содержится труда на 30 ф. ст.; следовательно, труд, приходящийся на 1 фунт пряжи, составляет тоже $^1/_{40}$ ф. ст., т. е. $^1/_2$ шилл., или 6 пенсов. Хотя труд вздорожал в такой же мере, как и сырье, количество непосредственного труда, содержащееся в 1 фунте пряжи, осталось *прежним;* однако в этом количестве содержится теперь оплаченного труда больше, а неоплаченного — меньше. Поэтому такое изменение стоимости заработной платы ничего не меняет в стоимости фунта пряжи, продукта. Здесь на труд по-прежнему приходится только 6 пенсов, тогда как на хлопок теперь приходится 1 шилл. 4 пенса вместо 1 шилл., как это было раньше. И вообще, если товар продается *по его стоимости,* изменение стоимости заработной платы не может вызвать изменения в цене продукта. Но раньше из 6 пенсов на заработную плату приходилось 3 пенса и на прибавочную стоимость тоже 3 пенса. Теперь из 6 пенсов 4 пенса составляют заработную плату и 2 пенса — прибавочную стоимость. В самом деле, 3 пенса заработной платы на 1 фунт пряжи составляют для 1600 фунтов пряжи 3×1600 пенсов, т. е. 20 ф. ст., а 4 пенса на 1 фунт составляют для 1200 фунтов

пряжи 4×1200 пенсов, т. е. 20 ф. ст. Но 3 пенса по отношению к 15 пенсам (1 шилл. хлопка плюс 3 пенса заработной платы) составляют в первом случае $^1/_5$ прибыли, т. е. 20% прибыли. Напротив, 2 пенса по отношению к 20 пенсам (16 пенсов хлопка плюс 4 пенса заработной платы) составляют $^1/_{10}$, или 10% прибыли.

Если бы в вышеприведенном примере цена хлопка осталась прежней, то мы имели бы следующее. 1 рабочий перерабатывает в пряжу, — так как способ производства во всех примерах остается *тем же самым,* — 80 фунтов хлопка, а фунт хлопка опять = 1 шилл.

Капитал теперь распадается таким образом[87]:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибав. стоимость
$73^1/_3$ ф. ст. = 1 $466^2/_3$ фунта хлопка	$26^2/_3$ ф. ст. (20 рабочих)	$13^1/_3$ ф. ст.

Норма прибавочной стоимости	Норма прибыли	Продукт	Цена фунта пряжи
50%	$13^1/_3$%	1 $466^2/_3$ фунта пряжи	$1^6/_{11}$ шилл.

Этот расчет невозможен; ибо если один рабочий перерабатывает в пряжу 80 фунтов хлопка, то 20 рабочих перерабатывают 1600 фунтов, а не 1466, так как предположено, что *способ производства* остался *без изменения.* Различная оплата рабочего не может ничего изменить в этом факте. Пример, следовательно, надо составить иначе:

	Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Норма прибав. стоимости	Норма прибыли	Продукт	Цена фунта пряжи
II	75 ф. ст. = 1500 фунтам хлопка	25 ф. ст. ($18^3/_4$ рабочих)	$12^1/_2$ ф. ст.	50%	$12^1/_2$	1 500 фунтов пряжи	1 шилл. 6 пенсов

Из этих 6 пенсов на заработную плату приходятся 4 пенса, а на прибыль приходятся 2 пенса. 2 пенса по отношению к 16 пенсам [1 шилл. хлопка плюс 4 пенса заработной платы] составляют $^1/_8$, т. е. $12^1/_2$%.

Если бы, наконец, стоимость переменного капитала осталась без изменения (1 рабочий = 1 ф. ст.), в то время как стоимость постоянного капитала изменилась бы, так что 1 фунт хлопка вместо 1 шилл. стоил бы 1 шилл. 4 пенса, или 16 пенсов, то мы имели бы следующее:

	Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Норма прибав. стоимости	Норма прибыли	Продукт	Цена фунта пряжи
III	$84^{4}/_{19}$ ф. ст. = 1 $263^{3}/_{19}$ фунта хлопка	$15^{15}/_{19}$ф. ст. (= $15^{15}/_{19}$ рабочим)	$15^{15}/_{19}$	100%	$15^{15}/_{19}$%	1 $263^{3}/_{19}$ фунта пряжи	1 шилл. 10 пенсов

[588] Прибыль = 3 пенсам. Это составляет по отношению к 19 пенсам [16 пенсов хлопка плюс 3 пенса заработной платы] ровно $15^{15}/_{19}$%.

Теперь сопоставим все четыре случая, начиная с I, где еще не произошло изменения стоимости.

	Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Норма прибавочной стоимости	Норма прибыли	Продукт	Цена фунта пряжи	Прибыль
I	80 ф. ст. = 1 600 фунтам хлопка	20 ф. ст. = 20 рабочим	20 ф. ст.	100%	20%	1 600 ф. пряжи	1 ш. 6 п.	3 п.
II	75 ф. ст. = 1 500 фунтам хлопка	25 ф. ст. = $18^{3}/_{4}$ рабочим	$12^{1}/_{2}$ ф. ст.	50%	$12^{1}/_{2}$%	1 500 ф. пряжи	1 ш. 6 п.	2 п.
III	$84^{4}/_{19}$ ф. ст. =1 $263^{3}/_{19}$ фунта хлопка	$15^{15}/_{19}$ф. ст. = $15^{15}/_{19}$ рабочим	$15^{15}/_{19}$ ф. ст.	100%	$15^{15}/_{19}$%	1 $263^{3}/_{19}$ ф. пряжи	1 ш. 10 п.	3 п.
IV	80 ф. ст. = 1 200 фунтам хлопка	20 ф. ст.= 15 рабочим	10 ф. ст.	50%	10%	1 200 ф. пряжи	1 ш. 10 п.	2 п.

Цена продукта изменяется в III и IV потому, что изменилась стоимость постоянного капитала. Напротив, изменение стоимости переменного капитала не вызывает никакого изменения

в цене продукта, так как абсолютное количество непосредственного труда остается неизменным и только различным образом делится на необходимый и прибавочный труд.

Но как обстоит дело в случае IV, где изменение стоимости затронуло постоянный и переменный капитал *пропорционально в одинаковой мере,* где оба возросли по своей стоимости на $^{1}/_{3}$?

Если бы повысилась только заработная плата (случай II), то прибыль упала бы с 20% до $12^{1}/_{2}$%, т. е. на $7^{1}/_{2}$ единиц. Если бы повысился в стоимости только постоянный капитал (случай III), то прибыль упала бы с 20% до $15^{15}/_{19}$%, т. е. на $4^{4}/_{19}$ единицы. Так как в рассматриваемом нами случае IV повышаются в одинаковой мере и заработная плата и стоимость постоянного капитала, то прибыль падает с 20% до 10%, т. с. на 10 единиц. Но почему не на $7^{1}/_{2} + 4^{4}/_{19}$ т. е. не на $11^{27}/_{38}$, что составляет *сумму* разниц II и III? Необходимо отдать себе отчет относительно, этих $1^{27}/_{38}$, вследствие которых прибыль должна была бы упасть (в случае IV) не до 10%, а до $8^{11}/_{38}$%. Масса прибыли определяется суммой прибавочной стоимости, а эта сумма, при данной норме прибавочного труда, определяется *количеством* рабочих. В случае I имеется 20 рабочих, и половина их рабочего времени не оплачена. Во II случае только $^{1}/_{3}$ совокупного труда составляет неоплаченный труд; отсюда падение нормы прибавочной стоимости; кроме того, рабочих применяется на $1^{1}/_{4}$ меньше, чем в случае I, так что налицо имеется также и уменьшение *числа* рабочих, или уменьшение совокупного труда. В случае III норма прибавочной стоимости опять та же, что в I, половина рабочего дня не оплачена, но вследствие повышения стоимости постоянного капитала число рабочих уменьшается с 20 до $15^{15}/_{19}$, или на $4^{4}/_{19}$. В IV случае количество рабочих уменьшается (после того как и норма прибавочной стоимости опять упала до такого же уровня, как во II случае, а именно до $^{1}/_{3}$ рабочего дня) на 5 человек, а именно с 20 до 15 человек. По сравнению с I случаем число рабочих в IV случае уменьшилось на 5 человек, по сравнению со II — на $3^{3}/_{4}$, а по сравнению с III — на $^{15}/_{19}$ но оно не уменьшилось по сравнению с I на $1^{1}/_{4} + 4^{4}/_{19}$, т. е. на $5^{35}/_{76}$. Иначе число занятых рабочих в IV случае было бы равно $14^{41}/_{76}$.

Из всего изложенного получаются следующие выводы:

Изменения в стоимости товаров, входящих в постоянный или переменный капитал — при *неизменном способе производства,* или при *неизменном вещественном строении капитала* (т. е. при неизменном соотношении между применяемым непосредственным и накопленным трудом), — *не* приводят к изменению в органическом строении капитала, если они *пропорцио-*

нально в одинаковой мере затрагивают переменный и постоянный капитал, как в случае IV (где, например, хлопок становится дороже в такой же степени, как и потребляемая рабочими пшеница). Норма прибыли здесь падает (при повышении стоимости постоянного и переменного капитала), во-первых, потому, что вследствие повышения заработной платы падает норма прибавочной стоимости, и, во-вторых, потому, что уменьшается *число* рабочих.

Когда изменение стоимости затрагивает только постоянный или только переменный капитал, оно действует как изменение в органическом строении капитала и вызывает такого же рода изменение в *стоимостном соотношении* составных частей капитала, хотя способ производства остается неизменным.

Если изменение стоимости затрагивает только переменный капитал, то он возрастает по отношению к постоянному капиталу [589] и к совокупному капиталу. Однако в этом случае уменьшается не только норма прибавочной стоимости, но и число занятых рабочих. Вот почему в этом случае (в случае II) применяется также и меньше постоянного капитала (стоимость которого осталась неизменной).

Если изменение стоимости затрагивает только постоянный капитал, то переменный капитал уменьшается по отношению к постоянному капиталу и совокупному капиталу. Хотя норма прибавочной стоимости остается той же, масса прибавочной стоимости уменьшается, так как уменьшается *число* занятых рабочих (случай III).

Наконец, может случиться, что изменение стоимости затрагивает и постоянный и переменный капитал, но *не в одинаковой* степени. Этот случай надлежит свести к вышеприведенным. Пусть, например, изменение стоимости оказывает такое воздействие на постоянный и переменный капитал, что первый повышается в стоимости на 10%, а второй — на 5%. Тогда, поскольку оба они подорожали на 5%, один на 5+5, другой — на 5, мы имели бы случай IV. Но поскольку постоянный капитал сверх этого изменился бы еще на 5%, мы имели бы случай III.

Выше мы предполагали только повышение стоимости. При падении ее имеет место противоположный результат. Например, при переходе от IV случая к I был бы рассмотрен тот случай, когда происходит *пропорциональное* падение стоимости, *одинаково* затрагивающее обе составные части капитала. Для иллюстрации того, к какому результату приводит падение стоимости только одной составной части капитала, надо было бы соответственно видоизменить случаи II и III. [589]

* * *

[600] К тому, что сказано выше о влиянии изменения стоимости [сырья, машин и жизненных средств] на органическое строение капитала, я добавлю еще следующее замечание: у капиталов, вложенных в *различные отрасли производства,* при одинаковом в других отношениях вещественном строении этих капиталов, разницу в их органическом строении может, следовательно, вызвать более высокая *стоимость* применяемых ими машин или материалов. Например, если бы хлопчатобумажная, шелковая, льняная и шерстяная промышленность имели совершенно одинаковое вещественное строение капитала, то одно лишь различие в стоимости применяемых ими материалов обусловило бы неодинаковость органического строения соответствующих капиталов. [600]

[г) ИЗМЕНЕНИЯ СОВОКУПНОЙ РЕНТЫ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИЗМЕНЕНИЙ РЫНОЧНОЙ СТОИМОСТИ]

[589] Вернемся к таблице *А.* Как мы видели*, предположение, что норма прибыли в 10% образовалась в результате падения прибыли (так что первоначально, когда в обработке находился один только III разряд, норма прибыли стояла выше, затем, при появлении II разряда, сделалась ниже, чем тогда, когда разрабатывался только III, но все еще превышала 10%), — что это предположение при известных условиях может оказаться правильным, а именно в том случае, если перед нами, действительно, нисходящая линия развития, но оно отнюдь не вытекает с необходимостью из различия рент, из одного только существования дифференциальных рент; при восходящей линии это различие рент, напротив, предполагает, что норма прибыли все время остается неизменной.

Таблица В. Здесь, как уже разъяснено выше**, конкуренция III и IV разрядов заставляет II разряд изъять половину своего капитала. При нисходящей линии это, наоборот, выступало бы в таком виде, что добавочное предложение требуется лишь в размере $32^1/_2$ тонны, а потому во II разряд следует вложить капитал только в 50 ф. ст.

Но интереснее всего в этой таблице следующее: раньше вложено было 300 ф. ст. капитала, а теперь только 250 ф. ст., т. е. на $^1/_6$ меньше; количество же продукта осталось прежним — 200 тонн. Следовательно, производительность труда повыси-

* См. настоящий том, часть II, стр. 297—298. *Ред.*

** Там же, стр. 274 и следующие. *Ред.*

лась, а стоимость единицы товара упала. Точно так же и *совокупная стоимость* товара упала с 400 ф. ст. до *369*$^{3}/_{13}$ ф. ст. По сравнению с А рыночная стоимость тонны упала с 2 ф. ст. до 1 ф. ст. 16$^{12}/_{13}$ шилл., так как новая рыночная стоимость определяется *индивидуальной стоимостью* продукта II разряда, а не более высокой индивидуальной стоимостью продукта I разряда, как это было прежде. Несмотря на все эти обстоятельства — уменьшение вложенного капитала, уменьшение совокупной стоимости продукта при неизменившейся массе продукции, падение рыночной стоимости, эксплуатация более продуктивных разрядов, — рента в *B,* по сравнению с *A,* повысилась в абсолютном выражении на 24$^{3}/_{13}$ ф. ст. (94$^{3}/_{13}$ ф. ст. против 70 ф. ст.). Если мы посмотрим, в какой мере отдельные разряди участвуют в увеличении совокупной суммы ренты, то мы найдем, что во II разряде абсолютная рента по своей норме осталась прежней, так как 5 ф. ст. на 50 ф. ст. составляют 10%, но *масса* ренты уменьшилась наполовину, с 10 ф. ст. до 5 ф. ст., так как капиталовложение во II *B* уменьшилось наполовину, со 100 ф. ст. до 50 ф. ст. Вместо увеличения общей суммы ренты, в разряде II *B* происходит уменьшение ее на 5 ф. ст. Далее, дифференциальная рента для II *B* совсем отпадает, так как рыночная стоимость теперь равняется индивидуальной стоимости продукта II разряда. Это дает вторичное уменьшение общей суммы ренты на 10 ф. ст. Таким образом, в общем итого уменьшение ренты для II разряда составляет 15 ф. ст.

В III разряде сумма абсолютной ренты осталась прежней, по вследствие понижения рыночной стоимости продукта уменьшилась также и его дифференциальная стоимость, а в результате этого уменьшилась и дифференциальная рента. Она составляла 30 ф. ст. Теперь она составляет лишь 18$^{6}/_{13}$ ф. ст., т. е. на 11$^{7}/_{13}$ ф. ст. меньше. Следовательно, для II и III разрядов, вместе взятых, рента упала на 26$^{7}/_{13}$ ф. ст. Итак, остается дать отчет относительно увеличения общей суммы ренты не на 24$^{3}/_{13}$ ф. ст., как это кажется с первого взгляда, а на [24$^{3}/_{13}$ + 26$^{7}/_{13}$, т. е. на] 50$^{10}/_{13}$ ф. ст. Но, далее, для *B,* по сравнению с *A,* абсолютная рента I *A* отпала вместе с отпадением самого разряда I. Это составляет, следовательно, дальнейшее уменьшение общей суммы ренты на 10 ф. ст. Таким образом, надлежит в общем итоге дать отчет относительно 60$^{10}/_{13}$ ф. ст. Но такова как раз общая сумма ренты нового разряда IV *B.* Следовательно, увеличение общей суммы ренты в *B* можно объяснить только рентой разряда IV *B.* Абсолютная рента разряда IV *B,* как и всех других разрядов, равна 10 ф. ст. А дифференциальная рента в размеру 50$^{10}/_{13}$ ф. ст. получается [590] от того, что дифференциальная

стоимость продукта IV разряда составляет $10^{470}/_{481}$ шилл. на тонну и должна быть умножена на $92^{1}/_{2}$, ибо таково число тонн, добываемых в этом разряде. Продуктивность II и III разрядов осталась неизменной; наименее продуктивный разряд совершенно устранен, и тем не менее общая сумма ренты возрастает, так как дифференциальная рента одного лишь IV разряда, вследствие его относительно высокой продуктивности, больше, чем была совокупная дифференциальная рента в А. Дифференциальная рента не зависит от абсолютной продуктивности разрабатываемых разрядов, от того, что $^{1}/_{2}$ II, III, IV продуктивнее, чем I, II, III; тем не менее дифференциальная рента для $^{1}/_{2}$ II, III, IV больше, чем она была для I, II, III в *А*. Это происходит потому, что наибольшая часть поставляемого продукта — $92^{1}/_{2}$ тонны — получается от такого разряда, у которого дифференциальная стоимость больше, чем вообще в каком бы то ни было разряде таблицы *А*. Если для того или иного разряда дифференциальная стоимость *дана,* то абсолютная сумма его дифференциальной ренты зависит, естественно, от количества продукта этого разряда. Но само это *количество* уже учтено при вычислении дифференциальной стоимости и рассмотрении процесса ее образования. Так как IV разряд при капитале в 100 ф. ст. производит $92^{1}/_{2}$ тонны — ни больше, ни меньше, — то его дифференциальная стоимость в таблице *В,* где рыночная стоимость тонны равна 1 ф. ст. $16^{12}/_{13}$ шилл., составляет $10^{470}/_{481}$ шилл. на тонну.

Вся сумма ренты в таблице *А* составляет 70 ф. ст. на капитал в 300 ф. ст., т. е. $23^{1}/_{3}$ %. Напротив, в таблице *В,* если отбросить $^{3}/_{13}$, она составляет 94 на 250, т. е. $37^{3}/_{5}$%.

Таблица С. Здесь предположено, что после того как прибавился разряд IV и рыночную стоимость начал определять разряд II, спрос не остается неизменным, как в таблице *В,* а возрастает с понижением цены, так что все добавочное количество в $92^{1}/_{2}$ тонны, доставляемое разрядом IV, поглощается рынком. При цене в 2 ф. ст. за тонну поглощалось бы только 200 тонн; при цене в $1^{11}/_{13}$ ф. ст. спрос возрастает до $292^{1}/_{2}$ тонны. Было бы ошибкой предполагать, что границы рынка при цене в $1^{11}/_{13}$ ф. ст. за тонну обязательно остаются теми же, как и при цене в 2 ф. ст. за тонну. Напротив, с понижением цены рынок всегда до известной степени расширяется — даже если речь идет о таком всеобщем жизненном средстве, как пшеница.

Таков тот единственный пункт, который мы *прежде всего* хотим отметить по поводу таблицы *С*.

Таблица D. Здесь предположено, что $292^{1}/_{2}$ тонны поглощаются рынком только в том случае, когда рыночная стоимость

падает до $1^5/_6$ ф. ст., что составляет *цену издержек* для тонны разряда I, который, следовательно, не приносит никакой ренты, а дает только обычную прибыль в 10%. Это тот случай, который Рикардо принимает за нормальный, и на нем поэтому следует остановиться подробнее.

Здесь сначала берется, как и в предыдущих таблицах, восходящая линия; позже мы рассмотрим тот же процесс при нисходящей линии.

Если бы разряды II, III и IV доставляли лишь добавочное предложение в 140 тонн*, т. е. лишь такое добавочное предложение, которое поглощается рынком по 2 ф. ст. за тонну, то разряд I продолжал бы определять рыночную стоимость.

Однако дело обстоит не так. На рынке имеется еще излишек в $92^1/_2$ тонны, произведенный разрядом IV. Если бы это количество являлось вообще избыточной продукцией, абсолютно превышающей потребности рынка, то разряд I оказался бы совсем вытесненным с рынка, all разряд должен был бы изъять половину своего капитала, как это имеет место в таблице *B*. Тогда рыночную стоимость стал бы определять II разряд, как в таблице *B*. Однако теперь у нас предположено, что при дальнейшем понижении рыночной стоимости рынок в состоянии поглотить эти $92^1/_2$ тонны. Как же будет происходить этот процесс? Разряды IV, III и $^1/_2$ II абсолютно господствуют на рынке. Это значит, что, если бы рынок мог поглотить абсолютно только 200 тонн, эти разряды вытеснили бы с рынка разряд I.

Но возьмем сперва фактическое положение вещей. На рынке имеется $292^1/_2$ тонны, тогда как раньше на нем имелось лишь 200 тонн. Разряд II продавал бы товар по его индивидуальной стоимости, по $1^{11}/_{13}$ ф. ст., чтобы утвердиться на рынке и вытеснить из него продукты I разряда, индивидуальная стоимость которых равна 2 ф. ст. Но так как и при такой рыночной стоимости нет места для $292^1/_2$ тонн, то разряды IV и III давят на II до тех пор, пока рыночная цена не упадет до $1^5/_6$ ф. ст.; при этой цене разряды IV, III, II и I находят для своих продуктов сбыт на рынке, который по *этой* [591] рыночной цене поглощает *весь* продукт. Благодаря такому понижению цены предложение и спрос уравновешиваются. Как только добавочное предложение начинает превышать ту емкость рынка, которая имеет место при прежней рыночной стоимости, каждый разряд, естественно, старается протолкнуть на рынок весь свой продукт, вытесняя продукт других разрядов. Это может произойти лишь путем понижения цены, а именно путем понижения цены до такого

* — добавочное к предложению в 60 тонн, производимых I разрядом. *Ред.*

уровня, при котором *все* находят сбыт. Если это понижение цены так велико, что разрядам I, II и т. д. приходится продавать товар *ниже* цены издержек[88], то они, естественно, вынуждены будут изъять свой капитал из производства. Если же оказывается, что для того, чтобы привести продукт в соответствие с состоянием рынка, понижение цены не должно быть столь значительным, то весь капитал может и впредь продолжать работать в данной сфере производства при этой новой рыночной стоимости продукта.

Но, далее, ясно, что при этих условиях рыночную стоимость продукта определяют не худшие участки земли разрядов I и II, а лучшие участки разрядов III и IV, и что, следовательно, рента с *лучших участков* земли определяет ренту с менее плодородных участков, как это правильно понял для данного случая *Шторх*[89].

IV разряд продает по той цене, при которой он может протолкнуть на рынок весь свой продукт, устранив всякое противодействие, оказываемое другими разрядами. Цена эта составляет $1^{5}/_{6}$ ф. ст. Если бы IV разряд продавал по более высокой цене, то емкость рынка уменьшилась бы, и процесс взаимного вытеснения начался бы сызнова.

Разряд I определяет рыночную стоимость только при том предположении, что добавочное предложение других, более продуктивных разрядов составляет лишь то добавочное предложение, какое рынок поглощает по этой, определяемой продуктом I разряда, рыночной стоимости. Если добавочное предложение выходит за эти пределы, то I разряд играет совершенно пассивную роль и занимаемым им на рынке местом вызывает лишь соответствующую реакцию со стороны разрядов II, III, IV, пока цена не уменьшится настолько, что рынок окажется достаточно емким, чтобы поглотить весь произведенный продукт. Тогда оказывается, что при такой, определяемой фактически разрядом IV, рыночной стоимости, этот разряд сверх абсолютной ренты платит еще дифференциальную ренту в размере $49^{7}/_{12}$ ф. ст., III разряд сверх абсолютной ренты—еще дифференциальную ренту в размере $17^{1}/_{2}$ ф. ст., а II разряд не платит никакой дифференциальной ренты, а платит лишь часть абсолютной ренты, $9^{1}/_{6}$ ф. ст. вместо 10 ф. ст., т. е. не всю сумму абсолютной ренты. Почему? Потому, что новая рыночная стоимость в $1^{5}/_{6}$ ф. ст., хотя она и превышает цену издержек продукта II разряда, все же *ниже* его индивидуальной стоимости. Если бы она была *равна* его индивидуальной стоимости, то II разряд платил бы абсолютную ренту в 10 ф. ст., которая равна разности между индивидуальной стоимостью и ценой издержек. Но так как новая рыночная стоимость

стоит ниже индивидуальной стоимости продукта II разряда,— фактическая рента, которую он платит, равна разности между рыночной стоимостью и ценой издержек, а эта разность меньше разности между его индивидуальной стоимостью и его ценой издержек, — то он платит только часть своей абсолютной ренты, $9^1/_6$ ф. ст. вместо 10 ф. ст.

{*Фактическая рента* равна разности между рыночной стоимостью и [индивидуальной] ценой издержек.}

Абсолютная рента равна разности между индивидуальной стоимостью и ценой издержек.

Дифференциальная рента равна разности между рыночной стоимостью и индивидуальной стоимостью.

Фактическая, или *совокупная, рента* равна абсолютной ренте плюс дифференциальная рента; иначе говоря, она равна избытку рыночной стоимости над индивидуальной стоимостью плюс избыток индивидуальной стоимости над ценой издержек, т. е. она равна разности между рыночной стоимостью и ценой издержек.

Следовательно, если рыночная стоимость равна индивидуальной стоимости, то дифференциальная рента равна нулю, а совокупная рента равна разности между индивидуальной стоимостью и ценой издержек.

Если рыночная стоимость больше индивидуальной стоимости, то *дифференциальная рента* равна избытку рыночной стоимости над индивидуальной стоимостью, а совокупная рента равна этой дифференциальной ренте плюс абсолютная рента.

Если рыночная стоимость меньше индивидуальной стоимости, но больше цены издержек, то дифференциальная рента есть отрицательная величина; следовательно, совокупная рента равна абсолютной ренте плюс эта отрицательная дифференциальная рента, т. е. минус избыток индивидуальной стоимости над рыночной стоимостью.

Если рыночная стоимость равна цене издержек, то рента вообще равна нулю.

Чтобы представить все это в уравнениях, обозначим абсолютную ренту буквами А. р., дифференциальную ренту буквами Д. р., совокупную ренту буквами С. р., рыночную стоимость буквами Р. ст., индивидуальную стоимость буквами И. ст. и цену издержек буквами Ц. и. Тогда мы получим следующие уравнения:

[592] 1) А. р. = И. ст. — Ц. и. = + y

2) Д. р. = Р. ст. — И. ст. = x

3) С. р. = А. р. + Д. р. = Р. ст. — И. ст. + И. ст. — Ц. и. = $y + x$ = Р. ст. — Ц. и.

Если Р. ст. > И. ст., то Р. ст. — И. ст. = + *x*. Тогда Д. р. есть положительная величина, и С. р. = *y* + *x*.

И тогда Р. ст. — Ц. и. = *y* + *x*. Или: Р. ст. — *y* — *x* = Ц. и. Или: Р. ст. = *y* + *x* + Ц. и.

Если Р. ст. < И. ст., то Р. ст. — И. ст. = — *x*. Тогда Д. р. есть отрицательная величина, и С. р. = *y* — *x*.

И тогда Р. ст. — Ц. и. = *y* — *x*. Или: Р. ст. + *x* = И. ст. Или: Р. ст. + *x* — *y* = Ц. и. Или: Р. ст. = *y* — *x* + Ц. и.

Если Р. ст. = И. ст., то Д. р. =0; *x* = 0; ибо Р. ст. — И. ст. = 0.

Следовательно, в этом случае С. р. = А. р. + Д. Р. = А. р. + 0 = Р. ст. — И. ст. + И. ст. — Ц. и. = 0 + И. ст. — Ц. и. = И. ст. — Ц. и. = Р. ст. — Ц. и. = + *y*.

Если Р. ст. = Ц. и., то С. р. (или Р. ст. — Ц. и.) = 0.

При предположенных выше [в таблице *D*] условиях I разряд не платит никакой ренты. Почему? Потому, что абсолютная рента равна разности между индивидуальной стоимостью и ценой издержек, а дифференциальная рента равна разности между рыночной стоимостью и индивидуальной стоимостью; между тем как рыночная стоимость равна здесь цене издержек продукта I разряда. Индивидуальная стоимость в разряде I равна 2 ф. ст. за тонну; рыночная стоимость равна $1^5/_6$ ф. ст. Следовательно, дифференциальная рента в разряде I равна $1^5/_6$ ф. ст. минус 2 ф. ст., т. е. она равна — $^1/_6$ ф. ст. Абсолютная же рента в разряде I равна 2 ф. ст. минус $1^5/_6$ ф. ст., т. е. она равна разности между его индивидуальной стоимостью и его ценой издержек (+ $^1/_6$ ф. ст.). Стало быть, так как фактическая рента в разряде I равна абсолютной ренте (+ $^1/_6$ ф. ст.) плюс дифференциальная рента (—$^1/_6$ ф. ст.), то она равна нулю. Таким образом, продукт I разряда не оплачивает ни дифференциальной, ни абсолютной ренты, а оплачивает только цену издержек. Стоимость этого продукта равна 2 ф. ст., но продается он по $1^5/_6$ ф. ст., т. е. на $^1/_{12}$, или на $8^1/_3$%, *ниже* своей стоимости. Разряд I не может продавать дороже, потому что не он определяет рынок, а это делают, против него, разряды IV, III, II. Все, что может делать I разряд, это — доставлять добавочное предложение по цене в $1^5/_6$ ф. ст. за тонну.

Тот факт, что I разряд не платит ренты, объясняется тем, что рыночная стоимость равна его цене издержек.

Но этот факт является следствием:

Во-первых, относительного неплодородия разряда I. Он должен доставить 60 добавочных тонн по $1^5/_6$ ф. ст. Предположим, что вместо того чтобы на капитал в 100 ф. ст. давать только 60 тонн, он дает 64 тонны, на 1 тонну меньше, чем разряд II.

В таком случае достаточно вложить в этот разряд только $93^3/_4$ ф. ст. капитала, чтобы доставить 60 тонн. Индивидуальная стоимость тонны в I разряде составила бы тогда $1^7/_8$ ф. ст., или 1 ф. ст. $17^1/_2$ шилл., а ее цена издержек — 1 ф. ст. $14^3/_8$ шилл. А так как рыночная стоимость равна $1^5/_6$ ф. ст., или 1 ф. ст. $16^2/_3$ шилл., то разность между рыночной стоимостью и ценой издержек была бы равна $2^7/_{24}$ шилл. И это на 60 тонн составило бы [593] ренту в 6 ф. ст. $17^1/_2$ шилл.

Таким образом, если бы все условия остались неизменными и I разряд стал бы плодороднее на $^1/_{15}$ (ибо $^{60}/_{15} = 4$) сравнительно с теперешним его плодородием, то он еще платил бы часть абсолютной ренты, так как существовала бы разность между рыночной стоимостью и его ценой издержек, хотя и меньшая, чем разность между его индивидуальной стоимостью и его ценой издержек. Здесь, следовательно, самая худшая земля, если бы она была плодороднее, чем в предположенном нами случае, приносила бы еще ренту. Если бы I разряд был абсолютно плодороднее, чем он есть, то разряды II, III, IV были бы *относительно менее плодородны* в сравнении с ним. Разница между его и их индивидуальными стоимостями была бы меньше. Таким образом, то, что разряд I *не приносит никакой ренты,* обусловливается в одинаковой мере как тем обстоятельством, что он сам не является абсолютно более плодородным, так и тем, что разряды II, III, IV не являются *относительно менее плодородными.*

Но во-вторых: Пусть дана продуктивность I разряда, 60 тонн на 100 ф. ст. капитала. Если бы разряды II, III, IV, в особенности же IV, который появляется на рынке в качестве нового конкурента, были не только относительно, по сравнению с I, но и *абсолютно* менее плодородны, то I разряд мог бы приносить ренту, хотя эта последняя составляла бы лишь часть абсолютной ренты. В самом деле, так как рынок поглощает $292^1/_2$ тонны по $1^5/_6$ ф. ст., то меньшее количество тонн, например 280 тонн, он поглотил бы по более высокой рыночной стоимости, чем $1^5/_6$ ф. ст. Но всякая рыночная стоимость, превышающая $1^5/_6$ ф. ст., т. е. цену издержек I разряда, даст для I разряда ренту, равную рыночной стоимости минус цена издержек продукта I разряда.

Можно, следовательно, также сказать, что I разряд не дает ренты в результате абсолютного плодородия IV разряда, потому что, пока на рынке конкурентами были только II и III, он приносил ренту, и он продолжал бы приносить ренту, хотя и меньше прежней, даже несмотря на появление IV разряда, т. е. несмотря на добавочное предложение, если бы IV разряд при

затрате капитала в 100 ф. ст. производил не $92^1/_2$ тонны, а только 80 тонн.

В-третьих: Мы предположили, что абсолютная рента при затрате капитала в 100 ф. ст. составляет 10 ф. ст., т. е. 10% на капитал, или $^1/_{11}$ цены издержек, что, следовательно, в земледелии стоимость продукта, произведенного капиталом в 100 ф. ст., равна 120 ф. ст., из которых 10 ф. ст. составляют прибыль.

Не следует, однако, думать, что если мы говорим: «в земледелии затрачен капитал в 100 ф. ст.», и если один рабочий день равен 1 ф. ст., то и затрачивается в земледелии 100 рабочих дней. Вообще, если капитал в 100 ф. ст. равен 100 рабочим дням, то никогда [продукт этого капитала не сводится к 100 рабочим дням], в какой бы отрасли производства ни был затрачен этот капитал. Предположим, что 1 ф. ст. золотом равен одному двенадцатичасовому рабочему дню, и пусть это будет нормальный рабочий день. Первый вопрос, который тут возникает, состоит в следующем: какова норма эксплуатации труда? Т. е. сколько часов из 12 рабочий работает на себя, для воспроизводства (в качестве эквивалента) своей заработной платы, и сколько часов он работает на капиталиста *даром?* Как велико, следовательно, то рабочее время, которое капиталист *продает,* не *заплатив* за него, и которое поэтому образует источник прибавочной стоимости, источник увеличения капитала? Если эта норма равна 50%, то рабочий работает 8 часов на себя и 4 часа даром на капиталиста. Продукт равен 12 часам, или 1 ф. ст. (так как, согласно предположению, в 1 ф. ст. золотом содержатся 12 часов рабочего времени). Из этих 12 часов, равных 1 ф. ст., 8 часов возмещают капиталисту выплаченную рабочему заработную плату, а 4 часа образуют его, капиталиста, прибавочную стоимость. Таким образом, на заработную плату в $13^1/_3$ шилл. приходится прибавочная стоимость в $6^2/_3$ шилл. Или на затрату капитала в 1 ф. ст. приходится прибавочная стоимость в размере 10 шилл., а на 100 ф. ст. — в размере 50 ф. ст. В этом случае стоимость товара, произведенного при помощи капитала в 100 ф. ст., была бы равна 150 ф. ст. Прибыль капиталиста состоит вообще в продаже содержащегося в продукте неоплаченного труда. Из продажи того, что не оплачено, и проистекает нормальная прибыль.

[594] Второй же вопрос состоит в следующем: каково *органическое строение* капитала? Та часть стоимости капитала, которая состоит из машин и т. п. и сырья, *просто-напросто воспроизводится* в продукте, появляется вновь, остается неизменной. Эту составную часть капитала капиталист должен

оплачивать по ее *стоимости.* Она, следовательно, входит в продукт как данная, *предпосланная* стоимость. Только применяемый капиталистом труд, хотя он и входит *целиком* в стоимость продукта и целиком покупается капиталистом, оплачивается им всего лишь частично. Следовательно, при предположении вышеуказанной нормы эксплуатации труда, величина прибавочной стоимости для *равновеликих* капиталов будет зависеть от их органического строения. Если капитал *a* имеет строение 80*c* + 20*v*, то стоимость продукта равна 110, а прибыль составляет 10% (хотя неоплаченного труда содержится в продукте 50%). Если капитал *b* имеет строение 40*c* + 60*v*, то стоимость продукта равна 130, а прибыль составляет 30%, хотя в продукте опять-таки содержится только 50% неоплаченного труда. Если капитал *c* имеет строение 60*c* + 40*v*, то стоимость продукта равна 120, а прибыль составляет 20%, хотя здесь тоже неоплаченного труда содержится 50%. Мы имеем, следовательно, для этих трех капиталов, равных 300, совокупную прибыль, равную 10 + 30 + 20 = 60, что на 100 составляет в среднем 20%. И эту среднюю прибыль приносит каждый из указанных капиталов, если он продает произведенный им товар за 120 ф. ст. Капитал *a*, имеющий строение 80*c* + 20*v*, продает свой продукт на 10 ф. ст. *выше* его стоимости, капитал *b*, имеющий строение 40*c* + 60*v*, продает свой продукт на 10 ф. ст. *ниже* его стоимости, и капитал с, имеющий строение 60*c* + 40*v*, продает свой продукт *по* его стоимости. В общем итоге товары продаются по их стоимости, равной 120 + 120 + 120 = 360 ф. ст. И действительно, стоимость продуктов *a* + *b* + *c* = 110 + 130 + 120 = 360 ф. ст. Но цены продуктов отдельных капиталов стоят частью *выше,* частью *ниже,* частью *на уровне* их стоимости, в результате чего каждый из этих капиталов приносит прибыль в 20%. Видоизмененные таким способом стоимости товаров и суть их *цены издержек,* которые конкуренция постоянно делает центрами притяжения рыночных цен.

Для 100 ф. ст., вложенных в земледелие, мы предположим строение капитала 60*c* + 40*v* (что, впрочем, для *v,* быть может, еще слишком мало); тогда стоимость продукта равна 120. Но такая стоимость была бы равна [предположенной в предыдущем абзаце] *цене издержек* продуктов промышленности. Поэтому предположим для вышеприведенного примера, что средняя цена продукта, произведенного капиталом в 100 ф. ст., равна [не 120, а] 110 ф. ст. Мы скажем теперь: если земледельческий продукт продается по своей стоимости, то стоимость его на 10 ф. ст. *выше* его цены издержек. Он дает тогда ренту

в 10%, и мы считаем *нормальным* при капиталистическом производстве, что земледельческий продукт, в отличие от других продуктов, продается не по своей *цене издержек,* а по своей *стоимости.* Это — следствие *собственности на землю.* Строение совокупного капитала будет 80*c* + 20*v*, если средняя прибыль равна 10%. Мы предполагаем, что земледельческий капитал имеет строение 60*c* + 40*v*, т. е. предполагаем такое строение этого капитала, при котором на заработную плату — на непосредственный труд — затрачивается больше, чем в совокупной сумме капитала, применяемого в остальных отраслях производства. Это свидетельствует об *относительно более низком* развитии производительности труда в этой отрасли. Правда, в некоторых отраслях сельского хозяйства, например в скотоводстве, строение капитала может быть 90*c* + 10*v*, т. е. отношение *v:c* может быть меньше, чем в совокупном промышленном капитале. Но не эта отрасль определяет ренту, а собственно земледелие, и именно та его часть, которая производит главное *жизненное средство,* например пшеницу и т. п. Рента в других отраслях сельского хозяйства определяется не строением [595] вложенного в них самих капитала, а строением того капитала, который применяется в производстве главного жизненного средства. Само существование капиталистического производства предполагает, что главнейшим элементом жизненных средств является растительная пища, а не животная. Соотношение между рентами, существующими в различных отраслях сельского хозяйства, есть второстепенный вопрос, который нас здесь не интересует и который остается вне рассмотрения.

Итак, для того чтобы абсолютная рента составляла 10%, предположим, что общее среднее строение

неземледельческого капитала есть 80*c* + 20*v*,
земледельческого капитала.........,., 60*c* + 40*v*.

Теперь спрашивается, оказало ли бы влияние на предположенный в таблице *D* случай, где разряд I не дает никакой ренты, другое строение земледельческого капитала, например 50*c* + 50*v* или 70*c* + 30*v*? В первом случае стоимость продукта была бы равна 125 ф. ст.; во втором случае — 115 ф. ст. В первом случае разность, возникающая из различия между строением земледельческого капитала и строением не земледельческого капитала, была бы 15 ф. ст., а во втором — 5 ф. ст. Другими словами, разность между стоимостью земледельческого продукта и его ценой издержек была бы в первом случае на 50% выше, чем предположено нами, а во втором — на 50% ниже.

Если бы имел место первый случай, т. е. если бы стоимость продукта, произведенного капиталом в 100 ф. ст., была равна 125 ф. ст., то в таблице *A* стоимость тонны для I разряда была бы равна $2^{1}/_{12}$ ф. ст. И это было бы рыночной стоимостью для *A*, так как рыночную стоимость определяет здесь I разряд. Напротив, цена издержек для I *A* была бы по-прежнему $1^{5}/_{6}$ ф. ст. А так как, согласно предположению, $292^{1}/_{2}$ тонны [в таблице *D*] могут быть проданы только по $1^{5}/_{6}$ ф. ст., то рассматриваемое изменение в органическом строении земледельческого капитала не оказало бы никакого влияния на то обстоятельство, что разряд I *D* не дает никакой ренты; точно так же ничего в этом отношении не изменилось бы и в том случае, если бы земледельческий капитал имел строение 70*c* + 30*v*, другими словами, если бы разность между стоимостью земледельческого продукта и его ценой издержек составляла только 5 ф. ст., т. е. только половину того, что было предположено нами. Таким образом, если *цена издержек,* а значит, и среднее органическое строение неземледельческого капитала (80*c* + 20*v*) предполагаются неизменными, то для данного случая [для разряда I *D*] не имело бы значения, выше или ниже строение земледельческого капитала, хотя это различие имело бы значение для таблицы *A* и хотя оно [во всех таблицах] изменило бы абсолютную ренту на 50%.

Но предположим теперь обратное: земледельческий капитал по-прежнему имеет строение 60*c* + 40*v*, а строение неземледельческого капитала изменяется. Вместо 80*c* + 20*v* он имеет строение 70*c* + 30*v* или же 90*c* + 10*v*. В первом из двух последних случаев средняя прибыль будет 15 ф. ст., или на 50% выше, чем в ранее предположенном случае; во втором случае она будет 5 ф. ст., или на 50% ниже. В первом случае абсолютная рента составила бы 5 ф. ст. Это, следовательно, опять не дало бы разницы для I *D*. Во втором случае абсолютная рента равнялась бы 15 ф. ст. Это тоже не внесло бы никакого изменения в случай I *D.* Для случая I *D,* следовательно, все это является безразличным, хотя и сохраняет свое важное значение для таблиц *A, B, C* и *E,* т. е. для определения абсолютной величины абсолютной и дифференциальной ренты каждый раз, когда новый разряд — все равно, по восходящей или по нисходящей линии — доставляет по прежней рыночной стоимости лишь необходимое добавочное предложение.

* * *

Теперь возникает следующий вопрос:

Возможен ли практически этот *случай D?* И, прежде всего, есть ли это, как предполагает Рикардо, *нормальный* случай?

Нормальным этот случай может быть только при двух условиях:

Или когда земледельческий капитал имеет строение $80c + 20v$, т. е. такое же, как и среднее строение неземледельческого капитала, так что *стоимость* земледельческого продукта была бы равна *цене издержек неземледельческого продукта.* Пока что это статистически неверно. Предположение, что производительность труда в земледелии *относительно* ниже, во всяком случае больше соответствует действительности, чем предположение Рикардо о *прогрессирующем* абсолютном понижении производительности земледельческого труда.

[596] В главе 1-й («*О стоимости»*) Рикардо предполагает, что в золотых и серебряных рудниках имеет место среднее строение капитала (правда, он говорит здесь лишь об основном и оборотном капитале, но мы это «подправим»). При таком предположении на этих рудниках могла бы существовать всегда лишь дифференциальная рента, и никогда не существовало бы абсолютной ренты. А сама эта предпосылка основывается, в свою очередь, на другой предпосылке, что добавочное предложение, доставляемое более продуктивными рудниками, всегда больше того добавочного предложения, которое требуется при прежней рыночной стоимости. Но абсолютно не понятно, почему с таким же успехом не может иметь места обратное. Уже одно только наличие дифференциальной ренты доказывает, что возможно добавочное предложение без изменения *данной рыночной стоимости.* Ибо разряды IV или III или II не давали бы дифференциальных рент, если бы они не продавали свои продукты по рыночной стоимости продукта I разряда, как бы она ни определялась, следовательно — по такой рыночной стоимости, которая определяется *независимо* от абсолютной величины предложения этих разрядов.

Или же *случай D* всегда должен был бы быть нормальным, если бы предположенные в нем обстоятельства всегда были нормальны, т. е. если бы из-за конкуренции разрядов IV, III и II, в особенности IV, разряд I всегда вынужден был продавать свой продукт *ниже* его стоимости на всю сумму абсолютной ренты, продавать его по *цене издержек.* Само существование дифференциальной ренты в разрядах IV, III и II доказывает, что они продают свои продукты по рыночной стоимости, *превышающей* их индивидуальную стоимость. Если Рикардо полагает, что в отношении I разряда это не может иметь места, то только потому, что он *заранее предполагает* невозможность абсолютной ренты, а это последнее обусловлено у него тем, что он исходит из предпосылки о *тождестве стоимости и цены издержек.*

Возьмем *случай С,* где $292^1/_2$ тонны находят сбыт по рыночной стоимости в 1 ф. ст. $16^{12}/_{13}$ шилл. И будем исходить, как это делает Рикардо, из разряда IV. Пока рынок требует только $92^1/_2$ тонны, IV разряд продает тонну по 1 ф. ст. $5^{35}/_{37}$ шилл., т. е. он продает товар, произведенный с капиталом в 100 ф. ст., по его стоимости в 120 ф. ст., что дает абсолютную ренту в 10 ф. ст. Почему IV разряд должен продавать свой товар *ниже* его стоимости, по *цене издержек?* Пока на рынке имеется один только IV разряд, разряды III, II, I не могут создать ему конкуренцию. Даже *цена издержек* продукта III разряда *превышает* ту стоимость, которая дает IV разряду ренту в 10 ф. ст., и еще в большей степени превышает эту стоимость цена издержек в разрядах II и I. Поэтому разряды III, II и I не могли бы создать конкуренцию разряду IV, даже если бы они продавали свои тонны хотя бы только по цене издержек.

Предположим, что существует всего только один разряд, лучший или худший сорт земли IV или I, или III, или II, — это не имеет никакого значения для теории; предположим, что он существует как *элемент природы,* т. е. как элемент природы *по отношению к* той массе данного капитала и труда, которая вообще имеется в распоряжении и может быть поглощена в этой отрасли производства; так что существующий сорт земли не ставит никаких границ, а является относительно неограниченным полем деятельности для наличной массы труда и капитала; предположим, следовательно, что не существует дифференциальной ренты, ибо в обработке нет земель *различного* естественного плодородия. Итак, не существует никакой дифференциальной ренты (или же она здесь совершенно ничтожна). Предположим, далее, что не существует *никакой земельной собственности;* тогда ясно, что не существует абсолютной ренты. Следовательно, вообще не существует *никакой* ренты (потому что, согласно предположению, не существует и дифференциальной ренты). Это — тавтология. Ибо существование *абсолютной земельной ренты* не только предполагает собственность на землю, но это иесть *предположенная земельная собственность,* т. е. земельная собственность, обусловленная и видоизмененная действием капиталистического производства. Эта тавтология *ничего* не дает для решения вопроса, ибо образование абсолютной земельной ренты мы объясняем как раз тем *сопротивлением,* которое земельная собственность в земледелии оказывает капиталистическому выравниванию стоимостей товаров в средние цены. Если мы устраняем это действие земельной собственности, это сопротивление, специфическое сопротивление, на которое конкуренция капиталов наталкивается в этой сфере приложения,

то мы, конечно, устраняем самую предпосылку существования земельной ренты. К тому же здесь перед нами такое допущение, которое само себе противоречит (как это очень хорошо видит г-н Уэйкфилд в своей теории колонизации[90]): с одной стороны, развитое капиталистическое производство, а с другой — отсутствие собственности на землю. Откуда могли бы в таком случае появиться наемные рабочие?

Нечто *приближающееся* к такому положению вещей имеет место в колониях, даже если *юридически* собственность на землю и существует, — поскольку правительство раздает земельные участки даром, как это первоначально происходило при колонизации заморских стран из Англии, — и даже если [597] правительство фактически насаждает земельную собственность, продавая землю, но за бесценок, как в Соединенных Штатах (1 доллар или что-то в этом роде за акр).

Здесь следует различать два типа колоний.

Во-первых, речь идет о колониях в собственном смысле, как, например, о колониях в Соединенных Штатах, в Австралии и т. д. Здесь основная масса занимающихся земледелием колонистов, хотя они и привозят с собой из метрополии более или менее значительный капитал, не является *капиталистическим классом,* и их производство не является *капиталистическим* производством. Это — крестьяне, которые в большей или меньшей степени работают сами и которые стремятся главным образом к тому, чтобы обеспечить *свое собственное содержание,* производить для себя средства существования. Поэтому их главный продукт не становится *товаром* и не предназначается для торговли. Избыток своих продуктов над тем, что они потребляют сами, они продают, обменивают на ввозимые в колонию промышленные товары и т. п. Другая, меньшая часть колонистов на берегу моря, у судоходных рек и т. п. образует торговые города. Здесь тоже еще не может быть речи о капиталистическом производстве. Но даже когда это последнее постепенно начинает развиваться, так что для фермера, который сам работает на земле и является ее владельцем, начинает играть решающую роль продажа им своих продуктов и выручка, получаемая от этой продажи, — даже и при таком положении вещей оказывается, что, пока земля противостоит еще капиталу и труду в первобытном изобилии, пока она, следовательно, остается практически неограниченным полем деятельности, до тех пор продолжает существовать также и первая форма колонизации, и поэтому производство *никогда* не регулируется сообразно потребностям рынка — применительно к той или иной данной рыночной стоимости. Все, что колонисты первого

рода производят *сверх* того, что потребляется непосредственно ими самими, они выбрасывают на рынок и продают по любой цене, лишь бы она давала им больше, чем заработную плату. Они являются и на долгое время еще остаются конкурентами тех фермеров, которые уже производят свои продукты на более или менее капиталистический лад, и в результате этого они постоянно держат рыночную цену земледельческого продукта на уровне *ниже* его стоимости. Поэтому фермер, обрабатывающий землю худшего сорта, будет очень доволен, если он получит среднюю прибыль, а при продаже своей фермы — если он возместит себе вложенный им капитал, что в огромном количестве случаев не имеет места. Здесь, следовательно, совместно действуют два существенных обстоятельства: во-первых, капиталистическое производство еще не господствует в земледелии; во-вторых, земельная собственность, хотя она и существует юридически, в действительности проявляет себя еще только спорадически; это в собственном смысле еще только владение землей. Другими словами, хотя земельная собственность юридически существует, она еще не способна — вследствие *первобытного* отношения земли к труду и капиталу — оказывать сопротивление капиталу, не в состоянии превратить земледелие в такое поле деятельности, которое, в отличие от не земледельческих отраслей производства, оказывает специфическое сопротивление *вложению капитала.*

В колониях второго типа — плантациях, — которые с самого же начала рассчитаны на торговлю, на производство для мирового рынка, — существует капиталистическое производство, хотя только формально, так как рабство негров исключает свободный наемный труд, т. е. самую основу капиталистического производства. Но здесь перед нами *капиталисты,* строящие свое хозяйство на рабском труде негров. Способ производства, вводимый ими, не возник из рабства, а прививается ему. В этом случае капиталист и земельный собственник — одно лицо. И существование земли как *элемента природы* в его отношении к капиталу и труду не оказывает никакого сопротивления вложению капитала, а следовательно и конкуренции капиталов. Не создается здесь и отличного от земельных собственников класса арендаторов. Пока сохраняется такое положение вещей, ничто не мешает тому, чтобы цена издержек регулировала рыночную стоимость.

Все эти предпосылки не имеют ничего общего с теми предпосылками, при которых существует *абсолютная земельная рента,* а именно с развитым капиталистическим производством на одной стороне, а на другой — с земельной собственностью, которая

не только юридически существует, но и фактически оказывает сопротивление капиталу, защищает это поле деятельности от вторжений капитала и предоставляет последнему место только на известных условиях.

При наличии этих предпосылок абсолютная земельная рента будет существовать даже и в том случае, если обрабатывается только разряд IV или III, или II, или I. Капитал может захватить себе новое место в единственно существующем разряде земли только тогда, когда он уплачивает земельную ренту, т. е. продает земледельческий продукт по его *стоимости.* И только при наличии указанных предпосылок можно сравнивать и различать капитал, вложенный в земледелие (т. е. в некоторый природный элемент как таковой, в первичную отрасль производства), и капитал, вложенный в неземледельческое производство.

А следующий вопрос таков:

В том случае, когда исходной точкой берут разряд I, ясно, что если разряды II, III, IV доставляют только такое добавочное предложение, которое возможно при прежней рыночной стоимости, то они продают свои продукты по рыночной стоимости, определяемой разрядом I; они, следовательно, кроме абсолютной ренты, будут давать еще и дифференциальную ренту в соответствии с их относительным плодородием. Напротив, когда исходной точкой берут разряд IV, то здесь, по-видимому, [598] возможны некоторые возражения.

Мы видели, что [в таблицах *B* и *C*] разряд II получает абсолютную ренту, если он продает свой продукт по его стоимости, т. е. по $1^{11}/_{13}$ ф. ст., или по 1 ф. ст. $16^{12}/_{13}$ шилл.

В таблице *D цена издержек* в разряде III, ближайшем следующем разряде (по нисходящей линии), — выше, чем *стоимость* продукта IV разряда, дающая ренту в размере 10 ф. ст. Поэтому здесь не может быть речи о конкуренции, или предложении по более низкой цене, — даже если бы III разряд продавал свой продукт по его цене издержек. Но если разряд IV уже не удовлетворяет всего спроса, если рынок требует больше, чем $92^{1}/_{2}$ тонны, то цена продукта повысится. В вышеприведенном случае она должна была бы повыситься уже на $3^{43}/_{111}$ шилл. с тонны, прежде чем III разряд мог бы выступить в качестве конкурента, продающего свой продукт хотя бы по его *цене издержек.* Спрашивается, выступит ли он в качестве такого конкурента? Этот случай мы сейчас представим в ином виде. Спросу не надо было бы увеличиваться обязательно на 75 тони для того, чтобы цена продукта IV разряда возросла до 1 ф. ст. 12 шилл., т. е. до индивидуальной стоимости продукта III раз-

ряда; и меньше всего это является обязательным для *господствующего земледельческого продукта,* недостаточное предложение которого вызывает гораздо большее повышение *цены,* чем это соответствует *арифметическому* отставанию предложения. Но если бы цена продукта IV разряда повысилась до 1 ф. ст. 12 шилл., то продукт III разряда при этой рыночной стоимости, равной его индивидуальной стоимости, приносил бы абсолютную ренту, а IV разряд — дифференциальную ренту. Вообще, если имеется добавочный спрос, то III разряд может продавать свой продукт по его индивидуальной стоимости, так как этот именно разряд определяет тогда рыночную стоимость, и при такой ситуации не существовало бы никаких оснований, которые могли бы заставить *земельного собственника* отказаться от ренты.

Но предположим, что рыночная цена продукта IV разряда поднимается только до 1 ф. ст. $9\frac{1}{3}$ шилл., т. е. до *целы издержек* продукта III разряда. Или — для того чтобы сделать этот случай еще более разительным — пусть цена издержек продукта III разряда составит только 1 ф. ст. 5 шилл., т. е. пусть она будет только на $1\frac{8}{37}$ шилл. выше *цены издержек* продукта IV разряда. Выше этой последней она должна быть, так как плодородие земель III разряда ниже, чем плодородие земель IV разряда. Может ли теперь III разряд быть введен в обработку и начать конкурировать с IV разрядом, который продает свой продукт выше цены издержек продукта III разряда, а именно по 1 ф. ст. $5\frac{35}{37}$ шилл.? Это зависит от того, имеет ли здесь место добавочный спрос или нет. Если имеет место добавочный спрос, то рыночная цена продукта IV разряда поднимается выше его стоимости, т. е. выше 1 ф. ст. $5\frac{35}{37}$ шилл. И тогда III разряд при всех условиях стал бы продавать свой продукт *выше* его цены издержек, хотя и не настолько выше, чтобы можно было получить всю сумму его абсолютной ренты.

Или же добавочный спрос *не* имеет места. Здесь опять возможны два случая. Конкуренция земель III разряда могла бы выступить на сцену лишь при том условии, что фермер, обрабатывающий землю III разряда, был бы вместе с тем и *собственником* этой земли: такому фермеру, как капиталисту, земельная собственность не ставила бы препятствий, не оказывала бы сопротивления, так как он распоряжается ею не как капиталист, а как земельный собственник. Его конкуренция заставила бы разряд IV продавать свой продукт ниже прежней цены, т. е. ниже 1 ф. ст. $5\frac{35}{37}$ шилл., и даже ниже цены издержек продукта III разряда, составляющей 1 ф. ст. 5 шилл. Тем самым III разряд был бы сбит с позиции. И IV разряд всегда был бы в состоянии

сбить с позиции III разряд: для этого ему достаточно было бы понизить цену до своей собственной цены издержек, которая ниже, чем у III разряда. Но если бы вследствие *понижения цены,* вызванного появлением на рынке продуктов III разряда, емкость рынка увеличилась, то что произошло бы тогда? Либо рынок расширился бы настолько, что IV разряд мог бы, как и прежде, сбыть свои $92^1/_2$ тонны, несмотря на появление новых 75 тонн, либо же рынок расширился бы не в такой степени, так что часть продукта IV и III разрядов оказалась бы излишней. В этом случае IV разряд, господствуя на рынке, снижал бы цену до тех пор, пока капитал в III разряде не был бы введен в надлежащие рамки, т. е. пока в III разряд не было бы вложено лишь столько капитала, сколько как раз достаточно для того, чтобы был поглощен весь продукт IV разряда. Но по цене 1 ф. ст. 5 шилл. можно было бы продать весь продукт, и так как III разряд часть этого продукта продал бы по этой цело, то и IV разряд не мог бы продавать дороже. Это был бы, однако, единственно возможный случай такого временного перепроизводства, которое, не будучи вызвано добавочным спросом, ведет к увеличению емкости рынка. И этот случай возможен лишь тогда, когда капиталист и земельный собственник в III разряде соединены в одном лице, — следовательно, когда опять-таки предполагается, что земельная собственность не существует как сила, противостоящая капиталу, ибо капиталист сам является земельным собственником и жертвует интересами земельного собственника ради интересов капиталиста. Если же в III разряде земельная собственность противостоит капиталу как таковая, то нет никаких оснований для того, чтобы земельный собственник предоставил свои акры для обработки, не получая за это ренту, т. е. чтобы он предоставил их для обработки до того, как цена продукта IV разряда поднимется по крайней мере *выше* цены издержек продукта III разряда. Если это повышение лишь [599] незначительно, то во всякой стране с капиталистическим производством земли III разряда останутся изъятыми из сферы деятельности капитала, за исключением того случая, когда это такие земли, которые ни в какой другой форме не могут давать ренту. Но они никогда не поступят в обработку прежде, чем начнут давать ренту, прежде, чем цена продукта IV разряда поднимется *выше* цены издержек продукта III разряда и, значит, IV разряд начнет давать, кроме своей прежней ренты, еще и дифференциальную ренту. При дальнейшем росте спроса цена продукта III разряда поднялась бы до уровня его стоимости, так как *цена издержек* продукта II разряда *превышает* индивидуальную стоимость продукта III раз-

ряда. Земли II разряда стали бы возделываться, как только цена продукта III разряда превысила бы 1 ф. ст. $13^{11}/_{13}$ шилл., т. е. как только она начала бы давать какую-нибудь ренту для II разряда.

Но вот в таблице *D* предположено, что I разряд *не* дает *никакой* ренты. Однако этот разряд не дает ренты только потому, что он, представляя собой, согласно предположению, уже находящуюся в обработке землю, вынужден из-за изменения рыночной стоимости, вызванного появлением разряда IV, продавать свой продукт *ниже* его стоимости, по его *цене издержек*. Сельскохозяйственная эксплуатация такой земли будет продолжаться только тогда, когда земельный собственник сам является фермером и, следовательно, в этом *индивидуальном случае* земельная собственность *исчезает* по отношению к капиталу; или же тогда, когда эксплуатирующий землю фермер является мелким капиталистом, довольствующимся менее чем 10% прибыли, или таким рабочим, который хочет выручить несколько больше своей заработной платы или же только последнюю и который свой прибавочный труд, равный 10 ф. ст. или меньше (например, 9 ф. ст.), отдает не капиталисту, а земельному собственнику. Хотя в обоих последних случаях земельному собственнику уплачивается арендная плата, но, говоря экономически, это — не рента, а у нас ведь речь идет только о ренте. В одном случае фермер — просто сельскохозяйственный рабочий, а в другом — нечто среднее между сельскохозяйственным рабочим и капиталистом.

Нет ничего более нелепого, чем утверждение, будто земельный собственник не может так же легко *изъять* с рынка свои ,акры земли, как капиталист свой капитал из какой-либо отрасли производства. Лучшим опровержением этого взгляда служат: большое количество плодородной земли, остающейся без обработки в самых развитых странах Европы, как, например, в Англии; земля, изымаемая из земледелия и отводимая под постройку железных дорог или домов, либо же резервируемая для этих целей; земля, предназначаемая земельным собственником для стрельбищ или охоты, как, например, в горной Шотландии, и т. д. Лучшим опровержением служит также безуспешная борьба английских рабочих за получение в свои руки необрабатываемых земель.

Необходимо отметить следующее: во всех тех случаях, когда сумма абсолютной ренты падает ниже своей нормальной величины либо в результате того, что рыночная стоимость стоит ниже индивидуальной стоимости продукта данного разряда (как это имеет место во II *D),* либо в результате того, что

некоторую часть капитала, вследствие конкуренции лучшей земли, приходится изымать из худшей земли (как это имеет место во II *B*), а также в тех случаях, когда рента целиком отпадает (как это имеет место в I *D*), — во всех этих случаях предполагается,

1) что там, где рента отпадает целиком, земельный собственник и капиталист — *одно и то же* лицо, т. е. что здесь в индивидуальном масштабе и в виде исключения исчезает то сопротивление, которое земельная собственность оказывает капиталу, и то ограничение поля деятельности, которому капитал подвергается со стороны земельной собственности. Здесь мы имеем тот же случай, что и в колониях, только в индивидуальном масштабе: отпадает предпосылка земельной собственности;

2) что конкуренция более плодородных земель или также конкуренция менее плодородных земель (при нисходящей линии) создает перепроизводство и насильственно увеличивает емкость рынка, создает добавочный спрос посредством насильственного снижения цены. Но здесь мы полностью имеем как раз тот случай, которого не предполагает Рикардо, ибо в своих рассуждениях он всегда исходит из предпосылки, что удовлетворяется лишь необходимый добавочный спрос;

3) что разряды II и I в таблицах *B, C* и *D* совсем не дают ренты или же дают не всю сумму абсолютной ренты, так как конкуренция более плодородных земель заставляет их продавать свой продукт *ниже* его стоимости [или, как в случае II *B*, изымать часть капитала из производства]. Рикардо, наоборот, предполагает, что они продают продукт по *его стоимости* и что рыночную стоимость определяет всегда *наихудшая земля,* тогда как именно в случае I *D*, который он считает нормальным, имеет место прямо противоположное. Кроме того, его рассуждения всегда исходят из предпосылки нисходящей линии производства.

Когда среднее строение не земледельческого капитала составляет 80*c* + 20*v*, а норма прибавочной стоимости равна 50%, то *абсолютной земельной ренты* не было бы, если бы строение земледельческого капитала равнялось 90*c* + 10*v*, т. е. если бы оно стояло выше строения промышленного капитала, что [600] для капиталистического производства исторически неверно; если земледельческий капитал имеет строение 80*c* + 20*v,* чего до сих пор никогда еще не бывало, то абсолютной ренты тоже *не будет;* если строение земледельческого капитала ниже, чем строение промышленного капитала, например если оно равно 60*c* + 40*v*, то будет получаться *абсолютная земельная рента.*

Если исходить из этой теории, то могут иметь место следующие случаи в зависимости от плодородия различных разрядов в *их* отношении к рынку, т. е. в зависимости от того, в какой мере тот или другой разряд господствует на рынке:

A) Последний разряд платит абсолютную ренту. Он определяет рыночную стоимость потому, что все разряды *доставляют по этой рыночной стоимости лишь необходимое предложение;*

B) Рыночную стоимость определяет последний разряд; он платит абсолютную ренту, всю ее норму, но не всю ее прежнюю сумму, потому что конкуренция III и IV разрядов вынуждает его изъять часть капитала из производства;

C) Избыточное предложение, доставляемое разрядами I, II, III и IV *по прежней рыночной стоимости,* вызывает с необходимостью падение последней, а понизившаяся рыночная стоимость, регулируемая высшими разрядами, вызывает увеличение емкости рынка. 1 разряд платит лишь часть абсолютной ренты, II — *только* абсолютную ренту;

D) То же самое регулирование *рыночной стоимости* лучшими разрядами, или господство лучших разрядов над худшими посредством избыточного предложения, полностью уничтожает ренту в 1 разряде, а во II разряде опускает ее ниже уровня абсолютной ренты; и, наконец,

E) Лучшие разряды, вызывая падение рыночной стоимости ниже цены издержек продукта I разряда, вытесняют с рынка I разряд. Теперь рыночную стоимость регулирует II разряд, потому что *при этой новой рыночной стоимости* все три разряда доставляют лишь необходимое предложение. [600]

[600] Теперь вернемся к Рикардо.

* * *

Само собой разумеется, что когда мы говорим о строении земледельческого капитала, то сюда не входит стоимость земли, или цена ее. Последняя есть не что иное, как капитализированная земельная рента.

[ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ]
ТЕОРИЯ РЕНТЫ РИКАРДО [ОКОНЧАНИЕ]

[1) РИКАРДОВСКАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ОТСУТСТВИЯ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ. ПЕРЕХОД К НОВЫМ ЗЕМЕЛЬНЫМ УЧАСТКАМ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИХ МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ И ПЛОДОРОДИЯ]

Вернемся к *Рикардо, к главе 2-й («О ренте»).* Сперва мы встречаем у него ту самую «теорию колонизации», которая фигурирует уже у Смита*. Здесь достаточно будет вкратце отметить лишь логическую связь всего этого хода мыслей.

«При первом заселении страны, где имеется в изобилии богатая и плодородная земля, лишь незначительную долю которой нужно обрабатывать для прокормления наличного населения или действительно можно обработать при капитале, имеющемся у этого населения, — ренты не существует. Ведь никто не станет платить за пользование землей, раз есть налицо большое количество еще не обращенной в собственность земли, которою поэтому» (так как она не обращена в собственность, что Рикардо потом совершенно забывает) «может располагать всякий, кто захочет, обрабатывать ее» (стр. 55) [Русский перевод, том I, стр. 66].

{Здесь, следовательно, предполагается отсутствие земельной собственности. Хотя эта трактовка процесса *приблизительно* верна для колоний современных народов, однако она, во-первых, неприложима к развитому капиталистическому производству, а во-вторых, было бы ошибкой представлять себе это как *исторический* ход развития в старой Европе.}

«В силу общих законов предложения и спроса, *за такую землю не может уплачиваться рента* по той вышеуказанной причине, по какой ничего не платят за пользование воздухом, водой или каким-либо другим даром природы, существующим в *неограниченном количестве...* Никакой платы не взимается за пользование этими [601] силами природы потому, что они неисчерпаемы и располагать ими может каждый человек... Если бы вся земля обладала *одинаковыми* свойствами, если бы она имелась *в неограниченном количестве* и была *однородна по качеству,* то за пользование ею

* См. настоящий том, часть II, стр. 246—-247 и 258—259. *Ред.*

нельзя было бы взимать плату» (так как ее вообще *нельзя* было бы превратить *в частную собственность)* «за исключением тех случаев, когда она отличается *особенно выгодным местоположением»* (и — должен был бы добавить Рикардо — когда она находится в распоряжении собственника). «Следовательно, *рента за пользование землей уплачивается* всегда только потому, что *количество* земли *не* является *неограниченным,* а качество ее не является одинаковым, с ростом же населения в обработку поступает земля *худшего качества* или *менее благоприятно расположенная.* Когда с развитием общества в обработку поступает земля второго разряда по плодородию, *на земле лучшего качества немедленно возникает рента,* и величина *этой ренты будет зависеть от различия в качестве этих двух участков земли»* (стр. 56—57) [Русский перевод, том I, стр. 66—671.

Именно на этом нам следует остановиться. Логическая связь здесь такова:

Если земля, — и это *предполагает* Рикардо, говоря о *первом заселении страны* (теория колонизации *Смита),* — если богатая и плодородная земля существует по отношению к наличному населению и капиталу так, как существует всякий *элемент природы,* практически — в неограниченном количестве; если, далее, «большое количество» этой земли *«еще не обращено в собственность»* и *поэтому,* так как она *«еще не обращена в собственность», «ею может располагать всякий, кто захочет обрабатывать ее»,* — то в этом случае, естественно, ничего не платят за пользование землей, и никакой ренты не существует. Если бы земля представляла собой неограниченный элемент не только по отношению к капиталу и к населению, но и *фактически,* т. е. была бы «неограниченна», как воздух и вода, была бы «в наличности в неограниченном количестве», то тогда присвоение земли одним лицом не могло бы на деле нисколько исключать присвоения земли другим лицом. Тогда не могло бы существовать никакой частной собственности на землю (и не только частной, но и «общественной» и государственной собственности не могло бы быть). В этом случае, если бы к тому же вся земля была повсюду *одинакового* качества, за землю не могла бы быть взимаема никакая рента. Самое большее, платили бы ренту владельцу такой земли, которая «отличается особенно выгодным местоположением».

Если, следовательно, при условиях, предполагаемых у Рикардо, — а именно, когда земля *«не обращена в собственность»* и *«поэтому»* невозделанной землей «может располагать всякий, кто захочет обрабатывать ее», — уплачивается рента, то это возможно лишь потому, что «земля не является неограниченной по количеству и однородной по качеству», т. е. потому, что существуют различные сорта земли и один и тот же сорт земли имеется «в ограниченном количестве». Мы говорим, что тогда, при предпосылках Рикардо, может уплачиваться только

дифференциальная рента. Но вместо того чтобы иметь в виду это ограничение, Рикардо сразу перескакивает к выводу, что — независимо от его предпосылки об *отсутствии земельной собственности* — за пользование землей никогда не уплачивается абсолютная рента, а уплачивается лишь дифференциальная рента.

Вся соль вопроса состоит в следующем: если бы земля по отношению к капиталу существовала так, как всякий *элемент природы,* то капитал в области сельского хозяйства действовал бы *совершенно также*, как и во всякой другой отрасли производства. Тогда не было бы никакой *земельной собственности* и никакой ренты. Самое большее, могли бы существовать, если одна часть земли плодороднее другой, сверхприбыли, как в промышленности. В земледелии они фиксируются в виде дифференциальной ренты благодаря той природной основе, которой для них являются различия в степени плодородия почвы.

Наоборот, если земля 1) ограниченна, 2) захвачена в собственность; если капитал встречает, в виде условия своего возникновения, *собственность на землю* — именно так обстоит дело в странах, где развивается капиталистическое производство; а в таких странах, где раньше не было налицо этого условия (как оно было налицо в старой Европе), капиталистическое производство само создает для себя эти условия (примером могут служить Соединенные Штаты), — то тогда земля уже с самого начала не представляет собою элементарно доступного капиталу поприща деятельности. Поэтому существует земельная рента независимо от дифференциальной ренты. Но тогда и переходы от одного разряда земли к другим, будь это по восходящей линии (I, II, III, IV) или по нисходящей линии (IV, III, II, I), совершаются иначе, чем это имеет место при *рикардовской предпосылке.* Ибо применение капитала наталкивается на сопротивление земельной собственности как в I разряде, так и во II, в III и в IV, и точно так же при обратном переходе от IV разряда к III и т. д. При переходе от IV разряда к III и т. д. недостаточно, чтобы цена продукта IV разряда поднялась настолько, чтобы в III разряде капитал мог быть применен со средней прибылью: она должна подняться настолько, чтобы на землях III разряда могла уплачиваться рента. Если совершается переход от I разряда ко II и т. д., то уже само собой разумеется, что цена, дававшая ренту для I разряда, дает для II разряда не только эту ренту, но, кроме того, еще и дифференциальную ренту. Своей предпосылкой об *отсутствии земельной собственности* Рикардо, конечно, не устранил наличия того закона, который обусловлен *существованием земельной собственности* и неразрывно *с ним* связан.

Показав, каким образом *при его предпосылке* могла бы возникнуть дифференциальная рента, Рикардо продолжает:

«Когда в обработку поступает земля третьего по качеству сорта, на земле второго сорта тотчас же возникает рента, и эта рента, как и прежде, определяется различием в их производительной силе. В то же время рента с земли первого сорта повысится, потому что она всегда должна быть выше ренты с земли второго сорта на всю разницу в продукте, который они доставляют при затрате данного количества капитала и труда. С каждым *дальнейшим приростом населения, который заставит страну прибегать к земле худшего качества»*

(но это отнюдь не означает, что каждый дальнейший прирост населения будет заставлять страну прибегать к обработке земли худшего качества),

«чтобы быть в состоянии добывать необходимое количество [602] пищи, — рента со всех более плодородных земель будет повышаться» (стр. 57) [Русский перевод, том I, стр. 67].

Это — совершенно верно.

Рикардо переходит затем к примеру. Но этот пример, — отвлекаясь от того, о чем надлежит сказать позже, — предполагает *нисходящую линию.* Однако это — не более чем *предположение.* Чтобы незаметно протащить это, Рикардо говорит о

«первом заселении страны, где имеется *в изобилии богатая и плодородная* земля, *еще не обращенная в собственность»* (стр. 55) [Русский перевод, том I, стр. 66].

Но получилось бы то же самое, если бы там имелась «в изобилии», по отношению к числу колонистов, «бедная и неплодородная земля, еще не обращенная в собственность». Не богатство или плодородие земли являются предпосылкой того, что не уплачивается *никаких рент,* а то обстоятельство, что земля имеется в неограниченном количестве, не обращена в собственность и однородна по качеству, каково бы ни было *это* качество в отношении степени ее плодородия. Поэтому Рикардо сам так формулирует в дальнейшем изложении свою *предпосылку:*

«Если бы *вся земля* обладала *одинаковыми* свойствами, если бы она имелась *в неограниченном количестве* и была *однородна по качеству,* то за пользование ею нельзя было бы взимать плату» (стр. 56) [Русский перевод, том I, стр. 67].

Рикардо не говорит и не может сказать: если бы земля *«была богата и плодородная,* потому что такого рода условие не имело бы *абсолютно никакого отношения* к этому закону. Если бы земля, вместо того чтобы быть богатой и плодородной, была бедна и неплодородна, то каждому из колонистов пришлось бы обрабатывать большую долю всей земли, и в результате

этого они, с возрастанием населения, даже при отсутствии собственности на землю быстрее приблизились бы к тому моменту, когда наступил бы конец практическому изобилию земли, ее фактической неограниченности по отношению к населению и капиталу.

Правда, не подлежит никакому сомнению, что колонисты, конечно, будут выбирать не наименее, а наиболее плодородную землю, а именно — самую плодородную при тех средствах обработки, какие имеются в их распоряжении. Но это — не единственное ограничивающее условие для их выбора. Что для них в первую очередь имеет решающее значение, так это — *местоположение,* расположение у моря, у больших рек и т. д. Земля в Западной Америке и т. д. могла быть как угодно плодородна, но поселенцы, естественно, оседали в Новой Англии, Пенсильвании, Северной Каролине, Виргинии и т. д., короче говоря — на восточном побережье Атлантического океана. И если они выбирали себе самую плодородную землю, то они выбирали лишь *самую плодородную землю в этом районе.* Это не помешало им перейти позднее к обработке *более плодородной* земли на Западе, как только рост населения, образование капиталов, развитие средств сообщения, возникновение городов сделали для них доступной *более плодородную землю* в этом *более отдаленном* районе. Они ищут не *самый плодородный район,* а *лучше всего расположенный район,* в пределах же этого последнего, естественно, — при прочих *равных* условиях местоположения — ту землю, которая является *наиболее плодородной.* Но это доказывает, конечно, не то, что от более плодородного района переходят к менее плодородному району, а только то, что в *одном и том же* районе — при одинаковом местоположении — более плодородная земля, естественно, раньше поступает в обработку, чем менее плодородная.

Между тем Рикардо, — после того как он формулировку «изобилие богатой и плодородной земли» правильно заменил *улучшенной* формулировкой: земля, обладающая *«одинаковыми* свойствами, неограниченная по количеству и однородная по качеству», — переходит к своему примеру, а затем делает скачок назад к своей первоначальной ошибочной предпосылке:

«Наиболее плодородная и наиболее благоприятно расположенная земля поступит в обработку *первой...»* (стр. 60) [Русский перевод, том I, стр. 69].

Рикардо чувствует шаткость и ошибочность этого утверждения и потому к словам «наиболее плодородная земля» добавляет еще *новое* условие — «и наиболее благоприятно расположенная», которое в исходном пункте его рассуждения отсут-

ствовало. Между тем он должен был бы, очевидно, сказать: «наиболее плодородная земля *в пределах* наиболее благоприятно расположенного района»; ведь нелепость не может же доходить до того, чтобы часть страны, случайно наиболее благоприятно расположенную для новоселов, так как она дает им возможность поддерживать связь с метрополией, со своими прежними земляками и внешним миром, — чтобы эту часть считать «наиболее плодородной областью» во всей стране, которая еще не исследована колонистами и не может быть сразу исследована ими.

Итак, предположение о нисходящей линии, о переходе от более плодородного района к менее плодородному введено у Рикардо совершенно неправомерно. Можно сказать только следующее: в районе, первым поступившем в обработку, потому что он расположен наиболее благоприятно, *не платят никакой ренты* до тех пор, пока *в пределах* этого района не перейдут от более плодородной земли к менее плодородной. Если же теперь переходят в другой район, *более плодородный,* чем первый, то он, согласно предположению, *расположен менее благоприятно.* Возможно поэтому, что большее плодородие земли этого района более чем уравновешивается невыгодами его местоположения; и в этом случае земля I района будет продолжать платить ренту. Но так как «местоположение» является таким обстоятельством, которое исторически изменяется вместе с экономическим развитием, и так как оно непрерывно *должно улучшаться* с проведением путей сообщения, с возникновением новых городов, с ростом населения и т. д., то ясно, что продукт, произведенный во II районе, постепенно начинает доставляться на рынок по такой цене, которая должна, наоборот, понизить ренту (с того же самого продукта) в I районе, и что II район постепенно начинает выступать как более плодородная земля, по мере того как исчезают невыгоды его местоположения.

[603] Поэтому ясно,

что там, где Рикардо сам дает правильную и общую формулировку условия, необходимого для возникновения дифференциальной ренты («будь вся земля... *одинакового свойства... неограниченной по количеству... однородной по качеству»),* — эта формулировка *не* включает в себя того обстоятельства, что переход совершается от более плодородной земли к менее плодородной;

что это и исторически неверно для колонизации Соединенных Штатов, которую вместе с А. Смитом имеет в виду Рикардо (правомерные в данном пункте возражения Кэри как раз и вызваны этим);

что Рикардо сам снова опрокидывает свое построение добавлением насчет «местоположения» («наиболее плодородная и *наиболее благоприятно расположенная* земля поступит в обработку первой»);

что Рикардо свою *произвольную* предпосылку *доказывает* при помощи такого *примера,* в котором *предполагается данным* то, что подлежит доказательству, а именно — переход от лучшей земли ко все худшей и худшей; наконец,

что Рикардо {несомненно, уже с намерением использовать это для объяснения тенденции общей нормы прибыли к понижению} предполагает это потому, что иначе он не может объяснить себе *дифференциальную ренту,* хотя она совершенно не зависит от того, переходят ли от I ко II, III, IV или от IV к III, II, I.

[2) РИКАРДОВСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ О НЕВОЗМОЖНОСТИ ВЛИЯНИЯ РЕНТЫ НА ЦЕНУ ХЛЕБА. АБСОЛЮТНАЯ РЕНТА КАК ПРИЧИНА ПОВЫШЕНИЯ ЦЕНЫ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ПРОДУКТА]

В рикардовском примере предположены три сорта земли, .№.№ 1, 2, 3, которые при одинаковом вложении капитала дают 100, 90, 80 квартеров зерна «чистого продукта». № 1 поступает в обработку первым

«в новой стране, где плодородная земля имеется в изобилии сравнительно с населением и где поэтому необходимо возделывать только № I» (стр. 57) [Русский перевод, том I, стр. 67—68].

В этом случае «весь чистый продукт» принадлежит «земледельцу» и «составляет прибыль на авансированный им капитал» (стр. 57). Здесь {мы говорим не о плантациях} никуда не годится также и то, что этот «чистый продукт» сразу же рассматривается как прибыль на капитал, хотя здесь *не* предполагается *никакого капиталистического производства.* Но допустим, что колонист, вышедший из «старой страны», сам рассматривает свой «чистый продукт» таким образом. Если теперь население возрастет настолько, что необходимо будет возделывать № 2, то № 1 станет приносить ренту в 10 квартеров. Здесь, конечно, предполагается, что земли .№.№ 2 и 3 *«не обращены в собственность»* и, по отношению к населению и капиталу, остались практически «в неограниченном количестве». В противном случае дело *могло бы* принять другой оборот. Итак, при этой предпосылке земля № 1 будет приносить ренту в 10 квартеров.

«Ибо одно из двух: либо должны *существовать две нормы прибыли на земледельческий капитал,* либо 10 квартеров (или стоимость 10 квартеров)

должны быть изъяты из продукта № 1 для какой-нибудь иной цели. Кто бы ни возделывал № 1, *собственник земли* или какое-либо другое лицо, эти 10 квартеров одинаково составят ренту, — потому что тот, кто обрабатывает № 2, получил бы одинаковый результат от своего капитала, будет ли он обрабатывать № 1, уплачивая при этом 10 квартеров в качестве ренты, или будет продолжать обрабатывать № 2, не платя никакой ренты» (стр. 58) [Русский перевод, том I, стр. 68].

Действительно, [при наличии двух различных сортов земли] существовали бы две нормы прибыли на земледельческий капитал, т. е. № 1 давал бы *добавочную прибыль* (которая в этом случае *может* консолидироваться в виде ренты) в размере 10 квартеров. Но что в *одной и той же сфере производства* на капитал одного и того же рода, а значит и на земледельческий капитал, не только возможны, но и неизбежны не две, а много весьма различных норм прибыли, — об этом говорит сам Рикардо тут же двумя страницами ниже:

«Наиболее плодородная и наиболее благоприятно расположенная земля поступит в обработку первой, и меновая стоимость ее продукта будет определяться, точно так же как и меновая стоимость всех других товаров, совокупным количеством труда, необходимого — в различных его формах от начала до конца процесса производства — для изготовления продукта и доставки его на рынок. Когда в обработку поступит земля худшего качества, меновая стоимость сырого продукта повысится, потому что на производство его потребуется больше труда. *Меновая стоимость всех* товаров, будь то промышленные изделия, продукты рудников или продукты сельского хозяйства, *никогда не определяется наименьшим количеством труда, какое достаточно для их производства при наиболее благоприятных условиях, доступных лишь для тех, кто пользуется особенно выгодными обстоятельствами;* наоборот, она определяется *наибольшим количеством труда, какое по необходимости затрачивается на их производство теми, кто таких преимуществ не имеет,* кто продолжает производство *при самых неблагоприятных условиях;* а под самыми неблагоприятными условиями следует понимать наиболее неблагоприятные **из** тех, при которых необходимо продолжать производство для того, чтобы было произведено *требуемое»* (при прежней цене) *«количество продукта»* (стр. 60—61) [Русский перевод, том I, стр. 69].

Следовательно, в каждой *особой* отрасли производства имеется не только две, а *много норм* прибыли, т. е. много отклонений от общей нормы прибыли.

Здесь нет необходимости останавливаться на дальнейшем варианте рикардовского примера, где речь идет об эффективности различных [применяемых одна за другой] доз капитала на одной и той же земле (стр. 58—59) [Русский перевод, том I, стр. 68—69]. Необходимо отметить лишь следующие два положения:

1) «Рента всегда является разностью между продукцией, полученной при затрате двух [604] одинаковых количеств капитала и труда» (стр. 59) [Русский перевод, том I, стр. 68];

это значит, что существует только дифференциальная рента (согласно предположению, что не существует *земельной собственности*).

2) «Не может быть двух норм прибыли» (стр. 59) [Русский перевод, том I, стр. 68].

«Правда, на самой лучшей земле тот же продукт будет все еще получаться при прежней затрате труда, но стоимость его повысится вследствие того, что те, кто применяет новый труд и капитал на менее плодородной земле, получают меньше продукта. Таким образом, хотя преимущества более плодородных земель сравнительно с менее плодородными ни в коем случае не утрачиваются, а только *переходят* от земледельца или от потребителя к земельному собственнику, однако, раз для обработки худших земель требуется больше труда и *раз только обработка таких земель дает возможность получать необходимое нам добавочное количество* сырого продукта, сравнительная стоимость этого продукта будет *постоянно* держаться выше ее прежнего уровня и сделает возможным обмен его на большее количество шляп, сукна, обуви и т. д. и т. п., при производстве которых не требуется такого добавочного количества труда» (стр. 62—63) [Русский перевод, том I, стр. 70].

«Итак, причина *повышения сравнительной стоимости* сырого *продукта* состоит в том, что на производство последней добытой доли его затрачивается больше труда, *а не в том, что земельному собственнику уплачивается рента. Стоимость хлеба определяется* количеством труда, затрачиваемого на его производство на земле того качества или с той долей капитала, при которых не платят ренты. *Не потому хлеб дорог, что уплачивается рента, а рента уплачивается потому, что хлеб дорог;* и *справедливо* было замечено, что *цена хлеба нисколько не понизилась бы, даже если бы земельные собственники отказались от всей своей ренты.* Это только позволило бы некоторым фермерам жить по-барски, но не уменьшило бы количества труда, необходимого для получения сырого продукта на наименее производительной из обрабатываемых земель» (стр. 63) [Русский перевод, том I, стр. 70—71].

После данного мною выше исследования вопроса нет необходимости подробно выяснять ошибочность положения, будто «стоимость хлеба определяется количеством труда, затрачиваемого на его производство на земле того качества.., при котором не платят ренты». Я показал, что — платит ли последний [по качеству] сорт земли ренту или не платит никакой ренты, платит ли он абсолютную ренту полностью или только часть ее, или же, кроме абсолютной ренты, он платит еще и дифференциальную ренту (при восходящей линии), — это зависит отчасти от направления развития, от того, происходит ли оно но восходящей или по нисходящей линии, и при всех условиях зависит от отношения строения земледельческого капитала к строению неземледельческого капитала. Я показал далее, что, если уж предположить наличие абсолютной ренты вследствие этой разницы в строении капиталов, указанные выше случаи зависят от состояния рынка, но что как раз тот случай, который

приводится у Рикардо, может наступить лишь при двух условиях (причем, однако, и тогда еще может уплачиваться арендная плата, хотя и не земельная рента): или если земельная собственность не существует — юридически или фактически, или если лучшая земля доставляет такое добавочное предложение, которое может найти сбыт на рынке только при понижении рыночной стоимости.

Но и помимо этого, в вышеприведенном отрывке еще немало ошибочного или одностороннего. Сырой продукт может повыситься в своей «сравнительной стоимости», означающей здесь не что иное, как рыночную стоимость, не только по указанной у Рикардо причине, но также и в том случае, если до того он продавался ниже своей стоимости, быть может даже ниже цены издержек, что всегда имеет место при определенном состоянии общества, когда производство сырого продукта служит еще главным образом для поддержания существования земледельца (а также — когда городской продукт обеспечивает себе монопольную цену, как это было в средние века); во-вторых, это может иметь место и тогда, когда еще не создалось такого положения, при котором сырой продукт, *в отличие* от других товаров, продающихся по цене издержек, продается по своей стоимости.

Наконец, относительно дифференциальной ренты верно, что цена хлеба останется такой же, если земельный собственник откажется от ренты и арендатор положит эту последнюю себе в карман. По отношению к абсолютной ренте это неверно. Неверно, что здесь земельная собственность *не* повышает цену сырого продукта. Напротив, в этом случае имеет место повышение цены, так как вмешательство земельной собственности приводит к тому, что сырой продукт продается по своей *стоимости,* которая превышает его *цену издержек.* Предположим, как и раньше, что средний неземледельческий капитал равен $80c + 20v$, а прибавочная стоимость составляет 50%; тогда норма прибыли будет 10%, а стоимость продукта будет 110. Пусть, напротив, земледельческий [605] капитал равен $60c + 40v$; тогда стоимость продукта будет 120. Сырой продукт будет продаваться по этой стоимости. Если бы земельная собственность не существовала юридически — или фактически, ввиду относительного изобилия земли, как это имеет место в колониях, — то земледельческий продукт продавался бы по 115. А именно: совокупная прибыль с первого и второго капиталов (с 200) равна 30, значит средняя прибыль равна 15. Неземледельческий продукт продавался бы по 115 вместо 110, а земледельческий — по 115 вместо 120. Следовательно,

земледельческий продукт упал бы на $^1/_{12}$ в своей относительной стоимости по сравнению с неземледельческим продуктом; но для обоих капиталов, для совокупного капитала — для земледельческого и промышленного капиталов, вместе взятых, — *средняя прибыль* возросла бы на 50%, с 10 до 15. [605]

* * *

[636] *Рикардо* говорит о своем собственном понимании ренты:

«Я всегда рассматриваю ее как такой результат *частичной монополии,* который в действительности никогда не регулирует цену»

(следовательно, никогда не действует как *монополия,* а значит и не является *результатом* монополии. Результатом монополии могло бы быть для Рикардо только то, что ренту кладет себе в карман не арендатор, а собственник лучших сортов земли);

«напротив, я рассматриваю ренту скорее как следствие цены. Я придерживаюсь того мнения, что если бы *земельные собственники отказались от всякой ренты,* то товары, производимые в земледелии, не стали бы дешевле, так как всегда часть этих товаров получается с такой земли, за которую *рента не уплачивается* или не может уплачиваться, потому что *прибавочный продукт* достаточен там только для оплаты прибыли на капитал» *(Ricardo.* Principles, стр. 332—333) [Русский перевод, том I, стр. 233].

Здесь «прибавочный продукт» [«surplus produce»] представляет собой избыток над той частью продукта, которая идет на заработную плату. Утверждение Рикардо правильно только в том случае — при том именно предположении, что определенный разряд земли не платит никакой ренты, — если эта не платящая ренты земля или, вернее, ее продукт регулирует рыночную стоимость. Если же продукт этой земли не платит ренты по той причине, что рыночная стоимость регулируется более плодородной землей, то отсутствие ренты никак не может служить доказательством в пользу утверждения Рикардо.

В самом деле, если бы «земельные собственники отказались» от дифференциальной ренты, то она досталась бы арендаторам. Напротив, отказ от абсолютной ренты понизил бы цену земледельческих продуктов, а цену промышленных продуктов повысил бы настолько, насколько возросла бы в результате этого процесса средняя прибыль. [636]

* * *

[605] «Повышение ренты *всегда* является результатом роста богатства страны и *трудности снабжения пищей ее возросшего населения»* (стр. 65— 66) [Русский перевод, том I, стр. 72].

Последняя часть этого утверждения неверна.

«Богатство быстрее всего возрастает в тех странах, где имеющаяся в распоряжении земля наиболее плодородна, где ввоз наименее ограничен, где благодаря усовершенствованиям в земледелии количество продуктов может быть умножено без увеличения приходящегося на единицу продукции количества труда и где, *следовательно, рента растет медленно»* (стр. 66—67) [Русский перевод, том I, стр. 72—73].

Абсолютная сумма ренты может возрастать также тогда, когда *норма ренты* остается без изменения, а возрастает — вместе с ростом населения — лишь вложенный в земледелие капитал; она может возрастать, когда I разряд не дает ренты, когда со II разряда уплачивается только часть абсолютной ренты, но дифференциальная рента, вследствие относительно высокого плодородия лучших разрядов земли, значительно увеличилась, и т. д. (см. *таблицу*[*]).

[3) КОНЦЕПЦИЯ «ЕСТЕСТВЕННОЙ ЦЕНЫ» ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ПРОДУКТА У СМИТА И РИКАРДО]

«Если бы высокая цена хлеба была следствием ренты, а не ее причиной, то цена изменялась бы пропорционально повышению или понижению ренты, и *рента была бы конститутивной составной частью цены.* Но регулятором цены хлеба является тот хлеб, который производится при наибольшей затрате труда, и рента не входит и ни в какой степени не может входить *конститутивной составной частью в его цену...* Сырой материал входит в состав большинства товаров, но *стоимость* этого сырого материала, как и стоимость хлеба, регулируется *производительностью той доли капитала, которая, будучи приложена к земле последней, не платит никакой ренты; поэтому-то* рента и не есть *конститутивная составная часть цены* товаров» (стр. 67) [Русский перевод, том I, стр. 73].

Здесь много путаницы вследствие смешения «естественной *цены»* (ибо об этой цене идет тут речь) и *стоимости.* Рикардо заимствовал эту путаницу у Смита. У последнего она была относительно оправдана, так как Смит отказывается — и поскольку он отказывается — от собственного правильного определения стоимости. Ни рента, ни прибыль, ни заработная плата не образуют *конститутивных составных частей стоимости* товара. Наоборот: *при данной стоимости товара* те различные части, на которые может быть *разложена* эта стоимость, принадлежат к категории либо накопленного труда (постоянный капитал), либо заработной платы, либо прибыли, либо ренты. Напротив, в отношении *«естественной цены»,* или *цены издержек,* Смит может говорить о ее *конститутивных составных*

[*] См. вклейку между страницами 292—293. *Ред.*

частях как о заранее данных предпосылках. Только в результате смешения «естественной цены» и стоимости он переносит это на стоимость товара.

Кроме цены сырья и машин — короче говоря, постоянного капитала, который капиталисту в каждой особой сфере производства представляется извне данной величиной и который у каждого капиталиста входит в производство с *определенной* ценой, — капиталист должен при установлении цены своего товара учесть еще две вещи. [Во-первых] он должен прибавить *цену заработной платы,* которая также представляется ему (в известных пределах) заранее данной. Под *«естественной ценой»* товара подразумевается не *рыночная цена,* а средняя рыночная цена за более или менее продолжительный период, или та центральная точка, к которой тяготеет рыночная цена. Следовательно, здесь *цена заработной платы* в общем дана стоимостью рабочей силы. Что же касается [во-вторых] *нормы прибыли* — «естественной нормы прибыли», — то она дана *стоимостью* всей совокупности товаров, которую создает совокупность капиталов, применяемых в неземледельческом производстве. А именно, это — избыток совокупной стоимости всех товаров над стоимостью содержащегося в товарах постоянного капитала и стоимостью заработной платы. Совокупная прибавочная стоимость, создаваемая этим совокупным капиталом, образует абсолютную массу прибыли. Отношение этой абсолютной массы прибыли ко всему авансированному капиталу определяет общую норму прибыли. Таким образом, и эта общая норма прибыли тоже выступает — не только по отношению к отдельному капиталисту, но и по отношению к капиталу в каждой особой сфере производства — как нечто данное извне. К цене затрат на сырье и т. д., [606] которые содержатся в продукте, и к «естественной цене» заработной платы ему, следовательно, нужно прибавить общую прибыль, скажем — в 10%, чтобы в результате — как это ему неизбежно представляется — путем сложения конститутивных составных частей, или их соединения, получить «естественную цену» товара. Уплачивается ли при продаже товара его «естественная цена» или же больше или меньше ее, это зависит от существующего в данный момент уровня рыночной цены. В *цену издержек,* поскольку она отличается от *стоимости,* входят лишь заработная плата и прибыль, а рента входит лишь в той мере, в какой она уже вошла в цену затрат на сырье, машины и т. д., следовательно, не как рента с точки зрения капиталиста, которому вообще цена сырья, машин, короче — постоянного капитала, представляется как *некое целое,* предпосланное заранее.

Рента не входит, как конститутивная составная часть, в *цену издержек.* Если при особых обстоятельствах земледельческий продукт продается по своей цене издержек, то *никакой ренты не существует.* Тогда земельная собственность *экономически* не существует для капитала; а именно, она не существует в том случае, если продукт того разряда земли, который продает по цене издержек, регулирует [в смысле теории Рикардо] рыночную стоимость продукта данной сферы. (У разряда I в таблице *D* дело обстоит иначе[91].)

Или же (абсолютная) *рента существует.* В этом случае земледельческий продукт продается *выше* своей *цены издержек.* Он продается по своей *стоимости,* которая превышает его *цену издержек.* А в *рыночную стоимость* продукта рента входит, или, вернее, образует часть ее. Однако арендатору рента представляется заранее данной совершенно так же, как прибыль — промышленнику. Она дана в виде избытка *стоимости* земледельческого продукта над его *ценой издержек.* Но арендатор калькулирует совершенно так же, как капиталист: во-первых — затраты на постоянный капитал, во-вторых — заработная плата, в-третьих — средняя прибыль, наконец — рента, которая тоже представляется ему заранее данной. Это и есть *для него* «естественная цена», например, пшеницы. Будет ли она ему уплачена, это опять-таки зависит от состояния рынка в каждый данный момент.

Если — в соответствии с тем, как дело обстоит в действительности, — не упускать из виду *различие* между *ценой издержек* и *стоимостью,* то ясно, что рента *никогда* не может входить в цену издержек в качестве *конститутивной части* и что о конститутивных частях речь может идти только тогда, когда мы говорим о цене издержек в отличие от стоимости товара. (Дифференциальная рента, как и сверхприбыль, никогда не входит в [индивидуальную] *цену издержек,* так как она всегда есть только избыток рыночной цены издержек[92] над индивидуальной ценой издержек, или избыток рыночной стоимости над индивидуальной стоимостью.)

Следовательно, Рикардо по существу прав, утверждая в противоположность А. Смиту, что рента *никогда* не входит в цену издержек. Но, с другой стороны, он неправ, так как доказывает это не путем различения между ценой издержек и стоимостью, а тем путем, что, вместе с А. Смитом, отождествляет их; ведь ни рента, ни прибыль, ни заработная плата не образуют *конститутивных частей стоимости,* хотя стоимость может быть разложена на заработную плату, прибыль и ренту, и притом с одинаковым нравом на все эти три части, *если* они все три

существуют. Рассуждение Рикардо таково: рента не образует конститутивной части «естественной цены» земледельческого продукта, *так как* цена продукта самой худшей земли, равная *цене издержек* этого продукта и тождественная *стоимости этого продукта,* определяет рыночную стоимость земледельческого продукта; следовательно, рента не образует никакой части стоимости, потому что она не образует никакой части *«естественной цены»,* а эта «естественная цена» равна *стоимости.* Но именно это неверно. Цена продукта, выращенного на самой худшей земле, бывает равна его *цене издержек* или тогда, когда этот продукт продается *ниже* своей стоимости, т. е. совсем не потому, что он, как говорит Рикардо, продается *по своей стоимости;* или же тогда, когда земледельческий продукт принадлежит к тому роду товаров, к тому их разряду, где, *в виде исключения,* стоимость и цена издержек *тождественны.* Это — тот случай, когда прибавочная стоимость, создаваемая в какой-нибудь особой сфере производства при затрате данного капитала, например в 100 денежных единиц, случайно совпадает с той прибавочной стоимостью, которая в среднем счете приходится на *такую же* соответственную часть совокупного капитала (например, на 100 денежных единиц). В этом, следовательно, и состоит путаница у Рикардо.

Что касается А. *Смита,* то, поскольку он отождествляет цену издержек и стоимость, он, исходя из этой ошибочной предпосылки, имеет право сказать, что рента, а равно и прибыль и заработная плата образуют «конститутивные части естественной цены». Напротив, непоследовательностью с его стороны является то, что в дальнейшем изложении он тем не менее утверждает, что рента не входит таким же образом в «естественную цену», как заработная плата и прибыль. В эту непоследовательность он впадает потому, что наблюдение и правильный анализ приводят его все же к признанию того, что существует некоторое различие в определении «естественной цены» неземледельческого продукта и рыночной стоимости земледельческого продукта. Но подробнее об этом будет сказано тогда, когда мы будем говорить о теории ренты Смита.

[4) ВЗГЛЯДЫ РИКАРДО НА УЛУЧШЕНИЯ В ЗЕМЛЕДЕЛИИ. НЕПОНИМАНИЕ ИМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ИЗМЕНЕНИЙ В ОРГАНИЧЕСКОМ СТРОЕНИИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО КАПИТАЛА]

[607] «Мы видели, что с каждой долей добавочного капитала, которую становится необходимым приложить к земле в условиях, дающих на ту же затрату меньшее количество продукта, рента повышается».

(Но не каждая доля добавочного капитала дает на ту же затрату меньшее количество продукта.)

«Из тех же самых принципов следует, что все те обстоятельства в жизни общества, которые делают ненужным приложение к земле прежнего количества капитала и которые поэтому делают более производительной последнюю вложенную долю капитала, будут понижать ренту» (стр. 68) [Русский перевод, том I, стр. 73].

Т. е. они будут понижать абсолютную ренту, но не обязательно дифференциальную ренту (см. таблицу *B).*

Такими обстоятельствами могут быть «уменьшение капитала страны», сопровождаемое уменьшением населения, но также и более высокое развитие производительных сил земледельческого труда:

«Однако такие же результаты могут получиться при увеличении богатства и населения страны, если это увеличение сопровождается такими явными усовершенствованиями в земледелии, которые вызывают тот же самый результат — уменьшение необходимости возделывать более бедные земли или затрачивать прежнее количество капитала на возделывание более плодородных участков» (стр. 68—69) [Русский перевод, том I, стр. 74].

(Странным образом Рикардо забывает здесь о таких усовершенствованиях, которые имеют своим результатом улучшение качества более бедных земель и превращение их в более богатые земли — точка зрения, преобладающая у Андерсона.)

Весьма неправильно следующее положение Рикардо:

«Если население не увеличивается, то не может быть спроса на добавочное количество хлеба» (стр. 69) [Русский перевод, том I, стр. 74].

Не говоря уже о том, что с падением цены хлеба возникает добавочный спрос на другие сырые продукты: овощи, мясо и пр., и что из хлеба можно делать водку и пр., — Рикардо здесь исходит из предположения, что все население потребляет столько хлеба, сколько ему хочется. Это неверно.

{«Громадное увеличение нашего потребления в 1848, 1849, 1850 гг. показывает, что до этого у нас было *недоедание* и что цены удерживались на высоком уровне вследствие недостаточного предложения» *(Newman, F. W.* Lectures on Political Economy. London, 1851, стр. 158).

Тот же Ньюмен говорит:

«Аргумент Рикардо, что рента не может повышать цену, основывается на предположении, что обладание возможностью требовать ренту в действительности никогда не может *уменьшить предложение.* Но почему же не может? Имеются обширные пространства земли, которые тотчас же были бы взяты под обработку, если бы за них не требовали ренты, и которые *искусственно оставляются невозделанными* либо потому, что земельные собственники могут выгодно сдавать их в аренду как место для охоты, либо

потому, что они предпочитают романтическую дикость незначительной номинальной ренте, которую они только и могли бы получать, разрешая возделывать эти земли» (стр. 159).}

Ведь вообще неверно, будто земельный собственник, в случае изъятия своей земли из производства хлеба, не может получать за нее ренту: он может получать ренту, превратив свою землю в пастбище или строительные участки или, как это имеет место в некоторых районах горной Шотландии, в искусственные леса для охоты.

Рикардо различает двоякого рода улучшения в земледелии. *Один* род улучшений

«увеличивает *производительные силы земли... Такое, например, более рациональный севооборот или лучший подбор удобрений.* Эти улучшения безусловно позволяют нам получать то же самое количество продуктов с меньшей площади земли» (стр. 70) [Русский перевод, том I, стр. 74—75].

В этом случае, по мнению Рикардо, рента *должна падать.*

«Если, например, вкладываемые одна за другой доли капитала дают 100, 90, 80, 70 квартеров, то, пока я затрачиваю эти четыре доли, моя рента будет составлять 60 квартеров, или разность между

70 и 100 = 30	, а продукт составит	100
70 и 90 = 20		90
70 и 80 = 10		80
		70
60		340 квартеров;

и пока я затрачиваю эти доли, *рента, останется прежней,* даже если бы продукт каждой доли капитала увеличился на *одинаковое* количество квартеров».

(Если бы продукт увеличился на *неодинаковое* количество квартеров, то рента, *несмотря на возросшее* плодородие, могла бы возрасти.)

«Если бы продукт увеличился до 125, 115, 105 и 95 квартеров — вместо 100, 90, 80, 70, — то рента попрежнему равнялась бы 60 квартерам, или разности между

[608] 95 и 125 = 30	, тогда как продукт увеличился бы до 440 квартеров:	125
95 и 115 =20		115
95 и 105 =10		105
		95
60		440

Однако при таком возрастании продукта, *без возрастания* спроса, не было бы побуждения прилагать столько капитала к земле; одна доля капитала была бы изъята, и, следовательно, последняя доля его давала

бы 105 квартеров, а не 95, и рента упала бы до 30 квартеров, или до разности между

105 и 125 = 20		125
105 и 115 = 10	, тогда как продукта все еще было бы достаточно для нужд населения, потому что он составлял бы 345 квартеров:	115
		105
30		345»

(стр. 71—72) [Русский перевод, том I, стр. 75—76].

Не говоря уже о том, что при падающей цене спрос может увеличиваться и *без роста* населения (Рикардо сам предполагает, что в приводимом им примере спрос увеличился на 5 квартеров), — Рикардо потому ведь и исходит из предпосылки о постоянном переходе к менее плодородным землям, что население ежегодно возрастает, т. е. возрастает та часть населения, которая потребляет зерно, питается хлебом, и эта часть растет быстрее, чем все население в целом, так как хлеб является главным средством питания для большей части населения. Поэтому совсем не *обязательно* предполагать, что рост производительности [земледельческого] капитала не сопровождается возрастанием спроса и что рента, следовательно, при этом падает. Рента может увеличиться, если улучшение земледелия неодинаково отразилось на разнице в степени плодородия различных разрядов земли.

В остальном не подлежит сомнению (таблицы *B* и *E*), что увеличение плодородия — при неизменном спросе — может не только вытеснить с рынка наихудшую землю, но даже заставить изъять из производства хлеба и часть того капитала, который вложен в более плодородную землю (таблица *B*). В этом случае *хлебная рента падает,* если увеличение продукта в различных разрядах земли является *одинаковым.*

Затем Рикардо переходит ко второму роду *улучшений в земледелии:*

«*Но* бывают улучшения, которые могут понизить относительную стоимость продукта, не понижая *хлебной ренты,* хотя они и понижают *денежную земельную ренту.* Такие улучшения не увеличивают производительных сил земли, но позволяют нам получать ее продукт *с меньшей затратой труда.* Они направлены скорее на *то, из чего состоит капитал, прилагаемый к земле,* чем на *самые методы возделывания земли.* Такой характер носят *усовершенствования земледельческих орудий,* например плуга и молотилки, экономия в использовании лошадей в сельском хозяйстве и лучшее знание ветеринарного искусства. Благодаря этому к земле прилагается *меньше капитала,* или, *что то же самое, меньше труда;* но *для получения того же количества продуктов нужно обрабатывать то же самое, а не меньшее количество земли.* Отражаются ли, тем не менее, этого рода улучшения на *хлебной ренте,* зависит от того, возрастает ли, остается ли без

изменений или же уменьшается разница в продукте, получаемом при применении различных долей капитала».

{Это Рикардо должен был бы признать и при *естественном плодородии земель.* Уменьшает ли переход к новым разрядам земель дифференциальную ренту, оставляет ли он ее без изменений или же повышает, — зависит от того, возрастает ли, остается ли без изменений или же уменьшается разница в продукте капитала, применяемого на этих землях различного плодородия.}

«Если к земле прилагаются четыре доли капитала — 50, 60, 70, 80, каждая из которых дает *одинаковые результаты,* и если какое-нибудь улучшение в составе такого капитала дает мне возможность изъять 5 из каждой доли, так что они будут составлять лишь 45, 55, 65 и 75, то в хлебной ренте не произойдет никакого изменения. Но если эти улучшения таковы, что дают мне возможность все сбережения произвести только в той доле капитала, которая прилагается наименее производительно, то хлебная рента сейчас же упадет, так как уменьшится разница между наиболее производительным и [609] наименее производительным капиталами, а *эта-то разница и образует ренту»* (стр. 73—74) [Русский перевод, том I, стр. 76].

Это верно для *дифференциальной ренты,* которая одна только и существует у Рикардо.

Напротив, действительного вопроса Рикардо совсем не затрагивает. При решении этого вопроса речь идет не о том, что понижается стоимость отдельного квартера, а также и не о том, нужно ли обрабатывать то же *количество земли,* то же количество тех же самых разрядов земли, как и прежде; а о том, связано ли с *удешевлением постоянного капитала,* — который, согласно предположению, стоит теперь меньшего труда, — *уменьшение, увеличение* или *сохранение прежнего размера* применяемого в земледелии количества непосредственного труда. Короче, происходит ли в капитале органическое изменение или нет.

Возьмем наш пример, представленный таблицей А (стр. 574, тетрадь XI)*, и вместо тонн угля поставим квартеры пшеницы.

Здесь предполагается, что строение неземледельческого капитала = 80*c* + 20*v*, строение земледельческого капитала = 60*c* + 40*v* и что норма прибавочной стоимости в обоих случаях = 50%. Поэтому [абсолютная] рента с земледельческого капитала, или избыток стоимости его продукта над его ценой издержек, составляет 10 ф. ст. Таким образом, мы имели бы следующее:

---

* См. вклейку между страницами 292—293. *Ред.*

Разряд	Капитал, ф. ст.	Квартеры хлеба	Рыночная стоимость совокупн. продукта ф. ст.	Рыночная стоимость квартера ф. ст.	Индивидуальная стоимость квартера	Дифференциальная стоимость квартера
I	100	60	120	2	2 ф. ст. = 40 ш.	0
II	100	65	130	2	$1^{11}/_{13}$ ф. ст.=1 ф. ст.$16^{12}/_{13}$ ш.	$^{2}/_{3}$ ф. ст . = $3^{1}/_{13}$ ш.
III	100	75	150	2	$1^{3}/_{5}$ ф. ст. = 1 ф. ст. 12 ш.	$^{2}/_{5}$ ф. ст. = 8 ш.
Итого	300	200	400			

	Цена издержек на квартер	Абсол. рента ф. ст.	Диффер. рента ф. ст	Абсол. рента в квартерах	Диффер. рента в квартерах	Общая сумма ренты ф. ст.	Общая сумма ренты в квар-терах
I	$1^{5}/_{6}$ ф. ст. = 1 ф. ст. 162/з ш.	10	0	5	0	10	5
II	$1^{9}/_{13}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $13^{11}/_{13}$ ш.	10	10	5	5	20	10
III	$1^{7}/_{15}$ ф. ст. = 1 ф. ст.$9^{1}/_{3}$ ш.	10	30	5	15	40	20
Итого		30	40	15	20	70	35

Для исследования проблемы в чистом виде необходимо предположить, что удешевление *постоянной [части земледельческого] капитала* (100 ф. ст.) во всех трех разрядах оказывает *одинаковое* влияние на *величину капитала, применяемого в разрядах I, II, III;* ибо *неодинаковое* влияние затрагивает лишь дифференциальную ренту и не имеет никакого отношения к занимающему нас вопросу. Итак, предположим, что благодаря *улучшениям* та же масса капитала, которая прежде стоила 100 ф. ст., теперь стоит лишь 90 ф. ст., т. е. что ее стоимость уменьшилась на $^{1}/_{10}$, или на 10%. Тогда спрашивается, как отразились эти улучшения на строении земледельческого капитала?

Если соотношение между капиталом, затрачиваемым на заработную плату, [и постоянным капиталом] остается прежним и если 100 ф. ст. распадаются на $60c + 40v$, то 90 ф. ст. распадаются на $54c + 36v$, и в этом случае стоимость 60 квартеров, произведенных на земле I разряда, составит 108 ф. ст. Если же *удешевление* выразилось в том, что постоянный капитал, стоивший прежде 60 ф. ст., теперь стоит всего только 54, а v (или капитал, затрачиваемый на заработную плату), вместо 36, стоит всего лишь $32^{2}/_{5}$ ф. ст. (уменьшение еще на $^{1}/_{10}$), то вместо 100 ф. ст. затрачено было бы $86^{2}/_{5}$. Строение этого капитала было бы $54c + 32^{2}/_{5}v$, а при расчете на 100 строение были бы

Разряд	Капитал ф. ст.	Квартеры хлеба	Рыночная стоимость совокупн. продукта ф. ст.	Рыночная стоимость квартера	Индивидуальная стоимость квартера	Дифференциальная стоимость квартера	Цена издержек на квартер	Абсол. рента ф. ст.	Диффер. рента ф. ст.	Абсол. рента в квартерах	Диффер. рента в квартерах	Общая сумма ренты ф. ст.	Общая сумма ренты в квартерах	[Строение капитала и норма абсолютной ренты]
A I	100	60	120	2 ф. ст. = 40 ш.	2 ф. ст. = 40 ш.	0	$1\frac{5}{6}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $16\frac{2}{3}$	10	0	5	0	10	5	$60c+40v$ для земледельческого капитала в 100 ф. ст.
II	100	65	130	2 ф. ст. = 40 ш.	$1\frac{11}{13}$ ф. ст.= 1 ф. ст.$16\frac{12}{13}$ ш.	$\frac{2}{13}$ ф. ст. = $3\frac{1}{13}$ ш.	$1\frac{9}{13}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $13\frac{11}{13}$ ш.	10	10	5	5	20	10	$80c + 20v$ для промышленного капитала в 100 ф. ст.
III	100	75	150	2 ф. ст.= 40 ш.	$1\frac{3}{5}$ ф. ст. = 1 ф. ст. 12 ш.	$\frac{2}{5}$ ф. ст. = 8 ш.	$1\frac{7}{15}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $9\frac{1}{3}$ ш.	10	30	5	15	40	20	Абсолютная рента — 10%
Итого	300	200	400					30	40	15	20	70	35	
B I	90	60	108	$1\frac{1}{5}$ ф. ст. = 1 ф. ст. 16 ш.	$1\frac{4}{5}$ ф. ст.= 1 ф. ст. 16 ш.	0	$1\frac{39}{60}$ ф. ст. = 1 ф. ст. 13 ш.	9	0	5	0	9	5	$54c +36v$ для земледельческого капитала в 90 ф. ст.
II	90	65	117	$1\frac{4}{5}$ ф. ст.= 1 ф. ст. 16 ш.	$1\frac{43}{65}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $13\frac{3}{13}$ ш.	$\frac{9}{65}$ ф. ст. = $2\frac{10}{13}$ ш.	$1\frac{34}{65}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $10\frac{6}{13}$ ш.	9	9	5	5	18	10	$60c+40v$ для земледельческого капитала в 100 ф. ст.
III	90	75	135	$1\frac{4}{5}$ ф. ст. = 1 ф. ст. 16 ш.	$1\frac{11}{25}$ ф. ст. = 1 ф. ст.$8\frac{4}{5}$ ш.	$\frac{9}{25}$ ф. ст. = $7\frac{1}{5}$ ш.	$1\frac{8}{25}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $6\frac{2}{5}$ ш.	9	27	5	15	36	20	Абсолютная рента — 10%
Итого	270	200	360					27	36	15	20	63	35	
C I	$86\frac{2}{5}$	60	$102\frac{3}{5}$	$1\frac{71}{100}$ ф. ст. = 1 ф. ст.$14\frac{1}{5}$ ш.	$1\frac{71}{100}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $14\frac{1}{5}$ ш.	0	$1\frac{73}{125}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $11\frac{17}{25}$ ш.	$7\frac{14}{25}$	0	$4\frac{8}{19}$	0	$7\frac{14}{25}$	$4\frac{8}{19}$	$54c+32\frac{2}{5}v$ для земледельческого капитала в $86\frac{2}{5}$ ф. ст. $62\frac{1}{2}c+37\frac{1}{2}v$ для земледельческого капитала в 100 ф. ст.
II	$86\frac{2}{5}$	65	$111\frac{3}{20}$	$1\frac{71}{100}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $14\frac{1}{5}$ ш.	$1\frac{188}{325}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $11\frac{37}{65}$ ш.	$\frac{171}{1300}$ ф. ст.=$2\frac{41}{65}$ш.	$1\frac{751}{1625}$ ф. ст. = 1 ф. ст.$9\frac{79}{325}$ ш.	$7\frac{14}{25}$	$8\frac{11}{20}$	$4\frac{8}{19}$	5	$16\frac{11}{100}$	$9\frac{8}{19}$	Стоимость продукта капитала в 100 ф. ст. — $118\frac{3}{4}$ ф. ст.
III	$86\frac{2}{5}$	75	$128\frac{1}{4}$	$1\frac{71}{100}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $14\frac{1}{5}$ ш.	$1\frac{46}{125}$ ф. ст. = 1 ф. ст.$7\frac{9}{25}$ ш.	$\frac{171}{500}$ ф. ст. =$6\frac{21}{25}$ ш.	$1\frac{167}{625}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $5\frac{13}{125}$ ш.	$7\frac{14}{25}$	$25\frac{13}{20}$	$4\frac{8}{19}$	15	$33\frac{21}{100}$	$19\frac{8}{19}$	Следовательно, абсолютная рента — $8\frac{3}{4}$%
Итого	$259\frac{1}{5}$	200	342					$22\frac{17}{25}$	$34\frac{1}{5}$	$13\frac{5}{19}$	20	$56\frac{22}{25}$	$33\frac{5}{19}$	
D I	90	60	110	$1\frac{5}{6}$ ф. ст.= 1 ф. ст. $16\frac{2}{3}$ ш.	$1\frac{5}{6}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $16\frac{2}{3}$ ш.	0	$1\frac{13}{20}$ ф. ст. = 1 ф. ст. 13 ш.	11	0	6	0	11	6	$50c + 40v$ для земледельческого капитала в 90 ф. ст. $55\frac{5}{9}c + 44\frac{4}{9}v$ для земледельческого капитала в 100 ф. ст.
II	90	65	$119\frac{1}{6}$	$1\frac{5}{6}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $16\frac{2}{3}$ ш.	$1\frac{9}{13}$ ф. ст. = 1 ф. ст.$13\frac{11}{13}$ ш.	$\frac{11}{78}$ ф. ст. = $2\frac{32}{39}$ ш.	$1\frac{34}{65}$ ф. ст. = 1 ф. ст.$10\frac{6}{13}$ ш.	11	$9\frac{1}{6}$	6	5	$20\frac{1}{6}$	11	Стоимость продукта капитала в 100 ф. ст. — $122\frac{2}{9}$ ф. ст.
III	90	75	$137\frac{1}{2}$	$1\frac{5}{6}$ ф. ст. = 1 ф. ст.$16\frac{2}{3}$ ш.	$1\frac{7}{15}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $9\frac{1}{3}$ ш.	$\frac{11}{30}$ ф. ст. = $7\frac{1}{3}$ ш.	$1\frac{8}{25}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $6\frac{2}{5}$ ш.	11	$27\frac{1}{2}$	6	15	$38\frac{1}{2}$	21	Абсолютная рента — $12\frac{2}{9}$%
Итого	270	2003	$366\frac{2}{3}$					33	$36\frac{2}{8}$	13	20	$69\frac{2}{3}$	38	

$62^1/_2c + 37^1/_2v$. При этих условиях стоимость 60 квартеров в I разряде составила бы $102^3/_5$ ф. ст. Предположим, наконец, что, хотя стоимость постоянного капитала уменьшилась, капитал, затрачиваемый на заработную плату, остался по своей абсолютной величине *неизменным,* следовательно — возрос *по отношению к* постоянному капиталу, так что затраченный капитал в 90 ф. ст. распадается на $50c + 40v$, а строение его при расчете на 100 будет $55^5/_9c + 44^4/_9v$.

Посмотрим теперь, как во всех этих трех случаях обстоит дело с хлебной и денежной рентой. В случае *B* соотношение между *c* и *v* остается без изменения, хотя стоимость обоих уменьшается. В случае *C* [610] стоимость *c* уменьшается, но относительно в еще большей степени уменьшается стоимость *v.* В случае *D* уменьшается только стоимость *c,* а стоимость *v* остается без изменения.

Сперва мы повторим [под буквой А] *первоначальную таблицу, изображенную на предыдущей странице*[*] [а затем сопоставим с ней новые таблицы *B, C* и *D,* иллюстрирующие указанные выше случаи изменений в стоимости органических составных частей земледельческого капитала][**].

* * *

[611] Из приведенной [на стр. 356—357 сводной] таблицы мы видим:

Первоначально, в случае *A*, соотношение [между органическими составными частями земледельческого капитала] было $60c + 40v$; капитал, вложенный в каждый разряд, составлял 100 ф. ст. Рента, выраженная в деньгах, равнялась 70 ф. ст., а рента, выраженная в хлебе, — 35 квартерам.

В случае *B* постоянный капитал подешевел, так что в каждый разряд вкладывается лишь 90 ф. ст., по соответственно подешевел и переменный капитал, так что *соотношение* остается тем же самым. Здесь *денежная рента* понижается, хлебная рента остается той же самой; *абсолютная рента*[93] *остается той же.* Денежная рента уменьшается потому, что уменьшается вложенный капитал. Хлебная рента остается той же самой потому, что при затрате меньшего количества денег на каждую денежную единицу производится большее количество хлеба с прежним распределением его по разрядам.

---

[*] См. настоящий том, часть II, стр. 355. *Ред.*

[**] Далее в рукописи идут помещенные одна под другой таблицы *A, B, C, D,* которые во второй части настоящего тома напечатаны на стр. 356—357. Некоторые графы в таблицах *C* и *D* остались в рукописи незаполненными. Недостающие в них цифры проставлены редакцией. Отсутствующий в рукописи заголовок последней графы («Строение капитала и норма абсолютной ренты») добавлен редакцией на основании содержания этой графы. *Ред.*

В случае *C* мы имеем удешевление постоянного капитала; но в еще большей степени уменьшается *v,* так что постоянный капитал относительно дорожает. *Абсолютная рента* падает. Падает и хлебная рента и денежная рента. Денежная рента падает потому, что капитал вообще значительно уменьшился, а хлебная рента падает потому, что абсолютная рента упала, тогда как различия между разрядами остались без изменения, так что все [хлебные ренты всех разрядов] падают одинаково.

А в таблице *D* имеет место совершенно противоположный случай. Падает только постоянный капитал, тогда как переменный капитал остается тем же самым. *Такова была предпосылка Рикардо.* В этом случае, вследствие уменьшения капитала, денежная рента падает совершенно незначительно по своей абсолютной величине (только на $^1/_3$ ф. ст.), но значительно возрастает по отношению к затраченному капиталу. Напротив, хлебная рента возрастает по своей абсолютной величине. Почему? Потому, что абсолютная рента увеличилась с 10 до $12^2/_9$%*,* а это произошло в результате возрастания *v* по отношению к *c*.

Итак, мы имеем следующее:

	Капитал	Норма абсол. ренты	Абсол. рента ф. ст.	Диффер. рента ф. ст.	Абсол. рента в квартерах	Диффер. рента в квартерах	Общая сумма ренты ф. ст.	Общая сумма ренты в квартерах
A	$60c + 40v$	10%	30	40	15	20	70	35
B	$54c + 36v$ $(60c+ 40v)$	10%	27	36	15	20	63	35
C	$54c + 32^2/_5v$ $(62^1/_2c + 37^1/_2v)$	$8^3/_4$%	$22^{17}/_{25}$	$34^1/_5$	$13^5/_{19}$	20	$56^{22}/_{25}$	$33^5/_{19}$
D	$50c + 40v$ $(55^5/_9c + 44^4/_9v)$	$12^2/_9$%	33	$36^2/_3$	18	20	$69^2/_3$	38

* * *

Рикардо продолжает:

«Все, что уменьшает *разницу в продукте,* получаемом от последовательных долей капитала, прилагаемых к той же или новой земле, имеет тенденцию понижать ренту, а все, что *увеличивает эту разницу,* необходимо производит противоположное действие и имеет тенденцию повышать ее» (стр. 74) [Русский перевод, том I, стр. 77].

Эта разница может увеличиться и тогда, когда капитал изымается из земледелия, когда плохая земля становится более плодородной или даже когда менее плодородная земля вытесняется с рынка.

{*Земельный собственник и капиталист.* Газета «Morning Star»[94] от 15 июля 1862 г. — в передовой статье, посвященной вопросу о том, чьей обязанностью является (добровольно или по принуждению) поддерживать рабочих хлопчатобумажной промышленности Ланкашира и т. д., находящихся в бедственном положении вследствие хлопкового голода и Гражданской войны в Америке, — пишет:

«Эти люди имеют законное право на поддержку *за счет той собственности*, *которую они создали, главным образом, своим трудом...* Говорят, что те люди, которые благодаря хлопчатобумажной промышленности приобрели большие состояния, в первую очередь обязаны выступить с щедрой помощью. Пет никакого сомнения, что это верно... Та часть из них, которая занимается торговлей и промышленностью, так и делает... Но является ли она единственным классом, нажившим состояние на хлопчатобумажной промышленности? Конечно, нет. Земельные собственники Ланкашира и Северного Чешира получили огромную долю в созданном таким путем богатстве. И у этих собственников было то особое преимущество, что они получили долю в богатстве, не оказывая — ни своими руками, ни своей мыслью — никакого содействия той промышленности, которая создала это богатство... Фабрикант отдал свой капитал, свое умение, свою неусыпную бдительность для [612] создания этой большой промышленности, испытывающей ныне такие тяжелые потрясения; фабричный рабочий отдал свое умение, свое время и свой физический труд; а что дали земельные собственники Ланкашира? Решительно ничего, в буквальном смысле ничего; и тем не менее они получили от всего этого больше существенных выгод, чем какой-либо другой класс... Не подлежит никакому сомнению, что увеличение годового дохода этих крупных лендлордов, обусловленное одной только этой причиной, огромно: их доход увеличился, по всей вероятности, не менее чем в три раза».

Капиталист является прямым эксплуататором рабочих, он не только прямым образом присваивает *прибавочный труд,* но и прямо-таки вызывает его к жизни. Но так как для капиталиста-промышленника это может происходить лишь посредством производства и в процессе производства, то он сам является носителем функций этого производства, его руководителем. Напротив, лендлорд обладает в земельной собственности (для абсолютной ренты) и в природном различии разрядов земли (дифференциальная рента) такой привилегией, которая дает ему возможность класть в карман часть этого прибавочного труда или прибавочной стоимости, хотя он не принимает никакого участия в деле руководства этим прибавочным трудом, в деле создания этой прибавочной стоимости. Поэтому, когда происходят коллизии, капиталист рассматривает земельного собственника просто как излишний и вредный нарост, как сибаритствующего паразита капиталистического производства, как вошь, гнездящуюся в его, капиталиста, шкуре.}

Глава 3-я называется *«О ренте с рудников».*

Здесь опять говорится:

«Эта рента» (рента с рудников), «подобно ренте с земли, есть следствие, а никак не причина, *высокой стоимости* их продукта» (стр. 76) [Русский перевод, том I, стр. 78].

Что касается абсолютной ренты, то она не является ни следствием, ни причиной *«высокой стоимости»* — она есть следствие избытка стоимости над ценой издержек. То обстоятельство, что этот избыток уплачивается за продукт рудника или земли и что таким образом получается абсолютная рента, есть следствие не этого *избытка,* — потому что такого рода избыток имеется налицо в целом ряде отраслей производства, где он не входит в цену продукта этих отраслей, — а есть следствие *собственности на землю.*

Относительно *дифференциальной ренты* можно сказать, что она является следствием *«высокой стоимости»,* если под «высокой стоимостью» понимать тот избыток рыночной стоимости продукта над его действительной, или индивидуальной, стоимостью, который имеет место у относительно более продуктивных разрядов земель или рудников.

Что под «меновой стоимостью», регулирующей цену продукта самой бедной земли или самого бедного рудника, Рикардо понимает не что иное, как *цену издержек,* а под последней не что иное, как затраты плюс обычная прибыль, и что он ошибочно отождествляет эту цену издержек с действительной стоимостью, — это явствует также и из следующего места:

«Металл, добываемый из самого бедного рудника, находящегося в разработке, должен по меньшей мере иметь такую меновую стоимость, которая не только покрывала бы все издержки по снабжению одеждой, пищей и другими предметами жизненной необходимости всех, занятых его добыванием и доставкой на рынок, *но, кроме того, давала бы обычную среднюю прибыль* тому, кто авансирует капитал, необходимый для ведения предприятия. Выручка на капитал, получаемая с беднейшего рудника, не платящего ренты, будет регулировать ренту всех других, более производительных рудников. *Предполагается, что этот рудник дает обычную прибыль на капитал. Все, что другие рудники производят сверх нее,* необходимым образом будет уплачиваться их собственникам в качестве ренты» (стр. 76—77) [Русский перевод, том I, стр. 78].

Здесь, стало быть, сказано прямо: рента есть *избыток цены («меновая стоимость» здесь то же самое, что цена) земледельческого продукта над его ценой издержек,* т. е. над стоимостью авансированного капитала плюс обычная (средняя) прибыль на капитал. Следовательно, если *стоимость* земледельческого продукта выше его цены издержек, то он может оплачивать ренту вне всякой зависимости от различия земель, и тогда

самая бедная земля и самый бедный рудник могут уплачивать такую же абсолютную ренту, как и самые богатые. Если бы *стоимость* земледельческого продукта не превышала его цену издержек, то рента могла бы проистекать только из избытка рыночной стоимости над действительной стоимостью продукта, получаемого с относительно более плодородных земель и т. д.

«Если бы с помощью равных количеств труда, при равных количествах основного капитала, из рудника, не платящего ренты, всегда добывались равные количества золота,.. то количество» (добываемого золота) «увеличивалось бы вместе со спросом, но стоимость его оставалась бы неизменной» (стр. 79) [Русский перевод, том I, стр. 79—80].

То, что имеет силу для золота и рудников, имеет силу также для хлеба и земли. Следовательно, если бы всегда эксплуатировались одинаковые разряды земли и если бы они при одинаковых затратах труда всегда давали одинаковый продукт, [613] то *стоимость* фунта золота или квартера пшеницы оставалась бы неизменной, хотя количество их увеличивалось бы вместе со *спросом.* Значит, *возросла бы и их рента* (сумма, а не норма ренты) без какого-либо изменения в цене продукта. Применялось бы больше капитала, однако все время с неизменной производительностью. Это — одна из важных причин возрастания абсолютной суммы ренты, совершенно независимо от повышения цены продукта, а потому и без соответственного изменения в рентах, уплачиваемых продуктом различных земель и рудников.

[5) РИКАРДОВСКАЯ КРИТИКА ВЗГЛЯДОВ СМИТА НА РЕНТУ И НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ МАЛЬТУСА]

Глава 24-я книги Рикардо называется «Учение Адама Смита о земельной ренте».

Эта глава очень важна для понимания различия между Рикардо и А. Смитом. Более глубокое выяснение этого различия (в отношении А. Смита) мы отложим, поскольку ex professo* учение Смита мы рассмотрим после учения Рикардо.

Рикардо начинает с того, что цитирует одно место из А. Смита, где тот, по мнению Рикардо, правильно определяет, когда цена земледельческого продукта даст ренту и когда она ренты не дает. Но затем Смит, как указывает Рикардо, снова утверждает, что некоторые продукты земли, например предметы питания, должны всегда давать ренту.

По этому поводу Рикардо делает следующее замечание, и это важно для него, для Рикардо:

* — специально. *Ред.*

«Я полагаю, что во всякой стране, от наименее культурной до самой цивилизованной, существует пока еще земля такого качества, что она не в состоянии *давать продукт, стоимость которого была бы более чем достаточна* для возмещения, затраченного на него капитала и для оплаты *средней и обычной* в данной стране *прибыли.* Все мы знаем, что так обстоит дело в *Америке,* и тем не менее никто не утверждает, что принципы, регулирующие ренту, в Америке иные, чем в Европе» (стр. 389—390) [Русский перевод, том I, стр. 269].

Принципы эти, без сомнения, очень существенно «иные». Там, где *не существует земельной собственности* — фактически или юридически, — не может быть абсолютной земельной ренты. Абсолютная рента, а не дифференциальная, есть адекватное выражение земельной собственности. Сказать, что *одни и те же* принципы регулируют земельную ренту там, где существует земельная собственность, и там, где ее нет, — значит утверждать, что *экономическая форма земельной собственности* не зависит от того, существует ли земельная собственность или не существует.

Что, далее, должно означать, что «существует земля такого качества, что она не в состоянии давать продукт, *стоимость* которого была бы более чем *достаточна* для возмещения капитала... и для оплаты обычной прибыли»? Если то же самое количество труда производит 4 квартера, то продукт не имеет большей стоимости, чем тогда, когда оно производит 2 квартера, хотя стоимость одного квартера в одном случае вдвое больше, чем в другом. Дает ли продукт ренту или нет, абсолютно не зависит, следовательно, от величины этой «стоимости» продукта, как таковой. Продукт может давать ренту только тогда, когда его стоимость выше его цены издержек, которая регулируется ценой издержек всех других продуктов, или, другими словами, регулируется тем количеством неоплаченного труда, которое капитал размером в 100 денежных единиц присваивает в среднем в каждой отрасли производства. Но превышает ли стоимость продукта его цену издержек, это зависит вовсе не от абсолютной величины его стоимости, а от строения применяемого при его производстве капитала в сравнении со средним строением капитала, применяемого в неземледельческом производстве.

«Но даже если бы было верно, что земледелие в Англии достигло такой высокой ступени развития, при которой уже совсем не имеется больше земель, не приносящих ренты, то не менее верно, что прежде такие земли должны были существовать. Впрочем, вопрос о том, существуют ли такие земли или нет, в данном случае не имеет никакого значения; ибо если в Великобритании имеется какой-либо капитал, который, будучи вложен в землю, лишь возмещает затраченную сумму плюс обычная прибыль на капитал, то решительно все равно, затрачивается ли он на старой или на новой земле. Арендуя участок земли на 7 или 14 лет, фермер намерен

вложить в него капитал в 10000 ф. ст., так как он знает, что при существующих ценах на зерно и сырье он в состоянии возместить себе подлежащий израсходованию капитал, уплатить ренту и получить обычную норму прибыли. Но он не вложит 11000 ф. ст., если не может применить последнюю тысячу фунтов стерлингов так производительно, чтобы она дала ему обычную прибыль на капитал. *Подсчитывая, стоит ли ему затратить дополнительный капитал или нет, он обращает внимание только на то, достаточна ли цена сырого продукта для возмещения с прибылью его расходов, так как он знает, что ему не придется платить дополнительную ренту.* Даже по окончании срока аренды его рента не будет повышена; ибо если бы земельный собственник захотел повысить ренту на том основании, что фермером вложен дополнительный капитал в 1000 ф. ст., то фермер изъял бы этот капитал, так как, согласно предположению, фермер, вложив этот капитал, получит только обычную среднюю прибыль, которую он может получить и при всяком другом употреблении капитала. Поэтому фермер *не может согласиться платить за. него ренту,* пока *цена сырого продукта не повысится,* или, *что сводится к тому же,* пока *не понизится обычная общая норма прибыли»* (стр. 390—391) [Русский перевод, том I, стр. 269—270].

Здесь Рикардо признаёт, что и наихудшая земля *может* приносить ренту. Как объясняет он это? Вторая доза капитала, примененная на наихудшей земле для создания добавочного предложения, которое становится необходимым вследствие [614] добавочного спроса, дает возможность возместить цену издержек только при повышении цены хлеба. Следовательно, первая доза капитала будет теперь давать избыток над этой ценой издержек, т. е. ренту. Дело обстоит, стало быть, так: уже *до* применения второй дозы *первая доза на наихудшей земле* дает ренту, потому что рыночная стоимость превышает цену издержек. Следовательно, вопрос заключается лишь в том, должна ли рыночная стоимость *превышать* к тому же и стоимость продукта наихудшей земли или же, напротив, не имеем ли мы здесь такого положения, что *стоимость* продукта *превышает* его *цену издержек* и что повышение цены только сделало возможной продажу этого продукта по *его стоимости.*

Далее: почему *цена* должна стоять на таком уровне, что она оказывается равной цене издержек, т. е. авансированному капиталу плюс средняя прибыль? Это получается в результате конкуренции капиталов в различных отраслях производства, в результате перенесения капитала из одной отрасли производства в другую, следовательно — в результате воздействия капитала на капитал. Но посредством какого воздействия может капитал принудить земельную собственность к тому, чтобы продукт продавался не по его стоимости, а ниже ее — по цене издержек? Изъятие капитала из земледелия не может дать такого эффекта, если оно не сопровождается падением спроса на земледельческие продукты. Изъятие капитала привело бы тогда к противо-

положному результату, взвинтило бы рыночную цену земледельческих продуктов выше их стоимости. Перенесение нового капитала в земледелие точно так же ничего не может сделать в этом отношении. Ибо взаимная конкуренция капиталов как раз и дает возможность земельному собственнику требовать от отдельного капиталиста, чтобы последний довольствовался «средней прибылью» и уплачивал ему избыток стоимости над той ценой, которая доставляет эту прибыль.

Но можно было бы спросить: если земельная собственность дает такую власть продавать продукт *по* его стоимости, *выше* его цены издержек, то почему она не дает точно так же и власть продавать продукт *выше* его стоимости, т. е. по любой монопольной цене? На небольшом острове, где не существует внешней торговли хлебом, хлеб, предметы питания, как и всякий другой продукт, безусловно могли бы продаваться по монопольной цене, т. е. по такой цене, которая ограничена лишь состоянием спроса, т. е. *платежеспособного спроса,* а этот платежеспособный спрос обладает весьма различными величиной и диапазоном в зависимости от уровня цены предлагаемого продукта.

Оставляя в стороне такие исключительные случаи, — о чем-либо подобном не может быть и речи в европейских странах; даже в Англии значительная часть плодородной земли изъята из земледелия, вообще с рынка, *искусственно,* чтобы повысить стоимость остальной части, — земельная собственность может затрагивать и парализовать действие капиталов, их конкуренцию, лишь постольку, поскольку конкуренция капиталов модифицирует определение *стоимостей товаров.* Превращение стоимостей, в цены издержек есть лишь следствие и результат развития капиталистического производства. Первоначально товары продаются (в среднем) по своим стоимостям. Отклонению от этого препятствует в земледелии существование земельной собственности.

Когда фермер арендует землю на 7 или 14 лет, говорит Рикардо, он рассчитывает, что при вложении капитала, например в 10000 ф. ст., *стоимость хлеба* (средняя рыночная стоимость) позволит ему возместить затраты плюс средняя прибыль плюс установленная в арендном договоре рента. Таким образом, поскольку он «арендует» землю, *исходным пунктом [Prius]* для него является средняя рыночная стоимость, т. е. стоимость продукта, а прибыль и рента — это лишь те части, на которые эта стоимость *разлагается,* но которые не образуют ее. *Данная рыночная цена* является для капиталиста тем же, чем *стоимость* продукта, взятая и качестве предпосылки, является для теории

и для внутренней связи производства. А вот какой вывод делает из этого Рикардо. Если фермер добавляет 1000 ф. ст., то его занимает только вопрос, принесут ли они ему при *данной рыночной цене* обычную прибыль. Следовательно, — таков, по-видимому, ход мысли Рикардо, — определяющая роль принадлежит *цене издержек,* а в эту цену издержек регулирующим элементом входит именно *прибыль,* но не *рента.*

Во-первых, и прибыль не входит в цену издержек как конституирующий элемент. Ведь фермер, согласно предположению, рассматривает *рыночную цену* как исходный пункт [Prius] и подсчитывает, принесет ли ему добавочная тысяча фунтов стерлингов при этой данной рыночной цене обычную прибыль. Следовательно, эта прибыль является не причиной, а результатом этой цены. Но, рассуждает далее Рикардо, само вложение 1000 ф. ст. определяется ведь расчетом, даст ли цена обычную прибыль или нет. Следовательно, прибыль является определяющим моментом для вложения 1000 ф. ст., для цены производства [Produktionspreis].

Далее: если бы капиталист нашел, что 1000 ф. ст. не дадут обычной прибыли, то он, говорит Рикардо, не вложил бы их. Производство добавочного количества предметов питания не имело бы места. Если бы оно было необходимо для удовлетворения добавочного спроса, то спрос должен был бы повысить цену, т. е. рыночную цену, до того уровня, при котором она будет давать прибыль. Следовательно, прибыль — в отличие от ренты — входит сюда как конституирующий элемент, но не тем путем, что она создает *стоимость* продукта, а тем, что самый продукт [615] не создается, если его цена не поднимается так высоко, чтобы, сверх затрат, оплачивать также и обычную норму прибыли. Напротив, в *этом* случае нет необходимости в том, чтобы цена поднялась так высоко, чтобы оплачивать ренту. Следовательно, здесь имеется существенное различие между рентой и прибылью, и в известном смысле можно сказать, что прибыль есть конституирующий элемент цены, тогда как рента не является таковым. (Такова, очевидно, и скрытая мысль А. Смита.)

Для данного случая это верно.

Но почему?

Потому, что в *этом* случае земельная собственность *не может* противостоять капиталу как земельная собственность и, следовательно, уже согласно предположению, здесь *не* имеет места как раз та комбинация, при которой образуется рента, абсолютная рента. Добавочный хлеб, произведенный второй дозой капитала в 1000 ф. ст., произведенный при *неизменной*

рыночной стоимости, следовательно при таком добавочном спросе, который имеет место лишь *при.* предположении, что *цена* остается *неизменной,* должен продаваться *ниже* своей стоимости, по цене издержек. Таким образом, этот добавочный продукт одной тысячи фунтов стерлингов находится в таких же условиях, как если бы поступила в обработку новая, менее плодородная земля, которая *не* определяет рыночную стоимость и может доставлять свое добавочное предложение только при условии, что доставляет его по существующей *прежней* рыночной стоимости, т. е. по цене, *определяемой независимо от этого нового производства.* При этих условиях исключительно от относительного плодородия этой добавочной земли зависит то, дает ли она ренту или нет, и это происходит как раз потому, что она *не* определяет рыночную стоимость. Совершенно так же обстоит дело с добавочной 1000 ф. ст. на старой земле. И как раз отсюда Рикардо делает *противоположный* вывод, что добавочная земля или добавочная доза капитала *определяет рыночную стоимость,* так как цена их продукта при данной, *установившейся независимо от них, рыночной стоимости* не дает ренты, а дает только прибыль, покрывает не стоимость, а лишь цену издержек этого продукта! Разве это не contradictio in adjecto*!

Однако продукт *здесь* все же производится, хотя он и не дает ренты! Конечно! На земле, *арендованной* фермером, *для него,* для капиталиста, земельная собственность, как самостоятельный, оказывающий сопротивление элемент, не существует в течение всего того времени, когда он, в силу арендного договора. фактически сам является земельным собственником. Следовательно, теперь капитал движется в этом элементе, не наталкиваясь на сопротивление, а для капитала достаточно цены издержек продукта. Точно так же и по истечении срока аренды фермер, естественно, будет регулировать ренту сообразно тому, в каких пределах вложение капитала в землю дает такой продукт, который может быть продан по своей *стоимости* и, значит, может давать ренту. Такое вложение капитала, которое при данной *рыночной стоимости* не дает избытка над ценой издержек, при определении размера ренты не принимается в расчет точно так же, как не уплачивалась бы капиталом, или не обусловливалась бы договором, рента с такой земли, относительное неплодородие которой приводит к тому, что рыночная цена оплачивает только цену издержек продукта этой земли.

* — буквально: «противоречие в эпитете», или «противоречие в определении», т. е. абсурдное противоречие такого типа, как в выражениях «круглый квадрат», «деревянное железо», «нерегулирующий регулятор». *Ред.*

На практике дело обстоит не совсем по-рикардовски. Если арендатор обладает свободным капиталом или приобретает его в течение первых лет арендного договора, заключенного на 14 лет, то он не требует при этом *обычной прибыли.* Так было бы лишь в том случае, если бы дополнительный капитал он получил взаймы. В самом деле, что ему делать со свободным капиталом? Приарендовать новую землю? Земледельческое производство в гораздо большей степени допускает более интенсивное вложение капитала, чем более экстенсивную обработку земли с большим капиталом. Или же, если в непосредственном соседстве со старой землей нет земли, сдаваемой в аренду, то — при наличии у арендатора двух раздельных ферм — его деятельность по управлению и надзору была бы раздроблена в гораздо большей степени, чем это бывает в обрабатывающей промышленности при наличии у фабриканта шести фабрик. Или арендатору остается отдать деньги под проценты банкиру, вложить их в государственные бумаги, железнодорожные акции и т. п.? Тогда он уже с самого начала отказывается по меньшей мере от половины или одной трети обычной прибыли. Следовательно, если он может вложить эти деньги в виде дополнительного капитала в старую ферму, получая на них хотя бы и меньше, чем среднюю прибыль, например 10% при средней прибыли в 12%, то он все еще выгадывает 100%, когда процентная ставка равна 5%. Следовательно, для него все еще будет выгодной операцией вложить добавочную 1000 ф. ст. в [616] старую ферму.

Поэтому совершенно ошибочным является у Рикардо то, что он отождествляет вложение дополнительного капитала [в ту же землю] с применением дополнительного капитала к новой земле. В первом случае даже при капиталистическом производстве нет необходимости в том, чтобы продукт давал хотя бы обычную прибыль. Он должен давать лишь настолько больше обычной нормы процента, чтобы для фермера имело смысл предпочесть заботы и риск, связанные с применением его свободного капитала в производстве, применению его в качестве денежного капитала.

Но уже совершенно нелеп, как показано, тот вывод, который Рикардо делает из этого рассуждения:

«Если бы Адам Смит, с его проницательным умом, обратил внимание на этот факт, он не утверждал бы, что рента образует *одну из конститутивных составных частей цены продуктов земли;* ибо цена всюду *регулируется* выручкой от той последней доли капитала, за которую не платится никакой ренты» (стр. 391) [Русский перевод, том I, стр. 270].

Даваемая у Рикардо иллюстрация доказывает как раз *наоборот,* что приложение к земле этой последней доли капитала

регулируется *рыночной ценой,* не зависящей от этого приложения, существующей еще до того, как оно было произведено, и потому доставляющей на эту последнюю долю капитала только прибыль, а не ренту. Что прибыль является единственным регулятором для капиталистического производства, это совершенно верно. И поэтому верно, что не существовало бы абсолютной ренты, если бы производство регулировалось *исключительно* капиталом. Абсолютная рента возникает как раз там, где условия производства дают земельному собственнику власть ставить границы исключительному регулированию производства капиталом.

Во-вторых, Рикардо (стр. 391 и следующие) [Русский перевод, том I, стр. 270—272] упрекает А. Смита в том, что тот развивает правильный принцип ренты [только] для каменноугольных шахт. Рикардо говорит даже так:

«Весь принцип ренты разъяснен здесь превосходно и недвусмысленно, но каждое слово может быть отнесено с таким же основанием к земле, как и к каменноугольным шахтам; однако Смит утверждает, что «иначе обстоит дело с земельными владениями на поверхности земли»» (стр. 392) [Русский перевод, том I, стр. 271].

А. Смит чувствует, что при известных обстоятельствах земельный собственник обладает властью оказать капиталу эффективное сопротивление, дать почувствовать силу земельной собственности и потому потребовать абсолютную ренту и что при других обстоятельствах у него такой власти нет; но что именно производство предметов питания устанавливает закон ренты, тогда как рента при других приложениях капитала к земле определяется земледельческой рентой.

««У земельных владений на поверхности земли»» (говорит А. Смит) ««стоимость их продукта и размер приносимой ими ренты пропорциональны не их *относительному,* а их *абсолютному* плодородию»» (стр. 392) [Русский перевод, том I, стр. 271].

В своем возражении Смиту Рикардо приближается, насколько это вообще для него возможно, к действительному принципу ренты. Он говорит:

«Но предположим, что нет ни одного участка земли, который не приносил бы ренты. В этом случае величина ренты с наихудшей земли, была бы пропорциональна избытку стоимости продукта над затратой капитала и обычной прибылью на капитал. Тот же самый принцип будет определять ренту с земель несколько лучшего качества или лучше расположенных, и поэтому рента с этих земель, вследствие их преимуществ, была бы выше ренты с земель наихудшего качества. То же самое можно сказать о землях третьего, еще более высокого качества, и т. д. до самых лучших. Не очевидно ли после этого, что именно относительное плодородие земли определяет ту часть продукта, которая уплачивается в виде

земельной ренты, точно так же как *относительная продуктивность рудников* определяет ту часть их продукта, которая уплачивается в виде ренты с рудников?» (стр. 392—393) [Русский перевод, том I, стр. 271].

Здесь Рикардо высказывает правильный принцип ренты. Если наихудшая земля уплачивает ренту, если, следовательно, рента уплачивается независимо от различия в естественном плодородии земель и является абсолютной рентой, то эта рента должна равняться «избытку *стоимости* продукта *над* затратой капитала и обычной прибылью на капитал», т. е. избытку *стоимости* продукта *над* его ценой издержек. Рикардо предполагает, что такого избытка не может быть, потому что он, в противоречии со своим собственным принципом, ошибочно принимает смитовскую догму [617] о том, что стоимость равна цене издержек продукта.

В остальном Рикардо опять впадает в заблуждение.

Дифференциальная рента, конечно, определялась бы «относительным плодородием». Но абсолютная рента не имела бы с «естественным плодородием» ничего общего.

А с другой стороны, Смит оказался бы прав в том, что *фактическая* рента, которую уплачивает наихудшая земля, *может* зависеть от абсолютного плодородия других земель и от относительного плодородия наихудшей земли или же от абсолютного плодородия наихудшей земли и от относительного плодородия других разрядов земли.

Дело в том, что фактическая величина ренты, которую платит наихудшая земля, зависит не от избытка *стоимости* ее собственного продукта над его ценой издержек, как полагает Рикардо, а от избытка *рыночной стоимости* над ценой издержек продукта. Но это весьма различные вещи. Если *продукт наихудшей земли сам определяет* рыночную цену, то рыночная стоимость равна его действительной стоимости, и, следовательно, избыток его рыночной стоимости над его ценой издержек равен избытку его собственной индивидуальной (его действительной) стоимости над его ценой издержек. Если же рыночная цена определяется независимо от продукта наихудшей земли другими разрядами земли, то дело обстоит иначе. Рикардо исходит из предположения о нисходящей линии. Он предполагает, что наихудшая земля поступает в обработку *в последнюю очередь* и что она обрабатывается (в предположенном случае) только тогда, когда добавочный спрос сделал необходимым добавочное предложение по стоимости продукта, получаемого с наихудшей и в последнюю очередь поступившей в обработку земли. В этом случае стоимость продукта наихудшей земли регулирует рыночную стоимость. При восходящей линии это

происходит (даже с точки зрения Рикардо) лишь в том случае. когда добавочное предложение лучших разрядов земли только равняется добавочному спросу по прежней рыночной стоимости. Если добавочное предложение больше этого, то Рикардо всегда предполагает, что старая земля должна быть изъята *из обработки,* тогда как отсюда следует только то, что старая земля будет давать *более низкую ренту,* чем прежде, или совсем не будет давать ренты. При нисходящей линии происходит то же самое. Если добавочное предложение таково, что оно может быть доставлено только по *прежней рыночной стоимости,* то от того, насколько эта рыночная стоимость превышает цену издержек продукта новой, худшей земли, зависит, будет ли — и в какой мере — худшая земля давать ренту или совсем не будет давать ренты. В обоих случаях [т. е. как при восходящей линии, так и при нисходящей] ее рента определяется *абсолютным* плодородием, а не относительным. От абсолютного плодородия новой земли зависит, насколько рыночная стоимость, определяемая давлением продукта лучших разрядов земли, *превышает* собственную действительную, индивидуальную стоимость продукта новой земли.

А. Смит правильно проводит здесь различие между землей и рудниками, так как относительно последних он предполагает, что *никогда* не бывает перехода к худшим разрядам, а всегда к *лучшим* и что они всегда доставляют больше, чем необходимое добавочное предложение. Рента с наихудшей земли зависит тогда от ее абсолютного плодородия.

«После того как А. Смит заявил, что имеются такие шахты, *которые могут разрабатываться только их собственниками,* потому что эти шахты покрывают лишь издержки по разработке вместе с обычной прибылью на вложенный капитал, *мы были бы вправе ожидать, что, по его мнению, именно эти шахты регулируют цену продукта всех шахт.* Если старые шахты не могут доставить всего требуемого количества угля, то *цена угля начнет повышаться* и будет повышаться до тех пор, пока собственник новой, более бедной шахты не найдет, что он может, разрабатывая ее, получить обычную прибыль на капитал... Таким образом, выходит, что *цена угля всегда регулируется наименее продуктивными шахтами.* Однако А. Смит другого мнения. 0н считает, что «наиболее продуктивные угольные шахты регулируют цену угля всех других соседних шахт. Оба, и собственник шахты и предприниматель, занятый разработкой ее, находят, что первый может получить большую ренту, а второй — бо́льшую прибыль, если станут продавать уголь по несколько более дешевой цене, чем все их соседи. Последние вскоре вынуждены будут продавать свой уголь *по той же цене,* хотя им не так легко сделать это и хотя это всегда уменьшает их ренту и прибыль, а иногда вовсе лишает их и ренты и прибыли. В результате этого некоторые шахты совершенно забрасываются, а другие перестают приносить ренту и *могут разрабатываться только их собственником».* Если спрос на уголь [617a] уменьшается или если благодаря примнннению новых методов увеличивается его количество, то его *цена должна*

упасть, и разработка некоторых шахт должна *прекратиться.* Но *во всяком случае цена угля должна быть достаточна* для того, чтобы *оплатить издержки и прибыль той шахты, которая разрабатывается, не будучи обременена рентой. Следовательно,* цену регулируют наименее продуктивные шахты. Да и сам Адам Смит констатирует это в другом месте, ибо он говорит: *«Самая низкая цена,* по которой уголь может *продаваться* в течение сколько-нибудь продолжительного времени, это, как и для всех других товаров, та цена, которая всего лишь достаточна для возмещения, вместе с обычной прибылью, капитала, затрачиваемого на производство товара и доставку его на рынок. На *каменноугольной шахте, с которой земельный собственник не может получать ренты* и которую он должен или разрабатывать сам или совсем забросить, *цена угля должна, как правило, находиться приблизительно на уровне этой цены»»* (стр. 393—395) [Русский перевод, том I, стр. 271—272].

А. Смит ошибается в том отношении, что он особую конъюнктуру рынка, при которой на рынке господствует наиболее продуктивная шахта (или земля), объявляет *всеобщим* случаем. Но если предположить этот случай, то он рассуждает (в общем) правильно, а Рикардо неправильно. Смит предполагает, что при данном состоянии спроса и при относительно большой продуктивности наилучшей шахты последняя может протолкнуть на рынок весь свой продукт только тогда, когда она продает уголь дешевле, чем конкуренты, когда цена ее продукта *ниже* прежней рыночной стоимости. В результате этого падает цена продукта и для худших шахт. Рыночная цена падает. Это падение во всех случаях *понижает ренту* на худших шахтах и может даже привести к полному ее исчезновению. Ибо рента равна избытку рыночной стоимости над ценой издержек продукта независимо от того, равна ли эта рыночная стоимость индивидуальной стоимости продукта определенного разряда земли (или шахт) или нет. Прибыль, чего не замечает Смит, может в результате этого уменьшиться лишь в том случае, если станет необходимым изъять часть капитала и сократить размер производства. Если рыночная цена, регулируемая при данных условиях продуктом лучших шахт, падает так низко, что совсем не дает для продукта наихудшей шахты никакого избытка над ценой издержек, то наихудшую шахту может разрабатывать только сам собственник. При этой рыночной цене ни один капиталист не будет платить ему ренту. Его собственность на землю не дает ему в этом случае власти над капиталом, но она устраняет для него то сопротивление, какое встречают другие капиталисты при вложении капитала в землю. Для него земельная собственность *не существует,* так как он сам является земельным собственником. Следовательно, он может использовать свою землю для добычи угля, как и для любой другой отрасли производства, т. е. может использовать

ее в том случае, если рыночная цена продукта, которую он сам не определяет, а *находит уже* установленной, дает ему среднюю прибыль, покрывает его *цену издержек.*

И отсюда Рикардо заключает, что Смит противоречит самому себе! Из того, что прежняя рыночная цена определяет, в какой мере новые шахты могут быть пущены в ход самими собственниками их, т. е. могут разрабатываться в условиях фактического исчезновения земельной собственности, так как при прежней рыночной цене они обеспечивают предпринимателю *цену издержек,* — он заключает, что эта цена издержек определяет рыночную цену! Но тут он снова прибегает к нисходящей линии и заявляет, что менее продуктивная шахта может разрабатываться только в том случае, если рыночная цена продукта поднимается выше стоимости продукта лучших шахт; между тем необходимо только то, чтобы она *превышала* цену издержек или даже всего лишь оплачивала ее для худших шахт, эксплуатируемых самими собственниками их.

К тому же, если Рикардо полагает, что, «когда количество» (добываемого угля) «благодаря применению новых методов увеличивается, его *цена должна упасть,* и *разработка некоторых шахт должна прекратиться»,* — то ведь это зависит лишь от степени падения цены и от состояния спроса. В том случае, когда при таком падении цен рынок может поглотить весь продукт, плохие шахты всё еще будут давать ренту, если при падении рыночной цены всё еще остается некоторый избыток рыночной стоимости над ценой издержек более бедных шахт; если же рыночная цена всего лишь покрывает эту цену издержек, т. е. совпадает с ней, то более бедные шахты будут разрабатываться их собственниками. Но в обоих случаях нелепо говорить, что цена издержек наихудшей шахты регулирует рыночную цену. Конечно, цена издержек наихудшей шахты определяет соотношение между ценой ее продукта и регулирующей рыночной ценой и решает *поэтому* вопрос о том, [618] может ли разрабатываться эта шахта или не может. Но вопрос о том, может ли при *данной рыночной цене* эксплуатироваться земля — или шахта — определенной степени продуктивности, не имеет, очевидно, ничего общего и отнюдь не совпадает с тем обстоятельством, регулирует ли рыночную цену цена издержек продукта этой земли или этой шахты. Если бы при *возросшей рыночной стоимости* было необходимо или возможно *добавочное предложение,* то рыночную стоимость регулировала бы наихудшая земля, но тогда она и давала бы абсолютную ренту. Это как раз тот случай, который *противоположен* случаю, предполагаемому у Смита.

В-третьих, Рикардо (стр. 395—396) [Русский перевод, том I, стр. 272—273] упрекает Смита по поводу того, что по мнению последнего дешевизна сырых продуктов, например замена хлеба картофелем, вызывающая падение заработной платы и уменьшение издержек производства, приводит к тому, что земельному собственнику достается большая доля — а также и большее количество — продукта. Рикардо возражает против этого:

«Ни одна часть добавочного чистого продукта не пошла бы на увеличение ренты; вся добавка неизменно пошла бы целиком на увеличение прибыли... Пока обрабатываются земли одного и того же качества и пока не произошло никакого изменения в их относительном плодородии или других преимуществах, *рента всегда будет сохранять свое прежнее отношение к валовому продукту»* (стр. 396) [Русский перевод, том I, стр. 273].

Это безусловно неверно. Доля земельной ренты, а потому и ее *относительная* величина, упадет. Картофель, введенный в качестве главного предмета питания, снизил бы стоимость рабочей силы, необходимое рабочее время сократилось бы, прибавочное рабочее время, а потому и *норма* прибавочной стоимости увеличились бы; следовательно, при прочих равных условиях, строение капитала изменилось бы, стоимость переменной части уменьшилась бы по отношению к стоимости постоянной части, хотя *масса* применяемого живого труда осталась бы прежней. *Норма прибыли* поэтому повысилась бы. В этом случае мы имели бы падение абсолютной ренты и относительное падение дифференциальной ренты (см. стр. 610, таблицу *C*[*]). Эта причина оказала бы одинаковое действие на земледельческий и неземледельческий капитал. Общая норма прибыли повысилась бы, и рента *поэтому* упала бы.

В главе 28-й *(«О сравнительной стоимости золота, хлеба и труда в богатых и бедных странах»)* Рикардо пишет:

«Ошибка д-ра Смита, проходящая красной нитью через весь его труд, заключается в предположении, что стоимость хлеба постоянна и что, хотя стоимость всех других вещей может повыситься, со стоимостью хлеба это никогда не может произойти. По его мнению, хлеб всегда имеет одинаковую стоимость потому, что он всегда может прокормить одинаковое число людей. Точно таким же образом можно было бы сказать, что сукно всегда имеет одну и ту же стоимость, потому что из него всегда можно сделать одно и то же количество сюртуков. Что общего имеет стоимость со способностью вещи служить пищей или одеждой?» (стр. 449—450) [Русский перевод, том I, стр. 307].

«... Д-р Смит... так искусно защищал теорию о том, что рыночная цена товаров в конечном счете регулируется их естественной ценой» (стр. 451) [Русский перевод, том I, стр. 308].

[*] См. настоящий том, часть II, стр. 356—357. *Ред.*

«... Если стоимость золота выражать в хлебе, то золото может иметь весьма различную стоимость в двух различных странах. Я старался показать, что эта стоимость будет низка в богатых странах и высока в бедных. Адам Смит держится другого мнения: он думает, что стоимость золота, выраженная в хлебе, выше всего в богатых странах» (стр. 454) [Русский перевод, том I, стр. 310].

* * *

В главе 32-й («Взгляды г-на Мальтуса на ренту») Рикардо пишет:

«Рента есть создание стоимости, но не создание богатства»[95] (стр.485— 486) [Русский перевод, том I, стр. 330].

«Говоря о высокой цене хлеба, г-н Мальтус, очевидно, подразумевает под этим не цену квартера или бушеля, а скорее избыток цены, по которой продается весь продукт, над издержками его производства, включая всегда в термин «издержки производства» как заработную плату, так и прибыль. 150 квартеров хлеба по 3 ф. ст. 10 шилл. за квартер принесли бы земельному собственнику большую ренту, чем 100 квартеров по 4 ф. ст., если только издержки производства в обоих случаях одинаковы» (стр. 487) [Русский перевод, том I, стр. 330]. «Каковы бы ни были свойства данной земли, высокая рента зависит от высокой цены продукта; но раз высокая цена дана, высота ренты пропорциональна не скудости продукта, а его изобилию» (стр. 492) [Русский перевод, том I, стр. 334].

«Так как рента есть следствие высокой цены хлеба, то исчезновение ренты есть следствие низкой цены. Иностранный хлеб никогда не вступает в конкуренцию с таким хлебом внутреннего производства, который приносит ренту. Падение цены всегда бьет по земельному собственнику, пока не будет поглощена вся его рента; если цена все еще продолжает понижаться, то она перестанет доставлять даже обычную прибыль на капитал; в этом случае капитал оставит землю, чтобы искать какого-либо другого применения, и хлеб, который прежде производился на этой земле, будет тогда, но не раньше, замещен импортным хлебом. Исчезновение ренты повлечет за собой потерю в стоимости, а именно в стоимости, выраженной в деньгах, но зато это будет выигрыш в богатстве. Количество сырых материалов и других продуктов, вместе взятых, возрастет, но вследствие большей легкости, с которой они производятся, увеличение их количества будет сопровождаться уменьшением их стоимости» (стр. 519) [Русский перевод, том I, стр. 351].

[ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ]
ТЕОРИЯ РЕНТЫ А. СМИТА

[1) ПРОТИВОРЕЧИЯ У СМИТА В ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ РЕНТЫ]

[619] Мы здесь не останавливаемся на интересной Смитовской трактовке вопроса о том, каким образом рента, получаемая с главного растительного предмета питания, определяет все остальные в строгом смысле слова сельскохозяйственные ренты (в скотоводстве, в лесном хозяйстве, в культуре технических растений), поскольку эти отрасли производства могут быть взаимно превращены одна в другую. Смит выделяет, в виде исключения, культуру риса там, где рис служит основным растительным предметом питания, так как рисовые болота не могут быть превращены в луга, в засеянные пшеницей поля и т. п., а также и наоборот.

Смит правильно определяет *ренту* как «цену, уплачиваемую за *пользование землей»* ([франц. издание 1802 г.] том I, стр. 299) [Русский перевод, том I, стр. 130], где под землей следует понимать всякую силу природы как таковую, следовательно также воду и т. д.

В противоположность странному представлению Родбертуса[96], Смит уже во введении [к главе 11-й] перечисляет составные части земледельческого капитала: «капитал, доставляющий семена» (сырье), «оплачивающий труд, покупающий и содержащий скот и другие земледельческие *орудия»* (там же) [Русский перевод, том I, стр. 130].

Но что же представляет собой эта «цена, уплачиваемая за пользование землей»?

«Все то, что остается от продукта или от его цены сверх этой части» {той части, которая возмещает авансированный капитал «и, сверх того, обычную прибыль»}, «каков бы ни был этот остаток, *собственник* стремится

удержать у себя в качестве *ренты* за свою землю» (там же, стр. 300) [Русский перевод, том I, стр. 130].

«Этот *избыток* всегда можно рассматривать как *естественную* земельную *ренту»* (стр. 300) [Русский перевод, том I, стр. 130].

Смит возражает против смешения ренты о процентом на вложенный в землю капитал:

«Собственник требует ренту даже за такую землю, которая не подверглась улучшению» (стр. 300—301) [Русский перевод, том I, стр. 130],

и даже эта вторая форма ренты*, добавляет он, имеет ту особенность, что процент на использованный для улучшения земли капитал представляет собой процент на капитал, вложенный не собственником, а арендатором.

«Он» (собственник) «требует иногда ренту за то, что вообще не может быть улучшено человеком» (стр. 301) [Русский перевод, том I, стр. 131].

Смит с полной определенностью подчеркивает, что «ренту требует» *земельная собственность, земельный собственник* как *собственник.* Рассматривая, таким образом, ренту как простое следствие *земельной собственности,* Смит признаёт ренту *монопольной ценой,* что совершенно верно, так как только в результате вмешательства земельной собственности продукт продается по цене большей, чем цена издержек, продается по своей стоимости.

«Земельная рента, рассматриваемая как цена, уплачиваемая за пользование землей, естественно, представляет собой монопольную цену» (стр. 302) [Русский перевод, том I, стр. 131].

Это, действительно, такая цена, уплачивать которую вынуждает только монополия собственности на землю и которая, являясь в этом отношении монопольной ценой, отличается от цены промышленных продуктов.

С точки зрения капитала — а капитал господствует в производстве — *цена издержек* требует лишь того, чтобы продукт оплачивал, кроме авансированных затрат, также и среднюю прибыль. В этом случае продукт, — безразлично, будет ли это продукт земли или какой-нибудь другой продукт, — *может*

«поступать на рынок». «Если обычная цена превышает достаточную, то *избыток* ее, естественно, идет на земельную ренту. Если она является всего лишь достаточной, то товар вполне *может* поступать на рынок, но не может давать ренту земельному собственнику. Будет ли цена выше достаточной или нет? Это зависит от спроса» (том I, стр. 302—303) [Русский перевод, том I, стр. 131].

Переходим к вопросу: почему, по мнению Смита, рента входит в цену иначе, чем заработная плата и прибыль? Вначале

* — рента за улучшенную землю. *Ред.*

Смит правильно разложил стоимость на заработную плату, прибыль и ренту (если оставить в стороне постоянный капитал). Но он тотчас же сбивается на противоположный путь — он отождествляет стоимость и «естественную цену» (т. е. определяемую конкуренцией среднюю цену товаров, или их цену издержек) и составляет последнюю из заработной платы, прибыли и ренты.

«Эти три части образуют, по-видимому, непосредственно или в конечном счете всю цену» (том I, стр. 101) (книга I, глава 6) [Русский перевод, том I, стр. 47].

«Тем не менее в наиболее развитых обществах всегда встречаются, хотя и в небольшом количестве, такие товары, *цена которых разливается только на две части: на заработную плату и прибыль на капитал,* и еще меньшее количество таких товаров, *у которых цена состоит исключительно из заработной платы.* В цене морской рыбы, например, одна часть оплачивает труд рыбаков, а другая часть — прибыль на капитал, вложенный в рыболовный промысел. *Рента* редко составляет часть [620] этой цены... В некоторых местностях Шотландии живут бедняки, промышляющие собиранием на морском берегу пестрых камешков, известных в народе под названием *шотландских голышей.* Цена, которую платит им за эти камешки *гранильщик,* состоит целиком из *платы за их труд: в нее не входят ни рента, ни прибыль.* Но *вся цена любого товара* всегда в конечном счете разлагается *на какую-нибудь из этих частей или на все три части»* (том I, стр. 103—104) (книга I, глава 6) [Русский перевод, том I, стр. 48—49].

В приведенных местах (да и вообще в этой 6-й главе, трактующей о *«составных частях цены товаров»)* свалены в одну кучу разложение стоимости на заработную плату и т. д. и составление цены из заработной платы и т. д. (И только глава 7-я впервые трактует о «естественной цене» и «рыночной цене».)

Главы 1-я, 2-я и 3-я первой книги трактуют о «разделении труда», глава 4-я — о деньгах. Как в этих, так и в следующих главах попутно дается определение *стоимости. Глава 5-я* трактует о *действительной цене* товаров и их *номинальной цене;* о превращении *стоимости в цену. Глава 6-я* — «о составных частях цены товаров». *Глава 7-я — о естественной цене* и *рыночной цене.* Затем *глава 8-я* — о заработной плате. *Глава 9-я* — о прибыли на капитал. *Глава 10-я — о заработной плате и прибыли в различных отраслях приложения труда и капитала.* Наконец, *глава 11-я — о земельной ренте.*

Но мы здесь хотим обратить внимание в первую очередь на следующее: согласно только что приведенным положениям, существуют товары, *цена* которых состоит из одной лишь заработной платы, равно как и другие, цена которых состоит лишь из заработной платы и прибыли, и, наконец, третьи, цена которых состоит из заработной платы, прибыли и ренты. Поэтому:

«Вся цена любого товара всегда... разлагается *на какую-нибудь из этих частей* или *на все три части».*

Согласно этому, не было бы, следовательно, основания говорить, что рента входит в цену иначе, чем прибыль и заработная плата; но нужно было бы сказать, что рента и прибыль иначе входят в цену, чем заработная плата, ибо последняя входит всегда, а рента и прибыль — не всегда. *Откуда же это различие?*

Далее, Смит должен был бы исследовать вопрос: возможно ли, чтобы те немногие товары, в которые *входит* только *заработная плата,* продавались по *их стоимости?* Или, не являются ли те бедняки, которые собирают шотландские голыши, скорее наемными рабочими *гранильщиков,* которые платят этим беднякам за доставляемый ими товар лишь обычную заработную плату, т. е. платят им за *весь, на первый взгляд целиком им принадлежащий, рабочий день* лишь столько, сколько получает рабочий в других отраслях, где *часть его рабочего дня* образует прибыль и принадлежит не ему, а капиталисту? Смит должен был бы либо подтвердить это, либо, напротив, заявить, что в данном случае прибыль лишь *по внешней видимости* выступает как нечто не отличающееся от заработной платы. Он сам говорит:

«Когда эти три различных вида дохода принадлежат различным лицам, их легко отличить друг от друга; но когда они принадлежат одному и тому же лицу, их иногда смешивают друг с другом, по крайней мере в обыденной речи» (том I, стр. 106) (книга I, глава 6) [Русский перевод, том I, стр. 50].

Между тем у Смита дело принимает следующий вид:

Если независимый работник (подобно шотландским беднякам, о которых шла речь выше) применяет только труд (не *нуждаясь* при этом в капитале), вообще применяет только свой труд и данные природой элементы, — то цена, при ее разложении, сводится к одной лишь заработной плате. Если работник применяет также и небольшой капитал, то он в одном лице соединяет того, кто получает заработную плату, и того, кто получает прибыль. Если, наконец, он применяет свой труд, свой капитал и свою земельную собственность, то в нем соединяются все три лица — земельный собственник, арендатор и рабочий.

{Вся нелепость постановки вопроса у Смита обнаруживается в одной из заключительных фраз 6-й главы I книги:

«Так как в цивилизованной стране найдется только очень мало таких товаров, *вся меновая стоимость* которых происходит *исключительно из труда»* (здесь труд и *заработная плата* отождествляются), «и так как в меновую стоимость подавляющей части товаров значительной долей

входят *рента* и *прибыль,* то *годовой продукт труда этой страны»* (здесь, стало быть, товары всё же равняются *продукту труда,* хотя не «вся стоимость этого продукта происходит исключительно из труда») «всегда будет достаточен для того, чтобы *купить* и *получить в свое распоряжение гораздо большее количество труда, чем то, которое нужно было употребить на выращивание, обработку и доставку на рынок этого продукта»* (там же, том I, стр. 108—109) [Русский перевод, том I, стр. 50—51].

Выходит, что продукт *труда* не равняется *стоимости* этого продукта. Скорее (так можно понять мысль Смита), эта стоимость *повышена* добавлением прибыли и ренты. Поэтому продукт труда может получить в свое распоряжение, купить большее количество труда, т. е. он может купить в виде труда большую стоимость, чем та, которую составляет содержащееся в продукте количество труда. Это положение было бы верно. если бы оно было сформулировано так:

[621] *Смит говорит:*	*Следовало бы сказать с его же собственной точки зрения:*
«Так как в цивилизованной стране найдется только очень мало таких товаров, *вся меновая стоимость* которых происходит *исключительно из труда,* и так как в меновую стоимость подавляющей части товаров значительной долей *входят* рента и прибыль, то годовой продукт труда этой страны всегда будет достаточен для того, чтобы купить и получить в свое распоряжение гораздо большее *количество труда,* чем то, *которое нужно было употребить на выращивание, обработку и доставку на рынок этого продукта».*	«Так как в цивилизованной стране найдется только очень мало таких товаров, *вся меновая стоимость* которых сводится, при ее разложении, исключительно к *заработной плате,* и так как у подавляющей части товаров значительная доля их стоимости *разлагается* на ренту и прибыль, то годовой продукт труда этой страны всегда будет достаточен для того, чтобы купить и получить в свое распоряжение гораздо большее *количество труда,* чем то, которое нужно было *оплатить* (а значит, и употребить) при выращивании, обработке и доставке на рынок этого продукта».

(Смит здесь опять возвращается к своему второму представлению о стоимости; относительно последней он в этой же главе говорит:

«Следует иметь в виду, что действительная стоимость всех различных составных частей цены измеряется *количеством труда, которое каждая из них может купить, или получить в свое распоряжение.* Труд» (в этом смысле) «измеряет стоимость не только той части цены, которая *сводится к труду»* (следовало сказать: к заработной плате), «но и той ее части, которая *сводится* к *ренте,* и той, которая *сводится к прибыли»* (том I, книга I, глава 6, стр. 100) [Русский перевод, том I, стр. 47].

В главе 6-й преобладает еще «разложение *стоимости* на заработную плату, прибыль и ренту». Только в главе 7-й,

трактующей о естественной цене и рыночной цене, уже берет верх тот взгляд, что цена складывается из этих конститутивных элементов.)

Итак: *меновая стоимость годового продукта труда* состоит не только из заработной платы за труд, примененный в производстве этого продукта, но также из прибыли и ренты. Но *распоряжение* этим трудом, или *купля* его, осуществляется посредством той лишь части стоимости, которая сводится к заработной плате. Таким образом, можно привести в движение гораздо большую массу труда в том случае, если часть прибыли и ренты употребить на то, чтобы получить в свое распоряжение, или купить, труд, т. е. если превратить эту часть в заработную плату. Получается, стало быть, следующее: меновая стоимость годового продукта труда разлагается на *оплаченный труд* (заработную плату) и *неоплаченный труд* (прибыль и ренту). И вот, если из той части стоимости, которая сводится к неоплаченному труду, некоторую долю превратить в заработную плату, то можно купить большее количество труда, чем в том случае. когда для новой купли труда предназначается только та часть этой стоимости, которая состоит из заработной платы.}

Теперь вернемся к нашему предмету.

«Независимый работник, обладающий *небольшим капиталом,* достаточным для того, чтобы приобрести материалы и просуществовать до тех пор, пока он сможет вынести на рынок свой продукт, получит одновременно как *заработную плату поденщика,* который работает у *хозяина,* так и прибыль, какую этот хозяин извлек бы из труда поденщика. Тем не менее совокупную выручку этого работника называют *прибылью,* и заработная плата здесь смешивается с прибылью. Садовник, который своими руками обрабатывает свой собственный сад, соединяет в себе *три различных лица — земельного собственника, арендатора и рабочего.* Продукт его сада должен поэтому оплатить ему ренту первого, прибыль второго и заработную плату третьего. Тем не менее все это обычно рассматривается как *продукт его труда.* Как рента, так и прибыль смешиваются здесь с заработной платой» (том I, книга I, глава 6, стр. 108) [Русский перевод, том I, стр. 50].

У Смита здесь, действительно, смешение всех понятий. Разве *«все это»* не есть «продукт его труда»? И разве отношения капиталистического производства, — где, с отделением труда от его объективных условий, рабочий, капиталист и земельный собственник противостоят друг другу как три различных лица, — не переносятся здесь, наоборот, на этого садовника, когда продукт его труда или, вернее, стоимость этого продукта рассматривается частью как заработная плата, служащая оплатой его труда, частью как прибыль на примененный капитал и частью как рента, которая приходится на долю земли или, вернее,

собственника земли? *В рамках* капиталистического производства совершенно правильно и для таких трудовых отношений, при которых указанные элементы (фактически) *не* отделены друг от друга, предполагать их отделенными друг от друга и, таким образом, рассматривать этого садовника как своего собственного [622] поденщика и своего собственного земельного собственника, соединенных in una persona*. Но здесь у Смита уже определенно проскальзывает вульгарное представление, будто заработная плата возникает из труда, а прибыль и рента возникают — независимо от труда рабочего — из капитала и земли как из самостоятельных источников, из которых проистекает не присвоение чужого труда, а само богатство. Таким причудливым образом переплетаются у Смита самые глубокие взгляды с самыми несуразными представлениями, какие создает себе вульгарное сознание, выхватывая путем абстрагирования отдельные явления конкуренции.

После того как Смит сперва *разложил* стоимость на заработную плату, прибыль и ренту, он затем, наоборот, *составляет* стоимость из заработной платы, прибыли и ренты, определяемых независимо от стоимости. Позабыв таким образом свои же собственные правильные выводы относительно происхождения прибыли и ренты, Смит может теперь сказать:

«Заработная плата, прибыль и рента представляют собой *три первичных источника* всякого *дохода, точно так же* как и *всякой меновой стоимости»* (том I, стр. 105) (книга I, глава 6) [Русский перевод, том I, стр. 49].

В соответствии со своей собственной аргументацией он должен был бы сказать:

«Стоимость товара проистекает исключительно из труда (количества труда), заключенного в этом товаре. Эта стоимость разлагается на заработную плату, прибыль и ренту. Заработная плата, прибыль и рента являются теми первичными формами, в которых наемный рабочий, капиталист и земельный собственник получают свои доли из созданной трудом рабочего стоимости. В этом смысле заработная плата, прибыль и рента представляют собой три первичных *источника* всякого *дохода,* хотя ни один из этих так называемых источников не участвует в создании стоимости».

Из приведенных мест мы видим, как Смит в главе 6-й, трактующей о *«составных частях цены товаров»,* приходит к тому, что сводит цену к заработной плате, когда в производство входит только труд (непосредственный), разлагает ее на заработную плату и прибыль, когда, вместо независимого работника, имеется работающий на капиталиста поденщик (т. е.

* — в одном лице. *Ред.*

имеется капитал), и, наконец, — на заработную плату, прибыль и ренту, когда, кроме капитала и труда, в производство входит «земля»; причем, однако, заранее предполагается, что земля обращена в собственность, т. е. что рядом с рабочим и капиталистом выступает также и земельный собственник (хотя Смит замечает, что все эти три характерные фигуры — или две из них — могут быть соединены в одном лице).

А в *главе 7-й,* трактующей о *естественной цене* и *рыночной цене,* рента совершенно так же, как и заработная плата и *прибыль,* представлена в качестве конституирующей части естественной цены (в том случае, когда в производство входит земля).

Доказательством этого служат следующие места *(книга I, глава 7):*

«Когда цена товара не выше и не ниже того, что необходимо для оплаты по их *естественным* нормам и *земельной ренты,* и *заработной платы,* и *прибыли на капитал,* употребленный на то, чтобы произвести товар, обработать его и доставить на рынок, тогда товар этот продается по цене, которую можно назвать *его естественной ценой.* Товар тогда продается *в точности за столько, сколько он стоит»* (том I, стр. 111) [Русский перевод, том I, стр. 52]. (Здесь вместе с тем «естественная цена» объявляется тождественной со стоимостью товара.)

«Рыночная цена каждого отдельного товара определяется соотношением между количеством этого товара, находящимся в данное время на рынке, и спросом на него со стороны тех, кто готов заплатить его *естественную цену,* или *полную стоимость ренты,* прибыли и заработной платы, *которые должны быть оплачены для того, чтобы товар поступал на рынок»* (том I, стр. 112) [Русский перевод, том I, стр. 53].

«Если количество какого-нибудь товара, поступившее на рынок, *отстает* от действительного спроса на него, то невозможно, чтобы все те, кто готов заплатить *полную стоимость рент ы, заработной платы* и *прибыли,* необходимых для поступления его на рынок, получили нужное им количество этого товара... Тогда *рыночная цена* в большей или меньшей степени *превысит естественную цену,* в зависимости от того, насколько *размеры дефицита* в этом товаре, либо *богатство* конкурентов, либо же их прихоть, усилят конкуренцию между ними» (том 1, стр. 113) [Русский перевод, том I, стр. 53].

«Если поступившее на рынок количество товара превышает действительный спрос на него, то не все это количество может быть продано тем, кто готов заплатить полную стоимость ренты, заработной платы и прибыли, необходимых для поступления его на рынок... *Рыночная цена* упадет тогда ниже *естественной цены,* в большей или меньшей степени, в зависимости от того, насколько имеющийся избыток товара усилит конкуренцию между продавцами, или же в зависимости от того, насколько для них важно немедленно сбыть с рук свой товар» (том I, стр. 114) [Русский перевод, том I, стр. 53—54].

«Если поступившее на рынок количество как раз достаточно для удовлетворения действительного спроса, то *рыночная цена* будет, конечно, в точности соответствовать... *естественной цене...* Конкуренция между различными продавцами заставляет их принять эту цену, но она не вынуждает их принять цену более низкую» (том I, стр. 114—115) [Русский перевод, том I, стр. 54].

[623] По Смиту, земельный собственник *изымает свою землю* из производства или переходит от производства одного товара (например, пшеницы) к производству *другого* (например, к пастбищному хозяйству) [или же, напротив, расширяет производство своего товара], когда вследствие состояния рынка его рента падает ниже или поднимается выше своей естественной нормы.

«Если это» (поступившее на рынок) «количество превышает в течение некоторого времени действительный спрос, то какая-нибудь из составных частей цены товара должна быть оплачена ниже своей *естественной нормы. Если в таком положении окажется рента,* то интересы земельных собственников тотчас же побудят их *изъять из этого производства часть своей земли»* (том I, стр. 115) [Русский перевод, том I, стр. 54].

«Если, напротив, поступившее на рынок количество товара *отстает* в течение некоторого времени *от действительного спроса,* то какие-нибудь из составных частей цены товара необходимо поднимутся выше своей *естественной* нормы. *Если в таком положении окажется рента,* то интересы всех остальных земельных собственников, естественно, побудят их использовать большую площадь земли для производства этого товара» (том I, стр. 116) [Русский перевод, том I, стр. 54].

«Случайные и временные колебания *рыночной цены* товара влияют главным образом на те части его цены, которые сводятся к заработной плате и прибыли. На той части цены, которая сводится к ренте, это отражается в меньшей степени» (том I, стр. 118—119) [Русский перевод, том I, стр. 55].

«Монопольная цена представляет собой во всех случаях самую высокую цену, какая только может быть получена. Напротив, *естественная цена,* или цена, устанавливающаяся в результате свободной конкуренции, является самой низкой ценой, на какую можно согласиться, не в любой, правда, момент, но на протяжении сравнительно продолжительного отрезка времени» (том I, стр. 124) [Русский перевод, том I, стр. 58].

«Хотя *рыночная цена* отдельного товара может длительное время держаться выше *естественной цены,* все же трудно предположить, чтобы длительное время она стояла ниже последней. *Какая бы из частей* этой *цены ни оплачивалась ниже своей естественной нормы,* те люди, интересы которых затронуты этим, вскоре заметили бы понесенный ими ущерб и *немедленно извлекли бы из данной отрасли производства столько земли* или труда или капитала, что поступающее на рынок количество этого товара вскоре оказалось бы всего лишь достаточным для удовлетворения действительного спроса. Следовательно, *рыночная цена* этого товара вскоре повысится до уровня его *естественной цены;* по крайней мере это произойдет там, где господствует полная свобода» (том I, стр. 125) [Русский перевод, том I, стр. 58].

После такой трактовки вопроса в главе 7-й очень трудно понять, на каком основании Смит в главе *11-й «О земельной ренте»* (книга I) утверждает, что рента не всегда входит в цену там, где в производство входит обращенная в собственность земля; очень трудно понять, как может Смит проводить различие между тем способом, каким в цену входит рента, и тем способом, каким в нее входят прибыль и заработная плата, — после того как в главах 6-й и 7-й он представил ренту, совершенно

так же как и прибыль и заработную плату, в виде *конституирующей части «естественной цены».* Но вернемся к главе 11-й (книги I).

Мы видели, что в главах 6-й и 7-й рента определяется как *избыток,* остающийся от *цены продукта* после того, как были оплачены авансированные капиталистом (арендатором) затраты и средняя прибыль.

В главе 11-й Смит абсолютно все переворачивает. Рента уже не входит в *естественную цену.* Или, вернее, А. Смит прибегает здесь к *обычной цене,* которая, как правило, отличается от естественной цены, хотя в главе 7-й мы слышали, что обычная цена никогда не стоит в течение сколько-нибудь длительного времени *ниже* естественной цены и никогда не может в течение длительного времени оплачивать какую-либо из конституирующих частей естественной цены ниже ее естественной нормы, а тем более не может совсем не оплачивать ее, как это теперь утверждается относительно ренты. Смит ничего не говорит нам также и о том, продается ли продукт *ниже своей стоимости,* когда он не оплачивает ренты, или же он продается *выше* своей стоимости, когда он оплачивает ренту.

Раньше *естественная цена* товара определялась как

«полная стоимость ренты, прибыли и заработной платы, *которые должны быть оплачены для того, чтобы товар поступал на рынок»* (том I, стр. 112) [Русский перевод, том I, стр. 53].

Теперь мы слышим:

«На рынок обычно могут поступать лишь те продукты земли, *обычная цена* которых достаточна *для возмещения капитала, употребляемого на то, чтобы они поступали на рынок, доставляя обычную прибыль на этот капитал»* (стр. 302—303) [Русский перевод, том I, стр. 131].

Следовательно, *обычная цена* не есть *естественная цена,* и для того, чтобы товар поступал на рынок, нет необходимости уплачивать его естественную цену.

[624] Раньше мы слышали, что когда *обычная цена* (в 7-й главе говорилось: *рыночная цена)* недостаточна для оплаты *всей ренты* (полной стоимости ренты и т. д.), земля будет изыматься из производства до тех пор, пока рыночная цена не поднимется до уровня естественной цены и по станет оплачивать всю ренту. Теперь, напротив, мы слышим:

«Если *обычная цена превышает ту, которая достаточна»* (для возмещения капитала и оплаты обычной прибыли на этот капитал), «то *избыток* ее, естественно, идет на земельную ренту. Если она является всего лишь достаточной, то *товар вполне может поступать на рынок,* но не может давать ренту земельному собственнику. Будет ли цена выше

достаточной или нет? Это зависит от спроса» (том I, стр. 303) (книга I, глава 11) [Русский перевод, том I, стр. 131].

Из конституирующей части *естественной цены* рента вдруг превращается в *избыток* над *достаточной ценой,* наличие или отсутствие которого зависит от состояния спроса. Но *достаточная цена* — это цена, необходимая для того, чтобы товар поступал на рынок, а значит, чтобы он был произведен, т. е. это — *цена производства [Produktionspreis]* товара. Ибо цена, которая является необходимым условием для предложения товара, которая необходима для того, чтобы он вообще производился, появлялся на рынке как товар, есть, конечно, его *цена производства,* или *цена издержек.* Это sine qua non* его существования. С другой стороны, спрос на некоторые продукты земли всегда по необходимости оказывается таким, что их *обычная цена* дает избыток над ценой производства и, следовательно, приносит ренту. В отношении других продуктов земли спрос может быть таким, но может быть и иным.

«На некоторую часть продуктов земли спрос всегда по необходимости таков, что они продаются по цене, превышающей ту, которая достаточна для поступления их на рынок. Существуют и другие продукты земли, спрос на которые может быть таким, что за них дают цену, которая превышает *достаточную цену,* но может быть и таким, что за них подобной цены не дают. Первые всегда должны доставлять ренту земельному собственнику, последние иногда будут доставлять ее, а иногда — нет, в зависимости от различных обстоятельств» (том I, стр. 303) [Русский перевод, том I, стр. 131].

Итак, вместо *естественной цены* мы имеем здесь *достаточную цену. Обычная цена,* опять-таки, отлична от этой *достаточной цены.* Обычная цена, когда она *включает* ренту, *превышает* достаточную цену. Обычная цена, когда она исключает ренту, *равна* достаточной цене. А для *достаточной цены* даже характерно то, что *она исключает ренту.* Обычная цена стоит *ниже* достаточной цены, если она только возмещает капитал и не оплачивает средней прибыли. Следовательно, *достаточная цена* представляет собой на самом деле *цену производства,* или *цену издержек,* в том виде, в каком Рикардо, путем абстрагирования, извлек ее из учения А. Смита и в каком она действительно выступает с точки зрения капиталистического производства, т. е. это — цена, оплачивающая, сверх авансированных капиталистом затрат, среднюю прибыль; это — средняя цена, создаваемая конкуренцией между капиталистами в различных сферах приложения капитала. Именно это абстрагирование отдельных явлений конкуренции приводит Смита к тому, что

* — необходимое, обязательное условие. *Ред.*

выдвигаемой им же *естественной цене* он противопоставляет *достаточную цену,* хотя в смитовской трактовке естественной цены, напротив, достаточной для более или менее длительного периода объявляется только та обычная цена, которая оплачивает конституирующие части естественной цены — ренту, прибыль, заработную плату. Так как производством товаров управляет капиталист, то достаточной ценой является та, которая достаточна для капиталистического производства, достаточна с точки зрения капитала, а эта достаточная для капитала цена не включает ренту, а, напротив, исключает ее.

С другой стороны: эта *достаточная цена* оказывается, однако, недостаточной для некоторых продуктов земли. Для этих последних *обычная цена* должна быть настолько высокой, чтобы давать некоторый избыток над «достаточной ценой» и таким образом приносить ренту земельному собственнику. У других продуктов земли это зависит-де от обстоятельств. Противоречие, заключающееся в том, что достаточная цена оказывается недостаточной, что цена, достаточная для того, чтобы продукт поступал на рынок, недостаточна для того, чтобы он поступал туда, — это противоречие не смущает Смита.

Хотя Смит ни на минуту не оглядывается назад, на то, что им было развито в главах 5-й, 6-й и 7-й, он все же сознает (усматривая, однако, в этом не противоречие, а некое новое открытие. на которое он неожиданно натолкнулся), что этой «достаточной ценой»)</br> он опрокинул все свое учение о «естественной цене».

«Следует, стало быть, *заметить»* (в такой чрезвычайно наивной форме Смит переходит от одного утверждения к прямо противоположному), «что *рента иным образом входит в состав цены товаров, чем заработная плата и прибыль. Высокий* или *низкий уровень заработной платы и прибыли* является *причиной высокой или низкой цены* [625] *товаров; а высокий или низкий уровень ренты* является **результатом** *этой цены.* Цена *отдельного товара* высока или низка *по той причине, что необходимо оплатить высокие или низкие заработные платы и прибыли для того, чтобы он поступал на рынок.* Но товар приносит избыток, который может быть уплачен в качестве высокой или низкой ренты, или же товар не приносит никакого избытка для уплаты ренты — *в зависимости от того, высока или низка цена товара,* превышает ли она намного или незначительно или *совсем не превышает ту цену, которая достаточна для оплаты этих заработных плат и прибылей»* (том I, стр. 303—304) [Русский перевод, том I, стр. 131—132].

Прежде всего обратим внимание на заключительную фразу. Получается, что *достаточная цена,* цена издержек, оплачивающая лишь заработную плату и прибыль, *исключает ренту.* Если продукт продастся по цене, *значительно превышающей достаточную цену,* то он оплачивает высокую ренту. Если он продастся по цене, лишь немного превышающей достаточную

цену, то он оплачивает небольшую ренту. Если продукт продается *как раз по достаточной цене,* то он *никакой* ренты не приносит. Если действительная цена продукта совпадает с его *достаточной ценой,* оплачивающей прибыль и заработную плату, то он не оплачивает *никакой* ренты. Рента всегда представляет собой *избыток* над достаточной ценой. Достаточная цена по природе своей исключает ренту. *Это — рикардовская теория.* Рикардо перенимает идею *достаточной цены,* цены издержек, от А. Смита; он избегает непоследовательности А. Смита, заключающейся в допущении различия между достаточной ценой и естественной ценой, и последовательно проводит идею достаточной цены. Смит, допустив все указанные непоследовательности, продолжает быть настолько непоследовательным, что для некоторых продуктов земли требует такой цены, которая *превышает* их *достаточную цену.* Но сама эта непоследовательность является опять-таки результатом некоторого *более правильного* «наблюдения»[*].

Однако начало приведенного отрывка поистине поразительно по своей наивности. В главе 7-й Смит доказывал, что рента, прибыль и заработная плата одинаковым образом входят в *состав естественной цены,* — после того как *разложение стоимости* на ренту, прибыль и заработную плату он недозволительным образом превратил в *сложение* стоимости из естественных цен ренты, прибыли и заработной платы. Теперь он говорит, что рента входит в *«состав цены* товаров» *иначе,* чем прибыль и заработная плата. Но в чем же состоит тот *иной* способ, каким рента входит в *состав цены?* В том именно, что рента *совсем не входит* в состав цены. Здесь мы впервые получаем настоящее объяснение «достаточной цены». *Цена товаров* дорога или дешева, высока или низка, по той причине, что заработная плата и прибыль — естественные нормы этих последних — высоки или низки. Товар не поступает на рынок, не производится, если не оплачиваются эти высокие или низкие прибыли и заработные платы. Они образуют *цену производства* товара, его *цену издержек;* значит, они действительно являются *конституирующими элементами его стоимости* или *цены.* Напротив, *рента* не входит в *цену издержек,* в *цену производства.* Рента не является конституирующим элементом меновой стоимости товара. Она уплачивается *только* тогда, когда *обычная цена* товара *превышает* его *достаточную цену.* Прибыль и заработная плата, в качестве *конституирующих элементов*

[*] Игра слов: «observation» означает как «наблюдение», так и «замечание»; тем самым Маркс намекает на слова, с которых начинается разбираемое место у Смита: «Следует, стало быть, *заметить»* («Il faut donc *observer»). Ред.*

цены, являются *причинами* цены; рента, наоборот, представляет собой лишь *результат* цены, лишь *следствие* ее. Рента, стало быть, не входит, как элемент, в состав цены, в отличие от прибыли и заработной платы. И это на языке Смита означает, что рента *иначе* входит в состав цены, чем прибыль и заработная плата. Смит, по-видимому, совершенно не чувствует, что опрокинул все свое учение о «естественной цене». Ибо что означала у него «естественная цена»? Она означала тот центр, к которому тяготеет рыночная цена, ту *«достаточную цену», ниже* которой продукт не может продаваться, если он на протяжении сколько-нибудь длительного времени должен поступать на рынок, производиться.

Таким образом, рента рассматривается теперь как *избыток над «естественной ценой»,* между тем как прежде она рассматривалась как *конституирующий элемент «естественной цены»;* теперь она объявляется следствием цены, прежде она объявлялась ее причиной.

Напротив, нет никакого противоречия в смитовском утверждении, что для определенных продуктов земли условия рынка всегда таковы, что их обычная цена должна превышать их достаточную цену, другими словами, таковы, что *земельная собственность* обладает властью взвинчивать цену выше того уровня, который был бы достаточен для капиталиста, если бы он не встречал никакого противодействующего влияния.

[626] После того как Смит таким образом в главе 11-й опрокинул все сказанное в главах 5, 6 и 7-й, он преспокойно продолжает: теперь он-де приступит вплотную к делу и рассмотрит 1) продукты земли, которые всегда доставляют ренту, 2) продукты земли, которые иногда доставляют ее, иногда нет, и, наконец, 3) те изменения, которые в различные периоды развития общества происходят в относительной стоимости этих двух видов продуктов как в их отношении друг к другу, так и в их отношении к промышленным товарам.

[2) ПОЛОЖЕНИЕ СМИТА ОБ ОСОБОМ ХАРАКТЕРЕ СПРОСА НА ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ ПРОДУКТ. ФИЗИОКРАТИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В ТЕОРИИ РЕНТЫ СМИТА]

Первый отдел: о продуктах, всегда доставляющих избыток для уплаты ренты.

Смит начинает с теории народонаселения. *Предметы питания* всегда создают-де для себя *спрос*. Когда возрастает количество предметов питания, то возрастает и число людей, потребителей

предметов питания. Предложение этих товаров *создает,* следовательно, спрос на них.

«Так как люди, подобно всем другим живым существам, *естественно размножаются в соответствии с имеющимися средствами, их существования,* то *на предметы питания всегда бывает больший или меньший спрос.* Предметы питания всегда могут купить, или получить в свое распоряжение, большее или меньшее количество труда, и всегда найдется кто-нибудь, готовый сделать что-либо, чтобы получить их» (том I, стр. 305) (книга I, глава 11) [Русский перевод, том I, стр. 132].

«Так вот» {почему?} *«земля,* почти при всех возможных обстоятельствах, *производит большее количество предметов питания,* чем нужно *для содержания всего того труда,* который участвует в том, чтобы эти предметы питания поступали на рынок, хотя бы этот труд содержался на самых щедрых условиях, какие когда-либо имели место для данного рода труда. *Избыток* этих предметов питания точно так же всегда превышает то их количество, которое достаточно для того, чтобы *с прибылью возместить капитал, приводящий в движение этот труд.* Поэтому здесь всегда имеет место какой-то остаток для уплаты ренты земельному собственнику» (там же, стр. 305—306) [Русский перевод, том I, стр. 132].

Это звучит совсем *физиократически* и не содержит ни доказательства, ни объяснения того, почему *«цена»* этого особого товара доставляет избыток *над* «достаточной ценой», т. е. ренту.

В качестве примера Смит тут же приводит *пастбища* и *пустоши.* Затем следует фраза о *дифференциальной ренте:*

«Рента изменяется в зависимости от плодородия земли, каков бы ни был ее продукт, и в зависимости от местоположения земли, каково бы ни было ее плодородие» (том I, стр. 306) [Русский перевод, том I, стр. 133].

Здесь мы видим, что рента и прибыль выступают у Смита как простой *избыток продукта,* остающийся после того, как вычтена та часть продукта, которая *in natura*[*] *кормит рабочего.* (Это — собственно физиократическое воззрение, которое в действительности основывается на том, что при господстве земледелия человек живет почти исключительно земледельческими продуктами и что сама промышленность, мануфактура, выступает как деревенский побочный труд, употребляемый на обработку *местных продуктов* природы.)

«Этот последний продукт[**] должен обеспечивать содержание большего количества труда, и, следовательно, соответственно должен уменьшиться тот *избыток, из которого получается как прибыль арендатора, так и рента земельного собственника»* (том I, стр. 307) [Русский перевод, том I, стр. 133].

Поэтому-де возделывание пшеницы должно давать бо́льшую прибыль, чем *пастбищное хозяйство:*

[*] — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*
[**] — т. е. продукт участка, более отдаленного от рынка. *Ред.*

«*Пашня* умеренного плодородия, *засеянная пшеницей,* производит гораздо *большее количество предметов питания для человека,* чем самое лучшее пастбище таких же размеров».

(Здесь, стало быть, речь идет не о цене, а об абсолютной массе предметов питания для человека в их натуральной форме.)

«Хотя обработка пашни требует *большего количества труда,* однако тот *избыток,* который остается после возмещения семян и издержек по *содержанию всего этого труда,* еще гораздо более значителен».

(Хотя пшеница стоит *большего количества труда,* однако *избыток* питательных веществ, даваемый — сверх оплаты труда — засеянным пшеницей полем, превышает тот избыток, который дает пастбище, служащее для скотоводства. И избыток этот обладает *большей стоимостью* не потому, что пшеница стоит большего количества труда, а потому-де, что избыток в пшенице содержит больше питательных веществ.)

«Поэтому, если бы мы предположили, что фунт мяса *никогда не стоил больше,* чем фунт хлеба, то этот *больший»* (для пшеницы) *«избыток»* (ибо одна и та же земельная площадь дает больше фунтов пшеницы, чем мяса) «всюду представлял бы собой *большую стоимость»* {ибо *предположено,* что 1 фунт хлеба равняется 1 фунту мяса (по стоимости) и что с одной и той же земельной площади, после прокормления рабочих, остается большее количество фунтов хлеба, чем фунтов мяса} «и составил бы более обильный фонд как для прибыли арендатора, так и для *ренты* земельного собственника» (том I, стр. 308—309) [Русский перевод, том I, стр. 133—134].

Поставив на место естественной цены достаточную цену и установив, что рента есть избыток над достаточной ценой, Смит забывает потом, что здесь вообще речь идет о *цене,* и выводит ренту из соотношения между количеством *предметов питания,* доставляемым земледелием, и тем количеством *предметов питания,* которое потребляет земледелец.

Фактически, — если оставить в стороне этот *физиократический* способ объяснения, — Смит *предполагает,* что *цена* того сельскохозяйственного продукта, который служит главным предметом питания, приносит, кроме прибыли, еще и *ренту.* Исходя из этой основы, он рассуждает дальше. С развитием земледельческой культуры площадь естественных пастбищ становится недостаточной для скотоводства, для удовлетворения спроса на мясо домашних животных. Для этой цели приходится использовать обработанную землю. [627] Следовательно, цена мяса должна повыситься настолько, чтобы она могла оплачивать не только *труд,* примененный в скотоводстве, но также

«*прибыль и ренту, которые эта земля, будучи использована как пашня, могла бы приносить арендатору и земельному собственнику.* Скот, выращенный на совершенно необрабатываемых пустошах, имеет, — если он

доставлен на тот же рынок, — соответственно своему весу и качеству, такую же цену, как и скот, выращенный на отлично возделанной земле. Собственники таких пустошей пользуются этим и повышают ренту со своих земель *соответственно цене скота,* который на них выращивается».

(Здесь Смит правильно выводит дифференциальную ренту из избытка рыночной стоимости над индивидуальной стоимостью. Но рыночная стоимость повышается в этом случае не по той причине, что совершается переход от лучшей земли к худшей, а по той причине, что имеет место переход от менее плодородной земли к более плодородной.)

«Таким образом, с прогрессом в обработке земли *рента и прибыль с естественных пастбищ* определяются в известной мере рентой и прибылью с возделываемой земли, а *эти последние, в свою очередь, определяются рентой и прибылью с хлебных полей»* (том I, стр. 310—311) [Русский перевод, том I, стр. 134—135].

«Повсюду, где не существует местных преимуществ.., рента и прибыль, доставляемые хлебом или любым другим растительным продуктом, который служит главным предметом питания для народа, должны естественно определять ренту и прибыль с земли, пригодной для возделывания этого продукта, но используемой как пастбище.

Использование искусственных лугов, возделывание турнепса, моркови, капусты и т. д. и *все другие средства,* применяемые для того, *чтобы на данной земельной площади прокормить больше скота, чем это возможно на естественных пастбищах,* — все это должно было, по-видимому, способствовать некоторому снижению того высокого, по сравнению с ценой на хлеб, уровня цены на мясо, который естественным образом имеет место в странах с развитым земледелием. Такой результат, по-видимому, и был произведен всеми этими средствами» и т. д. (стр. 315) [Русский перевод, том I, стр. 136].

Определив указанным образом соотношение между рентой в скотоводстве и рентой в земледелии, Смит продолжает:

«Во всех крупных странах большая часть возделываемой земли отводится под производство предметов питания для людей или кормов для скота. Рента и прибыль с этих земель определяют ренту и прибыль со всех других возделываемых земель. Если бы какой-нибудь отдельный продукт давал меньше, то земля, на которой он возделывается, вскоре была бы обращена под возделывание хлеба или использована в качестве луга, а если бы продукт давал больше, то вскоре под возделывание этого продукта была бы обращена некоторая часть земли, находящейся под культурой хлеба или используемой в качестве луга» (том I, стр. 318) [Русский перевод, том I, стр. 137].

Дальше Смит говорит о виноградарстве, садоводстве, огородничестве и т. д.:

«Хотя в этих производствах, требующих или более значительных первоначальных затрат для того, чтобы сделать землю пригодной для них, или более значительных ежегодных издержек по обработке земли, ренты и прибыли часто значительно превосходят те ренты и прибыли, которые получаются с хлебов и луговых трав, — однако во всех тех случаях, когда они

лишь компенсируют эти авансы или чрезвычайные затраты, они на самом деле определяются рентами и прибылями с этих двух обычных продуктов земледелия» (том I, стр. 323—324) [Русский перевод, том I, стр. 140].

После этого Смит упоминает о возделывании сахарного тростника и табака в колониях [а затем говорит:]

«Таким образом, рента с той возделываемой земли, которая производит предметы питания для людей, определяет ренту с большей части других возделываемых земель» (том I, стр. 331) [Русский перевод, том I, стр. 143]. «В Европе пшеница является главным продуктом земли, который служит непосредственно пищей для человека. Поэтому, если не считать некоторых особых обстоятельств, рента с земель, на которых возделывается пшеница, определяет в Европе ренту со всех других возделываемых земель» (том I, стр. 331—332) [Русский перевод, том I, стр. 143].

Вслед за этим Смит снова возвращается к физиократической теории в том виде, какой он ей придал, а именно — к положению о том, что предметы питания сами создают себе потребителей. Если культура пшеницы сменяется другой, которая на самой обыкновенной земле при такой же обработке ее дает гораздо большее количество предметов питания,

«то *рента* земельного собственника, *или избыток предметов питания,* остающийся у него после оплаты труда и возмещения с обычной прибылью капитала арендатора, с необходимостью будет значительно больше. Каковы бы ни были в этой стране обычные расходы на содержание труда, этот *больший избыток предметов питания всегда даст возможность содержать большее количество труда* и, *следовательно,* позволит земельному собственнику покупать, или получать в свое распоряжение, большее количество труда» (том I, стр. 332) [Русский перевод, том I, стр. 143—144].

В качестве *примера* Смит приводит рис.

«В Каролине, как и в других английских колониях, *плантаторы, как правило, являются в одно и то же время и фермерами и земельными собственниками,* и там *рента сливается* вследствие этого с *прибылью»* (том I, стр. 333) [Русский перевод, том I, стр. 144].

[628] Однако рисовое поле

«не пригодно ни для возделывания хлеба, ни для пастбища, ни для виноградарства, ни для разведения какого-либо другого полезного для человека растения, а все земли, пригодные для этих различных культур, не годятся для культуры риса. Поэтому даже в тех странах, где рис является главной пищей, рента с находящейся под рисом земли не может определять ренту с других возделываемых земель, которые невозможно использовать для культуры риса» (том I, стр. 334) [Русский перевод, том I, стр. 144].

Второй пример — картофель (рикардовская критика этого взгляда Смита приведена выше[*]). Если бы вместо хлеба главным предметом питания стал картофель,

[*] См. настоящий том, часть II, стр. 374. *Ред.*

«то в результате этого *та же самая площадь возделываемых земель прокормила бы гораздо большее количество людей;* и так как рабочие питались бы, как правило, картофелем, то после возмещения капитала и прокормления всех занятых возделыванием картофеля рабочих оставался бы гораздо больший *избыток.* И земельному собственнику доставалась бы более значительная доля этого избытка. Население увеличилось бы, и ренты поднялись бы гораздо выше того уровня, на котором стоят теперь» (том I, стр. 335) [Русский перевод, том I, стр. 145].

Немногими дальнейшими замечаниями о пшеничном хлебе, об овсяном хлебе и о картофеле заканчивается затем первый отдел главы 11-й.

Мы видим, что этот первый отдел, трактующий о тех продуктах земли, которые *всегда дают ренту,* можно резюмировать следующим образом: *при предположении,* что рента с главного растительного продукта заранее дана, здесь объясняется, как она регулирует ренту в скотоводстве, виноградарстве, садоводстве и т. д. О природе самой ренты здесь *ничего не сказано* кроме общей фразы о том, что — если опять-таки *предположить* наличие ренты — плодородие земли и ее местоположение определяют высоту ренты. Однако это относится только к различию рент, к различию в их величине. Но почему рассматриваемый здесь продукт всегда дает ренту? Почему его *обычная цена* всегда превышает его *достаточную цену?* Смит отвлекается здесь от цены и опять впадает в физиократизм. Но повсюду у него проходит при этом следующая мысль: *спрос* на земледельческий продукт всегда так велик по той причине, что этот продукт сам создает тех, кто предъявляет на него спрос, создает своих собственных потребителей. Но даже при этом предположении остается непонятным, почему спрос должен превысить предложение и в силу этого поднять цену *выше* достаточной цены. Однако здесь снова незаметно всплывает воспоминание о *естественной цене,* которая включает ренту так же, как и прибыль и заработную плату, и которая уплачивается в том случае, когда предложение и спрос соответствуют друг другу:

«Если поступившее на рынок количество как раз достаточно для удовлетворения действительного спроса, то *рыночная цена* будет, конечно, в точности соответствовать... *естественной цене»* (том I, стр. 114) [Русский перевод, том I, стр. 54].

Характерно, однако, что Смит нигде в первом отделе главы 11-й не высказывает этого взгляда. Ведь как раз в самом начале главы 11-й он сказал, что рента не входит в цену в качестве ее конституирующей части. Противоречие было слишком очевидным.

[3) СМИТОВСКАЯ ТРАКТОВКА СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПРЕДЛОЖЕНИЕМ И СПРОСОМ У РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ПРОДУКТОВ ЗЕМЛИ. ВЫВОДЫ СМИТА ДЛЯ ТЕОРИИ РЕНТЫ]

Второй отдел: о продуктах, иногда дающих ренту, а иногда ее не дающих.

Только в этом отделе собственно и исследуется общая природа ренты.

«Пища человека является, по-видимому, единственным продуктом земли, который *всегда* и *необходимо* приносит *какую-нибудь ренту земельному собственнику»* (почему «всегда» и «необходимо», не показано). «Другие виды продуктов, смотря по обстоятельствам, могут иногда давать ренту, и иногда могут и не давать ее» (том I, стр. 337) [Русский перевод, том I, стр. 146].

«После предметов питания двумя наиболее значительными потребностями человека являются *одежда и жилище»* (том I, стр. 338) [Русский перевод, том I, стр. 146]. «В своем первобытном и необработанном состоянии» земля доставляет материалы для одежды и жилища *большему количеству люден,* «чем она может *прокормить».* Вследствие такого *«избытка* этих материалов» в сравнении с числом людей, какое земля может прокормить, т. е. в сравнении с населением, материалы эти имеют небольшую «цену» или даже не имеют никакой «цены». Значительная часть этих «материалов» остается неиспользованной и бесполезной, «а цена тех из них, которые используются, *рассматривается только как эквивалент за труд и издержки, необходимые для того, чтобы сделать их пригодными для употребления».* Но эта цена не приносит «никакой ренты земельному собственнику». Когда же земля находится в обработанном состоянии, число лиц, «которое она в состоянии прокормить», т. е. численность населения, превышает массу этих доставляемых землей материалов, по крайней мере массу «тех материалов, которые эти лица желали бы получить и за которые они готовы заплатить». Возникает относительный «недостаток» в этих материалах, «а это с необходимостью повышает их стоимость». *«Часто* имеет место *спрос на большее их количество, чем то, какое может быть получено».* Тогда за них платят такую цену, которая превышает «издержки, необходимые для того, чтобы они поступали на рынок; таким образом, их цена всегда может дать некоторый избыток для *уплаты ренты* земельному собственнику» (том I, стр. 338—339) [Русский перевод, том I, стр. 146].

[629] Итак, рента объясняется здесь у Смита тем, что *спрос превышает то предложение* товара, которое может быть доставлено по *достаточной цене.*

Материалами для одежды вначале служили шкуры и кожи «самых крупных животных». У охотничьих и пастушеских народов, которые употребляют главным образом животную пищу, «каждый человек, *добывая себе пищу, добывает в то же время и материалы для одежды, притом в большем количестве, чем он в состоянии носить».* Не будь внешней торговли, большая часть их выбрасывалась бы как ненужная. Внешняя торговля, предъявляя спрос на этот излишек материалов, поднимает цену их *«выше издержек по доставке их на рынок.* Эта цена приносит, *следовательно,* некоторую ренту собственнику земли... Английская шерсть, благодаря сбыту во Фландрию, несколько повысила ренту с земли,

на которой эта шерсть получалась» (том I, стр. 339—340) [Русский перевод, том I, стр. 146—147].

Внешняя торговля в этом случае настолько повышает *цену* побочного продукта сельского хозяйства, что земля, на которой он производится, оказывается в состоянии давать некоторую ренту.

«Строительные материалы не всегда могут перевозиться на такое же большое расстояние, на какое перевозятся материалы для одежды, и не так легко становятся предметом внешней торговли. Если в стране, которая их производит, они имеются *в избытке,* то часто бывает, даже при теперешнем состоянии мировой торговли, что они не представляют *никакой стоимости* для *собственника земли».* Так, каменоломня может давать ренту вблизи Лондона, но не дает ее во многих местностях Шотландии и Уэльса. Так же обстоит дело со строевым лесом. Последний приносит ренту «в густо населенной и цивилизованной стране», но гниет на месте «во многих районах Северной Америки». Собственник был бы счастлив избавиться от него. «Если строительные материалы имеются в таком изобилии, то стоимость той их части, которая употребляется в дело, соответствует только труду и издержкам, необходимым для того, чтобы сделать эти материалы пригодными для употребления. Они не приносят никакой ренты земельному собственнику, который обычно разрешает пользоваться ими всякому, кто дает себе труд просить об этом. Однако иногда земельный собственник может извлечь из них ренту, когда более богатые народы предъявляют *спрос* на такого рода материалы» (том I, стр. 340—341) [Русский перевод, том I, стр. 147].

Численность населения той или другой страны соответствует не тому «количеству людей, которому продукты данной страны *могут обеспечить одежду и жилище,* а тому количеству людей, которое *продукты, данной страны могут прокормить.* Когда нет недостатка в предметах питания, тогда нетрудно найти материалы, необходимые для одежды и жилища. Но часто можно иметь последние под рукой и все же испытывать значительные затруднения в добывании предметов питания. В некоторых местностях, даже в Английском королевстве, достаточно одного рабочего дня одного человека, чтобы построить то, что в этих местах называется домом... У диких и варварских народов достаточно $^{1}/_{100}$ годового труда, чтобы получить необходимую им одежду и жилище. Остальные $^{99}/_{100}$ годового труда часто оказываются необходимыми для того, чтобы добыть нужную им пищу. Но если благодаря обработке и улучшению земли *труд одной семьи может. дать пропитание для двух семей,* то труда одной половины общества достаточно для прокормления всего общества. Тогда другая половина может удовлетворять другие потребности и прихоти людей, Главными объектами этих потребностей и прихотей являются *одежда, жилище,* домашняя *обстановка* и то, что называют *утварью».* Потребность в пище ограниченна. Указанные выше потребности безграничны. Те, у кого есть излишек предметов питания, «всегда бывают готовы обменять этот излишек». «Бедняки, чтобы *добыть себе кусок хлеба»,* заняты удовлетворением этих «прихотей» богачей и к тому же еще соперничают в этом друг с другом. Число рабочих возрастает с увеличением количества предметов питания, т. е. возрастает соответственно развитию земледелия. Их «занятия» позволяют проводить «очень далеко идущее разделение груда»; поэтому еще гораздо быстрее, чем число рабочих, увеличивается количество обрабатываемого ими сырья. «Вследствие этого возникает спрос на всякого рода

материалы, которые человеческая изобретательность может использовать для усовершенствования или украшения жилищ, одежды, утвари, домашней обстановки; усиливается спрос на минералы и другие ископаемые, скрытые в недрах земли, на благородные металлы и драгоценные камни.

Таким образом, предметы питания не только служат первоначальным источником *ренты,* но если в дальнейшем какой-нибудь другой продукт земли приносит ренту, то этим *прибавлением стоимости* он обязан тому *увеличению производительной силы труда в производстве предметов питания,* которое достигается благодаря обработке и улучшению почвы» (том I, стр. 342—345) [Русский перевод, том I, стр. 147—149].

То, что говорит здесь Смит, есть тот правильный взгляд на данную природой основу, из которого исходит физиократия, а именно, что всякое созидание прибавочной стоимости (включая ренту) базируется на относительной производительности земледелия. Первая реальная форма прибавочной стоимости — это избыток сельскохозяйственных продуктов (предметов питания); а первая реальная форма прибавочного труда выражается в том, что труда одного человека достаточно для производства предметов питания на двоих. Во всем остальном это не имеет никакого отношения к анализу этой специфической формы прибавочной стоимости — ренты, — формы, предполагающей капиталистическое производство.

Смит продолжает:

«Другие продукты земли» (кроме предметов питания), «в дальнейшем доставляющие ренту, дают ее не всегда. *Спрос* на них, даже в странах с наилучшей обработкой земли, не всегда бывает *достаточно велик* для того, чтобы их *цена превысила- ту цену, которая необходима для оплаты труда, затраченного на их производство и доставку на рынок, и для возмещения с обычной прибылью примененного при этом капитала.* [630] *От различных обстоятельств зависит, будет ли спрос достаточно велик для этого или нвт»* (том I, стр. 345) [Русский перевод, том I, стр. 149].

Значит, здесь мы опять имеем следующее: рента проистекает из того, что *спрос* на продукты земли превышает их предложение по *достаточной цене,* которая *не включает ренту,* а включает *только заработную плату и прибыль.* Что же это может означать кроме того, что [рента отсутствует там, где] *предложение* продуктов земли по достаточной цене настолько велико, что земельная *собственность* не может оказать никакого сопротивления выравниванию капиталов или труда, так что земельная собственность, даже если она юридически и существует, не существует здесь фактически, или фактически не может действовать в качестве таковой? Ошибка Смита состоит в непонимании того, что земельная собственность, продавая свои продукты по цене, *превышающей* достаточную цену, продает их по их *стоимости.* Что у Смита хорошо по сравнению с Рикардо, так это — понимание того, что только от обстоятельств зависит,

может ли или не может земельная собственность выявить свое экономическое значение. Эту часть его анализа надлежит поэтому проследить шаг за шагом. Смит начинает с угольных копей, переходит затем к лесу, потом возвращается к угольным копям и т. д. Начнем поэтому с того места, где он говорит о *лесе:*

В зависимости от состояния земледелия *цена леса* изменяется по тем же причинам, что и цена скота. Когда земледелие находится еще в младенческом состоянии, всюду преобладают леса, представляющие собой помеху для собственника, который охотно готов отдать лес тому, кто его вырубил бы. Прогресс земледелия сопровождается обезлесеньем — отчасти в результате расширения пахотных земель, отчасти вследствие увеличения поголовья скота, который пожирает или обгладывает корни и молодые деревца. «Хотя количество этих животных увеличивается не в такой степени, как количество хлеба, *который целиком является продуктом человеческого труда,* однако размножению их способствуют заботы и покровительство человека». Лес, таким образом, становится редкостью, и это повышает его *цену.* Поэтому лес может давать настолько высокую ренту, что пахотная земля (или земля, пригодная для пашни) отводится под лесонасаждение. Так обстоит дело в Великобритании. Рента с лесов никогда не может в течение длительного времени превышать ренту с пахотной земли или лугов. Но она может достигать такого же уровня (том I, стр. 347—349) [Русский перевод, том I, стр. 150].

Стало быть, рента, получаемая с лесов, по природе своей действительно тождественна с рентой, получаемой с лугов. Она относится к той же категории, хотя лес и не является предметом питания. Экономическая категория определяется не *потребительной стоимостью* продукта; она определяется здесь тем, может ли данная земля быть превращена в пашню или нет, и наоборот.

Угольные копи. Продуктивность или непродуктивность копей вообще, как правильно замечает Смит, зависит от того, много или мало минералов можно извлечь из различных копей при затрате одинакового количества труда. *Низкая продуктивность* копей может парализовать их *благоприятное* местоположение, так что окажется совершенно невозможным эксплуатировать подобные копи. С другой стороны, *неблагоприятное* местоположение может парализовать *высокую продуктивность* копей, так что эти копи, несмотря на свою природную продуктивность, окажутся непригодными для эксплуатации. Так бывает в особенности там, где нет ни хороших дорог, ни судоходства (том I, стр. 346—347) [Русский перевод, том I, стр. 149—150].

Существуют такие копи, продукта которых хватает лишь на то, чтобы покрывать *достаточную цену.* Они поэтому приносят прибыль предпринимателю, но не приносят никакой земельной ренты. Вследствие этого земельный собственник вынужден

их эксплуатировать сам. Он получает таким путем «обычную прибыль на примененный им капитал». Такого рода угольных копей много в Шотландии. Эксплуатировать их каким-либо иным способом было бы невозможно:

«Земельный собственник никому другому не разрешил бы эксплуатировать их без уплаты ренты, а платить ренту никто не был бы в состоянии» (том I, стр. 346) [Русский перевод, том I, стр. 149].

Здесь Смит правильно определил те условия, при которых — там, где земля *обращена в собственность,* — рента не уплачивается. Это бывает там, где земельный собственник и предприниматель соединены в *одном* лице. Раньше Смит уже сказал нам, что это имеет место в колониях. Арендатор не может здесь возделывать землю, потому что не может платить ренту. Но собственник земли может возделывать ее с прибылью, хотя никакой ренты земля ему и не дает. Так обстоит дело, например, в колониях Западной Америки, потому что здесь всегда возможно присвоение новой земли. Земля, как таковая, не есть противодействующий элемент, и конкуренция земельных собственников, которые сами обрабатывают свою землю, здесь в действительности является конкуренцией между работниками или между капиталистами. Что касается каменноугольных копей или рудников вообще, то в предположенном случае дело обстоит иначе. Рыночная стоимость, определяемая теми рудниками, которые доставляют предлагаемые ими товары как раз по этой стоимости, дает для менее продуктивных или хуже расположенных рудников меньшую ренту или совсем не дает никакой ренты, а лишь покрывает цену издержек. Эти рудники могут здесь разрабатываться только такими людьми. для которых не существует сопротивления, оказываемого земельной собственностью и исключающего свободное распоряжение землей, т. е. людьми, соединяющими в одном лице земельного собственника и капиталиста; эти рудники могут разрабатываться только в тех случаях, когда земельная *собственность,* как самостоятельный элемент, противостоящий капиталу, фактически исчезает. Случай этот отличается от того, который имеет место в колониях, в том отношении, что там земельный собственник никому не может запретить эксплуатировать *новую* землю. Здесь же он может это делать. Только самому себе он разрешает эксплуатировать рудник. Это не даст земельному собственнику возможности получать ренту, но позволяет ему, устранив других лиц, получать прибыль от вложения своего капитала в рудник.

То, что сказано здесь Смитом о регулировании ренты самой продуктивной шахтой, я уже рассмотрел выше, когда говорил

о Рикардо и о его полемике против Смита*. Здесь надо отметить лишь следующее место:

«Самая низкая цена» (раньше Смит говорил: достаточная цена), «по которой уголь может продаваться в течение сколько-нибудь продолжительного времени, это, как и для всех других товаров, та *цена, которая всего лишь достаточна* для *возмещения, вместе с обычной прибылью, капитала, затрачиваемого на производство товара и доставку его на рынок»* (том I, стр. 350) [Русский перевод, том I, стр. 151].

Мы видим, что *достаточная цена* заняла место *естественной цены.* Рикардо отождествляет их, и с полным основанием. [631] Смит утверждает, что

рента с угольных копей гораздо меньше ренты, получаемой с земледельческих продуктов: в сельском хозяйстве рента обычно достигает Уз валового продукта, для угольных же копей $^1/_5$ представляет собой очень высокую ренту, $^1/_{10}$ — обычную ренту. *Металлорудные копи* в меньшей степени зависят от местоположения, так как их продукты более транспортабельны; мировой рынок для них более доступен. Их стоимость поэтому больше зависит от продуктивности, чем от местоположения, тогда как для угольных копей дело обстоит как раз наоборот. Продукты самых отдаленных (друг от друга) металлорудных копей конкурируют между собой. «Поэтому цена даже неблагородных и — в еще большей степени — цена благородных металлов *наипродуктивнейших рудников* необходимо должна влиять на цену тех же металлов, добытых из всякого другого рудника на земном шаре» (том I, стр. 351—352) [Русский перевод, том I, стр. 151—152].

«Таким образом, поскольку цена любого металла, добытого из любого рудника, регулируется в известной мере ценою этого металла, доставляемого наипродуктивнейшим из эксплуатируемых в данное время на земном шаре рудников, — постольку в значительном большинстве рудников эта *цена почти не превышает того, что необходимо для покрытия издержек по эксплуатации,* и *редко* может доставить очень высокую ренту земельному собственнику. Поэтому для большинства рудников рента составляет лишь небольшую часть цены металлов, и еще гораздо меньшую часть она составляет в цене благородных металлов. Труд и прибыль составляют большую часть этой цены» (том I, стр. 353—354) [Русский перевод, том I, стр. 152].

Смит здесь правильно разъясняет случай, представленный *таблицей С***.

Говоря о благородных металлах, Смит снова повторяет свое определение достаточной цены, которую он ставит на место естественной цены, когда трактует о *ренте.* Там, где он говорит о неземледельческом производстве, у него в этом нет необходимости, так как здесь, согласно его первоначальному определению, достаточная цена и естественная цена совпадают; это именно та цена, которая оплачивает авансированный капитал и среднюю прибыль.

«Самая низкая цена, по которой, в течение сколько-нибудь продолжительного времени, могут продаваться драгоценные металлы,.. регули-

* См. настоящий том, часть II, стр. 371—373. *Ред.*
** См. вклейку между страницами 292—293. *Ред.*

руется теми же правилами, которые определяют самую низкую обычную цену всех других товаров. Эту цену определяет тот капитал, который обычно нужно затратить, чтобы драгоценные металлы поступили из рудника на рынок, т. е. ее определяют предметы питания, одежда и жилище, которые обычно потребляются во время этой работы. Необходимо, чтобы цена была по крайней мере достаточна для возмещения этого капитала с обычной прибылью» (том I, стр. 359) [Русский перевод, том I, стр. 155].

Относительно *драгоценных камней* Смит замечает:

«Спрос на драгоценные камни вызывается исключительно их красотой. Они служат только для украшения, и красота их оценивается *еще значительно выше вследствие их редкости, или вследствие тех трудностей и издержек, с которыми связана их добыча из рудников.* Поэтому заработная плата и прибыль в большинстве случаев и составляют почти всю их — весьма высокую — цену. Рента входит в эту цену лишь весьма небольшой долей, а очень часто и совсем не входит в нее, и только самые продуктивные рудники могут давать сколько-нибудь значительную ренту» (том I, стр. 361) [Русский перевод, том I, стр. 156].

Здесь возможна лишь дифференциальная рента:

«Так как цена драгоценных металлов и драгоценных камней во всем мире регулируется их ценой на самом продуктивном руднике, то из этого следует, что рента, которую какой-либо из этих рудников может давать земельному собственнику, находится в соответствии не с *абсолютной* продуктивностью рудника, а с тем, что можно назвать *относительной* продуктивностью его, т. е. в соответствии с его превосходством над другими рудниками подобного рода. Если бы были открыты новые рудники, превосходящие рудники Потоси в такой же мере, в какой эти последние превосходят европейские рудники, то стоимость серебра могла бы вследствие этого понизиться до такого уровня, что не стоило бы затрачивать труд на разработку даже рудников Потоси» (том I, стр. 362) [Русский перевод, том I, стр. 156].

Продукты менее продуктивных рудников благородных металлов и драгоценных камней не приносят никакой ренты по той причине, что рыночную стоимость *всегда* определяет самый продуктивный рудник и с течением времени открываются всё более продуктивные новые рудники, так что движение происходит постоянно по восходящей линии. Продукты менее продуктивных рудников продаются, следовательно, *ниже* их стоимости, всего лишь по их цене издержек.

«Изобилие с необходимостью снижает стоимость продукта, если стоимость последнего обусловлена главным образом его редкостью» (том I, стр. 363) [Русский перевод, том I, стр. 156].

Вслед за этим Смит снова приходит к более или менее ошибочным выводам.

«Иначе обстоит дело с земельными владениями на поверхности земли. Стоимость их продукта и размер приносимой ими ренты пропорциональны не их *относительному,* а их *абсолютному* плодородию. Земля, которая

производит известное количество предметов питания или материалов для одежды или для жилища, всегда может прокормить, одеть и снабдить жилищем известное количество людей; и *какова бы ни была доля земельного собственника в этом продукте»* (вопрос как раз в том и состоит, получаст ли земельный собственник долю в продукте и какую именно), «эта доля [632] всегда предоставит в его распоряжение соответствующее количество труда этих людей и тех товаров, которые их труд может ему доставить» (том I, стр. 363—364) [Русский перевод, том I, стр. 157].

«Стоимость самой неплодородной земли не уменьшается от соседства самой плодородной земли. Напротив, ее стоимость обычно от этого повышается. Большое количество людей, которых кормят плодородные земли, *создает рынок для целого ряда продуктов неплодородных земель;* такого рынка эти продукты никогда не нашли бы у тех людей, которых мог бы прокормить собственный продукт этих неплодородных земель».

(Однако это бывает лишь тогда, когда эти неплодородные земли производят *не тот же продукт,* что плодородные земли, находящиеся по соседству; лишь тогда, когда продукт неплодородных земель *не конкурирует* с продуктом более плодородных земель. В отношении такого случая Смит прав, и это, действительно, имеет важное значение для понимания того, как благодаря плодородию земли, производящей пищу, может возрастать общая сумма ренты с различного рода продуктов земли.)

«Все, что ведет к увеличению плодородия земли, дающей предметы питания, увеличивает не только стоимость тех земель, которые подверглись улучшению» {все это может уменьшить эту стоимость, даже свести ее на нет}, «но еще и способствует равным образом увеличению стоимости многих других земель, создавая новый спрос на их продукты» (или же, *вернее,* спрос на *новые* продукты) (том I, стр. 364) [Русский перевод, том I, стр. 157].

Что во всем этом остается у Смита необъясненным, так это абсолютная рента, существование которой он допускает для земли, производящей пищу. Смит справедливо замечает, что абсолютная рента может и не существовать для других земель, например для рудников, потому что последние всегда имеются в столь *относительно* неограниченном количестве (по сравнению со спросом), что земельная собственность не может здесь оказывать никакого сопротивления капиталу; она экономически не существует, даже если и существует юридически.

(См. *стр. 641* о *ренте с домов.)*[97] [632]

* * *

[641] (См. *стр. 632.)* О *ренте с домов* А. Смит говорит:

«Вся та часть ренты с домов, которая остается *после вычета* того, что *достаточно* для получения этой умеренной *прибыли»* (собственником дома, построившим этот дом), «приходится, естественно, на ренту с застроенных участков земли; и когда собственник земли и собственник дома — два различных лица, эта часть в большинстве случаев полностью уплачивается

первому. Дома, находящиеся на значительном расстоянии от больших городов, в сельских местностях, где возможен широчайший выбор свободной земли, дают крайне незначительную земельную ренту — не больше того, что приносила бы земля, на которой стоит дом, если бы эта земля была использована для земледелия» (книга V, глава 2) [Русский перевод, том II, стр. 354—355].

При земельной ренте с домов *местоположение* имеет такое же решающее значение для дифференциальной ренты, какое имеет для нее — при ренте в земледелии — плодородие (и местоположение) земли.

А. Смит, отдавая, вместе с физиократами, особое предпочтение земледелию и земельному собственнику, разделяет физиократическое воззрение, что они являются наиболее подходящим объектом для налогового обложения. Он говорит:

«Как рента с застроенных участков земли, так и обыкновенная земельная рента представляют собой такой вид дохода, которым собственник земли во многих случаях пользуется без всяких забот и усилий с его стороны. И если часть этого дохода будет отнята у него для покрытия расходов государства, то от этого никакой вид труда не потерпит никакого ущерба. Годовой продукт земли и труда общества, действительное богатство и доход основной массы населения могут, после введения такого налога, остаться без изменений. Вот почему рента с застроенных участков земли и обыкновенная земельная рента являются, пожалуй, тем видом дохода. который лучше всего может вынести обложение его особым налогом» (книга V, глава 2)[98] [Русский перевод, том II, стр. 358].

Против этого Рикардо (стр. 230)[99] выдвигает совершенно обывательские возражения. [641]

[4) СМИТОВСКИЙ АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ ЦЕН НА ПРОДУКТЫ ЗЕМЛИ]

[632] *Третий отдел: об изменениях в соотношении между стоимостями тех продуктов, которые всегда дают ренту, и тех, которые иногда дают ренту, а иногда не дают ее* (глава 11, книга I, том II).

«В стране, которая отличается естественным плодородием, но в которой преобладающая часть земли совсем не обработана, скот, птица, дичь всякого рода *могут быть получены при весьма малой затрате труда; поэтому на них можно купить, или получить в свое распоряжение, лишь весьма малое количество труда»* (том II, стр. 25) [Русский перевод, том I, стр. 167].

Каким *причудливым* образом измерение стоимости количеством труда смешивается у Смита с «ценой труда», или с тем количеством труда, которым тот или иной товар может распоряжаться, — это видно из вышеприведенной цитаты, но в особенности

из нижеследующего отрывка, который показывает также, как Смит пришел к тому, что местами возводит хлеб в мерило стоимости.

«При любом состоянии общества, на любой ступени развития его цивилизации *хлеб всегда является продуктом человеческого труда.* Но среднее количество продукта любой отрасли труда всегда более или менее точно соответствует среднему потреблению, среднее предложение соответствует среднему спросу. Кроме того, *на различных ступенях цивилизации* для выращивания одинаковых количеств хлеба на той же самой земле и при том же климате *всегда требуется* в среднем *почти одинаковое количество труда, или,* что сводится к тому же самому, *цена почти одинакового количества труда.* Ибо непрерывное увеличение производительных сил труда при повышении культуры земледелия более или менее уравновешивается *непрерывным* возрастанием *цен на скот,* служащий *главным орудием* в земледелии. Ввиду всего этого мы можем быть уверены, что *при любом возможном состоянии общества,* на любой ступени цивилизации *одинаковые количества хлеба* будут более верными *представителями ил и эквивалентами одинаковых количеств труда,* чем одинаковые количества какого-либо другого сырого продукта земли. Поэтому хлеб... на всех различных ступенях развития богатства и цивилизации общества является более точной мерой стоимости, чем какой-либо другой товар или какая-либо другая группа товаров... Кроме того, *хлеб* или вообще то растение, которое является обычной и излюбленной пищей народа, составляет во всякой цивилизованной стране *основную часть средств существования рабочего...* Поэтому денежная цена труда в гораздо большей степени зависит от средней цены хлеба, являющегося средством существования рабочего, чем от цены мяса или какого-нибудь другого сырого продукта земли. Вследствие этого действительная стоимость золота и серебра, действительное количество труда, какое они могут купить, или получить в свое распоряжение, зависит в гораздо большей степени от количества хлеба, какое они могут купить или представить, чем от количества мяса или другого продукта земли, которым они могут располагать» (том II, стр. 26—28) [Русский перевод, том I, стр. 167—168].

При сравнении стоимости золота и серебра Смит еще раз развивает свой взгляд на «достаточную цену» и [633] определенно указывает, что *она исключает ренту:*

«Товар можно назвать *дорогим* или *дешевым* не только в зависимости от того, составляет ли его обычная цена большую или малую сумму, но и в зависимости от того, превышает ли эта обычная цена в большей или меньшей мере самую низкую цену, по которой товар может поступать на рынок в течение сколько-нибудь продолжительного времени. *Этой самой низкой ценой является та цена, которая как раз достаточна для того, чтобы с умеренной прибылью возместить капитал, необходимый для поступления товара на рынок. Это — такая цена, которая ничего не дает земельному собственнику, цена, в которую рента не входит составной частью и которая разлагается лишь на заработную плату и прибыль»* (том II, стр. 81) [Русский перевод, том I, стр. 189].

«Цена бриллиантов и других драгоценных камней, вероятно, еще в большей мере, чем цена золота, приближается к той самой низкой цене, по которой они могут поступать на рынок» (том II, стр. 83) [Русский перевод, том I, стр. 190].

По Смиту, существуют три группы сырых продуктов (том II, стр. 89) [Русский перевод, том I, стр. 192]. *Первая* состоит из тех продуктов, умножение которых почти не зависит — или совсем не зависит — от человеческого труда; *вторая* — из продуктов, количество которых может быть увеличено соответственно спросу; к *третьей* группе относятся те продукты, на увеличение количества которых человеческий труд «оказывает лишь ограниченное или непостоянное воздействие».

Первая группа: рыба, редко встречающиеся птицы, всякого рода дичь, почти все дикие птицы, в особенности перелетные птицы, и т. п. Спрос на эти продукты сильно возрастает вместе с ростом богатства и роскоши.

«Так как количество этих товаров остается неизменным или почти неизменным, между тем как конкуренция между покупателями все увеличивается, то цена их может подняться до любой высоты» (том II, стр. 91) [Русский перевод, том I, стр. 193].

Вторая группа. «Она состоит из тех полезных растений и животных, которые на необрабатываемых землях создаются природой в таком изобилии, что они имеют лишь небольшую стоимость или совсем не имеют стоимости, и которые по мере распространения земледельческой культуры вынуждены уступать место другим, более выгодным продуктам. В течение длительного времени, вместе с прогрессом цивилизации, количество продуктов этой группы непрерывно уменьшается, тогда как одновременно с этим спрос на них непрерывно возрастает. Таким образом, их действительная стоимость, действительное количество труда, какое они могут купить, или получить в свое распоряжение, все больше возрастает, пока в конце концов не достигает такой высоты, что делает их продуктами столь же выгодными, как и всякий другой продукт, полученный при помощи человеческого труда на самой плодородной и лучше всего возделанной земле. Если стоимость этих продуктов уже достигла такого уровня, то она уже не может дальше повышаться. В противном случае вскоре стали бы применять большее количество земли и труда, чтобы увеличить количество этого продукта» (том II, стр. 94—95) [Русский перевод, том I, стр. 194]. Так обстоит дело, например, со скотом.

«Из всех различных товаров, составляющих эту вторую группу сырых продуктов, домашний скот, пожалуй, является тем товаром, цена которого с развитием цивилизации в первую очередь достигает такой высоты» (том II, стр. 96—97) [Русский перевод, том I, стр. 195]. «Если домашний скот одним из первых достигает этой цены» {т. е. той цены, которая оправдывает обработку земли с целью получения корма для скота}, «то *дичь,* вероятно, достигает этой цены одной из последних. Какой бы чрезмерно высокой ни казалась цена крупной дичи в Англии, эта цена еще недостаточна для покрытия расходов по содержанию охотничьего парка, где водятся эти животные, как хорошо известно всем, кто занят разведением дичи этого рода» (том II, стр. 104) [Русский перевод, том I, стр. 198].

«На каждой ферме отбросами из амбара и хлева можно прокормить некоторое количество *домашней птицы.* Так как домашняя птица ест то, что иначе пропало бы без пользы, то ее разводят просто потому, что из всего хотят извлечь выгоду; и так как домашняя птица почти ничего не стоит фермеру, то ему выгодно продавать ее даже по весьма невысокой цене». Пока имеющееся предложение является достаточным, домашняя

птица так же дешева, как и мясо домашнего скота. С возрастанием богатства увеличивается спрос, а в результате этого цена домашней птицы поднимается *выше* цены говядины или баранины, до тех пор пока «не становится выгодным обрабатывать землю специально для откармливания домашней птицы». Так происходит во *Франции* и т. д. (том II, стр. 105— 106) [Русский перевод, том I, стр. 199].

Свинью, как и птицу, «сначала разводят потому, что из всего хотят извлечь выгоду». Она питается отбросами. Но в конце концов цена ее поднимается настолько, что становится необходимым возделывать землю специально для откармливания свиней (том II, стр. 108—109) [Русский перевод, том I, стр. 200].

Молоко, молочная ферма (том II, стр. 110 и следующие) [Русский перевод, том I, стр. 200 и следующие]. (Масло, сыр; там же.)

Постепенное возрастание *цены* этих сырых продуктов доказывает, по мнению Смита, только то, что они постепенно становятся *продуктами человеческого труда,* тогда как раньше они были почти исключительно *продуктами природы.* Их превращение из продуктов природы в продукты труда само является результатом развития культуры, которое все более и более ограничивает простор для продуктов, создаваемых стихийными силами природы. С другой стороны, значительная часть указанных выше продуктов при менее развитых условиях производства продавалась *ниже своей стоимости.* Они начинают продаваться *по* своей стоимости, как только из побочного продукта они превращаются в самостоятельный продукт какой-либо отрасли сельского хозяйства (отсюда и возрастание цен).

«Очевидно, что земли какой-либо страны никогда не могут быть полностью возделаны и улучшены раньше, чем *цена* любого продукта, который предполагается вырастить на них при помощи человеческого труда, не достигнет высоты, достаточной для *покрытия издержек по такому возделыванию и улучшению земли.* Чтобы это было возможно, цена каждого отдельного продукта должна быть достаточна, во-первых, для уплаты ренты, получаемой с хорошей земли под хлебом, так как именно эта земля определяет ренту с большей части остальных возделываемых земель; во-вторых, для того, чтобы оплатить труд и издержки арендатора не хуже, чем они обычно оплачиваются на хорошей земле под хлебом, другими словами, чтобы *возместить с обычной прибылью затраченный арендатором капитал.* Такое *повышение цены* каждого отдельного продукта должно, очевидно, [634] *предшествовать* улучшению и возделыванию земли, предназначенной для выращивания этого продукта... Теперь эти различные виды сырых продуктов *стоят* не только большего количества серебра, чем прежде, но и большего количества труда и средств существования. Так как приходится затрачивать *большее количество труда и средств существования, чтобы эти продукты поступали на рынок,* то поэтому они, *поступив на рынок, представляют большее количество труда и средств существования, или стоят этого большего количества»* (том II, стр. 113—115) [Русский перевод, том I, стр. 202—203].

Здесь мы опять видим, что понятие стоимости, определяемой тем количеством труда, которое она может купить, применяется

Смитом лишь в той мере, в какой он эту стоимость смешивает со стоимостью, определяемой количеством труда, требующегося для производства данного товара.

Третья группа. Эта группа состоит, по определению Смита, из таких сырых продуктов,

«на увеличение количества которых человеческий труд оказывает лишь ограниченное или непостоянное воздействие» (том II, стр. 115) [Русский перевод, том I, стр. 203].

Количество *шерсти* и *кож* ограничено количеством имеющегося крупного и мелкого скота. Но эти самые ранние *побочные продукты* имеют *широкий рынок сбыта* уже тогда, когда сам скот еще не имеет его. Рынок для мяса домашних животных почти всегда ограничен пределами данной страны. А шерсть и невыделанные кожи даже на первых ступенях цивилизации в большинстве случаев имеют уже внешние рынки. Они весьма транспортабельны и доставляют сырье для многочисленных промышленных изделий. Поэтому более развитые в промышленном отношении страны могут служить для них рынком уже тогда, когда отечественная промышленность еще не нуждается в них.

«В малокультурных и потому весьма слабо заселенных странах цена шерсти и кож всегда составляет гораздо большую долю цены всего животного, чем в странах, где благодаря большему богатству и более многочисленному населению существует больший спрос на мясо». То же самое относится и к салу. С развитием промышленности и с ростом населения повышение цены скота приходится больше на его *тушу,* чем на *шерсть и кожу.* Ибо с ростом промышленности и населения в стране расширяется рынок для мяса, тогда как рынок для указанных побочных продуктов уже раньше вышел за пределы страны. Но с развитием отечественной промышленности цена на шерсть и т. п. все-таки тоже несколько повышается (том II, стр. 115—119) [Русский перевод, том I, стр. 203—205].

Рыба (том II, стр. 129—130) [Русский перевод, том I, стр. 208—209]. Если спрос на рыбу возрастает, то для удовлетворения его требуется большее количество труда. «Рыбу приходится тогда обычно отыскивать в более отдаленных местах, приходится употреблять суда более значительных размеров, пользоваться более дорогим оборудованием всякого рода». Спрос на рыбу «не сможет быть тогда удовлетворен без затраты труда», превышающей затрату того «труда, который был необходим, чтобы снабдить рынок рыбой при прежнем его состоянии». «Поэтому *действительная цена* этого товара должна естественно повыситься с развитием цивилизации» (том II, стр. 130) [Русский перевод, том I, стр. 209].

Здесь, следовательно, Смит определяет *действительную цену* количеством труда, необходимого для производства товара.

По Смиту, *действительная цена растительных продуктов* (хлеба и т. п.) с развитием цивилизации необходимо *падает:*

«Если распространение земледельческих улучшений *необходимо повышает цену всякого рода животной пищи* по сравнению с ценой хлеба, то, с другой стороны, оно столь же необходимо *понижает* цену всякого, как я полагаю, рода *растительной пищи.* Оно повышает цену животной пищи по той причине, что значительная часть земли, доставляющей животную пищу, теперь, после того как она сделалась пригодной для производства хлеба, должна давать земельному собственнику и арендатору ренту и прибыль, обычные для земли под хлебом. Оно *понижает цену растительной пищи* потому, что, *увеличивая плодородие земли,* увеличивает вместе с тем обилие этого вида пищи. Земледельческие улучшения вводят также много новых видов растительной пищи, которые требуют меньше земли и не больше труда, чем хлеб, а потому поступают на рынок по гораздо более дешевой цене, чем хлеб. Таковы картофель и кукуруза... Кроме того, разведение многих видов растительной пищи при низком уровне развития земледелия не выходит за пределы огорода и осуществляется с помощью одной лишь лопаты; с развитием же земледельческой культуры их начинают сеять в открытом поле и возделывать с помощью плуга. Таковы репа, морковь, капуста и т. п.» (глава 11, том II, стр. 145—146) [Русский перевод, том I, стр. 214—215].

Смит видит, что *цены промышленных товаров,* как правило, понизились всюду, где

«действительная цена *сырья* не повышается или не очень сильно повышается» (том II, стр. 149) [Русский перевод, том I, стр. 216].

С другой стороны, Смит утверждает, что действительная цена труда, т. е. заработная плата, повысилась с развитием производства. Стало быть, цены товаров, также и по его мнению, не обязательно повышаются вследствие повышения заработной платы, или цены труда, хотя заработная плата и представляет собой, по его мнению, «конституирующую часть естественной цены» и даже «достаточной цены», или, другими словами, «самой низкой цены, по которой товары могут поступать на рынок». Как же Смит объясняет это? Падением прибыли? Нет (хотя он и допускает, что общая норма прибыли с развитием цивилизации понижается). Падением ренты? Тоже нет. Он говорит:

«Более совершенные машины, [635] возросшее искусство в работе и более целесообразное разделение и распределение труда (все это является естественным следствием развития страны) приводят к тому, что *требуется гораздо меньшее количество труда,* чтобы произвести *какой-нибудь предмет;* и хотя в результате *цветущего состояния* общества *действительная цена труда должна* значительно *повыситься,* все же *резкое уменьшение количества труда, требующегося для производства каждой вещи,* с избытком компенсирует, как правило, любое повышение, которое может произойти в цене этого труда» (том II, стр. 148) [Русский перевод, том I, стр. 215— 216].

Итак, *стоимость* товаров понижается по той причине, что уменьшается количество труда, необходимое для их производства, и понижается она несмотря на то, что *действительная*

цена труда повышается. Если здесь под *действительной ценой* труда подразумевается его *стоимость,* то прибыль с необходимостью при этом падает, когда цена товаров уменьшается вследствие уменьшения их стоимости. Если же под этим подразумевается та сумма жизненных средств, которую получает рабочий, то положение Смита правильно даже тогда, когда прибыль повышается.

Всюду, где Смит дает действительный анализ, он применяет правильное определение стоимости; это видно также в конце главы, где он исследует вопрос, почему *шерстяные ткани* были дороже в XVI столетии [чем в XVIII]:

«*Требовалось гораздо большее количество труда для изготовления этих предметов,* а потому, будучи доставлены на рынок, они должны были продаваться или поступать в обмен за *цену* большего количества труда» (том II, стр. 156) [Русский перевод, том I, стр. 218—219].

Ошибка здесь только в слове *цена.*

[5) ВЗГЛЯД СМИТА НА ДВИЖЕНИЕ РЕНТЫ И ЕГО ОЦЕНКА ИНТЕРЕСОВ РАЗЛИЧНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ КЛАССОВ]

Заключение главы. А. Смит кончает свою главу о ренте замечанием, что

«всякое улучшение в состоянии общества имеет тенденцию прямо или косвенно повышать действительную земельную ренту». «Расширение и улучшение обрабатываемой земли приводят к этому непосредственно. Доля земельного собственника в продукте необходимо увеличивается вместе с увеличением количества этого продукта» (том II, стр. 157— 158) [Русский перевод, том I, стр. 219]. Повышение «действительной цены тех сырых продуктов, вздорожание которых первоначально является следствием распространения земледельческих улучшений, а затем становится причиной их дальнейшего развития» — например, повышение цены скота — повышает, во-первых, действительную стоимость доли земельного собственника, а, во-вторых, также и относительную величину этой доли; ибо «после того как действительная цена такого продукта повысилась, *для его производства требуется не больше труда, чем прежде.* Следовательно, *меньшая доля продукта, чем прежде, окажется достаточной для того, чтобы с обычной прибылью возместить капитал, приводящий в движение этот труд.* Остающаяся после этого часть продукта, являющаяся долей земельного собственника, будет поэтому составлять большую, чем прежде, часть всего продукта» (том II, стр. 158—159) [Русский перевод, том I, стр. 219—220].

Точно таким же способом Рикардо объясняет увеличение доли ренты при вздорожании хлеба, получаемого с более плодородных полей. Но вызывается это вздорожание не земледельческими улучшениями, и поэтому Рикардо приходит к выводу, противоположному тому, какой делает Смит.

Смит указывает затем на то, что всякое развитие производительной силы труда в промышленности приносит выгоду земельному собственнику:

«Все, что понижает действительную цену продуктов первого рода*, повышает действительную цену продуктов второго рода**». Далее, при каждом увеличении действительного богатства общества возрастает и население, с ростом населения возрастает спрос на сельскохозяйственные продукты, а тем самым и вложенный в сельское хозяйство капитал, а «с увеличением продукта возрастает и рента». Наоборот, все противоположные обстоятельства, задерживающие рост богатства общества, приводят к падению ренты, а потому и к уменьшению действительного богатства земельного собственника (том II, стр. 159—160) [Русский перевод, том I, стр. 220].

Отсюда Смит заключает, что интересы лендлордов (земельных собственников) всегда гармонируют с «интересами всего общества». С интересами всего общества гармонируют, по Смиту, также и интересы *рабочих* (том II, стр. 161—162) [Русский перевод, том I, стр. 221]. Но Смит настолько честен, что проводит здесь определенное различие:

«Класс земельных собственников может, пожалуй, больше выигрывать от процветания общества, чем они» (рабочие), «но ни один класс не страдает так жестоко от упадка общества, как класс рабочих» (том II, стр. 162) [Русский перевод, том I, стр. 221].

Напротив, интересы капиталистов (промышленников и торговцев) не тождественны с

«интересами всего общества» (том II, стр. 163) [Русский перевод, том I, стр. 222]. «Частные интересы тех, кто применяет свой капитал в какой-либо отрасли торговли или промышленности, *всегда* в каком-нибудь отношении *отличны* от интересов общества и даже *противоположны* им» (том II, стр. 164—165) [Русский перевод, том I, стр. 2221. «... [Это] класс людей, интересы которых [636] никогда не совпадают в точности с интересами общества, —людей, которые обычно заинтересованы в том, чтобы обманывать общество и даже угнетать его, и которые поэтому весьма часто и обманывали его и угнетали» (том II, стр. 165) [Русский перевод, том I, стр. 222][100]. [636]

* — промышленных продуктов. *Ред.*
** — сельскохозяйственных продуктов. *Ред.*

[ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ]
РИКАРДОВСКАЯ ТЕОРИЯ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

[А. СВЯЗЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РИКАРДО О ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ С ЕГО ВЗГЛЯДАМИ НА ПРИБЫЛЬ И РЕНТУ]

[1) СМЕШЕНИЕ ЗАКОНОВ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ С ЗАКОНАМИ ПРИБЫЛИ У РИКАРДО]

[636] Рикардо нигде не рассматривает *прибавочную стоимость* обособленно и отдельно от ее особых форм — прибыли (процента) и ренты. Поэтому его рассуждения об органическом строении капитала, имеющем столь фундаментальное значение, ограничиваются перешедшими от А. Смита (собственно — от физиократов) различиями в органическом строении капитала в том виде, в каком эти различия проистекают из процесса обращения (основной капитал и оборотный капитал), — причем Рикардо нигде не касается различий в органическом строении капитала внутри самого процесса производства, или он этих различий даже и не знает. Отсюда у него смешение *стоимости* и *цены издержек,* ошибочная теория ренты, ошибочные законы относительно причин повышения и понижения нормы прибыли и т. д.

Прибыль и прибавочная стоимость тождественны лишь постольку, поскольку авансированный капитал тождествен с капиталом, непосредственно затраченным на заработную плату. (Рента здесь не фигурирует, ибо прибавочная стоимость сперва полностью присваивается капиталистом, какие бы со доли ни приходилось ему потом отдавать своим компаньонам. Ведь и у самого Рикардо рента представлена как обособившаяся, выделившаяся часть прибыли.) Так вот, Рикардо я отвлекается в своих рассуждениях о прибыли и заработной плате от не затрачиваемой на заработную плату постоянной части капитала. Он рассматривает дело таким образом, будто весь капитал затрачивается непосредственно на заработную плату. *Постольку,* следовательно, он делает предметом своего

рассмотрения *прибавочную стоимость,* а *не прибыль,* и постольку можно говорить поэтому о теории прибавочной стоимости у Рикардо. Но, с другой стороны, он полагает, что имеет дело с прибылью как таковой, и, действительно, всюду у него проявляются такие точки зрения, которые исходят из предпосылки прибыли, а не прибавочной стоимости. Там, где Рикардо правильно излагает законы прибавочной стоимости, он искажает их тем, что формулирует их непосредственно как законы прибыли. С другой стороны, он хочет законы прибыли непосредственно, без промежуточных звеньев, представить как законы прибавочной стоимости.

Когда мы говорим о теории прибавочной стоимости у Рикардо, то мы, стало быть, говорим о его теории прибыли, поскольку он прибыль смешивает с прибавочной стоимостью, т. е. рассматривает прибыль лишь по отношению к переменному капиталу, к той части капитала, которая затрачивается на заработную плату. То, что Рикардо говорит о прибыли в ее отличии от прибавочной стоимости, мы разберем позже.

То обстоятельство, что прибавочную стоимость можно рассматривать только по отношению к переменному капиталу, к капиталу, непосредственно затрачиваемому на заработную плату, — а без знания прибавочной стоимости никакая теория прибыли невозможна, — это обстоятельство настолько соответствует самой сути дела, что Рикардо рассматривает весь капитал как переменный и *отвлекается* от постоянного капитала, хотя этот последний местами и упоминается им в форме авансируемых затрат.

[637] Рикардо говорит (глава 26-я — *«О валовом и чистом доходе») о* таких

«отраслях торговли и промышленности, в которых *прибыли пропорциональны капиталу,* а не *количеству* применяемого *труда»* (цит. соч., стр. 418) [Русский перевод, том I, стр. 286].

К чему сводится все учение Рикардо о средней прибыли (на котором основывается его теория ренты), как не к утверждению, что прибыли «пропорциональны *капиталу,* а *не количеству* применяемого *труда»?* Если бы они были «пропорциональны количеству применяемого труда», то равные капиталы приносили бы весьма *неравные* прибыли, так как их прибыль равнялась бы произведенной в их собственной отрасли прибавочной стоимости, а последняя зависит не от величины капитала вообще, а от величины переменного капитала, или от «количества применяемого труда». Итак, как же можно утверждать. будто только некоторому особому применению капитала, *особым*

отраслям производства, присуще в виде исключения то, что в них прибыли пропорциональны величине вложенного капитала, а не количеству применяемого труда? При данной норме прибавочной стоимости масса прибавочной стоимости для определенного капитала всегда должна зависеть не от абсолютной величины капитала, а от количества применяемого труда. С другой стороны, при данной средней норме прибыли масса прибыли всегда должна зависеть от величины применяемого капитала, а не от количества применяемого труда.

Рикардо определенно говорит о таких отраслях, как

«водный транспорт, внешняя торговля с отдаленными странами и те отрасли, в которых требуется дорогое машинное оборудование» (стр. 418) [Русский перевод, том I, стр. 286].

Это значит: он говорит об отраслях, применяющих относительно много постоянного и относительно мало переменного капитала. Это вместе с тем такие отрасли, в которых, по сравнению с другими, велика *общая масса* авансированного капитала, другими словами — такие отрасли, в которых можно вести дело только с помощью *крупных капиталов.* При данной норме прибыли масса прибыли зависит вообще от *величины* авансированных капиталов. Но это отнюдь не является отличительной чертой тех отраслей, в которых применяются большие капиталы и много постоянного капитала (одно всегда связано с другим), по сравнению с теми отраслями, где применяются небольшие капиталы, а представляет собой лишь частный случай того положения, что равновеликие капиталы приносят равновеликие прибыли и что, следовательно, больший капитал приносит больше прибыли, чем меньший капитал. Это не имеет никакого отношения к «количеству применяемого труда». Но велика ли вообще норма прибыли или мала, — это, действительно, зависит от совокупного количества труда, применяемого капиталом всего класса капиталистов, от относительного количества применяемого *неоплаченного* труда и, наконец, от соотношения между капиталом, затраченным на труд, и тем капиталом, который всего лишь воспроизводится как условие производства.

Рикардо сам полемизирует против того взгляда А. Смита, что более высокая норма прибыли во внешней торговле, «большие прибыли, получаемые иногда отдельными купцами во внешней торговле, повышают общую норму прибыли в стране». Рикардо говорит:

«Утверждают, что равенство прибылей установится путем общего повышения прибылей; я же держусь того мнения, что прибыли той

отрасли, которая находится в особо благоприятных условиях, быстро опустятся до общего уровня» (глава 7-я — «О *внешней торговле»,* стр. 132—133) [Русский перевод, том I, стр. 113].

В какой мере правилен взгляд Рикардо, что чрезвычайные прибыли (если они вызваны не тем, что рыночная цена поднялась выше стоимости), *несмотря на выравнивание,* не повышают общей нормы прибыли; в какой мере правилен, далее, его взгляд, что внешняя торговля и расширение рынка *не* могут повысить норму прибыли, — это мы увидим позже*. Но если признать правильность его взгляда, если признать вообще «равенство прибылей», то как может он проводить различие между одними отраслями, «где прибыли *пропорциональны капиталу»,* и другими, где прибыли «пропорциональны количеству применяемого труда»?

В цитированной выше главе 26-й — *«О валовом и чистом доходе»* — Рикардо говорит:

«Я допускаю, что в силу самой природы ренты любой данный капитал, примененный в земледелии на любой земле, кроме поступившей в обработку в последнюю очередь, приводит в движение большее количество труда, чем капитал равной величины, примененный в промышленности и в торговле» (стр. 419) [Русский перевод, том I, стр. 286].

Вся эта фраза — бессмыслица. Во-первых, ведь на земле, поступившей в обработку в последнюю очередь, применяется — согласно Рикардо — большее количество труда, чем на всех других участках земли. Поэтому-то и возникает, по его мнению, рента на других участках. Как же в таком случае возможно, что данный капитал должен на всех других землях, *кроме* той, которая поступила в обработку в последнюю очередь, приводить в движение большее количество труда, чем в промышленности и в торговле? То обстоятельство, что продукт лучших земель имеет *рыночную стоимость, превышающую его индивидуальную* стоимость, обусловленную тем количеством труда, которое применено занятым в возделывании этих земель капиталом, — это обстоятельство не тождественно ведь с тем, что данный капитал «приводит в движение большее количество труда, чем капитал равной величины, примененный в промышленности и в торговле»? Но, конечно, было бы правильно, если бы Рикардо сказал, что — помимо различия в плодородии земель — рента вообще проистекает из того, что земледельческий капитал приводит в движение большее по отношению

* См. настоящий том, часть II, стр. 482—484 и 521—522. *Ред.*

к постоянной части капитала количество труда, чем средний капитал в неземледельческом производстве.

[638] Рикардо упускает из виду, что существуют такие причины, которые повышают или понижают прибыль, вообще оказывают на нее влияние — *при данной прибавочной стоимости.* Так как Рикардо отождествляет прибавочную стоимость с прибылью, то он последователен, когда хочет теперь доказать, что повышение и падение нормы прибыли обусловливается только теми обстоятельствами, которые вызывают повышение или падение нормы прибавочной стоимости. Далее, он упускает из виду, что, если отвлечься от тех обстоятельств, которые при данной массе прибавочной стоимости влияют на *норму прибыли,* хотя они и не влияют на *массу прибыли,* то норма прибыли зависит от *массы прибавочной стоимости,* а отнюдь не от *нормы прибавочной стоимости.* Масса прибавочной стоимости, если норма прибавочной стоимости. прибавочного труда, дана, зависит от органического строения капитала, т. е. от того числа рабочих, какое занимает капитал определенной стоимости, например в 100 ф. ст. При данном органическом строении капитала масса прибавочной стоимости зависит от нормы прибавочной стоимости. Она определяется, следовательно, обоими факторами: числом одновременно занятых рабочих и нормой прибавочного труда. Если капитал увеличивается, то, каково бы ни было его органическое строение, — при предположении, что несмотря на увеличение капитала его органическое строение остается неизменным, — масса прибавочной стоимости увеличивается. Но это ничего не меняет в том, что для капитала определенной стоимости, например в 100 единиц, масса прибавочной стоимости остается без изменения. Если она в данном случае равна 10, то для 1000 она будет 100, но пропорция от этого не изменяется.

{*Рикардо* пишет:

«В одной и той же отрасли хозяйства не может быть *двух норм прибыли;* поэтому, если стоимость продукта находится в различном отношении к капиталу, то различна будет земельная рента, а не прибыль» (стр. 212—213) (глава 12-я — *«Земельный налог»)* [Русский перевод, том I, стр. 159].

Это относится только к нормальному уровню прибыли «в одной и той же отрасли хозяйства». Вообще же это находится в прямом противоречии с цитированным ранее* положением:

«Меновая стоимость всех товаров, будь то промышленные изделия, продукты рудников или продукты сельского хозяйства, никогда

* См. настоящий том, часть II, стр. 220 и 343. *Ред.*

не определяется наименьшим количеством труда, какое достаточно для их производства при наиболее благоприятных условиях, доступных лишь для тех, кто пользуется особенно выгодными обстоятельствами; наоборот, она определяется наибольшим количеством труда, какое по необходимости затрачивается на их производство теми, кто таких преимуществ не имеет, кто продолжает производство при самых неблагоприятных условиях; а под *самыми неблагоприятными условиями* следует понимать *наиболее неблагоприятные из тех, при которых необходимо продолжать производство для того, чтобы было произведено требуемое количество продукта»* (глава 2-я — *«О ренте»,* стр. 60—61) [Русский перевод, том I, стр. 69].}

В главе 12-й — *«Земельный налог»* — Рикардо, между прочим, выдвигает против Сэя следующее возражение, — и тут мы видим, как англичанин всегда остро воспринимает экономические различия, тогда как житель континента постоянно забывает про них:

«Согласно предположению г-на Сэя, [в приведенном им примере] «земельный собственник благодаря своему *трудолюбию, бережливости и искусству* увеличивает свой годовой доход на 5000 франков». Но ведь земельный собственник не имеет возможности применять на принадлежащей ему земле свое трудолюбие, бережливость и искусство, если он сам не ведет на ней хозяйство; если же земельный собственник сам ведет свое хозяйство, то он производит улучшения как капиталист и фермер, а не как земельный собственник. Нельзя представить себе, что он мог до такой степени увеличить продукт своей фермы посредством какого-то своего *особого* искусства» {следовательно, также и с «искусством» дело обстоит так, что это более или менее пустая болтовня}, «не увеличив предварительно количество применяемого на этой ферме капитала» (стр. 209) [Русский перевод, том I, стр. 157].

В *главе 13-й — «Налоги на золото»* (эта глава важна для рикардовской теории денег) — Рикардо дает некоторые дополнения или дальнейшие определения относительно *рыночной цены* и *естественной цены.* Они сводятся к тому, что выравнивание обеих цен происходит быстрее или медленнее в зависимости от того, допускает ли данная отрасль хозяйства быстрое или медленное увеличение или уменьшение предложения, а это, в свою очередь, означает то же самое, что и *быстрый или медленный приток* капиталов в рассматриваемую отрасль или их *отлив* из нее. По поводу рассуждений Рикардо о земельной ренте выдвигались с разных сторон (Сисмонди и др.) упреки в том, что он упускает из виду трудности, которые представляет *изъятие капитала* для арендатора, применяющего много основного капитала и т. д. (История Англии за 1815—1830 гг. доказывает это в *высокой мере.)* Как ни справедлив этот упрек, он *совсем не* относится к теории, *совершенно* ее *не затрагивает,* ибо здесь речь идет всегда только о большей или меньшей степени, о более быстром или более медленном действии экономи-

ческого закона. Совсем иначе, однако, обстоит дело с *противоположным* упреком относительно вложения нового капитала в новые земли. Рикардо предполагает, что последнее может происходить *без вмешательства* земельного собственника, что капитал здесь действует в такой среде, [639] в которой его движение не наталкивается на сопротивление. Это, однако, *в корне ошибочно.* Чтобы доказать эту предпосылку, чтобы доказать, что она имеет место там, где капиталистическое производство и земельная собственность уже развились, Рикардо всегда предполагает такие случаи, при которых земельная собственность — либо фактически, либо юридически — *не* существует и капиталистическое производство, по крайней мере в самом земледелии, тоже *еще не* развилось.

Что же касается упомянутых только что положений Рикардо относительно рыночной и естественной цены, то они гласят:

«Вследствие налогов на товары или увеличивающейся трудности их производства всегда происходит в конце концов повышение их цен; но *сколько пройдет времени,* пока рыночная цена придет в соответствие с естественной ценой, по *необходимости зависит от природы данного товара* и от *степени легкости, с какой может быть уменьшено его количество.* Если бы нельзя было уменьшить количество обложенного налогом товара, если бы нельзя было изъять для помещения в другие отрасли капитал, например, фермера или фабриканта шляп, то падение их прибылей ниже общего уровня, вызванное налогом, не повлекло бы за собой никаких последствий. Если только спрос на их товары не возрастет, фермер и фабрикант шляп никогда не смогут повысить рыночную цену хлеба и шляп до уровня возросшей естественной цены этих товаров. Их угрозы бросить свое занятие и перевести свои капиталы в отрасли, находящиеся в более благоприятных условиях, рассматривались бы как пустые угрозы, которых нельзя было бы осуществить; поэтому цену такого рода товара нельзя было бы повысить путем сокращения производства. Однако фактически *всякий товар может быть уменьшен в своем количестве,* и *капитал может быть перемещен из менее прибыльных отраслей в более прибыльные, хотя и не с одинаковой быстротой.* Чем легче поддается ограничению, без ущерба для производителя, предложение определенного товара, тем быстрее повысится его цена после того, как трудность его производства возросла вследствие обложения налогом или по какой-либо другой причине» (стр. 214—215) [Русский перевод, том I, стр. 160].

«Установление соответствия между рыночной и естественной ценой у всех товаров находится всегда в зависимости от степени легкости, с какой может быть увеличено или уменьшено предложение того или другого товара. В том случае, когда мы имеем дело с золотом, домами и трудом, равно как и со многими другими предметами, этот результат, при известных обстоятельствах, не может быть получен в короткий срок. Но иначе обстоит дело с такими товарами, которые потребляются и вновь производятся из года в год, как, например, шляпы, обувь, хлеб и одежда. Предложение таких товаров может быть, в случае необходимости, уменьшено, и не требуется большого промежутка времени, чтобы оно сократилось соответственно возрастанию издержек их производства» (стр. 220— 221) [Русский перевод, том I, стр. 164].

[2) РАЗЛИЧНЫЕ СЛУЧАИ ИЗМЕНЕНИЯ НОРМЫ ПРИБЫЛИ]

В той же главе 13-й — *«Налоги на золото»* — Рикардо говорит:

«Рента не есть *создание богатства, а лишь перемещение его»* (стр. 221) [Русский перевод, том I, стр. 165].

А разве прибыль есть *создание* богатства, и не является ли она скорее *перемещением* прибавочного труда от рабочего к капиталисту? Что касается *заработной платы,* то также и она не есть, в действительности, *создание* богатства, но она не есть и перемещение богатства. Она представляет собой присвоение части продукта труда теми, кто этот продукт произвел.

В той же главе Рикардо говорит:

«Налог на сырые продукты, получаемые с поверхности земли, падает... на *потребителя* и нисколько не затрагивает ренту. Последняя может претерпеть изменения лишь в том случае, если этот налог, уменьшая фонды, идущие на содержание труда, понизит заработную плату, сократит народонаселение и уменьшит спрос на хлеб» (стр. 221) [Русский перевод, том I, стр. 164].

Прав ли Рикардо, утверждая, что «налог на *сырые продукты,* получаемые с поверхности земли», падает не на земельного собственника и не на арендатора, а на *потребителя,* — это нас здесь не интересует. Но я утверждаю, что если он прав, такой налог может *повысить ренту,* тогда как Рикардо полагает, что этот налог не затрагивает ее, кроме того случая, когда он, удорожая жизненные средства и т. д., уменьшает капитал, народонаселение и спрос на хлеб. Дело в том, что Рикардо воображает, будто вздорожание сырого продукта лишь постольку затрагивает *норму прибыли,* поскольку оно удорожает *жизненные средства,* потребляемые рабочими. Здесь правильно то, что вздорожание *сырых продуктов* лишь этим путем может затронуть *норму прибавочной стоимости,* а потому и самое *прибавочную стоимость,* а значит, *вследствие этого* и норму прибыли. Но при данной *прибавочной стоимости* вздорожание «сырых продуктов, получаемых с поверхности земли», *повысило бы* стоимость постоянного капитала в сравнении с переменным, увеличило бы отношение постоянного капитала к переменному и *поэтому* понизило бы *норму прибыли* и, следовательно, повысило бы *ренту.* Рикардо исходит из того воззрения, [640] что, поскольку вздорожание или удешевление *сырого продукта* не затрагивает заработную плату, оно не затрагивает и прибыль; ибо, — рассуждает он {за исключением одного места, к которому мы вернемся позже*}, — норма прибыли остается

* См. настоящий том, часть II, стр. 477—478. *Ред.*

прежней, падает ли или же повышается стоимость авансированного капитала. Таким образом, если авансированный капитал возрастает в стоимости, то возрастает в стоимости также и продукт, а равным образом и та часть продукта, которая образует прибавочный продукт, т. е. прибыль. Обратное происходит при падении стоимости авансированного капитала. Это верно только в том случае, когда, вследствие ли вздорожания сырья, вследствие ли налогов или других причин, стоимость переменного капитала и постоянного капитала изменяется в *одинаковой пропорции.* В этом случае норма прибыли остается прежней, так как в органическом строении капитала никакого изменения не произошло. И даже в этом случае необходимо *предположить* то, что имеет место при изменениях временного характера, а именно — что заработная плата остается без изменения, хотя сырой продукт мог вздорожать или подешеветь (заработная плата, таким образом, остается без изменения, независимо от того, повышается ли или падает ее потребительная стоимость при данной, неизменной стоимости).

Возможны следующие случаи.

Прежде всего, два главных различия.

А) Вследствие *изменения в способе производства* изменяется *соотношение* между массами применяемого постоянного и переменного капитала. В этом случае норма прибавочной стоимости остается прежней, если заработная плата предполагается постоянной по своей стоимости. Но сама прибавочная стоимость подвергается изменениям, когда изменяется число рабочих, применяемых одним и тем же капиталом, т. е. когда величина переменного капитала изменяется. Если в результате изменений в способе производства относительно падает величина постоянного капитала, то возрастает прибавочная стоимость, следовательно и норма прибыли. В противоположном случае и результат будет противоположный.

Здесь все время предполагается, что стоимость [приходящаяся] pro tanto[*], например на *100* [натуральных] единиц постоянного и переменного капитала, остается *одной и той же.*

В данном случае невозможно, чтобы изменение в способе производства в одинаковой мере затрагивало и постоянный и переменный капитал, т. е. чтобы постоянный капитал и переменный капитал — без изменения стоимости [входящих в них товаров] — должны были, например, в одинаковой мере увеличиваться или уменьшаться. Ибо необходимость уменьшения и увеличения постоянного и переменного капитала здесь всегда

[*] — на такое-то количество, соответственно. *Ред.*

связана с изменением производительности труда. Изменение в способе производства оказывает *различное,* а не одинаковое, воздействие на постоянный и переменный капитал, что не находится ни в какой связи с тем, должен ли — при данном *органическом строении капитала* — применяться большой или небольшой капитал.

B) Способ производства остается без изменения. Изменение в соотношении между постоянным и переменным капиталом, при неизменных относительных массах их (так что и тот и другой составляет такую же, как и прежде, долю совокупного капитала), происходит вследствие *изменения стоимости* товаров, входящих в постоянный или переменный капитал.

Здесь возможно следующее:

[1] Стоимость постоянного капитала не изменяется; стоимость переменного капитала повышается или падает. Это всегда отражалось бы на прибавочной стоимости, а вследствие этого и на норме прибыли.

[2] Стоимость переменного капитала не изменяется; стоимость постоянного капитала повышается или падает. Тогда норма прибыли в первом случае упала бы, во втором — повысилась бы.

[3] Если стоимость постоянного капитала и стоимость переменного капитала падают одновременно, но в неодинаковой пропорции, то стоимость одного по отношению к стоимости другого всегда либо повышается, либо падает.

[4] Стоимость постоянного капитала и стоимость переменного капитала — как в случае повышения обеих, так и в случае их падения — изменяются в *одинаковой* пропорции. Если обе стоимости повышаются, то норма прибыли падает, но не по той причине, что повышается стоимость постоянного капитала, а по той, что *повышается* стоимость переменного капитала и вследствие этого падает прибавочная стоимость (ведь повышается-то лишь стоимость переменного капитала, хотя капитал этот приводит в движение такое же, как и прежде, или, быть может, даже меньшее количество рабочих). Если стоимости обеих органических составных частей капитала падают, то норма прибыли повышается, но не по той причине, что падает стоимость постоянного капитала, а по той, что падает (в своей стоимости) переменный капитал и, следовательно, возрастает прибавочная стоимость.

C) Изменение в способе производства и изменение в стоимости элементов, образующих постоянный или переменный капитал.

Здесь одно изменение может парализовать другое, если, например, масса постоянного капитала возрастает, тогда как

его стоимость либо падает, либо остается без изменения (стало быть, тоже падает *pro tanto,* на каждые 100 [натуральных] единиц), или если масса постоянного капитала падает, а его стоимость либо остается без изменения (стало быть, повышается pro tanto), либо повышается — [например] в той же пропорции. В этом последнем случае не произошло бы никакого изменения в органическом строении капитала. Норма прибыли осталась бы неизменной. Но, за исключением земледельческого капитала, нигде не возможен такой случай, чтобы масса постоянного капитала уменьшилась по отношению к переменному капиталу, в то время как его стоимость *возросла.*

Такое парализующее действие одного изменения на другое невозможно для переменного капитала (при неизменной реальной заработной плате).

За исключением вышеуказанного одного случая возможно, стало быть, только то, что стоимость и масса постоянного капитала одновременно падают или повышаются по отношению к переменному капиталу; что, следовательно, стоимость постоянного капитала безусловно повышается или падает по отношению к переменному капиталу. Этот случай уже рассмотрен. Если они падают или повышаются, хотя и одновременно, [641] но в различной пропорции, то это — согласно предпосылке — всегда сводится к тому, что стоимость постоянного капитала повышается или падает по отношению к переменному капиталу.

Это включает в себя также и другой случай. Ибо если увеличивается масса постоянного капитала, то масса переменного капитала относительно уменьшается, и наоборот. Точно так же обстоит дело и в отношении стоимости. [641]

[3) ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ДРУГ ДРУГУ ИЗМЕНЕНИЯ В СТОИМОСТИ ПОСТОЯННОГО И ПЕРЕМЕННОГО КАПИТАЛА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА НОРМУ ПРИБЫЛИ]

[642] *По поводу случая С (стр. 640)* необходимо заметить еще следующее:

Возможно такое положение, что заработная плата повышается, а постоянный капитал понижается *в стоимости,* не в *массе.* Если бы повышение и понижение соответствовали друг другу на обоих концах, то норма прибыли могла бы остаться неизменной. Если, например, постоянный капитал = 60 ф. ст., заработная плата = 40 ф. ст. и норма прибавочной стоимости = 50%, то продукт = 120 ф. ст., а норма прибыли = 20%. Если бы постоянный капитал, при сохранении его

массы без всяких изменений, упал до 40 ф. ст. и если бы заработная плата повысилась до 60 ф. ст., а прибавочная стоимость понизилась бы с 50 до $33\frac{1}{3}$%, то продукт по-прежнему был бы равен 120 ф. ст., а норма прибыли была бы равна 20%. Это неверно.

Согласно предпосылке, общая стоимость, созданная примененным количеством [живого] труда, равна 60 ф. ст. Поэтому если бы заработная плата повысилась до 60 ф. ст., то прибавочная стоимость, а следовательно и норма прибыли, была бы равна нулю. Если бы заработная плата и не повысилась так значительно, то все же каждое повышение ее вызывало бы падение прибавочной стоимости. Если бы заработная плата повысилась до 50 ф. ст., то прибавочная стоимость была бы равна 10 ф. ст.; если бы она повысилась до 45 ф. ст., то прибавочная стоимость была бы равна 15 ф. ст. и т. д. Следовательно, при всех обстоятельствах прибавочная стоимость и норма прибыли падают в одинаковой степени. Ибо прибавочная стоимость и норма прибыли исчисляются здесь на остающийся без изменения совокупный капитал. При капиталах равной величины (имеется в виду совокупный капитал) норма прибыли обязательно должна повышаться и падать не с повышением и падением нормы прибавочной стоимости, а с повышением и падением абсолютной массы прибавочной стоимости.

Если в вышеприведенном примере [постоянный капитал состоит из льна и если] цена этого льна падает настолько, что масса его, превращаемая в пряжу тем же самым количеством рабочих, может быть куплена за 40 ф. ст., то мы имели бы следующее:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Стоимость продукта	Авансированный капитал	Норма прибыли
40	50	10	100	90	$11\frac{1}{9}$%

Здесь норма прибыли упала бы ниже 20%.

Если же стоимость постоянного капитала упала бы до 30 ф. ст., то мы имели бы:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Стоимость продукта	Авансированный капитал	Норма прибыли
30	50	10	90	80	$12\frac{1}{2}$%

При падении стоимости постоянного капитала до 20 ф. ст. мы имели бы:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Стоимость продукта	Авансированный капитал	Норма прибыли
20	50	10	80	70	$14\frac{2}{7}$%

При допущенной нами предпосылке падение стоимости постоянного капитала парализует повышение стоимости переменного капитала всегда лишь частично. При этой предпосылке падение стоимости постоянного капитала не может полностью парализовать повышение стоимости переменного капитала, ибо для того, чтобы норма прибыли равнялась 20%, 10 ф. ст. прибавочной стоимости должны были бы составить $^1/_5$ всего авансированного капитала. Но в данном случае, когда переменный капитал равен 50 ф. ст., это было бы возможно лишь тогда, если бы постоянный капитал равнялся 0. Если же мы примем, что переменный капитал повышается только до 45 ф. ст., то прибавочная стоимость будет составлять 15 ф. ст. И если при этом предположить, что постоянный капитал падает до 30 ф. ст., то мы будем иметь следующее:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Стоимость продукта	Авансированный капитал	Норма прибыли
30	45	15	90	75	20%

В этом случае, следовательно, оба движения полностью парализовали бы друг друга.

[643] Возьмем, далее, такой случай:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Стоимость продукта	Авансированный капитал	Норма прибыли
20	45	15	80	65	$23^1/_{13}$%

Следовательно, в этом случае, даже при падении прибавочной стоимости*, норма прибыли могла бы *повыситься* в силу значительно большего падения стоимости постоянного капитала. При том же самом капитале в 100 ф. ст. можно было бы применять больше рабочих, несмотря на повысившуюся заработную плату и падение нормы прибавочной стоимости. Несмотря на падение нормы прибавочной стоимости, сама прибавочная стоимость, а поэтому и прибыль, возросла бы, так как возросло бы число рабочих. Ведь вышеприведенное соотношение $20c + 45v$ дает нам при затрате капитала в 100 ф. ст. следующей соотношение:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Стоимость продукта	Авансированный капитал	Норма прибыли
$30^{10}/_{13}$	$69^3/_{13}$	$23^1/_{13}$	$123^1/_{13}$	100	$23^1/_{13}$%

Соотношение между нормой прибавочной стоимости и числом рабочих приобретает здесь очень важное значение. Рикардо нигде не рассматривает этого соотношения. [643]

* — по сравнению с исходным случаем $60c + 40v + 20m$. *Ред.*

* * *

[641] То, что было рассмотрено выше как *изменение* внутри *органического строения* одного капитала, может, само собой разумеется, иметь силу также и как различие *органического строения* между *различными капиталами,* между капиталами в различных отраслях производства.

Во-первых: вместо изменения в органическом строении *одного* капитала мы будем иметь различие в *органическом строении различных* капиталов.

Во-вторых: [вместо] изменения органического строения, вызванного *изменением стоимости* в двух частях одного капитала, мы будем иметь точно такое же различие между различными капиталами в отношении *стоимости применяемых ими сырья* и *машин.* Для переменного капитала это не имеет силы, так как предположена равная заработная плата в различных отраслях производства. Различие в *стоимости* различных рабочих дней в различных отраслях не имеет к этому никакого отношения. Если труд ювелира дороже труда чернорабочего, то и прибавочное рабочее время ювелира в такой же пропорции дороже, чем прибавочное рабочее время чернорабочего[101]. [641]

[4) СМЕШЕНИЕ ЦЕНЫ ИЗДЕРЖЕК СО СТОИМОСТЬЮ В РИКАРДОВСКОЙ ТЕОРИИ ПРИБЫЛИ]

[641] В *главе 15-й — «Налоги на прибыль»* — Рикардо говорит:

«Налоги на те товары, которые носят общее название предметов роскоши, падают исключительно на потребителей этих товаров... Но налоги на предметы необходимости часто падают на потребителей в пропорции гораздо более высокой, чем количество потребляемых ими предметов». Например, налог на хлеб [падает на фабриканта не только в той мере, в какой он потребляет хлеб, но и в той мере, в какой вздорожание хлеба повышает заработную плату]. «Это изменяет норму прибыли на капитал. Все, что увеличивает заработную плату, уменьшает прибыль на капитал; поэтому всякий налог на товары, потребляемые рабочим, имеет тенденцию понижать норму прибыли» (стр. 231) [Русский перевод, том I,стр. 172].

Налоги на потребителей являются в то же время налогами на производителей, если объект налога входит не только в индивидуальное потребление, но и в производственное потребление, или если он входит только в последнее. Но в таком случае это относится не только к предметам необходимости, потребляемым рабочими. Это относится ко всем материалам, производственно потребляемым капиталистами. Каждый такой налог уменьшает норму прибыли потому, что он повышает стоимость постоянного капитала по отношению к переменному.

Возьмем, например, налог, который был бы введен на лен или на шерсть. [642] Лен повышается тогда в цене. Вследствие этого льнопрядильщик с капиталом в 100 не может уже закупить для переработки в пряжу такое же количество льна, как прежде. Так как способ производства не изменился, то льнопрядильщику требуется такое же, как и прежде, количество рабочих, чтобы переработать в пряжу прежнее количество льна. Но лен по отношению к капиталу, затрачиваемому на заработную плату, имеет теперь большую стоимость, чем прежде. Следовательно, норма прибыли падает. Повышение цены льняной пряжи не идет ему при этом на пользу. Абсолютная высота этой цены вообще безразлична для льнопрядильщика. Все дело только в избытке цены продукта над ценой авансированного капитала. Если же льнопрядильщик захотел бы повысить цену всего продукт? не только в том размере, в каком повысилась цена льна, но и в таком размере, чтобы то же самое количество пряжи приносило ему такую же прибыль, как и прежде, то сирое, упавший уже вследствие повышения цены сырья для пряжи, упал бы еще больше вследствие того, что цена продукта была искусственно поднята ради повышения прибыли. Несмотря на то, что норма прибыли в среднем дана, сделать эту надбавку к цене в таких случаях не удается[102]. [642]

[643] В той же *главе 15-й* — *«Налоги на прибыль»* — Рикардо говорит:

«В одной из предыдущих частей этой работы мы уже рассматривали то влияние, которое оказывает на цены товаров разделение капитала на *основной и оборотный,* или, точнее, на *долговечный и преходящий капитал.* Мы показали, что два фабриканта могут применять совершенно одинаковую сумму капитала и могут получать с него совершенно одинаковую сумму прибыли, но что они будут продавать своя товары за весьма различные суммы денег, в зависимости от того, быстро или медленно потребляются и воспроизводятся применяемые ими капиталы. Один из них может продавать свои товары за 4000 ф. ст., а другой — за 10000 ф. ст., хотя каждый из них применяет капитал в 10000 ф. ст. и получает 20% прибыли, т. е. 2000 ф. ст. Капитал одного может состоять, например, из 2000 ф. ст. оборотного капитала, который должен быть воспроизведен, и из 8000 ф. ст. основного — в зданиях и машинах; напротив, капитал второго может состоять из 8000 ф. ст. оборотного капитала и всего лишь из 2000 основного капитала — в машинах и зданиях. Если бы теперь каждый из этих капиталистов был обложен налогом, составляющим 10% его дохода, или 200 ф. ст., то один для получения *общей нормы прибыли* должен был бы повысить цену своих товаров с 10000 ф. ст. до 10200 ф. ст.; другой тоже должен был бы повысить цену своих товаров с 4000 ф. ст. до 4200 ф. ст. До введения налога товары, продаваемые одним из этих фабрикантов, стоили в $2^1/_2$ раза дороже, чем товары другого; после введения налога они будут дороже в 2,42 раза. Товары одного рода повысились в цене на 2%, а товары другого рода — на 5%. Следовательно, налог на доход, если деньги сохраняют свою прежнюю стоимость, изменил бы

относительные цены *и* стоимость товаров» (стр. 234—235) [Русский перевод, том I, стр. 174].

В этом последнем «и» — «цены *и* стоимость» — и содержится ошибка. Такое изменение цен доказывало бы только — совершенно так же, как и в случае с неодинаковым делением капитала на основной и оборотный, — что для того, чтобы установилась *общая норма прибыли,* определяемые, регулируемые ею цены, или цены издержек, должны быть весьма отличны от *стоимостей* товаров, а эта важнейшая точка зрения для Рикардо совершенно не существует.

В той же главе Рикардо говорит:

«Если бы в стране не было налогов и при этом деньги упали бы в стоимости, то их изобилие на каждом рынке» {здесь у Рикардо смехотворное представление, будто падение стоимости денег должно сопровождаться их изобилием на каждом рынке} [644] «оказало бы одинаковое действие на каждый товар. Если бы мясо повысилось в цене на 20%, то хлеб, пиво, обувь, труд и *всякий другой товар* тоже повысились бы в цене на 20%. Это необходимо должно произойти, чтобы обеспечить одинаковую норму прибыли во всех отраслях производства. Но иначе обстоит дело, когда какой-нибудь из этих товаров обложен налогом; если бы в этом случае цены на все товары повысились пропорционально падению стоимости денег, то *прибыли оказались бы неодинаковыми;* для товаров, обложенных налогами, *прибыли поднялись бы выше общего уровня,* и капитал *стал бы переходить из одной отрасли в другую, пока не восстановилось бы равновесие прибылей,* а это могло бы произойти только после *изменения относительных цен»* (стр. 236—237) [Русский перевод, том I, стр. 175].

И это равновесие прибылей устанавливается вообще тем путем, что относительные *стоимости, действительные стоимости* товаров подвергаются изменению и так приспосабливаются друг к другу, что соответствуют не своей действительной стоимости, а той средней прибыли, которую они должны приносить.

[5) ОБЩАЯ НОРМА ПРИБЫЛИ И НОРМА АБСОЛЮТНОЙ РЕНТЫ В ИХ СООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ СОБОЙ. ВЛИЯНИЕ ПОНИЖЕНИЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ НА ЦЕНЫ ИЗДЕРЖЕК]

В главе 17-й — *«Налоги на другие товары, кроме сырых продуктов»* — Рикардо говорит:

«Г-н Бьюкенен полагает, что хлеб и сырые продукты продаются по монопольной цене, потому что они дают ренту. Он исходит из предположения, что все товары, дающие ренту, должны продаваться по монопольной цене; и отсюда он делает тот вывод, что все налоги на сырые продукты падают на земельного собственника, а не на потребителя. «Так как *на цену хлеба,* который всегда дает ренту, — говорит Бьюкенен, — *ни в каком отношении не влияют издержки его производства,* то эти *издержки*

должны оплачиваться за счет ренты; когда они повышаются или падают, следствием этого является, таким образом, не повышение или понижение цены, а повышение или понижение ренты. С этой точки зрения все налоги на сельскохозяйственных рабочих, на лошадей или на земледельческие орудия являются, в действительности, налогами на землю, бремя которых ложится на фермера в продолжение всего срока аренды, а затем, при возобновлении арендного договора, — на земельного собственника. Подобным же образом все усовершенствованные сельскохозяйственные орудия, дающие фермеру возможность сократить издержки производства, — например молотилки и жатвенные машины, а также все то, что облегчает фермеру сообщение с рынком, как, например, хорошие дороги, каналы и мосты, — все это, хотя и уменьшает действительные издержки производства хлеба, но не *уменьшает его рыночной цены.* Следовательно, все, что сберегается путем этих усовершенствований, достается земельному собственнику как часть его ренты».

Очевидно» (говорит Рикардо), «что если мы признаем правильной основу, на которой г-н Бьюкенен строит свою аргументацию, а именно, что цена хлеба всегда дает ренту, то отсюда, конечно, получатся все те выводы, которые он отстаивает» (стр. 292—293) [Русский перевод, том I, стр. 208—209].

Это отнюдь не очевидно. Свою аргументацию Бьюкенен основывает не на том, что всякий хлеб дает ренту, а на том, что всякий хлеб, дающий ренту, продается по *монопольной цене* и что монопольная цена в том смысле, в каком ее понимает А. Смит, а также и Рикардо, означает «наивысшую цену, по которой потребители согласны покупать товар»[103].

Но это как раз и неверно. Хлеб, который дает ренту (оставляя в стороне дифференциальную ренту), продается не по монопольной цене в том смысле, в каком об этом говорит Бьюкенен. Хлеб продается по монопольной цене лишь постольку, поскольку он продается выше своей *цены издержек, по своей стоимости.* Его цена определяется количеством овеществленного в нем труда, а не издержками его производства, а рента есть избыток стоимости над ценой издержек и, следовательно, определяется последней: рента тем больше, чем меньше цена издержек по отношению к стоимости, и тем меньше, чем больше цена издержек по отношению к стоимости. Все улучшения понижают стоимость хлеба, потому что они уменьшают требующееся для его производства количество труда. Но приводят ли они к падению ренты, это зависит от различных обстоятельств. Если хлеб дешевеет и вследствие этого падает заработная плата, то норма прибавочной стоимости повышается. В этом случае упали бы, далее, издержки арендатора на семена, на корм для скота и т. п. В связи с этим повысилась бы норма прибыли во всех других, неземледельческих, отраслях производства, а потому *также и* в земледелии. В неземледельческих отраслях производства относительные массы непосредственного

и накопленного труда остались бы неизменными; число рабочих осталось бы прежним (по отношению к постоянному капиталу), но стоимость переменного капитала понизилась бы, и, следовательно, прибавочная стоимость [645] повысилась бы, а значит, повысилась бы и норма прибыли. *Вследствие этого* прибавочная стоимость и норма прибыли повысились бы и в земледелии. Рента здесь падает, потому что повышается норма прибыли. *Хлеб становится дешевле, но его цена издержек возрастает. Поэтому разность между его стоимостью и его ценой издержек уменьшается.*

Согласно нашему предположению, соотношение для среднего неземледельческого капитала = $80c + 20v$, норма прибавочной стоимости = 50%; поэтому прибавочная стоимость = 10, а норма прибыли = 10%. Следовательно, стоимость продукта капитала в 100, со средним строением, равна 110.

Предположим теперь, что вследствие понижения хлебных цен заработная плата упала на $^{1}/_{4}$; тогда *то же самое число рабочих,* которое работает с постоянным капиталом в 80 ф. ст., т. е. с тем же количеством сырья и машин, обойдется всего лишь в 15 ф. ст. И прежнее количество товаров будет иметь стоимость $80c + 15v + 15m$, так как количество выполняемого этими рабочими труда, согласно предположению, равно 30 ф. ст. Следовательно, стоимость того же самого количества товаров по-прежнему равняется 110 ф. ст. Но затраченный капитал составляет уже только 95 ф. ст., а 15 ф. ст. на 95 ф. ст. составляют $15^{15}/_{16}$%. При затрате прежней массы капитала, или при расчете на капитал в 100 ф. ст., соотношение получилось бы $84^{4}/_{19}c + 15^{15}/_{19}v$. А прибыль равнялась бы $15^{15}/_{19}$ ф. ст. Стоимость продукта = $115^{15}/_{19}$ ф. ст. Но, согласно нашему предположению, земледельческий капитал = $60c + 40v$, а стоимость его продукта равна 120 ф. ст. Рента была равна 10 ф. ст., пока цена издержек была 110 ф. ст. Теперь рента была бы равна всего лишь $4^{4}/_{19}$ ф. ст., потому что $115^{15}/_{19}$ ф. ст. + + $4^{4}/_{19}$ ф. ст. = 120 ф. ст.

Мы видим здесь следующее: капитал в 100 ф. ст., со средним строением, произвел товары, цена издержек которых составляет $115^{15}/_{19}$ ф. ст., вместо прежних 110 ф. ст. Повысилась бы вследствие этого средняя цена [единицы] товара?

Стоимость товара осталась бы прежней, так как требуется то же количество труда для превращения в продукт того же самого количества сырья и машин. Однако тот же капитал в 100 ф. ст. привел в движение большее количество труда и, вместо прежних 80 ф. ст., превратил теперь в продукт $84^{4}/_{19}$ ф. ст. постоянного капитала. Но в той же самой массе

[вновь присоединенного] труда неоплаченный труд составляет большую долю, чем прежде. Отсюда рост прибыли и *совокупной стоимости* всей товарной массы, произведенной капиталом в 100 ф. ст. Стоимость единицы товара осталась той же самой, но с помощью капитала в 100 ф. ст. произведено большее количество единиц товара, имеющих *ту же самую стоимость.* Но как обстояло бы дело с ценой издержек в различных отраслях производства?

Предположим, что неземледельческий капитал состоит из следующих капиталов:

			Разность между ценой издержек и стоимостью
1) 80*c* + 20*v*	Чтобы они могли продавать по одним и тем же ценам издержек,	продукт должен иметь цену: 110 (стоимость =110)	0
2) 60*c* + 40*v*		110 (стоимость = 120)	—10
3) 85*c* + 15*v*		110 (стоимость = $107\frac{1}{2}$)	$+2\frac{1}{2}$
4) 95*c* + 5*v*		110 (стоимость = $102\frac{1}{2}$)	$+7\frac{1}{2}$
Таким образом, капитал среднего строения = 80*c* + 20*v*			

Для случая 2) разность = —10, для 3) и 4), вместе взятых, = + 10. Для всего капитала в 400 эта разность составляет: 0 — 10 + 10 = 0. Если продукт капитала в 400 продается за 440, то произведенные этим капиталом товары продаются по *их стоимости.* Это составляет 10% прибыли. Но в 2) товары были бы проданы на 10 ф. ст. ниже их стоимости, в 3) они были бы проданы на $2\frac{1}{2}$ ф. ст. выше их стоимости, а в 4) на $7\frac{1}{2}$ ф. ст. выше их стоимости. Только в 1) товар продается по своей стоимости, когда он продается по своей цене издержек, равняющейся 100 ф. ст. капитала плюс 10 ф. ст. прибыли.

[646] Но какое соотношение установилось бы вследствие того, что заработная плата понизилась на $\frac{1}{4}$?

Для капитала 1). Вместо 80*c* + 20*v* мы имеем теперь *$84\frac{4}{19}c$ + $15\frac{15}{19}v$, прибыль* — $15\frac{15}{19}$, *стоимость продукта* — $115\frac{15}{19}$.

Для капитала 2). На заработную плату затрачивается всего лишь 30 ф. ст., ибо $\frac{1}{4}$ от 40 = 10, а 40 — 10 = 30. Стоимость продукта: 60*c* + 30*v* + прибавочная стоимость,

равная 30 (ибо *стоимость, созданная примененным трудом, равна здесь 60 ф. ст.).* Это — на капитал в 90 ф. ст. Заработная плата составляет $33^1/_3$%. Для капитала в 100 соотношение получится *$66^2/_3c + 33^1/_3v$; стоимость продукта = $133^1/_3$.* Норма прибыли = $33^1/_3$%.

Для капитала 3). На заработную плату затрачивается всего лишь $11^1/_4$ ф. ст., ибо $^1/_4$ от 15 = $3^3/_4$ а 15 — $3^3/_4 = 11^1/_4$. Стоимость продукта: $85c + 11^1/_4v$ + прибавочная стоимость, равная $11^1/_4$ (стоимость, созданная примененным трудом, равна здесь $22^1/_2$). Это — на капитал в $96^1/_4$ ф. ст. Заработная плата составляет $11^{53}/_{77}$%). Для капитала в 100 *соотношение получится $88^{24}/_{77}c + 11^{53}/_{77}v$,* норма прибыли = $11^{53}/_{77}$% а стоимость продукта $111^{53}/_{77}$.

Для капитала 4). На заработную плату затрачивается всего лишь $3^3/_4$ ф. ст., ибо $^1/_4$ от 5 = $1^1/_4$ а 5 — $1^1/_4 = 3^3/_4$. Стоимость продукта: $95c + 3^3/_4v$ + прибавочная стоимость, равная $3^3/_4$ (ибо стоимость, созданная совокупным [вновь присоединенным] трудом, равна здесь $7^1/_2$). Это — на капитал в $98^3/_4$ ф. ст. Заработная плата составляет $3^{63}/_{79}$%. Для капитала в 100 соотношение получится *$96^{16}/_{79}c + 3^{63}/_{79}v$.* Норма прибыли = $3^{63}/_{79}$%. Стоимость продукта = $103^{63}/_{79}$.

Итак, мы имели бы:

	Норма прибыли	Чтобы они могли продавать по одним и тем же ценам издержек,	продукт должен иметь цену:	Разность между ценой издержек и стоимостью
1)$84^4/_{19}c + 15^{15}/_{19}v$ 2) $66^2/_3c + 33^1/_3v$ 3) $88^{24}/_{77}c + 11^{53}/_{77}v$ 4) $96^{16}/_{79}c + 3^{63}/_{79}v$	$15^{15}/_{19}$ $33^1/_3$ $11^{53}/_{77}$ $3^{63}/_{79}$		116 (стоимость = $115^{15}/_{19}$) 116 (стоимость = $133^1/_3$) 116 (стоимость = $111^{53}/_{77}$) 116 (стоимость = $103^{63}/_{79}$)	$+^4/_{19}$ $—17^1/_3$ $+ 4^{24}/_{77}$ $+ 12^{16}/_{79}$
Всего......400	64 (если отбросить дробь)			

Прибыль составляет 16%, точнее — несколько больше чем $16^1/_7$%. Расчет не вполне сходится потому, что мы отбросили дробь при вычислении средней прибыли и не ввели эту дробь в дальнейшие выкладки, в результате чего для 2) несколько большей получилась отрицательная разность, а для 1), 3) и 4) несколько меньшей получилась [положительная разность].

Мы видим, однако, что, не будь этих неточностей в расчете, положительные и отрицательные разности взаимно уничтожили бы друг друга. Но мы видим также, что значительно возросла бы продажа товаров, с одной стороны, в 2) *ниже* их стоимости, а [с другой стороны] в 3) и особенно в 4) — *выше* их стоимости. Правда, для единицы продукта это повышение или понижение не столь велико, как это кажется по приведенным в таблице цифрам, ибо во всех четырех категориях применяется большее [чем прежде] количество труда, а поэтому и большее количество постоянного капитала (сырья и машин) превращается в продукт; так что указанные повышение и понижение распределились бы на большую товарную массу. Однако они все же были бы значительными.

Таким образом, оказалось, что понижение заработной платы вызвало повышение цены издержек [по сравнению со стоимостью] для 1) и 3) и весьма значительное повышение для 4). Это тот самый закон, который вывел Рикардо при рассмотрении различия между оборотным и основным капиталом[104], но относительно которого он ни в какой мере не доказал — и доказать не мог, — что закон этот совместим с законом стоимости и что стоимость продуктов для совокупного капитала остается той же [как бы она ни распределялась между отдельными отраслями производства].

[647] Гораздо сложнее будет вычисление и выравнивание, если мы примем во внимание еще и те различия в органическом строении капитала, которые проистекают из процесса обращения. В самом деле, при нашем вычислении мы предположили. что весь авансированный *постоянный капитал* входит в продукт, т. е. что он включает в себя только *износ* основного капитала — например, в течение года (так как мы должны исчислять прибыль за год). Если бы мы не сделали этого предположения, то стоимости масс продуктов оказались бы весьма различны, тогда как при этом предположении они изменяются лишь вместе с нетеменным капиталом. Во-вторых, при одной и той же норме прибавочной стоимости, но при различном времени обращения, получились бы значительные различия в *массе произведенной прибавочной стоимости* по отношению к авансированному капиталу. В этом случае, при отсутствии различий в переменном капитале, массы прибавочных стоимостей относились бы друг к другу как массы различных стоимостей, производимых равновеликими капиталами. Норма прибыли стояла бы на еще гораздо более низком уровне там, где относительно большая доля постоянного капитала состоит из основного капитала, и на гораздо более высоком там, где относительно большая доля

капитала состоит из оборотного капитала, а на самом высоком уровне там, где переменный капитал относительно велик по сравнению с постоянным капиталом, в котором вместе с тем доля основного капитала относительно невелика. Если бы соотношение между оборотной и основной частью постоянного капитала было *одинаково* у различных капиталов, то решающим было бы только различие между переменным капиталом и постоянным. Если бы одинаковым было отношение переменного капитала к постоянному, то решающим было бы лишь различие между основным и оборотным капиталом, различие внутри самого постоянного капитала.

Норма прибыли арендатора, как мы видели, при всех обстоятельствах повысилась бы, если бы, вследствие удешевления хлеба, возросла общая норма прибыли не земледельческого капитала. Повысилась ли бы его норма прибыли непосредственно, это еще вопрос, и зависит это, по-видимому, от характера введенных улучшений. Если введенные улучшения такого рода, что капитал, затрачиваемый на заработную плату, значительно уменьшился бы по сравнению с капиталом, затрачиваемым на машины и т. п., то нет необходимости в том, чтобы норма прибыли арендатора непосредственно повысилась. Если они, например, такого рода, что арендатору требуется рабочих на $^1/_4$ меньше, то ему приходилось бы затрачивать на заработную плату, вместо прежних 40 ф. ст., теперь только 30. Следовательно, его капитал будет теперь составлять $60c + 30v$, или — при расчете на 100 — $66^2/_3c + 33^1/_3v$. И так как труд, оплачиваемый 40 единицами, дает 20 прибавочной стоимости, то труд, оплачиваемый 30, дает 15, а труд, оплачиваемый $33^1/_3$, дает $16^2/_3$. Таким образом, органическое строение земледельческого капитала стало бы приближаться к строению неземледельческого капитала. А в вышеприведенном случае, при одновременном падении заработной платы на одну четверть, оно могло бы даже стать *частным случаем* строения неземледельческого капитала[105]. При таком положении вещей рента (абсолютная рента) исчезла бы.

После вышеприведенного замечания о Бьюкенене Рикардо продолжает:

«Надеюсь, я достаточно ясно показал, что пока в стране еще не вся земля обработана и, притом, не самым интенсивным образом, в ней всегда существует *такая часть прилагаемого к земле капитала,* которая не приносит никакой ренты, *и*» (!) «что именно эта часть капитала (продукт которой, как и в промышленности, делится на прибыль и заработную плату) *регулирует цену хлеба.* А так как на цену хлеба, не дающую ренты, влияют издержки его производства, то эти издержки не могут оплачиваться за счет ренты. Поэтому следствием роста этих издержек будет более высокая цена,

а не более низкая рента» (цит. соч., стр. 293) [Русский перевод, том I, стр. 209].

Так как абсолютная рента равна избытку стоимости земледельческого продукта над его ценой производства [Produktionspreis], то ясно, что все, что уменьшает *совокупное количество* труда, требующегося для производства хлеба и т. п., уменьшает и ренту, потому что уменьшает стоимость, а значит и избыток стоимости над ценой производства. Поскольку цена производства состоит из оплаченных издержек, ее падение тождественно с падением стоимости и идет рука об руку с ним. Но поскольку цена производства (или «издержки») равняется авансированному капиталу плюс средняя прибыль, дело происходит как раз наоборот. Рыночная стоимость продукта падает, но та часть ее, которая равна цене производства, повышается, когда, вследствие падения рыночной стоимости хлеба, повышается общая норма прибыли. Рента, следовательно, падает здесь потому, что «издержки» в этом смысле — а Рикардо так и понимает их обычно, когда говорит об издержках производства, — повышаются. Улучшения в земледелии, вызывающие рост постоянного капитала по сравнению с капиталом переменным, значительно понизили бы ренту даже в том случае, если бы совокупное количество затраченного труда [живого и овеществленного] уменьшилось лишь незначительно, или если бы оно уменьшилось в столь слабой степени, что это не оказало бы никакого влияния на заработную плату (никакого непосредственного влияния на прибавочную стоимость). Если вследствие этих улучшений капитал $60c + 40v$ превращается в $66^2/_3c + 33^1/_3v$ (это могло бы произойти в результате, например, повышения заработной платы, вызванного эмиграцией, войной, открытием новых рынков, процветанием неземледельческих отраслей производства, или же в результате конкуренции заграничного хлеба: в этих случаях арендатор мог бы оказаться вынужденным изыскивать средства для того, чтобы применять больше постоянного капитала и меньше переменного; эти же обстоятельства могли бы продолжать действовать и после введения улучшений, и потому заработная плата не упала бы, несмотря на улучшения), — [648] то стоимость земледельческого продукта понизилась бы с 120 до $116^2/_3$, т. е. на $3^1/_3$. Норма прибыли осталась бы по-прежнему равной 10%. Рента упала бы с 10 до $6^2/_3$, и притом это падение ренты имело бы место без какого бы то ни было падения заработной платы.

Абсолютная рента может повыситься по той причине, что вследствие дальнейшего прогресса в промышленности падает общая норма прибыли. Норма прибыли может понизиться

потому, что имеет место повышение ренты, вызванное возрастанием стоимости земледельческого продукта, а значит и возрастанием разности между его стоимостью и его ценой издержек. (Вместе с тем норма прибыли падает здесь и потому еще, что повышается заработная плата.)

Абсолютная рента может упасть в результате того, что стоимость земледельческого продукта падает, а общая норма прибыли повышается. Она может упасть и потому, что стоимость земледельческого продукта падает вследствие переворота в органическом строении капитала, хотя норма прибыли при этом не повышается. Она может совершенно исчезнуть, как только *стоимость земледельческого продукта* и его *цена издержек* становятся равны друг другу, так что земледельческий капитал имел бы то же строение, какое в среднем имеет неземледельческий капитал.

Положение Рикардо было бы верно лишь в том случае, если бы оно было выражено таким образом: когда стоимость земледельческого продукта равна его цене издержек, то никакой абсолютной ренты не существует. Но у Рикардо это положение ошибочно, так как он говорит: не существует абсолютной ренты, *потому что* стоимость и цена издержек вообще тождественны — как в промышленности, так и в земледелии*. В действительности дело обстоит как раз наоборот: земледелие являлось бы каким-то составляющим исключение видом производства, если бы в нем стоимость и цена издержек были тождественны.

Признавая возможность такого положения вещей, при котором не существует земли, не платящей никакой ренты, Рикардо полагает, что даже и в этом случае достаточной опорой служит для него то обстоятельство, что, по крайней мере, существуют такие дозы прилагаемого к земле капитала, которые никакой ренты не платят. Первое обстоятельство столь же безразлично для теории, как и второе. Действительный вопрос заключается в следующем: регулируют ли рыночную стоимость продукты таких земель или таких капиталов? Или же, напротив, не вынуждены ли они продавать свои продукты *ниже* их стоимости, потому что их добавочное предложение может быть продано только *по* рыночной стоимости, регулируемой помимо них, а не *выше* этой рыночной стоимости? В отношении дальнейших

* [663] (Что Рикардо сознательно отождествляет *стоимость* и *издержки производства,* показывает следующее место: «Г-н Мальтус, по-видимому, полагает, что составной частью моей теории является отождествление *издержек* и *стоимости* той или иной вещи. Это верно, если под издержками он подразумевает *«издержки производства», включая прибыль»* (цит. соч., стр. 46) [Русский перевод, том I, стр. 61].)
[663]

доз капитала дело обстоит просто, так как здесь при вложения *добавочных доз земельная собственность* для фермера *не существует* и его, как капиталиста, интересует лишь цена издержек; даже в том случае, когда он сам является владельцем добавочного капитала, для него выгоднее вложить этот капитал в арендуемую им землю с прибылью даже *ниже* средней, чем *отдать* его *в ссуду* и, следовательно, получить только процент, а не прибыль. Что касается земельных участков, то земли, не платящие ренты, образуют составные части таких земельных владений, которые платят ренту; от этих последних они неотделимы, вместе с ними они сдаются в аренду, хотя отдельно их нельзя сдать ни одному капиталистическому фермеру (но вполне можно сдать бедняку-арендатору, а также мелкому капиталисту). Эти клочки земли тоже не противостоят арендатору в качестве «земельной собственности». Или же собственник вынужден обрабатывать их сам. Фермер не может платить за них ренту, а *даром* земельный собственник не сдаст их в аренду, за исключением того случая, когда он хочет таким способом, без каких бы то ни было издержек со своей стороны, превратить свою землю в возделанную.

Иначе обстояло бы дело, если бы в какой-либо стране строение земледельческого капитала было равно среднему строению неземледельческого капитала, что предполагает высокое развитие земледелия или низкое развитие промышленности. В этом случае стоимость земледельческого продукта была бы равна его цене издержек. Тогда уплачиваться могла бы лишь дифференциальная рента. Те земельные участки, которые не дают дифференциальной ренты и могли бы приносить *только* [собственно] земледельческую ренту, тогда совсем не имели бы возможности платить какую бы то ни было ренту. Ибо, когда продукты этих земель продаются арендатором по их стоимости, то они лишь покрывают его цену издержек. *Арендатор,* следовательно, не платит никакой ренты. Собственнику приходится тогда самому возделывать эти земли, или же он забирает себе под названием арендной платы часть прибыли или даже заработной платы своего арендатора. То обстоятельство, что этот случай мог бы иметь место в одной стране, не мешало бы тому, чтобы в другой стране происходило прямо противоположное. Но там, где промышленность — следовательно, капиталистическое производство — развита слабо, там не существует капиталистических арендаторов, ибо предпосылкой их существования является капиталистическое производство в сельском хозяйстве. Тогда мы имеем дело с совершенно иными отношениями. чем та экономическая организация, при которой земельная

собственность экономически существует только как земельная рента.

В той же главе 17-й Рикардо говорит:

«Сырые продукты не имеют монопольной цены, так как рыночная цена ячменя и пшеницы регулируется *издержками* их *производства* точно так же, как и рыночная цена сукна и холста. Единственное различие состоит в том, что цену хлеба регулирует *одна часть* применяемого в земледелии *капитала,* а именно, та часть, которая не платит никакой ренты, тогда как *в производстве промышленных товаров каждая часть применяемого капитала дает одинаковые результаты;* а *так как ни одна из этих частей не платит ренты, то каждая из них в одинаковой мере является регулятором цены»* (цит. соч., стр. 290—291) [Русский перевод, том I, стр. 207].

Это утверждение, согласно которому в промышленности каждая часть применяемого капитала дает одинаковые результаты и ни одна из этих частей не приносит ренты (которая, однако, в промышленности называется сверхприбылью), не только ошибочно, но и [650][106] опровергнуто, как мы ранее видели*, самим Рикардо.

Теперь мы подходим к рассмотрению теории прибавочной стоимости Рикардо.

[Б. ПРОБЛЕМА ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ У РИКАРДО]

1) КОЛИЧЕСТВО ТРУДА И СТОИМОСТЬ ТРУДА. [НЕРАЗРЕШИМОСТЬ ПРОБЛЕМЫ ОБМЕНА ТРУДА НА КАПИТАЛ В ЕЕ РИКАРДОВСКОЙ ПОСТАНОВКЕ]

Глава 1-я — «О стоимости» — сразу же открывается у Рикардо *отделом I,* носящим заголовок:

«Стоимость товара, или то количество любого другого товара, на которое он обменивается, зависит от относительного *количества труда,* необходимого для его производства, а не от большего или меньшего вознаграждения, уплачиваемого за *этот труд»* [Русский перевод, том I, стр. 33].

Соответственно манере, проходящей через все его исследование, Рикардо начинает здесь свою книгу положением о том, что определение стоимости товаров рабочим временем *не* противоречит *заработной плате,* или различному вознаграждению за это рабочее время, т. е. за это количество труда. Рикардо с самого же начала подвергает критике А. Смита, у которого определение стоимости товаров соответственным *количеством труда,* требующимся для их производства, смешивается со *стоимостью труда* (или с вознаграждением за труд).

* См. настоящий том, часть II, стр. 220, 343 и 415—416. *Ред.*

Ясно, что соответственные количества труда, содержащиеся в двух товарах *А* и *В,* абсолютно не затрагиваются тем, много или мало из продукта своего труда получают рабочие, производящие товары *А* и *В.* Стоимость товаров *А* и *В* определяется *количеством труда,* которого стоит их производство, а не *издержками на труд* для владельцев товаров *А* и *В.* Количество труда и стоимость труда — две различные вещи. Количество труда, которое соответственно содержится в товарах *А* и *В,* не находится ни в какой связи с тем, какая часть труда, содержащегося *в А и В, оплачена* владельцами *А* и *В* или даже *ими самими выполнена.* Товары *А* и *В* обмениваются пропорционально не содержащемуся в них *оплаченному* труду, а пропорционально содержащемуся в них совокупному количеству труда, как оплаченного, так и неоплаченного.

«Адам Смит, который так правильно определил подлинный источник меновой стоимости и который последовательности ради обязан был держаться того взгляда, что все вещи обладают большей или меньшей стоимостью соответственно тому, больше или меньше труда затрачено на их производство, тем не менее выдвинул еще другую стандартную меру стоимости и утверждает, что вещи стоят больше или меньше в соответствии с тем, *обмениваются ли они на большее или меньшее количество этой стандартной меры... Как будто это два равнозначащих выражения* и как будто человек, труд которого стал бы вдвое производительнее и который поэтому мог бы производить вдвое большее количество товара, необходимо получал бы вдвое больше прежнего в обмен на него» (т. е. на свой труд). «Если бы это действительно было верно, *если бы вознаграждение рабочего всегда было пропорционально тому, что он произвел, то количество труда, затраченное на изготовление какого-либо товара, и количество труда, которое можно купить на этот товар, были бы равны,* и любое из них могло бы с точностью измерять изменения в стоимости других предметов. *Но они не равны»* (стр. 5) [Русский перевод, том I, стр. 35].

А. Смит нигде не утверждает, что «это два равнозначащих выражения». Наоборот, он говорит: так как в капиталистическом производстве заработная плата рабочего уже *не* равняется произведенному им продукту и, следовательно, количество труда, какого стоит товар, и количество товара, какое рабочий может купить этим трудом, представляют собой две различные вещи, — то *именно в силу этого* относительное количество труда, содержащееся в товарах, перестает определять их стоимость; последняя определяется скорее *стоимостью труда,* количеством труда, какое я посредством определенной массы товаров могу купить, получить в свое распоряжение. Поэтому мерой стоимостей — вместо *относительного количества* труда — становится, по Смиту, *стоимость труда»* Рикардо правильно отвечает А. Смиту, что *относительное количество труда,* содержащееся в двух товарах, ни в какой

мере не затрагивается тем, какая доля из того, что произведено этим трудом, достается самим рабочим, не зависит от того, как этот труд вознаграждается; что, следовательно, если *относительное количество труда* было мерой товарных стоимостей *до* появления заработной платы (заработной платы, отличающейся от стоимости самого продукта), то нет никакого основания, почему бы это относительное количество труда не оставалось такой же мерой стоимости и *после* появления заработной платы. Рикардо верно отмечает, что А. Смит мог употреблять оба выражения, пока они были равнозначащими, но что это не является основанием для того, чтобы употреблять неправильное выражение вместо правильного, когда они перестали быть равнозначащими.

Однако этим Рикардо отнюдь не разрешил той проблемы, которая составляет внутреннюю основу противоречия А. Смита. *Стоимость труда* и *количество труда* остаются «равнозначащими выражениями», поскольку мы имеем дело с *овеществленным трудом.* [651] Они перестают быть таковыми, как только мы переходим к обмену между *овеществленным трудом* и *трудом живым.*

Два *товара* обмениваются в соответствии с *овеществленным в них трудом.* Равные количества овеществленного труда обмениваются друг на друга. Рабочее время является «стандартной мерой» их стоимости, но именно поэтому они и «стоят больше или меньше в соответствии с тем, обмениваются ли они на большее или меньшее количество этой стандартной меры». Если в товаре *А* содержится один рабочий день, то этот товар обменивается на любое количество другого товара, содержащее также один рабочий день; товар «стоит больше или меньше» в зависимости от того соотношения, в каком он обменивается на большее или меньшее количество овеществленного труда в других товарах, потому что это меновое отношение служит выражением относительного количества труда, содержащегося в самом товаре, тождественно с этим относительным количеством труда.

Но ведь наемный труд есть *товар.* Он даже представляет собой ту основу, на которой совершается производство *продуктов* как *товаров.* И вот оказывается, что на наемный труд *закон стоимости* не распространяется. Значит, этот закон вообще не господствует над капиталистическим производством. Здесь — противоречие. Это — одна проблема для А. Смита. Вторая проблема, которую мы позднее встретим в более развернутом виде у Мальтуса, заключается в том, что *капиталистическое использование* товара определяется не той пропорцией,

в какой в товаре содержится труд, а той пропорцией, в какой товар распоряжается *чужим трудом,* дает господство над *большим* количеством чужого труда, чем то количество труда, которое содержится в нем самом. Это по сути дела второй тайный мотив для смитовского утверждения, что-де со времени возникновения капиталистического производства стоимость товаров определяется не тем трудом, который в них содержится, а тем живым трудом, которым они распоряжаются, — определяется, стало быть, *стоимостью труда.*

Рикардо просто-напросто отвечает, что так уж обстоит дело в капиталистическом производстве. Он не только не разрешает проблему, но даже и не улавливает ее у А. Смита. В соответствии со всем характером своего исследования он ограничивается доказательством того, что изменяющаяся стоимость труда — короче, заработная плата — *не опровергает* положения о том, что стоимость *товаров,* отличных от самого труда, определяется относительным количеством заключающегося в них труда. *«Они не равны»,* а именно — «количество труда, затраченное на изготовление какого-либо товара, и количество труда, которое можно купить на этот товар». Рикардо удовлетворяется констатированием этого факта. Но чем отличается товар-труд от других товаров? В первом случае это — *живой труд,* во втором — *овеществленный* труд. Следовательно, это лишь две различные формы труда. Почему для одной из них имеет силу закон, который недействителен для другой, если различие здесь лишь формальное? Рикардо не отвечает на этот вопрос, он даже не ставит его.

Нисколько не помогает делу, когда он говорит:

«Разве стоимость труда не... изменяется? Ведь на нее влияет не только, как и на все другие предметы» (следовало сказать: товары), «соотношение между предложением и спросом, постоянно меняющееся с каждой переменой в состоянии общества, но также и изменение цен на пищу и другие предметы необходимости, на которые расходуется *заработная плата»* (стр. 7) [Русский перевод, том I, стр. 36].

Что цена труда, подобно цене других товаров, изменяется вместе с изменением спроса и предложения, это, по мнению самого Рикардо, ничего не доказывает там, где речь идет о *стоимости* труда, — так же как такое изменение цен других товаров вместе с изменением спроса и предложения ничего не доказывает относительно стоимости этих товаров. Однако и тот факт, что на «заработную плату», — а это только другое выражение для стоимости труда, — влияет «изменение цен на пищу и другие предметы необходимости, на которые расходуется заработная плата», также не даёт объяснения того, почему

стоимость труда определяется (или кажется определяемой) иначе, чем стоимость других товаров. Ибо и на эти последние влияет изменение цен других товаров, которые входят в их производство, на которые они *обмениваются.* А *расходование* заработной платы на пищу и предметы необходимости не означает ведь ничего другого, кроме *обмена* стоимости труда на пищу и предметы необходимости. Вопрос именно в том и состоит, почему *труд* и те *товары, на которые он обменивается,* обмениваются не согласно закону стоимости, не по относительным количествам труда?

Вопрос, так поставленный, по самой сути своей неразрешим, — *поскольку предпосылкой признаётся закон стоимости,* — и неразрешим он по той причине, что здесь *труд,* как таковой, противопоставляется *товару,* определенное количество непосредственного труда, как такового, противопоставляется определенному количеству овеществленного труда.

Эта слабая сторона рикардовской трактовки вопроса содействовала, как мы увидим позже, разложению рикардианской школы и привела к нелепым гипотезам.

[652] *Уэйкфилд* справедливо говорит:

«Если рассматривать *труд* как *товар,* а *капитал,* продукт труда, как другой товар и если *стоимости этих двух товаров регулируются одинаковыми количествами труда,* то данное количество труда при всех обстоятельствах обменивалось бы на такое количество капитала, какое было произведено тем же количеством труда; *прошлый труд всегда обменивался бы на то же самое количество настоящего труда.* Но стоимость труда по отношению к другим товарам — по крайней мере, поскольку заработная плата зависит от дележа [продукта между капиталистом и рабочим], — определяется *не одинаковыми количествами труда,* а соотношением между предложением и спросом» *(Э. Г. Уэйкфилд,* примечание к стр. 230 в I томе его издания «Богатства народов» А. Смита, Лондон, 1835).

Это также один из коньков у *Бейли;* посмотреть его рассуждения позднее. Также и у *Сэя,* который очень радуется по поводу того, что здесь вдруг за предложением и спросом признаётся решающая роль[107].

* * *

[652] *К 1).* Надлежит отметить еще следующее. *Отдел III* главы 1-й имеет у Рикардо такой заголовок:

«На стоимость товаров влияет не только *труд, непосредственно примененный* к данным товарам, но *также и труд, затраченный* на орудия, инструменты и здания, способствующие этому труду» [Русский перевод, том I, стр. 42].

Следовательно, стоимость товара в одинаковой мере определяется как количеством *овеществленного (прошлого)* труда. требующегося для его производства, так и количеством *живого (теперь затрачиваемого)* труда, требующегося для его производства. Другими словами: на те или другие количества труда отнюдь не влияет *формальное различие,* является ли труд овеществленным или живым, прошлым или настоящим (непосредственным). Если это различие не имеет значения при определении стоимости товаров, то почему же оно приобретает столь решающее значение, когда прошлый труд (капитал) обменивается на живой труд? Почему оно должно было бы упразднить здесь закон стоимости, если это различие, *как таковое,* — как это обнаруживается по отношению к товару, — не имеет значения для определения стоимости? Рикардо не дает ответа на этот вопрос и даже не ставит его. [652]

2) СТОИМОСТЬ РАБОЧЕЙ СИЛЫ. СТОИМОСТЬ ТРУДА. [СМЕШЕНИЕ У РИКАРДО ТРУДА И РАБОЧЕЙ СИЛЫ. КОНЦЕПЦИЯ «ЕСТЕСТВЕННОЙ ЦЕНЫ ТРУДА»]

Для того чтобы определить прибавочную стоимость, Рикардо, подобно физиократам, А. Смиту и др., должен прежде всего определить *стоимость рабочей силы,* или, как он говорит вслед за Смитом и его предшественниками, *стоимость труда.* [652]

[652] Как же определяется *стоимость,* или *естественная цена,* труда? Ведь, по мнению *Рикардо, естественная цена* есть не что иное, как *денежное* выражение *стоимости.*

«*Труд,* подобно всем другим предметам, которые покупаются и продаются и количество которых может быть увеличено или уменьшено» (т. е. подобно всем другим товарам), «имеет свою естественную и свою рыночную цену. *Естественная цена труда —* это та цена, которая необходима, чтобы рабочие имели, в среднем, возможность существовать и продолжать свой род без увеличения или уменьшения их числа» (следовало бы сказать: с такой нормой увеличения, которая требуется для среднего роста производства). «Способность рабочего содержать себя самого и свою семью так, чтобы число рабочих не уменьшалось,.. зависит от *цен, на пищу, на предметы необходимости и удобства, требующиеся для содержания рабочего и его семьи. С* повышением цен на пищу и другие предметы необходимости повысится также и естественная цена труда; с падением их цен естественная цена труда упадет» (стр. 86) [Русский перевод, том I, стр. 85].

«Не следует думать, что естественная цена труда, даже выраженная в пище и предметах необходимости, абсолютно неподвижна и постоянна. Она изменяется с течением времени в одной и той же стране и очень значительно различается в разных странах. Она существенным образом зависит от обычаев и привычек народа» (стр. 91) [Русский перевод, том I, стр. 88].

Итак, *стоимость труда* определяется теми *жизненными средствами,* которые по традиции являются *необходимыми* в данном обществе для содержания рабочих и продолжения их рода.

Но почему? В силу какого закона *стоимость труда* определяется именно таким образом?

У Рикардо на этот вопрос нет фактически никакого другого ответа, кроме утверждения, что закон предложения и спроса сводит среднюю цену труда к средствам существования, необходимым (физически или социально необходимым в том или ином определенном обществе) для содержания рабочего. [653] Здесь, в одном из основных пунктов всей своей системы, Рикардо определяет *стоимость* посредством *спроса и предложения,* как не без злорадства замечает Сэй (см. перевод Констансио)[108].

Рикардо должен был бы говорить не о *труде,* а о *рабочей силе.* А тогда и *капитал* был бы представлен как такие вещные условия труда, которые противостоят рабочему в качестве обособившейся самостоятельной силы, и капитал сразу же предстал бы как *определенное общественное отношение.* Для Рикардо же капитал является лишь «накопленным трудом» в отличие от «непосредственного труда» и берется лишь как нечто просто вещное, просто как элемент в *процессе труда,* из чего никак нельзя вывести отношение труда и капитала, заработной платы и прибыли.

«*Капитал* — это та часть богатства страны, которая применяется в производстве и состоит из пищи, одежды, инструментов, сырья, машин и т. д., необходимых для того, чтобы привести в действие труд» (стр. 89) [Русский перевод, том I, стр. 86]. «*Меньшее количество капитала* — это *то же самое,* что *меньшее количество труда*» (стр. 73) [Русский перевод, том I, стр. 76]. «Труд и *капитал,* т. е. *накопленный труд*» (стр. 499) [Русский перевод, том I, стр. 338].

Скачок, который здесь [в вопросе о стоимости труда] делает Рикардо, правильно почувствовал *Бейли:*

«Г-н Рикардо довольно искусно обходит ту трудность, которая на первый взгляд грозит опрокинуть его учение о том, что стоимость зависит от количества труда, употребленного в производстве. Если проводить этот принцип со всей строгостью, то из него вытекает, что *стоимость труда* зависит *от количества труда, употребленного в процессе его производства,* — что, очевидно, нелепо. Поэтому г-н Рикардо ловким маневром ставит стоимость труда в зависимость от количества труда, требующегося для производства заработной платы, или, говоря его собственными словами, он утверждает, что *стоимость труда надо определять* количеством труда, требующимся для того, чтобы произвести заработную плату; а под этим он подразумевает количество труда, требующееся для производства денег или товаров, получаемых рабочим. Это то же, как если бы мы сказала,

что стоимость сукна надо определять не тем количеством труда, какое затрачено на его производство, а тем, какое затрачено на производство того серебра, на которое обменивается сукно» («A Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value» etc., London, 1825, стр. 50—51).

Это возражение, если брать *слова* Рикардо, правильно. Рикардо различает *номинальную* и *действительную заработную плату.* Номинальная заработная плата — это заработная плата, выраженная в деньгах, денежная заработная плата:

«Номинальная заработная плата» — это «количество фунтов стерлингов, уплачиваемое рабочему в течение года», а *«действительная заработная плата»* — это *«число рабочих дней,* необходимое для того, чтобы добыть эти фунты стерлингов» *(Рикардо,* цит. соч., стр. 152) [Русский перевод, том I, стр. 123].

Так как заработная плата равна предметам необходимости, потребляемым рабочими, а стоимость этой заработной платы («действительной заработной платы») равняется стоимости этих предметов необходимости, то очевидно, что и стоимость этих последних равна «действительной заработной плате», равна тому труду, которым эта заработная плата может распоряжаться. Если изменяется стоимость предметов необходимости, то изменяется и стоимость «действительной заработной платы». Предположим, что предметы необходимости, потребляемые рабочим, состоят только из хлеба и что необходимое для него количество жизненных средств составляет 1 квартер хлеба в месяц. Тогда стоимость его заработной платы [за месяц] равна стоимости 1 квартера хлеба; если повышается или падает стоимость квартера хлеба, то повышается или падает стоимость месячного труда. Но как бы ни повышалась или как бы ни падала стоимость квартера хлеба (как бы много или мало труда ни содержалось в кварте ре хлеба), она всегда равняется стоимости месячного труда.

Здесь мы имеем *скрытое основание* того, почему А. Смит говорит, что как только появляется капитал, а следовательно и наемный труд, стоимость продукта регулируется уже не количеством затраченного на него труда, а тем количеством труда, которым данный продукт может распоряжаться. Определяемая рабочим временем стоимость хлеба (и других предметов необходимости) изменяется; но до тех пор, пока уплачивается естественная цена труда, остается без изменения то количество труда, которым может распоряжаться квартер хлеба. Следовательно, труд имеет *постоянную относительную стоимость при сравнении с хлебом.* Поэтому-то у Смита стоимость труда и стоимость хлеба (хлеб фигурирует здесь вместо *пищи* вообще; см. у *Дикона Юма*[109]) являются стандартными мерами

стоимости, так как определенное количество хлеба, если оно оплачивает естественную цену труда, распоряжается определенным количеством труда, независимо от того количества труда, которое затрачивается на производство одного квартера хлеба. Одно и то же количество труда всегда распоряжается одной и той же *потребительной стоимостью,* или, вернее, одна и та же потребительная стоимость всегда распоряжается *одним и тем же количеством труда.*

Этим путем сам Рикардо определяет стоимость труда, его естественную цену. Рикардо говорит: квартер хлеба имеет весьма различную стоимость, хотя он всегда распоряжается одним и тем же [654] количеством труда, или одно и то же количество труда всегда распоряжается этим квартером. Да, говорит А. Смит, как бы ни изменялась определяемая рабочим временем стоимость квартера хлеба, рабочий всегда должен уплачивать (приносить в жертву) одно и то же количество труда, чтобы купить этот квартер хлеба. Следовательно, стоимость хлеба изменяется, но стоимость труда не изменяется, потому что 1 месяц труда = 1 квартеру хлеба. Да и стоимость хлеба изменяется лишь постольку, поскольку мы рассматриваем тот труд, который требуется для его производства. Если же мы рассматриваем то количество труда, на которое этот квартер хлеба обменивается, которое он приводит в движение, то стоимость его не изменяется. И именно поэтому то количество труда, на которое обменивается квартер хлеба, служит *стандартной мерой стоимости.* А стоимости других товаров относятся к труду так, как они относятся к хлебу. Данное количество хлеба распоряжается данным количеством труда. Данное количество всякого другого товара распоряжается известным количеством хлеба. Следовательно, всякий другой товар — или, вернее, стоимость всякого другого товара — выражается тем количеством труда, которым он распоряжается, так как стоимость этого товара получает свое выражение в количестве хлеба, каким данный товар распоряжается, а это количество хлеба выражается количеством труда, какое хлеб получает в свое распоряжение.

Но чем определяется стоимостное отношение других товаров к хлебу (к предметам необходимости)? Количеством труда, которым эти товары распоряжаются. А чем определяется количество труда, которым они распоряжаются? Количеством хлеба, которым распоряжается этот труд. Тут Смит неизбежно попадает в порочный круг. (Однако, заметим мимоходом, он *никогда* не применяет этой меры стоимости там, где он дает действительный анализ.) Кроме того, Смит смешивает здесь, что часто делает

и Рикардо, труд, о котором он, как и Рикардо, говорит, что он есть

> *«основа стоимости* товаров», причем «сравнительное количество труда, необходимое для их производства», есть «мера, определяющая соответственные количества товаров, которые должны быть даны в обмен друг на друга» *(Рикардо,* цит. соч., стр. 80) [Русский перевод, том I, стр. 81], —

эту *имманентную* меру стоимости Смит смешивает с *внешней мерой, с деньгами,* которые уже предполагают определение стоимости.

А. Смит ошибается, когда он из того обстоятельства, что определенное количество труда может быть обменено на определенное количество потребительных стоимостей, заключает, что это *определенное количество труда* служит мерой стоимости, всегда имеет *одну и ту же стоимость,* тогда как одно и то же количество потребительных стоимостей может представлять весьма различную меновую стоимость. Но Рикардо ошибается вдвойне, поскольку он, во-первых, не понимает проблемы, вызвавшей ошибку Смита, и, во-вторых, поскольку сам он, совершенно забывая о законе стоимости товаров и прибегая к закону предложения и спроса, определяет *стоимость труда* не тем количеством труда, какое затрачивается на производство *рабочей силы [force of labour],* а тем, какое затрачивается на производство достающейся рабочему заработной платы, т. е. он по сути дела говорит: стоимость труда определяется стоимостью тех денег, которые за него уплачиваются! А чем определяется эта последняя? Чем определяется масса денег, уплачиваемая за труд? Количеством потребительных стоимостей, которое распоряжается определенным количеством труда, или которым распоряжается определенное количество труда. В результате этого Рикардо впадает *буквально* в ту самую непоследовательность, за которую он порицал А. Смита.

Вместе с тем, как мы видели, это мешает ему понять специфическое различие между *товаром* и *капиталом,* между обменом товара на товар и обменом капитала на товар — соответственно закону товарного обмена.

Вышеприведенный пример был таков: 1 квартер хлеба = 1 месяцу труда. Предположим, что месяц труда равняется 30 рабочим дням. (Рабочий день — 12 часов.) В таком случае стоимость 1 квартера хлеба меньше 30 рабочих дней. Если бы 1 квартер хлеба был продуктом 30 рабочих дней, то стоимость труда была бы равна его продукту. Следовательно, не было бы никакой прибавочной стоимости, а потому и никакой прибыли. Не было бы никакого капитала. Значит, в действительности стоимость 1 квартера хлеба всегда меньше 30 рабочих дней,

если он служит платой за 30 рабочих дней. Прибавочная стоимость зависит от того, насколько эта стоимость квартера хлеба меньше 30 дней. Пусть, например, 1 квартер хлеба есть продукт 25 рабочих дней. Тогда прибавочная стоимость = 5 рабочим дням, = $^{1}/_{6}$ совокупного рабочего времени. Если 1 квартер (8 бушелей) = 25 рабочим дням, то 30 рабочих дней = 1 квартеру $1^{3}/_{5}$ бушеля. Таким образом, *стоимость* 30 рабочих дней (т. е. заработная плата, выплачиваемая за 30 рабочих дней) всегда меньше, чем стоимость того продукта, в котором содержатся 30 рабочих дней. Стоимость хлеба определяется, следовательно, не тем [655] трудом, которым он распоряжается, на который он обменивается, а тем трудом, который в нем содержится. Напротив, *стоимость 30 дней труда* [т. е. заработная плата, выплачиваемая за 30 рабочих дней] всегда определяется 1 квартером хлеба, какова бы ни была стоимость последнего.

3) ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ. [ОТСУТСТВИЕ У РИКАРДО АНАЛИЗА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ. РИКАРДОВСКИЙ ВЗГЛЯД НА РАБОЧИЙ ДЕНЬ КАК НА ПОСТОЯННУЮ ВЕЛИЧИНУ]

Если отвлечься от смешения труда и рабочей силы, то Рикардо в остальном правильно определяет среднюю заработную плату, или стоимость труда. А именно, она не определяется, говорит Рикардо, ни деньгами, ни жизненными средствами, получаемыми рабочими, а определяется тем *рабочим временем, которого стоит производство этих последних,* тем *количеством труда,* какое *овеществлено* в жизненных средствах, достающихся рабочему. Это Рикардо называет *действительной* заработной платой. (См. ниже.)

Это определение получается у него к тому же с необходимостью. Так как стоимость труда определяется *стоимостью необходимых жизненных средств,* на которые эта стоимость труда должна быть израсходована, а *стоимость необходимых жизненных средств,* как и всех других товаров, определяется *затраченным на их производство количеством труда,* то отсюда само собой следует, что стоимость труда равняется стоимости необходимых жизненных средств, равняется *количеству труда, затраченного на производство этих необходимых жизненных средств.*

Но как ни правильна эта формула (если отвлечься от того, что здесь непосредственно сопоставляются друг с другом труд и капитал), она все же недостаточна. Отдельный рабочий в возмещение своей заработной платы *воспроизводит* — а следовательно, если иметь в виду непрерывность этого процесса, —

производит, хотя и не непосредственно те продукты, которые служат для поддержания его жизни {он может производить такие продукты, которые вовсе не входят в его потребление; и даже если он производит необходимые жизненные средства, то, вследствие разделения труда, он производит только один вид их, например хлеб в зерне, и придает ему лишь одну форму (например, хлеба в зерне, а не печеного хлеба)}, но он *производит* товар, обладающий *стоимостью* его жизненных средств, или производит *стоимость* своих жизненных средств. А это — если рассматривать ежедневное среднее потребление рабочего — означает, стало быть, следующее: рабочее время, содержащееся в необходимых жизненных средствах, потребляемых им за день, составляет часть *его рабочего дня.* Часть дня он работает, чтобы воспроизвести *стоимость* своих необходимых жизненных средств; товар, произведенный в течение этой части рабочего дня, имеет ту же стоимость, или содержит *столько же* рабочего времени, сколько содержится в потребляемых рабочим за день необходимых жизненных средствах. *От стоимости этих необходимых жизненных средств* (следовательно, от общественной производительности труда, а не от производительности той отдельной отрасли производства, в которой он работает) *зависит, какая часть его рабочего дня* посвящается воспроизводству или производству *стоимости* его жизненных средств, т. е. их эквивалента.

Рикардо, естественно, предполагает, что рабочее время, содержащееся в ежедневных необходимых жизненных средствах, равняется тому рабочему времени, в течение которого рабочий вынужден ежедневно работать, чтобы воспроизвести стоимость этих необходимых жизненных средств. Но этим Рикардо, — поскольку в его трактовке вопроса та или иная *часть рабочего дня* каждого рабочего не выступает *непосредственно* как предназначенная для воспроизводства стоимости его собственной рабочей силы, — затрудняет исследование этого вопроса и затемняет понимание имеющегося здесь отношения. Отсюда проистекает двойная путаница. Становится неясным *происхождение прибавочной стоимости,* и поэтому послерикардовские экономисты упрекали Рикардо в том, что он не понял, не развил природы прибавочной стоимости. Отчасти отсюда проистекают их схоластические попытки объяснить прибавочную стоимость. Но так как в таком виде происхождение и природа прибавочной стоимости не получают ясной формулировки, то прибавочный труд плюс необходимый труд — короче, *совокупный рабочий день* — рассматривается как некоторая фиксированная величина, упускаются из виду различия в величине прибавочной

стоимости, остаются непонятыми производительность капитала, осуществляемое им *принуждение к прибавочному труду* — с одной стороны, в смысле производства абсолютной прибавочной стоимости, а затем — присущее капиталу внутреннее стремление сократить необходимое рабочее время; следовательно, не выясняется *историческая* правомерность капитала. Напротив, А. Смит уже дал правильную формулу. Насколько важно было свести стоимость к труду, настолько же важно было свести прибавочную стоимость к прибавочному труду, и притом в совершенно определенных выражениях.

Рикардо исходит из имеющегося налицо факта капиталистического производства. Стоимость труда меньше стоимости того продукта, который создается этим трудом. Стоимость продукта поэтому больше стоимости того труда, который производит этот продукт, или больше стоимости заработной платы. Избыток стоимости продукта *над* стоимостью заработной платы составляет прибавочную стоимость. (Рикардо ошибочно говорит о *прибыли,* но он отождествляет здесь, как уже раньше было отмечено, прибыль с прибавочной стоимостью и говорит в действительности об этой последней.) Для Рикардо является фактом, что стоимость продукта больше стоимости заработной платы. Как возникает этот факт, остается неясным. Рабочий день, взятый в целом, *превышает* ту часть рабочего дня, которая требуется для производства заработной платы. Почему? Это у Рикардо остается невыясненным. Поэтому *величина совокупного рабочего дня* ошибочно предполагается у Рикардо *фиксированной,* а отсюда непосредственно следуют неправильные выводы. В результате этого увеличение или уменьшение прибавочной стоимости Рикардо может объяснять *только* возрастанием или падением производительности того общественного труда, который производит необходимые жизненные средства. Иначе говоря, Рикардо знает только относительную прибавочную стоимость.

[656] Ясно, что если бы у рабочего весь его день уходил на то, чтобы производить свои собственные жизненные средства (т. е. товары, равные по стоимости его собственным жизненным средствам), то невозможна была бы никакая прибавочная стоимость, а следовательно, невозможны были бы капиталистическое производство и наемный труд. Для того чтобы капиталистическое производство существовало, производительность общественного труда должна быть достаточно развитой, чтобы имел место избыток совокупного рабочего дня над рабочим временем, необходимым для воспроизводства заработной платы, т. е. чтобы существовал *прибавочный труд* той или иной ве-

личины. Но столь же ясно, что, если при данном рабочем времени (при данной величине рабочего дня) может быть весьма различна производительность труда, то, с другой стороны, при данной производительности труда может быть весьма различно рабочее время, величина рабочего дня. Далее, ясно, что если необходимо предположить известный уровень развития производительности труда, чтобы мог существовать *прибавочный труд,* то одна только *возможность* этого прибавочного труда (т. е. наличие этого необходимого минимума производительности труда) еще не создает его *действительности.* Для этого необходимо предварительно *вынудить* рабочего работать сверх вышеуказанного предела, а вынуждает рабочего к этому капитал. Всего этого у Рикардо нет, а между тем отсюда-то и проистекает вся борьба за определение нормального рабочего дня.

На низкой ступени развития общественной производительности труда — следовательно, на той ее ступени, когда прибавочный труд относительно мал, — класс живущих чужим трудом бывает вообще мал по сравнению с числом работников. Класс этот может возрасти весьма значительно (относительно) по мере того, как возрастает производительность труда, как возрастает, следовательно, и относительная прибавочная стоимость.

Далее, подразумевается, что *стоимость труда* в различные периоды в одной стране и в один и тот же период в разных странах сильно меняется. Однако родиной капиталистического производства являются умеренные пояса. *Общественная* производительная сила труда может быть очень слабо развита, и тем не менее именно в производстве необходимых жизненных средств это может компенсироваться, с одной стороны, плодородием естественных факторов (как, например, почвы), а с другой — крайне низким уровнем потребностей жителей (вследствие климата и т. п.); то и другое имеет место, например, в Индии. При грубом, примитивном состоянии общества минимум заработной платы может быть, вследствие еще не развитых социальных потребностей, очень незначителен (количественно в отношении потребительных стоимостей), и тем не менее этот минимум стоит большого труда. Но даже если бы необходимый для его производства труд был всего лишь средней величины, все же произведенная прибавочная стоимость, хотя и высокая по отношению к заработной плате (к необходимому рабочему времени), т. е. даже при высокой норме прибавочной стоимости, была бы, будучи выражена в потребительных стоимостях, столь же скудна (относительно), как и сама заработная плата.

Пусть необходимое рабочее время = 10 часам, прибавочный труд = 2 часам, весь рабочий день = 12 часам. Если бы необходимое рабочее время равнялось 12 часам, прибавочный труд $2^2/_5$, а весь рабочий день составлял бы $14^2/_5$ часа, то произведенные стоимости были бы весьма различны. В первом случае произведенные стоимости = 12 часам, во втором они равны $14^2/_5$ часа. Точно так же различны были бы и абсолютные величины прибавочных стоимостей. В одном случае прибавочная стоимость равна 2 часам, в другом — $2^2/_5$ часа. Тем не менее *норма прибавочной стоимости,* или *прибавочного труда,* была бы одна и та же, ибо 2:10 = $2^2/_5$:12. Если бы во втором случае затраченный переменный капитал был больше, то больше была бы и присваиваемая им прибавочная стоимость, или прибавочный труд. Если бы в последнем случае прибавочный труд увеличился не на $^2/_5$, а на $^5/_5$ часа, так что он стал бы равен 3 часам, а совокупный рабочий день — 15 часам, то *норма прибавочной стоимости* повысилась бы несмотря на то, что *необходимое рабочее время* — или минимум заработной платы — возросло бы (ибо 2:10 = $^1/_5$, а 3:12 = $^1/_4$). И то и другое одновременно могло бы произойти в том случае, если бы вследствие вздорожания хлеба и т. д. минимум заработной платы возрос с 10 до 12 часов. Таким образом, даже в этом случае норма прибавочной стоимости не только могла бы остаться без изменения, но она, а вместе с нею и масса прибавочной стоимости могли бы еще возрасти.

Но предположим, что необходимая заработная плата по-прежнему равна 10 часам, прибавочный труд равен 2 часам, все другие условия остаются прежними (здесь, следовательно, совсем не принимается во внимание уменьшение издержек производства на постоянный капитал). Если рабочий работает теперь на $2^2/_5$ часа больше, из которых 2 часа он присваивает себе, а $^2/_5$ часа составляют прибавочный труд, то в этом случае одинаково возрастут и заработная плата и прибавочная стоимость, но первая будет представлять большую величину, чем необходимая заработная плата, или необходимое рабочее время.

Если взять какую-нибудь *данную* величину и разделить ее на две части, то очевидно, что одна из них может увеличиваться лишь постольку, поскольку другая уменьшается, и наоборот. Но при возрастающих (переменных) величинах дело обстоит отнюдь не так. Рабочий день (пока не завоеван нормальный рабочий день) как раз и представляет собой такую возрастающую величину. У таких величин могут возрастать обе части, одинаково или неодинаково. Увеличение одной не обус-

ловлено уменьшением другой, и наоборот. Это и есть тот единственный случай, когда заработная плата и прибавочная стоимость могут по своей *меновой стоимости возрастать* одновременно, а при известных условиях даже *в одинаковой мере.* Что касается их потребительной стоимости, то это само собой разумеется; она может увеличиваться, [657] хотя стоимость труда. скажем, уменьшается. В период 1797—1815 гг., когда в Англии значительно повысились цена хлеба и номинальная заработная плата, — в этот самый период вместе с тем сильно увеличилась продолжительность рабочего дня в главных отраслях промышленности, переживавших тогда фазу безудержного развития, и я думаю, что это задержало падение нормы прибыли (так как задержало падение нормы прибавочной стоимости). Но в подобных случаях нормальный рабочий день удлиняется при всех обстоятельствах, и в соответствии с этим сокращается нормальный период жизни рабочего, а значит, и нормальная продолжительность существования его рабочей силы. Это неизбежно наступает тогда, когда удлинение рабочего дня является постоянным. Если же оно носит лишь временный характер, будучи направлено на то, чтобы компенсировать временное вздорожание заработной платы, то (за исключением тех случаев, когда речь идет о женском и детском труде) оно может и не иметь никаких других последствий, кроме приостановки падения нормы прибыли в тех предприятиях, где удлинение рабочего времени возможно по самому их характеру. (Меньше всего это имеет место в сельском хозяйстве.)

Рикардо этого совершенно не принял во внимание, так как он не исследует ни происхождения прибавочной стоимости, ни абсолютной прибавочной стоимости, а потому рассматривает рабочий день как некую данную величину. Следовательно, для указанного выше случая *неверен его закон,* что прибавочная стоимость и заработная плата (он ошибочно говорит: прибыль и заработная плата), — если рассматривать их со стороны меновой стоимости, — могут увеличиваться или уменьшаться только в *обратном* отношении друг к другу.

Предположим в качестве исходного пункта, что необходимое рабочее время остается без изменения, а также остается без изменения и прибавочный труд. Следовательно, мы имеем 10 + 2; рабочий день = 12 часам, прибавочная стоимость = 2 часам; норма прибавочной стоимости = $^1/_5$.

Пусть теперь необходимое рабочее время останется тем же, а прибавочный труд возрастет с 2 до 4 часов. Тогда рабочий день будет 10 + 4, т. е. 14 часов; прибавочная стоимость = 4 часам; норма прибавочной стоимости = 4:10 = $^4/_{10}$ = $^2/_5$.

В обоих случаях необходимое рабочее время одно и то же; но прибавочная стоимость в одном случае вдвое больше, чем в другом, а рабочий день во втором случае на одну шестую больше, чем в первом. Далее, произведенные стоимости, в соответствии с затраченными на них количествами труда, были бы весьма различны, хотя заработная плата одна и та же; в первом случае произведенные стоимости равны 12 часам, во втором = 12 + $^{12}/_{6}$ = 14. Таким образом, неверно, будто при предположении *одной и той же заработной платы* (по стоимости, по необходимому рабочему времени) содержащиеся в двух товарах прибавочные стоимости относятся одна к другой как содержащиеся в этих товарах количества труда. Это верно только в том случае, если *нормальный рабочий день* остается без изменения.

Предположим далее, что вследствие повышения производительной силы труда необходимая заработная плата уменьшается с 10 до 9 часов (хотя она, будучи выражена в тех потребительных стоимостях, на которые она расходуется, остается неизменной) и что время прибавочного труда тоже уменьшается с 2 до $1^{4}/_{5}$ часа ($^{9}/_{5}$). В этом случае 10:9 = 2:$1^{4}/_{5}$. Следовательно, время прибавочного труда уменьшилось бы в той же пропорции, как и необходимое время. Норма прибавочной стоимости в обоих случаях была бы одна и та же: так как 2 = $^{10}/_{5}$ и $1^{4}/_{5}$ = $^{9}/_{5}$, то $1^{4}/_{5}$:9 = 2:10. Количество потребительных стоимостей, какое можно купить на прибавочную стоимость, осталось бы, согласно предположению, тоже без изменения. (Но это относилось бы только к тем потребительным стоимостям, которые являются необходимыми жизненными средствами.) Рабочий день уменьшился бы с 12 до $10^{4}/_{5}$ часа. Масса стоимостей, которые производятся во втором случае, была бы меньше, чем в первом. И несмотря на эти неравные количества труда, норма прибавочной стоимости в обоих случаях была бы одна и та же.

При рассмотрении прибавочной стоимости мы различали: прибавочную стоимость и норму прибавочной стоимости. Рассматриваемая для одного рабочего дня, прибавочная стоимость равняется абсолютному числу часов, которое она представляет: двум, трем и т. д. Норма прибавочной стоимости равна отношению этого числа часов к тому числу часов, которое составляет необходимое рабочее время. Это различение уже потому очень важно, что оно указывает на различную продолжительность рабочего дня. Если прибавочная стоимость равна 2 часам, то она составляет одну пятую при необходимом рабочем времени в 10 часов и одну шестую при необходимом рабочем времени в 12 часов. В одном случае рабочий день составляет 12 часов,

в другом — 14 часов. В первом случае норма прибавочной стоимости больше, и при этом рабочий в течение дня работает меньшее число часов. Во втором случае норма прибавочной стоимости меньше, стоимость рабочей силы больше, и при этом рабочий в течение дня работает большее число часов. Здесь мы видим, как при неизменной прибавочной стоимости (но при неодинаковом рабочем дне) норма прибавочной стоимости может быть различной. А в ранее приведенном случае (10:2 и 9:$1^4/_5$) мы видели, как при неизменяющейся норме прибавочной стоимости (но при неодинаковом рабочем дне) может быть различной сама прибавочная стоимость (в одном случае — 2, в другом — $1^4/_5$).

Выше (глава 2-я) я показал, что, при данном рабочем дне (при данной его продолжительности), а также при данном необходимом рабочем времени, — следовательно, при данной норме прибавочной стоимости, — масса прибавочной стоимости зависит от *числа* одновременно занятых тем же капиталом рабочих[110]. Это положение было тавтологией. Ибо если 1 рабочий день дает мне 2 часа прибавочного труда, то 12 рабочих дней дают мне 24 часа — или 2 дня — прибавочного труда. Однако это положение приобретает весьма важное значение при определении прибыли, которая равна отношению прибавочной стоимости к авансированному капиталу и, стало быть, зависит от абсолютной величины прибавочной стоимости. Это приобретает важное значение потому, что капиталы равной величины, но различного органического строения применяют неодинаковое количество рабочих и, следовательно, должны производить неравную прибавочную стоимость, а значит и неравную прибыль. При падающей норме прибавочной стоимости прибыль может повышаться, а при повышающейся норме прибавочной стоимости прибыль может падать или оставаться неизменной, если повышение или падение нормы прибавочной стоимости уравновешивается обратным движением числа занятых рабочих. Здесь мы с самого же начала видим, как глубоко неправильно отождествлять законы [658] повышения и падения прибавочной стоимости с законами повышения и падения прибыли. Если рассматривать только простой закон прибавочной стоимости, то покажется тавтологией положение, что при данной норме прибавочной стоимости (и при данном рабочем дне) абсолютная масса прибавочной стоимости зависит от массы применяемого капитала, — ибо возрастание этой массы капитала и возрастание числа одновременно занятых рабочих, согласно предположению, тождественны, или представляют собой всего лишь выражения одного и того же факта. Но если перейти

к рассмотрению прибыли, где масса применяемого совокупного капитала и масса применяемого количества рабочих весьма различны для капиталов одинаковой величины, то важность указанного закона станет понятной.

Рикардо исходит из рассмотрения *товаров* данной стоимости, т. е. товаров, представляющих *данное* количество труда. А при таком исходном пункте кажется, что абсолютная прибавочная стоимость и относительная прибавочная стоимость всегда совпадают. (Это, во всяком случае, объясняет односторонность его способа рассмотрения и соответствует всему его методу исследования — брать исходной точкой *стоимость* товаров, которая определена содержащимся в товарах рабочим временем, а затем исследовать, в какой мере на нее влияют заработная плата, прибыль и т. д.) Между тем, это — ложная видимость, так как здесь речь идет не просто о товаре, а о капиталистическом производстве, о товарах как продуктах капитала.

Пусть капитал применяет определенную массу рабочих, например 20 человек, и пусть заработная плата равняется 20 ф. ст. Для упрощения мы примем основной капитал равным O, т. е. не будем вовсе принимать его в расчет. Предположим, что эти 20 рабочих перерабатывают в пряжу на 80 ф. ст. хлопка, если они работают по 12 часов в день. Если фунт хлопка стоит 1 шилл., то 20 фунтов хлопка стоят 1 ф. ст., а 80 ф. ст. = 1600 фунтам хлопка. Если 20 рабочих перерабатывают в 12 часов 1600 фунтов хлопка, то в 1 час они перерабатывают $^{1600}/_{12}$ фунтов = $133^{1}/_{3}$ фунта. Таким образом, если необходимое рабочее время равно 10 часам, то прибавочное рабочее время составляет 2 часа и дает $266^{2}/_{3}$ фунта пряжи. Стоимость 1600 фунтов пряжи составит 104 ф. ст.; ибо если 10 рабочих часов = 20 ф. ст., то 1 рабочий час =2 ф. ст., а 2 рабочих часа = 4 ф. ст.; следовательно, 12 рабочих часов = 24 ф. ст. (80 ф. ст. [стоимость сырья] + 24 ф. ст. [стоимость, созданная вновь присоединенным трудом] = 104 ф. ст.).

Но если предположить, что время прибавочного труда рабочих равняется 4 часам, то их продукт составит 8 ф. ст. (я имею в виду прибавочную стоимость, создаваемую рабочими; в действительности их продукт = 28 ф. ст.[111]). Совокупный продукт будет иметь стоимость в $121^{1}/_{3}$ ф. ст.[112], и эти $121^{1}/_{3}$ ф. ст. равняются $1866^{2}/_{3}$ фунта пряжи. Так как условия производства не изменились, то 1 фунт пряжи имел бы такую же стоимость, как и прежде; в нем содержалось бы столько же рабочего времени. Согласно предположению, оставалась бы без изменения и необходимая заработная плата (ее стоимость, содержащееся в ней рабочее время).

Производятся ли эти $1866^2/_3$ фунта пряжи при первых условиях или при вторых, т. е. при двух часах прибавочного труда или же четырех, — в обоих случаях они имели бы одну и ту же стоимость. А именно, $266^2/_3$ фунта хлопка, превращаемые в пряжу сверх прежних 1600 фунтов хлопка, стоят $13^1/_3$ ф. ст. Если прибавить их к 80 ф. ст., уплаченным за 1600 фунтов хлопка, то это составит $93^1/_3$ ф. ст., и в обоих случаях 4 добавочных рабочих часа 20 человек равны 8 ф. ст. Для всего [вновь присоединенного] труда это составит 28 ф. ст. Следовательно, стоимость $1866^2/_3$ фунта пряжи равна $121^1/_3$ ф. ст. В обоих случаях заработная плата та же. Фунт пряжи стоит в обоих случаях $1^3/_{10}$ шилл. Так как стоимость 1 фунта хлопка = 1 шилл., то для вновь присоединенного труда, содержащегося в 1 фунте пряжи, в обоих случаях остается $^3/_{10}$ шилл., или $3^3/_5$ пенса (или $^{18}/_5$ пенса).

И тем не менее при предположенных условиях соотношение между стоимостью и прибавочной стоимостью в каждом фунте пряжи было бы весьма различно. В первом случае, — так как необходимый труд = 20 ф. ст., а прибавочный труд = 4 ф. ст., или первый = 10 часам, а второй = 2 часам, — прибавочный труд относится к необходимому, как 2:10, или 1:5. (Точно так же 4 ф. ст. : 20 ф. ст. = $^4/_{20}$ = $^1/_5$.) В $3^3/_5$ пенса [вновь присоединенного труда, овеществленного] в 1 фунте пряжи, содержится, следовательно, в этом случае $^1/_5$ неоплаченного труда = $^{18}/_{25}$ пенса, или $^{72}/_{25}$ фартинга, т. е. $2^{22}/_{25}$ фартинга. Во втором же случае необходимый труд составляет 20 ф. ст. (10 рабочих часов), прибавочный труд = 8 ф. ст. (4 рабочих часа). Прибавочный труд относился бы к необходимому, как 8:20 = $^8/_{20}$ = $^4/_{10}$ = $^2/_5$. Таким образом, в $3^3/_5$ пенса [вновь присоединенного труда, овеществленного] в 1 фунте пряжи, неоплаченный труд составляет $^2/_5$ этой суммы, т. е. $5^{19}/_{25}$ фартинга, или 1 пенс $1^{19}/_{25}$ фартинга. Прибавочная стоимость, содержащаяся в одном фунте пряжи, — [659] хотя в обоих случаях он имеет одну и ту же стоимость и хотя в обоих случаях уплачивается одинаковая заработная плата, — в одном случае вдвое больше, чем в другом. В единице товара, как определенной части продукта, должно, само собой разумеется, иметь место то же самое соотношение между стоимостью труда и прибавочной стоимостью, как и во всем продукте.

В одном случае [когда $1866^2/_3$ фунта хлопка перерабатываются в пряжу при 12-часовом рабочем дне] капитал, авансированный на хлопок, составляет $93^1/_3$ ф. ст., сколько составляет капитал, авансированный на заработную плату? Заработная плата, затраченная здесь на превращение в пряжу 1600 фунтов

хлопка, равняется 20 ф. ст.; стало быть, на превращение в пряжу добавочных $266^2/_3$ фунта хлопка она составит $3^1/_3$ ф. ст. Следовательно, всего на заработную плату будет затрачено $23^1/_3$ ф. ст. Совокупная же затрата = [постоянному] капиталу в $93^1/_3$ ф. ст. + $23^1/_3$ ф. ст. = $116^2/_3$ ф. ст. Продукт = $121^1/_3$ ф. ст. Добавочная затрата [переменного] капитала в $3^1/_3$ ф. ст. дала бы здесь всего лишь $13^1/_3$ шилл. (или $^2/_3$ ф. ст.) прибавочной стоимости (20 ф. ст. : 4 ф. ст. = $3^1/_3$ ф. ст. : $^2/_3$ ф. ст.).

Наоборот, в другом случае [когда те же $1866^2/_3$ фунта хлопка перерабатываются в пряжу при 14-часовом рабочем дне] авансированный капитал составлял бы только $93^1/_3$ ф. ст. + 20 ф. ст. = $113^1/_3$ ф. ст., и к 4 ф. ст. прибавочной стоимости прибавилось бы еще 4 ф. ст. В обоих случаях произведены одинаковые количества пряжи, и стоимость того и другого количества одинакова, т. е. они представляют равные совокупные количества труда; но эти равные совокупные количества труда приведены в движение неравновеликими капиталами, хотя заработная плата та же самая; напротив, рабочие дни неравны по величине, и *поэтому* количества неоплаченного труда различны. Если рассматривать отдельный фунт пряжи, то затраченное на него количество заработной платы, или содержащееся в нем количество *оплаченного* труда, неодинаково. Та же самая заработная плата распределяется здесь на большую массу товаров не потому, что труд в одном случае производительнее, чем в другом, а потому, что совокупная масса неоплаченного прибавочного труда, приводимого в движение, в одном случае больше, чем в другом. Поэтому при посредстве *того же самого* количества *оплаченного* труда в одном случае производится больше фунтов пряжи, чем в другом, хотя всего в обоих случаях производятся одинаковые количества пряжи и они представляют равные количества совокупного труда (оплаченного и неоплаченного). Если бы, наоборот, производительность труда во втором случае увеличилась, то при всех обстоятельствах (как бы ни складывалось отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу) стоимость фунта пряжи упала бы.

Следовательно, в подобном случае было бы ошибкой утверждать, что так как дана *стоимость* фунта пряжи, составляющая 1 шилл. $3^3/_5$ пенса, дана, далее, стоимость присоединенного труда, равная $3^3/_5$ пенса, и так как заработная плата, согласно предположению, *та же самая,* т. е. *необходимое рабочее время* остается без изменения, — то поэтому прибавочная стоимость должна быть та же самая, и два капитала, при прочих равных условиях, производили бы пряжу с одинаковой прибылью. Это было бы верно, если бы речь шла об одном фунте пряжи, но здесь

речь идет о таком капитале, который произвел $1866^{2}/_{3}$ фунта пряжи. А чтобы знать, как велика получаемая этим капиталом прибыль от одного фунта (т. е., собственно, прибавочная стоимость), мы должны знать, как велик рабочий день, или какое количество неоплаченного труда (при данной производительности) капитал этот приводит в движение. Но этого нельзя видеть по единице товара.

Итак, Рикардо исследует лишь то, что я назвал *относительной прибавочной стоимостью.* Он исходит из предпосылки (из которой, по-видимому, исходили также Смит и его предшественники), что *величина рабочего дня дана.* (У Смита, самое большее, упоминаются такие различия в величине рабочего дня в *различных* отраслях труда, которые сводятся на нет — или компенсируются — относительно большей интенсивностью труда, его трудностью, отталкивающим характером и т. п.) Исходя из этой предпосылки, Рикардо в общем правильно трактует относительную прибавочную стоимость. Но прежде чем говорить об основных пунктах его исследования, мы приведем еще несколько цитат, характеризующих рикардовскую концепцию.

«Труд одного миллиона человек в промышленности всегда произведет *одну и ту же стоимость,* но не всегда он произведет одно и то же богатство» (цит. соч., стр. 320) [Русский перевод, том I, стр. 226].

Это значит, что продукт их однодневного труда всегда будет продуктом одного миллиона рабочих дней, будет содержать *одно и то же* рабочее время, а это неверно или же могло бы оказаться верным лишь в том случае, если бы повсюду был установлен *один и тот же* нормальный рабочий день, с учетом различных степеней трудности и т. п. в различных отраслях труда.

Однако даже и тогда это положение в той всеобщей форме, в какой оно здесь высказано, является неверным. Предположим, что нормальный рабочий день равен 12 часам. Предположим, что годовой продукт труда одного человека, выраженный в деньгах, равняется 50 ф. ст. и что стоимость денег остается без изменения. В этом случае продукт труда 1 миллиона человек будет всегда равняться 50 миллионам ф. ст. в год. Предположим, что необходимый труд равняется 6 часам. Тогда затрачиваемый на этот 1 миллион человек капитал составляет за год 25 миллионов ф. ст. Прибавочная стоимость также равняется 25 миллионам ф. ст. Продукт всегда был бы равен 50 миллионам, независимо от того, получают ли рабочие 25, 30 или 40 миллионов. Но прибавочная стоимость в первом случае была бы равна 25 миллионам, во втором — 20 миллионам, а в третьем — 10 миллионам. Если бы авансированный капитал состоял из

одного лишь *переменного* капитала, т. е. только из капитала, затрачиваемого на *заработную плату* этого миллиона человек, то Рикардо был бы прав. Он был бы прав, следовательно, только в *одном* случае, а именно: если бы весь капитал был равен по-ременному капиталу, — эта предпосылка и проходит через все исследование как у Рикардо, так и у А. Смита, [660] поскольку этот последний говорит о капитале всего общества; но в условиях капиталистического производства такого положения вещей не существует ни в какой-либо отдельной его отрасли, ни, тем более, во всем общественном производстве в целом.

Та *часть постоянного капитала,* которая входит в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости, не входит в продукт (в *стоимость продукта),* а потому совершенно не интересует нас здесь, где речь идет о *стоимости годового продукта,* как ни важно учитывать эту часть постоянного капитала при определении общей нормы прибыли. Иначе обстоит дело с той частью постоянного капитала, которая входит в годовой продукт. Мы видели, что одна часть этой части постоянного капитала — или то, что в одной сфере производства выступает как постоянный капитал, — в другой сфере, на протяжении *одного и того же* годового периода производства, выступает как непосредственный продукт труда; что, следовательно, значительная часть ежегодно затрачиваемого капитала, которая с точки зрения отдельного капиталиста или особой сферы производства *выступает* как постоянный капитал, с точки зрения всего общества или всего класса капиталистов сводится к *переменному* капиталу. Следовательно, эта часть содержится в упомянутых 50 миллионах, в той части этих 50 миллионов, которая образует переменный капитал, или затрачивается на заработную плату.

Но иначе обстоит дело с той *частью постоянного капитала,* которая потребляется для возмещения потребленного в промышленности и в земледелии постоянного капитала, с потребленной частью постоянного капитала, занятого в тех отраслях производства, которые производят постоянный капитал — сырье в его первичной форме, основной капитал и вспомогательные материалы. Стоимость этой части постоянного капитала появляется вновь, воспроизводится в продукте. И от имеющейся налицо величины этой стоимости (предполагается, что производительность труда осталась без изменений; однако, как бы она ни изменялась, стоимость эта всегда имеет ту или иную *определенную* величину) зависит целиком и полностью то, в каких пропорциях она входит в стоимость всего продукта. (В среднем, если оставить в стороне некоторые исключения в сель-

ском хозяйстве, от величины этого постоянного капитала, представляющего собой предпосылку производства, будет, конечно, зависеть также и масса продуктов, т. е. масса произведенного одним миллионом человек *богатства,* в том смысле, в каком Рикардо отличает богатство от *стоимости.)* Эта часть стоимости продукта не существовала бы без нового годового труда одного миллиона человек. С другой стороны, труд одного миллиона человек не дал бы той же массы продукта без этого постоянного капитала, существующего независимо от их годового труда. Указанный постоянный капитал, в качестве условия производства, входит в процесс труда, но для воспроизводства этой части стоимости всего годового продукта не затрачивается труда ни на один час больше. Таким образом, как стоимость, эта часть не является результатом годового труда, хотя *без* этого годового труда ее стоимость не могла бы быть воспроизведена в продукте.

Предположим, что та часть постоянного капитала, которая входит в продукт, равна 25 миллионам. Тогда стоимость продукта одного миллиона человек будет равна 75 миллионам. Если бы входящая в продукт часть постоянного капитала была равна 10 миллионам, то стоимость этого продукта равнялась бы только 60 миллионам, и т. д. А так как в процессе капиталистического развития отношение постоянного капитала к переменному растет, то стоимость годового продукта одного миллиона человек имеет тенденцию постоянно возрастать пропорционально возрастанию прошлого труда, участвующего в качестве фактора в годовой производственной деятельности этого миллиона человек. Уже из этого видно, что Рикардо не мог понять ни сущности накопления, ни природы прибыли.

С возрастанием отношения постоянного капитала к переменному растет также и производительность труда, растут произведенные людьми производительные силы, при помощи которых действует общественный труд. Правда, вследствие этого же увеличения производительности труда часть имеющегося в наличии постоянного капитала все время обесценивается, поскольку его стоимость определяется не тем рабочим временем, какого он первоначально стоил, а тем рабочим временем, какое должно быть затрачено на его воспроизводство, а это рабочее время постоянно уменьшается с увеличением производительности труда. Хотя поэтому стоимость постоянного капитала возрастает не пропорционально его массе, все же она растет, ибо масса постоянного капитала растет еще быстрее, чем падает ею стоимость. Однако к взглядам Рикардо на накопление мы вернемся позже.

Во всяком случае, уже здесь ясно, что, при данном рабочем дне, стоимость всего продукта годового труда одного миллиона человек окажется весьма различной в зависимости от различий в массе постоянного капитала, входящего в продукт, и что, несмотря на рост производительности труда, эта стоимость будет больше там, где постоянный капитал составляет значительную долю совокупного капитала, чем при таких общественных условиях, где он составляет относительно небольшую долю совокупного капитала. С прогрессом производительности общественного труда, сопровождающимся — как это происходит в действительности — ростом постоянного капитала, относительно все большая часть всего годового продукта труда будет поэтому приходиться на долю капитала, как такового, и, следовательно, капиталистическая собственность (не говоря уже о доходе капиталистов) будет все время увеличиваться, а доля той части стоимости, которую создает [вновь присоединенный труд] отдельного рабочего и даже всего рабочего класса, будет все более понижаться [661] по отношению к противостоящему им в качестве капитала продукту их прошлого труда. Поэтому постоянно возрастают отчуждение и противоположность между рабочей силой и объективными условиями труда, получившими в капитале обособленное самостоятельное существование. (Мы не говорим здесь о переменном капитале, о той части продукта годового труда, которая требуется для воспроизводства рабочего класса; но даже и эти средства существования рабочего класса противостоят ему как капитал.)

Взгляд Рикардо, что рабочий день есть *величина данная, ограниченная, фиксированная,* высказывается им также и в других местах его книги, например:

«Они» (заработная плата и прибыль на капитал) *«вместе* всегда *имеют одну и ту же стоимость»* (пит. соч., стр. 499, глава 32-я: «Взгляды г-на Мальтуса на ренту») [Русский перевод, том I, стр. 338].

Это означает другими словами только следующее; рабочее время (рабочий день), продукт которого *делится* между заработной платой и прибылью на капитал, всегда *одно и то же,* является *постоянной* величиной.

«Заработная плата и прибыль, вместе взятые, имеют *одну и ту же стоимость»* (стр. 491, примечание) [Русский перевод, том I, стр. 332].

Мне незачем повторять здесь, что вместо прибыли здесь всегда следует читать: прибавочная стоимость.

«Заработная плата и прибыль, взятые вместе, *всегда* будут составлять одну и ту же стоимость» (стр. 490—491) [Русский перевод, том I, стр. 332].

«Заработная плата должна оцениваться по ее *действительной стоимости,* т. е. по *количеству труда и капитала, употребленному на ее производство,* а не по ее *номинальной стоимости,* будет ли она выражена в сюртуках, в шляпах, в деньгах или в хлебе» (глава 1-я: «О *стоимости»,* стр. 50) [Русский перевод, том I, стр. 63].

Стоимость жизненных средств, которые получает рабочий (которые он покупает на свою заработную плату), — хлеба, одежды и т. д. — определяется совокупным рабочим временем, требующимся для их производства: как количеством непосредственного труда, так и количеством овеществленного труда, необходимого для их производства. Но Рикардо запутывает вопрос тем, что не формулирует его в чистом виде и не говорит: «ее (заработной платы) *действительная стоимость,* т. е. та часть рабочего дня, которая требуется для воспроизводства стоимости его (рабочего) собственных необходимых жизненных средств, для воспроизводства эквивалента необходимых жизненных средств, уплаченных ему в виде заработной платы, или обмененных на его труд». «Действительную заработную плату» следовало бы определять тем средним временем, в течение которого рабочий должен ежедневно затрачивать свой труд, чтобы произвести или воспроизвести свою собственную заработную плату. [Рикардо же дает такую формулировку:]

«Рабочий только тогда получает действительно высокую цену за свой труд, когда на свою заработную плату он может купить продукт большого количества труда» (стр. 322) [Русский перевод, том I, стр. 227, примечание].

4) ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ. [АНАЛИЗ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ КАК НАУЧНАЯ ЗАСЛУГА РИКАРДО]

Относительная прибавочная стоимость — это, фактически, единственная форма прибавочной стоимости, которую, под названием *прибыли,* исследует Рикардо.

Количество труда, требующееся для производства товара и содержащееся в нем, определяет стоимость товара, которая в силу этого является *величиной данной, определенной.* Величина эта делится между наемным рабочим и капиталистом. (Рикардо. как и Смит, не учитывает здесь постоянного капитала.) Ясно, что доля одного может расти или падать только в той мере, в какой падает или растет доля другого. Так как стоимость товаров обязана своим происхождением труду рабочих, то при всех условиях предпосылкой является сам этот труд, а он невозможен без того, чтобы рабочий жил и поддерживал свое существование, следовательно — получал необходимую заработную

плату (минимум заработной платы, которая отождествляется со стоимостью рабочей силы). Таким образом, заработная плата и прибавочная стоимость — эти две категории, на которые, по Рикардо, распадается стоимость товара или сам продукт, — не только находятся в обратном отношении друг к другу, но первичным, определяющим моментом оказывается движение заработной платы. Ее повышение или падение вызывает обратное движение на стороне прибыли (прибавочной стоимости). Заработная плата повышается или падает не потому, что падает или повышается прибыль (прибавочная стоимость), а наоборот, прибавочная стоимость (прибыль) падает или повышается потому, что повышается или падает заработная плата. *Прибавочный продукт* (следовало бы, собственно говоря, сказать: *прибавочная стоимость),* остающийся после того как рабочий класс получил свою долю в созданной его собственным трудом годовой продукции, образуя ту субстанцию, за счет которой живет класс капиталистов.

Так как стоимость товаров определяется количеством содержащегося в них труда, а заработная плата и прибавочная стоимость (прибыль) представляют собой лишь *доли,* пропорции, в каких два класса производителей распределяют между собою стоимость товара, то ясно, что хотя повышение или падение заработной платы определяет норму прибавочной стоимости (у Рикардо — норму прибыли), но оно не оказывает влияния на стоимость товара или на его цену (представляющую собой денежное выражение стоимости товара). Та пропорция, в какой целое делится между двумя участниками дележа, не делает само это целое ни большим, ни меньшим. Следовательно, это — ложный предрассудок, будто *повышение заработной платы повышает цены товаров;* оно приводит лишь к падению прибыли {следовало бы сказать: прибавочной стоимости). Даже приводимые у Рикардо исключения, при которых повышение заработной платы будто бы влечет за собой падение меновых стоимостей одних товаров и повышение меновых стоимостей других, не соответствуют действительности, если говорить о *стоимостях,* и верны лишь для *цен издержек.*

[662] Так как норма прибавочной стоимости (прибыли) определяется относительной высотой заработной платы, то чем же определяется эта последняя? Если отвлечься от конкуренции, заработная плата определяется ценой необходимых жизненных средств. А эта цена, в свою очередь, зависит от производительности труда, которая тем выше, чем плодороднее почва (при этом Рикардо предполагает капиталистическое производство). Каждое «усовершенствование» уменьшает цену

товаров, жизненных средств. Таким образом, заработная плата, или «стоимость труда», повышается или падает в обратном отношении к развитию производительной силы труда, поскольку последний производит необходимые жизненные средства, входящие в обычное потребление рабочего класса. Следовательно, норма прибавочной стоимости (прибыли) падает или повышается в прямом отношении к развитию производительной силы труда, так как это развитие понижает или повышает заработную плату.

Норма прибыли (прибавочной стоимости) не может падать без повышения заработной платы и не может повышаться без падения заработной платы.

Стоимость заработной платы следует расценивать не по количеству жизненных средств, какое получает рабочий, а по количеству труда, какого стоят эти жизненные средства (в действительности, по той доле рабочего дня, которую рабочий присваивает себе), по *пропорциональной доле,* какую рабочий получает из совокупного продукта или, вернее, из совокупной стоимости этого продукта. Возможно, что заработная плата рабочего, оцениваемая в потребительных стоимостях (в определенном количестве товара или денег), повышается (при увеличивающейся производительности труда) и тем не менее по стоимости — падает, и наоборот. Одной из больших заслуг Рикардо является анализ относительной, или пропорциональной, заработной платы и установление ее как категории. До Рикардо заработная плата всегда рассматривалась лишь безотносительно, а рабочий рассматривался поэтому как животное. Здесь же он рассматривается в его общественном отношении. Положение классов по отношению друг к другу обусловливается в большей мере относительной заработной платой, чем ее абсолютной величиной.

В подтверждение формулированных выше положений приведем теперь цитаты из Рикардо.

«Стоимость оленя, продукта *однодневного труда* охотника, будет в точности равна стоимости рыбы, продукта *однодневного труда* рыболова. Сравнительная стоимость рыбы и дичи всецело будет регулироваться количеством труда, содержащегося в той и другой, *каково бы ни было количество продукции* или как бы *высока или низка ни была обычная заработная плата или прибыль.* Если... рыболов... нанимает десять человек, годовой труд которых стоит 100 ф. ст. и которые *за один день* добывают *своим* трудом двадцать лососей; если ... охотник тоже нанимает десять человек, *годовой труд* которых стоит 100 ф. ст. и которые *за один день* доставляют ему десять оленей, то естественная цена оленя составляла бы два лосося, как бы ни была велика или мала *доля всего продукта, достающаяся людям, которые добывают его. Доля,* уплачиваемая в качестве *заработной платы,* имеет величайшее значение для вопроса о *прибыли;* ибо с самого

начала очевидно, что прибыль высока или низка в точном соответствии с тем, низка или высока заработная плата. Но на относительную стоимость рыбы и дичи это не могло бы повлиять ни в малейшей степени, так как заработная плата будет высока или низка одновременно в обоих этих промыслах» (глава 1-я: «*О стоимости»,* стр. 20—21) [Русский перевод, том I, стр. 45—46].

Мы видим, что Рикардо всю стоимость товара выводит из *труда* людей, занятых в производстве. Их собственный труд, или продукт этого труда, или стоимость этого продукта и есть то, что распределяется между ними и капиталом.

«Никакое изменение в заработной плате не вызвало бы изменения в относительной стоимости этих товаров. Ибо если мы предположим, что заработная плата повысилась, то ни в одном из этих промыслов не потребуется *большее количество труда,* хотя за этот труд будет *уплачиваться более высокая цена...* Заработная плата может повыситься на двадцать процентов, а прибыль может вследствие этого упасть в большей или меньшей степени, не вызывая ни малейшего изменения в относительной стоимости этих товаров» (там же, стр. 23) [Русский перевод, том I, стр. 47—481.

«Повышение *стоимости труда* невозможно без падения прибыли. Если хлеб подлежит *разделу* между фермером и рабочим, то чем *больше доля,* достающаяся последнему, тем меньше остается для первого. Точно так же, если сукно или хлопчатобумажные товары *делятся* между рабочим и его нанимателем, то чем *больше доля* первого, тем меньше остается для последнего» (там же, стр. 31) [Русский перевод, том I, стр. 52].

[663] «Адам Смит и все последующие писатели, без единого, насколько мне известно, исключения, утверждали, что *повышение цены труда* обязательно повлекло бы за собой *повышение цен всех товаров.* Надеюсь, мне удалось показать, что для такого мнения нет никаких оснований» (там же, стр. 45) [Русский перевод, том I, стр. 60].

«Повышение заработной платы вследствие того обстоятельства, что рабочий получает более щедрое вознаграждение или вследствие затруднений в производстве предметов необходимости, на которые расходуется заработная плата, не влечет за собой, за исключением некоторых случаев, повышения цен, но оказывает большое влияние на прибыль в сторону ее понижения». Иначе обстоит дело, когда повышение заработной платы происходит вследствие «изменения в стоимости денег». «В одном случае» {а именно, в последнем из упомянутых случаев} «на *содержание рабочих* не затрачивается *более значительная доля годового труда страны;* в другом случае — затрачивается» (там же, стр. 48) [Русский перевод, том I, стр. 62].

[663] «С повышением цен на пищу и другие предметы необходимости повысится также и естественная цена труда; с падением их цен естественная цена труда упадет» (пит. соч., стр. 86) [Русский перевод, том I, стр. 85].

«Прибавочный продукт, остающийся после того как удовлетворены потребности наличного населения, необходимо должен быть пропорционален *легкости производства,* т. е. он тем больше, чем *меньше число лиц,* занятых в производстве» (стр. 93) [Русский перевод, том I, стр. 89].

«Ни фермер, обрабатывающий землю того разряда, который регулирует цену, ни промышленник, производящий промышленные товары, не жертвуют ни одной частью своего продукта на уплату ренты. *Вся стоимость их товаров делится* только на *две части:* одна образует прибыль на капитал, другая — заработную плату» (стр. 107) [Русский перевод, том I, стр. 98].

«Предположим, что цена шелка, бархата, мебели и любых других товаров, на которые рабочий не предъявляет спроса, повысилась вследствие того, что на них приходится затрачивать больше труда. Не повлияет ли это на прибыль? Конечно, нет, ибо, кроме повышения заработной платы, ничто на прибыль влиять не может; шелк и бархат не потребляются рабочими, и поэтому повышение их цены не может повысить заработную плату» (стр. 118) [Русский перевод, том I, стр. 105].

«Если труд десяти рабочих на земле определенного качества дает 180 квартеров пшеницы, стоимостью в 4 ф. ст. за квартер, или всего 720 ф. ст. (стр. 110) [Русский перевод, том I, стр. 100],.. то во всех случаях одна и та же сумма в 720 ф. ст. должна быть разделена между заработной платой и прибылью... Повышается ли или падает заработная плата или прибыль, и та и другая должны быть взяты именно из этой суммы в 720 ф. ст. С одной стороны, прибыль никогда не может подняться так высоко, чтобы поглотить из этих 720 ф. ст. столь большую долю, что оставшегося количества будет недостаточно для обеспечения рабочих предметами абсолютной необходимости; с другой стороны, заработная плата никогда не может подняться так высоко, чтобы из этой суммы ничего не осталось для прибыли» (стр. 113) [Русский перевод, том I, стр. 101—102].

«Прибыль *зависит от высокой или низкой заработной платы,* заработная плата — от цены необходимых жизненных средств, а цена необходимых жизненных средств зависит главным образом от цен на пищу, так как количество всех других необходимых предметов может быть увеличено почти беспредельно» (стр. 119) [Русский перевод, том I, стр. 105].

«Хотя производится большая стоимость» (при ухудшении почвы), «но зато и *большая доля того, что остается от этой стоимости* после уплаты ренты, потребляется *производителями»* {Рикардо отождествляет здесь рабочих и производителей}, «а это, и *только это,* и определяет размеры прибыли» (стр. 127) [Русский перевод, том I, стр. 110].

«Существенное свойство *усовершенствований — это уменьшать количество труда,* требовавшееся раньше для производства товара; а такое уменьшение не может иметь места без *падения цены товара, или его относительной стоимости»* (стр. 70) [Русский перевод, том I, стр. 74—75].

«Уменьшите издержки производства шляп, и цена их в конце концов упадет до уровня их новой естественной цены, хотя бы спрос на них удвоился, утроился или учетверился. Уменьшите издержки производства необходимых для людей средств существования путем понижения естественной цены пищи и одежды, служащих для поддержания жизни, и заработная плата в конце концов упадет, несмотря на то, что спрос на рабочих [664] может очень сильно возрасти» (стр. 460) [Русский перевод, том I, стр. 314].

«Чем меньше приходится на долю заработной платы, тем больше приходится на долю прибыли, и наоборот» (стр. 500) [Русский перевод, том I, стр. 338].

«Одной из задач этого сочинения было показать, что вместе с каждым падением действительной стоимости предметов необходимости падает заработная плата и повышается прибыль на капитал, — другими словами, что в этом случае из каждой данной *годовой стоимости менее значительная доля достается рабочему классу* и более значительная доля тем, *чьи фонды доставляют занятие этому классу, применяют его».*

{Только в этом последнем выражении, всецело вошедшем в обиходный язык, Рикардо, если и не угадывает, то все же высказывает природу капитала. Не накопленный труд применяется

рабочим классом, самими рабочими, а «фонды», «накопленный труд», «применяют этот класс», применяют настоящий, непосредственный труд.}

«Предположим, что *стоимость* товаров, производимых на какой-нибудь фабрике, составляет 1000 ф. ст. и что она *делится* между *хозяином* и *его* рабочими» {в этом выражении опять-таки отразилась природа капитала: капиталист — *хозяин,* рабочие — *его* рабочие} «так. что рабочие получают 800 ф. ст., а хозяин — 200 ф. ст. Если бы стоимость этих товаров упала до 900 ф. ст. и 100 ф. ст. были сбережены на заработной плате вследствие понижения цен на предметы необходимости, то чистый доход хозяина нисколько не уменьшился бы» (стр. 511—512) [Русский перевод, том I, стр. 345—346].

«Если бы обувь и одежду рабочих можно было производить благодаря усовершенствованию машин с затратой труда вчетверо меньшей, чем требуется для их производства теперь, то они, вероятно, упали бы в цене на 75%; но из этого еще вовсе не следует, что рабочий благодаря этому имел бы возможность постоянно потреблять четыре куртки и четыре пары обуви вместо одной; под влиянием конкуренции и стимула к усиленному росту населения его *заработная плата в непродолжительном времени пришла бы, вероятно, в соответствие с новой стоимостью предметов необходимости,* на которые она расходуется. Если бы такие усовершенствования распространились на все предметы потребления рабочего, то уже через очень небольшое число лет, вероятно, оказалось бы, что размер его потребления увеличился лишь незначительно (если вообще увеличился), хотя меновая стоимость этих товаров, по сравнению с любыми другими товарами, значительно понизилась и хотя они теперь представляют продукт сильно уменьшившегося количества труда» (стр. 8) [Русский перевод, том I, стр. 37].

«Когда заработная плата повышается, то это всегда происходит за счет прибыли, а когда она падает, прибыль всегда повышается» (стр. 491, примечание) [Русский перевод, том I. стр. 332].

«На протяжении всего этого сочинения я старался показать, что норма прибыли может повышаться только вследствие падения заработной платы и что длительное падение последней возможно лишь в результате падения цены предметов необходимости, на которые расходуется заработная плата. Если поэтому, благодаря *расширению внешней торговли* или *усовершенствованию машин,* пища и другие предметы необходимости, потребляемые рабочими, смогут поступать на рынок по более низкой цене, то прибыль повысится. Если, вместо того чтобы самим возделывать хлеб и самим изготовлять одежду и другие предметы необходимости, потребляемые рабочими, мы откроем новый рынок, откуда сможем получать эти товары по более дешевой цене, то заработная плата упадет, а прибыль повысится; но если товары, получаемые — благодаря расширению внешней торговли или усовершенствованию машин — по более дешевой цене, потребляются исключительно только богатыми, то в норме прибыли не произойдет никаких изменений. Если вино, бархат, шелк и прочие дорогие товары упадут в цене на 50%, то на норме заработной платы это не отразится, и, следовательно, прибыль останется без изменения.

Итак, хотя внешняя торговля в высшей степени выгодна для страны, так как она увеличивает количество и разнообразие тех предметов, на которые может затрачиваться доход, и благодаря обилию и дешевизне товаров создает побуждение к сбережению» {а почему не побуждение к тратам?} «и к *накоплению капитала,* но она вовсе не имеет тенденции

повышать прибыль на капитал, если ввозимые товары не принадлежат к разряду тех, на которые расходуется заработная плата рабочих.

Замечания, сделанные относительно внешней торговли, одинаково приложимы и к внутренней торговле. Норма прибыли *никогда не повышается»*

{только что Рикардо сказал прямо противоположное; он, очевидно, имеет в виду, что норма прибыли никогда не *повышается,* за исключением тех случаев, когда благодаря упомянутым усовершенствованиям уменьшается стоимость труда}

«вследствие лучшего распределения труда, изобретения машин, проведения дорог и каналов или вследствие других способов сокращать труд, затрачиваемый при изготовлении товаров или при их перевозке. Все эти причины влияют на цены товаров и всегда приносят большую выгоду потребителю, так как они дают потребителям возможность в обмен на то же количество труда получать большее количество такого товара, в производстве которого применяются усовершенствования, но они, эти причины, не оказывают решительно никакого влияния на прибыль. С другой стороны, всякое [665] уменьшение заработной платы рабочих повышает прибыль, но не оказывает никакого действия на цену товаров. Одно выгодно для всех классов, потому что все классы являются потребителями»

{но как это может быть выгодно для рабочего класса, когда, по предположению Рикардо, эти товары, если они входят в число тех предметов, на которые расходуется заработная плата, уменьшают ее, а если они не уменьшают заработную плату своим удешевлением, то и не входят в число покупаемых на заработную плату предметов?};

«другое выгодно одним только производителям. Они получают больше прибыли, но цены на все предметы остаются прежние»

{опять-таки, как это возможно, если, по предположению Рикардо, уменьшение заработной платы рабочих, повышающее прибыль, происходит именно потому, что цена необходимых жизненных средств упала, и, значит, никоим образом нельзя сказать, что «цены на все предметы остаются прежние»}.

«В первом случае они получают столько же прибыли, сколько и прежде, но меновая стоимость *всех предметов»* {это снова неверно; следовало бы сказать: всех предметов кроме необходимых жизненных средств}, «на которые расходуется их прибыль, уменьшается» (стр. 137—138) [Русский перевод, том I, стр. 115—116].

Мы видим, что весь этот отрывок написан в высшей степени небрежно. Но помимо этих формальных недостатков все это правильно только в том случае, если вместо «нормы прибыли» читать «норма прибавочной стоимости», как и во всем этом исследовании об относительной прибавочной стоимости. Даже для предметов роскоши указанные усовершенствования могут повышать общую норму прибыли, так как норма прибыли в этих

сферах производства, как и во всех других, участвует в выравнивании всех особых норм прибыли в среднюю норму прибыли. Если в подобных случаях, благодаря упомянутым влияниям, падает стоимость постоянного капитала по отношению к переменному капиталу или же сокращается продолжительность времени оборота (т. е. происходит изменение в процессе обращения), то норма прибыли повышается. Далее, влияние внешней торговли получило здесь у Рикардо совершенно одностороннюю трактовку. Существенным для капиталистического производства является развитие продукта в товар, а это существенным образом связано с расширением рынка, с созданием мирового рынка и, следовательно, с внешней торговлей.

Но если оставить это в стороне, Рикардо выдвигает правильное положение, что все усовершенствования, обусловлены ли они разделением труда, улучшением машин, усовершенствованием средств транспорта или внешней торговлей, короче говоря, все средства, сокращающие в промышленности или в перевозке товаров необходимое рабочее время, увеличивают прибавочную стоимость (а значит, и прибыль) и, следовательно, обогащают класс капиталистов, так как эти «усовершенствования» понижают — и в той мере, в какой они понижают, — стоимость труда.

В заключение мы должны в этом отделе привести еще несколько мест, в которых Рикардо исследует природу *относительной* заработной платы.

«Если мне надо нанять рабочего на неделю, и я, вместо десяти шиллингов, плачу ему восемь, причем никакого изменения в стоимости денег не произошло, то возможно, что на восемь шиллингов рабочий получит теперь больше пищи и других предметов необходимости, чем раньше на десять шиллингов. Но это происходит не вследствие повышения *действительной стоимости его заработной платы,* как утверждал А. Смит и недавно г-н Мальтус, а вследствие падения стоимости тех предметов, на которые рабочий расходует свою заработную плату, — а это совершенно различные вещи. И тем не менее, *когда я называю это падением действительной стоимости заработной платы,* мне говорят, что я употребляю новую и необычную терминологию, несовместимую с истинными принципами науки» (цит. соч., стр. 11—12) [Русский перевод, том I, стр. 39].

«Правильно судить о норме прибыли, ренты и заработной платы можно не по *абсолютному количеству продукта,* получаемому тем или другим классом, а по количеству труда, требующемуся для производства этого продукта. Благодаря усовершенствованиям в машинах и в земледелии весь продукт может быть удвоен; но если заработная плата, рента и прибыль тоже возрастут вдвое, то *соотношение* между всеми тремя *останется прежнее,* и ни об одной из них нельзя будет сказать, что она *относительно изменилась.* Но если заработная плата не участвует в полной мере в этом росте, если она, вместо того чтобы удвоиться, увеличивается только наполовину,.. то в таком случае, по моему мнению, было бы правильным сказать, что ... заработная плата упала, тогда как прибыль повысилась;

ибо, если бы мы обладали неизменным масштабом для измерения *стоимости* продукта, то мы нашли бы, что на долю рабочего класса теперь достается менее значительная стоимость.., а на долю класса капиталистов более значительная, чем прежде» (стр. 49) [Русский перевод, том I, стр. 62—63].

«Падение заработной платы было бы действительным падением несмотря на то, что она» (заработная плата) «в состоянии доставить теперь рабочему большее количество дешевых товаров, чем его прежняя заработная плата» (стр. 51) [Русский перевод, том I, стр. 63—64].

* * *

Де Квинси отмечает некоторые из развитых Рикардо положений, противополагая их взглядам других экономистов:

«У дорикардовских экономистов дело обстояло так: когда их спрашивали, чем определяется стоимость всех товаров, то ответ гласил, что она определяется главным образом заработной платой; когда, далее, спрашивали: чем определяется заработная плата? — то указывалось, что заработная плата должна сообразоваться со стоимостью тех товаров, на которые она затрачивается; ответ сводился по существу к тому, что заработная плата определяется стоимостью товаров» («Dialogues of Three Templars on Political Economy, chiefly in relation to the Principles of Mr. Ricardo», [666] «London Magazine», Vol. IX, 1824, стр. 560).

В этих же «Диалогах» говорится о законе измерения стоимости *количеством труда* и о законе измерения ее *стоимостью труда:*

«Эти две формулы настолько далеки от того, чтобы представлять собой всего лишь два различные выражения одного и того же закона, что закон г-на Рикардо (а именно, положение о том, что стоимость *A* относится к стоимости *B* как *количества* производящего их труда) можно было бы в отрицательной формулировке лучше всего выразить так: стоимость *A не* относится к стоимости *B* как *стоимости* производящего их труда» [там же, стр. 348].

(Если бы органическое строение капитала в отраслях *A* и *B* было одно и то же, то, действительно, можно было бы сказать, что стоимости продуктов этих капиталов *относятся* друг к другу как *стоимости* производящего их труда. Ибо в этом случае количества накопленного труда, содержащиеся в продуктах *A* и *B,* относились бы друг к другу как содержащиеся в них количества непосредственного труда. Количества же оплаченного труда в *A* и *B* относились бы как совокупные количества непосредственного труда, примененного обоими капиталами. Предположим, что строение обоих капиталов составляет $80c + 20v$, а норма прибавочной стоимости — 50%. Если бы один капитал был равен 500, а другой — 300, то продукт в одном случае составлял бы 550, а в другом — 330. Продукты относились бы тогда как заработная плата 5×20 (т. е. 100) относится к заработной плате 3×20 (т. е. 60). Ибо

100:60 = 10:6 = 5:3. Стоимости продуктов *A* и *B* относились бы друг к другу как 550 к 330, или как 55 к 33, или как $^{55}/_{11}$ к $^{33}/_{11}$ (ибо 5 × 11 = 55 и 3 × 11 = 33); следовательно, как 5 к 3. Но даже и в этом случае было бы известно лишь их соотношение, а не действительные стоимости рассматриваемых продуктов, так как отношению 5:3 могут соответствовать весьма различные количества стоимости.)

«Если цена продукта равна 10 шиллингам, то заработная плата и прибыль, вместе взятые, не могут превышать 10 шиллингов. Не обстоит ли. однако, дело наоборот, не определяют ли цену заработная плата и прибыль, взятые вместе? Нет, это — старое, отжившее учение» *(Th. De Quincey.* The Logic of Political Economy. Edinburgh and London, 1844, стр. 204).

«Новая политическая экономия показала, что цена всякого товара определяется относительным количеством производящего его труда, и только им. Раз сама цена уже определена, она ipso facto* определяет тот *фонд,* из которого *должны черпать свои особые доли и заработная плата и прибыль»* (там же). «Всякое изменение, которым может быть нарушено существующее соотношение между заработной платой и прибылью, *должно исходить от заработной платы»* (там же, стр. 205).

«В учение о земельной ренте Рикардо внес то новое, что свел его к вопросу, действительно ли рента отменяет закон стоимости» (там же, стр. 158).

* — этим самым. *Ред.*

[ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ]
РИКАРДОВСКАЯ ТЕОРИЯ ПРИБЫЛИ

[1) ОТДЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ РАЗЛИЧЕНИЯ МЕЖДУ ПРИБЫЛЬЮ И ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТЬЮ У РИКАРДО]

Уже подробно было доказано, что законы прибавочной стоимости или, точнее, законы нормы прибавочной стоимости (предполагая рабочий день данным) не так непосредственно и просто совпадают с законами прибыли, или не так непосредственно и просто применимы к ним, как это трактует Рикардо; что Рикардо ошибочно отождествляет прибавочную стоимость и прибыль; что они тождественны лишь в том случае, когда весь капитал состоит из переменного капитала, или непосредственно затрачивается на заработную плату; что поэтому то, что Рикардо рассматривает под названием «прибыли», вообще представляет собой лишь прибавочную стоимость. Точно так же только в указанном случае совокупный продукт целиком сводился бы к заработной плате и прибавочной стоимости. Рикардо явно разделяет взгляд Смита, что *совокупная стоимость* годового продукта сводится к доходам. Отсюда и смешение у него стоимости и цены издержек.

Здесь нет необходимости повторять, что норма прибыли не подчиняется непосредственно тем же самым законам, каким подчиняется норма прибавочной стоимости.

Во-первых, мы видели, что норма прибыли может повышаться или падать вследствие падения или повышения ренты, независимо от каких бы то ни было изменений в стоимости труда.

Во-вторых, абсолютная масса прибыли равняется абсолютной массе прибавочной стоимости. Однако последняя определяется не только нормой прибавочной стоимости, но также и числом занятых рабочих. Поэтому масса прибыли может

оставаться той же, если норма прибавочной стоимости падает, но одновременно с этим возрастает число рабочих, и наоборот.

В-третьих, норма прибыли *при данной норме прибавочной стоимости* зависит от органического строения капитала.

В-четвертых, норма прибыли *при данной прибавочной стоимости* (тем самым предполагается, что дано также и *органическое строение капитала* на каждые 100 единиц) зависит от *стоимостного соотношения* различных частей капитала, которые могут различным образом изменяться, частью благодаря экономии силы и т. п. при использовании условий производства, частью в результате таких изменений стоимости, которые могут затронуть какую-либо одну часть капитала, не затрагивая других его частей.

Наконец, следовало бы еще принять в расчет те различия в строении капитала, которые проистекают из процесса обращения.

[667] Некоторые соображения, проскальзывающие у самого Рикардо, должны были бы привести его к различению между прибавочной стоимостью и прибылью. В результате того, что он этого различения не проводит, он, по-видимому, — как это вскользь было указано уже при анализе главы 1-й *(«О стоимости»),* — местами скатывается к вульгарному воззрению. будто прибыль есть просто надбавка над стоимостью товара; например, когда он говорит о том, как определяется прибыль на такой капитал, в котором преобладает основной капитал, и т. д.* Отсюда большие нелепости у его эпигонов. Вульгарное воззрение должно появиться с необходимостью, если практически правильное положение о том, что в среднем *капиталы равной величины приносят равную прибыль,* или что прибыль зависит от величины применяемого капитала, — если это положение не связывается посредством целого ряда промежуточных звеньев с общими законами, относящимися к стоимостям и т. д., короче говоря, если прибыль и прибавочная стоимость отождествляются, что правильно только в отношении совокупного капитала. Поэтому-то для Рикардо и закрыты все пути к определению *общей нормы прибыли.*

Рикардо понимает, что на *норме прибыли не* отражаются такие изменения стоимости товаров, которые *в одинаковой мере* влияют на все части капитала, каковы, например, изменения в стоимости денег. Ему следовало бы сделать отсюда тот вывод, что *на норме прибыли отражаются* такие изменения в стоимости товаров, которые на различные части капитала влияют

* См. настоящий том, часть II, стр. 195—196. *Ред.*

не в одинаковой мере; что, стало быть, возможны изменения нормы прибыли при остающейся без изменения стоимости труда и что они могут происходить даже в направлении, противоположном изменениям в стоимости труда. Но прежде всего другого Рикардо должен был бы остановить свое внимание на том что *прибавочный продукт,* или, что у него означает то же самое, *прибавочная стоимость,* или, что опять-таки есть то же самое, *прибавочный труд,* поскольку он рассматривает все это sub specie* прибыли, исчисляется здесь у него не по отношению к одному только переменному капиталу, а по отношению ко *всему авансированному капиталу.*

Относительно изменения стоимости денег Рикардо говорит:

«Как бы велико ни было изменение стоимости денег, оно не вызывает никаких изменений в *норме прибыли.* Предположим, что товары фабриканта повысились в цене с 1000 ф. ст. до 2000 ф. ст., или на 100%. Тогда его *норма прибыли* останется той же, если *его капитал,* на который изменения в стоимости денег оказывают такое же влияние, как и на стоимость продукта, т. е. если его машины, здания и запасы товаров также повысятся в цене на 100%... Если при капитале данной стоимости фабрикант, путем экономии в труде, может увеличить вдвое количество продукта, так что прежняя цена единицы продукта понизится наполовину, то *останется. прежнее соотношение между продуктом и капиталом, который его произвел,* а *следовательно* и норма прибыли останется той же. Если же одновременно с тем, как фабрикант, применяя тот же капитал, удваивает количество продукта, наполовину понизится, в силу какой-нибудь причины, стоимость денег, то продукт будет продан за вдвое большую, чем прежде, денежную стоимость, но зато и капитал, примененный при его производстве, тоже будет иметь вдвое бо́льшую, чем прежде, денежную стоимость; следовательно, и в этом случае *стоимость продукта будет находиться в том же отношении к стоимости капитала, что и прежде»* (цит. соч., стр. 51—52) [Русский перевод, том I, стр. 64].

Если под *продуктом* Рикардо понимает здесь *прибавочный продукт,* то это верно. Ибо норма прибыли равняется прибавочному продукту (прибавочной стоимости), деленному на капитал. Так, если прибавочный продукт = 10, а капитал = 100, то норма прибыли = $^{10}/_{100}$ = $^{1}/_{10}$ = 10%. Но если Рикардо под продуктом понимает продукт, взятый в целом, то дело изложено неточно. Тогда под отношением стоимости продукта к стоимости капитала Рикардо явно имеет в виду не что иное, как избыток стоимости товара над стоимостью авансированного капитала. Во всяком случае ясно, что *здесь* Рикардо не отождествляет прибыль с прибавочной стоимостью, а норму прибыли — с нормой прибавочной стоимости, равною

$$\frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{стоимость труда}}, \text{ или } \frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{переменный капитал}}.$$

* — под углом зрения. *Ред.*

Рикардо говорит:

«Мы предположили, что упала цена того *сырья,* из которого изготовляются товары; отсюда можно сделать тот вывод, что это вызовет падение цен на эти товары. Цены этих товаров, действительно, упадут, но их падение не будет сопровождаться каким-либо уменьшением денежного дохода производителя. Если он продает свой товар за меньшее количество денег, то лишь потому, что *один из материалов, из которых изготовлен товар, упал в стоимости.* Если фабрикант сукна продаст свое сукно за 900 ф. ст. вместо 1000 ф. ст., то его доход не станет от этого меньше при условии, что шерсть, из которой оно изготовляется, уменьшилась в стоимости на 100 ф. ст.» (цит. соч., глава 32-я, стр. 518) [Русский перевод, том I, стр. 350].

(То, о чем, собственно говоря, идет здесь речь у Рикардо, — влияние понижения стоимости сырья в том или ином данном на практике случае, — нас здесь не интересует. Внезапное понижение стоимости шерсти, без сомнения, отразилось бы (убыточно) на денежном доходе тех фабрикантов сукна, которые имели бы на складе большой запас готового товара, — товара, который был произведен в то время, когда шерсть была дороже, а продан должен быть после того, как стоимость шерсти [668] понизилась.)

Если, как предполагает здесь Рикардо, фабриканты сукна приводят в движение ту же массу труда, что и раньше {между тем, они могли бы привести в движение большее количество труда, так как часть высвободившегося капитала, которая раньше затрачивалась *только* на сырье, может теперь затрачиваться на сырье плюс труд}, то ясно, что «денежный доход» этих фабрикантов, если иметь в виду его абсолютную величину, «не станет меньше», а их *норма прибыли возрастет* по сравнению с прежней; ибо те же самые, скажем, 10%, что и раньше, т. е. 100 ф. ст., следовало бы теперь исчислять не на 1 000 ф. ст., а на 900 ф. ст. В первом случае норма прибыли составляет 10%, во втором она равнялась бы $^1/_9$, что составляет $11^1/_9$%. Но так как Рикардо к тому же предполагает, что цена упала вообще на сырье, из которого изготовляются товары, то повысится общая норма прибыли, а не только норма прибыли в какой-нибудь отдельной отрасли производства. Рикардо этого не понимает, и это тем более удивительно, что противоположный случай ему ясен.

А именно, в главе 6-й *(«О прибыли»)* Рикардо рассматривает тот случай, когда вследствие вздорожания предметов необходимости, — вздорожания, обусловленного вводом в обработку худших земель и, следовательно, повышением дифференциальной ренты, — повышается, во-первых, заработная плата, а во-вторых, повышаются в цене все сырые продукты,

получаемые с поверхности земли. (Последнее предположение отнюдь не является необходимым. Хлопок, шелк, даже шерсть и лен могут преспокойным образом падать в цене несмотря на повышение цены хлеба.)

Рикардо говорит, во-первых, что *прибавочная стоимость* (у Рикардо сказано: прибыль), получаемая фермером, упадет, так как стоимость продукта труда 10 рабочих, которых он нанимает, составляет по-прежнему 720 ф. ст., а из этого фонда в 720 ф. ст. он должен теперь отдавать более значительную долю в качестве заработной платы. И Рикардо продолжает:

«Но *норма прибыли* упадет еще больше, потому что *капитал* фермера... состоит в значительной мере из сырых продуктов — таких, как, например, его хлеб и запасы сена, необмолоченная пшеница и ячмень, лошади и коровы, — которые все повысятся в цене вследствие *повышения цен на продукты.* Его *абсолютная прибыль* упала бы с 480 ф. ст. до 445 ф. ст. 15 шилл.; но если бы, ввиду только что указанной мною причины, его напитал возрос с 3000 до 3200 ф. ст., то *норма его прибыли* при цене хлеба в 5 ф. ст. 2 шилл. 10 пенсов упала бы ниже 14%. Если бы фабрикант вложил в свое предприятие тоже 3000 ф. ст., то; вследствие повышения заработной платы, он был бы вынужден увеличить свой капитал, чтобы иметь возможность вести дело в прежних размерах. Если раньше его товары продавались за 720 ф. ст., то они и впредь будут продаваться по той же самой цене, но заработная плата рабочих, составлявшая раньше 240 ф. ст., повысилась бы при цене хлеба в 5 ф. ст. 2 шилл. 10 пенсов до 274 ф. ст. 5 шилл. В первом случае у фабриканта оставалось бы 480 ф. ст. в качестве прибыли на 3000 ф. ст., во втором — он получил бы только 445 ф. ст. 15 шилл. прибыли на увеличенный капитал, и потому его прибыль соответствовала бы изменившейся норме прибыли фермера» (цит. соч., стр. 116— 117) [Русский перевод, том I, стр. 103].

Здесь, следовательно, Рикардо различает *абсолютную прибыль* (т. е. *прибавочную стоимость)* и *норму прибыли* и показывает также, что в результате изменения стоимости авансированного капитала норма прибыли падает в большей мере, чем падает абсолютная прибыль (прибавочная стоимость), уменьшающаяся вследствие повышения стоимости труда. Норма прибыли упала бы здесь и в том случае, если бы стоимость труда осталась *без изменения,* так как *ту же самую* абсолютную прибыль пришлось бы исчислять на больший капитал. Противоположный случай— повышение нормы прибыли (отличное от повышения прибавочной стоимости, или абсолютной прибыли) — имел бы, таким образом, место в том его вышецитированном примере, где стоимость сырья падает. Оказывается, стало быть, что повышение и падение нормы прибыли определяются еще и другими обстоятельствами, кроме повышения и падения абсолютной прибыли и повышения и падения ее нормы, исчисляемой на капитал, затрачиваемый на заработную плату.

В только что цитированном месте Рикардо продолжает:

«Ювелирные изделия, изделия из железа, серебра и меди не *повысились бы* в цене, потому что в их состав не входят сырые продукты, получаемые с поверхности земли» (цит. соч., стр. 117) [Русский перевод, том I, стр. 104].

Цены этих товаров не повысятся, но норма прибыли в этих отраслях превысила бы норму прибыли в других отраслях. Ибо в последних уменьшившаяся (вследствие повышения заработной платы) прибавочная стоимость приходилась бы на авансированный капитал, возросший в стоимости сразу по двум причинам: во-первых, потому, что увеличились затраты на заработную плату, а во-вторых, потому, что увеличились затраты на сырье. Во втором же случае [т. е. в случае с ювелирными изделиями и т. д.] [669] уменьшившаяся прибавочная стоимость приходилась бы на такой авансированный капитал, который, в результате повышения заработной платы, возрос только в своей переменной части.

В этих местах Рикардо сам опрокидывает всю свою теорию прибыли, основанную на ошибочном отождествлении нормы прибавочной стоимости и нормы прибыли.

«Прибыль — как в земледелии, так и в промышленности — всегда понижается при повышении *цены сырых продуктов,* если оно сопровождается повышением заработной платы» (стр. 113—114) [Русский перевод, том I, стр. 102].

Из сказанного самим Рикардо следует, что, даже если бы повышение цены сырых продуктов не сопровождалось повышением заработной платы, *норма прибыли* понизилась бы вследствие повышения цены той части авансированного капитала, которая состоит из сырья.

«Предположим, что цена шелка, бархата, мебели и любых других товаров, на которые рабочий не предъявляет спроса, повысилась вследствие того, что *на них* приходится *затрачивать* больше труда. *Не повлияет ли это на прибыль?* Конечно, нет, ибо, *кроме повышения заработной платы, ничто на прибыль влиять не может;* шелк и бархат не потребляются рабочими, и поэтому повышение их цены не может повысить заработную плату» (цит. соч., стр. 118) [Русский перевод, том I, стр. 105].

Норма прибыли в этих особых отраслях, конечно, упала бы, хотя стоимость труда — заработная плата — осталась без изменения. Сырой материал, применяемый фабрикантами шелка, роялей, мебели и т. п., вздорожал бы; следовательно, отношение прибавочной стоимости, оставшейся без изменения, к затраченному капиталу уменьшилось бы, а потому норма прибыли упала бы. А *общая норма прибыли* получается как средняя отдельных норм прибыли во всех отраслях промышленности.

Или же упомянутые выше фабриканты, чтобы получать, как и раньше, среднюю норму прибыли, повысили бы цену своих товаров. Такое номинальное повышение цен непосредственно не затронуло бы норму прибыли, но отразилось бы на расходовании прибыли.

Рикардо еще раз возвращается к рассмотренному выше случаю, когда прибавочная стоимость (абсолютная прибыль) падает потому, что цена необходимых жизненных средств (а вместе с тем и земельная рента) повышается:

«Я должен еще раз отметить, что *норма прибыли* будет падать гораздо быстрее, чем я предположил в своем вычислении; ибо, если *стоимость продукта* будет так высока, как я принимал ее при предположенных условиях, то стоимость *капитала фермера значительно увеличится, так как он обязательно состоит из многих таких товаров, стоимость которых возросла.* Прежде чем цена хлеба могла бы повыситься с 4 до 12 ф. ст., меновая стоимость *капитала фермера,* вероятно, удвоилась бы и равнялась бы 6000 ф. ст. вместо 3000. Если, стало быть, прибыль фермера составляла 180 ф. ст., или 6% от его *первоначального капитала,* то теперь ее действительная *норма* не будет превышать 3%, потому что 3% с 6000 ф. ст. дают 180 ф. ст., и *только* на *этих условиях какой-нибудь новый фермер, имеющий в кармане 6000 ф. ст., мог бы стать сельскохозяйственным предпринимателем.* Многие отрасли хозяйства извлекли бы из того же источника некоторую выгоду, в большей или меньшей степени. Пивовар, винокур, фабрикант сукна, фабрикант холста были бы *частично вознаграждены за уменьшение из; прибыли повышением стоимости имеющихся у них запасов сырья и готового товара.* Но фабриканты металлических изделий, ювелирных изделий и многих других товаров, а также и те, чьи капиталы состоят только из денег, испытали бы на себе *в полной мере падение нормы прибыли,* без какой бы то ни было компенсации» (цит. соч., стр. 123—124) [Русский перевод, том I, стр. 108].

Здесь важно только то, чего Рикардо не замечает, а именно — что он опрокидывает свое отождествление прибыли и прибавочной стоимости и констатирует, что, независимо от стоимости труда, на норму прибыли может влиять изменение в стоимости постоянного капитала. В остальном его иллюстрация верна только отчасти. Та выгода, которую фермер, фабрикант сукна и т. д. извлекли бы из повышения цены их наличного и находящегося на рынке запаса товаров, естественно, перестала бы иметь место, как только они сбыли эти товары. Повышение стоимости их капитала тоже перестало бы приносить им какую бы то ни было выгоду, как только капитал этот был бы потреблен и его необходимо было бы воспроизвести. Все они оказываются тогда в положении упоминаемого самим Рикардо нового фермера, который должен был бы авансировать капитал в 6000 ф. ст., чтобы получать прибыль в 3%. Напротив, [XIII— 670] ювелир, фабрикант металлических изделий, денежный капиталист и т. д., хотя они вначале и не получили никакой

компенсации за свои потери, реализовали бы более высокую, норму прибыли, чем в 3%, так как возрос бы в стоимости только затрачиваемый ими на заработную плату капитал, а не их постоянный капитал.

В упоминаемом здесь у Рикардо случае, когда падение прибыли компенсируется повышением стоимости капитала, важно еще то, что в отношении капиталистов — и вообще в отношении распределения продукта годового труда — речь идет не только о распределении продукта между различными соучастниками в дележе дохода, но также и о разделении этого продукта на капитал и доход.

[2)] ОБРАЗОВАНИЕ ОБЩЕЙ НОРМЫ ПРИБЫЛИ («СРЕДНЕЙ ПРИБЫЛИ», ИЛИ «ОБЫЧНОЙ ПРИБЫЛИ»)

[а)ЗАРАНЕЕ ДАННАЯ СРЕДНЯЯ НОРМА ПРИБЫЛИ КАК ИСХОДНЫЙ ПУНКТ РИКАРДОВСКОЙ ТЕОРИИ ПРИБЫЛИ]

Теоретические воззрения Рикардо здесь отнюдь не ясны.

«Я уже заметил, что *рыночная цена* какого-нибудь товара может *превысить* его *естественную, или необходимую, цену,* потому что он может быть произведен не в таком изобилии, какого требует новый спрос на него. Это, однако, только *временное* явление. Высокая прибыль на капитал, вложенный в производство этого товара, будет, естественно, привлекать капитал в эту отрасль производства; и как только будут доставлены необходимые фонды и количество товара увеличится в должной степени, *цена его упадет,* и *прибыль, получаемая в этой отрасли производства, придет в соответствие с общим уровнем. Падение общей нормы прибыли* отнюдь не является несовместимым с *частичным повышением прибылей в отдельных отраслях. Именно в результате неравенства прибылей капитал и перемещается из одной отрасли в другую.* Таким образом, в то время как общая прибыль падает и постепенно устанавливается на более низком уровне вследствие повышения заработной платы и возросшей трудности снабжения увеличившегося населения предметами необходимости, прибыли фермера могут в течение непродолжительного промежутка времени стоять выше прежнего уровня. Точно так же отдельная отрасль внешней и колониальной торговли может получить на некоторое время необычайный толчок для развития» (стр. 118—119) [Русский перевод, том I, стр. 105].

«Следует помнить, что цены на рынке постоянно испытывают колебания, прежде всего в зависимости от соотношения между спросом и предложением. Хотя сукно могло бы быть доставлено по 40 шилл. за ярд, принося ври этом *обычную прибыль на капитал,* оно может, вследствие общей перемены моды.., повыситься в цене до 60 или 80 шилл. Фабриканты сукна будут в течение некоторого времени получать необычную прибыль, но капитал, естественно, будет притекать в эту отрасль промышленности, пока предложение и спрос снова не придут в состояние равновесия, и тогда цена сукна понизится опять до 40 шилл., до его естественной, или необходимой, цены. Точно таким же образом и хлеб может с каждым увеличением спроса на него так высоко подниматься в цене, что будет давать

фермеру прибыль больше обычной. Если плодородная земля имеется в изобилии, то цена хлеба снова упадет до своего прежнего уровня, после того как в производстве его будет применено необходимое количество капитала, и тогда прибыль вернется к прежнему уровню. Но если нет изобилия плодородной земли, если для производства этого добавочного количества хлеба требуется большее, чем обычно, количество капитала и труда, то цена хлеба не упадет до своего прежнего уровня. Его естественная цена повысится, и фермер, вместо того чтобы получать все время более высокую прибыль, окажется вынужденным довольствоваться уменьшившейся ее нормой, которая является неизбежным следствием увеличения заработной платы, вызванного повышением цен на предметы необходимости» (стр. 119— 120) [Русский перевод, том I, стр. 105—106].

Если *рабочий день* дан (или если в различных отраслях производства существуют только такие различия в продолжительности рабочего дня, которые уравновешиваются особенностями различных видов труда), то дана и *общая норма прибавочной стоимости,* т. е. *прибавочного труда,* так как заработная плата в среднем одна и та же. С этой мыслью, засевшей у него в голове, Рикардо и подходит к вопросу. И он смешивает эту *общую норму прибавочной стоимости* с *общей нормой прибыли,.* Я уже показал, что при одной и той же *общей норме прибавочной стоимости* всё же *нормы прибыли* в различных отраслях производства с необходимостью были бы совершенно различны, если бы товары продавались по их *стоимостям.*

Общая норма прибыли возникает тем путем, что произведенная совокупная прибавочная стоимость исчисляется на совокупный капитал общества (класса капиталистов); поэтому каждый капитал в каждой отдельной отрасли производства выступает как *соответственная* часть совокупного капитала с одним и тем же [671] *органическим строением,* в смысле разделения капитала как на переменный и постоянный, так и на оборотный и основной. В качестве такой соответственной части, данный капитал получает, пропорционально своей величине, свои дивиденды из прибавочной стоимости, произведенной общей суммой капитала. Разделенная таким образом прибавочная стоимость, доля прибавочной стоимости, приходящаяся в течение данного промежутка времени, например в течение одного года, на порцию капитала данной величины, например на 100, образует *среднюю прибыль,* или *общую норму прибыли,* входящую в цену издержек каждой отрасли. Если эта доля равняется 15, то обычная прибыль составляет 15%, а цена издержек = 115. Последняя может быть меньше, если, например, только часть авансированного капитала входит как износ в процесс образования стоимости. Но она всегда равна потребленному капиталу плюс 15, т. е. плюс средняя прибыль на авансированный капитал. Если бы в одном случае в продукт входило 100,

а в другом — только 50, то в одном случае цена издержек равнялась бы 100 + 15 = 115, а в другом равнялась бы 50 + 15 = 65; оба капитала при этом продавали бы свои товары по *одной и той же цене издержек,* т. е. по цене, приносящей им обоим одну и ту же норму прибыли. Ясно, что появление, осуществление, установление *общей нормы прибыли* делает необходимым *превращение стоимостей* в *отличные* от них *цены издержек.* Рикардо, наоборот, предполагает тождество стоимостей и цен издержек, так как он смешивает норму прибыли и норму прибавочной стоимости. Он поэтому не имеет ни малейшего представления о том всеобщем изменении, которое процесс установления общей нормы прибыли вызывает в *ценах* товаров, еще до того как может идти речь о той или иной общей норме прибыли. Он принимает эту норму прибыли как нечто первичное, которое у него поэтому входит даже в определение *стоимости* (см. главу 1-ю: *«О стоимости»*). *Исходя из предпосылки общей нормы прибыли,* Рикардо рассматривает только те трактуемые им как исключения изменения в ценах, которые необходимы для *сохранения* этой *общей нормы прибыли,* для ее дальнейшего существования. Он не имеет никакого представления о том, что для *создания* общей нормы прибыли предварительно должно произойти превращение стоимостей в цены издержек; что, следовательно, взяв за основу общую норму прибыли, он уже не имеет более дела непосредственно со *стоимостями* товаров.

Также и в вышеприведенном отрывке дается *лишь* смитовское представление, но даже и оно развито односторонне, так как у Рикардо все время чувствуется задняя мысль об *общей норме прибавочной стоимости.* Норма прибыли, по его представлению, поднимается в отдельных отраслях выше *среднего уровня* только потому, что в отдельных отраслях производства рыночная цена товаров, вследствие соотношения между предложением и спросом, вследствие недопроизводства или перепроизводства, поднимается выше естественной цены. Конкуренция, приток нового капитала в одну отрасль производства или изъятие старого капитала из другой отрасли, уравнивает тогда рыночную цену с естественной ценой и *сводит* прибыль отдельной отрасли производства к общему уровню. Здесь действительный уровень прибыли предполагается *постоянным,* берется как нечто данное, и речь идет лишь о том, чтобы *свести* к нему такие прибыли отдельных отраслей производства, которые, вследствие соотношения между предложением и спросом, поднимаются выше этого уровня или опускаются ниже его. При этом Рикардо даже всегда исходит из предположения, что те товары, цены которых приносят прибыль большую чем сред-

няя, продаются *выше* их стоимости, а те товары, цены которых приносят прибыль меньшую чем средняя, продаются *ниже* их стоимости. Если *рыночная стоимость* товаров приводится посредством конкуренции в соответствие с их *стоимостью,* то устанавливается средний уровень прибыли.

Самый *уровень,* по мнению Рикардо, может повышаться или падать только в том случае, если падает или повышается (относительно устойчиво) заработная плата, т. е. *норма относительной прибавочной стоимости,* что происходит без изменения цен (хотя сам же Рикардо признаёт здесь весьма значительное изменение цен в различных отраслях производства в зависимости от соотношения между оборотным и основным капиталом в этих отраслях).

Но даже когда *общая норма прибыли* установилась, а следовательно установились и *цены издержек,* все же *норма прибыли* может повыситься в отдельных отраслях производства потому, что в них *рабочий день более продолжителен,* т. е. потому, что здесь повышается *норма абсолютной прибавочной стоимости.* Что конкуренция рабочих не в состоянии уравнять эти различия, — доказательством этому служит *вмешательство государства.* Норма прибыли здесь, в таких отдельных отраслях производства, повысится без того, чтобы рыночная цена превысила «естественную цену». Правда, конкуренция капиталов может привести к тому, — к чему она в конце концов, действительно, и приводит, — что эта сверхприбыль не целиком достанется капиталистам этих отдельных отраслей производства. Они вынуждены будут понизить цены своих товаров по сравнению с их «естественными ценами», или же другие отрасли производства несколько повысят *свои,цены* (во всяком случае, если фактически не повысят, — такое повышение может быть парализовано понижением *стоимости* этих товаров, — то всё же [672] понизят их не так сильно, как этого требовало бы развитие производительной силы труда в их собственных отраслях производства). Общий уровень прибыли повысится, и цены издержек изменятся.

Далее: если возникает такая новая отрасль производства, в которой применяется непропорционально много живого труда в сравнении с накопленным, в которой, следовательно, строение капитала гораздо ниже среднего строения, определяющего среднюю прибыль, то соотношение между предложением и спросом в этой новой отрасли может позволить продавать ее продукт выше его *цены издержек, с* большим приближением к его *действительной стоимости.* Если конкуренция выравнивает эти различия, то это возможно только посредством повышения

общего уровня прибыли, которое обусловлено тем, что капитал вообще реализует, приводит в движение большее количество *неоплаченного, прибавочного труда.* Соотношение между предложением и спросом в указанном выше случае приводит не к тому, что товар продается *выше его стоимости,* как полагает Рикардо, а лишь к тому, что он продается по цене, приближающейся к *его стоимости* и превышающей его цену издержек. Выравнивание, стало быть, не может иметь своим результатом сведение прибыли к прежнему уровню, а приводит к тому, что устанавливается *новый уровень.*

[б) ОШИБКИ РИКАРДО В ВОПРОСЕ О ВЛИЯНИИ КОЛОНИАЛЬНОЙ И ВООБЩЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ НА НОРМУ ПРИБЫЛИ]

Точно так же, как в приведенном выше случае, дело обстоит, например, в *торговле с колониями,* где стоимость труда стоит ниже, чем в метрополии, вследствие рабства и естественного плодородия земли (или же вследствие фактической или юридической неразвитости земельной собственности). Если капиталы метрополии могут свободно перемещаться в эту новую отрасль, то они, правда, понизят получаемую в этой последней специфическую сверхприбыль, но повысят общий уровень прибыли (как совершенно правильно замечает А. Смит).

Рикардо постоянно прибегает здесь к такого рода фразе: ведь в старых отраслях производства количество применяемого труда, а также и заработная плата остались-де без изменения. Но дело в том, что общая норма прибыли определяется отношением неоплаченного труда к оплаченному и к авансированному капиталу не в той или другой отрасли производства, а во всех отраслях, в которые капитал может быть свободно перенесен. Соотношение это может в девяти десятых остаться без изменения; но если оно изменяется вводной десятой, то общая норма прибыли должна измениться во всех десяти десятых. Всякий раз, когда возрастает масса неоплаченного труда, приводимого в движение капиталом данной величины, конкуренция может привести всего лишь к тому, что капиталы одинаковой величины будут получать одинаковые дивиденды, одинаковые доли в этом увеличенном прибавочном труде; но конкуренция не может привести к тому, чтобы, несмотря на возросший прибавочный труд по отношению к совокупному авансированному капиталу, дивиденд каждого отдельного капитала оставался без изменения, сводился к прежней доле в прибавочном труде. Раз Рикардо допускает это последнее, то у него совершенно нет основания

оспаривать воззрение А. Смита, что одна лишь возросшая конкуренция капиталов, вследствие их накопления, понижает норму прибыли. Ибо он сам допускает здесь, что норма прибыли понижается благодаря одной лишь конкуренции, хотя норма прибавочной стоимости и возрастает. Этот взгляд Рикардо связан, конечно, с его второй ошибочной предпосылкой, будто норма прибыли (если оставить в стороне понижение или повышение заработной платы) может повышаться или падать только в результате временных отклонений рыночной цены от естественной цены. В самом деле, что такое естественная цена? Цена, равная авансированному капиталу плюс средняя прибыль. Это, следовательно, опять сводится к предпосылке, что средняя прибыль никогда не может падать или повышаться иначе, чем падает или повышается относительная прибавочная стоимость.

Поэтому Рикардо ошибается, когда он, в противоположность Смиту, говорит:

«Никакой переход от одной отрасли внешней торговли к другой или от внутренней торговли к внешней не может, по моему мнению, влиять на норму прибыли» (цит. соч., стр. 413) [Русский перевод, том I, стр. 283].

Точно так же Рикардо ошибается, когда он полагает, что норма прибыли не влияет на цены издержек, раз прибыль не влияет на стоимости.

Рикардо ошибается, когда он полагает, что если какая-нибудь отрасль внешней торговли оказывается в особо благоприятных условиях, то установление общего уровня прибыли всегда должно происходить путем низведения получаемой там прибыли до прежнего уровня прибыли, а не путем его повышения:

«Утверждают, что равенство прибылей установится путем общего повышения прибылей; я же держусь того мнения, что прибыли той отрасли, которая находится в особо благоприятных условиях, быстро опустятся до общего уровня» (стр. 132—133) [Русский перевод, том I, стр. 113].

Вследствие своего всецело ошибочного взгляда на норму прибыли Рикардо совершенно не понимает влияния внешней торговли в тех случаях, когда она не понижает непосредственно цену предметов питания рабочих. Он не видит, какое громадное значение имеет, например, для Англии получение [673] более дешевого сырья для промышленности, и не понимает, что в этом случае, как я показал раньше[113], *хотя цены* [на изделия из подешевевшего сырья] *и понижаются, норма прибыли* повышается, в противоположном же случае, при *повышающихся ценах* [на изделия из вздорожавшего сырья], норма прибыли может падать — и что это имеет место даже тогда, когда в обоих случаях заработная плата остается без изменения.

«Итак, норма прибыли повышается *не* вследствие расширения рынка» (стр. 136) [Русский перевод, том I, стр. 115].

Норма прибыли зависит не от цены единицы товара, а от той массы прибавочного труда, которая может быть реализована данным капиталом. Рикардо и в других случаях недоучитывает важное значение *рынка,* потому что не понимает сущности денег.

* * *

[673] (В дополнение к тому, что сказано выше, необходимо заметить еще следующее:

Рикардо совершает все эти промахи потому, что свою предпосылку о тождественности нормы прибавочной стоимости и нормы прибыли он стремится провести при помощи насильственных абстракций. Вульгарные экономисты сделали отсюда тот вывод, что теоретические истины представляют собой абстракции, противоречащие действительному положению вещей. Они не видят того, что Рикардо, наоборот, недостаточно далеко идет по пути правильной абстракции и что это и приводит его к абстракции ошибочной[114].) [673]

[3)] ЗАКОН ПАДЕНИЯ НОРМЫ ПРИБЫЛИ

[а) ОШИБОЧНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РИКАРДОВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПАДЕНИЯ НОРМЫ ПРИБЫЛИ]

Закон падения нормы прибыли — один из важнейших пунктов в системе Рикардо.

Норма прибыли имеет тенденцию падать. Почему? А. Смит говорит: вследствие растущего накопления и сопровождающего его роста конкуренции капиталов. Рикардо возражает: конкуренция может уравнять прибыли в различных отраслях производства (выше мы видели, что он здесь непоследователен), но она не может понизить общую норму прибыли. Такое понижение, по Рикардо, было бы возможно только в том случае, если бы, вследствие накопления капитала, увеличение капиталов происходило настолько быстрее роста населения, что спрос на труд *постоянно* превышал бы предложение труда, а потому заработная плата постоянно повышалась бы номинально, действительно и по потребительной стоимости, — повышалась бы как по стоимости, так и по потребительной стоимости. Но этого не бывает. Рикардо — не оптимист, верящий в подобного рода басни.

Так как *норма прибыли* и *норма прибавочной стоимости —* относительной прибавочной стоимости, поскольку у Рикардо

рабочий день предполагается неизменным, — для Рикардо тождественны, то постоянное падение нормы прибыли или тенденцию нормы прибыли к падению он может объяснить лишь *теми же причинами,* какие обусловливают постоянное падение или тенденцию к падению *нормы прибавочной стоимости,* т. е. той части рабочего дня, в течение которой рабочий работает не на себя, а на капиталиста. Но каковы эти причины? Если предположить рабочий день данным, то та его часть, в течение которой рабочий даром работает на капиталиста, может падать, уменьшаться только при условии, если возрастает та часть рабочего дня, в течение которой он работает на себя. А это (при предположении, что оплачивается *стоимость* труда) возможно лишь в том случае, если увеличивается *стоимость* предметов необходимости, жизненных средств, на которые расходуется заработная плата рабочего. Но стоимость промышленных товаров, вследствие развития производительных сил труда, постоянно уменьшается. Следовательно, падение нормы прибыли может, по мнению Рикардо, быть объяснено лишь тем, что главная составная часть жизненных средств — предметы питания — постоянно повышается в своей стоимости. Происходит это-де потому, что продуктивность земледелия постоянно уменьшается. Это — та же самая предпосылка, с помощью которой Рикардо в своем анализе земельной ренты объясняет ее существование и ее рост. Непрерывное падение нормы прибыли связано поэтому у Рикардо с непрерывным повышением нормы земельной ренты. Я уже показал, что рикардовское понимание земельной ренты ошибочно. Тем самым, следовательно, рушится одна из основ его объяснения падения нормы прибыли. А во-вторых, его взгляд на падение нормы прибыли основан на ошибочной предпосылке, будто *норма прибавочной стоимости* и *норма прибыли* тождественны, так что падение нормы прибыли оказывается тождественным с падением нормы прибавочной стоимости, которое, действительно, могло бы быть объяснено только по-рикардовски. Этим его теория опровергнута.

Норма прибыли падает — хотя норма прибавочной стоимости при этом остается неизменной или повышается — по той причине, что переменный капитал по мере развития производительных сил труда уменьшается [по отношению к постоянному капиталу. Таким образом, норма прибыли падает не потому, что труд становится менее производительным, а потому, что он становится более производительным. Она падает не потому, что рабочего меньше эксплуатируют, а потому, что он больше эксплуатируется, в результате ли того, что возрастает

абсолютное прибавочное время, или же, — когда этому противодействует государство, — в результате того, что из самой сущности капиталистического производства проистекает падение относительной стоимости труда и, следовательно, увеличение относительного прибавочного времени.

Итак, теория Рикардо основана на двух ошибочных предпосылках:

1) на ошибочной предпосылке, будто существование и рост земельной ренты обусловлены уменьшающейся продуктивностью земледелия;

2) на ошибочной предпосылке, будто норма прибыли, отождествляемая у Рикардо с нормой относительной прибавочной стоимости, может повышаться или падать только в обратном отношении к повышению или падению заработной платы.

[674] Теперь я прежде всего соберу воедино те места, где Рикардо развивает только что изложенное воззрение.

[б) АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЯ РИКАРДО О ПОСТЕПЕННОМ ПОГЛОЩЕНИИ ПРИБЫЛИ ВОЗРАСТАЮЩЕЙ РЕНТОЙ]

Предварительно сделаем еще некоторые замечания по поводу того, как Рикардо, исходя из своего воззрения на земельную ренту, развивает тот взгляд, что рента постепенно поглощает норму прибыли.

Воспользуемся для этой цели таблицами, приведенными на стр. 574[*], но с необходимыми изменениями.

В этих таблицах предполагается, что применяемый капитал равен 60*c* + 40*v*, норма прибавочной стоимости равна 50% и, следовательно, [индивидуальная] *стоимость* продукта, какова бы ни была производительность труда, равна 120 ф. ст. Из них 10 ф. ст. составляли прибыль, 10 ф. ст. — абсолютную ренту. Предположим, что 40 ф. ст. переменного капитала приходятся на 20 рабочих (за их труд, например, в течение недели или, лучше, поскольку речь идет о норме прибыли, в течение года; впрочем, здесь это совершенно безразлично). Согласно таблице *A,* где рыночную стоимость определяет земля I, число тонн [угля или число кварте ров хлеба] равно 60; следовательно, 60 тонн стоят 120 ф. ст., а 1 тонна [или 1 квартер] стоит $^{120}/_{60}$, т. е. 2 ф. ст. Заработная плата составляет 40 ф. ст., т. е. она равна 20 тоннам [угля] или 20 квартерам хлеба. Следовательно, такова необходимая заработная плата для того

[*] См. вклейку между страницами 292—293. *Ред.*

количества рабочих, которое занято капиталом в 100 ф. ст. Если бы теперь оказалось необходимым перейти к худшему сорту земли, где понадобился бы капитал в 110 ф. ст. (60 ф. ст. постоянного капитала и переменный капитал на 20 рабочих, приводимых им в движение, — т. е. 60 ф. ст. постоянного капитала и 50 ф. ст. переменного капитала), чтобы произвести 48 тонн, то в этом случае прибавочная стоимость составила бы 10 ф. ст., а цена тонны была бы равна $2^1/_2$ ф. ст. Если бы мы перешли к еще худшему сорту земли, где 120 ф. ст. дают 40 тонн, то цена тонны была бы равна $^{120}/_{40}$, т. е. 3 ф. ст. Здесь, на наихудшей земле, исчезла бы какая бы то ни было прибавочная стоимость. Во всех этих случаях стоимость/вновь создаваемая трудом 20 рабочих, всегда равна 60 ф. ст. (3 ф. ст. = 1 рабочему дню какой угодно величины). Если, следовательно, заработная плата возрастает с 40 ф. ст. до 60 ф. ст., то исчезает всякая прибавочная стоимость. При этом все время предполагается, что 1 квартер хлеба составляет необходимую заработную плату одного рабочего.

Предположим, что в обоих указанных выше случаях [перехода к худшей земле] должен быть затрачен капитал только в 100 ф. ст. То же самое можно выразить и так: какой бы капитал в каждом данном случае ни затрачивался, каково будет соотношение для капитала в 100 ф. ст.? А именно, вместо того чтобы предполагать, что затрачивается капитал в 110 ф. ст. или в 120 ф. ст. при том же количестве рабочих и при той же величине постоянного капитала, мы подсчитаем, предполагая то же органическое строение (не по стоимости, а по количеству применяемого труда и количеству постоянного капитала), какое количество постоянного капитала и какое число рабочих приходятся на капитал в 100 (чтобы возможно было сравнение этих 100 единиц с другими [стоимостными] строениями капитала).

110 относится к 60 как 100 к $54^6/_{11}$, и 110 относится к 50 как 100 к $45^5/_{11}$. 20 человек приводят в движение 60 единиц постоянного капитала; сколько человек приведут в движение $54^6/_{11}$ единицы?

Дело обстоит так. 60 ф. ст. представляют собой стоимость, создаваемую данным числом занятых рабочих (скажем, 20 рабочими). При этом данному числу занятых рабочих выплачивается 20 квартеров или тонн = 40 ф. ст., если тонна или квартер = 2 ф. ст. Если стоимость тонны возрастает до 3 ф. ст., то прибавочная стоимость исчезает. Если стоимость тонны возрастает до $2^1/_2$ ф. ст., то исчезает половина прибавочной стоимости, составлявшая абсолютную ренту.

В первом случае при затрате капитала в 120 ф. ст. ($60c + 60v$) продукт = 120 ф. ст. = 40 тоннам (40×3). Во втором случае при затрате капитала в 110 ф. ст. ($60c + 50v$) продукт = 120 ф. ст. = 48 тоннам ($48 \times 2^1/_2$).

В первом случае при затрате капитала в 100 ф. ст. ($50c + 50v$) продукт = 100 ф. ст. = $33^1/_3$ тонны (3 ф. ст. × $33^1/_3$ = 100 ф. ст.). При этом, поскольку здесь имеет место лишь переход к худшей земле, а в капитале никаких изменений не произошло, постоянный капитал в 50 ф. ст. приводится в движение пропорционально таким же количеством рабочих. как раньше капитал в 60 ф. ст. Следовательно, если последний приводился в движение 20 рабочими (которые получали 40 ф. ст., когда стоимость тонны равнялась 2 ф. ст.), то теперь капитал в 50 ф. ст. приводится в движение $16^2/_3$ рабочими, получающими 50 ф. ст., с тех пор как стоимость тонны повысилась до 3 ф. ст. Один человек получает по-прежнему 1 тонну или 1 квартер = 3 ф. ст., ибо $16^2/_3 \times 3 = 50$. Если стоимость, созданная $16^2/_3$ рабочими, = 50 ф. ст., то стоимость, созданная 20 рабочими, = 60 ф. ст. Остается, следовательно, в силе прежняя предпосылка, что однодневный труд 20 рабочих создает стоимость в 60 ф. ст.

Возьмем теперь второй случай. При затрате капитала в 100 ф. ст. продукт = $109^1/_{11}$ ф. ст. = $43^7/_{11}$ тонны ($2^1/_2 \times 43^7/_{11} = 109^1/_{11}$). Постоянный капитал = $54^6/_{11}$ ф. ст., а переменный = $45^5/_{11}$ ф. ст. Сколько рабочих нанято на эти $45^5/_{11}$ ф. ст.? *$18^2/_{11}$ рабочих.* [675] При этом, если стоимость, создаваемая однодневным трудом 20 рабочих, = 60 ф. ст., то стоимость, создаваемая однодневным трудом $18^2/_{11}$ рабочих, = $54^6/_{11}$ ф. ст., а потому стоимость продукта = $109^1/_{11}$ ф. ст.

Мы видим, таким образом, что в обоих случаях тот же капитал [в 100 ф. ст.] приводит в движение меньшее, чем прежде, количество рабочих, которые, однако, обходятся теперь дороже. Они работают столько же времени, но отдаваемое ими прибавочное время стало меньше или его совсем нет, так как они при той же затрате труда производят меньше продукта (и продукт этот состоит из потребляемых ими *предметов необходимости*); следовательно, хотя они работают *столько же* времени, как и раньше, рабочее время, затрачиваемое ими на производство 1 тонны или 1 квартера, возросло.

Рикардо в своих выкладках всегда предполагает, что капиталом приводится в движение *больше труда* и что поэтому необходимо затратить *больше* капитала, т. е. 120 или 110 ф. ст. вместо прежних 100. Это верно лишь постольку, поскольку предполагается, что произведено должно быть *то же самое количество*

продукта, т. е. в вышеприведенных случаях 60 тонн, а не 40 тонн в I случае (при затрате 120 ф. ст.) и 48 тонн во II случае (при затрате 110 ф. ст.). Поэтому при затрате 100 ф. ст. в первом случае производится $33^{1}/_{3}$ тонны, а во втором — $43^{7}/_{11}$ тонны. Исходя из указанного предположения, Рикардо тем самым отбрасывает правильную точку зрения, которая состоит не в том, что [при понижении производительности труда] необходимо применять больше рабочих для производства того же самого количества продукта, а в том, что данным количеством рабочих производится меньше продукта, из которого, в свою очередь, более значительная, чем раньше, доля образует заработную плату.

Сопоставим теперь обе таблицы: таблицу *А* на стр. 574 и новую таблицу, вытекающую из сделанных выше допущений.

Разряд	Капитал ф. ст.	Число тонн	Рыночная стоимость совокупного продукта ф. ст.	Рыночная стоимость тонны ф. ст.	Индивидуальная стоимость тонны ф. ст.	Диффер. стоимость тонны ф. ст.	Цена издержек на тонну ф. ст.	Абсолютная рента ф. ст.	Диффер. рента ф. ст.	Абсол. рента в тоннах
А										
I	100	60	120	2	2	0	$1^{5}/_{6}$	10	0	5
II	100	65	130	2	$1^{11}/_{13}$	$^{2}/_{13}$	$1^{9}/_{13}$	10	10	5
III	100	75	150	2	$1^{3}/_{5}$	$^{2}/_{5}$	$1^{7}/_{15}$	10	30	5
Итого	300	200	400					30	40	15

	Диффер. рента в тоннах	Общая сумма ренты ф. ст.	Общая сумма ренты в тоннах	Строение капитала	Норма прибав. стоимости	Число рабочих	Заработная плата ф. ст.	Заработная плата в тоннах	Норма прибыли
I	0	10	5	$60c + 40v$	50%	20	40	20	10%
II	5	20	10	$60c + 40v$	50%	20	40	20	10%
III	15	40	20	$60c + 40v$	50%	20	40	20	10%
Итого	20	70	35						

Если бы теперь эта таблица была представлена в обратном порядке, по рикардовской нисходящей линии, т. е. если бы мы начали с III разряда и вместе с тем приняли, что ранее всех поступившая в обработку наиболее плодородная земля [пока она является единственным разрядом обрабатываемой земли] не приносит никакой ренты, то в этом III разряде мы сначала

имели бы капитал в 100 ф. ст., создающий стоимость в 120 ф. ст., из которых 60 ф. ст. приходятся на постоянный капитал и 60 ф. ст. — на вновь присоединённый труд. Далее, следуя Рикардо, надо было бы предположить, что норма прибыли была бы выше, чем указано в таблице *А,* так как при падении цены тонны угля (или квартера пшеницы) имеет место следующее: те 20 рабочих, которые получают 20 тонн = 40 ф. ст., когда тонна стоит 2 ф. ст., теперь, когда она стоит лишь $1^3/_5$ ф. ст., или 1 ф. ст. 12 шилл., получают всего лишь 32 ф. ст. (=20 тоннам). Капитал, затраченный при том же числе рабочих, составил бы $60c + 32v = 92$ ф. ст., стоимость] всего] продукта была бы 120 ф. ст., так как стоимость, созданная трудом 20 рабочих, по-прежнему равна 60 ф. ст. При таком соотношении [между *с* и *v*] капитал в 100 ф. ст. должен был бы создать стоимость в $130^{10}/_{23}$ ф. ст. (ибо $92:120 = 100:130^{10}/_{23}$, или $23:30 = 100:130^{10}/_{23}$), причем этот капитал в 100 ф. ст. имел бы такое строение: $65^5/_{23}c + 34^{18}/_{23}v$. Следовательно, капитал был бы равен $65^5/_{23}c + 34^{18}/_{23}v$; стоимость продукта была бы $130^{10}/_{23}$ ф. ст.; *число рабочих* было бы $21^{17}/_{23}$; норма прибавочной стоимости составляла бы $87^1/_2$%.

1) Итак, мы имели бы следующее:

Разряд	Капитал ф. ст.	Число тонн	Рыночная стоимость совокупн. продукта	Рыночная стоимость тонны ф. ст.	Индивидуальная стоимость тонны ф. ст.	Дифференц. стоимость тонны ф. ст.	Рента	Прибыль ф. ст.	Норма прибыли	Строение капитала	Норма прибав. стоимости	Число рабочих
III	100	$81^{12}/_{23}$	$130^{10}/_{23}$	$1^3/_5$	$1^3/_5$	0	0	$30^{10}/_{23}$	$30^{10}/_{23}$%	$65^5/_{23}c + 34^{18}/_{23}v$	$87^1/_2$%	$21^{17}/_{23}$

Выраженная в тоннах, заработная плата равна $21^{17}/_{23}$ тонны, а прибыль составляет $19^1/_{46}$ тонны.

[676] Предположим теперь, оставаясь все время на почве рикардовских предпосылок, что вследствие возрастания населения рыночная цена поднимается так высоко, что приходится обрабатывать разряд II, где стоимость тонны равна $1^{11}/_{13}$ ф. ст.

Здесь отнюдь не получается, как это представляет себе Рикардо, что $21^{17}/_{23}$ рабочих будут все время производить ту же стоимость, а именно $65^5/_{23}$ ф. ст. (считая и заработную плату и прибавочную стоимость). Ведь (в результате вздорожания продукта] *число рабочих,* какое могут нанимать и, следовательно, эксплуатировать капиталисты в III разряде, уменьшится со-

гласно его же собственной предпосылке, а значит, уменьшится и совокупная сумма прибавочной стоимости.

При этом [органическое] строение земледельческого капитала остается все время без изменений. Для того чтобы привести в движение 60 с, всегда нужны 20 рабочих (при данном рабочем дне), какой бы ни была заработная плата.

Так как эти 20 рабочих получают 20 тонн, а тонна стоит теперь $1^{11}/_{13}$ ф. ст., то 20 рабочих обходятся в $20 \times 1^{11}/_{13}$ ф. ст. = 20 ф. ст. + $16^{12}/_{13}$ ф. ст. = $36^{12}/_{13}$ ф. ст.

Стоимость, производимая этими 20 рабочими, какова бы ни была производительность их труда, равна 60 ф. ст. Таким образом, авансированный капитал равен $96^{12}/_{13}$ ф. ст., а стоимость продукта равна 120 ф. ст.; следовательно, прибыль составляет $23^{1}/_{13}$ ф. ст. Поэтому прибыль, приносимая капиталом в 100, будет равна $23^{17}/_{21}$, а строение капитала будет $61^{19}/_{21}c + 38^{2}/_{21}v$, при $20^{40}/_{63}$ занятых рабочих.

Если совокупная стоимость продукта [при затрате капитала в 100 ф. ст.] = $123^{17}/_{21}$ ф. ст., а индивидуальная стоимость тонны в разряде III = $1^{3}/_{5}$ ф. ст., то сколько тонн составит теперь продукт в этом разряде? — $77^{8}/_{21}$ тонны. *Норма прибавочной стоимости* будет $62^{1}/_{2}$%.

Но разряд III продает тонну по $1^{11}/_{13}$ ф. ст. Это дает на тонну дифференциальную стоимость в $4^{12}/_{13}$ шилл., или в $^{16}/_{65}$ ф. ст., а на $77^{8}/_{21}$ тонны это составит $77^{8}/_{21} \times {}^{16}/_{65}$, т. е. $19^{1}/_{21}$ ф. ст.

Вместо того чтобы продавать продукт за $123^{17}/_{21}$ ф. ст., III продает его за $123^{17}/_{21}$ ф. ст. + $19^{1}/_{21}$ ф. ст. = $142^{6}/_{7}$ ф. ст. Эти-то $19^{1}/_{21}$ ф. ст. и составляют ренту.

Итак, для III разряда мы имели бы теперь следующее:

Разряд	Капитал ф. ст.	Число тонн	Действительная стоимость совокупн. продукта ф. ст.	Рыночная стоимость совокупн. продукта ф. ст.	Рыночная стоимость тонны ф. ст.	Индивидуальная стоимость тонны ф. ст.	Дифференциальная стоимость тонны ф. ст.
III	100	$77^{8}/_{21}$	$123^{17}/_{21}$	$142^{6}/_{7}$	$1^{11}/_{13}$	$1^{3}/_{5}$	$+^{16}/_{65}$

	Рента ф. ст.	Рента в тоннах	Норма прибыли	Строение капитала	Норма прибав. стоимости	Число рабочих
III	$19^{1}/_{21}$	$10^{20}/_{63}$	$23^{17}/_{21}$%	$61^{19}/_{21}c+38^{2}/_{21}v$	$62^{1}/_{2}$%	$20^{40}/_{63}$

Заработная плата в тоннах = $20^{40}/_{63}$ тонны, а прибыль = $12^{113}/_{126}$ тонны.

Перейдем теперь к разряду II. Здесь [согласно рикардовской предпосылке] ренты совсем нет. Рыночная стоимость и индивидуальная стоимость совпадают. Количество тонн, производимых разрядом II, составляет $67^{4}/_{63}$ тонны.

Для II разряда мы, следовательно, имеем:

Разряд	Капитал ф. ст.	Число тонн	Рыночная стоимость совокупн. продукта ф. ст.	Рыночная стоимость тонны ф. ст.	Индивидуальная стоимость тонны ф. ст.	Дифференц. стоимость тонны ф. ст.	Рента	Норма прибыли	Строение капитала	Норма прибав. стоимости	Число рабочих
II	100	$67^{4}/_{63}$	$123^{17}/_{21}$	$1^{11}/_{13}$	$1^{11}/_{13}$	0	0	$23^{17}/_{21}\%$	$61^{19}/_{21}c+38^{2}/_{21}v$	$62^{1}/_{2}\%$	$20^{40}/_{63}$

Заработная плата в тоннах = $20^{40}/_{63}$ тонны, а прибыль = $12^{113}/_{126}$ тонны.

[677] 2) Итак, для второго случая, когда появляется разряд II и возникает рента, мы имеем следующее:

Разряд	Капитал ф. ст.	Число тонн	Действительная стоимость совокупного продукта ф. ст.	Рыночная стоимость совокупного продукта ф. ст.	Рыночная стоимость тонныф. ст.	Индивидуальная стоимость тонныф. ст.	Дифференциальная стоимость тонны ф. ст.	Строение капитала
III	100	$77^{8}/_{21}$	$123^{17}/_{21}$	$142^{6}/_{7}$	$1^{11}/_{13}$	$1^{3}/_{5}$	$+^{16}/_{63}$	$61^{19}/_{21}c+38^{2}/_{21}v$
II	100	$67^{4}/_{63}$	$123^{17}/_{21}$	$123^{17}/_{21}$	$1^{11}/_{13}$	$1^{11}/_{13}$	0	$61^{19}/_{21}c+38^{2}/_{21}v$

	Число рабочих	Норма прибав. стоимости	Норма прибыли	Заработная плата в тоннах	Прибыль в тоннах	Рента ф. ст.	Рента в тоннах
III	$20^{40}/_{63}$	$62^{1}/_{2}\%$	$23^{17}/_{21}\%$	$20^{40}/_{63}$	$12^{113}/_{126}$	$19^{1}/_{21}$	$10^{20}/_{63}$
II	$20^{40}/_{63}$	$62^{1}/_{2}\%$	$23^{17}/_{21}\%$	$20^{40}/_{63}$	$12^{113}/_{126}$	0	0

Перейдем теперь к третьему случаю и предположим вместе с Рикардо, что должен и может поступить в разработку худший

сорт угольных залежей (разряд I), потому что *рыночная стоимость* продукта повысилась до 2 ф. ст. за тонну. Так как при постоянном капитале в 60 ф. ст. требуется 20 рабочих и эти последние обходятся теперь в 40 ф. ст., то мы имеем такое же [стоимостное] строение капитала, как в таблице *А* на стр. 574, а именно 60*c* + 40*v*. Стоимость, производимая 20 рабочими, всегда равна 60 ф. ст. Следовательно, совокупная [индивидуальная, действительная] стоимость продукта, производимого капиталом в 100 ф. ст., составит 120 ф. ст., какова бы ни была его производительность. Норма прибыли здесь = 20%, прибавочная стоимость = 50%. Прибыль в тоннах = 10 тонн. Теперь нам надлежит посмотреть, какие изменения происходят в разрядах III и II вследствие этого изменения рыночной стоимости и появления разряда I, который определяет норму прибыли.

Хотя III обрабатывает самую плодородную землю, он может с капиталом в 100 ф. ст. применять только 20 рабочих, обходящихся ему в 40 ф. ст., так как при постоянном капитале в 60 ф. ст. требуется 20 рабочих. Поэтому число рабочих, применяемых капиталом в 100 ф. ст., падает до 20. А действительная совокупная стоимость его продукта равна теперь 120 ф. ст. Но так как индивидуальная стоимость тонны, производимой III разрядом, равна $1^3/_5$ ф. ст. (или $^8/_5$ ф. ст.), то сколько тонн он производит? 75 тонн, так как 120 при делении на $^8/_5$ дают 75. Производимое III разрядом количество тонн уменьшается, так как с тем же капиталом он может применять *меньше* труда, а не *больше* (как это всегда ошибочно изображается у Рикардо, потому что он постоянно имеет в виду только то, сколько труда требуется, чтобы произвести *то же самое* количество продукта, а не то, *сколько живого труда* может быть применено при новом [стоимостном] строении капитала; а между тем это-то и есть здесь единственно важный вопрос). Но эти 75 тонн III разряд продает за 150 ф. ст. (вместо 120 ф. ст., что составляет их [действительную] стоимость), и таким образом рента в III разряде повышается до 30 ф. ст.

Что касается II разряда, то [действительная] стоимость продукта здесь тоже равняется 120 ф. ст., и т. д. Но так как индивидуальная стоимость тонны равна $1^{11}/_{13}$ ф. ст. (или $^{24}/_{13}$ ф. ст.),. то этот разряд производит 65 тонн (ибо 120 при делении на $^{24}/_{13}$ дают 65). Короче говоря, мы получаем здесь таблицу *А*, приведенную на стр. 574. Но так как здесь нам для нашей цели нужны новые рубрики, то мы составим новую таблицу для этого третьего случая, когда у нас появляется I разряд и рыночная стоимость продукта повышается до 2 ф. ст.

3) Третий случай:

Разряд	Капитал ф. ст.	Число тонн	Действительная стоимость совокупн. продукта ф. ст.	Рыночная стоимость совокупного продукта ф. ст.	Рыночная стоимость тонны ф. ст.	Индивидуальная стоимость тонны ф. ст.	Диффер. стоимость тонны ф. ст.	Строение капитала
III	100	75	120	150	2	$1^3/_5$	$^2/_5$	$60c + 40v$
II	100	65	120	130	2	$1^{11}/_{13}$	$^2/_{13}$	$60c + 40v$
I	100	60	120	120	2	2	0	$60c + 40v$

	Число рабочих	Норма прибав. стоимости	Норма прибыли	Заработная плата в тоннах	Прибыль в тоннах	Рента ф. ст.	Рента в тоннах
III	20	50%	20%	20	10	30	15
II	20	50%	20%	20	10	10	5
I	20	50%	20%	20	10	0	0
Итого						40	20

[678] Итак, этот третий случай соответствует таблице *A* на стр. 574 (если не считать абсолютной ренты, которая выступает здесь как часть прибыли), и только происходит все в обратном порядке.

Перейдем теперь к новым предположенным нами случаям*. Возьмем прежде всего такой разряд, который еще дает прибыль; назовем его Ib. При капитале в 100 ф. ст. он дает лишь $43^7/_{11}$ тонны.

Стоимость тонны повысилась до $2^1/_2$ ф. ст. Строение капитала — $54^6/_{11}v + 45^5/_{11}v$. Стоимость продукта будет $109^1/_{11}$ ф. ст. Переменный капитал в $45^5/_{11}$ ф. ст. идет на заработную плату для $18^2/_{11}$ рабочих. А так как стоимость, создаваемая однодневным трудом 20 рабочих, равна 60 ф. ст., то $18^2/_{11}$ рабочих создают стоимость в $54^6/_{11}$ ф. ст. Поэтому стоимость продукта равна $109^1/_{11}$ ф. ст. *Норма прибыли* = $9^1/_{11}$%. Прибыль = $3^7/_{11}$ тонны. *Норма прибавочной стоимости* = 20%.

Так как органическое строение капитала в разрядах III, II, I такое же, как и в разряде Ib, и они должны платить такую же заработную плату, как этот последний, то при капитале в 100 ф. ст. они тоже могут применять лишь $18^2/_{11}$ рабочих, ко-

* См. настоящий том, часть II, стр. 487—489. *Ред.*

торые производят совокупную стоимость в $54^6/_{11}$ ф. ст. и, следовательно, — как и в разряде Ib, — прибавочную стоимость в размере 20% и норму прибыли в $9^1/_{11}$%. Совокупная [действительная] стоимость продукта здесь, как и в разряде Ib, равна $109^1/_{11}$ ф. ст.

Но так как индивидуальная стоимость тонны в III разряде равна $1^3/_5$ ф. ст. (или $^8/_5$ ф. ст.), то разряд этот производит $109^1/_{11}$:$^8/_5$ т. е. $68^2/_{11}$ тонны (другими словами, здесь $109^1/_{11}$ ф. ст. равны $68^2/_{11}$ тонны). Далее, разность между рыночной стоимостью тонны и ее индивидуальной стоимостью составляет теперь $2^1/_2$ ф. ст. минус $1^3/_5$ ф. ст., или 2 ф. ст. 10 шилл. минус 1 ф. ст. 12 шилл., т. е. 18 шилл. А на $68^2/_{11}$ тонны это составляет $68^2/_{11} \times 18$ шилл. = $1227^3/_{11}$ шилл. = $61^4/_{11}$ ф. ст. Вместо того чтобы продавать свой продукт за $109^1/_{11}$ ф. ст., III продает его за $170^5/_{11}$ ф. ст. И этот избыток составляет ренту III разряда. Выраженная в тоннах, эта рента = $24^6/_{11}$ тонны.

Так как индивидуальная стоимость тонны во II разряде равна $1^{11}/_{13}$ ф. ст. (или $^{24}/_{13}$ ф. ст.), то он производит $109^1/_{11}$:$^{24}/_{13}$, т. е. $59^1/_{11}$ тонны. Во II разряде разность между рыночной стоимостью тонны и ее [индивидуальной] стоимостью составляет $2^1/_2$ ф. ст. минус $1^{11}/_{13}$ ф. ст., т. е. $^{17}/_{26}$ ф. ст. На $59^1/_{11}$ тонны это составляет $38^7/_{11}$ ф. ст. Это и есть рента. Рыночная стоимость совокупного продукта = $147^8/_{11}$ ф. ст. Рента, выраженная в тоннах, равна $15^5/_{11}$ тонны.

Наконец, так как в I разряде индивидуальная стоимость тонны равна 2 ф. ст., то $109^1/_{11}$ ф. ст. равны здесь $54^6/_{11}$ тонны. Разность между рыночной стоимостью и индивидуальной стоимостью равна $2^1/_2$ ф. ст. минус 2 ф. ст., т. е. $^1/_2$ ф. ст. А на $54^6/_{11}$ тонны это составит $27^3/_{11}$ ф. ст. Следовательно, рыночная стоимость совокупного продукта = $136^4/_{11}$ ф. ст. А стоимость ренты, выраженная в тоннах, равна $10^{10}/_{11}$ тонны.

Если мы теперь все это сведем в таблицу для *четвертого случая,* то будем иметь:

[679] 4) Четвертый случай:

Разряд	Капитал ф. ст.	Число тонн	Действительная стоимость совокупного продукта ф. ст.	Рыночная стоимость совокупного продукта ф. ст.	Рыночная стоимость тонны ф. ст.	Индивидуальная стоимость тонны ф. ст.	Дифференциальная стоимость тонны ф. ст.
III	100	$68^2/_{11}$	$109^1/_{11}$	$170^5/_{11}$	$2^1/_2$	$1^3/_5$	$^9/_{10}$
II	100	$59^1/_{11}$	$109^1/_{11}$	$147^8/_{11}$	$2^1/_2$	$1^{11}/_{13}$	$^{17}/_{26}$
I	100	$54^6/_{11}$	$109^1/_{11}$	$136^4/_{11}$	$2^1/_2$	2	$^1/_2$
Ib	100	$43^7/_{11}$	$109^1/_{11}$	$109^1/_{11}$	$2^1/_2$	$2^1/_2$	0

Продолжение

	Строение капитала	Число рабочих	Норма прибав. стоимости	Норма прибыли	Заработная плата в тоннах	Прибыль в тоннах	Рента ф. ст.	Рента в тоннах
III	$54^6/_{11}c + 45^5/_{11}v$	$18^2/_{11}$	20%	$918^1/_{11}$%	$18^2/_{11}$	$3^7/_{11}$	$61^4/_{11}$	24^6/11
II	$54^6/_{11}c + 45^5/_{11}v$	$18^2/_{11}$	20%	$918^1/_{11}$%	$18^2/_{11}$	$3^7/_{11}$	$38^7/_{11}$	$15^5/_{11}$
I	$54^6/_{11}c + 45^5/_{11}v$	$18^2/_{11}$	20%	$918^1/_{11}$%	$18^2/_{11}$	$3^7/_{11}$	$27^3/_{11}$	$10^{10}/_{11}$
Ib	$54^6/_{11}c + 45^5/_{11}v$	$18^2/_{11}$	20%	$918^1/_{11}$%	$18^2/_{11}$	$3^7/_{11}$	0	0

Рассмотрим, наконец, последний случай, где, по Рикардо, отпадает *вся прибыль,* где совсем не остается прибавочной стоимости.

Здесь стоимость продукта повышается до 3 ф. ст. за тонну, так что при применении 20 рабочих их заработная плата равна 60 ф. ст., равна произведенной ими стоимости. Строение капитала будет $50c + 50v$. В таком случае применяется *$16^2/_3$ рабочих.* Если 20 рабочих производят стоимость в 60 ф. ст., то $16^2/_3$ рабочих производят стоимость в 50 ф. ст. Следовательно, заработная плата поглощает всю эту стоимость. Один рабочий получает, как и прежде, одну тонну. Стоимость продукта = 100 ф. ст. Таким образом, число произведенных тонн = $33^1/_3$. Из них половина возмещает всего лишь стоимость постоянного капитала, а другая половина — всего лишь стоимость переменного капитала.

Так как в III разряде индивидуальная стоимость тонны равна $1^3/_5$ ф. ст. (или $^8/_5$ ф. ст.), то сколько тонн он производит? 100, деленное на $^8/_5$, т. е. $62^1/_2$ тонны, стоимость которых = 100 ф. ст. Разность между рыночной стоимостью тонны и ее индивидуальной стоимостью равна 3 ф. ст. минус $1^3/_5$ ф. ст., т. е. $1^2/_5$ ф. ст. На $62^1/_2$ тонны это составит $87^1/_2$ ф. ст. Следовательно, рыночная стоимость совокупного продукта равна здесь $187^1/_2$ ф. ст. А рента, выраженная в тоннах, равна $29^1/_6$ тонны.

Во II разряде индивидуальная стоимость тонны равна $1^{11}/_{13}$ ф. ст. Следовательно, дифференциальная стоимость тонны равна 3 ф. ст. минус $1^{11}/_{13}$ ф. ст., т. е. $1^2/_{13}$ ф. ст. Так как индивидуальная стоимость тонны здесь равна $1^{11}/_{13}$ ф. ст., или $^{24}/_{13}$ ф. ст., то капитал в 100 ф. ст. производит $100:^{24}/_{13}$, т. е. $54^1/_6$ тонны. На это количество тонн указанная разность составит $62^1/_2$ ф. ст.

Рыночная стоимость продукта = $162^1/_2$ ф. ст. Выраженная в тоннах, рента равна $20^5/_6$ тонны.

В I разряде индивидуальная стоимость тонны = 2 ф; ст. Следовательно, дифференциальная стоимость тонны равна 3 ф. ст. минус 2 ф. ст., т. е. 1 ф. ст. Так как индивидуальная стоимость тонны здесь = 2 ф. ст., то капитал в 100 ф. ст. производит 50 тонн. Это дает разность [между рыночной и индивидуальной стоимостью продукта] в 50 ф. ст. Рыночная стоимость продукта = 150 ф. ст., а рента в тоннах = $16^2/_3$ тонны.

Теперь мы переходим к разряду Ib, который до сих пор не давал никакой ренты. Здесь индивидуальная стоимость тонны = $2^1/_2$ ф. ст. Следовательно, дифференциальная стоимость тонны равна 3 ф. ст. минус $2^1/_2$ ф. ст., т. е. $^1/_2$ ф. ст. А так как индивидуальная стоимость тонны здесь = $2^1/_2$ (или $^5/_2$) ф. ст., то капитал в 100 ф. ст. производит 40 тонн. На это количество тонн дифференциальная стоимость составит 20 ф. ст., так что рыночная стоимость совокупного продукта = 120 ф. ст., а рента в тоннах = $6^2/_3$ тонны.

Итак, этот *пятый случай,* где прибыль, по Рикардо, исчезает, мы представим теперь в виде единой таблицы.

[680] 5) Пятый случай:

Разряд	Капитал ф. ст.	Число тонн	Действительная стоимость совокупн. продукта ф. ст.	Рыночная стоимость совокупного продукта ф. ст.	Рыночная стоимость тонны ф. ст.	Индивидуальная стоимость тонны ф. ст.	Дифференциальная стоимость тонны ф. ст.
III	100	$62^1/_2$	100	$187^1/_2$	3	$1^3/_5$	$1^2/_5$
II	100	$54^1/_6$	100	$162^1/_2$	3	$1^{11}/_{13}$	$1^2/_{13}$
I	100	50	100	150	3	2	1
Ib	100	40	100	120	3	$2^1/_2$	$^1/_2$
Ia	100	$33^1/_3$	100	100	3	3	0

	Строение капитала	Число рабочих	Норма прибавочной стоимости	Норма прибыли	Заработная плата в тоннах	Рента ф. ст.	Рента в тоннах
III	$50c + 50v$	$16^2/_3$	0	0	$16^2/_3$	$87^1/_2$	$29^1/_6$
II	$50c + 50v$	$16^2/_3$	0	0	$16^2/_3$	$62^1/_2$	$20^5/_6$
I	$50c + 50v$	$16^2/_3$	0	0	$16^2/_3$	50	$16^2/_3$
Ib	$50c + 50v$	$16^2/_3$	0	0	$16^2/_3$	20	$6^2/_3$
Ia	$50c + 50v$	$16^2/_3$	0	0	$16^2/_3$	0	0

На следующей странице я сопоставлю в одной сводной таблице все пять случаев*. [680]

[в) ПРЕВРАЩЕНИЕ ЧАСТИ ПРИБЫЛИ И ЧАСТИ КАПИТАЛА В РЕНТУ. ИЗМЕНЕНИЯ ВЕЛИЧИНЫ РЕНТЫ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИЗМЕНЕНИЙ КОЛИЧЕСТВА ТРУДА, ПРИМЕНЯЕМОГО В ЗЕМЛЕДЕЛИИ]

[683] Если мы из приведенных на предыдущей странице таблиц* рассмотрим прежде всего *таблицу E,* то мы увидим, что здесь в последнем разряде Ia дело обстоит очень ясно. Заработная плата поглощает здесь весь продукт [вновь присоединенного] труда и всю созданную им стоимость. Никакой прибавочной стоимости нет, а потому нет ни прибыли, ни ренты. Стоимость продукта равна стоимости авансированного капитала, так что работники, которые здесь владеют своим собственным капиталом, могут постоянно воспроизводить свою заработную плату и условия своего труда, но не больше. Об этом последнем разряде нельзя сказать, что в нем рента поглощает прибыль. Здесь нет ни ренты, ни прибыли, потому что нет никакой прибавочной стоимости. Заработная плата поглощает прибавочную стоимость, а потому и прибыль.

Что касается четырех других разрядов, то дело там prima facie** отнюдь не ясно. Если нет прибавочной стоимости, то как может существовать рента? К тому же производительность труда на землях Ib, I, II и III отнюдь не изменилась. Следовательно, *отсутствие* прибавочной стоимости должно представлять собой одну лишь видимость.

Затем обнаруживается другое, prima facie не менее непонятное явление. Рента, выраженная в тоннах [угля] или квартерах хлеба, составляет для III разряда $29^{1}/_{6}$ тонны (или квартера), в то время как в таблице *A,* где обрабатывается лишь земля III, нет никакой ренты. Кроме того, число рабочих там составляло $21^{17}/_{23}$, тогда как теперь, в таблице *E,* оно составляет всего лишь $16^{2}/_{3}$; прибыль же (поглощавшая там всю прибавочную стоимость) составляла в таблице *A* лишь $19^{1}/_{46}$ тонны.

То же самое противоречие обнаруживается во II разряде, где рента в *таблице E* составляет $20^{5}/_{6}$ тонны (или квартера), между тем как в таблице *B* прибыль, поглощавшая всю прибавочную стоимость (причем число рабочих составляло тогда $20^{40}/_{63}$, в то время как теперь оно равно $16^{2}/_{3}$), составляла лишь $12^{113}/_{126}$ тонны (или квартера).

---

* См. таблицу на стр. 500—501. *Ред.*

** — на первый взгляд. *Ред.*

Точно такое же противоречие обнаруживается и в I разряде, где рента в *таблице E* равняется $16^{2}/_{3}$ тонны или квартера, тогда как в таблице *C* прибыль I разряда, поглощавшая всю прибавочную стоимость, равняется лишь 10 тоннам (причем тогда занято было 20 рабочих, теперь же их занято $16^{2}/_{3}$).

Наконец, то же самое явление имеет место в разряде Ib, где рента в *таблице E* составляет $6^{2}/_{3}$ тонны (или квартера), тогда как прибыль разряда Ib в таблице *D*, где прибыль поглощала всю прибавочную стоимость, равна лишь $3^{7}/_{11}$ тонны или квартера (причем тогда занято было $18^{2}/_{11}$ рабочих, в то время как теперь их занято $16^{2}/_{3}$).

Однако ясно, что, хотя повышение рыночной стоимости над индивидуальной стоимостью продуктов разрядов III, II, I, Ib и может изменить распределение продукта и вызвать переход его от одной группы участников дележа к другой, но это повышение рыночной стоимости отнюдь не может увеличить самого продукта, в котором представлена прибавочная стоимость, остающаяся по возмещении заработной платы. Так как производительность земель всех фигурирующих у нас разрядов, а также и производительность капитала, осталась неизменной, то каким образом разряды III—Ib могут стать более плодородными, т. е. доставлять большее число тонн или кварте ров, только в силу того, что на рынке появляются продукты менее плодородной земли или менее продуктивной шахты Ia?

Загадка разрешается следующим образом.

Если однодневный труд 20 рабочих равен 60 ф. ст., то $16^{2}/_{3}$ рабочих производят 50 ф. ст. А так как в разряде III содержащееся в $1^{3}/_{5}$ ф. ст. (или в $^{8}/_{5}$ ф. ст.) рабочее время выражается в 1 тонне или 1 квартере, то 50 ф. ст. выражаются в $31^{1}/_{4}$ тонны или квартера. Из этого количества $16^{2}/_{3}$ тонны или квартера идут на заработную плату; в качестве *прибавочной стоимости* остается, следовательно, $14^{7}/_{12}$ тонны.

Далее, так как рыночная стоимость тонны повысилась с $1^{3}/_{5}$ ф. ст. до 3 ф. ст., то из продукта, составляющего $62^{1}/_{2}$ тонны или квартера, достаточно взять $16^{2}/_{3}$ тонны или квартера для того, чтобы возместить стоимость постоянного капитала [50 ф. ст.]. Между тем, в тех условиях, когда тонна (или квартер), производимая III разрядом, сама определяла рыночную стоимость и последняя вследствие этого равнялась ее индивидуальной стоимости, для возмещения постоянного капитала в 50 ф. ст. требовалось $31^{1}/_{4}$ тонны или квартера. Из этого количества тонн или квартеров, представлявшего собой ту долю продукта, которая при стоимости тонны в $1^{3}/_{5}$ ф. ст. была необходима для возмещения [постоянного] капитала, теперь

Разряд	Капитал ф. ст.	Число тонн	Действительная стоимость совокупи. продуктаф. ст.	Рыночная стоимость совокупи. продуктаф. ст.	Рыночная стоимость тонныф. ст.	Индивидуальная стоимость тонны ф. ст.	Дифференциальная стоимость тонныф. ст.	Строение капитала [стоимостное]	Число рабочих	Норма прибав. стоимости	Прибыль ф. ст.	Прибыль в тоннах	Заработн. плата в тоннах	Рента ф. ст.	Рента в тоннах
A. (Обрабатывается лишь самый лучший разряд III.) Ренты нет. Используется лишь самаая плодородная земля или шахта															
III	100	$81\frac{12}{13}$	$130\frac{12}{23}$	$130\frac{10}{23}$	$1\frac{3}{5}$	$1\frac{3}{5}$	0	$65\frac{5}{23}c + 34\frac{18}{23}v$	$21\frac{17}{23}$	$87\frac{1}{2}$%	$30\frac{10}{23}$	$19\frac{1}{46}$	$21\frac{17}{23}$	0	0
B. Появляется второй разряд (разряд II). Возникновение ренты на земле (шахте) III															
III	100	$77\frac{8}{21}$	$123\frac{17}{21}$	$142\frac{6}{7}$	$1\frac{11}{13}$	$1\frac{3}{5}$	$\frac{16}{65}$	$61\frac{19}{21}c + 38\frac{2}{21}v$	$20\frac{40}{63}$	$62\frac{1}{2}$%	$23\frac{17}{21}$	$12\frac{113}{126}$	$20\frac{40}{63}$	$19\frac{1}{21}$	$10\frac{20}{63}$
II	100	$67\frac{4}{63}$	$123\frac{17}{21}$	$123\frac{17}{21}$	$1\frac{11}{13}$	$1\frac{11}{13}$	0	$61\frac{19}{21}c + 38\frac{2}{21}v$	$20\frac{40}{63}$	$62\frac{1}{2}$%	$23\frac{17}{21}$	$12\frac{113}{126}$	$20\frac{40}{63}$	0	0
Итого	200	$144\frac{4}{9}$	$247\frac{13}{21}$	$266\frac{2}{3}$					$41\frac{17}{63}$		$47\frac{13}{21}$	$25\frac{50}{63}$	$41\frac{17}{63}$	$19\frac{1}{21}$	$10\frac{20}{63}$
C. Появляетстя третий разряд (разряд I). Возникновение ренты на земле (шахте) II															
III	100	75	120	150	2	$1\frac{3}{5}$	$\frac{2}{5}$	$60c + 40v$	20	50%	20	10	20	30	15
II	100	65	120	130	2	$1\frac{11}{13}$	$\frac{2}{13}$	$60c + 40v$	20	50%	20	10	20	10	5
I	100	60	120	120	2	2	0	$60c + 40v$	20	50%	20	10	20	0	0
Итого	300	200	360	400					60		60	30	60	40	20
D. Появляется четвертый разряд (разряд Ib). Возникновение ренты на земле (шахтее) I															
III	100	$68\frac{2}{11}$	$109\frac{1}{11}$	$170\frac{5}{11}$	$2\frac{1}{2}$	$1\frac{3}{5}$	$\frac{9}{10}$	$54\frac{6}{11}c + 45\frac{5}{11}v$	$18\frac{2}{11}$	20%	$9\frac{1}{11}$	$3\frac{7}{11}$	$18\frac{2}{11}$	$61\frac{4}{11}$	$24\frac{6}{11}$
II	100	$59\frac{1}{11}$	$109\frac{1}{11}$	$147\frac{8}{11}$	$2\frac{1}{2}$	$1\frac{11}{13}$	$\frac{17}{26}$	$54\frac{6}{11}c + 45\frac{5}{11}v$	$18\frac{2}{11}$	20%	$9\frac{1}{11}$	$3\frac{7}{11}$	$18\frac{2}{11}$	$38\frac{7}{11}$	$15\frac{5}{11}$
I	100	$54\frac{6}{11}$	$109\frac{1}{11}$	$136\frac{4}{11}$	$2\frac{1}{2}$	2	$\frac{1}{2}$	$54\frac{6}{11}c + 45\frac{5}{11}v$	$18\frac{2}{11}$	20%	$9\frac{1}{11}$	$3\frac{7}{11}$	$18\frac{2}{11}$	$27\frac{3}{11}$	$10\frac{10}{11}$
Ib	100	$43\frac{7}{11}$	$109\frac{1}{11}$	$109\frac{1}{11}$	$2\frac{1}{2}$	$2\frac{1}{2}$	0	$54\frac{6}{11}c + 45\frac{5}{11}v$	$18\frac{2}{11}$	20%	$9\frac{1}{11}$	$3\frac{7}{11}$	$18\frac{2}{11}$	0	0
Итого	400	$225\frac{5}{11}$	$436\frac{4}{11}$	$563\frac{7}{11}$					$72\frac{8}{11}$		$36\frac{4}{11}$	$14\frac{6}{11}$	$72\frac{8}{11}$	$127\frac{3}{11}$	$50\frac{10}{11}$
E. Появляется пятый разряд (разряд Ia). Исчезновение прибавочной стоимости и прибыли во всех разрядах															
III	100	$62\frac{1}{2}$	100	$187\frac{1}{2}$	3	$1\frac{3}{5}$	$1\frac{2}{5}$	$50c + 50v$	$16\frac{2}{3}$	0	0	0	$16\frac{2}{3}$	$87\frac{1}{2}$	$29\frac{1}{6}$
II	100	$54\frac{1}{6}$	100	$162\frac{1}{2}$	3	$1\frac{11}{13}$	$1\frac{2}{13}$	$50c + 50v$	$16\frac{2}{3}$	0	0	0	$16\frac{2}{3}$	$62\frac{1}{2}$	$20\frac{5}{6}$
I	100	50	100	150	3	2	1	$50c + 50v$	$16\frac{2}{3}$	0	0	0	$16\frac{2}{3}$	50	$16\frac{2}{3}$
Ib	100	40	100	120	3	$2\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	$50c + 50v$	$16\frac{2}{3}$	0	0	0	$16\frac{2}{3}$	20	$6\frac{2}{3}$
Ia	100	$33\frac{1}{3}$	100	100	3	3	0	$50c + 50v$	$16\frac{2}{3}$	0	0	0	$16\frac{2}{3}$	0	0
Итого	500	240	500	720					$83\frac{1}{3}$		0	0	$83\frac{1}{3}$	220	$73\frac{1}{3}$

для той же цели требуется всего лишь $16^2/_3$ тонны. Тем самым высвобождаются и достаются на долю ренты [684] $31^1/_4$ тонны минус $16^2/_3$ тонны, т. е. $14^7/_{12}$ тонны (или квартера).

Если прибавочную стоимость, произведенную в III разряде $16^2/_3$ рабочими при постоянном капитале в 50 ф. ст. и составляющую $14^7/_{12}$ тонны или квартера, мы сложим с той частью продукта, которая теперь, вместо того чтобы возмещать постоянный капитал, выступает в форме прибавочного продукта и которая тоже равна $14^7/_{12}$ тонны или квартера, то совокупный прибавочный продукт составит $28^{14}/_{12} = 29^2/_{12} = 29^1/_6$ тонны или квартера. Это и есть в точности рента III разряда в *таблице Е,* выраженная в тоннах [угля] или квартерах хлеба. Совершенно таким же образом разрешается кажущееся противоречие в величине ренты, выраженной в тоннах [угля] или квартерах хлеба, в разрядах II, I, Ib *таблицы Е.*

Итак, мы видим, что *дифференциальная рента,* возникающая на лучших разрядах земли вследствие разницы между рыночной и индивидуальной стоимостью произведенных на них продуктов, в своем *реальном виде,* в качестве *продуктовой ренты,, прибавочного продукта,* или — в вышеприведенном примере — в качестве *ренты, выраженной в тоннах [угля] или квартерах хлеба,* — состоит из *двух элементов* и обусловлена двумя *превращениями.* [Во-первых,] прибавочный продукт, в котором выражается прибавочный труд рабочих, прибавочная стоимость, претерпевает превращение из формы прибыли в форму ренты и потому достается земельному собственнику, а не капиталисту. Во-вторых, кое-что из той части продукта, которая раньше, когда продукт лучшего сорта земли или лучшей шахты продавался по своей собственной стоимости, была необходима для *возмещения стоимости постоянного капитала,* теперь, когда любая доля продукта обладает более высокой рыночной стоимостью, высвобождается и тоже выступает в форме прибавочного продукта, а потому достается земельному собственнику, а не капиталисту.

Превращение прибавочного продукта в ренту, вместо прибыли, и превращение некоторой *соответственной* части продукта, ранее предназначавшейся для возмещения стоимости постоянного капитала, в прибавочный продукт, а потому в ренту, — оба эти процесса конституируют *продуктовую ренту,* поскольку она является дифференциальной рентой. Последнее обстоятельство, — то, что часть продукта, вместо того чтобы превратиться в капитал, превращается в ренту, — не было замечено Рикардо и всеми последующими экономистами. Они видят лишь превращение прибавочного продукта в ренту, но

не превращение в прибавочный продукт некоторого количества той части продукта, которая раньше приходилась на долю не прибыли, а капитала.

Номинальная стоимость образовавшегося таким путем *прибавочного продукта,* или *дифференциальной ренты,* определяется (согласно сделанному предположению) стоимостью продукта, произведенного на наихудшей земле или на наихудшей шахте. Но эта рыночная стоимость приводит лишь к иному распределению этого продукта, а не создает его.

Эти же два элемента имеются налицо при всякой сверхприбыли; они имеются, например, в том случае, когда вследствие введения новых машин и т. д. продукт, который производится теперь дешевле, продается по рыночной стоимости, превышающей его собственную стоимость. Часть прибавочного труда рабочих выступает не как прибыль, а как такой прибавочный продукт, который представляет собой сверхприбыль. И часть той массы продукта, которая при продаже фабриката по его собственной, более низкой стоимости была бы необходима для того, чтобы возместить капиталисту стоимость его постоянного капитала, — эта часть теперь высвобождается, так как ничего не должна возмещать; она становится прибавочным продуктом и потому вздувает прибыль. [684]

*   *   *

[688] {Впрочем, когда мы говорим о законе *падения нормы прибыли* в ходе развития капиталистического производства, то под прибылью мы понимаем здесь всю сумму прибавочной стоимости, которой в первую очередь завладевает занятый в производстве капитал, как бы ему ни приходилось потом делить ее с капиталистом, ссужающим деньги (с получателем ссудного процента), и с земельным собственником (получателем ренты). Следовательно, здесь норма прибыли $= \frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{авансированный капитал}}$.

Норма прибыли, в этом ее понимании, может падать, хотя, например, промышленная прибыль повышается по отношению к ссудному проценту, или наоборот; точно так же норма прибыли может падать, хотя рента повышается по отношению к промышленной прибыли, или наоборот. Если прибыль = P, промышленная прибыль = P^1, ссудный процент = Z и рента = R, то $P = P^1 + Z + R$. И ясно, что, каково бы ни было P по своей абсолютной величине, P^1, Z и R могут по отношению друг к другу расти или падать независимо от величины P, независимо от повышения и падения P. Увеличение P^1, Z и R по отношению друг к другу означает лишь

различное распределение *P* между различными лицами. Дальнейшее рассмотрение обстоятельств, приводящих к тому или другому распределению *P* между различными лицами, — распределению, которое, однако, отнюдь не тождественно с повышением или падением самого *P,* — относится не сюда, а к анализу конкуренции капиталов. Но если *R* может достигнуть такой величины, какой не имело бы само *P,* делись оно лишь на P^1 и *Z,* то это, как показано, является *видимостью* и проистекает из того обстоятельства, что часть продукта, при возрастании его [рыночной] стоимости, — вместо того чтобы обратно превращаться в постоянный капитал, — высвобождается и превращается в ренту.} [688]

* * *

[684] Во всей изложенной выше трактовке проблемы предполагается, что вздорожавший (по рыночной стоимости) продукт не входит naturaliter[*] в состав постоянного капитала, а входит лишь в заработную плату, лишь в переменный капитал. Если бы вздорожавший продукт входил в постоянный капитал, то, по мнению Рикардо, в результате этого норма прибыли упала бы еще больше, а рента повысилась бы еще сильнее. Это необходимо исследовать.

До сих пор мы предполагали, что стоимость постоянного капитала, т. е. в вышеприведенном случае 50 ф. ст., должна быть возмещена *стоимостью* продукта. Следовательно, если 1 тонна или 1 квартер стоит 3 ф. ст., то, разумеется, для возмещения указанной стоимости требуется меньше тонн или кварте ров, чем в том случае, когда тонна или квартер стоит лишь $1^3/_5$ ф. ст., и т. д. Но предположим теперь, что уголь или хлеб, или какой-нибудь другой продукт земли, — продукт, производимый земледельческим капиталом, — сам входит *naturaliter* в образование постоянного капитала, например, наполовину. В этом случае ясно, что, какова бы ни была цена угля или хлеба, [685] постоянный капитал определенной величины, т. е. приводимый в движение определенным числом рабочих, всегда требует для своего возмещения определенной, взятой *in natura* доли совокупного продукта, так как строение земледельческого капитала, выражающееся в соотношении масс накопленного труда и труда живого, остается, согласно предположению, *неизменным.*

Если, например, постоянный капитал состоит наполовину из угля или хлеба, а наполовину — из других товаров, то

[*] — в натуральном виде. *Ред.*

постоянный капитал в 50 ф. ст. состоит на 25 ф. ст. из других товаров и на 25 ф. ст. [из угля или хлеба], т. е. из $15^{5}/_{8}$ тонны [угля] или квартера [хлеба], когда тонна [угля] стоит $1^{3}/_{5}$ (или $^{8}/_{5}$*)* ф. ст. И как бы ни изменялась рыночная стоимость тонны [угля] или квартера [хлеба], $16^{2}/_{3}$ рабочим всегда требуется постоянный капитал в 25 ф. ст. [в других товарах] плюс $15^{5}/_{8}$ квартера [хлеба] или тонны [угля], так как вещественный состав постоянного капитала остается без изменения, а также без изменения остается и соответственное число рабочих, требующееся для того, чтобы приводить этот капитал в движение.

Если бы теперь [рыночная] стоимость тонны [угля] или квартера [хлеба] повысилась, как в *таблице E,* до 3 ф. ст., то для $16^{2}/_{3}$ рабочих потребовался бы постоянный капитал, равный 25 ф. ст. + $15^{5}/_{8} \times 3$ ф. ст. = 25 ф. ст. + 45 ф. ст. + $^{15}/_{8}$ ф. ст. = $71^{7}/_{8}$ ф. ст. А так как $16^{2}/_{3}$ рабочих обходятся здесь в 50 ф. ст., то требующаяся в данном случае затрата совокупного капитала составляла бы $71^{7}/_{8}$ ф. ст. + 50 ф. ст. = $121^{7}/_{8}$ ф. ст.

При одинаковом органическом строении земледельческий капитал изменился бы по своим *стоимостным соотношениям.*

Мы получили бы $71^{7}/_{8}c + 50v$ (для количества рабочих в $16^{2}/_{3}$). Капитал в 100 ф. ст. имел бы строение $58^{38}/_{39}c + 41^{1}/_{39}v$. Количество рабочих составляло бы $13^{79}/_{117}$ (на $^{1}/_{117}$ больше $13^{2}/_{3}$). Так как $16^{2}/_{3}$ рабочих приводят в движение $15^{5}/_{8}$ квартера или тонны постоянного капитала, то $13^{79}/_{117}$ рабочих приводят в движение $12^{32}/_{39}$ тонны или квартера, стоимостью в $38^{6}/_{13}$ ф. ст. А остальная часть постоянного капитала, равная $20^{20}/_{39}$ ф. ст., состояла бы из других товаров. При всех обстоятельствах из продукта всегда надлежало бы вычитать $12^{32}/_{39}$ тонны или квартера, чтобы возместить ту часть постоянного капитала, в которую они входят in natura. Так как стоимость, производимая 20 рабочими, равняется 60 ф. ст., то стоимость, производимая $13^{79}/_{117}$ рабочими, была бы равна $41^{1}/_{39}$ ф. ст. Но *в таблице E* заработная плата для $13^{79}/_{117}$ рабочих тоже составляла бы $41^{1}/_{39}$ ф. ст. Таким образом, никакой прибавочной стоимости здесь нет.

Совокупное число тонн составило бы [в этом случае в разряде III таблицы *E* $51^{11}/_{39}$ тонны[115], из которых] $12^{32}/_{39}$ тонны вновь воспроизводятся [для возмещения той части постоянного капитала, в которую они входят в натуральной форме], $13^{79}/_{117}$ тонны идут на заработную плату рабочих и $6^{98}/_{117}$ тонны приходятся на другую часть постоянного капитала (по 3 ф. ст. за тонну). Эти три величины, вместе взятые, составляют

$33^{1}/_{3}$ тонны. На долю ренты остается, следовательно, $17^{37}/_{39}$ тонны.

Для упрощения расчетов возьмем наиболее благоприятный для Рикардо крайний случай, т. е. предположим, что постоянный капитал совершенно так же, как и переменный, состоит из одного лишь земледельческого продукта, стоимость которого повышается до 3 ф. ст. за квартер или тонну вследствие того, что разряд Ia господствует на рынке.

Технологическое строение капитала остается прежним, т. е. остается неизменным *соотношение* между живым трудом, который представлен переменным капиталом, — т. е. между числом рабочих (так как предположен неизменный нормальный рабочий день), — и *массой средств труда,* которые требуются при данном числе рабочих и которые теперь, согласно нашему предположению, состоят из тонн угля или квартеров хлеба.

Так как при первоначальном строении капитала 60*c* + 40*v,* когда цена тонны равнялась 2 ф. ст., 40*v* представляли 20 рабочих или 20 квартеров или тонн, то 60*c* представляли 30 тонн; а так как эти 20 рабочих в III разряде производили 75 тонн, то $13^{1}/_{3}$ рабочих (40*v* при цене тонны в 3 ф. ст. соответствуют $13^{1}/_{3}$ тонны или $13^{1}/_{3}$ рабочим) производят *50 тонн* и приводят в движение постоянный капитал [686] в $^{60}/_{3}$, т. е. в 20 тонн или квартеров.

Далее, так как 20 рабочих производят стоимость в 60 ф. ст., то $13^{1}/_{3}$ рабочих производят стоимость в 40 ф. ст.

Так как капиталист должен платить за 20 тонн [постоянного капитала] 60 ф. ст. и за $13^{1}/_{3}$ рабочих — 40 ф. ст., а эти рабочие производят лишь стоимость в 40 ф. ст., то стоимость продукта = 100 ф. ст.; затраты также составляют 100 ф. ст. Прибавочная стоимость и прибыль = 0.

Но так как производительность III разряда осталась без изменения, то $13^{1}/_{3}$ рабочих производят, как сказано, 50 тонн или квартеров. Однако натуральная затрата в тоннах или квартерах составляет лишь $33^{1}/_{3}$ тонны: 20 тонн на постоянный капитал и $13^{1}/_{3}$ тонны на заработную плату. Следовательно, произведенные в III разряде 50 тонн содержат прибавочный продукт в $16^{2}/_{3}$ тонны, который и образует ренту.

Но что представляют собой эти $16^{2}/_{3}$ тонны?

Так как *стоимость* продукта = 100 ф. ст., а сам продукт = 50 тоннам, то стоимость производимой здесь тонны в действительности составляла бы $^{100}/_{50}$, т. е. 2 ф. ст. И до тех пор, пока продукт in natura получается в большем количестве, чем необходимо для возмещения капитала в натуральной форме,

индивидуальная стоимость тонны должна, даже при таком [уменьшившемся] масштабе производства, быть меньше ее рыночной стоимости.

Арендатор должен затратить 60 ф. ст., чтобы возместить 20 тонн [постоянного капитала]. Он считает каждую из этих 20 тонн по 3 ф. ст., так как такова ее рыночная стоимость и продается тонна по этой цене. Точно так же он должен затратить 40 ф. ст. на оплату $13^1/_3$ рабочих или на оплату того количества тонн или квартеров, которое он выдает рабочим. Последние получают, таким образом, только $13^1/_3$ тонны.

Но в действительности, если иметь в виду разряд III, 20 тонн стоят лишь 40 ф. ст., а $13^1/_3$ тонны — лишь $26^2/_3$ ф. ст. Между тем, $13^1/_3$ рабочих производят стоимость в 40 ф. ст. — следовательно, создают прибавочную стоимость в $13^1/_3$ ф. ст. Это составляет, считая тонну по 2 ф. ст., $6^4/_6$ (или $6^2/_3$) тонны.

А так как в III разряде 20 тонн [постоянного капитала] стоят лишь 40 ф. ст., то остается избыток в 20 ф. ст., равный 10 тоннам.

Таким образом, $16^2/_3$ тонны, составляющие ренту, распадаются на $6^2/_3$ тонны превратившейся в ренту прибавочной стоимости и на 10 тонн превратившегося в ренту капитала. Но в результате того, что рыночная стоимость тонны повысилась до 3 ф. ст., 20 тонн [постоянного капитала] стоят арендатору 60 ф. ст., а $13^1/_3$ тонны [заработной платы] стоят 40 ф. ст., тогда как $16^2/_3$ тонны, представляющие собой избыток рыночной стоимости над [индивидуальной] стоимостью продукта арендатора, выступают в качестве ренты, равной 50 ф. ст.

Сколько тонн доставляют $13^1/_3$ рабочих в разряде II? 20 рабочих доставляют здесь 65 тонн — следовательно, $13^1/_3$ рабочих доставляют $43^1/_3$ тонны. Стоимость продукта, как и выше, равняется 100 ф. ст. Но из $43^1/_3$ тонны для возмещения капитала необходимы $33^1/_3$ тонны. В качестве прибавочного продукта, или ренты, остается $43^1/_3 — 33^1/_3 = 10$ тонн.

Эта рента в 10 тонн объясняется следующим образом:

Стоимость продукта во II разряде равна 100 ф. ст., продукт составляет $43^1/_3$ тонны, следовательно стоимость тонны = $2^4/_{13}$ ф. ст. Значит, $13^1/_3$ рабочих обходятся в $30^{10}/_{13}$ ф. ст., и [от 40 ф. ст., оплачивающих рыночную стоимость $13^1/_3$ тонны] в качестве прибавочной стоимости остается $9^3/_{13}$ ф. ст. Далее, 20 тонн постоянного капитала обходятся в $46^2/_{13}$ ф. ст., и от 60 ф. ст., оплачивающих их [рыночную стоимость], остается $13^{11}/_{13}$ ф. ст. Вместе с прибавочной стоимостью получается $23^1/_{13}$ ф. ст., что как раз и соответствует [действительной] стоимости 10 тонн [считая тонну по $2^4/_{13}$ ф. ст.].

Только в разряде Ia, где для возмещения постоянного капитала и заработной платы действительно необходимы in natura $33^1/_3$ тонны или квартера, т. е. необходим весь совокупный продукт, на самом деле нет ни прибавочной стоимости, ни прибавочного продукта, ни прибыли, ни ренты. Пока дело обстоит иначе, пока продукта получается больше, чем необходимо для возмещения капитала in natura, до тех пор происходит превращение прибыли (прибавочной стоимости) и капитала в ренту. Это превращение имеет здесь место постольку, поскольку некоторая доля той части продукта, которая раньше, при более низкой стоимости, должна была бы возмещать капитал, теперь высвобождается или поскольку часть продукта, которая должна была бы превратиться в капитал и прибавочную стоимость, достается на долю ренты.

Но вместе с тем мы видим, что вздорожание постоянного капитала, если оно является следствием вздорожания земледельческих продуктов, чрезвычайно понижает ренту. Например, рента III и II разрядов падает с 50 тонн [в таблице *E*], — что при рыночной стоимости тонны в 3 ф. ст. составляет 150 ф. ст., — до $26^2/_3$ тонны, т. е. почти наполовину. Такое падение неизбежно, [687] так как здесь количество рабочих, применяемых тем же капиталом в 100 ф. ст., уменьшается по двум причинам: во-первых, потому, что повышается заработная плата, т. е. увеличивается стоимость переменного капитала; во-вторых, потому, что повышаются в стоимости средства производства, постоянный капитал. Само по себе повышение заработной платы имеет своим следствием то, что на 100 ф. ст. приходится меньше труда, а стало быть (при неизменной стоимости товаров, входящих в постоянный капитал) соответственно меньше и постоянного капитала, так что все эти 100 ф. ст. в их совокупности представляют меньше накопленного и меньше живого труда. Но, кроме того, повышение стоимости товаров, входящих в постоянный капитал, ведет к тому, что, — так как технологическое соотношение между накопленным и живым трудом остается неизменным, — на те же деньги теперь может быть применено меньшее количество накопленного труда, а вследствие этого и меньшее количество живого труда. А так как при одинаковой производительности земли и при данном технологическом строении капитала количество совокупного продукта зависит от количества применяемого труда, то с уменьшением последнего должна уменьшиться также и рента.

Это обнаруживается лишь тогда, когда исчезает *прибыль*. Пока последняя еще существует, рента может увеличиваться, несмотря на абсолютное уменьшение продукта во *всех* разрядах,

как это показывает таблица на стр. 681*. Вообще ясно, что, когда существует одна лишь рента, с уменьшением продукта, а следовательно и прибавочного продукта, должна уменьшаться и сама рента. Это происходило бы быстрее с самого же начала, если бы вместе с ростом переменного капитала возрастала и стоимость постоянного капитала.

Но и помимо этого, таблица на стр. 681 показывает, что рост дифференциальной ренты, при уменьшении производительности земледелия, *также и на, лучших разрядах земли* всегда сопровождается уменьшением массы совокупного продукта, приходящейся на авансированный капитал определенной величины, например в 100 ф. ст. Рикардо не имеет об этом никакого представления. Норма прибыли уменьшается потому, что тот же капитал, например в 100 ф. ст., приводит в движение все *меньшее количество* труда и оплачивает этот труд дороже, а следовательно накопляет все меньший избыток. Но при данной производительности количество действительно полученного продукта зависит, как и прибавочная стоимость, от числа рабочих, применяемых капиталом. Это Рикардо упускает из виду, точно так же как он упускает из виду и то обстоятельство, что рента образуется не только путем превращения прибавочной стоимости в ренту, но и путем превращения капитала в прибавочную стоимость. Разумеется, это превращение капитала в прибавочную стоимость — лишь кажущееся. Если бы рыночная стоимость определялась стоимостью продукта в III разряде и т. д., то в каждой частице прибавочного продукта была бы представлена прибавочная стоимость, был бы представлен прибавочный труд. Далее, Рикардо всегда имеет в виду только то обстоятельство, что для производства такого же количества продукта необходимо применить больше труда, но он упускает из виду то, что является решающим для определения как нормы прибыли, так и массы произведенного продукта, а именно, что при том же капитале применяется непрерывно уменьшающееся количество живого труда, из которого [при допущении нисходящей линии] все большая часть приходится на необходимый труд и все меньшая — на прибавочный труд.

Все это приводит к выводу, что Рикардо, даже если рассматривать ренту только как дифференциальную ренту, не сделал в этом вопросе ни малейшего шага вперед по сравнению со своими предшественниками. Его значительной заслугой в этой области является то, на что указал Де Квинси, а именно — *научная* формулировка вопроса. Но при решении вопроса

* См. настоящий том, часть II, стр. 500—501. *Ред.*

Рикардо принимает взгляды своих предшественников. Де Квинси говорит следующее:

«В учение о земельной ренте Рикардо внес то новое, что свел его к вопросу, действительно ли рента отменяет закон стоимости» *(Th. De Quincey.* The Logic of Political Economy. Edinburgh and London. 1844, стр. 158).

Далее, на стр. 163 того же сочинения, Де Квинси говорит:

«Рента — это та часть продукта земли (или *какого-либо другого фактора производства),* которая уплачивается собственнику земли за *пользование ее дифференцированными силами,* измеряемыми посредством сравнения с силами подобных же факторов, выступающих на том же рынке».

В дальнейшем, на стр. 176, Де Квинси пишет:

«Против Рикардо возражают, что собственники земли № 1 не станут отдавать ее даром. Но в тот *период»* {в этот *мифологический* период!}, «когда возделывается только № 1, не мог еще образоваться *особый класс арендаторов и съемщиков,* отличный от *класса собственников земли».*

[688] Таким образом, по Де Квинси, этот закон «земельной собственности» имеет силу только до тех пор, пока не существует *никакой* земельной собственности в современном смысле слова.

Перейдем теперь к цитатам из Рикардо.

[г) ИСТОРИЧЕСКАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ ПОВЫШЕНИЯ НОРМЫ ПРИБЫЛИ ПРИ ОДНОВРЕМЕННОМ ПОВЫШЕНИИ ЦЕН НА ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ПРОДУКТЫ. ВОЗМОЖНОСТИ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В ЗЕМЛЕДЕЛИИ]

(Предварительно еще следующее замечание о *дифференциальной ренте:* в реальной действительности восходящая и нисходящая линии сменяются одна другой, перекрещиваются и переплетаются друг с другом.

Но это отнюдь не значит, что если в отдельные короткие периоды (как, например, с 1797 по 1813 г.) значительно преобладает движение по нисходящей линии, то *в силу этого* должна падать норма прибыли (в той мере, в какой норма прибыли определяется нормой прибавочной стоимости). Напротив, я думаю, что в период 1797—1813 гг. норма прибыли в Англии необычайно повысилась, несмотря на сильное повышение цен на пшеницу и вообще на земледельческие продукты. Я не знаю ни одного английского статистика, который не разделял бы мнения о том, что за упомянутый период норма прибыли повысилась. Отдельные экономисты, как, например, Чалмерс, Блейк и др., ссылались на этот факт для подтверждения своих собственных теорий. Предварительно я должен еще заметить,

что совершенно нелепой является попытка объяснить повышение цен на пшеницу, имевшее место в течение этого периода, обесценением денег. Никто из изучавших историю товарных цен за этот период не может разделять подобный взгляд. Кроме того, цены начинают расти, — и этот их рост достигает значительной высоты, — задолго до того, как наступает какое бы то ни было обесценение денег. С того момента, как оно наступает, следует просто делать соответствующий вычет из цен. Если же спросить, почему, несмотря на повышение хлебных цен, норма прибыли возросла, то это может быть объяснено следующими обстоятельствами: удлинением рабочего дня, что является непосредственным следствием введения новых машин; удешевлением фабричных и колониальных товаров, входящих в потребление рабочих; падением заработной платы (хотя номинальная заработная плата и повысилась) *ниже* ее обычного среднего уровня {этот факт для рассматриваемого периода является общепризнанным; *П. Дж. Стирлинг* (в «The Philosophy of Trade» etc., Edinburgh, 1846), в общем принимающий теорию земельной ренты Рикардо, пытается, тем не менее, доказать, что *непосредственным* следствием постоянного (т. е. такого, которое не определяется случайными неурожаями) вздорожания хлеба всегда бывает понижение средней заработной платы[116]}; наконец, возрастание нормы прибыли объясняется и тем, что вследствие займов и государственных расходов спрос на капиталы увеличивался еще сильнее, чем их предложение, а это вызвало повышение *номинальной* цены товаров, благодаря чему фабриканты отнимают обратно у загребателей земельной ренты и у других лиц, получающих фиксированный доход, часть той доли продукта, которая была уплачена в форме ренты и т. д. Подобного рода операции не относятся к предмету нашего исследования здесь, где мы рассматриваем основные отношения и, следовательно, имеем перед собой только три класса — земельных собственников, капиталистов и рабочих. Однако эти операции — при соответствующих обстоятельствах — играют значительную роль на практике, как это показал *Блейк*[117].) [688]

* * *

[689] {Г-н *Халлетт* из Брайтона экспонировал на выставке 1862 года[118] «породистую семенную пшеницу». «Г-н Халлетт утверждает, что колосья зернового хлеба, подобно скаковым лошадям, нуждаются в тщательном уходе, тогда как обычно их выращивают кое-как, не принимая во внимание теорию естественного отбора. Для иллюстрации того, что может сделать — даже с пшеницей — хороший уход, приводятся некоторые замечательные примеры. В 1857 г. г-н Халлетт высеял один колос красной пшеницы

наилучшего качества, который был длиною в $4^3/_8$ дюйма и содержал 47 зерен. Из полученного г-ном Халлеттом небольшого урожая он снова отобрал в 1858 г. наилучший колос длиною в $6^1/_2$ дюймов и с 79 зернами; это было повторено в 1859 г. опять-таки с наилучшим колосом, который на этот раз был длиною в $7^3/_4$ дюйма и содержал 91 зерно. Следующий год, 1860-й, был неблагоприятен для опытов по агрикультуре, и колосья пшеницы не становились ни лучше, ни больше; но уже годом позже, в 1861 г., наилучший колос был длиною в $8^3/_4$ дюйма, и на одном стебле находилось 123 зерна. Таким образом, за пять лет длина колоса пшеницы удвоилась, а количество зерен почти утроилось. Эти результаты были достигнуты благодаря такой системе, которую г-н Халлетт называет *«естественной* системой» выращивания пшеницы, т. е. благодаря тому, что отдельные зерна были рассажены на таком расстоянии одно от другого — около 9 дюймов по всем направлениям, — чтобы каждое зерно имело достаточно места для полного развития... Г-н Халлетт утверждает, что производство хлеба в Англии могло бы быть удвоено, если бы сеяли «породистую пшеницу» и применяли «естественную систему» выращивания. Он заявляет, что от отдельных зерен, посаженных в надлежащее время, по одному только зерну на каждый квадратный фут земли, он получал растения, состоящие в среднем из 23 колосьев, с 36 приблизительно зернами в каждом колосе. Соответственно этому продукт одного акра земли, по точному подсчету, составлял 1001880 колосьев, тогда как акр, засеянный обычным способом, при затрате в двадцать с лишним раз большего количества семян давал только 934120 колосьев пшеницы, т. е. на 67760 колосьев меньше...»}

[д) ТРАКТОВКА ПАДЕНИЯ НОРМЫ ПРИБЫЛИ У РИКАРДО И ЕЕ СВЯЗЬ С ЕГО ТЕОРИЕЙ РЕНТЫ]

[Падение нормы прибыли доказывается у Рикардо следующим образом:]

«С прогрессом общества естественная цена труда всегда имеет тенденцию повышаться, потому что один из главных товаров, регулирующих естественную цену труда, имеет тенденцию становиться дороже вследствие возрастающей трудности его производства. Так как, однако, улучшения в земледелии и открытие новых рынков, откуда можно ввозить продовольствие, могут на протяжении некоторого времени противодействовать тенденции к повышению цен на предметы необходимости и даже вызывать падение их естественной цены, то эти же причины будут оказывать соответствующее действие и на естественную цену труда.

Естественная цена всех товаров, кроме сырых продуктов и труда, имеет тенденцию падать по мере роста богатства и населения; ибо, хотя, с одной стороны, их действительная стоимость повышается вследствие повышения естественной цены того сырья, из которого они сделаны, но это повышение более чем уравновешивается улучшениями в машинах, лучшим разделением и распределением труда и растущим совершенствованием производителей в науках и ремеслах» (цит. соч., стр. 86—87) [Русский перевод, том I, стр. 85—86].

«С ростом населения цены на предметы необходимости будут постоянно повышаться, так как для их производства будет требоваться больше труда... Поэтому денежная заработная плата рабочих будет не падать, а повышаться, но не в такой мере, которая была бы достаточна для того, чтобы рабочий имел возможность покупать столько же предметов комфорта

и необходимости, сколько он покупал до повышения цены этих товаров... Несмотря на то, что рабочий на самом деле оплачивался бы хуже, все же *этот рост его заработной платы необходимо уменьшил бы прибыль фабриканта,* ибо последний продавал бы свои товары по цене не более высокой, тогда как издержки их производства возросли бы...

Итак, оказывается, что та же причина, которая повышает ренту, а именно возрастающая трудность производства добавочного количества предметов питания с помощью пропорционально такого же количества труда, повышает также и заработную плату. А потому, при неизменной стоимости денег, и рента и заработная плата будут иметь тенденцию повышаться с ростом богатства и населения.

Но между ростом ренты и ростом заработной платы есть существенная разница. Повышение денежной стоимости ренты сопровождается [690] увеличением ее доли в продукте: увеличивается не только денежная рента земельного собственника, но и его рента, выраженная в хлебе... Судьба рабочего будет менее счастливой: правда, он будет получать более высокую заработную плату в деньгах, но его заработная плата, выраженная в хлебе, уменьшится; и он не только будет теперь распоряжаться меньшим количеством хлеба, но ухудшится также и его общее положение, потому что ему труднее будет поддерживать рыночную норму заработной платы выше ее естественной нормы» (цит. соч., стр. 96—98) [Русский перевод, том I, стр. 91—92].

«Если предположить, что хлеб и промышленные товары продаются всегда по одной и той же цене, то прибыль будет высока или низка в зависимости от того, низка или высока заработная плата. Но предположим, что хлеб повышается в цене, потому что требуется большее количество труда для его производства; эта причина не повысит цены промышленных товаров, для производства которых не требуется добавочного количества труда... Если вместе с повышением цены хлеба повысится заработная плата, — а это безусловно произойдет, — то их [фабрикантов] прибыли необходимо упадут» (цит. соч., стр. 108) [Русский перевод, том I, стр. 98].

«По могут спросить, не будет ли по крайней мере фермер получать прежнюю норму прибыли, хотя он и должен платить добавочную сумму в качестве заработной платы. Конечно, нет: ведь ему придется не только платить более высокую заработную плату каждому занятому у него рабочему (как это приходится делать и фабриканту), но и платить ренту или же применять добавочное число рабочих для получения того же количества продукта. А повышение цены сырых продуктов будет лишь соответствовать этой ренте или этому добавочному числу рабочих, и оно не компенсирует фермеру повышения заработной платы» (цит. соч., стр. 108) [Русский перевод, том I, стр. 99].

«Мы показали, что на ранних стадиях общественного развития как доля земельного собственника, так и доля рабочего в стоимости продукта земли была невелика и что она возрастает пропорционально возрастанию богатства общества и трудности производства пищи» (стр. 109) [Русский перевод, том I, стр. 99].

Это — странная буржуазная фантазия относительно «ранних стадий общественного развития». На этих ранних стадиях работник является либо рабом, либо крестьянином, живущим своим собственным трудом, и т. д. В первом случае он вместе с землей принадлежит земельному собственнику; во втором — он сам для себя и земельный собственник. В обоих случаях

нет капиталиста, стоящего между земельным собственником и сельским рабочим. То, что является лишь последним результатом капиталистического производства — подчинение ему земледелия, вытекающее *отсюда* превращение рабов или крестьян в наемных рабочих и вклинивание капиталиста между земельным собственником и рабочим, — все это Рикардо представляет себе как такое явление, которое присуще «ранним стадиям общественного развития».

«Таким образом, прибыль имеет естественную тенденцию падать, ибо с ростом общества и богатства приходится затрачивать все больше и больше труда для производства требующегося добавочного количества предметов питания. К счастью, эта тенденция прибыли, это, так сказать, ее тяготение, время от времени задерживается улучшениями в машинах, применяемых в производстве предметов необходимости, а также открытиями в агрономической науке, которые дают нам возможность обходиться меньшим количеством труда, чем требовалось раньше, и таким путем понижать цену предметов первой необходимости для рабочего» (цит. соч., стр. 120—121) [Русский перевод, том I, стр. 106].

Следующая фраза Рикардо прямо говорит о том, что под *нормой прибыли* он понимает *норму прибавочной стоимости:*

«Хотя производится большая *стоимость,* но зато и *большая доля того, что остается от этой стоимости* после уплаты ренты, потребляется производителями, а *это,* и *только это, и определяет размеры прибыли»* (цит. соч., стр. 127) [Русский перевод, том I, стр. 110].

Это значит: если оставить в стороне ренту, норма прибыли равняется избытку стоимости товара над стоимостью труда, оплаченного в период производства этого товара, или над той частью стоимости товара, которую потребляют *производители.* Здесь Рикардо называет производителями только рабочих[119]. Он принимает, что *произведенная стоимость* произведена ими. Следовательно, он определяет здесь прибавочную стоимость как ту часть самими рабочими произведенной стоимости, которую они производят для капиталиста[*].

Но если Рикардо отождествляет норму прибавочной стоимости с нормой прибыли и если он вместе с тем предполагает, — а он так и делает, — что продолжительность рабочего дня заранее дана, то тенденция нормы прибыли к падению может

---

[*] [691] Относительно *происхождения прибавочной стоимости* Рикардо говорит:

«В форме денег... капитал не производит никакой прибыли; в форме материалов, машин и предметов питания, на которые его можно обменять, он *произвел бы доход»* (цит. соч., стр. 267) [Русский перевод, том I, стр. 193—194]. «Капитал владельца ценных бумаг [692] никогда не может быть сделан производительным — *это, в действительности, вовсе не капитал.* Если бы владелец ценных бумаг захотел продать их и употребить полученный за них капитал производительно, он мог бы это сделать, только отвлекая капитал покупателя его ценных бумаг от какого-нибудь производительного употребления» (стр. 289, примечание) [Русский перевод, том I, стр. 207].

[692]

быть объяснена лишь теми причинами, которые вызывают падение нормы прибавочной стоимости. Падение нормы прибавочной стоимости — при данной величине рабочего дня — возможно лишь при том условии, что норма заработной платы все время повышается. А это может иметь место лишь в том случае, если стоимость предметов необходимости все время повышается, что, в свою очередь, возможно лишь при непрерывном ухудшении условий производства в земледелии, т. е. при допущении правильности рикардовской теории земельной ренты. Так как Рикардо отождествляет норму прибавочной стоимости и норму прибыли [691] и так как норма прибавочной стоимости исчисляется лишь по отношению к переменному капиталу, затрачиваемому на заработную плату, то Рикардо, как и А. Смит, предполагает, что *стоимость всего продукта* — после вычета ренты — делится между рабочим и капиталистом, т. е. делится на заработную плату и прибыль. Иначе говоря, Рикардо делает то ошибочное предположение, будто весь авансированный капитал состоит только из переменного капитала. Так, например, после цитированного выше места он продолжает:

«Когда в обработку поступает худшая земля или на старой земле затрачивается добавочное количество капитала и труда с меньшим результатом, указанные выше последствия будут иметь место постоянно: более значительная часть той доли продукта, которая остается после уплаты ренты и подлежит разделу между собственниками капитала и рабочими, будет доставаться последним» (цит. соч., стр. 127—128) [Русский перевод, том I, стр. 110].

Непосредственно вслед за этим Рикардо продолжает:

«Каждый рабочий, возможно и даже вероятно, будет иметь меньшее абсолютное количество продукта; но так как по отношению ко всему продукту, удерживаемому фермером, будет занято больше рабочих, то заработная плата будет поглощать стоимость более значительной доли всего продукта, и, следовательно, на оплату прибыли пойдет стоимость менее значительной доли продукта» (стр. 128) [Русский перевод, том I, стр. 110].

А немного выше Рикардо пишет:

«То количество продукта земли, которое остается после того, как произведена уплата земельному собственнику и рабочему, необходимым образом принадлежит фермеру и *составляет прибыль на его капитал»* (стр. 110) [Русский перевод, том I, стр. 99—100].

В конце раздела «*О прибыли»* (глава 6-я) Рикардо говорит, что его анализ падения нормы прибыли остается верным даже в том случае, если бы сделано было — неправильное — предположение, что *цены товаров* повышаются вместе с повышением денежной заработной платы рабочих:

«В главе о заработной плате мы старались показать, что *денежная цена товаров не повышается при повышении заработной платы...* Но даже если бы дело обстояло иначе, даже если бы высокая заработная плата вызывала постоянное повышение товарных цен, то все же осталось бы верным утверждение, что высокая заработная плата неизменно отражается на тех, кто применяет наемный труд, что она лишает их части их действительной прибыли. Предположим, что шляпник, чулочник и сапожник платят каждый на 10 ф. ст. больше заработной платы при производстве определенного количества своих товаров и что цена шляп, чулок и башмаков поднялась на сумму, достаточную для возмещения каждому из них этих 10 ф. ст. В этом случае *их положение было бы не лучше, чем в том случае, если бы такое повышение товарных цен не имело места.* Если бы чулочник продал свои чулки за 110 ф. ст. вместо 100, то его прибыль была бы в точности равна такой же сумме денег, что и раньше; но так как в обмен на эту одинаковую сумму денег он получил бы на одну десятую меньшее количество шляп, башмаков и всякого другого товара и так как *при прежнем размере своих сбережений»* (т. е. при том же капитале) «он *мог бы применять меньше рабочих вследствие повышения заработной платы* и покупать меньше сырых материалов вследствие повышения их цен, то он был бы не в лучшем положении, чем если бы общая сумма его денежной прибыли действительно уменьшилась, а цены всех промышленных товаров остались без изменения» (стр. 129) [Русский перевод, том I, стр. 111].

Рикардо, который в других местах всегда подчеркивал в своей аргументации лишь то, что на худшей земле приходится для производства *того же количества продуктов* оплачивать *большее число рабочих,* здесь, наконец, выдвигает тот момент, который имеет решающее значение для нормы прибыли, а именно, что при той же сумме капитала *применяется меньше рабочих вследствие повышения заработной платы.* В остальном он не совсем прав. Если цена шляп и т. д. повышается на 10%, то положение капиталиста не меняется, но земельный собственник был бы вынужден при покупке всех этих товаров отдавать большую сумму из своей ренты. Например, его рента увеличилась с 10 ф. ст. до 20. Но на эти 20 ф. ст. он получает пропорционально меньшее количество шляп и т. д., чем раньше на 10 ф. ст.

Рикардо совершенно верно говорит:

«При прогрессирующем состоянии общества чистый продукт земли, по отношению к ее валовому продукту, постоянно уменьшается» (стр. 198) [Русский перевод, том I, стр. 150].

Это положение имеет у Рикардо тот смысл, что при прогрессирующем состоянии общества рента не повышается. Действительная причина [уменьшения чистого продукта по отношению к валовому продукту] состоит в том, что при прогрессирующем состоянии общества переменный капитал уменьшается по отношению к постоянному капиталу. [691]

[692] Что с прогрессом производства постоянный капитал возрастает по отношению к переменному, это признаёт сам Рикардо, но только в форме возрастания основного капитала по отношению к оборотному:

«В богатых и могущественных странах, где большие капиталы вложены в машины, внезапные перемены в торговле и промышленности вызывают больше бедствий, чем в странах более бедных, *где имеется пропорционально гораздо меньше основного капитала и гораздо больше оборотного* и где, следовательно, *более значительная часть работы производится человеческим трудом.* Оборотный капитал не так трудно, как основной капитал, извлечь из той отрасли, в которой он занят. Машины, изготовленные для одной отрасли промышленности, часто совершенно не могут быть приспособлены для другой; напротив, одежда, пища и жилище рабочего одной отрасли могут служить для поддержания жизни рабочего и в другой отрасли»

(здесь, следовательно, под оборотным капиталом понимается лишь переменный капитал, затрачиваемый на заработную плату),

«или тот же самый рабочий может получить ту же пищу, одежду и жилище, хотя бы он и переменил свое занятие. Это, однако, такое зло, с которым богатая нация должна мириться; и жаловаться на это было бы столь же неразумно, как если бы богатый купец стал горевать по поводу того, что его корабль подвергается всем опасностям на море, тогда как хижине его бедного соседа подобного рода опасности совершенно не угрожают» (цит. соч., стр. 311) [Русский перевод, том I, стр. 220].

Рикардо сам указывает на такую причину повышения ренты, которая совершенно не зависит от повышения цен земледельческих продуктов:

«Всякий капитал, закрепленный в земле, необходимо превращается по окончании срока аренды в нечто принадлежащее *земельному собственнику,* а не арендатору. Всякое вознаграждение, какое земельный собственник может получить за этот капитал, сдавая снова в аренду свою землю, *примет форму ренты;* но никто не стал бы платить ренту, если бы при помощи капитала определенной величины можно было получить из-за границы большее количество хлеба, чем то, какое может быть выращено на этой земле внутри страны» (цит. соч., стр. 315, примечание) [Русский перевод, том I, стр. 223].

О том же предмете Рикардо говорит:

«В одной из предыдущих частей этого сочинения я отметил разницу между рентой в собственном смысле этого слова и тем вознаграждением, которое под этим названием уплачивается земельному собственнику за те или другие выгоды, которые он, благодаря затрате своего капитала, доставил арендатору. Но я, быть может, недостаточно ясно указал различие, проистекающее из различных способов приложения этого капитала. Так как часть этого капитала, однажды затраченная на улучшение фермы, неразрывно срастается с землей и приводит к увеличению ее производительных сил, то *вознаграждение, уплачиваемое земельному собственнику за пользование землей, имеет полностью характер ренты* и подчиняется

всем законам ренты. Делается ли улучшение за счет земельного собственника или арендатора, оно и в том и в другом случае не было бы первоначально предпринято, если бы не было весьма вероятным, что доход от улучшенной земли будет по меньшей мере равен той *прибыли,* которая может быть получена при вложении любого другого капитала равной величины. Но раз это улучшение сделано, то *в дальнейшем* доход, получаемый от улучшенной земли, *будет уже полностью иметь характер ренты* и будет подчиняться всем тем изменениям, которым подвергается рента. Однако некоторые из этих издержек улучшают землю только на ограниченный период и не приводят к длительному повышению ее производительных сил: так, если они затрачены на здания или на другие улучшения преходящего характера, то их необходимо постоянно возобновлять, и поэтому они не дают земельному собственнику какой-нибудь постоянной прибавки к его действительной ренте» (стр. 306, примечание) [Русский перевод, том I, стр. 216—217].

Рикардо говорит:

«Во всех странах и во все времена *прибыль зависит* от количества труда, требующегося для снабжения рабочих предметами необходимости, производимыми на той земле или с тем капиталом, которые не дают никакой ренты» (стр. 128) [Русский перевод, том I, стр. 110].

Согласно этому взгляду, прибыль арендатора на той земле, которая, по Рикардо, не платит ренты, — т. е. на наихудшей земле — регулировала бы общую норму прибыли. Ход рассуждения у Рикардо таков: продукт наихудшей земли продается по его *стоимости* и не приносит никакой ренты; здесь, следовательно, отчетливо видно, сколько прибавочной стоимости остается капиталисту после вычета той части стоимости продукта, которая представляет собой лишь эквивалент для рабочего; и эта прибавочная стоимость есть прибыль. В основе этого рассуждения лежит предпосылка, что *цена издержек* и *стоимость* тождественны, что, так как данный продукт продается по цене издержек, то он продается по стоимости.

Исторически и теоретически это неверно. Я показал*, что там, где существуют капиталистическое производство и земельная собственность, там земля или шахта наихудшего разряда может не давать ренты только потому, что в этом случае ее продукт продается *ниже его* [индивидуальной] *стоимости,* когда его продают по рыночной стоимости (регулируемой не им самим). Ибо рыночная стоимость продукта покрывает здесь как раз только его *цену издержек.* Но чем регулируется эта цена издержек? Нормой прибыли *неземледельческого капитала,* в определение которой, естественно, входит также и цена хлеба, хотя относительно последней отнюдь нельзя сказать, что единственно она определяет норму прибыли. Утверждение

* См. настоящий том, часть II, стр. 320. *Ред.*

Рикардо было бы правильно только в том случае, если бы стоимости и цены издержек были тождественны. [693] Да и исторически, — в связи с тем, что капиталистическое производство появляется в земледелии позднее, чем в промышленности, — земледельческая прибыль определяется промышленной прибылью, а не наоборот. Верно только то, что на наихудшей земле, приносящей прибыль, но не ренту, и продающей свой продукт по цене издержек, *проявляется,* явственно выступает средняя норма прибыли, но отнюдь не верно, что средняя прибыль этим *регулируется,* что означало бы нечто совсем другое.

Норма прибыли может падать без того, чтобы повышались *норма процента* и *норма ренты.*

«Из анализа прибыли на капитал, данного нами, явствует, что никакое накопление капитала не может постоянно понижать прибыль*, если нет какой-нибудь постоянной причины, вызывающей повышение заработной платы... Если бы количество предметов необходимости, потребляемых рабочими, всегда можно было увеличивать с одинаковой легкостью, то не было бы постоянных изменений нормы прибыли или заработной платы» (следовало бы сказать: нормы прибавочной стоимости и стоимости труда), «каких бы размеров ни достигало накопление капитала. Адам Смит, однако, неизменно относит падение прибыли за счет накопления капитала и возникающей отсюда конкуренции, никогда не обращая при этом внимания на возрастающую трудность добывания предметов питания для добавочного числа рабочих, применяемых добавочным капиталом» (цит. соч., стр. 338—339) [Русский перевод, том I, стр. 238].

Все это было бы верно только в том случае, если бы прибыль была тождественна прибавочной стоимости.

Итак, А. Смит говорит, что с накоплением капитала норма прибыли падает вследствие возрастающей конкуренции между капиталистами; Рикардо же говорит, что норма прибыли падает вследствие растущего ухудшения условий производства в земледелии (вздорожание предметов необходимости). Мы опровергли его взгляд, который был бы правилен лишь в том Случае, если бы норма прибавочной стоимости и норма прибыли были тождественны, т. е. если бы норма прибыли могла падать только вследствие повышения нормы заработной платы (предполагая рабочий день неизменным). Воззрение Смита основано на том, что он (в его неправильном и им же самим опровергнутом понимании стоимости) рассматривает стоимость как результат сложения заработной платы, прибыли и ренты. По его мнению, накопление капиталов вынуждает понижать *произвольно*

---

* Под прибылью Рикардо понимает здесь ту часть прибавочной стоимости, которую забирает себе капиталист, но отнюдь не прибавочную стоимость в целом. Насколько неверно утверждение, что прибавочная стоимость может падать в результате накопления капитала, настолько же это верно относительно [нормы] прибыли.

установленные прибыли, не имеющие для себя никакой имманентной меры, путем понижения товарных цен, по отношению к которым, согласно этому взгляду, прибыли образуют чисто номинальную надбавку.

Рикардо, разумеется, теоретически прав, выдвигая против Смита тот довод, что накопление капиталов не вносит изменений в определение стоимости товаров; но Рикардо глубоко ошибается, пытаясь опровергнуть Смита указанием на то, что в стране не может-де быть *перепроизводства.* Рикардо отрицает возможность чрезмерного изобилия капитала, признание которой в последующий период утвердилось в английской политической экономии как общепринятая аксиома.

Во-первых, Рикардо упускает из виду, что в реальной действительности, где друг другу противостоят не две только стороны — капиталист и рабочий, а [промышленный] капиталист, рабочий, земельный собственник, денежный капиталист, получатели фиксированных доходов от государства и т. д., — что в этих условиях падение товарных цен, которое бьет по обоим, и по промышленному капиталисту и по рабочему, оказывается выгодным для других классов.

Во-вторых, Рикардо упускает из виду, что капиталистическое производство ведется отнюдь не в произвольно устанавливаемых размерах, но что чем больше оно развивается, тем в большей степени вынуждено оно производить в таких размерах, которые не находятся ни в какой связи с непосредственным спросом, а зависят от непрерывного расширения мирового рынка. Рикардо прибегает к нелепой предпосылке Сэя, будто капиталист производит не ради прибыли, не ради прибавочной стоимости, а непосредственно для потребления, ради потребительной стоимости — ради своего собственного потребления. Рикардо упускает из виду, что товар должен быть превращен в деньги. Спрос со стороны рабочих недостаточен, ибо прибыль как раз потому и существует, что спрос, который могут предъявить рабочие, меньше стоимости их продукта, и она, прибыль, тем больше, чем относительно меньше этот спрос. Точно так же недостаточен и спрос со стороны капиталистов, предъявляемый ими друг к другу. Перепроизводство не вызывает *постоянного* падения прибыли, но оно постоянно повторяется *через определенные периоды.* За перепроизводством следует недопроизводство и т. д. Перепроизводство проистекает как раз из того, что масса населения никогда не имеет возможности потреблять больше среднего количества необходимых жизненных средств и, следовательно, ее потребление не возрастает соответственно увеличению производительности труда. Впрочем,

весь этот отдел относится к *конкуренции капиталов.* Все, что говорит об этом Рикардо, не стоит и ломаного гроша. (Это — глава 21-я, озаглавленная *«Влияние накопления на прибыль и процент».*)

«Возможен только один случай, — да и тот носит *временный характер,* — когда накопление капитала при низких ценах на продовольствие сопровождается падением нормы прибыли. И это имеет место тогда, когда фонд на содержание труда увеличивается гораздо быстрее, чем население; в этом случае заработная плата будет высока, а норма прибыли низка» (стр. 343) [Русский перевод, том I, стр. 241].

Возражая *Сэю,* Рикардо [в той же главе *«Влияние накопления на прибыль и процент»]* иронически замечает по поводу соотношения между прибылью и процентом:

«Г-н Сэй допускает, что норма процента зависит от нормы прибыли, но из этого не следует, что норма прибыли зависит от нормы процента. Первая является причиной, вторая — следствием, и никакие обстоятельства не могут заставить их поменяться местами» (пит. соч., стр. 353, *примечание)* [Русский перевод, том I, стр. 247].

Однако те же причины, которые приводят к падению прибыли, могут вызывать повышение процента, и наоборот[120].

* * *

[В главе *«О колониальной торговле»* Рикардо пишет:]

«Г-н Сэй признаёт, что *издержки производства* составляют основу цены, и тем не менее он утверждает в различных частях своей книги, что цены регулируются соотношением между спросом и предложением» (цит. соч., стр. 411) [Русский перевод, том I, стр. 281—282].

Как раз Рикардо [отрицающий определяющую роль спроса и предложения] должен был бы видеть из этого [сочетания у Сэя концепции издержек производства с концепцией спроса и предложения], что [694] *издержки производства* [в сэевском смысле] весьма отличны от количества труда, затраченного на производство товара. Вместо этого он продолжает:

«Действительным и решающим регулятором относительной стоимости двух каких-либо товаров являются издержки их производства» (там же).

[В той же главе *«О колониальной торговле»* Рикардо пишет:]

«И разве Адам Смит не разделяет этого взгляда» {что цены не регулируются ни заработной платой, ни прибылью}, «когда он говорит, что «*цены* товаров, или *стоимость* золота и серебра в сравнении с товарами, зависят от соотношения между *количеством труда,* необходимым для того, чтобы на рынок поступало определенное количество золота и серебра, и количеством труда, необходимым для того, чтобы на рынок поступало

определенное количество какого-нибудь другого товара»? Это количество труда не изменяется в зависимости от того, будет ли прибыль или заработная плата высока или низка. *Каким же образом высокие прибыли могут повысить цены товаров?»* (стр. 413—414) [Русский перевод, том I, стр. 283].

В приведенном месте А. Смит понимает под *ценами* не что иное, как денежное выражение *стоимостей* товаров. Тот факт, что стоимости товаров, а также стоимость золота и серебра, на которые товары обмениваются, определяются относительными количествами труда, требующимися для производства этих двух видов товаров {товаров с одной стороны, золота и серебра — с другой}, — этот факт отнюдь не противоречит тому, что «высокие прибыли могут повысить» *действительные* цены товаров, т. е. их цены издержек. Правда, не все вдруг, как это думает Смит. Но высокие прибыли, действительно, приводят к тому, что цены одной части товарной массы поднимаются над стоимостью этих товаров выше, чем это бывает при низком уровне средней прибыли, тогда как цены другой части товаров опускаются ниже их стоимости в меньшей степени, чем при низких прибылях[121].

[ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ]
РИКАРДОВСКАЯ ТЕОРИЯ НАКОПЛЕНИЯ. КРИТИКА ЕЕ. ВЫВЕДЕНИЕ КРИЗИСОВ ИЗ ОСНОВНОЙ ФОРМЫ КАПИТАЛА

[1) ОШИБКА СМИТА И РИКАРДО, УПУСКАВШИХ ИЗ ВИДУ ПОСТОЯННЫЙ КАПИТАЛ. ВОСПРОИЗВОДСТВО РАЗЛИЧНЫХ ЧАСТЕЙ ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА]

Прежде всего мы сведем воедино положения Рикардо, разбросанные по всей его книге.

«... Все продукты страны потребляются; но величайшая разница, какую только можно себе представить, заключается в том, потребляются ли они *теми, кто взамен этого производит другую стоимость, или же теми, кто такой стоимости не производит.* Когда мы говорим, что *доход сберегается* и *прибавляется к капиталу,* мы подразумеваем, что *та часть дохода, о которой говорится, что она прибавляется к капиталу, потребляется теперь производительными рабочими, а не непроизводительными».* (Рикардо проводит здесь то же различие, что и А. Смит.) «Ничего не может быть ошибочнее предположения, что *капитал растет от непотребления.* Если бы цена труда поднялась так высоко, что, несмотря на прирост капитала, нельзя было бы применить больше труда, чем прежде, то я сказал бы, что такой *прирост капитала был бы все еще потреблен непроизводительно»* (стр. 163, примечание) [Русский перевод, том I, стр. 129—130].

Здесь, стало быть, все сводится лишь к тому, потребляют ли продукт рабочие или же не они. Как у Адама Смита и у других. В действительности же речь должна здесь идти вместе с тем и о *производственном потреблении* тех товаров, которые составляют постоянный капитал и потребляются в качестве орудий труда или материала труда или же потребляются таким образом, что путем этого потребления превращаются в орудия труда и материал труда. С самого же начала ошибочным, т. е. односторонним, является представление, будто накопление капитала есть превращение дохода в заработную плату, будто оно сводится к накоплению переменного капитала. Весь вопрос о накоплении получает тем самым ложное освещение.

Прежде всего другого необходимо уяснить себе *воспроизводство постоянного капитала.* Мы рассматриваем здесь *годовое* воспроизводство, т. е. берем год как меру времени для процесса воспроизводства.

Значительная часть постоянного капитала — *основной капитал* — входит в годовой процесс труда, хотя она не входит [целиком] в годовой процесс образования стоимости. Основной капитал [в той его части, которая не входит в процесс образования стоимости] не потребляется. Стало быть, эта его часть и не должна воспроизводиться. Она *сохраняется,,* а вместе с ее потребительной стоимостью сохраняется и ее меновая стоимость — благодаря тому, что вообще входит в процесс производства и остается в соприкосновении с живым трудом. Чем больше в стране в данном году эта часть капитала, тем относительно больше чисто формальное воспроизводство (сохранение) ее в следующем году; это имеет место при предположении, что процесс производства возобновляется, продолжается, поддерживается в движении хотя бы лишь в прежнем масштабе. Ремонт и все остальное, необходимое для сохранения основного капитала, мы прибавляем к первоначально затраченным на него трудовым издержкам. С сохранением в вышеуказанном смысле это не имеет ничего общего.

Вторая часть постоянного капитала ежегодно потребляется в производстве товаров и поэтому должна воспроизводиться. Сюда относится как вся та часть основного капитала, которая ежегодно входит в процесс образования стоимости, так и вся та часть постоянного капитала, которая состоит из оборотного капитала, — сырье и вспомогательные материалы.

Что касается этой второй части постоянного капитала, то в ней следует проводить дальнейшие различия.

[695] Значительная часть того, что в одной сфере производства *выступает* как постоянный капитал — как средства труда и материал труда, — является *одновременно* продуктом в какой-нибудь параллельной сфере производства. Например, пряжа составляет часть постоянного капитала ткача; она — продукт прядильщика, еще, быть может, только за день до этого находившийся в процессе становления. Говоря здесь об *одновременности,* мы имеем в виду то, что произведено в течение *того же* года. Одни и те же товары, на различных своих фазах, проходят в течение одного и того же года через различные сферы производства. Из одной сферы они выходят как продукт, в другую входят как такой товар, который образует постоянный капитал. И в качестве постоянного капитала все они потребляются в течение данного года: либо таким об-

разом, что в товар входит только их стоимость — как это имеет место у основного капитала, — либо таким образом, что в товар входит также и их потребительная стоимость — как это имеет место у оборотного капитала. В то время как произведенный в одной сфере производства товар входит в другую сферу производства, чтобы быть потребленным здесь в качестве постоянного капитала, — наряду с этой *последовательностью* тех сфер производства, в которые вступает один и тот же товар, различные элементы этого товара, или различные фазы его, производятся *одновременно,* рядом друг с другом. В течение одного и того же года он непрерывно потребляется в одной сфере как постоянный капитал и непрерывно производится как товар в другой, параллельной сфере. Те же самые товары, которые таким путем потребляются в течение года как постоянный капитал, столь же непрерывно производятся на протяжении того же года. Машина изнашивается в сфере А. Одновременно с этим она производится в сфере *B.* Постоянный капитал, потребляемый в течение года в тех сферах производства, которые производят жизненные средства, *одновременно* производится в других сферах производства, так что *в течение* года или *в конце года* он вновь возмещен in natura[*]. И то и другое — и жизненные средства и эта часть постоянного капитала — суть продукты нового, в течение года действующего труда.

Выше я показал[**], каким образом *часть стоимости* продукта тех сфер производства, в которых производятся жизненные средства, а именно часть стоимости, возмещающая постоянный капитал этих сфер производства, образует доход для *производителей* этого постоянного капитала.

Но существует, далее, еще одна часть постоянного капитала, которая *ежегодно потребляется,* не входя составной частью в сферы производства, производящие жизненные средства (товары, пригодные для [индивидуального] потребления). Эта часть, стало быть, не может и возмещаться из этих сфер. Мы имеем в виду ту часть постоянного капитала — орудий труда, сырья, вспомогательных материалов, — которая производственно потребляется в процессе образования, производства самого постоянного капитала — машин, сырья и вспомогательных материалов. Эта часть, как мы видели[***], возмещается *in natura* либо непосредственно из продукта самих этих сфер производства (как, например, семена, скот, отчасти уголь), либо тем путем, что часть тех продуктов различных сфер производства,

[*] — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*
[**] См. настоящий том, часть I, стр. 104—118 и 224—234. *Ред.*
[***] Там же, стр. 119—132, 171—183 и 234—243. *Ред.*

которые образуют постоянный капитал, обменивается [среди производителей средств производства]. Здесь имеет место обмен капитала на капитал.

Благодаря существованию и потреблению этой части постоянного капитала увеличивается не только масса продуктов, но и *стоимость* годового продукта. Та *часть стоимости годового* продукта, которая равна стоимости этой части потребленного постоянного капитала, покупает обратно in natura или извлекает обратно из годового продукта ту часть последнего, которая должна возместить in natura потребленный постоянный капитал. Так, например, та часть стоимости посева, которую составляют семена, определяет ту часть стоимости урожая (и вместе с тем количество зерна), которая в качестве постоянного капитала должна быть возвращена земле, производству. Без вновь присоединенного в течение года труда эта часть не была бы воспроизведена; но на деле она *произведена,* прошлогодним или [вообще] прошлым трудом, и — если производительность труда не изменяется — та *стоимость,* которую эта часть присоединяет к годовому продукту, есть результат труда не текущего года, а прошлого. Чем больше, *пропорционально,* применяемый в данной стране постоянный капитал, тем больше будет и та часть постоянного капитала, которая потребляется в производстве постоянного капитала и которая не только выражается в большей массе продуктов, но и повышает стоимость этой массы продуктов. Таким образом, эта *стоимость* есть не только результат нынешнего труда, труда текущего года, но точно так же и результат прошлогоднего, прошлого труда, хотя *без* непосредственного труда данного года она так же не могла бы появиться вновь, как не мог бы появиться и тот продукт, в который она входит. Если эта часть постоянного капитала возрастает, то возрастает не только масса годового продукта, но и *стоимость* последнего, даже если бы количество годового труда оставалось неизменным. Это возрастание представляет собой форму *накопления капитала,* понять которую очень важно. И не может быть ничего более далекого от понимания этой стороны дела, чем положение Рикардо:

«Труд одного миллиона человек в промышленности всегда произведет одну и ту же стоимость, но не всегда он произведет одно и то же богатство» (пит. соч., стр. 320) [Русский перевод, том I, стр. 226].

Этот миллион человек, предполагая рабочий день данным, не только будет производить, в зависимости от производительности труда, весьма различные массы товаров, по и стоимость

этой массы будет весьма различна в зависимости от того, произведена ли она с затратой большего или меньшего постоянного капитала, присоединена ли к ней, следовательно, большая или меньшая стоимость, созданная *прошлогодним, прошлым* трудом.

[2) СТОИМОСТЬ ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА И СТОИМОСТЬ ПРОДУКТА]

Мы здесь повсюду, где речь идет о воспроизводстве постоянного капитала, простоты ради предполагаем сперва, что производительность труда, а следовательно и способ производства остаются неизменными. При данном масштабе производства подлежит возмещению в качестве постоянного капитала определенное количество продукта in natura. При неизменяющейся производительности остается без изменений также и [696] стоимость этого количества. Если наступают изменения в производительности труда, благодаря чему то же самое количество продукта может быть вновь воспроизведено дороже или дешевле, с затратой большего или меньшего труда, то наступают также изменения в стоимости постоянного капитала, которые влияют на величину избытка продукта над постоянным капиталом.

Положим, например, что для посева требуется 20 квартеров [пшеницы] по 3 ф. ст. = 60 ф. ст. Если на воспроизводство одного квартера затрачивается на одну треть труда меньше, то квартер стоит всего лишь 2 ф. ст. Из продукта надо по-прежнему вычесть, в качестве затраты на посев, 20 квартеров, но та часть, которую они составляют в стоимости всего продукта, теперь равна лишь 40 ф. ст. Для возмещения того же самого постоянного капитала потребуется тогда меньшая часть стоимости совокупного продукта и меньшая часть его в натуре, хотя в качестве семян должны быть по-прежнему возвращены земле 20 квартеров[122].

Если бы ежегодно потребляемый постоянный капитал составлял у одной нации 10 миллионов ф. ст., а у другой только 1 миллион, и вновь присоединенный в течение года труд одного миллиона человек выражался бы в 100 миллионах ф. ст., то стоимость продукта у первой нации составляла бы 110, а у другой — только 101 миллион. При этом не только возможно, но и несомненно, что единица товара была бы у нации I дешевле, чем у нации II, так как последняя при затрате того же количества [непосредственного] труда производила бы гораздо меньшую массу товаров, гораздо меньше того, что соответствовало бы разности между 10 и 1. Правда, у нации I по сравнению

со II более значительная часть стоимости продукта, а стало быть и более значительная часть совокупного продукта, идет на возмещение капитала. Но зато и совокупный продукт у нации I гораздо больше.

Относительно фабричных товаров известно, что 1 миллион человек в Англии производит не только гораздо большее количество продукта, но и продукт гораздо большей стоимости, чем, например, в России, хотя единица товара в Англии гораздо дешевле. Однако, что касается земледелия, то кажется, что там не существует такого *же* соотношения между капиталистически развитыми и сравнительно неразвитыми нациями. Продукт отсталой нации дешевле, чем продукт капиталистически развитой нации. Речь идет о *денежной цене.* И тем не менее кажется, что продукт развитой нации есть продукт гораздо меньшего количества труда (затраченного в течение года), чем продукт отсталой нации. В Англии, например, земледелием занимается меньше трети, а в России четыре пятых населения — там $^{5}/_{15}$, здесь $^{12}/_{15}$. Числа эти не следует понимать a la lettre*. Так, в Англии масса людей в *неземледельческих отраслях хозяйства* — в машиностроении, в торговле, на транспорте и т. д. — занята изготовлением и доставкой элементов сельскохозяйственного производства, чего нет в России. Таким образом, относительное количество людей, занятых в земледелии, нельзя просто определять числом непосредственно занятых в земледелии индивидов. В странах капиталистического производства в этом сельскохозяйственном производстве *косвенно* принимают участие много таких индивидов, которые в менее развитых странах подчинены ему непосредственно. Поэтому разница кажется большей, чем она есть. Но для общего уровня цивилизации страны разница эта очень важна, даже поскольку она состоит лишь в том, что значительная часть причастных к земледелию производителей не участвует в нем непосредственно и, вырванная из идиотизма деревенской жизни, принадлежит к промышленному населению.

Итак, оставим в стороне прежде всего это. Далее, оставим в стороне также и то, что большинство земледельческих народов вынуждено продавать свой продукт *ниже* его стоимости, тогда как в странах с развитым капиталистическим производством земледельческий продукт поднимается в цене до своей стоимости. Во всяком случае, в стоимость продукта английского земледельца входит такая часть стоимости постоянного капитала, которая не входит в стоимость продукта русского земледельца.

* — в буквальном смысле. *Ред.*

Предположим, что эта часть стоимости равна дневному труду 10 человек. Предположим далее, что этот постоянный капитал приводится в движение одним английским рабочим. Я говорю о той части постоянного капитала земледельческого продукта, возмещение которой — как, например, возмещение земледельческих орудий — происходит не путем затраты нового труда [земледельцев]. Если требуется 5 русских рабочих для производства того же продукта, какой производит 1 англичанин при помощи постоянного капитала [равного 10 рабочим дням], и если постоянный капитал, применяемый русским, равен 1 рабочему дню, то продукт англичанина будет равен 10 + 1 = 11 рабочим дням, а продукт русского будет равен 1 + 5 = 6. Если русская земля настолько плодороднее английской, что она без применения постоянного капитала или с помощью в 10 раз меньшего постоянного капитала производит столько же хлеба, сколько англичанин производит с капиталом в 10 раз большим, то *стоимости* одинаковых количеств английского и русского хлеба относятся как 11:6. Если бы квартер русского хлеба продавался по 2 ф. ст., то английский хлеб продавался бы по $3^2/_3$ ф. ст. за квартер, ибо $2:3^2/_3 = 6:11$. Таким образом, денежная цена и стоимость английского хлеба были бы гораздо выше, чем денежная цена и стоимость русского хлеба, но тем не менее английский хлеб был бы произведен с затратой меньшего количества [непосредственного] труда, ибо для того, чтобы *прошлый* труд вновь появился как в массе продукта, так и в его стоимости, не требуется никакой дополнительной затраты нового труда. Более высокая цена и стоимость английского хлеба всегда имела бы место в том случае, если бы англичанин, применяя меньше непосредственного труда, чем русский, в то же время применял больший постоянный капитал и если бы этот постоянный капитал, — который ему [в смысле затраты нового труда] *ничего* не стоит, хотя он в свое время стоил [определенных затрат] и должен быть оплачен, — повышал-производительность труда не в такой степени, чтобы этим было компенсировано естественное плодородие русской почвы. Денежные цены земледельческого продукта могут, следовательно, в странах капиталистического производства находиться на более высоком уровне, чем в [697] странах менее развитых, хотя на деле продукт этот стоит меньшего количества труда. Он содержит больше совокупного труда — непосредственный труд плюс прошлый труд, — но вновь появляющийся в этом продукте прошлый труд не требует никаких [новых] затрат. Продукт был бы дешевле, если бы этому не препятствовало различие в естественном плодородии. Этим можно

объяснить также и более высокие денежные ставки заработной платы [в развитых капиталистических странах].

До сих пор мы говорили только о воспроизводстве имеющегося капитала. Рабочий возмещает свою заработную плату вместе с прибавочным продуктом или прибавочной стоимостью, которая образует прибыль капиталиста (включая ренту). Он возмещает ту часть годового продукта, которая ему вновь служит в качестве заработной платы. Капиталист проел свою прибыль в течение года, но рабочий произвел такую часть продукта, которая снова может быть проедена в качестве прибыли. Часть постоянного капитала, потребленная в производстве жизненных средств, возмещается тем постоянным капиталом, который в течение года произведен новым трудом. Производители этой новой части постоянного капитала реализуют свой доход (прибыль и заработную плату) в той части жизненных средств, стоимость которой равна стоимости постоянного капитала, потребленного в производстве этих жизненных средств. Наконец, постоянный капитал, потребляемый в производстве постоянного капитала, в производстве машин, сырья и вспомогательных материалов, возмещается — in natura или путем обмена капитала на капитал — из совокупного продукта различных сфер производства, производящих постоянный капитал.

[3) НЕОБХОДИМЫЕ УСЛОВИЯ НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА. АМОРТИЗАЦИЯ ОСНОВНОГО КАПИТАЛА И ЕЕ РОЛЬ В ПРОЦЕССЕ НАКОПЛЕНИЯ]

Как же обстоит дело с *увеличением* капитала, с его *накоплением,* в отличие от воспроизводства, с *превращением дохода* в капитал?

Для упрощения вопроса предположим, что производительность труда остается той же, что не происходит никаких изменений в способе производства, что,следовательно,требуется такое же количество труда для производства того же количества товаров, что, стало быть, *увеличение* капитала стоит такого же количества труда, как и прошлогоднее производство капитала того же размера.

Часть прибавочной стоимости должна превратиться в капитал, вместо того чтобы быть потребленной как доход. Она должна быть превращена частью в постоянный, частью в переменный капитал. А та пропорция, в которой она делится на эти две различные части капитала, зависит от данного органического строения капитала, — ибо способ производства и стоимостное соотношение обеих частей остаются неизменными.

Чем выше развито производство, тем больше будет та часть прибавочной стоимости, которая превращается в постоянный капитал, по сравнению с той частью ее, которая превращается в переменный капитал.

Итак, прежде всего часть прибавочной стоимости (и та соответствующая ей часть прибавочного продукта, которая состоит из жизненных средств) должна быть превращена в переменный капитал, т. е. на нее должен быть куплен новый труд. Это возможно лишь в том случае, если возрастает число рабочих или если удлиняется рабочее время, в течение которого они работают. Последнее происходит, когда, например, часть рабочего населения была занята лишь наполовину либо на две трети или, для более или менее продолжительных периодов, также путем абсолютного удлинения рабочего дня, которое тогда, однако, должно быть оплачено. Но это нельзя считать постоянным средством накопления. Рабочее население может увеличиться, если непроизводительные ранее работники превращаются в производительных или если в процесс производства вовлекаются те части населения, которые раньше не работали, как, например, женщины и дети, пауперы. Последний пункт мы здесь оставляем в стороне. Наконец, [увеличение числа нанимаемых рабочих может иметь место] в результате того, что рабочее население абсолютно возрастает вместе с ростом всего населения. Накопление может быть постоянным, непрерывным процессом только при условии этого абсолютного возрастания населения (хотя относительно, по сравнению с применяемым капиталом, население и уменьшается). *Увеличение населения* выступает в качестве основы для накопления как постоянного процесса. Но это предполагает такую среднюю заработную плату, которая делает возможным непрерывное возрастание рабочего населения, а не только воспроизводство его. Для экстренных случаев капиталистическое производство обеспечивает себя уже тем, что оно часть рабочего населения заставляет работать чрезмерно, а другую держит in petto*, в качестве резервной армии, на положении нищих или полунищих.

Но как же обстоит дело с другой частью прибавочной стоимости, которая должна быть превращена в постоянный капитал? Для простоты мы абстрагируемся от внешней торговли и рассматриваем изолированную нацию. Возьмем пример. Пусть прибавочная стоимость, произведенная фабрикантом холста,

* — буквально: «в груди»; в переносном смысле: «в скрытом виде», «в тайнике», «в запасе». *Ред.*

равна 10000 ф. ст., половину которых, т. е. 5000 ф. ст., он хочет превратить в капитал. Из этой суммы, соответственно органическому строению капитала в механическом ткацком производстве, одна пятая должна быть затрачена на заработную плату. Мы абстрагируемся здесь от оборота капитала, при котором фабриканту, может быть, достаточно иметь сумму, рассчитанную на пять недель, по истечении которых он продает свой продукт и таким путем получает обратно из сферы обращения капитал для заработной платы. Мы предполагаем, что он должен держать в резерве у банкира 1000 ф. ст. на заработную плату (для 20 рабочих) и постепенно затрачивать их, в виде заработной платы, в течение года. Затем 4000 ф. ст. должны быть превращены в постоянный капитал. Во-первых, фабрикант должен купить столько пряжи, сколько могут переработать в холст в течение года 20 рабочих. (Мы все время абстрагируемся от обращения оборотной части капитала.) Далее, фабрикант должен увеличить количество ткацких станков на своей фабрике, а также, быть может, добавить новую паровую машину или увеличить мощность старой машины и т. д. Но для того чтобы купить все это, он должен найти в готовом виде на рынке пряжу, ткацкие станки и т. д. Он должен превратить свои 4000 ф. ст. в пряжу, ткацкие станки, уголь и т. д., [698] т. е. купить все эти вещи. Но для того чтобы их можно было купить, они должны быть налицо. Так как мы предположили, что воспроизводство старого капитала происходило при прежних условиях, то прядильщик должен был затратить весь свой капитал, чтобы доставить то количество пряжи, которое требовалось ткачам в предыдущем году. Как же сможет он удовлетворить добавочный спрос, для которого требуется добавочное предложение пряжи?

Точно так же обстоит дело с владельцем машиностроительного завода, который доставляет ткацкие станки и т. д. Он произвел лишь такое количество новых ткацких станков, которое достаточно для возмещения среднего износа станков в ткацкой промышленности. Но охваченный жаждой накопления владелец ткацкой фабрики заказывает на 3000 ф. ст. пряжи и на 1000 ф. ст. ткацких станков, угля (так как с углепромышленником дело обстоит точно так же) и т. д. Или же он дает владельцу прядильной фабрики 3000 ф. ст., машиностроителю и углепромышленнику и т. д. — 1000 ф. ст., чтобы они превратили для него эти деньги в пряжу, станки и уголь. Следовательно, ему пришлось бы подождать окончания этого процесса, прежде чем он мог бы начать свое накопление, свое производство нового холста. Это — первый перерыв.

Но владелец прядильной фабрики с полученными им 3000 ф. ст. оказывается, в свою очередь, в таком же положении, как и владелец ткацкой фабрики с 4000 ф. ст., с той только разницей, что он из полученных им 3000 ф. ст. сейчас же вычитает свою прибыль. Он может найти добавочное количество прядильщиков, но ему нужны лен, веретена, уголь и т. д. Точно так же углепромышленнику нужны, кроме новых рабочих, новые машины или орудия. А владельцу машиностроительного завода, который должен доставить новые ткацкие станки, веретена и т. д., требуется, кроме добавочных рабочих, еще железо и т. д. Но хуже всего обстоит дело с производителем льна, который добавочное количество льна может доставить только в следующем году, и т. д.

Следовательно, для того чтобы владелец ткацкой фабрики имел возможность без проволочек и перерывов ежегодно превращать часть своей прибыли в постоянный капитал — и чтобы накопление было не прерывным процессом, — необходимо, чтобы он находил в готовом виде на рынке добавочное количество пряжи, ткацких станков и т. д. Если он, а также владелец прядильной фабрики, углепромышленник и т. д. найдут на рынке в готовом виде лен, веретена и машины, то им надо будет только нанять больше рабочих.

Та часть постоянного капитала, которая ежегодно учитывается как изношенная и входит в качестве износа в стоимость продукта, на деле *не* выходит из употребления. Возьмем, например, машину, которая функционирует в течение 12 лет и стоит 12000 ф. ст.; средний износ такой машины, который следует учитывать каждый год, равен 1000 ф. ст. Тогда к концу двенадцати лет, поскольку ежегодно в продукт входит 1000 ф. ст., будет воспроизведена стоимость в 12000 ф. ст., и можно будет купить новую машину такого же рода за эту цену. Ремонт и текущие починки, которые необходимы в течение 12 лет, мы причисляем к издержкам производства машины, и они не имеют никакого отношения к нашему вопросу. Но на самом деле действительность отличается от такого среднего расчета. Возможно, что во втором году машина работает лучше, чем в первом. И все же по истечении 12 лет ею уже нельзя пользоваться. Тут происходит то же, что и с домашним животным, средняя продолжительность жизни которого составляет 10 лет, но которое тем не менее в силу этого не отмирает ежегодно на одну десятую, хотя по истечении десяти лет оно должно быть заменено новым экземпляром того же рода. Конечно, в течение *одного и того же* года определенное число машин и т. д. всегда вступает в такую стадию, когда они действительно должны быть

заменены новыми машинами. Следовательно, ежегодно приходится определенное количество старых машин и т. д. действительно, in natura, заменять новыми. И этому соответствует среднее ежегодное производство машин и т. д. Стоимость для их оплаты берется из выручки за товары в соответствии с периодом их (машин) воспроизводства. Но остается в силе тот факт, что хотя значительная часть стоимости годового продукта (той стоимости, которая ежегодно уплачивается за этот продукт) необходима для замены, например через 12 лет, старых машин новыми, — но она отнюдь не требуется в действительности для того, чтобы ежегодно была заменена in natura двенадцатая часть их, что на деле было бы даже невыполнимо. Этот фонд может быть отчасти использован для выдачи заработной платы или для покупки сырья — до того, как продан или оплачен товар, который все время выбрасывается в сферу обращения, но не тотчас же возвращается из нее. Однако невозможно, чтобы использование этого фонда в каждом данном случае длилось целый год напролет, ибо товары, совершающие свой оборот в течение года, должны полностью реализовать свою стоимость, т. е. должны оплатить, реализовать содержащиеся в них заработную плату, сырье, износ машин и прибавочную стоимость.

Итак, там, где применяется много постоянного капитала, а следовательно, также и много основного капитала, эта часть стоимости продукта, возмещающая износ основного капитала, представляет собой *фонд накопления,* который может быть использован тем, кто его применяет, для вложения в дело нового основного капитала (или же оборотного капитала), причем для этой части накопления не производится никакого вычета из прибавочной стоимости. (Смотри *Мак-Куллоха.*)[123] Такого фонда накопления не существует на тех ступенях производства и у тех наций, где нет большого основного капитала. Это важный пункт. Мы имеем здесь фонд для постоянных затрат на улучшения, расширения и т. д.

[4) СВЯЗЬ МЕЖДУ ОТРАСЛЯМИ ПРОИЗВОДСТВА В ПРОЦЕССЕ НАКОПЛЕНИЯ. НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ ЧАСТИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В ПОСТОЯННЫЙ КАПИТАЛ КАК ОСОБЕННОСТЬ НАКОПЛЕНИЯ В ЗЕМЛЕДЕЛИИ И В МАШИНОСТРОЕНИИ]

Однако тот вопрос, который мы хотим здесь разобрать, состоит в следующем. Даже если бы весь вложенный в машиностроение капитал был достаточен только для возмещения ежегодного износа машин, то и в этом случае он производил бы

гораздо больше машин, чем ежегодно требовалось бы, ибо износ отчасти существует лишь идеально, а реально должен быть возмещен in natura только по истечении известного ряда лет. Стало быть, применяемый указанным образом капитал доставляет ежегодно массу машин, которые могут быть использованы для новых капиталовложений и предвосхищают эти новые капиталовложения. Например, владелец машиностроительного завода начинает свое производство в данном году. Пусть он в течение этого года доставляет машин на 12000 ф. ст. В таком случае в течение каждого из следующих одиннадцати лет ему нужно было бы при простом воспроизводстве производимых им машин производить лишь на 1000 ф. ст., и даже эта годовая продукция потреблялась бы не ежегодно. Еще меньшая часть его продукции была бы потреблена в том случае, если бы он применял весь свой капитал. Для того чтобы его капитал оставался в движении и осуществлял [699] ежегодно всего лишь свое простое воспроизводство, необходимо новое непрерывное расширение производства в отраслях, нуждающихся в этих машинах. (Тем более, если он сам накопляет.)

Следовательно, *даже в том случае, если в этой сфере производства вложенный в нее капитал только воспроизводится,* необходимо постоянное накопление в остальных сферах производства. А с другой стороны, благодаря уже одному только простому воспроизводству в машиностроении постоянное накопление в остальных сферах производства столь же постоянно находит на рынке в готовом виде один из своих элементов. Здесь, в одной из сфер производства, имеется налицо постоянный запас товаров для накопления, для нового, добавочного производственного потребления в других сферах, даже если в самой этой сфере происходит всего лишь простое воспроизводство наличного капитала.

В отношении тех 5000 ф. ст. прибыли или прибавочной стоимости, которые капиталистом, например владельцем ткацкой фабрики, превращаются в капитал, возможны два случая, предполагая всегда, что он на рынке *находит труд,* который он должен купить на 1000 ф. ст., взятых из этих 5000 ф. ст., чтобы соответственно условиям своей сферы производства превратить эти 5000 ф. ст. в капитал. Эта часть [капитализируемой прибавочной стоимости] превращается в переменный капитал и затрачивается на заработную плату. Но чтобы применить этот труд, фабриканту нужны пряжа, добавочные машины и добавочные вспомогательные материалы. {Добавочные машины необходимы только в том случае, если не происходит удлинения рабочего дня. А при удлинении рабочего дня машины лишь

быстрее изнашиваются, время их воспроизводства сокращается, но вместе с тем производится больше прибавочной стоимости; и хотя стоимость машин должна быть распределена между произведенными товарами в течение более короткого промежутка времени, но зато товаров производится несравненно больше; так что, несмотря на этот более быстрый износ, в стоимость или цену единицы товара входит меньшая часть стоимости машин. В этом случае непосредственно затрачивать *новый* капитал на самые машины не приходится. Приходится лишь несколько быстрее возмещать стоимость машин. Но вспомогательные материалы требуют в этом случае авансирования добавочного капитала.} Владелец ткацкой фабрики либо находит на рынке эти условия своего производства в готовом виде, — тогда закупка этих товаров отличается от закупки других товаров только тем, что он покупает товары для *производственного потребления,* а не для *индивидуального* потребления. Либо он их не находит готовыми на рынке, — тогда ему приходится заказывать их (как это происходит, например, с машинами новой конструкции) совершенно так же, как ему приходится заказывать те предметы личного потребления, которых он не находит в готовом виде на рынке. Если бы сырье (лен) должно было быть произведено лишь по заказу {примерно как производится индиго, джут и т. п. индийскими райятами[*] по заказу авансирующих их английских купцов}, то накопление владельца ткацкой фабрики в его собственном предприятии было бы в этом году невозможно. С другой стороны, если предположить, что владелец прядильной фабрики капитализирует свои 5000 ф. ст., а владелец ткацкой фабрики не накопляет, то пряжу невозможно будет продать, — хотя на рынке были налицо все условия ее производства, — и эти 5000 ф. ст. превращены, правда, в пряжу, но не в капитал.

(*Кредит, о* котором нам здесь нет необходимости распространяться, делает возможным то, что накопленный капитал применяется не в той именно сфере, где он произведен, а там, где он имеет больше всего шансов увеличить свою стоимость. Однако каждый капиталист предпочтет вкладывать свой накопленный капитал по возможности в своей собственной отрасли. Если он вкладывает свой капитал в других отраслях, то он становится денежным капиталистом и вместо прибыли получает лишь процент; или же ему пришлось бы пуститься в спекуляцию. Но мы говорим здесь о накоплении в среднем и лишь в качестве примера предполагаем, что накопленный капитал вкладывается в той или иной особой отрасли.)

---

[*] — крестьянами. *Ред.*

С другой стороны, если бы льновод расширил свое производство, т. е. если бы он накоплял, а владельцы прядильной и ткацкой фабрик, владелец машиностроительного завода и т. д. не накопляли, — то у него на складе оказался бы излишний лен, и в следующем году льновод, вероятно, сократил бы свое производство.

{Здесь мы пока совершенно отвлекаемся от индивидуального потребления и рассматриваем только связь производителей между собой. Если эта связь существует, то производители, во-первых, образуют по отношению друг к другу рынок для таких капиталов, которые они должны друг другу возместить; для части жизненных средств образуют рынок вновь занятые или лучше занятые рабочие; а так как прибавочная стоимость в следующем году возрастает, то капиталисты могут потреблять возрастающую часть своего дохода и, следовательно, до известной степени также образуют рынок друг для друга. И все же значительная часть продукта данного года может остаться нереализованной.}

Вопрос теперь надлежит формулировать так: *если предположить всеобщее накопление,* т. е. предположить, что во всех отраслях происходит большее или меньшее накопление капитала, — а это действительно является условием капиталистического производства и к этому капиталист как капиталист стремится с такой же страстью, с какой собиратель сокровищ стремится к накоплению денег (но это и необходимо для того, чтобы капиталистическое производство двигалось вперед), — то каковы *условия* этого всеобщего накопления, к чему оно сводится? Или, так как владелец ткацкой фабрики может рассматриваться как представитель капиталиста вообще, каковы *условия,* необходимые для того, чтобы он мог беспрепятственно превращать обратно в капитал 5000 ф. ст. прибавочной стоимости и из года в год непрерывно продолжать процесс накопления? Накопить 5000 ф. ст. значит не что иное, как превратить эти деньги, эту сумму стоимости, в капитал. *Условия для накопления капитала, следовательно, совершенно те же, что и вообще для его первоначального производства или воспроизводства.*

Но условия эти заключались в том, что на одну часть денег покупался труд, а на другую часть — такие товары (сырье, машины и т. д.), которые могли бы быть *производственно потреблены* этим трудом. {Некоторые товары, как, например, машины, сырье, полуфабрикаты и т. д., пригодны только для производственного потребления. Другие, как, например, дома, лошади, пшеница, рожь (из которой делается водка или крахмал и пр.) и т. д., пригодны и для производственного и для

индивидуального потребления.} Для того чтобы можно было купить эти товары, они должны находиться на [700] *рынке* как товары — на промежуточной стадии между закончившимся производством и еще не начавшимся потреблением, в руках продавцов, в стадии обращения — или же должна существовать возможность того, чтобы они были доставлены по заказу (произведены по заказу, как, например, при постройке новых фабрик и т. д.). Так дело и обстояло — это служило предпосылкой при производстве и воспроизводстве капитала — в силу осуществленного при капиталистическом производстве разделения труда в общественном масштабе (распределение труда и капитала между различными отраслями), в силу происходящего *одновременно* на всей поверхности *параллельного* производства, воспроизводства. Это было условием *рынка,* производства и воспроизводства капитала. Чем больше капитал, чем выше производительность труда, вообще чем крупнее масштаб капиталистического производства, — *тем больше также и масса тех товаров, которые находятся в стадии перехода из производства в потребление* (индивидуальное и производственное), *в обращении, на рынке,* и тем больше гарантия для каждого отдельного капитала, что он найдет на рынке в готовом виде условия своего воспроизводства. Это тем более верно, что, соответственно самой сущности капиталистического производства, каждый отдельный капитал, во-первых, работает в таком масштабе, который обусловлен не индивидуальным спросом (заказы и т. д., частные потребности), а стремлением реализовать возможно больше труда, а потому и прибавочного труда, и доставлять при данном капитале возможно большее количество товаров; во-вторых, каждый отдельный капитал стремится занять на рынке возможно большее место и вытеснить, устранить своих конкурентов. *Конкуренция капиталов.*

{Чем большего развития достигают средства сообщения, тем больше может сокращаться запас на рынке.

«Где производство и потребление относительно велики, там, конечно, *сравнительно большой излишек* всегда будет находиться в промежуточной стадии, на рынке, на пути от производителя к потребителю, если только быстрота, с которой продаются вещи, не возрастет в такой степени, чтобы свести на нет те последствия, которые без этого имело бы возросшее производство» («An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus» etc. London, 1821, стр. 6—7).}

Итак, накопление нового капитала может происходить лишь при тех же условиях, как и воспроизводство уже имеющегося налицо капитала.

{Мы здесь совершенно не останавливаемся на том случае, когда накоплено больше капитала, чем можно разместить в производстве, когда он, например, в форме денег лежит без употребления у банкиров. Отсюда займы за границу и т. д., короче — спекуляция с инвестированием капитала. Мы не рассматриваем также и тот случай, когда невозможно продать всю массу произведенных товаров, кризисы и т. д. Это относится к разделу о конкуренции. Здесь же нам надлежит исследовать лишь формы капитала в различных фазах его движения, причем все время предполагается, что товары продаются по их стоимости.}

Владелец ткацкой фабрики может обратно превратить в капитал 5000 ф. ст. прибавочной стоимости в том случае, если он, кроме труда на сумму в 1000 ф. ст., находит на рынке пряжу и т. д. в готовом виде или может получить это по заказу, для чего, следовательно, должен быть произведен *добавочный продукт,* состоящий из тех товаров, которые входят в его постоянный капитал, в особенности из таких, для производства которых требуется более продолжительное время и количество которых не может быть увеличено быстро или вообще не может быть увеличено в течение данного года; так обстоит дело с сырьем, например льном.

{Здесь выступает на сцену купеческий капитал, который держит на складах в готовом виде запасы товаров для возрастающего потребления, индивидуального или производственного; но это *лишь одна из форм опосредствования* и потому относится не сюда, а к рассмотрению конкуренции капиталов.}

Подобно тому как производство и воспроизводство наличного капитала в одной *сфере* предполагает *параллельное* производство и воспроизводство в других сферах, так и накопление, или образование добавочного капитала, в одной отрасли предполагает *одновременное, или параллельное,* производство добавочной продукции в других отраслях. Таким образом, одновременно должен расти масштаб производства во всех сферах, доставляющих постоянный капитал (соответственно той определяемой спросом средней доле в общем росте производства, которая приходится на каждую особую сферу); доставляют же постоянный капитал все те сферы, которые не дают готового продукта для индивидуального потребления. Важнее всего при этом увеличение количества машин (орудий), *сырья,* вспомогательных материалов, так как все другие отрасли производства, куда они входят, — доставляют ли эти отрасли полуфабрикаты или же готовые изделия, — должны лишь привести в движение больше труда, когда эти условия имеются налицо.

Итак, для того чтобы имело место накопление, во всех, по-видимому, сферах необходимо постоянное *добавочное производство.*

Это надлежит выяснить еще несколько подробнее.

Затем второй существенный вопрос:

Та часть *прибавочной стоимости,* или, так как здесь речь идет о прибыли, та часть *прибыли* (включая ренту; если земельный собственник хочет накоплять, превращать ренту в капитал, то прибавочная стоимость попадает всегда в руки *капиталистического предпринимателя;* это происходит даже и тогда, когда рабочий превращает часть своего дохода в капитал), которая обратно превращается в капитал, состоит лишь из *труда, вновь присоединенного* в течение [701] последнего года. Спрашивается, целиком ли расходуется этот новый капитал на заработную плату, обменивается ли он только на новый труд?

В пользу этого говорит следующее. Всякая стоимость возникает первоначально из труда. Всякий постоянный капитал первоначально в такой же мере продукт труда, как и переменный капитал. И здесь мы, по-видимому, опять являемся свидетелями непосредственного возникновения капитала из труда.

Против этого говорит следующее. Разве образование добавочного капитала должно происходить при худших условиях производства, чем воспроизводство старого капитала? Разве оно должно вернуться к более низкой ступени способа производства? Но так именно обстояло бы дело, если бы новая стоимость затрачивалась только на непосредственный труд, который, следовательно, и *без основного капитала* и т. д. должен был бы сам сперва произвести этот капитал, совершенно так же, как первоначально труду сперва приходится самому создавать свой постоянный капитал. Это чистая бессмыслица. Но такова *предпосылка Рикардо и других.* На этом следует остановиться подробнее.

Первый возникающий здесь вопрос заключается в следующем:

Может ли часть прибавочной стоимости быть превращена в капитал тем путем, что капиталист, вместо того чтобы *продать* эту часть или, точнее, тот прибавочный продукт, в котором она представлена, употребляет ее, напротив, *непосредственно* как капитал? Утвердительный ответ на этот вопрос содержал бы уже в себе тот вывод, что *не* вся сумма прибавочной стоимости, подлежащей превращению в капитал, превращается в переменный капитал, или затрачивается на заработную плату.

Относительно той части сельскохозяйственных продуктов, которая состоит из зерна и скота, это ясно с самого начала.

Часть зерна, принадлежащая к той части урожая, которая представляет для фермера прибавочный продукт или прибавочную стоимость, — а также и часть скота, — вместо того чтобы поступать в продажу, может сейчас же опять служить условием производства в качестве семян или рабочего скота. Точно так же обстоит дело с частью производимых на самой земле удобрений, которые вместе с тем могут как товар обращаться в торговле, т. е. могут продаваться. Эту [не вступающую в обращение] часть прибавочного продукта, достающегося фермеру в качестве прибавочной стоимости, в качестве прибыли, фермер может сейчас же снова превратить в условие производства внутри своей собственной сферы производства, т. е. превратить *непосредственно* в капитал. Эта часть не расходуется на заработную плату, не превращается в переменный капитал. Она изымается из индивидуального потребления и в то же время не потребляется *производительно* в смысле Смита и Рикардо. Она потребляется *производственно,* но потребляется как сырье, а не как жизненные средства для производительных или непроизводительных работников. Зерно служит не только жизненным средством для производительных рабочих и т. д., но и кормом для скота, сырьем для производства водки, крахмала и т. д. Скот со своей стороны (мясной или рабочий скот) не только служит жизненным средством, но и доставляет сырье для многих отраслей промышленности, а именно: шкуры, кожи, сало, кости, рога и т. д., и двигательную силу отчасти для самого сельского хозяйства, отчасти для транспортной промышленности.

Во всех тех отраслях производства, в которых *время воспроизводства* выходит за пределы одного года (как, например, в значительной части скотоводства, в лесном хозяйстве и т. д.), но продукты которых вместе с тем должны непрерывно воспроизводиться, т. е. непрерывно требуют приложения определенного количества труда, — в этих отраслях накопление и воспроизводство совпадают постольку, поскольку *вновь присоединенный* труд, представляющий не только оплаченный, но также и неоплаченный труд, должен накопляться in natura до тех пор, пока продукт не будет готов для продажи.

(Здесь речь идет не о накоплении прибыли, которая ежегодно присовокупляется [к капиталу] соответственно общей норме прибыли; это не *действительное* накопление, а лишь способ исчисления. Здесь речь идет о накоплении совокупного труда, повторяющегося в течение нескольких лет, о таком накоплении, при котором, следовательно, не только оплаченный, но также и неоплаченный труд накопляется in natura и тотчас же снова

превращается в капитал. Что же касается накопления прибыли в таких случаях, то оно, напротив, не зависит [прямым образом] от количества вновь присоединенного здесь труда.)

Точно так же обстоит дело и с *техническими растениями* (доставляют ли они сырье или же вспомогательные материалы). Их семена, а также та часть этих растений, которая может быть снова употреблена как удобрение и т. д., представляют часть совокупного продукта. Если бы они *не могли поступать в продажу,* это нисколько не изменило бы того, что, коль скоро они снова входят в производство как условие производства, они образуют часть совокупной стоимости [нового продукта] и в качестве [702] таковой составляют постоянный капитал для нового производства.

Тем самым уже выяснен один основной вопрос — относительно сырья и жизненных средств (предметов питания), поскольку они являются собственно сельскохозяйственным продуктом. Здесь, следовательно, накопление *прямо* совпадает с воспроизводством в увеличенном масштабе, так что часть прибавочного продукта снова служит средством производства непосредственно в своей собственной сфере производства, *не проходя через обмен на заработную плату или на другие товары.*

Второй основной вопрос — это *машины.* Речь идет не о тех машинах, которые производят товары, а о тех, которые производят машины, о *постоянном капитале* машиностроительной промышленности. Если эти машины даны, то нужен только труд, затрачиваемый в добывающей промышленности и доставляющий сырье (железо и т. д.) для всякого рода сосудов и машин. Вместе с машиностроительными машинами даны также и машины для обработки самого сырья. Трудность, на которую мы здесь наталкиваемся, состоит в том, чтобы не попасть в порочный круг предпосылок. А именно, для того чтобы произвести больше машин, необходимо больше материала (железа и т. д., угля и т. д.), а чтобы произвести этот добавочный материал, нужно больше машин. Примем ли мы, что промышленники, производящие машиностроительные машины, и промышленники, производящие машины (создаваемые с помощью машиностроительных машин), принадлежат к одной и той же группе капиталистов или нет, это нисколько не меняет дела. Ясно одно. Часть прибавочного продукта представлена в машиностроительных машинах (по крайней мере, от фабриканта машин зависит придать прибавочному продукту такую форму). Эти машиностроительные машины не должны быть обязательно проданы, они могут опять войти в новое производство in natura как постоянный капитал. Здесь, следовательно, перед нами

вторая категория такого прибавочного продукта, который непосредственно (или посредством обмена в той же самой сфере производства) входит в новое производство (накопление) как постоянный капитал, не проходя через процесс предварительного превращения в переменный капитал.

Вопрос о том, может ли часть *прибавочной стоимости* быть непосредственно превращена в постоянный капитал, сводится прежде всего к вопросу, может ли часть того *прибавочного продукта,* в котором представлена прибавочная стоимость, непосредственно снова входить в свою собственную сферу производства в качестве условия производства, не будучи предварительно отчуждена.

Общий закон таков:

Там, где часть продукта, а стало быть, также и *прибавочного продукта* (т. е. той потребительной стоимости, в которой представлена прибавочная стоимость), может прямо, без опосредствования, снова войти в качестве условия производства, в качестве средства труда или материала труда, в ту сферу производства, из которой этот продукт вышел, — там накопление внутри этой сферы производства может и должно принять такую форму, что часть прибавочного продукта не продается, а вместо этого непосредственно (или путем обмена с капиталистами других отраслей в этой же сфере производства, накопляющими подобным же образом) снова включается в процесс производства как условие воспроизводства, так что накопление и воспроизводство в увеличенном масштабе здесь *прямо* совпадают. Они неизбежно совпадают везде, но не обязательно таким непосредственным образом.

Это относится также и к части вспомогательных материалов. Например, к углю, произведенному за год. Часть прибавочного продукта может быть использована для того, чтобы снова производить уголь, может, следовательно, быть прямо, без какого-либо опосредствования, использована углепромышленником как постоянный капитал для производства в увеличенном масштабе.

В промышленных округах встречаются такие машиностроители, которые сооружают для фабрикантов целые фабрики. Положим, что $^1/_{10}$ [их продукции] есть прибавочный продукт, или неоплаченный труд. Очевидно, решительно ничего не меняется от того, представлена ли эта $^1/_{10}$, т. е. прибавочный продукт, в фабричных зданиях, построенных для третьих лиц и им проданных, или же в фабричном здании, выстроенном машиностроителем для самого себя, проданном им самому себе. Здесь дело лишь в *характере той потребительной стоимости,* в которой представлен прибавочный труд, лишь в том, может

ли эта потребительная стоимость как условие производства снова войти в сферу производства [703] того капиталиста, которому принадлежит прибавочный продукт. Перед нами опять пример того, какое важное значение имеет категория *по-требительной стоимости для определения экономических форм.*

Итак, здесь мы уже имеем значительную часть прибавочного продукта (а следовательно, и прибавочной стоимости), которая может и должна быть превращена непосредственно в постоянный капитал, чтобы быть *накопленной* в качестве *капитала,* и без которой вообще не может иметь места какое бы то ни было накопление капитала.

Мы видели, *во-вторых,* что там, где высок уровень развития капиталистического производства, следовательно и производительности труда, а стало быть, значителен и постоянный капитал, в особенности же та часть его, которая состоит из основного капитала, — что там уже *простое воспроизводство основного капитала для всех сфер,* — а также и происходящее параллельно с этим воспроизводство того наличного капитала, который производит основной капитал, — образует фонд накопления, т. е. доставляет машины, постоянный капитал для производства в расширенном масштабе.

В-третьих, остается следующий вопрос:

Может ли часть *прибавочного продукта* быть превращена обратно в капитал (постоянный капитал) путем (опосредствованного) обмена между производителями, например, машин, рабочих инструментов и т. д., и производителями сырья — железа, угля, металлов, леса и т. д., — т. е. путем обмена различных составных частей постоянного капитала? Например, если фабрикант железа, угля, леса и т. д. покупает машины или инструменты у машиностроителя, а машиностроитель покупает металл, лес, уголь и т. д. у производителей этого сырья, то путем такого обмена они возмещают друг другу взаимосвязанные составные части своего постоянного капитала или образуют новый постоянный капитал. Вопрос здесь в том, в какой мере это относится к *прибавочному продукту.*

[5) ПРЕВРАЩЕНИЕ КАПИТАЛИЗИРУЕМОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В ПОСТОЯННЫЙ И ПЕРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛ]

Выше* мы видели, что при простом воспроизводстве *данного* капитала часть постоянного капитала, использованная при воспроизводстве *постоянного капитала,* возмещается или непо-

* См. настоящий том, часть I, стр. 119—132, 171—183 и 234—243. *Ред.*

средственно in natura или путем обмена между производителями постоянного капитала; это — обмен капитала на капитал, а не обмен дохода на доход или дохода на капитал. Далее, тот постоянный капитал, который используется, или производственно потребляется, в производстве предметов потребления — предметов, входящих в индивидуальное потребление, — возмещается теми новыми продуктами того же рода, которые являются результатом *вновь присоединенного* труда и, следовательно, сводятся к доходу (заработной плате и прибыли). В соответствии с этим в сферах, производящих предметы потребления, та часть продукции, стоимость которой возмещает постоянный капитал, применяемый в этих сферах, представляет доход производителей постоянного капитала, тогда как, наоборот, та часть продукции в сферах, производящих постоянный капитал, которая представляет вновь присоединенный труд и потому образует доход производителей этого постоянного капитала, представляет для производителей жизненных средств постоянный капитал (служащий для возмещения [потребленного в производстве жизненных средств постоянного] капитала). Следовательно, это предполагает, что производители постоянного капитала обменивают свой прибавочный продукт (т. е. в данном случае избыток их продукта над той частью последнего, которая равна *их* постоянному капиталу) на жизненные средства, потребляют его стоимость индивидуально. Между тем этот прибавочный продукт

1) содержит заработную плату (или воспроизведенный фонд для заработной платы), и эта часть должна оставаться предназначенной (со стороны капиталиста) для расходования на заработную плату, т. е. для индивидуального потребления (а если предполагается минимум заработной платы, то и рабочий полученную им заработную плату может реализовать только в жизненных средствах);

2) содержит прибыль капиталиста (включая ренту). Эта часть, если она достаточно велика, может быть потреблена отчасти индивидуально, отчасти производственно. А в этом последнем случае происходит обмен продуктами между производителями постоянного капитала; однако здесь мы имеем перед собой уже не обмен той части продукта, которая представляет их постоянный капитал, подлежащий взаимному возмещению, а имеем перед собой часть прибавочного продукта, доход (*вновь присоединенный* труд), который непосредственно превращается в постоянный капитал, благодаря чему увеличивается масса постоянного капитала и расширяется масштаб воспроизводства.

Следовательно, также и в этом случае часть наличного прибавочного продукта, т. е. часть вновь присоединенного в течение года труда, непосредственно превращается в постоянный капитал, не будучи до этого превращена в переменный капитал. Стало быть, также и здесь видно, что производственное потребление прибавочного продукта — или накопление — отнюдь не тождественно с расходованием всего прибавочного продукта на заработную плату производительных рабочих.

Можно представить себе такой случай: машиностроитель продает свой товар (часть его) производителю, например, тканей; последний платит ему деньги; на эти деньги машиностроитель покупает железо, уголь и т. д., а не жизненные средства. Однако при рассмотрении всего процесса в целом ясно, что производители жизненных средств не могут купить для возмещения своего постоянного капитала машины или сырье, если производители элементов, служащих для возмещения постоянного капитала, не купят у них произведенных ими жизненных средств, если, следовательно, этот процесс обращения не представляет собой по существу обмен между жизненными средствами и постоянным капиталом. Вследствие отделения друг от друга актов покупки и продажи могут, естественно, возникать очень существенные нарушения и осложнения в этих процессах сальдирования.

[704] Если страна не может сама произвести то количество машин, иметь которое ей позволяет накопление капитала, то она покупает их за границей. То же самое происходит, если она не может сама произвести нужное количество жизненных средств (для заработной платы) и сырья. Тут, с появлением на сцене международной торговли, становится ясно как день, что часть прибавочного продукта страны, — поскольку он предназначен для накопления, — превращается не в заработную плату, а непосредственно в постоянный капитал. Но тогда создается представление, будто там, за границей, авансируемые в этих целях деньги целиком затрачиваются на заработную плату. Мы видели, что этого нет и не может быть, даже при абстрагировании от внешней торговли.

В какой пропорции прибавочный продукт делится между переменным и постоянным капиталом, это зависит от среднего строения капитала, и чем более развито капиталистическое производство, тем *относительно* меньше будет часть, непосредственно затрачиваемая на заработную плату. Тот взгляд, что прибавочный продукт, так как он есть продукт лишь вновь присоединенного в течение года труда, превращается [при накоплении] также лишь в переменный капитал, затрачивается

лишь на заработную плату, — этот взгляд вообще соответствует тому ошибочному представлению, что так как продукт есть лишь результат или материализация труда, то стоимость продукта целиком сводится к доходам: заработной плате, прибыли и ренте, — как это ошибочно думали Смит и Рикардо.

Значительная часть постоянного капитала, а именно основной капитал, может состоять из того, что непосредственно входит в процесс производства жизненных средств, сырья и т. д., или же из того, что служит либо для сокращения процесса обращения, как, например, железные дороги, шоссейные дороги, судоходные каналы, телеграфные линии и т. д., либо для сохранения товаров и для образования товарных запасов, как, например, пакгаузы, склады и т. д., или же, наконец, из того, что увеличивает плодородие земли лишь после продолжительного периода воспроизводства, как, например, работы по нивелированию земельных участков, водоотводные каналы и пр. В зависимости от того, более значительная или менее значительная часть прибавочного продукта затрачивается на тот или иной из этих видов основного капитала, будут весьма различны непосредственные, ближайшие последствия всего этого для воспроизводства жизненных средств и т. д.

[6) ПРОБЛЕМА КРИЗИСОВ (ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ). РАЗРУШЕНИЕ КАПИТАЛА ПРИ КРИЗИСАХ]

Если в качестве предпосылки дано *добавочное производство* постоянного капитала, — т. е. большее производство, чем необходимо для возмещения старого капитала, а значит и для производства прежнего количества жизненных средств, — то никаких дальнейших трудностей не представляет добавочное производство, или накопление, в тех сферах, где машины, сырые материалы и т. д. используются [для производства предметов индивидуального потребления]. Если имеется налицо нужный добавочный труд, то капиталисты указанных сфер находят на рынке все средства для нового капиталообразования, для превращения в новый капитал тех своих денег, в которых представлена прибавочная стоимость.

Но весь процесс накопления сводится прежде всего к такому *добавочному производству,* которое, с одной стороны, соответствует естественному росту населения, а с другой — образует имманентную основу для явлений, обнаруживающихся в *кризисах.* Мерой этого добавочного производства является сам *капитал,* наличный масштаб условий производства и безмерное стремление капиталистов к обогащению, к увеличению

своего капитала, а отнюдь не *потребление,* которое заранее подорвано, ибо наибольшая часть населения, рабочее население, может расширять свое потребление лишь в очень тесных границах, а с другой стороны, по мере развития капитализма, спрос на труд *относительно* уменьшается, хотя *абсолютно* этот спрос и возрастает. Сюда присоединяется еще и то, что все выравнивания диспропорций имеют *случайный* характер и что, хотя те соотношения, в которых капиталы применяются в отдельных сферах, и выравниваются посредством некоторого постоянного процесса, но само постоянство этого процесса предполагает точно так же и постоянные диспропорции, которые ему приходится постоянно, часто насильственным путем, выравнивать.

Мы должны здесь рассматривать только те формы, которые капитал проходит на различных стадиях своего дальнейшего развития. Следовательно, здесь не дается анализа тех реальных отношений, в рамках которых происходит действительный процесс производства. Все время предполагается, что товар продается по его стоимости. Конкуренция капиталов остается вне рассмотрения, равно как и кредит. Вне рассмотрения остается также и действительная структура общества, которое отнюдь не состоит только из класса рабочих и класса промышленных капиталистов и в котором, стало быть, потребители и производители не тождественны: первая категория, категория потребителей (чьи доходы отчасти являются не первичными, а вторичными, производными от прибыли и заработной платы), значительно шире второй [т. е. категории производителей], и поэтому тот способ, каким она расходует свой доход, и размеры последнего вызывают весьма большие видоизменения в экономическом ходе дел и особенно в процессе обращения и воспроизводства капитала. Однако если уже при рассмотрении денег[124] мы нашли, что они заключают в себе возможность кризисов, как поскольку они вообще представляют собой форму, отличную от натуральной формы товара, так и в своей форме средства платежа, то это в еще большей степени обнаруживается при рассмотрении общей природы капитала, еще до выяснения дальнейших реальных отношений, образующих все предпосылки действительного процесса производства.

[705] Усвоенный Давидом Рикардо (принадлежащий, собственно говоря, Джемсу Миллю) взгляд пошлого Сэя (к чему мы еще вернемся, когда будем говорить об этом ничтожестве), будто невозможно *перепроизводство* или, по крайней мере, *всеобщее переполнение рынка,* — этот взгляд покоится на положении о том, что *продукты* обмениваются *на продукты*[125],

или, как это представлял себе Милль, на «метафизическом равновесии продавцов и покупателей»[126], откуда был сделан дальнейший вывод, что спрос определяется только самим производством, или что спрос и предложение тождественны. То же самое положение встречается и в той форме, особенно излюбленной у Рикардо, что любая сумма капитала во всякой стране может быть применена производительно.

«Г-н Сэй», — говорит Рикардо в главе 21-й («Влияние накопления на прибыль и процент»), — «в высшей степени убедительно показал, что нет такой суммы капитала, которая не могла бы найти применения в стране, ибо *спрос ограничен только производством.* Каждый человек *производит только с целью потребления* или *продажи, и он продает только с целью купить какой-либо другой товар,* который мог бы быть ему непосредственно полезен или мог бы служить для будущего производства. Таким образом, производя, он необходимо становится либо потребителем своих собственных продуктов, либо покупателем и потребителем продуктов какого-либо другого лица. Нельзя предполагать, что он в течение долгого времени будет плохо осведомлен относительно того, какие товары он с наибольшей выгодой может производить, чтобы достигнуть преследуемой им цели, а именно — *приобрести другие продукты.* И поэтому маловероятно, что он *постоянно»* (здесь речь идет вообще не о вечной жизни) «будет производить такой товар, на который нет спроса» (стр. 339—340) [Русский перевод, том I, стр. 239].

Рикардо, который повсюду стремится быть последовательным, видит, что его авторитет, Сэй, сыграл здесь с ним шутку. В примечании к вышеприведенному месту он замечает:

«Вполне ли согласуется с изложенным г-ном Сэем принципом следующее его утверждение: «Чем в большем изобилии имеются свободные капиталы по сравнению с возможностью их применения, тем больше должна упасть норма процента на ссужаемые капиталы» (*Сэй* [Traite d'economie politique. Seconde edition. Paris, 1814], том II, стр. 108)? Если в данной стране капитал может находить для себя применение в любых размерах, то как можно говорить, что он имеется в чрезмерном изобилии по сравнению с возможностью его применения?» (стр. 340, примечание) [Русский перевод, том I, стр. 239].

Так как Рикардо ссылается на Сэя, то в дальнейшем мы займемся критикой положений Сэя, когда дело дойдет до рассмотрения взглядов самого этого шарлатана.

Пока заметим здесь лишь следующее:

При воспроизводстве, совершенно так же как и при накоплении капитала, дело не только в том, чтобы возместить *ту же самую* массу потребительных стоимостей, из которых состоит капитал, в ее прежнем масштабе или в расширенном (при накоплении), но и в том, чтобы возместить *стоимость* авансированного капитала с обычной нормой прибыли (с обычной прибавочной стоимостью). Стало быть, если в силу какого-либо обстоятельства или сочетания обстоятельств рыночные цены товаров

(совершенно безразлично, всех ли или большинства) упадут значительно ниже их цен издержек, то, с одной стороны, воспроизводство капитала сократится, насколько это вообще возможно. Но еще больше будет затруднено накопление. Прибавочная стоимость, накопленная в форме денег (золота или банковских билетов), превращалась бы в капитал лишь с убытком. Поэтому она праздно лежит в банке в виде сокровища или же в форме кредитных денег, что решительно ничего не меняет в существе дела. Такое же затруднение могло бы наступить и в силу противоположных причин, если бы отсутствовали *реальные предпосылки* воспроизводства (как, например, при вздорожании хлеба или из-за того, что не накоплено достаточного количества постоянного капитала in natura). Наступает задержка в воспроизводстве, а потому и в потоке обращения. Покупка и продажа антагонистически противостоят друг другу, и незанятый капитал выступает в форме праздно лежащих денег. Такое же явление (и это большей частью предшествует кризисам) может иметь место и тогда, когда производство добавочного капитала происходит очень быстро и его обратное превращение в производительный капитал так повышает спрос на все элементы последнего, что действительное производство не может поспевать за ним, а потому возрастают цены на все те товары, которые входят в процесс образования капитала. В этом случае сильно понижается процентная ставка, как бы ни возросла прибыль, и это понижение процентной ставки ведет тогда к самым рискованным спекулятивным предприятиям. Задержка в воспроизводстве ведет к уменьшению переменного капитала, к падению заработной платы и к уменьшению массы применяемого труда. Это, в свою очередь, оказывает новое воздействие на цены и вызывает новое их падение.

Никогда не следует забывать, что при капиталистическом производстве дело идет не непосредственно о потребительной стоимости, а о меновой стоимости и особенно об увеличении прибавочной стоимости. Это есть движущий мотив капиталистического производства, и недурно выглядит та концепция, которая, чтобы посредством рассуждений отмахнуться от противоречий капиталистического производства, отвлекается от его основы и изображает его как производство, имеющее целью обеспечить непосредственное потребление производителей.

Далее: так как процесс обращения капитала длится не один день, а, напротив, охватывает более или менее продолжительный период, пока капитал не вернется к себе [в сферу производства]; так как этот период совпадает с тем периодом, в течение которого рыночные цены [706] выравниваются в цены издержек; так как

в течение этого периода происходят крупные перевороты и изменения на *рынке,* происходят крупные изменения в производительности труда, а потому также и в *реальной стоимости* товаров, — то совершенно ясно, что от исходного пункта — первоначально данного капитала — до его возвращения к себе по окончании одного из таких периодов должны происходить крупные катастрофы и должны накопляться и развиваться элементы кризиса, которые ни в какой мере не устраняются жалкой фразой, что продукты обмениваются на продукты. *Сравнивание* стоимости товаров в один период со стоимостью тех же самых товаров в более поздний период, что г-н Бейли считает схоластической выдумкой[127], составляет, напротив, основной принцип процесса обращения капитала.

Когда речь идет о *разрушении капитала,* производимом кризисами, то следует различать две вещи.

Поскольку происходят затруднения в процессе воспроизводства и сокращается, а местами и совсем останавливается, процесс труда, уничтожению подвергается *действительный* капитал. Машины, которые не употребляются, — не капитал. Труд, который не эксплуатируется, есть потерянное производство. Сырье, которое лежит неиспользованным, — не капитал. Здания (а также вновь сооружаемые машины), которые либо оказываются неиспользованными, либо остаются незаконченными, товары, гниющие на складе, — все это представляет собой разрушение капитала. Все это выражает не что иное, как задержку в процессе воспроизводства, выражает то, что *наличные* условия производства фактически не действуют как условия производства, не вводятся в действие как таковые. При этом их потребительная стоимость и их меновая стоимость идут прахом.

А во-вторых, *разрушение капитала,* производимое кризисами, означает обесценение *масс стоимостей,* которое в дальнейшем служит препятствием к тому, чтобы они возобновили в том же масштабе процесс своего воспроизводства в качестве капитала. Это — разрушительное падение товарных цен. При этом потребительные стоимости не разрушаются. То, что теряет один, выигрывает другой. Действующие в качестве капиталов массы стоимостей не могут в тех же руках возобновлять себя как *капитал.* Старые капиталисты терпят банкротства. Если стоимость товаров какого-нибудь капиталиста, путем продажи которых он воспроизводит свой капитал, была равна 12000 ф. ст., из коих, скажем, 2000 ф. ст. составляли прибыль, и если цена этих товаров падает до 6000 ф. ст., то капиталист этот не может ни оплатить своих договорных обязательств, ни,

даже если бы у него и не было долгов, снова начать дело в прежнем масштабе, имея в руках 6000 ф. ст., ибо цены товаров опять поднимаются до уровня их цен издержек. Таким образом, уничтожен капитал в 6000 ф. ст., хотя тот, кто купил эти товары, поскольку он приобрел их за половину их цены издержек, может при- новом оживлении дел весьма преуспевать и даже нажиться на этом. Значительная часть номинального капитала общества, т. е. *меновой стоимости* существующего капитала, уничтожена раз навсегда, хотя как раз это уничтожение, поскольку оно не задевает потребительной стоимости, может весьма способствовать новому воспроизводству. Это вместе с тем тот период, когда денежные люди обогащаются за счет промышленников. Что же касается падения чисто фиктивного капитала — государственных процентных бумаг, акций и т. д., — в тех случаях, когда оно не ведет к банкротству государства и акционерных обществ и не тормозит этим вообще воспроизводства, подрывая кредит промышленных капиталистов, владеющих подобными бумагами, — то оно является лишь перенесением богатства из одних рук в другие и в общем оказывает на воспроизводство благоприятное действие, ибо те выскочки, в руки которых попадают по дешевой цене эти акции или бумаги, в большинстве случаев более предприимчивы, чем прежние их владельцы.

[7) НЕЛЕПОСТЬ ОТРИЦАНИЯ ПЕРЕПРОИЗВОДСТВА ТОВАРОВ ПРИ ОДНОВРЕМЕННОМ ПРИЗНАНИИ ИЗБЫТКА КАПИТАЛА]

Рикардо всегда последователен в тех своих положениях, которые он разрабатывает самостоятельно. Поэтому у него положение о невозможности *перепроизводства* (товаров) тождественно с положением о невозможности чрезмерного изобилия, или избытка, капитала*.

«В стране не может быть накоплено такое количество капитала, которое нельзя было бы применить производительно, если вследствие повышения цен на предметы необходимости не будет очень значительного повышения заработной платы, в результате чего для прибыли на капитал» останется так мало, что исчезнет стимул к накоплению» (стр. 340) [Русский перевод, том I, стр. 239].

«Из всего сказанного следует, что нет границ для спроса, нет границ для применения капитала, пока он приносит какую-нибудь прибыль, и что, б *каком бы изобилии ни имелся капитал,* нет другой достаточной причины для *падения прибыли,* кроме повышения заработной платы, и к этому можно

* Здесь надо различать следующее: когда Смит объясняет падение нормы прибыли избытком капитала, накоплением капитала, то речь идет о *перманентном* действии, и это неверно; напротив, преходящий избыток капитала, перепроизводство, кризис — это нечто другое. Перманентных кризисов не бывает.

далее добавить, что единственной достаточной и постоянной причиной повышения заработной платы является возрастающая трудность добывания пищи и предметов необходимости [707] для возрастающего числа рабочих» (стр. 347—348) [Русский перевод, том I, стр. 244].

Что сказал бы в таком случае Рикардо по поводу тупоумия последующих экономистов, которые отрицают перепроизводство в одной форме (в виде общего переполнения рынка товарами) и в то же время не только допускают его в другой форме, как перепроизводство капитала, чрезмерное изобилие капитала, избыток капитала, но и объявляют это существенным пунктом своих учений?

Ни один здравомыслящий экономист послерикардовского периода не отрицает чрезмерного изобилия капитала. Напротив, изобилием капитала все они и объясняют кризисы (поскольку не выводят их из явлений кредита). Таким образом, все они признают перепроизводство в одной форме, но отрицают его в другой. Остается, следовательно, лишь вопрос о том, как относятся друг к другу обе формы перепроизводства, как относится форма, в которой оно отрицается, к форме, в которой оно утверждается?

Сам Рикардо ничего не знал о кризисах в собственном смысле слова, о всеобщих, проистекающих из самого процесса производства кризисах мирового рынка. Кризисы 1800—1815 гг. Рикардо мог объяснять вздорожанием хлеба из-за неурожаев, обесценением бумажных денег, обесценением колониальных товаров и т. д., так как вследствие континентальной блокады рынок был насильственно сужен по политическим, а не по экономическим причинам. Кризисы после 1815 г. он также мог объяснять себе отчасти неурожайным годом, вызвавшим недостаток хлеба, отчасти падением хлебных цен, так как перестали действовать те причины, которые, согласно его собственной теории, должны были привести к вздутию хлебных цен во время войны и отрезанности Англии от континента, отчасти переходом от войны к миру и возникшими в связи с этим «внезапными переменами в ходе торговли» (см. в его «Principles» главу 19-ю: «О внезапных переменах в ходе торговли»).

Позднейшие исторические явления, в особенности почти правильная периодичность кризисов мирового рынка, уже не позволяли послерикардовским экономистам отрицать факты или истолковывать их как случайные явления. Вместо этого они, — не говоря уже о тех, кто объясняет все кредитом, чтобы вслед за этим объявить, что и сами они вынуждены будут предположить избыток капитала, — выдумали великолепную разницу между *чрезмерным изобилием капитала* и *перепроизводством.*

Против перепроизводства они выдвигают сохраняемые ими фразы и доводы Рикардо и Смита, тогда как из чрезмерного изобилия капитала они пытаются вывести необъяснимые для них в противном случае явления. Так, например, Уилсон объясняет одни кризисы чрезмерным изобилием основного капитала, а другие — чрезмерным изобилием оборотного капитала. Само чрезмерное изобилие капитала признаётся лучшими экономистами (как, например, Фуллартоном) и стало уже настолько общепринятым предрассудком, что эта фраза фигурирует как нечто само собой разумеющееся даже в компендиуме ученого господина Рошера[128].

Итак, спрашивается, что такое чрезмерное изобилие капитала и чем оно отличается от перепроизводства?

(Впрочем, справедливость требует заметить, что другие экономисты, как, например, Юр, Корбет и т. д., объявляют перепроизводство *нормальным состоянием крупной промышленности,* поскольку речь идет о внутреннем рынке. Получается, стало быть, что это перепроизводство ведет к кризисам только при известных условиях, когда сокращается также и внешний рынок.)

Согласно тем же самым экономистам, капитал — это деньги или товары. Перепроизводство капитала есть, следовательно, перепроизводство денег или товаров. И тем не менее оба эти явления не имеют будто бы ничего общего между собой. У этих экономистов не может быть речи даже о перепроизводстве денег, ибо деньги рассматриваются ими как товар, так что все явление сводится к перепроизводству товаров, которое они под одним названием признают, а под другим отрицают. Если в дальнейшем говорится, что имеется перепроизводство основного капитала или оборотного капитала, то в основе этого утверждения лежит то, что товары рассматриваются здесь уже не в этом простом определении, а в том их определении, в котором они выступают как капитал. Но этим, с другой стороны, в свою очередь признаётся, что при капиталистическом [708] производстве и его явлениях, — например, при перепроизводстве, — дело идет не только о том простом отношении, в котором продукт выступает как *товар,* приобретает определение товара, а о тех общественных определениях его, в силу которых он есть нечто *большее,* чем товар, и отличается от простого товара.

Вообще, можно до некоторой степени признать, что в выражении *«чрезмерное изобилие капитала»,* вместо выражения *«перепроизводство товаров»,* заключается не одна только чисто словесная увертка или не одно только бессовестное скудоумие, которое одно и то же явление признаёт существующим и необ-

ходимым, когда оно называется *а,* но отрицает его, коль скоро оно именуется *б*, так что сомнения и неуверенность имеются здесь фактически только относительно *наименования* явления, но не относительно самого явления, — бессовестное скудоумие, стремящееся от трудной задачи объяснения явления уклониться на том пути, что явление это отрицается в одной форме (под одним названием), а именно в той форме, в какой оно противоречит предрассудкам этих экономистов, и признаётся лишь в такой форме, под которой у них не содержится никакой мысли. Если все это оставить в стороне, то в переходе от выражения *«перепроизводство товаров»* к выражению *«чрезмерное изобилие капитала»* заключается, действительно, некоторый *шаг вперед.* В чем состоит он? В признании того, что производители товаров противостоят друг другу не как простые товаровладельцы, а как капиталисты.

[8) ОТРИЦАНИЕ ВСЕОБЩЕГО ПЕРЕПРОИЗВОДСТВА У РИКАРДО. ВОЗМОЖНОСТЬ КРИЗИСА, ЗАЛОЖЕННАЯ ВО ВНУТРЕННИХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ ТОВАРА И ДЕНЕГ]

Вот еще несколько положений Рикардо:

«Можно подумать,.. что Адам Смит утверждает, будто мы *некоторым образом вынуждены»* (так оно и есть на деле) *«производить избыток* хлеба, шерстяных и металлических изделий и будто капитал, производящий эти товары, не мог бы найти себе другое применение. Между тем способ применения того или другого капитала есть всегда дело свободного выбора, и поэтому никогда не может быть избытка какого-либо товара *в течение сколько-нибудь продолжительного времени; ибо,* если бы такой избыток имел место, цена товара упала бы ниже его естественной цены, и капитал был бы перемещен в какое-нибудь более выгодное занятие» (стр. 341—342, *примечание*) [Русский перевод, том I, стр. 240].

«Продукты всегда покупаются на продукты или на услуги; деньги — лишь посредник, при помощи которого совершается обмен»

(это имеет тот смысл, что деньги являются лишь средством обращения, а сама меновая стоимость — лишь мимолетной формой обмена продукта на продукт, что неверно).

«Какой-нибудь отдельный товар может быть произведен в излишнем количестве, и на рынке может оказаться такой избыток его, что затраченный на него капитал не будет возмещен; *но это не может случиться со всеми товарами»* (стр. 341—342) [Русский перевод, том I, стр. 240].

«Понизится ли прибыль вследствие *роста производства и вызванного этим увеличения спроса* или нет, — это зависит исключительно от повышения заработной платы, а повышение последней, за исключением кратковременных повышений, в свою очередь зависит от легкости производства пищи и предметов необходимости для рабочих» (стр. 343) [Русский перевод, том I, стр. 241].

«Если купцы вкладывают свои капиталы во внешнюю торговлю или в судоходство, то они всегда делают это по своему свободному выбору, а не под давлением необходимости; они делают это потому, что их прибыль в этих отраслях будет несколько выше, чем во внутренней торговле» (стр. 344) [Русский перевод, том I, стр. 241].

Что касается кризисов, то все авторы, которые описывают действительное движение цен, или все практики, которые пишут в определенные моменты кризиса, справедливо игнорировали мнимо теоретическую болтовню и удовлетворялись заявлением о том, что учение о невозможности переполнения рынка и т. д. в абстрактной теории верно, но на практике ошибочно. Самим фактом регулярного повторения кризисов галиматья Сэя и других была на деле низведена до уровня такой фразеологии, которая употребляется лишь во времена процветания, а во времена кризисов выбрасывается за борт.

[709] В кризисах мирового рынка бурно прорываются наружу противоречия и антагонизмы буржуазного производства. Но, вместо того чтобы исследовать, в чем состоят те антагонистические элементы, которые разражаются катастрофой, апологеты удовлетворяются тем, что отрицают самую катастрофу и вопреки ее закономерной периодичности упрямо утверждают, что если бы производство направлялось по учебникам, то дело никогда не доходило бы до кризиса. Апологетика состоит здесь, далее, в фальсификации простейших экономических отношений и особенно в том, что вопреки противоположности фиксируется единство.

Если, например, покупка и продажа, или движение метаморфоза товара, представляют единство двух процессов или, вернее, прохождение одного процесса через две противоположные фазы, если это движение, стало быть, существенным образом есть единство обеих фаз, то это есть столь же существенным образом также и разделение этих фаз и обособление их друг против друга, превращение их в нечто самостоятельное по отношению друг к другу. А так как они всё же внутренне связаны друг с другом, то обособление внутренне связанных моментов может *проявиться* лишь насильственно, как разрушительный процесс. Именно в *кризисе* обнаруживается действенная сила их единства, единства различных моментов. Та самостоятельность по отношению друг к другу, которую приобретают взаимно связанные и друг друга дополняющие моменты, насильственно уничтожается. Кризис обнаруживает, стало быть, единство ставших самостоятельными по отношению друг к другу моментов. Без этого внутреннего единства кажущихся безразличными по отношению друг к другу моментов не было бы и кризиса. Но

нет, говорит экономист-апологет. Так как имеет место единство, то кризис *не* может иметь места. А это, в свою очередь, означает не что иное, как утверждать, что единство противоположных моментов исключает их противоположность.

Чтобы доказать, что капиталистическое производство не может приводить к всеобщим кризисам, отрицаются все его условия и все определения его общественной формы, все его принципы и differentiae specificae*, словом, отрицается само *капиталистическое производство,* и в сущности доказывается, что если бы капиталистический способ производства был не специфически развитой, своеобразной формой общественного производства, а таким способом производства, который предшествует самым ранним зачаткам капитализма, то свойственные ему антагонизмы, противоречия, а потому также и их бурное проявление в кризисах не существовали бы.

«Продукты», — говорит Рикардо вслед за Сэем, — «всегда покупаются на продукты или на услуги; деньги — лишь посредник, при помощи которого совершается обмен» [Русский перевод, том I, стр. 240].

Следовательно, здесь, во-первых, *товар,* в котором существует противоположность между меновой и потребительной стоимостью, превращается просто в продукт (потребительную стоимость), а обмен товаров превращается, стало быть, просто в меновую торговлю продуктами, всего лишь потребительными стоимостями. Нас отодвигают назад, к тому, что имело место не только до капиталистического производства, но даже и до простого товарного производства, и от сложнейшего явления капиталистического производства — от кризиса мирового рынка — отделываются тем, что просто отрицают первое условие капиталистического производства, а именно, то условие, что продукт должен быть товаром, должен поэтому быть представлен как деньги и проделать процесс метаморфоза. Вместо того чтобы говорить о наемном труде, говорят об «услугах», — слово, в котором опять-таки отброшена специфическая определенность наемного труда и его потребления, а именно, свойство увеличивать стоимость тех товаров, на которые он обменивается, порождать прибавочную стоимость, — а тем самым отброшено и то специфическое отношение, благодаря которому деньги и товар превращаются в капитал. *«Услуга»* — это труд, взятый лишь как *потребительная стоимость* (а это является чем-то второстепенным в капиталистическом производстве), совершенно так же, как в слове «продукт» сущность *товара* и заложенное в нем противоречие оказываются скрытыми. Вполне последовательно,

* — специфические отличия. *Ред.*

что *деньги* в таком случае рассматриваются как всего лишь посредник обмена продуктами, а не как существенная и необходимая форма существования товара, который неизбежно должен проявить себя в качестве меновой стоимости, в качестве всеобщего общественного труда. Так как подобным превращением товара всего лишь в потребительную стоимость (в продукт) зачеркивается сущность [710] меновой стоимости, то столь же легко становится возможным — или, вернее, необходимым — отрицать *деньги* как существенную форму товара, являющуюся в процессе метаморфоза *самостоятельной* по отношению к первоначальной форме товара.

Следовательно, здесь от кризисов отмахиваются в своих рассуждениях тем, что забывают или отрицают исходные предпосылки капиталистического производства — наличие продукта как товара, раздвоение товара на товар и деньги, проистекающие отсюда моменты разделения в товарном обмене, наконец, то отношение, в котором деньги или товар находятся к наемному труду.

Не лучше, впрочем, обстоит дело и у тех экономистов (как, например, у Дж. Ст. Милля), которые хотят объяснить кризисы этими простыми, содержащимися в метаморфозе товаров *возможностями* кризиса — например, разделением покупки и продажи. Эти определения, объясняющие возможность кризиса, далеко еще не объясняют его действительности, не объясняют того, *почему* фазы процесса [воспроизводства] вступают в такой конфликт, что лишь путем кризиса, путем насильственного процесса может дать себя знать их внутреннее единство. Это *разделение* покупки и продажи и проявляется в кризисе; оно есть элементарная форма последнего. *Объяснять* кризис этой его элементарной формой — значит объяснять его существование тем, что выражает его бытие в его абстрактнейшей форме; т. е. объяснять кризис кризисом.

«Каждый человек», — говорит Рикардо*, — «производит только с целью потребления *или продажи,* и он продает только с целью *купить* какой-либо другой товар, который мог бы быть ему непосредственно полезен или мог бы служить для *будущего производства.* Таким образом, производя, он необходимо становится либо потребителем своих собственных продуктов (goods), либо покупателем и потребителем продуктов какого-либо другого лица. Нельзя предполагать, что он в течение *долгого времени* будет плохо осведомлен относительно того, какие товары он с наибольшей выгодой может производить, чтобы достигнуть преследуемой им цели, а именно — *приобрести другие продукты.* И *поэтому* маловероятно, что он *постоянно* (continually) будет производить такой товар, на который нет спроса» [Русский перевод, том I, стр. 239].

* См. настоящий том, часть II, стр. 549. *Ред.*

Эта ребяческая болтовня достойна какого-нибудь Сэя, но не Рикардо. Прежде всего, ни один капиталист не производит для того, чтобы потреблять свой продукт. И когда мы говорим о капиталистическом производстве, мы можем с полным основанием сказать: «ни один человек не производит с целью потребления своего продукта», даже если он какие-то части своего продукта применяет вновь для производственного потребления. Но у Рикардо речь идет о частном потреблении. Рикардо забыл раньше, что продукт есть товар. Теперь им забыто даже общественное разделение труда. При тех общественных условиях, когда люди производят для самих себя, действительно не бывает кризисов, но нет также и капиталистического производства. Мы никогда и не слышали, чтобы древние с их основанным на рабстве производством знали когда-нибудь кризисы, хотя отдельные производители и у древних терпели банкротства. Первая часть альтернативы [«с целью потребления *или* продажи»] — бессмыслица. Нелепа и вторая часть. Человек, который произвел продукт, не имеет [в условиях капиталистического производства] выбора: продавать или нет. Он вынужден *продавать.* И вот при кризисах возникает как раз такое положение вещей, что он не может продать или же может продать лишь ниже цены издержек или даже вынужден продать прямо с убытком. Какая же польза ему, а также и нам, от того, что он произвел свой продукт для продажи? Дело именно в том, чтобы выяснить, что мешает этому его благому намерению осуществиться.

Далее:

«Каждый *продает* только с целью *купить* какой-либо другой товар, который мог бы быть ему непосредственно полезен или мог бы служить для будущего производства» [там же].

Какое идиллическое изображение буржуазных отношений! Рикардо забывает даже о том, что кто-нибудь может *продавать,* чтобы *платить,* и что эти вынужденные продажи играют очень значительную роль в кризисах. Ближайшая цель капиталиста при продаже состоит в том, чтобы обратно превратить свой товар или, вернее, свой товарный капитал в *денежный капитал* и таким путем *реализовать* свою прибыль. Потребление — доход — отнюдь не служит направляющим моментом этого процесса, каким оно, действительно, является для человека, продающего *товары* только для того, чтобы превратить их в жизненные средства. При капиталистическом же производстве доход [потребление] выступает как результат, а не как определяющая цель. Каждый *продает* прежде всего для того, чтобы продать, т. е. чтобы превратить товар в деньги.

[711] Во время кризиса человек может быть весьма доволен, если он *продал,* а о покупке он может пока и не помышлять. Конечно, для того чтобы реализованная стоимость могла снова действовать как капитал, она должна проделать процесс воспроизводства, т. е. должна снова быть обменена на труд и товары. Но кризис как раз и есть момент нарушения и перерыва процесса воспроизводства. И это нарушение не может быть объяснено указанием на то, что оно не имеет места в периоды, когда нет кризиса. Не подлежит никакому сомнению, что никто не «будет постоянно производить такой товар, на который нет спроса» (стр. 339—340), но такой нелепой гипотезы никто и не высказывает. Да она и вообще совершенно не относится к делу. Цель капиталистического производства — это прежде всего не «приобретение других продуктов», а присвоение стоимости, денег, абстрактного богатства.

В основе рассуждений Рикардо здесь лежит также и рассмотренное мною раньше[129] положение Джемса Милля о «метафизическом равновесии покупок и продаж» — положение, которое в процессах покупки и продажи видит *только* единство, по не разделение. Отсюда и такое утверждение Рикардо (вслед за Джемсом Миллем):

«Какой-нибудь *отдельный* товар может быть произведен в излишнем количестве, и на рынке может оказаться такой избыток его, что затраченный на него капитал не будет возмещен; но это не может случиться со *всеми* товарами» (стр. 341—342) [Русский перевод, том I, стр. 240].

Деньги не только такой «посредник, при помощи которого совершается обмен» (стр. 341), но вместе с тем также и такой посредник, благодаря которому обмен продукта на продукт распадается на два акта, не зависящие один от другого и разделенные во времени и пространстве. А приведенное неправильное понимание денег покоится у Рикардо на том, что он вообще рассматривает лишь *количественное определение* меновой стоимости, а именно, то, что она равна определенному количеству рабочего времени, и забывает, напротив, о. *качественном* определении ее, а именно, о том, что индивидуальный труд выражает себя как *абстрактно всеобщий, общественный* труд только путем своего отчуждения (alienation)*.

Положение о том, что не *все* виды товаров, а только *отдельные* их виды могут оказаться в «избытке на рынке», что перепроиз-

* [718] (Что Рикардо рассматривает деньги только как *средство обращения,* тождественно тому, что он *меновую стоимость* рассматривает только как мимолетную форму, вообще как нечто лишь формальное для буржуазного, или капиталистического, производства; поэтому последнее и фигурирует у него не как специфически определенный способ производства, а как *единственный* способ производства вообще.) [718]

водство поэтому всегда может быть лишь частичным, представляет собой жалкую увертку. Прежде всего, если иметь в виду только природу товара, ничто не мешает тому, чтобы *все товары,* были на рынке в избытке и чтобы поэтому все они упали ниже своей цены[130]. Ведь здесь речь идет как раз лишь о моменте кризиса. Именно все товары, кроме *денег.* То, что *данный* товар необходимо должен быть представлен в деньгах, означает лишь, что эта необходимость существует для *всех* товаров. И в той же мере, в какой отдельному товару трудно проделать этот метаморфоз, это может быть трудно и для всех товаров. Общая природа метаморфоза товаров, — который включает отделение покупки и продажи друг от друга, так же как и их единство, — не только не исключает *возможность* всеобщего переполнения рынка, а, наоборот, как раз и есть сама эта возможность всеобщего переполнения.

Далее, рикардовские и другие подобные рассуждения исходят, конечно, из отношения не только между *покупкой и продажей,* но и между *спросом и предложением,* что мы должны разобрать лишь при рассмотрении конкуренции капиталов. По Миллю, покупка есть продажа и т. д., отсюда получается, что и спрос есть предложение, а предложение — спрос. Но ведь они также и отделяются друг от друга и могут приобрести самостоятельность по отношению друг к другу. Предложение всех товаров может в данный момент быть больше спроса на все товары благодаря тому, что спрос на *всеобщий товар,* на деньги, на меновую стоимость, больше спроса на все особые товары, другими словами, благодаря тому, что момент выражения товара в деньгах, реализации его меновой стоимости, берет верх над моментом обратного превращения товара в потребительную стоимость.

Если отношение между спросом и предложением понимать в более широком и более конкретном смысле, то сюда войдет отношение между *производством* и *потреблением.* Здесь опять-таки следовало бы не упускать из виду существующее в скрытом состоянии и как раз в кризисе насильственно прорывающееся наружу *единство* обоих этих моментов в его отношении к тоже существующему и даже характерному для буржуазного производства *разделению* и *противоположности* их.

Что касается противопоставления частичного перепроизводства всеобщему, поскольку дело сводится к тому, чтобы признать первый вид перепроизводства с целью увильнуть от признания второго, то относительно этого надлежит заметить следующее:

Во-первых: кризисам чаще всего предшествует всеобщее вздутие цен на все предметы, являющиеся продуктами капиталистического производства. Поэтому все эти товары участвуют в последующем крахе, и при тех ценах, которые существовали на них до краха, все они создают перегрузку рынка. По падающим ценам, по ценам, упавшим ниже цен издержек, рынок может поглотить такую массу товаров, какой он не мог бы поглотить по их прежним рыночным ценам. Избыток товаров всегда относителен, т. е. это есть избыток товаров при данных ценах. Те цены, по которым в этом случае поглощаются товары, разорительны для производителя или купца.

[712] *Во-вторых:* для того чтобы кризис (стало быть, также и перепроизводство) был всеобщим, достаточно, чтобы он охватил ведущие предметы торговли.

[9) ОШИБОЧНЫЙ ВЗГЛЯД РИКАРДО НА СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ПРОИЗВОДСТВОМ И ПОТРЕБЛЕНИЕМ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ]

Рассмотрим подробнее, как Рикардо пытается отмахнуться в своих рассуждениях от всеобщего переполнения рынка:

«Какой-нибудь отдельный товар может быть произведен в излишнем количестве, и на рынке может оказаться такой избыток его, что затраченный на него капитал не будет возмещен; но это не может случиться со всеми товарами. Спрос на хлеб ограничивается числом ртов, которые будут потреблять его, спрос на обувь и одежду — числом лиц, которые будут их носить. Но даже если общество или часть общества может иметь столько хлеба, шляп и обуви, сколько оно может или хочет потребить, то *этого нельзя сказать о всех продуктах, производимых природой или промышленностью.* Некоторые люди потребляли бы больше вина, если бы имели возможность приобрести его. У других вина достаточно, но они хотели бы увеличить количество своей мебели или улучшить ее качество. Третьи желали бы украсить свои парки или расширить свои дома. Стремление сделать все это или что-нибудь из этого заложено, в груди каждого человека; *для этого требуются лишь необходимые средства, и ничто другое не может предоставить эти средства, кроме как увеличение производства»* (стр. 341—342) [Русский перевод, том I, стр. 240—241].

Возможно ли более ребяческое рассуждение? Оно означает следующее. Отдельный товар может быть произведен в большем количестве, чем то, которое может быть потреблено. Но это не может относиться одновременно ко *всем* товарам. Ибо потребности, удовлетворяемые товарами, безграничны, и все эти потребности не удовлетворяются одновременно. Напротив. Процесс удовлетворения одной потребности заставляет другую перейти, так сказать, в скрытое состояние. Выходит, что ничего не требуется, кроме средств для удовлетворения этих потребностей, а эти средства могут быть добыты лишь путем увеличения производства. Значит, всеобщее перепроизводство невозможно.

К чему все это? В моменты перепроизводства значительная часть нации (в особенности рабочий класс) в меньшей степени, чем когда-либо в другое время, обеспечена хлебом, обувью и т. д., не говоря уже о вине и мебели. Если бы перепроизводство могло возникать только после того, как все члены нации удовлетворили хотя бы самые насущные потребности, то в истории буржуазного общества до наших дней ни разу не могло бы иметь место не только всеобщее, но даже и частичное перепроизводство. Если, например, рынок переполнен обувью или ситцем, вином или колониальными продуктами, то разве это значит, что хотя бы только две трети нации до пресыщения удовлетворили свою потребность в обуви, ситце и т. д.? Какая вообще существует связь между перепроизводством и абсолютными потребностями? Перепроизводство связано только с платежеспособными потребностями. Речь идет не об абсолютном перепроизводстве — не о перепроизводстве самом по себе, взятом по отношению к абсолютной потребности или желанию обладать товарами. В этом смысле не существует ни частичного, ни всеобщего перепроизводства, и они вовсе не противостоят друг другу.

Но, скажет Рикардо, если имеется масса людей, которым нужны обувь и ситец, то почему же они не добывают себе средств для покупки их, почему они не займутся производством чего-нибудь такого, на что они могли бы купить обувь и ситец? Не будет ли еще проще сказать: почему они не производят для себя обувь и ситец? И что еще поразительнее в перепроизводстве — это то, что подлинные производители тех самых товаров, которые переполняют рынок, — рабочие — терпят нужду в них. Здесь нельзя сказать, что они должны были бы произвести эти вещи, чтобы получить их, ибо они их произвели и все-таки не имеют их. Нельзя также сказать, что определенный товар потому переполняет рынок, что нет потребности в этом товаре. Если, следовательно, даже *частичное* перепроизводство нельзя объяснить тем, что количество переполняющих рынок товаров превосходит потребность в них, то от *всеобщего* перепроизводства уже никак не удастся отмахнуться при помощи рассуждений о том, что существует потребность во многих из тех товаров, которые имеются на рынке, — потребность, остающаяся неудовлетворенной.

Вернемся к примеру с фабрикантом ситца[*]. Пока воспроизводство протекало без перебоев, — а значит без перебоев

[*] См. настоящий том, часть II, стр. 531 и следующие (там вместо «фабриканта ситца» фигурирует «фабрикант холста», что нисколько не меняет сути дела). *Ред.*

протекала и та фаза этого воспроизводства, в которой ситец, продукт, существующий как товар, как товар для продажи, обратно превращался в деньги по своей стоимости, — до тех пор и рабочие, производящие ситец, тоже потребляли, допустим, часть этого ситца, а с расширением производства, т. е. с накоплением, они потребляли его соответственно больше, или в производстве ситца было занято больше рабочих, которые вместе с тем являлись отчасти и его потребителями.

[10) ПРЕВРАЩЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ КРИЗИСА В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ. КРИЗИС КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ВСЕХ ПРОТИВОРЕЧИЙ БУРЖУАЗНОЙ ЭКОНОМИКИ]

Прежде чем идти дальше, отметим следующее.

Отделение друг ют друга процесса производства (непосредственного) и процесса обращения представляет собой опять-таки — и в более развитом виде — *возможность* кризиса, которая обнаружилась уже при рассмотрении *простого метаморфоза* товара[131]. Лишь только эти процессы, вместо того чтобы плавно переходить один в другой, [713] приобретают самостоятельность как обособленные и противостоящие друг другу моменты, — кризис налицо.

При метаморфозе товара возможность кризиса выражается в следующем;

Во-первых, товар, существующий реально как потребительная стоимость, а идеально, в цене, как меновая стоимость, должен быть превращен в деньги: *Т — Д.* Если эта трудность — продажа — разрешена, то покупка, *Д — Т,* уже не представляет затруднения, так как деньги обладают способностью непосредственно обмениваться на всё. Необходимой предпосылкой является при этом наличие потребительной стоимости товара, полезность содержащегося в нем труда; в противном случае это вообще не товар. Далее предполагается, что индивидуальная стоимость товара равна его общественной стоимости, т. е. что материализованное в нем рабочее время равно рабочему времени, общественно *необходимому* для производства этого товара. Поэтому возможность кризиса в том смысле, в каком она обнаруживается в простой форме метаморфоза, проистекает лишь из того, что те различия формы — те фазы, через которые метаморфоз товара проходит в своем движении, — во-первых, суть необходимо дополняющие друг друга формы и фазы, а во-вторых, несмотря на эту внутреннюю необходимую взаимосвязь, представляют собой существующие безразлично друг к другу, не совпадающие во времени и про-

странстве, отделимые и отделенные друг от друга и друг от друга не зависящие части и формы процесса. Следовательно, возможность кризиса заключается здесь исключительно в отделении друг от друга продажи и покупки. Только в форме товара приходится товару преодолевать здесь стоящую перед ним трудность. Как только он приобрел форму денег, эта трудность уже позади. Далее, однако, также и это сводится к отделению друг от друга продажи и покупки. Если бы товар не имел возможности в форме денег покидать сферу обращения, или, другими словами, отсрочивать свое обратное превращение в товар, если бы — как это имеет место при непосредственной меновой торговле — покупка и продажа совпадали, то при сделанных предположениях *возможность* кризиса отпала бы. Ибо предположено, что товар есть *потребительная стоимость* для других товаровладельцев. В форме непосредственной меновой торговли товар только тогда не может быть обменен, когда он не является потребительной стоимостью или же когда на другой стороне нет других потребительных стоимостей, которые могли бы быть обменены на него; стало быть, лишь при двух условиях: или когда одна сторона произвела нечто *бесполезное,* или когда у другой стороны нет ничего *полезного,* что можно было бы обменять, в качестве эквивалента, на потребительную стоимость, имеющуюся у первой стороны. Но в обоих случаях обмен вообще не имел бы места. *Однако если бы обмен имел место,* то его моменты не были бы отделены друг от друга. Покупатель был бы продавцом, продавец — покупателем. Таким образом, отпал бы *критический* момент, проистекающий из формы обмена, поскольку обмен является обращением, — и если мы говорим, что простая форма метаморфоза заключает в себе возможность кризиса, то мы лишь говорим, что в самой этой форме заложена возможность разрыва и отделения друг от друга существенно дополняющих друг друга моментов.

Но это касается также и содержания. При непосредственной меновой торговле главная масса продукции у производителя тех или других продуктов предназначена для удовлетворения его собственной потребности или, при несколько более развитом разделении труда, для удовлетворения известных ему потребностей его сотоварищей по производственной деятельности. То, что подлежит обмену как товар, это — излишек, и остается несущественным, будет ли этот излишек обменен или нет. При *товарном производстве* превращение продукта в деньги, продажа, представляет собой conditio sine qua non*. Непосредственное

* — необходимое, обязательное условие. *Ред.*

производство для удовлетворения собственных потребностей отпадает. Если товары остаются непроданными, то кризис налицо. Трудность превращения *товара* — особого продукта индивидуального труда — в деньги, его противоположность, в абстрактно всеобщий, общественный труд, заключается в том, что *деньги* не выступают как особый продукт индивидуального труда, что тот, кто продал, т. е. тот, кто теперь владеет товаром в форме денег, не вынужден сейчас же покупать снова, снова превращать деньги в особый продукт индивидуального труда. В меновой торговле этой противоположности не существует. Здесь никто не может быть продавцом, не будучи покупателем, и покупателем, не будучи продавцом. Трудность, испытываемая продавцом, — при предположении, что его товар имеет потребительную стоимость, — проистекает исключительно из того, что покупатель легко может отложить обратное превращение денег в товары Эта трудность превращения товара в деньги, продажи его, проистекает исключительно из того, что товар должен быть превращен в деньги, деньги же отнюдь не должны быть немедленно превращены в товар, так что *продажа* и *покупка* могут оторваться друг от друга. Мы сказали, что эта *форма* заключает в себе *возможность кризиса,* т. е. возможность того, что моменты, взаимно и неразрывно связанные друг с другом, отрываются один от другого, вследствие чего их соединение осуществляется насильственным путем, так что их взаимная связь пробивает себе дорогу посредством насилия, учиняемого над той самостоятельностью, которую они приобрели по отношению друг к другу. [714] А *кризис* есть не что иное, как насильственное осуществление единства фаз процесса производства, обособившихся и ставших самостоятельными по отношению друг к другу.

Общая, абстрактная возможность кризиса означает не что иное, как *наиболее абстрактную форму* кризиса, без содержания, без содержательной побудительной причины кризиса. Продажа и покупка могут оторваться друг от друга. Они, следовательно, суть *кризис* potentia[*], и их совпадение всегда остается критическим моментом для товара. Но они могут и плавно переходить одна в другую. Стало быть, остается в силе, что *наиболее абстрактной формой кризиса* (и потому формальной возможностью кризиса) является сам *метаморфоз товара,* в котором, как развернутое движение, содержится лишь заключенное в единстве товара противоречие меновой и потребительной стоимости, далее — денег и товара. Но то, благодаря чему

[*] — в возможности. *Ред.*

эта возможность кризиса становится кризисом, не содержится в самой этой форме; в ней содержится лишь то, что *форма* для кризисов налицо.

И это-то и важно при рассмотрении буржуазной экономики. Кризисы мирового рынка должны рассматриваться как реальное сведение воедино и насильственное выравнивание всех противоречий буржуазной экономики. Поэтому те отдельные моменты, которые таким образом сводятся воедино в этих кризисах, должны выступать и прослеживаться в каждой сфере буржуазной экономики, и по мере того, как мы всё дальше и дальше проникаем в эту экономику, мы должны, с одной стороны, раскрывать всё новые и новые определения этого противоречия, а с другой стороны, показывать, как в более конкретных формах его повторяются и содержатся его более абстрактные формы.

Итак, можно сказать: кризис в его первой форме есть сам метаморфоз товара, отделение друг от друга покупки и продажи.

Кризис в его второй форме связан с функцией денег как средства платежа. Здесь деньги в два различных, отделенных друг от друга момента времени фигурируют в двух различных функциях.

Обе эти формы еще совершенно абстрактны, хотя вторая и конкретнее первой.

Таким образом, при рассмотрении *процесса воспроизводства* капитала (который совпадает с его обращением) прежде всего надлежит показать, что упомянутые выше формы здесь просто повторяются, или, вернее, впервые здесь получают содержание, основу, на которой они могут себя проявить.

Рассмотрим то движение, которое проделывает капитал с того момента, когда он, как товар, покидает процесс производства, чтобы затем снова возникнуть из него в форме товара. Если мы отвлечемся здесь от всех дальнейших определений содержания, то мы будем иметь перед собой следующее: совокупный товарный капитал, как и каждый отдельный товар, входящий в него, должен проделать процесс *Т — Д — Т*, метаморфоз товара. Таким образом, общая возможность кризиса, содержащаяся в этой форме, — отделение друг от друга покупки и продажи, — содержится и в движении капитала, поскольку капитал *тоже* есть товар и представляет собой не что иное, как товар. Кроме того, из взаимосвязанности метаморфозов различных товаров вытекает, что один товар превращается в деньги потому, что другой товар обратно превращается из формы денег в товар. Следовательно, отделение друг от друга покупки и продажи здесь выступает, далее, в таком виде, что

превращению одного капитала из формы товара в форму денег должно соответствовать обратное превращение другого капитала из формы денег в форму товара, первый метаморфоз одного капитала должен соответствовать второму метаморфозу другого капитала, оставление процесса производства одним капиталом должно соответствовать возвращению в процесс производства другого капитала. Такое взаимное сращение и переплетение процессов воспроизводства или обращения различных капиталов является, с одной стороны, необходимым вследствие разделения труда, а с другой стороны — случайным, и уже в силу этого расширяется определение содержания кризиса.

А во-вторых, что касается возможности кризиса, проистекающей из формы денег как *средства платежа,* то при рассмотрении капитала обнаруживается уже гораздо более реальная основа для превращения этой возможности в действительность. Например, владелец ткацкой фабрики должен оплатить весь постоянный капитал, элементы которого были доставлены владельцем прядильной фабрики, льноводом, владельцами машиностроительного и железоделательного заводов, лесопромышленником, углепромышленником и т. д. Поскольку последние производят такой постоянный капитал, который входит только в производство постоянного капитала, не входя в конечный товар, в ткань, постольку они путем обмена капитала на капитал возмещают друг другу свои условия производства. Предположим [715] теперь, что владелец ткацкой фабрики продает свою ткань за 1000 ф. ст. *купцу,* но под вексель, так что деньги фигурируют в качестве *средства платежа.* Этот вексель владелец ткацкой фабрики в свою очередь продает *банкиру,* у которого он производит этим путем уплату, скажем, какого-нибудь долга или который учитывает ему этот вексель. Точно так же под вексель продал льновод владельцу прядильной фабрики, а последний — владельцу ткацкой фабрики, точно так же машиностроитель — владельцу ткацкой фабрики, металлург и лесопромышленник — машиностроителю, углепромышленник — владельцам прядильной и ткацкой фабрик, машиностроителю, металлургу и лесопромышленнику. Кроме того, металлург, углепромышленник, лесопромышленник, льновод уплатили друг другу векселями. И вот, если теперь купец не платит, то владелец ткацкой фабрики не может оплатить свой вексель банкиру.

Льновод выдал вексель на владельца прядильной фабрики, машиностроитель — на владельцев ткацкой и прядильной фабрик. Владелец прядильной фабрики не может платить, так как не в состоянии заплатить владелец ткацкой фабрики; оба они

не платят машиностроителю, а этот последний не платит металлургу, лесопромышленнику, углепромышленнику» И все они в свою очередь, не реализуя стоимости своего товара, не могут возместить ту часть стоимости, которая возмещает постоянный капитал. Так возникает всеобщий кризис. Это не что иное, как *возможность кризиса,* отмеченная при рассмотрении денег как средства платежа, но мы видим здесь, в капиталистическом производстве, уже такую связь взаимных долговых требований и обязательств, покупок и продаж, при наличии которой возможность кризиса может развиться в действительность. *При всех обстоятельствах* мы имеем следующее:

Если покупка и продажа не застывают в напряженном положении друг против друга и потому не возникает необходимости в их насильственном выравнивании; если, с другой стороны, деньги в качестве средства платежа функционируют так, что долговые обязательства взаимно погашают друг друга и, значит, не воплощается в действительность то противоречие, которое потенциально имеется в деньгах как средстве платежа; если, следовательно, обе эти абстрактные формы кризиса не проявляются реально как таковые, — то кризиса не существует. Не может быть кризиса без того, чтобы покупка и продажа не оторвались друг от друга и не вступили в противоречие, или без того, чтобы не проявились те противоречия, которые содержатся в деньгах как средстве платежа, стало быть, без того, чтобы кризис не выступил вместе с тем в своей простой форме — в форме противоречия покупки и продажи и в форме противоречия денег как средства платежа. Но это всё же лишь *формы,* общие возможности кризисов, а потому и формы, абстрактные формы действительного кризиса. Бытие кризиса выступает в них как в своих простейших формах, а также в своем простейшем содержании, поскольку сама эта форма есть его простейшее содержание. Но это еще не есть *обоснованное* содержание. Простое денежное обращение и даже обращение денег как средства платежа, — и то и другое возникает задолго *до* капиталистического производства, не порождая кризисов, — возможны и действительны без кризисов. Стало быть, одними этими формами нельзя объяснить, почему они оборачиваются своей критической стороной, почему содержащееся в них potentia* противоречие проявляется actu** как таковое.

Отсюда видна безмерная пошлость тех экономистов, которые, не будучи уже в состоянии отмахнуться посредством

* — потенциально, в возможности. *Ред.*
** — действительно, реально, на деле. *Ред.*

рассуждений от явления перепроизводства и кризисов, успокаиваются на том, что в вышеозначенных формах дана [лишь] возможность наступления *кризисов,* так что *случайным* является и то, что они не наступают, и само их наступление представляется всего лишь *случайностью.*

Развившиеся в товарном обращении и далее в денежном обращении противоречия — а значит, и возможности кризиса — сами собою воспроизводятся в капитале, так как развитое товарное и денежное обращение имеет место в действительности только на основе капитала.

Но теперь речь идет о том, чтобы проследить дальнейшее развитие потенциального кризиса, — реальный кризис может быть выведен лишь из реального движения капиталистического производства, конкуренции и кредита, — о том, чтобы показать дальнейшее развитие потенциального кризиса, поскольку он проистекает из тех определений формы капитала, которые *присущи* капиталу как капиталу и не заключены просто в его бытии как товара и денег.

[716] Сам по себе один лишь (непосредственный) *процесс производства* капитала не может прибавить здесь ничего нового. Для того чтобы процесс производства капитала вообще существовал, его условия предполагаются данными. Поэтому в первом разделе о капитале — в разделе о *непосредственном* процессе производства — не прибавляется ни одного нового элемента кризиса. *Потенциально* элемент кризиса здесь содержится, ибо процесс производства есть присвоение прибавочной стоимости, а потому и ее производство. Но в самом процессе производства это не может проявиться, так как в нем еще не идет речь о *реализации* не только воспроизведенной стоимости, но и прибавочной стоимости.

Обнаружиться это может впервые лишь в *процессе обращения,* который сам по себе является в то же время и *процессом воспроизводства.*

Далее здесь следует заметить, что мы должны изобразить процесс обращения или процесс воспроизводства *до* того. как мы изобразим готовый капитал — *капитал и прибыль;* ибо нам надлежит выяснить не только то, как капитал производит, но и то, как капитал производится. Действительное же движение исходит из имеющегося уже налицо капитала, — речь идет о действительном движении на основе развитого, с самого себя начинающего, самого себя предполагающего капиталистического производства. Поэтому процесс воспроизводства и получившие в нем дальнейшее развитие зародыши кризисов могут быть в самом разделе, трактующем о воспроизводстве, выяснены лишь

неполно и требуют дополнительного рассмотрения в главе *«Капитал и прибыль»*[132].

Совокупный процесс обращения или совокупный процесс воспроизводства капитала есть единство его фазы производства и его фазы обращения, т. е. такой процесс, который проходит через оба указанные процесса как через свои фазы. Здесь заложена получившая дальнейшее развитие возможность кризиса, или его получившая дальнейшее развитие абстрактная форма. Поэтому экономисты, отрицающие кризисы, отстаивают лишь единство обеих этих фаз. Если бы эти фазы были лишь отделены друг от друга, не будучи чем-то единым, то было бы невозможно насильственное восстановление их единства, невозможен был бы кризис. Если бы они были лишь едины, не будучи отделимы друг от друга, то было бы невозможно насильственное отделение их, что опять-таки представляет собой кризис. Кризис есть насильственное восстановление единства моментов, ставших самостоятельными, и насильственное превращение в нечто самостоятельное таких моментов, которые по существу составляют нечто единое. [716]

[11) К ВОПРОСУ О ФОРМАХ КРИЗИСА]

[770a] К стр. 716.

Итак:

1) Общая *возможность* кризисов дана в самом процессе *метаморфоза капитала* и притом вдвойне. Поскольку деньги функционируют в качестве *средства обращения,* возможность кризисов содержится в отделении друг от друга *покупки* и *продажи.* Поскольку деньги функционируют в качестве *средства платежа,* где они действуют в два различных момента времени как *мера стоимостей* и как *реализация стоимости,* — возможность кризисов содержится в отделении друг от друга этих двух моментов. Если стоимость *в промежуток* между этими двумя моментами изменилась и товар в момент его продажи не *стоит* столько, сколько он *стоил* в тот момент, когда деньги функционировали в качестве меры стоимостей, а поэтому и взаимных обязательств, то долговое обязательство не может быть оплачено из *вырученных за товар денег,* и потому не может быть сальдирован весь ряд сделок, которые, в свою очередь, зависят от этого обязательства. Раз товар не мог быть продан в течение *определенного промежутка времени,* — даже если не изменилась его стоимость, — то одного этого обстоятельства уже достаточно для того, чтобы *деньги* не могли выполнить

свою функцию *средства платежа,* ибо они должны функционировать как средство платежа в *определенный, заранее установленный срок.* А так как одна и та же сумма денег функционирует для ряда взаимных сделок и обязательств, то *невозможность уплаты* возникает здесь не в одном только, а во многих пунктах, и отсюда проистекает *кризис.*

Таковы *формальные возможности* кризиса. Первая возможна без последней, т. е. кризисы возможны без кредита, без того, чтобы деньги функционировали как средство платежа. Но вторая невозможна *без первой,* т. е. без отделения покупки и продажи друг от друга. Однако в последнем случае кризис наступает не только потому, что товар вообще не может быть продан, по и потому, что он не может быть продан в течение *определенного промежутка времени,* и кризис возникает и получает здесь свой характер не только от того, что товар *не может быть продан,* но и от того, что *не реализуется целый ряд платежей,* которые основаны на продаже этого определенного товара в этот определенный срок. Такова *форма денежных кризисов в собственном смысле слова.*

Таким образом, если *кризис* наступает вследствие отделения друг от друга покупки и продажи, то он развивается как *денежный кризис,* когда деньги уже функционируют как *средство платежа,* и эта *вторая форма* кризисов в таком случае возникает в качестве чего-то само собой разумеющегося, как только *наступает первая.* Стало быть, при исследовании того, почему общая *возможность кризиса* становится *действительностью,* при исследовании *условий* кризиса, совершенно излишне уделять особое внимание *форме* тех кризисов, которые возникают из развития денег как *средства платежа.* Именно поэтому экономисты и любят ссылаться на эту *само собой разумеющуюся* форму как на *причину* кризисов. (Поскольку развитие денег как средства платежа связано с развитием кредита и его *разбуханием,* следует, конечно, выяснить причины этих явлений, но здесь еще не место для этого.)

2) В той мере, в какой кризисы вызываются *изменениями* и *революциями цен,* не совпадающими с *изменениями стоимости* товаров, они, естественно, не могут быть разобраны при рассмотрении капитала вообще, где предполагаются цены, *тождественные* со *стоимостями* товаров.

3) *Общая возможность* кризисов есть сам формальный *метаморфоз* капитала, отделение друг от друга покупки и продажи во времени и пространстве. Но это никогда не является *причиной* кризиса. Ибо это не что иное, как *наиболее общая форма кризиса,* т» е. сам кризис в *его наиболее общем выражении.*

Но нельзя сказать, что *абстрактная форма кризиса* есть *причина кризиса.* Если спрашивают о его причине, то хотят именно знать, почему *его абстрактная форма,* форма его возможности, превращается из возможности в *действительность.*

4) *Общие условия* кризисов, поскольку они не зависят от *колебаний цен* (все равно, связаны ли эти колебания цен с кредитом или нет), отличающихся от колебаний стоимостей, надлежит выводить из общих условий капиталистического производства. [770a]

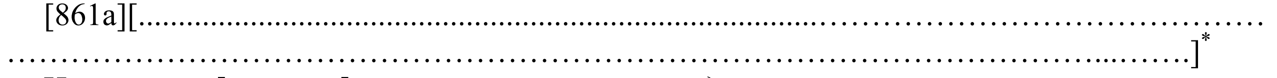
[716] (*Кризис* может наступить: 1) при *обратном превращении* [денег] *в производительный капитал* — в результате *изменений стоимости* элементов производительного капитала, особенно *сырья;* например, когда объем урожая хлопка уменьшается и его *стоимость* тем самым возрастает. Мы здесь имеем дело еще не с ценами, а со *стоимостями.)* [716]

[770a] *Первый момент. Обратное превращение денег в капитал.* Предполагается определенная ступень *производства или воспроизводства.* Основной капитал может рассматриваться здесь как нечто данное, неизменное, не входящее в *процесс образования стоимости.* Так как воспроизводство сырья зависит не только от затраченного на него труда, но и от производительности этого труда, связанной с *природными условиями,* то масса продукта — даже [XIV—771a] *масса* продукта, произведенная *тем же самым* количеством труда, — может уменьшиться (при *плохих урожаях).* Следовательно, *стоимость сырья повышается,* а *масса* его уменьшается. Тем самым нарушено то *соотношение,* в котором деньги должны обратно превратиться в *различные составные части* капитала для того, чтобы производство продолжалось в прежнем масштабе. Больше должно быть затрачено на *сырье,* меньше остается для затраты на *труд;* поэтому не может быть поглощено такое же количество труда, как прежде. Во-первых, это *невозможно физически,* так как уменьшилось количество сырья; во-вторых, это невозможно потому, что на сырье должна быть затрачена более значительная, чем прежде, *часть стоимости продукта* и, следовательно, в *переменный капитал* может быть превращена менее значительная часть ее. Воспроизводство не может быть *повторено* в прежнем масштабе. Часть *основного капитала* бездействует, часть рабочих оказывается выброшенной на улицу. *Норма прибыли* падает, так как стоимость постоянного капитала увеличилась по сравнению с переменным и применяется меньше переменного капитала. Заранее фиксированные отчисления — процент, рента, — установленные в расчете на *неизменную* норму прибыли и эксплуатации труда, остаются прежними и частью *не могут*

быть оплачены. Отсюда *кризис.* Кризис труда и кризис капитала. Это, следовательно, такое *нарушение процесса воспроизводства,* которое вызвано тем, что повысилась стоимость одной из частей постоянного капитала, подлежащих возмещению из стоимости продукта. Далее, несмотря на понижение *нормы прибыли,* здесь имеет место *вздорожание продукта.* Если этот продукт в качестве средства -производства входит в другие сферы производства, то его вздорожание вызывает в них такое же нарушение *воспроизводства.* Если он входит в качестве жизненного средства в общее потребление, то он или входит вместе с тем в *потребление рабочих,* или *не* входит. В первом случае последствия будут те же, что и при нарушениях в *переменном капитале,* о чем речь будет впереди. Но если продукт вообще входит в *общее потребление,* то в результате его вздорожания (если его потребление не сокращается) может уменьшиться *спрос* на другие продукты, а потому станет *невозможным их обратное превращение* в сумму денег, соответствующую их стоимости; таким образом нарушается *другая сторона* их воспроизводства: не *обратное превращение денег* в производительный капитал, а *обратное превращение* товара в деньги. Во всяком случае, в рассматриваемой нами отрасли производства уменьшается *масса прибыли* и *масса заработной платы,* а тем самым уменьшается и *часть необходимой выручки* от продажи товаров других отраслей.

Но такого рода *недостаток сырья* может получиться также и *независимо от урожая,* или от *обусловленной природными факторами производительности* труда, доставляющего сырье. А именно, если в какой-либо отдельной отрасли производства на машины и т. д. затрачена *непомерно большая часть прибавочной стоимости, добавочного капитала,* то, при *новом масштабе* производства, сырья будет недостаточно, хотя его было бы достаточно при производстве в *прежнем масштабе.* Следовательно, это происходит в результате *непропорционального* превращения добавочного капитала в его различные элементы. В данном случае перед нами *перепроизводство основного капитала,* которое порождает здесь точно такие же явления, как и те, которые порождаются в первом случае [т. е. при плохом урожае сырья].

[861a][..
....][*]

Или же они [кризисы] покоятся на *перепроизводстве основного капитала* и, следовательно, на относительном недопроизводстве оборотного капитала.

Так как *основной капитал,* как и оборотный, состоит из товаров, то нет ничего более смехотворного, чем позиция тех экономистов, которые отрицают *перепроизводство товаров,* но

[*] В рукописи здесь оборван левый верхний угол страницы, вследствие чего от первых девяти строк текста сохранились только правые концы шести строк, не дающие возможности полностью восстановить весь текст, но позволяющие догадываться, что Маркс говорит здесь о кризисах, возникающих «из *революции в стоимости* переменного капитала». «Вздорожание *необходимых жизненных средств»,* вызванное, например, плохим урожаем, ведет к увеличению затраты на рабочих, «приводимых в движение переменным капиталом, и одновременно с этим — к уменьшению» спроса «на *все другие товары,* на все те товары, которые не входят в потребление» рабочих. Поэтому становится невозможной «продажа этих товаров по их стоимости», нарушается *«первая фаза* их воспроизводства, превращение» товаров в деньги. Следовательно, вздорожание жизненных средств «ведет к наступлению кризиса в других отраслях производства».

В двух последних строках поврежденной части страницы содержится подытоживающая все это рассуждение мысль о том, что кризисы могут возникать в результате вздорожания сырья, «входит ли это сырье в качестве материала в постоянный капитал или в качестве жизненных средств» в потребление рабочих. *Ред.*

в то же время признают *перепроизводство основного капитала.*

5) *Кризисы, возникающие из нарушений первой фазы воспроизводства,* т. е. из затруднений в превращении товаров в деньги, или *затруднений в продаже.* При кризисах первого рода [происходящих в результате вздорожания сырья] кризис возникает из затруднений в *обратной покупке* элементов производительного капитала. [XIV — 861a]

[12) ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ ПРОИЗВОДСТВОМ И ПОТРЕБЛЕНИЕМ В УСЛОВИЯХ КАПИТАЛИЗМА. ПРЕВРАЩЕНИЕ ПЕРЕПРОИЗВОДСТВА ВЕДУЩИХ ПРЕДМЕТОВ ПОТРЕБЛЕНИЯ ВО ВСЕОБЩЕЕ ПЕРЕПРОИЗВОДСТВО]

[XIII—716] Прежде чем перейти к новым формам кризиса[133], вернемся опять к Рикардо и к вышеприведенному примеру[*].

[716] Пока у фабриканта ситца имеет место воспроизводство и накопление, его рабочие также являются покупателями части принадлежащего ему продукта, они часть своей заработной платы расходуют на ситец. Именно потому, что у фабриканта идет производство, рабочие имеют средства для покупки некоторой доли его продукта, а значит они частично дают ему возможность продать продукт. Выступать как покупатель — как представитель спроса — рабочий может по отношению к тем только товарам, которые входят в индивидуальное потребление, так как он не сам распоряжается своим собственным трудом, а значит и не сам владеет условиями осуществления своего труда — средствами труда и материалом труда. Следовательно, уже это обстоятельство исключает наибольшую часть производителей (там, где развито капиталистическое производство, —

[*] См. настоящий том, часть II, стр. 531 и следующие (там вместо «фабриканта ситца» фигурирует «фабрикант холста», что нисколько не меняет сути дела) а также стр. 563. *Ред.*

самих рабочих) из числа потребителей, покупателей. Они не покупают сырья и средств труда, они покупают только жизненные средства (товары, непосредственно входящие в индивидуальное потребление). Поэтому нет ничего более смехотворного, чем разговоры о тождестве производителей и потребителей; ибо для чрезвычайно большого количества отраслей производства — для всех тех отраслей, которые не производят предметов непосредственного потребления, — основная масса участвующих в производстве абсолютно отстранена от *покупки* ими самими произведенных продуктов. Они никогда не являются *непосредственными* потребителями или покупателями этой значительной части своих собственных продуктов, хотя они оплачивают ту часть стоимости последних, которая содержится в покупаемых ими предметах потребления. Здесь обнаруживается также двусмысленность слова «потребитель» и ошибочность отождествления его со словом «покупатель». В смысле производственного потребления именно рабочие потребляют машины и сырье, используют их в процессе труда. Но рабочие используют их не для себя и поэтому-то и не являются их *покупателями.* Для рабочих машины и сырье не потребительные стоимости, не товары, а объективные условия того процесса, субъективными условиями которого являются сами рабочие.

[717] Но могут сказать, что нанимающий рабочих предприниматель является их представителем при покупке средств труда и материала труда. Однако представляет он их — речь идет о представительстве на рынке — при других условиях, чем те, при которых они представляли бы себя сами. Он должен продать массу товаров, заключающую в себе прибавочную стоимость, неоплаченный труд, А рабочие должны были бы продать лишь такую массу товаров, в которой была бы воспроизведена стоимость, авансированная в производстве — в виде стоимости средств труда, материала труда и заработной платы. Капиталисту, следовательно, нужен более обширный рынок, чем тот, который потребовался бы рабочим. Далее, от него, а не от них зависит, считает ли он условия рынка достаточно благоприятными для того, чтобы начать воспроизводство.

Итак, рабочие являются производителями, не будучи потребителями — даже когда процесс воспроизводства не нарушается — по отношению ко всем тем предметам, которые должны потребляться в смысле не индивидуального потребления, а производственного.

Следовательно, нет более нелепого способа отрицать кризисы, чем утверждение, будто потребители (покупатели) и

производители (продавцы) при капиталистическом производстве тождественны. Они совершенно не совпадают друг с другом. В тех случаях, когда процесс воспроизводства идет своим ходом, эту тождественность можно утверждать только по отношению к одному из 3000 производителей, т. е. по отношению к капиталисту. Столь же ошибочно обратное утверждение, будто потребители являются производителями. Земельный собственник (получатель земельной ренты) не производит, но тем не менее он потребляет. Точно так же обстоит дело и со всеми представителями денежного капитала.

Апологетические фразы, пускаемые в ход в целях отрицания кризисов, важны постольку, поскольку они всегда доказывают противоположное тому, что хотят доказать. В целях отрицания кризисов они говорят о единстве там, где существуют противоположность и противоречие. Стало быть, они важны постольку, поскольку можно сказать: они доказывают, что если бы в действительности не существовало тех противоречий, которые изобретатели этих фраз устранили в своем воображении, то не было бы и кризиса. Но в действительности кризис существует, ибо существуют эти противоречия. Всякое основание, приводимое апологетами против существования кризиса, представляет собой противоречие, устраненное лишь в их воображении, стало быть реальное противоречие, стало быть основание кризиса. Стремление устранить противоречия при помощи фантазирования есть вместе с тем подтверждение того, что в действительности имеются налицо те противоречия, которые, согласно благочестивому желанию, *не должны* существовать.

То, что рабочие по сути дела производят, есть прибавочная стоимость. Пока они ее производят, у них есть что потреблять. Как только производство прибавочной стоимости прекращается, прекращается и их потребление, так как они перестали производить. Но они могут потреблять отнюдь не потому, что производят эквивалент для своего потребления. Напротив, когда они производят только такой эквивалент, их потребление прекращается, они не имеют эквивалента для потребления. Их труд либо приостанавливается, либо сокращается, либо, при всех обстоятельствах, их заработная плата понижается. В последнем случае — если уровень производства остается неизменным — они не потребляют произведенного ими эквивалента. Но тогда у них не хватает средств не потому, что они недостаточно производят, а потому, что им достается слишком малая доля произведенного ими продукта.

Итак, когда рассматриваемое отношение сводят просто к отношению между потребителями и производителями, то

забывают, что производящий наемный рабочий и производящий капиталист суть два производителя совершенно различного рода, не говоря уже о таких потребителях, которые вообще не занимаются производственной деятельностью. Здесь опять-таки *противоположность* отрицается тем, что абстрагируются от действительно существующей в производстве противоположности. Уже само отношение наемного рабочего и капиталиста заключает в себе:

1) то, что наибольшая часть производителей (рабочие) не являются потребителями (покупателями) весьма значительной части своего продукта, а именно средств труда и материала труда;

2) то, что наибольшая часть производителей, рабочие, могут потреблять эквивалент своего продукта лишь до тех пор, пока они производят больше, чем этот эквивалент, т. е. прибавочную стоимость, или прибавочный продукт. Они всегда должны быть *перепроизводителями,* должны производить сверх своих [платежеспособных] потребностей, чтобы иметь возможность быть потребителями или покупателями в [718] пределах этих своих потребностей[134].

Таким образом, по отношению к этому классу производителей утверждение о единстве между производством и потреблением во всяком случае выступает как prima facie[*] ошибочное.

Когда Рикардо говорит, что единственная граница *спроса,* это — само производство, а последнее ограничено только капиталом[135], то, если отбросить неверные предпосылки, это на деле имеет лишь тот смысл, что капиталистическое производство находит свою меру только в капитале, причем под капиталом понимается также и рабочая сила, превращенная в составную часть капитала (купленная им) как одно из условий его производства. Между тем, как раз и спрашивается, является ли капитал как таковой также границей и для потребления. Во всяком случае он служит такой границей в отрицательном смысле, т. е. не может быть потреблено больше, чем произведено. Но вопрос заключается в том, служит ли он этой границей в положительном смысле, может ли и должно ли быть потреблено — на основе капиталистического производства — столько же, сколько производится. Если правильно проанализировать положение Рикардо, то оно утверждает как раз противоположное тому, что он хотел этим сказать, — а именно, что производство ведется без учета существующих границ потребления и что оно ограничено лишь самим капиталом. И это, действительно, характерно для этого способа производства.

[*] — на первый взгляд; здесь — с первого же взгляда. *Ред.*

Итак, согласно предположению, рынок переполнен, например, хлопчатобумажными тканями, так что они или отчасти или совсем не могут быть проданы, или же могут быть проданы лишь значительно ниже своей цены. (Скажем пока: *стоимости,* так как при рассмотрении процесса обращения или воспроизводства нам еще приходится иметь дело со стоимостью, а не с ценой издержек и тем более не с рыночной ценой.)

Впрочем, во всем этом анализе само собой разумеется следующее: нельзя отрицать, что в отдельных отраслях может быть произведено слишком много и *потому* в других отраслях — слишком мало, что, следовательно, частичные кризисы могут проистекать из *диспропорциональности производства* (пропорциональность же производства является всегда лишь результатом диспропорциональности производства на основе конкуренции) и что одной из общих форм этой диспропорциональности производства может быть перепроизводство основного или, с другой стороны, перепроизводство оборотного капитала*. Подобно тому как условием продажи товаров по их стоимости является то, чтобы в них содержалось лишь общественно необходимое рабочее время, так и для целой сферы производства капитала таким условием является то, чтобы на эту особую сферу была затрачена лишь необходимая часть совокупного рабочего времени общества, — лишь то рабочее время, которое требуется для удовлетворения общественной потребности (спроса). Если на эту сферу затрачено больше, то, хотя бы даже каждая единица товара содержала только необходимое рабочее время, сумма этих единиц содержит больше, чем общественно необходимое рабочее время, и точно так же: хотя единица товара и обладает потребительной стоимостью, сумма этих единиц, при данных предпосылках, часть своей потребительной стоимости теряет.

Однако здесь мы говорим не о кризисе в той мере, в какой он основан на диспропорциональности производства, т. е. на диспропорции в распределении общественного труда между отдельными сферами производства. Об этом речь может идти лишь постольку, поскольку речь идет о конкуренции капиталов. Там было уже сказано**, что повышение или понижение рыночной стоимости вследствие этой диспропорции имеет своим результатом изъятие капитала из одной сферы производства

* [720] (Когда были изобретены прядильные машины, имело место перепроизводство пряжи в сравнении с производительностью ткацких предприятий. Эта диспропорция была устранена, как только в ткачестве были введены механические станки.) [720]

** См. настоящий том, часть II, стр. 223—228. *Ред.*

и перенесение его в другую, миграцию капитала из одной отрасли в другую. Однако в самом этом выравнивании уже заложено то, что оно предполагает противоположность выравнивания и, следовательно, может заключать в себе *кризис;* самый кризис может быть формой выравнивания. Но такого рода кризис признают Рикардо и другие.

При рассмотрении процесса производства[136] мы видели, что капиталистическое производство только к тому и стремится, чтобы захватить возможно больше прибавочного труда, т. е. чтобы при помощи данного капитала материализовать возможно больше непосредственного рабочего времени — путем ли удлинения рабочего дня или путем сокращения необходимого рабочего времени, путем развития производительных сил труда, применения кооперации, разделения труда, машин и т. д., словом, путем производства в крупном масштабе, т. е. массового производства. В самой сущности капиталистического производства заложено, стало быть, производство без учета границ рынка.

При рассмотрении воспроизводства предполагается вначале, что способ производства остается неизменным, и таковым при расширении производства он, действительно, остается в течение некоторого времени. Масса произведенных товаров увеличивается здесь потому, что применяется больше капитала, а не потому, что капитал применяется более производительно. Но уже одно только количественное увеличение [719] капитала включает в себя вместе с тем и то, что увеличивается его производительная сила. Если количественное увеличение капитала есть следствие развития производительной силы, то и наоборот — развитие этой производительной силы в свою очередь имеет своей предпосылкой более широкую, расширенную капиталистическую основу. Здесь имеет место взаимодействие. Поэтому воспроизводство на более широкой основе, т. е. накопление, — хотя первоначально оно является лишь количественным расширением производства, связанным с тем, что при тех же самых условиях производства был вложен больший капитал, — на известной точке всегда получает также и качественное выражение, выступая как большая продуктивность тех условий, при которых совершается воспроизводство. Отсюда увеличение массы продуктов в большей пропорции, чем та, в которой возрос капитал при расширенном воспроизводстве, т. е. при накоплении.

Но вернемся снова к нашему примеру с ситцем.

Застой на рынке, переполненном ситцем, нарушает воспроизводство у владельца ткацкой фабрики. Это нарушение бьет прежде всего по его рабочим. Последние, следовательно,

теперь в меньшей степени являются — или вовсе уже не являются — потребителями его товара, ситца, и других товаров, входивших в их потребление. У них есть, конечно, потребность в ситце, но они не могут покупать его, так как не имеют средств, а не имеют они средств потому, что не могут продолжать производство, продолжать же производство они не могут вследствие того, что произведено слишком много, что рынок переполнен ситцем. Им не может помочь ни совет Рикардо «увеличить свое производство», ни совет «производить что-нибудь другое»[137]. Они теперь представляют часть временного перенаселения, перепроизводства рабочих, в данном случае — производителей ситца, так как на рынке имеет место перепроизводство ситца.

Но кроме тех рабочих, которые непосредственно нанимаются капиталом, вложенным в ситцеткацкое производство, этот застой в воспроизводстве ситца отразится на массе других производителей — прядильщиков, возделывателей хлопка, производителей веретен и ткацких станков, железа, угля и т. д. У всех этих групп тоже нарушится их воспроизводство, так как воспроизводство ситца есть условие их собственного воспроизводства. Это произошло бы даже и в том случае, если бы в их собственных сферах не было *перепроизводства,* т. е. если бы там было произведено не больше того количества, которое обусловливается и оправдывается бесперебойно работающей ситцеткацкой промышленностью. Все эти отрасли производства имеют между собой то общее, что свой доход (заработную плату и прибыль, поскольку последняя потребляется как доход, а не накопляется) они потребляют не в своем собственном продукте, а в продукте тех сфер, которые производят предметы потребления, в том числе и ситец. Таким образом, потребление ситца и спрос на него падают именно потому, что слишком много ситца имеется на рынке. Но падает также спрос и на все те другие товары, на которые, как на предметы потребления, расходуется доход этих *косвенных* производителей ситца. У этих последних средства для покупки ситца и других предметов потребления ограничиваются, сокращаются потому /что на рынке имеется слишком много ситца. Это касается также и других товаров (предметов потребления). Теперь внезапно обнаруживается *относительное* перепроизводство их, так как сократились средства для их покупки, а тем самым сократился и спрос на них. Даже если в этих отраслях не было произведено слишком много, теперь в них — перепроизводство.

Если имеет место перепроизводство не только ситца, но также льняных, шелковых и шерстяных тканей, то нетрудно понять, что перепроизводство этих немногих, но ведущих

предметов вызывает более или менее всеобщее *(относительное)* перепроизводство на всем рынке. На одной стороне — избыток всех условий воспроизводства и переполнение рынка непроданными товарами всех видов. На другой стороне — обанкротившиеся капиталисты и лишенные всяких средств, терпящие жестокую нужду рабочие массы.

Этот довод представляет собой, однако, палку о двух концах. Если легко понять, каким образом перепроизводство некоторых ведущих предметов потребления должно повлечь за собой явление более или менее всеобщего перепроизводства, то это еще отнюдь не делает понятным, как может возникнуть перепроизводство указанных ведущих предметов. Ведь явление всеобщего перепроизводства выводится из взаимозависимости между работниками, занятыми непосредственно в этих отраслях промышленности, и работниками всех тех отраслей хозяйства, которые производят предшествующие элементы их продуктов, различные фазы применяемого там постоянного капитала. Для последних перепроизводство является результатом. Но откуда возникает оно у первых? Ибо последние расширяют производство, пока расширяют производство первые, а вместе с этим расширением производства обеспечивается как будто и всеобщее возрастание дохода, а стало быть и их собственного потребления[138]. [719]

[13) НЕСООТВЕТСТВИЕ МЕЖДУ РАСШИРЕНИЕМ ПРОИЗВОДСТВА И РАСШИРЕНИЕМ РЫНКА. РИКАРДОВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НЕОГРАНИЧЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ РОСТА ПОТРЕБЛЕНИЯ И ДЛЯ РАСШИРЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА]

[720] Если мы скажем, что непрерывно расширяющееся производство {которое ежегодно расширяется по двум причинам: во-первых, потому, что вложенный в производство капитал непрерывно возрастает, а во-вторых, потому, что он применяется все более и более производительно; во время воспроизводства и накопления непрерывно накопляются мелкие улучшения, которые в конце концов совершенно изменяют весь масштаб производства; происходит накопление улучшений, накопляющееся развитие производительных сил}, — что это непрерывно расширяющееся производство нуждается в непрерывно расширяющемся рынке и что производство расширяется быстрее, чем рынок, то этим будет лишь иначе выражено то явление, которое подлежит объяснению: оно будет выражено не в своей абстрактной, а в своей реальной форме. Рынок расширяется медленнее, чем производство; другими словами, в том

цикле, который проходит капитал во время своего воспроизводства, — а в этом цикле он воспроизводится не просто в прежних размерах, а в расширенном масштабе, описывает не круг, а спираль, — наступает такой момент, когда рынок оказывается слишком узким для произведенной продукции. Это имеет место в конце цикла. Но это означает лишь то, что рынок переполнен. Перепроизводство теперь — очевидный факт. Если бы расширение рынка шло в ногу с расширением производства, то не было бы переполнения рынка, не было бы перепроизводства.

Однако одно лишь признание того, что рынок должен расширяться вместе с производством, опять-таки уже означало бы, с другой стороны, также и признание возможности перепроизводства, ибо рынок имеет внешние географические пределы, внутренний рынок выступает как ограниченный по сравнению с таким рынком, который является одновременно и внутренним и внешним, а последний, в свою очередь, — по сравнению с мировым рынком, который в каждый данный момент опять-таки ограничен, но потенциально способен к расширению. Поэтому, если признаётся, что рынок должен расшириться для того, чтобы не наступило перепроизводство, то признаётся также и то, что перепроизводство может иметь место, ибо тогда возможно, — поскольку рынок и производство представляют собой два безразличных по отношению друг к другу момента, — что расширение одного *не* соответствует расширению другого, что пределы рынка расширяются недостаточно быстро для производства или что новые рынки — новые расширения рынка — могут быть быстро превзойдены производством, так что расширенный рынок теперь точно так же выступает в качестве предела, как прежде в качестве предела выступал более узкий рынок.

Поэтому Рикардо последователен, когда он отвергает то положение, что вместе с расширением производства и возрастанием капитала необходимо и *расширение рынка.* По мнению Рикардо, весь капитал, имеющийся в какой-нибудь стране, может быть с выгодой применен в этой же стране. Рикардо полемизирует поэтому против А. Смита, который, с одной стороны, выдвинул тот же взгляд, что и *он* (Рикардо), а с другой стороны, со своим обычным разумным чутьем высказался также и против этого взгляда. Смит еще не знает явления перепроизводства, кризисов, проистекающих из перепроизводства. Он знает только кредитные и денежные кризисы, которые появляются сами собой вместе с системой кредита и банков. В накоплении капитала он, действительно, видит безусловное увеличение всеобщего народного богатства и благосостояния. С другой

стороны, уже одно лишь развитие внутреннего рынка во внешний, в колониальный и мировой рынок, рассматривается им как доказательство, так сказать, относительного (потенциального) перепроизводства на внутреннем рынке.

Стоит привести здесь полемику Рикардо против Смита:

«Если купцы вкладывают свои капиталы во внешнюю торговлю или в судоходство, то они всегда делают это по своему свободному выбору, а не под давлением необходимости; они делают это потому, что их прибыль в этих отраслях будет несколько выше, чем во внутренней торговле.

Адам Смит справедливо заметил, что «стремление к пище ограничивается у каждого человека небольшой вместимостью человеческого желудка»»

{А. Смит здесь сильно ошибается, так как он не относит к пище производимые в сельском хозяйстве предметы роскоши},

««но стремление к комфорту и украшениям, стремление иметь хорошее жилище, одежду, утварь и домашнюю обстановку, по-видимому, совсем не знает предела или каких-либо границ».

Природа, следовательно», — продолжает Рикардо, — «необходимым образом *ограничила величину того капитала, который в какое-либо данное время может быть с выгодой применен в сельском хозяйстве»*

{уж не потому ли существуют народы, вывозящие сельскохозяйственные продукты? Как будто нельзя было бы, вопреки природе, вложить в сельское хозяйство весь возможный капитал, чтобы в Англии, например, производить дыни, винные ягоды, виноград и т. д., выращивать цветы и т. д., разводить птицу, дичь и т. д.? (Укажем, например, на те капиталы, которые римляне затрачивали на одно только искусственное разведение рыб.) И разве сырье для промышленности производится не сельскохозяйственным капиталом?},

«но она не поставила никаких границ» (как будто природа вообще имеет какое-нибудь отношение к этому делу!) *«размерам того капитала,* который может быть применен в производстве «предметов комфорта и украшения» жизни. Доставлять себе *максимальное количество* этих предметов — вот *цель, которая имеется в виду.* И только потому, что внешняя торговля или судоходство достигают этого лучше, люди предпочитают обращаться к ним, вместо того чтобы самим производить внутри страны нужные товары или же товары, способные их заменить. Но если бы вследствие особых обстоятельств мы не могли вкладывать капитал во внешнюю торговлю или в судоходство, то мы стали бы применять его, хотя и с меньшей выгодой, внутри страны. А *так как не существует границ* «стремлению к комфорту и украшениям, стремлению иметь хорошее жилище, одежду, утварь и [721] домашнюю обстановку», то и *для капитала, затрачиваемого на их производство, не может быть никаких других пределов,* кроме тех, которые ограничивают наши возможности *содержать рабочих, изготовляющих эти предметы.*

Адам Смит говорит, однако, о морской торговле так, как будто ею занимаются не по свободному выбору, а под давлением необходимости; как будто капитал остался бы без применения, если бы не был вложен

в нее; как будто *капитал во внутренних промыслах может оказаться избыточным,* если он не ограничен известными пределами. Смит говорит: «Если капитал какой-либо страны возрос до такой степени, что *он уже не может быть весь употреблен на производство средств потребления и на содержание производительного труда в данной стране»»* {эта часть цитаты подчеркнута самим Рикардо}, ««то *излишек* капитала, естественно, направится в морскую торговлю и будет употреблен на выполнение подобных же функций в других странах»... Но разве эта част производительного труда Великобритании не может быть применена в производстве другого рода товаров, на которые можно было бы купить что-нибудь такое, на что в стране имеется больший спрос? А если бы это было невозможно, то разве мы не могли бы употребить этот производительный труд, хотя бы и с меньшей выгодой, на производство внутри страны этих товаров, на которые имеется спрос, или, по крайней мере, товаров, способных их заменить? Если нам нужен бархат, то разве мы не могли бы попробовать выделывать его сами? А если бы нам это не удалось, то разве мы не могли бы производить больше сукна или какого-нибудь другого нужного нам предмета?

Мы производим промышленные товары и покупаем на них товары за границей потому, что этим путем мы можем получать *большее количество* товаров» {качественного различия не существует!}, «чем если бы мы производили их внутри страны. Отнимите у нас возможность такой торговли, и мы немедленно снова начнем изготовлять эти товары для самих себя. Но приведенное мнение Адама Смита противоречит всем его общим положениям по этому вопросу. «Если чужая страна»» {цитирует Рикардо из Смита} ««может снабжать нас каким-нибудь товаром дешевле, чем мы можем его производить сами, то лучше покупать его в этой чужой стране на часть продукта нашего собственного труда, применяемого в той области, в которой мы пользуемся известным преимуществом. *Общая сумма труда страны, находясь всегда в пропорции к применяющему его капиталу»»* {в весьма различной пропорции!} (подчеркивание в цитате принадлежит опять-таки самому Рикардо), ««от этого нисколько не уменьшится, и ему только нужно будет найти ту область, в которой он может быть применен наиболее выгодным образом».

И снова: «Поэтому те, кто имеет в своем распоряжении больше предметов питания, чем они могут потребить сами, всегда готовы *обменять этот излишек,* или, что то же самое, цену его, на блага другого рода. Все, что остается после удовлетворения потребностей, ограниченных в их размерах, затрачивается на удовлетворение *тех потребностей, которые никогда не могут быть удовлетворены полностью и, по-видимому, не имеют никаких границ.* Чтобы добыть себе кусок хлеба, бедняки напрягают свои силы, выполняя прихоти богачей, и они стараются превзойти друг друга по части дешевизны и совершенства своей работы, чтобы обеспечить себе этот кусок хлеба. Число рабочих возрастает вместе с увеличением количества предметов питания, или вместе с усовершенствованием и расширением земледелия. А так как природа их занятий допускает очень далеко идущее разделение труда, то в еще гораздо большей степени, чем численность рабочих, увеличивается количество того материала, который они могут обработать. Вследствие этого возникает спрос на всякого рода материалы, которые человеческая изобретательность может использовать для усовершенствования или украшения жилищ, одежды, утвари, домашней обстановки; усиливается спрос на минералы и другие ископаемые, скрытые в недрах земли, на благородные металлы и драгоценные камни».

Из всего сказанного следует, что *нет границ для спроса, нет границ для применения капитала, пока он приносит какую-нибудь прибыль,* и что, *в каком бы изобилии ни имелся капитал,* нет другой достаточной

причины для падения прибыли, кроме повышения заработной платы, и к этому можно далее добавить, что единственной достаточной и постоянной причиной повышения заработной платы является возрастающая трудность добывания пищи и предметов необходимости для возрастающего числа рабочих» (пит. соч., стр. 344—348) [Русский перевод, том I, стр. 241—244].

[14) ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ БЕЗУДЕРЖНЫМ РАЗВИТИЕМ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И ОГРАНИЧЕННОСТЬЮ ПОТРЕБЛЕНИЯ МАСС КАК ОСНОВА ПЕРЕПРОИЗВОДСТВА. АПОЛОГЕТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ТЕОРИИ О НЕВОЗМОЖНОСТИ ВСЕОБЩЕГО ПЕРЕПРОИЗВОДСТВА]

Слово *перепроизводство* само по себе вводит в заблуждение. До тех пор, пока не удовлетворены самые насущные потребности значительной части общества или хотя бы *только* самые непосредственные ее потребности, разумеется, абсолютно не может быть речи о *перепроизводстве продуктов* — в том смысле, что масса продуктов была бы избыточна по сравнению с потребностью в них. Наоборот, следует сказать, что на основе капиталистического производства в этом смысле постоянно имеется *недопроизводство.* Пределом для производства служит прибыль капиталистов, а отнюдь не потребности производителей. Но перепроизводство продуктов и перепроизводство *товаров* — две совершенно различные вещи. Если Рикардо полагает, что форма *товара* безразлична для продукта и, далее, что *товарное обращение* лишь формально отличается от меновой торговли, что меновая стоимость является здесь лишь мимолетной формой обмена веществ, а деньги поэтому представляют собой лишь формальное средство обращения, то все это в сущности вытекает из его предпосылки о том, что буржуазный способ производства есть абсолютный способ производства, т. е. способ производства без более точного специфического определения, и что все его определения представляют собой, следовательно, лишь нечто формальное. Поэтому-то Рикардо и не может признать, что буржуазный способ производства включает в себя границу для свободного развития производительных сил, границу, которая обнаруживается в кризисах и — среди всего прочего — в *перепроизводстве,* этом основном явлении кризисов.

[722] Рикардо видел из цитируемых, одобряемых и потому повторяемых им положений Смита, что удовлетворение безграничного «стремления» ко всякого рода потребительным стоимостям всегда происходит на основе такого состояния общества, при котором массе производителей приходится более или менее ограничиваться удовлетворением потребности в «пище и предметах необходимости», т. е. довольствоваться тем, без чего

никак нельзя обойтись. Рикардо видел, что, стало быть, это громадное большинство производителей более или менее отстранено от участия в потреблении богатства — в той мере, в какой богатство выходит за круг предметов необходимости.

Конечно, последнее обстоятельство имеет место, и притом в еще большей степени, также при античном производстве, строившемся на рабстве. Но древние и не помышляли о том, чтобы превращать прибавочный продукт в капитал. Во всяком случае, если и делали это, то только в незначительной степени. (Широко практиковавшееся ими собирание сокровищ в собственном смысле слова показывает, как много прибавочного продукта лежало у них без всякого употребления.) Значительную часть прибавочного продукта они обращали на непроизводительные затраты — на произведения искусства, на религиозные и общественные сооружения. В еще меньшей степени строилось их производство на развязывании и развертывании материальных производительных сил — на разделении труда, машинах, применении сил природы и науки в частном производстве. Фактически они в общем и целом так и не пошли дальше ремесленного труда. Поэтому то богатство, которое они создавали для частного потребления, было относительно невелико, и кажется оно большим только потому, что скоплялось в руках немногих, которые к тому же не знали, что с ним делать. Если поэтому у древних не было *перепроизводства,* то было *перепотребление* у богачей, которое в последнюю эпоху Рима и Греции выливается в безумную расточительность. Немногие торговые народы, имевшиеся среди древних, жили отчасти за счет всех этих в сущности бедных наций. Между тем, именно безудержное развитие производительных сил и проистекающее отсюда массовое производство, происходящее в тех условиях, что, с одной стороны, у массы производителей потребление ограничено кругом предметов необходимости, а с другой стороны, пределом для производства служит прибыль капиталистов, — вот что составляет основу современного перепроизводства.

Все возражения, какие Рикардо и другие выдвигают против перепроизводства и т. д., покоятся на том, что они рассматривают буржуазное производство либо как такой способ производства, в котором не существует различия между покупкой и продажей, а имеет место непосредственная меновая торговля, — либо как *общественное* производство, при котором общество как бы по плану распределяет свои средства производства и производительные силы в той степени и той мере, как это необходимо для удовлетворения его различных потребностей, так

чтобы на каждую сферу производства приходилась такая *доля.* общественного капитала, какая требуется для удовлетворения соответствующей потребности. Эта фикция проистекает вообще из неспособности понять специфическую форму буржуазного производства, а эта неспособность, в свою очередь, проистекает из погруженности в буржуазное производство, представляемое как производство вообще [schlechthin]. Совершенно так же человек, исповедующий определенную религию, видит в ней религию вообще [schlechthin], а вне ее усматривает одни только *лже*религии.

Между тем следовало бы, наоборот, спросить: каким образом на основе капиталистического производства, где каждый работает за свой страх и риск и где особенный труд вынужден вместе с тем выражать себя как свою противоположность, как абстрактно всеобщий и в этой форме общественный труд, — каким образом на этой основе необходимые выравнивание и взаимосвязь различных сфер производства, установление соразмерности и пропорции между ними возможны иначе, чем путем постоянного уничтожения постоянной дисгармонии? Это еще признаётся тогда, когда речь идет о выравниваниях, производимых конкуренцией, ибо эти выравнивания всегда предполагают, что что-то должно быть выравнено, т. е. что гармония всегда является лишь результатом движения, уничтожающего существующую дисгармонию.

Поэтому Рикардо и признаёт возможность переполнения рынка для отдельных товаров. *Невозможно,* по его мнению, только одновременное всеобщее переполнение рынка. Поэтому возможность перепроизводства в какой-либо особой сфере производства не отрицается. Невозможность [всеобщего] перепроизводства и вытекающего отсюда всеобщего переполнения рынка состоит, дескать, в *одновременности* этого явления для *всех* сфер производства. Выражение «всеобщее переполнение рынка» всегда следует брать cum grano salis*, потому что в моменты всеобщего перепроизводства перепроизводство в некоторых сферах всегда есть лишь *результат, следствие* перепроизводства ведущих предметов торговли, являясь всегда лишь *относительным* и представляя собой перепроизводство лишь потому, что перепроизводство существует в других сферах.

Апологетика переворачивает это вверх дном. Перепроизводство ведущих предметов торговли, в сфере которых только и проявляется активное перепроизводство, — а это вообще

* — дословно: «с крупинкой соли»; в переносном смысле: «с оговоркой», «не вполне буквально». *Ред.*

такие предметы, которые могут производиться лишь в массовом масштабе и фабричным способом (также и в земледелии), — представляет собой, по утверждению этих апологетов, перепроизводство только потому, что существует перепроизводство таких предметов, в сфере которых обнаруживается относительное, или пассивное, перепроизводство. Перепроизводство, согласно этому мнению, существует только потому, что перепроизводство не универсально. *Относительность* перепроизводства — тот факт, что действительное перепроизводство в одних сферах вызывает его в других, — формулируется следующим образом: не существует *универсального* перепроизводства, так как в том случае, если бы перепроизводство было универсальным, все сферы производства сохраняли бы то же самое соотношение между собой; значит, *универсальное* перепроизводство равнозначно пропорциональному производству, что исключает перепроизводство. И это говорит, дескать, против универсального перепроизводства. [723] А именно, так как *универсальное перепроизводство* в абсолютном смысле было бы не перепроизводством, а лишь большим, чем обычно, развитием производительной силы во всех сферах производства, то *не* существует, дескать, *действительного перепроизводства,* которое как раз и не является этим не имеющим бытия, само себя уничтожающим перепроизводством. Между тем, только потому, что оно таким не является, оно и существует.

При более детальном рассмотрении этой жалкой софистики дело сводится к следующему:

Допустим, что имеет место перепроизводство железа, хлопчатобумажных тканей, полотна, шелка, сукна и т. д.; тогда нельзя сказать, что произведено, например, слишком мало угля и что это-то и является причиной указанного перепроизводства; ибо это перепроизводство железа и т. д. точно так же включает в себя перепроизводство угля, как, скажем, перепроизводство ткани включает в себя перепроизводство пряжи. {Возможно было бы перепроизводство пряжи по сравнению с тканями, железа — по сравнению с машинами и т. д. Это всегда было бы относительным перепроизводством постоянного капитала.} Итак, не может быть речи о недопроизводстве тех предметов, перепроизводство которых уже подразумевается, так как они *входят* составным элементом — как сырье, вспомогательные материалы или средства производства — в те предметы, положительное перепроизводство которых именно и есть подлежащий объяснению факт (*входят* в «отдельный товар, который произведен в излишнем количестве и который может оказаться в таком избытке на рынке, что затраченный на него

капитал не будет возмещен»[*]). Стало быть, речь идет о других предметах, принадлежащих непосредственно к таким сферам производства, которые не относятся ни к ведущим предметам торговли, где, согласно предположению, имеется перепроизводство, ни к тем сферам, где, так как они образуют *посредствующее производство* для ведущих предметов торговли, производство должно было достигнуть по меньшей мере такого же масштаба, как и в заключительных фазах продукта, — хотя ничто не мешает тому, чтобы производство здесь пошло еще дальше и таким путем возникло бы перепроизводство внутри перепроизводства. Так, например, хотя уголь должен быть произведен в таком количестве, чтобы могли работать все те отрасли промышленности, в которые уголь входит в качестве необходимого условия производства, и, стало быть, *перепроизводство* угля включено в *перепроизводство* железа, пряжи и т. д. (даже при условии, что уголь произведен лишь в таком количестве, которое находится в пропорции к производству железа и пряжи), все же возможно *также,* что угля было произведено еще больше, чем этого требовало перепроизводство железа, пряжи и т. д. Это не только возможно, но и весьма вероятно. Ибо *производство угля и пряжи* и производство во всякой другой сфере, доставляющей лишь условие или служащей лишь подготовительной фазой для такого продукта, который должен быть завершен в другой сфере, руководствуется не непосредственным спросом, не непосредственным производством или воспроизводством, а *степенью, мерой, отношением* (пропорцией), в которых они расширяются. А что при подобном расчете можно попасть дальше цели, это само собой ясно. Выходит, таким образом, что недостаточно произведено было [не указанных выше продуктов, а] других предметов, например роялей, драгоценных камней и т. д., что *недопроизводство* произошло в области этих других предметов. {Бывают, конечно, также и такие случаи перепроизводства, где перепроизводство предметов, не принадлежащих к категории ведущих, не является следствием и где причиной перепроизводства является, наоборот, *недопроизводство,* как, например, при неурожае хлебов, при неурожае хлопка и т. д.}

Нелепость этой фразы [насчет недопроизводства] выступает особенно резко тогда, когда она применяется в международном плане, как это делали Сэй[139] и другие экономисты вслед за ним. Утверждается, например, что надо говорить не о *перепроизводстве* в Англии, а о *недопроизводстве* в Италии. Если бы Италия,

[*] См. настоящий том, часть II, стр. 555, 560 и 562, где эта цитата из Рикардо приведена полностью. *Ред.*

во-первых, имела достаточно капитала для возмещения английского капитала, вывезенного в Италию в форме товаров; во-вторых, если бы она применяла этот свой капитал таким образом, что он производил бы те особые предметы, в которых нуждается английский капитал отчасти для возмещения самого себя, отчасти для возмещения приносимого им дохода, то не было бы никакого перепроизводства. Следовательно, не существовал бы факт действительно — по отношению к *действительному* производству в Италии — существующего *перепроизводства в Англии,* а только факт *воображаемого недопроизводства в Италии;* воображаемого потому, что оно предполагает в Италии такой [724] капитал и такое развитие производительной силы, каких там нет, а во-вторых, потому, что здесь делается вдобавок столь же утопическое предположение, что этот *не* существующий в Италии капитал употребляется как раз так, как это было бы необходимо для того, чтобы английское предложение и итальянский спрос, английское и итальянское производство дополняли друг друга. Другими словами, это означает не что иное, как следующее: не было бы перепроизводства, если бы спрос и предложение соответствовали друг другу, если бы капитал был распределен между всеми сферами производства в такой пропорции, что производство одного предмета включало бы потребление другого и, стало быть, свое собственное потребление. Не было бы перепроизводства, если бы перепроизводства не было. Но так как при существующих в тот или иной момент условиях капиталистическое производство может дать себе волю для безудержного развития лишь в некоторых отдельных сферах, то всякое капиталистическое производство было бы вообще невозможно, если бы оно должно было развиваться во всех сферах *одновременно* и *равномерно.* Так как в указанных отдельных сферах перепроизводство имеет место абсолютно, то относительно оно имеет место также и в тех сферах, где [абсолютного] перепроизводства нет.

Итак, такого рода объяснение перепроизводства на одной стороне недопроизводством на другой означает лишь следующее: если бы производство было пропорциональным, перепроизводства не было бы. То же самое, если бы спрос и предложение соответствовали друг другу. То же самое, если бы все сферы обладали одинаковыми возможностями капиталистического производства и его расширения — такими, как разделение труда, машины, вывоз на отдаленные рынки, массовое производство и т. д., — если бы все страны, торгующие друг с другом, обладали одинаковой способностью производства, и притом производство этих стран было бы различным и взаимно

дополняющим. Стало быть, если имеет место перепроизводство, то потому, что не исполняются все эти благочестивые желания. Или еще абстрактнее: не было бы перепроизводства в одном месте, если бы везде имело место равномерное перепроизводство; но капитал недостаточно велик для того, чтобы перепроизводство имело такой универсальный характер, а потому и происходит лишь частичное перепроизводство.

При ближайшем рассмотрении эта фантазия сводится к следующему:

Признаётся, что в каждой *отдельной отрасли производства* возможно перепроизводство. Единственное обстоятельство, которое могло бы помешать одновременному перепроизводству во *всех* отраслях, состоит, согласно указанному объяснению, в том, что товар обменивается на товар, т. е. сторонники этого взгляда прибегают к предположению условий меновой торговли. Но путь для этой увертки отрезан именно тем, что товарное обращение [trade] не есть меновая торговля и поэтому продавец товара вовсе не является по необходимости в то же время и покупателем какого-нибудь другого товара. Вся эта увертка покоится, следовательно, на том, что абстрагируются от *денег,* абстрагируются от того, что речь идет не об обмене продуктами, а о товарном обращении, для которого отделение друг от друга покупки и продажи имеет существенное значение.

{Обращение капитала содержит в себе *возможности* нарушений. Так, например, при обратном превращении денег в условия производства капитала дело идет не только о том, чтобы снова превратить деньги в те же самые (по своему роду) потребительные стоимости: для повторения процесса воспроизводства существенно, чтобы эти потребительные стоимости можно было снова иметь по их прежней стоимости (или по более низкой стоимости, что, разумеется, еще лучше). Но весьма значительная часть этих элементов воспроизводства, состоящая из сырья, может вздорожать в силу двух причин. *Во-первых,* если количество орудий производства увеличивается быстрее, чем то количество сырья, которое может быть произведено в данный промежуток времени. *Во-вторых,* вследствие изменчивого характера урожаев. Поэтому погода, как правильно заметил Тук[140], играет такую большую роль в современной промышленности. (То же самое имеет силу для предметов питания в их отношении к заработной плате.) Таким образом, обратное превращение денег в товар может наталкиваться на затруднения и создавать возможности кризиса совершенно так же, как и превращение товара в деньги. В тех случаях, когда речь идет о простом обращении, а не об обращении капитала, эти затруднения

не имеют места.} (Существует еще масса моментов, условий, возможностей кризиса, которые могут быть рассмотрены лишь при анализе более конкретных отношений, в особенности — конкуренции капиталов и кредита.)

[725] *Перепроизводство товаров* отрицается, а *перепроизводство капитала,* напротив, признаётся. Но капитал сам состоит из товаров или, поскольку он состоит из денег, он должен быть обратно превращен в товары того или другого рода, чтобы он мог функционировать как капитал. Что такое, следовательно, *перепроизводство капитала?* Перепроизводство таких масс стоимости, которые предназначены к тому, чтобы производить прибавочную стоимость (или, рассматривая капитал со стороны его вещественного содержания, перепроизводство товаров, предназначенных для воспроизводства), — стало быть, *воспроизводство в слишком большом масштабе,* а это то же самое, что просто перепроизводство.

Говоря более определенно, перепроизводство капитала означает не что иное, как то, что слишком много производится с целью *обогащения,* или что слишком большая доля продукта предназначена не к тому, чтобы быть потребленной в виде дохода, а к тому, чтобы *давать барыш,* чтобы быть накопленной; не к тому, чтобы удовлетворять частные потребности своего владельца, а к тому, чтобы доставлять ему абстрактное общественное богатство, деньги, и больше власти над чужим трудом — капитала, — или чтобы эту власть усиливать. Это говорят представители одной стороны. (Рикардо отрицает это*.) А чем объясняют перепроизводство товаров представители другой стороны? Тем, что производство является недостаточно разнообразным, что определенные предметы потребления не произведены в достаточно массовом количестве. Что здесь речь не может идти о производственном потреблении, это ясно; ибо фабрикант. производящий слишком много холста, необходимо увеличивает этим свой спрос на пряжу, машины, труд и т. д. Речь идет, стало быть, о частном потреблении. Произведено слишком много холста, но, быть может, слишком мало апельсинов. Сперва отрицались деньги, чтобы представить [несуществующим или несущественным] отделение друг от друга покупки и продажи. Теперь отрицается капитал, чтобы изобразить капиталистов в виде таких людей, которые выполняют простую операцию *Т* — *Д* — *Т* и производят для индивидуального потребления, не *в качестве* капиталистов, преследующих цель обогащения, обратного превращения части прибавочной стоимости

* См. настоящий том, часть II, стр. 552—553. *Ред.*

в капитал. А фраза, что налицо имеется *слишком много капитала,* означает ведь не что иное, как то, что слишком мало продуктов потребляется — и при данных условиях может потребляться — как *доход. (Сисмонди*[141]*.)* Почему же производитель холста предъявляет производителю хлеба требование, чтобы тот потреблял больше холста, или производитель хлеба предъявляет требование производителю холста, чтобы тот потреблял больше хлеба? Почему производитель холста не реализует сам более значительную часть своего дохода (прибавочной стоимости) в холсте, а фермер — в хлебе? Относительно каждого в отдельности признаётся, что (не говоря уже о том, что каждая потребность имеет определенную границу) этому препятствует их потребность в капитализации. Относительно всех, вместе взятых, это не признаётся.

(Мы здесь совершенно отвлекаемся от элемента кризисов, проистекающего из того, что товары воспроизводятся дешевле, чем они были произведены. Отсюда обесценение товаров, находящихся на рынке.)

Во всеобщих кризисах мирового рынка все противоречия буржуазного производства бурно прорываются наружу в своей совокупности, в частных же кризисах *(частных* по содержанию и по охвату) — лишь разрозненно, изолированно, односторонне.

Что касается специально *перепроизводства,* то оно имеет своим условием всеобщий закон производства капитала — производить в меру развития производительных сил (т. е. в меру возможности при данной массе капитала эксплуатировать максимальную массу труда), не считаясь с существующими границами рынка или платежеспособных потребностей. И происходит это путем постоянного расширения воспроизводства и накопления, а потому и постоянного обратного превращения дохода в капитал, тогда как, [726] с другой стороны, у массы производителей спрос ограничивается и, в соответствии с природой капиталистического производства, вынужден ограничиваться средним уровнем потребностей.

[15) ВЗГЛЯДЫ РИКАРДО НА РАЗЛИЧНЫЕ СПОСОБЫ НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА И НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НАКОПЛЕНИЯ]

В главе 8-й *(«О налогах»)* Рикардо говорит:

«Когда годовой продукт какой-либо страны с превышением возмещает ее годовое потребление, то говорят, что ее капитал увеличивается; когда ее годовое потребление даже не покрывается ее годовым производством, то говорят, что ее капитал уменьшается. Таким образом, капитал может

увеличиваться или вследствие увеличения производства, или вследствие уменьшения непроизводительного потребления» (стр. 162—163) [Русский перевод, том I, стр. 129].

Под «непроизводительным потреблением» Рикардо здесь понимает, как он говорит в примечании к цитируемому месту (стр. 163), потребление продуктов непроизводительными работниками, «которые взамен потребленного ими не производят никакой другой стоимости». Следовательно, под увеличением годового производства понимается увеличение годового производственного потребления. Последнее может быть увеличено либо путем прямого его увеличения при неизменном или даже возрастающем непроизводственном потреблении, либо путем уменьшения непроизводственного потребления.

«Когда мы говорим», — сказано в том же примечании, — «что доход сберегается и прибавляется к капиталу, мы подразумеваем, что та часть дохода, о которой говорится, что она прибавляется к капиталу, потребляется теперь производительными рабочими, а не непроизводительными».

Я показал*, что превращение дохода в капитал отнюдь не равнозначно превращению дохода в переменный капитал, или расходованию его на заработную плату. Однако так именно думает Рикардо.

В том же примечании он говорит:

«Если бы цена труда поднялась так высоко, что, несмотря на прирост капитала, нельзя было бы применить больше труда, чем прежде, то я сказал бы, что такой прирост капитала был бы все еще потреблен непроизводительно».

Стало быть, не просто потребление дохода производительными рабочими делает это потребление «производительным», а потребление его рабочими, производящими прибавочную стоимость. Согласно этому взгляду, капитал увеличивается только в том случае, если он получает в свое распоряжении *больше труда* [чем прежде].

В *главе 7-й («О внешней торговле»)* Рикардо пишет:

«Существуют два пути накопления капитала: он может сберегаться или *вследствие увеличения дохода,* или *вследствие уменьшения потребления.* Если моя *прибыль повысилась* с, 1000 ф. ст. до 1200 ф. ст., *а мои расходы остаются без изменения,* то я накопляю ежегодно на 200 ф. ст. больше, чем прежде. Если я *сберегаю 200 ф. ст. на своих расходах, а прибыль моя остается прежней,* то получится такой же результат: к моему капиталу ежегодно будет дополнительно прибавляться по 200 ф. ст.» (стр. 135) [Русский перевод, том I, стр. 114].

«Если вследствие введения машин стоимость *всех тех товаров, на которые затрачивается доход,* упадет на 20%, то я смогу благодаря этому сберегать столько же, как если бы мой доход повысился на 20%. Но *норма*

* См. настоящий том, часть II, стр. 523—547. *Ред.*

прибыли в одном случае остается без изменения, в другом она повысилась на 20%. Если ввоз дешевых товаров из-за границы позволяет мне сберечь 20% на моих расходах, то результат будет совершенно такой же, как если бы машины понизили издержки производства этих товаров, но прибыль не повысится» (стр. 136) [Русский перевод, том I, стр. 114—115].

(То есть она не повысилась бы, если бы более дешевые продукты не входили ни в переменный, ни в постоянный капитал.)

Итак, при *неизменном расходовании дохода* накопление оказывается следствием повышения нормы прибыли {но накопление зависит не только от высоты, а и от массы прибыли}; при *неизменной норме прибыли* накопление есть следствие уменьшения расходов, которое, как принимает здесь Рикардо, имеет место в результате удешевления «товаров, на которые затрачивается доход» (вызываемого либо введением машин, либо внешней торговлей).

В *главе 20-й («Стоимость и богатство, их отличительные свойства»)* говорится:

«Богатство» (под богатством Рикардо понимает *потребительные стоимости*) «страны может быть увеличено двумя способами: во-первых, путем *употребления большей, доли дохода на содержание производительного труда,* благодаря чему увеличивается не только *количество,* но и *стоимость* всей массы товаров; во-вторых, оно может быть увеличено и *без применения добавочного количества труда — благодаря тому, что прежнее количество труда становится болев производительным,* вследствие чего увеличивается количество, но не стоимость произведенных товаров.

В первом случае возрастает не только богатство страны, но и стоимость ее богатства. Страна *становится богатой благодаря бережливости,* благодаря уменьшению своих расходов на предметы роскоши и комфорта и *употреблению полученных таким путем сбережений на воспроизводство.*

[727] Во втором случае не обязательно имеет место *уменьшение расходов на предметы роскоши и комфорта* или *увеличение количества применяемого производительного труда;* но *тот же труд будет здесь производить больше продуктов:* будет возрастать богатство, хотя и не стоимость. Из этих двух способов увеличения богатства следует предпочесть последний, так как он дает тот же результат без всяких лишений и сокращения комфорта, которые необходимо связаны с первым способом. *Капитал есть та часть богатства страны, которая используется в целях будущего производства, и он может быть увеличен теми же способами, что и богатство. Добавочный капитал* будет одинаково эффективным при производстве будущего богатства независимо от того, *получен ли он путем усовершенствований в методах труда и в машинах* или путем *употребления более значительной части дохода на цели воспроизводства.* Ибо богатство всегда зависит от количества произведенных товаров безотносительно к легкости, с какой произведены те средства, которые были применены при производстве. Определенное количество одежды и предметов питания будет поддерживать существование и давать занятие для одного и того же числа людей и будет поэтому обеспечивать выполнение одного и того же количества работы, все равно, произведены ли эти предметы питания и одежды трудом 100 или 200 человек; но они будут обладать вдвое большей стоимостью, если при их производстве было занято 200 человек» (стр. 327—328) [Русский перевод, том I, стр. 230—231].

Первая постановка вопроса у Рикардо гласила:

Накопление возрастает, при неизменных расходах, когда повышается норма прибыли, или, при неизменной норме прибыли, когда расходы (по стоимости) уменьшаются вследствие того, что дешевеют товары, на которые затрачивается доход. Теперь Рикардо устанавливает другую противоположность:

Накопление возрастает, капитал накопляется по своей массе и стоимости, когда более значительная часть дохода изымается из сферы индивидуального потребления и обращается на производственное потребление, когда посредством сбереженной таким путем части дохода приводится в движение больше производительного труда. В этом случае накопление имеет место благодаря *бережливости.*

Или же расходы [на индивидуальное потребление] остаются неизменными, никакого добавочного количества производительного труда не применяется, но тот же самый труд производит больше продуктов, чем прежде, его производительная сила повышается. Те элементы, из которых состоит производительный капитал, — сырье, машины и т. д. {раньше Рикардо говорил о тех товарах, на которые затрачивается доход, теперь же речь идет о тех товарах, которые применяются в качестве средств производства}, — при той же затрате труда производятся в большем количестве, лучше, а потому и дешевле. В этом случае накопление не зависит ни от того, что повышается норма прибыли, ни от того, что более значительная часть дохода, благодаря бережливости, превращается в капитал, ни от того, что — вследствие удешевления тех товаров, на которые тратится доход, — на непроизводительные цели уходит менее значительная часть дохода. Накопление зависит здесь от того, что труд становится более производительным в сферах производства, доставляющих элементы самого капитала, т. е. от того, что удешевляются те товары, которые в качестве сырья, орудий и т. д. входят в процесс производства.

Если производительная сила труда увеличилась благодаря возросшему производству основного капитала по сравнению с переменным, то возрастает не только масса, но и *стоимость* воспроизводства, вследствие того что часть стоимости основного капитала входит в годовое воспроизводство. Это может происходить одновременно с ростом населения и увеличением числа применяемых рабочих, хотя *относительно,* по сравнению с постоянным капиталом, приводимым ими в движение, число применяемых рабочих постоянно уменьшается. Таким образом, происходит увеличение не только богатства, но и стоимости, и в движение приводится большая масса живого труда, хотя

труд стал более производительным и масса труда по сравнению с массой произведенных товаров уменьшилась. Наконец, и при неизменной производительности труда переменный капитал и постоянный капитал могут в одинаковой мере увеличиваться вместе с естественным ежегодным приростом населения. Также и в этом случае капитал накопляется как по своей массе, так и по стоимости. Все эти последние пункты Рикардо оставляет без внимания.

В той же главе Рикардо говорит:

«Труд одного миллиона человек в промышленности всегда произведет одну и ту же стоимость, но не всегда он произведет одно и то же богатство».

(Это совершенно неверно. Стоимость продукта миллиона человек зависит не только от их труда, но также и от стоимости капитала, при помощи которого они работают; следовательно, она будет очень различна в зависимости от массы произведенных ранее производительных сил, при помощи которых они работают.)

«Изобретение машин, усовершенствования в методах труда, лучшее разделение труда или открытие новых рынков, где возможен более выгодный обмен, — все это дает возможность одному миллиону человек производить при одном состоянии общества вдвое или втрое больше богатства, «предметов необходимости, комфорта или удовольствия», чем они могли производить при ином состоянии общества. Но по этой причине они не прибавили бы ничего к стоимости»

(непременно прибавили бы, ибо их прошлый [728] труд входит в новое воспроизводство в гораздо большем объеме),

«так как стоимость каждого предмета повышается или падает в зависимости от легкости или трудности его производства, или, другими словами. в зависимости от количества труда, затраченного на его производство».

(Каждая единица товара может подешеветь, но стоимость возросшей совокупной массы товаров увеличится.)

«Предположим, что труд определенного количества людей производит с данным капиталом 1000 пар чулок и что в результате изобретения машин то же самое число людей может произвести 2000 пар или, продолжая производить 1000 пар, они могут сверх того произвести 500 шляп. Тогда стоимость 2000 пар чулок или 1000 пар чулок и 500 шляп будет не больше и не меньше, чем стоимость 1000 пар чулок до введения машин, так как они будут продуктом того же самого количества труда».

(Нотабене: если вновь введенные машины *ничего* не стоят.)

«Однако *стоимость всей массы товаров все же уменьшится;* ибо, хотя стоимость возросшего вследствие технических улучшений количества продуктов будет точно такая же, какой была стоимость меньшего количества, производившегося до того, как были введены технические улучшения, все

же *это изменение окажет свое действие также и на ту часть еще не потребленной товарной массы, которая была изготовлена до технических улучшений.* Стоимость этих товаров уменьшится, так как она должна упасть до уровня стоимости товаров, произведенных при всех преимуществах новой техники, и общество, несмотря на возросшее количество товаров, несмотря на увеличившееся богатство и несмотря на возросшее количество предметов потребления, *будет иметь меньшую сумму стоимости. Постоянно увеличивая легкость производства, мы постоянно уменьшаем стоимость некоторых из прежде произведенных товаров,* хотя этим же способом мы увеличиваем не только национальное богатство, но также и возможности для будущего производства» (стр. 320—322) [Русский перевод, том I, стр. 226—227].

Рикардо говорит здесь о том обесценении, которое вследствие прогрессивного развития производительных сил претерпевают товары, произведенные при менее благоприятных условиях, все равно, находятся ли эти товары еще на рынке или же действуют в процессе производства в качестве капитала. Но отсюда отнюдь не следует, что «стоимость всей массы товаров уменьшится», хотя стоимость некоторой части этой массы и станет меньше. Указанный результат наступил бы лишь, во-первых, в том случае, если бы стоимость вновь присоединенных вследствие технического прогресса машин и товаров была меньше, чем происшедшее обесценение ранее имевшихся товаров того же рода; во-вторых, в том случае, если бы мы оставили без внимания, что с развитием производительных сил постоянно увеличивается также и число сфер производства, т. е. что для приложения капитала открываются новые отрасли, которые раньше совсем не существовали. Производство в ходе развития не только удешевляется, но и становится *более многообразным.*

В *главе 9-й («Налоги на сырые материалы»)* Рикардо пишет:

«Что касается третьего возражения против налогов на сырые материалы, а именно, что эти налоги, повышая заработную плату и уменьшая прибыль, ослабляют побуждение к накоплению и действуют таким же образом, как и природная бедность почвы, то я пытался показать в другой части этого сочинения, что *сбережения можно делать с таким же успехом из расходов, как и из производства; в результате уменьшения стоимости товаров, как и в результате повышения нормы прибыли.* Когда я увеличиваю свою прибыль с 1000 до 1200 ф. ст., в то время как *цены* остаются неизменными, моя способность увеличивать свой капитал путем сбережений увеличится, но она увеличится не настолько, насколько она увеличилась бы, если бы моя *прибыль оставалась без изменения,* а цены товаров понизились так сильно, что на 800 ф. ст. я мог бы купить столько же, сколько раньше на 1000 ф. ст.» (стр. 183—184) [Русский перевод, том I, стр. 141].

Вся стоимость продукта (или, вернее, той части продукта, которая распределяется между капиталистом и рабочим) может уменьшиться без того, чтобы чистый доход уменьшился по сумме своей стоимости. (По своей пропорциональной доле он

может даже возрасти.) Об этом говорится в главе 32-й («Взгляды г-на Мальтуса на ренту»):

«Впрочем, вся аргументация г-на Мальтуса построена на шатком основании: она предполагает, что раз уменьшается *валовой доход* страны, то вследствие этого должен в такой же пропорции уменьшиться и чистый доход. Одной из задач этого сочинения было показать, что вместе с каждым падением действительной стоимости предметов необходимости падает заработная плата и повышается прибыль на капитал, — другими словами, что в этом случае из каждой данной годовой стоимости менее значительная доля достается рабочему классу и более значительная доля тем, чьи фонды доставляют занятие этому классу, применяют его. Предположим, что стоимость товаров, производимых на какой-нибудь фабрике, составляет 1000 ф. ст. и что она делится между хозяином и его рабочими так, что рабочие получают 800 ф. ст., а хозяин — 200 ф. ст. [729] Если бы стоимость этих товаров упала до 900 ф. ст. и 100 ф. ст. были сбережены на заработной плате вследствие понижения цен на предметы необходимости, то чистый доход хозяина нисколько не уменьшился бы, и последний поэтому мог бы с такой же легкостью, как и до понижения цены, уплачивать ту же сумму налогов» (стр. 511—512) [Русский перевод, том I, стр. 345—346].

В *главе 5-й («О заработной плате»)* говорится:

«Несмотря на тенденцию заработной платы сообразоваться с ее естественной нормой, ее рыночная норма может в прогрессирующем обществе в течение неопределенного периода стоять постоянно выше ее естественной нормы, потому что тот импульс, который увеличение капитала дает новому спросу на труд, не успеет еще исчерпать свое действие, как уже новое увеличение капитала начинает производить такое же действие. Таким образом, если возрастание капитала происходит постепенно и постоянно, то спрос на труд может давать непрерывно действующий стимул к росту населения» (стр. 88) [Русский перевод, том I, стр. 86].

С капиталистической точки зрения все представляется наоборот. Масса рабочего населения и степень производительности труда определяют как воспроизводство капитала, так и воспроизводство населения. Здесь же выходит наоборот — что население определяется *капиталом.*

В *главе 9-й («Налоги на сырые материалы»)* Рикардо пишет:

«Накопление капитала естественно порождает усиленную конкуренцию между нанимателями труда и вследствие этого вызывает повышение цены труда» (стр. 178) [Русский перевод, том I, стр. 138].

Это зависит от того, в какой пропорции при накоплении капитала возрастают его различные составные части. Может происходить накопление капитала, а спрос на труд может абсолютно или относительно сокращаться.

Так как, согласно теории ренты Рикардо, с накоплением капитала и с ростом населения норма прибыли, в результате повышения стоимости предметов необходимости, или уменьшения производительности земледелия, имеет тенденцию к пони-

жению, то получается, что накопление имеет тенденцию задерживать накопление, и *закон уменьшения нормы прибыли,* — поскольку по мере развития промышленности земледелие становится менее производительным, — витает, как злой рок, над буржуазным производством. Напротив, А. Смит взирает на уменьшение нормы прибыли с удовлетворением. Образцовой страной является для него Голландия. Уменьшение нормы прибыли, указывает А. Смит, вынуждает большинство капиталистов, за исключением самых крупных, вместо того чтобы жить на проценты, применять свой капитал в производстве; оно служит, таким образом, стимулом для производства. У учеников Рикардо ужас перед роковой тенденцией принимает трагикомические формы.

Приведем здесь все те места из Рикардо, которые относятся к этому предмету.

В *главе 5-й («О заработной плате»):*

«На различных стадиях развития общества накопление капитала, или средств для применения труда, идет с большей или меньшей быстротой и *должно во всех случаях зависеть от производительных сил труда.* Производительные силы труда, по общему правилу, больше всего тогда, когда имеется в изобилии плодородная земля: в такие периоды накопление часто идет с такой быстротой, что предложение рабочих не поспевает за темпом возрастания капитала.

Было вычислено, что при благоприятных условиях население может удвоиться в течение 25 лет; но при таких же благоприятных условиях весь капитал страны может удвоиться в более короткий период. В этом случае заработная плата в течение всего периода будет иметь тенденцию повышаться, так как спрос на труд будет возрастать еще быстрее, чем предложение его.

В новых колониях, в которых вводятся ремесла и знания, позаимствованные у стран, ушедших далеко вперед, капитал может иметь тенденцию возрастать быстрее, чем происходит размножение людей, и если бы недостаток в рабочих не покрывался притоком их из более густонаселенных стран, то эта тенденция очень сильно повышала бы цену труда. По мере того как население новых стран увеличивается и в обработку поступает земля худшего качества, уменьшается тенденция капитала к возрастанию; *ибо прибавочный продукт, остающийся после того как удовлетворены потребности наличного населения, необходимо должен быть пропорционален легкости производства, т. е. он тем больше, чем меньше число лиц, занятых в производстве.* Поэтому, хотя и вероятно, что при наиболее благоприятных условиях производительные силы все еще возрастают быстрее населения, но все же долго это продолжаться не будет, ибо вследствие ограниченности количества земли и неодинаковости ее качества всякое увеличение прилагаемого к ней капитала будет сопровождаться понижением нормы получаемой продукции, тогда как *способность населения к размножению всегда остается неизменной»* (стр. 92—93) [Русский перевод, том I, стр. 89].

(Последнее утверждение представляет собой поповскую выдумку. Способность населения к размножению уменьшается вместе с уменьшением производительной силы труда.)

Здесь — и это следует отметить прежде всего — Рикардо признаёт, что «накопление капитала... должно во всех случаях зависеть от производительных сил труда», так что prius'ом* оказывается труд, а не капитал.

Далее, согласно рассуждению Рикардо получается, что в давно заселенных, промышленно развитых странах земледелием занимается больше людей, чем в колониях, тогда как дело обстоит как раз наоборот. Для производства того же количества продукта [730] Англия, например, применяет меньше сельскохозяйственных рабочих, чем любая другая страна, новая или старая. Правда, здесь косвенно участвует в сельскохозяйственном производстве более значительная часть неземледельческого населения. Но даже и это имеет место далеко не в такой пропорции, в какой непосредственно земледельческое население в менее развитых странах превышает земледельческое население в странах более развитых. Допустим даже, что в Англии хлеб дороже, издержки производства больше. Применяется больше капитала. В сельскохозяйственное производство входит больше прошлого, хотя и меньше живого труда. Но воспроизводство сельскохозяйственного капитала, вследствие уже имеющейся производственной базы, стоит меньшего количества труда, хотя стоимость этого капитала и возмещается в продукте.

Глава 6-я («О прибыли»).

Предварительно еще несколько замечаний. Прибавочная стоимость, как мы видели, зависит не только от нормы прибавочной стоимости, но и от количества одновременно занятых рабочих, стало быть, от величины переменного капитала.

Накопление, со своей стороны, определяется — непосредственно — не *нормой прибавочной стоимости,* а отношением прибавочной стоимости ко всей массе авансированного капитала, т. е. нормой прибыли; и не столько еще нормой прибыли. сколько *общей массой прибыли,* которая, как мы видели, для совокупного капитала общества тождественна с общей массой прибавочной стоимости, для отдельных же капиталов, применяемых в различных отраслях, может весьма значительно отличаться от произведенной ими массы прибавочной стоимости. Если рассматривать накопление капитала en bloc**, то прибыль равна прибавочной стоимости, а норма прибыли равна прибавочной стоимости, деленной на капитал, или, точнее, прибавочной стоимости,исчисленной на каждые 100 единиц капитала.

Если норма прибыли (в процентах) дана, то общая масса прибыли зависит от величины авансированного капитала; стало

* — первичным, предшествующим. *Ред.*
** — в целом. *Ред.*

быть, от этого зависит и накопление, поскольку оно определяется прибылью.

Если сумма капитала дана, то общая масса прибыли зависит от высоты нормы прибыли.

Поэтому небольшой капитал при высокой норме прибыли может давать большую массу прибыли, чем больший капитал при низкой норме прибыли.

Возьмем примеры:

1

Капитал	Норма прибыли	Масса прибыли
100	10%	10
(100 × 2), т. е. 200	$^{10}/_{2}$ или 5%	10
(100 × 3), т. е. 300	$^{10}/_{2}$, или 5%	15
(100 × $1^{1}/_{2}$), т. е. 150	5%	$7^{1}/_{2}$

2

Капитал	Норма прибыли	Масса прибыли
100	10%	10
(2 × 100), т. е. 200	$^{10}/_{2^{1}/_{2}}$ 4%	8
($2^{1}/_{2}$ × 100), т. е. 250	4%	10
(3 × 100), т. е. 300	4%	12

3

Капитал	Норма прибыли	Масса прибыли
500	10%	50
5 000	1%	50
3 000	1%	30
10 000	1%	100

Если множитель капитала и делитель нормы прибыли равны, т. е. если величина капитала увеличивается в той же пропорции, в какой норма прибыли падает, то сумма массы прибыли остается неизменной. 100 при 10% Дает 10, и 2 × 100 при $^{10}/_{2}$%, т. е. при 5%, дает также 10. Иными словами это, стало быть, означает: если норма прибыли падает в такой же пропорции, в какой накопляется (возрастает) капитал, то масса прибыли остается неизменной.

Если норма прибыли падает быстрее, чем возрастает капитал, то масса прибыли в своей сумме уменьшается. 500 при 10% дает массу прибыли в 50. Шестикратная же сумма 6 × 500, или 3000, при $^{10}/_{10}$%, или 1%, даст только 30.

Наконец, если капитал возрастает быстрее, чем уменьшается норма прибыли, то масса прибыли увеличивается, несмотря на то, что норма прибыли падает. Так, 100 при 10% прибыли дает массу прибыли в 10. А 300 (т. е. 3 × 100) при 4% (стало быть, когда норма прибыли уменьшилась в $2^1/_2$ раза) дает массу прибыли в 12.

Теперь обратимся к положениям Рикардо.

В *главе 6-й («О прибыли»)* Рикардо пишет:

«Таким образом, прибыль имеет естественную тенденцию падать, ибо с ростом общества и богатства приходится затрачивать все больше и больше труда для производства требующегося добавочного количества предметов питания. *К счастью,* эта тенденция прибыли, это, *так сказать, ее тяготение,* время от времени *задерживается* улучшениями в машинах, применяемых в производстве предметов необходимости, а также открытиями в агрономической науке, которые дают нам возможность обходиться меньшим количеством труда, чем требовалось раньше, и [731] таким путем понижать цену предметов первой необходимости для рабочего. Повышение цены предметов необходимости и заработной платы имеет, однако, свой предел; ибо, как только заработная плата будет равна... 720 ф. ст., т. е. всей выручке фермера, *накоплению должен прийти конец, так как тогда никакой капитал не может давать прибыли* и *не может быть никакого спроса на добавочный труд,* а значит и *рост населения прекратится.* В действительности, уже задолго до этого момента *очень низкая норма прибыли остановит всякое накопление,* и почти весь продукт страны, остающийся после оплаты рабочих, будет принадлежать собственникам земли и получателям десятины и налогов» (стр. 120—121) [Русский перевод, том I, стр. 106].

Это — буржуазные «сумерки богов» в представлении Рикардо, день страшного суда.

«Задолго до того, как такой уровень цен станет постоянным, *исчезнет всякое побуждение к накоплению, ибо никто не накопляет иначе, как с целью производительного применения накопленного капитала...* Поэтому такой уровень цен никогда не может иметь места. *Фермер и фабрикант так же не могут жить без прибыли, как рабочий не может жить без заработной платы. Их стремление* к накоплению *будет уменьшаться с каждым уменьшением прибыли* и *совершенно исчезнет, когда их прибыль будет настолько низка,* что не будет давать им *достаточного вознаграждения* за их усилия и за тот *риск, которому они необходимо подвергаются при производительном применении своего капитала.*

Я должен еще раз отметить, что норма прибыли будет падать гораздо быстрее...; ибо если стоимость продукта будет так высока, как я принимал ее при предположенных условиях, то стоимость капитала фермера значительно увеличится, так как он обязательно состоит из многих таких товаров, стоимость которых возросла. Прежде чем цена хлеба могла бы повыситься с 4 до 12 ф. ст., *меновая стоимость капитала фермера, вероятно, удвоилась бы* и равнялась бы 6000 ф. ст. вместо 3000. Если, стало быть, прибыль фермера составляла 180 ф. ст., или 6% от его первоначального капитала, то теперь ее действительная *норма* не будет превышать 3%, потому что 3% с 6000 ф. ст. дают 180 ф. ст., и только на *этих условиях* какой-нибудь *новый фермер,* имеющий в кармане *6000 ф. ст.,* мог бы *стать*

сельскохозяйственным предпринимателем» (стр. 123—124) [Русский перевод, том I, стр. 107—108].

«Мы могли бы также ожидать, что, хотя *норма прибыли на капитал* уменьшается *вследствие накопления капитала в земледелии* и повышения заработной платы, все же *общая сумма прибыли будет возрастать.* Так, если мы предположим, что при повторных накоплениях, каждый раз в размере 100000 ф. ст., норма прибыли падает с 20 до 19, 18, 17%, т. е. непрерывно понижается, то мы могли бы ожидать, что вся сумма прибыли, которую получают все следующие друг за другом владельцы капитала, будет все возрастать: что она больше, когда капитал достигает 200000 ф. ст., чем когда он составляет 100000 ф. ст., еще больше, когда он возрастает до 300000 ф. ст. и т. д., что, следовательно, *она увеличивается при каждом увеличении капитала, хотя бы норма прибыли все время понижалась. Однако такая прогрессия имеет силу только в течение определенного времени.* Так, 19% с 200000 ф. ст. составляют больше, чем 20% с 100000 ф. ст., а 18% с 300000 ф. ст. — больше, чем 19% с 200000 ф. ст., но когда капитал будет накоплен в очень больших размерах, а норма прибыли упадет. тогда *дальнейшее накопление будет уменьшать совокупную массу прибыли.* Предположим, например, что накопление достигло 1000000 ф. ст., а> норма прибыли составляет 7%, тогда вся сумма прибыли составит 70000 ф. ст. Если теперь к миллиону прибавить еще 100000 ф. ст. капитала, а норма прибыли упадет до 6%, то владельцы капитала получат уже только 66000 ф. ст., или на 4000 ф. ст. меньше, хотя общая сумма капитала возросла с 1000000 до 1100000 ф. ст.

Однако, пока капитал вообще приносит какую-либо прибыль, не может быть такого накопления капитала, которое не давало бы как увеличения продукта, так и увеличения стоимости. При затрате добавочного капитала в 100000 ф. ст. ни одна часть прежнего капитала не становится менее производительной. Продукт земли и труда страны должен увеличиться, а стоимость его возрастет не только на всю величину стоимости продуктов, прибавленных к прежнему количеству продуктов, но и на величину той повой стоимости, которая добавлена ко всему продукту земли в результате того, что увеличилась трудность производства последней доли его. Однако, когда накопление капитала достигает очень больших размеров, стоимость продукта, несмотря на ее увеличение, будет распределяться таким образом, что на долю прибыли будет доставаться меньшая, чем прежде, часть ее, тогда как часть, приходящаяся на долю ренты и заработной платы, будет увеличиваться» (стр. 124—126) [Русский перевод, том I, стр. 108—109].

«Хотя производится большая стоимость, но зато и большая доля того, что остается от этой стоимости после уплаты ренты, потребляется производителями, а это, и только это, и определяет размеры прибыли. Пока земля дает обильные урожаи, заработная плата может временно повышаться, и производители могут потреблять в размерах, превышающих их обычную долю; но стимул, который тем самым дается увеличению населения, *скоро возвращает рабочих к обычному уровню их потребления.* По когда в обработку поступает худшая земля или на старой земле затрачивается добавочное количество капитала и труда с меньшим результатом, указанные выше последствия будут иметь место постоянно» (стр. 127) [Русский перевод, том I, стр. 110].

[732] «Итак, последствия накопления в различных странах будут различны в зависимости главным образом от плодородия почвы. Как бы обширна ни была страна, в которой земля неплодородна, а ввоз продовольствия запрещен, даже самое умеренное накопление капитала будет сопровождаться значительным уменьшением нормы прибыли и быстрым повышением ренты; и наоборот, небольшая, но плодородная страна,

в особенности если она допускает свободный ввоз продовольствия, может накоплять очень большие капиталы, не вызывая этим значительного уменьшения нормы прибыли или значительного увеличения земельной ренты» (стр. 128—129) [Русский перевод, том I, стр. 110—111].

Налоги (говорится в главе 12-й — *«Земельный налое»)* тоже могут привести к тому, что «оставшийся *прибавочный продукт* не будет *достаточен* для поощрения усилий тех, кто обычно своими сбережениями увеличивает капитал в государстве» (стр. 206) [Русский перевод, том I, стр. 155].

«Возможен только один случай» {говорится в главе 21-й — *«Влияние накопления на прибыль и процент»*}, — «да и тот носит временный характер, — когда накопление капитала при низких ценах на продовольствие сопровождается падением нормы прибыли. И это имеет место тогда, когда *фонд на содержание труда увеличивается гораздо быстрее, чем население;* в этом случае заработная плата будет высока, а норма прибыли низка. Если бы все люди отказались от употребления предметов роскоши и стремились только к накоплению, то могло бы быть произведено такое количество предметов необходимости, для которого не оказалось бы непосредственных потребителей. *Для этих немногочисленных видов товаров, без сомнения, могло бы получиться общее переполнение рынка,* и, следовательно, не было бы спроса на добавочное количество этих товаров, а применение добавочного капитала не давало бы прибыли. Если бы люди перестали потреблять, они перестали бы производить» (стр. 343) [Русский перевод, том I, стр. 241].

Таковы мысли Рикардо о накоплении и о законе падения нормы прибыли.

[ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ]
РАЗНОЕ У РИКАРДО. ДЖОН БАРТОН

[А.] ВАЛОВОЙ И ЧИСТЫЙ ДОХОД

Чистый доход, в противоположность валовому доходу (который отождествлялся с совокупным продуктом или со стоимостью совокупного продукта), является той формой, в которой физиократы первоначально фиксируют прибавочную стоимость. Земельную ренту они рассматривают как единственную форму прибавочной стоимости, потому что промышленная прибыль понимается ими лишь как своего рода заработная плата; физиократам, в их взглядах на этот вопрос, суждено было найти единомышленников в лице тех позднейших экономистов, которые затушевывают прибыль, смешивая ее с заработной платой за надзор над трудом.

Таким образом, чистым доходом в действительности является избыток продукта (или его стоимости) над той его частью, которая возмещает авансированный капитал — как постоянный, так и переменный. Следовательно, чистый доход состоит просто-напросто из прибыли и ренты, причем эта последняя сама представляет собой, в свою очередь, всего лишь часть прибыли, выделенную из прибыли и достающуюся классу, отличному от класса капиталистов.

Непосредственной целью капиталистического производства является не производство товара, а производство прибавочной стоимости или прибыли (в ее развитой форме); не продукт, а прибавочный продукт. Самый труд с этой точки зрения производителен лишь постольку, поскольку он создает для капитала прибыль или прибавочный продукт. Если рабочий этого не создает, труд его непроизводителен. Следовательно, масса применяемого производительного труда представляет для капитала

интерес лишь постольку, поскольку благодаря ей — или пропорционально ей — возрастает масса прибавочного труда. Лишь постольку оказывается необходимым то, что мы назвали необходимым рабочим временем. Если труд не дает этого результата, он является излишним и должен быть прекращен.

Постоянная цель капиталистического производства состоит в том, чтобы при минимуме авансированного капитала производить максимум прибавочной стоимости или прибавочного продукта; и в той мере, в какой этот результат достигается не чрезмерным трудом рабочих, это представляет собой такую тенденцию капитала, которая выражается в стремлении производить данный продукт с возможно меньшими затратами сил и средств, т. е. такую экономическую тенденцию капитала, которая учит человечество экономно расходовать свои силы и достигать производственной цели с наименьшей затратой средств.

Сами рабочие при таком понимании представляются тем, чем они и являются в капиталистическом производстве, — простыми средствами производства, а не самоцелью и не целью производства.

Чистый доход определяется не стоимостью совокупного продукта, а избытком стоимости совокупного продукта над стоимостью авансированного капитала, или величиной прибавочного продукта по сравнению с совокупным продуктом. Если этот избыток возрастает, хотя бы и при уменьшении стоимости [733] продукта или даже при уменьшении, вместе со стоимостью, также и совокупного количества продукта, то цель капиталистического производства достигнута.

Рикардо формулировал эти тенденции со всей последовательностью и без всяких прикрас. Отсюда столько воплей против него со стороны мещанских филантропов.

При рассмотрении чистого дохода Рикардо опять впадает в ту ошибку, что сводит совокупный продукт к доходу — к заработной плате, прибыли и ренте — и абстрагируется от подлежащего возмещению постоянного капитала. Но на этом мы здесь не будем останавливаться.

В *главе 32-й («Взгляды г-на Мальтуса на ренту»)* Рикардо пишет:

«Очень важно проводить отчетливое различие между валовым и чистым доходом, потому что все налоги должны уплачиваться из чистого дохода общества. Предположим, что все товары в стране — весь хлеб, сырые продукты, промышленные изделия и т. д., — которые могут быть доставлены на рынок в течение года, имеют стоимость в 20 млн., что для получения этой стоимости необходим труд известного числа людей и что предметы насущной необходимости для этих рабочих требуют расхода в 10 млн.

Я сказал бы тогда, что валовой доход такого общества составляет 20 млн., а чистый доход — 10 млн. Из этого предположения вовсе не следует, что рабочие получили бы за свой труд только 10 млн.; они могли бы получить 12, 14 или 15 млн., и в этом случае им досталось бы из чистого дохода 2, 4 или 5 млн. Остаток был бы разделен между земельными собственниками и капиталистами, но весь чистый доход не превышал бы 10 млн. Предположим, что такое общество платит 2 млн. в виде налогов; тогда его чистый доход уменьшится до 8 млн.» (стр. 512—513) [Русский перевод, том I, стр. 346].

[А в 26-й главе *(«О валовом и чистом доходе»)* мы читаем:]

«В чем же состоят выгоды, проистекающие для страны из применения большого количества производительного труда, если ее чистая рента и прибыль, вместе взятые, остаются без изменения, независимо от того, применяет ли страна это количество труда или меньшее? *Весь продукт земли и труда каждой страны делится на три части; из них одна идет на заработную плату, другая — на прибыль, третья — на ренту».*

{Это неверно, так как здесь забыта та часть, которая идет на возмещение капитала (исключая заработную плату), примененного в производстве.}

«Только из двух последних частей можно производить какие-нибудь вычеты на налоги или на сбережения; *первая из них, если она является умеренной, всегда составляет необходимые издержки производствам.*

{Рикардо сам указывает в примечании к этой фразе:

«Это сказано, быть может, слишком сильно, так как рабочему под наименованием заработной платы обычно достается больше, чей абсолютно необходимые издержки производства. В этом случае рабочий получает часть чистого продукта страны, и он может ее сберечь или израсходовать; или же она может дать ему возможность содействовать защите страны».}

«Человеку, имеющему капитал в 20000 ф. ст., приносящий ему ежегодно 2000 ф. ст. прибыли, совершенно безразлично, доставляет ли его капитал занятие для 100 или для 1000 человек, продается ли произведенный товар за 10000 или за 20000 ф. ст., если только во всех этих случаях получаемая им прибыль не падает ниже 2000 ф. ст. *Не таков ли также и реальный интерес целой нации? Если только ее чистый реальный доход, ее рента и прибыль, не изменяется, то не имеет никакого значения, состоит ли эта нация из 10 или из 12 миллионов жителей.* Ее способность содержать флот и армию и все виды непроизводительного труда должна быть пропорциональна ее чистому, а не ее валовому доходу. Если 5 миллионов человек могут производить столько пищи и одежды, сколько необходимо для 10 миллионов человек, то пища и одежда для 5 миллионов являются чистым доходом. Разве страна получила бы какую-нибудь выгоду от того, что для производства того же самого чистого дохода понадобилось бы 7 миллионов человек, или, иначе говоря, что труд 7 миллионов человек был бы применен для производства пищи и одежды в количестве, достаточном для 12 миллионов? Пища и одежда для 5 миллионов человек по-прежнему будут составлять чистый доход. Применение большего количества людей не доставило бы нам возможности ни увеличить хотя бы на одного человека нашу армию и наш флот, ни внести хотя бы одну добавочную гинею в виде налога» (стр. 416—417) [Русский перевод, том I, стр. 284—285].

В дополнение к этому, для лучшего уяснения точки зрения Рикардо, приведем еще следующие места:

«Относительно низкая цена хлеба всегда приносит ту выгоду, что при такой цене распределение наличного продукта имеет больше шансов привести к увеличению *фонда на содержание труда,* так как более значительная доля, под наименованием прибыли, достанется производительному классу и менее значительная, под наименованием ренты, — *непроизводительному классу»* (стр. 317) [Русский перевод, том I, стр. 224].

В качестве производительного класса здесь имеются в виду только капиталисты-предприниматели.

«Рента есть создание стоимости,.. но не создание богатства. Если цена хлеба, вследствие трудности производства какой-нибудь части его, повысится с 4 ф. ст. до 5 ф. ст. за квартер, то 1 млн. квартеров будет иметь стоимость в 5 млн. ф. ст. вместо 4 млн. ф. ст. ... Общество в целом будет обладать большей стоимостью, и в этом смысле рента есть создание стоимости. Но стоимость эта является номинальной постольку, поскольку она ничего не прибавляет к богатству, т. е. к сумме предметов необходимости, комфорта и удовольствия, имеющихся у общества. Мы будем иметь точно такое же, а не большее, количество товаров и тот же 1 млн. квартеров хлеба, что и прежде; но результатом более высокой цены квартера — 5 ф. ст. вместо 4 ф. ст. — *будет перенос части стоимости хлеба и товаров* от их прежних владельцев к земельным собственникам. Поэтому рента есть создание стоимости, но не создание богатства; *она ничего не прибавляет к ресурсам страны»* (стр. 485—486) [Русский перевод, том I, стр. 329—330].

[734] Предположим, что благодаря [большей легкости производства или благодаря] импорту хлеба цена хлеба упадет так, что рента уменьшится на 1 миллион. Рикардо говорит, что денежные доходы капиталистов вследствие этого возрастут, и затем продолжает:

«Но мне могут возразить, что доход капиталиста не увеличится, что тот миллион, который был вычтен из ренты земельного собственника, будет уплачен в виде добавочной заработной платы рабочим. Пусть так... Положение общества также и в этом случае улучшилось бы, и люди были бы в состоянии нести то же самое налоговое бремя с большей легкостью, чем прежде. Это только доказывало бы, что в результате нового распределения главным образом улучшилось бы — а это является еще более желательным — положение другого класса, *и притом наиболее важного класса общества.* Все то, что этот класс получил бы сверх 9 млн. [заработной платы, определяемой необходимыми средствами существования], *составляет часть чистого дохода страны* и не может быть израсходовано, не увеличивая в то же время ее потребление, благосостояние или могущество. Вы можете поэтому распределить чистый доход как вам угодно. Дайте немного больше одному классу и немного меньше другому — вы этим не уменьшаете сумму чистого дохода. Будет ли иметь место такое перераспределение чистого дохода или нет, — все равно при помощи того же самого количества труда теперь будет производиться большее количество товаров, хотя величина валовой денежной стоимости этих товаров уменьшится. Но чистый денежный доход страны, тот фонд, из которого уплачиваются налоги и получаются средства на предметы удовольствия,

будет гораздо более приспособлен, чем прежде, для содержания существующего населения, для доставления ему предметов роскоши и удовольствия и для уплаты налогов любых данных размеров» (стр. 515—516) [Русский перевод, том I, стр. 348].

[Б.] МАШИНЫ [ВОПРОС О ВЛИЯНИИ МАШИН НА ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА У РИКАРДО И У БАРТОНА]

[1) ВЗГЛЯДЫ РИКАРДО]

[а) ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ДОГАДКА РИКАРДО О ВЫТЕСНЕНИИ ЧАСТИ РАБОЧИХ МАШИНАМИ]

В *отделе V главы 1-й («О стоимости»)* Рикардо пишет:

«Предположим.., что перед нами машина, которая может применяться в какой-нибудь отрасли промышленности для выполнения работы ста рабочих в течение года, и что она может продержаться только один год. Предположим также, что эта машина стоят 5000 ф. ст. и что заработная плата, ежегодно уплачиваемая ста рабочим, составляет 5000 ф. ст. Очевидно, что в этом случае для фабриканта все равно, купить ли машину или нанять рабочих. Но пусть стоимость труда повысится, и в результате этого годовая заработная плата ста рабочих составит 5500 ф. ст. Очевидно, что теперь фабриканту нечего колебаться: в его интересах купить машину, которая выполнит для него ту же работу за 5000 ф. ст. Но не повысится ли также и цена машины, не будет ли и она тоже стоить 5500 ф. ст. вследствие повышения стоимости труда? Ее цена поднялась бы в том случае, если бы *при ее сооружении не применялось никакого капитала и машиностроителю не причиталось бы никакой прибыли.* Если бы, например, машина была продуктом труда ста рабочих, изготовляющих ее в течение одного года и получающих заработную плату в 50 ф. ст. каждый, и цена ее была, следовательно, 5000 ф. ст., то, в случае повышения заработной платы до 55 ф. ст., ее цена была бы 5500 ф. ст. Но это невозможно. Приходится допустить, что было занято менее ста рабочих, — иначе машина не могла бы быть продана за 5000 ф. ст., так как из этих 5000 ф. ст. должна быть уплачена прибыль на капитал, затраченный на рабочих. Итак, предположим, что было занято только восемьдесят пять рабочих с затратой в 50 ф. ст. на каждого, или 4250 ф. ст. в год, и что те 750 ф. ст., которые при продаже машины были получены сверх заработной платы, уплаченной рабочим, составляли прибыль на капитал машиностроителя. При повышении заработной платы на 10% машиностроитель будет вынужден применить *добавочный капитал* в 425 ф. ст. и поэтому вместо 4250 ф. ст. будет затрачивать 4675 ф. ст. — капитал, на который он получит только 325 ф. ст. прибыли, если по-прежнему продаст машину за 5000 ф. ст. Но точно в таком же положении находятся все фабриканты и капиталисты: повышение заработной платы затрагивает их всех. Поэтому, если бы машиностроитель поднял цену машины вследствие повышения заработной платы, то в ту отрасль промышленности, которая производит такие машины, капитал стал бы притекать в столь необычных размерах, что цены машин скоро стали бы давать машиностроителю только обычную норму прибыли. Мы видим, стало быть, что цены машин не повысятся вследствие повышения заработной платы.

Однако тот фабрикант, который при общем повышении заработной платы располагает машиной, не увеличивающей издержек производства его товара, был бы в особо выгодном положении, если бы мог продавать свои товары по прежней цене; но он, как мы уже видели, будет вынужден понизить цену своих товаров; в противном случае в его отрасль производства будет притекать капитал до тех пор, пока его прибыль не упадет до общего уровня. *Таким образом, в выигрыше от введения машин оказывается публика: эти немые агенты всегда являются продуктом гораздо меньшего количества труда, чем то, которое они вытесняют, хотя бы они имели ту же денежную стоимость»* (стр.38—40) [Русский перевод, том I, стр. 56—57][142].

Этот пункт подмечен совершенно правильно. В то же время это является ответом тем, кто полагает, что рабочие, вытесняемые машинами, находят себе работу в самом машиностроении, — представление, свойственное, впрочем, той эпохе, когда мастерская, изготовлявшая машины, еще всецело основана была на разделении труда и когда для производства машин еще и не применялись машины.

Предположим, что годовая заработная плата одного рабочего составляет 50 ф. ст., тогда заработная плата 100 рабочих равна 5000 ф. ст. Если эти 100 рабочих заменяются машиной, которая стоит тоже 5000 ф. ст., то машина эта обязательно является продуктом труда менее чем 100 рабочих. Ибо она содержит, кроме оплаченного труда, также и неоплаченный труд, который как раз и образует прибыль фабриканта машин. Если бы машина, стоящая 5000 ф. ст., была продуктом труда 100 рабочих, то она содержала бы только оплаченный труд. Из 5000 ф. ст. — при норме прибыли в 10% — около 4545 ф. ст. составляли бы авансированный капитал и около 455 ф. ст. — прибыль. 4545 ф. ст. — при заработной плате одного рабочего в 50 ф. ст. — представляли бы лишь $90^9/_{10}$ рабочих.

[735] Но капитал в 4545 ф. ст. отнюдь не представляет собой один лишь переменный капитал (капитал, затраченный непосредственно на заработную плату). В нем представлены также износ основного капитала, примененного машиностроителем, и сырье. Таким образом, машина, стоящая 5000 ф. ст. и заменяющая 100 рабочих, заработная плата которых составляет 5000 ф. ст., является продуктом значительно меньшего количества рабочих, чем 90. Да и применяться с выгодой машина может только в том случае, если она {по крайней мере, та часть ее, которая ежегодно входит вместе с процентами в продукт, т. е. в его стоимость} является продуктом значительно меньшего количества занятых в течение года рабочих, чем то количество рабочих, которое она заменяет.

Всякое повышение заработной платы увеличивает подлежащий авансированию переменный капитал, хотя *стоимость*

продукта, — в той мере, в какой эта стоимость равна переменному капиталу плюс прибавочный труд, — остается без изменения (так как остается *без изменения* количество рабочих, приводимых в движение переменным капиталом).

[б) РИКАРДО О ВЛИЯНИИ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЙ В ПРОИЗВОДСТВЕ НА СТОИМОСТЬ ТОВАРОВ. ОШИБОЧНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ О ВЫСВОБОЖДЕНИИ ФОНДА ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ ДЛЯ УВОЛЕННЫХ РАБОЧИХ]

В *главе 20-й («Стоимость и богатство, их отличительные свойства»)* Рикардо отмечает, что *силы природы* ничего не добавляют к стоимости *товаров,* что они, напротив, уменьшают ее. Как раз этим они увеличивают *прибавочную стоимость,* которая одна только интересует капиталиста.

«В противоположность мнению Адама Смита, г-н Сэй в четвертой главе говорит о стоимости, придаваемой товарам *силами природы,* например солнцем, ветром, давлением атмосферы и т. д., которые иногда заменяют труд человека, а иногда помогают ему в производстве. Но, хотя эти силы природы значительно увеличивают *потребительную стоимость,* они никогда не добавляют к *товару* меновой стоимости, о которой идет речь у г-на Сэя. Как только *с помощью машин или естествознания* мы заставляем силы природы выполнять такую работу, которая раньше выполнялась человеком, меновая стоимость этой работы соответственно падает» (стр. 335—336) [Русский перевод, том I, стр. 235—236].

Машина имеет стоимость. Силы природы, как таковые, ничего не стоят. Они, следовательно, и не могут прибавить никакой стоимости к продукту, а, напротив, уменьшают его стоимость в той мере, в какой они заменяют капитал или труд, непосредственный труд или же накопленный. В той мере, в какой естествознание учит тому, как без помощи машин или же с помощью только тех машин, что и раньше (быть может, еще дешевле, чем раньше, как это имеет место, например, при использовании парового котла, различных химических процессов и т. д.), заменять труд человека силами природы, — оно ничего не стоит капиталисту (а также и обществу) и абсолютно удешевляет товары.

После вышеприведенного места Рикардо продолжает:

«Если десять человек приводили в движение мельницу, а затем было открыто, что при помощи ветра или воды труд этих десяти человек может быть сбережен, то мука, которая отчасти является продуктом работы мельницы, сейчас же упала бы в своей стоимости соответственно количеству сбереженного труда; и *общество стало бы богаче на всю сумму тех товаров, которые могли бы быть произведены трудом десяти человек, так как фонд, предназначенный на их содержание, ни в какой степени не уменьшился бы»* (стр. 336) [Русский перевод, том I, стр. 236].

Общество стало бы богаче прежде всего на ту сумму, на которую упала цена муки. Оно или стало бы потреблять больше муки, или потратило бы те деньги, которые раньше *предназначались на муку,* на какой-либо другой товар, уже имеющийся налицо или впервые появившийся в связи с тем, что высвободился новый фонд потребления.

Об этой части дохода, которая раньше расходовалась на муку, а теперь, вследствие понижения цены муки, высвобождается для любого другого применения, можно сказать, что всей экономикой общества она *«предназначалась»* для определенной вещи и что теперь она освобождена от этого «предназначения». Это то же самое, как если бы был накоплен новый капитал. Таким способом применение машин и сил природы высвобождает капитал и создает возможности для удовлетворения тех потребностей, которые раньше находились в «скрытом состоянии».

Напротив, ошибочно говорить о «фонде, *предназначенном* на содержание» тех десяти человек, которые потеряли работу в результате нового открытия. Дело в том, что первый фонд, сберегаемый или создаваемый новым открытием, это — та часть дохода, которую общество платило раньше за муку и которую оно теперь сберегает благодаря понижению цены муки. А второй сберегаемый фонд, это — тот, который мельник ранее уплачивал десяти рабочим, ныне уволенным. Этот «фонд», действительно, как замечает Рикардо, ни в какой степени не уменьшился в результате сделанного открытия и увольнения десяти рабочих. Но фонд этот не находится решительно ни в какой естественной связи с указанными десятью рабочими. Они могут стать пауперами, умереть с голоду и т. д. Несомненно лишь то, что десять человек нового поколения, которые должны были бы занять место этих десяти рабочих, чтобы приводить в движение мельницу, теперь должны искать себе применения в каком-нибудь другом деле и что таким путем население относительно [по сравнению со спросом на труд] увеличилось (независимо от среднего прироста населения), поскольку мельница приводится теперь в движение [без помощи людей], а те десять рабочих, которые, не будь этого открытия, должны были бы приводить ее в движение, заняты в производстве какого-нибудь другого товара. Таким образом, изобретение машин и использование сил природы высвобождают капитал и людей (рабочих) и создают вместе с высвободившимся капиталом высвободившиеся руки («свободные руки», как выражается Стюарт[143]), а это приводит к тому, [736] что создаются новые сферы производства или же происходит расширение старых сфер производства, увеличение в них масштаба производства.

Мельник на свой высвободившийся капитал будет строить новые мельницы или отдаст этот капитал в ссуду, если сам он не сможет затратить его в качестве капитала.

Но при всех обстоятельствах здесь нет налицо никакого фонда, *«предназначенного»* для десяти уволенных рабочих. Мы еще вернемся* к выступающей тут перед нами нелепой предпосылке о том, что если введение машин (или использование сил природы) не уменьшает массы жизненных средств, могущих служить заработной платой (как это отчасти имеет место в сельском хозяйстве, когда лошади вытесняют людей или когда скотоводство вытесняет хлебопашество), то высвободившийся указанным выше образом фонд необходимо должен быть израсходован в виде переменного капитала (как будто невозможен вывоз жизненных средств за границу или они не могут быть затрачены на непроизводительных работников, или заработная плата не может повыситься в тех или иных сферах производства, и т. п.) и должен быть затрачен как раз на уволенных рабочих. Машины постоянно создают относительное перенаселение, резервную армию рабочих, что весьма увеличивает власть капитала.

В примечании к стр. 335 [Русский перевод, том I, стр. 235— 236] Рикардо делает еще следующее замечание против Сэя:

«Хотя А. Смит, определивший богатство как обилие предметов необходимости, комфорта и удовольствия, потребляемых человеком, согласился бы, что *машины* и *силы природы* могут в весьма значительной мере увеличивать богатство страны, но он не согласился бы, что они прибавляют *что-нибудь к стоимости этого богатства»*.

Силы природы, действительно, ничего не прибавляют к *стоимости,* если нет налицо таких обстоятельств, при которых они дают возможность для создания *ренты.* Но машины всегда прибавляют к имеющейся стоимости *свою собственную стоимость;* и поскольку их наличие, во-первых, облегчает дальнейшее превращение [части] оборотного капитала в основной капитал и позволяет производить такое превращение во все возрастающем масштабе, постольку они увеличивают не только богатство, но и ту *стоимость,* которая к продукту годового труда прибавляется прошлым трудом; а во-вторых, так как наличие машин делает возможным абсолютный рост населения, а вместе с ним и рост массы годового труда, то они и этим вторым способом увеличивают стоимость годового продукта. [736]

---

* См. настоящий том, часть II, стр. 618—-626. *Ред.*

[в) НАУЧНАЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ РИКАРДО, ПЕРЕСМОТРЕВШЕГО СВОИ ВЗГЛЯДЫ ПО ВОПРОСУ О МАШИНАХ. ПРЕЖНИЕ ОШИБОЧНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ, СОХРАНИВШИЕСЯ У РИКАРДО В ЕГО НОВОЙ ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА]

[736] Глава 31-я называется *«О машинах»*.

Этот раздел, который Рикардо добавил в третьем издании своего сочинения, свидетельствует о его *добросовестности,* которая так существенно отличает его от вульгарных экономистов.

«Я тем более считаю себя обязанным изложить свои взгляды на этот вопрос» {а именно, о «влиянии машин на интересы различных классов общества»}, «что в результате дальнейших размышлений они подверглись значительным изменениям. И хотя я не могу припомнить, чтобы я когда-либо публиковал по вопросу о машинах что-нибудь такое, от чего мне нужно было бы отказаться, однако я другим путем» {как член парламента?}[144] «оказал поддержку учениям, которые теперь признаю ошибочными. Я считаю поэтому своим долгом представить на рассмотрение читателя мои теперешние взгляды вместе с теми доводами, которые у меня имеются для них.

С тех пор как я впервые обратил свое внимание на вопросы политической экономии, я придерживался того взгляда, что такое применение машин в любой отрасли производства, которое имело бы своим следствием сбережение труда, является благом для всех и сопровождается только теми неудобствами, которые в большинстве случаев связаны с перемещением капитала и труда из одного занятия в другое».

{Эти «неудобства» достаточно велики для рабочего, если они, как это имеет место в современном производстве, происходят непрестанно.}

«Мне казалось, что земельные собственники, при условии, что они получают ту же самую денежную ренту, выиграли бы от понижения цен некоторых из тех товаров, на которые они расходуют эту ренту, — от понижения цен, являющегося необходимым следствием применения машин. Капиталист, думал я, в конечном счете выиграл бы совершенно таким же образом. Правда, тот, кто изобрел машину или первый применил ее, извлекал бы добавочную выгоду, так как в течение некоторого времени получал бы большие прибыли. Но, по мере того как машина входила бы в общее употребление, цена производимого ею товара понизилась бы, вследствие конкуренции, до его издержек производства, и тогда капиталист получал бы такую же денежную прибыль, как и прежде, и он только участвовал бы в общих выгодах [737] как потребитель, ибо при том же денежном доходе он имел бы возможность распоряжаться добавочным количеством предметов комфорта и удовольствия. *Класс рабочих,* думал я, *тоже в одинаковой мере выиграл бы от введения машин,* так как при той же самой денежной заработной плате рабочие имели бы возможность покупать больше товаров. И я полагал, что *никакого сокращения заработной платы при этом не произойдет, так как капиталист был бы в состоянии предъявлять такой же спрос на труд, как и прежде, и применять прежнее количество труда,* хотя, быть может, ему и пришлось бы приме-

нять его в производстве какого-нибудь нового или, во всяком случае, другого товара. Если бы в результате усовершенствования машин можно было при применении того же количества труда увеличить вчетверо количество производимых этим трудом чулок, а спрос на них увеличился бы только вдвое, то некоторое число рабочих чулочной промышленности пришлось бы уволить; но *так как капитал, применявший их, продолжал бы существовать и так как его владельцы были бы заинтересованы в его производительном употреблении,* то мне казалось, что он будет применен в производстве каких-либо других полезных для общества товаров, на которые существовал бы твердо обеспеченный спрос... Так как мне, стало быть, казалось, что *спрос на труд останется таким же, как и прежде,* а заработная плата не понизится, то я полагал, что рабочий класс в такой же степени, как и другие классы, воспользуется выгодами общего удешевления товаров, вызванного применением машин.

Таковы были мои взгляды, и, поскольку речь идет о земельном собственнике и капиталисте, они не изменились; но я убедился, что *замена человеческого труда машинами часто приносит большой ущерб классу рабочих»* (стр. 466—468) [Русский перевод, том I, стр. 318—319].

Прежде всего надо отметить, что Рикардо исходит из ошибочной предпосылки, будто машины всегда вводятся в таких сферах производства, где уже существует капиталистический способ производства. Между тем известно, что механический ткацкий станок первоначально заменяет ручного ткача, дженни — ручного прядильщика, а косилка, молотилка, сеялка заменяют, быть может, мелкого самостоятельного крестьянина и т. д. Здесь не только вытесняется работник, но и его орудие производства перестает быть капиталом (в рикардовском смысле). Это полное или окончательное обесценение старого капитала наступает и тогда, когда машины революционизируют существовавшую до их введения мануфактуру, покоившуюся лишь на разделении труда. Здесь нелепо говорить, что «старый капитал» продолжает предъявлять такой же спрос на труд, как и прежде.

«Капитал», применявшийся ручным ткачом, ручным прядильщиком и т. д., уже не «продолжал бы существовать».

Но предположим, ради упрощения исследования, что машины {мы здесь, разумеется, не говорим о применении машин в *новых* отраслях производства} введены лишь в тех сферах, где уже господствует капиталистическое производство (мануфактура), или даже в мастерских, основанных уже на машинном производстве, так что речь идет о том, что повышается их автоматический характер или вводятся улучшенные машины, которые позволяют либо уволить часть занятых до тех пор рабочих, либо применять *то же,* что и прежде, число рабочих, но так, что доставляемый ими продукт при этом возрастает. Последнее, конечно, представляет собой наиболее благоприятный случай.

Для уменьшения путаницы необходимо различать две вещи: 1) фонд капиталиста, применяющего машины и увольняющего рабочих; 2) фонд общества — потребителей товаров этого капиталиста.

К пункту 1-му. Что касается капиталиста, вводящего машины, то ошибочно и нелепо говорить, будто он может затрачивать на заработную плату ту же сумму капитала, что и прежде. (Даже тогда, когда он прибегает к займу, это остается столь же неверным, если не по отношению к нему самому, то по отношению ко всему обществу.) Одну часть своего капитала он превращает в машины и иной основной капитал, другую часть — в такие вспомогательные материалы, в которых он раньше не нуждался, и более значительную, чем прежде, часть капитала он превращает в сырье, поскольку мы предполагаем, что с меньшим числом рабочих он производит больше товара и, следовательно, нуждается для этого в большем количестве сырья. Отношение переменного капитала, т. е. капитала, затрачиваемого на заработную плату, к постоянному капиталу уменьшилось в его отрасли производства. И это уменьшившееся *отношение останется в силе* (уменьшение переменного капитала по отношению к постоянному даже еще *усилится* вследствие того, что вместе с накоплением развивается производительная сила труда) даже и в том случае, если предприятие этого капиталиста так расширится на новой ступени производства, что он сможет снова дать работу всем уволенным рабочим или даже еще большему числу рабочих, чем прежде. {Спрос на труд в его предприятии будет расти вместе с накоплением его капитала, но в гораздо меньшей степени, чем накопляется его капитал, и этот последний, по своей абсолютной величине, никогда уже не будет представлять такого же источника спроса на труд, как прежде. А это имеет своим ближайшим результатом то, что часть рабочих оказывается выброшенной на улицу.}

Но, скажут нам, косвенным образом спрос на рабочих останется тем же, ибо возрастет спрос на рабочих для машиностроения. Однако Рикардо сам уже показал раньше*, что машины никогда не стоят такого количества труда, какое они заменяют. Возможно, что в машиностроительных предприятиях рабочий день временно будет удлинен [738] и что в связи с этим на первых порах нельзя будет занять в них ни одного добавочного рабочего. Сырье — например, хлопок — может получаться из Америки и Китая, а для выброшенных на улицу английских рабочих весьма безразлично, возрастает ли при этом Спрос на

* См. настоящий том, часть II, стр. 611—612. *Ред.*

американских негров или китайских кули. Но предположим даже, что сырье производится внутри страны. Тогда в земледелии будет занято больше женщин и детей, будет применяться больше лошадей и т. д., будет произведено, быть может, больше именно этого продукта и меньше какого-нибудь другого продукта. Но спроса на уволенных промышленных рабочих здесь не возникнет, так как и здесь, в земледелии, происходит тот же процесс, создающий постоянное относительное перенаселение.

Prima facie* представляется невероятным, что введение машин высвобождает капитал у фабриканта при первоначальном вложении им капитала в предприятие. Введение машин только дает его капиталу другое приложение, ближайшим результатом которого, согласно самой же этой предпосылке, является увольнение рабочих и превращение части переменного капитала в постоянный капитал.

К пункту 2-му. Что касается публики, то у нее в результате удешевления товаров, производимых при помощи машины, высвободится прежде всего *доход; капитал* высвободится — непосредственно — лишь в той мере, в какой производимый при помощи машины предмет входит в качестве элемента производства в постоянный капитал. {Если он входит в обычное потребление рабочих, то, согласно взглядам самого Рикардо, это должно повлечь за собой понижение *действительной заработной платы*[145] также и в других отраслях производства.} Одна часть высвободившегося дохода будет потреблена в виде того же предмета либо потому, что удешевление этого предмета сделает его доступным для новых слоев потребителей (впрочем, в последнем случае доход, затрачиваемый на этот предмет, не является высвободившимся доходом), либо потому, что прежние потребители будут потреблять теперь большее количество подешевевшего предмета, например четыре пары хлопчатобумажных чулок вместо одной пары. Другая часть высвободившегося указанным образом дохода может служить для расширения той отрасли производства, в которой введены машины, или же для создания новой отрасли, производящей другой товар, или, наконец, для расширения какой-нибудь ранее существовавшей отрасли производства. Как бы то ни было, высвободившийся таким образом и превращенный обратно в капитал доход едва ли будет достаточен хотя бы для того, чтобы поглотить ту часть прироста населения, ежегодно вновь притекающего во все отрасли производства, для которой старая

* — На первый взгляд, здесь — с первого же взгляда. *Ред.*

отрасль производства в первую очередь оказалась теперь закрытой. Но возможно также, что часть высвободившегося дохода будет обменена на заграничные продукты или потреблена непроизводительными работниками. Во всяком случае, *не существует никакой необходимой связи между высвободившимся доходом и освобожденными от дохода рабочими.*

В-третьих. То нелепое представление, которое лежит в основе аргументации Рикардо, заключается, однако, в нижеследующем.

[Как мы видели,] капитал фабриканта, вводящего машины, не высвобождается. Он только получает *другое* назначение, а именно такое назначение, при котором он не превращается, как прежде, в заработную плату для уволенных ныне рабочих. Он частично превращается из переменного капитала в постоянный. Даже если бы часть его высвободилась, то она была бы поглощена теми сферами производства, в которых уволенные рабочие *работать* не могут и которые в лучшем случае дали бы приют только тем, кто должен был бы занять их место.

А высвободившийся доход, — если его высвобождение не парализуется увеличившимся потреблением подешевевшего предмета или если он не обменивается на получаемые из-за границы жизненные средства, — лишь открывает, благодаря расширению старых или созданию новых отраслей производства, необходимый клапан (если высвободившийся доход вообще открывает его!) для той части ежегодно притекающего прироста населения, перед которой в первую очередь оказывается закрытой старая отрасль производства, где были введены машины.

Так вот, та нелепость, которая в скрытом виде образует основу аргументации Рикардо, сводится не более и не менее, как к следующему:

Те жизненные средства, которые раньше потреблялись уволенными ныне рабочими, продолжают ведь существовать и по-прежнему находятся на рынке. С другой стороны, эти рабочие руки тоже находятся на рынке. Следовательно, на одной стороне имеются жизненные средства (а значит, и средства оплаты) рабочих, являющиеся δυναμει* переменным капиталом, а на другой стороне — незанятые рабочие. Стало быть, налицо имеется фонд для того, чтобы привести этих последних в движение. И, следовательно, они найдут себе работу.

Возможно ли, чтобы даже такой экономист, как Рикардо, болтал подобного рода вздор, от которого волосы становятся дыбом?

* — потенциально, в возможности. *Ред.*

Согласно этой концепции, в буржуазном обществе ни один работоспособный и желающий работать человек не мог бы голодать, когда на рынке, в обществе, имеются жизненные средства, которыми можно уплатить ему за ту или иную работу.

Прежде всего надо сказать, что эти жизненные средства отнюдь не противостоят уволенным рабочим в качестве капитала.

Предположим, что в результате введения машин оказались внезапно выброшенными на улицу 100000 рабочих. Тогда прежде всего не подлежит никакому сомнению, [739] что находящиеся на рынке земледельческие продукты, которых в среднем хватает на весь год и которые раньше потреблялись этими рабочими, останутся по-прежнему на рынке. Что получилось бы, если бы на них не оказалось спроса и если бы вместе с тем их нельзя было вывезти за границу? Так как относительно, по сравнению со спросом, предложение возросло бы, то эти продукты упали бы в цене, а вследствие этого падения цен повысилось бы их потребление, хотя бы уволенные 100000 рабочих и умирали с голоду. Нет даже необходимости в том, чтобы цена предметов питания упала: возможно, что их будет меньше ввезено из-за границы или больше вывезено за границу.

Рикардо исходит из фантастического представления, будто весь механизм буржуазного общества устроен так тонко, что если уволены, например, десять рабочих, то их жизненные средства, ставшие теперь свободными, обязательно должны быть так или иначе потреблены теми же самыми десятью рабочими, а в противном случае совсем не могут найти себе сбыт, — как если бы на дне этого общества не было массы полузанятых или совсем не занятых людей, барахтающихся в непрестанных поисках работы, и как если бы капитал, существующий в виде жизненных средств, представлял собой некоторую фиксированную величину.

Если бы вследствие уменьшения спроса рыночная цена хлеба упала, то имеющийся в виде хлеба капитал (в его денежном выражении) *уменьшился бы* и, поскольку его нельзя вывезти за границу, был бы обменен на менее значительную часть денежного дохода общества. И это тем более справедливо относительно капитала, имеющегося в виде продуктов промышленности. В течение того ряда лет, когда ткачи, работавшие на ручных станках, постепенно погибали от голода, производство и экспорт английских хлопчатобумажных тканей чрезвычайно увеличились. Одновременно с этим (в период 1838— 1841 гг.) повысились цены на предметы питания. И у ткачей не было ни единой целой тряпки, чтобы одеться, и не имелось

пищи хотя бы настолько, чтобы душа держалась в теле. Постоянное искусственное производство перенаселения, поглощаемого только во времена лихорадочного процветания, является одним из необходимых условий производства для современной промышленности. И ничто не мешает тому, чтобы в одно и то же время часть денежного капитала лежала праздно, без употребления, цены на жизненные средства, вследствие относительного перепроизводства последних, падали, а вытесненные машинами рабочие умирали с голоду.

Конечно, в конце концов, высвободившийся труд, вместе с высвободившейся частью дохода или капитала, должен найти себе то или иное применение в какой-нибудь новой отрасли производства или в старых отраслях производства в случае их расширения, но это больше идет на пользу *тем, кто должен был бы занять место вытесненных рабочих,* чем им самим. Постоянно возникают новые ответвления более или менее непроизводительных отраслей труда, в которых непосредственно расходуется доход. К этому присоединяются: образование основного капитала (железные дороги и т. д.) и открываемая этим возможность работы по надзору; производство предметов роскоши и т. д.; внешняя торговля, вносящая все большее и большее разнообразие в те предметы, на которые расходуется доход.

Исходя из своей нелепой точки зрения, Рикардо поэтому предполагает, что введение машин только тогда вредит рабочим, когда оно уменьшает валовой продукт (а потому и валовой доход). Такого рода случай возможен, конечно, в крупном сельском хозяйстве, когда там начинают применять лошадей, потребляющих зерновой хлеб, до этого потреблявшийся рабочими, или когда хлебные поля превращают в пастбища для овец и т. д. Но в высшей степени абсурдно распространять этот случай на промышленность в собственном смысле слова, у которой рынок для ее валового продукта отнюдь не ограничивается рамками внутреннего рынка. (К тому же, если одна часть рабочих умирает с голоду, то другая часть их может лучше питаться, лучше одеваться; точно так же могут лучше питаться и одеваться непроизводительные работники и промежуточные слои, стоящие между рабочим и капиталистом.)

Само по себе ошибочно мнение, что увеличенное количество (или вообще количество) предметов, входящих в доход, само по себе является фондом для рабочих, или образует для них капитал. Часть этих предметов потребляется непроизводительными работниками или людьми, вообще не работающими. Другая часть может быть превращена посредством внешней торговли из той формы, в которой она служит в качестве зара-

ботной платы, — из своей грубой формы, — в такую форму, в которой она входит в доход богатых или же служит производственным элементом постоянного капитала. Наконец, некоторая часть потребляется самими уволенными рабочими в работном доме, в тюрьме, в виде милостыни или в виде украденного имущества, или же в виде платы за проституцию их дочерей.

В дальнейшем я коротко сведу воедино те положения, в которых Рикардо развивает свою нелепую аргументацию. Толчок для этой аргументации, как он сам говорит, он получил из книги *Бартона,* на которой поэтому надо будет коротко остановиться после приведения упомянутых цитат.

[740] Само собой разумеется, что для того, чтобы ежегодно было занято определенное число рабочих, необходимо ежегодно производить определенное количество продуктов питания и других предметов необходимости. В крупном земледелии, в скотоводстве и т. д. является возможным тот случай, что чистый доход (прибыль и рента) увеличивается, тогда как валовой доход, масса предметов необходимости, предназначенных для содержания рабочих, уменьшается. Но вопрос здесь не в этом. Масса предметов, входящих в потребление, или — пользуясь выражением Рикардо — масса предметов, входящих в валовой доход, может быть увеличена без того, чтобы благодаря этому увеличилась та часть этой массы, которая превращается в переменный капитал. Эта часть может даже уменьшиться. Тогда больше потребляется в качестве дохода капиталистами, земельными собственниками, их слугами, непроизводительными классами, государством, промежуточными классами (торговцами) и т. д.

Скрытой основой рассуждений Рикардо (и Бартона) служит то, что он исходил первоначально из предположения, будто всякое накопление капитала представляет собой увеличение переменного капитала и потому спрос на труд непосредственно увеличивается в той же пропорции, в какой происходит накопление капитала. Это оказалось неверным, так как вместе с накоплением капитала происходит изменение в его органическом строении и постоянная часть капитала возрастает в большей прогрессии, чем его переменная часть. Но это не препятствует тому, чтобы доход постоянно возрастал по стоимости и по количеству. Этот рост дохода не ведет, однако, к тому, чтобы на заработную плату расходовалась соответственно увеличивающаяся часть совокупного продукта. Те классы и подклассы, которые не живут непосредственно своим трудом, возрастают в численности и живут лучше, чем прежде, и точно так же увеличивается число непроизводительных работников.

Доход такого капиталиста, который превращает часть своего переменного капитала в машины (и который поэтому во всех тех сферах производства, где сырье образует один из элементов стоимости продукта, должен, по сравнению с количеством применяемого им труда, более значительную долю капитала затрачивать также и на сырье), — доход этого капиталиста мы оставим в стороне как не имеющий непосредственного отношения к занимающему нас вопросу. Его капитал, действительно вошедший в процесс производства, а также и его доход, существует сперва в форме тех *продуктов* или, вернее, тех *товаров,* которые он сам производит, например — в виде пряжи, если он прядильный фабрикант. Некоторую часть этих товаров — или тех денег, за которые данный капиталист их продает, — он, после введения машин, превращает в машины, вспомогательные материалы и сырье, вместо того чтобы, как прежде, выплачивать эту часть денег рабочим в виде заработной платы, т. е. косвенно превращать ее в жизненные средства для рабочих. За некоторыми исключениями, имеющими место в земледелии, капиталист будет производить этих товаров больше, чем прежде, хотя *уволенные* им рабочие и перестали быть потребителями, а значит и покупателями его собственных изделий, каковыми они были раньше. Теперь на рынке существует больше товаров этого рода, хотя они и перестали существовать для выброшенных на улицу рабочих или перестали существовать для них в таком объеме, как раньше. Следовательно, что касается прежде всего продукта, произведенного этим самым капиталистом, то даже в том случае, если продукт этот входит в потребление рабочих, увеличению его количества нисколько не противоречит то, что часть его перестала существовать для рабочих в качестве капитала. Напротив, ту часть постоянного капитала, которая сводится к машинам, вспомогательным материалам и сырью, теперь должна возмещать более значительная часть совокупного продукта, т. е. более значительная часть совокупного продукта должна теперь быть обменена на большее, чем прежде, количество этих элементов воспроизводства. Если бы вызываемое введением машин увеличение количества товаров находилось в противоречии с уменьшением существовавшего раньше спроса на производимые с помощью этих машин товары *(а именно, спроса со стороны уволенных рабочих),* то в большинстве случаев введение машин было бы вообще невозможно. Таким образом, масса производимых товаров и та доля этих товаров, которая превращается обратно в заработную плату, непосредственно не имеют между собой никакого определенного соотношения или никакой необходимой связи, если рассматри-

вать тот самый капитал, часть которого теперь обратно превращается не в наемный труд, а в машины.

Что же касается общества в целом, то у него происходит замещение или, вернее, расширение границ его дохода, в первую очередь в отношении того предмета, который стал дешевле благодаря машинам. Этот доход может быть по-прежнему затрачен как доход, а если сколько-нибудь значительная часть его превращается в капитал, то налицо всегда уже имеется, кроме искусственно созданного перенаселения, также и естественный прирост населения, способный поглотить ту часть дохода, которая превращается в переменный капитал.

Итак, остается prima facie лишь следующее: производство всех других предметов, в частности также и в тех сферах, которые производят предметы, входящие в потребление рабочих, происходит — несмотря на увольнение, скажем, 100 рабочих — в тех же размерах, что и прежде; вне всякого сомнения это имеет место в момент их увольнения. Поэтому, поскольку уволенные рабочие предъявляли спрос на указанные предметы, спрос этот уменьшился, хотя предложение осталось без изменения. Следовательно, если это уменьшение спроса не будет чем-нибудь компенсировано, произойдет понижение цены соответствующего товара (или же, вместо понижения цены, большее количество товара может остаться на рынке в виде запаса на будущий год). Если соответствующий товар вместе с тем не является предметом экспорта и если спрос на него продолжает стоять ниже прежнего уровня, то воспроизводство данного предмета уменьшится, но отнюдь не обязательно уменьшится [741] применяемый в этой сфере капитал. Быть может, будет произведено больше мяса или больше технических растений или деликатесов и меньше пшеницы, или больше овса для лошадей и т. д., или меньше бумазейных курток и больше сюртуков для буржуазии и т. п. Однако если бы благодаря удешевлению, например, хлопчатобумажных тканей занятые в производстве рабочие могли тратить больше на пищу и т. д., то не было бы никакой необходимости в том, чтобы имело место какое-либо из указанных следствий. Может производиться прежнее, и даже большее, количество товаров, — в том числе и таких, которые входят в потребление рабочих, — несмотря на то, что теперь меньше капитала, менее значительная часть совокупного продукта превращается в переменный капитал, затрачивается на заработную плату.

Здесь нет также и того, чтобы для производителей этих товаров высвобождалась часть их капитала. В худшем случае спрос на их товары уменьшится, и потому воспроизводство их

капитала будет происходить с затруднениями, при понизившихся ценах на их товары. Поэтому их собственный доход сразу уменьшился бы, как это имеет место при всяком падении товарных цен. Но нельзя сказать, что какая-либо часть их товаров ранее противостояла уволенным рабочим в качестве капитала, а теперь «высвободилась» одновременно с ними. То, что противостояло рабочим в качестве капитала, это — часть товара, производимого теперь при помощи машин; причем эта часть притекала к ним в виде денег и обменивалась ими на другие товары (жизненные средства), которые по отношению к рабочим не выступали в качестве капитала, а противостояли их деньгам просто как товары. Это, следовательно, — отношение совершенно иного рода. Фермер или какой-нибудь другой капиталист, товары которого рабочие покупали на свою заработную плату, не противостоял им как капиталист и не использовал их в производстве как рабочих. Теперь они *только перестали быть для него покупателями,* что, пожалуй, если это не уравновешивается другими обстоятельствами, может вызвать временное обесценение его капитала, но не высвобождает никакого капитала для найма уволенных рабочих. Тот капитал, который использовал их в производстве, все еще «продолжает существовать», но уже не в той форме, в какой он сводится к заработной плате (или же он сводится к заработной плате лишь косвенно и в меньшей степени).

В противном случае всякий, кто имел несчастье каким-нибудь образом потерять свои деньги, высвобождал бы тем самым такой капитал, который ему же самому давал бы работу.

[г) ПРАВИЛЬНОЕ КОНСТАТИРОВАНИЕ У РИКАРДО НЕКОТОРЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ВВЕДЕНИЯ МАШИН ДЛЯ РАБОЧЕГО КЛАССА. НАЛИЧИЕ АПОЛОГЕТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В РИКАРДОВСКОЙ ТРАКТОВКЕ ПРОБЛЕМЫ]

Под *валовым доходом* Рикардо понимает ту часть продукта, которая возмещает заработную плату и прибавочную стоимость (прибыль и ренту); под чистым доходом он понимает прибавочный продукт, прибавочную стоимость. Рикардо здесь, как и во всей своей экономической теории, забывает, что часть валового продукта должна возмещать стоимость машин и сырья, короче говоря — стоимость постоянного капитала.

* * *

Приводимые ниже рассуждения Рикардо представляют интерес отчасти благодаря некоторым попутно делаемым заме-

чаниям, отчасти же потому, что они, mutatis mutandis*, практически важны для крупного сельского хозяйства, в особенности для овцеводства. Здесь, таким образом, снова обнаруживается граница капиталистического производства. Его определяющей целью отнюдь не является производство *для* производителей (рабочих), более того: его исключительной целью здесь признаётся *чистый доход* (прибыль и рента), даже когда эта цель достигается за счет размеров производства — за счет производимой массы товаров.

«Моя ошибка вытекала из предположения, что при всяком возрастаний *чистого дохода* общества должен возрастать также и его *валовой доход.* Но теперь у меня имеются все основания быть убежденным в том, что *тот фонд, из которого получают свой доход земельные собственники и капиталисты, может возрастать,* в то время как другой фонд — *тот, от которого главным образом зависит рабочий класс, может уменьшаться.* Отсюда следует, если я не ошибаюсь, что *та же самая причина,* которая может увеличивать чистый доход страны, может одновременно с этим *создавать избыточное население* и ухудшать положение рабочего» (стр. 469) [Русский перевод, том I, стр. 319—320].

Тут прежде всего нужно отметить следующее: Рикардо признаёт здесь, что те причины, которые увеличивают богатство капиталистов и земельных собственников, «могут... *создавать избыточное население»,* так что избыточное население, или перенаселение, изображается здесь как результат самого процесса обогащения и обусловливающего его развития производительной силы.

Что касается фонда, из которого получают свои доходы капиталисты и земельные собственники, и, с другой стороны, фонда, из которого получают свой доход рабочие, то этим общим фондом является прежде всего совокупный продукт. Значительная часть продуктов, входящих в потребление капиталистов и земельных собственников, не входит в потребление рабочих. Но, с другой стороны, почти все продукты, входящие в потребление рабочих, — фактически все эти продукты, но в большей или меньшей степени, — входят также и в потребление земельных собственников и капиталистов, включая их слуг, прихлебателей, собак и кошек. Нельзя представлять себе дело так, будто здесь существуют обособленно друг от друга два различных по своей природе фонда, имеющих фиксированную величину. Важно то, какие доли получает из этого общего фонда каждая из сторон. Цель капиталистического производства состоит в том, чтобы с помощью данной массы богатства получать возможно больше прибавочного продукта

* — с соответствующими изменениями. *Ред.*

или прибавочной стоимости. Эта цель достигается тем, что постоянный капитал возрастает относительно быстрее, чем переменный, т. е. тем, что с возможно меньшим переменным капиталом приводится в движение возможно больший [742] постоянный капитал. Таким образом, в гораздо более общем смысле, чем это имеет здесь в виду Рикардо, верно то, что одна и та же причина, вызывая увеличение фонда, из которого получают свои доходы капиталисты и земельные собственники, порождает этот результат посредством уменьшения того фонда, из которого получают свой доход рабочие.

Отсюда не следует, что фонд, из которого получают свой доход рабочие, уменьшается *абсолютно.* Он уменьшается лишь *относительно,* в сравнении с совокупным продуктом, производимым ими. И это является единственно важным для определения той доли, которую они себе присваивают из богатства, созданного ими же самими.

«Предположим, что капиталист применяет капитал стоимостью в 20000 ф. ст. и что он одновременно является и фермером и фабрикантом, производящим предметы необходимости. Предположим, далее, что 7000 ф. ст. из этого капитала вложены в основной капитал, т. е. в постройки, орудия труда и т. д., а остающиеся 13000 ф. ст. применяются как оборотный капитал на содержание труда. Предположим также, что прибыль составляет 10% и что, следовательно, капитал нашего, капиталиста ежегодно приводится в состояние своей первоначальной эффективности и приносит прибыль в 2000 ф. ст.

Ежегодно капиталист начинает свои операции, обладая продуктами питания и другими предметами необходимости стоимостью в 13000 ф. ст., которые он в течение года полностью продает своим собственным рабочим за эту сумму денег; и в течение того же периода он выплачивает им такую же сумму денег в виде заработной платы. *В конце года* они возмещают капиталисту продукты питания и другие предметы необходимости стоимостью в 15000 ф. ст., из которых 2000 ф. ст. он потребляет сам или распоряжается ими соответственно своим вкусам и желаниям».

{Здесь *природа прибавочной стоимости* выражена весьма наглядно. Место это находится на стр. 469—470 книги Рикардо [Русский перевод, том I, стр. 320].}

«Поскольку речь идет об этих продуктах, *валовой продукт* данного года составит 15000 ф. ст., а чистый продукт 2000 ф. ст. Предположим теперь, что в следующем году капиталист применяет половину своих рабочих на сооружение машины, а другую половину — как и раньше — на производство продуктов питания и других предметов необходимости. В течение этого года он затратил бы на заработную плату, как обычно, 13000 ф. ст. и продал бы на такую же сумму продуктов питания и других предметов необходимости своим рабочим. Но каково было бы положение в следующем году?

Пока строилась бы машина, получалась бы только половина обычного количества продуктов питания и других предметов необходимости, и они представляли бы собой лишь половину стоимости того количества, которое

производилось раньше. Машина стоила бы 7500 ф. ст., а продукты питания и другие предметы необходимости тоже 7500 ф. ст., так что капитал нашего капиталиста был бы так же велик, как и прежде; ибо, сверх этих двух стоимостей, он обладал бы еще основным капиталом стоимостью в 7000 ф. ст., что в целом составило бы 20000 ф. ст; капитала и 2000 ф. ст. прибыли. После вычета этой последней суммы, идущей на его личные расходы, он имел бы для ведения дальнейших операций оборотный капитал всего лишь в 5500 ф. ст.; поэтому его средства, идущие на содержание труда, уменьшились бы с 13000 до 5500 ф. ст. и, следовательно, *весь тот труд, который раньше применялся при помощи 7500 ф. ст., теперь оказался бы избыточным»*.

{Но это имело бы место и в том случае, если бы теперь с помощью машины стоимостью в 7500 ф. ст. [при переменном капитале в 5500 ф. ст.] производилось точно такое же количество продуктов, какое раньше производилось при переменном капитале в 13000 ф. ст. Если предположить, что износ машины составляет за год одну десятую, т. е. 750 ф. ст., то стоимость продукта, составлявшая раньше 15000 ф. ст., будет теперь равняться 8250 ф. ст. (оставляя в стороне износ первоначального основного капитала в 7000 ф. ст., о возмещении которого Рикардо вообще ничего не говорит). Из этих 8250 ф. ст. 2000 ф. ст. составляли бы прибыль, подобно тому как раньше 2000 ф. ст, составляли прибыль из 15000 ф. ст. Фермер выиграл бы, поскольку он сам потребляет, в качестве дохода, продукты питания и другие предметы необходимости. Поскольку он в результате удешевления предметов необходимости мог бы понизить заработную плату нанимаемых им рабочих, он опять-таки выиграл бы, и часть его переменного капитала высвободилась бы. Это и есть та часть, которая до известной степени могла бы применить новый труд, однако только потому, что *действительная заработная плата* оставшихся неуволенными рабочих упала бы. Таким образом, небольшая часть уволенных рабочих могла бы снова получить работу — за счет тех, кто продолжал бы работать. Но само то обстоятельство, что количество продукта останется точно таким же, как и раньше, нисколько не пойдет на пользу уволенным рабочим. Если бы заработная плата оставалась неизменной, то не высвободилось бы ни малейшей доли переменного капитала. Стоимость продукта — 8250 ф. ст. — не повысилась бы от того, что она представляет такое же количество продуктов питания и других предметов необходимости, какое раньше стоило 15000 ф. ст. Чтобы возместить, с одной стороны, износ машин, а с другой стороны, свой переменный капитал, фермер должен был бы продать свой продукт за 8250 ф. ст. Если бы такое удешевление продуктов питания и других предметов необходимости

не вызвало общего понижения заработной платы или понижения цены составных частей, входящих в воспроизводство постоянного капитала, то мы имели бы лишь увеличение дохода общества в той мере, в какой он тратится на продукты питания и другие предметы необходимости. Часть непроизводительных работников, производительных рабочих и т. д. стала бы жить лучше. Voila tout*. (Эта часть населения могла бы даже откладывать сбережения, но это всегда такое дело, которое направлено в будущее.) Уволенные рабочие по-прежнему не имели бы куска хлеба, хотя *физическая* возможность содержать их продолжала бы существовать совершенно так же, как и раньше. И в воспроизводстве был бы применен такой же капитал, как и прежде. Но *часть продукта* (стоимость которого понизилась), существовавшая раньше в качестве *капитала,* существует теперь в качестве *дохода.*}

«Уменьшенное количество труда, которое может теперь применить капиталист, должно, конечно, при помощи машины и после вычета издержек по ее ремонту произвести стоимость, равную 7500 ф. ст., оно должно возместить оборотный капитал с прибылью в 2000 ф. ст. на весь капитал. Но если это сделано, [743] если чистый доход не уменьшился, то разве для капиталиста не безразлично, составляет ли валовой доход стоимость в 3000 ф. ст., в 10000 ф. ст. или в 15000 ф. ст.?»

{Это абсолютно верно. Валовой доход совершенно безразличен для капитала. Единственно, что его интересует, это чистый доход.}

«Итак, в рассматриваемом нами случае, хотя стоимость чистого продукта не уменьшилась бы и хотя его покупательная способность по отношению к товарам могла значительно увеличиться, валовой продукт вместо стоимости в 15000 ф. ст. составлял бы всего лишь стоимость в 7500 ф. ст. А так как *способность содержать население и применять труд зависит всегда от валового продукта нации, а не от ее чистого продукта»*

{отсюда пристрастие А. Смита к валовому продукту, против чего возражает Рикардо. См. *главу 26-ю («О валовом и чистом доходе»),* которую Рикардо начинает словами:

«Адам Смит постоянно преувеличивает выгоды, которые страна извлекает из большого валового дохода, в сравнении с выгодами, доставляемыми большим чистым доходом» (цит. соч., стр. 415) [Русский перевод, том I, стр. 284]},

«то в результате уменьшения валового продукта *неизбежно уменьшится спрос на труд, часть населения станет избыточным населением,* и положение рабочего класса будет представлять картину нужды и бедствий».

* — Вот и всё. *Ред.*

{Таким образом, труд *становится избыточным* потому, что спрос на него уменьшается, а спрос уменьшается вследствие развития производительной силы труда. Место это находится на *стр. 471* книги Рикардо [Русский перевод, том I, стр. 321].}

«Так как, однако, *способность сберегать часть дохода для превращения его в капитал необходимым образом зависит от способности чистого дохода* удовлетворять потребности капиталиста, то последний, *вследствие понижения цен товаров, вызванного введением машин, может увеличить,* — если его потребности останутся *такими же самыми»* {но его потребности возрастают}, — *«свои сбережения,* и это *облегчает превращение дохода в капитал».*

{Согласно этому рассуждению, часть капитала — не по своей стоимости, а по потребительным стоимостям, в смысле тех вещественных элементов, из которых эта часть капитала состоит, — превращается сперва в доход, чтобы впоследствии часть дохода снова можно было превратить в капитал. Например, часть продукта на сумму в 7500 ф. ст., когда на переменный капитал затрачивалось 13000 ф. ст., входила в потребление рабочих, которых нанимал фермер, и эта часть продукта составляла часть капитала фермера. В результате введения машин производится, согласно нашему предположению, столько же продукта, как и раньше, но стоимость его составляет уже только 8250 ф. ст. вместо прежних 15000. И этот подешевевший продукт входит теперь более значительной своей частью как в доход фермера, так и в доход покупателей продуктов питания и других предметов необходимости. Они потребляют теперь в качестве дохода такую часть продукта, которая раньше, правда, тоже потреблялась как доход рабочими фермера (с тех пор уволенными), но которая их нанимателем потреблялась производственно как капитал. В результате такого рода возрастания дохода, обусловленного тем, что в качестве дохода теперь потребляется часть продукта, раньше потреблявшаяся в качестве капитала, мы имеем образование нового капитала и обратное превращение дохода в капитал.}

«Но с каждым увеличением капитала капиталист будет применять больше рабочих»

{*во всяком случае* не в такой мере больше, в какой возрастает его капитал в целом. Фермер купит, быть может, больше лошадей или гуано или новых орудий},

«а потому *часть тех людей, которые на первых порах лишились работы, впоследствии найдет себе работу; и если увеличение- производства, вызванное применением машин, будет так значительно, что оно доставит, в виде чистого продукта, такое же количество продуктов питания и других предметов необходимости, какое прежде имелось в форме валового продукта,*

то налицо будет *возможность давать, как и прежде, работу всему населению,* а потому *не обязательным»* {но возможным и вероятным!} *«будет появление избыточного населения»* (стр. 469—472) [Русский перевод, том I, стр. 320—321].

В последних строках Рикардо, таким образом, прямо высказывает то, что я отметил у него выше. Для того чтобы доход указанным путем превратился в капитал, капитал перед этим превращается в доход. Или, как это выражает Рикардо: сперва чистый продукт увеличивают за счет валового продукта, чтобы затем некоторую часть чистого продукта можно было обратно превратить в валовой продукт. Продукт есть продукт. Наименования «чистый» и «валовой» ничего в этом деле не меняют (хотя их противопоставление может также означать, что *избыток над затратами,* т. е. чистый продукт, возрастает несмотря на то, что совокупная масса продукта, т. е. валовой продукт, уменьшается). Продукт становится чистым или валовым в зависимости от той определенной формы, которую он принимает в процессе производства.

«Я хочу доказать только то, что изобретение и применение машин может сопровождаться уменьшением валового продукта; и всякий раз, когда такое уменьшение валового продукта имеет место, оно приносит ущерб рабочему классу, так как некоторое число рабочих лишается работы и *часть населения становится избыточным по сравнению с фондами для его использования в производстве»* (стр. 472) [Русский перевод, том I, стр. 321—322].

Но то же самое может иметь место — и в большинстве случаев [744] будет иметь место — даже и тогда, когда количество валового продукта остается без изменения или когда валовой продукт увеличивается и разница состоит только в том, что часть его, раньше функционировавшая как переменный капитал, теперь потребляется как доход.

На приводимом вслед за этим (на страницах 472—474) [Русский перевод, том I, стр. 322] нелепом рикардовском примере с фабрикантом сукна, который в результате введения машин сокращает свое производство, здесь останавливаться излишне.

«Если изложенные взгляды правильны, то из них вытекают следующие выводы:

1) Изобретение и полезное применение машин *всегда приводят к увеличению чистого продукта страны,* хотя они могут и не увеличивать и, по истечении небольшого промежутка времени, действительно не увеличивают *стоимости этого чистого* продукта».

Они всегда увеличивают стоимость чистого продукта, если они уменьшают стоимость труда.

«2) Увеличение чистого продукта страны совместимо с уменьшением валового продукта. Стимулы к применению машин всегда будут достаточ-

ными для того, чтобы обеспечить их применение, если благодаря введению машин увеличивается чистый продукт, хотя при этом как количество валового продукта, так и его стоимость могут — а зачастую и должны— уменьшиться.

3) Мнение, которого придерживается рабочий класс, что применение машин часто наносит ущерб интересам рабочих, не основано на предрассудках и заблуждении, а соответствует правильным принципам политической экономии.

4) Если усовершенствованные благодаря введению машин средства производства увеличат чистый продукт страны в такой большой степени, что валовой продукт (я здесь всегда имею в виду количество товаров, а не их стоимость) при этом не уменьшится, то улучшится положение всех классов. Земельный собственник и капиталист выиграют не вследствие увеличения ренты и прибыли, а вследствие выгод, проистекающих из того, что ту же самую ренту и ту же самую прибыль они будут расходовать на товары, стоимость которых значительно понизилась»

{это положение противоречит всему учению Рикардо, согласно которому удешевление предметов необходимости, а следовательно и заработной платы, повышает прибыль, тогда как машины, позволяющие с меньшей затратой труда получать на той же земле больше продукта, должны, по Рикардо, уменьшать ренту};

«в то же время положение рабочего класса также значительно улучшится, во-первых, *благодаря увеличению спроса на домашнюю прислугу»*

{поистине великолепный результат введения машин — превращение значительной части рабочего класса, женщин и мужчин, в слуг},

«во-вторых, благодаря тому стимулу к сбережениям из дохода, который порождается столь изобильным чистым продуктом, и, в-третьих, благодаря низкой цене всех предметов потребления, на которые расходуется получаемая рабочими заработная плата» {эта низкая цена вызовет падение их заработной платы} (цит. соч., стр. 474—475) [Русский перевод, том I, стр. 322—323].

Апологетическая буржуазная трактовка вопроса о машинах не отрицает вообще,

1) что машины постоянно — то здесь, то там — делают избыточным часть населения, выбрасывают часть рабочих на улицу. Перенаселение (а отсюда и снижение — то здесь, то там — заработной платы в тех или иных сферах производства) получается не потому, что население увеличивается быстрее, чем жизненные средства, а потому, что быстрое возрастание количества жизненных средств, вызванное введением машин, позволяет вводить еще больше машин и *вследствие этого* уменьшает *непосредственный спрос на труд.* Таким образом, перенаселение возникает не потому, что уменьшается общественный

фонд, а потому, что в результате возрастания этого фонда относительно уменьшается та часть его, которая расходуется на заработную плату.

2) Еще меньше эта апологетика отрицает порабощение самих рабочих машинного труда и нищету вытесненных машинами и гибнущих рабочих ручного труда или ремесленников.

Апологетика эта утверждает — и отчасти правильно — *[во-первых],* что благодаря машинам (вообще благодаря развитию производительной силы труда) чистый доход (прибыль и рента) так возрастает, что у буржуа появляется потребность в большем количестве *домашней прислуги,* чем раньше; если раньше ему из своего продукта приходилось больше затрачивать на производительный труд, то теперь он может больше расходовать на непроизводительный труд, и в результате этого число слуг и других работников, живущих на средства непроизводительного класса, увеличивается. Нечего сказать, великолепная перспектива — это прогрессирующее превращение части рабочих в слуг. Столь же утешительно для рабочих и то, что в результате возрастания чистого продукта для непроизводительного труда открывается больше сфер деятельности, представители которых потребляют продукт производительных рабочих и более или менее одинаково с непосредственно эксплуатирующими классами заинтересованы в эксплуатации этих производительных рабочих.

Во-вторых, буржуазная апологетика утверждает, что в результате того стимула к накоплению, который порождается новыми условиями производства, требующими меньше живого труда в сравнении с прошлым трудом, в производство втягиваются также и вытесненные, пауперизированные рабочие или, по крайней мере, та часть прироста населения, [745] которая должна была бы занять их место; это происходит вследствие расширения производства либо на самих машиностроительных предприятиях, либо в тех связанных с машиностроением отраслях производства, которые сделались необходимыми и возникли благодаря машиностроению, либо в новых областях применения труда, открываемых новым капиталом и удовлетворяющих новые потребности. Такова вторая великолепная перспектива: рабочий класс вынужден терпеть все «временные неудобства» — безработицу, перемещение труда и капитала из одной сферы производства в другую, — *но при всем том наемному труду конца не наступает; напротив, наемный труд воспроизводится в постоянно увеличивающихся размерах, абсолютно возрастая, хотя и уменьшаясь относительно, в сравнении с возрастающим совокупным капиталом, который его применяет.*

В-третьих, буржуазная апологетика утверждает, что благодаря машинам потребление *становится более утонченным.* Удешевление предметов, удовлетворяющих непосредственные жизненные потребности, позволяет расширить круг производства предметов роскоши. И таким образом перед рабочими открывается третья великолепная перспектива: для того чтобы получать необходимые им жизненные средства, прежнее количество этих средств, — то же самое число рабочих должно создавать возможность для высших классов расширять круг своих удовольствий, делать эти удовольствия более утонченными и более разнообразными и тем самым углублять экономическую, социальную и политическую пропасть, отделяющую рабочих от тех, кто стоит над ними. Таковы те чудесные перспективы и весьма завидные результаты, которые сулит рабочему развитие производительной силы его труда.

Затем Рикардо показывает еще, что интересы трудящихся классов требуют того,

«чтобы возможно больше дохода отвлекалось от приобретения предметов роскоши и направлялось на содержание домашних слуг». Ибо, покупаю ли я дорогую мебель или содержу домашних слуг, я тем самым предъявляю спрос на определенное [по стоимости] количество товаров и привожу в движение в одном случае приблизительно столько же производительного труда, как и в другом; но в последнем случае я прибавляю новый спрос «к прежнему спросу на рабочих, и такое увеличение спроса произошло бы только потому, что я избрал этот второй способ расходования моего дохода» (стр. 475—476) [Русский перевод, том I, стр. 323—324].

То же самое получается и тогда, когда страна содержит большие флоты и армии:

«Будет ли он» (доход) «затрачен одним способом или другим, *в производстве будет занято одинаковое количество труда;* ибо производство пищи и одежды для солдат и матросов потребует такого же количества труда, как и производство более роскошных товаров. Но в случае войны мы имели бы добавочный спрос на людей для службы в качестве солдат и матросов, и, следовательно, такая война, которая ведется за счет дохода, а не за счет капитала страны, благоприятствует росту населения» (стр. 477) [Русский перевод, том I, стр. 324].

[Далее Рикардо пишет:]

«Следует отметить еще и другой случай, при котором возможно *увеличение количества чистого дохода страны и даже ее валового дохода,* сопровождающееся уменьшением спроса на труд, а именно тот случай, когда труд людей заменяется трудом лошадей. Если бы я применял на своей ферме сто рабочих и если бы я нашел, что предметы питания, затрачиваемые на пятьдесят из этих людей, могли бы пойти на содержание лошадей и принести мне, после оплаты процентов на капитал, израсходованный на покупку лошадей, большее количество сырых продуктов, то мне было бы выгодно заменить людей лошадьми, и я так и поступил бы. Но это было бы невыгодно рабочим, и если получаемый мной доход не возрастет

до такой степени, чтобы я мог одновременно применять и людей и лошадей, то *часть населения, несомненно, станет избыточным населением,* и положение рабочего в общем ухудшится. Ясно, что он ни при каких обстоятельствах не сможет найти себе занятия в земледелии» {почему нет? А при расширении площади обрабатываемой земли?}, «но если в результате замены людей лошадьми количество продукта земли увеличится, то уволенный рабочий сможет найти себе занятие в промышленности или в качестве домашнего слуги» (стр. 477—478) [Русский перевод, том I, стр. 325].

Существуют две постоянно перекрещивающиеся тенденции: [во-первых,] применять возможно меньше труда для производства того же самого или большего количества товаров, того же самого или большего количества чистого продукта, прибавочной стоимости, чистого дохода; во-вторых, применять возможно больше рабочих (хотя и возможно меньше по сравнению с количеством производимых ими товаров), так как — на данной ступени развития производительных сил — с увеличением массы применяемого труда растет и масса прибавочной стоимости и прибавочного продукта. Одна тенденция выбрасывает рабочих на улицу и создает избыточное население; другая снова поглощает их и абсолютно расширяет рабство наемного труда. Таким образом, судьба рабочего бросает его то туда, то сюда, но все же от этой судьбы он так и не избавляется. Поэтому рабочий рассматривает, и вполне правильно, развитие производительных сил своего собственного труда как нечто ему враждебное; с другой стороны, капиталист обращается с ним как с таким элементом, который постоянно подлежит удалению из производства.

Таковы те противоречия, в которых Рикардо бьется в этой главе. Что он забывает отметить, [746] так это — постоянное увеличение средних классов, стоящих посредине между рабочими, с одной стороны, капиталистами и земельными собственниками, с другой, — средних классов, которые во все возрастающем объеме кормятся большей частью непосредственно за счет дохода, ложатся тяжким бременем на рабочих, составляющих основу общества, и увеличивают социальную устойчивость и силу верхних десяти тысяч.

Увековечение наемного рабства посредством применения машин буржуа преподносят как «апологию» машин.

«Я, кроме того, отметил выше, что *возрастание чистого дохода, выраженного в товарах, которое всегда имеет место в результате усовершенствования машин,* приведет к новым сбережениям и накоплениям. Следует помнить, что *эти сбережения* делаются *ежегодно* и должны вскоре создать *фонд гораздо более значительный, чем тот валовой доход, который первоначально был потерян в результате изобретения машин.* Тогда спрос на труд будет так же велик, как и прежде, и положение народа будет и

дальше улучшаться благодаря увеличению тех сбережений, которые позволит делать возросший чистый доход» (стр. 480) [Русский перевод, том I, стр. 326].

Сначала теряют на валовом доходе и выигрывают на чистом доходе. Затем часть возросшего чистого дохода снова превращается в капитал, а потому и в валовой доход. Так рабочий вынужден постоянно увеличивать власть капитала, чтобы после весьма серьезных пертурбаций получить разрешение на повторение того же процесса в более широком масштабе.

«При всяком возрастании капитала и населения цена предметов питания будет, как правило, возрастать вследствие увеличившейся трудности их производства» (стр. 478—479) [Русский перевод, том I, стр. 325].

Непосредственно вслед за этим Рикардо продолжает:

«Повышение цены предметов питания повлечет за собой повышение заработной платы, а всякое повышение заработной платы будет иметь тенденцию обращать *сбереженный капитал в большей пропорции, чем прежде, на применение машин. Машины и труд находятся в постоянной конкуренции между собой, и первые часто могут быть применены только тогда, когда поднимается цена труда»* (стр. 479) [Русский перевод, том I, стр. 325].

Машины являются, таким образом, средством против повышения цены труда.

«Чтобы выяснить основной принцип, я предположил, что усовершенствованные машины изобретаются *внезапно* и сразу же получают широкое распространение. Но в действительности такие изобретения делаются постепенно, и их действие состоит скорее в том, что они *определяют те или иное применение сберегаемого и накопляемого капитала, чем в том, что они отвлекают капитал от его нынешнего применения»* (стр. 478) [Русский перевод, том I, стр. 325].

В действительности дело обстоит так, что не столько вытесненный труд, сколько новое предложение труда — та часть возросшего населения, которая должна была бы занять место вытесненных рабочих, — получает для себя, в результате новых накоплений капитала, доступ в новые сферы приложения труда.

«В Америке и многих других странах, где пища для человека добывается легко, далеко нет такого большого соблазна применять машины» {нигде, кроме Америки, их не применяют в столь массовом масштабе **и,** так сказать, также и для домашнего обихода}, «как в Англии, где цена предметов питания высока и производство их стоит большого труда».

{Как раз Америка, применяющая относительно гораздо больше машин, чем Англия, в которой постоянно имеется избыточное население, показывает, как мало применение машин зависит от цены предметов питания, хотя оно *может* зависеть от относительного недостатка в рабочих, как это имеет место в Америке, где относительно небольшое население разбросано

на огромных территориях. Так, мы читаем в газете «Standard»[146], от 19 сентября 1862 г. в одной статье о выставке[147]:

«Человек есть животное, производящее машины... Если рассматривать американца как образец человека, то это определение... безупречно. Один из главных пунктов в системе взглядов американца состоит в том, чтобы не делать руками ничего такого, что можно сделать при помощи машины. От качания люльки и до изготовления гроба, от доения коровы и до порубки леса, от пришивания пуговицы и до голосования за президента — почти для всего этого у него имеются машины. Он изобрел машину, чтобы избавить себя от труда жевания пищи... *Чрезвычайный недостаток рабочей силы* и проистекающая отсюда высокая стоимость труда» {несмотря на низкую стоимость предметов питания}, «а также и известная прирожденная сообразительность поощряли его изобретательский дух... Производимые в Америке машины, вообще говоря, менее ценны, чем машины, сделанные в Англии... Они в общем представляют собой скорее *приспособления для сбережения труда,* чем изобретения, позволяющие выполнять то, что до сих пор было невозможно». {А пароходы?}... «В отведенном для Соединенных Штатов отделе выставки имеется *хлопкоочистительная машина Эмери.* В течение многих лет после того, как в Америке начали разводить хлопок, его сбор был очень незначителен, не только потому, что спрос на него был невелик, но и потому, что трудность очистки хлопка ручным трудом делала невыгодным его разведение. Однако когда Илай Уитни изобрел пильный [747] джин для очистки хлопка, *сейчас же увеличилась засеваемая хлопком площадь,* и это увеличение до настоящего времени происходило почти в арифметической прогрессии. Действительно, не будет преувеличением сказать, что Уитни создал коммерческое хлопководство. С более или менее значительными и полезными усовершенствованиями хлопкоочистительная машина Уитни все время продолжала применяться, и до изобретения нынешнего усовершенствования и дополнения первоначальный джин Уитни был ничем не хуже большинства тех машин, которые претендовали на то, чтобы вытеснить его. Нынешняя машина, носящая марку господ Эмери из Олбани (штат Нью-Йорк), совершенно вытеснит, мы в этом не сомневаемся, машину Уитни, которая лежит в ее основе. Она столь же проста и более производительна; из нее хлопок выходит не только более чистым, но слоями, как вата, так что пласты хлопка, выходя из машины, сразу же оказываются пригодными для прессования и для складывания в кипы... В американском отделе выставки кроме машин почти ничего нет... *Доильная машина... Устройство для перевода приводного ремня с одного шкива на другой.,, Машина для чесания и прядения пеньки,* которая одним махом наматывает пряди прямо из тюков... *Машина для изготовления бумажных пакетов,* которая вырезает бумагу из листа, склеивает, складывает ее и изготовляет 300 пакетов в минуту... Машина Хоуза для *выжимания белья,* выжимающая между двумя каучуковыми валами воду из белья, так что последнее делается почти сухим; она сберегает время и не причиняет ткани никакого вреда... *Переплетные машины... Машины для производства обуви.* Хорошо известно, что в Англии уже давно при помощи машин делают передки, но здесь демонстрируются машины для прикрепления подошвы, другие машины для вырезания подошвы и еще машины для отделки каблуков... *Камнедробильная машина* большой мощности, очень остроумной конструкции; она, без сомнения, найдет себе широкое применение для замощения дорог щебнем и для размельчения руды... *Система морских сигналов* г-на У. Г. Уорда из Оберна (штат Нью-Йорк)... *Жатвенные машины и косилки* являются американским изобретением; они всё больше и больше находят себе при-

знание в Англии. Машина *Мак-Кормика* — лучшая... *Нагнетательный насос* г-на Хансбрау, премированный Калифорнийской медалью, по простоте и производительности наилучший на выставке... Он способен выкачивать, при той же затрате силы, больше воды, чем какой бы то ни было насос в мире... *Швейные машины...»*}

«Та причина, которая повышает стоимость труда, не повышает стоимости машин, а потому с *каждым увеличением капитала все большая часть его употребляется на машины,. Спрос на труд будет возрастать вместе с возрастанием капитала, но не в такой же пропорции; отношение, в котором будет возрастать спрос на труд, будет неизбежно уменьшаться»* (цит. соч., стр. 479) [Русский перевод, том I, стр. 325—326].

В последней фразе Рикардо формулирует правильный закон возрастания капитала, хотя те соображения, которые он приводит в обоснование этого закона, очень односторонни. К этому месту своей книги Рикардо делает примечание, показывающее, что он следует здесь за *Бартоном,* на сочинении которого мы поэтому еще коротко остановимся.

Предварительно еще одно замечание. Перед этим, рассматривая вопрос о том, расходуется ли доход на домашних слуг или на предметы роскоши, Рикардо говорит:

«В обоих случаях чистый доход, а также валовой, будет один и тот же, но в каждом из этих случаев *чистый доход реализуется в различных товарах»* (стр. 476) [Русский перевод, том I, стр. 324].

Подобным же образом и валовой продукт может быть тем же самым по стоимости, но «реализоваться» он может — что весьма чувствительно для рабочих — «в *различных товарах»,* в зависимости от того, должен ли он возмещать больше переменного капитала или больше постоянного капитала.

[3) ВЗГЛЯДЫ БАРТОНА]

[a) ПОЛОЖЕНИЕ БАРТОНА ОБ ОТНОСИТЕЛЬНОМ УМЕНЬШЕНИИ СПРОСА НА ТРУД В ХОДЕ НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА. НЕПОНИМАНИЕ БАРТОНОМ И РИКАРДО ВНУТРЕННЕЙ СВЯЗИ ЭТОГО ЯВЛЕНИЯ С ГОСПОДСТВОМ КАПИТАЛА НАД ТРУДОМ]

Сочинение Бартона называется:

John Barton. Observations on the Circumstances which influence the Condition of the Labouring Classes of Society. London, 1817.

Приведем прежде всего те немногие теоретические положения, которые имеются у Бартона.

«Спрос на труд зависит от *увеличения оборотного, а не основного капитала.* Если бы было верно, *что отношение между этими двумя видами*

капитала во все времена и во всех странах одно и то Ме, то отсюда, действительно, следовало бы, что *число занятых рабочих пропорционально богатству государства.* Но такое предположение не имеет и подобия вероятности. По мере развития техники и распространения цивилизации *основной капитал становится все большим и большим по отношению к оборотному капиталу.* Количество основного капитала, применяемого при производстве куска английского муслина, но меньшей мере в сто, а может быть и в тысячу раз больше основного капитала, применяемого при производстве такого же куска индийского муслина, тогда как [748] доля применяемого при этом оборотного капитала — в сто или в тысячу раз меньше. Легко себе представить, что при известных обстоятельствах вся сумма годичных сбережений какого-нибудь промышленного народа может быть присоединена к основному капиталу; в таком случае эти сбережения не вызвали бы никакого увеличения спроса на труд» *(Бартон,* назв. соч., стр. 16—17).

{По поводу этих слов Бартона Рикардо в примечании на стр. 480 своей книги [Русский перевод, том I, стр. 326] заявляет:

«По моему мнению, трудно себе представить, чтобы при каких бы то ни было обстоятельствах увеличение капитала не сопровождалось увеличением спроса на труд: самое большее, что можно сказать, это то, что *спрос на труд будет расти в уменьшающейся пропорции.* Мне кажется, что г-н Бартон в вышеназванном сочинении придерживается *правильного взгляда* на некоторые последствия увеличения размеров основного капитала для положения рабочих классов. Его работа содержит много ценных сведений».}

К приведенному выше положению Бартона необходимо присоединить еще следующее место:

«Основной капитал, когда он уже создан, перестает вызывать спрос на труд» {это неверно, так как необходимо воспроизводство основного капитала, хотя оно и происходит только через известные промежутки времени и лишь постепенно}, «но во время его созидания он дает занятие точно такому же количеству рабочих рук, какое занимал бы таких же размеров оборотный капитал или доход» (стр. 56).

И еще это:

«Спрос на труд целиком зависит от общей суммы дохода и оборотного капитала» (стр. 34—35).

Бартону бесспорно принадлежит очень большая заслуга. А. Смит полагает, что спрос на труд возрастает прямо пропорционально накоплению капитала. Мальтус выводит перенаселение из того, что капитал не накопляется (не воспроизводится в возрастающем масштабе) так же быстро, как население. Бартон впервые отметил, что различные органические составные части капитала не возрастают в одинаковой мере вместе с накоплением и развитием производительных сил; что, напротив, в процессе возрастания производительных сил та часть капитала, которая превращается в заработную плату,

относительно уменьшается по сравнению с той частью (Бартон называет ее основным капиталом), которая в сравнении со своей величиной лишь незначительно изменяет спрос на труд. Поэтому Бартон впервые выдвигает то важное положение, что «число занятых рабочих» *не* «пропорционально богатству государства», что оно относительно больше в промышленно неразвитой стране, чем в промышленно развитой.

В третьем издании своих «Principles», в главе 31-й *(«О машинах»),* Рикардо, который в предыдущих изданиях своей книги еще всецело следовал в этом пункте за Смитом, принимает поправку Бартона, и притом в той *односторонней* формулировке, которую дает ей Бартон. Единственный пункт, в котором Рикардо идет дальше, — и этот пункт имеет важное значение, — состоит в том, что он не только, подобно Бартону, устанавливает положение, что спрос на труд *не* растет *пропорционально* развитию машин, но еще утверждает, что сама машина *«делает часть населения избыточным населением»*[*], т. е. порождает перенаселение. Рикардо только ошибочно ограничивает этот результат введения машин тем случаем, который встречается лишь в земледелии и который он распространяет также и на промышленность, а именно тем случаем, когда чистый продукт увеличивается за счет валового продукта. Но этим самым in nuce[**] дано опровержение всей нелепой теории народонаселения, в особенности же болтовни вульгарных экономистов о том, что рабочие должны стараться удерживать свое размножение на таком уровне, который был бы ниже уровня накопления капитала. Наоборот, из даваемой Бартоном и Рикардо трактовки вопроса следует, что такое ограничение размножения рабочего населения, уменьшающее предложение труда и, следовательно, повышающее его цену, лишь *ускорило* бы введение машин, превращение оборотного капитала [затрачиваемого на заработную плату] в основной и таким путем искусственно создало бы «избыточное» население; ибо избыток населения существует, как правило, не по отношению к количеству средств существования, а по отношению к количеству средств найма труда, к действительному спросу на труд.

[749] Ошибка или недостаток состоит у Бартона в том, что он органическую дифференциацию капитала, или органическое строение его, берет лишь в той форме, в какой это строение выступает в *процессе обращения,* — в виде основного и оборотного капитала, — различие, открытое уже физиократами, развитое дальше А. Смитом, а после него ставшее предрассудком

[*] См. настоящий том, часть II, стр. 627, 629, 630, 632 и 636. *Ред.*
[**] — буквально: «в орехе», т. е. в самом сжатом виде, вкратце, в зародыше. *Ред.*

экономистов, предрассудком постольку, поскольку в органическом строении капитала они — по традиции — видят *только* это различие. Это проистекающее из процесса обращения различие оказывает значительное влияние на воспроизводство богатства вообще, а, следовательно, также и на ту его часть, которая образует «рабочий фонд». Но здесь не это является решающим. В качестве основного капитала машины, постройки, племенной скот и т. д. отличаются от оборотного капитала *непосредственно* не каким бы то ни было отношением к заработной плате, а только способом своего обращения и воспроизводства.

Непосредственное отношение различных составных частей капитала к живому труду связано не с явлениями процесса обращения, проистекает не из него, а из *непосредственного процесса производства* и представляет собой отношение *постоянного* и *переменного капитала,* различие между которыми основывается *лишь* на их отношении к живому труду.

Так, например, Бартон говорит: спрос на труд зависит не от *основного капитала,* а только от *оборотного* капитала. Но часть оборотного капитала — *сырье* и *вспомогательные материалы* — точно так же не обменивается на живой труд, как и машины и т. п. Во всех тех отраслях производства, в которых сырье, в качестве элемента, входит в процесс образования стоимости, оно, — поскольку мы при этом рассматриваем лишь ту часть основного капитала, которая входит в товар, — составляет *наиболее значительную* часть той доли капитала, которая не затрачивается на заработную плату. Другая часть [того, что Бартон называет] оборотным капиталом, а именно часть товарного капитала, состоит из таких предметов потребления, которые входят в доход непроизводительного класса (т. е. не входят в доход рабочего класса). Следовательно, возрастание обеих этих частей *оборотного* капитала затрагивает спрос на труд ничуть не больше, чем возрастание основного капитала. К тому же та часть оборотного капитала, которая состоит из сырья и вспомогательных материалов, увеличивается не в меньшей или даже в еще большей пропорции, чем та часть капитала, которая, как основной капитал, вкладывается в машины и т. п.

Рамсей развил дальше то различение, которое было намечено Бартоном. Он подправляет Бартона, но не выходит за пределы его способа представления. Фактически он сводит бартоновское различение к различению между постоянным и переменным капиталом, но попрежнему называет постоянный капитал *основным* капиталом, хотя относит сюда также сырье и т. д., а переменный капитал называет оборотным капиталом, хотя

исключает из него весь тот оборотный капитал, который не затрачивается непосредственно на заработную плату. Об этом — после, когда мы дойдем до Рамсея. Но это доказывает необходимость внутренне обусловленного дальнейшего движения вперед.

Стоит только однажды уяснить себе различие между постоянным и переменным капиталом, проистекающее исключительно из непосредственного процесса производства, из отношения различных составных частей капитала к живому труду, чтобы обнаружилось также, что само по себе это различие не имеет никакого отношения к абсолютной массе произведенных предметов потребления, хотя оно и имеет большое отношение к тому, в каких именно предметах реализуется данная масса валового дохода. Однако этот способ реализации валового дохода в различных товарах является не *причиной,* как это выходит у Рикардо и подразумевается у Бартона, а *результатом* имманентных законов капиталистического производства, ведущих к тому, что все более уменьшается, по сравнению со всей суммой продукта, та часть его, которая образует фонд для воспроизводства рабочего класса. Если значительная часть капитала состоит из машин, сырья, вспомогательных материалов и т. д., то из всей массы рабочего класса лишь незначительная часть будет занята воспроизводством жизненных средств, [750] входящих в потребление рабочих. Но это относительное уменьшение воспроизводства переменного капитала представляет собой не причину относительного уменьшения спроса на труд, а, наоборот, его следствие. Точно так же более значительная часть рабочих, занятых производством предметов потребления, вообще входящих в доход, будет производить предметы, входящие в потребление — в расходование дохода — капиталистов, земельных собственников и их слуг (государства, церкви и т. д.), и менее значительная часть будет производить предметы, предназначенные для дохода рабочих. Но это опять-таки — следствие, а не причина. С изменением социального отношения рабочих и капиталистов, с революционизированием отношений, господствующих в капиталистическом производстве, это немедленно изменилось бы. Доход, употребляя выражение Рикардо, «реализовался бы в других товарах».

В, так сказать, физических условиях производства нет ничего такого, что вынуждало бы к тому или другому способу реализации дохода. Если бы рабочие господствовали, если бы они имели возможность производить для самих себя, то они очень скоро и без больших усилий подтянули бы капитал (употребляя выражение вульгарных экономистов) до уровня своих потребностей. Огромная разница заключается в том,

противостоят ли наличные средства производства рабочим как капитал, так что они *лишь* поскольку могут применяться рабочими, поскольку это необходимо в интересах увеличения прибавочной стоимости и прибавочного продукта для их нанимателей, применяют ли эти средства производства *их,* рабочих, — или же рабочие, в качестве субъектов, применяют средства производства как объект, чтобы производить богатство для самих себя. Разумеется, при этом предполагается, что капиталистическое производство уже вообще развило производительные силы труда до той необходимой высоты, на которой может наступить эта революция.

{Возьмем для примера 1862 год (нынешнюю осень). Бедственное положение ланкаширских безработных. С другой стороны, на лондонском денежном рынке — «трудность найти применение для денег», в результате чего почти необходимостью стало образование спекулятивных обществ, так как за ссужаемые деньги трудно получить даже 2%. По теории Рикардо получалось бы, что так как, с одной стороны, в Лондоне имеется налицо капитал, а, с другой стороны, в Манчестере имеется незанятая рабочая сила, то для незанятых рабочих «обязательно открылся бы доступ в какую-нибудь другую отрасль приложения труда».}

[б) ВЗГЛЯДЫ БАРТОНА НА ДВИЖЕНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И РОСТ РАБОЧЕГО НАСЕЛЕНИЯ]

Бартон далее доказывает, что накопление капитала лишь медленно приводит к повышению спроса на труд, если только *еще до того* население не возросло так сильно, что заработная плата стоит на низком уровне.

«Отношение, в котором заработная плата находится в какое-либо данное время ко,всему продукту труда, определяет, происходит ли ассигнование капитала в одном направлении» (основной капитал) «или в другом» (оборотный капитал).

«Если заработная плата падает, тогда, как цена товаров остается без изменения, или если повышается цена товаров, тогда как заработная плата не изменяется, то прибыль предпринимателя растет, и это побуждает его нанимать больше рабочих рук. Если, напротив, заработная плата повышается в сравнении с товарами, то фабрикант применяет как можно меньше рабочих рук и старается делать все с помощью машин» (цит. соч., стр. 17—18).

«Мы имеем достоверные данные, свидетельствующие о том, что при постепенном повышении заработной платы в первую половину минувшего [т. е. XVIII] столетия население возрастало гораздо медленнее, чем во вторую половину его, когда реальная цена труда быстро падала» (стр. 25).

«Итак, само по себе повышение заработной платы никогда не вызывает увеличения рабочего населения; падение заработной платы может вызвать

очень быстрое возрастание его. Например, если бы потребности англичанина понизились до уровня потребностей ирландца, то фабрикант стал бы применять больше рабочих, соответственно уменьшению издержек на их содержание» (стр. 26).

«Трудность найти работу гораздо больше удерживает от браков, *чем низкий уровень заработной платы»* (стр. 27).

«Считается, что всякое увеличение богатства имеет тенденцию создавать новый спрос на труд. Но так как труд, по сравнению со всеми другими товарами, требует для своего производства наиболее длительного времени»

{по той же причине величина заработной платы может долго держаться ниже среднего уровня, ибо труд, по сравнению со всеми другими товарами, труднее всего изъять с рынка, чтобы этим путем сократить его предложение до уровня существующего в данный момент спроса},

«то из всех товаров труд [751] в наибольшей степени повышается в цене при происшедшем увеличении спроса; а так как всякое повышение заработной платы вызывает в десять раз большее уменьшение прибыли, то ясно, что *увеличение капитала* может оказывать *лишь медленное* воздействие на *увеличение действительного спроса* на труд, *если этому не предшествует такое увеличение населения, которое удерживает заработную плату на низком уровне»* (стр. 28).

Бартон выдвигает здесь различные положения.

Во-первых: повышение заработной платы само по себе не увеличивает рабочего населения; но зато падение заработной платы может очень легко и быстро вызвать его возрастание. Доказательство: в первой половине XVIII столетия — постепенное повышение заработной платы и медленный прирост населения; наоборот, во второй половине XVIII столетия — большое понижение реальной заработной платы и быстрый прирост рабочего населения. Причина: заключению браков препятствует не низкий уровень заработной платы, а трудность найти работу.

Во-вторых: но найти работу тем легче, чем ниже уровень заработной платы. Ибо превращение капитала в оборотный или основной, т. е. в такой, который применяет труд, или в такой, который его не применяет, находится в обратном отношении к высокому или низкому уровню заработной платы. Если заработная плата низка, то спрос на труд велик, так как тогда для предпринимателя выгодно применять много труда и с тем же самым оборотным капиталом он может применять *больше* рабочих. Если заработная плата высока, то фабрикант применяет возможно меньше рабочих и старается делать все с помощью машин.

В-третьих: накопление капитала само по себе лишь медленно повышает спрос на труд, так как всякое повышение

этого спроса, если предложение, труда меньше спроса на него, вызывает быстрое повышение цены труда и в десять раз большее падение прибыли. Накопление может быстро отразиться на спросе на труд только тогда, когда *накоплению предшествовало значительное увеличение рабочего населения,* в результате чего заработная плата стоит на очень низком уровне и даже при повышении она остается низкой, так как [новый] спрос больше поглощает незанятые рабочие руки, чем порождает конкуренцию из-за рабочих, занятых полностью.

Все это, cum grano salis*, верно для вполне развитого капиталистического производства. Но это не объясняет самого процесса его развития.

А поэтому и приводимое Бартоном историческое доказательство противоречит тому, что оно должно было бы доказать.

В первой половине XVIII столетия заработная плата постепенно повышалась, население возрастало медленно, и не было никаких машин, а также, сравнительно со следующей половиной столетия, применялось мало иного основного капитала.

Во второй половине XVIII столетия, напротив, заработная плата непрерывно падает, население поразительно возрастает,— и появляется много машин. Но как раз машины, с одной стороны, сделали наличное население избыточным и этим путем понизили заработную плату, а с другой стороны, вследствие быстрого развития мирового рынка, снова поглотили это население, потом вновь сделали его избыточным и опять поглотили; одновременно с этим они чрезвычайно ускорили накопление капитала и увеличили *массу* переменного капитала, хотя этот переменный капитал относительно уменьшился как по сравнению с совокупной стоимостью продукта, так и по отношению к массе применяемых им рабочих.

Наоборот, в первой половине XVIII столетия еще не было крупной промышленности, а была *мануфактура, основанная на разделении труда.* Главной составной частью капитала оставался переменный капитал, затрачиваемый на заработную плату. Производительная сила труда развивалась медленно по сравнению со второй половиной XVIII столетия. Спрос на труд, а следовательно и заработная плата повышались вместе с накоплением капитала и почти пропорционально этому накоплению. Англия была еще по существу земледельческой страной, и там еще была широко распространена (и даже продолжала развиваться) домашняя (прядильная и ткацкая) промышлен-

* — дословно: «с крупинкой соли»; в переносном смысле: «с оговоркой», «не вполне буквально». *Ред.*

ность, которой занималось земледельческое население. Пролетариат в строгом смысле этого слова не мог еще возникнуть, так же как еще не было и промышленных миллионеров.

В первой половине XVIII столетия относительно преобладал переменный капитал, во второй половине — основной капитал; но для последнего необходима большая масса человеческого материала. Его введению в больших размерах должен предшествовать рост населения. Однако весь действительный ход развития противоречит трактовке его у Бартона, поскольку при этом обнаруживается, что здесь вообще произошло изменение в способе производства: законы, соответствующие крупной промышленности, не тождественны с теми законами, которые соответствуют [752] мануфактуре. Последняя образует лишь фазу развития на пути к первой.

Но здесь интересны некоторые исторические данные, приводимые Бартоном как относительно движения заработной платы, так и относительно движения хлебных цен в Англии, поскольку Бартон сопоставляет первую половину XVIII столетия со второй.

«Приводимая ниже таблица показывает» (а «с середины XVII до середины XVIII века [реальная] заработная плата повышалась, ибо цена хлеба упала за этот период не меньше чем на 35%»), «каково было отношение *заработной платы сельскохозяйственных рабочих* к хлебным ценам в течение последних 70 лет.

Периоды	Недельная заработная плата	Цена квартера пшеницы	Заработная плата в пинтах пшеницы
1742-1752	6 от. 0 п.	30 ш. 0 п.	102
1761—1770	7 » 6 »	42 » 6 »	90
1780—1790......................................	8 » 0 »	51 » 2 »	80
1795—1799......................................	9 » 0 »	70 » 8 »	65
1800—1808......................................	11 » 0 »	86 » 8 »	60»

(Бартон, цит. соч., стр. 25—26).

«В докладе [комиссии] палаты лордов по поводу законов о бедных» (1816 год?) «приводится таблица, показывающая число биллей относительно огораживания земли, принятых на каждой из сессий парламента со времени революции [1688 года]. Из этой таблицы видно, что за 66 лет, с 1688 до 1754 г., таких биллей было принято 123, тогда как за 69 лет*, с 1754 до 1813 г., их было 3315. В течение последнего периода развитие хлебопашества шло приблизительно в 25 раз быстрее, чем в течение первого. Но в первые 66 лет все больше и больше хлеба постоянно производилось для вывоза за границу, тогда как в течение большей части

* Так у Бартона. В действительности, с 1754 до 1813 г. прошло только 59 лет. *Ред.*

последних 69 лет потреблялось все, что раньше вывозилось, и вместе с тем для нашего собственного потребления ввозилось все увеличивающееся, а под конец — весьма значительное количество хлеба... Рост населения в течение первого периода в сравнении с последним происходил, следовательно, еще медленнее, чем это, по-видимому, показывает развитие хлебопашества» (там же, стр. 11—12).

«В 1688 г. население Англии и Уэльса составляло 5500000 человек, согласно Грегори Кингу, который определил его по числу домов. В 1780 г. оно составляло, по Мальтусу, 7700000 человек. Оно, следовательно, увеличилось за 92 года на 2200000 человек. За следующие 30 лет оно увеличилось больше чем на 2700000 человек. Но что касается первого возрастания населения, то, по всей вероятности, оно произошло главным образом за время с 1750 до 1780 г.» (стр. 13).

Бартон исчисляет на основании надежных источников, что

«в 1750 г. число жителей составляло 5946000, что означает увеличение со времени революции [1688 года] на 446000 человек, или на 7200 человек в год» (стр. 13—14).

«Таким образом получается, что, по самой низкой оценке, рост населения в последние годы происходил в десять раз быстрее, чем сто лет тому назад. Но невероятно, чтобы накопление капитала стало в десять раз больше» (стр. 14).

Вопрос не в том, какое количество жизненных средств производится в течение года, а в том, какая часть живого труда в течение года входит в производство основного и оборотного капитала. Этим определяется величина переменного капитала по сравнению с постоянным.

Бартон объясняет себе поразительный рост населения почти во всей Европе за последние 50—60 лет возросшей производительностью американских рудников, поскольку этот избыток драгоценных металлов повысил цены товаров в большей степени, чем заработную плату, т. е. фактически понизил заработную плату, вследствие чего повысилась норма прибыли (стр. 29— 35). [XIII-752]

ПРИЛОЖЕНИЯ [148]

[1) РАННЯЯ ФОРМУЛИРОВКА ТЕЗИСА О ПОСТОЯННОМ СООТВЕТСТВИИ МЕЖДУ ПРЕДЛОЖЕНИЕМ И СПРОСОМ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ. РОДБЕРТУС И ЭКОНОМИСТЫ-ПРАКТИКИ XVIII ВЕКА]

[XII—580b] «Мимоходом выдвигаемая» Смитом теория о том, что хлеб создает для себя свой собственный спрос и т. д.*, — теория, с важным видом повторенная затем *Мальтусом* в его теории ренты и отчасти ставшая основой его теории народонаселения, — высказана [до Смита] очень *выразительно* в следующем отрывке:

«Хлеба имеется много или мало в соответствии с его потреблением. Если налицо *больше ртов,* то будет *больше* и *хлеба,* потому что будет *больше рук* для обработки земли; а если налицо *больше хлеба,* то окажется больше и ртов, так как *изобилие* увеличивает *население» ([Arbuthnot, John.]* An Inquiry into the Connection between the Present Price of Provisions, and the Size of Farms etc. By a Farmer. London, 1773, стр. 425).

Поэтому

«в сельском хозяйстве не может быть перепроизводства» (там же, стр. 62).

Фантазия Родбертуса, будто *семена* и т. д. не входят [в затраты фермера] как статья капитала**, [опровергается] сотнями сочинений, написанных отчасти самими фермерами в XVIII столетии (в особенности начиная с 60-х годов). Между тем было бы, наоборот, правильным утверждение, что у фермера *рента* входит в его затраты как статья расхода. Фермер причисляет ее к *издержкам производства* (и она, действительно, относится к его издержкам производства).

* См. настоящий том, часть II, стр. 389 и следующие. *Ред.*
** См. настоящий том, часть II, стр. 39—51. *Ред.*

«Если... *цена хлеба* приблизительно такова, какой она должна была бы быть, то это может определяться только тем отношением, в котором *стоимость земли* находится к *стоимости денег»* (там же, стр. 132).

Нижеследующее место показывает, что с того момента, когда капитал овладевает земледелием, рента в представлении самого капиталистического фермера становится всего лишь вычетом из прибыли и что вся прибавочная стоимость начинает рассматриваться по существу как прибыль:

«Старый метод состоял в том, что *прибыль* фермера [его доля в валовом продукте] исчислялась *тремя рентами»* (издольщина). «*В младенческий период земледелия* это было добросовестным и справедливым разделом собственности. В менее просвещенных странах этот метод применяется еще и теперь... Один доставляет землю и капитал, другой — знание и труд. Но на хорошо обработанной и плодородной почве рента имеет теперь наименьшее значение. Процент на свои деньги, или свой доход, человек должен исчислять на ту *сумму, которую он может вложить в виде капитала и годовой затраты своего труда»* (там же, стр. 34). [XII—580b]

[2) НАТАНИЕЛ ФОРСТЕР О ВРАЖДЕ МЕЖДУ ЗЕМЕЛЬНЫМИ СОБСТВЕННИКАМИ И ПРОМЫШЛЕННИКАМИ]

[XIII—670a] «*Земельные собственники* и *промышленники* вечно враждуют между собой и завидуют выгодам друг друга» *([Forster, Nathaniel.]* An Enquiry into the Causes of the Present High Price of Provisions etc. London, 1767, стр. 22, примечание). [XIII—670a]

[3) ВЗГЛЯД ГОПКИНСА НА СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ РЕНТОЙ И ПРИБЫЛЬЮ]

[XIII — 669b] У *Гопкинса* (посмотреть то место, где говорится об этом*) *земельная рента* наивно рассматривается как первоначальная форма прибавочной стоимости, а прибыль — как нечто производное от нее.

Гопкинс пишет:

«Когда... производители были одновременно и земледельцами и мануфактуристами, земельный собственник получал в качестве *земельной ренты* стоимость, равную 10 ф. ст. Предположим, что одна половина этой ренты уплачивалась в сырых продуктах, а другая половина — в промышленных изделиях. После *разделения* производителей на два класса (земледельцев и мануфактуристов) это могло бы так продолжаться и дальше. Однако на практике для земледельцев оказалось бы более удобным *вносить* земельным собственникам *всю ренту* и начислять ее на свой продукт при обмене его на продукт труда мануфактуристов с тем, чтобы справедливо распределить этот платеж между обоими классами и чтобы заработная плата и прибыль оставались на одном уровне и там и тут» *(Th. Hopkins.* Enquiries relative to the Laws which Regulate Rent, Profit etc. London, 1822, стр. 26). [XIII—669b]

* См. настоящий том, часть II, стр. 51. *Ред.*

[4) КЭРИ, МАЛЬТУС И ДЖЕМС ДИКОН ЮМ ОБ УЛУЧШЕНИЯХ В ЗЕМЛЕДЕЛИИ]

[XI—490a] «Надо отметить, что собственника земли и фермера мы всегда рассматриваем как *одно и то же лицо...* Так обстоит дело в Соединенных Штатах» *(H. C. Carey.* The Past, the Present, and the Future. Philadelphia, 1848, стр. 97).

«Человек всегда переходит от бедной почвы к лучшей, а затем возвращается назад к первоначальной бедной почве и перепахивает мергель или известь, и такие переходы постоянно повторяются... И на каждом этапе этого пути человек создает все лучшую и лучшую машину[*]... Капитал может вкладываться в земледелие с *большей* выгодой, чем в *машины,* потому что машины одного и того же рода обладают *всего лишь одинаковой* эффективностью, тогда как продуктивность земли все больше *повышается...* Выигрыш от применения паровой машины состоит в том, что она сберегает заработную плату за труд по превращению, скажем, шерсти в сукно — *минус* убыток от изнашивания машины. Между тем труд, прилагаемый к обработке почвы, производит заработную плату *плюс* выгоды от улучшения земли-машины... Поэтому участок земли, приносящий ежегодно 100 ф. ст. дохода, продается дороже, чем паровая машина, приносящая такой же доход... Покупатель земельного участка знает, что земля эта оплатит ему заработную плату и процент плюс увеличение стоимости этого участка земли в результате его использования. А покупатель паровой машины знает, что она оплатит ему заработную плату и процент минус уменьшение стоимости этой паровой машины в результате ее использования. Первый покупает такую машину, которая улучшается по мере пользования ею; второй — такую машину, которая ухудшается по мере пользования ею... Земля представляет собой такую машину, на которую новый капитал и труд могут затрачиваться со все возрастающей выгодой, тогда как на паровую машину такого рода затраты, приносящие всё возрастающий доход, сделаны быть не могут» (там же, стр. 129—131).

[*] Имеется в виду земля, подвергшаяся обработке и мелиорации. *Ред.*

* * *

Даже те улучшения в земледелии, которые приводят к уменьшению издержек производства и в конечном счете к падению цен, а на первых порах — пока цены еще не упали — вызывают временное повышение сельскохозяйственной *прибыли,*

«почти всегда *увеличивают в конце концов ренту.* Тот *увеличенный капитал,* который вкладывается в земледелие в результате представившейся возможности получать большие временные прибыли, *в большинстве случаев не может быть целиком извлечен из арендованной земли по истечении срока аренды,* а *при возобновлении арендного договора* земельный собственник получает от этих капиталовложений выгоду в виде *увеличения своей ренты»* (*Malthus.* An Inquiry into the Nature and Progress of Rent etc. London, 1815 [стр. 25—26]).

* * *

«Если до высоких цен на хлеб, преобладавших в последние годы, пахотная земля, как правило, приносила лишь *небольшую ренту* главным образом по причине *общепризнанной необходимости частых паров,* то теперь следует опять уменьшить размер ренты, чтобы можно было вернуться к той же системе парования» *(J. D. Hume.* Thoughts on the Corn Laws etc, London, 1815, стр. 72). [XI—490a]

[5) ГОДСКИН И АНДЕРСОН О РОСТЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ТРУДА]

[XIII—670a] «По мере того как народонаселение увеличивается, для снабжения человека предметами питания оказывается достаточной все меньшая и меньшая земельная площадь» *([Hodgskin, Thomas.]* The Natural and Artificial Right of Property Contrasted etc. London, 1832, стр. 69). (Это сочинение Годскина вышло анонимно.)

То же самое до Годскина говорил *Андерсон*[*]. [XIII—670a]

[*] См. настоящий том, часть II, стр. 154—155. *Ред.*

[6)] УМЕНЬШЕНИЕ НОРМЫ ПРИБЫЛИ

[XIII — 670а] Прибыль более крупного капитала, применяющего больший постоянный капитал (машины, сырье), — так как она распределяется на такой совокупный капитал, в котором применяемый живой труд составляет пропорционально менее значительную часть совокупного капитала, — является [по своей норме] меньшей, чем меньшая [по своей массе] прибыль, создаваемая живым трудом, составляющим пропорционально более значительную часть менее крупного совокупного капитала. [Относительное] уменьшение переменного капитала и относительное увеличение постоянного капитала, хотя обе эти части капитала возрастают, представляют собой лишь иное *выражение для увеличившейся производительности труда.* [XIII—670а]

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Закончив обширную главу «Теории о производительном и непроизводительном труде», входящую в раздел о Смите, и написав еще три главы, имеющие характер дополнений к разделу о физиократах (о Неккере, об «Экономической таблице» Кенэ и о Ленге), — Маркс, согласно своему плану, должен был перейти к работе над разделом о Рикардо. Однако к этой работе Маркс перешел не сразу. После главы о Ленге он начал писать главу о Брее, — очевидно, в связи с упоминанием в главе «Ленге» о «немногих социалистических писателях», о которых Маркс намеревался говорить «в дальнейшем» (см. настоящий том, часть I, стр. 347). В соответствии с этим Маркс в оглавлении-плане X тетради зачеркивает в заголовке главы *«f»* (этот заголовок непосредственно следует за заголовком главы *«e»* Ленге») первоначально написанное слово «Рикардо» и пишет вместо него — «Брей» (см. там же, стр. 4). Однако глава о Брее осталась незаконченной. Впоследствии Маркс решил перенести разбор взглядов Брея в главу о пролетарских противниках политико-экономов (см. третью часть настоящего тома).

Приступив к работе над главой о Брее, Маркс намеревался начать раздел о Рикардо со следующей главы — *«g»*. По и на этот раз имя Рикардо в оглавлении было зачеркнуто, и в качестве главы «*g*» появилось «Отступление», озаглавленное «Господин Родбертус. Новая теория земельной ренты».

Над главой о Родбертусе Маркс работал в июне 1862 г. В письме Лассаля к Марксу от 9 июня 1862 г. Лассаль просил в ближайшее время вернуть ему одолженную им Марксу книгу Родбертуса о земельной ренте. Это обстоятельство, очевидно, послужило для Маркса внешним поводом к тому, чтобы немедленно приняться за работу над главой о Родбертусе. Но имелись и серьезные внутренние основания, из которых вытекала необходимость дать прежде всего критический анализ родбертусовской теории земельной ренты.

Как видно из переписки Маркса, он к этому времени достиг уже полной ясности в вопросе о том, в чем именно состоит ошибочность рикардовской теории земельной ренты. Маркс считал одним из коренных недостатков теории ренты Рикардо отсутствие в ней понятия

абсолютной ренты. С попыткой развить это понятие выступил Родбертус в своем третьем «Социальном письме» к фон Кирхману. Прежде чем приступить к специальному разбору рикардовской теории ренты, Маркс подверг в настоящем «Отступлении» развернутому критическому анализу эту попытку Родбертуса. — *3.*

[2] Маркс имеет в виду свою направленную против Прудона работу «Нищета философии» (§ IV второй главы, озаглавленный «Земельная собственность или земельная рента»). См. настоящее издание, т. 4, стр. 168—178, особенно стр. 171—173 и 177. — *9.*

[3] Имеется в виду книга: J. Wade. «History of the Middle and Working Classes». London, 1833. — *9.*

[4] В рукописи здесь стоит слово «Rohmaterial» («сырой материал»). Во всех остальных случаях Маркс в своей рукописи 1861—1863 годов употребляет термин «сырой материал» в том более узком его значении, которое сформулировано в 5-й главе I тома «Капитала», — в смысле такого предмета труда, который «уже претерпел известное изменение при посредстве труда» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 190). Так как в данном месте, судя по всему контексту, речь идет о предмете труда в самом широком смысле слова, т. е. в первую очередь о таком предмете труда, который не является продуктом труда, а дан природой, то можно предположить, что слово «Rohmaterial» является опиской, и вместо него должно стоять слово «Arbeitsgegenstand» («предмет труда»). Соответственно этому и сделан перевод данной фразы. — *12.*

[5] В IV тетради своей рукописи 1861—1863 годов (стр. 149 и следующие) Маркс называет *«первым разделением труда»* разделение труда внутри общества между независимыми друг от друга товаропроизводителями, а *«вторым, разделением труда»* — разделение труда внутри капиталистического предприятия, в особенности внутри мануфактурной мастерской. Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 363—372. — *14.*

[6] Маркс цитирует здесь книгу: T. C. Banfield. «The Organization of Industry». Second edition, London, 1848, p. 40, 42. — *14.*

[7] Под термином *«средняя цена»* («Durchschnittspreis») Маркс понимает здесь то же самое, что под термином «цена производства», т. е. издержки производства *(c + v)* плюс средняя прибыль. Самый термин «средняя цена» указывает на то, что здесь имеется в виду «средняя рыночная цена за более или менее продолжительный период, или та центральная точка, к которой тяготеет рыночная цена», как Маркс разъясняет в дальнейшем, на стр. 348 второй части настоящего тома. Впервые этот термин встречается у Маркса на стр. 71 первой части настоящего тома. — *16.*

[8] О том различии между *временем производства* и *рабочим временем,* которое имеет место, в частности, в земледелии, и о связанных с этим особенностях развития капитализма в земледелии Маркс писал в своей рукописи 1857—1858 годов (см. K. Marx. «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie». Moskau, 1939, S. 560—562). Понятие периода производства (в смысле периода, охватывающего, кроме рабочего времени, также и то время, в течение которого предмет труда подвергается воздействию только естественных процессов природы)

подробно развито Марксом во втором томе «Капитала», отдел второй, глава 13. — *19.*

[9] Эта характеристика капиталистов как конкурентов-врагов и вместе с тем и «собратьев» получила у Маркса свое обоснование в III томе «Капитала». Исследовав процесс выравнивания нормы прибыли, при котором «каждый отдельный капиталист точно так же, как и совокупность всех капиталистов каждой отдельной сферы производства, участвует в эксплуатации всего рабочего класса всем капиталом и обусловливает своим участием определенную стопень этой эксплуатации» (см. настоящее издание, т. 25, ч. I, стр. 215), Маркс пишет: «... мы имеем здесь математически точное объяснение того, почему капиталисты, обнаруживая столь мало братских чувств при взаимной конкуренции друг с другом, составляют в то же время поистине масонское братство в борьбе с рабочим классом как целым» (там же, стр. 217). — *21.*

[10] Под *«этой книгой»* Маркс подразумевает книгу «О капитале» — первую и самую основную из тех шести книг, на которые он в 1858—1862 годах предполагал расчленить весь свой экономический труд (см. настоящее издание, т. 13, стр. 5 и 11). — *22.*

[11] P. J. Stirling. «The Philosophy of Trade; or. Outlines of a Theory of Profits and Prices». Edinburgh, 1846, p. 209—210. — *25.*

[12] О вульгарной концепции Кэри, рассматривавшего земельную ренту как процент на вложенный в земледелие капитал, Маркс пишет в последующем (см. настоящий том, часть II, стр. 149—150, 154 и 175), а также в III томе «Капитала» (см. настоящее издание, т. 25, ч. II, стр. 171 и 335). — *26.*

[13] О концепции монопольной цены земледельческих продуктов у Бьюкенена Маркс говорит ниже, на стр. 174, 365 и 426—427 второй части настоящего тома. Анализ взглядов Гопкинса на земельную ренту Маркс дает на стр. 143—150 второй части настоящего тома. — *26.*

[14] Маркс цитирует книгу: G. Opdyke. «A Treatise on Political Economy», New York, 1851, p. 60. — *26.*

[15] Имеется в виду книга: F. W. Newman. «Lectures on Political Economy». London, 1851, p. 155. — *31.*

[16] Далее в рукописи содержится набросок, в котором Маркс приводит пример с возделывателем хлопка, прядильщиком и ткачом. От вопроса о прибыли, получаемой каждым из них в отдельности, Маркс переходит к рассмотрению вопроса о размерах прибыли при предположении, что *ткач является вместе с тем также и возделывателем хлопка и прядильщиком.* Однако написанное не удовлетворило Маркса, он прервал начатый набросок, перечеркнул его и вслед за этим дал приводимую в тексте уточненную формулировку своей мысли. — *43.*

[17] Маркс имеет в виду обширный экскурс о Дж. Ст. Милле, содержащийся в VII и VIII тетрадях (стр. 319—345 рукописи). В соответствии с оглавлением «Теорий прибавочной стоимости», составленным Марксом, и с его указанием в тексте VII тетради рукописи (стр. 319) раздел о Дж. Ст. Милле перенесен в настоящем издании в третью часть

«Теорий», в главу о разложении рикардианской школы. В отведенном для Дж. Ст. Милля 7-м параграфе этой главы страницы 332—334 рукописи Маркса посвящены выяснению вопроса о том, влияет ли на норму прибыли соединение в руках одного капиталиста производства готового продукта с производством постоянного капитала для этого продукта. — *43.*

[18] Маркс имеет в виду ту часть своего исследования, которая впоследствии выросла в третий том «Капитала». — *44.*

[19] Маркс ссылается на свою XII тетрадь выписок по политической экономии. На обложке тетради рукой Маркса написано: «Лондон, 1851 г., июль». На стр. 14 этой тетради выписано то место из книги Гопкинса «Economical Enquiries relative to the Laws which Regulate Rent, Profit, Wages, and the Value of Money» (London, 1822), которое имеет здесь в виду Маркс и которое он в дальнейшем приводит на обложке XIII тетради рукописи «Теории прибавочной стоимости» (стр. 669b). В настоящем издании это место дано в «Приложениях» ко второй части (см. настоящий том, часть II, стр. 654). — *51.*

[20] О «важности дешевизны или дороговизны сырья для промышленности, обрабатывающей это сырье», Маркс говорит в упомянутом в примечании 17 обширном экскурсе о Дж. Ст. Милле (стр. 335—339 рукописи), который, в соответствии с указаниями Маркса, перенесен в настоящем издании в третью часть «Теорий прибавочной стоимости», в главу о разложении рикардианской школы. — *62.*

[21] T. R. Malthus. «Principles of Political Economy». 2nd edition, London, 1836, p. 268. Это высказывание Мальтуса Маркс приводит и разбирает в главе «Т. Р. Мальтус» в третьей части «Теорий прибавочной стоимости» (стр. 765—766 рукописи). — *65.*

[22] Маркс имеет в виду пример, приведенный им на страницах 335—336 его рукописи, в обширном экскурсе о Дж. Ст. Милле, о котором говорилось в примечаниях 17 и 20. — *74.*

[23] В эту цитату из Родбертуса Маркс внес те «соответствующие изменения», которые вытекают из того — упускаемого из виду Родбертусом — обстоятельства, что стоимость машин и других средств производства с такой же необходимостью входит в продукт земледелия, с какой в продукт промышленности, обрабатывающей сельскохозяйственное сырье, входит стоимость этого сырья. В том виде, в каком это место дано у Родбертуса, оно приведено Марксом выше (см. настоящий том, часть II, стр. 54 и 55). Термин *«машинная стоимость»* («Maschinenwert») не без иронии составлен Марксом по аналогии с родбертусовским термином «Materialwert» («стоимость материала»). Все принадлежащие Марксу слова напечатаны в тексте цитаты разрядкой. — *81.*

[24] В рукописи далее следует коротенькая вставка о капитале как «легализованном отражении чужого труда», которая заключена у Маркса в квадратные скобки и снабжена указанием на то, что ее надлежит перенести в другое место, как нарушающую непосредственную связь

изложения. В настоящем издании эта вставка помещена выше, на стр. 26 второй части настоящего тома, в виде подстрочной сноски.— *98.*

[25] В этом абзаце, где Маркс еще только приступает к исследованию вопроса о зависимости суммы ренты (абсолютной и дифференциальной) от относительного плодородия почвы, он пользуется предварительным допущением, что сумма ренты прямо пропорциональна плодородию почвы (в том смысле, что если какой-нибудь разряд почвы на $^{1}/_{5}$ плодороднее другого, то и сумма ренты с этого разряда тоже на $^{1}/_{5}$ больше суммы ренты, получаемой с менее плодородного разряда). В дальнейшем исследовании Маркс уже не пользуется этим допущением и дает уточненную формулировку зависимости суммы ренты от относительного плодородия почвы.

Если в соответствии с этими последующими разъяснениями Маркса подсчитать сумму ренты для разрядов II, III и IV, исходя из количества квартеров, приносимых этими разрядами и продаваемых по общей для всех разрядов цене в $^{1}/_{3}$ ф. ст. за квартер, то для II разряда мы получим 34 ф. ст., для III — $62^{4}/_{5}$ ф. ст., для IV — $97^{9}/_{25}$ ф. ст. Расчет производится следующим образом: так как II разряд на $^{1}/_{5}$ плодороднее чем I, то он приносит 360 + 72, т. е. 432 квартера, продаваемые за $^{432}/_{3}$ ф. ст., т. е. за 144 ф. ст.; из них 110 ф. ст. составляют издержки производства плюс средняя прибыль; на земельную ренту (абсолютную и дифференциальную) остается 34 ф. ст. И точно так же производится расчет для разрядов III и IV.

Уточненный метод исчисления суммы ренты широко применен Марксом в главе XII («Таблицы дифференциальной ренты с пояснениями»), но этот метод намечен уже и в настоящей, VIII главе. Так, на стр. 109, где Маркс сперва повторяет приводимую на стр. 101 цифру $17^{7}/_{25}$ ф. ст. для суммы ренты с разряда IV и дает цифру $7^{7}/_{25}$ ф. ст. для дифференциальной ренты с того же разряда, он затем намечает и правильный путь для определения дифференциальной ренты с разряда IV, а именно — $207^{9}/_{25}$ ф. ст. минус 120 ф. ст., т. е. $87^{9}/_{25}$ ф. ст. Если к этой величине прибавить 10 ф. ст. абсолютной ренты, то для совокупной ренты с разряда IV получится величина $97^{9}/_{25}$ ф. ст., полностью соответствующая последующим выводам Маркса. — *101.*

[26] На страницах 78—79 второго тома своего труда «Cours d'economie politique», St.-Petersbourg, 1815, Шторх пишет: «Рента самых плодородных земель определяет размер ренты всех других земель, находящихся в конкуренции с самыми плодородными землями. До тех пор пока продукта самых плодородных земель достаточно для удовлетворения спроса, менее плодородные земли, конкурирующие с самыми плодородными, не могут обрабатываться или, по крайней мере, не дают ренты. Но как только спрос начинает превышать то количество продукта, которое могут доставлять плодородные земли, цена продукта повышается, и становится возможным обрабатывать менее плодородные земли и получать с них ренту». Об этом взгляде Шторха Маркс говорит также в III томе «Капитала» (в главах 10 и 39). — *102.*

[27] О том, что в вопросе о рыночной стоимости земледельческих продуктов был прав и Рикардо и Шторх и что в то же время оба они были неправы, так как «совершенно упустили из виду средний случай», Маркс пишет в примечании 30-м к 10-й главе III тома «Капитала». — *106.*

[28] О двоякого рода расчетах в этом примере см. примечание 25. — *109.*

[29] Маркс здесь отвлекается от прибыли, приходящейся на авансированный в разрядах I, II, III и IV земледельческий капитал. Если в разряде I капитал в 100 ф. ст. производит 330 бушелей по 6 шилл. 8 пенсов (или по $^1/_3$ ф. ст.) за бушель, то стоимость совокупного продукта этого разряда равна 110 ф. ст., а так как из них 10 ф. ст. приходятся на ренту, то для прибыли ничего уже не остается. Точно так же и для стоимости совокупного продукта всех четырех разрядов при затрате в каждом из них 100 ф. ст. получается сумма в 500 ф. ст., состоящая только из возмещения затраченного капитала (400 ф. ст.) и суммы земельных рент в разрядах I, II, III и IV, составляющей 100 ф. ст. (10 + 20 + 30 + 40). — *113.*

[30] Увеличение *высоты* (нормы) ренты в результате появления дифференциальных рент, уплачиваемых капиталами, применяемыми на более плодородных почвах, является «только кажущимся» в том смысле, что оно основано на «ложной социальной стоимости», о которой более подробно Маркс говорит в 39-й главе III тома «Капитала» (см. настоящее издание, т. 25, ч. II, стр. 212—213). Как Маркс поясняет в дальнейшем тексте, капиталист, арендующий более плодородную землю, продает свой продукт по цене продукта менее плодородной земли, «как если бы для производства того же количества продукта ему был нужен тот же капитал», что и на менее плодородной земле. — *113.*

[31] Числа 90, 80 и 70 Маркс, по-видимому, берет как разности между капиталами, вложенными в разрядах II, III и IV, и приносимыми ими дифференциальными рентами (во II разряде капитал в 100 ф. ст. приносит 10 ф. ст. дифференциальной ренты, в III разряде — 20 ф. ст., в IV разряде — 30 ф. ст.). Если произвести точный расчет, исходя из того, что продукт разряда II равен 360 бушелям, продукт разряда III — 390 бушелям и продукт разряда IV — 420 бушелям, то числа получатся такие: $91^2/_3$ ф. ст., $84^8/_3$ ф. ст. и $78^4/_7$ ф. ст. — *113.*

[32] В рукописи этот абзац, заключенный Марксом в скобки, находится двумя абзацами ниже (на той же 494-й странице), вклиниваясь в небольшой исторический экскурс о взглядах Петти и Давенанта на изменение величины земельной ренты. По своему содержанию заключенный в скобки абзац примыкает к предыдущим рассуждениям Маркса о соотношении между производительностью земледелия и производительностью промышленности. — *117.*

[33] Маркс имеет в виду работу Андерсона «An Inquiry into the Nature of the Corn Laws; with a view to the new Corn-Bill proposed for Scotland», Edinburgh, 1777. — *119.*

[34] Речь идет о сочинении Адама Смита «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations», London, 1776. — *119.*

[35] *Британский музей* — английский национальный музей (учрежден в 1753 г.), находится в Лондоне. Важнейшую часть музея составляет его библиотека, которая является одной из самых крупных в мире. В библиотеке Британского музея работали Маркс и Энгельс. В мае — июне 1908 г. в ней работал В. И. Ленин. Репродукцию английской

гравюры, изображающей читальный зал Британского музея, каким он был в середине XIX в., см. в настоящем томе, часть I, между стр. 384—385. — *119.*

[36] Речь идет о предисловии Рикардо к первому изданию его книги «On the Principles of Political Economy, and Taxation». См. D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition, London, 1821, p. VI— VII. — *120.*

[37] [Th. R. Malthus.] «An Essay on the Principle of Population». London, 1798. — *120.*

[38] Маркс имеет в виду книгу Таунсенда «A Dissertation on the Poor Laws» (London, 1786), которую он цитирует в III тетради своей рукописи 1861—1863 годов (стр. 112—113), в разделе «Абсолютная прибавочная стоимость». Все три цитаты, приведенные там Марксом, даются также в 23-й главе I тома «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 661). — *120.*

[39] См. примечание 37. — *124.*

[40] Имеются в виду брошюры Мальтуса «The Grounds of an Opinion on the Policy of Restricting the Importation of Foreign Corn» и «An Inquiry into the Nature and Progress of Rent». — *124.*

[41] Имеется в виду хлебный закон 1815 года, запрещавший импорт хлеба в Англию до тех пор, пока цена хлеба в самой Англии оставалась ниже 80 шилл. за квартер. — *124.*

[42] Намек на немецкого вульгарного экономиста Рошера, профессора Лейпцигского университета. — *126.*

[43] Под именем *Абрагама а Санта Клара* известен австрийский проповедник и литератор Ульрих Мегерле (1644—1709), стремившийся пропагандировать католицизм в доходчивой для широкой публики форме и выступавший с «душеспасительными» проповедями и нравоучительными сочинениями, составленными в якобы народном стиле. — *126.*

[44] В рукописи далее следует коротенькая вставка, в которой Маркс противопоставляет взгляд Рикардо на уровень заработной платы взгляду Мальтуса по этому вопросу. Эта вставка помещена выше, на стр. 126 второй части настоящего тома, в виде подстрочной сноски. — *127.*

[45] Маркс имеет в виду работу Мак-Куллоха «The Literature of Political Economy: a Classified Catalogue of Select Publications in the Different Departments of that Science, with Historical, Critical, and Biographical Notices», London, 1845. — *127.*

[46] Маркс называет Рошера именем крупнейшего древнегреческого историка Фукидида в связи с тем, что «господин профессор Рошер скромно объявил себя Фукидидом политической экономии», как пишет Маркс в III части «Теорий прибавочной стоимости» (стр. 922 рукописи Маркса).

Нескромная ссылка Рошера на Фукидида содержится в предисловии к его «Grundlagen der Nationalokonomie».

Наименование «Фукидид Рошер» имеет сугубо иронический характер: Рошер, как показывает Маркс в настоящей главе и в ряде других мест, грубо искажал как историю экономических отношений, так и историю экономических теорий. — *128.*

[47] Имеются в виду вышедшие в 1815 году в Лондоне работы Уэста «Essay on the Application of Capital to Land, with Observations shewing the Impolicy of any great Restriction of the Importation of Corn» и Рикардо «An Essay on the Influence of a Low Price of Corn on the Profits of Stock; shewing the Inexpediency of Restrictions on Importation». — *129.*

[48] W. Roscher. «System der Volkswirthschaft». Band I: «Die Grundlagen der Nationalokonomie». Dritte, vermehrte und verbesserte Auflage. Stuttgart und Augsburg, 1858, S. 191. — *130.*

[49] Маркс имеет в виду книгу Гопкинса «Economical Enquiries relative to the Laws which Regulate Rent, Profit, Wages, and the Value of Money», London, 1822. Соответствующее место из этой книги приводится Марксом ниже (см. настоящий том, часть II, стр. 150). — *132.*

[50] В дальнейшем тексте «Теорий прибавочной стоимости» Маркс к разбору этих взглядов Рошера не вернулся. Но в третьей части «Теорий», в главе «Разложение рикардианской школы», Маркс дает развернутую критику аналогичных вульгарных взглядов Мак-Куллоха, сложившихся — так же как и взгляды Рошера — под сильным влиянием той апологетической концепции «производительных услуг», которую выдвинул Ж. Б. Сэй и о которой Маркс говорит в следующем абзаце. В I томе «Капитала» Маркс касается взгляда Рошера на природу, как на один из источников стоимости, в примечании 22-м к 6-и главе. См. также III том «Капитала», глава 48 (настоящее издание, т. 25, ч. II, стр. 393—394). — *139.*

[51] Об *«огораживании»* общинных земель в Англии Маркс говорит более подробно в 24-й главе I тома «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 736—739). — *152.*

[52] Речь идет о мальтусовской теории народонаселения. — *154.*

[53] Приводимые здесь слова принадлежат итальянцу Камилло Тарелло де Леонато (XVI в.), к мнению которого по данному вопросу Андерсон полностью присоединяется. — *154.*

[54] Приведенное Марксом место из Андерсона представляет собой часть цитируемого Мак-Куллохом большого отрывка из книги Андерсона «An Inquiry into the Nature of the Corn Laws» (Edinburgh, 1777), где весь этот отрывок занимает страницы 45—48. — *156.*

[55] Под *«плодородием почвы»* Маркс понимает здесь общую сумму ренты, получаемой с этой почвы. — *159.*

[56] J. Mill, «Elements of Political Economy». London, 1821, p. 198. — *163.*

[57] В I томе «Капитала», в главе 24-й, Маркс пишет о том, что между 1801 и 1831 гг. у сельского населения Англии были отняты и «подарены лендлордам парламентом, состоящим из лендлордов», 3511770 акров общинной земли (см. настоящее издание, т. 23, стр. 739), — *168.*

[58] См. настоящее издание, т. 4, стр. 170. — *170.*

[59] Там же, стр. 173. — *170.*

[60] Там же, стр. 176. — *170.*

[61] Там же, стр. 170—171. — *170.*

[62] Под *«сельскохозяйственными машинами»* Родбертус понимает здесь различные по своему плодородию разряды почвы. Сравнение почв с машинами различной эффективности Родбертус заимствовал у Мальтуса. — *170.*

[63] Во II части «Теорий прибавочной стоимости» термин *«цена издержек»* («Kostenpreis» или «Kostpreis», «cost price») употребляется Марксом в смысле *цены производства,* или «средней цены» ($c + v$ + средняя прибыль). О термине «средняя цена» см. примечание 7.

Впервые термин «Kostenpreis» встречается у Маркса на стр. 72 первой части настоящего тома, но там он употреблен в смысле «имманентных издержек производства» товара *($c + v + m$),* которые совпадают со стоимостью товара.

В III части «Теорий прибавочной стоимости» термин «Kostenpreis» употребляется Марксом то в смысле цены производства (в этих случаях он переводится словами «цена издержек»), то в смысле издержек производства для капиталиста, т. е. в смысле $c + v$ (в этих случаях он переводится словами «издержки производства»).

Троякое употребление термина «Kostenpreis» объясняется тем, что слово «Kosten» («издержки», «издержки производства») в экономической науке употреблялось в трех различных значениях, как это специально отмечает Маркс в III части «Теорий прибавочной стоимости» (стр. 788—790 и 928 рукописи 1861—1863 годов): 1) в смысле того, что авансировано капиталистом, 2) в смысле цены авансированного капитала плюс средняя прибыль и 3) в смысле реальных (или имманентных) издержек производства для самого товара.

Кроме этих трех значений, встречающихся у классиков буржуазной политической экономии, имеется еще четвертое, вульгарное значение термина «издержки производства», в котором его употребляет Ж. Б. Сэй, определяющий «издержки производства» как «то, что уплачивается за производительные услуги труда, капитала и земли.) (J. B. Say. «Traite d'economie politique». Seconde edition. Tome II, Paris, 1814, p. 453). Это вульгарное понимание «издержек производства» Маркс решительно отвергает (см., например, настоящий том, часть II, стр. 140, 233 и 521). — *173.*

[64] Цитата взята из одного из подстрочных примечаний Бьюкенена к его изданию «Богатства народов» А. Смита (Adam Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». In three volumes. With notes, and additional volume, by David Buchanan. Vol. II, Edinburgh, 1814, p. 55). Это рассуждение Бьюкенена приводится во 2-й главе «Principles» Рикардо (в сноске). — *174.*

[65] D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition. London, 1821, p. 1—12. — *177.*

[66] J. B. Say. «Traite d'economie politique». Cinquieme edition. Tome I, Paris, 1826, p. LXXXIII—LXXXIV. Или J. B. Say. «Traite d'economie politique». Sixieme edition. Paris, 1841, p. 41. — *179.*

[67] Маркс относит в книге Рикардо к числу глав, трактующих о налогах, кроме 12 глав (VIII—XVIII и XXIX), где речь идет о налогах в собственном смысле слова, еще две главы — XXII и XXIII («Премии за вывоз и запрещение ввоза» и «Премии за производство»), в которых также затрагиваются вопросы обложения: по теории Рикардо, премии выплачиваются из фонда, образуемого теми или иными налогами с населения. — *179.*

[68] См. примечание 18. — *182.*

[69] Под «жизненными средствами, которые входят в *потребление вообще»,* Маркс имеет здесь в виду, с одной стороны, все средства индивидуального потребления, а с другой — те вспомогательные материалы, которые являются средствами производственного потребления для машин (уголь, смазочное масло и т. д.). — *187.*

[70] О понятиях *«время производства»* и *«рабочее время»* см. примечание 8. — *192.*

[71] Средняя прибыль составит $20\frac{5}{26}\%$ в том случае, если затраченные фермером и фабрикантом капиталы равны. Если же учесть различие в величине затраченных капиталов — 800 ф. ст. у фермера и 1300 ф. ст. у фабриканта (всего 2100 ф. ст.), — то при совокупной прибыли обоих, равной 400 ф. ст., средняя прибыль составит $\frac{400 \times 100}{2100} = 19\frac{1}{21}\%$ — *201.*

[72] О взглядах Мальтуса, Торренса, Джемса Милля и Мак-Куллоха см. соответствующие разделы третьей части настоящего тома. — *206.*

[73] В английском *квартере* (мера сыпучих тел, равная 290,9 литра) 8 *бушелей. — 217.*

[74] Под «численностью или пропорциональным соотношением величин» различных групп предпринимателей Маркс понимает здесь количество продукции, доставляемое на рынок каждой из этих групп. — *221.*

[75] Маркс имеет в виду книгу Корбета «An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals; or the Principles of Trade and Speculation Explained» (London, 1841), в которой Корбет утверждает, что в промышленности цена регулируется товарами, производимыми при наилучших условиях, причем, по его мнению, именно эти товары и составляют преобладающую массу всех товаров данного рода (стр. 42—44). — *221.*

[76] Выше, на стр. 128 второй части настоящего тома, Маркс привел цитату из книги Рошера «Die Grundlagen der Nationalokonomie», свидетельствующую о полнейшей путанице во взглядах Рошера на борьбу вокруг

андерсеновской теории земельной ренты и на «антагонизм между денежными людьми и земельными собственниками». — *227.*

[77] Предполагается, что 10% представляют собой среднюю норму прибыли в данной местности. — *237.*

[78] Маркс имеет в виду книгу Джемса Стюарта «An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy», vol. I, Dublin, 1770, где изображается процесс перехода от натурального, в основном, хозяйства английской деревни к товарному и капиталистическому хозяйству, сопровождавшийся превращением земледелия в одну из отраслей капиталистического предпринимательства, интенсификацией труда в сельском хозяйстве и экспроприацией сельского населения. Выражение Стюарта «люди начинают ценить время» содержится на стр. 171 первого тома указанной книги. Оно, вместе с другими цитатами из Стюарта, приводится Марксом также в его экономической рукописи 1857—1858 годов (см. K. Marx. «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie». Moskau, 1939, S. 742). — *250.*

[79] Маркс имеет в виду книгу Хюльмана «Stadtewesen des Mittelalters», Theile 1—4, Bonn, 1826—1829. — *253.*

[80] Положение о том, что вся сумма ренты (абсолютная рента и дифференциальная рента, вместе взятые) равна разности между рыночной стоимостью и ценой издержек, более подробно рассматривается Марксом в дальнейшем (см. настоящий том, часть II, стр. 319). — *278.*

[81] Величина $^{16}/_{65}$ ф. ст. получается в результате вычитания индивидуальной стоимости тонны угля III, составляющей $1^{3}/_{5}$ ф. ст., из новой рыночной стоимости тонны угля, равной $1^{11}/_{13}$ ф. ст. — *278.*

[82] Предыдущие примеры Маркса касались не земледелия, а эксплуатации угольных шахт различной продуктивности. Но все сказанное об этих шахтах применимо также и к земледелию на землях различного плодородия. — *279.*

[83] *Дифференциальной стоимостью* (Differentialwert) Маркс, как он поясняет это ниже (см. настоящий том, часть II, стр. 290), называет разность между рыночной стоимостью и индивидуальной стоимостью. Дифференциальную стоимость Маркс определяет по отношению к единице продукта, дифференциальную ренту — по отношению ко всему произведенному в данном разряде продукту. Если рыночная стоимость единицы продукта больше, чем индивидуальная стоимость последней, то разность будет положительной величиной; если же она меньше, чем индивидуальная стоимость, то эта разность будет величиной отрицательной. Отсюда знаки + и — в сводной таблице, даваемой Марксом на стр. 574 рукописи (см. вклейку между страницами 292—293 второй части настоящего тома).

В таблицах *C, D* и *E* на стр. 572 рукописи (стр. 282—283 второй части настоящего тома) Маркс ставит знаки + и — перед числами, выражающими (в фунтах стерлингов) величину дифференциальной ренты. Например, в таблице *C,* в графе «Дифференциальная рента», стоит отрицательная величина «$—9^{3}/_{13}$ ф. ст.». Это означает, что в данном случае плодородие разряда I так невелико, что земли этого разряда при существующей рыночной стоимости не только не приносят

никакой дифференциальной ренты, но даже и абсолютная рента падает здесь значительно ниже ее нормальной величины. В случае I *C* абсолютная рента равна всего лишь $^{10}/_{13}$ ф. ст., т. е. она на $9^{3}/_{13}$ ф. ст. ниже ее нормальной величины, составляющей в данном примере 10 ф. ст.

В сводной таблице на стр. 574 рукописи Маркс это же явление отрицательной дифференциальной ренты выражает при помощи отрицательной дифференциальной стоимости, а в графе «Дифференциальная рента» ставит в этих случаях просто цифру «0», означающую здесь отсутствие *положительной* дифференциальной ренты (при наличии в ряде случаев *отрицательной* дифференциальной ренты, которая проявляет себя соответственным уменьшением величины абсолютной ренты, что отражено в графе «Абсолютная рента»). Перенесение отрицательных величин в графу «Дифференциальная стоимость» устраняет то неудобство, которое возникло в таблице *C* на стр. 572 рукописи, когда надо было сложить дифференциальные ренты различных разрядов: в сумму вошли только положительные, со знаком +, дифференциальные ренты, а отрицательная величина «—$9^{3}/_{13}$ ф. ст.» при суммировании дифференциальных рент, во избежание двойного счета, рассматривалась просто как нуль. Поэтому для исчисления отрицательных дифференциальных рент Маркс ввел в свою сводную таблицу особую рубрику: «Дифференциальная стоимость тонны», в которую входят также и отрицательные дифференциальные стоимости. — *283.*

[84] Вслед за этими словами Маркс дает на 573-й странице рукописи сопоставление таблиц *A, B, C* и *D* в их развернутой по всем только что перечисленным рубрикам форме. На следующей, 574-й, странице рукописи Маркс еще раз переписывает, в более стройном виде, все данные таблиц *A, B, C* и *D* и добавляет к ним соответствующие данные таблицы *E.* Получается единая сводная таблица, которая помещена на вклейке между страницами 292—293 второй части настоящего тома. Набросанное Марксом на стр. 573 рукописи сопоставление тех же данных для таблиц *A, B, C* и *D* целиком вошло в сводную таблицу и поэтому в тексте тома отдельно не воспроизводится. — *283.*

[85] Имеется в виду первый выпуск «К критике политической экономии». См. настоящее издание, т. 13, стр. 51. — *285.*

[86] В приводимом Марксом примере в обе составные части авансированного капитала пропорционально в одинаковой мере входит продукт, производство которого зависит от земельной собственности. Маркс допускает здесь, что, несмотря на увеличение постоянного капитала (88*c* вместо 80*c*, вследствие вздорожания сырья) и переменного капитала (22*v* вместо 20*v*, вследствие вздорожания предметов потребления рабочих), рыночная стоимость совокупного продукта осталась по-прежнему равной 120 (в другом примере, рассматриваемом на стр. 303—313 второй части настоящего тома, Маркс, напротив, исходит из изменения рыночной стоимости). В результате этого вздорожания постоянного и переменного капитала при сохранении прежней рыночной стоимости совокупного продукта присваиваемая капиталистом прибавочная стоимость уменьшилась с 20 до 10 и соответственно — на 10 единиц — увеличилась дифференциальная рента, возросшая на более продуктивных участках в связи с переходом к эксплуатации менее продуктивных участков. Таким образом, вновь созданная стоимость, равная по-преж-

нему 40 (так как способ производства остался прежним), подвергается здесь следующему перераспределению: 10 единиц образуют теперь прибавочную стоимость, достающуюся капиталисту, 20 единиц идут на возмещение переменного капитала, а 10 единиц — на увеличение дифференциальной ренты, происшедшее путем увеличения стоимости постоянного капитала на восемь единиц и стоимости переменного капитала — на две единицы.

В дальнейшем, на стр. 684—686 рукописи (стр. 504—508 второй части настоящего тома), Маркс рассматривает аналогичный случай на примере такого земледельческого капитала, продукт которого в своей натуральной форме входит в образование элементов постоянной и переменной части этого капитала. — *300.*

[87] При составлении этого расчета, который сам Маркс в непосредственно следующем абзаце называет «невозможным», Маркс исходил из того, что вновь присоединенный в хлопкопрядении труд равен 40 ф. ст., и ограничился тем, что разбил это количество фунтов стерлингов на необходимый и прибавочный труд в соответствии с предположением о повышении необходимой заработной платы на $^1/_3$. Расчет получился невозможный потому, что в этом случае — при капитале в 100 ф. ст. — нельзя оставлять без изменения прежнее число рабочих (20 человек) и прежнюю сумму вновь присоединяемого ими труда (40 ф. ст.). Раз необходимая заработная плата, согласно предположению, повысилась на $^1/_3$, капитал в 100 ф. ст. уже не может нанимать 20 рабочих, а вынужден сократить их число до $18^3/_4$, как это и принимает Маркс в своих дальнейших выкладках. А изменение в числе рабочих влечет за собой и все другие изменения в расчете, относящемся к случаю II. Расчет этот получается следующим образом. Если раньше 1 рабочий обходился в 1 ф. ст., то теперь он обходится в $1^1/_3$ ф. ст., а 20 рабочих обходятся теперь в $26^2/_3$ ф. ст. Стало быть, чтобы продолжать производство пряжи в прежнем масштабе, требуется капитал в $106^2/_3$ ф. ст., имеющий строение $80c + 26^2/_3v$. В пересчете на 100 ф. ст. строение капитала будет $75c + 25v$. — *310.*

[88] Маркс употребляет здесь, а также иногда в дальнейшем, термин «Produktionskosten» в смысле издержек производства плюс средняя прибыль, т. е. в смысле цены издержек (цены производства). Аналогичное употребление термина «Produktionskosten» встречается и в отдельных местах III тома «Капитала». См. K. Marx. «Das Kapital». 3-ter Band, 2-ter Theil, Hamburg, 1894, S. 192, 213, 271—273 (Русский перевод — в настоящем издании, т. 25, ч. II, стр. 203, 226, 295—297). — *318.*

[89] См. примечание 26. —*318.*

[90] О теории колонизации Уэйкфилда см. К. Маркс. «Капитал». Том I, глава 25. — *328.*

[91] В предыдущей главе Маркс показал, что I разряд в таблице *D* «играет совершенно пассивную роль» (стр. 318): «не он определяет рынок, а это делают, против него, разряды IV, III, II» (стр. 320), которые своим давлением на рынок держат рыночную стоимость продукта на уровне индивидуальной цены издержек продукта I разряда, т. е. на уровне значительно более низком, чем индивидуальная стоимость этого продукта. — *349.*

[92] Под *рыночной ценой издержек* (the market cost-price) Маркс понимает общую цену издержек, регулирующую рыночные цены товаров в определенной сфере производства. Ср. настоящий том, часть II, стр. 132, где рыночная цена издержек фигурирует под названиями *«общая* средняя цена», *«рыночная средняя цена». — 349.*

[93] В последней графе сводной таблицы, напечатанной на стр. 356—357, а также в тексте на стр. 358—359 под *«абсолютной рентой»* Маркс подразумевает *норму* абсолютной ренты. — *358.*

[94] *«The Morning Star»* («Утренняя звезда») — английская ежедневная газета, орган фритредеров; выходила в Лондоне с 1856 по 1869 год. — *360.*

[95] Рикардо называет ренту «созданием стоимости» («a creation of value») в том смысле, что она дает возможность земельным собственникам получать в свое распоряжение тот *прирост стоимости* всего общественного продукта, который, по Рикардо, имеет место в результате возросшей трудности производства той или иной части хлеба и который Рикардо называет «номинальным», поскольку реальное богатство общества от этого ничуть не увеличивается. В 32-й главе своей книги Рикардо подвергает критике взгляд Мальтуса на ренту как на «чистый выигрыш и новое создание богатства» и выдвигает положение о том, что рента ничего не прибавляет к богатству общества в целом, а представляет собой только «перенос части стоимости хлеба и товаров от их прежних владельцев к земельным собственникам».

В более полном виде это место из рикардовских «Principles» цитируется Марксом в дальнейшем — на стр. 610 второй части настоящего тома. Оно послужило отправным пунктом для учения Маркса о «ложной социальной стоимости» (см. настоящее издание, т. 25, ч. II, стр. 212—213). Ср. также примечание 30. — *375.*

[96] Маркс имеет в виду родбертусовское положение о том, что в издержки производства земледельческого продукта не входит стоимость сырья. См. настоящий том, глава VIII, § 4. — *376.*

[97] Эта строка была вписана Марксом уже после того, как он написал отрывок, касающийся взглядов Смита на ренту с домов (стр. 641 рукописи Маркса). — *402.*

[98] Обе цитаты из Смита, содержащиеся в этом отрывке, приводятся Марксом не по французскому переводу Гарнье, по которому Маркс цитирует Смита во второй части настоящего тома, а на английском языке, по книге Рикардо «On the Principles of Political Economy, and Taxation» (издание третье, глава 14-я). — *403.*

[99] Маркс имеет в виду стр. 230 книги Рикардо «On the Principles of Political Economy, and Taxation», third edition, London, 1821. Русский перевод — том I, стр. 170—171. — *403.*

[100] Далее в рукописи идет отрывок, в котором анализируются высказывания Рикардо о его собственном понимании ренты. Этот отрывок, отделенный от предшествующего ему текста чертой, является добавлением к тем главам, в которых рассматривается теория ренты Рикардо; по своему содержанию он относится к главе тринадцатой, где и помещен в настоящем издании (см. стр. 346).

За этим отрывком в рукописи идет заключенное в круглые скобки добавление к тому анализу рикардовской теории цены издержек, который Маркс дает в главе десятой, куда это добавление и перенесено в настоящем издании (см. стр. 233—234). — *410.*

[101] Далее в рукописи (стр. 641) находится отрывок, касающийся взглядов Смята на ренту с домов. Этот отрывок перенесен в настоящем издании в главу четырнадцатую (см. стр. 402—403). — *424.*

[102] Затем в рукописи (конец стр. 642 и начало стр. 643) идет отрывок, касающийся противоположных друг другу изменений в стоимости постоянного и переменного капитала. Этот отрывок, являющийся добавлением к стр. 640—641 рукописи Маркса, помещен на стр. 421—423 второй части настоящего тома. — *425.*

[103] Это определение монопольной цены Рикардо дает в 17-й главе своих «Principles» (издание третье, стр. 289—290; русский перевод — том I, стр. 207). Аналогичное определение монопольной цены, даваемое А. Смитом, приведено Марксом выше, на стр. 384 второй части настоящего тома. — *427.*

[104] Маркс имеет в виду отделы IV и V первой главы книги Рикардо «On the Principles of Political Economy, and Taxation» (third edition), где Рикардо исследует вопрос о влиянии повышения или понижения заработной платы на «относительные стоимости» товаров, производимых капиталами неодинакового органического строения. Подробный критический разбор этих двух отделов Маркс дал на стр. 187—216 второй части настоящего тома. — *431.*

[105] Маркс намечает здесь, в качестве примера, одно из направлений, в каком может происходить процесс приближения органического строения земледельческого капитала к органическому строению промышленного капитала. Исходным пунктом Маркс берет $60c + 40v$ — для земледельческого капитала, $80c + 20v$ — для неземледельческого капитала. Маркс допускает, что вследствие повышения производительности земледельческого труда число рабочих в земледелии сокращается на одну четверть. Изменяется, следовательно, органическое строение земледельческого капитала: на продукт, который раньше требовал затраты капитала в 100 единиц — $60c + 40v$, — теперь требуется затрата всего лишь в 90 единиц капитала — $60c + 30v$, что при пересчете на 100 дает $66^2/_3c + 33^1/_3v$. Таким образом, органическое строение капитала в земледелии приблизилось бы к органическому строению капитала в промышленности.

Маркс делает дальнейшее допущение, что одновременно с сокращением числа земледельческих рабочих происходит еще и понижение заработной платы на одну четверть, обусловленное удешевлением хлеба. В таком случае необходимо допустить, что заработная плата в такой же пропорции понизилась бы также и в промышленности. Однако на земледельческом капитале, имеющем более низкое строение, понижение заработной платы должно отразиться в большей степени, чем на капитале неземледельческом. Это привело бы к новому уменьшению разности между строением капитала в земледелии и строением его в промышленности.

Земледельческий капитал $66^{2}/_{3}c + 33^{1}/_{3}v$ при понижении заработной платы на $^{1}/_{4}$ превращается в капитал $66^{2}/_{3}c + 25v$, что при пересчете на 100 дает $72^{8}/_{11}c + 27^{3}/_{11}v$.

Неземледельческий капитал $80c + 20v$ при понижении заработной платы на $^{1}/_{4}$ превращается в капитал $80c + 15v$, что при пересчете на 100 дает $84^{4}/_{19}c + 15^{15}/_{19}v$.

При дальнейшем сокращении числа рабочих в земледелии и дальнейшем понижении заработной платы органическое строение земледельческого капитала все больше приближалось бы к органическому строению неземледельческого капитала.

Рассматривая этот гипотетический случай, Маркс — чтобы выяснить то влияние, какое рост производительности труда в земледелии оказывает на органическое строение земледельческого капитала,— отвлекается здесь от одновременного, нередко еще более быстрого роста производительности труда в промышленности, который выражается в дальнейшем повышении органического строения промышленного капитала по сравнению с земледельческим. О соотношении между органическим строением капитала в промышленности и в земледелии см. выше, стр. 9—12, 94—95, 106—107, 110, 115—117, 263—264. — *432.*

[106] В нумерации страниц рукописи у Маркса пропущена цифра 649. — *436.*

[107] На следующей (653-й) странице своей рукописи Маркс возвращается к «злорадству» Сэя по поводу ссылки Рикардо на закон предложения и спроса при определении «стоимости труда» средствами существования, необходимыми для содержания рабочего. При этом Маркс ссылается на французский перевод книги Рикардо, сделанный Констансио и снабженный примечаниями Сэя. У Маркса здесь неточность. Сэй в своих примечаниях к тексту Рикардо «злорадствует» по поводу того, что при помощи предложения и спроса Рикардо определяет стоимость *денег.* Соответствующее место из примечаний Сэя Маркс приводит в «Нищете философии» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 116). Оно взято из книги: D. Ricardo. «Des principes de l'economie politique et de l'impot». Traduit de l'anglais par Constancio, avec des notes explicatives et critiques par J. B. Say. Tome II, Paris, 1835, p. 206—207. — *440.*

[108] См. примечание 107. — *442.*

[109] Маркс ссылается на брошюру Джемса Дикона Юма «Thoughts on the Corn-Laws» (London, 1815). Говоря о положении Адама Смита, что «цена труда определяется ценой хлеба», Юм пишет: «Когда д-р Смит говорит о хлебе, он. имеет в виду пищу вообще,.. все сельскохозяйственные продукты» (стр. 59). — *443.*

[110] Маркс имеет в виду тот раздел своей рукописи, который начинается в III тетради на стр. 95b и озаглавлен «2) Абсолютная прибавочная стоимость». То место, на которое ссылается Маркс, находится в подразделе *d)* этого раздела, озаглавленном «Одновременные рабочие дни» (стр. 102—104 рукописи Маркса). — *453.*

[111] Маркс имеет в виду вновь созданную двадцатью рабочими стоимость: один рабочий час этих двадцати рабочих создает стоимость в 2 ф. ст., а рабочий день в 14 часов создает стоимость в 28 ф. ст. — *454.*

[112] Стоимость совокупного продукта содержит перенесенную на продукт стоимость *(c)* и вновь созданную стоимость *(v + m).* Так как Маркс отвлекается в данном случае от основного капитала, то перенесенная стоимость сводится к стоимости сырья. В рассматриваемом примере стоимость сырья равняется $93^1/_3$ ф. ст. (в один час перерабатывается в пряжу $133^1/_3$ фунта хлопка, в 14 часов — $1866^2/_3$ фунта; 1 фунт хлопка стоит 1 шилл.). Вместе со вновь созданной стоимостью (28 ф. ст.) это составляет $121^1/_3$ ф. ст. — *454.*

[113] См. примечание 20. — *483.*

[114] Маркс имеет здесь в виду таких критиков Рикардо, как Ж. Б. Сэй, упрекавший Рикардо в том, что тот кладет в основу своих рассуждений «абстрактные принципы, которым приписывается слишком всеобщее значение», в результате чего получаются-де выводы, не соответствующие реальной действительности (J. B. Say. «Traite d'economie politique». Sixieme edition, Paris, 1841, p. 40— 41). — *484.*

[115] Цифра $51^{11}/_{39}$ тонны получается в результате следующего расчета: если $16^2/_3$ рабочих в разряде III таблицы *E* производят $62^1/_2$ тонны, то $13^{79}/_{117}$ рабочих при той же самой производительности труда произведут $\frac{13\,^{79}\!/_{117} \times 62\,^1\!/_2}{16\,^2\!/_3}$, т. е. $51^{11}/_{39}$ тонны. — *505.*

[116] См. примечание 11. — *511.*

[117] Маркс имеет в виду книгу: W. Blake. «Observations on the Effects produced by the Expenditure of Government during the Restriction of Cash Payments». London, 1823. Выписки из этой книги по затронутому в тексте вопросу с замечаниями Маркса находятся в его экономической рукописи 1857—1858 годов (см. K. Marx. «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie». Moskau, 1939, S. 672—673). — *511.*

[118] Имеется в виду Всемирная выставка в Лондоне, открывшаяся 1 мая 1862 г., на которой демонстрировались образцы промышленной и сельскохозяйственной продукции, произведения искусства и новейшие достижения науки. — *511.*

[119] Маркс здесь вторично отмечает то место в рикардовских «Principles», где слово *«производитель»* («producer») употреблено в смысле «рабочий» (впервые это отождествление у Рикардо понятий «производитель» и «рабочий» отмечено Марксом выше, на стр. 465). В других местах своей книги Рикардо употребляет слово «производитель» в смысле «капиталист-предприниматель» (см., например, цитаты из книги Рикардо, приводимые в тексте на стр. 467, 474 и 610). — *514.*

[120] Цитируемое здесь замечание Рикардо по поводу взглядов Сэя на соотношение между прибылью и процентом Маркс повторно приводит на стр. 736 своей рукописи, поставив его, как не относящееся к тому, о чем идет речь на стр. 736, в квадратные скобки и сопроводив заключительные слова Рикардо *(«никакие обстоятельства* не могут заставить их поменяться местами») репликой: «Последнее «при известных обстоятельствах» положительно неверно».

В III томе «Капитала» (глава 22-я) Маркс показывает возможность противоположных друг другу движений нормы прибыли и ставки

процента в различных фазах капиталистического цикла. Маркс пишет: «Если мы рассмотрим те циклы оборотов, в которых движется современная промышленность,.. то мы увидим, что низкая ставка процента в большинстве случаев соответствует периодам процветания или сверхприбыли, повышение процента — переходу от процветания к следующей фазе цикла, а максимум процента, достигающий самых крайних ростовщических размеров, соответствует кризису» (см. настоящее издание, т. 25, ч. I, стр. 395—396). — *521.*

[121] Здесь Маркс возвращается к вопросу, затронутому на стр. 413—414 и 482—484 второй части настоящего тома, — к вопросу о том влиянии, которое оказывают на среднюю норму прибыли и соответственно на цены издержек более высокие, чем в метрополии, прибыли, получаемые от колониальной и вообще внешней торговли. В этом вопросе, как показывает Маркс, Адам Смит придерживался более правильных взглядов, чем Рикардо. Ср. также настоящее издание, т. 25, ч. I, стр. 259—261. — *522.*

[122] Этот пример основан на предположении, что при возросшей производительности труда из 20 квартеров пшеницы, затрачиваемых в качестве семян, получается урожай на 50% больший, чем прежде. Если прежде урожай составлял, скажем, 100 квартеров, то теперь, при затрате прежнего количества труда, он составляет 150 квартеров, но стоят эти 150 квартеров столько же, сколько прежде стоили 100 квартеров, т. е. 300 ф. ст. Прежде семена составляли 20% урожая (как по количеству квартеров, так и по стоимости), теперь они составляют только $13^1/_3$% — *527.*

[123] Заключенные в скобки слова «Смотри Мак-Куллоха» вписаны Марксом позже (карандашом). В письме к Энгельсу от 24 августа 1867 г. Маркс, ссылаясь на свое письмо к нему от 20 августа 1862 г., в котором он впервые высказал мысль об использовании *амортизационного фонда* для целей накопления, сообщает Энгельсу, что *позднее* он нашел некоторые намеки на этот счет у Мак-Куллоха. Маркс имеет в виду книгу Мак-Куллоха «The Principles of Political Economy», Edinburgh, 1825, p. 181—182. В третьей части «Теорий прибавочной стоимости» Маркс возвращается к этому вопросу на стр. 777 и 781 своей рукописи.— *534.*

[124] Имеется в виду первый выпуск «К критике политической экономии». См. настоящее издание, т. 13, стр. 80—81, 123 и 127—128. — *548.*

[125] J. B. Say. «Traite d'economie politique». Seconde edition. Tome II, Paris, 1814, p. 382: «Продукты покупаются лишь на продукты». Эта формула Сэя почти дословно воспроизводится у Рикардо в цитируемом дальше (на стр. 555) месте из его «Principles» (third edition, London, 1821, p. 341). Маркс подвергает ее критике в дальнейшем тексте «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящий том, часть II, стр. 555—558, и часть III, глава «Разложение рикардианской школы», стр. 811 рукописи Маркса). — *548.*

[126] Маркс имеет в виду рассуждения Джемса Милля о постоянном и необходимом равенстве между производством и потреблением, между предложением и спросом, между суммой покупок и суммой продаж, содержащиеся в 3-м разделе 4-й главы его книги «Elements of Political Economy», London, 1821, p. 186—195. Подробнее этот взгляд

Джемса Милля (впервые высказанный им в его брошюре «Commerce Defended», London, 1808) разбирается Марксом в первом выпуске «К критике политической экономии», в разделе о метаморфозе товаров (см. настоящее издание, т. 13, стр. 80—81). — *549.*

[127] [S. Bailey.] «A Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value». London, 1825, p. 71—93. — *551.*

[128] W. Roscher. «System der Volkswirthschaft». Erster Band: «Die Grundlagen der Nationalokonomie». Dritte Auflage, Stuttgart und Augsburg, 1858, S. 368—370. — *554.*

[129] См. примечание 126. — *560.*

[130] В первой части «Теорий прибавочной стоимости» Маркс следующим образом поясняет выражение «ниже своей цены»: *«ниже* своей цены, — т. е. ниже той суммы денег, в которой представлена его [товара] стоимость» (см. настоящий том, часть I, стр. 317). — *561.*

[131] Маркс имеет в виду раздел «Метаморфоз товаров» в первом выпуске «К критике политической экономии». См. настоящее издание, т. 13, стр. 71—81, особенно стр. 79—81. — *564.*

[132] Маркс имеет в виду ту часть своего исследования, которая впоследствии выросла в третий том «Капитала». — *571.*

[133] Краткие замечания о формах кризиса Маркс вскоре после этого набросал на обложках XIII тетради (страница 770а рукописи) и XIV тетради (страницы 771а и 861а). Текст этих страниц помещен выше (в параграфе 11-м: «К вопросу о формах кризиса») согласно пометке Маркса: «К стр. 716». — *575.*

[134] В рукописи далее следует небольшая вставка о взглядах Рикардо на деньги и меновую стоимость. Вставка эта заключена у Маркса в скобки и снабжена указанием на то, что ее надлежит перенести в другое место, как нарушающую непосредственную связь изложения. В настоящем издании эта вставка помещена выше, на стр. 560, в виде подстрочной сноски. — *578.*

[135] D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition. London, 1821, p. 339: «... спрос ограничен только производством» (это место в более широком контексте цитируется у Маркса выше, на стр. 549), и p. 347: «... нет границ для спроса, нет границ для применения капитала...» (это место в более широком контексте цитируется у Маркса выше, на стр. 552). — *578.*

[136] Маркс имеет в виду тетради I—V своей рукописи 1861—1863 годов, непосредственно предшествующие в этой рукописи «Теориям прибавочной стоимости», особенно разделы о производстве абсолютной прибавочной стоимости и о производстве относительной прибавочной стоимости. — *580.*

[137] D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition. London, 1821, p. 342: «... ничто другое не может предоставить эти средства, кроме как увеличение производства» (это место

в более широком контексте цитируется у Маркса выше, на стр. 562), и p. 339—340: «... маловероятно, что он постоянно будет производить такой товар, на который нет спроса» (это место в более широком контексте цитируется у Маркса выше, на стр. 549 и 558). — *581.*

[138] В рукописи далее следует заключенная в скобки коротенькая вставка, содержащая пример частичного кризиса — перепроизводство пряжи, вызванное введением прядильных машин. В настоящем издании эта вставка помещена выше, на стр. 579, в виде подстрочной сноски. — *582.*

[139] Маркс имеет в виду рассуждения Сэя (в его «Lettres a Malthus», Paris, 1820, p. 15) о том, что если, например, в Италии наблюдается переполнение рынка английскими товарами, то причиной этого является недостаточное производство тех итальянских товаров, которые могли бы быть обменены на английские товары. Эти рассуждения Сэя цитируются в анонимном трактате «An Inquiry into those Principles...» (London, 1821, p. 15) и фигурируют в сделанных Марксом выписках из «An Inquiry into those Principles...» в его записной тетради XII, стр. 12. Ср. также тезис Сэя о том, что «задержка в сбыте некоторых продуктов вызывается редкостью некоторых других», который Маркс разбирает на стр. 261 первой части настоящего тома. — *590.*

[140] Th. Tooke, «A History of Prices, and of the State of the Circulation». Volumes I—VI, London, 1838—1857. О влиянии условий погоды на цены Тук говорит в ряде мест этого шеститомного труда, в частности в начале IV тома, вышедшего в 1848 году. — *592.*

[141] Сисмонди объяснял кризисы «растущей диспропорцией между производством и потреблением» (J. C. L. Simonde de Sismondi. «Nouveaux Principes d'Economie politique». Seconde edition. Tome I, Paris, 1827, p. 371). В «Анти-Дюринге» Энгельс отметил, что «объяснение кризисов недопотреблением ведет свое начало от Сисмонди, у которого оно имеет еще некоторый смысл» (см. настоящее издание, т. 20, стр. 298), а в предисловии ко II тому «Капитала» Энгельс привел из «Nouveaux Principes» Сисмонди следующее место для иллюстрации точки зрения Сисмонди: «Итак, вследствие концентрации имуществ у небольшого числа собственников, внутренний рынок все более и более сокращается, и промышленности все более и более приходится искать сбыта на внешних рынках, где ей угрожают великие потрясения» (см. настоящее издание, т. 24, стр. 22). К вопросу о взглядах Сисмонди на кризисы Маркс возвращается в третьей части «Теорий прибавочной стоимости», отмечая как ценные, элементы в концепции Сисмонди, так и присущие ей коренные недостатки (см., в особенности, в главе о Мальтусе страницу 775 рукописи Маркса). — *594.*

[142] Это место имеется уже в первом издании «Principles» Рикардо, вышедшем в 1817 году. — *612.*

[143] J. Steuart. «An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy». Vol. I, Dublin, 1770, p. 396. Это место приводится Марксом в его экономической рукописи 1857—1858 годов (см. K. Marx. «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie». Moskau, 1939, S. 666). Ср. также настоящий том, часть I, стр. 19, и том 25, часть II, стр. 348. — *614.*

[144] По всей вероятности, Рикардо имеет здесь в виду речь, произнесенную им в английской палате общин 16 декабря 1819 г. по поводу предложения Уильяма Де Креспиньи создать комиссию для изучения выдвинутого Робертом Оуэном плана ликвидации безработицы и улучшения положения рабочих классов.

В своей речи Рикардо утверждал, что «машины не уменьшают спроса на труд» (The Works and Correspondence of David Ricardo. Edited by P. Sraffa. Vol. V, Cambridge, 1952, p. 30).— *616.*

[145] О понятии *«действительной заработной платы»* («real wages») у Рикардо см. во второй части настоящего тома стр. 443, 446, 461, 468— 469 и 484. — *619.*

[146] *«The Standard»* («Знамя») — ежедневная английская консервативная газета, основана в Лондоне в 1827 году. — *638.*

[147] Речь идет о статье «Америка на выставке», напечатанной (без указания имени автора) на стр. 5—6 номера газеты «Standard» от 19 сентября 1862 года. О Всемирной выставке 1862 года см. примечание 118. — *638.*

[148] Печатаемые в виде приложений ко второй части «Теорий прибавочной стоимости» краткие заметки Маркса написаны им на обложках тетрадей XI, XII и XIII. Они содержат дополнительный материал по некоторым из вопросов, рассматриваемых в основном тексте второй части «Теорий». — *649.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абрагам а Санта Клара (Abraham a Santa Clara) (псевдоним Ульриха *Мегерле)* (1644—1709) — австрийский католический проповедник и литератор. — 126.

Андерсон (Anderson), Джемс (1739— 1808) — английский буржуазный экономист, разработавший в основных чертах теорию дифференциальной ренты. — 26, 27, 91, 119—122, 127—131, 136, 138, 154—158, 170, 173, 174. 255, 256, 258, 261, 264, 351, 657.

Арбатнот (Arbuthnot), Джон — английский фермер, экономист-практик XVIII века. — 651, 652.

Б

Банфилд (Banfield), Томас Чарлз (1795—1880) — английский буржуазный экономист. — 14.

Бартон (Barton), Джон (конец XVIII — первая половина XIX в.) — английский экономист, представитель классической буржуазной политической экономии. — 607, 611, 623, 639—648.

Бастиан (Bastian), Адольф (1826— 1905) — немецкий буржуазный этнограф. — 130.

Бейли (Bailey), Самюэл (1791— 1870) — английский буржуазный экономист и философ; с позиций вульгарной политической экономии выступал против трудовой теории стоимости Рикардо; вместе с тем правильно подметил некоторые противоречия в экономических взглядах Рикардо. — 130, 176, 182, 185, 440, 442, 443, 551.

Блейк (Blake), Уильям — английский экономист первой половины XIX в., автор работ о денежном обращении, — 510, 511.

Бьюкенен (Buchanan), Давид (1779—1848) — английский публицист и буржуазный экономист, последователь и комментатор А. Смита. — 26, 173, 174, 426, 427, 432.

Г

Генрих VII (1457—1509) — английский король (1485—1509). — 256.

Годскин (Hodgskin), Томас (1787— 1869) — английский экономист и публицист; защищал интересы пролетариата и критиковал капитализм с позиций утопического социализма, использовал теорию Рикардо для социалистических выводов. — 657.

Гопкинс (Hopkins), Томас — английский буржуазный экономист первой половины XIX века. — 26, 51, 132, 143, 144, 147, 148, 150, 654.

Д

Давенант (Davenant), Чарлз (1656— 1714) — английский экономист и статистик, меркантилист. — 118, 136.

Дарвин (Darwin), Чарлз Роберт (1809—1882) — великий английский естествоиспытатель, основоположник научной эволюционной биологии. — 123, 126, 127.

Де Квинси (De Quincey), Томас (1785—1859) — английский писатель и экономист, комментатор Рикардо; его работы отражают упадок и разложение рикардианской школы. — 469, 470, 509, 510.

Домбаль (Dombasle), Кристоф Жозеф Александр *Матьё де* (1777— 1843) — известный французский агроном. — 15, 16.

К

Кенэ (Quesnay), Франсуа (1694— 1774) — крупнейший французский экономист, основатель школы физиократов; по профессии врач. — 39.

Кинг (King), Грегори (1648— 1712) — английский статистик. — 648.

Кирхман (Kirchmann), Юлиус (1802—1884) —немецкий юрист и философ. — 160.

Коббет (Cobbett), Уильям (1762— 1835) — английский политический деятель и публицист, видный представитель мелкобуржуазного радикализма, выступал за демократизацию английского политического строя. — 126, 129.

Констансио (Constancio), Франсиско Солано (1772—1846) — португальский врач, дипломат и писатель; переводил на французский язык труды английских экономистов. — 442.

Корбет (Corbet), Томас — английский буржуазный экономист XIX века. — 221, 259, 554.

Кэри (Carey), Генри Чарлз (1793— 1879) — американский вульгарный буржуазный экономист, автор реакционной теории гармонии классовых интересов в капиталистическом обществе. — 26, 168, 179, 341, 655.

Л

Людовик XIV (1638—1715) — французский король (1643—1715). — 147.

Людовик XV (1710—1774) — французский король (1715—1774). — 147.

Людовик XVI (1754—1793) — французский король (1774—1792), казнен во время французской буржуазной революции конца XVIII века. — 147.

М

Мак-Кормик (MacCormick), Сайрес Холл (1809—1884) — американский изобретатель. — 639.

Мак-Куллох (MacCulloch), Джон Рамси (1789—1864) — английский буржуазный экономист, вульгаризатор экономического учения Рикардо, ярый апологет капитализма. — 120, 127, 130, 155, 206, 208, 534.

Мальтус (Malthus), Томас Роберт (1766—1834) — английский священник, экономист, идеолог обуржуазившейся землевладельческой аристократии, апологет капитализма, проповедник человеконенавистнической теории народонаселения. — 23, 26, 65, 119—128, 147, 154, 174, 179, 206, 215, 362, 375, 434, 438, 460, 468, 538, 600, 608, 640, 648, 651, 655, 656.

Милль (Mill), Джемс (1773— 1836) — английский буржуазный экономист и философ, вульгаризатор теории Рикардо; вместе с тем делал из нее некоторые

радикальные выводы. — 163, 206, 548, 549, 560, 561.

Милль (Mill), Джон Стюарт (1806— 1873) — английский буржуазный экономист и философ-позитивист, эпигон классической школы политической экономии; сын Джемса Милля. — 43, 129, 558.

Н

Ньюмен (Newman), Фрэнсис Уильям (1805—1897) — английский филолог и публицист, буржуазный радикал, автор ряда работ по религиозным, политическим и экономическим вопросам. — 14, 31, 351, 352.

О

Овидий (Публий Овидий Назон) (43 до н. э. — ок. 17 н. э.) — выдающийся римский поэт. — 130.

Опдайк (Opdyke), Джордж (1805— 1880) — американский предприниматель, буржуазный экономист. — 26.

П

Петти (Petty), Уильям (1623— 1687) — выдающийся английский экономист и статистик, родоначальник классической буржуазной политической экономии в Англии. — 118, 136.

Прудон (Proudhon), Пьер Жозеф (1809— 1865) — французский публицист, экономист и социолог, идеолог мелкой буржуазии, один из родоначальников анархизма.— 9, 170.

Р

Рамсей (Ramsay), Джордж (1800— 1871) — английский экономист, один из последних представителей классической буржуазной политической экономии. — 642, 643.

Рикардо (Ricardo), Давид (1772— 1823) — английский экономист, крупнейший представитель классической буржуазной политической экономии. — 8—10, 18, 23— 27, 37, 38, 52, 63, 71, 87, 90, 91, 96, 97, 99, 106, 107, 109, 111, 112. 114, 119, 120, 123—132, 136, 139, 140, 149, 154, 159—161, 163—170. 173—200, 202—220, 222—230, 233—235, 238—240, 246, 254—262, 264—270, 273, 292, 294—297, 325—327, 334—347, 349—354, 359, 361—375, 386, 388, 393, 397, 400, 402, 403, 409, 411—418, 423—427, 431—434, 436—449, 451, 454, 457—486, 488—490, 496. 497, 500, 504, 506, 509—521, 523, 526, 540, 541, 547—549, 552—560, 562, 563, 575, 578, 580, 581, 583— 588, 593—602, 604—623, 626—633, 635—637, 639—641, 643, 644.

Родбертус-Ягецов (Rodbertus-Jagetzow), Иоганн Карл (1805— 1875) — немецкий вульгарный экономист и политический деятель, идеолог обуржуазившегося прусского юнкерства, проповедник реакционных идей прусского «государственного социализма». — 3, 4, 12, 16, 19, 39, 41, 46, 51—63, 65, 67, 69—74, 78, 79, 81—83, 85—91, 93—96, 98, 103, 104. 110—112, 118, 119, 130, 133—135, 459—172, 191, 255, 257, 259, 264, 376, 651.

Рошер (Roscher), Вильгельм Георг Фридрих (1817—1894) — немецкий вульгарный экономист, профессор Лейпцигского университета, основатель так называемой исторической школы в политической экономии. — 127—130, 139, 140, 227, 554.

С

Сисмонди (Sismondi), Жан Шарль Леонар *Симонд де* (1773—1842) — швейцарский экономист, мелкобуржуазный критик капитализма, видный представитель экономического романтизма. — 123, 416, 594.

Смит (Smith), Адам (1723—1790) — английский экономист, один из крупнейших представителей

классической буржуазной политической экономии. — 18, 96, 110, 111, 130, 160, 161, 165, 173, 177—179, 182, 183, 206, 215, 227, 228, 230, 233—254, 258, 261, 264, 266, 269, 336, 337, 341, 347, 349, 350, 362, 366, 368—411, 413, 427, 436—441, 443—445, 448, 457, 458, 461, 464, 468, 471, 482—484, 515, 519—523, 541, 547, 552, 554, 555, 583—586, 601, 613, 615, 630, 640, 641, 651.

Стирлинг (Stirling), Патрик Джемс (1809—1891) — английский вульгарный экономист. — 25, 511.

Стюарт (Steuart), Джемс (1712— 1780) — английский буржуазный экономист, один из последних представителей меркантилизма. — 119—120, 126, 131, 250, 614.

Сэй (Say), Жан Батист (1767— 1832) — французский буржуазный экономист, представитель вульгарной политической экономии. — 140, 177—179, 233, 416, 440, 442, 484, 520, 521, 548, 549, 556, 557, 559, 590, 613, 615.

Т

Тарелло де Леонато (Tarello de Leonato), Камилло (XVI в.) — итальянский агробиолог. — 154.

Таунсенд (Townsend), Джозеф (1739—1816) — английский священник, геолог и социолог, пропагандировал антинаучную теорию народонаселения, позаимствованную впоследствии Мальтусом. — 120, 126.

Торренс (Torrens), Роберт (1780— 1864) — английский буржуазный экономист; вульгаризатор экономического учения Рикардо; отрицал применимость трудовой теории стоимости к условиям капиталистического способа производства. — 206.

Тук (Tooke), Томас (1774—1858) — английский буржуазный экономист, примыкал к классической школе политической экономии, критик теории денег Рикардо; автор многотомной работы «История цен». — 120, 592.

У

Уилсон (Wilson), Джемс (1805— 1860) — английский буржуазный экономист и политический деятель, основатель и редактор журнала «Economist»; фритредер, противник количественной теории денег. — 554.

Уитни (Whitney), Илай (1765— 1825) — американский изобретатель. — 638.

Уоллес (Wallace), Роберт (1697— 1771) — английский священник и статистик, пропагандировал антинаучную теорию народонаселения, позаимствованную впоследствии Мальтусом. — 126, 127.

Уорд (Ward), У. Г. (XIX в.) — американский изобретатель. — 638.

Уэйд (Wade), Джон (1788—1875) — английский буржуазный публицист, экономист и историк. — 9.

Уэйкфилд (Wakefield), Эдуард Гиббон (1796—1862) — английский государственный деятель, экономист, выдвинувший буржуазную теорию колонизации. — 259, 328, 440.

Уэст (West), Эдуард (1782—1828) —английский экономист, один из представителей классической буржуазной политической экономии, разрабатывал вопросы земельной ренты. — 26, 120, 128, 129, 143, 154, 265.

Ф

Форстер (Forster), Натаниел (ок. 1726—1790) — английский священник, автор ряда экономических работ, выступал в защиту интересов рабочих. — 653.

Фуллартон (Fullarton), Джон (1780—1849) — английский буржуазный экономист, автор работ по вопросам денежного обращения и кредита, противник количественной теории денег. — 554.

Фурье (Fourier), Шарль (1772— 1837) — великий французский социалист-утопист. — 248.

Х

Халлетт (Hallett), Фредерик Фрэнсис (XIX в.) — английский агроном. — 511, 512.

Хансбрау (Hansbrow) (XIX в.) — американский изобретатель. — 639.

Хоуз (Hawes) (XIX в.) — американский изобретатель. — 638.

Хюльман (Hullmann), Карл Дитрих (1765—1846) — немецкий буржуазный историк, автор ряда работ по истории средних веков. — 253.

Ч

Чалмерс (Chalmers), Томас (1780— 1847) — английский протестантский теолог и буржуазный экономист, последователь Мальтуса. — 259, 510.

Ш

Шторх (Storch), Андрей (Анри, Генрих) Карлович (1766—1835) — русский экономист, статистик и историк, член Петербургской Академии наук, эпигон классической буржуазной политической экономии. — 102, 106, 318.

Э

Эмери (Emery) (XIX в.) — американский изобретатель и предприниматель. — 638.

Эрбер (Herbert), Клод Жак (1700— 1758) — французский экономист, физиократ, один из предшественников Мальтуса в области антинаучной теории народонаселения. — 126.

Ю

Юм (Hume), Давид (1711—1776) —английский философ, субъективный идеалист, агностик, буржуазный историк и экономист, противник меркантилизма, один из ранних представителей количественной теории денег. — 131.

Юм (Hume), Джемс Дикон (1774— 1842) — английский буржуазный экономист, фритредер. — 443, 655, 656.

Юнг (Young), Артур (1741—1820) — английский агроном и буржуазный экономист. — 147.

Юр (Ure), Эндрью (1778—1857) — английский химик, вульгарный буржуазный экономист, автор ряда работ по экономике промышленности. — 554.

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРУЕМОЙ И УПОМИНАЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Anderson, J. A Calm investigation of the circumstances that have led to the present scarcity of grain in Britain. London, 1801 *(Андерсон, Дж.* Беспристрастное исследование обстоятельств, приведших к нынешней дороговизне хлеба в Британии. Лондон, 1801). — 127, 154, 155.

Anderson, J. Essays relating to agriculture and rural affairs. Volumes I—III. Edinburgh and London, 1775— 1796 (*Андерсон, Дж.* Очерки о земледелии и сельскохозяйственных делах. Тома I—III. Эдинбург и Лондон, 1775— 1796). — 119, 157.

Anderson, J. An Inquiry into the causes that have hitherto retarded the advancement of agriculture in Europe. Edinburgh, 1779 (*Андерсон, Дж.* Исследование о причинах, которые до сих пор задерживали прогресс земледелия в Европе. Эдинбург,1779). — 156.

[*Anderson, J.*] An Inquiry into the nature of the corn laws; with a view to the new corn-bill proposed for Scotland. Edinburgh, 1777 ([*Андерсон, Дж.*] Исследование о природе хлебных законов; по поводу нового хлебного билля, предложенного для Шотландии. Эдинбург, 1777). — 119, 127, 128, 130, 155, 156, 173.

Anderson, J. Recreations in agriculture, natural-history, arts, and miscellaneous literature. Volumes I—VI. London, 1799—1802 (*Андерсон, Дж.* Общедоступные чтения по сельскому хозяйству, естественной истории, искусствам и ремеслам, а также по разнообразным другим вопросам. Тома I—VI. Лондон, 1799—1802). — 119, 156.

[*Arbuthnot, J.*] An Inquiry into the connection between the present price of provisions, and the size of farms. With remarks on population as affected thereby. By a farmer. London, 1773 ([*Арбатнот, Дж.*] Исследование связи между теперешними ценами на продовольствие и размерами

* В тех случаях, когда не удалось установить с достоверностью, каким изданием той или иной работы пользовался Маркс, в данном указателе приводится ее первое издание.

В квадратные скобки заключены выявленные имена авторов книг, вышедших анонимно. Звездочкой отмечены работы, переведенные на русский язык.

ферм. С замечаниями о влиянии всего этого на народонаселение. Сочинение фермера. Лондон, 1773). — 651, 652.

[*Bailey, S.*] A Critical dissertation on the nature, measures, and causes of value; chiefly in reference to the writings of Mr. Ricardo and his followers. By the author of Essays on the formation and publication of opinions. London, 1825 ([*Бейли, С.*] Критическое исследование о природе, мерах и причинах стоимости; главным образом в связи с работами г-на Рикардо и его последователей. Сочинение автора «Очерков о формировании и опубликовании мнений». Лондон, 1825). — 185, 442, 443, 551.

[*Bailey, S.*] A Letter to a political economist; occasioned by an article in the «Westminster Review» on the subject of value. London, 1826 ([*Бейли, С.*] Письмо одному политико-эконому; по поводу статьи в журнале «Вестминстерское обозрение» по вопросу о стоимости. Лондон, 1826). — 185.

Banfield, T. C. The Organization of industry, explained in a course of lectures, delivered in the University of Cambridge in Easter terra 1844. Second edition. London, 1848 (*Банфилд, Т. Ч.* Организация хозяйства. Курс лекций, прочитанный в Кембриджском университете в пасхальном семестре 1844 года. Издание второе. Лондон, 1848). Первое издание вышло в Лондоне в 1845 году. — 14.

Barton, J. Observations on the circumstances which influence the condition of the labouring classes of society. London, 1817 (*Бартон, Дж.* Замечания об обстоятельствах, влияющих на положение рабочих классов общества. Лондон, 1817). — 623, 639, 640, 644, 645, 647, 648.

Bastian, A. Der Mensch in der Geschichte. Zur Begrundung einer psychologischen Weltanschauung. Bande I—III. Leipzig, 1860 (*Бастиан, А.* Человек в истории. К обоснованию психологического мировоззрения. Тома I—III. Лейпциг, 1860). — 130.

Blake, W. Observations on the effects produced by the expenditure of government during the restriction of cash payments. London, 1823 *(Блейк, У.* Замечания о последствиях правительственных расходов в период ограничений, введенных для платежей наличными. Лондон, 1823). — 511.

Carey, H. Ch. The Past, the present and the future. Philadelphia, 1848 (*Кэри, Г. Ч.* Прошлое, настоящее и будущее. Филадельфия, 1848). — 179, 655.

Corbet, Th. An Inquiry into the causes and modes of the wealth of individuals; or the Principles of trade and speculation explained. London, 1841 (*Корбет, Т.* Исследование о причинах богатства отдельных лиц и способах его приобретения; или Объяснение принципов торговли и спекуляции. Лондон, 1841). — 221.

**Darwin, Ch.* On the origin of species by means of natural selection, or the Preservation of favoured races in the struggle for life. Fifth thousand. London, 1860 (*Дарвин, Ч.* О происхождении видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь. Пятая тысяча. Лондон, 1860), Первые четыре тысячи вышли в Лондоне в 1859 году. — 126, 127.

[*Davenant, Ch.*] Discourses on the publick revenues, and on the trade of England. In two parts. London, 1698 ([*Давенант, Ч.*] Рассуждения об общественных доходах и о торговле Англии. В двух частях. Лондон, 1698). — 118.

[*De Quincey, Th.*] Dialogues of three templars on political economy, chiefly in relation to the Principles of Mr. Ricardo ([*Де Квинси, Т.*] Диалоги трех юристов из Темпла о политической эконо-

мии, главным образом в связи с «Началами» г-на Рикардо). В журнале «The London Magazine», апрель — май 1824 г. — 469.

De Quincey, Th. The Logic of political economy. Edinburgh and London, 1844 *(Де Квинси, Т.* Логика политической экономии. Эдинбург и Лондон, 1844). — 470, 510.

Dombasle, M. Annales agricoles de Roville, ou Melanges d'agriculture, d'economie rurale et de legislation agricole. Paris, 1824—1837 (*Домбаль, М.* Ровильский сельскохозяйственный ежегодник, или Различные материалы о сельском хозяйстве, о его экономике и об относящемся к нему законодательстве. Париж, 1824— 1837). — 15, 16.

An Enquiry into the causes of the present high price of provisions — см. [*Forster, N.*] An Enquiry into the causes of the present high price of provisions.

Essay on the application of capital to land — см. [*West, E.*] Essay on the application of capital to land.

[*Forster, N.*] An Enquiry into the causes of the present high price of provisions. London, 1767 ([*Форстер, Н.*] Исследование причин нынешних высоких цен на продовольствие. Лондон, 1767). — 653.

[*Hodgskin, Th.*] The Natural and artificial right of property contrasted. London, 1832 ([*Годскин, Т.*] Естественное и искусственное право собственности в их противопоставлении друг другу. Лондон, 1832). — 657.

Hopkins, Th. Economical enquiries relative to the laws which regulate rent, profit, wages, and the value of money. London, 1822 (*Гопкинс, Т.* Экономические исследования о законах, регулирующих ренту, прибыль, заработную плату и стоимость денег. Лондон, 1822). — 51, 132, 148, 150, 654.

Hopkins, Th. On rent of land, and its influence on subsistence and population. London, 1828 (*Гопкинс, Т.* О земельной ренте и ее влиянии на средства существования и на народонаселение. Лондон, 1828). — 143, 144, 147.

**Hullmann, K. D.* Stadtewesen des Mittelalters. Theile 1—4. Bonn, 1826—1829 *(Хюльман, К. Д.* Города средневековья. Части 1—4. Бонн, 1826—1829). — 253.

Hume, J. D. Thoughts on the corn-laws, as connected with agriculture, commerce, and finance. London, 1815 (*Юм, Дж. Д.* Мысли о хлебных законах и о том, как эти законы связаны с земледелием, торговлей и финансами. Лондон, 1815). — 443, 656.

An Inquiry into the connection between the present price of provisions, and the size of farms — см. [*Arbuthnot, J.*] An Inquiry into the connection between the present price of provisions, and the size of farms.

An Inquiry into those principles, respecting the nature of demand and the necessity of consumption, lately advocated by Mr. Malthus, from which it is concluded, that taxation and the maintenance of unproductive consumers can be conducive to the progress of wealth. London, 1821 (Исследование недавно защищавшихся г-ном Мальтусом принципов, которые касаются природы спроса и необходимости потребления и из которых делается вывод, что налоги и содержание непроизводительных потребителей могут способствовать росту богатства. Лондон, 1821). — 538.

MacCulloch, J. R. The Literature of political economy: a classified catalogue of select publications in the different departments of that science, with historical, critical, and biographical notices. London, 1845 (*Мак-Куллох, Дж. Р.* Литература по политической экономии. Систематический каталог избранных печатных работ в различных отраслях этой науки, с историческими, критическими и

биографическими аннотациями. Лондон, 1845). — 127, 155.

MacCulloch, J. R. The Principles of political economy. Edinburgh, 1825 (*Мак-Куллох, Дж. Р.* Начала политической экономии. Эдинбург, 1825). — 208, 534.

*[*Malthus, Th. R.*] An Essay on the principle of population. London, 1798 ([*Мальтус, Т. Р.*] Опыт о законе народонаселения. Лондон, 1798). — 120, 124.

**Malthus, Th. R.* The Grounds of an opinion on the policy of restricting the importation of foreign corn. London, 1815 (*Мальтус, Т. Р.* Основания для мнения о целесообразности ограничить ввоз иностранного хлеба. Лондон, 1815). — 124.

**Malthus, Th. R.* An Inquiry into the nature and progress of rent, and the principles by which it is regulated. London, 1815 (*Мальтус, Т. Р.* Исследование о природе и возрастании ренты, а также о принципах, ее регулирующих. Лондон, 1815). — 120, 124, 656.

Malthus, Th. R. Principles of political economy considered with a view to their practical application. London, 1820 (*Мальтус, Т. Р.* Начала политической экономии, рассматриваемые в расчете на их практическое применение. Лондон, 1820). — 124.

Idem. 2nd edition with considerable additions from the author's own manuscript and an original memoir. London, 1836 (*То же.* Издание второе, с значительными добавлениями из собственной рукописи автора и с краткой биографией автора. Лондон, 1836). — 65.

**Marx, K.* Misere de la philosophie. Reponse a la Philosophie de la misere de M. Proudhon. Paris — Bruxelles, 1847 (*Маркс, К.* Нищета философии. Ответ на «философию нищеты» г-на Прудона. Париж — Брюссель, 1847). — 9, 170.

**Marx, K.* Zur Kritik der politischen Oekonomie. Erstes Heft. Berlin, 1859 (*Маркс, К.* К критике политической экономии. Выпуск первый. Берлин, 1859). — 285, 548, 564.

Mill, J. Commerce defended. An answer to the arguments by which Mr. Spence, Mr. Cobbett, and others, have attempted to prove that commerce is not a source of national wealth. London, 1808 (*Милль, Дж.* Защита торговли. Ответ на те аргументы, при помощи которых г-н Спенс, г-н Коббет и другие пытались доказать, что торговля не есть источник национального богатства. Лондон, 1808). — 549.

Mill, J. Elements of political economy. London, 1821 (*Милль, Дж.* Основы политической экономии. Лондон, 1821). — 163, 549.

Mill, J. St. Essays on some unsettled questions of political economy. London, 1844 (*Милль, Дж. Ст.* Очерки о некоторых нерешенных вопросах политической экономии. Лондон, 1844). — 129.

The Natural and artificial right of property contrasted — см. [*Hodgskin, Th.*] The Natural and artificial right of property contrasted.

Newman, F. W. Lectures on political economy. London, 1851 (*Ньюмен, Ф. У.* Лекции по политической экономии. Лондон, 1851). — 14, 31, 351, 352.

Opdyke, G. A Treatise on political economy. New York, 1851 (*Опдайк, Дж.* Трактат по политической экономии, Нью-Йорк, 1851). — 26.

**Petty, W.* Political arithmetick (1676). In: *Petty, W.* Several essays in political arithmetick. London, 1699 (*Петти, У.* Политическая арифметика (1676). В книге: *Петти, У.* Очерки из области политической арифметики. Лондон, 1699). — 118.

**Ricardo, D.* An Essay on the influence of a low price of corn on the profits of stock; shewing the inexpediency of restrictions on importation. Second edition. London, 1815 (*Рикардо, Д.* Опыт

о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала, показывающий нецелесообразность ограничений ввоза. Издание второе. Лондон, 1815). Первое издание вышло в Лондоне в том же году. — 129, 131.

*_Ricardo, D._ On protection to agriculture. Fourth edition. London, 1822 (_Рикардо, Д._ О покровительстве земледелию. Издание четвертое. Лондон, 1822). Первое издание вышло в Лондоне в том же году. — 131.

*_Ricardo, D._ On the principles of political economy, and taxation. Third edition. London, 1821 (_Рикардо, Д._ О началах политической экономии и налогового обложения. Издание третье. Лондон, 1821). Первое издание вышло в Лондоне в 1817 году. — 120, 131, 132, 165, 177, 179—183, 185, 186, 190—197, 200, 203—205, 207—213, 215, 216, 218—220, 224—230, 233, 234, 264—266, 269, 326, 336, 337, 339, 340, 342—344, 346, 347, 350—354, 359, 361—364, 368—372, 374, 375, 402, 403, 412—418, 424—427, 432— 434, 436, 437, 439, 440—443, 445, 457, 460, 461, 463—469, 472—480, 483, 484, 512—519, 521—523, 526, 549, 552, 553, 555—560, 562, 578, 581, 584—586, 594—596, 598—602, 604—606, 608—613, 615—617, 627—633, 635—637, 639—641.

Ricardo, D. Des principes de l'economie politique, et de l'impot. Traduit de l'anglais par Constancio, avec des notes explicatives et critiques par J. B. Say. Tomes I—II. Paris, 1819 (_Рикардо, Д._ О началах политической экономии и налогового обложения. Перевод с английского Констансио, с пояснительными и критическими примечаниями Ж. Б. Сэя. Тома I—II. Париж, 1819). — 442.

Idem. Seconde edition, revue, corrigee et augmentee d'une notice sur la vie et les ecrits de Ricardo. Tomes I—II. Paris, 1835 (_То же._ Издание второе, просмотренное и исправленное, с добавлением заметки о жизни и сочинениях Рикардо. Тома I—II. Париж, 1835). — 440, 442.

*_Rodbertus, J. K._ Sociale Briefe an von Kirchmann. Dritter Brief: Widerlegung der Ricardo'schen Lehre von der Grundrente und Begrundung einer neuen Rententheorie. Berlin, 1851 (_Родбертус, И. К._ Социальные письма к фон Кирхману. Письмо третье: Опровержение учения Рикардо о земельной ренте и обоснование новой теории ренты. Берлин, 1851). — 3, 51, 52, 54—56, 62, 63, 67, 69—74, 78, 81, 85, 86, 88, 90, 93, 111, 159—161, 164—172, 259.

*_Roscher, W._ System der Volkswirthschaft. Erster Band: Die Grundlagen der Nationalokonomie. Dritte, vermehrte und verbesserte Auflage. Stuttgart und Augsburg, 1858 (_Рошер, В._ Система народного хозяйства. Том первый: Основы политической экономии. Издание третье, дополненное и исправленное. Штутгарт и Аугсбург, 1858). Первое издание вышло в Штутгарте и Тюбингене в 1854 году. — 128—130, 227, 554.

Say, J. B. Lettres a M. Malthus, sur differens sujets d'economie politique, notamment sur les causes da la stagnation generale du commerce. Paris — Londres, 1820 (_Сэй, Ж. Б._ Письма г-ну Мальтусу по различным вопросам политической экономии, особенно о причинах всеобщего застоя в торговле. Париж — Лондон, 1820). — 590.

*_Say, J. B._ Traite d'economie politique, ou Simple exposition de la maniere dont se forment, se distribuent, et se consomment les richesses, Seconde edition. Tomes I—II. Paris, 1814 (_Сэй, Ж. В._ Трактат по политической экономии, или Простое изображение того, как богатства создаются, распределяются и потребляются. Издание второе. Тома I—II.

Париж, 1814). Первое издание вышло в Париже в 1803 году. — 548, 549.

***Idem.* Cinquieme edition. Tomes I—III. Paris, 1826 *(То же.* Издание пятое. Тома I—III. Париж, 1826). —179.

***Idem.* Sixieme edition. Paris, 1841 *(То же.* Издание шестое. Париж, 1841). — 179, 484.

**Sismondi, J. Ch. L. Simonde de.* Nouveaux principes d'economie politique, ou De la richesse dans ses rapports avec la population. Seconde edition. Tomes I—II. Paris, 1827 (*Сисмонди, Ж. Ш. Л. Симонд де.* Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. Издание второе. Тома I—II. Париж, 1827). Первое издание вышло в Париже в 1819 году. — 594.

**Smith, A.* An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. In two volumes. London, 1776 (*Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. В двух томах. Лондон, 1776). — 119, 130, 230.

**Smith, A.* An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. In three volumes. With notes, and an additional volume, by David Buchanan. Edinburgh, 1814 (*Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. В трех томах. С примечаниями и дополнительным томом Давида Бьюкенена. Эдинбург, 1814). — 174.

**Smith, A.* An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. With a commentary, by the author of «England and America» [E. G. Wakefield]. Volumes I—IV. London, 1835— 1839 (*Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. С комментариями автора книги «Англия и Америка» [Э. Г. Уэйкфилда]. Тома I—IV. Лондон, 1835—1839). — 440.

**Smith, A.* Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations. Traduction nouvelle, avec des notes et observations, par Germain Garnier. Tomes I—IV. Paris, 1802 (*Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. Новый перевод Жермена Гарнье, с примечаниями и замечаниями переводчика. Тома I—IV. Париж, 1802). — 234—236, 238—254, 376—410.

Steuart, J. An Inquiry into the principles of political oeconomy. In three volumes. Dublin, 1770 (*Стюарт, Дж.* Исследование о началах политической экономии. В трех томах. Дублин, 1770). Первое издание вышло в Лондоне в 1767 году. — 250, 614.

Stirling, P. J. The Philosophy of trade; or, Outlines of a theory of profits and prices. Edinburgh, 1846 (*Стирлинг, П. Дж.* философия торговли, или Очерки теории прибыли и цен. Эдинбург, 1846). — 25, 511.

**Storch, H.* Cours d'economie politique, ou Exposition des principes, qui determinent la prosperite des nations. Tomes I—VI. St.-Petersbourg, 1815 (*Шторх, А.* Курс политической экономии, или Изложение начал, определяющих благоденствие народов. Тома I—VI. Санкт-Петербург, 1815). — 102, 318.

Tooke, Th. A History of prices, and of the state of the circulation. Volumes I—VI. London, 1838— 1857 (*Тук, Т.* История цен и состояния обращения. Тома I—VI. Лондон, 1838—1857). — 592.

[*Townsend, J.*] A Dissertation on the poor laws. By a well-wisher to mankind. London, 1786 ([*Таунсенд, Дж.*] Рассуждение по поводу законов о бедных. Сочинение человека, желающего добра людям. Лондон, 1786) (Маркс пользовался перепечаткой этого издания, вышедшей в Лондоне в 1817 году). — 120.

Wade, J. History of the middle and working classes. London, 1833

(*Уэйд, Дж.* История среднего и рабочего классов. Лондон, 1833). — 9.

[*Wakefield, E. G.*] A Commentary to Smith's Wealth of nations — см. *Smith, A.* An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. With a commentary, by the author of «England and America».

[*West, E.*] Essay on the application of capital to land, with observations shewing the impolicy of any great restriction of the importation of corn. London, 1815 ([*Уэст, Э.*] Опыт о приложении капитала к земле, с замечаниями, показывающими неразумность всякого значительного ограничения ввоза хлеба. Лондон, 1815). — 120, 129.

West, E. Price of corn and wages of labour. London, 1826 (*Уэст, Э.* Цена хлеба и заработная плата рабочих. Лондон, 1826). — 143.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

«The Morning Star» («Утренняя звезда»), Лондон, 15 июля 1862 г. — 360.

«The Standard» («Знамя»), Лондон, 19 сентября 1862 г. — 638, 639.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Овидий. Метаморфозы. — 130.

УКАЗАТЕЛЬ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ЦИТИРУЕМЫХ КНИГ*

Гюлльманн, К. Д. (в настоящем издании: *Хюльман)* Общественная и частная жизнь в европейских городах средних веков. Перевод с немецкого. Спб., 1839 (перевод 4-й части книги).

Дарвин, Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. Под редакцией А. Д. Некрасова. М.—Л., 1939 (*Дарвин.* Сочинения, том 3).

Мальтус, Т. Р. Исследование о природе и развитии ренты, а также о началах, ее регулирующих. Перевод А. Миклашевского (в «Ученых записках императорского Юрьевского университета», № 2 и 3, Юрьев, 1908).

Мальтус, Т. Р. Опыт о законе народонаселения. Перевел П. А. Бибиков. Тома I—II. Спб., 1868.

Мальтус, Т. Р. Опыт закона о народонаселении. Перевод И. А. Вернера. М., 1895 (перевод с сокращениями).

Мальтус, Т. Р. Основания для мнения о целесообразности ограничить ввоз хлеба. Перевод А. Миклашевского (в «Ученых записках императорского Юрьевского университета», № 3, Юрьев, 1908).

**Петти.* Политическая арифметика (1676 г.) (в книге: *Петти, В.* Экономические и статистические работы. Перевод под редакцией М. Смит. М., 1940).

**Рикардо, Д.* Начала политической экономии и налогового обложения. М., 1955 (*Рикардо, Д.* Сочинения. Перевод под редакцией М. Н. Смит. Том I).

**Рикардо, Д.* О покровительстве земледелию (в книге: *Рикардо, Д.* Сочинения. Перевод под редакцией М. Н. Смит. Том III. М., 1955).

**Рикардо, Д.* Опыт о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала, показывающий неце-

* Настоящий указатель содержит только последние из имеющихся русских переводов цитируемых и упоминаемых Марксом книг. Однако для работ, которые последний раз были выпущены в сокращенном виде, сделано исключение. В этом случае приводится также и предыдущий, более полный перевод.

Звездочкой отмечены те русские издания, на которые в тексте тома, в квадратных скобках, даны ссылки с указанием страниц этих изданий. Ссылки эти даются также и в тех случаях, когда приводимый в тексте тома русский перевод цитируемых Марксом мест отличается от текста соответствующих русских изданий.

лесообразность ограничений ввоза (в книге: *Рикардо, Д.* Сочинения. Перевод под редакцией М. Н. Смит. Том III. М., 1955).

Родбертус, И. К. Третье социальное письмо к фон-Кирхману. Опровержение учения Рикардо о поземельной ренте и обоснование новой теории ренты (в книге: *Родбертус-Ягецов, К.* Сочинения. Выпуск 1: К освещению социального вопроса. Перевод с немецкого М. Н. Соболева. Спб., [1904]).

**Родбертус, И. К.* Социальные письма к фон-Кирхману. Письмо третье: Опровержение учения Рикардо о земельной ренте и обоснование новой теории ренты (в книге: *Родбертус, К.* Экономические сочинения. Перевод И. Плотникова. Л.. 1936) (перевод с сокращениями).

Рошер, В. Начала народного хозяйства. Перевод И. Бабста. Том первый: отделение первое, М., 1860; отделение второе, М., 1862.

**Сисмонди, Ж. Симонд де.* Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. Тома I—II. М., 1937.

Смит, А. Исследования о природе и причинах богатства народов С примечаниями Бентама Бланки, Буханана (в настоящем издании: Бьюкенен), Гарнье, Мак-Куллоха, Мальтуса, Милля Рикардо, Сэя, Сисмонди и Тюрго. Перевел П. А. Бибиков. Тома I—III. Спб., 1866 (перевод с французского издания Гарнье 1843 года).

**Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов Тома I—II. М.—Л., 1935.

Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.

Сэ, Ж. Б. (в настоящем издании: *Сэй, Ж. Б.*) Трактат политической экономии. Перевод Е. Н. Каменецкой. М., 1896 (перевод отдельных глав).

Шторх, Г. Курс политической экономии, или Изложение начал, обусловливающих народное благоденствие. Перевод с французского с биографическим очерком автора, под редакцией и с заметками д-ра И. В. Вернадского. Том I. Спб., 1881.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

(IV ТОМ «КАПИТАЛА»)

Часть вторая

[Глава восьмая] ГОСПОДИН РОДБЕРТУС. НОВАЯ ТЕОРИЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ (ОТСТУПЛЕНИЕ) .... 3—118

[1) Избыток прибавочной стоимости в земледелии. Более медленное развитие земледелия по сравнению с промышленностью в условиях капитализма] .... 3—12

[2) Норма прибыли в ее соотношении с нормой прибавочной стоимости. Стоимость сельскохозяйственного сырья как элемент постоянного капитала в земледелии] .... 12—16

[3) Стоимость и средняя цена в земледелии. Абсолютная рента] .... 16—39

[а) Выравнивание нормы прибыли в промышленности] .... 16—22

[б) Формулировка проблемы земельной ренты] .... 22—30

[в) Частная собственность на землю как необходимое условие существования абсолютной ренты. Распадение прибавочной стоимости в земледелии на прибыль и ренту] .... 30—39

[4) Несостоятельность положения Родбертуса об отсутствии в земледелии стоимости сырого материала] .... 39—51

[5) Ложные предпосылки теории земельной ренты Родбертуса] .... 51—61

[6) Непонимание Родбертусом соотношения между средней ценой и стоимостью в промышленности и в земледелии. Закон средних цен] .... 61—69

[7) Ошибки Родбертуса в вопросе о факторах, определяющих норму прибыли и норму земельной ренты] .... 69—93

[а) Первое положение Родбертуса] .... 70—72

[б) Второе положение Родбертуса] .... 73—86

[в) Третье положение Родбертуса] .... 86—93

[8) Действительный смысл закона, извращенного Родбертусом] .... 93—96

[9) Дифференциальная рента и абсолютная рента в их соотношении. Исторический характер земельной ренты. К вопросу о методе исследования у Смита и Рикардо] .... 96—111

[10) Норма ренты и норма прибыли. Соотношение между производительностью земледелия и производительностью промышленности на различных ступенях исторического развития] .... 111—118

[Глава девятая] ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ ТАК НАЗЫВАЕМОГО РИКАРДОВСКОГО ЗАКОНА ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ. [ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О РОДБЕРТУСЕ] (ОТСТУПЛЕНИЕ) .... 119—172

[1) Открытие закона дифференциальной ренты Андерсоном. Извращение взглядов Андерсона в интересах земельных собственников у его плагиатора — Мальтуса] .... 119—122

[2) Требование развития производительных сил как основной принцип Рикардо в оценке экономических явлений. Апологетика наиболее реакционных элементов господствующих классов у Мальтуса. Фактическое опровержение мальтусовской теории народонаселения Дарвином] .... 123—127

[3) Искажение истории взглядов на земельную ренту Рошером. Примеры научного беспристрастия Рикардо. Рента при вложении капитала в землю и рента при использовании других элементов природы. Двоякое действие конкуренции] .... 127—133

[4) Ошибка Родбертуса по вопросу о соотношении между стоимостью и прибавочной стоимостью в случае вздорожания продукта] .... 133—136

[5) Отрицание абсолютной ренты у Рикардо как следствие его ошибок в теории стоимости] .... 136—140

[6) Положение Рикардо о постоянном повышении цен на хлеб. Таблица среднегодовых цен на хлеб с 1641 года по 1859 год] .... 140—143

[7) Догадка Гопкинса о различии между абсолютной и дифференциальной рентой; объяснение земельной ренты частной собственностью на землю] ..... 143—150

[8) Издержки по расчистке под пашню не подвергавшейся обработке земли. Периоды повышения цен на хлеб и периоды их понижения (1641—1859 гг.)] .... 150—154

[9) Андерсон против Мальтуса. Земельная рента в понимании Андерсона. Положение Андерсона о повышающейся производительности земледелия и ее влиянии на дифференциальную ренту] .... 154—159

[10) Несостоятельность родбертусовской критики теории ренты Рикардо. Непонимание Родбертусом особенностей капиталистического земледелия] .. 159—172

[Глава десятая] ТЕОРИЯ ЦЕНЫ ИЗДЕРЖЕК У РИКАРДО И АДАМА СМИТА (ОПРОВЕРЖЕНИЕ) .... 173—254

[А. Теория цены издержек у Рикардо] .... 173—234

[1) Крушение теории физиократов и дальнейшее развитие взглядов на земельную ренту] .... 173—176

[2) Определение стоимости рабочим временем, как основное положение теории Рикардо. Рикардовский [метод исследования, как необходимая ступень в развитии экономической науки, и его недостатки. Неправильная архитектоника книги Рикардо] .... 176—182

[3) Путаница у Рикардо в вопросе об абсолютной и относительной стоимости. Непонимание им формы стоимости] .... 182—186

[4)] Трактовка прибыли, нормы прибыли, средних цен и т. д. у Рикардо .... 186—219

[а) Смешение у Рикардо постоянного капитала с основным и переменного капитала с оборотным. Неправильная постановка вопроса об изменении «относительных стоимостей» и его факторах] .... 186—204

[б) Смешение у Рикардо цены издержек со стоимостью и проистекающие отсюда противоречия в его теории стоимости. Непонимание им процесса выравнивания нормы прибыли и превращения стоимостей в цены издержек] .... 204—219

[5)] Средние цены, или цены издержек, и рыночные цены .... 219—234

[а) Вводные замечания: индивидуальная стоимость и рыночная стоимость; рыночная стоимость и рыночная цена] .... 219—223

[б) Смешение у Рикардо процесса образования рыночной стоимости внутри одной и той же сферы производства и процесса образования цены издержек в различных сферах производства] .... 223—228

[в) Два различных определения «естественной цены» у Рикардо. Изменения цен издержек в зависимости от изменений в производительности труда] .... 228—234

[Б. Теория цены издержек у Смита] .... 234—254

[1) Ошибочные предпосылки теории цены издержек у Смита. Непоследовательность Рикардо, сохранившего смитовское отождествление стоимости и цены издержек] .... 234—240

[2) Теория Смита о «естественной норме» заработной платы, прибыли и ренты] .... 240—254

[Глава одиннадцатая] ТЕОРИЯ РЕНТЫ РИКАРДО .... 255—270

[1) Исторические условия развития теории ренты у Андерсона и Рикардо] .... 255—259

[2) Связь теории ренты Рикардо с его трактовкой цены издержек] .... 260—264

[3) Неудовлетворительность рикардовского определения. ренты] .... 264—270

[Глава двенадцатая] ТАБЛИЦЫ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ РЕНТЫ С ПОЯСНЕНИЯМИ .... 271—335

[1) Изменения в массе и норме ренты] .... 271—274

[2) Различные сочетания дифференциальной и абсолютной ренты. Таблицы *A, B, C, D, E*] .... 274—292

[3) Анализ таблиц] .... 292—335

[а)] К таблице А [Соотношения между индивидуальной стоимостью в различных разрядах и рыночной стоимостью] .... 292—295

[б) Связь теории ренты Рикардо с концепцией убывающей производительности земледелия. Изменения нормы абсолютной ренты в их соотношении с изменениями нормы прибыли] .... 295—298

[в)] Рассмотрение влияния изменения стоимости жизненных средств и сырья (следовательно, также и стоимости машин) на органическое строение капитала .... 298—314

[г) Изменения совокупной ренты в зависимости от изменений рыночной стоимости] .... 314—335

[Глава тринадцатая] ТЕОРИЯ РЕНТЫ РИКАРДО [ОКОНЧАНИЕ] .... 336—375

[1) Рикардовская предпосылка отсутствия собственности на землю. Переход к новым земельным участкам в зависимости от их местоположения и плодородия] .... 336—342

[2) Рикардовское положение о невозможности влияния ренты на цену хлеба. Абсолютная рента как причина повышения цены земледельческого продукта] .... 342—347

[3) Концепция «естественной цены» земледельческого продукта у Смита и Рикардо] .... 347—350

[4) Взгляды Рикардо на улучшения в земледелии. Непонимание им экономических последствий изменений в органическом строении земледельческого капитала] .... 350—362

[5) Рикардовская критика взглядов Смита на ренту и некоторых положений Мальтуса] .... 362—375

[Глава четырнадцатая] ТЕОРИЯ РЕНТЫ А. СМИТА .... 376—410

[1) Противоречия у Смита в постановке проблемы ренты] .... 376—389

[2) Положение Смита об особом характере спроса на земледельческий продукт. Физиократический элемент в теории ренты Смита] .... 389—394

[3) Смитовская трактовка соотношения между предложением и спросом у различных видов продуктов земли. Выводы Смита для теории ренты] .... 395—403

[4) Смитовский анализ изменений цен на продукты земли] .... 403—409

[5) Взгляд Смита на движение ренты и его оценка интересов различных общественных классов] .... 409—410

[Глава пятнадцатая] РИКАРДОВСКАЯ ТЕОРИЯ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ .... 411—470

[А. Связь представлений Рикардо о прибавочной стоимости с его взглядами на прибыль и ренту] .... 411—436

[1) Смешение законов прибавочной стоимости с законами прибыли у Рикардо] .... 411—417

[2) Различные случаи изменения нормы прибыли] .... 418—421

[3) Противоположные друг другу изменения в стоимости постоянного и переменного капитала и их влияние на норму прибыли] .... 421—424

[4) Смешение цены издержек со стоимостью в рикардовской теории прибыли] .... 424—426

[5) Общая норма прибыли и норма абсолютной ренты в их соотношениях между собой. Влияние понижения заработной платы на цены издержек] .... 426—436

[Б. Проблема прибавочной стоимости у Рикардо] .... 436—470

1) Количество труда и стоимость труда. [Неразрешимость проблемы обмена труда на капитал в ее рикардовской постановке] .... 436—441

2) Стоимость рабочей силы. Стоимость труда. [Смешение у Рикардо труда и рабочей силы. Концепция «естественной цены труда»] .... 441—446

3) Прибавочная стоимость. [Отсутствие у Рикардо анализа происхождения прибавочной стоимости. Рикардовсклй взгляд на рабочий день как на постоянную величину] .... 446—461

4) Относительная прибавочная стоимость. [Анализ относительной заработной платы как научная заслуга Рикардо] .... 461—470

[Глава шестнадцатая] РИКАРДОВСКАЯ ТЕОРИЯ ПРИБЫЛИ .... 471—522

[1) Отдельные случаи различения между прибылью и прибавочной стоимостью у Рикардо] .... 471—478

[2)] Образование общей нормы прибыли («средней прибыли», или «обычной прибыли») .... 478—484

[а) Заранее данная средняя норма прибыли как исходный пункт рикардовской теории прибыли] .... 478—482

[б) Ошибки Рикардо в вопросе о влиянии колониальной и вообще внешней торговли на норму прибыли] .... 482—484

[3)] Закон падения нормы прибыли .... 484—522

[а) Ошибочные предпосылки рикардовской концепции падения нормы прибыли] .... 484—486

[б) Анализ положения Рикардо о постепенном поглощении прибыли возрастающей рентой] .... 486—498

[в) Превращение части прибыли и части капитала в ренту. Изменения величины ренты в зависимости от изменений количества труда, применяемого в земледелии] .... 498—510

[г) Историческая иллюстрация повышения нормы прибыли при одновременном повышении цен на земледельческие продукты. Возможности роста производительности труда в земледелии] .... 510—512

[д) Трактовка падения нормы прибыли у Рикардо и ее связь с его теорией ренты] .... 512—522

[Глава семнадцатая] РИКАРДОВСКАЯ ТЕОРИЯ НАКОПЛЕНИЯ. КРИТИКА ЕЕ. ВЫВЕДЕНИЕ КРИЗИСОВ ИЗ ОСНОВНОЙ ФОРМЫ КАПИТАЛА .... 523—606

[1) Ошибка Смита и Рикардо, упускавших из виду постоянный капитал. Воспроизводство различных частей постоянного капитала] .... 523—527

[2) Стоимость постоянного капитала и стоимость продукта] .... 527—530

[3) Необходимые условия накопления капитала. Амортизация основного капитала и ее роль в процессе накопления] .... 530—534

[4) Связь между отраслями производства в процессе накопления. Непосредственное превращение части прибавочной стоимости в постоянный капитал как особенность накопления в земледелии и в машиностроении] .... 534—544

[5) Превращение капитализируемой прибавочной стоимости в постоянный и переменный капитал] .... 544—547

[6) Проблема кризисов (вводные замечания). Разрушение капитала при кризисах] .... 547—552

[7) Нелепость отрицания перепроизводства товаров при одновременном признании избытка капитала] .... 552—555

[8) Отрицание всеобщего перепроизводства у Рикардо. Возможность кризиса, заложенная во внутренних противоречиях товара и денег] .... 555—562

[9) Ошибочный взгляд Рикардо на соотношение между производством и потреблением при капитализме] .... 562—564

[10) Превращение возможности кризиса в действительность. Кризис как проявление всех противоречий буржуазной экономики] .... 564—571

[11) К вопросу о формах кризиса] .... 571—575

[12) Противоречие между производством и потреблением в условиях капитализма. Превращение перепроизводства ведущих предметов потребления во всеобщее перепроизводство] .... 575—582

[13) Несоответствие между расширением производства и расширением рынка. Рикардовская концепция неограниченных возможностей для роста потребления и для расширения внутреннего рынка] .... 582—586

[14) Противоречие между безудержным развитием производительных сил и ограниченностью потребления масс как основа перепроизводства. Апологетическая сущность теории о невозможности всеобщего перепроизводства] .... 586—594

[15) Взгляды Рикардо на различные способы накопления капитала и на экономические последствия накопления] .... 594—606

[Глава восемнадцатая] РАЗНОЕ У РИКАРДО. ДЖОН БАРТОН .... 607—648

[А.] Валовой и чистый доход .... 607—611

[Б.] Машины [Вопрос о влиянии машин на положение рабочего класса у Рикардо и у Бартона] .... 611—648

[1) Взгляды Рикардо] .... 611—639

[а) Первоначальная догадка Рикардо о вытеснении части рабочих машинами] .... 611—613

[б) Рикардо о влиянии усовершенствований в производстве на стоимость товаров. Ошибочное положение о высвобождении фонда заработной платы для уволенных рабочих] .... 613—615

[в) Научная добросовестность Рикардо, пересмотревшего свои взгляды по вопросу о машинах. Прежние ошибочные предпосылки, сохранившиеся у Рикардо в его новой постановке вопроса] .... 616—626

[г) Правильное констатирование у Рикардо некоторых последствий введения машин для рабочего класса. Наличие апологетических представлений в рикардовской трактовке проблемы] .... 626—639

[2) Взгляды Бартона] .... 639—648

[а) Положение Бартона об относительном уменьшении спроса на труд в ходе накопления капитала. Непонимание Бартоном и Рикардо внутренней связи этого явления с господством капитала над трудом] .... 639—644

[б) Взгляды Бартона на движение заработной платы и рост рабочего населения] .... 644—648

ПРИЛОЖЕНИЯ

[1) Ранняя формулировка тезиса о постоянном соответствии между предложением и спросом в сельском хозяйстве. Родбертус и экономисты-практики XVIII века] .... 651—652

[2) Натаниел Форстер о вражде между земельными собственницами и промышленниками] 653

[3) Взгляд Гопкинса на соотношение между рентой и прибылью] 654

[4) Кэри, Мальтус и Джемс Дикон Юм об улучшениях в земледелии] .... 655—656

[5) Годскин и Андерсон о росте производительности земледельческого труда] 657

[6)] Уменьшение нормы прибыли 658

Примечания .... 661—681

Указатель имен .... 682—686

Указатель цитируемой и упоминаемой литературы .... 687—693

Указатель русских переводов цитируемых книг .... 694—695

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Первая страница второй части рукописи К. Маркса «Теории прибавочной стоимости» (страница 445 в X тетради рукописи 1861—1863 годов) 5

Страница рукописи К. Маркса «Теории прибавочной стоимости» с таблицами среднегодовых цен на пшеницу за годы 1641— 1749 145

Том подготовили к печати

В. К. Брушлинский и *И. И. Прейс*

при участии *В. С. Выгодского*

Технический редактор *Ц. Л. Бейлина*
Корректоры *Г. А. Карликова* и *Н. Д. Черединцева*

*

Сдано в набор 21 ноября 1962 г. Подписано
к печати 21 марта 1963 г. Формат 60×92 $^{1}/_{16}$.
Физ. печ. л. 44 $^{1}/_{4}$ + 1 вклейка ($^{3}/_{8}$ п. л.).
Условн. печ. л. 44,62. Уч.-изд. л. 45,97.
Тираж 115 тыс. экз. Заказ № 8.
Цена 1 руб.

*

Государственное издательство
политической литературы.
Москва, А-47, Миусская пл., 7.

*

Ленинградский Совет народного хозяйства.
Управление целлюлозно-бумажной
и полиграфической промышленности.

Типография № 1 «Печатный Двор»
им. А. *М. Горького.*
Ленинград, Гатчинская, 26.